This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОМОЩЬ

Слава понимающему бѣднаго!
въ день бѣдствія Господь из
и его. Псаломъ XLI, 2.

ПОМОЩЬ

ЕВРЕЯМЪ

пострадавшимъ отъ неурожая.

Литературно-Художественный Сборникъ.

С.-Петербургъ. 1901.

Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин. кан. 94.

Оглавленіе.

стр.

I. **Отъ Редакціи** V
II. Нѣсколько словъ по поводу Сборника *Вл. Потемкинъ* VII
1. Огоньки. *Вл. Короленко* 1
2. Какъ я труса праздновалъ. *Акад. Ив. Янжулъ* 2
3. Старый еврей. *Н. Гаринъ* 10
4. Мученикъ нашихъ дней. Стих. *М. Лохвицкая* 14
5. Въ защиту евреевъ. *Э. Зола.* (Перев. Р. М. Хинъ) 15
6. Профессоръ гуманистъ. *Проф. В. Бузескулъ* 23
7. Общества взаимопомощи въ Италіи. *Проф. А. Чупровъ* 30
8. Цвѣтокъ. Стих. *К. Бальмонтъ* 55
9. Изъ письма къ Н. К. Рейненкампфу. *Проф. Б. Чичеринъ* 56
10. Неизданное стихотвореніе. *С. Я. Надсона* 63
11. Творчество природы и творчество человѣка. *Проф. К. Тимирязевъ* 64
12. Новыя данныя о Ж. Ж. Руссо. *Проф. М. Ковалевскій* 69
13. Ферганскій Орленокъ. *Л. Мельшинъ* 77
14. Больные писатели и патологическое творчество. *Д-ръ Н. Баженовъ* 96
15. Реставраціонный идеализмъ Гегеля въ изображеніи Гайма. *Пр.-доц. П. Новгородцевъ.* 119
16. Невинные. *Семенъ Юшкевичъ* 127
17. Къ литературно-общественной исторіи крестьянскаго вопроса. *Петръ Струве* . . 139
18. На Гудауръ. *Петръ Кожевниковъ* 154
19. Участіе органовъ чувствъ въ работѣ рукъ у зрячаго и слѣпого. *Проф. П. Сѣченовъ.* 168
20. Сонъ на чужбинѣ. Стих. *П. Я.* 172
21. Ограбленныя слова. *П. Обнинскій* 174
22. Горе. *Кн. В. Барятинскій* 184
23. Къ вопросу о законодательномъ регулированіи домашней промышленности. *Пр.-доц. С. Булгаковъ* 189
24. Изъ записной книжки стараго любителя природы. *А. Дьяковъ* 196
25. „Изъ Гезіода". *В. Вересаевъ* 213
26. Изъ исторіи вѣротерпимости. *Проф. В. Герье* 214
27. Соринка. *Вѣра Потемкина* 224
28. Русская утопія XVIII столѣтія. *Пр.-доц. А. Кизеветтеръ* 231
29. Россія. *Георгъ Брандесъ.* (Перев. Р. М. Хинъ) 247
30. Философія Донъ-Кихота. *Проф. Н. Стороженко* 249
31. Памяти И. И. Левитана. Стих. *Т. Щепкина-Куперникъ* 261
32. П. В. Шейнъ. *А. Е. Грузинскій* 263
33. Изъ новой литературы о Бастиліи. *Н. В. Тепловъ* 271
34. Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ въ Австріи и Германіи. *Владиміръ Соловьевъ* 283

стр.
35. Именемъ любви. Стих. *П. Я.* 302
36. Бисмаркъ и Лассаль. *А. Дживелеговъ* 304
37. Соединенные. Стих. *К. Бальмонтъ* 314
38. Антигона и Креонтъ. *Проф. Ѳ. Мищенко* 315
39. Праздникъ свободы. Стих. *К. Бальмонтъ* 329
40. О законѣ паденія нормы прибыли Маркса. *Пр.-доц. М. Туганъ-Барановскій.* . . 330
41. Слѣды непосредственнаго вліянія евреевъ, сказавшіеся на памятникахъ древнерусской письменности. *Пр.-доц. С. Шамбинаго* 337
42. Раса и Традиція. *Ж. Дармстетеръ.* (Перев. Ел. Герье). 345
43. Историческое значеніе проповѣднической литературы во Франціи XIII вѣка. *Пр.-доц. С. Котляревскій* 354
44. Евреи въ изображеніи современныхъ французскихъ беллетристовъ. *Юрій Веселовскій.* 366
45. Іудеи при Маккавеяхъ и Асмонеяхъ. *Н. Никольскій* 407
46. Погромъ. *М. Горькій* 426
47. Сіонизмъ. *Максъ Нордау.* (Перев. М. Лунцъ). 432
48. Замѣтка о первоначальномъ накопленіи въ изображеніи Маркса. *Александръ Савинъ.* 442
49. Школьныя литературныя общества 20-хъ гг. XIX в. *Вл. Каллашъ* 455
50. Основныя черты творчества Джотто по его произведеніямъ въ верхней церкви S. Francesco въ Assisi. *Пр.-доц. Н. Романовъ.* 459
51. Изъ писемъ путешественника. *В. Б.* (А. И. Герценъ) 471
52. Эстетика. *А. Веробцкая* 476
53. Въ сумеркахъ. Стих. *Вл. Нежданов* 493
54. Настоящее положеніе еврейскаго вопроса. *А. Субботинъ* 494

Автографы и Рисунки.

Автографы.

1. Письмо *Э. Зола* въ редакцію Сборника.
2. Письма *И. С. Тургенева* къ московскому экипажному мастеру Ильину (доставлены кн. А. И. Урусовымъ).
3. Письма *А. И. Герцена* (доставлены кн. А. И. Урусовымъ).

Рисунки.

1. *Л. Пастернакъ.* Этюдъ еврея.
2. *В. Сѣровъ.* Этюдъ головы.
3. *В. Переплетчиковъ.* Пейзажъ.
4. *А. Архиповъ.* Задворки.
5. *С. Ивановъ.* Оборвышъ.
6. *В. Поленовъ.* Пейзажъ.
7. *И. Левитанъ.* Пейзажъ.
8. *Л. Пастернакъ.* Этюдъ казака.
9. *И. Рѣпинъ.* Крестьянинъ и Смерть.
10. *В. Сѣровъ.* Этюдъ лошади.

Отъ Редакціи.

Неурожай, постигшій въ 1899 году южныя губерніи Россіи, тяжело отозвался на экономическомъ положеніи мѣстнаго крестьянскаго и еврейскаго населенія. Ремесленники, рабочіе, мелкіе торговцы, посредники въ хлѣбной торговлѣ,—евреи испытали на себѣ всѣ бѣдствія края, живущаго однимъ лишь хлѣбомъ. Нѣтъ урожая, нѣтъ и заработковъ: вмѣстѣ съ недородомъ замираетъ жизнь всѣхъ группъ населенія, тѣсно связанныхъ съ благополучіемъ крестьянства.

При первыхъ извѣстіяхъ о нуждѣ еврейской массы обществомъ и печатью организованъ былъ сборъ пожертвованій, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что на долю евреевъ могли достаться лишь крохи правительственной и земской субсидіи. Въ это время, весною 1900 г., по иниціативѣ христіанъ возникла мысль придти на помощь нуждающимся евреямъ изданіемъ благотворительнаго сборника. Участіе въ немъ должны были принять лица христіанскаго вѣроисповѣданія, доходъ же предположено было обратить на усиленіе средствъ трудовой помощи въ пострадавшемъ районѣ. Такъ возникло настоящее изданіе. Обиліе матеріала, переписка съ авторами, печатаніе въ разныхъ городахъ (въ Петербургѣ и Москвѣ) задержали выходъ Сборника въ свѣтъ, и вмѣсто обѣщаннаго срока его удалось выпустить лишь къ лѣту 1901 г. Событія показали однако, что **„Помощь“** пришла не слишкомъ поздно. Не успѣло населеніе отдохнуть отъ постигшаго его бѣдствія,—появились вѣсти о новой нуждѣ, вызванной новымъ неурожаемъ въ тѣхъ же южныхъ губерніяхъ. Если размѣрами своими, по распространенію, прошлогодняя нужда была и шире нынѣшней, то по напряженности своей она теперь оказалась острѣе. Надъ истощеннымъ отъ недоѣданія населеніемъ разразился тифъ. Потребовалось не только усиленное продовольствіе, но и широкая медицинская помощь. Между тѣмъ благотворительныя средства изсякли: вездѣ стало обнаруживаться равнодушіе, или, вѣрнѣе, притупленность состраданія, столь характерная для настроенія общества за послѣдніе голодные годы. При такихъ условіяхъ появленіе Сборника совпало съ самымъ тяжелымъ моментомъ нужды, переживаемой мѣстнымъ населеніемъ. Средства борьбы съ бѣдствіемъ такъ разнообразны, и потребности края такъ велики, что редакція не рѣшилась

заранѣе опредѣлить наиболѣе подходя... стр.
подскажетъ, какъ помочь пострадавшимъ. 302
Составители Сборника были бы счастли 304
изданія позволилъ облегчить тяжелый жребій 314
каковъ бы ни былъ этотъ успѣхъ,—несравненно 315
удовлетвореніе, которое дастъ Сборникъ лучшей части 329
Типанъ-Барановскій. . . . . . 3..

На призывъ къ помощи съ готовностью откликнулись выдающіеся дѣятели науки и искусства, и въ ихъ длинномъ ряду читатели встрѣтили бы имена Рудольфа Вирхова, Цезаря Ломброзо и другихъ, если бы обстоятельства не заставили редакцію поспѣшить выходомъ и безъ того запоздавшаго изданія. Это трогательное участіе къ нуждѣ бѣдствующихъ евреевъ дастъ глубокое нравственное утѣшеніе всѣмъ, кто задумывается надъ судьбами Израиля: весь почти матеріалъ Сборника, за крайне немногими исключеніями, принадлежитъ авторамъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Редакція хочетъ вѣрить, что **„Помощь“**, возникшая по иниціативѣ христіанъ, проникнутая христіанской идеей и выполненная силами однихъ почти христіанъ, будетъ не послѣднимъ проявленіемъ безкорыстной любви къ труждающемуся и обремененному еврейству. Во имя этой любви, этой высшей справедливости, редакція Сборника горячо благодаритъ всѣхъ участниковъ изданія, всѣхъ, кто способствовалъ его успѣху и помогъ довести начатое дѣло до конца.

Сборникъ изданъ на частныя средства. Редакція приноситъ искреннюю свою признательность неизвѣстному ей лицу, пожертвовавшему на изданіе 1000 рублей. За незначительными исключеніями помѣщенныя въ Сборникѣ статьи и рисунки впервые появляются въ печати. Автографы писемъ А. И. Герцена и И. С. Тургенева доставилъ редакціи изъ своего собранія кн. А. И. Урусовъ, живо интересовавшійся судьбою Сборника. Рисунки исполнены подъ наблюденіемъ Л. О. Пастернака, перу котораго принадлежитъ и обложка изданія. Текстъ книги печатался въ Петербургѣ въ типографіи И. Гольдберга; рисунки и обложка—въ Москвѣ въ типографіи А. И. Мамонтова. Клише исполнены у Шерера и Набгольцъ, Фишера — въ Москвѣ, у Зеемана—въ Лейпцигѣ. Спѣшное печатаніе Сборника не позволило редакціи, находившейся въ Москвѣ, избѣгнуть нѣсколькихъ досадныхъ промаховъ и опечатокъ, въ чемъ проситъ извиненія у авторовъ и читателей книги.

Москва, Май 1901 г.

Отъ

Нѣсколько словъ по поводу Сборника.

Еврейскому населенію южной Россіи пришлось пережить тяжелое бѣдствіе. Неурожаи 1899 и 1900 гг., постигшіе значительную область Херсонской и Бессарабской губерній, вызвали полнѣйшій застой мѣстной промышленной и коммерческой дѣятельности, — и огромная масса скученныхъ тамъ евреевъ-ремесленниковъ и посредниковъ, чернорабочихъ и мелкихъ торговцевъ, колонистовъ и арендаторовъ оказалась лишенною всякихъ средствъ къ существованію. Крайняя необезпеченность ея вскрылась силою экономической случайности, и кризисъ на такой почвѣ пріобрѣлъ всеобщій и чрезвычайно острый характеръ. Христіанскими столовыми евреи не могли пользоваться по ритуальнымъ причинамъ,—и тысячи людей оставались безъ хлѣба и топлива. Къ началу апрѣля нынѣшняго года Одесскимъ комитетомъ было зарегистровано до 25 тыс. нуждающихся, не считая Тираспольскаго уѣзда и значительной части еврейскихъ колоній. Многіе еще скрывали свою нищету, стыдясь ее, какъ позора, и не рѣшаясь принимать даровую помощь [1]). Чтобы не прибѣгать къ ней, одни продавали все, что имѣютъ—утварь, платье, даже бѣлье,—и жили почти нагіе въ сырыхъ и холодныхъ лачугахъ [2]); другіе, у которыхъ ничего не было больше, съ плачемъ просили хоть какой-нибудь работы, готовые за 8 коп. сшить пиджакъ, за жалкіе гроши рыть землю или дробить камень въ каменоломняхъ [3]). 5 фунтовъ муки на семью въ недѣлю было уже великимъ счастьемъ — но, видно, не всякому выпадало оно на долю, если тифъ и цынга распространялись въ пострадавшихъ мѣстностяхъ, такъ что врачу, посѣтившему этотъ районъ, приходилось видѣть цѣлыя семьи, поголовно пораженныя жестокой болѣзнью [4]).

Открылась продовольственная кампанія, нашлись люди, чтобы лечить больныхъ, чтобы дать хлѣба здоровымъ. Первая помощь пострадавшимъ будетъ оказана,—но на смѣну симптоматической борьбѣ съ глубокимъ общественнымъ недугомъ должно явиться раціональное его леченіе. Все зло—въ зависимости еврейской массы отъ случая,—и на ослабленіе этой зависимости, на уничтоженіе причинъ, а не слѣдствій зла должны быть направлены теперь самыя дѣятельныя усилія благотворительности.

---

[1]) „Восходъ", №
[2]) Тамъ же, ст
[3]) „Восходъ".
[4]) „Русс

Правда, не слѣдуетъ обманывать себя на счетъ дѣйствительной силы подобной помощи. То, что происходитъ теперь на Югѣ, явилось не болѣе, какъ обостреннымъ моментомъ общаго положенія евреевъ, давно создавшагося въ предѣлахъ ихъ осѣдлости. Тамъ, гдѣ 90% населенія при обычныхъ условіяхъ должны быть отнесены къ категоріи безнадежнаго пролетаріата, а до 75% иногда вовсе не имѣютъ занятій, гдѣ корреспондентъ враждебной къ евреямъ столичной газеты съ невольнымъ ужасомъ видитъ дѣтей, живущихъ въ темныхъ, лишенныхъ оконъ подвалахъ [1], гдѣ люди, засыпая, не знаютъ, будетъ ли у нихъ завтра хоть черствая корка хлѣба, хоть одна сухая луковица,—тамъ всякая частная благотворительность останется только палліативомъ. Лишь общія государственныя мѣропріятія могутъ въ корнѣ измѣнить столь ненормальныя условія и облегчить участь многомилліоннаго населенія „черты".

Происхожденіе и задачи Сборника извѣстны. Какъ идейный починъ изданія, такъ и весь почти литературный матеріалъ для него принадлежатъ, исключительно, лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Въ этомъ главная особенность настоящаго Сборника. Его появленіе есть одна изъ попытокъ загладить исконную несправедливость нашу по отношенію къ евреямъ и вмѣстѣ искупить, хотя сколько-нибудь, великую нравственную вину, тяготѣющую надъ христіанскимъ міромъ. Ибо вопіющимъ грѣхомъ его, гибельной ложью въ самой его основѣ остается непримиримое противорѣчіе между словомъ нашимъ и дѣломъ. Христіанскій идеалъ святъ и прекрасенъ,—но ни еврей, ни другой кто изъ иновѣрцевъ не могутъ оцѣнить его по достоинству, прежде чѣмъ для насъ самихъ онъ не возымѣетъ прямого практическаго значенія, безусловной жизненной обязательности.

„Любите недруговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ" — говоритъ намъ заповѣдь Христова. Можемъ ли мы послѣ этого съ враждою относиться къ народу, которому исторически мы обязаны лучшимъ сокровищемъ нашего духовнаго содержанія, который до настоящаго времени, несмотря на тяжкія условія своего существованія, неизмѣнно продолжаетъ давать обществу множество полезныхъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія человѣчеству?.. Помощь этому народу есть въ то же время плодотворная работа для будущаго. Послѣднее слово еврейской культуры далеко еще не произнесено—и кто знаетъ, какое мѣсто въ грядущихъ судьбахъ міра займетъ домъ Израилевъ, внѣшнее ничтожество котораго и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ вызывало насмѣшки и пренебреженіе?

И пусть не говорятъ евреямъ, что только отрѣшившись отъ своихъ національныхъ особенностей могутъ они мирно вступить въ семью арійскихъ народовъ. Высшее выраженіе еврейской національности всегда было общечеловѣческимъ: съ этой стороны пресловутая „ассимиляція" іудейства

[1] „Новое Время" № 8931, отъ 7 янв. 1901 г.

есть давно совершившійся фактъ. Развѣ не стали преданія вѣры древняго Израиля книгою книгъ христіанскаго міра? Развѣ мало еврейскихъ именъ сохранила намъ позднѣйшая исторія? Нѣтъ нужды перечислять эти имена— они извѣстны каждому,—но чѣмъ менѣе общаго между Спинозой и Фердинандомъ Лассалемъ, Ротшильдами и Генрихомъ Гейне, тѣмъ очевиднѣе выступаетъ въ ихъ различіи изумительная способность еврейства отвѣчать на самыя разнообразныя требованія времени. Въ этомъ—доказательство неистощимой его жизненности, залогъ лучшаго будущаго, которое ждетъ его впереди.

Самую глубокую вѣру въ положительное будущее іудейства всегда обнаруживалъ В. С. Соловьевъ, — и въ настоящемъ случаѣ словомъ горячей признательности необходимо помянуть того, въ философско-историческомъ міросозерцаніи и въ чаяніяхъ котораго „еврейскому вопросу" принадлежало, безспорно, одно изъ центральныхъ мѣстъ. Полнота іудейства была для В. С. полнотою и христіанскаго вѣроученія (Еврейство и Христіанскій вопросъ. М. 1884). Грядущій Израиль долженъ былъ, по его мнѣнію, явиться дѣятельнымъ посредникомъ для созданія новой жизни, гдѣ правда живетъ,— и всестороннему разъясненію этой идеи В. С. отдавалъ лучшія силы своего ума, блистательнѣйшія способности своего замѣчательнаго литературнаго дарованія. Въ отношеніи нашемъ къ евреямъ онъ видѣлъ или „ревность не по разуму", или „дряхлый и безсильный индифферентизмъ"; въ связи съ этимъ весь нравственный строй нашъ представлялся ему грубымъ лицемѣріемъ,— и съ пламеннымъ негодованіемъ моралиста обличая это зло, неутомимо и страстно требуя признанія попираемаго человѣческаго достоинства евреевъ, В. С., даже умирая, словами древнихъ псалмовъ Израиля молился за гонимый народъ.

Не одинокимъ сѣятелемъ разумнаго прошелъ Вл. Соловьевъ, и на добрую землю пали его сѣмена. Дружно встаютъ на работу новыя силы и, во исполненіе лучшихъ завѣтовъ покойнаго, радостно несутъ безкорыстный трудъ свой на дѣло любви и искупленія. Правда и человѣчность соединяются въ этомъ починѣ; вѣрными свидѣтелями подкрѣплено его высокое значеніе,—и, подъ защитой моральнаго ихъ авторитета, оно твердо, ясно и неуязвимо.

Пусть же замолкнетъ передъ этимъ единодушіемъ голосъ національной вражды. Пусть утѣшеніе и миръ прольетъ оно въ душу пострадавшихъ. Дѣло братской любви побѣждаетъ неизмѣнно: себялюбіе и злоба блѣднѣютъ передъ его зарею,—и въ близкомъ торжествѣ лучезарнаго свѣта сгинетъ, исчезнетъ, какъ тѣнь, мрачное наслѣдіе вѣковъ.

Владиміръ Потемкинъ.

Л. Пастернакъ. Этюдъ еврея.

Огоньки.

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

Мелькнулъ ярко, сильно, совсѣмъ близко...

— Ну, слава Богу! — сказалъ я съ радостью, — деревня, близко ночлегъ!

Гребецъ-сибирякъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весло.

— Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огней—приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ,—и путь конченъ... А между тѣмъ—далеко!..

И долго еще мы плыли по угрюмой и мрачной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня,—все такъ же близко, и все такъ же далеко...

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше и послѣ манили не одного меня своею близостію. Но—жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди—огни!..

Вл. Короленко.

4 Мая 1900 г.

Какъ я труса праздновалъ.

Я отнюдь не принадлежу къ числу людей особенно нервныхъ или трусливыхъ. Нѣсколько разъ въ жизни мнѣ приходилось очутиться въ положеніи, опасномъ для моей жизни (разъ во время пожара, другой—тонулъ въ рѣкѣ), и я не только не растерялся, но первый изъ присутствовавшихъ нашелся и, благодаря хладнокровію, выбрался благополучно изъ опасности. Все это вмѣстѣ развило во мнѣ нѣкоторое самомнѣніе и я началъ думать слишкомъ много о моей смѣлости или безбоязненности, но—увы! опытъ жизни показалъ скоро, что „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“ и что я такъ же могу растеряться и струсить, какъ всякій другой на моемъ мѣстѣ, и что все зависитъ отъ минуты и даннаго настроенія; какъ Крезъ не долженъ былъ, по совѣтамъ мудраго Солона, называть себя счастливымъ, пока не придетъ смерть, точно также никто не долженъ раньше этого финала своей жизни называть себя неспособнымъ оробѣть или даже потерять голову, когда будутъ для того подходящія условія! Разскажу одно забавное приключеніе изъ моей заграничной жизни.

Зиму 1880—81 г. мнѣ пришлось провести въ Лондонѣ, усердно занимаясь въ библіотекѣ Британскаго музея. Я прожилъ тамъ, въ сложности, тогда около года, и за это время нѣсколько русскихъ, преимущественно изъ учащейся молодежи, то появлялись на моемъ горизонтѣ, въ стѣнахъ Британскаго музея, то покидали его, но никому изъ нихъ я не былъ такъ радъ, какъ пріѣзду моего стараго милаго пріятеля, нынѣ уже давно умершаго, Николая Ивановича Зибера—извѣстнаго нашего экономиста и когда-то кіевскаго профессора. Большая часть жизни этого замѣчательнаго русскаго человѣка (несмотря на его иностранное подданство) прошла въ Бернѣ—въ Швейцаріи, гдѣ онъ изнывалъ часто безъ дѣла при отсутствіи тамъ хорошей библіотеки. Ему давно слѣдовало добраться до сокровищницъ Британскаго музея, но Лондонъ своей величиной, своимъ шумомъ, всѣмъ темпомъ своей бойкой городской жизни пугалъ робкаго и нервнаго Н. И., и сравнительно лишь поздно, благодаря отчасти моимъ совѣтамъ и настояніямъ, онъ рѣшился пріѣхать въ столь страшный для него городъ Лондонъ, гдѣ уже я находился и гдѣ мнѣ пришлось его устраивать. Я приготовилъ комнату и помѣстилъ его въ томъ же самомъ домѣ Alfred Place, Tottenham Court Road, весьма близко отъ Британскаго музея, гдѣ я самъ жилъ съ женою и гдѣ по сосѣдству проживало еще нѣсколько русскихъ изъ учащейся братіи. Домъ, въ которомъ мы обитали съ Зиберомъ, по англійскимъ обычаямъ хотя и трехъэтажный, но представлялъ собою одну квартиру, снятую нѣкоею г-жею Джонсонъ. Мы тамъ имѣли двѣ прекрасныя комнаты за очень скромную цѣну и такъ же удачно помѣстили и Зибера, тѣмъ болѣе, что значительная часть квартиры по неизвѣстнымъ намъ причинамъ пустовала. Какъ оказалось это впослѣдствіи, г-жа Джонсонъ, которую лично мы мало знали, очень худощавая и пожилая дама съ какимъ-то пугливымъ взглядомъ, вѣчно сидѣвшая у себя въ салонѣ (parlour) безъ дѣла въ ожиданіи жильцовъ, которые почему-то плохо къ ней шли,—была бѣдна, по англійской поговоркѣ, какъ церковная мышь. Вся рѣшительно обстановка квартиры, до послѣдней мелочи, ей не принадлежала, а была взята на прокатъ у какого-то довольно подозрительной наружности лица, котораго впослѣдствіи намъ пришлось увидѣть, не то закладчика, не то торговца предметами домашняго убранства—Mr. Smith... Единственной прислугой въ нашемъ домѣ на всѣ три этажа, кухаркой и горничной вмѣстѣ, была пожилая Маргарита, отнюдь своею наружностью не напоминавшая свою тёзку—героиню Фауста съ ея поэтическимъ именемъ... Маргарита была простой здоровой съ красными щеками и особенно краснымъ носомъ ирландкой, всюду, гдѣ она показывалась, распространявшей вовсе не двусмысленный ароматъ виски и джина. Маргарита, видимо, имѣла сильное пристрастіе къ рюмочкѣ, но, пока находилась подъ присмотромъ Mrs. Джонсонъ, страсть эта обуздывалась до нѣкоторой степени и не переходила извѣстныхъ предѣловъ.

Теперь перехожу къ самому приключенію. Однажды вечеромъ, часовъ въ шесть или семь, покинувши гостепріимныя стѣны Британскаго музея,

гдѣ Н. И. Зиберъ совершенно уже освоился и восторгался богатствомъ этой рѣдкой книжной сокровищницы, работая надъ своей книгой „О первобытной экономической культурѣ", мы вернулись съ нимъ на нашу квартиру и были чрезвычайно удивлены непривычнымъ для насъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ безпорядковъ въ нашей квартирѣ: дверь съ улицы оказалась незапертой; въ салонѣ, который находился по правую сторону отъ входа и представлялъ собою хорошо убранную гостиную, гдѣ почти все время и проводила Mrs. Джонсонъ, на хорошемъ, обитомъ шелкомъ диванѣ лежалъ одѣтый, въ грязныхъ сапогахъ, незнакомый мущина и сильно храпѣлъ; около него на столѣ стояли какія-то пустыя бутылки, рюмки и графинъ изъ-подъ воды. Мы заперли дверь и тщетно добивались видѣть хозяйку, которая затворилась въ своей комнатѣ и не откликалась на нашъ вызовъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ и окликаній, мы нашли Маргариту въ какой-то каморкѣ сзади кухни, помѣщавшейся, какъ всегда въ Англіи, — въ подвальномъ этажѣ, совершенно пьяной. Сколько ни добивались мы отъ нея отвѣта о всемъ происшедшемъ, но ничего толковаго и удовлетворительнаго не добились и узнали лишь, что „мущина въ салонѣ — какой-то „Broker" — брокеръ — по имени или званію мы не знали, что Mrs. Джонсонъ у себя въ комнатѣ плачетъ, потому что она теперь больше не хозяйка, а что теперь, въ сущности, хозяиномъ долженъ быть Mr. Smith, но что онъ еще войти не можетъ въ квартиру, что „брокеръ" посылалъ ее за водкой, выпивши которую онъ заснулъ", и т. д.

Ничего не понимая во всемъ этомъ пьяномъ лепетѣ Маргариты, мы обратились къ нашимъ друзьямъ англичанамъ за объясненіями, на первый разъ къ нашему хорошему пріятелю — библіотекарю Британскаго музея Mr. Вильсону, который для насъ и распуталъ первый эту домашнюю загадку-катастрофу. Оказалась очень обыкновенная, обыденная исторія, но весьма оригинальная, благодаря англійской подкладкѣ. Mrs. Джонсонъ долго не платила закладчику Смиту процентовъ за пользованіе мебелью, посудой и его деньгами; конечно, Смитъ могъ тотчасъ же подать въ судъ ко взысканію, имѣя, навѣрное, какое-нибудь долговое обязательство нашей хозяйки, но онъ опасался, не довѣрялъ ей, полагая, что, пока идетъ судъ да расправа, она можетъ если не всѣ, то значительную часть вещей вывезти изъ квартиры и распродать, и такимъ образомъ ему грозитъ возможность ничего съ нея не получить, если она сама не имѣетъ за душой ничего. Англійскій же судъ, вѣроятно, довольно медлителенъ.

Единственный способъ Смиту не лишиться своихъ денегъ, должныхъ г-жею Джонсонъ, и не рисковать ничѣмъ, — это значило — поставить караульнаго у ея дома, который бы слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ дѣлается, и препятствовалъ всякому выносу или удаленію вещей или имущества; но снаружи — на улицѣ — поставить такую стражу было бы невозможно, да и едва ли кто-нибудь согласился бы такъ караулить, особенно въ ту скверную дождливую погоду, въ которую описанное событіе происходило. Нужно было

стражу эту ввести въ самую квартиру или домъ г-жи Джонсонъ (по обыкновенію въ Англіи домъ принадлежалъ не ей, а акціонерному обществу, и ею только снимался), но этотъ способъ, простой у насъ, по англійскимъ обычаямъ и законамъ былъ затруднителенъ, ибо какъ проникнуть въ квартиру г-жи Джонсонъ? „My house is my castle"—мой домъ есть мой замокъ, и никто въ странѣ Альбіона въ домъ проникнуть не можетъ безъ согласія его владѣльца и потому, разумѣется, такого соглядатая г-жа Джонсонъ не допустила бы въ свой домъ, разъ узнавши, что онъ присланъ отъ Смита. Какъ средство для выхода изъ этого затрудненія у англичанъ существуетъ такой странный, мало понятный намъ обычай. Кредиторъ нанимаетъ такъ называемаго broker'a—маклера или маклака, обыкновенно вербуемаго изъ какихъ-либо подонковъ общества вслѣдствіе самаго унизительнаго характера его обязанностей. Этотъ broker или маклакъ, разнообразныя обязанности котораго очень недурно были когда-то описаны Диккенсомъ въ одномъ изъ его мелкихъ сочиненій, прибѣгаетъ обычно къ какому-либо ухищренію для того, чтобы проникнуть въ домъ должника, является, напримѣръ, подъ видомъ нанимателя квартиры, какъ и поступилъ тотъ маклакъ, котораго мы застали въ нашей квартирѣ. Затѣмъ, когда Mrs. Джонсонъ, тоскуя отъ отсутствія жильцовъ, съ радостью и довѣрчиво допустила его въ свою пріемную, маклакъ немедленно вытащилъ изъ кармана копію долговаго документа и грубо заявилъ бѣдной женщинѣ, что онъ въ качествѣ представителя Mr. Smith'a остается въ этой самой комнатѣ караулить и наблюдать за цѣлостью и сохранностью его имущества, за которое она не платитъ деньги, и останется въ ней до тѣхъ поръ, пока она не уйдетъ совсѣмъ изъ дому и Mr. Smith не вступитъ въ полное владѣніе квартирой... Полиція, благодаря документу, удалить его до уплаты долга, согласно закону, не имѣетъ права.

Такова печальная исторія съ нашей хозяйкой, въ силу англійскаго оригинальнаго обычая, котораго намъ пришлось быть свидѣтелями. Прошло дня три глухой и ожесточенной войны между маклакомъ Mr. Smith'a и Mrs. Джонсонъ, всю непріятность которой намъ пришлось испытывать, какъ ея единственнымъ жильцамъ. Дверь изъ гостиной въ корридорчикъ, ведущій къ выходу изъ квартиры (ибо другой—задній изъ кухни—былъ запертъ маклакомъ на ключъ), пребывала постоянно отворенной; въ гостиной прочно водворился пьяный маклакъ и вѣчно слышался звонъ посуды и доносился запахъ джина; въ своей комнатѣ сидѣла Mrs. Джонсонъ, неизвѣстно чѣмъ питаясь. Она дѣлала двѣ или три попытки уйти со своими узлами изъ квартиры, но каждый разъ маклакъ силой отбиралъ у нея узлы, предоставляя ей уходить съ пустыми руками, и послѣднее, наконецъ, бѣдная женщина и должна была сдѣлать. Маргарита пила безъ просыпа въ компаніи съ маклакомъ и безъ него; ни одной минуты болѣе мы ее трезвой не видали!

Положеніе наше, естественно, было очень невеселое и слѣдовало бы, конечно, немедленно перемѣнить квартиру, но, какъ иностранцы, мы

опасались отсюда отвѣтственности и всякихъ непріятностей: я хорошо зналъ, бывая часто въ Англіи, что по тамошнимъ законамъ, жилецъ обязанъ за недѣлю до выѣзда изъ квартиры объявить о томъ хозяину или сдѣлать такъ называемое „notice"; между тѣмъ—кому же можно было, въ данномъ случаѣ, сдѣлать это заявленіе?..

Отъ пьянаго брокера мы не могли даже добиться адреса Смита, да онъ, можетъ быть, его и не зналъ, нанятый гдѣ-нибудь на улицѣ; съ другой стороны, онъ рѣшительно сказалъ Маргаритѣ, что не выпуститъ насъ, или, точнѣе, нашего имущества, если бы мы захотѣли выѣхать безъ разрѣшенія его хозяина. Приходилось пережидать, когда, наконецъ, водворится въ домѣ жестокосердый Mr. Smith или то лицо, которому онъ насъ передастъ, какъ съемщику квартиры.

Въ одну ночь, спустя нѣсколько дней всего этого безобразія, съ нами и произошло слѣдующее событіе, напугавшее насъ чрезвычайно, которое и постараюсь сейчасъ описать.

Въ глубокую уже ночь, часа въ три или четыре, когда мы съ женой уже давно спали, раздался сильный стукъ въ нашу дверь. Мы вскочили испуганные и на вопросъ нашъ, „кто тамъ стучитъ?" послышался взволнованный испуганный голосъ Н. И.: „вставайте, скорѣе вставайте! Какіе-то разбойники въ нашемъ домѣ!" Мы немедленно вскочили съ нашихъ постелей, кое-какъ накинули на себя платье и впустили бѣднаго Зибера въ нашу гостиную, находившуюся рядомъ со спальной. Изъ его сбивчивыхъ, прерывистымъ голосомъ данныхъ объясненій мы узнали слѣдующее: въ подвальномъ этажѣ въ кухнѣ, гдѣ теперь царствовала безпутная Маргарита, онъ вдругъ услышалъ ночью сильный шумъ, звонъ и какіе-то грубые мужскіе голоса. Со свѣчей онъ вышелъ въ салонъ, гдѣ нашелъ вѣчно пьянаго и совершенно безчувственнаго маклака, котораго оказался не въ состояніи разбудить; вмѣстѣ съ тѣмъ наружная дверь на улицу была настежь открыта и даже коверъ—дорожка, лежавшая въ коридорѣ, частью кто-то тащилъ чрезъ выходныя двери и она лежала наполовину на крылечкѣ, на улицѣ, наполовину еще въ домѣ, мѣшая двери закрыться. „Вотъ, какъ видите", говорилъ взволнованно Зиберъ, „воры начали уже растаскивать имущество, и самое меньшее, чѣмъ мы поплатимся, если на насъ взведутъ обвиненіе, что мы имъ помогали и взыщутъ стоимость украденнаго!" Выслушавъ разсказъ Н. И., немедленно мы начали звать Маргариту, но, какъ мы ни старались, никто на нашъ крикъ не отзывался; шумъ внизу прекратился, но Маргарита не показывалась, а пьяный маклакъ сильно сопѣлъ, не обнаруживая другихъ признаковъ жизни.

Волненіе нашего милаго сотоварища, несмотря на мое, якобы обычное, хладнокровіе, замѣтно намъ сообщилось. Въ эту минуту какъ разъ въ нашей гостиной мы находились противъ большого зеркала, въ которомъ я не безъ

удивленія увидалъ собственную физіономію, довольно-таки поблѣднѣвшую, какъ и лица Зибера и моей жены... Что намъ дѣлать и какъ быть?.. Я предложилъ немедленно спуститься внизъ въ кухню и посмотрѣть, что же тамъ было и кому принадлежали эти „грубые мужскіе голоса", которые послышались Н. И., и гдѣ, наконецъ, Маргарита, не убита ли она? Сначала Зиберъ рѣшительно отказывался идти внизъ, но потомъ, въ виду отсутствія всякой иной альтернативы, согласился, и внизъ торжественно двинулась весьма забавная, какъ въ настоящее время припоминаю, процессія: во главѣ, конечно, я, какъ самый большой и сильный, со свѣчей въ лѣвой рукѣ и вооруженный каменноугольной кочергой, такъ называемой poker, въ правой рукѣ. Poker это то самое орудіе, которое, по словамъ философа Спенсера, въ одномъ изъ его произведеній, въ нагрѣтомъ видѣ въ состояніи даже задумавшагося англичанина привести въ чувство! Я его и взялъ, смѣшно вспомнить, въ своей гостиной не безъ размышленія, какъ оружіе, удобное для всякой защиты, и не только для того, чтобы бить, какъ палкой, но, въ случаѣ нужды, и колоть, какъ шпагой—благо я учился фехтованію!.. За мною вслѣдъ стоялъ Н. И. Зиберъ, вооруженный большими желѣзными щипцами и также со свѣчей въ лѣвой рукѣ; сзади него— слабый полъ— моя жена, также со свѣчей и, не помню уже какимъ, оружіемъ въ правой рукѣ. И вотъ, гуськомъ, съ самыми серьезными лицами, сильно взволнованные, чуть не поминая мысленно „благость царя Давида и всю кротость его", мы тронулись, зараженные страхомъ Н. И., внизъ по лѣстницѣ, ведущей въ подвальное помѣщеніе, причемъ все время плотно держались другъ за друга. Дойдя до середины лѣстницы, мы остановились и я громкимъ, рѣзкимъ голосомъ, какъ Бернардо изъ Гамлета, произнесъ знаменитую начальную фразу Шекспировской трагедіи „Who's there?" („Кто здѣсь?").—Полное безмолвіе. Черезъ два шага опять остановка и „Who's there?", но никто намъ не отвѣчалъ. Тогда мы отворили двери и вошли въ кухню. „Вотъ, наконецъ-то начнется что нибудь страшное!" и вдругъ намъ навстрѣчу бросится какой-нибудь разбойникъ съ огромнымъ ножомъ, Н. И. Зиберъ судорожно сжималъ меня сзади за плечи и не пускалъ впередъ... Наконецъ, я рѣшился на этотъ важный послѣдній шагъ: отворилъ двери и... въ кухнѣ не оказалось никого, рѣшительно никого, лишь слѣды какой-то большой попойки: нѣсколько пустыхъ бутылокъ извѣстной намъ формы изъ-подъ джина, нѣсколько рюмокъ, стакановъ, а также графинъ и миска изъ-подъ воды (такъ какъ англичане имѣютъ скверную привычку мѣшать водку съ тепловатой водой), разбитый стаканъ и остатки недоѣденной колбасы и хлѣба, — вотъ все, что осталось отъ страшныхъ разбойниковъ, созданныхъ воображеніемъ нашего бѣднаго пріятеля!.. Естественно, мы ободрились и смѣло начали шагать и шарить по кухнѣ и въ сосѣдней каморкѣ, гдѣ обыкновенно спала Маргарита, но нигдѣ, однако, и никого не оказалось.

Кончивши нашу безплодную экспедицію въ поискахъ за разбойниками, мы поднялись наверхъ. Брокеръ храпѣлъ и сопѣлъ по прежнему, ничего видимо не сознавая, а наружная дверь была отворена по старому. Мы уже собирались переносить коверъ съ крыльца на улицѣ внутрь и запереть дверь, какъ вдругъ на другомъ концѣ нашего коротенькаго, хотя широкаго, переулка увидали полисмена (т. е. полицейскаго городоваго). Обрадовавшись ему, какъ символу спасенія, Н. И. Зиберъ, а за нимъ и мы начали звать его къ себѣ и, съ жаромъ, на разнаго качества англійскомъ языкѣ, втроемъ одновременно, спѣшили объяснить ему происшествіе. Онъ долго съ удивленіемъ насъ слушалъ, переводя взгляды съ одного лица на другое, наконецъ попросилъ говорить кого-нибудь одного. Тогда мы выбрали представителемъ нашихъ общихъ интересовъ мою жену, какъ объяснявшуюся по англійски болѣе порядочно, но, увы, къ удивленію нашему и огорченію, главнымъ образомъ, Н. И., полисменъ, во-первыхъ, категорически объявилъ, что онъ, несмотря на наше настойчивое приглашеніе, войти въ квартиру не можетъ, ибо на это не имѣетъ права по закону, прежде чѣмъ позоветъ его самъ хозяинъ квартиры или произойдетъ въ ней что-нибудь уголовное; въ данномъ-же случаѣ это могъ бы сдѣлать broker или маклакъ—представитель хозяина, но онъ находится въ безчувственномъ состояніи; безъ его-же разрѣшенія онъ чрезъ порогъ не переступитъ. Къ разсказу о разбойникахъ, на которыхъ настаивалъ Н. И., онъ отнесся съ скептицизмомъ и заявилъ, что никакихъ подозрительныхъ людей онъ около дома всю эту ночь не видалъ, а что, къ сожалѣнію, въ нашемъ домѣ кухарка—большая пьяница—это онъ зналъ, то, можетъ-быть, не отправилась ли она искать водки по сосѣдству?; онъ осмотритъ всѣ сосѣдніе кабаки, заперты ли они, и, кстати, удостовѣрится, нѣтъ ли гдѣ торговли виномъ въ неузаконенное время?.. Послѣ того, полицейскій собирался насъ уже покинуть, какъ вдругъ появилась на той же ступенькѣ крыльца, гдѣ происходилъ разговоръ съ полицейскимъ, пьяная Маргарита въ самомъ растрепанномъ видѣ, хотя, правду сказать, и наши костюмы не отличались большой законченностью и приличіемъ, благодаря поспѣшности, съ которой мы торопились уничтожать разбойниковъ... Полисменъ при насъ немедленно обратился къ Маргаритѣ съ вопросомъ, „почему наружная дверь незаперта и куда она ушла“... Несмотря на ея обычное пьяное состояніе, мы услышали отъ нея очень рѣзкій и грубый отвѣтъ, на который, однако, полисменъ не нашелся возразить, что это, де, не его дѣло—забота о чужихъ дверяхъ и постороннихъ людяхъ, куда они идутъ; но, впрочемъ, пожалуй, она ему скажетъ ради господъ жильцовъ, что дверь отперта и заложена ковромъ для того, чтобы не затворилась, а нужно было, чтобы не затворилась—потому что у нея нѣтъ ключа отъ наружной двери, а ушла она—для того, чтобы проводить свою пріятельницу, бывшую у нея въ гостяхъ, до чего опять-таки „де полисмену никакого дѣла нѣтъ“...

Полисменъ, проглотивши настоящую отповѣдь, произнесъ извѣстное „All right!“, сдѣлалъ подъ козырекъ и ушелъ въ сторону, а мы, порядкомъ

прозябши и продрогши достаточно, не зная, что намъ—смѣяться ли другъ надъ другомъ или стыдиться, глядя на себя и на всю сдѣланную тревогу,— безъ дальнихъ рѣчей разошлись по своимъ комнатамъ.

На другой день, припоминая картину своего ночного похожденія съ кочергами и щипцами, чуть не въ одномъ бѣльѣ, я невольно не могъ не засмѣяться отъ души, хотя въ то же время становилось и конфузно—какъ я могъ такъ испугаться и чего именно?! А между тѣмъ, несомнѣнно, никогда въ жизни я не былъ такъ испуганъ, какъ въ эти немногія минуты, когда въ смѣшной процессіи, съ poker'омъ (кочергой) въ рукахъ, я спускался внизъ воевать съ разбойниками, созданными больнымъ воображеніемъ бѣднаго и нервнаго Н. И. Зибера!..

Черезъ день, наконецъ, показался къ намъ новый хозяинъ Mr. Smith; онъ разсчиталъ и отпустилъ пьянаго broker'а, который немедленно затѣмъ исчезъ, послѣ него, г. Смитъ старался всячески насъ умаслить, чтобы мы не съѣзжали, когда мы сдѣлали ему узаконенное „notice" (предупрежденіе), что покидаемъ черезъ недѣлю его квартиру... Онъ обязывался немедленно разсчитать и отпустить Маргариту, сдѣлать все, что намъ угодно, только, чтобы квартира не оставалась пустой по понятной причинѣ, что ему тогда труднѣе было бы ее сдать. Но мы упорно настаивали на своемъ правѣ, вспоминая всѣ треволненія и страхи, пережитые ночью, и, дѣйствительно, чрезъ недѣлю, оплативши очень длинный счетъ разсерженнаго г. Смита, покинули его негостепріимное жилище... Н. И. Зиберъ не любилъ потомъ никогда вспоминать объ этой ночи со всей тревогой, которую онъ надѣлалъ. Для меня же эта ночь, когда я труса праздновалъ, оказалась весьма полезной и поучительной, ибо доказала мнѣ, что страхъ заразителенъ не менѣе, чѣмъ дифтеритъ или скарлатина, и поэтому никто не можетъ поручиться за себя и за обладаніе своей волей при извѣстныхъ условіяхъ и что я, лично, отнюдь конечно не составляю въ данномъ случаѣ исключенія... „На всякую старуху бываетъ проруха!"..

Иванъ Янжулъ.

С.-Петербургъ, 12 іюня, 1900 г.

Старый еврей.

Дождь мелкій, осенній. Пріударитъ сильнѣе и опять сѣетъ, какъ сквозь рѣшето, застилая даль мокрымъ туманомъ. Сильный вѣтеръ захватитъ въ охапку деревья и гнетъ ихъ и летятъ полужелтые мокрые листья.

Грязныя поля, мокрыя скирды хлѣбовъ на потемнѣвшемъ жнивьѣ.

Дождь льетъ и льетъ, разсказывая злую сказку хозяевамъ всѣхъ этихъ скирдъ, какъ ничего не останется отъ богатыхъ нѣкогда надеждъ.

— Ничего не останется.—И старый еврей—тяжелый и большой, грязный и старый, съ сѣдой бородой, пригнувшись, ѣдетъ и смотритъ изъ-подъ зонтика однимъ глазомъ.

Пара лошадей легкой рысцой тащитъ перегнувшуюся на бокъ плетушку; азямъ ямщика, промокшій уже насквозь, блеститъ отъ воды, какъ шелковый, и вода съ шапки непрерывной струйкой льетъ за спину ямщику,—но онъ сидитъ неподвижный, какъ изваяніе.

— Охо-хо,—вздыхаетъ старый еврей и опять погружается въ туманы своей души.

Осень и тамъ,—идутъ дожди и все уже охвачено мокрой пылью осенняго покрова. Старая никому ненужная жизнь подходитъ къ концу. Только и осталось отъ нея, что соблюдалъ законы, не ѣлъ того, что не положено, справлялъ шабашъ...

Было худо, думалъ, хуже не можетъ быть, и стало совсѣмъ худо. И когда стало? Когда бросилъ даже на проценты деньги давать... Дѣти настояли,—ученыя дѣти,—хо-хо,—говорятъ, что неловко... Ну, купилъ землю... До сената доходило дѣло: имѣетъ ли право ссыльный еврей въ мѣстѣ своей ссылки покупать землю? Утвердилъ сенатъ купчую. Какъ и не утвердить? Надо же жить гдѣ-нибудь человѣку. Ну, былъ виноватъ,—сослали. Болѣло сердце за старой родиной,—другое солнце тамъ, другіе люди,—переболѣло... Двадцать пять лѣтъ прошло и привыкъ: новыя мѣста новой ро-

диной стали. Жилъ, маклеровалъ при продажѣ имѣній, на проценты деньги давалъ... А развѣ русскіе не даютъ? Русскій хуже еще: еврей трефного не ѣстъ, а русскій всего сразу и съ сапогами проглотитъ... Семенъ Илларіоновичъ четвертую часть въ губерніи земли дворянской проглотилъ и не подавился: двѣсти тысячъ десятинъ... Вырубилъ лѣса, уничтожилъ усадьбы, сады, какъ Мамай прошелъ по землѣ, тройную аренду за землю назначилъ крестьянамъ, всѣхъ нищими сдѣлалъ, въ кандалы заковалъ, всѣ проклинаютъ его... А кто проклинаетъ его, стараго еврея? За что проклинать? Что купилъ тамъ золотую брошку у барыни, которую удалось ей спасти, когда Семенъ Илларіоновичъ описывалъ ея имѣніе и всю движимость? А когда случалось передъ самыми торгами уже найти вдругъ покупщика по вольной цѣнѣ, Семенъ Илларіоновичъ разорвать готовъ былъ стараго еврея и кричалъ:

— Пропадаемъ отъ жидовъ!

А жидовъ-то всего десять человѣкъ на всю губернію, и богатства всѣхъ за одну селедку купить можно, а губернія разорена...А скажешь,—правды не любятъ:

— Ты еще разсуждать: погоди, дай срокъ, жидюга проклятая...

А тутъ дѣти выросли, выучились, писать стали въ газетахъ: еще хуже озлились, а все на его старую голову...

Бросилъ все, купилъ землю, хотѣлъ хозяиновать, какъ дѣдъ когда-то на Волыни, когда держалъ имѣніе въ поссесіи.

Хорошо тогда было жить. Бывало по непаханной землѣ, заскородятъ только землю и родитъ хлѣбъ, какого нѣтъ больше. Взрослый работникъ—двадцать копѣекъ... Можно было хозяйничать... Перемѣнились времена: все дорого стало и паханная не родитъ теперь больше земля.

Другіе люди пришли, другіе порядки, и не зналъ онъ ихъ... То къ нему ходили за деньгами, а теперь самъ ищетъ ихъ, и нѣтъ денегъ: пропали всѣ деньги, убѣжали изъ глазъ и невидно ихъ, нигдѣ больше невидно...

— Охо-хо...

Такъ все переворачивается...

Двадцать пять лѣтъ прошло, зоветъ предсѣдатель казенной палаты:

— Милость вамъ: манифестъ,—прощеніе...

— Ну, что-жъ, благодарю. Я старался, все бросилъ, земли купилъ...

— Вы больше не ссыльный, вамъ возвращены всѣ права.

— Очень даже радъ я...

— Поэтому вы должны возвратиться назадъ въ черту вашей осѣдлости.

Смѣется...

А всѣ деньги въ землѣ, въ хозяйствѣ. Кто купитъ землю по вольной цѣнѣ, когда всѣ знаютъ, что дойдетъ дѣло до торговъ.

А полиція гонитъ: уѣзжай.

Въ первую гильдію хотѣлъ записаться, чтобы получить права: былъ подъ судомъ,—нельзя.

Пошелъ къ Семену Илларіоновичу:

— Семенъ Илларіоновичъ, приставъ въ вашемъ домѣ живетъ: онъ васъ послушаетъ, скажите ему, чтобы позволили мнѣ лишнее остаться, пока устрою дѣла.

— Я ничего не могу здѣсь, —сказалъ Семенъ Илларіоновичъ, а и могъ бы, не сдѣлалъ. Какъ пишетъ твой Соломонъ? Врага бей. А ты мнѣ и другъ, —не былъ и не будешь.

Что дѣлать? Дѣти разлетѣлись, кто куда: одинъ за границей, другой въ Сибири: новыя времена, новыя пѣсни...

Уѣхалъ...

Нанялъ прикащика. Воруетъ прикащикъ. Не терпитъ сердце и ѣдетъ теперь тайкомъ, какъ воръ, въ свое имѣніе старый еврей. Какъ снѣгъ на голову, накроетъ сразу и все узнаетъ, самъ хлѣбъ соберетъ и продастъ, — пусть воруетъ тогда на пустомъ мѣстѣ... Какъ собрать только, какъ продать, когда все, можетъ быть, сгніетъ. А, можетъ быть, его прикащикъ и успѣлъ все собрать, чтобы поскорѣе набить свои карманы? Можетъ, продалъ уже все или продаетъ, сегодня вечеромъ продастъ въ ту минуту, когда онъ будетъ входить въ свой домъ?

Ой-ой!.. Поѣзжай же скорѣе, что-жъ ты ѣдешь, какъ не живой... И кони твои худые и плетушка твоя хуже телѣги трясетъ.

Трясетъ и болитъ печень и опять пойдутъ черезъ нее камни: докторъ запретилъ ѣздить, приказалъ лечиться, брать теплыя ванны. И ванну купилъ и такъ и стоитъ въ деревнѣ: теперь гдѣ брать ванны? Въ семьдесятъ четыре года новая ссылка вышла, а за что?!

Поздно пріѣхалъ старый еврей и совсѣмъ больной. Не ругалъ прикащика, не позвалъ даже и сейчасъ же приказалъ ванну согрѣть. Принялъ ванну, но идутъ тамъ въ печени камни и стонетъ отъ боли старый еврей въ холодномъ каменномъ мрачномъ домѣ. Подъ высокіе потолки уходятъ его стоны, свѣчка едва прорываетъ мракъ большой и пустой комнаты.

Когда-то съ торговъ купилъ онъ это имѣніе и клялъ владѣльца, когда, пріѣхавъ, не нашелъ никакой мебели. Хотѣлъ купить новую, да такъ и не собрался.

Ой, какъ болитъ тамъ въ печени... И зачѣмъ купилъ онъ тогда это имѣніе?.. Давали отсталого, зачѣмъ не взялъ?

Такъ и заснулъ онъ, вздыхая и охая: старый, тяжелый, рыхлый.

Спитъ и снится ему нехорошій сонъ: кто-то ломится къ нему въ двери, чтобъ обокрасть его. Проснулся отъ страха старый еврей и не спитъ уже, а слышитъ: стучатъ къ нему въ дверь.

— Кто тамъ?

— Отворите: полиція, урядникъ.

— Что такое? Зачѣмъ урядникъ?

Дверь отворена: толпа людей, урядникъ.

— Позвольте ваше разрѣшеніе на пріѣздъ?

— Что такое? Какое разрѣшеніе? Я хозяинъ здѣсь и имѣю право...

— Одѣвайтесь.

— Что такое одѣваться? Зачѣмъ одѣваться?

— Чтобъ ѣхать назадъ: лошади поданы.

— Что?! Вонъ! Не поѣду!..

— Тогда этапнымъ порядкомъ отвезутъ,—вотъ понятые.

— Какіе понятые? Я больной!.. Какъ вы смѣете?!. Я губернатору буду жаловаться, я буду телеграфировать министру... Да что вы себѣ думаете?..

— Насильно одѣнемъ,—хуже будетъ...

— Что-жъ это?!. Ну, на, возьми...

Старый босой еврей пошелъ къ кровати тяжелой разбитой походкой, вытащилъ изъ-подъ подушки большой грязный кошелекъ, досталъ рублевку и протянулъ ее уряднику.

— Будьте свидѣтелями, — подкупаетъ, — обратился урядникъ къ понятымъ.

— Чтожъ это?—растерянно оглянулся кругомъ старый еврей. Онъ заговорилъ упавшимъ голосомъ:—я больной, я старый... Господи, за что же?

Онъ присѣлъ на стулъ, толпа понятыхъ и самъ урядникъ молча потупились:

— Что мы можемъ? Законъ...

Въ дверяхъ показался въ это время рыжій плутоватый прикащикъ.

Видъ этого прикащика сразу вызвалъ бѣшенный гнѣвъ.

— А это ты, ты!!. Тебѣ это надо!!. Моихъ денегъ не берутъ: у тебя больше, чтобъ подкупать...

И брань, проклятія сыпались на вошедшаго.

— И всѣ вы мошенники, кровопійцы, разбойники,—кричалъ изступленно еврей.

— Одѣвайте его!—скомандовалъ потерявшій терпѣніе урядникъ.

Стараго еврея одѣли и на рукахъ снесли въ плетушку.

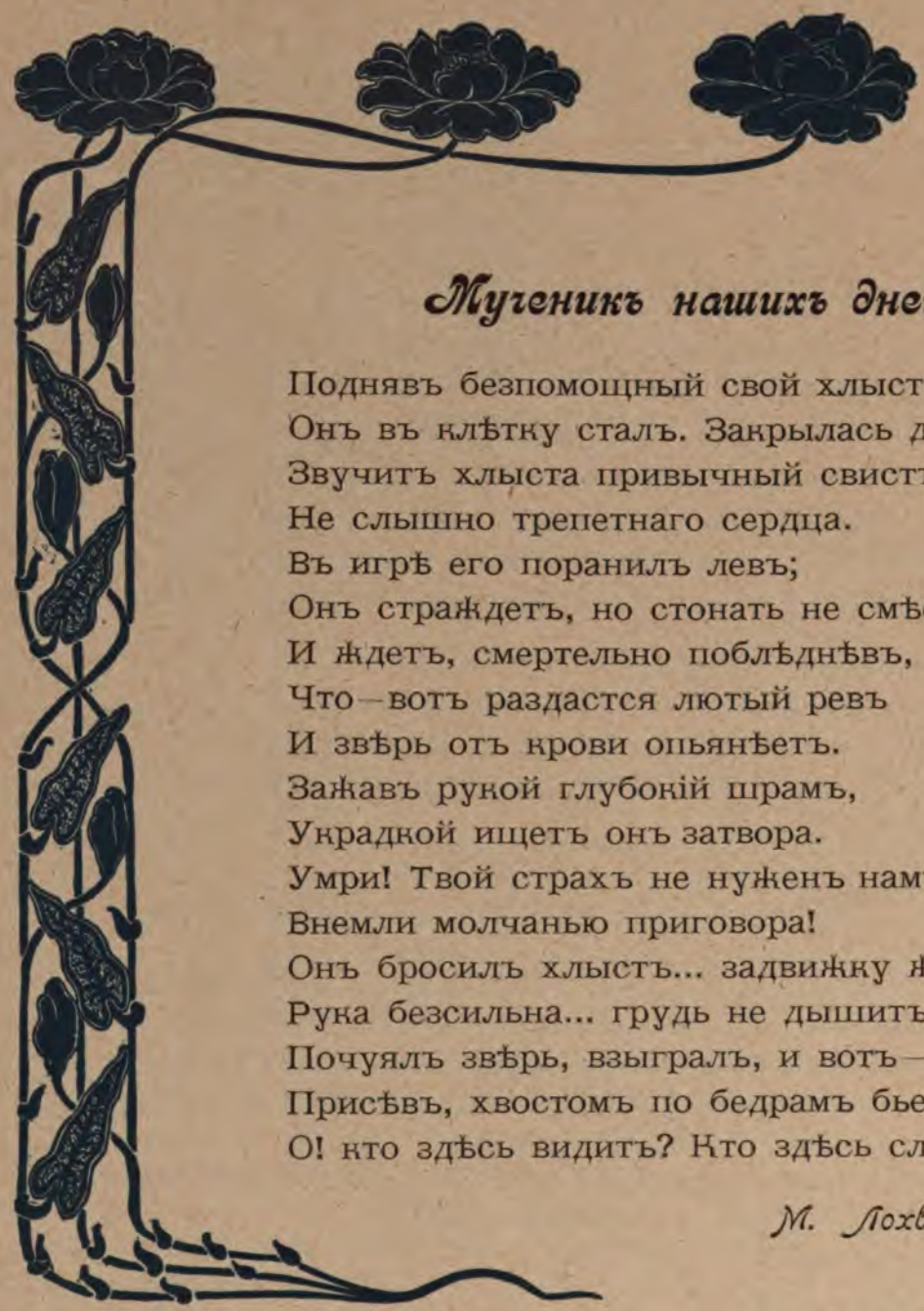
Шелъ дождь, завывалъ вѣтеръ, колыхалось пламя фонарей, вѣтеръ рвалъ старую сѣдую бороду, рвалъ и уносилъ послѣднія слова уѣзжавшаго стараго еврея:

— Хуже послѣдней собаки!.. И той можно издохнуть въ своей берлогѣ...

Но ужъ больше ничего не было слышно.

Н. Гаринъ.

11 сентября, 1900 г.



Мученикъ нашихъ дней.

Поднявъ безпомощный свой хлыстъ,
Онъ въ клѣтку сталъ. Закрылась дверца.
Звучитъ хлыста привычный свистъ,
Не слышно трепетнаго сердца.
Въ игрѣ его поранилъ левъ;
Онъ страждетъ, но стонать не смѣетъ.
И ждетъ, смертельно поблѣднѣвъ,
Что—вотъ раздастся лютый ревъ
И звѣрь отъ крови опьянѣетъ.
Зажавъ рукой глубокій шрамъ,
Украдкой ищетъ онъ затвора.
Умри! Твой страхъ не нуженъ намъ.
Внемли молчанью приговора!
Онъ бросилъ хлыстъ... задвижку жметъ...
Рука безсильна... грудь не дышитъ...
Почуялъ звѣрь, взыгралъ, и вотъ—
Присѣвъ, хвостомъ по бедрамъ бьетъ...
О! кто здѣсь видитъ? Кто здѣсь слышитъ?

М. Лохвицкая.

Меданъ, 14 Сентября 1900 г.

Милостивый Государь!

Боюсь, что я слишкомъ поздно исполняю данное Вамъ обѣщаніе. Я ужъ написалъ своему издателю, чтобы онъ немедленно переслалъ Вамъ сборникъ моихъ статей „Nouvelle Campagne", гдѣ Вы найдете нѣсколько страницъ, написанныхъ мной о евреяхъ. Я очень счастливъ предоставить Вамъ ихъ для книги, о которой Вы мнѣ говорили.

Эта книга, издаваемая въ пользу южныхъ евреевъ, такъ сильно пострадавшихъ отъ голода, являетъ собой прекрасный и трогательный примѣръ человѣческой солидарности, великое и доброе дѣло, и я благодаренъ Вамъ за то, что Вы меня къ нему пріобщили. Нужно, чтобы со всѣхъ концовъ земли протягивались руки для братскаго пожатія, если мы хотимъ облегчить людское горе. Только тогда наступитъ царство мира.

Сердечно Вашъ Эмиль Зола.

Médan 16 septembre 1900

Cher monsieur

Je crains d'être bien en retard pour tenir la promesse que je vous ai faite. Mais j'écris à mon éditeur pour qu'il vous adresse tout de suite le recueil de mes articles "Nouvelle Campagne", dans lequel vous trouverez les quelques pages que j'ai écrites autrefois sur les Juifs, et que je suis très heureux de vous autoriser à reproduire dans le volume dont vous m'avez parlé

Ce volume qui doit être vendu au profit des Israélites du Midi de la Russie, qui ont tant souffert

de la disette, est un bel et touchant exemple de solidarité humaine, une grande et bonne action à laquelle je vous remercie de m'avoir associé. Il faut que, d'un bout de la terre à l'autre, les mains se tendent et se serrent fraternellement, si l'on veut que la misère du homme soit soulagée et que la paix règne enfin.

Bien cordialement à vous.

Emile Zola

Въ защиту евреевъ.

Э. Зола.

(переводъ Р. М. Хинъ).

Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я слѣжу съ возрастающимъ изумленіемъ и отвращеніемъ за походомъ, который стараются устроить во Франціи на евреевъ. Мнѣ это представляется чѣмъ-то чудовищнымъ, чѣмъ-то совершенно выходящимъ за предѣлы здраваго смысла, истины, справедливости, чѣмъ-то до того слѣпымъ и нелѣпымъ, что должно насъ отбросить за нѣсколько вѣковъ назадъ или привести къ самому худшему изъ всѣхъ ужасовъ—къ религіозному преслѣдованію, которое можетъ залить кровью любую страну... И я хочу это сказать. Въ чемъ собственно упрекаютъ евреевъ, что такое заключаетъ въ себѣ эта безконечная тяжба?

Многіе, даже нѣкоторые мои личные друзья, сознаются, что они евреевъ терпѣть не могутъ, что они не въ состояніи безъ чувства гадливости дотронуться до еврейской руки. Это—физическое отвращеніе, расовая ненависть—бѣлаго къ желтому, краснаго къ черному. Я не хочу разбирать, поскольку въ этомъ чувствѣ играетъ роль старый гнѣвъ христіанина противъ еврея, распявшаго его Бога, вѣковой атавизмъ презрѣнія и мести. Физическое отвращеніе въ концѣ концовъ есть причина настоящая, быть можетъ, даже единственная настоящая причина, ибо, что можно сказать людямъ, которые вамъ заявляютъ: „я ихъ ненавижу потому, что ненавижу, потому, что форма ихъ носа меня выводитъ изъ себя, потому, что при одной мысли о нихъ вся моя кровь возмущается, до такой степени мы во всемъ различны и противоположны другъ другу"...

И тѣмъ не менѣе расовый антагонизмъ все-таки нельзя считать ни причиной, ни оправданіемъ для вражды людей. Вѣдь если это такъ, то почему же намъ не вернуться въ глубь лѣсовъ и не приняться вновь за варварскую войну одной породы противъ другой! Начнемъ пожирать другъ друга за то, что мы не одинаково кричимъ, за то, что у сосѣдей волосы растутъ не такъ, какъ у насъ. Къ чему же тогда всѣ усилія цивилизаціи, если мы не умѣемъ побороть въ себѣ инстинктъ дикаря, побуждаю-

щій насъ бросаться на ближняго, лишь только этотъ ближній не во всемъ намъ подобенъ. Исторія народовъ, на протяженіи вѣковъ, есть ученіе о взаимной терпимости и конечный идеалъ человѣчества—это всемірное братство, любовь, объемлющая всѣ народы, любовь, стремящаяся спасти людей. Ненавидѣть, кусаться... потому, что черепъ такого-то устроенъ не такъ, какъ мой... И это теперь!.. въ наше время!.. Ну развѣ это не чудовищное безуміе?

Перехожу къ главному обвиненію, такъ сказать, соціальнаго характера. Резюмирую въ главныхъ чертахъ обвинительный актъ. Евреи составляютъ націю въ націи; они живутъ обособленной религіозной кастой и такимъ образомъ, минуя географическія и политическія границы, образуютъ нѣчто въ родѣ международной секты, не имѣющей отечества, и которая, въ одинъ прекрасный день, наложитъ руку на весь міръ. Евреи женятся на своихъ, сохраняютъ среди современной распущенности крѣпкую семейную связь, поддерживаютъ и ободряютъ другъ друга, обнаруживаютъ, въ своей изолированности, огромную силу сопротивленія и медленно, но вѣрно завоевываютъ и подчиняютъ себѣ все.

Евреи—племя необычайно практическое, смышленное. Жажда наживы, страсть къ деньгамъ у нихъ въ крови; ихъ поразительный дѣловой умъ помогъ имъ менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ несмѣтныя богатства, обезпечивающія за ними въ наше время, когда деньги—царь, власть.

Допустимъ, что все это вѣрно. Но мало констатировать фактъ, надо его еще объяснить.

Слѣдуетъ прибавить, что евреи, такіе, какими ихъ изображаютъ ихъ обвинители,—только произведеніе нашихъ рукъ, плодъ нашихъ 18-ти-вѣковыхъ нелѣпыхъ преслѣдованій. Людей загоняли въ отвратительные кварталы, какъ прокаженныхъ... Что же удивительнаго, что они стали жить особнякомъ, оберегая свои традиціи, упрочивая свои семейныя отношенія, оставаясь побѣжденными среди побѣдителей. Ихъ били, оскорбляли всячески, они задыхались отъ несправедливости и насилія. Что же удивительнаго, если они, даже безсознательно, таятъ въ сердцѣ надежду на отдаленное возмездіе, рѣшимость устоять противъ враговъ и желаніе ихъ побѣдить. Имъ пренебрежительно отвели всѣми презираемую область денегъ, въ обществѣ имъ предоставили мѣста торгашей и ростовщиковъ. Но, когда режимъ грубой силы смѣнилъ режимъ ума и труда, и евреи съ ихъ утонченнымъ, изощреннымъ вѣками наслѣдственности мозгомъ оказались совершенно готовыми господами и владыками капитала,—всѣ вознегодовали и возопили.

Вы дрожите отъ страха при видѣ того, что сдѣлали изъ еврея невѣжество и средневѣковое сектантство, но сами, въ своей слѣпой враждѣ, вы не сумѣли придумать ничего лучшаго, какъ вернуться за тысячу лѣтъ, къ излюбленному пріему—къ преслѣдованію. Вы стали взывать къ священной войнѣ: евреевъ нужно травить, грабить, надо ихъ по старому затиснуть въ одну яму, вѣроятно для того, чтобы они съ яростью въ душѣ опять почувствовали, что они—народъ гонимый—среди народа гонителя! Нечего сказать, вы молодцы, умники и, главное, вы отлично понимаете, въ чемъ суть правильныхъ общественныхъ отношеній...

Въ самомъ дѣлѣ! васъ больше двухъ сотъ милліоновъ католиковъ, евреевъ едва насчитываютъ 5 милліоновъ,—и вы трепещете, вы зовете жандармовъ, вы поднимаете такой вопль, словно полчища разбойниковъ обрушились на ваше отечество. Какое удивительное мужество! По моему, борьба съ евреями весьма и весьма возможна. Для этого есть одно совершенно вѣрное средство. Будьте такъ же умны и дѣловиты, какъ они. Помню, мнѣ пришлось цѣлый мѣсяцъ ходить на биржу, чтобы какъ-нибудь разобраться въ этой неизвѣстной мнѣ области. Одинъ католическій банкиръ часто мнѣ говорилъ: „ахъ, они сильнѣе насъ, они всегда насъ заколотятъ“. Если это вѣрно, то-

право же, это унизительно. Но такъ ли это? Природное дарованіе, несомнѣнно, значитъ много, но трудъ и умъ преодолѣваютъ все. Я самъ знаю христіанъ, которыхъ уже можно считать отмѣнными евреями. Поле свободно. Если они вѣками пріучались любить и зарабатывать деньги, слѣдуйте за ними по этому пути, старайтесь пріобрѣсти ихъ качества, и вы ихъ побѣдите своимъ превосходствомъ, вмѣсто того, чтобы ихъ безполезно осыпать ругательствами. Нѣтъ ничего проще, — это и есть законъ жизни.

Какъ они должны гордиться, слушая ваши отчаянные крики! Быть ничтожнымъ меньшинствомъ и вселять такой страхъ! Для обороны противъ горсти людей требуютъ чуть ли не цѣлый арсеналъ самыхъ страшныхъ военныхъ орудій. Каждое утро вы мечете противъ нихъ свои громы, вы бьете въ набатъ, словно городъ окруженъ непріятелемъ! Послушать васъ—надо скорѣй возстановить гетто, устроить вновь еврейскую улицу, которую на ночь затягивали цѣпями. Очень милое зрѣлище представлялъ бы такой карантинъ въ нашихъ открытыхъ, свободныхъ городахъ. Я понимаю, что евреи не волнуются, а продолжаютъ спокойно торжествовать на нашемъ финансовомъ рынкѣ. Вѣдь ругань и есть та легендарная стрѣла, которая всегда возвращается назадъ и пронзаетъ глазъ злобнаго охотника. Притѣсняйте ихъ больше, и они сильнѣе будутъ васъ побивать.

Преслѣдованіе! скажите, пожалуйста! вы все еще держитесь этого пріема? Вы все еще наивно воображаете, что людей уничтожаютъ преслѣдованіемъ? Да вѣдь это какъ разъ наоборотъ. Всякое великое дѣло только и выростало, что орошенное кровью мучениковъ. Если евреи существуютъ, это ваша вина. Они бы давно исчезли, растворились въ массѣ, еслибъ гоненія ихъ не вынудили сомкнуться и упорно отстаивать цѣлость расы, какъ единственную гарантію собственнаго существованія. И понынѣ все ихъ могущество идетъ отъ васъ, вы его преувеличиваете и оно поневолѣ кажется такимъ сильнымъ. Стоитъ только кричать каждый день объ опасности—и опасность явится. Показывая народу пугало, можно создать настоящее чудовище. Когда еврей будетъ для насъ такимъ же человѣкомъ, какъ и мы, онъ станетъ нашимъ братомъ. Это единственно разумная тактика. Мы должны широко раскрыть объятія и осуществить на дѣлѣ соціальное равенство, провозглашенное закономъ. Признать евреевъ своими, обогатиться ихъ качествами—они у нихъ имѣются, прекратить борьбу расъ, покровительствовать смѣшаннымъ бракамъ... Пусть дѣти примирятъ отцовъ. Вотъ въ чемъ высокая задача единенія, гуманности и освобожденія.

Антисемитизмъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ онъ играетъ серьезную роль—всегда является или орудіемъ политической партіи, или результатомъ тяжелаго экономическаго положенія.

Но во Франціи, гдѣ евреи вовсе ужъ не такіе неограниченные владыки капитала, какъ насъ хотятъ въ томъ увѣрить, антисемитизмъ—явленіе совершенно безпочвенное, не имѣющее никакихъ корней въ народѣ. Это даже не движеніе, а жалкая трескотня нѣсколькихъ пустыхъ фразеровъ, одурманенныхъ подозрительнымъ католическимъ сектантствомъ. Увѣрять съ серьезнымъ видомъ, что въ евреяхъ вплоть до Ротшильдовъ преслѣдуются потомки того Іуды, который выдалъ и распялъ нашего Бога, это ужъ прямое злоупотребленіе литературой. И я повторяю, потребность въ шумной аренѣ, жажда обратить на себя вниманіе, создать себѣ публику—вотъ главныя причины нашего юдофобскаго поджигательства, этого публичнаго возведенія костровъ, пламя которыхъ, по счастью, оказалось простой декораціей.

Но за то, какой ужасающій провалъ! Втеченіе долгихъ мѣсяцевъ ежедневно изрыгать ругательства, расточать доносы, вопить: евреи воры, евреи убійцы,—передѣлывать въ евреевъ христіанъ, на которыхъ желательно набросить тѣнь: — какъ вы осмѣливаетесь противорѣчить!?. Значитъ вы еврей!—Всѣ евреи—всѣхъ надо травить, оскорблять, казнить!.. И что же получилось въ результатѣ этого бѣснованія? Маленькая су-

матоха, скверныя слова, выставленныя на показъ низкія страсти и... хоть бы одно рѣшительное „дѣйствіе"—хоть бы кучка „бушующей толпы"... „Ничего! ни одного раскроеннаго черепа, ни одного разбитаго стекла". Надо въ самомъ дѣлѣ быть такимъ добрымъ, честнымъ и умнымъ народомъ, какъ нашъ милый французскій народъ, чтобы не поддаться этому ежедневному призыву къ междоусобію, чтобы сохранить здравый смыслъ среди постоянныхъ науськиваній людоѣдовъ, жаждущихъ еврейской крови! Еще недавно для нѣкоторыхъ газетъ самымъ лакомымъ кускомъ былъ попъ. Теперь для утренняго завтрака выбираютъ жида. Въ сущности это такое мизерное блюдо, какъ и прежнее, и по меньшей мѣрѣ такое же глупое. Отъ всего этого остается лишь ощущеніе, грязнаго постыднаго и безсмысленнаго дѣла. Даже уличные прохожіе не оборачиваются поглазѣть на этихъ бѣсноватыхъ, предоставляя имъ барахтаться, какъ чертямъ въ чашѣ съ святой водой. Удивительнѣе всего это ихъ претензіи. Они воображаютъ, что дѣлаютъ нѣчто необходимое и здоровое. Бѣдные люди! Какъ мнѣ ихъ жалко, если они искренни. Страшно подумать, какіе документы они оставятъ по себѣ! Каждый день, добровольно, собственными руками нагромождать ворохъ лжи, заблужденій, бѣшенной зависти, буйнаго безумія! Что можетъ быть печальнѣе? Когда, со временемъ, пытливый изслѣдователь задумаетъ опуститься въ это болото,—онъ содрогнется убѣдившись, что тамъ, въ этой тьмѣ, не было ничего, кромѣ религіозныхъ страстей и развинченныхъ мозговъ. Исторія прибьетъ къ позорному столбу имена этихъ неистовыхъ крикуновъ, этихъ соціальныхъ преступниковъ, которыхъ злодѣянія не удались лишь потому, что они совершали ихъ въ состояніи полнаго умопомраченія.

Я не перестаю изумляться, что такой поворотъ къ фанатизму, такая попытка вызвать религіозную войну могла произойти въ нашу эпоху, въ нашемъ великомъ Парижѣ, среди нашего добраго народа. Это особенно непонятно теперь—въ демократическое время всеобщей терпимости, когда повсюду замѣчается стремленіе къ равенству, братству и справедливости.

Никогда, кажется, такъ пылко не мечтали о томъ, чтобы уничтожить границы и объединить всѣ народы. Мы видимъ, какъ священники разныхъ культовъ сходятся вмѣстѣ на религіозныхъ конгрессахъ; лучшіе умы учатъ насъ, что всѣ люди братья по страданію, что мы должны помогать другъ другу нести испытанія жизни, что самый высокій алтарь тотъ, у котораго возносится молитва о жалости къ человѣку. И вдругъ горсть тупицъ, безумцевъ, или ловкачей начинаетъ яростно рычать: смерть жидамъ, бейте жидовъ, давите ихъ, истребляйте, зажгите костры, вернитесь къ драгонадамъ! Вотъ что называется хорошо выбрать моментъ. Ахъ, все это было бы только глупо, если бы не было такъ ужасно.

Что въ рукахъ нѣсколькихъ евреевъ скопилось слишкомъ много богатствъ—это фактъ. Точно такое же скопленіе существуетъ у католиковъ и протестантовъ. Но эксплоатировать народное негодованіе, дѣлать изъ него орудіе религіозныхъ страстей, избирать еврея искупительной жертвой мести обездоленныхъ бѣдняковъ, подъ предлогомъ, что каждый еврей капиталистъ,—какой это ложный и лицемѣрный соціализмъ! Его должно разоблачать, его нельзя не клеймить. Если наступитъ день, когда законъ труда выразится въ формулѣ: справедливость и счастье,—этотъ день пересоздастъ человѣчество. Тогда исчезнетъ разница между евреемъ и христіаниномъ, тогда отъ всѣхъ потребуютъ одинаковый отчетъ, но за то и права и обязанности будутъ для всѣхъ равныя.

Единеніе людей! О, какъ необходимо въ это вѣрить, чтобы имѣть мужество жить, чтобы сохранить хоть какую-нибудь надежду въ борьбѣ. Единеніе людей! Эти слова произносятся еще едва слышнымъ голосомъ, но мало-по-малу онъ станетъ громче, звучнѣе, и, какъ побѣдный кликъ, донесется онъ до всѣхъ народовъ, жаждущихъ истины, справедливости и мира.

Долой ненависть, будемъ любить другъ друга и въ городахъ, и въ деревняхъ и по-верхъ границъ, будемъ работать для того, чтобы слить всѣ расы въ одну счастливую семью. Пусть на это потребуются тысячи лѣтъ, мы все же хотимъ вѣрить въ конечное торжество любви, мы даже вѣримъ, что и въ настоящее время вполнѣ возможно начать любить своихъ ближнихъ. А тѣ злобные безумцы, что воображаютъ, будто правосудіе можно отправлять подъ ударами ножа,—пусть возвращаются назадъ въ дремучій лѣсъ средневѣковаго варварства. И пусть Іисусъ, наконецъ, скажетъ своимъ не въ мѣру усерднымъ ревнителямъ, что онъ простилъ евреевъ и что они тоже люди...

Профессоръ-гуманистъ.

(Памяти М. С. Корелина).

Настоящую замѣтку я посвящаю памяти покойнаго профессора Московскаго университета Михаила Сергѣевича Корелина, такъ безвременно, въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, сошедшаго въ могилу въ январѣ 1899 г. Она воспроизводитъ, лишь въ нѣсколько неизмѣненомъ видѣ, слова, произнесенныя мною въ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества вскорѣ послѣ кончины Михаила Сергѣевича. Съ тѣхъ поръ появилось немало статей о покойномъ, принадлежащихъ нерѣдко лицамъ, хорошо знавшимъ его *), и моя замѣтка, сознаюсь, теперь оказывается немного запоздалою. Если я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь, послѣ нѣкотораго колебанія, напечатать ее, то потому, что М. С. Корелинъ не можетъ быть скоро забытъ, и что такого историка никогда не поздно помянуть добрымъ словомъ. Да послужитъ мнѣ оправданіемъ и самая цѣль, которую преслѣдуетъ настоящій сборникъ: вспомнить на его страницахъ о М. С. Корелинѣ особенно умѣстно такъ какъ покойный всегда былъ врагомъ насилій, гоненій и нетерпимости, стоялъ за широкую гуманность, за уваженіе къ человѣческому достоинству и личности. Въ этомъ отношеніи для него не было „ни іудея, ни язычника". Недаромъ онъ такъ интересовался гуманизмомъ: по справедливому замѣчанію Н. И. Карѣева, онъ самъ былъ гуманистомъ.

Внѣшняя біографія М. С. Корелина, какъ и большинства ученыхъ, несложна, и я не буду подробно излагать ее. Но въ ней есть характерные факты, которые слѣдуетъ отмѣтить: родился Корелинъ въ крестьянской семьѣ, въ 1855 г.; воспитывался сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ одной изъ московскихъ гимназій, причемъ съ 16 лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ и долженъ былъ жить уроками, и, наконецъ, — въ Московскомъ университетѣ; онъ ученикъ, по преимуществу, проф. В. И. Герье и Н. И. Стороженка. Уже на студенческой скамьѣ Корелинъ интересуется глав-

*) Напр. В. И. Герье, Мих. Серг. Корелинъ, М. 1900 (изъ „Рѣчи и Отчета Имп. Моск. университета за 1899"). Его же, ст. въ „Вѣстн. Евр.", 1900, сент. Н. И. Карѣевъ, М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма. М. 1900 (изъ „Русск. Мысли", май); некрологи, составл. Влад. С. Соловьевымъ и В. О. Ключевскимъ („Вопр. Филос. и Психологіи" и въ прилож. къ посмертному изданію „Очерка изъ исторіи философской мысли въ эпоху Возрожденія" М. С. Корелина); М. К. Любавскій, М. С. Корелинъ, какъ преподаватель средней школы („Русск. М." 1899, X); М. Ивановъ, М. С. Корелинъ, какъ профессоръ и руководитель студенческихъ занятій (ibid). Ср. ст. г. Конскаго о Корелинѣ въ Ж. М. Н. Пр., 1899 апр.

нымъ образомъ областью, пограничною между собственно исторіею и исторіей литературы: онъ пишетъ сочиненіе на тему о Фаустѣ и получаетъ золотую медаль (небольшой отрывокъ изъ него потомъ былъ напечатанъ въ „Вѣстн. Евр.“ за 1882). Уже тогда его, крестьянскаго сына, выросшаго въ неприглядной внѣшней обстановкѣ, влечетъ къ себѣ исторія не экономическаго развитія, не классовыхъ отношеній, а искусства и литературы, культуры, развитія человѣческой личности.

Но интересъ біографіи ученаго сосредоточивается обыкновенно не на внѣшнихъ обстоятельствахъ его жизни, а на его трудахъ. Главный предметъ спеціальныхъ занятій М. С. Корелина — исторія итальянскаго гуманизма, этого знаменательнаго переворота въ міровоззрѣніи западноевропейскаго общества, своего рода революціи въ умственной сферѣ, явленія, которое не безъ основанія ставятъ въ параллель съ реформаціей.

Собственно говоря, М. С. Корелинъ задумалъ написать біографію Лоренцо Валлы, одного изъ самыхъ типичныхъ и крупныхъ представителей гуманизма въ XV в., автора критическаго трактата, въ которомъ онъ доказалъ подложность легенды о такъ называемомъ „Константиновомъ дарѣ“ папамъ. Но Валла стоитъ посреди гуманистическаго движенія, и Корелину необходимо было прежде изучить ближе самый гуманизмъ. Между тѣмъ произведенія многихъ гуманистовъ не опубликованы и хранятся въ рукописяхъ, нѣкоторыя остаются даже въ полной неизвѣстности; литература вопроса чрезвычайно обширна и разнообразна, а самые взгляды на сущность, причины и результаты гуманизма не вполнѣ установились. Представителями главныхъ воззрѣній здѣсь являются Фойхтъ и Буркгардтъ. Для перваго гуманизмъ въ сущности не что иное, какъ „возрожденіе классической древности“; Буркгардтъ же, авторъ талантливыхъ очерковъ по культурѣ Ренессанса въ Италіи, видитъ въ немъ выраженіе развитія личности, индивидуализма.

И вотъ изученію гуманизма Корелинъ посвящаетъ многіе и лучшіе свои годы. Во время заграничной командировки въ 1885 — 87 г. онъ работаетъ въ библіотекахъ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, онъ тщательно изучаетъ всю обширную литературу, касающуюся интересующаго его вопроса, и произведенія гуманистовъ; онъ обращается къ самымъ рукописямъ и нѣкоторыя извлекаетъ изъ полной неизвѣстности. Въ результатѣ получился огромный 2-хъ томный трудъ—„Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“ (1892), болѣе 1000 страницъ. Здѣсь Корелинъ ставитъ себѣ четыре главныя задачи: 1) выяснить отношеніе къ гуманизму и воззрѣнія на его сущность и характеръ, господствующія во всѣхъ главныхъ отрасляхъ исторической науки; дать критическій обзоръ литературы вопроса; 2) дать критическій анализъ произведеній раннихъ гуманистовъ, опредѣлить ихъ характеръ, цѣну и значеніе для исторіи Возрожденія; 3) изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи, и 4) опираясь исключительно на документальные источники, опредѣлить его сущность, результаты и причины.

Въ чемъ же сущность гуманизма по Корелину?

Два существенные признака, по его словамъ, составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности. Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру, во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, по скольку она имѣетъ вліяніе на человѣка. По мнѣнію Корелина, „сущность гуманистическаго движенія заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ

новое міросозерцаніе". Средневѣковые идеалы, наука и литература уже не удовлетворяли новымъ потребностямъ; этого удовлетворенія гуманисты ищутъ въ классической древности. Такимъ образомъ, по Корелину, классическая древность, ея возрожденіе,—не цѣль (какъ полагалъ, напримѣръ, Фойхтъ), а только средство, орудіе для удовлетворенія вновь зародившихся потребностей, для борьбы со старою культурою, опора при выработкѣ новаго міросозерцанія.

Слѣдовательно, изученіе древности было не причиной гуманистическаго движенія, а только его проявленіемъ. Классики были только союзниками гуманистовъ, а не деспотическими вождями ихъ. Критицизмъ, свойственный движенію, распространялся и на нихъ. Причину гуманистическаго движенія М. С. Корелинъ видитъ не во вліяніи Византіи, не въ той или другой политической формѣ или борьбѣ, не въ сословномъ броженіи (которое создавало лишь благопріятную среду и атмосферу, но само не было причиной гуманизма), не въ упадкѣ средневѣковой церкви, а въ культурномъ ростѣ личности.

„Идеи гуманистовъ", — говоритъ онъ, — „результатъ культурнаго роста личности. Подъ вліяніемъ историческихъ условій личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе; отсюда—отрицаніе церковной опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки... Но такой результатъ индивидуальнаго развитія не могъ быть продуктомъ національныхъ особенностей и не составлялъ исключительной принадлежности Италіи". Если гуманизмъ и начался въ Италіи, то причина лежитъ не въ итальянскомъ народномъ характерѣ, а въ особенностяхъ условій культурнаго развитія европейскихъ народовъ. „Идеи гуманистовъ носятъ не національный, а общечеловѣческій характеръ".

Главнѣйшіе результаты гуманистическаго движенія—освобожденіе мысли отъ церковнаго авторитета, начало новой этики, новой педагогіи, новой политики и новой науки, появленіе публицистики, образованіе общественнаго мнѣнія и руководящаго имъ класса свѣтской интеллигенціи.

Таковы общіе взгляды М. С. Корелина на гуманизмъ. Правда, уже Буркгардтъ говорилъ объ индивидуализмѣ, какъ характерной чертѣ Возрожденія; но онъ пришелъ къ своему выводу путемъ скорѣе дивинаціи, нежели тщательнаго изслѣдованія документальнаго матеріала, и не обосновалъ его въ достаточной мѣрѣ. Корелинъ же обосновалъ свой взглядъ подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ произведеній гуманистовъ, причемъ его анализъ простирался не на однихъ лишь крупныхъ представителей гуманистическаго движенія: онъ не игнорируетъ и мало замѣтныхъ, позабытыхъ работниковъ на этомъ поприщѣ или, какъ онъ самъ выражается, „рядовыхъ гуманистической арміи". Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ, можно сказать, впервые открылъ, напримѣръ Джіованни и Равенна. Да и относительно болѣе извѣстныхъ гуманистовъ Корелинъ внесъ новый матеріалъ. Онъ, напримѣръ, излагаетъ содержаніе неизданнаго сочиненія Леонардо Бруни „De institutione adolescentium" и „Nobilitatis Contentio": впервые ознакомляетъ съ діалогомъ Манетти „Symposium" и съ неизданными трактами Салютати („De Fato et Fotruna", „De Seculo et Religione", „De tyrannis", рѣчь въ защиту Лукреціи). Новый свѣтъ пролитъ имъ, такимъ образомъ, и на этихъ, казалось бы, хорошо уже извѣстныхъ дѣятелей гуманистическаго движенія.

Конечно, обширный трудъ М. С. Корелина не свободенъ и отъ крупныхъ недостатковъ, особенно въ смыслѣ обработки и группировки матеріала. Тѣмъ не менѣе это трудъ капитальный, основной по данному вопросу, важный какъ для историка вообще, такъ и для историка литературы. Недаромъ Корелинъ получилъ за него отъ Московскаго университета прямо степень доктора (минуя магистра), а отъ Академіи Наукъ — Макарьевскую премію.

И впослѣдствіи М. С. Корелинъ неразъ возвращался къ столь излюбленной имъ

эпохѣ гуманизма, останавливаясь подробнѣе то на вопросѣ о томъ, что такое Возрожденіе (въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона); то на характеристикѣ Петрарки, какъ политика; то на участіи женщины въ гуманистическомъ движеніи („Первая гуманистка“); то на отношеніи гуманистовъ къ наукѣ и искусству или къ вещественнымъ памятникамъ классической древности; то на новой школѣ и ея педагогическихъ идеалахъ и пріемахъ. Статьи эти составили потомъ изящную книжку подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки Итальянскаго Возрожденія“ (1896).

Какъ было уже упомянуто, Корелинымъ задумана была біографія Лоренцо Валлы; „Ранній итальянскій гуманизмъ“ служилъ лишь какъ: бы введеніемъ въ нее, подготовкой. Для этой біографіи М. С. Корелинъ собралъ богатый матеріалъ личность Валлы продолжала интересовать его до конца жизни. Но успѣлъ онъ обработать только незначительную часть собраннаго матеріала въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона (подъ слов. „Валла“) и въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ („Этическій трактатъ Лоренцо Валлы—объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ“, 1895, сент.—ноябрь). Осуществленію дальнѣйшихъ намѣреній, о которыхъ Корелинъ неразъ говорилъ и въ устныхъ бесѣдахъ—между прочимъ и пишущему эти строки,—помѣшала тяжкая болѣзнь, а затѣмъ смерть. Одною изъ послѣднихъ по времени крупныхъ работъ Корелина по исторіи гуманизма является его статья о міросозерцаніи Франческо Петрарки (въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, за 1897 г.; въ 1899 г. изд. отдѣльно). Къ этой же категоріи относится посмертный трудъ М. С. Корелина, извлеченный изъ его бумагъ и напечатанный въ видѣ двухъ статей въ „Русской Мысли“, за 1899 г.—„Папство въ эпоху гуманизма“ и „Папскій секретарь и гуманистъ Поджіо Брачціолини“.

Кромѣ эпохи Возрожденія, вниманіе Корелина привлекала и другая эпоха великаго кризиса въ міросозерцаніи —паденіе язычества. Этой темѣ посвятилъ онъ 10 публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ въ 1891—92 г. Онѣ напечатаны были сначала въ „Русской Мысли“ (1892) подъ заглавіемъ: „Культурный кризисъ въ Римской Имперіи“, а потомъ изданы отдѣльной книжкой съ измѣненіемъ заглавія: „Паденіе античнаго міросозерцанія“ (1895). „Показать безсиліе языческой реформы и выяснить причины побѣды новой религіи, поскольку онѣ заключались въ психологическихъ условіяхъ эпохи“—такова задача этихъ очерковъ. Соціальныя, политическія и экономическія причины остаются внѣ задачи, такъ какъ, по мнѣнію Корелина, онѣ дѣйствовали лишь косвенно, и новая религія принималась не изъ-за матеріальныхъ побужденій.

Здѣсь ясно сказываются историческіе взгляды и симпатіи Корелина, его направленіе, какъ историка, его воззрѣнія на историческій процессъ и историческіе факторы. Какъ упомянуто, его интересовали, преимущественно, развитіе идей, измѣненія въ умственной жизни, въ настроеніи отдѣльнаго лица и цѣлаго общества. Идеи въ его глазахъ являются могучею силою въ исторіи. Широко образованный историкъ, онъ былъ совершенно чуждъ увлеченія тѣмъ одностороннимъ, крайнимъ направленіемъ, которое слыветъ подъ названіемъ экономическаго матеріализма, и которое теперь въ такой модѣ.

Свои воззрѣнія Корелинъ высказываетъ въ вступленіи къ „Паденію античнаго міросозерцанія“. „Всемірно-историческіе кризисы“, говоритъ онъ тутъ, „не одинаково проявляются въ жизни народовъ. Иногда они выражаются шумнымъ паденіемъ государствъ, разрушеніемъ городовъ, опустошеніемъ странъ, часто истребленіемъ цѣлыхъ поколѣній и даже цѣлыхъ народовъ. Но огонь, желѣзо и производимый ими губительный шумъ далеко не всегда составляютъ существенную сторону кризиса. Весьма многіе и наиболѣе благотворные перевороты происходили въ душѣ индивидуума, и такимъ путемъ измѣнялись общественныя отношенія. Новое движеніе зарождалось или въ незамѣтномъ уголкѣ зем-

ного шара, или въ мрачной кельѣ благочестиваго монаха, или въ рабочей комнатѣ ученаго и, понемногу проникая въ жизнь, постепенно захватывало всѣ ея стороны. Безъ борьбы дѣло не обходится и въ такихъ движеніяхъ, а по несовершенству человѣческой природы борьба почти всегда сопровождается насиліемъ и кровью; но особенность культурныхъ переворотовъ заключается въ томъ, что побѣждаетъ не физическая сила, а то, что̀ составляетъ благо для всякой отдѣльной личности, а слѣдовательно, и для цѣлаго общества. Въ борьбѣ за матеріальные интересы, даже за національное существованіе, огромное значеніе имѣетъ ариѳметическое большинство; въ борьбѣ за идеальныя блага побѣда рѣшается исключительно свойствами этихъ благъ. Если вновь народившееся идеальное стремленіе есть дѣйствительная, а не фиктивная потребность человѣческаго духа, то оно восторжествуетъ надъ огнемъ и желѣзомъ, въ чьихъ бы рукахъ они не находились. Можно истребить въ борьбѣ цѣлую націю, потому что люди смертны, но нельзя задушить идеальной потребности, потому что жизненная идея безсмертна и на извѣстной степени культурнаго развитія съ непреодолимой силой овладѣваетъ человѣкомъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ и какое бы положеніе ни занималъ въ обществѣ. Это явленіе и служитъ основаніемъ утѣшительной увѣренности въ несомнѣнномъ торжествѣ того, что̀ мы называемъ добромъ, истиною и справедливостью. Но невозможность преодолѣть идею огнемъ и желѣзомъ никогда не устраняла борьбы противъ нея всякими средствами. Почти 19 вѣковъ тому назадъ мудрый Гамаліилъ говорилъ въ синедріонѣ, что слѣдуетъ предоставить свободу только-что народившемуся христіанству, и будущее покажетъ значеніе и силу новаго ученія. Но разумный совѣтъ глубокомысленнаго еврея не помѣшалъ его соплеменникамъ съ злобнымъ упорствомъ преслѣдовать движеніе, которому предстояло побѣдить міръ. Мудрые Гамаліилы всегда составляютъ ничтожное меньшинство въ подобныхъ случаяхъ и по понятной причинѣ. Борьба противъ новыхъ идеальныхъ теченій понятна и отчасти, въ извѣстныхъ предѣлахъ и опредѣленными средствами, законна. Съ вѣрованіями и воззрѣніями связаны матеріальные интересы, которые затрогиваются появленіемъ новыхъ ученій. Съ другой стороны, новое міросозерцаніе требуетъ провѣрки и входитъ въ жизнь тогда, когда старое еще господствуетъ надъ большинствомъ. Отсюда происходитъ борьба отчасти огнемъ и желѣзомъ, отчасти словомъ и убѣжденіемъ. Такою борьбою ознаменованы и первыя столѣтія нашей эры". Въ Римской имперіи, говоритъ далѣе М. С. Корелинъ, изъ-подъ матеріальнаго благополучія „обнаруживаются проявленія такого духовнаго упадка, который въ глазахъ лучшихъ людей совершенно обезцѣнивалъ всѣ внѣшнія блага. Великое изреченіе: „не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ" имѣетъ силу для всякой личности, достигшей хотя бы минимальнаго культурнаго уровня. Огромное значеніе имѣло оно и для языческихъ подданныхъ Римской имперіи..."

Въ связи съ интересомъ къ этой эпохѣ стоитъ редактированіе М. С. Корелинымъ перевода извѣстной книги Гастона Буасье, „Паденіе язычества"; переводъ этотъ онъ снабдилъ обширнымъ введеніемъ.

Изъ другихъ болѣе крупныхъ работъ Корелина отмѣчу его лекціи по исторіи средневѣковаго папства (напеч. въ „Русск. Мысли" за 1890 г.) и обнародованіе „Новыхъ данныхъ о состояніи Москвы въ 1812 г." („Русск. Мысль" 1896 г., октябрь). Не буду перечислять его многочисленныхъ статей въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", его работъ, касающихся искусства, театра и проч. Полный перечень ихъ можно найти теперь въ прибавленіи къ статьѣ проф. В. И. Герье о Корелинѣ.

Но Корелинъ не былъ замкнутымъ, сухимъ кабинетнымъ ученымъ. Это былъ не только выдающійся спеціалистъ въ своей области, но и популяризаторъ научнаго знанія въ лучшемъ значеніи слова. Самъ онъ, кромѣ университета, преподавалъ и въ средней школѣ, преимущественно въ женской гимназіи, любилъ ее и живо интересовался ею. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, его статья: „По поводу предполагаемой ре-

формы женской школы". Популяризаторомъ онъ является и въ своихъ „Иллюстрированныхъ чтеніяхъ по культурной исторіи",—общедоступныхъ лекціяхъ на темы: „Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія" (1893), „Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы" (1894), „Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура" (1896) и т. п., и въ рядѣ статей въ „Дѣтскомъ Отдыхѣ", „Дѣтскомъ Чтеніи" и проч.

Самъ выйдя изъ среды простого народа, Корелинъ принималъ близко къ сердцу просвѣщеніе темной массы и былъ дѣятельнымъ членомъ общества грамотности. На содѣйствіе популяризаціи науки онъ смотрѣлъ какъ на нравственный долгъ ученаго. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна его статья: „Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи?", помѣщенная въ „Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета" (1897). На ней слѣдуетъ нѣсколько остановиться, такъ какъ въ ней выражаются съ одной стороны общіе взгляды Корелина на исторію, на ея значеніе, какъ образовательнаго средства, на ея облагораживающее вліяніе, съ другой—его отвращеніе къ насилію, его гуманность и широкая терпимость.

„Общественное значеніе каждой науки", говоритъ онъ, „заключается въ ея просвѣтительномъ вліяніи и начинается съ того момента, когда результаты научнаго изслѣдованія выходятъ изъ кабинета или изъ лабораторіи, становятся достояніемъ болѣе или менѣе широкихъ круговъ общества и оказываютъ воздѣйствіе на мысль и чрезъ нее на жизнь. Вслѣдствіе этого популяризація въ самомъ широкомъ смыслѣ слова обусловливаетъ общественное значеніе науки, и содѣйствіе ей въ той или другой формѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, составляетъ нравственный долгъ и общественное служеніе ученаго" (стр. 40). Необходимое условіе для успѣха популяризаціи, — конечно, доступность и занимательность. Но это только внѣшнія ея достоинства; внутренняя же ея цѣна обусловливается ея пользой, т. е. степенью ея просвѣтительнаго вліянія. Въ чемъ же заключается просвѣтительное вліяніе исторіи? Она прежде всего имѣетъ образовательное значеніе, такъ какъ выясняетъ закономѣрность историческаго процесса, причинную связь между историческими явленіями и тѣсную связь между различными сторонами общественной жизни. Корелинъ признавалъ вполнѣ возможнымъ наглядно показать, на самыхъ общедоступныхъ разсказахъ, существованіе всемірно-историческаго процесса, сущность котораго онъ видѣлъ, во-первыхъ, въ преемственности культуръ народовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ разное время, и, во-вторыхъ,—въ культурномъ взаимодѣйствіи народовъ современныхъ. Но, кромѣ образовательнаго вліянія, популяризація историческаго знанія, по Корелину, имѣетъ и практическое значеніе, которое состоитъ въ моральномъ и политическомъ воспитаніи читателя. Такъ, наглядная иллюстрація историческаго прогресса, по его мнѣнію, „развиваетъ и укрѣпляетъ благотворную вѣру въ постепенное торжество свѣта надъ мракомъ и добра надъ зломъ". Ознакомленіе съ факторами этого прогресса ясно покажетъ необходимость интереса отдѣльной личности къ общественнымъ дѣламъ, нравственную обязанность общественнаго служенія, разовьетъ чувство долга по отношенію къ обществу и государству, а въ особенности по отношенію къ страждущимъ, нуждающимся и обремененнымъ" (стр. 44). Безпристрастное изложеніе явленій исторической жизни содѣйствуетъ развитію въ читателѣ чувства справедливости, научатъ уважаеть хорошее, гдѣ бы оно ни проявлялось, а это ведетъ къ правильному развитію чувства любви къ своей родинѣ, къ патріотизму разумному, безъ китайщины, „одинаково гибельной какъ для общества и государства, такъ и для отдѣльной личности", и безъ человѣконенавистничества. Весьма важное воспитательное значеніе исторіи Корелинъ видѣлъ и въ ея вліяніи на религіозное чувство, такъ какъ всемірная исторія можетъ научить на конкретныхъ примѣрахъ религіозной терпимости и показать не только безнравственную жестокость, но и совершенную безполезность религіозныхъ гоненій (стр. 46). Наконецъ, говоритъ М. С. Корелинъ, „всемірная исторія можетъ дать огромный и цѣнный матеріалъ для руководства къ

правильной гражданской дѣятельности, для правильнаго пониманія отношеній личности къ обществу и государству" (стр. 47). Но, выясняя образовательное и воспитательное значеніе всемірной исторіи, Корелинъ оговаривается, что онъ, конечно, вовсе не имѣетъ въ виду превратить историческое изложеніе въ какую-либо проповѣдь; напротивъ, всякія лирическія отступленія и назидательныя поученія здѣсь, по его мнѣнію, совершенно излишни и разсказъ долженъ приводить къ тому или другому заключенію своимъ конкретнымъ содержаніемъ, которое должно представлять собою объективную историческую истину, совершенно свободную отъ какихъ бы то ни было риторическихъ и беллетристическихъ элементовъ.—Затѣмъ Корелинъ въ этой статьѣ даетъ рядъ темъ, особенно, по его мнѣнію, подходящихъ для популярной обработки, и самую программу такой обработки.

Во всемъ этомъ сказывается и личность М. С. Корелина. Его привлекала идеальная сторона въ исторіи, доброе, свѣтлое, прекрасное. Въ личныхъ отзывахъ и сужденіяхъ онъ былъ, можетъ быть, пессимистъ; тутъ ему свойственна была нѣкоторая рѣзкость; говорятъ иногда, что онъ обладалъ „злымъ языкомъ"; но по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ онъ былъ въ сущности большой оптимистъ (см. статью о немъ В. О. Ключевскаго) и вѣрилъ въ конечное торжество добра надъ зломъ, въ несомнѣнное, хотя и медленное, улучшеніе всѣхъ условій человѣческаго существованія, не исключая и самой природы человѣка. Во всякомъ случаѣ, отвращеніе къ грубой силѣ, гуманность, терпимость, уваженіе къ человѣческой личности и человѣческому достоинству, проходитъ красною нитью чрезъ всѣ работы Корелина, проникаетъ всѣ его труды, начиная съ самыхъ крупныхъ и кончая мелкими статьями. Онъ питаетъ симпатію къ обездоленнымъ; въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ не обходитъ молчаніемъ людей малозамѣтныхъ, „рядовыхъ" и, напримѣръ, отмѣчаетъ, какъ мы видѣли, и ихъ заслуги въ дѣлѣ развитія гуманистическаго направленія...

Я лично храню о покойномъ Михаилѣ Сергѣевичѣ самую лучшую память. Впервые я встрѣтился съ нимъ во время археологическаго съѣзда въ Ригѣ въ августѣ 1896 года и сразу же почувствовалъ себя съ нимъ какъ будто съ человѣкомъ, давно мнѣ знакомымъ и близкимъ: его прямота и непринужденность, полное отсутствіе какой бы то ни было „маніи величія", несмотря на успѣхъ его трудовъ, могшій вскружить голову иному, веселость и остроуміе, какая-то жизнерадостность, — все это чрезвычайно привлекало къ нему, и тѣ немногіе дни, которые я провелъ въ Ригѣ въ бесѣдахъ съ М. С., принадлежатъ къ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ. Тѣмъ печальнѣе, тѣмъ тяжелѣе было услышать о его безвременной кончинѣ...

В. Бузескулъ.

Общества взаимопомощи въ Италіи.

Въ развитіи коопераціи, совершающей теперь побѣдное шествіе по всему цивилизованному міру, крупная роль принадлежитъ обществамъ взаимнаго вспомоществованія. Благодаря общепонятности и очевидной важности главной ихъ цѣли,—помощи людямъ въ трудныя минуты жизни, эти общества возникли повсюду ранѣе другихъ, получили особенно широкое распространеніе и подготовили почву для болѣе сложныхъ формъ ассоціаціи. Привычки къ совмѣстному дѣйствованію, выработавшіяся на этомъ сравнительно простомъ дѣлѣ, примѣнялись, затѣмъ, къ удовлетворенію другихъ матеріальныхъ и культурныхъ потребностей. Общества взаимопомощи являются повсюду какъ бы начальной школой коопераціи, и уже въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ, кто интересуется ростомъ кооперативнаго движенія, представляющаго собою одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ въ экономической исторіи нашего времени.

Общества взаимопомощи въ послѣднее время мало обращали на себя вниманіе нашей литературы. Эти ассоціаціи, скромныя по своимъ задачамъ, заслонялись болѣе крупными и видными движеніями въ современномъ обществѣ, каковы съ одной стороны трэдъюніоны, синдикаты и другія соединенія для защиты профессіональныхъ интересовъ рабочихъ классовъ, а съ другой стороны попытки современныхъ государствъ обезпечить судьбу трудящагося населенія въ формѣ обязательнаго страхованія. У насъ есть еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ обществахъ взаимопомощи въ Англіи, Германіи и Франціи, хотя бы, напримѣръ, въ соотвѣтственныхъ главахъ книги В. Г. Яроцкаго, но очень мало извѣстно о состояніи подобныхъ обществъ въ другихъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ странахъ. Между тѣмъ такое отношеніе едва ли справедливо. Даже независимо отъ огромнаго ихъ значенія въ смыслѣ подготовительной стадіи для другихъ видовъ коопераціи, общества взаимопомощи не утратили до настоящей минуты своей практической важности, несмотря на широкій ростъ другихъ, повидимому, конкуррирующихъ съ ними формъ. Цѣлыя тысячи этихъ обществъ покрываютъ собою современныя культурныя государства; въ ихъ рядахъ объединяются сотни тысячъ людей; ими накоплены многомилліонные капиталы; созданные и поддерживаемые усиліями и жертвами рабочихъ классовъ, эти союзы предохраняютъ безчисленныхъ членовъ своихъ отъ нищеты и тѣмъ поддерживаютъ въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства и чувство независимости.

Можетъ казаться, что общества взаимопомощи сдѣлались излишними съ тѣхъ поръ, какъ появилась на свѣтъ система обязательнаго страхованія рабочихъ. Но государственная организація страхованія введена до сихъ поръ только въ Германіи и Австро-Венгріи, во всѣхъ же прочихъ странахъ великая соціальная задача охраненія рабочихъ отъ безпомощности при болѣзни, инвалидности и старости лежитъ всецѣло на предпріятіяхъ, созданныхъ частной иниціативой самого трудящагося люда. Если подобныхъ предпріятій не устроено, то человѣкъ, теряя силы, обрекается на нищенство и на подачки со стороны благотворительности и общественнаго призрѣнія. Но даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже существуетъ государственное страхованіе, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ оно еще только предполагается, за обществами взаимопомощи остается чрезвычайно важная функція: они накопляютъ опытъ по разнымъ видамъ помощи, составляющій драгоцѣнное подспорье для правильнаго устройства государственнаго страхованія; въ ихъ лицѣ вырабатываются готовые органы, которые не только входятъ сами въ кадры новой государственной организаціи, но и служатъ образцами для другихъ, вновь создаваемыхъ подобныхъ же мѣстныхъ учрежденій. Когда государственное страхованіе находится уже въ полномъ расцвѣтѣ, общества взаимопомощи являются полезнымъ дополненіемъ къ нему, производя изъ своихъ средствъ прибавки къ пособіямъ, получаемымъ изъ государственныхъ кассъ, и, съ другой стороны, принимая на себя заботы объ удовлетвореніи такихъ культурныхъ потребностей, которыя не входятъ въ предметъ государственнаго страхованія. Неудивительно, поэтому, что число обществъ и кассъ взаимопомощи, существующихъ, напримѣръ, въ Германіи, не только не сократилось, но даже выросло послѣ введенія государственнаго страхованія.

Продолжительное пребываніе въ Италіи дало автору этой статьи возможность ознакомиться съ исторіей и современнымъ состояніемъ обществъ взаимопомощи въ странѣ, гдѣ этотъ родъ коопераціи достигъ могучаго развитія какъ по числу существующихъ учрежденій и объединенныхъ ими лицъ, такъ и по разнообразію задачъ, ими выполняемыхъ. Предполагая сообщить въ краткомъ очеркѣ главныя черты организаціи и дѣятельности итальянскихъ „Società di Mutuo Soccorso", мы, по необходимости, должны будемъ для выясненія ихъ особенностей касаться подобныхъ же учрежденій въ другихъ странахъ *).

---

*) Главными матеріалами для настоящей статьи, кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ наблюденій, послужили по Италіи слѣдующія оффиціальныя изданія Министерства Земледѣлія, Промышленности и Торговли (Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio).

Statistica delle Società di mutuo soccorso e delle istituzioni cooperative annesse alle medesime. Anno 1885. Roma. 1888.

Elenco delle Società di mutuo soccorso. Roma. 1898.

Elenco delle Società di mutuo soccorso giuridicamente riconosciute al 31 dicembre 1897. Roma. 1900.

Tavole della frequenza e durata delle malattie osservate nelle persone inscritte a Società di mutuo soccorso. („Annali di Statistica"). Roma. 1892.

Elenco generale delle Società industriali nazionali ed estere costituite legalmente ed autorizzate ad operare nel Regno al 31 dicembre 1897. („Annali del Credito e della Previdenza". Anno 1899). Roma. 1899.

Elenco delle Società cooperative di consumo, di produzione e di lavoro al 31 dicembre 1898. Roma. 1900.

Cassa Nazionale di previdenza per l'invalidita e per la vechiaia degli operai. Legge, statuto e regolamento tecnico. („Annali del Credito e della Previdenza"). Roma. 1899.

Legge e regolamento sugli infortuni sul lavoro 17 marzo 1898 n. 80, et 25 settembre 1898, n. 411. Milano. 1900.

Banche popolari. Anno 1893. Roma. 1895.

Banche popolari. Anno 1898. Roma. 1900.

Частныя изданія:

Atti del Sesto Congresso delle Banche popolari italiane tenutosi a Bologna nei giorni 19, 20 e 21 ottobre 1895. Roma. 1896.

Annuario dei Consorzi agrari italiani. 1889. (Federazione Italiana dei Consorzi agrari). Piacenza. 1900.

L. Radino. Codice delle Società di mutuo soccorso e associazioni congeneri. Firenze. 1894.

L. Mabilleau, Ch. Rayneri et C-te de Rocquigny. La Prévoyance sociale en Italie. Paris. 1898.

Есть мнѣніе, что современныя общества взаимопомощи въ Италіи имѣютъ связь съ союзами рабочихъ людей, существовавшими въ прежнія историческія эпохи. Италія нѣкогда была покрыта цѣлою сѣтью разнообразныхъ сообществъ, гильдій, цеховъ, братствъ, изъ которыхъ особенно подходили по своимъ задачамъ къ современнымъ ассоціаціямъ послѣднія, „le confraternite". Братства возникали подъ вліяніемъ церкви,— что проявлялось обыкновенно въ самомъ ихъ названіи, связанномъ съ именемъ того или другого святого,—и имѣли задачей, кромѣ совмѣстнаго участія членовъ въ отправленіи религіозныхъ обязанностей, также взаимную поддержку при несчастныхъ случаяхъ жизни. Можно думать, что традиціи этихъ братствъ подготовили почву для подобныхъ же созданій новаго времени *). Но во всякомъ случаѣ, наслѣдство, оставленное прежними вѣками, было не велико. Братства сохранились лишь въ немногихъ уголкахъ страны, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, а, что главное, они и по духу и по формѣ настолько отличались отъ новыхъ обществъ, что говорить о прямомъ преемствѣ можно лишь съ большой натяжкой. Общества взаимопомощи составляютъ новое сооруженіе, возникшее на развалинахъ гильдій, цеховъ и братствъ, вызванное сходными съ ними потребностями, но вылившееся въ совершенно иныя формы, соотвѣтственно измѣнившимся взглядамъ и условіямъ жизни современныхъ поколѣній. Въ Италіи эти общества стали возникать лишь около 1848 года, какъ отраженіе бродившихъ тогда идей и совершавшихся событій. Первыя общества взаимопомощи появились въ Пьемонтѣ, этомъ небольшомъ уголкѣ Италіи, который одинъ пользовался въ то время политическою свободой. Уже къ 1850 году устроилось въ Пьемонтѣ 17 такихъ обществъ. Оттуда они стали распространяться и по прочимъ провинціямъ сѣверной и средней Италіи, но въ первое время въ весьма ограниченномъ количествѣ. До 1850 г. обществъ взаимопомощи насчитывалось въ Италіи всего 48. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи основаніе обществъ шло медленно повсюду, кромѣ Пьемонта и Ломбардіи. Но періодъ освободительнаго движенія, предшествовавшій основанію Итальянскаго королевства, отразился въ области рабочей взаимопомощи созданіемъ множества учрежденій не только въ упомянутыхъ выше двухъ провинціяхъ, по прежнему остававшихся во главѣ, но и почти во всѣхъ другихъ частяхъ Италіи, не исключая даже юга. За время съ 1861 г. по 1865 г. возникло 323 общества взаимопомощи, въ томъ числѣ 51 въ Тоскани, 39 въ Эмиліи, а изъ южныхъ провинцій 22 въ Сициліи и 14 въ Кампаньѣ. Первое время послѣ провозглашенія независимости Италіи было золотымъ вѣкомъ для рабочаго класса. Новое правительство ревностно принялось за приспособленіе старой Италіи къ современнымъ условіямъ экономическаго быта и политическаго существованія. Тотчасъ же началась во всей странѣ постройка рельсовыхъ путей, шоссейныхъ дорогъ, каналовъ, въ столицахъ—многочисленныхъ зданій для центральнаго управленія, въ провинціальныхъ городахъ—домовъ для судебныхъ учрежденій, для почтъ, телеграфовъ и т. п. Частныя лица слѣдовали за правительствомъ, тоже увлекаясь представленіями о пышномъ расцвѣтѣ городовъ. Въ столичныхъ и другихъ крупныхъ городахъ сооружались новые кварталы, воздвигались цѣлыя улицы дворцовъ. Рабочіе въ городахъ получали высокую плату, которая притягивала массу народа изъ деревень. Въ этотъ періодъ рабочему классу было слишкомъ привольно жить для того, чтобы предаваться усиленнымъ заботамъ о будущемъ. Общества взаимопомощи продолжали возникать, но въ скромныхъ количествахъ, не превышавшихъ 80—90 обществъ въ годъ. Однако, чѣмъ ближе мы подходимъ къ срединѣ 80-хъ годовъ, тѣмъ больше и больше усиливается движеніе. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ уже начинаетъ возникать въ годъ до 150 обществъ. Апогеемъ этого движенія можно при-

*) Такое мнѣніе высказывается, напримѣръ, Fano въ сочиненіи „Della carita preventiva e dell'ordinamento delle Società di mutuo soccorso, Milano 1868. а вслѣдъ за нимъ Rodino въ цитированномъ выше трудѣ, стр. 7—9.

знать періодъ съ 1881 до 1885 года включительно. Въ это пятилѣтіе образовалось 1735 обществъ взаимопомощи, т. е. въ среднемъ выводѣ по 350 въ годъ. И это понятно. Строительной горячкѣ, по преимуществу вызывавшей спросъ на рабочихъ, долженъ былъ наступить конецъ, такъ какъ приливъ населенія оказался не настолько великъ, какъ прибавка жилищъ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ, подъ вліяніемъ пріостановки строительныхъ предпріятій, а отчасти вслѣдствіе присоединившихся политическихъ осложненій, разразился жестокій кризисъ, на долго подломившій предпріимчивость и повергшій въ нищету многія тысячи рабочихъ. Приближеніе кризиса, еще задолго до восьми десятыхъ годовъ предчувствовавшееся по нѣкоторой заминкѣ въ ходѣ дѣлъ, а тѣмъ болѣе его наступленіе, заставило рабочіе классы позаботиться объ обезпеченіи себя отъ несчастныхъ случайностей. Годы, непосредственно предшествовавшіе кризису и слѣдовавшіе за нимъ, даютъ наибольшее количество основанныхъ обществъ взаимопомощи,—именно, въ 1882 г.—397, въ 1883 г.—389, въ 1884 г.—359, въ 1885—325, въ 1886—272; во всѣ послѣдующіе годы количество основанныхъ обществъ колебалось между 200 и 270, т. е. ни разу не достигало размѣровъ, какіе были въ періодъ подготовлявшагося кризиса.

Въ настоящее время Италія покрыта густою сѣтью обществъ взаимопомощи. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 1895 г., ихъ считалось 6725, и въ нихъ участвовало болѣе 1.000.000 лицъ. Изъ каждыхъ 100.000 жителей 3216 входили въ составъ обществъ взаимопомощи. Но и число обществъ, и число членовъ были неравномѣрно распредѣлены между разными частями королевства. Какъ и во всѣхъ прочихъ отдѣлахъ культуры, во главѣ всей остальной Италіи стояли сѣверныя провинціи, Пьемонтъ и Ломбардія. Въ этихъ двухъ провинціяхъ находилось 2308 обществъ взаимопомощи съ 386.000 членовъ, т. е. больше, чѣмъ треть общаго итога тѣхъ и другихъ. Въ Пьемонтѣ насчитывалось 5575, а въ Ломбардіи 5012 членовъ обществъ взаимопомощи на каждыя 100.000 жителей, т. е. больше одной пятой взрослаго мужского населенія (женщинъ до сихъ поръ мало въ составѣ обществъ). Чтобы оцѣнить значительность этихъ цифръ, достаточно принять во вниманіе, что участвующіе въ обществахъ взаимопомощи составляли въ то же время въ Сардиніи лишь 937, въ Сициліи 1134, въ Калабріи 1351, въ Пульѣ 1451, въ Базиликатѣ 1641 человѣкъ на 100.000 жителей. Такая разница представляется понятной, если мы примемъ во вниманіе, что Пьемонтъ и Ломбардія стоятъ на первыхъ, а названныя южныя провинціи на послѣднихъ мѣстахъ по распространенію народнаго образованія: между новобранцами въ Пьемонтѣ и Ломбардіи встрѣчается не больше 15% неграмотныхъ, тогда какъ въ Сардиніи 62,5%, въ Пульѣ 61,3%, въ Базиликатѣ 55,6%, въ Сициліи 55%, въ Калабріи 51% *). Высокая степень распространенности обществъ взаимопомощи въ Италіи станетъ еще болѣе очевидною, если мы припомнимъ, что во Франціи въ томъ же 1895 г. имѣлось 10.588 обществъ съ 1.599.000 членовъ, что даетъ 4.130 человѣкъ на 100.000 населенія **). Такимъ образомъ, страна, издавна извѣстная предусмотрительностью своего населенія, лишь въ небольшой степени превысила среднюю цифру для всего итальянскаго королевства, а отъ Сѣверной Италіи даже значительно отстала.

Быстрое и широкое развитіе обществъ взаимопомощи въ Италіи въ значительной степени объясняется свободою, которая имъ предоставлена по тамошнимъ законамъ. Въ Италіи допущены и существуютъ три юридическихъ типа обществъ взаимопомощи. Первымъ и наиболѣе распространеннымъ изъ этихъ типовъ являются такъ называемыя „свободныя“ общества. Это—союзы, не имѣющіе законнаго утвержденія, но существующіе, такъ сказать фактически, лишь въ силу того, что конституція Итальянскаго королев-

*) Annuario Statistico Italiano. 1899. P. 178—179.
**) Annuaire statistique de la France 1899. P. 265.

ства (ст. 32) признаетъ свободу собраній. Общества этой категоріи не имѣютъ правъ юридическаго лица. Они могутъ пріобрѣтать имущество, заключать сдѣлки, получать пожертвованія, только на имя отдѣльныхъ членовъ, а не цѣлаго союза.—Въ совершенно иномъ положеніи находятся общества второго типа,—получившія юридическое признаніе со стороны государственной власти. Чтобы добиться признанія, общества взаимопомощи должны представить свой уставъ въ мѣстный судъ, который разсматриваетъ его съ точки зрѣнія сообразности съ требованіями закона, и если въ уставѣ нѣтъ ничего, не согласнаго съ закономъ, вноситъ общество въ особый регистръ. Общества, получившія признаніе, имѣютъ права юридическаго лица, могутъ пріобрѣтать имущество и заключать сдѣлки отъ своего имени; они пользуются, кромѣ того, цѣлымъ рядомъ податныхъ льготъ, изъ числа которыхъ особенно важную роль имѣетъ освобожденіе отъ весьма обременительнаго въ Италіи налога на движимое имущество. Но законъ 15 апрѣля 1886 г., предоставившій признаннымъ обществамъ значительныя привилегіи, въ то же время установилъ по отношенію къ нимъ нѣкоторыя ограниченія. Общества этого рода должны состоять исключительно изъ лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу,—оговорка, объясняемая желаніемъ правительства устранить болѣе состоятельные слои общества отъ пользованія податными изъятіями. Другое ограниченіе состоитъ въ томъ, что обществамъ, получающимъ юридическое признаніе чрезъ судебную власть, не предоставляется права учреждать опредѣленной величины пенсіи для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работѣ членовъ. Эта послѣдняя ограничительная мѣра обусловливается тѣмъ, что законъ, имѣя въ виду облегчить юридическое признаніе обществъ взаимопомощи, не обязываетъ судебныя учрежденія, разсматривающія уставы, входить въ техническую оцѣнку состоятельности обществъ для исправнаго выполненія обѣщанныхъ ими выдачъ. Въ этомъ отношеніи итальянскій законъ несравненно либеральнѣе, нежели, напримѣръ, англійскій законъ 1896 г. и новый французскій 1898 г. Оба эти послѣдніе закона возлагаютъ на правительственные органы, утверждающіе уставы обществъ взаимопомощи, непремѣнную обязанность удостовѣряться въ соотвѣтствіи имѣющихся у общества средствъ и установленныхъ имъ членскихъ взносовъ съ принимаемыми имъ на себя обязательствами.

Третій типъ представляютъ собою общества взаимопомощи, утверждаемыя королевскимъ декретомъ. Къ этой довольно сложной и обставленной большими формальностями процедурѣ должны прибѣгать по закону 1886 г. такія общества, которыя состоятъ изъ лицъ нерабочаго класса или же, образуясь изъ рабочихъ, желаютъ учредить для своихъ членовъ правильныя пенсіи. Прежде утвержденія уставы этихъ обществъ подвергаются въ министерствѣ тщательному анализу съ цѣлью убѣдиться, что ихъ средства вполнѣ соотвѣтствуютъ принятымъ обязательствамъ. И впослѣдствіи, по утвержденіи, такія общества обязуются, кромѣ обычныхъ краткихъ годовыхъ отчетовъ, одинаковыхъ съ обществами второй категоріи, представлять черезъ каждыя пять лѣтъ еще такъ называемый техническій балансъ, изъ котораго правительство могло бы убѣдиться, что отношеніе средствъ обществъ къ ихъ обязательствамъ не измѣнилось къ невыгодѣ будущихъ пенсіонеровъ.

Какъ ни велики преимущества, предоставляемыя обществамъ взаимопомощи въ Италіи въ силу юридическаго ихъ признанія, однако же далеко не всѣ общества спѣшатъ воспользоваться ими. Строгость условій и тягость формальностей, требуемыхъ для утвержденія обществъ при помощи королевскаго декрета въ Италіи, вполнѣ объясняетъ тотъ фактъ, что лишь ничтожное количество изъ общей суммы существующихъ обществъ добивается этого привиллегированнаго положенія. Въ Италіи всего 30 обществъ утверждены королевскимъ декретомъ. Сюда принадлежатъ большею частью крупныя общества изъ лицъ нерабочихъ классовъ. Самое обширное изъ нихъ, Миланское, имѣвшее въ 1898 г. 1271 члена и 1.749.000 капитала, состояло изъ чиновниковъ. Чисто рабочихъ обществъ изъ всего этого числа насчитывалось только 7. Однако, и вторая категорія, въ которой

юридическое признаніе совершается судебными властями, тоже представлена въ Италіи сравнительно небольшимъ числомъ обществъ. По новѣйшимъ даннымъ, относящимся къ 1-му января 1898 г., признанныхъ юридически обществъ взаимопомощи числилось въ Италіи лишь 1166, т. е. около 17%, а 5520 или 82,5% принадлежало къ разряду свободныхъ. Въ первые годы по изданіи новаго закона еще довольно значительное количество обществъ, колеблющееся между 100 и 175 въ годъ, хлопотали о признаніи со стороны судовъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше уменьшалось это число, въ послѣдніе же годы, обнимаемые статистикою, 1896 и 1897, спустилось всего до полусотни обществъ (57 и 47). Больше трети признанныхъ обществъ, 453, приходилось на Пьемонтъ и Ломбардію, на всѣ же остальныя 14 провинцій ихъ насчитывалось лишь 713. Во Франціи, гдѣ, подобно Италіи, общества взаимопомощи дѣлятся также на двѣ категоріи, свободныя или разрѣшенныя (autorisées) и утвержденныя („approuvées"), доля послѣднихъ значительно больше, нежели въ Италіи, именно 73% всего числа существующихъ обществъ. Столь значительная разница между двумя сосѣдними странами объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что французскій законъ предоставляетъ утвержденнымъ обществамъ взаимопомощи важное право помѣщать имѣющіеся у нихъ капиталы въ государственную вкладную кассу („Caisse de dèpôts et consignations"), которая, еще въ силу стараго закона Наполеоновскаго времени, платитъ за нихъ обществамъ по $4^1/_2$ процента, тогда какъ въ обыкновенныхъ банковыхъ учрежденіяхъ нельзя было бы получить больше $2^1/_2$ или 3 процентовъ. Этотъ повышенный процентъ составляетъ такую приманку, что несмотря на множество формальностей большинство французскихъ обществъ взаимнаго вспомоществованія считаетъ нужнымъ представлять свои уставы на утвержденіе министерства. Въ Италіи не существуетъ ничего подобнаго. Податными изъятіями въ Италіи пользуются какъ юридически признанныя общества, такъ и свободныя. По отношенію къ налогу на движимость такое отождествленіе вытекаетъ изъ самаго закона, вводившаго этотъ налогъ, такъ какъ въ немъ упоминается о льготѣ обществамъ взаимнаго вспомоществованія безъ всякаго различенія признанныхъ или не признанныхъ. Другія податныя изъятія не имѣютъ столь существеннаго значенія, какъ только что упомянутое, притомъ же, благодаря распространительному толкованію налоговыхъ законовъ, они по большей части примѣняются и къ „свободнымъ" обществамъ.

Итальянскія общества взаимопомощи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, соединяютъ въ своихъ рядахъ лицъ разныхъ профессій. По статистикѣ 1895 г. число такихъ ассоціацій, которыя носятъ названіе просто „обществъ взаимнаго вспомоществованія" или „рабочихъ обществъ", безъ обозначенія занятій, было 4.021, или около 62% всего числа, съ 581.000 членовъ. Кромѣ того, имѣлось 942 общества съ 114.000 членовъ, которыя были составлены изъ „земледѣльцевъ и рабочихъ". Лишь около четвертой части всего числа обществъ принадлежали къ разряду чисто профессіональныхъ, т.-е. состоявшихъ изъ лицъ одной или нѣсколькихъ опредѣленныхъ профессій. Подобнаго же рода отношеніе между смѣшанными и профессіональными обществами взаимопомощи наблюдается и во Франціи,—и тамъ первыя, какъ по числу учрежденій, такъ и по количеству членовъ, составляютъ около двухъ третей общаго итога. Этотъ фактъ представляется понятнымъ. Въ небольшихъ городахъ и въ деревенскихъ округахъ общества взаимопомощи должны по необходимости соединять лицъ разныхъ занятій, такъ какъ для чисто профессіональныхъ союзовъ тамъ не нашлось бы достаточнаго числа членовъ. Но и помимо того, смѣшанныя общества представляютъ извѣстныя выгоды: при различіи занятій и образа жизни участвующихъ лицъ меньше шансовъ одновременнаго наступленія болѣзней или несчастныхъ случаевъ у многихъ членовъ заразъ. Указываютъ еще на то удоб-

ство смѣшанныхъ обществъ, что въ нихъ, наряду съ членами изъ рабочихъ классовъ, могутъ быть привлекаемы лица интеллигентныхъ профессій, безъ помощи которыхъ, въ особенности на первыхъ порахъ, трудно бываетъ обойтись. Нужно, впрочемъ, съ другой стороны замѣтить, что въ профессіональныхъ обществахъ члены тѣснѣе связаны между собою, легче втягиваютъ другъ друга въ дѣло; притомъ же въ такихъ обществахъ можно точнѣе высчитать предстоящіе риски, такъ какъ у всѣхъ членовъ условія жизни и занятій одни и тѣ же.

Въ Италіи преобладаютъ мелкія общества взаимопомощи. По статистикѣ 1895 г. больше половины существовавшихъ обществъ, именно 3.649, имѣли меньше 100 членовъ, больше четверти (1779) насчитывали отъ 100 до 200 членовъ, 620 имѣли отъ 200 до 300 лицъ и только 539 обществъ имѣли въ своемъ составѣ больше 300 лицъ; лишь въ 44 обществахъ число участниковъ превышало тысячу. Среднее количество членовъ въ 1895 г. равнялось для всей Италіи 151 человѣку. Нужно замѣтить, что и во Франціи въ 1895 г. въ среднемъ выводѣ на каждое общество причиталось тоже 150 членовъ. Малый составъ считается неблагопріятнымъ для исправнаго веденія обществъ: при немъ трудно вычислить точныя среднія величины для опредѣленія размѣра рисковъ, вслѣдствіе значительной роли случайностей. Но въ Италіи, гдѣ общества взаимопомощи разбросаны по всей странѣ, не приходилось считаться съ подобнымъ соображеніемъ: какъ можно ждать крупныхъ обществъ, когда имѣвшіяся въ 1895 г. 6.725 ассоціацій распредѣлялись между 3.343 общинами?

Въ Италіи многія общества взаимопомощи принимаютъ безразлично какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Такихъ обществъ насчитывается около 1000. Но огромное большинство обществъ имѣетъ въ своемъ составѣ или однихъ мужчинъ, или однѣхъ женщинъ. Чисто женскихъ обществъ было въ 1895 г. всего 188, такъ что рѣшительное преобладаніе принадлежало обществамъ, состоявшимъ изъ однихъ мужчинъ. Во Франціи женскихъ обществъ нѣсколько больше, именно 363, больше и смѣшанныхъ обществъ (2046). Но и тамъ, подобно Италіи, три четверти всѣхъ ассоціацій состоятъ исключительно изъ мужчинъ. Естественно, поэтому, что въ составѣ обществъ взаимопомощи насчитывалось въ Италіи болѣе 90%, а во Франціи болѣе 80% мужчинъ.

Въ уставахъ обществъ взаимопомощи обыкновенно опредѣляется максимальный и минимальный возрастъ для пріема членовъ. Въ большинствѣ итальянскихъ уставовъ минимальнымъ возрастомъ считается 14, 15 и 16 лѣтъ; лишь очень немногія общества установляютъ 12 и 20 лѣтъ. Что касается до максимальнаго возраста, то обыкновенно онъ назначается въ 50 или 55 лѣтъ; есть немногіе случаи пріема до 60 лѣтъ; выше же этого предѣла пріемъ не допускается почти нигдѣ. Въ обществахъ, принимающихъ въ свой составъ лицъ обоего пола, предѣльные возрасты, какъ низшій, такъ и высшій, для женщинъ назначаются нѣсколько ниже, нежели для мужчинъ. Въ вопросѣ о возрастѣ для пріема французскія общества гораздо строже: тамъ минимальный возрастъ по большей части опредѣляется въ 16—18 лѣтъ, максимальный же ограничивается обыкновенно 30 или 35 годами, и это на томъ основаніи, что рискъ заболѣть и продолжительность болѣзней увеличиваются съ возрастомъ, въ особенности послѣ 40 лѣтъ.

Итальянскія общества взаимопомощи при пріемѣ членовъ ставятъ условіемъ достаточное физическое здоровье. Почти всѣ уставы отказываютъ въ пріемѣ лицамъ, страдающимъ хроническими болѣзнями. Требованіе удовлетворительнаго здоровья входитъ и во французскіе уставы и тамъ оправдывается тѣмъ, что если бы принимались больные, то общества не въ силахъ были бы выдержать предстоящихъ имъ рисковъ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что въ обѣихъ разсматриваемыхъ странахъ хроническая болѣзнь, наступившая послѣ принятія члена, не служитъ основаніемъ къ его устраненію изъ общества или къ отказу въ пособіи.

Одну изъ трудныхъ задачъ составляетъ опредѣленіе высоты членскихъ взносовъ.

Рѣдко встрѣчаются такія общества, которыя преслѣдуютъ одну какую-либо цѣль, напримѣръ, помощь въ болѣзни; обыкновенно къ этой главной присоединяется цѣлый рядъ второстепенныхъ цѣлей. Спрашивается теперь, слѣдуетъ ли назначать съ членовъ одинъ взносъ, который былъ бы достаточенъ для выполненія всѣхъ задачъ общества, или же установлять нѣсколько отдѣльныхъ взносовъ, образуя такимъ образомъ особые фонды для каждой изъ цѣлей общества и предоставляя участіе въ этихъ фондахъ на волю членовъ. Спеціалисты обыкновенно высказываются въ пользу системы раздѣльныхъ фондовъ. Лишь при такомъ условіи, по ихъ мнѣнію, возможно соразмѣрить доходы съ расходами и, слѣдовательно, обезпечить точное выполненіе принятыхъ обществами обязательствъ. При смѣшеніи всѣхъ доходовъ вмѣстѣ, всегда является опасность нарушить разсчеты и обмануть ожиданія лицъ, вѣрившихъ обществу свои сбереженія въ надеждѣ на будущую поддержку. Спеціализація фондовъ считается необходимою и по той причинѣ, что каждая изъ задачъ обществъ представляетъ свои особые размѣры риска. Указываютъ еще и на то, что раздѣльность фондовъ и взносовъ облегчаетъ привлеченіе членовъ, дѣлая возможнымъ назначеніе меньшихъ взносовъ для участія въ главныхъ выгодахъ общества; освобождаетъ все общество отъ опасности общаго кризиса при неудачѣ одной какой-либо отрасли его дѣятельности; облегчаетъ учетъ и провѣрку операцій общества. Не удивительно, поэтому, что и законодательства настаиваютъ на примѣненіи этого принципа. Такъ, напр., по итальянскому закону, утверждаются королевскимъ декретомъ только такія общества, которыя установятъ для каждой отдѣльной цѣли особые взносы и отдѣльное счетоводство. При подготовкѣ закона 1886 г. предполагалось примѣнить обязательно эту систему ко всѣмъ обществамъ, которыя будутъ просить объ юридическомъ признаніи. Однако, практическіе дѣятели изъ среды обществъ взаимопомощи упорно сопротивлялись введенію въ законъ такого требованія, вслѣдствіе чего большинство палаты настояло на его исключеніи. Основаніемъ оппозиціи служило то соображеніе, что въ практикѣ могутъ встрѣтиться случаи, выходящіе изъ предѣловъ обычнаго предвидѣнія. Представьте себѣ, что какая-либо эпидемія, напримѣръ, холерная, вызоветъ необычайное количество заболѣваній. При спеціализаціи фондовъ, средства, назначаемыя для пособій въ болѣзни, могутъ быстро истощиться, и общество вынуждено будетъ въ самый критическій моментъ оставить больныхъ безъ медицинской помощи и безъ средствъ къ существованію, тогда какъ въ кассѣ могутъ находиться еще крупныя суммы, предназначенныя для пенсій, т. е. для расхода, предстоящаго лишь въ будущемъ. Несмотря на проповѣдь строгихъ техниковъ, несмотря на рекомендацію образцовыхъ уставовъ, система раздѣльныхъ фондовъ и въ Италіи, и во Франціи примѣняется лишь какъ рѣдкое исключеніе. Немногія общества въ Италіи, которыя придерживаются этой системы, практикуютъ ее въ двухъ видахъ: нѣкоторыя проводятъ раздѣленіе фондовъ во всей его цѣлости, назначая для каждой отдѣльной цѣли особые взносы и предоставляя на волю члена участвовать во всѣхъ фондахъ, или же только въ нѣкоторыхъ и даже лишь въ одномъ. Такова, напримѣръ, крупная ассоціація для взаимнаго вспомоществованія и образованія рабочихъ въ Туринѣ. При ней существуетъ особая пенсіонная касса для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду членовъ, а также вдовья касса; каждый изъ членовъ можетъ записываться въ эти кассы или нѣтъ. Но, наряду съ описаннымъ, существуютъ и такія общества, въ которыхъ берется одинъ обязательный взносъ съ членовъ, распредѣляемый затѣмъ между отдѣльными фондами или пропорціонально рискамъ, представляемымъ каждымъ изъ нихъ, или же въ другихъ случайныхъ пропорціяхъ. Однако, большинство обществъ, какъ мы уже замѣтили выше, имѣютъ общій фондъ и назначаютъ одинъ взносъ для всѣхъ цѣлей общества.

Какъ же великъ этотъ взносъ? По большей части, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, кромѣ членскаго взноса, берутся еще вступныя деньги. Эти послѣднія обыкновенно различаются по полу и возрасту. Во многихъ обществахъ молодые члены ничего

не платятъ при вступленіи, для лицъ же старшихъ возрастовъ вступныя деньги, начинаясь съ 1 лиры, поднимаются иногда до 40 и 50 лиръ. Большей частью, впрочемъ, максимальнымъ размѣромъ является 15—20 лиръ, которыя въ случаѣ желанія члена могутъ быть вносимы по частямъ малыми долями. Во Франціи размѣры вступныхъ денегъ колеблятся въ меньшихъ предѣлахъ,—отъ 4—6½ фр. въ обществахъ утвержденныхъ и отъ 2—4 въ „свободныхъ". Такая разница между двумя сосѣдними странами зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что максимальный возрастъ для пріема членовъ въ Италіи гораздо выше, чѣмъ во Франціи.

Что касается до ежегодныхъ взносовъ, то въ нихъ меньше разницы, нежели въ вступныхъ деньгахъ. Въ большинствѣ обществъ взносы одинаковы, несмотря на разницу возраста членовъ; но не мало и такихъ, гдѣ для младшихъ возрастовъ, равно какъ для женщинъ, назначаются низшіе взносы. По большей части членскіе взносы составляютъ 1—1½ лиры въ мѣсяцъ. Но есть и такія общества, гдѣ мѣсячные взносы спускаются до 0,50 и поднимаются до 2 лиръ. Въ среднемъ выводѣ для 3.420 обществъ, обнимаемыхъ статистикою 1885 г., годичный членскій взносъ составлялъ 9,28 лиръ, включая сюда и вступныя деньги. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, напримѣръ, въ Ломбардіи, средній взносъ превышаетъ 10 лиръ, а въ южныхъ, напримѣръ, въ Абруццахъ и Базиликатѣ, онъ колеблется около 6 лиръ. Конечно, приведенные взносы не велики. Если общества производятъ свои выдачи соотвѣтственно нормамъ, рекомендуемымъ образцовыми уставами и разсчитаннымъ на основаніи статистическихъ данныхъ и математическихъ законовъ *), то наиболѣе распространенный взносъ въ 1 лиру можетъ обезпечить для члена, вступающаго въ общество въ возрастѣ 25 лѣтъ, 1 лиру дневного пособія въ случаѣ болѣзни и, кромѣ того, капиталъ въ 400 лиръ семьѣ въ случаѣ его смерти, или же ежегодную пенсію ему самому въ 36 лиръ, начиная съ 55 года. Но въ Италіи, при сравнительно низкомъ уровнѣ заработной платы, мудрено разсчитывать на большіе взносы. Что касается до Франціи, то тамъ обычная цифра взносовъ нѣсколько выше. Въ 1896 г. средній взносъ во французскихъ утвержденныхъ обществахъ составлялъ 14,93 франка,— въ частности 15,45 фр. съ мужчинъ, 12,54 фр. съ женщинъ и 4,65 фр. съ дѣтей. Въ „свободныхъ" же (разрѣшенныхъ) обществахъ, при среднемъ взносѣ въ 15,60 фр., сборъ съ мужчинъ составлялъ 16,43 фр., съ женщинъ 10,32 фр., а съ дѣтей (въ 1895 г.) 7,45 фр.

Взносы дѣйствительныхъ членовъ составляютъ повсюду основной источникъ средствъ въ обществахъ взаимопомощи. Въ Италіи, по нѣсколько устарѣлымъ, но единственно имѣющимся, даннымъ за 1885 г., изъ общей суммы дохода 3.566 обществъ, представившихъ свѣдѣнія по этому предмету, ровно двѣ трети, именно 5.026,367 лиръ изъ 7.566.128 л., состояли изъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ. То же самое справедливо и относительно французскихъ обществъ: и тамъ почти двѣ трети приходятся на платежи членовъ. Но какъ во Франціи, такъ и въ Италіи многія общества принимаютъ пожертвованія, получаютъ вспомоществованія отъ государства, органовъ мѣстнаго самоуправленія и отъ своихъ почетныхъ членовъ и пользуются процентами съ принадлежащаго имъ имущества. Главное мѣсто въ числѣ этихъ экстраординарныхъ доходовъ занимаютъ проценты съ капиталовъ и имуществъ обществъ. Въ Италіи въ 1885 г. проценты составляли 1.440.000 л., а во Франціи 4.607.000 фр. Слѣдующую затѣмъ по важности статью дохода представляютъ пожертвованія и пособія, которыя доставили въ Италіи 852.000 лиръ, а во Франціи около 2.700.000 фр. Что касается до взносовъ почетныхъ членовъ, то изъ этого источника получена въ Италіи сравнительно ничтожная сумма въ 247.000 лиръ, тогда какъ во Франціи она имѣетъ очень серьезное значеніе, доставивъ въ 1896 г. 2.800.000 фр.

*) Такая таблица введена, напримѣръ, въ образцовый уставъ, рекомендуемый для обществъ взаимопомощи въ извѣстномъ сборникѣ Радино (стр. 277).

Итальянскія общества взаимопомощи не пользуются никакими правильными пособіями со стороны государства, и этотъ источникъ доходовъ не играетъ въ ихъ бюджетахъ никакой роли. Иначе поставлено это дѣло во Франціи. Тамъ государственная власть уже издавна оказываетъ субсидіи обществамъ взаимопомощи, главнымъ образомъ, въ формѣ прибавки къ суммамъ, собираемымъ самими обществами для устройства пенсій престарѣлымъ и неспособнымъ къ труду. По свѣдѣніямъ на 1-ое января 1896 г., въ общей суммѣ принадлежавшаго обществамъ взаимопомощи пенсіоннаго фонда въ 115 милліоновъ франковъ—21,4 милл. фр. было внесено въ разное время государствомъ. Въ французскій государственный бюджетъ вносится ежегодно около 2.700.000 фр. на разныя формы содѣйствія обществамъ взаимнаго вспомоществованія *).

Само собою разумѣется, что общества взаимопомощи, уже въ силу самой основной задачи, должны стараться накоплять имущество. Лишь при обильныхъ фондахъ они могутъ спокойно смотрѣть на свое будущее. Естественно поэтому, что болѣе старыя общества, каковы, напримѣръ, англійскія, владѣютъ громадными капиталами, исчисляемыми въ сотняхъ милліоновъ франковъ и даже рублей. Даже французскимъ обществамъ, болѣе позднимъ по своему происхожденію, удалось накопить крупный капиталъ, равнявшійся въ 1896 г. 248.610.677 фр.,—сумма, которая даетъ въ среднемъ выводѣ на каждое общество около 25.000 фр. Итальянскія общества, возникшія сравнительно недавно, имѣли, по устарѣвшимъ свѣдѣніямъ 1885 г., въ среднемъ выводѣ на каждое общество около 10.000 лиръ накопленнаго капитала, а на каждаго члена въ среднемъ около 65 лиръ. Для болѣе новаго времени имѣются данныя лишь относительно 1166 признанныхъ юридически обществъ. По этимъ свѣдѣніямъ, на 1-е января 1898 г. приходилось имущества въ среднемъ выводѣ на каждое признанное общество 15.445 лиръ, а на каждаго члена 96 лиръ. Такъ какъ признанныя юридически общества по среднему числу членовъ, равно какъ по размѣрамъ взносовъ, почти не отличаются въ Италіи отъ свободныхъ обществъ, то можно допустить, что и въ обществахъ свободныхъ, о которыхъ мы не имѣемъ свѣжихъ данныхъ, средній размѣръ имущества будетъ теперь приблизительно тотъ же, такъ что все имущество 6725 обществъ, насчитанныхъ въ 1895 г., можно оцѣнить примѣрно въ 100 милл. лиръ.

Мы не будемъ входить въ подробности о порядкѣ управленія въ обществахъ взаимопомощи, такъ какъ съ этой стороны они не представляютъ ничего особеннаго по сравненію со всякими другими кооперативными предпріятіями. Также, какъ и повсюду, органами управленія являются въ нихъ: общее собраніе членовъ, совѣтъ, ревизіонная коммиссія и вдобавокъ еще комитетъ экспертовъ (probi viri), составляющій особенность итальянскихъ обществъ. Общія собранія обыкновенныя собираются разъ въ годъ, а чрезвычайныя созываются совѣтомъ по его усмотрѣнію, равно какъ по требованію ревизіонной коммиссіи, комитета экспертовъ или пятой части членовъ. Предсѣдательствуетъ въ общихъ собраніяхъ президентъ совѣта. Совѣтъ состоитъ обыкновенно изъ одиннадцати лицъ, выбираемыхъ въ общихъ собраніяхъ закрытой баллотировкой на два года изъ среды дѣйствительныхъ членовъ. На совѣтѣ лежатъ всѣ важнѣйшія обязанности по управленію дѣлами общества, между прочимъ пріемъ и исключеніе членовъ и назначеніе всякаго рода пособій. Въ ревизіонную коммиссію избираются, тоже общимъ собраніемъ, большею частью пять членовъ на одинъ годъ; ихъ обязанность состоитъ въ провѣркѣ книгъ и въ контролѣ за дѣйствіями совѣта, для чего они приглашаются во всѣ засѣданія совѣта съ правомъ совѣщательнаго голоса. Комитетъ экспертовъ избирается въ числѣ трехъ лицъ общимъ собраніемъ; онъ рѣшаетъ безаппелляціонно

---

*) P. Hubert-Valleroux. „Les Associations ouvrières et les Associations patronales“. Paris. 1899. P. 323.

споры о пріемѣ и исключеніи членовъ, недоразумѣнія между совѣтомъ и ревизіонной коммиссіей по поводу толкованія устава, равно какъ всякіе другіе спорные вопросы, которые будутъ внесены на его разбирательство.

Переходимъ къ дѣятельности обществъ взаимнаго вспомоществованія. Здѣсь мы остановимся, прежде всего, на помощи больнымъ членамъ, которая повсюду составляетъ первоначальную и главнѣйшую цѣль подобныхъ обществъ. Эта отрасль дѣятельности имѣетъ особую важность и въ томъ отношеніи, что она вездѣ поглощаетъ самую крупную часть ежегодныхъ доходовъ обществъ: въ Италіи и во Франціи на нее уходитъ около половины всѣхъ доходовъ. Помощь въ случаѣ болѣзни выражается обыкновенно въ трехъ видахъ: въ опредѣленномъ денежномъ пособіи на каждый день въ теченіе болѣзни, въ оплатѣ гонорара врачамъ и въ покрытіи расхода на лѣкарства. Во Франціи въ нѣкоторыхъ обществахъ практикуется, кромѣ того, интересная форма помощи больнымъ, заключающаяся въ посѣщеніи ихъ членами общества вспомоществованія по очереди. Эта форма помощи, прямо перенесенная изъ обычаевъ древнихъ братствъ, очень цѣнится больными, въ особенности одинокими. Оплата медика и лѣкарствъ составляетъ въ Италіи сравнительно небольшую долю, не болѣе 15% всего расхода на помощь въ болѣзни. Что же касается до Франціи, то расходъ на врачей и лѣкарства не только равенъ, но даже нѣсколько превышаетъ денежныя пособія. Особенно крупную роль играютъ тамъ издержки на лѣкарства, на которыя одни уходитъ около 30% общей суммы, расходуемой обществами на помощь больнымъ. Въ тамошнихъ обществахъ жалуются на эту многомилліонную статью издержекъ, объясняемую крайней вѣрой простыхъ людей въ аптечное лѣченіе.

Отдѣльныя общества, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, очень разнятся между собою по условіямъ помощи, оказываемой въ болѣзни. Не говоря уже о неодинаковомъ размѣрѣ денежныхъ субсидій и другихъ расходовъ на эту помощь, въ каждомъ обществѣ существуютъ свои правила, установляющія, съ какого времени по вступленіи въ общество членъ имѣетъ право на пособіе, съ какого дня послѣ заболѣванія начинается это пособіе и сколько времени оно продолжается. По всѣмъ такимъ вопросамъ существуютъ для Италіи замѣчательныя по своей обстоятельности статистическія данныя за 1885 годъ для каждаго изъ существовавшихъ въ то время обществъ взаимопомощи. Но, сверхъ того, за время съ 1881 г. по 1885 г. были доставлены 311 обществами особенно детальныя данныя, относящіяся ко всѣмъ сторонамъ вопроса о помощи въ болѣзни *). Названные источники показываютъ, что большая часть итальянскихъ обществъ назначаютъ пособія въ болѣзни лишь тѣмъ членамъ, которые пробыли въ составѣ общества не меньше года или по крайней мѣрѣ полугода. Есть, впрочемъ, общества, которыя начинаютъ пособіе послѣ четырехъ- или трехъ-мѣсячнаго пребыванія членомъ общества, и съ другой стороны такія, гдѣ право на пособіе наступаетъ послѣ двухъ и даже трехъ лѣтъ участія въ обществѣ; но этихъ послѣднихъ весьма немного, и всѣ они относятся къ Южной Италіи; такъ, въ Базиликатѣ въ 1885 г. въ 23 обществахъ право на помощь начиналось послѣ трехъ лѣтъ, въ 3—послѣ четырехъ лѣтъ, въ 12—послѣ пяти, въ 2—послѣ восьми лѣтъ и въ одномъ даже послѣ 10 лѣтъ; лишь 18 имѣли срокъ, меньшій двухъ лѣтъ. Напротивъ, общества съ короткими сроками преобладали въ Сѣверной и Центральной Италіи. Въ большинствѣ итальянскихъ обществъ право члена на помощь въ случаѣ болѣзни наступаетъ не тотчасъ по заболѣваніи. Лишь меньшин-

---

*) Доставленныя обществами свѣдѣнія опубликованы въ двухъ оффиціальныхъ изданіяхъ: „Statistica delle Società di mutuo soccorso. Anno. 1885. Roma. 1888“ и „Tavole della frequenza e durata delle malattie osservate nelle persone inscritte à Società di mutuo soccorso“. Roma. 1892.

ство обществъ, не больше четверти всего числа, начинаютъ помощь въ первый день; больше чѣмъ въ половинѣ ихъ помощь оказывается съ третьяго или четвертаго дня послѣ начала болѣзни. Но есть и такія общества, хотя ихъ немного, которыя начинаютъ помощь съ пятаго, шестого и даже седьмого дня. Подобныя стѣснительныя правила существуютъ опять по преимуществу въ Южной Италіи, гдѣ встрѣчаются общества, которыя назначаютъ пособія съ восьмого и даже съ десятаго дня послѣ начала болѣзни. Такая же разница между обществами наблюдается и въ другихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, по новымъ даннымъ объ обществахъ взаимопомощи рабочихъ за 1899 г., изъ 949 обществъ только 676, или 70%, оказывали пособіе съ перваго дня болѣзни, 132 начинали помощь черезъ 2, 3 и 4 дня по заболѣваніи, а 55 даже послѣ 4 дней *). Въ громадномъ большинствѣ обществъ вспомоществованія всѣхъ извѣстныхъ намъ странъ помощь больнымъ оказывается лишь въ теченіе извѣстнаго, назначаемаго въ уставахъ, срока, а не на неопредѣленное время. Въ Италіи лишь около одной пятой всѣхъ обществъ помогаютъ въ теченіе всего періода болѣзни, сколько бы она ни продолжалась; но большая часть обществъ назначаютъ для помощи извѣстный предѣлъ, равняющійся 3, 4 и 6 мѣсяцамъ и лишь въ немногихъ случаяхъ цѣлому году. То же имѣетъ мѣсто и въ Швейцаріи. Болѣе трети обществъ оказываютъ тамъ пособіе больнымъ лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; четверть въ продолженіе 3—6 мѣсяцевъ; четверть на срокъ больше шести мѣсяцевъ; наконецъ, одна шестая обществъ выдаютъ пособія въ теченіе меньше трехъ мѣсяцевъ **). Какъ же быть больнымъ, у которыхъ недугъ затягивается долѣе того времени, на какое назначается имъ помощь по уставамъ обществъ? Тамъ, гдѣ существуетъ государственное страхованіе рабочихъ, напримѣръ въ Германіи и Австро-Венгріи, заботу о людяхъ съ затяжными болѣзнями беретъ на себя другой родъ учрежденій—кассы инвалидности. Такъ, въ Германіи кассы для помощи больнымъ оказываютъ пособіе только въ теченіе 13 недѣль, послѣ чего больной переходитъ на попеченіе инвалидной кассы. Въ странахъ, гдѣ система государственнаго страхованія рабочихъ не примѣняется, федераціи обществъ взаимопомощи начинаютъ заводить кассы „перестрахованія" больныхъ, въ которыхъ съ помощью ничтожнаго ежемѣсячнаго взноса гарантируется члену общества выдача опредѣленнаго пособія на все время болѣзни, хотя бы эта болѣзнь протянулась цѣлые годы. Такія кассы „перестрахованія" распространены въ Бельгіи. Такъ, напримѣръ, въ одной провинціи Hainaut существуетъ четыре кассы перестрахованія, въ которыхъ въ 1899 г. участвовало 174 общества взаимопомощи. Въ этихъ кассахъ ежемѣсячный взносъ въ 20 сантимовъ съ лица предоставляетъ участнику право по истеченіи 6 мѣсяцевъ отъ начала болѣзни получать каждый день пособіе въ 1 фр. хотя бы болѣзнь затянулась на цѣлыя пять лѣтъ ***). Подобныя же кассы стали заводиться во Франціи. Первая изъ нихъ была учреждена въ Нантѣ въ 1881 г. Въ срединѣ 90-хъ годовъ во Франціи существовало десять подобныхъ кассъ, которыя тоже за ежемѣсячные взносы въ 20 и 10 сант. обезпечивали больнымъ ежедневное пособіе въ 1 фр. въ 1 фр. 25 с., но большею частію лишь въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, послѣ чего пособіе понижалось и, въ размѣрѣ 50 и даже 30 с., продолжалось на неопредѣленное время. Во Франціи эти полезныя операціи находятся пока еще въ зародышѣ ****). Въ Италіи намъ неизвѣстно существованіе подобныхъ учрежденій, но ихъ роль можетъ быть выполняема Національной кассой попеченія о неспособныхъ къ труду и престарѣ-

*) Le Cointe. Inventaire des institutions économiques et sociales de la Suisse à la fin du XIX siècle. (Exposition Universelle de 1900 à Paris). Genève. 1900. P. 318.

**) Тамъ же, стр. 319.

***) „Les institutions de mutualité et de retraite dans la province de Hainaut pendant la période quinquennale". 1895—1900. Frameries. 1900.

****) Hubert-Valleroux, стр. 289.

лыхъ рабочихъ („Cassa Nazionale di previdenza per l'invalidita e per la vechiaia degli operai"), уставъ которой утвержденъ королевскимъ декретомъ 18 іюня 1899 г. Эта касса будетъ выдавать пенсіоны неспособнымъ къ труду, составляемые посредствомъ собственныхъ ихъ взносовъ съ добавленіемъ изъ особаго фонда, образуемаго при кассѣ.

Размѣръ денежныхъ пособій, назначаемыхъ больнымъ, представляетъ въ итальянскихъ обществахъ столь же значительныя различія, какъ и изложенныя выше условія помощи. Высота пособія находится обыкновенно въ соотвѣтствіи съ суммой членскаго взноса. Недаромъ же во Франціи выработалось въ средѣ обществъ эмпирическое правило, что размѣръ дневного пособія больному равняется ежемѣсячному взносу члена. По тѣмъ же соображеніямъ въ Италіи пособіе женщинамъ и дѣтямъ назначается обыкновенно меньше, нежели взрослымъ мужчинамъ, которые и платятъ въ общество относительно больше. Въ большинствѣ обществъ пособіе взрослому больному мужчинѣ равняется 1 лирѣ. Но есть не мало обществъ, гдѣ пособіе взрослому рабочему не превышаетъ 50, 60, 80 сант.; ниже 50 с. пособіе почти никогда не спускается, но зато нерѣдко поднимается до 1 л. 50 с. и даже до 2 л.; дальше 2 лиръ общества, составленныя изъ рабочихъ, почти никогда не идутъ. За 1885 г. средняя сумма выданнаго больнымъ пособія составляла 1,03 лиры на каждаго въ день. Въ другихъ странахъ общества взаимопомощи выдаютъ пособія больнымъ щедрѣе. Такъ, во Франціи въ 1896 г. было выдано въ утвержденныхъ обществахъ (approuvées) въ среднемъ выводѣ на каждаго больного 1 фр. 30 с. въ день, причемъ на мужчину приходилось по 1 фр. 34 с., а на женщину 1 фр. 04 с. Въ департаментѣ Сены среднее дневное пособіе составляло въ 1896 г. даже 2,02 фр. *). Въ Германіи учрежденіями государственнаго страхованія выплачивается больному половина получаемой имъ заработной платы, что въ 1898 г. составляло на каждаго больного въ среднемъ 1,03 марки, т. е. приблизительно столько же, сколько во Франціи **).

Итальянская статистика обществъ взаимнаго вспомоществованія представляетъ любопытныя данныя о размѣрахъ задачи, лежащей на этихъ обществахъ по отношенію къ помощи больнымъ, въ зависимости отъ болѣе или менѣе частаго наступленія болѣзней и ихъ продолжительности среди членовъ. Итальянскому правительству въ первой половинѣ 80-хъ годовъ послѣ настойчивыхъ усилій, а главнымъ образомъ при помощи денежныхъ премій, удалось собрать отъ 311 обществъ за 5 лѣтъ (1881—1885) отдѣльныя показанія о каждомъ членѣ, получившемъ пособіе, и такимъ путемъ накопить болѣе 277,000 показаній. Благодаря этимъ даннымъ, явилась возможность составить и опубликовать для пользованія обществъ таблицы болѣзненности и смертности, а также и нормы взносовъ и пособій. Мы воспользуемся главнѣйшими свѣдѣніями изъ этого очень цѣннаго статистическаго источника, подобнаго которому, по числу наблюденныхъ случаевъ, не имѣла до послѣдняго времени никакая другая страна, за исключеніемъ Германіи и Австро-Венгріи, гдѣ введено обязательное государственное страхованіе, построенное, впрочемъ, на иныхъ основаніяхъ, нежели добровольное ***).

Первый вопросъ въ статистикѣ болѣзненности—число больныхъ членовъ и число случаевъ болѣзни (что не одно и то же, такъ какъ каждый можетъ заболѣть нѣ-

---

*) „Annuaire statistique de la France". 1899 p. 51.

**) Dr. Zacher. Leitfaden zur Arbeiter-Versicherung des Deutschen Reiches. Neu zusammengestellt für die Welt-Austellung in Paris. Berlin. 1900.

***) Чтобы устранить зависимость выводовъ отъ случайныхъ постановленій уставовъ относительно времени начала и продолжительности пособій, въ итальянскихъ таблицахъ болѣзненности показанія обществъ взаимопомощи приведены къ однообразной формѣ; таблицы вычислены при предположеніи, что во всѣхъ обществахъ пособія выдаются съ перваго дня и во все теченіе болѣзни.

сколько разъ въ годъ). По даннымъ итальянскихъ таблицъ заболѣваетъ въ годъ въ Италіи въ среднемъ выводѣ 24,$_2$ % записанныхъ въ общества членовъ; на каждыхъ 100 членовъ приходится въ годъ 28 случаевъ болѣзни; среднимъ числомъ болѣзнь продолжается 23 дня. Такимъ образомъ, на каждаго члена приходится въ годъ 6,6 дней болѣзни. Приведенныя цифры относятся къ мужчинамъ, составляющимъ, какъ мы видѣли, главный контингентъ въ обществахъ взаимопомощи. Среди женщинъ всѣ приведенные коэффиціенты гораздо выше: число больныхъ равняется 27,5%, число случаевъ болѣзни—33 на 100 лицъ, средняя продолжительность болѣзни 26 днямъ, среднее число дней болѣзни на каждое лицо—8,5. Приведенныя данныя относятся ко всѣмъ членамъ обществъ взаимопомощи безъ различія лѣтъ, а между тѣмъ болѣзненность терпитъ громадныя видоизмѣненія въ зависимости отъ возраста. Такъ, среди мужчинъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ приходится на каждаго члена 3,9 дней болѣзни; въ возрастѣ отъ 20 до 25—5 дней; отъ 30 до 35 лѣтъ 5,$_1$ дн.; въ возрастѣ отъ 40 до 45—6,$_2$ дн.; отъ 50 до 55—7,$_9$ д.; отъ 60 до 65—11,$_2$ д.; отъ 70 до 75—14,$_7$ дней. Въ виду такихъ различій представляется понятнымъ, почему общества назначаютъ неодинаковые взносы съ лицъ, вступающихъ въ нихъ въ молодомъ или уже въ пожиломъ возрастѣ. Интересно сравнить приведенныя данныя съ нѣкоторыми, правда, болѣе суммарными свѣдѣніями, имѣющимися по другимъ странамъ. Во Франціи въ 1886 г. число дней болѣзни на каждаго члена общества взаимнаго вспомоществованія составляло для мужчинъ—5,31, для женщинъ—6 67 *). Въ Швейцаріи въ 1899 г. приходилось, безъ различія пола, 6 дней болѣзни на человѣка**), въ Германіи въ 1898 г. 6,2 на человѣка***).

Итальянскія данныя даютъ возможность не только опредѣлить среднюю болѣзненность среди обществъ взаимопомощи, но, что гораздо важнѣе, прослѣдить различія болѣзненности по профессіямъ и притомъ въ соединеніи съ поломъ и возрастомъ. Между отдѣльными родами занятій существуетъ въ этомъ отношеніи громадная разница. Тогда какъ, напримѣръ, изъ всего числа записанныхъ въ общества взаимопомощи чиновниковъ и лавочниковъ заболѣваетъ въ годъ 16—17%, между портными это число поднимается до 19%, между сапожниками до 23%, между живописцами, фотографами до 25%, а, напримѣръ, между землекопами („braccianti") до 33%. Подобнымъ же образомъ разнится и число дней болѣзни, приходящееся въ среднемъ выводѣ на каждое лицо извѣстной профессіи: у чиновниковъ или лавочниковъ оно не превышаетъ 4, у землекоповъ же оно поднимается почти до 10 дней въ годъ. Приведенныя цифры относятся къ мужчинамъ. У женщинъ различія еще больше: изъ торговокъ заболѣваетъ въ годъ не больше 22%, среди портнихъ, прачекъ болѣзненность поднимается до 29%, а среди работающихъ на фабрикахъ ядовитыхъ веществъ до 51%.—Любопытны разницы по возрастамъ въ болѣзненности отдѣльныхъ профессій. Конечно, во всѣхъ профессіяхъ безъ исключенія болѣзненность поднимается съ прибавкой лѣтъ; но въ нѣкоторыхъ прогрессія этого поднятія бываетъ больше, а въ другихъ меньше. Такъ, напримѣръ, у портныхъ болѣзненность въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ самая малая изъ всѣхъ занятій (3 дня на человѣка), а въ возрастѣ отъ 45 до 60 лѣтъ она достигаетъ уровня другихъ профессій (7 дней). Напротивъ того, у торговцевъ болѣзненность въ низшемъ возрастѣ такая же, какъ у портныхъ (3,2 дня), а въ возрастѣ отъ 45 до 60 лѣтъ чуть не вдвое ниже (4,5 дня). Въ особенности бросается въ глаза разница въ болѣзненности по возрастамъ у учительницъ: въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ она имѣетъ очень малые размѣры (4,1 дня) и лишь немного выше по сравненію съ торговками (3,4 дня); въ возрастѣ же отъ 45 до 60 лѣтъ она достигаетъ громадной высоты, превышающей всѣ прочія профессіи (14,8 дней),

*) Annuaire statistique de la France 1899. P. 49.

**) L. Cointe. Inventaire des institutions économiques et sociales de la Suisse à la fin du XIX Siècle.

***) Dr. Zacher. Leitfaden zur Arbeiter-Versicherung, Tafel B.

почти равняющейся исключительно высокой болѣзненности женщинъ, работающихъ надъ приготовленіемъ ядовитыхъ веществъ (15 дней). Въ возрастѣ отъ 45 до 60 лѣтъ на каждую больную учительницу приходилось въ среднемъ 53 дня болѣзни—несравненно больше, чѣмъ во всѣхъ безъ исключенія другихъ родахъ профессій *). Итальянскія таблицы изучаютъ заболѣванія и по отдѣльнымъ родамъ болѣзней. Мы не будемъ входить въ подробности этихъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ изслѣдованій, но не можемъ не отмѣтить два-три факта, объясняющіе причины отмѣченныхъ выше разницъ въ болѣзненности по профессіямъ. Какъ извѣстно, въ Италіи въ весьма многихъ мѣстностяхъ свирѣпствуетъ малярія. Эта болѣзнь жестоко преслѣдуетъ всѣхъ лицъ, которымъ приходится работать на открытомъ воздухѣ, и, напротивъ, очень мало касается трудящихся въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. У землекоповъ приходилось 105 случаевъ болѣзни отъ маляріи въ годъ на 100 членовъ; у земледѣльцевъ, садовниковъ—84; у каменьщиковъ—46; а напримѣръ у чиновниковъ—15, у лавочниковъ и коммиссіонеровъ – 12,5, у типографовъ и литографовъ только 4,5. Отъ чахотки страдали больше всего прядильщики и ткачи (18 дней болѣзни на 100 членовъ); кучера, кондуктора омнибусовъ (15,5); столяры (13,8); барочники, носильщики (13,6); сапожники (13,5); портные (12); чиновники, учителя (10); и, напротивъ, почти не заболѣвали ею пекари, литейщики, кочегары (1,69); очень мало болѣли типографы и литографы (4,6); каменотесы, мостовщики (4,75); разсыльные, сторожа (5,19). Иное распредѣленіе заболѣваемости наблюдается въ отдѣлѣ болѣзней дыхательныхъ органовъ, кромѣ туберкулеза. Здѣсь на первыхъ мѣстахъ стоятъ спеціальности, которыя были сравнительно пощажены другими болѣзнями. Первое мѣсто занимаютъ здѣсь полировальщики, угольщики, съ огромной цифрой 222 дней болѣзни на каждыхъ 100 членовъ, а второе затѣмъ типографы и литографы, у которыхъ приходится на эти болѣзни 214 дней на 100 членовъ. По болѣзнямъ сердца особенно сильно страдаютъ каменотесы и мостовщики (50 дней болѣзни на 100 членовъ), а затѣмъ шапочники и зонтичники (34 дня). По накожнымъ болѣзнямъ: барочники, носильщики (95 дней на 100 членовъ), землекопы (79). По болѣзнямъ двигательнаго аппарата, равно какъ по механическимъ поврежденіямъ, первыя мѣста принадлежатъ двумъ спеціальностямъ: носильщикамъ и барочникамъ, а затѣмъ землекопамъ. Болѣзни нервной системы постигаютъ больше всего разсыльныхъ сторожей, домашнихъ служителей (94 дня на 100 членовъ); типографовъ и литографовъ (76 дней); портныхъ (72 дня); всего же меньше земледѣльцевъ (38); торговцевъ, коммиссіонеровъ (17). Изъ женщинъ отъ маляріи всего больше страдаютъ прядильщицы и ткачихи (73 дня), а всего меньше занятыя приготовленіемъ ядовитыхъ веществъ (12) и торговки (18). По чахоткѣ громадный перевѣсъ надъ всѣми приходится на учительницъ (40 дней болѣзни на 100 членовъ); далѣе слѣдуютъ—женская прислуга и занятыя изготовленіемъ ядовитыхъ веществъ (20 дней); меньше же всего заболѣваемость отъ этого недуга у ткачихъ и торговокъ (8 и 9 дней). По нервнымъ заболѣваніямъ на первомъ мѣстѣ стоитъ домашняя прислуга (95 дней), работницы, занятыя приготовленіемъ ядовитыхъ веществъ (89), торговки (66), а всего меньше страдаютъ отъ этихъ болѣзней учительницы. Приведенныя данныя относительно болѣзненности показываютъ, насколько значительны различія, существующія въ этомъ отношеніи между профессіями. Обществамъ взаимнаго вспомоществованія трудно руководствоваться въ разсчетахъ одними лишь средними цифрами, а необходимо запастись точными свѣдѣніями по каждому роду занятій. Къ сожалѣнію, однако, такія свѣдѣнія могутъ быть накоплены лишь цѣлыми годами точнаго наблюденія **).

---

*) Tavole delle frequenza etc. 17.

**) Къ сказанному о пособіяхъ на случай болѣзни можно прибавить, что многія общества, именно 461 въ 1895 г., оказывали спеціальное пособіе женщинамъ членамъ на время родовъ и на вскормленіе новорожденныхъ; 489 обществъ выдавало особое вспомоществованіе при несчастныхъ случаяхъ.

Прибавимъ два слова о смертности. Смертность между членами обществъ взаимнаго вспомоществованія значительно ниже той, которая наблюдается во всемъ населеніи Итальянскаго королевства. Въ періодъ 1881 — 1885 г. она составляла 11,7 на 1000 членовъ въ годъ, тогда какъ во всей Италіи умирало въ тѣхъ же возрастахъ (начиная отъ 10 лѣтъ) 14,6 на тысячу жителей. Замѣчательно, что такая разница обнаруживается во всѣхъ безъ исключенія возрастахъ. Это явленіе естественно объясняется тѣмъ, что общества взаимопомощи принимаютъ въ свою среду лишь лицъ сравнительно здоровыхъ, слѣдовательно, производятъ нѣкоторый искусственный подборъ. Почти одинаковый съ указаннымъ коэффиціентъ смертности отмѣчается въ австрійскихъ кассахъ: съ 1890—1897 г. онъ былъ равенъ,—изъ году въ годъ,—10 на тысячу членовъ *).

Вторая коренная задача обществъ взаимопомощи заключается въ обезпеченіи средствъ существованія членамъ, которые по старости, увѣчью или хронической болѣзни сдѣлались неспособными къ труду, а также, въ случаѣ смерти членовъ,—ихъ семьямъ. Самою правильной формой для осуществленія этой цѣли служитъ выдача опредѣленныхъ пенсій неспособнымъ къ работѣ членамъ, а также семьямъ умершихъ. Такъ именно поняли свою роль учрежденія государственнаго страхованія въ Германіи и въ Австро-Венгріи: тамъ назначается старикамъ и инвалидамъ опредѣленная рента, находящаяся въ зависимости отъ обычнаго размѣра ихъ заработка, а вдовамъ и сиротамъ извѣстная доля этой ренты. Такимъ же образомъ смотрѣли на свою задачу и старѣйшія общества взаимопомощи—англійскія, которыя тоже обыкновенно вводили въ свою программу выдачу пенсій. Однако, послѣ многолѣтняго существованія англійскихъ „дружескихъ" обществъ, подробныя изслѣдованія, произведенныя спеціальнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, контролирующимъ отчеты, показали, что пять шестыхъ англійскихъ обществъ не въ силахъ выполнить своихъ обязательствъ по назначенію пенсій, такъ что, въ сущности, рано или поздно должны быть объявлены несостоятельными. Это изслѣдованіе надѣлало въ свое время большого шуму и самымъ рѣшительнымъ образомъ отразилось на характерѣ новыхъ законодательствъ. Нѣкоторыя государства прямо запретили обществамъ взаимопомощи обѣщать опредѣленные пенсіоны своимъ членамъ (французскій законъ 15 іюля 1850 г., ст. 2-я; бельгійскій законъ 3 апрѣля 1851 г., ст. 2-я). Въ Англіи былъ установленъ самый строгій контроль уставовъ и отчетовъ обществъ для удостовѣренія въ томъ, что взносы членовъ математически соотвѣтствуютъ обѣщаемымъ пособіямъ. Въ законодательствахъ послѣдняго времени нѣсколько смягчены строгости, вызванныя неожиданнымъ открытіемъ грозящей обществамъ несостоятельности; нѣкоторыя государства, между прочимъ, съ цѣлью облегчить для обществъ взаимопомощи правильное веденіе пенсіонной операціи, устроили центральныя пенсіонныя кассы. Первая вступила на этотъ путь Франція, учредивъ извѣстную государственную „Caisse nationale des retraites pour la vieillesse". Ея примѣру послѣдовала Бельгія, и теперь подобная же касса устраивается въ Италіи („Cassa Nazionale di previdenza per l'invalidita e per la vechiaia degli operai"). Тамъ, гдѣ существуютъ подобныя кассы, какъ, напримѣръ, во Франціи и въ Бельгіи, выдача опредѣленныхъ пенсій безпрепятственно разрѣшается обществамъ взаимопомощи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она совершалась при посредствѣ центральной пенсіонной кассы, въ которую общества должны дѣлать взносы, опредѣляемые по правиламъ кассы; въ тѣхъ же случаяхъ, когда общества желаютъ вести пенсіонную операцію помимо кассы, равно какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ центральныхъ пенсіонныхъ кассъ еще не устроено, законодательства новаго времени дозволяютъ обществамъ взаимопомощи обѣщаніе и выдачу пенсій опредѣленнаго размѣра лишь въ томъ случаѣ, если обществами будетъ доказано,

*) Sociale Verwaltung in Oesterreich am Ende des 19 Jahrhunderts. Aus Anlass der Weltausstellung. Paris 1900. I. Band. Socialökonomie Wien und Leipzig 1900. S. 53.

что установленные ими взносы соотвѣтствуютъ, по законамъ математики, обѣщаннымъ пенсіямъ. Такъ какъ убѣдиться въ подобномъ соотвѣтствіи возможно лишь при помощи серьезнаго техническаго анализа правилъ и смѣтъ, то разрѣшеніе обществъ, обѣщающихъ опредѣленныя пенсіи, обставляется бо́льшими формальностями, нежели тѣхъ обществъ, гдѣ подобныхъ обѣщаній не дѣлается. Всего полнѣе изложенный принципъ проведенъ въ англійскомъ законодательствѣ; онъ же положенъ въ основу и дѣйствующаго нынѣ закона (15 апрѣля 1886 г.) въ Италіи. Итальянскій законъ дозволяетъ пособіе въ случаѣ неспособности къ труду или старости, равно какъ помощь семьямъ умершихъ членовъ, но эта субсидія не должна имѣть характера пенсіона опредѣленнаго размѣра. Судебнымъ учрежденіямъ, утверждающимъ уставы обществъ взаимопомощи, вмѣняется въ обязанность освѣдомляться при просмотрѣ уставовъ, не заключается ли въ этихъ послѣднихъ обѣщанія опредѣленныхъ пенсій, и, если подобное обѣщаніе имѣется, отказывать въ юридическомъ признаніи обществъ. Причина такого запрещенія прямо выражена была въ циркулярѣ министра юстиціи, сопровождавшемъ введеніе закона 1886 г. „Эта, сама по себѣ въ высшей степени похвальная задача", пишетъ министръ, „можетъ быть безъ риска предоставлена обществамъ только въ томъ случаѣ, если они устроены на опредѣленныхъ техническихъ основаніяхъ, а чтобы убѣдиться въ этомъ, требовался бы предварительный анализъ уставовъ". Однако, министръ самъ указывалъ удобный выходъ для тѣхъ обществъ, которыя желали бы обезпечить своихъ неспособныхъ къ труду членовъ или ихъ семьи. Для этого стоитъ только обществамъ обѣщать въ своихъ уставахъ не „пенсіи" („pensione") опредѣленнаго размѣра, а „пособія" („sussidi"), размѣръ которыхъ будетъ зависѣть отъ состоянія фондовъ общества. Для тѣхъ же обществъ, которыя хотѣли бы непремѣнно установить опредѣленныя пенсіи, министръ указывалъ законный путь, который уже существовалъ и до появленія новаго закона,—именно путь утвержденія уставовъ посредствомъ королевскаго декрета *). Непремѣннымъ условіемъ такого утвержденія является предварительный техническій анализъ уставныхъ правилъ чрезъ спеціалистовъ, состоящихъ при министерствѣ, и періодическое представленіе подробныхъ техническихъ балансовъ о состояніи средствъ и обязательствъ общества.

Законъ 1886 г. наложилъ свою печать на состояніе пенсіонной операціи въ итальянскихъ обществахъ взаимопомощи. Выдача пенсій въ опредѣленномъ размѣрѣ, соотвѣтственно техническимъ требованіямъ, составляетъ въ этихъ обществахъ лишь крайне рѣдкое исключеніе. Огромное большинство обществъ обѣщаетъ выдавать или уже выдаетъ престарѣлымъ, неспособнымъ къ труду или семьямъ умершихъ „постоянныя субсидіи", по большей части избѣгая слова „пенсія" и не обозначая напередъ ихъ размѣра. Такихъ обществъ въ 1895 г. насчитывалось 2256 изъ общаго числа 4983, доставившихъ свѣдѣнія о своихъ операціяхъ. Но кромѣ того 2478 обществъ обѣщали неспособнымъ къ труду лицамъ, равно какъ вдовамъ и сиротамъ членовъ, пособія, не имѣющія характера постоянныхъ („sussidi straordinari"), а зависящія отъ состоянія средствъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ обѣщаній, которыя дѣлаются въ уставахъ. Въ уставѣ „Римскаго рабочаго общества взаимопомощи" говорится: „Всѣ дѣйствительные члены, которые, пробывъ десять лѣтъ въ составѣ общества, будутъ поражены хронической болѣзнью, или сдѣлаются неспособными къ труду по причинѣ старости, увѣчья, слѣпоты и пр., имѣютъ право на ежегодное вспомоществованіе во все время неспособности къ труду". „Ассоціація взаимопомощи Миланскихъ рабочихъ", упомянувъ о правѣ престарѣлыхъ и хронически больныхъ членовъ на пенсію, заявляетъ, что размѣръ пенсіи будетъ установляться на каждыя пять лѣтъ въ соотвѣтствіи съ доходами двухъ спеціальныхъ фондовъ: одного для помощи неизлѣчимо больнымъ, а другого для

*) Rodino, 88.

пособія престарѣлымъ. Многія общества обязуются давать вспомоществованія „въ предѣлахъ фондовъ, которыми они располагаютъ“.

Таблицы о состояніи пенсіонной операціи показываютъ, что въ большинствѣ обществъ, такъ же, какъ въ приведенномъ выше уставѣ римскаго общества, право на полученіе постояннаго пособія наступаетъ лишь черезъ десять лѣтъ, но есть не мало обществъ, гдѣ оно отсрочивается до 15 и 20 лѣтъ. Размѣръ пособія, какъ мы уже упоминали выше, въ большей части случаевъ не опредѣленъ. Тамъ же, гдѣ онъ опредѣляется, хотя бы и на время, онъ составляетъ 10, 15, рѣдко 20 лиръ въ мѣсяцъ, а иногда спускается до 5 и даже до 4 лиръ. Въ 1885 г. имѣлось 470 обществъ, которымъ приходилось платить по крайней мѣрѣ одинъ пенсіонъ; средній размѣръ пенсіи въ нихъ равнялся 116 лирамъ въ годъ. Сумма, выдаваемая вдовамъ и сиротамъ, опредѣляется еще рѣже, но тамъ, гдѣ она отмѣчена въ статистическихъ таблицахъ, она по большей части составляетъ 50 — 70 лиръ въ годъ, хотя есть случаи, гдѣ она поднимается до 120 и даже до 180 лиръ; въ среднемъ выводѣ за 1885 г. она составляла 49 лиръ. Изъ такихъ рабочихъ обществъ, которыя выдаютъ опредѣленныя пенсіи по всѣмъ правиламъ техники, обращаетъ на себя вниманіе „Кремонское общество взаимопомощи рабочихъ“. Оно уже успѣло накопить, при помощи взносовъ и пожертвованій, обширный пенсіонный фондъ, который равняется для мужского отдѣленія 300.000 лиръ, а для женскаго 200.000 лиръ. Въ первомъ отдѣленіи считается болѣе 1000 членовъ. По истеченіи 65-лѣтняго возраста оно выдаетъ членамъ 182 фр. 50 с. въ годъ. Изъ членскаго взноса, равняющагося 14 фр. 66 с. въ годъ, 6 фр. 66 с. удерживаются въ пенсіонный фондъ.

Въ сосѣдней Франціи пенсіонное дѣло поставлено въ обществахъ взаимопомощи болѣе прочнымъ образомъ. Общества успѣли накопить громадный пенсіонный фондъ, по большей части помѣщенный въ центральной кассѣ; этотъ фондъ въ „утвержденныхъ“ обществахъ равнялся къ началу 1897 г. 121 милл. фр. Но, кромѣ того, резервные фонды въ „утвержденныхъ“ и „свободныхъ“обществахъ вмѣстѣ простирались до 127 милл. фр. При такихъ средствахъ выдача пенсій представляется тамъ солидно обезпеченною. Всѣхъ обществъ, выдающихъ пенсіи, въ началѣ 1896 г. было 4071; всѣхъ пенсіонеровъ въ томъ же году насчитывалось 37.036; сумма, распредѣлявшаяся пенсіонерамъ, составляла въ 1895 г. 4½ милл. фр., изъ которыхъ 2,6 милл. фр. выдавалось черезъ посредство Національной пенсіонной кассы, а 1,9 милл. изъ резервныхъ фондовъ. Средняя сумма пенсіона, получавшагося изъ Національной кассы, составляла въ 1895 г. 72 фр. 60 с., а выдававшагося изъ резервныхъ фондовъ—95 фр. Изъ 37.036 пенсій, 31.751 были ниже ста франковъ; только 733 превышали 200 фр., и всего лишь 134 переходили 301 фр. *).

Значительное количество итальянскихъ обществъ, кромѣ пособія семьямъ въ случаѣ смерти членовъ, принимаютъ на себя еще издержки ихъ погребенія. Въ 1895 г. такихъ обществъ насчитывалось 1891. Къ сожалѣнію, въ Италіи нельзя выдѣлить расхода на этотъ предметъ изъ другихъ; но во Франціи онъ составляетъ довольно значительную сумму — около 65 фр. на каждаго умершаго.

Изъ другихъ видовъ помощи членамъ, практикуемыхъ въ итальянскихъ обществахъ, заслуживаетъ вниманія ихъ попеченіе о лицахъ, лишившихся заработка. Въ 1895 г. 545 обществъ принимали на себя заботы о доставленіи мѣстъ, а 234 оказывали, кромѣ того, денежныя пособія безработнымъ. Пріисканіе мѣста производится обыкновенно черезъ предсѣдателя или членовъ совѣта, но у многихъ обществъ устроены для этого правильныя бюро. Въ такихъ бюро ведутся книги для записи лицъ, ищущихъ занятій, а также предлагающихъ ихъ. Часто при рекомендаціи на мѣсто берется небольшая плата

*) Hubert Valleroux, p. 307—308.

съ патрона, а въ нѣкоторыхъ обществахъ и съ самихъ членовъ, получающихъ занятія. Какъ велики пособія, назначаемыя безработнымъ, мы не имѣемъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ застрахованіе отъ безработицы, повидимому, не поставлено еще въ Италіи такъ прочно, какъ въ англійскихъ рабочихъ союзахъ и дружескихъ обществахъ и въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ городахъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта операція представляетъ не малыя трудности для осуществленія. Въ отличіе отъ случаевъ болѣзни и смерти, которые при значительномъ числѣ членовъ можно предвидѣть съ достаточною степенью вѣроятности, наступленіе безработицы не подлежитъ никакому предварительному учету. Даже въ тѣхъ муниципальныхъ предпріятіяхъ, гдѣ застрахованіе отъ безработицы составляетъ спеціальное дѣло, обнаруживаются крупныя ошибки въ разсчетахъ, ведущія къ дефицитамъ. Нужно продолжительное время для того, чтобы накопить запасъ наблюденій, достаточный для сколько-нибудь солидной постановки этой операціи. Не удивительно поэтому, что итальянскія общества взаимопомощи, сравнительно молодыя, лишь рѣдко берутся за нее. Есть, впрочемъ, нѣсколько обществъ, въ которыхъ дѣлу помощи безработнымъ придана правильная организація. Таковы, напримѣръ, 8 обществъ типографовъ въ Кремонѣ, въ Туринѣ и въ другихъ городахъ. „Ассоціація итальянскихъ типографскихъ рабочихъ", имѣющая мѣсто пребыванія въ Туринѣ, ввела въ свой уставъ доставленіе занятій оставшимся безъ дѣла членамъ, а въ случаѣ невозможности добыть работу—выдачу имъ денежнаго пособія. Это общество даетъ пособія и тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые сами оставятъ занятія въ случаѣ пониженія заработной платы за предѣлы выработаннаго обществомъ тарифа. Прочія 7 обществъ повторяютъ въ своихъ уставахъ тѣ же самыя постановленія.

Въ числѣ видовъ помощи при разныхъ случайностяхъ, постигающихъ членовъ, стоитъ упомянуть о пособіи рабочимъ, записаннымъ въ общества взаимопомощи и переходящимъ съ одного мѣста на другое для пріисканія труда. Этотъ способъ вспомоществованія довольно распространенъ въ Италіи. Общества взаимопомощи оказываютъ содѣйствіе одни другимъ: если президентъ общества выдастъ удостовѣреніе своему члену въ томъ, что онъ отправляется искать труда, то этотъ членъ найдетъ въ обществѣ взаимопомощи той мѣстности, куда онъ явится, и содѣйствіе въ добываніи мѣста, и денежную поддержку въ случаѣ нужды. Такими узами солидарности обыкновенно бываютъ связаны общества, относящіяся къ одной извѣстной профессіи. Оговорка о подобной поддержкѣ вводится и въ уставы обществъ другихъ странъ. Такъ, напримѣръ, она внесена во Франціи въ образцовый уставъ обществъ взаимопомощи; въ Англіи этотъ видъ помощи широко практикуется дружескими обществами.

Кромѣ матеріальной поддержки членовъ, многія общества заботятся о доставленіи имъ и ихъ семьямъ средствъ къ образованію. Въ 1895 г. считалось 467 обществъ взаимопомощи, которыя устроили какія-либо образовательныя учрежденія. Большинство обществъ, входящихъ въ приведенную сейчасъ цифру, имѣли вечернія или праздничныя школы, въ которыхъ преподавались предметы элементарнаго обученія, а также рисованіе, музыка и иногда разныя ремесла. Другимъ видомъ содѣйствія образованію было помѣщеніе дѣтей членовъ въ школы, снабженіе ихъ учебными пособіями, поощреніе ихъ преміями и пр. Многія общества завели библіотеки и кабинеты для чтенія, публичныя лекціи и т. п. Сельскія общества взаимопомощи заботятся о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, устраиваютъ лекціи и бесѣды, приглашая для того спеціалистовъ, а также заводятъ опытныя и показательныя поля. Къ этому же роду учрежденій относятся рабочіе кружки,—нѣчто въ родѣ клубовъ, устраиваемыхъ обществами для развлеченія членовъ.

Наряду съ разнообразными пособіями членамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, наряду съ заботами объ ихъ образованіи, общества взаимопомощи посвящаютъ серьезное вниманіе улучшенію условій повседневной жизни и обычной хозяйственной

дѣятельности членовъ. На первомъ мѣстѣ среди этихъ задачъ стоитъ доставленіе членамъ дешеваго и удобнаго кредита. Рабочему или ремесленнику бываютъ нужны ссуды, какъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ въ домашнемъ быту, такъ и для разныхъ надобностей ихъ промысла или хозяйства. Мелкому человѣку трудно добыть въ нужную минуту средства для той или другой цѣли: обыкновенно у него нѣтъ достатка, его мало знаютъ, и его подпись не имѣетъ вѣса въ банкахъ. Но здѣсь то и является съ своимъ мощнымъ подспорьемъ ассоціація. Итальянскія общества взаимопомощи практикуютъ кредитъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ 1895 г. отъ 1151 общества были получены свѣдѣнія о существованіи у нихъ въ той или другой формѣ кредитныхъ операцій. Ссуды выдаются или непосредственно самими обществами взаимопомощи, или же при посредствѣ народныхъ банковъ и другихъ подобныхъ кредитныхъ учрежденій. Въ первомъ случаѣ опять наблюдаются двѣ формы. Иногда общества оказываютъ кредитъ членамъ изъ собственныхъ средствъ, иногда же при обществахъ учреждаются спеціальныя кассы, съ особымъ управленіемъ и особымъ капиталомъ. Въ послѣдней статистикѣ обществъ взаимопомощи за 1895 г., къ сожалѣнію, не указано, сколько изъ всего числа обществъ имѣли особыя учрежденія для своихъ кредитныхъ операцій; но въ 1885 г. особыя кассы для ссудъ существовали при 152 обществахъ изъ 980 оказывавшихъ кредитъ членамъ. Въ девяти десятыхъ отдѣльныхъ кассъ основные капиталы были доставлены обществами взаимопомощи; въ остальныхъ случаяхъ капиталъ былъ полученъ или посредствомъ выпуска акцій, разобранныхъ отдѣльными членами, или же при помощи пожертвованій и займовъ. Иногда всѣ оборотныя средства кассы ограничивались ея первоначальнымъ капиталомъ; но во многихъ случаяхъ кассы принимали вклады, и тогда именовали себя не просто „ссудными" („cassa prestiti"), а „ссудно-вкладными („cassa depositi et prestiti"). Хотя названныя кассы дѣйствовали отдѣльно отъ обществъ, при которыхъ состояли, но тѣмъ не менѣе онѣ находились съ обществами въ непосредственной связи, такъ какъ обыкновенно управлялись одними и тѣми же лицами и передавали свои прибыли въ общества, если не употребляли ихъ на покрытіе долговъ или на увеличеніе своего основного капитала. Такъ какъ цѣль кредитныхъ операцій при обществахъ взаимопомощи заключалась не въ увеличеніи прибылей, а въ оказаніи поддержки членамъ, то ссуды давались на самыхъ льготныхъ условіяхъ, по большей части изъ 5—6 процентовъ, — нормѣ, ниже которой въ серединѣ 80-хъ годовъ нельзя было получить кредита и крупныхъ банкахъ. Были, впрочемъ, общества, которыя понижали свои проценты до 4%, 3,% и даже выдавали вовсе безпроцентныя ссуды, каково, напримѣръ, общество взаимопомощи въ Андріи, носящее громкое названіе „Звѣзда Кармила" („Stella del Carmelo"). По вкладамъ, гдѣ они принимались, платилось 4—5%. Ссуды выдавались на достаточно долгіе сроки и притомъ съ правомъ покрывать ихъ мелкими долями; тамъ же, гдѣ практиковались краткосрочныя ссуды на 4, 5, 6 мѣсяцевъ, почти всегда подразумѣвалась возможность отсрочки. Едва ли нужно прибавлять, что операціи велись въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Максимальная сумма ссудъ рѣдко превышала 200 лиръ и лишь въ единичныхъ случаяхъ поднималась до 500 л., спускалась же до 5—10 л. Понятно, поэтому, что при значительномъ количествѣ выданныхъ ссудъ, обороты общества по этой отрасли дѣятельности были довольно ограничены. Въ 117 ссудныхъ кассахъ, о которыхъ даны свѣдѣнія въ статистикѣ 1885 г., общій оборотъ по ссудамъ составлялъ въ томъ году 537.000 лиръ, а въ 20 ссудо-вкладныхъ кассахъ—560 лиръ, что даетъ въ среднемъ на одну ссудную кассу 4.600 лиръ, а на одну ссудо-вкладную 28.000 лиръ.

Однако, этими болѣе чѣмъ скромными операціями итальянскія общества не ограничиваются въ дѣлѣ оказанія кредитнаго содѣйствія своимъ членамъ. Какъ только нужда въ кредитѣ переходитъ размѣръ свободныхъ средствъ самихъ обществъ, они обращаются къ народнымъ банкамъ, которые разбросаны во всѣхъ частяхъ Италіи. Нужно замѣтить,

что большая часть итальянскихъ народныхъ банковъ, не исключая самыхъ раннихъ и наиболѣе знаменитыхъ, возникли въ средѣ обществъ взаимопомощи и нерѣдко при ихъ ближайшемъ содѣйствіи. Не удивительно, поэтому, что банки охотно отзываются на обращаемый къ нимъ запросъ обществъ. Въ новой статистикѣ итальянскихъ народныхъ банковъ, обнимающей операціи ихъ за 1898 г. и вышедшей въ 1900 г., упоминается 77 банковъ, кредитовавшихъ общества взаимопомощи. Кромѣ того, 49 банковъ сами оказывали мелкія ссуды рабочимъ, по большей части, какъ увидимъ ниже, тоже при содѣйствіи обществъ взаимопомощи. Такимъ образомъ, у обществъ взаимопомощи завязаны самыя тѣсныя связи съ народными банками, которые въ Италіи обладаютъ обширными финансовыми средствами; эти общества являются каналомъ, черезъ который капиталы проникаютъ въ самые глубокіе слои промышленнаго міра. Посмотримъ, въ какихъ формахъ осуществляется это сочетаніе обществъ взаимопомощи съ народными банками *). Ссуды, производимыя лицамъ изъ рабочаго класса на особыхъ льготныхъ условіяхъ, носятъ въ практикѣ итальянскихъ народныхъ банковъ спеціальное названіе „ссудъ на честь“ („prestiti sull'onore“). Это—мелкія ссуды подъ личное обязательство заемщика, не гарантированное ни вещественнымъ обезпеченіемъ, ни формальнымъ поручительствомъ; ссуды выдаются на основаніи довѣрія къ личнымъ качествамъ должника, къ его трудоспособности и честности. Народные банки производятъ эту операцію въ весьма различныхъ формахъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ лишь немногія, болѣе типическія. Иногда банки сами непосредственно выдаютъ „ссуды на честь“ рабочимъ и мелкимъ промышленникамъ. Таковъ, напримѣръ, Болонскій банкъ. Банкъ требуетъ, чтобы два человѣка, извѣстныхъ въ городѣ, лично знали заемщика и считали его неспособнымъ злоупотребить довѣріемъ банка. Эта аттестація ни въ какомъ случаѣ не является формальнымъ поручительствомъ, а только, такъ сказать, моральной гарантіей. Ссуды, выдаваемыя банкомъ, не превосходятъ 250 лиръ. Выдаются онѣ по низкому проценту и съ весьма облегченными условіями уплаты: банкъ довольствуется покрытіемъ одной десятой части ссуды въ три мѣсяца. Хотя банкъ самъ производитъ ссуды, но онъ уже съ давняго времени привлекаетъ рабочихъ къ участію въ разсмотрѣніи просьбъ о кредитѣ: въ его учетной коммиссіи участвуютъ пять лицъ изъ рабочаго класса, на разсмотрѣніе которыхъ и передается вопросъ о каждой „ссудѣ на честь“. Операція этихъ мелкихъ ссудъ достигаетъ въ послѣднее время въ Болонскомъ банкѣ весьма крупныхъ размѣровъ: въ 1898 г. было выдано 3347 такихъ ссудъ на общую цифру 665.000 лиръ. Изъ другихъ банковъ съ крупными операціями этого рода можно отмѣтить Банкъ взаимнаго кредита въ Павіи, который выдалъ въ 1898 г. 2875 ссудъ на сумму 143.850 лиръ, съ среднимъ размѣромъ ссуды въ 50 лиръ; кооперативный рабочій банкъ въ Туринѣ, который кредитовалъ въ томъ же году 903 лицъ на сумму 48.000 лиръ, среднимъ числомъ по 53 лиры. Подобнаго же порядка придерживаются банки въ Падуѣ, въ Лоди, въ Виченцѣ и т. д. Однако, по большей части, банки предпочитаютъ не прямую форму „ссудъ на честь“, а косвенную, чрезъ посредство обществъ взаимопомощи. Даже нѣкоторые банки, кредитующіе рабочихъ непосредственно, требуютъ, чтобы лицо, испрашивающее „ссуду чести“, принадлежало къ обществу взаимопомощи: это является въ глазахъ банковъ какъ бы гарантіей добропорядочности и аккуратности просителя. Подобное требованіе установлено, напримѣръ, въ Кремонѣ, въ Мантуѣ и пр. Но обыкновенно общества взаимопомощи привлекаются къ болѣе активному участію. По словамъ Дель-Во, наиболѣе распространенная форма связи банковъ съ обществами заключается въ слѣдующемъ: каждое общество взаимопомощи, члены котораго получаютъ кредитъ изъ банка, на-

*) Кромѣ разныхъ другихъ свѣдѣній, мы пользуемся по этому вопросу превосходнымъ докладомъ, который былъ представленъ на международный конгрессъ по мелкому кредиту, происходившій въ Парижѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1900 г., директоромъ народнаго банка въ Падуѣ г. Дель-Во, однимъ изъ лучшихъ практиковъ кооперативнаго кредита въ Италіи.

значаетъ отъ себя трехъ делегатовъ въ учетную коммиссію, разсматривающую просьбы о ссудахъ. Изъ этихъ делегатовъ выбираются два или три лица въ составъ правленія банка; кромѣ того, администрація обществъ взаимопомощи принимаетъ на себя обязательство доставлять необходимыя свѣдѣнія о каждомъ просителѣ ссуды, какъ матеріалъ для сужденія учетной коммиссіи и правленія банка. Въ немаломъ числѣ случаевъ банкъ прямо передаетъ въ распоряженіе самихъ обществъ взаимопомощи тѣ средства, которыя онъ предназначаетъ для „ссудъ на честь". Такимъ образомъ поступалъ, напримѣръ, вначалѣ Кремонскій банкъ; но впослѣдствіи онъ замѣнилъ такую организацію другою, описанною выше, гдѣ члены обществъ взаимопомощи лишь участвуютъ въ обсужденіи ссудъ, выдаваемыхъ самимъ банкомъ. Какая бы изъ изложенныхъ формъ ни была принята, при всѣхъ нихъ для заемщиковъ устанавливаются условія еще болѣе льготныя, нежели при кредитованіи членовъ изъ собственныхъ капиталовъ общества. Такъ, напримѣръ, въ Падуѣ и во многихъ другихъ народныхъ банкахъ, берется по ссудамъ на честь всего 2%, вездѣ даются длинныя разсрочки. Но, взамѣнъ этихъ льготъ, требуются и нѣкоторыя условія. Заемщикъ долженъ указать цѣль просимой ссуды, отмѣтить свое семейное положеніе, а общество взаимопомощи, къ которому принадлежитъ онъ, должно сообщить свѣдѣнія объ его экономическомъ положеніи, о времени вступленія въ общество и о томъ, аккуратно-ли онъ дѣлалъ свои взносы.

Одно изъ важныхъ средствъ къ улучшенію быта своихъ сочленовъ общества взаимопомощи видятъ въ устройствѣ потребительныхъ обществъ или, по крайней мѣрѣ, потребительныхъ магазиновъ („magazzini di consumo"). Цѣль такихъ предпріятій состоитъ въ удешевленіи и въ улучшеніи качества предметовъ первой необходимости: жизненныхъ припасовъ, топлива, одежды и пр. Значеніе этихъ дополнительныхъ услугъ со стороны обществъ весьма велико. Экономія въ 10, 15, 20 процентовъ, доставляемая обществами, даетъ возможность итальянской рабочей семьѣ, при крайне скромномъ ея бюджетѣ, существовать на тѣ ограниченныя субсидіи, которыя выдаютъ общества взаимопомощи въ случаѣ болѣзни, неспособности къ труду или безработицы. Не удивительно, поэтому, что число обществъ, имѣющихъ потребительные магазины, возрастаетъ въ Италіи съ замѣчательною быстротою. Въ 1885 г. лишь 287 обществъ взаимопомощи заявили о существованіи при нихъ кооперативныхъ магазиновъ, а въ 1895 г. число обществъ съ кооперативными магазинами достигало уже 409. Въ особенности велико было количество подобныхъ обществъ въ Пьемонтѣ, гдѣ оно простиралось до 228. Но о размѣрахъ этой операціи мы даже не можемъ судить по однимъ приведеннымъ цифрамъ, такъ какъ большинство существующихъ въ Италіи самостоятельныхъ потребительныхъ коопераций тоже созданы рабочими обществами взаимопомощи и находятся съ ними въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Изъ 508 потребительныхъ обществъ, которыя отмѣчены въ послѣдней, вышедшей въ 1900 г., статистикѣ кооперативныхъ ассоціацій, по крайней мѣрѣ три четверти относятся къ разряду рабочихъ обществъ и, по большей части, самымъ своимъ названіемъ указываютъ на связь съ обществами взаимопомощи. Обычное названіе подобныхъ предпріятій таково: „кооперативное общество потребленія и взаимнаго вспомоществованія между рабочими и ремесленниками" такой то мѣстности. Капиталъ кооперативныхъ магазиновъ, состоящихъ при обществахъ взаимопомощи, составляется по большей части изъ средствъ, ассигнуемыхъ этими послѣдними; рѣже онъ образуется путемъ займовъ или выпуска акцій. Впрочемъ, собственный капиталъ играетъ сравнительно ограниченную роль въ суммѣ оборотныхъ средствъ магазиновъ. Эти средства чаще добываются при помощи ссудъ въ народныхъ банкахъ и сберегательныхъ кассахъ, которые охотно кредитуютъ общества для устройства этихъ вѣрныхъ и выгодныхъ операцій. Въ статистикѣ 1898 г. приведено множество фактовъ такой помощи банковъ для расширенія потребительныхъ операцій. Такъ, напримѣръ, Сіенскій народный банкъ въ 1898 г. кредитовалъ кооперативный магазинъ тамошняго общества взаимопомощи рабочихъ на сумму 73.000 лиръ. Народный

банкъ въ Кайаццо выдалъ въ кредитъ тамошнему обществу взаимопомощи рабочихъ, между прочимъ на потребительныя цѣли, 85.000 лиръ и т. п. Нерѣдко банки оказываютъ помощь еще въ другой формѣ, именно въ видѣ подписки на акціи потребительныхъ ассоціацій, возникающихъ при обществахъ взаимопомощи.—Операціи магазиновъ при обществахъ имѣютъ по большей части скромные размѣры, но встрѣчаются между ними и очень крупныя предпріятія. Такъ, уже въ 1885 г. магазины двухъ Туринскихъ ассоціацій взаимопомощи рабочихъ имѣли оборотъ въ 1.700.000 лиръ; рабочее общество въ Моденѣ продало товаровъ почти на 200.000 лиръ; общество взаимопомощи и образованія рабочихъ въ Севильяно имѣло сбытъ питательныхъ продуктовъ на 110.000 лиръ и т. д. Обыкновенно потребительные магазины обществъ взаимопомощи практикуютъ продажу товаровъ по цѣнѣ нѣсколько большей противъ стоимости закупки и издержекъ администраціи. Образующіяся такимъ путемъ прибыли идутъ иногда на покрытіе займовъ, сдѣланныхъ при основаніи общества, а по большей части поступаютъ въ кассу общества взаимопомощи для общихъ надобностей или же въ спеціальные фонды. Такъ напримѣръ, прибыли одной изъ упомянутыхъ выше Туринскихъ ассоціацій дѣлятся на двѣ части: половина поступаетъ въ пенсіонную кассу для престарѣлыхъ, а половина идетъ на покрытіе займа, заключеннаго обществомъ взаимопомощи при основаніи магазина. Есть примѣры, впрочемъ немногочисленные, распредѣленія прибылей между членами пропорціонально сдѣланнымъ закупкамъ. Кромѣ тѣхъ обществъ, которыя имѣютъ собственные кооперативные магазины, или стоятъ въ связи съ самостоятельными потребительными обществами, имѣется очень много такихъ, которыя входятъ въ соглашеніе съ торговцами о скидкѣ съ цѣны товаровъ для членовъ общества. Съ этою цѣлью обыкновенно заводятся книжки, въ которые заносится заборъ товаровъ и по которымъ высчитывается въ концѣ года или по полугодіямъ причитающаяся скидка. Иногда для полученія подобныхъ уступокъ общества взаимопомощи ссужаютъ поставщиковъ капиталомъ. На подобныхъ условіяхъ общества входятъ въ сдѣлки съ булочниками, мясниками и т. п., чѣмъ достигаютъ значительныхъ выгодъ для своихъ членовъ.

Особую разновидность потребительныхъ операцій представляютъ собою возникающія въ послѣднее время при сельскихъ обществахъ взаимопомощи и при сельскихъ кооперативныхъ обществахъ отдѣленія для закупки матеріаловъ и орудій, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Эта новая операція вызвана усилившимся, въ особенности въ Сѣверной Италіи, движеніемъ въ пользу раціональнаго земледѣлія. Отдѣленія при обществахъ взаимопомощи закупаютъ оптомъ химическія удобренія, улучшенныя сѣмена, усовершенствованныя орудія и распредѣляютъ ихъ между заказчиками съ гарантіей исправнаго качества. Иногда такія закупки осуществляются въ простой формѣ временныхъ оптовыхъ заказовъ, иногда же, при расширеніи требованій, заводятся спеціальные магазины *). Особенно много такихъ добавочныхъ отдѣленій устроилось въ Пьемонтѣ и Ломбардіи.

Очень интересный рядъ предпріятій, созданныхъ обществами взаимопомощи, представляютъ собою производительныя ассоціаціи. Онѣ возникаютъ или при самихъ обществахъ или же какъ отдѣльныя предпріятія, но при ближайшемъ содѣйствіи обществъ. Коопераціи перваго рода, существующія при обществахъ взаимопомощи, обыкновенно имѣютъ цѣлью дать работу членамъ, временно оставшимся безъ занятій. Примѣромъ подобнаго учрежденія можетъ служить отдѣленіе труда при „Обществѣ взаимопомощи работницъ въ Миланѣ и окрестностяхъ". Капиталъ этого отдѣленія составленъ изъ восьмой части поступающихъ членскихъ взносовъ и изъ прибылей отъ продажи сработанныхъ издѣлій. Отдѣленіе труда даетъ заказы женщинамъ членамъ, оставшимся безъ заработка и снабжаетъ ихъ матеріаломъ и машинами. Уплата за выполненныя ра-

*) Annuario dei Consorzi agrari italiani. 1899. P. 81, 160, 167, 168 и пр.

боты производится тотчасъ же по заранѣе установленному тарифу. „Общество взаимопомощи живописцевъ, декораторовъ и сродныхъ съ ними ремесленниковъ“ въ Римѣ беретъ заказы для незанятыхъ членовъ. Подобнымъ же образомъ, общество взаимопомощи въ Луццарѣ не только добываетъ различныя работы для своихъ членовъ, но и снабжаетъ ихъ для этого необходимыми средствами. Занятые рабочіе получаютъ обычную плату, по окончаніи же всего заказа пользуются девятью десятыми прибылей, которыя распредѣляются пропорціонально выполненному каждымъ труду; десятая доля прибылей, вмѣстѣ съ занятымъ для операціи капиталомъ, поступаетъ въ кассу общества взаимопомощи.

Гораздо важнѣе самостоятельныя производительныя ассоціаціи, возникающія по большей части при посредствѣ обществъ взаимопомощи. Эти ассоціаціи обыкновенно относятся къ простымъ ремесламъ и промысламъ, гдѣ индивидуальное искусство работника не играетъ большой роли, гдѣ всѣ участвующіе имѣютъ болѣе или менѣе одинаковый интересъ и могутъ измѣрять трудъ его количествомъ, безъ ущерба кому бы то ни было. Самое видное мѣсто въ ряду производительныхъ ассоціацій принадлежитъ обществамъ рабочихъ, занятыхъ по строительной части въ широкомъ смыслѣ смыслѣ слова („bracciantі, muratori ed affini“). Первыя ассоціаціи этого рода стали возникать въ срединѣ 80-хъ годовъ въ разгаръ кризиса. Значительный толчокъ ихъ развитію далъ законъ 1889 г., который предоставилъ рабочимъ ассоціаціямъ право участвовать въ торгахъ на публичныя работы на сравнительно льготныхъ условіяхъ,—безъ внесенія залога и съ правомъ получать плату по частямъ до окончанія всего подряда. Подъ вліяніемъ этого закона сразу возникло нѣсколько сотенъ подобныхъ ассоціацій, которыя принимали значительное участіе во многихъ крупныхъ работахъ, исполненныхъ за счетъ государства и провинцій. По послѣдней статистикѣ, относящейся къ 1 января 1899 г. *), такихъ обществъ насчитывается до 350. Общества, о которыхъ идетъ рѣчь, достигаютъ иногда довольно крупныхъ размѣровъ, имѣютъ въ среднемъ 223 человѣка на каждое. Но есть нѣкоторыя, далеко превышающія эту норму, какъ напримѣръ — Равенское съ 2440 членами, общество въ Кастельбальдо съ 1852 членами, въ Будріо съ 1300 членами и т. п. Капиталъ въ обществахъ этого рода составляется чрезъ выпускъ акцій малой номинальной стоимости, не превышающей 100 лиръ, которыя, притомъ, покрываются небольшими еженедѣльными или же мѣсячными взносами. Каждый членъ, сколько бы акцій у него ни было, пользуется лишь однимъ голосомъ въ собраніи. Распредѣленіе прибылей дѣлается по разнымъ принципамъ. Такъ, напримѣръ, въ обществѣ „Braccianti, operai di Cavarzere“ (въ Венеціанской области) дивидендъ, послѣ отчисленія значительной его части (30%) въ резервный фондъ и 15% въ фондъ на помощь при несчастныхъ случаяхъ, распредѣляется послѣ выполненія каждой работы между всѣми въ ней участвующими, пропорціонально труду. Но въ нѣкоторыхъ обществахъ, какъ напримѣръ въ самомъ крупномъ изъ всѣхъ, Равенскомъ, прибыли распредѣляются между всѣми членами поровну, безъ соображенія съ родомъ и продолжительностью работы каждаго. Понятно, что для выполненія значительныхъ заказовъ нуженъ не малый капиталъ; большинство обществъ стремится накоплять съ этою цѣлью сильные резервные фонды. Но главную долю оборотныхъ средствъ производительныя общества почерпаютъ опять таки въ народныхъ банкахъ. Статистика банковъ за 1898 г. полна многочисленными указаніями на ссуды рабочимъ обществамъ. Такъ, Падуанскій банкъ выдалъ разнымъ производительнымъ ассоціаціямъ въ 1898 г. ссудъ на 565.000 лиръ, банкъ въ Ровиго—300.000 лиръ, Болонскій банкъ—263.000 лиръ. Равеннская ассоціація „bracciantі“, самая крупная изъ всѣхъ существующихъ въ Италіи, получила въ 1898 г. изъ мѣстнаго народнаго банка ссудъ на 113.000 лиръ; та же ассоціація пользуется,

*) Elenco delle Società cooperative di consumo, di produzione e di lavoro. Roma, 1900.

кромѣ того, широкимъ кредитомъ изъ мѣстной сберегательной кассы, доходившимъ въ нѣкоторые годы до 200.000 л. въ годъ.

Представленный очеркъ показываетъ, насколько разнообразны функціи, выполняемыя обществами взаимопомощи въ Италіи. Можно смѣло сказать, что эти благотворныя учрежденія окружаютъ своими заботами всю жизнь рабочаго человѣка. Особенно велико ихъ значеніе для тѣхъ, кто обреченъ на наемный трудъ. Одна изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ быта современнаго рабочаго состоитъ въ неувѣренности насчетъ завтрашняго дня. Человѣкъ кормится самъ и кормитъ свою семью, пока есть силы и есть занятія; но стоитъ лишиться тѣхъ или другихъ, и онъ обрекается на нищенство и голодъ. Страшная перспектива остаться безъ куска хлѣба отравляетъ жизнь даже въ то время, когда имѣется заработокъ. Главная заслуга обществъ взаимопомощи заключается именно въ томъ, что они ослабляютъ эти опасенія, обѣщая вѣрную поддержку въ черные дни; и притомъ эта поддержка является не милостыней, которую могутъ подать и не подать, а законнымъ правомъ, котораго можно требовать. Нельзя не придавать также великаго значенія тѣмъ операціямъ обществъ, которыя называются на ихъ языкѣ второстепенными. Возможность добыть въ нужную минуту сотню лиръ не за ростовщическіе проценты, купить въ магазинѣ общества необходимые товары дешевле и лучше, нежели ихъ покупаетъ зажиточный сосѣдъ, получить въ періоды заминки не только заказы или подряды, но и необходимый для нихъ капиталъ,—всѣ эти удобства, облегчающія борьбу за существованіе, были бы вполнѣ недоступны для мелкихъ людей безъ помощи ассоціаціи. Нельзя не придавать великой цѣны и тѣмъ культурнымъ улучшеніямъ, которыми стремятся обставить своихъ членовъ современныя общества взаимопомощи. Уютныя помѣщенія съ обильнымъ запасомъ книгъ и газетъ, публичныя чтенія, курсы, школы, общедоступныя развлеченія скрашиваютъ сѣрую жизнь рабочаго человѣка и придаютъ ей новое содержаніе и интересъ. Замѣчательная гибкость, съ которою общества взаимопомощи приспособляются къ нарождающимся новымъ нуждамъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ жизненности. Нигдѣ, можетъ быть, могучая сила коопераціи не проявляется съ такою яркостью, какъ въ этихъ, повидимому, столь элементарныхъ соединеніяхъ. Полагаемъ, что опытъ итальянскихъ ассоціацій, построенныхъ такъ просто и дѣлающихъ такъ много, можетъ быть не безинтересенъ и для другихъ странъ.

А. Чупровъ.

В. Сѣровъ. Этюдъ головы.

Цвѣтокъ.

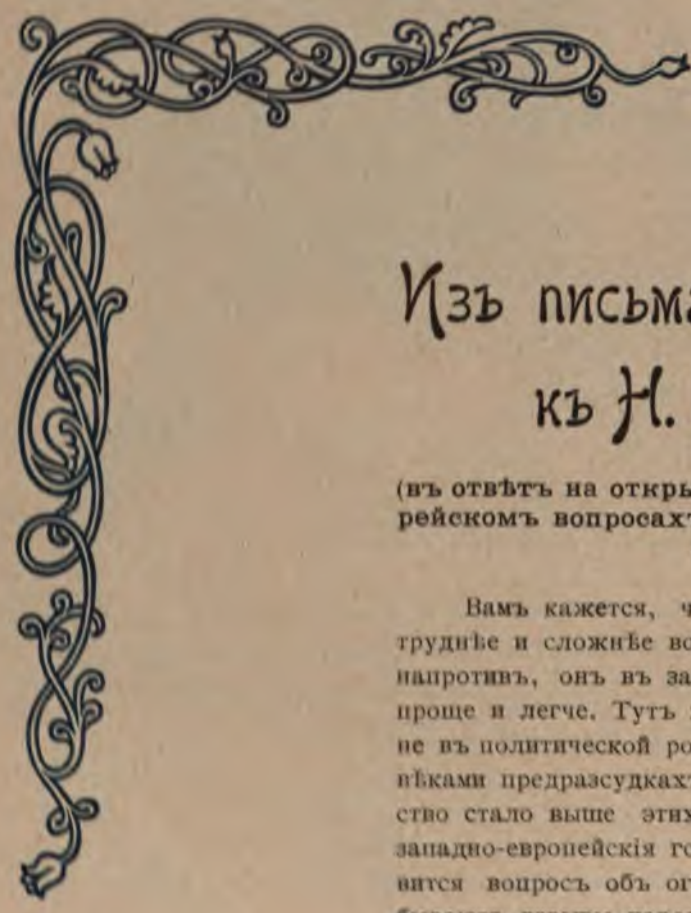
Я цвѣтокъ, и счастье аромата
Мнѣ самой судьбою суждено.
Отъ восхода солнца до заката
Мнѣ дышать, любить и жить дано.

А съ закатомъ, въ пышной чащѣ сада,
Гдѣ я сказкой нѣжною цвѣту,
Задрожитъ высокая ограда,
И умолкнетъ вѣтеръ налету.

Женщина воздушная, вся въ бѣломъ,
Медленно сквозь главный входъ войдетъ,
И движеньемъ ласковымъ, но смѣлымъ,
Стебель мой цвѣтущій оборветъ.

Отъ восхода солнца до заката—
Измѣненья тѣни и лучей,
И растетъ дыханье аромата...
До заката буду я—ничей!

К. Бальмонтъ.



Изъ письма къ Н. К. Ренненкампфу

(въ отвѣтъ на открытыя письма о польскомъ и еврейскомъ вопросахъ, помѣщенные въ Кіевлянинѣ въ 1897 г.).

Вамъ кажется, что еврейскій вопросъ несравненно труднѣе и сложнѣе вопроса польскаго. На мои глаза, напротивъ, онъ въ законодательномъ отношеніи гораздо проще и легче. Тутъ главное препятствіе заключается не въ политической розни народовъ, а въ накопившихся вѣками предразсудкахъ. Въ странахъ, гдѣ законодательство стало выше этихъ предразсудковъ,—а таковы всѣ западно-европейскія государства,—тамъ даже и не ставится вопросъ объ ограниченіи правъ Евреевъ. И тамъ бываютъ взрывы народныхъ страстей, но это задача полиціи, а не законодательства. Австрія не знаетъ, что дѣлать съ враждующими между собою народностями, но отношенія къ Евреямъ нисколько не заботятъ правительство, несмотря на то, что антисемитизмъ тамъ очень распространенъ. Онъ остается явленіемъ общественнымъ, и государство не считаетъ себя призваннымъ его регулировать.

Но васъ смущаетъ именно это общественное явленіе. Въ принципѣ вы признаете, что „каждый просвѣщенный человѣкъ, въ которомъ не заглохли чувства правды и гуманности", раздѣлитъ мои положенія „въ смыслѣ стремленія достигнуть цѣли гражданской свободы и уравненія правъ Евреевъ". Но въ то же время, говорите вы, едва ли какой-либо государственный человѣкъ или общественный дѣятель, знакомый съ исторіей поселенія Евреевъ въ Россіи, знающій дѣйствительныя условія жизни Русскихъ и Евреевъ, считалъ бы возможнымъ привести сразу эти положенія въ исполненіе, безъ

необходимой постепенности и предварительныхъ мѣръ подготовки. Въ подтвержденіе вы ссылаетесь на собственныя мои слова, что политика есть наука „относительнаго", что полезное въ одно время или для одной части населенія можетъ быть вредно въ другое время или для другой части, что недостаточно одного теоретическаго разрѣшенія вопросовъ, а нужно примѣненіе къ историческимъ и фактическимъ условіямъ жизни. Въ виду этого, вы предлагаете цѣлый рядъ переходныхъ мѣръ, растянутыхъ на неопредѣленное время.

Въ „Политикѣ" я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ обсужденіе теоретическихъ вопросовъ и касался практическаго ихъ примѣненія лишь настолько, насколько это было нужно для выясненія общихъ началъ. Но я готовъ обсудить вопросъ и съ этой стороны. Именно потому, что политика есть наука относительнаго, надобно разобрать, въ какихъ именно случаяхъ переходныя мѣры бываютъ нужны, и въ какихъ, напротивъ, онѣ могутъ быть излишни или даже вредны.

И тутъ, прежде всего, надобно установить фактическую сторону дѣла. Вы возстаете противъ моего взгляда на Евреевъ, какъ на такое племя, отъ котораго человѣчество получило все свое нравственное достояніе и которому оно, поэтому, обязано вѣчною благодарностью. Вы утверждаете, что между древнимъ Израилемъ Палестины и современнымъ космополитическимъ еврействомъ такая же разница, какъ между нынѣшними Греками и современниками Платона, Аристотеля и Перикла. Признаюсь, меня такое сопоставленіе нѣсколько удивляетъ. Оно было бы умѣстно, если бы нынѣшніе Греки сохранили неприкосновеннымъ поклоненіе Олимпійскому Зевсу и Аѳинѣ-Палладѣ. Но ни въ вѣрованіяхъ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ характерѣ мы не можемъ замѣтить ни единой черты сходства между нынѣшними Греками и ихъ отдаленными предками. Евреи, напротивъ, сохранили неприкосновеннымъ именно то, что имъ было завѣщано, какъ народная святыня, то, что составляло, можно сказать, самую душу еврейскаго народа. Во имя этой святыни они въ теченіе тысячелѣтій подвергались всякаго рода гоненіямъ и притѣсненіямъ; эта святыня составляла для нихъ высшую духовную связь, когда они были разсѣяны по всей землѣ. Именно это и было причиною постояннаго ихъ отчужденія отъ другихъ народовъ. Вы указываете на это отчужденіе, но почему-то не сочли нужнымъ обратить вниманіе на его источникъ.

Напрасно вы говорите, что чистыя скрижали Моисея давно растеряны и затемнены Талмудомъ и двадцативѣковымъ скитаніемъ и бѣдствіемъ. Именно это и удивительно, что двадцативѣковое скитаніе и бѣдствіе не затемнили этого чистаго источника, изъ котораго и Евреи, и христіане черпаютъ свою духовную пищу. Вы повторяете ходячую фразу о преобладаніи Талмуда надъ Библіей, но, признаюсь, мнѣ еще не удалось встрѣтить какія-нибудь доказательства въ подтвержденіе этого взгляда. О Талмудѣ нерѣдко говорятъ тѣ, которые менѣе всего съ нимъ знакомы. Конечно, нельзя и требовать этого знанія; но можно, хотя бы поверхностно, познакомиться съ источниками, доступными всѣмъ, напримѣръ, съ тѣми нравственно-религіозными поученіями, которыя преподаются въ еврейскихъ школахъ въ Россіи. Видно ли въ нихъ „затемненіе чистыхъ скрижалей Моисея"? Напротивъ, изъ этихъ скрижалей извлечены самыя высокія нравственныя начала; въ этихъ поученіяхъ господствуетъ такой широкій духъ любви, который могъ бы украсить любую христіанскую проповѣдь. Невѣрно, поэтому, ваше утвержденіе, что „исчезло то еврейство, которое породило христіанство". Оно не только не исчезло, но своимъ духомъ и своей культурой оно сблизилось съ христіанскими народами. И теперь, такъ же, какъ и прежде, ихъ святыня есть вмѣстѣ и наша святыня. Мы черпаемъ изъ того же источника; мы ихъ священныя книги считаемъ писанными самимъ Богомъ для наставленія человѣчества. Если храненіе этого священнаго завѣта выдѣляетъ Евреевъ изъ всѣхъ другихъ народовъ, то, казалось бы, это отчужденіе всего менѣе должно проявляться со стороны христіанъ, вѣрующихъ въ

Библію; а между тѣмъ, выходитъ наоборотъ. Мы никогда не воздвигали гоненій на магометанъ; мы не ограничиваемъ ихъ правъ, позволяемъ имъ селиться, гдѣ угодно, и дѣлать, что хотятъ. Относительно же Евреевъ, отъ которыхъ, повторяю, мы получили все свое нравственное достояніе, мы слѣдуемъ совершенно иной политикѣ. Какъ же это объяснить?.

Нельзя не сказать, что въ этомъ проявляется весьма невысокая черта человѣческой природы. Чѣмъ ближе люди, тѣмъ рознь между ними принимаетъ болѣе ожесточенный характеръ. По ученію Дарвина, борьба за существованіе кипитъ, въ особенности, между близкими сродичами, а между дальними она ослабѣваетъ. Къ физической природѣ эта теорія мало приложима, но въ человѣческихъ отношеніяхъ она оправдывается вполнѣ. Однако, мало есть явленій, которыя бы болѣе противорѣчили духу христіанства. Изъ-за чего воздвигались гоненія на Евреевъ и происходитъ постоянное отъ нихъ отчужденіе, на это вы сами указали, приведя слова Императрицы Елизаветы: ихъ считаютъ врагами Христа. Человѣкъ въ своей гордынѣ воображаетъ себя мстителемъ за Бога. Забываютъ, что Христосъ на крестѣ простилъ своимъ врагамъ и оставилъ эту заповѣдь всѣмъ, кто въ Него вѣруетъ. Забываютъ, что апостолъ язычниковъ гордился тѣмъ, что онъ Еврей, и взывалъ къ обращеннымъ имъ племенамъ, чтобы они не превозносились передъ отсѣченными вѣтвями: „не хвалися на вѣтви... не ты корень носиши, но корень тебе“ (Римл. XI, 18). Въ Евреяхъ онъ видѣлъ корень христіанства, и корень не отсѣченный на вѣки, а предназначенный къ новой полнотѣ жизни, на благо всему человѣчеству. Если паденіе ихъ было спасеніемъ міра, говорилъ онъ христіанамъ, которые чуждались Евреевъ, то тѣмъ паче ихъ полнота: „аще ли же прегрѣшеніе ихъ богатство мира и отпаденіе ихъ богатство языковъ; кольми паче исполненіе ихъ“. (Тамъ же, 12). Въ виду этихъ обѣтованій, трудно понять, какимъ образомъ вѣрующій христіанинъ можетъ думать, что нынѣшніе Евреи не имѣютъ ничего общаго съ прежними. Даже для невѣрующаго это удивительное сохраненіе своихъ особенностей и своего духовнаго достоянія среди тысячелѣтнихъ гоненій и бѣдствій, въ народѣ разсѣянномъ по всей землѣ и не имѣющемъ своего пристанища, представляется признакомъ какого-то высокаго призванія въ будущемъ. Но еще менѣе понятно, какимъ образомъ можно быть ненавистникомъ и гонителемъ Евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считать себя истиннымъ христіаниномъ, исповѣдующимъ законъ милосердія и любви. Это опять одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми изобилуетъ человѣческая природа, но которыя не свидѣтельствуютъ о ея нравственной высотѣ.

Если же мы, какъ истинные христіане, признаемъ, что гоненіе и всякое притѣсненіе Евреевъ противорѣчитъ духу религіи милосердія и любви; если мы, расширяя вопросъ, признаемъ, что государство вовсе не призвано вмѣшиваться въ дѣла совѣсти, которыя составляютъ неприкосновенную святыню человѣка; если, наконецъ, самый нашъ положительный законъ провозглашаетъ вѣротерпимость основнымъ закономъ русскаго государства—„да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силъ Имперіи“ (Осн. Зак., ст. 45)—то на какомъ основаніи будемъ мы ограничивать права людей, причастныхъ тому или другому вѣроисповѣданію, и какія тутъ нужны переходныя мѣры? Неужели этого требуетъ политика?

Есть случаи, когда переходныя мѣры бываютъ необходимы. Таково, напримѣръ, было положеніе дѣлъ при освобожденіи крестьянъ. Тутъ связаны были хозяйственные интересы двухъ сословій, изъ которыхъ одно было подвластно другому. Если бы помѣщики были разомъ лишены крѣпостнаго труда, то значительная часть ихъ была бы не въ состояніи справиться съ своею задачею. И тѣмъ не менѣе многіе предпочли разомъ

покончить съ обязательными отношеніями, даже потерявши часть капитала, нежели оставаться въ переходномъ положеніи. Могу сказать, что тѣ, которые сдѣлали это умѣючи, не остались въ накладѣ, ибо переходное состояніе, иногда неизбѣжное, всегда бываетъ сопряжено съ значительными невыгодами. Въ этомъ случаѣ, однако, оно являлось требованіемъ самой жизни; но зачѣмъ оно нужно при отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ исповѣданіемъ извѣстной вѣры? Ограниченіе правъ есть нѣкотораго рода наказаніе; если я убѣдился, что человѣка не за что наказывать, то какая тутъ нужна постепенность?

Представимъ себѣ, что еретиковъ жгутъ на кострахъ. Правительство убѣждается, что это—вопіющее преступленіе противъ человѣчества, но, слѣдуя правиламъ политики, оно считаетъ возможнымъ отмѣнить наказаніе только постепенно. Сперва, въ видахъ смягченія, еретикамъ просто отрубаютъ голову, затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имъ отсѣкаютъ правую руку, потомъ ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время сажаютъ въ тюрьму, затѣмъ не выпускаютъ изъ мѣста жительства, и наконецъ уже, по прошествіи полустолѣтія, имъ просто дозволяютъ исповѣдывать свою вѣру по внушенію совѣсти. Что скажете вы о такой политической мудрости? Вы, вѣроятно, примете это за шутку; но чѣмъ же эта постепенность разнится отъ той, которая предлагается въ отношеніи къ Евреямъ? Мѣры могутъ быть болѣе или менѣе круты, но система та же. Вѣдь Евреи не совершили никакого другого преступленія, кромѣ того, что исповѣдуютъ извѣстную вѣру. Это признаетъ самъ законъ: какъ скоро они отреклись отъ своей вѣры, такъ они пользуются полнотою правъ. Скажемъ ли мы, что, кромѣ вѣроисповѣднаго вопроса, тутъ надобно принимать во вниманіе историческія условія поселенія Евреевъ въ Россіи? На этомъ вы настаиваете. Но въ чемъ состоятъ эти условія? Мы присоединили къ себѣ край, въ которомъ была поселена значительная масса Евреевъ; черезъ это они сдѣлались русскими подданными. Какъ же русское государство должно было смотрѣть на это населеніе: какъ на такое, которое было поставлено Провидѣніемъ подъ его руку для защиты и покровительства, или какъ на такое, которое было дано ему для притѣсненія? Я поставилъ этотъ вопросъ въ „Политикѣ", но вы не сочли нужнымъ на него отвѣчать. Для того, кто придаетъ государству нравственное значеніе, а не считаетъ его просто системою притѣсненія людей, „великимъ разбоемъ", по выраженію бл. Августина, отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. А потому я не понимаю вашего обратнаго вопроса: „почему можно считать справедливымъ распространить невольный историческій даръ и на то населеніе, которое цѣлые вѣка обходилось безъ него, которому самому тѣсно и скудно добывать себѣ пропитаніе и которое ничѣмъ не обнаруживаетъ охоты къ сближенію"? Отвѣчаю: просто потому, что Евреи такіе же русскіе подданные, какъ и другіе, а потому должны пользоваться защитой и покровительствомъ русскихъ законовъ. Когда человѣкъ селится въ какомъ-нибудь мѣстѣ, у сосѣдей не спрашиваютъ, желаютъ ли они, чтобы онъ возлѣ нихъ жилъ. Точно также, когда онъ избираетъ какой-нибудь промыселъ или занятіе, онъ дѣлаетъ это на свой страхъ и рискъ, не спрашивая ничьего дозволенія, и законъ ограждаетъ его отъ всякаго посягательства со стороны другихъ. Это азбука всякаго гражданскаго порядка, основаннаго не на крѣпостномъ правѣ, а на общей свободѣ. Ограниченіе же правъ, запрещеніе выѣзжать изъ извѣстной черты и заниматься извѣстными промыслами, есть не защита, а притѣсненіе. Чѣмъ же Евреи это заслужили? Въ вашихъ возраженіяхъ я не нахожу на это отвѣта.

Вы говорите, что Евреи энергичны, предпріимчивы, культурны, а потому могутъ быть опасными соперниками для Русскихъ. Въ первый разъ слышу, что энергія, предпріимчивость и культурность суть преступленія, за которыя человѣкъ подлежитъ ограниченію правъ. Казалось бы, напротивъ, что государству выгодно имѣть такое населеніе. Вы указываете на примѣръ Франціи, гдѣ равноправность Евреевъ привела къ тому, что они заняли значительныя положенія въ высшемъ финансовомъ мірѣ и оказываютъ

огромное вліяніе на всю экономическую и административную жизнь страны. Другіе съ ужасомъ приводятъ статистическія данныя, изъ которыхъ оказывается, что въ рукахъ 80000 Евреевъ находится цѣлая седьмая часть народнаго капитала. По моему, это должно служить имъ въ похвалу. Если 80000 человѣкъ изъ 30 милліоновъ, работая неутомимо, безъ всякихъ привилегій, умѣли создать цѣлую седьмую часть народнаго капитала, идущаго на оживленіе промышленности и торговли и на плату рабочимъ, то какія чувства можетъ вызвать это явленіе, кромѣ удивленія и благодарности? Развѣ только зависть въ низкихъ душахъ? И если между Евреями находятся способные люди, которые становятся во главѣ финансовыхъ предпріятій, то отъ этого, кромѣ пользы для государства и общества, ничего не можетъ получиться. Не вижу, чтобы во Франціи отъ этого произошло какое-нибудь зло. Полагаю, поэтому, что и у насъ распространеніе способнаго, предпріимчиваго и культурнаго племени по всей русской землѣ могло бы существенно поднять ея благосостояніе. Примѣръ Малороссіи показываетъ, что Великой Россіи въ этомъ отношеніи нечего опасаться.

Вы ссылаетесь на недоброжелательныя чувства значительной части русскаго населенія къ Евреямъ. Дѣйствительно, благодаря вѣками накопившимся предразсудкамъ, это чувство весьма распространено не только въ низшихъ слояхъ, но и въ такъ-называемыхъ образованныхъ классахъ, между людьми, въ другихъ отношеніяхъ обладающими достаточно развитымъ нравственнымъ сознаніемъ. Нерѣдко оно проявляется въ такихъ формахъ, которыя невольно заставляютъ переноситься къ первобытнымъ временамъ человѣчества. У дикихъ племенъ непріязнь къ чужому принимаетъ характеръ какого-то физическаго инстинкта, въ родѣ того, который побуждаетъ собаку кидаться на кошку. Слѣды этого инстинкта сохраняются даже и среди высоко образованныхъ народовъ, какъ вѣчное напоминаніе человѣку, что онъ произошелъ отъ персти. Толпу, въ особенности, ничего не стоитъ натравить на чужого, и если этотъ чужой можетъ быть представленъ какъ врагъ самого Божества, и если онъ, къ тому же, болѣе или менѣе зажиточный человѣкъ, то разграбленіе или уничтоженіе его имущества является чѣмъ-то въ родѣ народнаго праздника. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что надобно подвергать наказанію тѣхъ людей, которые служатъ предметомъ подобной непріязни? Въ русскомъ обществѣ довольно распространено нерасположеніе къ Нѣмцамъ; надобно ли вслѣдствіе этого ограничить права послѣднихъ? Полагаю, что именно эти зоологическія стороны человѣческой природы менѣе всего должны быть поощряемы законодателемъ. Вы сами признаете, что въ Малороссіи населеніе обжилось съ Евреями и пользуется ихъ услугами; стало быть, они не вредны, а полезны. Обживутся и другіе, когда придутъ съ ними въ болѣе близкое соприкосновеніе. Во всякомъ случаѣ изъ этой дилеммы нельзя выйти: или они вредны, и тогда за что населеніе нѣкоторыхъ губерній отдано имъ на жертву? или они полезны, и тогда за что ограничивать ихъ гражданскія права и лишать остальное населеніе приносимыхъ ими выгодъ, которыя, вдобавокъ, тысячекратъ умножатся при свободномъ разселеніи и свободномъ выборѣ занятій, тогда какъ нынѣшнія ограниченія порождаютъ искусственное зло? Но въ благоустроенномъ обществѣ категорія вредныхъ людей менѣе всего допустима. Это—порожденіе революціонныхъ или деспотическихъ правленій. Государство, имѣющее ясное и твердое сознаніе права, издаетъ законы, воспрещающіе извѣстныя дѣйствія, и кто ихъ нарушаетъ, къ какому бы племени или вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ, подвергается за это наказанію. Если же подданный не совершилъ никакого проступка, онъ воленъ дѣлать все, что ему угодно. Проступки его соотечественниковъ не могутъ служить поводомъ къ ограниченію его правъ. Таковъ непреложный законъ справедливости.

Поставимъ ли мы, наконецъ, Евреямъ въ вину ихъ тѣсную связь между собою, ихъ кагальныя отношенія? Иногда это выражаютъ даже такъ, что нельзя терпѣть государства въ государствѣ. Но вы сами указываете, что эти кагальныя отношенія были

въ значительной степени устроены самимъ русскимъ правительствомъ и именно въ такую пору, когда не допускалось даже и тѣни государства въ государствѣ. Послѣднее есть не болѣе, какъ метафора, или лучше сказать, пустая фраза. Тутъ не государство въ государствѣ, а весьма обычное въ каждомъ государствѣ корпоративное устройство, скрѣпленное духовною связью. Вы считаете это обособленное устройство вреднымъ и желаете, чтобы оно было разбито. Но если вы хотите, чтобы Евреи слились съ остальнымъ населеніемъ, то надобно прежде всего снять всѣ лежащія на нихъ юридическія ограниченія. Тѣ предложенія, которыя вы дѣлаете, идутъ прямо въ разрѣзъ съ этою цѣлью. Пока не будетъ полной равноправности, Евреи всегда будутъ чувствовать себя особымъ разрядомъ людей, и тѣмъ тѣснѣе будутъ держаться другъ за друга, чѣмъ уже тѣ рамки, въ которыя они вставлены. Притѣсняемые всегда другъ друга поддерживаютъ; это единственное ихъ спасеніе и это служитъ имъ въ похвалу. Но даже и при полной равноправности нельзя ожидать, что Евреи расплывутся въ массѣ. Между ними все-таки останется болѣе или менѣе тѣсная связь, основанная на происхожденіи и религіи. Намъ, Русскимъ, такого рода связи совершенно чужды. Славяне издавна извѣстны были тѣмъ, что они другъ съ другомъ ссорились. Поэтому, когда мы среди себя видимъ чужеродцевъ, сплоченныхъ между собою, мы на это негодуемъ и требуемъ, чтобы правительство тотчасъ вмѣшалось и разбило эту связь. А, между тѣмъ, именно эти связи служатъ лучшимъ залогомъ крѣпости общественнаго строя, а вмѣстѣ и лучшимъ оплотомъ человѣческой свободы. Только тамъ, гдѣ есть подобные прочные союзы, возможна разумная общественная самодѣятельность.

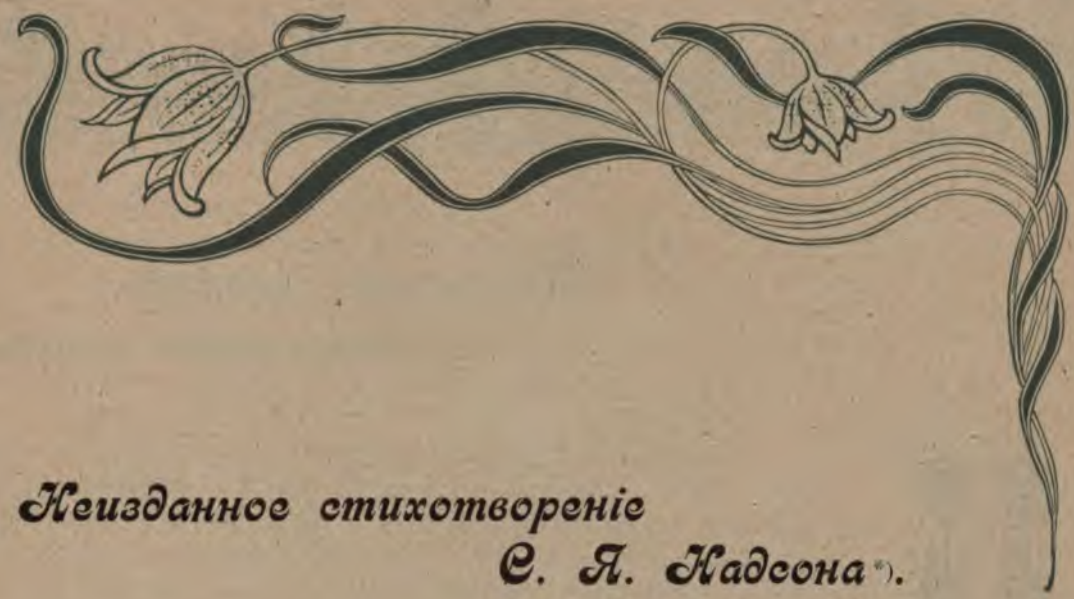
Вообще, всѣ эти опасенія на счетъ равноправности Евреевъ во многомъ напоминаютъ тѣ опасенія, которыя высказывались передъ освобожденіемъ крестьянъ. Если вы когда-нибудь заглядывали въ напечатанные протоколы разныхъ комитетовъ, собиравшихся при Императорѣ Николаѣ I, по поводу частныхъ вопросовъ, касавшихся помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ, всего за нѣсколько лѣтъ до освобожденія, вы могли видѣть, какъ наши тогдашніе государственные люди, изъ которыхъ нѣкоторые были недюжинные, дрожали надъ каждою мелочью и предсказывали Богъ знаетъ какія смуты по поводу самыхъ ничтожныхъ мѣропріятій. Когда же, наконецъ, правительство смѣло и рѣшительно принялось за реформу, предсказывали, что будетъ всеобщее возстаніе и рѣзня помѣщиковъ. Ничего подобнаго не случилось; все обошлось очень благополучно. Дѣло въ томъ, что у насъ опасенія бюрократической близорукости часто выдаются за соображенія государственной мудрости. Всякое свободное движеніе жизни кажется опаснымъ. Придумываютъ разные ужасы для того, чтобы устранить то, что не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Воображаютъ, что все пропало, если не держать людей въ клѣткѣ, подъ охраною всемогущаго чиновничества. Я весьма далекъ отъ мысли, что вы раздѣляете подобные взгляды, но боюсь, что вы можете оказать имъ поддержку.

Истинный государственный человѣкъ смотритъ на вещи шире. Политика не состоитъ въ мелкихъ притѣсненіяхъ. Надобно дать людямъ тотъ просторъ и тѣ права, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка, и безъ которыхъ нѣтъ ни благоустроеннаго гражданскаго быта, ни плодотворнаго общественнаго развитія. Кто всего боится, тотъ ничего не сдѣлаетъ, а задержитъ только естественный ходъ вещей, къ великому ущербу народа и государства. Прежде же всего нужно ясное сознаніе тѣхъ началъ, на которыхъ строится существующій порядокъ вещей. Какъ скоро мы вступили на почву гражданской свободы, такъ главная наша задача должна состоять въ томъ, чтобы провести это начало въ жизнь во всей его полнотѣ и во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Иначе на каждомъ шагу будутъ столкновенія и замѣшательства. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ весь нашъ бытъ измѣнился, въ то время, какъ величайшія преобразованія придали новый видъ русской землѣ, наши взгляды во многомъ остались

крѣпостными, и это парализуетъ нашу дѣятельность и вноситъ произволъ во всѣ отношенія. Пока даже образованные люди могутъ думать, что государство въ правѣ сказать человѣку, не совершившему никакого преступленія: „ты не смѣй туда ѣздить, ты не смѣй сюда селиться, ты не смѣй этимъ заниматься“, до тѣхъ поръ о справедливости, о благоустройствѣ, объ огражденіи свободы и права у насъ не можетъ быть рѣчи. Все это остается только чаяніемъ будущаго.

Это чаяніе составляетъ утѣшеніе тѣхъ, которые были свидѣтелями великой эпохи преобразованій и которые видятъ, что съ ними сталось. Вѣра въ будущность русскаго народа въ насъ не изсякла, и мы твердо уповаемъ, что взойдетъ солнце правды на русской землѣ, взойдетъ для всѣхъ населяющихъ ее народовъ, племенъ и для всѣхъ исповѣданій. Мы съ вами стары и этого не увидимъ, но это непремѣнно будетъ. Ручательствомъ тому служатъ великія реформы ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, обновившія наше отечество и двинувшія его на новый путь. Силою вещей надобно по нему идти. Мы можемъ только желать, чтобы дальнѣйшіе шаги совершились не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ или внутреннихъ потрясеній, а въ силу развитія общественной мысли и сознанія правительствомъ своихъ высокихъ обязанностей.

Б. Чичерихъ.



Неизданное стихотвореніе С. Я. Надсона*).

Я росъ тебѣ чужимъ, отверженный народъ,
И не тебѣ я пѣлъ въ минуты вдохновенья.
Твоихъ преданій міръ, твоей печали гнетъ
Мнѣ чуждъ, какъ и твои ученья.

И если бъ ты, какъ встарь, былъ счастливъ и силенъ,
И если бъ не былъ ты униженъ цѣлымъ свѣтомъ,—
Инымъ стремленіемъ согрѣтъ и увлеченъ,
Я бъ не пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

Но въ наши дни, когда подъ бременемъ скорбей
Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
Въ тѣ дни, когда одно названіе «еврей»
Въ устахъ толпы звучитъ, какъ символъ отверженья,

Когда твои враги, какъ стая жадныхъ псовъ,
На части рвутъ тебя, ругаясь надъ тобою,—
Дай скромно стать и мнѣ въ ряды твоихъ бойцовъ,
Народъ, обиженный судьбою!

---

*) Печатается съ согласія комитета литературнаго фонда.

По свидѣтельству лица, выписывавшаго для насъ эти стихи изъ подлинной тетради С. Я. Надсона, они относятся, повидимому, къ 1886 году.

Творчество природы и творчество человѣка *).

Со дня появленія теоріи Дарвина и до сегодняшняго дня противъ нея, правда съ большимъ упорствомъ, чѣмъ успѣхомъ, предъявляется слѣдующее будто бы философское возраженіе. Объясненіе совершенства или гармоніи органическаго міра посредствомъ естественнаго отбора—говорятъ возражающіе—равносильно сведенію всего къ слѣпому случаю. Это, поясняютъ они, только возвращеніе къ старой идеѣ Эмпедокла о случайности зарожденія органовъ, ихъ случайной встрѣчѣ и счастливомъ сочетаніи. Но слѣпымъ случаемъ не объяснить возникновенія совершенной органической формы, какъ не объяснить случайнымъ сочетаніемъ буквъ такого совершеннаго произведенія человѣческаго творчества, какъ, напримѣръ, Одиссея. Произведенія природы носятъ печать именно того умысла и совершенства, которыми отмѣчены произведенія человѣческаго творчества, въ томъ и заключается ихъ загадочность.

Разберемъ этотъ аргументъ съ его обѣихъ сторонъ.

Во-первыхъ, тотъ процессъ, который Дарвинъ назвалъ метафорически, ради краткости, „естественнымъ отборомъ", не простая случайность—нѣтъ, это вполнѣ опредѣленное сочетаніе безграничной производительности природы съ ея неумолимой критикой, т. е. такое сочетаніе, которое неуклонно приводитъ къ опредѣленному результату, въ данномъ случаѣ къ осуществленію только того, что полезно для самого организма. Видя передъ собою только этотъ опредѣленный результатъ, находясь въ полномъ невѣдѣніи относительно вызвавшихъ его причинъ, человѣческій умъ втеченіе длиннаго ряда вѣковъ извращалъ дѣйствительную и логическую послѣдовательность явленій: вмѣсто результатовъ онъ видѣлъ вездѣ цѣли, а вмѣсто неизвѣстныхъ ему условій, опредѣляющихъ эти результаты, придумывалъ намѣренія, стремленія, воплощая ихъ то въ наивномъ, но ясномъ образѣ дѣятельной воли, то въ метафизическомъ, какъ всегда болѣе темномъ, представленіи какой-то „цѣлестремительности" природы. Повторяемъ, это сочетаніе безконечныхъ попытокъ, съ неумолимымъ устраненіемъ всѣхъ неудачъ не имѣетъ ничего общаго со слѣпою случайностью, а представляетъ вполнѣ опредѣленный, хотя и длинный путь, роковымъ образомъ приближающій къ вполнѣ опредѣленному совершенству. Откуда и это совершенство, послѣ даннаго объясненія, нисколько не вынуждаетъ предположенія о предварительномъ умыслѣ, или преднамѣренномъ направленіи порождающаго его процесса. Все это ясно какъ день, но тѣмъ не менѣе эти очевидныя

*) Отрывокъ изъ заключительной лекціи популярнаго курса Дарвинизма, прочитаннаго въ Москвѣ зимою 1889—90 года подъ заглавіемъ „Историческій методъ въ біологіи". Первыя шесть лекцій были напечатаны въ „Русской Мысли"; постоянныя научныя занятія помѣшали мнѣ напечатать до сихъ поръ остальныя четыре.

положенія приходится часто повторять; такъ же часто, какъ часто они умышленно замалчиваются возражателями, расчитывающими въ своихъ аудиторіяхъ, въ своихъ читателяхъ встрѣтить людей, недостаточно освѣдомленныхъ объ основахъ опровергаемаго ученія.

Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Говорятъ, произведенія природы носятъ печать произведеній искусства, источникъ совершенства которыхъ лежитъ въ творчествѣ человѣка. Но не можемъ ли мы и здѣсь, сохраняя фактъ сходства, дать ему нѣсколько иное толкованіе? Произведенія природы сходны съ произведеніями человѣка не потому ли, что, наоборотъ, процессъ образованія этихъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ сходенъ съ процессомъ совершенствованія въ природѣ? Не достигается ли, наоборотъ, совершенство произведеній искусства въ значительной мѣрѣ пріемомъ, подобнымъ пріему природы, т. е. отборомъ? Я не имѣю здѣсь въ виду „искусственный отборъ", сознательный или безсознательный, т. е. тотъ пріемъ, которымъ человѣкъ вырабатываетъ новыя породы животныхъ и растеній, отправляясь отъ котораго, Дарвинъ нашелъ въ природѣ отборъ естественный. Нѣтъ, я предлагаю взглянуть на дѣло нѣсколько шире. Познакомимся съ процессомъ человѣческаго творчества вообще, не исключая и самыхъ высокихъ сферъ творчества художественнаго. Созданія человѣческаго творчества, даже въ самыхъ высшихъ его проявленіяхъ, являются ли плодомъ одного творческаго акта, возникаютъ ли они вдругъ въ одинъ пріемъ, или въ нѣсколько пріемовъ; зарождаются ли они внезапно по какому-то непосредственному наитію, вдохновенію, или они являются, въ значительной мѣрѣ, благодаря сочетанію тѣхъ двухъ первичныхъ факторовъ, изъ которыхъ слагается естественный отборъ, т. е. громаднаго числа попытокъ и неумолимой критики, сопровождаемой уничтоженіемъ всего неудачнаго, всего менѣе совершеннаго? Очевидно, этимъ вторымъ путемъ шло начальное, младенческое развитіе всѣхъ техническихъ искусствъ; ему мы обязаны всѣми изумительными по своимъ результатамъ успѣхами земледѣлія, медицины, технологіи, до того сравнительно недавняго времени, когда эти искусства могли воспользоваться дедукціями науки. Весь грубо эмпирическій періодъ накопленія знаній, открытіе цѣлебныхъ средствъ, безъ пониманія ихъ ближайшаго дѣйствія, разработка тончайшихъ техническихъ пріемовъ для процессовъ, настоящее содержаніе которыхъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ—все это не что иное, какъ процессъ, въ которомъ изумительные результаты являлись, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ не счастливой только случайности, а громаднаго числа попытокъ и фактической элиминаціи, иногда дорогою цѣною искупленныхъ неудачъ. Мы, вѣроятно, не ошибемся, сказавъ, что почти весь нашъ безцѣнный запасъ сырого, въ тѣсномъ смыслѣ индуктивнаго знанія,—такого происхожденія.

Но оставимъ въ сторонѣ эти болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія объ умственныхъ процессахъ, совершавшихся во тьмѣ вѣковъ, о безличномъ процессѣ массовыхъ поисковъ за необходимыми знаніями и познакомимся съ процессомъ личнаго творчества, научнаго и художественнаго, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его частяхъ, съ которыми сами творцы порою насъ знакомили. Недавно живопись утратила одного художника (Мейсонье), относительно совершенства произведеній котораго, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія исполненія, едва ли можетъ существовать разногласіе; и вотъ въ чемъ, по его собственному признанію, кроется одна изъ загадокъ этого совершенства: „Если бы вы знали, какъ много, какъ часто я передѣлывалъ, измѣнялъ, даже вовсе стиралъ картины, которыя другіе находили превосходными, но которыя я не желалъ оставлять, несмотря на то, что мнѣ за нихъ предлагали груды золота!" Такимъ образомъ, по свидѣтельству самого художника, залогъ совершенства исполненія лежитъ, выражаясь фигурально, не въ одномъ карандашѣ, но и въ резинѣ. Когда на выставкѣ (или все равно въ литературѣ) останавливаешься съ недоумѣніемъ передъ однимъ изъ тѣхъ незрѣлыхъ

произведеній, которыя принято обозначать опошлившимся, ничего не объясняющимъ, те
миномъ декадентства, обыкновенно слышишь въ ихъ защиту такой аргументъ:—Должны
вы признать, что эти люди ищутъ новыхъ путей въ искусствѣ?—Но эта защита
равносильна ли прямому осужденію? Великіе художники, конечно, также иска
новыхъ путей, но они сообщали міру только свои находки, а свои поиски храни
въ своихъ мастерскихъ или безъ жалости ихъ уничтожали.

Это въ области искусства; посмотримъ такъ ли обстоитъ дѣло въ области наук
Комментируя знаменитый отвѣтъ Ньютона, какъ дошелъ онъ до своего геніальна
открытія:—„Я постоянно его обдумывалъ",—Юль, историкъ индуктивныхъ наукъ,
шетъ: „Вотъ единственное представленіе, которое можно себѣ составить объ изобр
тательной способности: между тѣмъ, какъ изъ какого-то скрытаго источника родит
быстрый потокъ возможныхъ предположеній, умъ настораживается и схватываетъ
лечу то именно, что соотвѣтствуетъ данному случаю, пропуская мимо и предавая заб
вію остальныя; мы усматриваемъ изъ этого, какъ изумительно плодовитъ былъ ум
усилія котораго были такъ часто успѣшны, и какъ неизмѣримо велико было чис
порожденныхъ имъ мыслей, если изъ нихъ такъ много было отобрано. Осуществлял
же этотъ отборъ только путемъ выслѣживанія всѣхъ послѣдствій, вытекавши
изъ сдѣланнаго предположенія, и ихъ сравненія съ данными условіями". Такимъ
разомъ отборъ (selection), по мнѣнію Юля, является однимъ изъ главныхъ факторов
обезпечивающихъ качество той научной мысли, которая, наконецъ, окончательно
дитъ свѣтъ.

Но, скажутъ, это только догадка Юля; самъ Ньютонъ могъ и не согласиться
нимъ. Въ такомъ случаѣ, выслушаемъ собственную исповѣдь другого великаго учен
Вотъ откровенное признаніе Фарадея: „Публика мало подозрѣваетъ, какъ много и
лей и теорій, возникавшихъ въ умѣ научнаго дѣятеля, рутинно въ тайнѣ и молчал
вслѣдствіе его собственной строгой критики и направленныхъ противъ нихъ изс
дованій; въ самыхъ успѣшныхъ случаяхъ оправдывается одна десятая доля догадо
чаемыхъ, желаній и предварительныхъ заключеній" *).

Перейдемъ теперь къ проявленію человѣческаго творчества, казалось бы наиболѣ
самопроизвольному, наиболѣе подчиненному воли, наиболѣе представленіе о ж
тальныхъ вдохновеніи—о созданіи внезапномъ, а не послѣдовательными ступен
приближенія къ совершенству. Обратимся къ творчеству художниковъ слова, и начне
съ низшей красоты формы. Всякій, видавшій въ кружкѣ черновыя рукописи велик
писателей, вспомнитъ, на что онѣ похожи. Но мы любимъ и прямыя признанія знаме
тыхъ стилистовъ, какъ, напримѣръ, Руссо, о томъ, съ какимъ трудомъ онъ дости
это выраженіе читателя безукоризненныхъ формъ. Современный реалистъ, авторъ
лане Фонсу относительно отдѣлки слога, сходится съ ревнителемъ строгаго клас
Буало: „polissez le sans cesse et le repolissez, ajoutez parfois, et souvent effacez".
ли не строгое примѣненіе начала отбора?

Но, можетъ быть, этотъ пріемъ относится только къ формѣ, само же содержа
ніе, вспыхивая, зарождается самопроизвольно, вливается непосредственно въ
внутренняго сосуда, безъ предварительнаго процесса элиминированія негодныхъ

---

*) Въ оригиналѣ, сообщенномъ мнѣ Лорд С. Кларк, Дэвисъ говоритъ, конечно, не о
Фарадеѣ, приводимомъ Дюмасомъ. Дэвисъ разсказывалъ, что, когда онъ пришелъ къ Фарадею,
ній, умный ко, почти обсуждалъ свой бывшіе труды и опытъ, сообщая совершенно поразит
ли какой. Заключивъ тирадой на его комнату, сказалъ мнѣ подобно, какой стоимости
трудовъ заключалось, сдѣланныхъ, трудовъ. Въ одной прекрасной день мой трубач
лучше на мнѣ и было замѣчено, а мной, Фарадей, поступилъ мнѣ собою, сказалъ: Дэвисъ, Дэ
чтобы, сказать, мы только могли видѣть, сколько дорогого, а было видѣть что дно. Но только, не
замѣнить мои слова, сказалъ Фарадеемъ мнѣ могъ сказывается обрывомъ".

Выслушаемъ, что повѣдали намъ объ этомъ сами поэты. Остановимся на самомъ типическомъ поэтѣ и на его произведеніи, представляющемъ рядъ самыхъ свободныхъ, капризныхъ лирическихъ порывовъ, вызванныхъ живыми, летучими впечатлѣніями минуты. Байронъ—Чайльдъ Гарольдъ—въ Римѣ; казалось бы, искра должна мгновенно воспламенить порохъ—поэтъ пришелъ, увидѣлъ и запѣлъ. Видъ Колизея долженъ былъ мгновенно вызвать образъ умирающаго гладіатора и т. д. Но послушаемъ, что говоритъ самъ Байронъ: „Я въ восторгѣ отъ Рима. Въ цѣломъ, и древній и новый, онъ побиваетъ и Грецію и Константинополь,—словомъ все, что я когда либо видалъ. Но я не въ состояніи дать описанія, потому что мои первыя впечатлѣнія хотя всегда сильны, но смутны,—и только моя память, производя въ нихъ отборъ, приводитъ ихъ въ порядокъ. . . ."

Итакъ, пытается ли историкъ науки изобразить процессъ, предшествующій созиданію геніальной научной гипотезы въ умѣ Ньютона, передаетъ ли самъ Байронъ процессъ зарожденія тѣхъ поэтическихъ образовъ, въ которые окончательно воплощаются его первыя сильныя, но смутныя впечатлѣнія, и тотъ, и другой, словно сговорившись, прибѣгаютъ къ тому же слову—selection—отборъ,—не забудежъ, тогда еще не игравшему той роли, которую ему суждено было занять позднѣе въ обиходѣ философской мысли. Наконецъ, вотъ еще одно и самое драгоцѣнное свидѣтельство величайшаго изъ живущихъ художниковъ, конечно не „русской" только, но и всей земли. Въ письмѣ къ Фету, Л. Н. Толстой такъ изображаетъ процессъ зарожденія „Войны и мира". „Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній для того, чтобы выбрать изъ нихъ $^1/_{1000000}$ ужасно трудно. И этимъ я занятъ". Здѣсь мы присутствуемъ при процессѣ отбора, который представляетъ намъ даже величины почти того же порядка какъ тѣ, которыми оперируетъ природа. И тутъ и тамъ поражающій насъ результатъ идетъ рука объ руку съ колоссальными размѣрами скрытаго процесса истребленія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что великіе мыслители достигали великихъ результатовъ не потому только, что вѣрно думали, но и потому, что они много думали и многое изъ передуманнаго уничтожали безъ слѣда. Великіе поэты велики не потому только, что они чутко чувствовали, но и потому, что они много прочувствовали и многое изъ прочувствованнаго утаили отъ міра. Невольно возникаетъ мысль—то, что мы называемъ талантомъ, геніемъ въ человѣкѣ, первичное ли это, неразложимое свойство или итогъ двухъ болѣе элементарныхъ свойствъ—изумительной производительности воображенія и не менѣе изумительно тонкой и быстрой критической способности *)?

Громадная производительность и неумолимая критика является слѣдовательно составнымъ началомъ и творчества человѣка, и творчества природы. Достигнувъ этой точки аргументаціи, почти неизмѣнно въ теченіи полувѣка встрѣчаешь неумышленное, а еще чаще умышленное выраженіе глумленія.—Помилуйте, говорятъ, да что же общаго между сознательнымъ отборомъ человѣка и безсознательнымъ отборомъ, который вы нашли въ природѣ, и какая это такая безсознательная критика? Возраженіе это, какъ извѣстно, давно отражено самимъ Дарвиномъ. Самый разумный, самый искусный человѣкъ, вооруженный микроскопомъ, располагающій неограниченнымъ досугомъ не отобралъ бы маленькихъ частицъ ила отъ крупныхъ съ такимъ совершенствомъ, какъ это сдѣлаетъ отмучивающая ихъ струя воды. Для такой простой задачи этотъ простой механизмъ вполнѣ замѣняетъ болѣе сложный

---

*) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ фактовъ относительно музыкальнаго творчества, но уже одна способность къ импровизаціи, встрѣчающаяся у великихъ композиторовъ, не доказываетъ-ли, что сохранившіяся произведенія не даютъ мѣры ихъ *первичной* производительности.

произведеній, которыя принято обозначать опошлившимся, ничего не объясняющимъ, терминомъ декадентства, обыкновенно слышишь въ ихъ защиту такой аргументъ:—Должны же вы признать, что эти люди ищутъ новыхъ путей въ искусствѣ?—Но эта защита не равносильна ли прямому осужденію? Великіе художники, конечно, также искали новыхъ путей, но они сообщали міру только свои находки, а свои поиски хранили въ своихъ мастерскихъ или безъ жалости ихъ уничтожали.

Это въ области искусства; посмотримъ такъ ли обстоитъ дѣло въ области науки. Комментируя знаменитый отвѣтъ Ньютона, какъ дошелъ онъ до своего геніальнаго открытія:—„Я постоянно его обдумывалъ",—Юэль, историкъ индуктивныхъ наукъ, пишетъ: „Вотъ единственное представленіе, которое можно себѣ составить объ изобрѣтательной способности: между тѣмъ, какъ изъ какого-то скрытаго источника родится быстрый потокъ возможныхъ предположеній, умъ настораживается и схватываетъ на лету то именно, что соотвѣтствуетъ данному случаю, пропуская мимо и предавая забвенію остальныя; мы усматриваемъ изъ этого, какъ изумительно плодовитъ былъ умъ, усилія котораго были такъ часто успѣшны, и какъ неизмѣримо велико было число порожденныхъ имъ мыслей, если изъ нихъ такъ много было отобрано. Осуществлялся же этотъ отборъ только путемъ выслѣживанія всѣхъ послѣдствій, вытекавшихъ изъ сдѣланнаго предположенія, и ихъ сравненія съ данными условіями". Такимъ образомъ отборъ (selection), по мнѣнію Юэля, является однимъ изъ главныхъ факторовъ, обезпечивающихъ качество той научной мысли, которая, наконецъ, окончательно видитъ свѣтъ.

Но, скажутъ, это только догадка Юэля, самъ Ньютонъ могъ и не согласиться съ нимъ. Въ такомъ случаѣ, выслушаемъ собственную исповѣдь другого великаго ученаго, Вотъ откровенное признаніе Фарадея: „Публика мало подозрѣваетъ, какъ много мыслей и теорій, возникавшихъ въ умѣ научнаго дѣятеля, рухнуло въ тайнѣ и молчаніи, вслѣдствіе его собственной строгой критики и направленныхъ противъ нихъ изслѣдованій; въ самыхъ успѣшныхъ случаяхъ оправдывается едва десятая доля догадокъ, надеждъ, желаній и предварительныхъ заключеній" *).

Перейдемъ теперь къ проявленію человѣческаго творчества, казалось бы наиболѣе самопроизвольному, наиболѣе подходящему подъ ходячее представленіе о моментальномъ вдохновеніи—о созиданіи внезапномъ, а не послѣдовательными ступенями приближенія къ совершенству. Обратимся къ творчеству художниковъ слова, и начнемъ съ внѣшней красоты формы. Всякій, видавшій въ музеяхъ черновыя рукописи великихъ писателей, вспомнитъ, на что онѣ похожи. Но мы имѣемъ и прямыя признанія знаменитыхъ стилистовъ, какъ, напримѣръ, Руссо, о томъ, съ какимъ трудомъ имъ давалась эта поражающая читателя безукоризненная форма. Современный реалистъ, авторъ Madame Bovary относительно отдѣлки слога сходится съ рецептомъ строгаго классика Буало: „polissez le sans cesse et le repolissez, ajoutez parfoi, et souvent effacez". Это ли не строгое примѣненіе начала отбора?

Но, можетъ быть, этотъ пріемъ относится только къ формѣ, само же содержаніе, идея, вспыхиваетъ, зарождается самопроизвольно, выливается непосредственно въ силу внезапнаго озаренія, безъ предварительнаго процесса элиминированія менѣе совершеннаго?

---

*) Мнѣ пришлось слышать отъ Анри С. Клеръ Девиля разсказъ, иллюстрирующій эти слова Фарадея, приведенныя Джевонсомъ. Девиль разсказывалъ, что, когда онъ занимался у Фарадея, великій ученый въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ угрюмъ и озабоченъ очевидно совершенно поглощавшей его идеей. Заглядывая украдкой въ его комнату, ученики могли подсмотрить, что всѣ столы были завалены грудами маленькихъ отрѣзковъ стеклянныхъ трубочекъ. Въ одинъ прекрасный день всѣ трубочки полетѣли на полъ и были выметены, а самъ Фарадей, подтрунивая надъ собою, сказалъ Девилю: „Молодой человѣкъ, если бъ вы только могли знать, какимъ безуміемъ я былъ занятъ эти дни. Но тѣмъ не менѣе запомните мои слова: самыя безумныя мысли иногда оказываются вѣрными".

Выслушаемъ, что повѣдали намъ объ этомъ сами поэты. Остановимся на самомъ типическомъ поэтѣ и на его произведеніи, представляющемъ рядъ самыхъ свободныхъ, капризныхъ лирическихъ порывовъ, вызванныхъ живыми, летучими впечатлѣніями минуты. Байронъ—Чайльдъ Гарольдъ—въ Римѣ; казалось бы, искра должна мгновенно воспламенить порохъ—поэтъ пришелъ, увидѣлъ и запѣлъ. Видъ Колизея долженъ былъ мгновенно вызвать образъ умирающаго гладіатора и т. д. Но послушаемъ, что говоритъ самъ Байронъ: „Я въ восторгѣ отъ Рима. Въ цѣломъ, и древній и новый, онъ побиваетъ и Грецію и Константинополь,—словомъ все, что я когда либо видалъ. Но я не въ состояніи дать описанія, потому что мои первыя впечатлѣнія хотя всегда сильны, но смутны,—и только моя память, производя въ нихъ отборъ, приводитъ ихъ въ порядокъ. . . ."

Итакъ, пытается ли историкъ науки изобразить процессъ, предшествующій созиданію геніальной научной гипотезы въ умѣ Ньютона, передаетъ ли самъ Байронъ процессъ зарожденія тѣхъ поэтическихъ образовъ, въ которые окончательно воплощаются его первыя сильныя, но смутныя впечатлѣнія, и тотъ, и другой, словно сговорившись, прибѣгаютъ къ тому же слову—selection—отборъ,—не забудежъ, тогда еще не игравшему той роли, которую ему суждено было занять позднѣе въ обиходѣ философской мысли. Наконецъ, вотъ еще одно и самое драгоцѣнное свидѣтельство величайшаго изъ живущихъ художниковъ, конечно не „русской" только, но и всей земли. Въ письмѣ къ Фету, Л. Н. Толстой такъ изображаетъ процессъ зарожденія „Войны и мира". „Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній для того, чтобы выбрать изъ нихъ $^{1}/_{1000000}$ ужасно трудно. И этимъ я занятъ". Здѣсь мы присутствуемъ при процессѣ отбора, который представляетъ намъ даже величины почти того же порядка какъ тѣ, которыми оперируетъ природа. И тутъ и тамъ поражающій насъ результатъ идетъ рука объ руку съ колоссальными размѣрами скрытаго процесса истребленія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что великіе мыслители достигали великихъ результатовъ не потому только, что вѣрно думали, но и потому, что они много думали и многое изъ передуманнаго уничтожали безъ слѣда. Великіе поэты велики не потому только, что они чутко чувствовали, но и потому, что они много прочувствовали и многое изъ прочувствованнаго утаили отъ міра. Невольно возникаетъ мысль—то, что мы называемъ талантомъ, геніемъ въ человѣкѣ, первичное ли это, неразложимое свойство или итогъ двухъ болѣе элементарныхъ свойствъ—изумительной производительности воображенія и не менѣе изумительно тонкой и быстрой критической способности *)?

Громадная производительность и неумолимая критика является слѣдовательно составнымъ началомъ и творчества человѣка, и творчества природы. Достигнувъ этой точки аргументаціи, почти неизмѣнно въ теченіи полувѣка встрѣчаешь неумышленное, а еще чаще умышленное выраженіе глумленія.—Помилуйте, говорятъ, да что же общаго между сознательнымъ отборомъ человѣка и безсознательнымъ отборомъ, который вы нашли въ природѣ, и какая это такая безсознательная критика? Возраженіе это, какъ извѣстно, давно отражено самимъ Дарвиномъ. Самый разумный, самый искусный человѣкъ, вооруженный микроскопомъ, располагающій неограниченнымъ досугомъ не отобралъ бы маленькихъ частицъ ила отъ крупныхъ съ такимъ совершенствомъ, какъ это сдѣлаетъ отмучивающая ихъ струя воды. Для такой простой задачи этотъ простой механизмъ вполнѣ замѣняетъ болѣе сложный

---

* Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ фактовъ относительно музыкальнаго творчества, но уже одна способность къ импровизаціи, встрѣчающаяся у великихъ композиторовъ, не доказываетъ-ли, что сохранившіяся произведенія не даютъ мѣры ихъ *первичной* производительности.

процессъ, руководимый сознательной волей. И задача природы, въ извѣстномъ смыслѣ, сравнительно проста—отобрать все полезное, устранивъ безполезное. Но полезное значитъ только—соотвѣтствующее условіямъ существованія даннаго организма, и эти самыя условія, уничтожая, ломая все, что съ ними не согласно, и сохраняя согласное (допуская извѣстную длительность процесса), опредѣляютъ исходъ отбора съ такимъ же роковымъ совершенствомъ, какъ и сознательный критикъ.

Такимъ образомъ, тѣмъ, кто выставляетъ на видъ сходство произведеній природы съ произведеніями человѣческаго творчества, полагая видѣть въ этомъ возраженіе, дѣлающее объясненіе Дарвина непригоднымъ, дарвинисты могутъ отвѣтить обратнымъ указаніемъ на любопытное и, кажется, еще не подмѣченное сходство процесса творчества человѣка съ процессомъ творчества природы.

К. Тимирязевъ.

Новыя данныя о Ж. Ж. Руссо.

Конецъ нашего вѣка становится неожиданнымъ свидѣтелемъ возродившагося интереса къ двумъ наиболѣе выдающимся публицистамъ прошлаго столѣтія, — Монтескье и Руссо. Ближайшей причиной этого поворота общественнаго мнѣнія въ ихъ пользу надо считать, какъ мнѣ кажется, упадокъ того оптимизма, съ какимъ еще недавно европейская печать, особенно та, которая служитъ выразителемъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ, смотрѣла на политическій строй, созданный французской революціей, и болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ англійскому и американскому образцамъ. По мѣрѣ того, какъ консервативная пресса все болѣе и болѣе отклонялась отъ превозносимыхъ ею нѣкогда конституціоннаго режима и принциповъ 1789 г. представители рабочихъ классовъ, получивъ доступъ къ участію въ государственной жизни, благодаря расширенію избирательнаго ценза и упроченію начала всеобщаго голосованія, проникались тѣмъ сознаніемъ, что представительное устройство, по крайней мѣрѣ до поры до времени, можетъ быть удобнымъ орудіемъ для проведенія въ жизнь ихъ классовыхъ требованій. И вотъ, съ родоначальниками современнаго политическаго строя, а такими въ области теоретической мысли нельзя не считать Монтескье и Руссо, происходитъ то странное и на первый взглядъ непонятное явленіе, что, на разстояніи болѣе столѣтія со времени ихъ кончинъ, они ставятся на пьедесталъ одновременно бокъ о бокъ и при томъ тѣми самыми общественными группами, которыя нѣкогда такъ различно оцѣнивали ихъ дѣятельность, видя въ первомъ—оплотъ буржуазнаго доктринерства, а во второмъ—передового бойца демократіи.

Примиреніе теоріи Монтескье съ ученіями Руссо потому уже не кажется мнѣ чудовищнымъ, что, за-одно съ ихъ современниками, я не вижу между ними той глубокой бездны, какую стали признавать въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ сторонники одновременно ограниченной монархіи и исключенія народныхъ массъ отъ всякаго участія въ государственной жизни. Начать съ того, что Монтескье не былъ противникомъ всеобщаго права голосованія и соглашался лишить участія въ выборахъ только тѣхъ, кто „по уничиженности своего матеріальнаго положенія живетъ въ постоянной зависимости отъ другихъ", а подъ этими словами, разумѣется, можно понимать только лицъ, не имѣющихъ другихъ средствъ существованія, кромѣ частной или общественной благотворительности *).

Съ другой стороны, Монтескье отнюдь не можетъ быть причисленъ къ сторонни-

*) Смотри знаменитую XI книгу „Духа Законовъ" въ русскомъ переводѣ, изданномъ г. Пантелѣевымъ.

камъ ученія государственнаго невмѣшательства; наоборотъ, онъ прямо возлагаетъ на правительство обязанность притти на помощь неимущимъ пріисканіемъ имъ работы. Право на трудъ, до начала французской революціи, не имѣетъ болѣе ревностныхъ поборниковъ, какъ Монтескье и ближайшаго его послѣдователя въ этомъ отношеніи— министра-реформатора Тюрго. Въ свою очередь, Руссо вовсе не ставилъ себя въ открытую оппозицію автору „Духа Законовъ". Онъ признавалъ его даже тѣмъ изъ современныхъ ему писателей, который всего болѣе призванъ былъ къ научному обоснованію политики; для этого, по его мнѣнію, у Монтескье не доставало только интереса къ нѣкоторымъ метафизическимъ вопросамъ, въ частности, къ тому, гдѣ лежитъ источникъ самодержавія, кому должно оно принадлежать по праву, и какое, поэтому, мѣрило избрать для признанія закономѣрности обнародуемыхъ правительствомъ приказовъ. Разъ дѣло идетъ о практическомъ устройствѣ властей въ государствѣ, о раздѣлѣ не самодержавія, которое, по ученію Руссо, всецѣло сосредоточивается въ рукахъ народа, а правительственныхъ функцій, Руссо въ такой же мѣрѣ, какъ и Монтескье, стоитъ за обособленіе законодательства, исполненія и суда. Мало этого: онъ сходится съ авторомъ „Духа законовъ" и въ желаніи ограничить численный составъ тѣхъ коллегій, которымъ должна быть ввѣрена забота о проведеніи въ жизнь народныхъ велѣній или законовъ, другими словами,—забота объ управленіи. Однимъ словомъ, Монтескье далеко не противникъ участія демоса въ государственной жизни, а Руссо не можетъ быть разсматриваемъ какъ сторонникъ сосредоточенія всѣхъ правительственныхъ функцій въ рукахъ толпы. Удивительно ли, если современники не считали Монтескье и Руссо стоящими на двухъ противоположныхъ полюсахъ, и если изъ среды будущихъ якобинцевъ вышелъ одинъ изъ панегиристовъ перваго. Я имѣю въ виду никого иного, какъ Марата, и представленное имъ на соисканіе преміи „Похвальное слово" автору „Духа Законовъ". Теперь, когда задачи парламентаризма, въ смыслѣ самоуправленія всего общества независимо отъ какихъ-либо сословныхъ или классовыхъ различій, сдѣлались дороги не одной буржуазіи, но и рабочему сословію, друзья демократіи съ равною любовью занимаются обоими названными писателями и, какъ мнѣ кажется, понимаютъ ихъ вѣрнѣе прежняго. Причина этому, очевидно, лежитъ въ желаніи искать въ сочиненіяхъ Монтескье и Руссо не однихъ противорѣчій, но и того, что̀ есть въ нихъ общаго; очевидно, эта общность идей вызвана тѣмъ, что оба писателя жили въ одной общественной и политической средѣ, задѣты были, хотя и въ неравной мѣрѣ, господствующей въ XVIII вѣкѣ просвѣтительной философіей, воспитали свой умъ на чтеніи однихъ и тѣхъ же французскихъ, англійскихъ и голландскихъ политическихъ мыслителей XVI и XVII столѣтій.

Возродившійся въ широкихъ сферахъ интересъ къ Монтескье и Руссо прежде всего сказался въ желаніи предать гласности ихъ неизданныя сочиненія. У наслѣдниковъ автора „Духа законовъ" оказались цѣлые томы законченныхъ и незаконченныхъ мемуаровъ, отрывочныхъ главъ и путевыхъ замѣтокъ. Въ настоящее время все это, при ближайшемъ участіи нѣкоторыхъ профессоровъ Бордо, предано тисненію и сдѣлалось доступнымъ обширному кругу читателей. О томъ, что въ библіотекахъ Женевы и Невшателя хранятся нѣкоторыя рукописи Руссо, извѣстно было еще въ 60 годахъ текущаго столѣтія. Профессоръ Алексѣевъ напечаталъ одну изъ нихъ въ приложеніи къ своему этюду „Объ общественномъ Договорѣ". Въ болѣе полномъ видѣ та же рукопись, вмѣстѣ съ фрагментами, уцѣлѣвшими въ Невшателѣ, издана нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дрейфусъ-Брисакомъ. Мы имѣемъ теперь передъ собою рядъ главъ изъ сочиненія, которому Руссо, по собственному его сознанію, хотѣлъ нѣкогда посвятить себя всецѣло. Я разумѣю его „Политическія учрежденія", монографію, долженствовавшую обнять все то, что въ наши дни, какъ и во времена Аристотеля, привыкли обозначать терминомъ государствовѣдѣнія или политики. Это сочиненіе подготовлялось втеченіи многихъ лѣтъ про-

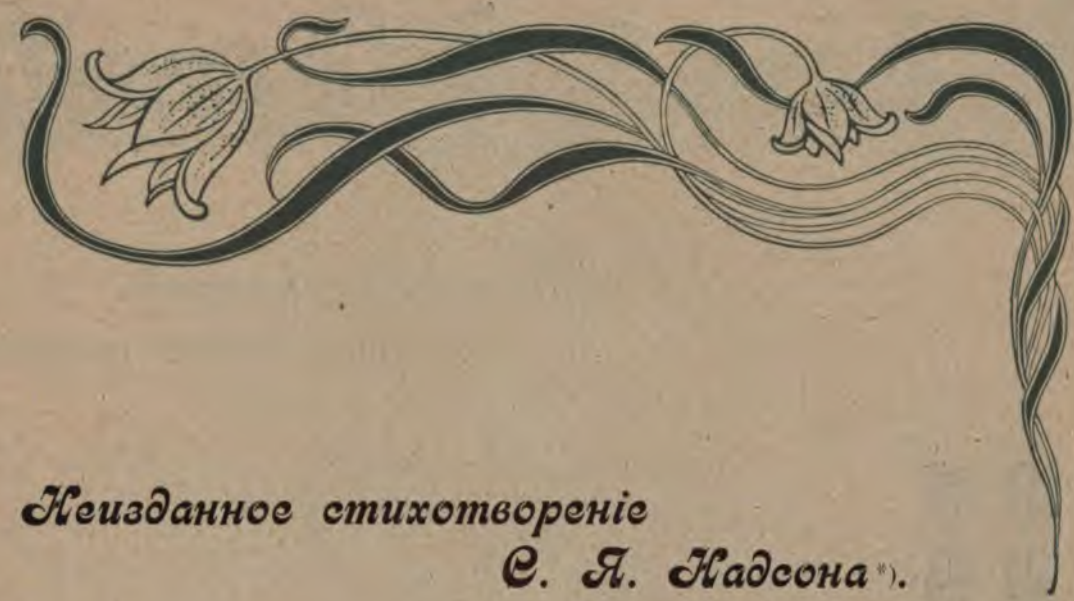
должительными чтеніями, начало которымъ положено было еще, во время пребыванія Руссо подъ мирнымъ кровомъ Г-жи де Варенсъ, въ Аннеси и Шарметъ. Вліяніе Дидро и, чрезъ его посредство, шотландскихъ моралистовъ сказалось въ этомъ сочиненіи развитіемъ центральнаго ученія о законѣ, какъ выраженіи общей воли. Этому вліянію, несомнѣнно, содѣйствовали тѣ близкія дружескія отношенія, которыя возникли между Руссо и главою французскихъ энциклопедистовъ, съ момента переселенія перваго сперва въ Парижъ, а затѣмъ въ окрестности Монморенси. Чѣмъ ближе знакомишься съ текстомъ неизданнаго трактата Руссо, тѣмъ болѣе проникаешься убѣжденіемъ, что его автору одинаково были извѣстны и разсужденія Платона „Объ Идеальномъ Государствѣ" и „Политика" Аристотеля, сочиненія Альтузія, Спинозы, Гоббса, Сиднея и Локка, Бодена и Жюсье. Словомъ у него имѣлся весь тотъ запасъ политико-философскихъ знаній, который накопленъ былъ съ эпохи Реформаціи и Возрожденія и которому недоставало только популярной и блестящей передачи на доступномъ всему европейскому континенту французскомъ языкѣ, чтобы войти въ общественное сознаніе Европы и сдѣлаться, въ нѣкоторомъ смыслѣ слова, политическимъ катехизисомъ, сперва—одного средняго сословія, а затѣмъ и народныхъ массъ. Изъ этого сочиненія, которому не суждено было быть законченнымъ, Руссо извлекъ и свою статью о политической экономіи, мало, впрочемъ, отвѣчающую этому названію, и нѣкоторыя мысли, развитыя имъ въ разсужденіи „О причинахъ неравенства между людьми", и весь текстъ „Общественнаго Договора". Мы имѣемъ, такимъ образомъ, право говорить о послѣднемъ, не какъ о спѣшной работѣ, сдѣланной на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а какъ о чемъ то, глубоко продуманномъ втеченіе многихъ лѣтъ какъ въ Венеціи, въ должности секретаря при французскомъ посланникѣ, такъ и въ Женевѣ, посѣщенной имъ въ самый моментъ начала народныхъ усобицъ, вызванныхъ нежеланіемъ мѣстныхъ совѣтовъ признать принципъ неотчуждаемости народнаго суверенитета. Руссо долженъ былъ не разъ останавливаться на мысли о томъ, гдѣ лежитъ источникъ государственнаго верховенства, и какими средствами оно можетъ быть сохранено за народомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что судьбы венеціанской конституціи, съ которыми Руссо легко было познакомиться изъ распространенныхъ въ Венеціи сочиненій Контарини, Джаноти, Ботеро, въ такой же мѣрѣ содѣйствовали упроченію въ его умѣ представленія о необходимомъ упадкѣ политической свободы, съ переходомъ законодательства въ руки тѣсныхъ совѣтовъ въ какой должно было сдѣлать это знакомство съ судьбами его собственной родины. Въ Женевѣ замѣна Кальвиномъ болѣе демократическаго устройства главенствомъ аристократіи ознаменовалась исключеніемъ изъ совѣтовъ всѣхъ и каждаго, помимо членовъ извѣстныхъ родовъ. Венеція пережила еще въ XIII вѣкѣ тотъ же радикальный переворотъ. Онъ сказался въ ней закрытіемъ дожемъ Петромъ Градени доступа въ Большой Совѣтъ семьямъ, не засѣдавшимъ въ немъ отъ 1292—1297 гг. Какъ авторъ незаконченной исторіи „Политическихъ судебъ Женевы", Руссо не могъ не быть знакомымъ съ ея судьбами и, въ частности, съ фактомъ признанія еще епископами принципа неотчуждаемости народнаго суверенитета, провозглашеніемъ котораго передъ лицомъ Европы „Общественный договоръ" и пріобрѣлъ значеніе перваго манифеста народныхъ требованій.

Если неизданныя сочиненія обоихъ писателей въ значительной мѣрѣ позволяютъ намъ восполнить исторію ихъ литературнаго творчества, то путевыя замѣтки, недавно найденная корреспонденція, болѣе совершенныя изданія мемуаровъ современниковъ и новыя данныя о лицахъ, съ которыми Монтескье и Руссо приходилось вступать въ тѣсное общеніе, въ значительной мѣрѣ расширили объемъ нашихъ свѣдѣній о ихъ біографіи и облегчили намъ знакомство съ тѣми условіями, въ которыхъ развились и зрѣли ихъ мысль и художественное творчество. „Путевыя замѣтки" Монтескье дали намъ возможность судить о томъ, какіе вопросы всего болѣе волновали его умъ въ годы, посвященные собранію тѣхъ данныхъ, на которыхъ построены его два важнѣйшихъ сочиненія, и о

крѣпостными, и это парализуетъ нашу дѣятельность и вноситъ произволъ во всѣ отношенія. Пока даже образованные люди могутъ думать, что государство въ правѣ сказать человѣку, не совершившему никакого преступленія: „ты не смѣй туда ѣздить, ты не смѣй сюда селиться, ты не смѣй этимъ заниматься", до тѣхъ поръ о справедливости, о благоустройствѣ, объ огражденіи свободы и права у насъ не можетъ быть рѣчи. Все это остается только чаяніемъ будущаго.

Это чаяніе составляетъ утѣшеніе тѣхъ, которые были свидѣтелями великой эпохи преобразованій и которые видятъ, что съ ними сталось. Вѣра въ будущность русскаго народа въ насъ не изсякла, и мы твердо уповаемъ, что взойдетъ солнце правды на русской землѣ, взойдетъ для всѣхъ населяющихъ ее народовъ, племенъ и для всѣхъ исповѣданій. Мы съ вами стары и этого не увидимъ, но это непремѣнно будетъ. Ручательствомъ тому служатъ великія реформы ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, обновившія наше отечество и двинувшія его на новый путь. Силою вещей надобно по нему идти. Мы можемъ только желать, чтобы дальнѣйшіе шаги совершились не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ или внутреннихъ потрясеній, а въ силу развитія общественной мысли и сознанія правительствомъ своихъ высокихъ обязанностей.

Б. Чичерихъ.



Неизданное стихотвореніе С. Я. Надсона*).

Я росъ тебѣ чужимъ, отверженный народъ,
И не тебѣ я пѣлъ въ минуты вдохновенья.
Твоихъ преданій міръ, твоей печали гнетъ
Мнѣ чуждъ, какъ и твои ученья.

И если бъ ты, какъ встарь, былъ счастливъ и силенъ,
И если бъ не былъ ты униженъ цѣлымъ свѣтомъ,—
Инымъ стремленіемъ согрѣтъ и увлеченъ,
Я бъ не пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

Но въ наши дни, когда подъ бременемъ скорбей
Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
Въ тѣ дни, когда одно названіе «еврей»
Въ устахъ толпы звучитъ, какъ символъ отверженья,

Когда твои враги, какъ стая жадныхъ псовъ,
На части рвутъ тебя, ругаясь надъ тобою,—
Дай скромно стать и мнѣ въ ряды твоихъ бойцовъ,
Народъ, обиженный судьбою!

*) Печатается съ согласія комитета литературнаго фонда.
По свидѣтельству лица, выписывавшаго для насъ эти стихи изъ подлинной тетради С. Я. Надсона, они относятся, повидимому, къ 1886 году.

Творчество природы и творчество человѣка *).

Со дня появленія теоріи Дарвина и до сегодняшняго дня противъ нея, правда съ большимъ упорствомъ, чѣмъ успѣхомъ, предъявляется слѣдующее будто бы философское возраженіе. Объясненіе совершенства или гармоніи органическаго міра посредствомъ естественнаго отбора— говорятъ возражающіе—равносильно сведенію всего къ слѣпому случаю. Это, поясняютъ они, только возвращеніе къ старой идеѣ Эмпедокла о случайности зарожденія органовъ, ихъ случайной встрѣчѣ и счастливомъ сочетаніи. Но слѣпымъ случаемъ не объяснить возникновенія совершенной органической формы, какъ не объяснить случайнымъ сочетаніемъ буквъ такого совершеннаго произведенія человѣческаго творчества, какъ, напримѣръ, Одиссея. Произведенія природы носятъ печать именно того умысла и совершенства, которыми отмѣчены произведенія человѣческаго творчества, въ томъ и заключается ихъ загадочность.

Разберемъ этотъ аргументъ съ его обѣихъ сторонъ.

Во-первыхъ, тотъ процессъ, который Дарвинъ назвалъ метафорически, ради краткости, „естественнымъ отборомъ", не простая случайность—нѣтъ, это вполнѣ опредѣленное сочетаніе безграничной производительности природы съ ея неумолимой критикой, т. е. такое сочетаніе, которое неуклонно приводитъ къ опредѣленному результату, въ данномъ случаѣ къ осуществленію только того, что полезно для самого организма. Видя передъ собою только этотъ опредѣленный результатъ, находясь въ полномъ невѣдѣніи относительно вызвавшихъ его причинъ, человѣческій умъ втеченіе длиннаго ряда вѣковъ извращалъ дѣйствительную и логическую послѣдовательность явленій: вмѣсто результатовъ онъ видѣлъ вездѣ цѣли, а вмѣсто неизвѣстныхъ ему условій, опредѣляющихъ эти результаты, придумывалъ намѣренія, стремленія, воплощая ихъ то въ наивномъ, но ясномъ образѣ дѣятельной воли, то въ метафизическомъ, какъ всегда болѣе темномъ, представленіи какой-то „цѣлестремительности" природы. Повторяемъ, это сочетаніе безконечныхъ попытокъ, съ неумолимымъ устраненіемъ всѣхъ неудачъ не имѣетъ ничего общаго со слѣпою случайностью, а представляетъ вполнѣ опредѣленный, хотя и длинный путь, роковымъ образомъ приближающій къ вполнѣ опредѣленному совершенству. Откуда и это совершенство, послѣ даннаго объясненія, нисколько не вынуждаетъ предположенія о предварительномъ умыслѣ, или преднамѣренномъ направленіи порождающаго его процесса. Все это ясно какъ день, но тѣмъ не менѣе эти очевидныя

*) Отрывокъ изъ заключительной лекціи популярнаго курса Дарвинизма, прочитаннаго въ Москвѣ зимою 1889—90 года подъ заглавіемъ „Историческій методъ въ біологіи". Первыя шесть лекцій были напечатаны въ „Русской Мысли"; постоянныя научныя занятія помѣшали мнѣ напечатать до сихъ поръ остальныя четыре.

положенія приходится часто повторять; такъ же часто, какъ часто они умышленно замалчиваются возражателями, расчитывающими въ своихъ аудиторіяхъ, въ своихъ читателяхъ встрѣтить людей, недостаточно освѣдомленныхъ объ основахъ опровергаемаго ученія.

Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Говорятъ, произведенія природы носятъ печать произведеній искусства, источникъ совершенства которыхъ лежитъ въ творчествѣ человѣка. Но не можемъ ли мы и здѣсь, сохраняя фактъ сходства, дать ему нѣсколько иное толкованіе? Произведенія природы сходны съ произведеніями человѣка не потому ли, что, наоборотъ, процессъ образованія этихъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ сходенъ съ процессомъ совершенствованія въ природѣ? Не достигается ли, наоборотъ, совершенство произведеній искусства въ значительной мѣрѣ пріемомъ, подобнымъ пріему природы, т. е. отборомъ? Я не имѣю здѣсь въ виду „искусственный отборъ", сознательный или безсознательный, т. е. тотъ пріемъ, которымъ человѣкъ вырабатываетъ новыя породы животныхъ и растеній, отправляясь отъ котораго, Дарвинъ нашелъ въ природѣ отборъ естественный. Нѣтъ, я предлагаю взглянуть на дѣло нѣсколько шире. Познакомимся съ процессомъ человѣческаго творчества вообще, не исключая и самыхъ высокихъ сферъ творчества художественнаго. Созданія человѣческаго творчества, даже въ самыхъ высшихъ его проявленіяхъ, являются ли плодомъ одного творческаго акта, возникаютъ ли они вдругъ въ одинъ пріемъ, или въ нѣсколько пріемовъ; зарождаются ли они внезапно по какому-то непосредственному наитію, вдохновенію, или они являются, въ значительной мѣрѣ, благодаря сочетанію тѣхъ двухъ первичныхъ факторовъ, изъ которыхъ слагается естественный отборъ, т. е. громаднаго числа попытокъ и неумолимой критики, сопровождаемой уничтоженіемъ всего неудачнаго, всего менѣе совершеннаго? Очевидно, этимъ вторымъ путемъ шло начальное, младенческое развитіе всѣхъ техническихъ искусствъ; ему мы обязаны всѣми изумительными по своимъ результатамъ успѣхами земледѣлія, медицины, технологіи, до того сравнительно недавняго времени, когда эти искусства могли воспользоваться дедукціями науки. Весь грубо эмпирическій періодъ накопленія знаній, открытіе цѣлебныхъ средствъ, безъ пониманія ихъ ближайшаго дѣйствія, разработка тончайшихъ техническихъ пріемовъ для процессовъ, настоящее содержаніе которыхъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ—все это не что иное, какъ процессъ, въ которомъ изумительные результаты являлись, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ не счастливой только случайности, а громаднаго числа попытокъ и фактической элиминаціи, иногда дорогою цѣною искупленныхъ неудачъ. Мы, вѣроятно, не ошибемся, сказавъ, что почти весь нашъ безцѣнный запасъ сырого, въ тѣсномъ смыслѣ индуктивнаго знанія,—такого происхожденія.

Но оставимъ въ сторонѣ эти болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія объ умственныхъ процессахъ, совершавшихся во тьмѣ вѣковъ, о безличномъ процессѣ массовыхъ поисковъ за необходимыми знаніями и познакомимся съ процессомъ личнаго творчества, научнаго и художественнаго, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его частяхъ, съ которыми сами творцы порою насъ знакомили. Недавно живопись утратила одного художника (Мейсонье), относительно совершенства произведеній котораго, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія исполненія, едва ли можетъ существовать разногласіе; и вотъ въ чемъ, по его собственному признанію, кроется одна изъ загадокъ этого совершенства: „Если бы вы знали, какъ много, какъ часто я передѣлывалъ, измѣнялъ, даже вовсе стиралъ картины, которыя другіе находили превосходными, но которыя я не желалъ оставлять, несмотря на то, что мнѣ за нихъ предлагали груды золота!" Такимъ образомъ, по свидѣтельству самого художника, залогъ совершенства исполненія лежитъ, выражаясь фигурально, не въ одномъ карандашѣ, но и въ резинѣ. Когда на выставкѣ (или все равно въ литературѣ) останавливаешься съ недоумѣніемъ передъ однимъ изъ тѣхъ незрѣлыхъ

произведеній, которыя принято обозначать опошлившимся, ничего не объясняющимъ, терминомъ декадентства, обыкновенно слышишь въ ихъ защиту такой аргументъ:—Должны же вы признать, что эти люди ищутъ новыхъ путей въ искусствѣ?—Но эта защита не равносильна ли прямому осужденію? Великіе художники, конечно, также искали новыхъ путей, но они сообщали міру только свои находки, а свои поиски хранили въ своихъ мастерскихъ или безъ жалости ихъ уничтожали.

Это въ области искусства; посмотримъ такъ ли обстоитъ дѣло въ области науки. Комментируя знаменитый отвѣтъ Ньютона, какъ дошелъ онъ до своего геніальнаго открытія:—„Я постоянно его обдумывалъ",—Юэль, историкъ индуктивныхъ наукъ, пишетъ: „Вотъ единственное представленіе, которое можно себѣ составить объ изобрѣтательной способности: между тѣмъ, какъ изъ какого-то скрытаго источника родится быстрый потокъ возможныхъ предположеній, умъ настораживается и схватываетъ на лету то именно, что соотвѣтствуетъ данному случаю, пропуская мимо и предавая забвенію остальныя; мы усматриваемъ изъ этого, какъ изумительно плодовитъ былъ умъ, усилія котораго были такъ часто успѣшны, и какъ неизмѣримо велико было число порожденныхъ имъ мыслей, если изъ нихъ такъ много было отобрано. Осуществлялся же этотъ отборъ только путемъ выслѣживанія всѣхъ послѣдствій, вытекавшихъ изъ сдѣланнаго предположенія, и ихъ сравненія съ данными условіями". Такимъ образомъ отборъ (selection), по мнѣнію Юэля, является однимъ изъ главныхъ факторовъ, обезпечивающихъ качество той научной мысли, которая, наконецъ, окончательно видитъ свѣтъ.

Но, скажутъ, это только догадка Юэля, самъ Ньютонъ могъ и не согласиться съ нимъ. Въ такомъ случаѣ, выслушаемъ собственную исповѣдь другого великаго ученаго, Вотъ откровенное признаніе Фарадея: „Публика мало подозрѣваетъ, какъ много мыслей и теорій, возникавшихъ въ умѣ научнаго дѣятеля, рухнуло въ тайнѣ и молчаніи, вслѣдствіе его собственной строгой критики и направленныхъ противъ нихъ изслѣдованій; въ самыхъ успѣшныхъ случаяхъ оправдывается едва десятая доля догадокъ, надеждъ, желаній и предварительныхъ заключеній" *).

Перейдемъ теперь къ проявленію человѣческаго творчества, казалось бы наиболѣе самопроизвольному, наиболѣе подходящему подъ ходячее представленіе о моментальномъ вдохновеніи—о созиданіи внезапномъ, а не послѣдовательными ступенями приближенія къ совершенству. Обратимся къ творчеству художниковъ слова, и начнемъ съ внѣшней красоты формы. Всякій, видавшій въ музеяхъ черновыя рукописи великихъ писателей, вспомнитъ, на что онѣ похожи. Но мы имѣемъ и прямыя признанія знаменитыхъ стилистовъ, какъ, напримѣръ, Руссо, о томъ, съ какимъ трудомъ имъ давалась эта поражающая читателя безукоризненная форма. Современный реалистъ, авторъ Madame Bovary относительно отдѣлки слога сходится съ рецептомъ строгаго классика Буало: „polissez le sans cesse et le repolissez, ajoutez parfoi, et souvent effacez". Это ли не строгое примѣненіе начала отбора?

Но, можетъ быть, этотъ пріемъ относится только къ формѣ, само же содержаніе, идея, вспыхиваетъ, зарождается самопроизвольно, выливается непосредственно въ силу внезапнаго озаренія, безъ предварительнаго процесса элиминированія менѣе совершеннаго?

---

*) Мнѣ пришлось слышать отъ Анри С. Клеръ Девиля разсказъ, иллюстрирующій эти слова Фарадея, приведенныя Джевонсомъ. Девиль разсказывалъ, что, когда онъ занимался у Фарадея, великій ученый въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ угрюмъ и озабоченъ очевидно совершенно поглощавшей его идеей. Заглядывая украдкой въ его комнату, ученики могли подсѣтить, что всѣ столы были завалены грудами маленькихъ отрѣзковъ стеклянныхъ трубочекъ. Въ одинъ прекрасный день всѣ трубочки полетѣли на полъ и были выметены, а самъ Фарадей, подтрунивая надъ собою, сказалъ Девилю: „Молодой человѣкъ, если бъ вы только могли знать, какимъ безуміемъ я былъ занятъ эти дни. Но тѣмъ не менѣе запомните мои слова: самыя безумныя мысли иногда оказываются вѣрными".

Выслушаемъ, что повѣдали намъ объ этомъ сами поэты. Остановимся на самомъ типическомъ поэтѣ и на его произведеніи, представляющемъ рядъ самыхъ свободныхъ, капризныхъ лирическихъ порывовъ, вызванныхъ живыми, летучими впечатлѣніями минуты. Байронъ—Чайльдъ Гарольдъ—въ Римѣ; казалось бы, искра должна мгновенно воспламенить порохъ—поэтъ пришелъ, увидѣлъ и запѣлъ. Видъ Колизея долженъ былъ мгновенно вызвать образъ умирающаго гладіатора и т. д. Но послушаемъ, что говоритъ самъ Байронъ: „Я въ восторгѣ отъ Рима. Въ цѣломъ, и древній и новый, онъ побиваетъ и Грецію и Константинополь,—словомъ все, что я когда либо видалъ. Но я не въ состояніи дать описанія, потому что мои первыя впечатлѣнія хотя всегда сильны, но смутны,—и только моя память, производя въ нихъ отборъ, приводитъ ихъ въ порядокъ. . . ."

Итакъ, пытается ли историкъ науки изобразить процессъ, предшествующій созиданію геніальной научной гипотезы въ умѣ Ньютона, передаетъ ли самъ Байронъ процессъ зарожденія тѣхъ поэтическихъ образовъ, въ которые окончательно воплощаются его первыя сильныя, но смутныя впечатлѣнія, и тотъ, и другой, словно сговорившись, прибѣгаютъ къ тому же слову—selection—отборъ,—не забудежъ, тогда еще не игравшему той роли, которую ему суждено было занять позднѣе въ обиходѣ философской мысли. Наконецъ, вотъ еще одно и самое драгоцѣнное свидѣтельство величайшаго изъ живущихъ художниковъ, конечно не „русской" только, но и всей земли. Въ письмѣ къ Фету, Л. Н. Толстой такъ изображаетъ процессъ зарожденія „Войны и мира". „Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній для того, чтобы выбрать изъ нихъ $^{1}/_{1000000}$ ужасно трудно. И этимъ я занятъ". Здѣсь мы присутствуемъ при процессѣ отбора, который представляетъ намъ даже величины почти того же порядка какъ тѣ, которыми оперируетъ природа. И тутъ и тамъ поражающій насъ результатъ идетъ рука объ руку съ колоссальными размѣрами скрытаго процесса истребленія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что великіе мыслители достигали великихъ результатовъ не потому только, что вѣрно думали, но и потому, что они много думали и многое изъ передуманнаго уничтожали безъ слѣда. Великіе поэты велики не потому только, что они чутко чувствовали, но и потому, что они много прочувствовали и многое изъ прочувствованнаго утаили отъ міра. Невольно возникаетъ мысль—то, что мы называемъ талантомъ, геніемъ въ человѣкѣ, первичное ли это, неразложимое свойство или итогъ двухъ болѣе элементарныхъ свойствъ—изумительной производительности воображенія и не менѣе изумительно тонкой и быстрой критической способности *)?

Громадная производительность и неумолимая критика является слѣдовательно составнымъ началомъ и творчества человѣка, и творчества природы. Достигнувъ этой точки аргументаціи, почти неизмѣнно въ теченіи полувѣка встрѣчаешь неумышленное, а еще чаще умышленное выраженіе глумленія.—Помилуйте, говорятъ, да что же общаго между сознательнымъ отборомъ человѣка и безсознательнымъ отборомъ, который вы нашли въ природѣ, и какая это такая безсознательная критика? Возраженіе это, какъ извѣстно, давно отражено самимъ Дарвиномъ. Самый разумный, самый искусный человѣкъ, вооруженный микроскопомъ, располагающій неограниченнымъ досугомъ не отобралъ бы маленькихъ частицъ ила отъ крупныхъ съ такимъ совершенствомъ, какъ это сдѣлаетъ отмучивающая ихъ струя воды. Для такой простой задачи этотъ простой механизмъ вполнѣ замѣняетъ болѣе сложный

---

*) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ фактовъ относительно музыкальнаго творчества, но уже одна способность къ импровизаціи, встрѣчавшаяся у великихъ композиторовъ, не доказываетъ-ли, что сохранившіяся произведенія не даютъ мѣры ихъ *первичной* производительности.

процессъ, руководимый сознательной волей. И задача природы, въ извѣстномъ смыслѣ, сравнительно проста—отобрать все полезное, устранивъ безполезное. Но полезное значитъ только—соотвѣтствующее условіямъ существованія даннаго организма, и эти самыя условія, уничтожая, ломая все, что съ ними не согласно, и сохраняя согласное (допуская извѣстную длительность процесса), опредѣляютъ исходъ отбора съ такимъ же роковымъ совершенствомъ, какъ и сознательный критикъ.

Такимъ образомъ, тѣмъ, кто выставляетъ на видъ сходство произведеній природы съ произведеніями человѣческаго творчества, полагая видѣть въ этомъ возраженіе, дѣлающее объясненіе Дарвина непригоднымъ, дарвинисты могутъ отвѣтить обратнымъ указаніемъ на любопытное и, кажется, еще не подмѣченное сходство процесса творчества человѣка съ процессомъ творчества природы.

К. Тимирязевъ.

Новыя данныя о Ж. Ж. Руссо.

Конецъ нашего вѣка становится неожиданнымъ свидѣтелемъ возродившагося интереса къ двумъ наиболѣе выдающимся публицистамъ прошлаго столѣтія, — Монтескье и Руссо. Ближайшей причиной этого поворота общественнаго мнѣнія въ ихъ пользу надо считать, какъ мнѣ кажется, упадокъ того оптимизма, съ какимъ еще недавно европейская печать, особенно та, которая служитъ выразителемъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ, смотрѣла на политическій строй, созданный французской революціей, и болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ англійскому и американскому образцамъ. По мѣрѣ того, какъ консервативная пресса все болѣе и болѣе отклонялась отъ превозносимыхъ ею нѣкогда конституціоннаго режима и принциповъ 1789 г. представители рабочихъ классовъ, получивъ доступъ къ участію въ государственной жизни, благодаря расширенію избирательнаго ценза и упроченію начала всеобщаго голосованія, проникались тѣмъ сознаніемъ, что представительное устройство, по крайней мѣрѣ до поры до времени, можетъ быть удобнымъ орудіемъ для проведенія въ жизнь ихъ классовыхъ требованій. И вотъ, съ родоначальниками современнаго политическаго строя, а такими въ области теоретической мысли нельзя не считать Монтескье и Руссо, происходитъ то странное и на первый взглядъ непонятное явленіе, что, на разстояніи болѣе столѣтія со времени ихъ кончинъ, они ставятся на пьедесталъ одновременно бокъ о бокъ и при томъ тѣми самыми общественными группами, которыя нѣкогда такъ различно оцѣнивали ихъ дѣятельность, видя въ первомъ—оплотъ буржуазнаго доктринерства, а во второмъ—передового бойца демократіи.

Примиреніе теоріи Монтескье съ ученіями Руссо потому уже не кажется мнѣ чудовищнымъ, что, за-одно съ ихъ современниками, я не вижу между ними той глубокой бездны, какую стали признавать въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ сторонники одновременно ограниченной монархіи и исключенія народныхъ массъ отъ всякаго участія въ государственной жизни. Начать съ того, что Монтескье не былъ противникомъ всеобщаго права голосованія и соглашался лишить участія въ выборахъ только тѣхъ, кто „по уничиженности своего матеріальнаго положенія живетъ въ постоянной зависимости отъ другихъ", а подъ этими словами, разумѣется, можно понимать только лицъ, не имѣющихъ другихъ средствъ существованія, кромѣ частной или общественной благотворительности *).

Съ другой стороны, Монтескье отнюдь не можетъ быть причисленъ къ сторонни-

*) Смотри знаменитую XI книгу „Духа Законовъ" въ русскомъ переводѣ, изданномъ г. Пантелѣевымъ.

камъ ученія государственнаго невмѣшательства; наоборотъ, онъ прямо возлагаетъ на правительство обязанность притти на помощь неимущимъ пріисканіемъ имъ работы. Право на трудъ, до начала французской революціи, не имѣетъ болѣе ревностныхъ поборниковъ, какъ Монтескье и ближайшаго его послѣдователя въ этомъ отношеніи— министра-реформатора Тюрго. Въ свою очередь, Руссо вовсе не ставилъ себя въ открытую оппозицію автору „Духа Законовъ". Онъ признавалъ его даже тѣмъ изъ современныхъ ему писателей, который всего болѣе призванъ былъ къ научному обоснованію политики; для этого, по его мнѣнію, у Монтескье не доставало только интереса къ нѣкоторымъ метафизическимъ вопросамъ, въ частности, къ тому, гдѣ лежитъ источникъ самодержавія, кому должно оно принадлежать по праву, и какое, поэтому, мѣрило избрать для признанія закономѣрности обнародуемыхъ правительствомъ приказовъ. Разъ дѣло идетъ о практическомъ устройствѣ властей въ государствѣ, о раздѣлѣ не самодержавія, которое, по ученію Руссо, всецѣло сосредоточивается въ рукахъ народа, а правительственныхъ функцій, Руссо въ такой же мѣрѣ, какъ и Монтескье, стоитъ за обособленіе законодательства, исполненія и суда. Мало этого: онъ сходится съ авторомъ „Духа законовъ" и въ желаніи ограничить численный составъ тѣхъ коллегій, которымъ должна быть ввѣрена забота о проведеніи въ жизнь народныхъ велѣній или законовъ, другими словами,—забота объ управленіи. Однимъ словомъ, Монтескье далеко не противникъ участія демоса въ государственной жизни, а Руссо не можетъ быть разсматриваемъ какъ сторонникъ сосредоточенія всѣхъ правительственныхъ функцій въ рукахъ толпы. Удивительно ли, если современники не считали Монтескье и Руссо стоящими на двухъ противоположныхъ полюсахъ, и если изъ среды будущихъ якобинцевъ вышелъ одинъ изъ панегиристовъ перваго. Я имѣю въ виду никого иного, какъ Марата, и представленное имъ на соисканіе преміи „Похвальное слово" автору „Духа Законовъ". Теперь, когда задачи парламентаризма, въ смыслѣ самоуправленія всего общества независимо отъ какихъ-либо сословныхъ или классовыхъ различій, сдѣлались дороги не одной буржуазіи, но и рабочему сословію, друзья демократіи съ равною любовью занимаются обоими названными писателями и, какъ мнѣ кажется, понимаютъ ихъ вѣрнѣе прежняго. Причина этому, очевидно, лежитъ въ желаніи искать въ сочиненіяхъ Монтескье и Руссо не однихъ противорѣчій, но и того, что̀ есть въ нихъ общаго; очевидно, эта общность идей вызвана тѣмъ, что оба писателя жили въ одной общественной и политической средѣ, задѣты были, хотя и въ неравной мѣрѣ, господствующей въ XVIII вѣкѣ просвѣтительной философіей, воспитали свой умъ на чтеніи однихъ и тѣхъ же французскихъ, англійскихъ и голландскихъ политическихъ мыслителей XVI и XVII столѣтій.

Возродившійся въ широкихъ сферахъ интересъ къ Монтескье и Руссо прежде всего сказался въ желаніи предать гласности ихъ неизданныя сочиненія. У наслѣдниковъ автора „Духа законовъ" оказались цѣлые томы законченныхъ и незаконченныхъ мемуаровъ, отрывочныхъ главъ и путевыхъ замѣтокъ. Въ настоящее время все это, при ближайшемъ участіи нѣкоторыхъ профессоровъ Бордо, предано тисненію и сдѣлалось доступнымъ обширному кругу читателей. О томъ, что въ библіотекахъ Женевы и Невшателя хранятся нѣкоторыя рукописи Руссо, извѣстно было еще въ 60 годахъ текущаго столѣтія. Профессоръ Алексѣевъ напечаталъ одну изъ нихъ въ приложеніи къ своему этюду „Объ общественномъ Договорѣ". Въ болѣе полномъ видѣ та же рукопись, вмѣстѣ съ фрагментами, уцѣлѣвшими въ Невшателѣ, издана нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дрейфусъ-Брисакомъ. Мы имѣемъ теперь передъ собою рядъ главъ изъ сочиненія, которому Руссо, по собственному его сознанію, хотѣлъ нѣкогда посвятить себя всецѣло. Я разумѣю его „Политическія учрежденія", монографію, долженствовавшую обнять все то, что въ наши дни, какъ и во времена Аристотеля, привыкли обозначать терминомъ государствовѣдѣнія или политики. Это сочиненіе подготовлялось втеченіи многихъ лѣтъ про-

должительными чтеніями, начало которымъ положено было еще, во время пребыванія Руссо подъ мирнымъ кровомъ Г-жи де Варенсъ, въ Аннеси и Шарметъ. Вліяніе Дидро и, чрезъ его посредство, шотландскихъ моралистовъ сказалось въ этомъ сочиненіи развитіемъ центральнаго ученія о законѣ, какъ выраженіи общей воли. Этому вліянію, несомнѣнно, содѣйствовали тѣ близкія дружескія отношенія, которыя возникли между Руссо и главою французскихъ энциклопедистовъ, съ момента переселенія перваго сперва въ Парижъ, а затѣмъ въ окрестности Монморенси. Чѣмъ ближе знакомишься съ текстомъ неизданнаго трактата Руссо, тѣмъ болѣе проникаешься убѣжденіемъ, что его автору одинаково были извѣстны и разсужденія Платона „Объ Идеальномъ Государствѣ" и „Политика" Аристотеля, сочиненія Альтузія, Спинозы, Гоббса, Сиднея и Локка, Бодена и Жюсье. Словомъ у него имѣлся весь тотъ запасъ политико-философскихъ знаній, который накопленъ былъ съ эпохи Реформаціи и Возрожденія и которому недоставало только популярной и блестящей передачи на доступномъ всему европейскому континенту французскомъ языкѣ, чтобы войти въ общественное сознаніе Европы и сдѣлаться, въ нѣкоторомъ смыслѣ слова, политическимъ катехизисомъ, сперва—одного средняго сословія, а затѣмъ и народныхъ массъ. Изъ этого сочиненія, которому не суждено было быть законченнымъ, Руссо извлекъ и свою статью о политической экономіи, мало, впрочемъ, отвѣчающую этому названію, и нѣкоторыя мысли, развитыя имъ въ разсужденіи „О причинахъ неравенства между людьми", и весь текстъ „Общественнаго Договора". Мы имѣемъ, такимъ образомъ, право говорить о послѣднемъ, не какъ о спѣшной работѣ, сдѣланной на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а какъ о чемъ то, глубоко продуманномъ втеченіе многихъ лѣтъ какъ въ Венеціи, въ должности секретаря при французскомъ посланникѣ, такъ и въ Женевѣ, посѣщенной имъ въ самый моментъ начала народныхъ усобицъ, вызванныхъ нежеланіемъ мѣстныхъ совѣтовъ признать принципъ неотчуждаемости народнаго суверенитета. Руссо долженъ былъ не разъ останавливаться на мысли о томъ, гдѣ лежитъ источникъ государственнаго верховенства, и какими средствами оно можетъ быть сохранено за народомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что судьбы венеціанской конституціи, съ которыми Руссо легко было познакомиться изъ распространенныхъ въ Венеціи сочиненій Контарини, Джаноти, Ботеро, въ такой же мѣрѣ содѣйствовали упроченію въ его умѣ представленія о необходимомъ упадкѣ политической свободы, съ переходомъ законодательства въ руки тѣсныхъ совѣтовъ въ какой должно было сдѣлать это знакомство съ судьбами его собственной родины. Въ Женевѣ замѣна Кальвиномъ болѣе демократическаго устройства главенствомъ аристократіи ознаменовалась исключеніемъ изъ совѣтовъ всѣхъ и каждаго, помимо членовъ извѣстныхъ родовъ. Венеція пережила еще въ XIII вѣкѣ тотъ же радикальный переворотъ. Онъ сказался въ ней закрытіемъ дожемъ Петромъ Градени доступа въ Большой Совѣтъ семьямъ, не засѣдавшимъ въ немъ отъ 1292—1297 гг. Какъ авторъ незаконченной исторіи „Политическихъ судебъ Женевы", Руссо не могъ не быть знакомымъ съ ея судьбами и, въ частности, съ фактомъ признанія еще епископами принципа неотчуждаемости народнаго суверенитета, провозглашеніемъ котораго передъ лицомъ Европы „Общественный договоръ" и пріобрѣлъ значеніе перваго манифеста народныхъ требованій.

Если неизданныя сочиненія обоихъ писателей въ значительной мѣрѣ позволяютъ намъ восполнить исторію ихъ литературнаго творчества, то путевыя замѣтки, недавно найденная корреспонденція, болѣе совершенныя изданія мемуаровъ современниковъ и новыя данныя о лицахъ, съ которыми Монтескье и Руссо приходилось вступать въ тѣсное общеніе, въ значительной мѣрѣ расширили объемъ нашихъ свѣдѣній о ихъ біографіи и облегчили намъ знакомство съ тѣми условіями, въ которыхъ развились и зрѣли ихъ мысль и художественное творчество. „Путевыя замѣтки" Монтескье дали намъ возможность судить о томъ, какіе вопросы всего болѣе волновали его умъ въ годы, посвященные собранію тѣхъ данныхъ, на которыхъ построены его два важнѣйшихъ сочиненія, и о

томъ впечатлѣніи, какое производила на него современная ему Европа съ характеризовавшимъ ее вырожденіемъ сословныхъ монархій въ абсолютныя и демократическихъ республикъ въ олигархическія. Въ свою очередь, новыя данныя о жизни г-жи де Варенсъ, которая, пріютивъ у себя молодого бродягу, тѣмъ самымъ подарила міръ и, въ частности, всѣ, говорящія французскимъ языкомъ, націи однимъ изъ величайшихъ художниковъ слова, даютъ средства провѣрить тѣ показанія, какія о первыхъ 30 годахъ своей жизни сообщаетъ намъ Руссо въ своей „Исповѣди".

Начавшія появляться съ прошлаго года въ новомъ изданіи мемуары г-жи д'Эпинэ, другой изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми сблизила Руссо не столько общность симпатій, сколько случайное совпаденіе обстоятельствъ, повліяютъ въ свою очередь на измѣненіе ходячихъ взглядовъ на причину его разрыва съ энциклопедистами и на ближайшій источникъ той глухой вражды Гримма и Дидро, которая такъ отравила вторую половину его жизни и вызвала въ немъ подозрительность и пессимистическое отношеніе къ людямъ. Множество помарокъ и перемѣнъ въ текстѣ, сдѣланномъ Дидро, клонящихся, всѣ безъ исключенія, къ очерненію его еще недавняго друга, свидѣтельствуютъ о томъ, что вина въ происшедшей размолвкѣ не на сторонѣ одного автора „Эмиля" и „Новой Элоизы". Нежеланіе прикрыть своей поѣздкой въ Женеву съ г-жей д'Эпинэ послѣдствія ея любовной связи съ Гриммомъ, и сознаніе обиды, какая нанесена была ему однимъ этимъ предложеніемъ, являются только послѣднимъ звеномъ въ той цѣпи взаимныхъ недоразумѣній, корень которыхъ, несомнѣнно, лежалъ въ деизмѣ Руссо и горячности, съ которой онъ отстаивалъ свои деистическія воззрѣнія отъ нападокъ матеріалистовъ, сгруппировавшихся около барона Гольбаха. Наконецъ, далеко не ничтожнымъ вкладомъ является для будущей біографіи Руссо отпечатанная на средства Генриха Ротшильда и при ближайшемъ участіи Кларети переписка автора „Общественнаго Договора" съ Бойи де ла Туръ: эта переписка обнимаетъ собою весь періодъ, который тянется отъ момента вынужденнаго отъѣзда Руссо изъ Франціи до столь же неотложнаго оставленія имъ Мотье. Г-жа де ла Туръ во все это время продолжала оставаться добровольнымъ ходатаемъ по его дѣламъ, исполнительницею его мельчайшихъ порученій, невзыскательнымъ другомъ, переносящимъ спокойно вспышки его раздражительности и вѣчно встревоженнымъ судьбою страдающаго отъ недуговъ и преслѣдованій философа. Послѣдній для своей благотворительницы не находитъ лучшаго названія, кромѣ имени матери, ранѣе примѣненнаго имъ и къ своему первому женскому другу г-жѣ де Варенсъ.

Переписка съ Бойи де ла Туръ можетъ считаться тѣмъ болѣе цѣнной, что о пребываніи въ Мотье мы имѣли пока лишь одностороннія показанія самого Руссо, къ тому же весьма неполныя. Періодъ, ознаменованный изданіемъ знаменитаго посланія къ парижскому епископу въ защиту „Эмиля", „Писемъ съ Горы" и конституціоннаго устройства недавно освободившейся отъ Генуэзцевъ Корсики, годы, проведенные Руссо въ занятіи ботаникой и сведеніи счетовъ съ собственною совѣстью, нагляднымъ проявленіемъ чего былъ поворотъ къ оставленному имъ прежде кальвинизму, и запоздалый бракъ съ Терезой, освятившій 25 лѣтнюю связь, заслуживаютъ болѣе близкаго и разносторонняго знакомства. Вѣдь ими заканчивается, въ строгомъ смыслѣ слова, ростъ философской мысли Руссо, который въ позднѣйшіе годы, чувствуя себя все болѣе и болѣе окруженнымъ скрытою и явною враждою, не находитъ въ своемъ ослабленномъ болѣзнью организмѣ силъ для чего иного, кромѣ самозащиты, или, вѣрнѣе самовосхваленія. Съ этою сознательною цѣлью и написаны знаменитыя „Confessions" и еще въ большей степени превосходная въ стилистическомъ смыслѣ брошюра „Руссо—судья Жанъ Жака". Если такимъ образомъ, вновь изданнаго матеріала вполнѣ достаточно для болѣе правильнаго освѣщенія личности Руссо, то позволено удивляться, что за послѣднее время не появилось еще сколько нибудь полной его біографіи, которая приняла бы въ расчетъ весь оказавшійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ. Я думаю, что такого рода біографія

была бы и современной, и необходимой. Довольно трудно, разумѣется, намѣтить впередъ всѣ тѣ перемѣны, которыя она должна будетъ внести въ оцѣнку, какъ личности Руссо, такъ и обстоятельствъ его жизни. Но нѣкоторыя личности, близко соприкосновенныя къ первымъ 30 годамъ его жизни, выступили за послѣднее время такъ выпукло и въ такомъ новомъ свѣтѣ передъ глазами читателей, что объ этомъ предметѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ даже въ бѣглой замѣткѣ, какова настоящая. Мы знали до сихъ поръ г-жу Варенсъ по тому описанію, какое даетъ ей самъ Руссо, и считали ее скорѣе, если не оклеветанной, то скомпрометированной авторомъ „Исповѣди", не скрывающимъ ни своихъ любовныхъ отношеній къ ней, ни легкости, съ какой она переходила отъ одной связи къ другой, или точнѣе, съ какой она восполняла одну связь другой. Оказывается, тѣмъ не менѣе, что данная Руссо характеристика грѣшитъ противъ истины не строгостью оцѣнки, а скорѣе идеализаціей его героини. Изъ писемъ мужа Де Варенсъ, ея собственной переписки до и послѣ перехода въ католичество, наконецъ, изъ отзывовъ ея современниковъ и корреспондентовъ, слѣдуетъ, что женщина, прославленная Руссо за свой умъ и сердечную отзывчивость, въ дѣйствительности была неискренна, разнуздана и озабочена исключительно матеріальными интересами. Развращенная до брака, вышедшая за-мужъ безъ любви M-elle де ла Туръ, сдѣлавшись г-жею де Варенсъ, своимъ расточительнымъ образомъ жизни и неудачными попытками пополнить брешь въ состояніи устройствомъ чулочной фабрики въ окрестностяхъ Веве, не только раззорила мужа, но и создала для себя самой тѣ условія, въ которыхъ переходъ въ католичество, сопровождающійся полученіемъ постоянной пенсіи отъ Савойскаго двора и епископа въ Шамбери, съ трудомъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ удовлетвореніе внутренняго сердечнаго запроса. Въ письмѣ къ пріятельницѣ г-жа де Варенсъ сама указываетъ на то, что бѣгство въ Савойю являлось для нея средствомъ порвать связь съ нелюбимымъ человѣкомъ, преслѣдовавшимъ ее своею запоздалою ревностью. Изъ переписки ея мужа видно, что почти наканунѣ перехода въ католицизмъ будущая покровительница Руссо еще такъ мало была задѣта „благодатью", что просила мужа о присылкѣ ей философскаго словаря Бейля, очевидно, неповиннаго въ теистическихъ пристрастіяхъ.

Одновременно она принимала мѣры къ тому, чтобы рѣшеніе измѣнить вѣру принесло ей возможно меньше матеріальнаго вреда. Съ этою цѣлью, разумѣется, не предупредивъ мужа, она увезла съ собою его фамильное серебро и вообще все, что можно было захватить цѣннаго. И, разъ сдѣлавшись католичкою, г-жа де Варенсъ ведетъ рядомъ и торгово-промышленныя предпріятія, и дѣло религіозной пропаганды, обращая въ свою вѣру прежнихъ служителей, въ томъ числѣ своего будущаго любовника—Анэ и молодыхъ авантюристовъ, между которыми мы встрѣчаемъ и Жанъ Жака Руссо. Имущественныя спекуляціи для г-жи де Варенсъ пріобрѣтаютъ вскорѣ перевѣсъ надъ всякими другими заботами. Она умѣетъ извлечь пользу и изъ своего близкаго общенія съ Савойскимъ священствомъ, и изъ старыхъ отношеній въ Швейцаріи. Она берется устроить дѣла монаховъ, владѣющихъ желѣзными рудниками въ долинѣ Шамуни, и образуетъ компанію изъ французскихъ капиталистовъ, обѣщая внести съ своей стороны извѣстную часть основного капитала и медлящимъ исполненіемъ принятаго обязательства. Ея предпріятія, при такихъ условіяхъ, очевидно, не могли увѣнчаться успѣхомъ, но страсть къ спекуляціямъ продолжала наталкивать ее на новыя, столь же неудачныя комбинаціи и тѣмъ самымъ наносила вредъ ея доброй славѣ: сама она становилась жертвою всякаго рода проходимцевъ и доведена была, въ концѣ концовъ, до такой нужды, что Руссо пришлось впослѣдствіи не разъ дѣлиться съ нею своими грошами. Дошедшія до насъ письма г-жи де Варенсъ носятъ всѣ дѣловой характеръ. Она или убѣждаетъ компаньоновъ, недовольныхъ ея неисправностью, не бросать начатаго предпріятія, или изыскиваетъ средства обойти законъ, въ силу котораго бернскимъ правительствомъ задержаны были принадлежащія ей имущества, въ виду перехода ея въ чужую вѣру. Подобно тому, какъ въ

молодости, въ письмахъ къ духовнику она оправдывала свои чрезмѣрныя затраты необходимостью поддержать общественное положеніе мужа, такъ точно въ настоящее время, съ цѣлью сохранить за собою ренту отъ перешедшихъ къ наслѣдникамъ земель, она настаиваетъ на своихъ родственныхъ чувствахъ къ нимъ, и обѣщаетъ не забыть ихъ въ своемъ завѣщаніи. Письма эти любопытны еще въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ г-жи де Варенсъ съ элементарнѣйшими требованіями французской грамматики. Можно, разумѣется, объяснить этотъ фактъ тѣмъ соображеніемъ, что въ XVIII столѣтіи многіе имѣли по отношенію къ женской корреспонденціи тотъ же предразсудокъ, какой заставлялъ Пушкина не цѣнить дамскихъ писемъ безъ грамматической ошибки, но достаточно вспомнить мемуары М-мъ д'Эпинэ, письма M-elle де л' Эспинасъ и даже обычныхъ корреспондентокъ самого Руссо,—M-me Де Веруелинъ или M-me Бойи де ла Туръ, чтобы вынести впечатлѣніе, что литературная подготовка жанжаковской „maman" болѣе приближалась къ той, какую получила его Тереза, чѣмъ къ той, какой отличалось большинство выдающихся женщинъ прошлаго столѣтія. Избранной натурой г-жа де Варенсъ не можетъ считаться ни въ отношеніи ума, ни въ отношеніи сердца. Вести рядомъ нѣсколько интригъ, примиряя при этомъ запросы чувственности съ матеріальнымъ расчетомъ; поддерживать доброе согласіе между своими любовниками, объясняя каждому его дѣйствительное положеніе и невозможность серьезно относиться къ ея невѣрностямъ,—все это свидѣтельствуетъ о крайней неделикатности чувства. Можно говорить, разумѣется, о нравственой испорченности вѣка, о раннемъ развращеніи ума и сердца г-жи Варенсъ ея первымъ другомъ, но какъ не видѣть въ такомъ случаѣ чудовищнаго притворства въ этомъ примиреніи свободы чувствъ съ католическимъ прозелитизмомъ и напускнымъ ханжествомъ, которое наглядно выступаетъ и въ самомъ устройствѣ обычной резиденціи въ Шарметъ? Комнату Руссо отдѣляетъ здѣсь отъ помѣщенія г-жи де Варенсъ одна молельня—характерный признакъ умѣнія примирить любовную интригу съ заботой о вѣчномъ спасеніи.

Въ числѣ лицъ, оказавшихъ сильное вліяніе на выработку религіозно-нравственныхъ представленій Руссо, необходимо поставить двухъ приходскихъ священниковъ, послужившихъ типомъ для его „Савойскаго викарія". Однимъ изъ нихъ былъ Гемъ, другимъ—Гатье. Вновь обнародованныя данныя позволяютъ восполнить и, отчасти, исправить тотъ образъ обоихъ ревнителей не столько христіанской морали, сколько самоотверженія и преданности неимущимъ и обездоленнымъ, какой Руссо нарисовалъ намъ въ своей „Исповѣди". Мы узнаемъ, что аббатъ Жанъ Клодъ Гемъ, сынъ крестьянина, получилъ первоначальное образованіе въ Коллегіи Ораторіанцевъ въ Рюмиліи и прошелъ затѣмъ богословскій факультетъ въ Туринѣ. Ничто не подтверждаетъ свидѣтельства Руссо о томъ, будто невозможность подавить въ себѣ сердечныя влеченія было причиной „внезапно прервавшей карьеру Савойскаго пресвитера. Все, что авторъ „Исповѣди" говоритъ на этотъ счетъ, придумано только для эффекта и чтобы позволить ему вложить въ уста своего героя слѣдующую тираду: „Я вскорѣ убѣдился, что, давъ обѣтъ не быть человѣкомъ, я обѣщалъ болѣе того, что было въ моихъ силахъ". Съ голословнымъ обвиненіемъ Руссо не примирима и та роль воспитателя дѣтей графа Меларедъ и учителя въ дворянскомъ пансіонѣ или академіи въ Туринѣ, въ какой мы застаемъ Гема впослѣдствіи. Пятнадцать лѣтъ онъ проводитъ затѣмъ въ Рюминьи въ уединеніи, подавая, какъ значится въ актѣ его кончины, „добрый примѣръ своимъ поведеніемъ". Таковъ первый изъ тѣхъ образцовъ, по которому Руссо построилъ свой идеалъ церковнаго пресвитера, болѣе занятаго добрыми дѣлами, чѣмъ спорами о религіозныхъ догматахъ. Другимъ надо считать, по его утвержденію („Confessions" часть I, книга III), аббата Гатье, съ которымъ онъ встрѣтился въ семинаріи Аннеси, находившейся въ это время въ вѣдѣніи Лазаристовъ. Г-нъ Обонъ, раздѣлявшій вмѣстѣ съ Анэ и Руссо привязанность г-жи де Варенсъ, не придумалъ лучшаго средства избавиться отъ молодого и ревниваго соперника, какъ,

посовѣтовать своей пріятельницѣ помѣстить его въ эту семинарію. Имѣлось въ виду приготовить его къ дѣятельности сельскаго священника, сообщивъ ему необходимыя для этого богословскія свѣдѣнія. Въ своихъ „Confessions“ Руссо яркими красками рисуетъ намъ типъ молодого аббата, выдѣлявшимся и своимъ кроткимъ видомъ, и мягкимъ голосомъ изъ среды тѣхъ мастодонтовъ, какими показались ему прочіе учителя семинаріи. Этимъ аббатомъ былъ Гатье, котораго благодарный ученикъ, съ цѣлью высказать осужденіе обязательному безбрачію священниковъ, считаетъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ обвинить, и при томъ совершенно произвольно, въ несоблюденіи принятаго обѣта. Г. Мюнье взявшійся за провѣрку „Confessions“, съ помощью документовъ времени, не нашелъ ничего, что бы подтверждало справедливость этого обвиненія.

Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ другихъ лицъ, выводимыхъ Руссо въ его „Исповѣди“ и получающихъ новое освѣщеніе со стороны документовъ, тщательно собранныхъ авторомъ книги „Объ отношеніи Руссо къ г-жѣ де Варенсъ“ *). Мы считаемъ нужнымъ только рекомендовать чтеніе ея всѣмъ, интересующимся біографіей автора „Эмиля“ съ той, однако, оговоркой, чтобы они заглянули также въ тѣ три тома, которые Метцгеръ посвятилъ недавно біографіи г-жи де Варенсъ, и въ не менѣе любопытное изслѣдованіе Риттера „О родителяхъ и родственникахъ Руссо“ между коими, какъ оказывается, было не мало людей нервно-возбужденныхъ. Отецъ страдалъ ишіасомъ, т. е. не вралгіей; повидимому, не прочь былъ выпить лишнее и подраться на улицѣ въ нетревомъ видѣ; дядя и тетка Бернаръ подверглись преслѣдованію со стороны консисторіи „pour anticipation scandaleuse de leur mariage“, а одинъ двоюродный братъ въ Фонтенебло обнаружилъ всѣ признаки внезапнаго помѣшательства. „Эти подробности, подобно нѣмецкому аліенисту, доктору Мебіусу или французскому автору сочиненія „о безуміи Руссо“, доктору Шателенъ, не прочь искать частью въ наслѣдственности, частью въ личныхъ условіяхъ жизни автора причинъ его ненормальности, постепенно выродившейся въ умопомѣшательство.

Мнѣ хочется теперь, прежде чѣмъ закончить этотъ очеркъ, сказать нѣсколько словъ о значеніи писемъ самаго Жанъ Жака Руссо, собранныхъ Генрихомъ Ротшильдомъ и относящихся къ періоду его жизни въ предѣлахъ владѣній прусскаго короля Фридриха II въ теперешнемъ штатѣ Невшатель. Эти письма всѣ частнаго характера и рисуютъ намъ, по удачному выраженію Кларети, женевскаго философа въ туфляхъ и халатѣ. Я не выношу изъ этой переписки того тяжелаго впечатлѣнія, какое, повидимому, овладѣло Кларети въ моментъ составленія имъ предисловія. Конечно, въ жизни Руссо въ обществѣ бывшей служанки, нынѣ сдѣлавшейся его женою и окружившей его атмосферой деревенскихъ сплетенъ и мелкихъ интересовъ околодка, мало общаго съ тѣмъ широкимъ, но, въ сущности, пустымъ существованіемъ, которое вели въ салонахъ и клубахъ Парижа или Лондона добившіеся извѣстности литераторы. Но какъ, съ другой стороны, не отдать дань уваженія человѣку, который послѣ трехъ сочиненій, обезпечившихъ ему небывалую славу, поставленъ былъ въ необходимость составлять для другихъ гербарій, отказывать своей женѣ въ новомъ нарядѣ, урѣзывать на пищѣ, питьѣ и одеждѣ и не позволять себѣ другихъ подарковъ, какъ сотканной собственною рукою тесьмы, раздаваемой имъ роженицамъ подъ условіемъ, что онѣ будутъ кормить сами своихъ дѣтей?

Письма Руссо еще интересны тѣмъ, что позволяютъ слѣдить за постояннымъ развитіемъ въ немъ той меланхоліи, которая подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія, одиночества и стеченія поистинѣ тяжелыхъ обстоятельствъ, подготовила въ немъ психическую ненормальность.

Въ послѣднихъ письмахъ, посланныхъ къ г-жѣ Бойи де ла Туръ, уже сказывается нѣкоторое проявленіе его нервной болѣзни въ той подозрительности, съ которою онъ

*) Madame de Warens et J. J. Rousseau. Etude historique et critique par Francois Mugniez.

обвиняетъ неизвѣстныхъ враговъ въ порчѣ своихъ отношеній съ пріятелями и въ частности съ нею, тогда какъ долгимъ перерывомъ переписки онъ самъ необходимо вызвалъ охлажденіе ихъ прежнихъ дружескихъ отношеній. „Изъ двухъ способовъ потерять друзей, пишетъ онъ, смерти или перемѣны прежнихъ отношеній, я предпочитаю послѣдній. Правда, я былъ неисправенъ въ моей корреспонденціи, но это мой старинный недостатокъ. Ваша дружба не смущалась имъ и не позволяла Вамъ считаться со мною письмами. Я тотъ же, что и прежде; мои недостатки и моя привязанность къ Вамъ и Вашей дочери остались неизмѣнными, а, между тѣмъ, я вижу въ Васъ перемѣну. Что породило ее? Я давно уже замѣчаю, что кто то сталъ между нами. Я имѣю даже доказательства тому и не скрылъ отъ Васъ, какъ тяжела для меня перемѣна съ Вашей стороны. Я надѣялся, что это вызоветъ между нами какое нибудь объясненіе, но виновники мрака совершенно естественно боятся свѣта, и тѣ, которые держатъ Васъ далеко отъ меня, очевидно, хотятъ его менѣе другихъ; удивительно то, что ихъ тайные ходы Васъ не возмущаютъ и увѣнчиваются успѣхомъ".

Забота о томъ, чтобы обѣлиться въ глазахъ друзей, заставившая Руссо писать свою „Исповѣдь", выступаетъ и въ приводимомъ нами письмѣ въ довольно наивной формѣ. Смерть оплакиваемаго имъ друга Рогена не мѣшаетъ зарожденію въ его умѣ той, какъ говоритъ онъ, утѣшительной мысли, что теперь, когда лукавство и клевета не въ состояніи болѣе скрыть предъ нимъ истины, онъ поставленъ въ необходимость, при мысли о Руссо, отдать справедливость его принципамъ, глубокой и чистой привязанности, которой онъ его окружалъ *).

Мы закончимъ эту статью сообщеніемъ того любопытнаго факта, что произведенное въ прошломъ году вскрытіе гроба Руссо въ Пантеонѣ вполнѣ доказало несправедливость слуховъ о самоубійствѣ, какъ о причинѣ его смерти. Такой конецъ былъ бы, впрочемъ, явной непослѣдовательностью со стороны человѣка, не разъ высказывавшагося въ письмахъ къ г-жѣ Ла Туръ и С. Жермену противъ малодушія, сказывающагося въ насильственномъ разрывѣ съ жизнью, т. е. съ мученіями, способными, по его выраженію, пріучить къ терпѣнію, постоянству, смѣлости и обезпечить ей награду, заслуженную добродѣтелью. Правда, однажды въ Мотье, подъ вліяніемъ приступа болѣзни, онъ остановился было на мысли покончить съ собою **). Но тотъ фактъ, что на черепѣ его нельзя открыть никакихъ признаковъ пораненія, заставляетъ признать баснею разсказъ о выстрѣлѣ изъ револьвера, которымъ онъ, будто бы, положилъ конецъ своимъ физическимъ и нравственнымъ мученіямъ. Руссо умеръ грустный и одинокій, въ настроеніи, весьма близкомъ къ тому, въ какомъ написано его письмо къ князю Бѣлосельскому отъ 1775 года: „Я плачу, пишетъ онъ, при мысли, что у меня нѣтъ болѣе ни родныхъ, ни друзей, ни родины свободной и цвѣтущей. О, дивное озеро, на берегахъ котораго я провелъ сладкіе часы моего дѣтства, очаровательная картина природы, среди которой представился моему взору величественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательный восходъ солнца, и я въ первый разъ почувствовалъ движеніе моего сердца и проблески моего генія, слишкомъ необузданнаго и черезчуръ извѣстнаго. Увы, я больше не увижу всего этого!" Ibid. стр. 231. Продолжительная литературная карьера, ознаменованная созданіемъ безсмертныхъ твореній и проповѣдью ученій, произведшихъ цѣлый переворотъ въ художественномъ творчествѣ, въ системѣ воспитанія, въ общественной и политической жизни, не обезпечили автору „Эмиля", „Общественнаго Договора" и „Новой Элоизы" ни матеріальнаго довольства, ни нравственнаго покоя и обратили его въ бездомнаго скитальца, принужденнаго искать пріюта подъ чужимъ кровомъ.

Максимъ Ковалевскій.

---

*) Письмо къ Бойи де ла Туръ изъ Парижа отъ 20 Іюля 71 года. Въ „Lettres inedites de J. J. Rousseau", стр. 243 и слѣд.

**) Письмо къ С.-Жермену отъ 1770 г. смотри „La folie de J. J. Rousseau" par Chatelain.

***) Смотри письмъ къ Мартине отъ 1 Августа 63 года и Дюкло отъ 30 Іюля.

Ферганскій Орленокъ.

Очеркъ изъ жизни каторжныхъ *).

Въ каждой тюрьмѣ можно замѣтить кучку арестантовъ, держащихся въ сторонѣ отъ общей тюремной жизни, замкнуто и отчужденно отъ большинства товарищей. Это инородцы—магометане, киргизы, сарты, узбеки, татары (русскіе арестанты всѣхъ ихъ безъ различія называютъ „татарами", также какъ всѣхъ уроженцевъ кавказа—„черкесами").

Въ свободное отъ работы время они или сидятъ гдѣ-нибудь въ уголку, съ грустнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ монотонно-пѣвучему, нѣсколько гнусавому чтенію своего муллы изъ Корана, или расхаживаютъ по тюремному двору степенно-тихою, почти торжественною поступью и ведутъ между собою таинственный, тоже всегда какъ бы грустный разговоръ. Русская „кобылка" за многое ихъ не долюбливаетъ, — и за эту непонятную гортанную рѣчь, и за внушающіе брезгливость обряды омовенія, и за лѣность, съ какою „татары", будто бы, участвуютъ въ общей казенной работѣ, норовя свалить ея тяжесть на другихъ. Въ свою очередь, и мусульмане не имѣютъ особенныхъ причинъ любить русскихъ, видя на каждомъ шагу высокомѣрное и несправедливое отношеніе къ себѣ, слыша постоянные окрики: „У, звѣрь! татарская лопатка"! и пр. Восточная вспыльчивость беретъ иногда свое, и въ ходъ пускаются ножи; въ дорогѣ довольно обыкновенны случаи кровавыхъ столкновеній между русскими и „черкесами"... Я замѣчалъ, впрочемъ, что самою главною преградой къ сближенію мусульманъ-арестантовъ съ христіанскимъ большинствомъ является незнаніе ими русскаго языка, и что всякій разъ, какъ это препятствіе сколько-нибудь устраняется, происходитъ быстрое и почти полное сліяніе.

Я любилъ наблюдать этихъ дѣтей природы, почти незатронутыхъ европейской городской культурой. Среди нихъ попадались лица съ тонкими, деликатными чертами, съ благороднымъ очеркомъ лба и нѣжнымъ

---

*) Очеркъ этотъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками, выдѣленъ авторомъ для нашего сборника изъ книги „Въ мірѣ отверженныхъ" и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ самостоятельный разсказъ.

выраженіемъ глубокихъ бархатистыхъ глазъ, съ изящными нерабочими руками. При видѣ этихъ удивительныхъ фигуръ, вышедшихъ изъ глубины нашихъ оренбургскихъ и туркестанскихъ степей, мнѣ часто вспоминались индѣйскіе романы Купера, трогательная исторія „Послѣдняго изъ Могиканъ"...

Однажды, при переводѣ въ другую камеру, я былъ крайне обрадованъ, увидѣвъ сосѣдомъ своимъ по нарамъ молодого узбека Усанбая Маразгали̇̂, давно уже привлекавшаго мои симпатіи и сожалѣнія. Было что-то особенное, не передаваемое словами, въ этомъ гибкомъ, граціозномъ существѣ, въ его легкой походкѣ, въ лицѣ, то юномъ и жизнерадостномъ, то вдругъ, словно, поблекшемъ и постарѣвшемъ, съ замѣтными морщинками на щекахъ, съ горькимъ выраженіемъ въ углахъ губъ и въ черныхъ прекрасныхъ глазахъ. Я усердно разспрашивалъ арестантовъ, и, къ удивленію моему, оказалось, что почти вся тюрьма благосклонно относится къ этому странному юношѣ.

— Это Усанка-то?—говорилъ старикъ Гончаровъ:—да одного только его изъ всего этого звѣрья и видалъ я за всю жизнь, который мало-мало на человѣка походитъ. Этотъ совсѣмъ отъ ихняго брата особый. Мы-то всѣхъ зовемъ ихъ рòвно—татарами да сартами, а по настоящему Усанка не сартъ. Онъ серчаетъ даже, когда его сартомъ зовутъ: „Моя, говоритъ, узбекъ, а сартовъ наша сторона тоджи не любятъ". И чуднòй же парень этотъ Усанка, весельчакъ такой, забавникъ. Его и въ дорогѣ вся партія любила... Лѣни этой, что въ кажномъ татаринѣ сидитъ, въ немъ, помни, и слѣда нѣтъ: и за себя сробитъ и другому еще подсобить норовитъ. Я и то часто ему говорю: чего ты, Усанъ, надрываешься? Изъ нашихъ тоже вѣдь лодырей сколько хошь есть... Въ каторгѣ не надо себя черезъ силу нудить... Только смѣется, рукой машетъ: „Лядно! моя не боится!" А какое ладно: самъ, помни, совсѣмъ больной! Онъ вѣдь избитый весь... Съ дороги у нихъ побѣгъ былъ, въ ихней еще сторонѣ; отца-то и брата солдаты убили, да и самъ онъ при смерти былъ... Другой разъ такъ закашляется, бѣдняга, ажно смотрѣть тошно... За грудь схватится: „Тутъ, говоритъ, больно". Славный парень, безхитрошный, нечего говорить!

Въ рудникъ Маразгали̇̂ не назначали, и потому я долго не имѣлъ случая познакомиться съ нимъ покороче, встрѣчаясь большею частью лишь на повѣркахъ; но въ тюрьмѣ ни о комъ чаще не говорили арестанты, какъ объ Усанѣ, о томъ, какой онъ безхитростный на работѣ, какъ черезъ силу тянется, не желая понять, что и „изъ нашего брата тоже вѣдь есть подлецы". Всѣ единогласно хвалили также его веселость и любовно передразнивали плохой выговоръ русскихъ словъ. Между прочимъ, прошелъ однажды по тюрьмѣ слухъ, что Маразгали̇̂ замѣчательный борецъ, и что въ кухнѣ, въ борьбѣ на кушакахъ, онъ повалилъ подъ-рядъ троихъ русскихъ силачей, отъ которыхъ никто не ожидалъ такого срама. Тюрьма заволновалась. Большинство было въ восторгѣ отъ Усанбая и подзадоривало его къ даль-

нѣйшимъ подвигамъ; меньшинство же, тѣ, которые сами претендовали на славу хорошихъ борцовъ, негодовали, увѣряя, что только мараться не хотятъ, а то сразу могли бы „кишки выпустить татарскому гаденышу“... А Усанбай положилъ, между тѣмъ, одного за другимъ на полъ еще съ пятокъ хвастуновъ, изъ которыхъ многіе были вдвое тяжелѣе его и больше; но онъ бралъ подвижностью и ловкостью своего гибкаго, молодого тѣла. Наконецъ, противники привели въ кухню самого Андрюшку Борца, дѣтину страшнаго роста и огромной силы. Его насилу, впрочемъ, уговорили—онъ трусилъ... Не понадѣявшись, должно быть, на свою силу, Андрюшка прибѣгъ къ подлой хитрости: не предупредивъ о способѣ, какимъ станетъ бороться, онъ вдругъ съ легкостью мячика перебросилъ Маразгалй черезъ голову. Дѣлается это ужасно рискованно, прямо по-варварски: послѣ нѣсколькихъ примѣрныхъ эволюцій, одинъ изъ борющихся внезапно падаетъ впередъ на одно колѣно, а ошеломленнаго неожиданностью противника съ силой перекидываетъ въ то же время черезъ собственную голову. Нерѣдки, говорятъ, случаи смертельныхъ исходовъ такой борьбы... Несчастный Маразгалй сильно ударился плечомъ объ лежавшее на полу полѣно и долго послѣ того хворалъ. Противъ Андрюшки ополчилась вся тюрьма, но самъ пострадавшій только улыбался и, корчась отъ боли, говорилъ:

— Ничего, ничего, лядно.

Подвиги борьбы, однако же, прекратились послѣ этого случая.

Я всячески старался сблизиться съ Маразгалй, но странное дѣло: веселый и развязный съ другими арестантами, вѣчно шалившій и возившійся, меня онъ почему-то конфузился и избѣгалъ, отдѣлываясь обыкновенно ничего не значащими фразами и спѣша убѣжать. Подражая арестантамъ, онъ долгое время даже называлъ меня на вы, хотя это было вполнѣ чуждо его родному языку, и не иначе обращался ко мнѣ, какъ со словомъ „гас-падинъ“. Когда я, случалось, заходилъ къ нему въ камеру, онъ, не имѣя возможности куда-нибудь скрыться, конфузясь и отворачиваясь, волей-неволей принужденъ бывалъ вступать со мною въ бесѣду. Къ намъ присосѣживался какой-нибудь доброволецъ, являвшійся въ затруднительныхъ случаяхъ переводчикомъ: Маразгалй уморительно-плохо говорилъ по-русски, и часто я буквально ничего не понималъ изъ его разсказовъ. Но, дойдя до исторіи своего побѣга, онъ обыкновенно оживлялся, переставалъ смущаться и съ горящими глазами и бурными жестами передавалъ о томъ, какъ онъ побѣжалъ, какъ въ него выстрѣлили... Онъ упалъ... На него налетѣлъ солдатъ со штыкомъ... Онъ вскочилъ, схватился за ружье и сталъ защищаться... Защищаясь, укусилъ солдату руку, и тотъ съ крикомъ убѣжалъ прочь... Тогда примчалась цѣлая орава новыхъ солдатъ, его повалили и искололи штыками... Плохо понимая слова, я тѣмъ не менѣе живо представлялъ себѣ этого молодого тигренка, который, будучи окруженъ врагами и ни откуда не видя спасенія, визжалъ, царапался и кусался, дорого продавая свою жизнь и свободу...

Потомъ Маразгали переходилъ къ самому больному мѣсту своей исторіи. Съ дороги онъ написалъ матери о томъ, что отецъ и братъ убиты, а ему самому срокъ каторги увеличенъ съ двухъ до десяти лѣтъ. Но мать по его словамъ, вернула это письмо, не желая вѣрить, что писалъ его Усанбай, а не какой-нибудь „обманчикъ".

— Не вѣритъ... Ну, пущай не вѣритъ!—съ горечью восклицалъ Усанъ, сердито махая рукой, а на глазахъ его стояли слезы.

По сбивчивымъ разсказамъ его самого и плохой передачѣ самозванныхъ переводчиковъ, только это немногое и могъ узнать я о прошломъ Маразгали. Однажды дошелъ до меня слухъ, что онъ выказываетъ необыкновенную понятливость въ грамотѣ и уже усвоилъ самоучкой половину русской азбуки. Я съ радостью ухватился за это обстоятельство и тотчасъ же предложилъ Маразгали учиться со мной. Услышавъ это, онъ почему-то страшно смутился и началъ умолять меня оставить его въ покоѣ.

— Гас-падинъ! поджалуста не надо, поджалуста!

Я приставалъ, убѣждалъ учиться, увѣряя, что самъ онъ потомъ радъ будетъ, когда пойдетъ на поселеніе грамотнымъ человѣкомъ. Маразгали слушалъ молча, отвернувшись, а потомъ опять шепталъ:

— Не надо, гас-падинъ, лютче не надо!

Я замѣтилъ даже слезы у него на глазахъ и пересталъ убѣждать.

— Это все штуки ихняго муллы Сафарбаева, сказалъ мнѣ одинъ русскій, слышавшій нашъ разговоръ:—онъ запрещаетъ имъ учиться по-русски.

Я отправился немедленно къ Сафарбаеву, молодому еще сарту, который лучше другихъ шелайскихъ магометанъ читалъ по-арабски и зналъ Коранъ, почему и считался среди нихъ муллою, и прямо задалъ вопросъ: не по его ли совѣту Маразгали не хочетъ учиться русской грамотѣ? Мулла разсмѣявшись, объяснилъ мнѣ, что магометанскій законъ не запрещаетъ никакихъ наукъ и языковъ, и обѣщалъ съ своей стороны поговорить въ этомъ смыслѣ съ Маразгали. Но вскорѣ случилось новое размѣщеніе арестантовъ по камерамъ, и Маразгали очутился неожиданно моимъ сожителемъ и сосѣдомъ. Сближеніе наше произошло тогда очень быстро, и мы сдѣлались друзьями.

Сожителемъ Усанъ былъ незамѣнимымъ, веселымъ, всегда вѣжливымъ и услужливымъ. Всѣ арестанты его любили и рѣзко выдѣляли изъ остальной массы магометанъ, не пользовавшихся въ большинствѣ симпатіями; да и самъ Маразгали стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ нихъ, рѣдко подходя къ ихъ кучкамъ и невнимательно вслушиваясь въ гнусливое чтеніе муллы изъ священной книги. Онъ вообще не умѣлъ долго сосредоточивать вниманіе на одномъ какомъ-либо предметѣ. Когда я снова предложилъ ему обучаться русской грамотѣ, онъ съ радостью согласился, объяснивъ прежнее свое нежеланіе тѣмъ, что очень меня боялся и, считая себя почему-то неспособнымъ, думалъ, что я буду за это сердиться... Умѣя немного по-арабски, онъ скоро усвоилъ русскую азбуку и склады;

даже научился довольно правильно писать тѣ слова, которыя я ему диктовалъ. Но, увы! плохое знаніе русскаго словаря не позволяло ему понимать прочитанное, и этимъ сильно охлаждалось рвеніе къ ученію. Для того же, чтобъ скоро научиться говорить по-русски, ему бы нужно было совсѣмъ не жить въ одной камерѣ съ татарами, а этого почти никогда не случалось. Въ концѣ концовъ, онъ такъ и не научился правильно говорить, хотя читалъ и писалъ недурно.

Вскорѣ я обстоятельно узналъ всю его грустную исторію.

Онъ былъ родомъ изъ Ферганской области, изъ окрестностей города Маргелана, гдѣ родители его занимались земледѣліемъ и разведеніемъ фруктовъ. Въ самый городъ они изрѣдка ѣздили по торговымъ дѣламъ. Семья, состоявшая изъ отца, матери и двухъ сыновей, жила очень дружно. Родителей огорчалъ только старшій сынъ Марасѝлъ, научившійся пить водку и играть въ кости. За это Норбютà Маразгалѝ, отецъ Усанбая, часто жестоко билъ Марасѝла, но тотъ не унимался. Скоро онъ вошелъ въ долги, которыхъ отецъ не хотѣлъ уплачивать, и однажды ночью киргизъ, которому Марасѝлъ проигралъ въ кости значительную сумму, подкрался къ ихъ жилищу, схватилъ лучшаго коня и поскакалъ въ степь. Норбюта однако замѣтилъ покражу, разбудилъ сыновей, и всѣ трое верхами помчались въ погоню за похитителемъ. Они догнали его подлѣ самой его деревни, и Марасѝлъ первый свалилъ противника съ ногъ ударомъ кистеня по головѣ. Норбютà-отецъ отрубилъ голову шашкой. Усанбай клялся и божился, что самъ онъ не билъ киргиза, а ограничился тѣмъ только, что подалъ отцу шашку; впрочемъ, онъ вполнѣ одобрялъ убійство, и когда я начиналъ съ нимъ спорить, полушутя, полусерьезно говорилъ:

— Зачѣмъ жить такому человѣку, Николяичикъ? (такъ называлъ онъ меня, не умѣя выговорить „Николаевичъ“; арестанта Канаревича, жившаго въ нашей же камерѣ, онъ называлъ Канарейчикомъ). Вороватъ, карты играйтъ... зачѣмъ жить?

— Да вѣдь и Марасѝлъ въ карты игралъ?

— Марасѝлъ помиръ. Богъ наказилъ его.

— А ты самъ, Усанбай, никогда не пробовалъ играть?

— Пробовалъ, Николяичикъ, говорилъ онъ смущенно, виноватымъ голосомъ: — разъ пять рублей кости пріигралъ... дорога шелъ... Алгачи тоджи разъ карты рупь пріигралъ...

— Нехорошо, Усанъ.

— Да я такъ, Николяичикъ... Я не умѣй... Чортъ знайтъ! ничего не умѣй карты!

Когда убійство совершилось, начиналось уже утро, и убійцъ видѣлъ какой-то проѣзжій киргизъ. Норбютà съ сыновьями былъ вскорѣ арестованъ и осужденъ: самъ онъ на 15 лѣтъ каторги, Марасѝлъ на 10, а Усанбай, какъ несовершеннолѣтній, на два года. Безъ слезъ не могъ онъ вспомнить сцены прощанія съ матерью,

которую, видимо, страстно любилъ. Да и самъ онъ былъ ея любимымъ сыномъ. Кто-то изъ арестантовъ похвалилъ однажды волосы Маразгали, нѣсколько вьющіеся и черные, какъ вороново крыло, съ синеватымъ отливомъ. Онъ оживился и сталъ разсказывать, какъ дома у него, по обычаю ихъ религіи, вся голова была бритая, только на макушкѣ оставался длинный локонъ-оселедецъ.

— Матъ оставилъ, матъ,—говорилъ онъ объ этомъ локонѣ:—глинный, глинный, вотъ такой... Ахъ, какъ матъ плакалъ—прощался, лицо себѣ царапилъ, въ кровъ царапилъ, кричалъ... Ахъ, какъ онъ кричалъ, матъ!..

И каждый разъ, подойдя къ этому мѣсту разсказа, онъ замолкалъ, спѣшилъ уткнуться носомъ въ подушку и тамъ глубоко вздыхалъ... Сильное душевное волненіе, радостное или горестное, онъ выражалъ также комичнымъ прищелкиваніемъ языка.

Въ партіи Маразгали было тридцать два человѣка узбековъ, сартовъ и киргизовъ, конвойныхъ же солдатъ всего лишь восемнадцать. На третьемъ или четвертомъ станкѣ отъ города Вѣрнаго, гдѣ происходила дневка, замышленъ былъ побѣгъ. Конвой, ничего не подозрѣвая, уставилъ ружья въ козлы въ той-же камерѣ, гдѣ были арестанты, и усѣлся играть въ карты; только за дверями сталъ одинъ часовой. По условію, Норбюта Маразгали съ крикомъ „Алла!“ долженъ былъ кинуться на этого часового и обезоружить его, остальные должны были захватить ружья и перебить конвой. Норбюта такъ и сдѣлалъ—съ крикомъ „Алла!“ обезоружилъ и умертвилъ часового; но остальные девятнадцать человѣкъ, бывшіе въ заговорѣ, въ рѣшительную минуту, очевидно, дрогнули и, не захвативъ ружей, кинулись врассыпную бѣжать, куда глаза глядятъ. Побѣжали въ томъ числѣ и Усанбай съ Марасиломъ. Конвой, опомнившись, выскочилъ изъ этапа и началъ стрѣлять въ бѣглецовъ. Норбюта былъ тутъ же, у порога этапа, поднятъ на штыки. Бѣглецовъ затрудняли тяжелые кандалы, висѣвшіе у всѣхъ на ногахъ; кусты были не близко. Только троимъ удалось скрыться безслѣдно; остальные шестнадцать всѣ были перестрѣляны и переколоты. Усанбай былъ раненъ въ ногу и упалъ; но, когда выстрѣлившій въ него солдатъ подбѣжалъ и хотѣлъ заколоть его штыкомъ, онъ поднялся на ноги и отнялъ ружье. Между ними завязалась отчаянная рукопашная схватка, въ которой Маразгали такъ больно прохватилъ зубами руку солдата, что тотъ съ крикомъ убѣжалъ прочь. Но тутъ подоспѣли другіе конвойные и штыками и прикладами прикончили его. Такъ, по крайней мѣрѣ, сами они думали. По словамъ Маразгали, онъ больше сутокъ пролежалъ въ безпамятствѣ, а когда очнулся на вторую ночь, то сообразилъ, что надъ тѣлами убитыхъ стоитъ часовой, и что малѣйшій стонъ можетъ его погубить. Шестнадцатилѣтній мальчикъ, тяжело раненый, умирающій отъ нестерпимой жажды и боли, имѣлъ силу воли не издать ни единаго звука, не сдѣлать ни одного движенія до тѣхъ поръ, пока еще черезъ сутки не пріѣхалъ изъ Вѣрнаго докторъ и не сталъ свидѣтельствовать убитыхъ. Только тутъ Маразгали простоналъ и пошеве-

лился. Но даже и тогда озвѣрѣвшіе солдаты кинулись къ нему и, навѣрное, добили бы, если бы не докторъ. Избиты были даже и тѣ двѣнадцать человѣкъ, которые не дѣлали попытки къ побѣгу и все время оставались въ этапѣ. Вмѣстѣ съ ними Маразгалй отвезенъ былъ въ Вѣрный и помѣщенъ въ лазаретъ; а тѣмъ временемъ, пока онъ болѣлъ и поправлялся, военно-судная комиссія судила его и, принявъ во вниманіе несовершеннолѣтіе и увлекающій примѣръ отца и старшаго брата, прибавила восемь лѣтъ каторги.

Выздоровѣвъ, Маразгалй опять былъ записанъ въ партію и отправился по старой дорогѣ. На третьемъ станкѣ, гдѣ происходилъ побѣгъ и гдѣ были убиты отецъ и братъ, онъ такъ горько плакалъ, что возбудилъ состраданіе даже конвоя. Старшій (тотъ самый, что былъ и въ тотъ разъ) подошелъ къ нему и сказалъ:

— Моли Бога, Маразгали, что нѣтъ здѣсь кой-кого изъ тогдашнихъ солдатъ! они и теперь еще прикончили-бъ тебя. Зачѣмъ ты бѣгалъ?

— Я плакаль и ничего не могъ говорійтъ. Старшій жалѣлъ меня и говорійтъ: пойдемъ, Маразгалй, могила смотрѣть, гдѣ Норбютà и Марасйлъ лежатъ. Я пошель. Ахъ, сколько я плакаль! Я взялъ тряпочка земля сыпайтъ... та земля, гдѣ отецъ лежитъ... и всегда ее тутъ носійтъ.

И Маразгалй показывалъ мнѣ мѣшочекъ, висѣвшій у него на груди, въ которомъ былъ зашитъ драгоцѣнный песокъ.

Часто, лежа на нарахъ съ заложенными подъ голову руками, онъ напѣвалъ грустнымъ речитативомъ на тотъ манеръ, какимъ вообще читàютъ магометане Коранъ, какую-то жалобу-молитву, сложенную однимъ сартомъ-муллою, шедшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу. Къ сожалѣнію, я не помню ея дословно, хотя Маразгали и не разъ переводилъ мнѣ эту прекрасную, истинно-поэтическую пѣсню; но каждый разъ, какъ я слышалъ ея монотонный, горькій напѣвъ, у меня разрывалось сердце отъ тоски и боли.

„Мы покинули нашу родину, женъ, матерей, дѣтей и братьевъ, говорилось въ пѣснѣ муллы,—мы покинули наши прекрасныя поля, гдѣ ростутъ джугара, рисъ и марена, гдѣ спѣетъ и наливается сладкій урюкъ. Боже! не оставь насъ, не позабудь на чужбинѣ!

„Страшна чужбина, куда мы идемъ, гдѣ безжалостный врагъ закуетъ насъ въ цѣпи, заключитъ въ мрачныя подземелья, заставитъ работать тяжкую работу... Никто не придетъ къ намъ, никто не пожалѣетъ... Великій Боже! не оставь же хоть Ты насъ на чужой сторонѣ, не забудь насъ!

„Въ страшную годовщину разлуки, когда наши жены и матери будутъ оплакивать насъ, какъ мертвыхъ, рвать на себѣ волосы, царапать лицо до крови и призывать Тебя въ свидѣтели своего горя,—великій Отецъ! сосчитай ихъ и наши слезы, вспомни о насъ на чужбинѣ!“

Выше я упоминалъ уже о томъ, что съ дороги Маразгалй писалъ матери, и письмо это она, будто бы, возвратила ему со словами, что его

сочинилъ какой-то „мошенчикъ“, что Норбютà и Марасилъ живы... По прибытіи въ каторгу Усанбай послалъ ей второе письмо, въ которомъ повторялъ свои грустныя новости и просилъ имъ вѣрить, и ровно черезъ восемь мѣсяцевъ, уже при мнѣ, получилъ его обратно съ надписью Маргеланской почтовой конторы: „за неявкой адресата письмо возвращается“. Эти два обстоятельства: „невѣріе“ матери и ея „неявка“ ужасно смущали и огорчали Маразгалѝ, и онъ часто спрашивалъ меня:

— Почему матъ не вѣритъ? Почему не приходитъ? „За неявкой“ — какой неявка? Зачѣмъ?

Я самъ былъ какъ въ темномъ лѣсу и тщетно старался составить себѣ по неяснымъ и сбивчивымъ разсказамъ Маразгалѝ какое-нибудь представленіе о почтовыхъ порядкахъ въ Ферганской области. Бѣдняга ровно ничего не зналъ, а я зналъ только фактъ, что никому изъ его земляковъ, которымъ я писалъ письма, ни разу не приходило съ родины отвѣта *). Наконецъ, Усану первому пришла въ голову мысль, что мать, можетъ быть, умерла... Тогда я предложилъ ему сдѣлать еще одну попытку послать письмо на имя одного изъ дядей, Пирмàта, который жилъ въ той же деревнѣ, но по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Маргеланъ и имѣлъ тамъ большія связи. Чтобы окончательно обезпечить успѣхъ, я вызвался въ контору къ самому Лучезарову (начальнику тюрьмы) и, обрисовавъ ему всю трагичность положенія Маразгалѝ, просилъ, въ виду исключительности этого положенія, разрѣшить написать письмо по-татарски. Къ удивленію моему, Лучезаровъ, почти не колеблясь, далъ разрѣшеніе: ему, видимо, польстило мое обращеніе къ его гуманнымъ чувствамъ... Мы съ Маразгалѝ торжествовали.

Въ ближайшее воскресенье мулла Сафарбаевъ написалъ подъ нашу диктовку письмо на татарскомъ языкѣ; я, съ своей стороны, самымъ точнымъ образомъ надписалъ на конвертѣ адресъ и въ самое письмо также вложилъ конвертъ съ точнымъ адресомъ Маразгалѝ. Однимъ словомъ, все, казалось, было разсчитано и застраховано. Письмо было отправлено заказной почтой, и квитанція его сберегалась самымъ тщательнымъ образомъ. Оставалось терпѣливо дожидаться отвѣта. Почти каждый вечеръ съ тѣхъ поръ мы мечтали о томъ, какъ получитъ письмо дядя Пирмàтъ, какъ немедленно извѣститъ о немъ мать Усанбая, какъ послѣдняя будетъ рада и поспѣшитъ отвѣтить. Но, увы! дни шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, а отвѣта почему-то не приходило... И Маразгалѝ впалъ въ мрачное отчаяніе...

---

*) Объясняется это, по всей вѣроятности, дальностью разстоянія почтовыхъ станцій отъ мѣстожительства родни, живущей гдѣ-нибудь въ глуши, въ деревнѣ, а еще больше—незнаніемъ ею русскаго языка. Писать же изъ тюрьмы или получать не по-русски писанныя письма арестантамъ запрещается.

Примѣч. авт.

— Вси померъ, вси!.. — говорилъ онъ, ломая руки: — и матъ померъ, и дяда померъ... Никто не остался!

Даже какое-то озлобленіе по временамъ овладѣвало имъ.

— Зачѣмъ, Николяичикъ, матъ не вѣрітъ, почта не ходитъ? Зачѣмъ матъ родилъ меня? Надо убійтъ матъ, убійтъ!

— Что ты говоришь, Усанбай, Богъ съ тобой!

— Богъ тобой, Богъ тобой... Какой Богъ? Гдѣ Богъ? Зачѣмъ Богъ каторга дѣлалъ?

Я не зналъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ, а Маразгалй горестно прищелкивалъ по своему обыкновенію языкомъ и, упавъ на постель, предавался „хапà". Такъ называлъ онъ свой мрачный сплинъ, въ которомъ находился иногда по нѣскольку дней, когда ничто не могло его занять и развеселить, когда все свободное отъ работы время онъ лежалъ, какъ пластъ на нарахъ, закрывшись халатомъ, тяжело вздыхая и все думая и думая... Старикъ Гончаровъ хорошо переводилъ это „хапà" русскимъ словомъ „думка". Однажды вечеромъ онъ былъ особенно грустенъ и, когда я присталъ къ нему съ неотступными вопросами, объяснилъ:

— Ахъ, Николяичикъ! Сегодня матъ плячетъ... Сегодня я ѣхалъ каторга... Отецъ, братъ... Матъ кричалъ, плакалъ... Ахъ!

И вдругъ, всплеснувъ руками, самъ засыпалъ меня вопросами:

— Зачѣмъ, скажи, Николяичикъ, человѣкъ на свѣтъ приходитъ? Зачѣмъ каторга на свѣтъ? Зачѣмъ урусъ законъ нехорошій? Наша сторона законъ лютче: убилъ человѣкъ — самъ земля кушàй! Башка рубійтъ! Колъ сажайтъ! А то каторга... Мучиться, плякать... Ахъ!.. нашъ законъ лютче. Умирайтъ надо, Николяичикъ!

Онъ глядѣлъ на меня глазами, полными слезъ, и я пришелъ въ ужасъ при мысли, что для Маразгалй и, дѣйствительно, нѣтъ впереди лучшаго исхода. Но я утѣшалъ его, какъ могъ, стараясь разогнать черныя мысли о смерти и направить ихъ въ другую сторону.

А „хапà" продолжалась, становясь тѣмъ мрачнѣе и упорнѣе, чѣмъ ближе подходило лѣто, чѣмъ ярче зеленѣли за стѣнами тюрьмы сопки и сильнѣе доносился до насъ ароматъ расцвѣтшаго шиповника и лиловаго богульника. Здоровье Маразгалй совсѣмъ пошатнулось; онъ все лѣто кашлялъ, иногда даже кровью, и хватался за бокъ, жалуясь на боль.

— Маразгалй, — говорили ему даже надзиратели: — чего бы тебѣ къ фершалу хвостомъ не ударить? Дуракъ ты этакой, вѣдь изведешься совсѣмъ.

— Не хочу холстомъ, — отвѣчалъ онъ, печально улыбаясь; — скажутъ — холстобой, холстобой Маразгалй! не хочу.

И нерѣдко мнѣ приходилось, противъ его воли и желанія, просить фельдшера освободить его на нѣсколько дней отъ работы. Тогда онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ гдѣ-нибудь

на дворѣ, закутавшись въ халатъ и предаваясь своимъ мрачнымъ думкамъ. Къ концу лѣта, однако же, онъ поправился, повеселѣлъ и опять сдѣлался на время душою камеры и всей тюрьмы. Опять возился, боролся, шутилъ съ арестантами, надрывался на работѣ. Вернулась и надежда получить письмо съ родины...

— Спой-ка что-нибудь, Усанка, — говорили ему, шутя, арестанты, и онъ начиналъ читать нараспѣвъ свое любимое:

— Бала́ мене джинка,
Бала́ мене любка...
Я поѣхалъ въ лѣсъ по дрова,
Шизая голубка.

Далѣе онъ не зналъ словъ этой пѣсни, да не понималъ смысла и того куплета, который зналъ; но тѣмъ милѣе звучали въ его устахъ эти перековерканныя слова и тѣмъ больше вызывали смѣху.

— Нѣтъ, ты „старушку" спой, настоящимъ манеромъ спой, да попляши!

Маразгали, краснѣя, отказывался. Тогда кто-нибудь изъ бойкихъ входилъ въ середину собравшейся вокругъ него толпы и начиналъ плясать и пѣть:

А старушкѣ сорокъ лѣтъ,
Молодушкѣ году нѣтъ!

Услыхавъ знакомый и любимый мотивъ, Маразгали не выдерживалъ и тоже начиналъ подтягивать и очень мило покачиваться, топчась на мѣстѣ, на подобіе того, какъ ходятъ дѣвушки въ хороводахъ, въ довершеніе сходства помахивая при этомъ платочкомъ.

Ой, старушка постарѣла,
Молодая, подбодрись!..

Кто-нибудь третій прихлопывалъ въ тактъ ладошами.

Но вдругъ, замѣтивъ по близости меня или кого-нибудь изъ надзирателей, любующихся его пѣніемъ и пляской, Маразгали страшно конфузился, обрывалъ пѣсню на полусловѣ и, сопровождаемый общимъ хохотомъ, убѣгалъ къ себѣ въ камеру...

Онъ находился въ непрерывномъ движеніи. Сейчасъ можно было встрѣтить его въ корридорѣ борющимся съ кѣмъ-либо изъ арестантовъ, или весело напѣвающимъ свое „Бала̀ мене джинка, бала̀ мене любка"; черезъ минуту—увидѣть сидящимъ за книжкой, или вяжущимъ себѣ татарскую феску изъ моихъ старыхъ шерстяныхъ носковъ; а еще черезъ минуту—гуляющимъ по двору и съ любопытствомъ наблюдающимъ за ласточками, вьющимися около своихъ гнѣздъ. Но вотъ вниманіе его привлечено молодымъ голубемъ, усѣвшимся на тюремномъ крыльцѣ и изъ-за деревянной колонки не замѣчающимъ приближенія человѣка. Мгновенно Усанъ преображается: изогнувшись, какъ кошка, вытянувъ впередъ голову и одну руку, а другую

какъ-то странно закинувъ назадъ, онъ осторожными, неслышными шагами по песку двора подкрадывается къ намѣченной жертвѣ. Лицо его приняло хищное выраженіе, глаза горятъ, какъ у звѣренка, въ которомъ пробудился охотничій инстинктъ, и весь онъ превратился изъ деликатнаго и мягкосердечнаго Маразгали, котораго я знаю и такъ люблю, въ первобытнаго дикаря, кровожаднаго и опаснаго сына степей... Одинъ мигъ,—и зазѣвавшійся голубокъ трепещется въ охватившей его цѣпкой рукѣ, громко бьетъ крыльями и пускаетъ по двору пухъ. Праздно бродившіе по угламъ арестанты, привлеченные шумомъ, бѣгутъ на мѣсто дѣйствія и смѣхомъ и восклицаніями привѣтствуютъ Усанкину ловкость. Я тоже подхожу, недовольный жестокой игрой, придуманной моимъ ученикомъ, и готовый прочесть ему нравоученіе... Но оно оказывается уже лишнимъ—Маразгали опять весь преобразился: онъ такъ нѣжно прижимаетъ къ своему лицу перепуганную птичку, съ такой лаской и осторожностью проводитъ рукой по ея перышкамъ, и лицо его сіяетъ такой мягкостью и любовью, что готовый сорваться упрекъ застываетъ на моихъ губахъ. И прежде, чѣмъ я успѣваю окончательно приблизиться, Маразгали, поднявъ голубка кверху, разжимаетъ ладонь. Оторопѣвшій плѣнникъ, точно, раздумываетъ нѣсколько секундъ, но затѣмъ стрѣлой взвивается къ небу и начинаетъ въ немъ радостно кружиться, провожаемый ликующимъ хохотомъ кобылки и внимательными, сіяющими взорами Маразгали...

Однако, я съ затаенной тревогой слѣдилъ за этимъ видимымъ воскресеніемъ, опасаясь, что оно лишь временное и продлится недолго. И, дѣйствительно: благодаря своей неосторожности на работахъ, отъ которой я безсиленъ былъ уберечь его, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда наступила гнилая сѣверная осень, вѣтреная, то со снѣгомъ, то съ дождемъ, то съ внезапнымъ морозомъ, Маразгали сильно простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Пьяница-фельдшеръ не хотѣлъ было класть его въ лазаретъ и все допрашивалъ меня: чего я такъ хлопочу объ этомъ звѣренышѣ? Но я пригрозилъ, что пожалуюсь начальнику тюрьмы, и тогда, вѣря преувеличеннымъ слухамъ о моемъ вліяніи на послѣдняго, онъ немедленно исполнилъ всѣ мои желанія. Впрочемъ, если Маразгали и перенесъ счастливо эту болѣзнь, то единственно, благодаря могучей природной организаціи, а отнюдь не заботливости или искусству этого темнаго эскулапа. Съ своей стороны, я дѣлалъ все, что могъ, для Маразгали, дѣлясь съ нимъ тѣмъ, что самъ имѣлъ, и все свободное время просиживая близь его койки. Говорить ему много нельзя было, но онъ глядѣлъ на меня теплыми, благодарными глазами и ласково улыбался. Однажды онъ спросилъ меня шопотомъ:

— Я не умру, Николяичикъ, нѣтъ?

Я поспѣшилъ, разумѣется, дать отрицательный отвѣтъ и даже разсмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ, хотя въ душѣ далеко не былъ увѣренъ, что опасности нѣтъ,—и Маразгали горячо пожалъ мою руку. Онъ перенесъ эту тяжелую болѣзнь, но потомъ часто мнѣ признавался, что сильно боялся смерти и страстно хотѣлъ остаться жить...

Между тѣмъ, въ моей головѣ созрѣлъ планъ освободить Маразгали изъ каторги и вернуть на родину. Планъ этотъ состоялъ въ подачѣ на Высочайшее имя прошенія отъ имени Усанбая, съ изложеніемъ всей его плачевной исторіи, безъ малѣйшихъ прикрасъ и оправданій. Мнѣ представлялось яснымъ, какъ Божій день, что если только прошеніе дойдетъ до Петербурга и будетъ тамъ прочитано, то свобода Маразгали будетъ обезпечена. Придя къ этому убѣжденію, я рѣшился опять прибѣгнуть къ „гуманнымъ" чувствамъ браваго штабсъ-капитана. На этотъ разъ Лучезаровъ удивился моей просьбѣ и прежде всего выразилъ сомнѣніе, что попытка будетъ имѣть успѣхъ.

— Такихъ просьбъ тысячи пишутся, сказалъ онъ, — и изъ тысячи на одну обращаютъ вниманіе.

Я отвѣчалъ, что эта именно просьба и можетъ быть одной изъ тысячъ, такъ какъ я глубоко увѣренъ въ ея правотѣ и законности. Лучезаровъ пожалъ на это плечами.

— Да какая ему польза будетъ? — продолжалъ онъ еще отговаривать: — вѣдь онъ... все равно умретъ? Вѣдь у него чуть ли не чахотка?

На это я возразилъ, что всѣ люди смертны, и тѣмъ не менѣе каждый думаетъ о лучшемъ будущемъ.

— Ну, что же, — рѣшилъ наконецъ Лучезаровъ: — сочиняйте, пожалуй... Я прикажу потомъ своему писарю переписать по настоящему.

Вернувшись въ тюрьму, я немедленно написалъ прошеніе, переливъ на бумагу, казалось мнѣ, лучшую часть своей сердечной крови... Лучезаровъ, прочитавъ, выразилъ полное одобреніе:

— Сильное у васъ перо, сильное!

И еще разъ подтвердилъ обѣщаніе отдать прошеніе писарю для переписки и отправить затѣмъ, куда слѣдуетъ.

Послѣ этого мы предались съ Маразгали мечтамъ еще болѣе радужнымъ, чѣмъ въ тотъ разъ, когда писали къ дядѣ Пирмату. Мы рѣшили, что ровно черезъ годъ, слѣдующей осенью, долженъ получиться отвѣтъ изъ Петербурга... Въ томъ, что отвѣтъ будетъ благопріятный, я не сомнѣвался ни на минуту и старался увѣрить въ томъ же и своего друга. Но однажды мы чуть серьезно не поссорились. Еще разъ (кажется, уже въ десятый разъ) заставивъ его разсказать исторію убійства киргиза, я впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что онъ подалъ отцу шашку, и мнѣ показалось, что раньше онъ скрылъ отъ меня это важное обстоятельство.

— Зачѣмъ же ты раньше не сказалъ мнѣ? — разсердился я: — я не упомянулъ объ этомъ въ прошеніи, и вотъ царь подумаетъ, что ты лжешь, потому что въ дѣлѣ твоемъ отыщется другой разсказъ.

Маразгали ужасно огорчился.

— Я говорилъ, Николяичикъ, говорилъ, — шепталъ онъ, оправдываясь и глядя на меня умоляющимъ взоромъ: — ты забылъ...

— Нѣтъ, ты скрылъ, Усанъ, скрылъ и этимъ повредилъ себѣ!

Но тутъ за Маразгалй вступились другіе арестанты, много разъ, подобно мнѣ, слышавшіе его разсказы о своемъ прошломъ и подтвердившіе, что онъ упоминалъ о шашкѣ, и я напрасно обвиняю его во лжи.

Маразгалй съ упрекомъ взглянулъ на меня.

— Вотъ видишь, вотъ видишь,—вскричалъ онъ радостно,—Маразгалй говорилъ... Онъ ничего не пряталъ!

Я былъ пристыженъ и долженъ былъ принести повинную. Онъ тотчасъ же простилъ и забылъ мою несправедливость, но имъ овладѣло уже безпокойство о томъ, ладно ли написано прошеніе. Съ большимъ трудомъ я успокоилъ его, сообразивъ и самъ, что допущенная мною неточность, бывшая скорѣе простымъ умолчаніемъ, чѣмъ ложью, ни въ какомъ случаѣ не могла повліять на неблагопріятный исходъ дѣла.

Незабвенные вечера, полные вѣры и счастья! Мы оба такъ живо рисовали себѣ, что вотъ уже пришло Маразгалй полное помилованіе, и онъ ѣдетъ домой, въ свой теплый и свѣтлый Маргеланъ... Онъ находитъ тамъ живой и здоровой мать и всѣхъ родныхъ... Онъ прекрасно устраивается, заводитъ обширное хозяйство и собственной рукой пишетъ мнѣ обо всемъ подробныя письма... Наши мечты забѣгаютъ иногда такъ далеко, что уже и я выхожу на поселеніе и ѣду къ нему же, Маразгалй, въ его Маргеланъ; онъ угощаетъ меня урюкомъ, рисомъ и жирной бараниной, и мнѣ до того приходится по вкусу Ферганская область, что я самъ рѣшаюсь тамъ навсегда поселиться... Въ концѣ концовъ Маразгалй женилъ меня на узбечкѣ и плясалъ на моей свадьбѣ... Наивныя золотыя мечты! Что сталось съ вами?

Между тѣмъ, бравый штабсъ-капитанъ съ своей стороны хотѣлъ выказать Маразгалй благоволеніе и въ самый день Новаго года объявилъ о выпускѣ въ вольную команду, до которой по закону ему оставалось еще около года. Выпускъ этотъ для обоихъ насъ былъ такъ неожиданъ, что Маразгалй въ первыя минуты совсѣмъ растерялся, хотя, видимо, все-таки обрадовался... Обрадовался и я...

Однако, вспомнивъ, что намъ приходится разстаться, Маразгалй внезапно омрачился и сталъ меня увѣрять, что не радъ вольной командѣ, что тюрьма лучше. Я утѣшалъ его и, пожимая руку, все повторялъ:

— Помни, Усанъ, что я говорилъ тебѣ: не играй, не пей водки, не бѣги! Убѣжишь—тогда все пропадетъ, ни дома, ни матери не увидишь, потому что все равно поймаютъ. Жди лучше отвѣта на прошеніе.

— Лядно, лядно, Николяичикъ... Пасибо... Будь здоровъ!

И мы разстались.

Къ сожалѣнію, жизнь Маразгали въ вольной командѣ сложилась въ высшей степени неудачно. Не было тамъ руки, которая бы оберегала его отъ всего злого и темнаго. Прежде всего у него установились дурныя отношенія съ русскими вольнокомандцами-товарищами. Многіе и въ тюрьмѣ уже съ завистью поглядывали въ послѣднее время на то, что, благодаря дружбѣ со мной, онъ находился въ лучшемъ матеріальномъ положеніи и жилъ, „словно баринъ какой". Не нравилось нѣкоторымъ и то, что я написалъ ему прошеніе, тогда какъ многимъ русскимъ отказывался писать.

— Чѣмъ онъ лучше насъ, татарскій змѣенышъ? Вѣдь кажному на волю-то хочется.

Путемъ разныхъ темныхъ слуховъ и сплетенъ недоброжелательство это перенеслось и за стѣны тюрьмы: говорили, что Маразгали̇̀ самъ начальникъ покровительствуетъ, и что тутъ дѣло не спроста, — что онъ „язычкомъ, видно, ударять умѣетъ"... Начались мелкія придирки и преслѣдованія. Представляю себѣ, что̀ должна была выстрадать гордая душа Усанбая, терпя эти неправыя обиды и нападки; представляю себѣ и дикія вспышки его чисто-восточнаго гнѣва, во время которыхъ онъ и въ тюрьмѣ бывалъ страшенъ... Такъ, я помню одну стычку его съ Тараканьимъ Осердіемъ изъ-за какого-то злополучнаго мѣшка, полученнаго изъ стирки: Тараканье Осердіе признавало его своимъ, а Маразгали̇̀ указывалъ на какой-то значекъ зубами, сдѣланный имъ на мѣшкѣ въ видѣ мѣтки. Сначала шло простое словесное перекосердіе, причемъ оба соперника держались обѣими руками за спорную вещь; но потомъ Маразгали внезапно вспыхнулъ, какъ огонь, и вслѣдъ затѣмъ смертельно поблѣднѣлъ... Руки задрожали и судорожно сжались... Онъ былъ живописенъ въ эту минуту со своей поднятой гордо головой и страшно потемнѣвшими глазами... Тараканье Осердіе выпустило мѣшокъ изъ рукъ и, шамкая про себя какія-то ругательства, отступило. Могу, поэтому, представить себѣ, какъ бѣгалъ однажды Маразгали̇̀ съ ножомъ въ рукѣ за вольнокомандцемъ, который обозвалъ его самымъ ужаснымъ для каждаго арестанта словомъ, означающимъ шпіона... Насилу удержали его и успокоили.

Естественно, что при такихъ условіяхъ онъ принужденъ былъ отдалиться отъ русскихъ и тѣсно сплотиться съ кучкой своихъ единовѣрцевъ - магометанъ. Жизнь вольнокомандцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была даже хуже жизни тюремныхъ арестантовъ: заработать копѣйку было негдѣ и нечѣмъ, и приходилось питаться, какъ и въ тюрьмѣ, одной казенной бала̀ндой, не имѣя ни чаю, ни сахару; а уроки казенной работы были подчасъ тяжелѣе и больше. На Маразгали свалили ночной караулъ у амбаровъ съ арестантскими вещами и продуктами. Ему приходилось бодрствовать по ночамъ въ жестокіе январьскіе и февральскіе морозы, да и днемъ еще быть на посылушкахъ у надзирателей. Бѣдняга вскорѣ совсѣмъ изморился и началъ опять усиленно кашлять. Въ довершеніе злоключеній, въ началѣ великаго поста съ нимъ случилось несчастіе.

Злобная и мстительная кобылка рѣшила подвести его, и вотъ, замѣтивъ однажды подъ утро, что Маразгали задремалъ на своемъ посту, кто-то утащилъ нѣсколько гирекъ изъ-подъ казенныхъ вѣсовъ. Проснувшись, онъ замѣтилъ покражу и началъ умолять арестантовъ вернуть гирьки; но негодяи не сжалились и даже поспѣшили донести эконому о пропажѣ. Послѣдній, впредь до рѣшенія начальника, который еще спалъ, приказалъ Маразгали идти въ тюремный карцеръ.

Я былъ въ рудникѣ въ то время, когда его привели, а, вернувшись съ работъ, узналъ уже о постановленіи держать Маразгали подъ арестомъ пять сутокъ. Каждый день посылалъ я заключенному черезъ парашниковъ табакъ и сахаръ и узнавалъ отъ нихъ, что здоровье его совсѣмъ плохо, что онъ лежитъ, не поднимая головы, и, по временамъ, только тихо стонетъ. На четвертый день ареста я еле уговорилъ фельдшера навѣстить Маразгали въ карцерѣ, и даже этотъ сомнительный представитель медицины нашелъ необходимымъ просить у Лучезарова разрѣшенія немедленно перевести его въ лазаретъ. Во время этого перевода я и увидалъ Маразгали, и съ трудомъ узналъ. Мой бѣдный ферганскій орелъ, что съ тобой сталось?..

Онъ показался мнѣ какимъ-то ощипаннымъ, полинялымъ, постарѣлымъ и невыразимо жалкимъ! Желтый, блѣдный и грустный, онъ съ трудомъ улыбнулся мнѣ и кивнулъ головою; онъ едва переставлялъ ноги; волосы были всклокочены и влажны отъ лихорадочнаго пота. Даже одежда имѣла самый плачевный видъ: скомканная шапчонка, разорванный халатъ и рыжія дырявыя бродни...

Въ лазаретѣ его помѣстили въ отдѣльную маленькую каморку, и все свободное время я опять проводилъ съ нимъ. Признаюсь: теперь я временами даже желалъ ему смерти... Чего могъ, въ самомъ дѣлѣ, ждать онъ отъ жизни? Что̀ еще могла она ему дать, кромѣ новаго горя, обидъ и лишеній? Самъ Маразгали, повидимому, былъ въ конецъ истомленъ, и той молодой жизнерадостности, той безконечной жажды—во что бы ни стало существовать, какія замѣчались въ немъ во время первой болѣзни, теперь не было и слѣда. Но я старался отгонять прочь эти мрачныя думы и недобрыя желанія, старался увѣрить всетаки и себя, и больного, что онъ не умретъ и на этотъ разъ. Иногда, благодаря моимъ рѣчамъ, въ немъ опять вспыхивалъ огонекъ надежды; но чаще онъ грустно качалъ головой въ отвѣтъ на всѣ мои увѣренія и горько улыбался. Все время онъ не переставалъ кашлять кровью. Однажды я засталъ его въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Онъ ждалъ меня и обратился ко мнѣ со страстными упреками.

— Зачѣмъ я не бѣжалъ, Николяичикъ? Зачѣмъ слюшалъ тебя? Зачѣмъ ты говорилъ?..

И слезы хлынули градомъ... Вскорѣ послѣ этого ему стало, какъ-будто, лучше. Когда пріѣхалъ, наконецъ, тюремный врачъ, очереднаго посѣщенія котораго (разъ въ полгода) давно уже тщетно ждали въ нашемъ руд-

никѣ, — въ немъ возродилась настоящая надежда, и, приподнявшись съ постели, онъ, казалось, съ мольбой устремилъ на него взоръ. Но докторъ, — подлинно каторжный докторъ! — едва взглянулъ на больного и, махнувъ рукой, пошелъ вонъ. Я не вытерпѣлъ и подошелъ къ нему со словами:

— Ради Бога, докторъ, осмотрите получше этого мальчика... Быть можетъ, еще возможно что-нибудь сдѣлать.

Докторъ нахмурился.

— Братъ? Родственникъ?

— Нѣтъ, но судьба этого юноши такъ трогательна...

— Будь она вдвое трогательнѣе, медицинѣ тутъ нечего дѣлать. Если бы можно было въ Италію или на островъ Мадеру, ну, тогда... Но въ каторгѣ...

— Но вы же его не осматривали?

— То есть, это... что же такое? Учить меня? Служителя, больничные служителя! Господинъ фельдшеръ! Съ какой стати ходитъ сюда праздный народъ? Здѣсь не театръ, а больница. Здѣсь не трактиръ! Больные нуждаются въ спокойствіи!

Я пожалъ плечами и вышелъ.

Наступила новая весна. Прилетѣли первые ея вѣстники — маленькія вертлявыя плиски. Солнышко начало пригрѣвать сильнѣе. На крышахъ ворковали голуби; весело летали и чирикали повсюду забіяки-воробьи. На сопкахъ показалась зеленая травка, и Маразгали сталъ выходить на дворъ грѣться на солнышкѣ. Возродились мечты о домѣ и матери...

— Николяичикъ, я видѣлъ сегодня, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — ночью видѣлъ... Сартанка... красивый, красивый!

Онъ прищелкнулъ даже языкомъ для лучшаго опредѣленія красоты видѣнной во снѣ сартянки — и вдругъ страшно переконфузился, покраснѣлъ и укрылъ голову желтымъ больничнымъ халатомъ.

— Я выпишусь скоро, Николяичикъ, ей-Богъ, выпишусь! Смотри: я совсимъ здоровъ, совсимъ. Только вотъ тутъ немножко болитъ... тутъ... вотъ какъ это мѣсто... Чортъ знайтъ, что тамъ болитъ? Сердце болитъ, печенка болитъ? Чортъ знайтъ!

Порывы жизнерадостности проходили, и ихъ смѣняла тупая, ничѣмъ не интересующаяся апатія, когда даже въ самые солнечные и теплые дни я не могъ уговорить его покинуть душную больницу и выйти на свѣжій воздухъ. Тогда пугалъ его самый легкій вѣтерокъ, и ни птички, ни солнышко, ни первые цвѣты — ургуи, которые я приносилъ ему изъ рудника, не могли развѣять его мрачнаго сплина. Внѣшній видъ тоже быстро ухудшался. Тѣло превратилось въ настоящій скелетъ; въ лицѣ не было ни кровинки, на губахъ только играла порой кровь, да глаза горѣли особенно яркимъ огнемъ и необыкновенно расширились. Онъ догоралъ, какъ свѣча...

Разъ я засталъ его разбирающимъ передъ осколкомъ зеркала волосы на головѣ. Увидавъ меня, онъ хрипло засмѣялся.

— Смотри, Николяичикъ, смотри: сидой... И тутъ сидой и тутъ... Весь волосъ—старикъ!..

— А сколько тебѣ лѣтъ, Маразгали?

— Богъ знайтъ. Судился Маргеланъ—шестнадцать лѣтъ... Судился Вѣрный—два годъ прошло... Дорога одинъ годъ... Алгачи сидѣлъ—еще годъ... Здѣсь—еще полтора годъ.

— Значитъ, тебѣ двадцать два года?

— Да, двадцать два. Кто знайтъ? Матъ знайтъ.

И при послѣднемъ словѣ онъ горько задумался.

Я давно уже чувствовалъ нѣкоторый упадокъ собственныхъ силъ и рѣшилъ, пользуясь этимъ предлогомъ, самому записаться въ больницу, предвидя близость роковой развязки и желая находиться послѣдніе дни при своемъ любимцѣ. Лампада угасала быстро, масло было на исходѣ...

Въ послѣдніе дни умирающій говорилъ со мной о Богѣ, спрашивалъ, куда попадетъ онъ—въ бегишъ—рай или джагенэмъ—адъ? Увидитъ ли отца и брата? Увидитъ ли мать? За послѣднее онъ особенно боялся, такъ какъ въ Коранѣ, по его словамъ, ничего не упоминалось о будущихъ судьбахъ женщинъ... Утромъ послѣдняго дня онъ еще разъ оживился, привсталъ на койкѣ и началъ яркими красками описывать Маргеланъ, восхищаясь его сладкимъ урюкомъ, рисомъ и проч., причемъ нѣсколько разъ прищелкнулъ даже языкомъ.

— Наша сторона, Николяичикъ, тоджи трава есть: всякая болѣзнь лечитъ, всякая болѣзнь!... Ахъ, здѣсь нѣтъ такой трава... А эти лекарства... Чортъ знайтъ, ничего не помогайтъ, ничего!

И онъ опять прищелкнулъ языкомъ, чтобы лучше выразить свои горестныя чувства по этому поводу. Не зная, что отвѣтить, я нашелъ почему - то нужнымъ сообщить ему одну слышанную мной новость, будто на Кавказѣ устраивается каторжная тюрьма для южныхъ инородцевъ, которые не въ силахъ выносить холоднаго сибирскаго климата. Услыхавъ это, онъ, какъ будто, обрадовался.

— Это хорошо,—сказалъ онъ серьезно:—Кавказъ хорошо.

И, улегшись снова, завернулся съ головой въ одѣяло. Я вышелъ. Въ два часа дня пришелъ ко мнѣ больничный служитель Дорожкинъ, улыбаясь.

— Вотъ чудакъ этотъ Усанка! Сейчасъ зоветъ меня: „давай, говоритъ, ѣсть! Теперь много ѣсть буду... Больше, больше всего тащи!“ Я натащилъ ему яицъ, хлѣба... и онъ цѣлыхъ три яйца съѣлъ и большущій ломоть чернаго хлѣба. Теперь спать легъ.

Я разсердился на Дорожкина.

— Съ ума вы сошли! Что вы надѣлали? Вѣдь черный хлѣбъ можетъ повредить...

Дорожкинъ засмѣялся.

— Ему-то повредить?! Да вы что? Сами-то въ себѣ-ль вы? Все равно вѣдь не сегодня-завтра помретъ. Пущай на дальнюю дорогу провіантомъ запасается.

Я замолчалъ. Черезъ часъ Дорожкинъ снова вошелъ.

— Теперь скоро конецъ!

Я встревожился.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому одѣяло сталъ дергать и руками въ воздухѣ что-то ловить. Ужъ это вѣрный знакъ, будьте надежны...

Съ сильно бьющимся сердцемъ пошелъ я къ Маразгали и, не заходя въ комнату, началъ слѣдить въ открытую дверь. Лежа на койкѣ лицомъ къ стѣнѣ и, казалось, съ раскрытыми глазами, по временамъ онъ, дѣйствительно, хваталъ что-то въ воздухѣ лѣвой рукой... Я тихо окликнулъ его— онъ не отозвался.

На вечерней повѣркѣ онъ былъ еще живъ и, внезапно поднявшись, заговорилъ что-то на своемъ языкѣ.

— Чего ты, Маразгали? —спросилъ надзиратель.

— Ничего, лядно, отвѣчалъ онъ и опять легъ. Это были послѣднія его слова.

Заглядывая робко въ дверь, мы долго еще видѣли, что онъ дышетъ. Уставъ отъ томительно-долгаго ожиданія, я задремалъ на своей койкѣ. Около полуночи Дорожкинъ разбудилъ меня:

— Кончился!..

— Не можетъ быть?..—вырвался у меня совершенно непроизвольный крикъ, котораго Дорожкинъ не удостоилъ даже отвѣтомъ, и я поспѣшилъ за нимъ въ комнату Маразгали. Нѣсколько больныхъ арестантовъ уже толпились около тѣла, тщетно стараясь закрыть широко раскрытые, точно удивленно глядѣвшіе глаза. Я возмутился этой поспѣшностью и, отогнавъ прочь непрошеныхъ опекуновъ, взялъ исхудалую, какъ спичка, блѣдную, свѣсившуюся съ койки руку—она показалась мнѣ еще теплой. Я посмотрѣлъ въ глаза, но они не глядѣли уже осмысленно и казались стеклянными... Усанбай Маразгали окончилъ земное странствіе!

Дорожкинъ началъ суетиться вокругъ мертвеца.

Одна черта поразила меня въ этомъ старомъ бродягѣ, не признававшемъ ничего святого и ничего въ мірѣ не чтившемъ: довольно грубый и часто невыносимо-придирчивый въ обращеніи съ больными, теперь, по отношенію къ мертвому, онъ проявлялъ какую-то странную,почти материнскую нѣжность и заботливость.

— Ну, вотъ, гол-у-бчикъ!—приговаривалъ онъ, надѣвая на тѣло чистую рубаху,—увидишь теперь и Маргеланъ свой, и мать... Никто тебя больше не обидитъ, въ тюрьму не посадитъ!

Между тѣмъ, загремѣлъ замокъ, и въ больницу съ шумомъ вошли фельд-

шеръ и нѣсколько надзирателей, которымъ было уже дано знать о смерти арестанта...

Маразгали похороненъ на тюремномъ кладбищѣ, недалеко отъ дороги, по которой каторжная кобылка ходитъ въ рудникъ. Надъ его могилой нѣтъ креста, и зимой она вся бываетъ занесена снѣгомъ, а лѣтомъ густо покрыта цвѣтами богульника и томительно-душистаго шиповника. Какіе сны грезятся тебѣ, мой дорогой, бѣдный мальчикъ? Нашелъ ли ты хоть здѣсь, въ этой теплой могилѣ, успокоеніе отъ своей неисцѣлимой тоски по далекой родинѣ? И если да, то не къ лучшему ли случилось, что ты умеръ въ то время, когда жизнь не успѣла еще ожесточить тебя и загрязнить твой чистый, прекрасный образъ?..

Л. Мельшинъ.

Больные писатели и патологическое творчество.

(Двѣ публичныя лекціи).

Мм. Гг.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ парижскій журналистъ обратился ко многимъ французскимъ выдающимся ученымъ, писателямъ и общественнымъ дѣятелямъ съ вопросомъ, что думаютъ они о Жаннѣ д'Аркъ. Въ числѣ полученныхъ отвѣтовъ былъ между прочимъ слѣдующій: „Англичане сожгли Орлеанскую Дѣву, ученые произвели ее въ истерички; я предпочитаю англичанъ"!..

Эта бутада остроумнаго академика приходитъ мнѣ на память теперь, когда я собираюсь бесѣдовать съ Вами о больныхъ писателяхъ и патологическомъ творчествѣ, и у меня возникаетъ невольное опасеніе, что упрекъ подобнаго рода можетъ быть сдѣланъ всѣмъ намъ, врачамъ и, въ частности, психіатрамъ, ибо въ особенности въ послѣдніе годы мы все чаще и чаще подходимъ съ нашими спеціальными методами изслѣдованія къ анализу феноменовъ умственной жизни, которые, съ извѣстной точки зрѣнія, лежатъ внѣ сферы нашей компетенціи. Я чувствую поэтому необходимость предпослать моей лекціи нѣсколько объяснительныхъ и даже оправдательныхъ словъ.

И прежде всего—справедливость требуетъ отмѣтить, что право и поводъ къ такому вмѣшательству дали намъ сами художники и, въ особенности, сами эстетическіе критики.

Вспомните Sainte-Beuve'a, который полагаетъ, что для того, чтобы истолковать произведеніе необходимо знать автора и условія его творчества; необходимо изучить самого писателя, въ его средѣ, его семью, его вкусы и привычки, его жизнь и затѣмъ уже разсматривать каждую написанную имъ страницу, какъ результатъ разнообразныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ творчества. Вспомните Taine'a, который въ своей „Философіи искусствъ" основнымъ тезисомъ ставитъ введеніе въ область моральныхъ знаній метода естественныхъ наукъ и затѣмъ на рядѣ примѣровъ показываетъ, какимъ образомъ основныя черты художественнаго творчества даннаго народа въ данной области и въ данную эпоху опредѣляются географическими, орографическими, климатическими, экономическими и историческими условіями жизни.

Вспомните, наконецъ, одного изъ самыхъ большихъ мастеровъ современнаго романа, непосредственнаго наслѣдника и преемника Стендаля и Бальзака, главу и основателя обширной школы натуралистическаго или экспериментальнаго романа, Эмиля Зола, который въ своемъ profession de foi, статьѣ „Объ экспериментальномъ романѣ" ссылается на извѣстное сочиненіе Cl. Bernard'a „Введеніе въ изученіе экспериментальной медицины", цитируетъ изъ него цѣлые длинные пассажи и проситъ читателя для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе объ его, Зола, эстетическихъ воззрѣніяхъ и

сложными вычисленіями въ умѣ; таковы иные художники, напр. знаменитый и во многихъ европейскихъ галлереяхъ представленный своими дѣйствительно прекрасными картинами живописецъ, заслужившій прозвище кошачьяго Рафаэля и мн. др.

Восходя по этой лѣстницѣ вырожденія мы найдемъ на среднихъ ступеняхъ ея людей, которымъ нельзя отказать и въ извѣстныхъ умственныхъ способностяхъ, часто выше среднихъ, и въ талантливости, но психическая жизнь которыхъ все-таки представляетъ пробѣлъ или въ видѣ напр. пониженія нравственнаго чувства, или въ видѣ несоразмѣрнаго преобладанія одной какой-либо стороны душевной дѣятельности надъ другими, или, наконецъ, въ видѣ своеобразныхъ болѣзненныхъ уклоненій, которыя въ наукѣ описываются, какъ навязчивыя идеи и представленія, какъ уклоненія и извращенія различныхъ эмотивныхъ нервно-психическихъ элементовъ дѣятельности высшихъ и низшихъ нервныхъ центровъ или какъ ассоціативныя комбинаціи, совершающіяся по ненормальнымъ и необычнымъ путямъ. Наконецъ, на самыхъ высшихъ ступеняхъ, у тѣхъ, кого Маньянъ называетъ высшими вырождающимися, dégénérés supérieurs, мы встрѣчаемъ тѣ же психическіе тики, тѣ же клейма, какъ тѣ, которые только что описаны, въ сочетаніи съ значительною умственною силою, съ выдающеюся даровитостью, но при наличности той же основной и наиболѣе важной для характеристики вырожденія чертою—именно, отсутствіемъ устойчиваго психическаго равновѣсія, гармоническаго развитія различныхъ областей душевной жизни.

Резонерство, неустойчивость настроеній, ассоціаціи, совершающіяся по необычнымъ путямъ и по случайнымъ поводамъ, качественно и количественно ненормальная психологическая реакція на внѣшнія возбужденія—вотъ характерныя особенности дегенеративной психики.

Въ дальнѣйшемъ, разбирая произведенія душевно-больныхъ авторовъ, мы почти исключительно будемъ встрѣчаться съ различными типами вырожденія, ибо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстно, что художникъ страдалъ какою-нибудь другою формою психоза, при ближайшемъ знакомствѣ съ его біографіею и его произведеніями оказывается, что и этотъ психозъ разцвѣлъ на почвѣ нервно-психическаго вырожденія.

Я остановился на опредѣленіи этого послѣдняго термина для того, чтобы особенно подчеркнуть вамъ, что онъ имѣетъ въ наукѣ совершенно опредѣленное конкретное значеніе, такъ что когда психіатръ ставитъ діагностику „дегенераціи"—онъ имѣетъ въ виду столь же типичное и имѣющее свои кардинальные симптомы болѣзненное состояніе, какъ, положимъ, врачъ-интернистъ, когда онъ говоритъ напр. о врожденномъ порокѣ сердца. Повторяю это, чтобы предостеречь васъ отъ того, слишкомъ распространительнаго употребленія этого термина, которое въ послѣднее время такъ часто случается слышать. Широкое обобщеніе—дѣло, конечно, хорошее, но когда оно начинаетъ охватывать слишкомъ большіе ряды слишкомъ разнообразныхъ явленій, то самое понятіе дѣлается расплывчатымъ и неуловимымъ и утрачиваетъ свой конкретный смыслъ и опредѣленное значеніе. Поэтому, предупреждаю васъ, что я буду употреблять терминъ „вырожденіе" только въ его строго психіатрическомъ значеніи.

Еще одна необходимая оговорка: вырожденіе есть понятіе патологическое. Было бы ошибочно пользоваться имъ, какъ критеріемъ для оцѣнки психологическихъ феноменовъ даже тогда, когда они не выходятъ изъ предѣловъ нѣкоторой, конечно, условной средней нормы.

Психика человѣка вообще и въ частности его интеллектуальная сфера есть по существу своему не что иное, какъ дѣятельность синтетизирующая,—объединяющая, сочетающая отдѣльные элементы душевной жизни. Эти элементы и сами по себѣ имѣютъ постоянное стремленіе соединяться между собою въ группы, образующія системы высшаго порядка, и отбрасывать тѣ элементы или тѣ, уже создавшіяся въ умѣ, группы ихъ, которыя не могутъ слиться съ ними въ общее гармоничное цѣлое. Отсюда два основ-

который сыгрался не лучше Крыловскаго квартета. Повыше на этой лѣстницѣ стоятъ тѣ типы, у которыхъ умственный синтезъ болѣе или менѣе проченъ, иногда даже слишкомъ силенъ и слишкомъ проченъ, такъ что психическое равновѣсіе достигается лишь благодаря малому количеству контрастирующихъ идей и представленій, или же эти послѣднія очень слабы и умственный синтезъ, совершаясь помимо ихъ, даетъ въ результатѣ узость міросозерцанія, крайность и нетерпимость воззрѣній, и только на вершинѣ нашей скалы находится психическая гармонія. Но, какъ и все абсолютное, она представляетъ собою конечный идеалъ эволюціи человѣческаго духа и едва ли когда-либо нашла себѣ осуществленіе въ предѣлахъ времени и пространства. Быть можетъ нѣкогда, въ дни расцвѣта эллинской культуры, этотъ идеалъ, во всякомъ случаѣ только относительно, и реализировался на землѣ, но мы слишкомъ мало знаемъ біографическихъ деталей о Периклахъ и Фидіяхъ, и они слишкомъ далеко отъ насъ, чтобы дать имъ съ этой точки зрѣнія правильную оцѣнку. Позднѣе человѣчество выдвигало отдѣльныхъ геніевъ, которыхъ по необыкновенному гармоническому, сильному и разнообразному развитію всѣхъ сторонъ ихъ психики можно считать приближавшимися къ осуществленію этого идеала, но едва ли даже такихъ великановъ духа, какъ Леонардо-Да-Винчи или Гёте, совмѣщавшихъ въ себѣ съ мощною научною мыслью колоссальное художественное дарованіе, едва ли и ихъ можно считать осуществленіемъ высшаго идеала полной психической гармоніи. Вообще же, даже говоря о самыхъ большихъ именахъ, которыми гордится человѣчество, приходится повторить слова Паскаля: „если геній и головою выше всѣхъ остальныхъ людей, то ноги его все таки стоятъ такъ же низко, какъ ноги ребенка или даже животнаго“.

Прошу извинить мнѣ это, быть можетъ, слишкомъ длинное введеніе, мнѣ важно было съ самаго начала предостеречь васъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ и терминологическихъ ошибокъ. Мнѣ необходимо было также опредѣлить наши взаимныя отношенія и установить общую точку зрѣнія. Теперь, когда Вы не можете заподозрить меня въ одностороннемъ и грубомъ отношеніи къ высшимъ психическимъ процессамъ человѣческаго духа и лучшимъ представителямъ его, и когда вы, памятуя, что психическіе типы безчисленно разнообразные представляютъ собою восходящую геометрическую прогрессію съ предѣломъ въ безконечности, при чемъ только самые низшіе члены ея подлежатъ опредѣленію терминомъ, заимствованнымъ изъ патологіи,—не потребуете отъ меня слишкомъ широкаго и потому не научнаго обобщенія, только теперь могу я, опредѣливъ такимъ образомъ рамки нашей бесѣды, перейти къ тому, что составляетъ ея тему.

Списокъ писателей, имѣвшихъ несчастіе перенести душевную болѣзнь великъ, но сравнительно немногіе изъ нихъ оставили слѣдъ своихъ страданій въ своихъ произведеніяхъ.

Простѣйшія формы душевныхъ болѣзней, острые психозы, описаны немногими. Одно изъ лучшихъ описаній, какое мнѣ только извѣстно, принадлежитъ русскому автору, Гаршину, который, какъ Вамъ, конечно извѣстно, нѣсколько разъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ и въ припадкѣ таковаго кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Больной, изображаемый, очевидно, по личнымъ воспоминаніямъ Гаршинымъ, страдаетъ той формой психоза, которая въ нашей наукѣ носитъ названіе остраго первичнаго помѣшательства съ маніакальною экзальтаціею. Маніею мы называемъ не то, что понимается подъ этимъ именемъ въ просторѣчіи; мы называемъ этимъ именемъ состояніе возбужденія всѣхъ сторонъ психической дѣятельности, всего душевнаго строя: душевное настроеніе маніака повышено, при чемъ оно иногда чрезвычайно жизнерадостно и восторженно, иногда необыкновенно экспансивно или экзальтировано, иногда гнѣвно до неистовства. Интеллектуальная сфера также находится въ состояніи возбужденія и это сказывается ускореніемъ процесса ассоціаціи представленій и идей, при чемъ тѣ побочныя

ассоціаціи, которыя при нормальныхъ условіяхъ отбрасываются и подавляются, здѣсь съ необыкновенною легкостью и быстротою входятъ въ сочетаніе и сами подаютъ поводъ къ новымъ группамъ ассоціацій. Вслѣдствіе этой быстроты и неправильности въ сочетаніи представленій дѣло доходитъ нерѣдко до безсвязности идей, которую однако не нужно смѣшивать съ безсмысліемъ; напротивъ, больной сохраняетъ извѣстную степень ясности сознанія, нѣкоторое пониманіе окружающаго и способность резонировать даже тогда, когда его безудержная фантазія даетъ совершенно своеобразное, бредовое объясненіе всему тому, что онъ видитъ и слышитъ. Это состояніе особенно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь повторяется періодически, сочетается съ симптомами первичнаго помѣшательства т. е. такого, при которомъ болѣзненныя бредовыя идеи возникаютъ первично: больной отчетливо воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, но даетъ имъ совершенно неправильную оцѣнку, совершенно ложное толкованіе и даже связываетъ свои бредовыя идеи въ болѣе или менѣе стройную систему.

Всю эту симптоматологію видимъ мы и въ „Красномъ цвѣткѣ“ Гаршина. Несчастнаго героя этой повѣсти приводятъ въ больницу, онъ сразу понимаетъ, куда онъ попалъ, но понимаетъ по своему: „Именемъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора Петра I-го, кричитъ онъ, объявляю ревизію сему сумасшедшему дому!“ Дальше-хуже: по принятому порядку, вновь поступившему больному дѣлаютъ ванну... Что это? Инквизиція? Мѣсто тайной казни, гдѣ враги его рѣшили покончить съ нимъ? Можетъ быть самый адъ? Вода въ ваннѣ кажется ему кипяткомъ, мушка, которую ему ставятъ на затылокъ, вызываетъ представленіе объ обезглавливаніи. Болѣзнь развивается дальше; чрезвычайно характерно описаніе безсонницы, двигательнаго возбужденія и тѣхъ короткихъ, какъ блескъ молніи среди ночи, проясненій сознанія, когда герой соображаетъ, что онъ боленъ и чѣмъ онъ боленъ. Но возбужденіе растетъ: больной понимаетъ, что вокругъ него тоже все больные, но его ложныя воспоминанія, такъ называемыя псевдореминесценціи, которыя составляютъ одинъ изъ обычныхъ симптомовъ этой болѣзни, подсказываютъ ему, что всѣхъ этихъ людей онъ когда то зналъ, а его бурное воображеніе внушаетъ ему, что въ числѣ ихъ есть и воскресшіе люди, и разныя знаменитости, и что они всѣ собрались въ больницу ради какого-то гигантскаго предпріятія, смутно представляющагося ему уничтоженіемъ зла на землѣ. Фантазія его читаетъ сказочную исторію дома, гдѣ онъ живетъ, на кускахъ обвалившейся штукатурки, на обломкахъ изразцовъ, населяетъ зданіе, стоящее въ сторонѣ, призраками давно умершихъ людей и въ игрѣ свѣта на грязномъ стеклѣ узнаетъ знакомые черты и образы. Его вниманіе привлекаетъ къ себѣ цвѣтокъ алаго мака въ больничномъ саду, и по какой то неожиданной ассоціаціи идей онъ связываетъ съ нимъ все міровое зло. Гаршинъ чрезвычайно тонко подмѣтилъ причудливость ассоціаціи и указываетъ на вѣроятный генезисъ этой бредовой идеи: больной вѣроятно, вспомнилъ, что изъ мака дѣлаютъ опіумъ, и эта мысль „разростаясь и принимая чудовищныя формы, заставила его создать страшный, фантастическій призракъ“. Цвѣтокъ красенъ, слѣдовательно, онъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь человѣчества, больному дали колпакъ съ больничнымъ знакомъ краснаго креста—это имѣетъ особое таинственное значеніе, указываетъ на борьбу съ краснымъ цвѣткомъ и такъ какъ цвѣтокъ мака ярче, то изъ этого слѣдуетъ, что зло побѣждаетъ. Бредовыя идеи сначала отрывочныя складываются въ систему, захватываютъ съ необыкновенною, подавляющей силою больной мозгъ, и больной, наконецъ, погибаетъ съ улыбкою на устахъ и съ краснымъ цвѣткомъ, зажатымъ въ окостенѣвшей рукѣ,—погибаетъ вслѣдствіе истощенія организма продолжительными безсонницами и непомѣрнымъ двигательнымъ возбужденіемъ, которое самъ авторъ совершенно правильно характеризуетъ, какъ „бѣшенство движеній“, не забывая сказать намъ, что вѣсъ больного прогрессивно падалъ, не смотря на его очень большой аппетитъ.

Картина данная Гаршинымъ, чрезвычайно образна и очень вѣрна дѣйствительности.

Въ pendant къ ней столь же яркое и столь же правдивое изображеніе своей болѣзни у французскаго романиста Gérard de Nerval. Его „Aurelia“, пожалуй даже интереснѣе „Краснаго цвѣтка“, такъ какъ имѣетъ почти характеръ мемуаровъ и даетъ описаніе сначала до конца нѣсколькихъ послѣдовательныхъ заболѣваній. Онъ страдалъ повидимому той формой психоза, которая въ психіатріи носитъ названіе циркулярнаго психоза и характеризуется послѣдовательными смѣнами маніакальнаго возбужденія, меланхолической подавленности и свѣтлыхъ здоровыхъ промежутковъ.

Въ средѣ русской читающей публики Gérard de Nerval извѣстенъ мало, но въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка онъ занималъ не послѣднее мѣсто во французскомъ литературномъ мірѣ. Какъ и нашъ Гаршинъ онъ окончилъ самоубійствомъ въ 1855 году. Судя по воспоминаніямъ о немъ его современниковъ, въ особенности Maxime Du Camp, *) Жераръ-де-Нерваль прохворалъ, повидимому, всю свою жизнь и никогда не могъ устроить себѣ сколько-нибудь сноснаго человѣческаго существованія. Лучше всего ему, повидимому, жилось въ Египтѣ, гдѣ его принимали за юродиваго, но и тамъ онъ имѣлъ несчастіе купить себѣ по случаю и съ уступкою, какъ увѣряетъ Du Camp, рабыню-негритянку въ жены, и покупка эта оказалась довольно неудачною. Когда его спрашивали о женѣ, то Жераръ-де-Нерваль своимъ обычнымъ кроткимъ голосомъ отвѣчалъ, что она была совсѣмъ желтая, а на вопросъ о томъ былъ ли онъ съ ней счастливъ, отвѣчалъ: „нѣтъ! мы не сошлись характерами, она меня очень била“. Впрочемъ единственною сильною и истинною привязанностью въ его жизни была совершенно платоническая страсть къ весьма второстепенной водевильной актрисѣ Jenny Colon, съ которою онъ никогда даже знакомъ не былъ, что не помѣшало ему раззориться на нее, истративъ небольшое полученное имъ наслѣдство на букеты, которые онъ ей подносилъ, на бинокли, которые покупалъ, чтобы ее лучше разглядѣть и на трости, которыми онъ стучалъ, вызывая ее. Для нея же, вѣроятно, была куплена драгоцѣнная постель, принадлежавшая нѣкогда какой-то знаменитой королевской фавориткѣ; самъ Жераръ-де-Нерваль никогда не имѣлъ квартиры и, когда не находился въ частной лечебницѣ д-ра Бланшъ, то ночевалъ въ ночлежныхъ домахъ, но для этой монументальной кровати нанималъ особое помѣщеніе. Jenny Colon входитъ въ систему его бреда, когда онъ боленъ и, повидимому, подъ именемъ Аурелiи фигурируетъ именно она. Du Camp говоритъ. что у него сохранилось графическое изображеніе бреда Жерара-де-Нерваля, нарисованное имъ соками цвѣтовъ и травъ въ бытность его въ лечебницѣ: на этомъ рисункѣ можно видѣть цѣлую сложную космическую систему, въ центрѣ которой, попирая земной шаръ и окруженная семью звѣздами находится женщина, воплощающая одновременно Janny Colon, Діану и св. Розалію.

Въ Aurélia или „Le rêve et la vie“ мы находимъ тѣже характерные симптомы остраго психоза, съ которыми познакомились, анализируя „Красный цвѣтокъ“. Начало заболѣванія Жераръ-де-Нерваль очень красиво и очень мѣтко характеризуетъ какъ „épanchement du songe dans la vie réele“, вторженіе сновидѣнія въ дѣйствительность. Сначала сложные и фантастическіе сны, затѣмъ повышеніе настроенія и самочувствія; ему представляется, что силы его удвоились, и что онъ въ состояніи все узнать и все постигнуть: черезъ два-три дня въ картину болѣзни вдвигаются ложныя воспоминанія, символизація, формируются бредовые идеи, совершаются нелѣпые поступки. Выходя изъ дому, онъ идетъ по направленію звѣзды, которая по его мнѣнію имѣетъ особое вліяніе на его судьбу, доходитъ до перекрестка и тутъ рѣшаетъ сбросить съ себя земныя одежды т. е. по-просту сказать, раздѣвается, но полицейскій патруль наталкивается на эту сцену и забираетъ его. Во время борьбы съ полицейскими онъ принимаетъ всяческія предосторожности, чтобы не убить солдатъ, такъ какъ ему кажется, что онъ ко-

*) Maxime Du Camp. Souvenirs litteraires 1882. Paris.

лоссально великъ и наполненъ электрическими зарядами. Лежа въ полицейскомъ участкѣ онъ видитъ какъ надъ нимъ разверзается небо и являетъ ему множество образовъ удивительнаго блеска и роскоши. Онъ живетъ, какъ въ калейдоскопѣ; картины, виды, толпы людей постоянно смѣняются вокругъ него, и только одна Jenny Colon остается неизмѣннымъ центромъ этой оргіи фантастическихъ видѣній и звуковъ, среди которыхъ живетъ Жераръ-де-Нерваль. Онъ видитъ ее, то въ видѣ свѣтлой богини, то въ видѣ несчастной жертвы, умирающей на омываемой моремъ скалѣ, то узнаетъ ее въ уличной пѣвицѣ или слышитъ ея вопль въ доносящемся до него ночью шумѣ. Наконецъ Жераръ-де-Нерваль поправляется, но не надолго. Нѣсколько затрудненій и личныхъ непріятностей даютъ толчокъ, и вспыхиваетъ новое заболѣваніе. Дѣло начинается съ тревожнаго настроенія, онъ бѣжитъ на кладбище, оно заперто, бросается въ церковь помолиться, но какой то внутренній голосъ подсказываетъ ему, что Пресвятая Дѣва умерла; ему встрѣчается священникъ, и Жераръ-де-Нерваль обращается къ нему съ просьбою немедленно отысповѣдывать его. Затѣмъ развертывается уже знакомая намъ картина возбужденія и бредовой интерпретаціи всего окружающаго. Встрѣчается на улицѣ рабочій съ ребенкомъ на рукахъ-это св. Христофоръ несетъ младенца Іисуса. Посыльный съ бляхой на груди представляется ему герцогомъ Бургундскимъ, и онъ тутъ же вступаетъ съ нимъ въ драку. Идетъ дождь—это начало всемірнаго потопа, и все человѣчество должно погибнуть. Въ него переселился духъ Наполеона, и онъ призванъ къ великимъ дѣламъ. Попавъ въ больницу, онъ чувствуетъ себя богомъ и возлагаетъ руки на другихъ больныхъ, чтобы излечить ихъ... Это кончается тѣмъ, что на него надѣваютъ горячечную рубаху. Все вокругъ него пріобрѣтаетъ особенный смыслъ и значеніе; трещины на стѣнѣ—таинственныя начертанія, двери въ подвалъ—входъ въ подземелье, все, что говорятъ вокругъ него другіе больные—полно особаго мистическаго значенія; въ больницѣ собрались представители всѣхъ человѣческихъ племенъ, чтобы установить новое теченіе небесныхъ свѣтилъ. Въ систему мірозданія вкралась какая-то числовая ошибка, отсюда проистекаютъ всѣ бѣды человѣчества.

Обращаю ваше вниманіе на любопытную аналогію съ бредомъ, изображеннымъ въ „Красномъ цвѣткѣ".

Не смотря на то, что Жераръ-де-Нерваль какъ бы сожалѣетъ о своей болѣзни, въ теченіи которой „ему казалось, что его силы удвоены, что онъ все понимаетъ, а воображеніе приносило ему безконечныя наслажденія"—кончилъ онъ такъ же печально, какъ и авторъ „Краснаго цвѣтка": въ холодную декабрьскую ночь явился онъ къ одному своему пріятелю; начиналось снова заболѣваніе: онъ говорилъ между прочимъ о томъ, что ему необходимо скупить всѣ античныя медали съ изображеніемъ Императора Нервы, такъ какъ онъ не можетъ допустить, чтобы портретъ его предка находился въ продажѣ (надо замѣтить, что его настоящая фамилія была Labrunie, а de Nerval только псевдонимъ); отказался, не смотря на то, что одѣтъ былъ очень легко, а ночь была морозная, отъ предложеннаго ему пальто, и исчезъ... рано утромъ его нашли повѣсившимся въ одной изъ маленькихъ и узкихъ улицъ стараго Парижа, гдѣ находился ночлежный домъ, въ которомъ онъ привыкъ ночевать; по произведенному дознанію оказалось, что около четырехъ часовъ утра онъ стучался въ этотъ вертепъ; но ему не отворили... Кто знаетъ, что произошло въ эту минуту въ его измученномъ мозгу? Быть можетъ, проблескъ сознанія и ужасъ передъ новымъ заболѣваніемъ? Или, вѣрнѣе, отказъ въ пріютѣ аллегоризировался въ его представленіи такъ, что для него не оставалось другого исхода, какъ самоубійство?

По понятнымъ причинамъ такія литературно-патологическія произведенія, которыя имѣютъ характеръ и значеніе художественнаго изображенія самонаблюденій, весьма немногочисленны. Значительный интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ плоды творчества тѣхъ писателей, на первомъ планѣ душевной болѣзни которыхъ, мы встрѣчаемся

съ привычными отравленіями центральной нервной системы. Списокъ такихъ писателей обширенъ. Изъ нихъ я остановлюсь на двухъ взятыхъ какъ типы—на de Quincey и Эдгардѣ По. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ болѣзненною страстью къ такимъ интеллектуальнымъ ядамъ, развившеюся на почвѣ прирожденной психопатической конституціи, у лицъ, отягощенныхъ тяжелою болѣзненною наслѣдственностью.

Ѳома de Quincey, родившійся въ 1785 г. и умершій въ 1859 г. былъ въ первой половинѣ нашего столѣтія очень замѣтнымъ беллетристомъ и экономистомъ, но въ исторіи литературы онъ всего болѣе извѣстенъ какъ авторъ „Исповѣди опіофага".

Происходилъ онъ изъ семьи, безъ всякаго сомнѣнія, отмѣченной психопатіей. Одинъ изъ братьевъ его отличался очень большими странностями; другой бѣжалъ изъ дому, сначала сдѣлался китобоемъ, потомъ пиратомъ и очень рано безъ вѣсти пропалъ. На немъ самомъ въ значительной мѣрѣ оправдалась англійская пословица о геніальныхъ дѣтяхъ: „Кто въ пять лѣтъ взрослый человѣкъ—тотъ въ 15 лѣтнемъ возрастѣ — сумасшедшій". Дѣйствительно уже въ очень раннемъ возрастѣ онъ поражаетъ своими дарованіями и обширными знаніями, и школьные учителя его говорятъ о немъ, что этотъ мальчикъ могъ бы говорить рѣчь аѳинской толпѣ съ большею легкостью и съ большимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ они—англійской. Семнадцатилѣтнимъ юношею онъ бѣжалъ изъ школы и очутился безъ всякихъ средствъ на мостовой Лондона. Къ этому времени относится трогательный эпизодъ его совершенно чистой дружбы съ нѣкоею Anny, одной изъ того легіона несчастныхъ, которымъ, чтобы добыть кусокъ хлѣба, приходится отъ вечера и до утра ожидать прохожаго на тротуарахъ бойкихъ улицъ Лондона. Эта Anny спасла его отъ голодной смерти. Уѣхавъ не надолго, онъ потерялъ ее изъ виду и втеченіе многихъ лѣтъ потомъ безплодно разыскивалъ ее. По словамъ одного критика этотъ отрывокъ изъ его воспоминаній пользуется въ Англіи такою же популярностью, какъ у насъ исторія Сони Мармеладовой. De Quincey было всего 19-ть лѣтъ, когда совершенно ничтожный поводъ, какъ это обыкновенно и бываетъ—зубная боль пріучила его къ опіуму. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, вѣроятно по причинѣ оживленныхъ сношеній съ Индіею, опіофагія въ Лондонѣ была быть можетъ еще болѣе распространена, чѣмъ теперь морфинизмъ въ Парижѣ и др. большихъ центрахъ. По крайней мѣрѣ Ѳома Гудъ, авторъ знаменитой „Пѣсни о рубашкѣ", свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ былъ очень удивленъ, когда имѣлъ случай убѣдиться, что опіеѣдство весьма обычно даже въ низшихъ классахъ населенія нѣкоторыхъ областей Англіи.

De Quincey очень подробно передаетъ въ своей исповѣди, какъ возрастала его привычка къ опію съ того момента, когда онъ узналъ, „что можно купить блаженства на одинъ пенни и унести его съ собою въ жилетномъ карманѣ", и до той эпохи, когда онъ сталъ пить опійную настойку рюмками, употребляя до 320-ти гранъ чистаго опія въ день, яркообразно описываетъ онъ сначала наслажденія опійнаго опьяненія, потомъ страданія, доставляемыя имъ, и мучительную борьбу съ этой роковой привычкой и, наконецъ, свое „третье паденіе ницъ передъ идоломъ".

Опасаясь утомить ваше вниманіе я не буду пересказывать вамъ его краснорѣчивыя описанія различныхъ фазъ опійнаго опьяненія и ради характеристики заимствую изъ его исповѣди только слѣдующій отрывокъ—настоящій восторженный гимнъ къ опію:

„О опіумъ тонкій, справедливый и могущественный! И въ сердце нищаго и въ сердце богатаго ты несешь бальзамъ цѣлительный и для израненнаго сердца и для тѣхъ ужасовъ, которые возмущаютъ умъ. О краснорѣчивый опіумъ — твоя блестящая реторика обезоруживаетъ рѣшенія, подсказанныя ненавистью и хоть на ночь одну возвращаетъ грѣшнику упованія его юности и прежнія чистыя руки. О опіумъ—справедливый судья! ты призываешь лжесвидѣтелей къ судилищу сновидѣній, и поруганная невинность торжествуетъ вновь; ты попираешь клятвопреступниковъ и уничтожаешь несправедливые

приговоры. Ты творишь во тьмѣ и создаешь изъ воображаемыхъ мозгомъ матеріаловъ съ искуствомъ болѣе глубокимъ, чѣмъ искусство Фидія и Праксителя, города и храмы болѣе роскошные, чѣмъ Вавилонъ и Гекатомполисъ; изъ хаоса сна, наполненнаго сновидѣніями, ты вызываешь на свѣтъ красивыя давно погребенныя лица, и лица людей близкихъ и дорогихъ, очищенныхъ отъ могильнаго поруганія. Ты единый можешь дать человѣку всѣ эти сокровища, и ты одинъ владѣешь ключами рая—о справедливый, тонкій и могущественный опій!".

Однако, de Quincey пришлось скоро убѣдиться, что великій опіумъ держитъ въ рукахъ ключи не только отъ рая, но и отъ ада. Очень скоро опій утратилъ способность доставлять ему „интеллектуальныя оргіи", напротивъ, онъ доставляетъ только новыя страданія. Очень своеобразнымъ образомъ поражается чувство пространства и времени. „Пространство, говоритъ онъ, раздувается до безконечности. Но еще болѣе мучительно ощущеніе удлиненія времени: ночь кажется цѣлымъ вѣкомъ". Рядомъ съ этимъ назойливыя галлюцинаціи терзаютъ его и на яву. Одну изъ нихъ, очень обычную, онъ называетъ „тираніею человѣческихъ лицъ". Ему представляется океанъ, на немъ появляется человѣческое лицо, и вдругъ все море покрывается лицами бѣшенными, умоляющими, отчаянными, они пляшутъ на поверхности тысячами, миріадами... „Мое безпокойство", говоритъ онъ, „достигаетъ высочайшей степени".

De Quincey чувствуетъ, какъ блестящія способности угасаютъ, какъ слабѣетъ его энергія, какъ трудно ему приняться за работу.

По его смерти въ его въ письменномъ столѣ были найдены вороха недоконченныхъ писемъ, и онъ самъ отмѣчаетъ, что эта неспособность къ сколько нибудь продолжительному умственному усилію—одинъ изъ кардинальныхъ симптомовъ хроническаго отравленія опіемъ. Ко всему этому присоединяются физическіе недуги и матеріальное разореніе. Это заставило его нѣсколько встряхнуться, попытаться бороться съ „черным ъ идоломъ", убавлять пріемы опія, и въ этомъ состояніи нѣкотораго улучшенія имъ и написана „Исповѣдь", которую я цитирововалъ. Затѣмъ онъ снова поддается своей несчастной слабости, но мы уже не будемъ далѣе слѣдить за его скорбною повѣстью. *).

Изъ другихъ его сочиненій я приведу только еще одинъ отрывокъ, характеризующій личность и міросозерцаніе автора. „Сверхъ трехъ грацій, трехъ паркъ и трехъ фурій—есть еще три богини—три богини скорби.. Старшая называется Mater Lacrymarum. Это она была въ Рамѣ, когда тамъ былъ слышенъ вопль Рахили, плачущей о дѣтяхъ своихъ, и въ Вифлеемѣ въ ту ночь, когда мечи Ирода избивали младенцевъ... На поясѣ у нея ключи, которыми она равно открываетъ и дворецъ, и хижину. Этими ключами она вездѣ—отъ Ганга до Нила и отъ Нила до Миссисипи открываетъ ту спальню, гдѣ человѣкъ не можетъ сомкнуть глазъ. Другая сестра—Mater Sospirorum... Она никогда не кричитъ, никогда не обвиняетъ, никогда не мечтаетъ о мятежѣ. Она унижена до гнусности. Она кротка, какъ существо, потерявшее всякую надежду... Третья сестра самая младшая. О ней можно говорить только шопотомъ.. Ея владѣнія не обширны, ибо, если бы они были обширны, прекратилась бы жизнь, но тамъ гдѣ она царитъ,—она царитъ безраздѣльно... Она—мать безумія, это—она подсказываетъ самоубійство... Она не ходитъ, а прыгаетъ, какъ тигръ: у нея нѣтъ ключей, ибо она вламывается въ жилища. Имя ей—Mater tenebrarum".

Перейдемъ къ слѣдующему несчастному поэту, котораго такъ же, какъ и Quincey, коснулось это жестокое божество и даже раньше чѣмъ коснуться его самого, наложило свое клеймо на его семью. Отецъ Эдгарда Поэ былъ пьяница; мать истеричка; братъ полубольной погибъ очень рано, сестра — идіотка. Самъ Эдгаръ Поэ, фантастическіе разсказы котораго по праву остаются однимъ изъ шедевровъ міровой литературы, былъ

*) Подробнѣе о de Quincy см. у Карпентера и въ книгѣ Arvède Barine „Les nevrosés".

втеченіе всей своей скитальческой жизни горькимъ пьяницею и умеръ, полузамерзши въ такомъ состояніи на улицѣ.

Злоупотребленіе алкоголемъ производитъ въ психической жизни человѣка два рода разстройствъ: тѣ, которыя свойственны такъ назыв. бѣлой горячкѣ и характеризуются обиліемъ галлюцинацій, преимущественно зрительныхъ и обыкновенно устрашающаго содержанія, и тѣ, которыя подкрадываются незамѣтно и понемногу измѣняютъ, извращаютъ, деградируютъ всю психическую личность пьяницы, ослабляя его память и волю и понижая его моральное чувство. Насколько можно судить и по біографическимъ даннымъ, и по произведеніямъ до такого глубокаго разрушенія личности дѣло не дошло и на памяти Эдгарда Поэ не лежитъ никакихъ упрековъ; но онъ самъ чувствовалъ, что до этого можетъ дойти, и никто не изобразилъ съ такою силою раздвоеніе личности, борьбу импульсивныхъ элементовъ человѣческой души съ элементами задерживающими, съ совѣстью. На этомъ построенъ одинъ изъ лучшихъ его разсказовъ.

Въ школу поступаютъ два мальчика одновременно, похожіе другъ на друга, какъ двойники, носящіе одно и то же имя. Разница между ними только та, что одинъ изъ нихъ обладаетъ голосомъ властнымъ, у другого голосъ очень слабый, онъ едва говоритъ шопотомъ. Первому удалось подчинить себѣ весь классъ, кромѣ своего двойника, который ему вѣчно противодѣйствуетъ; онъ постоянно предостерегаетъ перваго, даетъ ему совѣты, становится между нимъ и „грѣхомъ".

Но первый все болѣе и болѣе падаетъ, и упреки второго ему все болѣе и болѣе ненавистны. Иной разъ ему кажется, что онъ избавился отъ двойника, но вдругъ гдѣ нибудь среди пьяной оргіи слышится его голосъ. Онъ бѣжитъ и скитается по Европѣ, все безполезно; наконецъ предается отчаянному пьянству и въ этомъ состояніи убиваетъ своего двойника, назойливую совѣсть.

Какъ я уже сказалъ выше, такихъ литературныхъ произведеній, которыя, имѣя автобіографическій характеръ, представляли бы интересъ психопатологическихъ этюдовъ—сравнительно не много, и, еслибы мы ограничились только этимъ и обрывками самонаблюденій, то намъ пришлось бы чрезвычайно съузить нашу задачу, изучая даже такія сокровищницы психопатологическихъ художественныхъ этюдовъ, какія находимъ мы въ произведеніяхъ Гюи де-Мопассана и, въ особенности, Достоевскаго. Но, быть можетъ, еще большій интересъ представляетъ анализъ того, какимъ образомъ извѣстныя свойства ума и характера автора, въ данномъ случаѣ, его психопатическія особенности, отражаются на его произведеніяхъ. Я отнюдь не думаю объяснить все творчество такого писателя этими особенностями его. Но, если справедливъ афоризмъ, что художественное произведеніе есть ни что иное, какъ изображеніе объекта наблюдаемаго съ помощью извѣстнаго темперамента—„une chose vue à travers un tempérament", то уже àriori очевидно, что однимъ изъ элементовъ творчества художника являются особенности его темперамента, другими словами, его нервной системы, его мозга, и что, слѣдовательно, изученіе его произведеній съ этой точки зрѣнія не только совершенно законно, но даже можетъ дать ключъ къ пониманію иныхъ картинъ и типовъ, изображаемыхъ имъ.

Въ произведеніяхъ Достоевскаго мы встрѣчаемся съ удивительною и единственною, безпримѣрною въ исторіи всѣхъ литературъ галлереею психопатическихъ типовъ... Притомъ, какъ совершенно исключительную особенность его творчества должно отмѣтить, что Достоевскій рисовалъ свои картины различнѣйшихъ видовъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней съ такимъ совершенствомъ, съ такимъ отсутствіемъ всякихъ условностей въ изображеніи безумія, съ такою жизненною правдою, не достигнутою ни раньше, ни позже его никакимъ другимъ писателемъ, что можно прямо взять его описаніе и его типы и иллюстрировать ими любое современное руководство по психіатріи.

Правда, Zola напр. далъ также во многихъ романахъ своихъ очень точныя изображенія различныхъ формъ душевныхъ болѣзней (см. въ особенности „L'assomoir". „La

bête humaine", „l'Oeuvre"), но, тогда какъ Zola явно пользовался всѣмъ матеріаломъ современной науки и только переносилъ добытыя ею данныя изъ ученыхъ монографій на страницы своихъ романовъ, относительно Достоевскаго, наоборотъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что иныя главы современной психіатріи могли бы быть написаны на основаніи данныхъ имъ изображеній. Изумительно и непонятно, какимъ образомъ только силою художественнаго проникновенія, творческой интуиціи, могъ Достоевскій охватить и постигнуть такія сложныя патологическія состоянія больного мозга и больныхъ нервовъ, для научнаго установленія и анализа которыхъ потребовались многіе годы упорнаго и кропотливаго труда цѣлыхъ легіоновъ врачей.

По недостатку времени я, къ сожалѣнію не могу, черпать изъ этой сокровищницы психопатологическихъ этюдовъ, столько, сколько я бы хотѣлъ, чтобы иллюстрировать вамъ сказанное мною на рядѣ примѣровъ. Притомъ и тема моей сегодняшней бесѣды ограничена вопросомъ о томъ, какъ отражается душевная болѣзнь писателя въ его произведеніяхъ. Наконецъ, Достоевскій недостаточно отодвинулся отъ насъ въ область исторіи, и это также въ значительной мѣрѣ связываетъ меня. Во всякомъ случаѣ, я не нанесу никакого ущерба памяти знаменитаго писателя, сказавъ то, что всѣмъ давно извѣстно, именно, что онъ страдалъ эпилепсіею, и прибавивъ къ этому, что падучая болѣзнь есть во всякомъ случаѣ тяжелое страданіе центральной нервной системы, и что ей въ огромномъ большинствѣ случаевъ сопутствуютъ болѣе или менѣе значительныя и глубокія измѣненія всей психической личности.

Слѣдуя нашей программѣ посмотримъ, какъ изображается въ сочиненіяхъ Достоевскаго эпилепсія и психологія эпилептика.

Типичный припадокъ падучей болѣзни характеризуется потерею сознанія и своеобразными судорогами; очнувшись и вставши, больной обыкновенно не знаетъ и не помнитъ, что съ нимъ произошло; многіе больные предупреждаются о наступленіи припадка своеобразными ощущеніями, которыя носятъ въ наукѣ названіе aura. Эти ощущенія могутъ быть самаго различнаго рода, и aura называется двигательною или чувствительною, сенсоріальною или интеллектуальною въ зависимости отъ того, какими элементами нервной системы создается она. Одинъ больной непосредственно передъ припадкомъ чувствуетъ мышечныя подергиванія и вздрагиванія, распространяющіяся отъ периферіи къ центру, напр. восходящія отъ конца пальцевъ руки или ноги, другой чувствуетъ такое же восхожденіе напр. вѣтерка, или теплой жидкости, щекотанія или боли и пр.; у третьяго появляются галлюцинаціи, чаще всего зрительныя, и, наконецъ, у иныхъ бываетъ такъ называемая интеллектуальная aura; такой предвѣстникъ припадковъ наблюдалъ на себѣ самомъ, очевидно, и Достоевскій, ибо онъ почти тождественно описываетъ такую ауру у двухъ изъ изображенныхъ имъ эпилептиковъ, князя Мышкина (въ „Идіотѣ") и Кириллова (въ „Бѣсахъ").

Относительно перваго мы читаемъ: „...въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень почти передъ самымъ припадкомъ (если только припадокъ приходилъ на яву), когда вдругъ среди грусти, душевнаго мрака, давленія" (очевидно, и у князя Мышкина и у Достоевскаго уже за нѣкоторое время наступало, какъ это нерѣдко наблюдается у эпилептиковъ, измѣненіе настроенія)—„мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ, и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія удесятерялось въ тѣ минуты, продолжавшіяся какъ молнія. Умъ, сердце, озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима... Мгновенія эти были именно однимъ только необыкновеннымъ усиліемъ самосознанія...

Самосознанія и въ то же время самоощущенія въ высшей степени непосредственнаго... Въ этотъ моментъ становится понятно слово о томъ, что времени больше не будетъ. Вѣроятно, это та же самая секунда, въ которую не успѣлъ пролиться опрокинувшійся кувшинъ съ водой эпилептика Магомета, успѣвшаго, однако, въ ту самую секунду обозрѣть всѣ жилища Аллаховы".

Почти тоже самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяется въ разговорѣ Кириллова съ Шатовымъ въ „Бѣсахъ". „Кирилловъ очнулся... и заговорилъ"... „Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой... Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда... Въ эти пять секундъ, я проживаю жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь. потому что стоитъ".

— „Кирилловъ, это часто приходитъ?"—спрашиваетъ Шатовъ.

— „Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ".

— „У васъ нѣтъ падучей"?

— „Нѣтъ"!

— „Значитъ будетъ. Берегитесь, Кирилловъ, я слышалъ, что именно такъ падучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе передъ припадкомъ, точь въ точь, какъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ и говорилъ, что болѣе нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ не успѣвшій пролиться, пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. Кувшинъ — это тѣже пять секундъ; слишкомъ напоминаетъ нашу гармонію. Берегитесь, Кирилловъ, падучая"!

„Не успѣетъ", тихо усмѣхнулся Кириловъ.

Кириловъ ошибается—падучая уже успѣла и, даже, судя по особенностямъ его характера, по ненормальностямъ его мышленія и своеобразно мистическому настроенію, успѣла уже давно; если Достоевскій устами Шатова говоритъ объ угрожающей эпилепсіи, то потому только, что онъ не зналъ, что припадокъ падучей болѣзни можетъ быть и не полнымъ, и что онъ можетъ проявляться только въ однѣхъ предприпадочныхъ ощущеніяхъ, въ одной aura *).

Точно такъ же мастерски написаны въ романахъ Достоевскаго различные варіанты эпилептическаго характера, начиная отъ Нелли („Униженные и Оскорбленные") съ ея чрезвычайною подвижностью и неустойчивостью настроенія, раздражительностью и экзальтаціею, которая такъ легко смѣнялась подавленностью и апатіею, съ ея нелюдимостью и недовѣрчивостью, и кончая Смердяковымъ („Братья Карамазовы"), представляющимъ всѣ симптомы глубокаго эпилептическаго перерожденія личности; это „большой идіотъ и уже, конечно, страшный мерзавецъ", какъ опредѣляетъ его Иванъ Карамазовъ; но съ точки зрѣнія психіатрической, его правильнѣе назвать эпилептикомъ со многими интеллектуальными дефектами и съ значительною тупостью нравственнаго чувства.

Одинъ изъ русскихъ психіатровъ, проф. Чижъ, въ своемъ этюдѣ о Достоевскомъ, какъ психологѣ, насчитываетъ въ числѣ персонажей романовъ и повѣстей Достоевскаго болѣе тридцати душевно-больныхъ. И, дѣйствительно, не одна только эпилепсія и ея спутники описаны съ неподражаемымъ мастерствомъ Достоевскимъ. Отсылаю интересующихся этимъ къ упомянутому этюду, а самъ остановлюсь на вопросѣ, нѣтъ ли въ дарованіи Достоевскаго такихъ чертъ, которыя опредѣлялись бы его психопатологическими особенностями. Мы съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ обратиться къ этому вопросу, что еще Бѣлинскій указывалъ на „нервичность", какъ онъ выражался, таланта Достоевскаго. Посмотримъ, въ чемъ выражается эта нервичность, и нѣтъ ли въ произведеніяхъ Достоевскаго доминирующей черты, которая помимо изображаемыхъ имъ формъ и типовъ умопомѣшательства, опредѣлялась бы именно болѣзненностью его дарованія.

*) См. напр. Magnan. Leçons cliniques sur les maladies mentales. Paris 1893 p. 7: Parfois, l'attaque avorte et l'aura reste le seul phénomène paroxistique de l'épilepsie".

Одинъ изъ современныхъ критиковъ Достоевскаго, Михайловскій, называетъ талантъ знаменитаго писателя жестокимъ талантомъ и такъ опредѣляетъ его характерныя особенности:... „Жестокость и мучительство всегда занимали Достоевскаго и именно со стороны ихъ привлекательности, со стороны какъ бы заключающагося въ мучительствѣ сладострастія... его очень мало занимали элементарные грубые сорта волчьихъ чувствъ, простой голодъ напримѣръ. Нѣтъ, онъ рылся въ самой глубинѣ волчьей души, разыскивая тамъ вещи тонкія, сложныя—не простое удовлетвореніе аппетита, а именно сладострастіе злобы и жестокости. Эта спеціальность Достоевскаго слишкомъ бросается въ глаза, чтобы ее не замѣтить... самая постановка картины жестокости въ ненужныя рамки свидѣтельствуетъ о цѣнѣ, которую давалъ Достоевскій этому сюжету; независимо отъ представленныхъ имъ образцовъ ненужной жестокости, Достоевскій самъ былъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ ея живыхъ образовъ. Достоевскій чрезвычайно интересовался различными проявленіями жестокости и необыкновенно тонко понималъ то странное, дикое, но несомнѣнно сильное наслажденіе, которое нѣкоторые люди находятъ въ ненужномъ мучительствѣ... именно въ сферѣ мучительства художественное дарованіе Достоевскаго достигло своей наивысшей силы“.

Для того, чтобы объяснить эти особенности творчества Достоевскаго: изумительно-правдивое изображеніе различныхъ душевныхъ разстройствъ и въ особенности тѣхъ, которыя на нашемъ, психіатрическомъ языкѣ называются дегенеративными формами, и ту характерную черту его дарованія, которая красною ниткою проходитъ черезъ всѣ его произведенія, именно особый интересъ къ различнымъ психологическимъ истязаніямъ и детальное, кропотливое изученіе нравственныхъ терзаній, переживаемыхъ его героями для того, чтобы объяснить эти свойства его таланта, свойства во всей міровой литературѣ совершенно исключительныя—необходимо обратиться къ личности самого автора.

Біографическихъ данныхъ, которыя могли бы пригодиться намъ, опубликовано очень мало, да и Достоевскій слишкомъ недостаточно отодвинулся отъ насъ назадъ, въ область исторіи, чтобы мы могли искать комментарія къ его произведеніямъ въ его біографіи.

Однако, если мы будемъ считаться только съ однимъ, общеизвѣстнымъ, фактомъ этой біографіи—съ эпилепсіею, которою онъ страдалъ, то и этого уже достаточно, чтобы вспомнить, что, если между людьми страдающими падучею болѣзнею были иногда люди геніальные, то никогда не было людей гармоничныхъ, да и самая эпилепсія, не только накладываетъ свою печать на психическую личность, но обыкновенно въ огромномъ большинствѣ случаевъ есть результатъ и выраженіе предшествующихъ, первоначальныхъ патологическихъ особенностей центральной нервной системы. Коротко сказать, эпилепсія есть всегда и безъ исключенія показатель глубокой нервно-психической дегенераціи. Эпилептикъ можетъ быть очень даровитымъ или даже геніальнымъ человѣкомъ, но его болѣзнь кладетъ свой отпечатокъ даже на его геній.

Въ самомъ дѣлѣ не врачу, не психіатру можетъ казаться страннымъ, непонятнымъ „наслажденіе жестокостью или страданіемъ“, что такъ часто изображается Достоевскимъ, сближеніе любви и дружбы со злобою и ненавистью, совпаденіе сладострастія съ мукою или истязаніемъ. Но психіатру понятно и это, понятны и такія героини, какихъ большинство въ романахъ Достоевскаго, и которыя чѣмъ больше любятъ-тѣмъ больше терзаютъ того, кого любятъ, понятенъ и Ставрогинъ, который „не знаетъ различія въ красотѣ между какой-нибудь сладострастною звѣрскою шуткою и какимъ угодно подвигомъ“, понятны и Свидригайловъ, и Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, все это понятно, ибо находится въ области его спеціальной компетенціи. Я долженъ сказать вамъ, что, дѣйствительно, въ извѣстныхъ формахъ психическаго разстройства существуетъ нѣкоторое загадочное и своеобразное сочетаніе между чувственнымъ наслажденіемъ и страданіемъ или причиненіемъ страданія: объ этомъ свидѣтельствуетъ нашъ клиническій и еще чаще нашъ

судебно-медицинскій опытъ. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ крайнимъ и болѣзненнымъ выраженіемъ той психологической близости, которая существуетъ вообще между страданіемъ и наслажденіемъ, и черта эта искони такъ свойственна нашей душѣ, что она отмѣчена уже на зарѣ человѣческой мысли еще въ индійской миѳологіи, такъ что возможно возстановить родство между иными произведеніями Достоевскаго и старымъ индійскимъ миѳомъ о Сивѣ и Дургѣ.

Я бы не желалъ, чтобы выраженной мною сейчасъ мысли былъ приданъ бо̀льшій объемъ, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ имѣетъ.

Въ тѣхъ психологическихъ чертахъ героевъ и въ тѣхъ сценахъ романовъ и повѣстей Достоевскаго, въ которыхъ сказалась „жестокость его таланта"—я не смѣю искать чертъ автобіографическихъ, я только имѣю въ виду сказать, что они являлись производнымъ двухъ элементовъ его творчества—съ одной стороны большого художественнаго дарованія, съ другой—наличности въ нервной системѣ автора, человѣка несомнѣнно больного, такихъ импульсовъ и такихъ ассоціацій, которые послужили ему исходнымъ пунктомъ для анализа и освѣщенія самыхъ таинственныхъ изгибовъ больной и измученной души.

Перехожу къ другому современному писателю, сочиненія котораго даютъ также довольно большой психопатологическій матеріалъ, притомъ не заимствованный какъ у Zola изъ медицинскихъ книгъ, но представляющій результаты художественнаго творчества, основаннаго въ значительной степени, вѣроятно, на почвѣ самонаблюденія.

Я говорю о Guy de Maupassant'ѣ.

Но прежде всего нѣсколько словъ о самомъ Maupassant. Въ лицѣ его мы имѣемъ очень сложный патологическій случай. Во-первыхъ,—происходилъ онъ изъ семьи, которую не пощадили психическія заболѣванія, и болѣзненная наслѣдственность у него была очень обширная *); во-вторыхъ, на высотѣ развитія своего дарованія и своего творчества, когда еще ничто не предвѣщало приближавшейся катастрофы, Maupassant злоупотреблялъ искусственными возбуждающими и въ такой степени предавался эфирному пьянству, что сознавался доктору de Fleury, что въ одномъ изъ послѣднихъ его произведеній, Pierre et Jean нѣтъ ни одной строчки, написанной иначе, какъ въ состояніи отравленія эфиромъ, „несмотря на то, говорилъ онъ доктору, что вы считаете эту книгу разумной, да и я самъ нахожу, что она звучитъ истиною. Я нашелъ въ эфирѣ удивительную ясность мысли, но онъ принесъ мнѣ также много вреда" *); въ третьихъ, наконецъ, Maupassant, также, какъ и братъ его, окончилъ жизнь прогрессивнымъ параличемъ умалишенныхъ, отъ котораго и умеръ лѣтомъ 1893 г.

Насколько возможно установить факты на основаніи отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ указаній его друзей и родныхъ—нужно предполагать, что, если взрывъ роковой болѣзни произошелъ только въ 1891 г., то подготовлялась она во всякомъ случаѣ задолго. Еще въ 1889 г. по сообщенію Mirbeau и Гонкура Maupassant отличается бросающимся въ глаза ипохондрическимъ настроеніемъ и чрезвычайною боязнью болѣзни и смерти, до такой степени, что какой то шутникъ изъ общихъ литературныхъ пріятелей нарочно начитался медицинскихъ книгъ, чтобы приводить Maupassant'а въ ужасъ названіями болѣзней и перечисленіемъ болѣзненныхъ симптомовъ. По словамъ Гонкура этимъ его состояніемъ и объясняются непосѣдливость его и постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто.

---

*) Теперь, когда живы еще его ближайшіе родственники и въ томъ числѣ его мать, едва ли удобно говорить объ этомъ подробно, точно также какъ и о тѣхъ нервно-психическихъ аномаліяхъ, которыя можно было бы отмѣтить въ его прошломъ, начиная съ дѣтства. Maupassant слишкомъ современникъ нашъ, и время для этого еще не пришло.

**) Dr. M. de Fleury. Introduction a la Medécine de l'Esprit. Paris 1897 pp. 138—139.

Когда душевная болѣзнь Maupassant'а стала извѣстною, то и критики *), и читающая публика тотчасъ вспомнила два его произведенія „Le Horla" и „Quiait"? и была очень склонна видѣть въ этихъ двухъ разсказахъ результаты самонаблюденія. Я этого предположенія совершенно не раздѣляю. По моему мнѣнію Maupassant въ этихъ двухъ случаяхъ просто имѣлъ въ виду, написать фантастическіе этюды въ стилѣ Гофманна или Эдгарда Поэ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ искусная смѣсь дѣйствительности съ призрачнымъ элементомъ. Въ „Horla" нарочито отмѣчено, что герой разсказа чувствовалъ себя прекрасно вплоть до появленія въ портѣ бразильскаго судна и затѣмъ, послѣ того, какъ на читателя уже произведено достаточное впечатлѣніе, приводится выдержка изъ научнаго журнала, сообщающаго, что въ одной изъ бразильскихъ провинцій развилась непонятная психопатическая эпидемія, выражающаяся въ томъ, что жители покидаютъ свои дома, увѣряя что ихъ преслѣдуютъ какія-то невидимыя и неосязаемыя существа, обращающіяся съ ними какъ съ рабами, и которыя совершенно также, какъ у героя разсказа, пьютъ воду и молоко, наконецъ, упоминается о томъ, что и прислуга въ домѣ замѣчаетъ что то неладное.

Въ „Quisait"? авторъ даже приводитъ письма прислуги, извѣщающей объ исчезновеніи, а потомъ о возвращеніи обратно всей мебели, которая поразила своимъ бѣгствомъ изъ дому героя разсказа. Коротко сказать, мы встрѣчаемся здѣсь со всѣми техническими особенностями этого рода произведеній, и не въ нихъ слѣдуетъ видѣть, по моему мнѣнію, отраженіе психопатическихъ особенностей автора. Что касается до его послѣдней болѣзни, прогрессивнаго паралича, то она такова по своимъ основнымъ симптомамъ, что было бы безполезно, искать слѣдовъ ея въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя появились въ печати. Это страданіе такъ рѣзко и такъ глубоко поражаетъ всю психическую жизнь, что эти слѣды могли бы быть найдены развѣ только въ ненапечатанныхъ произведеніяхъ, всего вѣроятнѣе въ Angelus, надъ которымъ работалъ Maupassant, когда надъ его мозгомъ разразилась катастрофа. Намъ будетъ легко отыскать въ твореніяхъ Maupassant'а отраженія болѣе тонкихъ аномалій его болѣзненной психики.

Я указалъ бы прежде всего на одну его психологическую черту, которую, правда, нельзя назвать болѣзненною въ строгомъ смыслѣ этого слова, но которую до такой степени не ожидаешь встрѣтить въ молодомъ человѣкѣ, что съ извѣстной степенью вѣроятности можно предположить, что она свидѣтельствуетъ о нѣкоторой аномальной конституціи его характера и ума. Я говорю объ удивительномъ индифферентизмѣ Maupassant'а, печатью котораго отмѣчены всѣ произведенія его и въ томъ числѣ, относящіяся къ эпохѣ расцвѣта его творчества, индифферентизмѣ, о которомъ единодушно свидѣтельствуютъ и всѣ его знавшіе люди и всѣ критики. Céard, имя котораго мы видимъ рядомъ съ именемъ Maupassant'а а еще на обложкѣ Soirées de Meudan говоритъ про него „c'est l'homme que j'ai connu le plus indifférent à taus", а Jules Lemaitre**) прибавляетъ къ этому: „я сомнѣваюсь, чтобы когда-либо 25-ти-лѣтній молодой человѣкъ имѣлъ такой ясный и такой холодный взглядъ на міръ, какъ Maupassant" и такъ характеризуетъ его произведенія: „изо всѣхъ его разсказовъ вытекаетъ одна философія—самая простая, самая точная, но и самая отрицательная. Въ сущности—это чистѣйшій нигилизмъ. Жизнь дурна и никакого смысла не имѣетъ, мы идемъ туда, куда влекутъ насъ наши страсти и внѣшнія случайности; затѣмъ смерть. И ничего больше".

И въ самомъ дѣлѣ, припомните хотя бы его разсказъ „Maison Telliet" одинъ изъ первыхъ написанныхъ имъ и одинъ изъ самыхъ сильныхъ (его одного или даже только

---

*) Такъ напр. René Doumic принимаетъ le Horla за автобіографическій этюдъ, за самонаблюденіе, такъ какъ, по его мнѣнію, Maupassant никогда ничего не воображалъ и не выдумывалъ, а только наблюдалъ и описывалъ, то и этотъ разсказъ только тѣмъ разнится отъ остальныхъ, что объектомъ наблюденія былъ на этотъ разъ самъ авторъ.

**) J. Lemaitre. Les comte mporains. Paris. 1896, p. 5.

нѣсколькихъ страницъ въ немъ—сцены въ церкви—было бы достаточно, чтобы упрочить за Maupassant'омъ имя большого художника) — въ этомъ разсказѣ, говорю я, читатель подавленъ не столько яркостью образовъ и типовъ или мастерствомъ изображенія, сколько безучастіемъ автора, повѣствующаго съ безстрастіемъ не знающаго ни гнѣва, ни жалости лѣтописца, причемъ на протяженіи всего разсказа онъ даетъ чувствовать читателю не художественную объективность только, а нѣчто большее—глубокій и холодный индифферентизмъ съ примѣсью нѣкоторой доли презрѣнія. Авторъ какъ будто хочетъ сказать, что все условно, и все относительно, и что даже вѣнецъ творенія — человѣческая душа—есть только инструментъ, изъ котораго можно извлекать любые аккорды: и циничный плясовой мотивъ, и вдохновенный гимнъ. А въ сущности и это все равно—это только различныя настроенія. Эта нота слышится, и это безразлично-презрительное отношеніе чувствуется почти во всѣхъ произведеніяхъ Мопасана. Впрочемъ, пусть лучше говоритъ за меня самъ авторъ. Въ дневникѣ, веденномъ имъ во время плаванія у береговъ Ривіеры и озаглавленнаго „На водѣ", онъ, правда, отрывочно исповѣдуетъ свое міросозерцаніе.

Посмотрите, какое глубокое отвращеніе отъ жизни и людей и безпросвѣтное отчаяніе слышно въ этихъ словахъ человѣка, не достигшаго еще сорокалѣтняго возраста, уже знаменитаго и богатаго, и еще, на поверхностный взглядъ, здороваго, можно сказать баловня судьбы, которому успѣхъ дался очень легко и скоро, и которому, казалось бы, только бы жить да радоваться:

„Блаженны тѣ, пишетъ онъ, которые не замѣчаютъ съ неизъяснимымъ отвращеніемъ, что ничто не измѣняется, ничто не преходитъ, и что все надоѣдаетъ. До какой степени нужно имѣть неподвижный, нетребовательный и ограниченный умъ, чтобы довольствоваться тѣмъ, что есть. Удивительно, какъ это публика мірозданія еще не крикнула „давайте занавѣсъ" и не потребовала слѣдующаго акта съ другими людьми, другими формами, другими празднествами, другими растеніями, другими свѣтилами, другими изобрѣтеніями, другими приключеніями? Да неужто же никто не испытываетъ ненависти къ лицу человѣческому вѣчно одинаковому, и животнымъ, похожимъ на заводныя игрушки... къ вѣчно подобнымъ пейзажамъ и къ вѣчно повторяющимся удовольствіямъ... Мы ничего не знаемъ, мы ничего не видимъ, мы ничего не можемъ, мы ни о чемъ не догадываемся даже, мы ничего не въ состояніи вообразить, мы заперты, мы заключены въ насъ самихъ. И находятся же люди, которые удивляются человѣческому генію!... Съ тѣхъ поръ какъ работаетъ наша ничтожная мысль—человѣкъ остался все тѣмъ же: его чувства, его вѣрованія, его ощущенія все тѣ же. Онъ не подвинулся впередъ и назадъ не пошелъ, онъ просто не сдвинулся съ мѣста...

„Человѣческая мысль неподвижна. Когда достигнуты ея границы очень близкія, очень точныя и непереступаемыя—она вертится, какъ лошадь въ циркѣ, какъ муха, попавшая въ бутылку... Мы живемъ подъ бременемъ старыхъ и отвратительныхъ привычекъ, преступныхъ предразсудковъ, жестокихъ идей нашихъ варварскихъ предковъ—мы животныя, и мы останемся животными, ибо надъ нами властвуетъ инстинктъ, и ничто не измѣняется".

Мнѣ слышится въ этихъ словахъ—вопль уже больной души, предчувствіе мозга, близкаго къ катастрофѣ. И, дѣйствительно, въ это время у Maupassant'а, повидимому, уже были предвѣстники собиравшейся надъ нимъ грозы, и онъ уже прибѣгалъ къ эфиру—сначала ради облегченія жестокихъ мигреней: Вотъ какъ нѣсколькими страницами дальше въ томъ же дневникѣ описываетъ онъ свою безсонницу, а затѣмъ опьяненіе эфиромъ. „Я улегся, но чувствовалъ, что не засну; я лежалъ съ закрытыми глазами, но съ возбужденной мыслью и дрожащими нервами... Вдругъ, что-то заскрипѣло. Что? не знаю... должно быть блоки на мачтѣ... мнѣ казалось, что этотъ звукъ пилилъ мнѣ сердце беззубой пилой. Бываютъ звуки, ноты и голоса, которые раздираютъ насъ

и въ одно мгновеніе наполняютъ нашу душу столькимъ горемъ и столькимъ безумнымъ ужасомъ, сколько она въ состояніи вмѣстить. Я слушалъ, ждалъ и опять слышалъ этотъ звукъ какъ бы вырывавшійся изъ моихъ нервовъ или, скорѣе, звучащій во мнѣ, какъ внутренній, глубокій и отчаянный призывъ".

Послѣ безсонной ночи отчаянный припадокъ мигрени; ради облегченія Maupassant прибѣгаетъ къ склянкѣ съ эфиромъ. и вотъ описаніе отравленія:

„Прошло нѣсколько минутъ и мнѣ показалось, что я слышу легкій шопотъ, потомъ жужжанье и что внутренность моего тѣла дѣлается легкою, легкою какъ воздухъ, и испаряется. Потомъ наступило какое-то замираніе души, полудремотное блаженное состояніе; боль еще продолжалась, но уже не была мучительною... Вскорѣ затѣмъ странное и пріятное ощущеніе пустоты въ груди распространилось на всѣ члены, которые тоже стали такими легкими, какъ будто и тѣло, и кости растворились, и остались только кожа, необходимая для того, чтобы доставлять мнѣ ощущенія наслажденія бытіемъ... Я замѣтилъ, что боль прекратилась. Она тоже растворилась и испарилась. Мнѣ стали слышаться четыре голоса, два діалога, но словъ я не могъ разобрать. Это были то неопредѣленные звуки, то отдѣльныя слова до носившіяся до меня: я понялъ, что это просто шумъ въ ушахъ. Я не спалъ, я бодрствовалъ, я понималъ и чувствовалъ, я размышлялъ съ поразительною ясностью, глубиною и мощью и ощущалъ своеобразное опьяненіе, умственное наслажденіе, доставляемое такимъ удесятереніемъ психическихъ силъ. Это было не сновидѣніе, какъ при гашишѣ, не болѣзненныя видѣнія какъ при опіумѣ; это была чудесная острота мышленія, новый способъ видѣть, судить, оцѣнивать предметы и жизнь съ глубочайшею увѣренностью и сознаніемъ, что это именно и есть настоящій способъ. И мнѣ приходило въ голову древнее сравненіе Св. Писанія. Мнѣ казалось, что я вкусилъ отъ древа познанія, и что всѣ тайны раскрываются, до такой степени я былъ подъ властью этой новой, странной и непреоборимой логики... я былъ существомъ высшимъ, вооруженнымъ непобѣдимыми умственными силами, и я испытывалъ чудное наслажденіе отъ сознанія моей власти".

Психіатру, который бы пожелалъ черпать въ сочиненіяхъ Maupassant'а иллюстраціи къ догматическимъ страницамъ учебниковъ не было бы недостатка въ матеріалѣ, ибо послѣ Достоевскаго этотъ писатель всѣхъ больше и всѣхъ правдивѣе останавливался на психопатологическихъ феноменахъ.

Но наша задача найти въ его книгахъ слѣды самонаблюденій. Сближая его признанія въ „Sur l'Eau" съ воспоминаніями близко знавшихъ его лицъ, можно думать, что онъ часто пользовался своими патологическими настроеніями, какъ канвой для своихъ разсказовъ. Вотъ, напримѣръ, повѣсть, которая посвящена психологическому анализу извращеній полового чувства. „Un cas de divorce". Въ ней попадаются описанія душевнаго состоянія почти тождественныя той выдержкѣ изъ дневника Maupassant'а, которая была только что приведена. Хотя нѣтъ никакого основанія думать, что Maupassant страдалъ такимъ же патологическимъ извращеніемъ, какъ герой этого разсказа, но можно съ увѣренностью предположить, что онъ воспользовался ощущеніемъ своей анормальной психологической реакціи, чтобы, исходя изъ нея, объяснить эти загадочныя болѣзненныя состоянія.

Дѣло происходитъ въ судѣ. Адвокатъ, требуя отъ имени жены, развода, представляетъ слѣдующія выдержки изъ дневника мужа:

„Какъ все на свѣтѣ печально и некрасиво, вѣчно тождественно и вѣчно ненавистно. Я мечтаю о землѣ болѣе красивой, болѣе благородной, болѣе разнообразной... Тѣ же лѣса и рощи, тѣ же рѣки, похожія на другія рѣки и долины, похожія на другія долины; все однообразно и все монотонно. А человѣкъ!.. человѣкъ? Какое отвратительное животное — злое тщеславное и гнусное... Надо любить... любить страстно... не видя того, что любишь, ибо видѣть—значитъ понимать, а понимать—значитъ презирать. Надо

любить, опьяняясь ею, какъ опьяняются виномъ, такъ чтобы ужъ и не знать больше, что пьешь. И пить, пить, пить—безъ передышки, день и ночь"...

Этотъ отрывокъ до знакомства съ тою, которая становится его женою, и до свадьбы. Послѣ свадьбы онъ въ дневникѣ своемъ въ рѣзкихъ и даже циничныхъ выраженіяхъ отождествляетъ бракъ со спариваніемъ животныхъ. „Женившись я не сдѣлалъ ничего другого, я повиновался тому же безсмысленному побужденію, которое толкаетъ насъ къ самкѣ". Съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась его женою—она стала ему отвратительна. Она заболѣла лихорадкою и онъ почувствовалъ въ ея дыханіи легкій, почти неуловимый, оттѣнокъ запаха разложенія. По этому поводу такая тирада: „О, тѣло—очаровательная и живая куча навоза; гніеніе, движущееся, думающее, говорящее смотрящее и улыбающееся"... и т. д. въ томъ же родѣ... Отчего только цвѣты пахнутъ хорошо, большіе яркіе или блѣдные цвѣты, нюансы которыхъ смущаютъ мои глаза и заставляютъ биться мое сердце?..." Черезъ 6 мѣсяцевъ.

„Я люблю цвѣты, но не какъ цвѣты только, а какъ очаровательныя и матеріальныя существа, я провожу мои дни и ночи въ теплицахъ, гдѣ я скрываю ихъ какъ женщинъ въ гаремѣ"...

Дальше идутъ нѣсколько страницъ не только образнаго, но и чрезвычайно чувственнаго описанія этихъ цвѣтовъ, странныхъ желаній, которыя они въ немъ возбуждаютъ и наслажденій, которыя они ему даютъ. „Иногда, пишетъ онъ, одна изъ нихъ вызываетъ во мнѣ страсть, которая длится столько же, какъ и ея существованіе—нѣсколько дней, нѣсколько вечеровъ. Тогда ее переносятъ изъ общей теплицы въ отдѣльное стеклянное помѣщеніе, гдѣ по ложу изъ тропическаго газона, взятаго на островахъ Тихаго Океана, шепчетъ ручеекъ. А я остаюсь подлѣ нея, весь въ лихорадкѣ, пламенный и измученный, зная, что смерть ея близка, слѣжу за ея увяданіемъ, въ то время, какъ я вдыхаю ее, пью ее,—обладаю ею и срываю ея краткое существованіе въ невыразимой истомѣ". Свою рѣчь адвокатъ заканчиваетъ извиненіемъ передъ судьями въ томъ, что онъ не цитируетъ дальнѣйшихъ признаній этого „постыднаго идеалиста" вслѣдствіе ихъ непристойности.

Нашъ врачебный опытъ даетъ право сказать, что такой патологическій случай, на самомъ дѣлѣ, возможенъ. Я прибавилъ бы къ этому, что, еслибы онъ представился въ дѣйствительности, то онъ былъ бы отнесенъ къ группѣ извращеній полового чувства, къ подгруппѣ „фетишизма", и весьма вѣроятно, что его генезисъ и психологическій механизмъ были бы именно таковы, какъ они изображены у Maupassant'a. Можно думать, что, если ему удалось такъ глубоко проникнуть въ тайники изображаемой имъ несомнѣнно больной души, то потому только, что для этого анализа онъ воспользовался самонаблюденіемъ и исходилъ не изъ тождественныхъ, конечно, но изъ аналогичныхъ собственныхъ ощущеній. Замѣтки дневника автора даютъ намъ право на такое предположеніе, точно также какъ онѣ даютъ намъ право думать, что превосходныя изображенія аффекта страха или ужаса, навѣваемаго одиночествомъ и безсонной ночью были пережиты авторомъ прежде, чѣмъ онъ перенесъ ихъ на бумагу. Онъ нѣсколько разъ возвращается къ этой темѣ и обрабатываетъ ее въ цѣломъ рядѣ разсказовъ: „L'apparition", „Un lâche". „L'auberge", „Lui?" „La peur", „Sur l'eau". Едва ли можно найти другого, равнаго Мопассану мастера въ изображеніи того, какъ въ одиночествѣ чувствуется присутствіе чего-то незримаго, какъ ничтожный звукъ ночью разрастается во что-то неизъяснимо страшное, и какъ, несмотря на всѣ поправки, вносимыя разумомъ, аффектъ ужаса затмѣваетъ сознаніе и наполняетъ всю душу. Ради характеристики сказаннаго заимствую нѣсколько строкъ изъ разсказа „Sur l'eau", который не должно смѣшивать съ дневникомъ того же заглавія. Герой разсказа (несомнѣнно, самъ Maupassant, одно время очень увлекавшійся этимъ спортомъ) проводитъ ночь въ лодкѣ на рѣкѣ. „На рѣкѣ было совсѣмъ тихо, но меня волновало это глубокое молчаніе. Лягушки и

и жабы, эти ночные болотные пѣвцы молчали. Вдругъ направо отъ меня квакнула лягушка. Я вздрогнулъ; она замолчала... Вдругъ въ бортъ лодки что-то стукнуло. Я подскочилъ и холодный потъ выступилъ у меня на лбу; должно быть, просто теченіемъ нанесло на лодку полѣно, но этого было достаточно, и меня снова охватило какое-то странное нервное возбужденіе... Между тѣмъ рѣка понемногу покрывалась бѣлымъ густымъ туманомъ, такъ что я не видѣлъ ни рѣки, ни своихъ ногъ. ни лодки и различалъ только вершины камышей и дальше, гораздо дальше, равнину, бѣлесоватую отъ луннаго свѣта съ большими черными пятнами отъ группъ тополей. Я какъ будто былъ закутанъ до пояса въ вату страннаго бѣлаго цвѣта, и мнѣ приходили въ голову фантастическія мысли. Я воображалъ, что кто-то старается забраться въ лодку, которую я не въ состояніи былъ различить, и что рѣка, скрытая отъ меня густымъ туманомъ, должно быть наполнена странными, плавающими вокругъ меня существами. Мнѣ было очень не по себѣ: мнѣ сжимало виски, сердце билось, такъ что я не могъ перевести духъ, и, теряя разсудокъ, я чуть было не бросился вплавь, чтобы бѣжать, но тотчасъ самая мысль эта заставила меня вздрогнуть отъ ужаса... Я старался успокоить себя. Я опредѣленно рѣшился не бояться больше, но во мнѣ было что-то внѣ моей воли. и это что-то боялось. Я увѣрялъ себя, что опасаться нечего, мое храброе „я“ смѣялось надъ моимъ трусливымъ „я“, и въ этотъ день я съ особенною ясностью понялъ противоположность этихъ двухъ существъ, которыя живутъ въ насъ, изъ которыхъ одно хочетъ, другое противится, и оба по очереди одерживаютъ верхъ. Этотъ нелѣпый и необъяснимый испугъ все разрастался и достигъ степени ужаса. Я былъ неподвиженъ съ открытыми глазами и напряженнымъ слухомъ, въ ожиданіи... чего?—я и самъ не зналъ, но чего-то ужаснаго. Я думаю, что, если бы вздумалось рыбѣ плеснуть около меня, то этого было бы достаточно, чтобы я упалъ въ обморокъ“...

Прежде чѣмъ разстаться съ богатою галлереею психопатологическихъ образовъ, данныхъ Maupassant'омъ и Достоевскимъ *), я позволю себѣ остановить ваше вниманіе еще на одномъ примѣрѣ того, какимъ образомъ большой художественный талантъ можетъ, черпая въ тайникахъ своей души, давать необыкновенно жизненныя и правдивыя изображенія и анализы даже такихъ исключительныхъ патологическихъ душевныхъ состояній, ключъ къ пониманію которыхъ находится въ рукахъ психіатріи.

Существуетъ форма психоза, которая свойственна состояніямъ нервно-психической дегенераціи, и которая характеризуется такимъ разстройствомъ сферъ интеллектуальной и волевой, что при полной ясности сознанія и при сохраненіи логической способности въ умѣ больного возникаетъ какая-нибудь мысль, часто совершенно нелѣпая, и онъ самъ сознаетъ ея нелѣпость, но которая до такой степени властно овладѣваетъ его мышленіемъ, что онъ совершенно не въ силахъ изгнать ее изъ сознанія и рабски подчиняется ей, и это создаетъ больному болѣзненно-странное и мучительное состояніе. Это называется въ наукѣ навязчивыми идеями. Параллельно этому и обыкновенно въ связи съ навязчивыми идеями въ сферѣ хотѣнія появляются не менѣе деспотически навязчивыя влеченія и стремленія, противостоять которымъ больной совершенно невластенъ, несмотря на то, что они ставятъ его иногда въ нелѣпо-комическое, иногда въ глубокотрагическое положеніе. Изъ лѣтописи нашей науки я могъ бы привести ради иллюстраціи того, что сейчасъ сказано о помѣшательствѣ съ навязчивыми идеями и о помѣшательствѣ импульсивномъ множество самыхъ разнообразныхъ примѣровъ отъ необыкновенно странныхъ чудачествъ до страшныхъ преступленій включительно.

Въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго есть одно лицо, которое осталось неяснымъ для кри-

---

*) Въ моихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Ecole internationale de l'Exposition de 1900 я возвращаюсь къ этой темѣ и даю болѣе подробную обработку ея. Этюдъ этотъ подъ заглавіемъ „G. de Maupassant et Dostoïewsky, étude de psychopathologie comparée“ сданъ въ редакцію „Humanité nouvelle“. Н. Б.

тиковъ. Самъ авторъ, словно опасаясь быть непонятымъ, намекаетъ читателю, что его герой страдаетъ душевною болѣзнью, и, дѣйствительно, только призвавши на помощь психіатрію вообще и въ частности ту главу ея, которая трактуетъ о психическихъ клеймахъ вырожденія, можно понять фигуру Ставрогина. И надо отдать справедливость художественной интуиціи Достоевскаго, онъ, вѣроятно, вовсе не будучи знакомъ съ ученіемъ о вырожденіи *), тѣмъ не менѣе разсыпалъ по страницамъ этого романа столько клиническихъ указаній по отношенію къ Ставрогину, что ихъ хватило бы на обстоятельный скорбный листъ.

О болѣзненной наслѣдственности его данныя въ романѣ скудны; во всякомъ случаѣ мать его, Варвара Петровна Ставрогина, женщина со столь большими странностями, что даже неврачебная критика склонна для объясненія ея психологіи обратиться за указаніями къ психіатріи **).

Что касается до самого Ставрогина, то это типичнѣйшій вырождающійся. Романъ застаетъ его въ возрастѣ около 25—27 лѣтъ. Къ этому времени онъ уже успѣлъ „принадлежать къ скотскому сладострастному обществу", такому—„что и маркизъ де-Садъ могъ бы у него поучиться", отличиться проявленіями самой дикой разнузданности (давилъ людей рысаками, звѣрскимъ образомъ оскорбилъ даму, которую раньше любилъ), убить одного и тяжело ранить другого, ни въ чемъ неповинныхъ передъ нимъ людей на дуэли, опуститься до близости съ пропившимися подонками столичнаго населенія и жениться на несчастной, полусумасшедшей, хромой нищей единственно, какъ опредѣляетъ этотъ бракъ Шатовъ, „по страсти къ мучительству... по сладострастію нравственному". Романъ заключается его самоубійствомъ, а на протяженіи его онъ совершаетъ такія дѣянія, которыя кажутся дикими и непонятными читателю не врачу и могутъ быть объяснены только, какъ проявленіе нерѣдкаго у глубокихъ дегенерантовъ душевнаго разстройства съ навязчивыми идеями-влеченіями. Въ клубѣ взялъ и провелъ за носъ одного очень почтеннаго человѣка, укусилъ за ухо губернатора и публично на вечерѣ поцѣловалъ даму, съ которой и знакомъ-то былъ очень мало. Описаніе этихъ сценъ не допускаетъ и мысли о простомъ школьничествѣ или намѣренно дерзкой выходкѣ. Ставрогинъ поступаетъ почти автоматически, какъ бы подъ вліяніемъ идеи, овладѣвшей имъ всецѣло и подавившей въ его мозгу функціи всѣхъ задерживающихъ элементовъ. Вотъ какъ переданъ этотъ эпизодъ у Достоевскаго: „Гагановъ, человѣкъ пожилой и даже заслуженный, взялъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: „Нѣтъ меня не проведутъ за носъ!"... Однажды въ клубѣ, когда онъ по какому-то горячему поводу проговорилъ этотъ афоризмъ, Николай Всеволодовичъ, стоявшій въ сторонѣ одинъ... вдругъ подошелъ къ Петру Павловичу, неожиданно, но крѣпко ухватилъ его за носъ двумя пальцами и успѣлъ протянуть за собою по залѣ два-три шага... Разсказывали потомъ, что онъ въ самое мгновеніе операціи былъ почти задумчивъ, точно какъ бы съума сошелъ... Шумъ поднялся ужаснѣйшій; его окружили, Николай Всеволодовичъ повертывался и посматривалъ кругомъ, не отвѣчая никому и съ любопытствомъ приглядываясь къ восклицающимъ лицамъ. Наконецъ, вдругъ какъ бы задумался, опять нахмурился, твердо подошелъ къ оскорбленному Петру Павловичу и скороговоркой, съ видимой досадой, пробормоталъ: „Вы, конечно, извините... Я право не знаю, какъ вдругъ захотѣлось... глупость"... Значительно позднѣе на вопросъ объ этомъ происшествіи онъ сознается, что „былъ тогда не совсѣмъ здоровъ". Въ романѣ послѣ третьей за короткое время подобной дикой выходки съ нимъ дѣлается взрывъ буйнаго, остраго

*) А онъ несомнѣнно теоретически совершенно не былъ знакомъ ни съ этимъ ученіемъ, ни вообще съ психіатріею. Изо всей психіатрической терминологіи ему извѣстно только наименованіе бѣлой горячки delirium tremens, которое онъ и употребляетъ въ своихъ романахъ (конечно, совершенно неправильно) безразлично для обозначенія всякаго остраго психоза.

**) Никитинъ. „Дѣло". 1873. №№ 3 и 4.

психоза, продолжавшагося около двухъ мѣсяцевъ. Это добавочный эпизодъ. Онъ не обязателенъ для изображенной Достоевскимъ картины болѣзни, но такіе бурные взрывы душевнаго разстройства весьма не рѣдки именно у дегенерантовъ.

Генезисъ и психологическій механизмъ болѣзненнаго состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, столь же превосходно изображены и Мопассаномъ, который неоднократно обрабатывалъ эту тему, въ разсказѣ „Un fou", написанномъ въ формѣ посмертной исповѣди, найденной въ бумагахъ предсѣдателя суда, безупречнаго и неподкупнаго юриста, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ.

Онъ возвращается изъ суда послѣ смертнаго приговора, произнесеннаго надъ убійцею, и начинаетъ размышлять объ убійствѣ. „Есть много людей, для которыхъ уничтоженіе жизни есть наслажденіе; быть можетъ, самое высокое наслажденіе изо всѣхъ существующихъ" и дальше: „убить! какое, должно быть странное, острое, наслажденіе. Видѣть передъ собою существо живое, мыслящее и сдѣлать въ немъ дырочку, только маленькую дырочку, видѣть какъ потечетъ изъ нея кровь, кровь—которая есть жизнь, а потомъ ничего—останется, только груда мягкаго, холоднаго, инертнаго, безсмысленнаго мяса".

Чѣмъ дальше, тѣмъ навязчивѣе идея все болѣе и болѣе овладѣваетъ умомъ и сознаніемъ больного, онъ резонируетъ, придумываетъ объясненія, софистически доказываетъ, что убійство есть въ сущности потребность всего живущаго, и это болѣзненное безумное влеченіе овладѣваетъ имъ, наконецъ, такъ, что онъ болѣе не въ состояніи бороться. Вотъ какъ онъ описываетъ это состояніе: „Искушеніе! искушеніе вползло въ меня, какъ червь. Оно во мнѣ. Оно ходитъ по всему моему тѣлу. Оно у меня въ мозгу. Я не въ состояніи думать ни о чемъ другомъ. Оно у меня въ глазахъ, которымъ необходимо видѣть кровь, видѣть смерть, въ ушахъ, которымъ слышится постоянно что-то невѣдомое, ужасное, вопящее и безумное, какъ послѣдній крикъ погибающаго; въ ногахъ, которыя дрожатъ отъ желанія бѣжать туда, гдѣ это произойдетъ; въ рукахъ, которыя порываются на убійство". Искушеніе осиливаетъ его, и онъ убиваетъ сначала птичку, потомъ ребенка, потомъ взрослаго и съ наслажденіемъ смотритъ, какъ казнятъ за это преступленіе другого, неповиннаго въ немъ. Исповѣдь заканчивается словами: „Его казнили сегодня утромъ. Какое наслажденіе видѣть, какъ отрубаютъ человѣку голову. Кровь брызнула потокомъ, буквально потокомъ. О, если бы это было возможно, какъ бы мнѣ хотѣлось выкупаться въ ней. Какое было бы наслажденіе лечь въ нее, такъ чтобы и лицо и волосы были ею облиты, и встать изъ нея совсѣмъ обогареннымъ. Теперь я подожду, я могу ждать!.."

Въ этомъ изображеніи все до такой степени вѣрно дѣйствительности, что нельзя выкинуть ни одного слова. Необыкновенно правдиво изображеніе возникновенія навязчиваго стремленія и постояннаго разростанія его до той минуты, когда оно охватываетъ все существо больного, также правдиво резонерство, желаніе объяснить какъ-нибудь нелѣпое влеченіе и, наконецъ, когда оно осуществлено, наступаетъ именно то состояніе облегченія и успокоенія, которое указано авторомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ни Достоевскій, ни Maupassant не переживали того патологическаго настроенія, которое описано ими съ такою художественною правдою. И въ этомъ смыслѣ здѣсь нечего искать автобіографическихъ чертъ. Но я привелъ это какъ примѣръ того, какимъ образомъ трактуется этими авторами тонкое и сложное психопатологическое состояніе, даже и наукою сравнительно недавно изученное и классифицированное, съ цѣлью показать, что большой художникъ, пользуясь самонаблюденіемъ, конечно, ибо одно внѣшнее наблюденіе не могло бы дать ему ни такого матеріала, ни такого пониманія его, и исходя изъ анализа собственныхъ душевныхъ движеній—а мы уже знаемъ, что и Достоевскій и Maupassant были оба несомнѣнно больными людьми—можетъ достигнуть такого глубокаго проникновенія въ тайники страдаю-

щей души и такого чуткаго и яркаго пониманія даже крайнихъ и, казалось бы, чудовищныхъ умственныхъ аномалій, которое и самой наукѣ дается только путемъ накопленія массы фактовъ, кропотливаго детальнаго анализа ихъ, постепеннаго и медленнаго восхожденія отъ заблужденія къ истинѣ.

Въ этой нашей бесѣдѣ мы пересмотрѣли три типа отраженія душевной болѣзни автора въ его произведеніяхъ. Это, во-первыхъ, художественный пересказъ, перенесеннаго психическаго разстройства; это, во-вторыхъ, своеобразный отпечатокъ психопатическихъ особенностей писателя на всемъ его творчествѣ и, въ-третьихъ, наконецъ, это созданіе такихъ образовъ и анализъ такихъ психопатологическихъ состояній, которыя могли быть воспроизведены только благодаря сочетанію въ авторѣ большого таланта съ большимъ душевнымъ страданіемъ.

Мы остановимся здѣсь на границахъ того таинственнаго и высшаго интеллектуальнаго процесса, благодаря которому умственное око большого художника видитъ сразу весь лѣсъ, въ то время, какъ ученый часто еще считаетъ деревья на опушкѣ, и имя которому—вдохновеніе.

Д-ръ Н. Баженовъ.

Реставраціонный идеализмъ Гегеля въ изображеніи Гайма.

Среди обычныхъ представленій о Гегелѣ, быть можетъ, самымъ распространеннымъ слѣдуетъ считать то, согласно которому онъ является философомъ реакціи и реставраціи, идеологомъ прусской дѣйствительности двадцатыхъ годовъ. Знаменитая фраза Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго считается, обыкновенно, характернымъ выраженіемъ его „реставраціоннаго идеализма", которому приписывается склонность надѣлять всякій существующій строй свойствами внутренняго превосходства.

Подобный взглядъ на доктрину Гегеля восходитъ еще ко времени первоначальнаго господства его идей. Блестящіе тріумфы Гегельянства на первыхъ же порахъ были омрачены ожесточенными нападеніями противниковъ. Но только четверть вѣка спустя послѣ его смерти появилась книга, которая подробно и основательно формулировала упреки противъ его системы. Это была книга Гайма: „Гегель и его время" *). По словамъ Циглера, произведеніе это было для своей эпохи „eine Streitschrift und eine That"; это былъ протестъ свободной мысли противъ цѣпей, которыя думали сковать изъ Гегелевой философіи для умственной и общественной жизни Германіи. Но никто не рѣшится сказать, что это былъ легковѣсный памфлетъ, не имѣющій научной цѣны. Сорокъ лѣтъ прошло со времени появленія книги Гайма, а она все еще сохраняетъ свое значеніе, и ея выводы попрежнему повторяются тѣми, кто видитъ въ Гегельянствѣ доктрину реставраціи. Для всѣхъ, кто интересуется судьбами нѣмецкаго идеализма, приходится считаться съ этимъ сочиненіемъ; и теперь, когда все чаще и чаще подчеркиваютъ у Гегеля другія стороны, особенно съ цѣлью объяснить его связь съ Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ,—представляется своевременнымъ вспомнить старую книгу Гайма. Ошибки его, какъ мнѣ кажется, объясняются не однимъ боевымъ характеромъ его сочиненія, но также и его методой,—тѣми пріемами, которыми онъ пользуется, тѣми задачами, которыя онъ себѣ ставитъ. Съ этой стороны намъ и интересно взглянуть на его изслѣдованіе.

Пріемы Гайма были подсказаны его темой: „Гегель и его время". Задача состояла въ томъ, чтобы привести Гегеля въ связь съ его эпохой и дать его философіи историческое освѣщеніе**). Нельзя не замѣтить, что въ отношеніи къ Гегелю эта историческая задача была особенно соблазнительна. Великій мыслитель не разъ давалъ своему времени санкцію своего философскаго одобренія; а его время отвѣчало ему безграничнымъ поклоненіемъ и офиціальнымъ признаніемъ. Прусское министерство употребило всѣ старанія, чтобы привлечь Гегеля въ Берлинъ; а по смерти философа, у его могилы ученики оплакивали въ немъ „своего помощника, спасителя и освободителя", принесшаго съ

*) Haym, Hegel und seine Zeit. Vorlesungen über Entstehung und Entwickelung, Wesen und Werth der Hegel'schen Philosophie. Berlin. 1857.

**) См. ясную постановку этой задачи у Гайма на стр. 9—10.

собою „свободу, радость и миръ“ *). Рѣдко случалось философу овладѣть до такой степени умами своихъ современниковъ. Еще рѣже философіи удавалось въ такой мѣрѣ сдѣлаться офиціальнымъ руководствомъ и штемпелемъ благомыслія. Не достаточно ли этихъ данныхъ, чтобы назвать Гегеля философомъ своего времени по преимуществу? Однако, у насъ есть и другія данныя, не разрывающія связи Гегеля съ его средой, но сообщающія этой связи иной характеръ. Ни прусскій оттѣнокъ его системы, ни восторги „правыхъ“ его учениковъ не могутъ скрыть отъ насъ, что у него были и другіе послѣдователи; что либеральный Гансъ называлъ его „Философію права“ вылитой изъ единаго металла свободы; что лѣвые гегельянцы сдѣлали изъ его діалектики догматъ своей революціонной вѣры. Когда же мы обращаемся къ тщательному анализу системы, къ ея философскому изученію, мы видимъ, что она столько же принадлежитъ къ „своему времени“, какъ и выходитъ изъ него; что по обилію исходныхъ точекъ зрѣнія, по богатству контуровъ и разнообразію архитектуры, она никакъ не можетъ быть привязана къ какому-либо единичному теченію своей эпохи, и что офиціальнымъ ея представителямъ, съ точки зрѣнія глубочайшихъ ея основъ, можно было бы сказать то, что было сказано по другому болѣе крупному поводу: „не знаете, какого вы духа“.—Если бы вопросъ шелъ о томъ, чтобы показать у Гегеля отраженіе извѣстнаго общественнаго настроенія, не сводя къ этому всей его системы, съ этимъ нечего было бы и спорить. Другое дѣло, когда, несмотря на всю глубину его философскаго идеализма, въ немъ непремѣнно хотятъ видѣть опредѣленную практическую цѣль, когда во всѣхъ самыхъ отвлеченныхъ построеніяхъ системы стремятся прочесть затаенную мысль реакціи. Въ этомъ случаѣ обнаруживается тотъ избытокъ ученой проницательности, который часто уводитъ изслѣдователя далѣе поставленной цѣли. Гайму несомнѣнно присуще это свойство, которое однимъ французскимъ моралистомъ было обозначено, какъ le plus grand défaut de la pénétration.

Съ первыхъ же шаговъ мы находимъ у него увѣренность въ легкой осуществимости своей задачи. „Гегелевская система“, замѣчаетъ онъ, близка къ намъ по времени и вообще принадлежитъ къ ясной исторической эпохѣ; а главное, какъ мы послѣ въ этомъ убѣдимся, это не столько великое и безсознательное творчество эпохи, не столько полетъ или изобрѣтеніе генія, сколько продуктъ таланта,—нѣчто созданное намѣренно и при помощи рефлексіи. Анализъ здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ легче...“ **)—Вотъ уже и сдѣлано допущеніе, которое обѣщаетъ впереди, можетъ быть, слишкомъ ясныя перспективы. Намъ готовятся распутать, съ ясностью простого рѣшенія, сложнѣйшіе узлы философской спекуляціи и прослѣдить шагъ за шагомъ ходъ развитія ихъ творца***). Осуществлена ли въ книгѣ эта задача? Удалось ли Гайму вполнѣ то, что онъ называетъ „Verzeitlichung und Verdiesseitigung“ Гегелевой системы? Зная условія изслѣдованія идей и тѣ границы, въ которыя неизбѣжно поставленъ здѣсь историкъ, мы бы напередъ отнеслись къ этому скептически. Но познакомимся на отдѣльныхъ примѣрахъ съ результатами историческаго анализа Гайма. Для этого достаточно будетъ коснуться лишь нѣкоторыхъ основныхъ и характерныхъ пунктовъ книги, не входя въ разборъ ея частныхъ выводовъ.

Первые шаги Гайма уже возбуждаютъ наши первыя сомнѣнія. Авторъ съ большой подробностью разъясняетъ значеніе швабскаго происхожденія Гегеля, чтобы показать его слѣды не только въ стилѣ, но и во всемъ духовномъ складѣ философа****). Das schwäbische Naturell изображается такъ опредѣленно и ясно, какъ будто бы рѣчь шла о характеристикѣ какого-либо конкретнаго предмета или событія. Свободно льющаяся

*) Слова изъ надгробной рѣчи Фёрстера. См. Rosenkranz, Hegel's Leben, Urkunden. SS. 565—566. Berlin 1844. Объ условіяхъ приглашенія Гегеля въ Берлинъ см. ibid. S. 318.

**) Ibid. S. 9.

***) Ibid. S. 10.

****) S. 16 ff.

рѣчь автора какъ бы увлекаетъ и подталкиваетъ его впередъ; мысли и фразы легко слѣдуютъ другъ за другомъ, и въ результатѣ получается очень ясная картина тамъ, гдѣ вопросъ идетъ объ отношеніяхъ и свойствахъ, едва поддающихся научному анализу. Указанная особенность Гайма не разъ встрѣтитъ насъ на протяженіи его книги, и съ этой стороны его изложеніе любопытно сравнить съ недавно появившейся біографіей Гегеля, написанной Куно Фишеромъ *): строго документальная и не вдающаяся въ тайны духовной жизни философа, если онѣ не удостовѣрены надежными свидѣтельствами, она проигрываетъ въ подробностяхъ психологическаго анализа, но за то выигрываетъ въ научной объективности.

Что касается общаго плана, которому слѣдуетъ Гаймъ въ характеристикѣ Гегеля, то его можно передать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Различая первоначальную и позднѣйшую стадіи въ развитіи философа, Гаймъ считаетъ глубочайшимъ мотивомъ первой поры его философствованія—„благоговѣйное преклоненіе" предъ идеалами древняго міра **). Подобно Гёте и Шиллеру, Гегель дѣлаетъ опытъ возрожденія классической древности. Условія времени заставляли его искать опоръ для своей мысли въ отдаленномъ прошломъ, которое онъ, при помощи философской абстракціи, возводитъ въ абсолютный идеалъ, получающій для него значеніе высшей и подлинной дѣйствительности ***). Подъ вліяніемъ Шеллинга, Гегель еще болѣе углубляетъ этотъ идеалъ въ смыслѣ приближенія его къ мыслимой гармоніи абсолютнаго ****). Таковъ общій обликъ Гегелевскаго идеализма въ его первоначальномъ выраженіи—„in der ersten Frische seiner Conception".—Послѣдовавшія затѣмъ историческія событія, и прежде всего тяжкія бѣдствія, испытанныя Германіей въ эпоху Наполеона, шли въ разрѣзъ съ оптимистическимъ идеализмомъ Гегелевой философіи; но вмѣсто того, чтобы пробудить въ философѣ сомнѣнія относительно силы его идеаловъ, эти событія обнаружили особое свойство его идеализма—легко мириться со всякой дѣйствительностью. Его испортило, до измѣны отечественнымъ интересамъ, обыкновеніе разсматривать воображаемое и метафически-построенное наравнѣ съ дѣйствительнымъ: мыслимую и желательную будущность онъ считалъ какъ бы уже осуществленною. Послѣдствіемъ этой метафизической иллюзіи было спокойствіе, съ которымъ онъ относился къ бѣдствіямъ родины, „принося въ жертву обманчивому образу Наполеоновскаго величія... вѣру въ свой народъ" *****). Той же „спиритуалистической гибкостью" его идеализма объясняются и дальнѣйшіе компромиссы Гегеля съ дѣйствительностью, увѣнчавшіеся квіетизмомъ его „Философіи права" ***). Абсолютный идеализмъ переходитъ здѣсь въ реставраціонный; въ безусловный идеалъ возводится прусское государство. Философія Гегеля сдѣлалась истиннымъ выраженіемъ своего времени, которое едва ли было каррикатурой ея идеаловъ *******).

Такова общая схема. Мы всего лучше оцѣнимъ ея значеніе, ознакомившись съ нѣкоторыми подробностями ея обоснованія. Выводы Гайма становятся тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе онъ соблазняется перспективой объясненія свойствъ Гегелевскаго идеализма при помощи конкретныхъ нуждъ времени и психологическихъ побужденій философа. Глубокій и тонкій анализъ первой части книги уступаетъ мѣсто легковѣснымъ сближеніямъ. Доктрина урѣзывается, въ уровень съ предполагаемыми мотивами ея происхожденія Истинный смыслъ ея затемняется. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Разъясняя легкую приспособляемость Гегелевскаго идеализма къ условіямъ времени.

---

*) Kuno Fischer, Hegel's Leben, Werke und Lehre.—Heidelberg 1898.
**) Haym, Hegel und seine Zeit. SS. 146—147.
***) Ibid. SS. 160—162.
****) Ibid. SS. 170—171.
*****) Ibid. SS. 260, 273 и 274. Ср. S. 92.
******) Ibid. SS. 334, 363—364.
*******) Ibid. SS. 385—386, S. 231.

Гаймъ прежде всего останавливается на отношеніи его къ Наполеону и французамъ. Рядъ обвиненій въ беззастѣнчивой холодности къ родинѣ, въ измѣнѣ и испорченности *) подчеркиваетъ всю глубину Гегелевскаго индифферентизма, вытекающаго изъ особенностей его философіи. Къ сожалѣнію Гаймъ цитируетъ только одну строчку изъ письма Гегеля къ Цельману, которое объясняетъ настоящее значеніе этого индифферентизма и которое мы можемъ противопоставить объясненію Гайма. Вотъ что пишетъ въ 1807 году философъ своему бывшему слушателю, утѣшая его среди бѣдствій времени: „наука есть единственная теодицея; она одна можетъ помочь намъ относиться къ событіямъ безъ тупого удивленія животнаго и безъ той близорукости, которая приписываетъ ихъ временнымъ случайностямъ или талантамъ личности и полагаетъ, что судьба государства зависитъ отъ того, занятъ ли солдатами тотъ или другой холмъ или нѣтъ. Наука не допуститъ насъ также до сокрушенія ходомъ событій, какъ бы при видѣ торжества неправды и гибели справедливости... Французскій народъ купелью своей революціи былъ освобожденъ отъ множества учрежденій, которыя человѣческій духъ оставилъ за собою, какъ свою дѣтскую обувь, которыя отягощали его и еще отягощаютъ другихъ, какъ безжизненныя цѣпи. Болѣе того, личности въ этомъ народѣ подъ ударами революціи отбросили страхъ смерти и жизнь по традиціямъ и обычаямъ, которые утратили свой смыслъ при перемѣнѣ декораціи. Вотъ что даетъ французамъ преобладающую силу, которую они выказываютъ противъ другихъ націй. Вотъ что даетъ имъ превосходство надъ туманнымъ и неразвитымъ духомъ германцевъ, которые, однако же, будутъ вынуждены отбросить свою косность по отношенію къ дѣйствительности, обратятся къ ней и, сохраняя во внѣшнихъ обстоятельствахъ свою внутреннюю силу, можетъ быть, превзойдутъ своихъ учителей... Было бы интересно видѣть, если бы рѣчь зашла о религіи, и въ концѣ концовъ это можетъ случиться. Отечество, государи, внутреннее устройство и т. п., повидимому, не представляютъ тѣхъ рычаговъ, при помощи которыхъ можно поднять нѣмецкій народъ; но это вопросъ, что бы вышло, если бы была затронута религія“... **). Прочтя эти слова, мы невольно спрашиваемъ, какимъ же образомъ можно было говорить о невѣріи Гегеля въ свой народъ. Гаймъ значительно смягчаетъ свои упреки, когда онъ поясняетъ: „Гегель насмѣхался надъ нѣмцами, какъ Платонъ надъ аѳинянами. Онъ поклонялся Наполеону, какъ Аристотель—Александру Македонскому. Онъ раздѣлялъ судьбу и заблужденіе нѣкоторыхъ изъ лучшихъ людей своего времени. На той же точкѣ зрѣнія, что и Гегель, стоялъ также Гёте“ ***). Это сопоставленіе съ Платономъ, Аристотелемъ и Гёте гораздо лучше поясняетъ сущность дѣла, чѣмъ слова: „Corruption“, „Verrath“ и т. п., которыя являются очевиднымъ результатомъ той особенности автора, на которую мы указали выше: это свободный размахъ слишкомъ бойкаго пера. Что же касается дѣйствительной мысли, которая подъ ними скрывается и которая состоитъ въ утвержденіи гибкости Гегелевскаго идеализма, то она далеко еще не доказывается преклоненіемъ Гегеля предъ Наполеономъ.

Гаймъ думаетъ, впрочемъ, что эта гибкость обнаруживается съ полной силою лишь со времени Гейдельбергской профессуры. Если и до того Гегель умѣлъ идеализировать плохую дѣйствительность, что мудренаго, если онъ столь же легко помирился съ нѣсколько лучшимъ порядкомъ вещей. Но съ этихъ поръ онъ проявляетъ печальную склонность писать „въ подтвержденіе своей пригодности“ ****) и говорить тѣмъ языкомъ сервилизма, который въ концѣ концовъ привелъ его въ ряды апологетовъ прусской дѣйствительности. Гаймъ въ особенности отмѣчаетъ зачатки этого настроенія въ статьѣ

*) Ibid. SS, 258. 270.

**) Письмо Гегеля къ Цельману помѣчено 23 января 1807, писано изъ Іены.

***) Haym, S. 259.

****) Haym, S. 334, S. 350. Интересно отмѣтить, что утверждая это по поводу статьи Гегеля о Вюртембергскомъ конфликтѣ, Гаймъ ссылается на анонимный и устный источникъ.

Гегеля о Вюртембергскомъ сословномъ представительствѣ. Намъ тѣмъ болѣе странно слышать это, что Гаймъ находитъ возможнымъ отмѣтить въ этой статьѣ цѣлый рядъ пунктовъ, которымъ онъ вполнѣ сочувствуетъ *). Для Гегеля вопросъ шелъ о томъ, чтобы возстать противъ „добраго стараго права", т. е. остатковъ средневѣковаго феодализма, чтобы защитить идею новаго государственнаго устройства противъ сословныхъ привилегій и монополій. За двадцать лѣтъ до этого, самъ вюртембержецъ по происхожденію, онъ уже ратовалъ противъ старыхъ неравенствъ. „Кто находится въ обладаніи особыми правами, пусть стремится къ равновѣсію съ другими", говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ очерковъ, посвященномъ критикѣ вюртембергскаго устройства **). То же требованіе онъ высказываетъ и теперь. На его взглядъ вюртембергскій конфликтъ между королемъ и сословіями представляетъ собою ту же борьбу раціональнаго права съ положительнымъ, которая въ другихъ формахъ проявилась во время французской революціи. „Если тамъ раціональныхъ правъ требовало большинство французскихъ государственныхъ чиновъ и партія, стоявшая за народъ, а правительство было за привилегіи; то въ Вюртембергѣ на сторону раціональнаго права сталъ король, сословія же защищаютъ положительное право; они лишь прикрываются именемъ народа, между тѣмъ какъ ихъ привилегіи еще болѣе противорѣчатъ интересамъ народа, чѣмъ короля" ***). Въ своихъ нападкахъ противъ вюртембергскихъ сословій Гегель, можетъ быть, не чуждъ извѣстной партійности; однако, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Кэрдъ, „въ его полемикѣ" нѣтъ ни лукавства, ни личнаго ожесточенія; но она безпощадна, чужда симпатіи и выражается въ вѣскихъ словахъ ироніи и негодованія, которыя чувствовались, какъ удары, иногда возбуждая сильную оппозицію и гнѣвъ противъ него. „Мы часто припоминаемъ его собственное признаніе женѣ, что нападая на принципы, кажущіеся ему ложными, онъ забывалъ считаться „съ тѣмъ способомъ и образомъ, въ которомъ они представляются извѣстными лицами" ****).—Не слѣдуетъ также забывать, что Гегель высказался противъ вюртембергскихъ сословій по примѣру и, можетъ быть, по приглашенію ученика Шеллинга Вангенгейма, который былъ призванъ въ Вюртембергъ въ качествѣ посредника въ конфликтѣ. Отвлеченный и сухой теоретикъ, еще менѣе пригодный, какъ практикъ, Вангенгеймъ во всякомъ случаѣ былъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями. Къ идеямъ новаго времени онъ относился съ полнымъ сочувствіемъ; онъ мечталъ дать примѣръ политическаго обновленія для цѣлой Германіи. Все это надо имѣть въ виду, обсуждая условія, при которыхъ Гегель сталъ на сторону вюртембергскаго правительства.

Вообще можно было бы собрать цѣлый рядъ данныхъ, представляющихъ въ совершенно иномъ свѣтѣ то, что Гаймъ называетъ „спиритуалистической гибкостью" Гегелевой философіи. Дѣйствительный характеръ этой философіи можетъ быть выясненъ только въ связи съ болѣе подробнымъ изложеніемъ ея началъ; здѣсь же мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями о „реакціонномъ" настроеніи Гегеля. Мы не будемъ защищать философа противъ упрековъ въ нѣкоторой безтактности, въ особенности проявившейся при столкновеніи съ Фрисомъ *****) и навлекшей на него справедливыя нареканія. Своимъ образомъ дѣйствій онъ порождалъ иногда подозрѣнія и относительно смысла своей системы, которую еще при его жизни обвиняли въ преклоненіи предъ всѣмъ существующимъ. Но при анализѣ его взглядовъ мы не можемъ отправляться отъ

*) Ibid. SS. 350—352.

**) Этотъ очеркъ перепечатанъ Моллатомъ въ его изданіи Hegel's Kritik der deutschen Verfassung. Cassel 1893. См. Beilagen, S. 138 ff.

***) См. Hegel's Werke Bd. XVI. S. 266. Berlin 1834. Статья о вертюмбергскихъ дѣлахъ есть первое напечатанное Гегелемъ произведеніе политическаго характера.

****) См. Кэрдъ, стр. 99 (русск. перев.).

*****) См. Rosenkranz, Hegel's, Leben, Berlin, 1844. S. 335 ff.

этихъ подозрѣній. Отрицать въ его доктринѣ элементы реставраціонной эпохи, конечно, невозможно; но надо выяснить, въ какомъ видѣ они въ ней проявлялись; и когда вопросъ ставится на эту почву, историческая характеристика системы должна восполниться ея философскимъ анализомъ.

Вмѣсто подробныхъ разъясненій, приведу лишь краткія выдержки изъ переписки Гегеля съ Нитгаммеромъ, чрезвычайно характерныя для его отношенія къ реставраціи. Письма, которыя я имѣю въ виду, относятся къ 1816 году, когда реакція уже вступила въ свои права. Нитгаммеръ, находившійся на службѣ въ Баварскомъ королевствѣ, испыталъ на себѣ ея удары, сломленный въ своей защитѣ протестантовъ католическимъ большинствомъ *). Онъ жаловался Гегелю на печальныя условія времени, на то, что ставятся препятствія стремленіямъ къ свободѣ, и дѣлаются попытки „задержать бурный потокъ при посредствѣ плотинъ“ **). Гегель отвѣчаетъ ему съ своей обычной вѣрой въ будущее и въ неотразимую силу „всемірнаго духа“. „Я стою за то“, пишетъ онъ, „что всемірный духъ далъ времени приказъ двигаться впередъ; вотъ какому приказу повинуются. Шествіе совершается одѣтой въ броню и замкнутой фалангой, неотразимо и незамѣтно, подобно движенію солнца,—впередъ, не разбирая пути. Безчисленныя легкія группы, за и противъ, идутъ съ фланговъ. Многіе даже и не знаютъ, въ чемъ дѣло и получаютъ только удары по головѣ, какъ бы отъ невидимой руки. Никакое ретроградное фанфаронство, никакое размахиванье по воздуху съ цѣлью морочить людей здѣсь не поможетъ ***)... Я ожидалъ реакціи, о которой теперь такъ много говорятъ; она должна вступить въ свои права; la verité en la repoussant, on l'embrasse, какъ гласитъ глубокомысленное мотто Якоби“... ****)—Нужно ли прибавлять къ этому какіе-либо комментаріи? Приведя это мѣсто, Куно Фишеръ замѣчаетъ: „чисто гегелевскія слова, запечатлѣнныя неподражаемымъ стилемъ этого философа! Всемірный духъ не знаетъ спѣха! Всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы!... То, что Гегель сказалъ въ началѣ нашего вѣка, послѣ Фонтенбло и Ватерлоо, теперь въ концѣ этого столѣтія, есть для всѣхъ понятное слово. Онъ сказалъ: массы движутся впередъ“ *****).

Когда мы припоминаемъ эти и другія, подобныя же заявленія Гегеля, мы склонны иначе рисовать себѣ сущность его „реставраціоннаго“ настроенія. Не трудно было бы показать, что въ основныхъ чертахъ всѣ элементы этого настроенія уже встрѣчаются и въ раннихъ произведеніяхъ Гегеля, и что въ виду этого пришлось бы значительно измѣнить схему Гайма о двухъ стадіяхъ Гегелевскаго идеализма ***). Съ другой стороны, сколько бы ни подчеркивались эти элементы въ позднѣйшій періодъ дѣятельности философа, отъ нихъ еще цѣлая пропасть до того квіетизма, въ которомъ упрекаетъ его аймъ. Въ своемъ стремленіи представить „Философію права“, какъ отраженіе времени, онъ слишкомъ спѣшно набрасываетъ на нее реакціонные покровы, подъ которыми скрывается ея дѣйствительный обликъ. Вотъ почему его изложеніе оставляетъ для насъ совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ отъ Гегеля отправлялись не только крайніе реакціонеры, но и лѣвые его ученики съ революціоннымъ оттѣнкомъ. Остается неяснымъ тотъ несомнѣнный фактъ, что сущность философіи Гегеля лежитъ выше крайностей революціи и реакціи *******), представляя возможность для выведенія изъ нея, какъ того,

---

*) Подробности см. Briefe an und von Hegel, I T. S. 396 ff., а также у Kuno Fischer, S. 94.

**) Ibid. S. 400.

***) У Гегеля непереводимая игра словъ: „Alles verweilerische Geflunkere und Weisemacherische Luftstreicherey hilft nichts dagegen“. Онъ воспользовался именами баварскихъ противниковъ Нитгаммера Weiler и Wismair, чтобы укорить ихъ въ реторградствѣ и въ стремленіи морочить людей (verweilerisch и weisemacherisch).—Я пользуюсь здѣсь переводомъ, любезно предложеннымъ мнѣ проф. В. И. Герье.

****) Ibid S. 401—402. (Письмо отъ 5 іюля 1816 г. Ср. письмо отъ 11 апр. 1814 г. S. 371).

*****) Kuno Fischer, S. 98.

******) См. выше стр. 32.

*******) См. Предисловіе кн. С. Н. Трубецкого къ русскому переводу Кэрда, стр. XXXVII и изложеніе самого Кэрда, стр. 102.

такъ и другого.—До какихъ удивительныхъ извращеній доходитъ Гаймъ при толкованіи простыхъ и сто разъ объясненныхъ мыслей Гегеля можно видѣть изъ того, какъ онъ понимаетъ извѣстную формулу предисловія къ „Философіи права“ о разумности дѣйствительнаго. „На ряду съ этимъ знаменитымъ изреченіемъ“, замѣчаетъ Гаймъ: „все, что когда-либо говорили Гоббсъ и Фильмеръ, Галлеръ и Шталь, кажется свободомысленнымъ словомъ. Ученіе о власти милостью Божіей и теорія безусловнаго повиновенія невинны и безопасны, сравнительно съ этой страшной доктриной, которая провозглашаетъ святымъ все существующее, какъ таковое“ *). Не только разъясненія Гегеля, но и весь строй его философіи показываютъ намъ, что эта доктрина вовсе не заключаетъ въ себѣ того страшнаго смысла, который вкладываетъ въ нее Гаймъ. Дѣло въ томъ, что Гегель говорилъ о разумности дѣйствительнаго, а подъ дѣйствительнымъ онъ понималъ не все существующее. Но Гаймъ въ томъ же духѣ даетъ и дальнѣйшія свои толкованія. Такъ, напримѣръ, объясняя другую формулу Гегеля, согласно съ которой философія есть постиженіе дѣйствительнаго, онъ замѣчаетъ: „Практическая и политическая дѣйствительность Пруссіи 1821 г.—вотъ что стремится понять этика Гегеля, подобно тому какъ натуръ-философія Бэкона обращается къ пониманію чувственнаго міра“ **). Невѣрность этого утвержденія была отмѣчена много разъ. Какъ говорили еще Гансъ и Розенкранцъ, Гегель не могъ копировать свой идеалъ съ Пруссіи по той простой причинѣ, что многія изъ его требованій были еще не осуществлены въ Прусскомъ государствѣ того времени. Необходимость конституціонныхъ ограниченій и народнаго представительства, равенство всѣхъ передъ закономъ и гласность правосудія, судъ присяжныхъ, свобода общественнаго мнѣнія, все это для Пруссіи 1821 года являлось лишь отдаленной цѣлью стремленій ***). А между тѣмъ всѣ эти начала служатъ основами Гегелевскаго политическаго идеала. Утвержденіе Гайма о тождествѣ этого идеала съ прусской дѣйствительностью тѣмъ болѣе странно, что нѣсколькими страницами ниже онъ замѣчаетъ: „какъ разъ въ „Философіи права“ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта торжество античнаго принципа надъ новымъ, римско-греческаго надъ германскимъ“ ****). Правда, еще ниже говорится, что „прекрасная статуя античнаго государства получаетъ конституціонную и еще болѣе чернобѣлую окраску *****). Но во всякомъ случаѣ образъ оказывается гораздо болѣе сложнымъ и однако, все же неполнымъ. Онъ былъ бы полнѣе, замѣтилъ недавно Циглеръ, если бы къ злымъ словамъ Гайма прибавить, что Гегель надѣлъ на эту статую красную якобинскую шапку ******). Гаймъ, конечно, не согласился бы съ этимъ добавленіемъ, которое разрушаетъ его схему; но заключая свою характеристику, онъ находитъ возможнымъ сказать, что въ „Философіи права“ есть и цѣнная, остающаяся заслуга: кое-что изъ германскаго политическаго созерцанія къ ней перешло. Гегель отстоялъ идею органическаго строенія государства противъ неподвижнаго абсолютизма античнаго, въ особенности римскаго строя, и противъ атомизма и механизма французскаго ******). Гаймъ подходитъ здѣсь къ признанію той важной заслуги Гегеля, которую можно назвать его великимъ открытіемъ: первый изъ нѣмецкихъ публицистовъ онъ замѣтилъ, что между личностью и государствомъ существуетъ сфера частныхъ и

---

*) Haym, SS. 367—368. Ср. Объясненіе этой формулы у Градовскаго, который менѣе всего былъ склоненъ идеализировать или реабилитировать Гегеля. (Собраніе сочиненій Градовскаго. Т. III. Стр. 282—283).

**) Haym S. 366, а также S. 386.

***) См. Rosenkranz, Apologie. S. 38, Gans въ написанномъ имъ предисловіи къ Hegel's Phil. des Rechts, S. XI. Ср. также Treitschke, Deutsche Geschichte III Th., S. 721 (III Auf., Leipzig. 1889).

****) Haym, S. 377.

*****) Ibid. S 379. Schwarz-weiss, черный и бѣлый—національные цвѣта Пруссіи

******) Ziegler, Die geistigen und soc. Strömungen Berlin 1899. C. 146.

*******) Haym, SS. 389—390.

хозяйственныхъ интересовъ, которую онъ обозначилъ именемъ гражданскаго общества. Произведя серьезный анализъ „Философіи права", Гаймъ могъ бы найти въ ней и другія заслуги; но это не входило въ его задачу—онъ искалъ лишь въ ней отраженій времени.

На этомъ мы можемъ закончить свой разборъ. Насъ вовсе не занимаетъ вопросъ о нравстенной реабилитаціи Гегеля. Все, что для этого нужно, давно уже сдѣлано въ „Апологіи Гегеля", написанной его преданнымъ ученикомъ Розенкранцемъ. Всѣ разсмотрѣнныя выше данныя интересуютъ насъ постольку, поскольку они служатъ къ характеристикѣ Гегелевскаго идеализма. Ибо опираясь на рядъ такихъ данныхъ, Гаймъ приходитъ къ своему утвержденію, что этотъ идеализмъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ фатализмомъ и квіетизмомъ: недостаточный для того, чтобы дать силу идеальнымъ стремленіямъ, онъ былъ вполнѣ пригоденъ, когда надо было мириться съ плохой дѣйствительностью; обращаясь какъ будто бы къ небу, онъ находилъ для себя настоящія опоры на землѣ. Гаймъ протестуетъ противъ этой доктрины, какъ противъ апологіи всего существующаго, прикрывающей его грѣхи иллюзіями мечтательнаго оптимизма. Если все это такъ, то, нѣтъ сомнѣнія, здѣсь вполнѣ умѣстно негодованіе публициста; но это еще вопросъ, насколько подобное пониманіе согласуется еъ дѣйствительнымъ смысломъ Гегелевской системы. Въ наше время склонны иначе толковать сущность Гегельянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ приписывать ему „благотворное нравственное вліяніе на подчинявшееся ему сознаніе." Въ той связи идеаловъ съ дѣйствительностью, которую Гегель старался установить, находятъ важное требованіе, „чтобы идея оправдывала свою истинность осуществленіемъ въ дѣйствительности и... чтобы дѣйствительность была осмысленною, т. е. проникнутою идеальнымъ содержаніемъ" *).—Соотвѣтетвенно съ этимъ и всѣ подробности системы представляются въ иномъ видѣ.

Какъ мы замѣтили выше, ложные выводы Гайма слѣдуетъ отчасти приписать боевому характеру его книги; но здѣсь имѣла также значеніе и его историческая метода—это усиленное исканіе отраженій времени въ философской доктринѣ, безъ сознанія должныхъ границъ при выполненіи этой задачи. При такихъ условіяхъ, историческое освѣщеніе дало лишь густую тѣнь, и дѣйствительный обликъ доктрины сталъ неяснымъ.

П. Новгородцевъ.

*) Слова Вл. Соловьева въ его статьѣ о Гегелѣ, въ приложеніи къ русскому переводу Кэрда, стр. 300. Отрицательное отношеніе къ выводамъ Гайма превращается теперь, повидимому, въ communis opinio doctorum. Укажу на такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Ed. Zeller, Gesch. der deutsch. Phil. München 1875, II Aufl., SS. 664—665 (очень характерный отзывъ о Гаймѣ); Windelband, Gesch. der neuer. Phil., II Bd. Leipzig 1880, S. 323; Ziegler, Die geistig. und social. Strömungen, Berlin 1899, SS. 146—148. Изъ англійскихъ писателей сошлюсь на Кэрда, Гегель (русск. переводъ, стр. 102—107); Wallace Hegel's Philosophy of mind. Oford 1894, CLXXVIII—IX; Bosanquet, The philosophical Theory of the state. London 1899; p. 247—252.

Невинные.

Безъ сомнѣнія, началъ Гершонъ, отвѣчая на мысль, высказанную кѣмъ то изъ насъ, жизнь такъ сложна и мучительна, что рѣдко кто-нибудь въ состояніи противопоставить ей нѣчто сильное, могучее, исходящее изъ глубины потрясеннаго духа. Точно стальной, закаленный молотъ, повинующійся размаху руки кузнеца, мѣрно и неослабно жизнь падаетъ на человѣческую волю и раздробляя дѣлаетъ ее мягкой и покорной. Но бываютъ случаи, когда сдавленная чрезмѣрно, она доходитъ до предѣла своей сжимаемости, и тогда истинное величіе человѣческой души выростаетъ вмигъ. Нѣтъ больше стоновъ, нѣтъ слезъ. Истерзанный, измученный—но поднялся человѣкъ. И въ такую минуту, точно пелена спадаетъ съ глазъ и еще больше дивишься премудрости Творца, слившаго въ человѣкѣ во-едино и малое и великое, которое никакими силами отдѣлить нельзя, но которое существуетъ и въ нужный моментъ вспыхиваетъ, какъ вспыхиваетъ искра при ударѣ желѣза о желѣзо.

Онъ обвелъ насъ всѣхъ своимъ проницательнымъ взглядомъ и началъ свой разсказъ.

Никто изъ васъ, конечно, не зналъ той широкой и заброшенной стороны, которая нѣкогда называлась Еврейскимъ рядомъ, и гдѣ теперь раскинулась длинная и, какъ думаютъ, красивая улица съ большими высокими и новыми домами и рядами акацій по обѣимъ сторонамъ тротуара. Но какъ теперь утверждаютъ, что улица красива, что высокіе и широкіе дома прекрасны и люди въ нихъ превосходные, такъ и я съ своей стороны утверждаю, что еврейскій рядъ былъ для меня красивѣйшей и пріятнѣйшей улицей въ мірѣ, что запахъ, который въ ней носился отъ одного конца до другого, казался мнѣ такимъ же ароматнымъ, какъ запахъ благоухающаго сада, и что всѣ эти бѣдняки торговцы, ремесленники и вообще мученики евреи были для меня такъ же дороги, какъ будто они были самыми умными, красивыми и хорошо одѣтыми людьми.

Улица была широкая, какъ поле и по ней всегда бродили мущины и женщины, мальчики, дѣвочки, собаки, куры, гуси, утки, и все это шумѣло братски, любовно, ибо въ простотѣ своей не видѣло разницы между живыми существами. Курицъ и гусей рѣзали, собакъ душили, людей сгоняли въ кучу и другимъ путемъ не давали жить, но въ сущности это было все равно, ибо все живущее подвергается и должно подвергаться гоненію, должно кричать, обливаться кровью, мучиться, а послѣ всего отправляться кто въ рай, кто въ адъ, и все это въ порядкѣ вещей, противъ котораго ни у самаго умнаго, ни у самаго глупаго не найдется слова.

Къ этому шуму, который былъ такъ же естественъ, какъ шумъ отъ вѣтра или дождя, съ самаго ранняго утра присоединялся шумъ отъ хедеровъ, гдѣ десятками наши маленькіе евреи и большіе мученики изучали законъ съ такимъ усердіемъ и крикомъ точно это должно было спасти ихъ отъ будущихъ бѣдъ,—присоединялся шумъ отъ споровъ между однимъ десяткомъ женщинъ и другимъ десяткомъ женщинъ, такъ какъ наши добрыя еврейки никогда не могли начать утра, чтобы хоть съ ближайшей сосѣдкой не побраниться, и всѣ эти голоса, какъ много рѣчекъ въ одно большое море, сливались въ крики, вопли, споры, просьбы всѣхъ торговцевъ и торговокъ, лавочниковъ и лавочницъ, мясниковъ и продавцевъ сладостей, иголокъ, полотна и башмаковъ, которые, словно помѣшавшись, хватали, зазывали, не выпускали, умоляли и клялись передъ покупателями, покупательницами, кухарками, слугами, подростками, рабочими, любившими дѣлать закупки только въ нашемъ незабвенномъ еврейскомъ ряду. А надъ всѣмъ этимъ стояло вѣчное небо, кроткое и спокойное, и добродушно посматривало на насъ, своихъ избранныхъ, и снисходительно прислушивалось ко всѣмъ клятвамъ, невиннымъ обманамъ, зная, что и правда, и ложь, и крики, и мольбы, и желаніе продать выгодно, и желаніе ѣсть, все есть суета-суетъ и скоро пройдетъ, и исчезнетъ и утихнетъ, какъ все стихало, проходило, исчезало, что было хорошаго, веселаго, сквернаго и ужаснаго, на этомъ клочкѣ земли, на которомъ люди, а въ особенности евреи считаютъ себя первѣйшими. И солнце играло и блистало надъ нами и посылало дожди самыхъ золотистыхъ и свѣтлыхъ лучей, чтобы хоть немного одушевить и принарядить наши низенькіе, старые и темные дома, и вызвать немного крови на наши съ дѣтства уже старческія и сѣроватыя лица, и тихо улыбалось, какъ мать, гогочущимъ гусямъ и кудахтавшимъ курицамъ, которыхъ съ крикомъ гоняли наши ребятишки, которыхъ съ крикомъ гоняли ихъ отцы, которыхъ съ крикомъ гоняла добрая смерть къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. И облака тихо плыли высоко надъ нашими домами, надъ нашими криками, надъ нашей суетой и незамѣтно исчезали гдѣ-то далеко за нашимъ небомъ, какъ тихо, неслышно, и незамѣтно исчезаютъ всѣ люди, сколько ихъ есть въ мірѣ.

Но подобно тому какъ въ малой и большой лужицѣ воды на нашей улицѣ отражались и курицы и собаки и ребятишки, и наши старенькіе

дома и вѣчное небо со всѣми своими прекрасными чудесами и цвѣтами, такъ и въ оторвавшемся кусочкѣ загнаннаго народа, населявшемъ дома еврейскаго ряда отражались борьба, заботы, радость и стремленія всего человѣчества.

У края первой улицы, подъ всегда раскрытымъ чернымъ зонтикомъ, укрѣпленномъ на тонкомъ стволѣ засохшаго деревца, съ самаго ранняго утра во всякую погоду, скромно и безшумно сидѣла худая женщина, одѣтая во все черное. Явившись, она не спѣша устанавливала въ рядъ двѣ неглубокія корзинки, на днѣ которыхъ лежали аккуратно сложенные парами черные чулки. Затѣмъ она вытаскивала изъ-за пазухи самую большую пару очковъ, которые кто-либо видѣлъ, запрягала въ нихъ свой длинный и тонкій носъ, важно и строго оглядывала еврейскій рядъ съ одного конца до другого, и когда убѣждалась что все въ порядкѣ и каждый уже на своемъ мѣстѣ, готовый затянуть длинную пѣснь дня, она доставала изъ корзинки недоработанный чулокъ и принималась съ суровымъ видомъ быстро двигать спицами. И столько величія и уваженія къ себѣ лежало въ ея строгихъ плотно сжатыхъ губахъ, такъ серьезно глядѣли большія выпуклыя стекла ея очковъ, столько печальныхъ морщинокъ лежало около ея глазъ, что самыя бойкія сосѣдки не осмѣливались безъ нужды заговорить съ ней. Такъ она сидѣла, словно каменная, съ одними живыми быстро двигавшимися руками, и даже на вопросы торговавшихся покупателей, она отвѣчала, не подымая глазъ и продолжая работать.

„Тридцать копѣекъ, добрая женщина, пара, ни одной копейки меньше не могу; 16, 17, 18, считала она вслухъ стежки. Что подѣлываетъ вашъ мужъ? Здоровъ, 13, 14, 15, Слава Ему, не всѣ еврейки достойны стариться со своими мужьями, 5, 6, 7, 8; не меньше 30 копѣекъ“.

Ровно въ 10 часовъ утра приходила ея дочь, худенькая, вялая, съ большими черными глазами, дѣвушка, приносила чайничекъ съ чаемъ, кусокъ хлѣба, и Марьимъ принималась за завтракъ. Она пила задумчиво и молча, не спѣша закусывала и когда трапеза кончалась, она задавала дочери неизмѣнный вопросъ, повторяемый ежедневно и съ той же особенной мягкостью, и ласковостью, которая была такъ удивительна при ея суровомъ лицѣ.

„Гершеле здоровъ?“

И когда черные глаза дѣвушки вѣками отвѣчали, что здоровъ, Марьимъ запрягала носъ и заигравъ спицами, сверкавшими на солнцѣ, какъ только что отточенные ножи, такъ погружалась въ работу, что казалось была создана не для того, чтобы быть человѣкомъ, т. е. жить, думать, смѣяться, славить Бога, а сидѣть въ еврейскомъ ряду и считать 1, 2, 3, 4... Мало что измѣнялось въ теченіе цѣлаго дня до вечера. Крики и шумъ понемногу

стихали вокругъ нея и медленно замирали въ какой то невозмутимой и досадной тиши полудня; улица погружалась въ полусонное, мечтательное состояніе; сосѣдки, уставшими голосами разсказывали свои исторіи другъ другу, ребятишки звонко шептались гдѣ то въ тѣни подлѣ стѣнъ, собаки, широко раскрывая рты, лѣниво зѣвали, и равнодушно слѣдили за клохтавшими курицами, едва жужжали мухи, грѣясь на солнцѣ, и это оцѣпенѣніе еще больше оттѣняло унылую живучесть продавщицы чулковъ. Часамъ къ тремъ-четыремъ опять, какъ вѣтеръ отъ тучъ, срывалась жизнь и опять все приходило въ движеніе, а она все вертѣла неустанно своими единственно живыми въ этой каменной фигурѣ руками, а солнце какъ вѣрный стражъ мѣрно обходило ея большой, черный зонтикъ, еле осмѣливаясь заглянуть въ лицо Марьимъ, умѣвшей страдать тихо, безъ слезъ и безъ криковъ.

Вечеромъ, она складывала работу на дно корзинки, закрывала свой зонтикъ, бросала въ послѣдній разъ испытающій взглядъ въ оба конца улицы и тихими шагами отправлялась домой.

Такъ жила улица еврейскаго ряда, такъ изо-дня въ день проходила жизнь продавщицы чулковъ и такъ кончался день во всемъ мірѣ, неизвѣстно для чего созданный, и неизвѣстно для чего ушедшій.

Не нужно думать, что суровая внѣшность выражала дѣйствительное состояніе души Марьимъ. Подобно тому какъ вывѣска не совершенно точно и о многомъ не упоминая указываетъ только, что здѣсь, подъ ней находится лавка, такъ и наружность Марьимъ говорила, что за ней скрывается человѣкъ. Суровость, смѣшанная съ печалью давала только путь, по которому догадка могла слѣдовать, но не договаривала обо всемъ прекрасномъ, что таилось въ этомъ сердцѣ, скрытомъ отъ людей. Въ дѣйствительности Марьимъ была тихая, порабощенная, покорившаяся женщина, съ золотымъ нѣжнымъ сердцемъ, которое, какъ скрипка могло издавать всѣ трепещущіе, печальные и любовные звуки, какіе когда-либо слышало человѣческое ухо. И если бы разсказать, какъ въ теченіи 50 лѣтъ терзала ее жизнь, то это была бы потрясающая повѣсть о томъ, какъ радостная, вѣчно готовая умиляться, цвѣтущая душа медленно, отъ времени до времени, сбрасывала съ себя частицы своей свѣжести, чтобы очиститься отъ суеты, которая такъ плѣняетъ глупаго, живого человѣка, забывающаго, что ему, какъ смертному, только въ насмѣшку были даны и умъ и сердце. Съ 16-ти-лѣтняго возраста насильно выданная замужъ за человѣка книги, не желавшаго знать и вникнуть въ дѣйствительность, ко всему еще оказавшагося чахоточнымъ, она всю свою жизнь провела въ какой то глупой, безцѣльной борьбѣ за все, за кусокъ хлѣба, за каплю отдыха душѣ, рукамъ, спинѣ, за все то ничтожное, чего обыкновенно лишенъ каждый бѣднякъ. И когда, послѣ 20-лѣтняго ада, семья разстаяла т. е. когда мужъ умеръ и отъ девяти дѣтей остались только хилая и никуда негодная здоровьемъ дочь и такой же хилый 13-ти лѣтній мальчикъ, еле державшаяся на ногахъ, она была уже совершенно

притихшая, порабощенная и покорившаяся. Теперь вся ея жизнь, уже не имѣвшая для нея никакой цѣны, сосредоточилась на одномъ чувствѣ любви къ этому болѣзненному мальчику, ради котораго она жертвовала безъ оглядки всѣмъ послѣднимъ, чтобы отвратить отъ него тягость существованія. Такъ же чувствовала, такъ же поступала и чахоточная дѣвушка, не видѣвшая для себя въ жизни ничего радостнаго и понимавшая, что она по какому то странному недоразумѣнію остается въ живыхъ. Жилъ еще съ ними прадѣдъ Гершеле, старикъ 90 лѣтъ и какъ бы олицетворялъ собой живой укоръ тому, кто правитъ вверху, что и старый, и никуда не годный и составлявшій обузу для этой семьи, онъ, какъ на зло жилъ, жилъ и никакъ не могъ умереть, переживая сыновъ, дочерей, внуковъ, правнуковъ, жилъ точно онъ одинъ всосалъ въ себя живучесть цѣлаго рода, а потомкамъ передалъ только крохи своего здоровья. И его жизнь была невесела, жизнь дряхлаго, никому не нужнаго человѣка растерявшаго своихъ сверстниковъ, пережившаго всѣхъ и все, что давало смыслъ его существованію, жизнь человѣка вѣчно согнутаго, съ окаменѣвшими позвонками, человѣка у котораго ежеминутно мутится разумъ. Иногда онъ вспыхивалъ и съ безсильной яростью, удерживаясь отъ проклятій, гнѣвно бормоталъ:

„Всѣхъ пережилъ, всѣхъ, всѣхъ!“

А Гершеле, задумчивый, худой, съ глубокими ямами надъ ключицами, глядя на старика спрашивалъ:

„Зачѣмъ онъ думаетъ, мать?“

Въ его словахъ всегда слышались отдаленныя мысли, которыя пугали Марьимъ.

„Вѣдь онъ живой, осторожно отвѣчала она, а живой долженъ думать“.

„Но почему онъ живой? допытывался мальчикъ, какъ бы спрашивая самого себя. Кому онъ нуженъ? Потому ли онъ живой, что нужно было ему родить дѣтей, внуковъ, правнуковъ и пережить ихъ? Но вѣдь въ этомъ нѣтъ смысла. Или можетъ быть нужно было, чтобы мы съ тобой сидѣли и спрашивали объ этомъ? Тогда тутъ другой вопросъ: зачѣмъ дѣду жить и намъ спрашивать. Объ этомъ нужно серьезно, серьезно подумать“.

И поставивъ локти на колѣни, онъ клалъ голову на руки и углублялся въ свои думы, которыя были всегда такъ странны и ужасны для Марьимъ, когда онъ ихъ высказывалъ. Это были мудрыя, крѣпкія мысли, которыми онъ наносилъ тяжелые удары существующему.

„Зачѣмъ мнѣ ѣсть, мать, спрашивалъ онъ, оставляя ѣду, и глядя на Марьимъ, сидѣвшую подлѣ него и ловившую его малѣйшее желаніе?“

И по привычкѣ онъ уже складывалъ руки, чтобы положить на нихъ голову.

Но Марьимъ дѣлала умоляющіе знаки дочери, и та отражая волненіе матери, съ притворною веселостью отвѣчала.

„Ѣсть, Гершеле, нужно, чтобы быть здоровымъ; когда ты будешь здоровымъ, то выростешь и станешь мужчиной. Тогда уже ты будешь вести

дѣла, а мать отдохнетъ. Тогда Гершеле уже ты будешь кормить ее, какъ она тебя теперь кормитъ. Кушай, голубчикъ".

„Конечно, прибавляла Марьимъ; но самое главное, чтобы ты былъ здоровымъ, крѣпкимъ, какъ дѣти, которыя бѣгаютъ по улицѣ кричатъ и смѣются".

„Зачѣмъ мнѣ быть здоровымъ, мать, монотонно возражалъ онъ своимъ нѣжнымъ пѣвучимъ голосомъ, и зачѣмъ нужно чтобы ты меня или я тебя кормилъ? Какой смыслъ въ этомъ, мать? Каждый день похожъ на другой, а въ концѣ смерть. Что ты тутъ понимаешь?"

„Кушай же, дорогой, умоляла Марьимъ, дрожа отъ страха и дѣлая знаки отчаянія дочери, ты совсѣмъ еще не начиналъ обѣда. Кушай же, радость моя!"

И послѣ просьбъ, онъ принимался за ѣду, но ѣлъ равнодушно, какъ волъ жуетъ сѣно.

А когда послѣ обѣда, онъ засыпалъ на своей кроваткѣ, Марьимъ знаками, чтобы не разбудить его, разсказывала дочери, какъ она дрожитъ за жизнь мальчика, какъ ее мучаютъ его мысли, его худоба, его слабость, и что только тотъ, кто думаетъ за всѣхъ, знаетъ, что изъ этого выйдетъ. И въ тишинѣ, какой то святой и благоговѣйной, подъ шумъ торопливаго дыханія дѣда, который никакъ не могъ набрать въ легкія столько воздуха, сколько ему нужно было, дѣвушка пантомимой отвѣчала, что Гершеле такой странный и дивный мальчикъ, подобнаго которому она еще въ жизни не встрѣчала. Онъ уменъ, говорили ея глаза, но быстро разсѣкавшіе воздухъ пальцы съ трепетомъ утверждали, что такіе долго не живутъ на землѣ, и что ангелы нужны тому, кто правитъ вверху.

Иногда, когда погода бывала сухой и теплой и день предъ концомъ на мгновеніе замѣшкавшись на небѣ бросалъ послѣдній взглядъ на міръ, чтобы подобно всѣмъ прежнимъ скатиться въ вѣчность, вся семья выходила гулять. Впереди выступала дѣвушка съ корзинкой въ рукахъ, въ которой лежало нѣсколько ломтиковъ хлѣба съ масломъ, сзади нея, держа Гершеле за руку шла Марьимъ, но безъ очковъ, а еще дальше позади муравьиными шагами, съ выпуклой спиной и вытянутой шеей, напрасно силившейся поддержать голову, упираясь обѣими руками о палку, передвигался дѣдъ, каждый разъ задыхаясь.

Шли молча, не обращая вниманія на прохожихъ, съ любопытствомъ провожавшихъ ихъ глазами и добравшись до большого путыря, поросшаго травой, усаживались на большемъ кускѣ гранита, лежавшаго здѣсь десятки лѣтъ. А дѣдъ все плелся, плелся и своей вытянутой шеей и круглой спиною издали казался большой черепахой.

„Ну вотъ мы и пришли, весело говорила Марьимъ, усаживая мальчика какъ можно удобнѣе, а теперь нужно немного покушать, правда Либа?"

„Гершеле навѣрно голоденъ какъ слонъ, въ томъ же тонѣ и быстро взглядывая на мать, отвѣчала дѣвушка“.

„Какъ слонъ, смѣялся Гершеле, и отъ этого смѣха обѣ женщины разцвѣтали, ну дай мать, я покушаю что-нибудь“.

Но долго онъ не ѣлъ, — смѣхъ какъ то недержался на его лицѣ, — и возвращался къ своимъ мысямъ.

„Вотъ мать, начиналъ онъ, и при этомъ, монотонномъ, немного пѣвучемъ голосѣ, мать уже что то съ отчаніемъ начинала разсказывать дочери, я сегодня весь день думаю, что такое любовь. Любовь? Онъ задумался. „Я сижу съ вами, и тутъ, продолжалъ онъ, указывая на сердце, что-то чувствую, чувствую, и знаю, что для васъ сдѣлалъ бы больше, чѣмъ для дѣда, хотя и его люблю. Что же есть это чувство и для чего оно нужно? Если для того, чтобы для васъ что то сдѣлать, то зачѣмъ нужно, чтобы вы въ этомъ нуждались. Значитъ мать, тутъ нѣтъ смысла. Но все таки любовь есть, а камень, на которомъ мы сидимъ, земля, что лежитъ подъ нами, не знаютъ любви, и мы, когда умремъ, то тоже станемъ землею и любить не будемъ. Куда же это любовь дѣнется, которая существуетъ и неизвѣстно для чего? Объ этомъ мать, закончилъ онъ своей любимой поговоркой и махая пальцемъ, нужно подумать, подумать, подумать!“

Пока онъ говорилъ, мать и дочь знаками переговаривались и обѣ знали, что если бы можно было, то кричали бы и ломали пальцы отъ страха.

„А потомъ, мать, продолжалъ онъ своимъ меланхолическимъ голосомъ, выпивъ воды, я вотъ еще о чемъ думаю. Помню я сестеръ своихъ и люблю ихъ, помню я дядю Саула и тетю Симу и они умерли, а я все люблю ихъ. Что же я люблю? Землю? Но земля одна и можетъ быть мы теперь топчемъ ногами дядю Саула? А какъ земля можетъ быть моей сестрою или дядей или тетей? Когда же я умру и ты мать умрешь, то мы оба будемъ землею; но какъ же одна земля можетъ быть матерью, а другая сыномъ? Какъ это непонятно все, какъ непонятно. И объ этомъ мать, нужно крѣпко, крѣпко подумать“.

Онъ подставлялъ свои руки для головы, опирался на плечо Марьимъ и тихо вздыхая, устремлялъ свой серьезный вопрошающій взглядъ на небо.

„О, Гершеле, едва сдерживая рыданія, отвѣчала ему Марьимъ нѣжно, лаская поцѣлуями его щеку, о чемъ, и почему ты всегда задумываешься. Если бы ты могъ быть веселымъ, беззаботнымъ какъ всѣ мальчики твоихъ лѣтъ! Вѣдь такихъ вопросовъ, Гершеле, даже задавать нельзя, потому что не въ нашей власти отвѣтить на нихъ. Мы, Гершеле, должны быть слѣпы, глухи, глупы во всемъ, что выше нашего пониманія.

Мы должны, Гершеле, тихо; безъ шума провести нашу жизнь, подаренную намъ тѣмъ, кто правитъ вверху, работать чтобы не

занимать даромъ мѣста на землѣ, и любить, любить людей, быть добрыми, милосердными. А все остальное, дорогой мой, само собой приложится, ибо обо всемъ и за всѣхъ уже подумалъ тотъ кто правитъ наверху!"

„И объ этомъ мать, уныло отвѣчалъ онъ, нужно подумать, подумать да подумать".

А дѣдъ, сидя подлѣ нихъ, все тянулъ воздухъ въ легкія, устремляя глаза, уже десятки лѣтъ не видѣвшіе солнца, неба, на землю, свою мать, въ которую онъ долженъ былъ обратиться, и точно уставшій отъ годовъ борьбы и жизни, все ниже склонялся къ ней, какъ бы умоляя, чтобы она прибрала его къ себѣ, гдѣ онъ наконецъ выпрямится и крѣпко отдохнетъ на ея груди. И изъ города несся тихій ропотъ наработавшихся людей, и все было такъ полно унынія и безропотной печали оттого, что надъ всѣмъ этимъ нужно было подумать, подумать, подумать, что хотѣлось плакать надъ рокомъ человѣка.

И все кругомъ, какъ звѣзды въ тьму наступавшей ночи, погружалось въ тишину.

И вотъ однажды мальчикъ слегъ. Какъ послѣдняя капля для переполненнаго сосуда то же что и океанъ, такъ и послѣдняя капля страданія для измученнаго сердца то же, что и всѣ страданія міра. Гершеле, облаченный въ бѣлое, столь же свѣжее и чистое какъ пушинки перваго снѣга, еще летающія въ воздухѣ, лежалъ на своей кровати и безкровнымъ лицомъ и задумчивыми, ушедшими глубоко глазами казался похожимъ на ангела, нечаянно попавшаго на землю. Марьямъ съ новой складкой скорби на губахъ, строгая и насторожившаяся, не отходила отъ мальчика, угадывая его мученія, его желанія... У окна неподвижная, какъ могильный памятникъ, сидѣла дочь такая же скорбная и постарѣвшая, и даже дѣдъ, лежавшій на печи не подавалъ признаковъ жизни.

Дни шли и какъ будто долго, и какъ будто незамѣтно, но улучшенія не наступало. Наоборотъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ Гершеле все меньше говорилъ, ѣлъ и чаще впадалъ въ забытье.

— Что же съ тобой, дорогой мой, тоскливо спрашивала Марьямъ у мальчика въ тѣ минуты, когда онъ приходилъ въ себя,—что ты чувствуешь? Отчего ты не говоришь со мной больше, отчего ты не спрашиваешь меня, какъ прежде: почему, мать, то, почему другое!

— Незнаю, уныло отвѣчалъ онъ.—Ничего я не чувствую, и ничего я не хочу. И о чемъ думаю—не помню, не знаю. А тебя, мать, прибавлялъ онъ, махая пальцемъ,—я люблю крѣпко, крѣпко, крѣпко.

Когда онъ улыбался ей, всѣ притихшія и окаменѣвшія тѣни въ комнатѣ оживали и, казалось, мрачные и серьезные стулья и столъ и строгая, большая деревянная кровать Марьямъ тихо вторили ему.

— Знаешь, мать, однажды сказалъ онъ ей,—если бы люди со всего міра пришли сюда и стали умолять меня быть здоровымъ, я бы отказался. Ты не понимаешь, мать, какъ мнѣ хорошо, когда я лежу неподвижно и ника-

кого вопроса, никакой мысли нѣтъ у меня. И когда я просыпаюсь и нахожу все прежнее такое же непонятное и неразрѣшимое, мнѣ хочется опять забыться, чтобы не испытывать своего стараго ужаса. Не плачь, я вѣдь такъ люблю тебя. И подумай, мать, безъ упорства убѣждалъ онъ ее,—для чего бы я жилъ? Для чего ты жила, для чего дѣдъ жилъ? Изъ земли сталъ человѣкъ, изъ человѣка стала земля. Какъ это глупо! Вотъ и ты станешь землею и не будетъ ни матери, ни сына. И оттого, мать, чѣмъ скорѣе вернуться назадъ, тѣмъ лучше, и этому нужно радоваться".

И, когда онъ чувствовалъ, что ея теплыя нѣжныя руки уже ласкаютъ его лицо, онъ цѣловалъ ихъ и тихо засыпалъ.

Однажды кто-то изъ сосѣдей посовѣтовалъ Марьимъ переѣхать съ Гершеле за городъ, гдѣ чистый воздухъ могъ его исцѣлить.

Марьимъ сейчасъ же распродала и заложила все, что имѣла и оставивъ дѣда на квартирѣ, перевезла мальчика въ ближайшую деревню. Прошла недѣля, другая и Гершеле какъ будто началъ поправляться. Но радость продолжалась недолго. Въ одинъ день вдругъ все перемѣнилось и онъ сталъ быстро терять силы. Ни слезы, ни молитвы Марьимъ уже не дѣйствовали. Мальчикъ угасалъ. Какъ-то поздно вечеромъ Марьимъ, вздремнувшая подлѣ него, внезапно проснулась въ испугѣ. Казалось ли ей, снилось ли ей, но было такъ, какъ будто какой-то странный голосъ разбудилъ ее.

Вѣрите ли вы, что можно читать въ глазахъ? Если вамъ случалось быть въ полѣ, вы навѣрно встрѣчали стадо пасущихся коровъ. Какъ невинны онѣ вамъ казались. Невинныя потому, что и большія и сильныя онѣ съ какой-то непонятной покорностью повинуются подпаску, который смѣло бьетъ ихъ палкой, камнями, а онѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ самой страшной силы. Но остановитесь предъ одной изъ нихъ и загляните ей въ глаза. Вотъ она стоитъ предъ вами и, понуривъ голову и переставъ жевать, не сводитъ съ васъ упрямаго взгляда. О чемъ она думаетъ? О стадѣ ли, которое разбрелось, или она чувствуетъ, какъ къ ней возвращаются хищные инстинкты той праматери, которая еще не была приручена человѣкомъ. И вы уже со страхомъ всматриваетесь въ эти большіе, красивые глаза, холодные и бездонные, и вдругъ прочитываете въ нихъ угрозу вашей жизни. Вы поняли, вы пятитесь назадъ, но поздно, она направляетъ на васъ свои рога.

Дѣйствительно, Гершеле сидѣлъ на кровати и звалъ и смотрѣлъ на мать, и когда Марьимъ на мигъ встрѣтилась съ его взглядомъ, она внезапно все поняла. Она задержала крикъ, чтобы не испугать его, и дрожа спросила:

— Что, Гершеле?

— Пить, пить, тяжело дыша, попросилъ онъ,—о, какъ горитъ внутри у меня!

И напившись и какъ будто успокоившись, онъ сказалъ:

— Зачѣмъ, мать, нужны страданія? Не плачь, сядь вотъ здѣсь и обними меня. Знаешь ты, зачѣмъ нужны страданія? Есть ли въ мірѣ, мать, кто-нибудь, кто теперь насъ слышитъ, жалѣетъ? Всѣ спятъ вездѣ, и никто,

даже на нашей улицѣ не знаетъ, какъ мы тутъ мучимся. И покойная сестра не знаетъ, и отецъ не знаетъ. И все тутъ кругомъ такъ непонятно, такъ ненужно!

— Но страданія смѣняютъ счастье, вмѣшалась проснувшаяся дѣвушка,—и какъ намъ хорошо любить тебя, цѣловать, смотрѣть за тобой!"

— Нѣтъ, все равно, если и это должно исчезнуть! Гдѣ счастье всѣхъ людей, которые жили въ мірѣ, вдругъ вскричалъ онъ, садясь.—Если оно было, то гдѣ оно, если его не было, зачѣмъ оно обманывало насъ? И все это безцѣльно, глупо, непонятно, продолжалъ онъ, вдругъ утихая. — И объ этомъ уже не надо больше думать, прошепталъ онъ, косясь на стѣнку.

Марьимъ, обезсиленная, наклонилась къ нему.

— Пить, пить, хрипѣлъ онъ, ловя что-то въ воздухѣ рукой.

Либа уже стояла подлѣ Марьимъ и съ безмолвнымъ ужасомъ торопливо помогала ей.

Но было напрасно: онъ отходилъ.

Въ окна, какъ бы прислушиваясь, глядѣла тьма своими загадочными глазами, а вѣтеръ, сорвавшись, словно отъ досады хлопнулъ заднею дверью и побѣжалъ въ поле выть и стонать. Маленькій человѣкъ пересталъ жить и, изъ земли ставъ человѣкомъ, опять превратился въ землю.

У Марьимъ сейчасъ же пропалъ голосъ. Шепотомъ она крикнула обезумѣвшей дочери, бросившейся на тѣло мальчика, чтобы та не рыдала.

Не нужно слезъ, не нужно рыданій.

Бываютъ минуты, когда надломленная воля доходитъ до предѣла своей сжимаемости и тогда истинное величіе человѣческаго духа выростаетъ вмигъ и царственный смыслъ его владычества надъ міромъ становится яснымъ и неотразимымъ.

Какія мысли озабочивали Марьимъ? О, не то, что со смертью сына умерло ея сердце и сразу оборвалась та нить, что привязывала ее къ жизни. Надо было, послѣ того какъ душу сына взялъ тотъ, кто правитъ вверху, отдать долгъ праху. Но какъ? Вдали отъ города, безъ свидѣтельства о смерти тѣло должно было лежать и оставаться поруганнымъ. Вдали отъ города похороны должны были совершиться оскорбительныя для праха, такъ какъ покойникъ стыдится, если его не сопровождаетъ народъ. Везти же мертвое тѣло теперь ночью въ городъ никто не согласится. Что было дѣлать? Плакать, стонать, убиваться она успѣетъ и позже, прахъ же нужно спасти отъ позора... Вдругъ она напала на мысль: она отвезетъ ребенка, какъ живаго...

И подавивъ въ себѣ страданія, она побѣжала къ знакомому мужику, сторговалась съ нимъ и, вернувшись назадъ, одѣла мальчика съ помощью Либы, набросила на него шаль, и обѣ, поддерживая трупъ за руки и спину, нѣжно потащили его, чтобы было похоже, будто онъ передвигаетъ ногами.

Какая это была ужасная минута! Чувствовать, что разрывается сердце отъ горя и не смѣть крикнуть, забываться и жалѣть, что больного мальчика тащутъ какъ корзину, дрожать, что мужикъ можетъ догадаться,—пройдемъ мимо и не коснемся рукой этихъ страданій.

Тебѣ дурно, громко говорила Марьимъ, обращаясь къ мальчику? Либа, вспрысни его водой. Взяла ты вино съ собой? Теперь легче, ну, слава Богу, только бы скорѣй домой пріѣхать. Видите, Иванъ, какъ моему мальчику плохо, правда я васъ не обманула? Ребенку стало скверно и я боялась остаться здѣсь еще цѣлую ночь. Можетъ быть, вы выпьете вина. Дай имъ Либа, бутылку, они изъ бутылки выпьютъ.

Она говорила просто и свободно и казалось, что ничего не случилось. Но и она и дѣвушка дрожали какъ въ лихорадкѣ и разговаривали о своемъ отчаяніи пожатіями рукъ:

Какъ тяжело было втащить его въ телѣгу! Отъ усилій у нихъ пропадало дыханіе и крупный потъ катился по лицу, но одна не забывала кричать другой.

„Осторожно, ты его задушишь, потише, ты его запѣпишь?“ И: „лучше ли тебѣ, Гершеле? Вспрысни его водой. Вы уже выпили, Иванъ, дайте мнѣ бутылку, я дамъ ребенку подкрѣпиться!“

Наконецъ онѣ усѣлись, устроивъ его между собой, и эта дорогая голова безсильно упала, стукнувшись о плечо Марьимъ.

„О, мой дорогой, мой дорогой“, прошептала она. „Можете ѣхать, громко сказала она, мы готовы“. И, все держась руками, Марьимъ и Либа съ силой стискивали ихъ, чтобы не выдать себя крикомъ.

Что это была за ночь. Волны вѣтра, свѣжаго и благоухающаго, словно толпы людей, каждый разъ догоняли телѣгу и, какъ бы спѣша первые отдать долгъ покойнику, пѣли своими голосами прощальную пѣснь невинному ребенку. Спѣлые колосья хлѣба низко наклоняли свои головы и о чемъ-то шептались между собой и было это похоже на ропотъ и на стоны. Луна, точно не въ силахъ наблюдать за печальнымъ поѣздомъ, спряталась за облакомъ и робко выглядывала своимъ краемъ туда, гдѣ уже вспыхивала заря. И только скрипъ телѣги, какъ большой, глубокій вздохъ, смѣло раздавался вокругъ, рождая эхо, откликавшееся, каждый разъ въ одномъ мѣстѣ.

— О, какъ мнѣ хочется кричать, шептала Либа, вѣдь онъ умеръ, и никогда мы его уже не увидимъ.

— Не нужно, отозвалась Марьимъ, прижмись къ нему крѣпче, какъ я, цѣлуй его, разскажи ему на ухо, какъ намъ больно и простись съ нимъ. Дома же поплачемъ. О, Либа, какъ мудро, что люди смертны. Скоро и мы умремъ и больше уже не разстанемся. Тамъ, Либа, не будетъ болѣзни, которая убила его, онъ будетъ веселъ, крѣпокъ, тамъ соединится съ нами для вѣчной радости и отецъ твой, уже не больной, тамъ и сестры встрѣтятъ насъ, и всѣ

всѣ горести мы оставимъ здѣсь, какъ и нашъ прахъ, данный душѣ для испытанія".

Такъ онѣ разговаривали, утѣшая другъ друга, вдругъ вспоминая дѣйствительность и готовыя кричать и говорить самыя нѣжнѣйшія и трогательныя слова, вдругъ обращаясь къ трупу и предлагая ему вино, то умоляя мужика, чтобы онъ скорѣй ѣхалъ. А лошадь плелась тихой, печальной рысью, досадуя что ей и ночью не даютъ покоя, и робко фыркала каждый разъ, когда мужикъ хлесталъ ее кнутомъ.

Когда они въѣхали въ улицу Еврейскаго ряда, тамъ было такъ тихо, что всѣ дома ея казались большимъ временнымъ кладбищемъ, гдѣ люди спали въ ожиданіи, пока ихъ перенесутъ въ вѣчное жилище, въ которомъ никакія заботы, никакія чувства, никакія опасности уже не будутъ ихъ тревожить.

Телѣга остановилась у дома, гдѣ жила Марьимъ, и съ тѣми же мученіями, и съ тѣмъ же дрожаніемъ тѣла и мускуловъ онѣ сняли Гершеле и поволокли его во дворъ. Но какъ только онѣ добрались до своей комнаты то зажегши свѣчу, Марьимъ шепнула Либѣ:

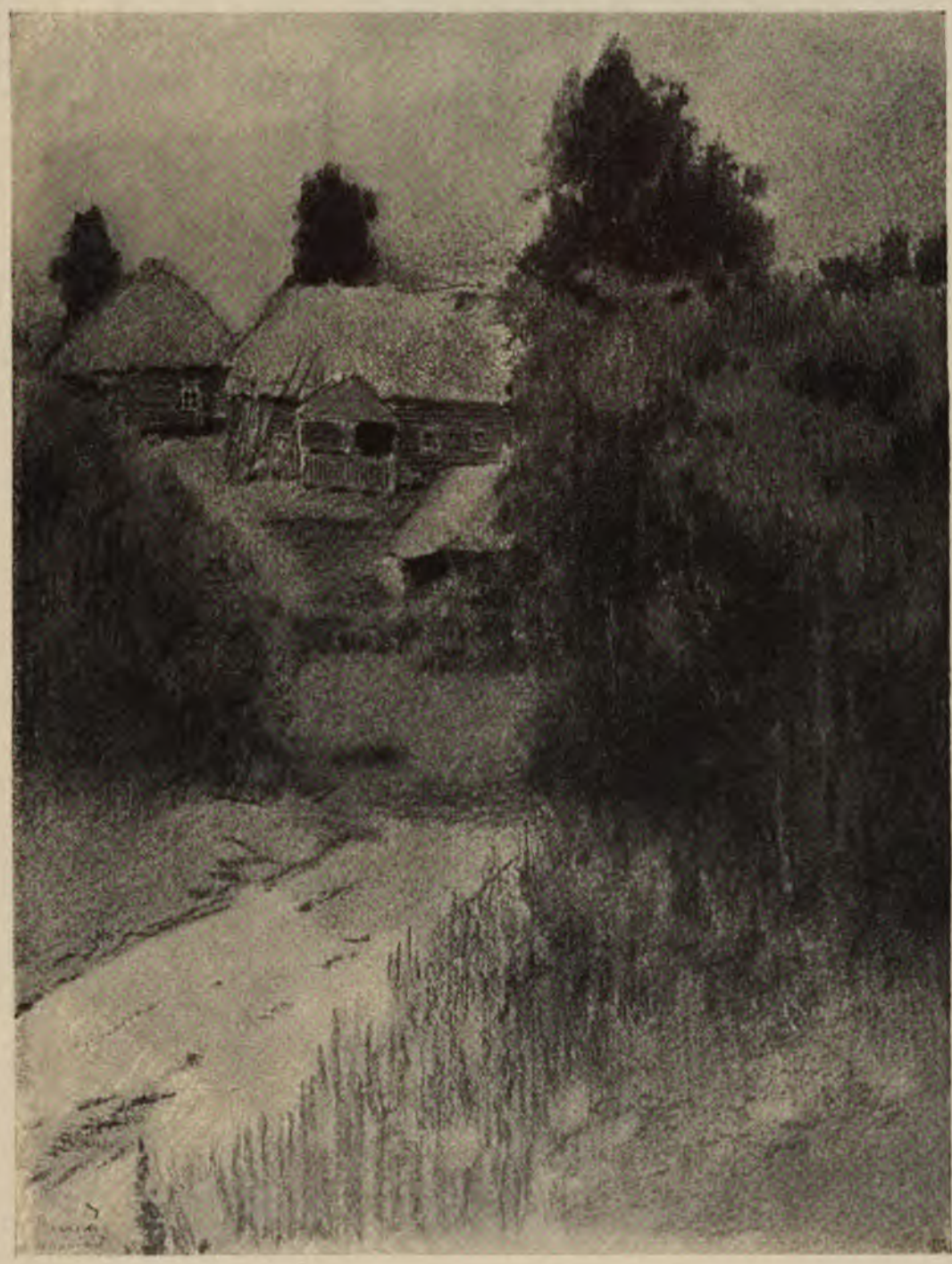
— Теперь кричи, плачь, разбуди сосѣдей. Нужно, чтобы знали, что онъ только что умеръ.

И она первая ударила себя въ голову руками и залилась долгой, печальной и жуткой пѣснью надъ покойникомъ...

Утромъ возлѣ Гершеле сидѣла совершенно посѣдѣвшая Марьимъ и что-то напѣвала старческимъ, дрожащимъ голосомъ. Либа сидѣла подлѣ нея безъ слезъ, безъ мысли...

Семенъ Юшкевичъ.

15 іюля 1900 г.



В. Переплетчиковъ. Пейзажъ.

Къ литературно-общественной исторіи крестьянскаго вопроса *).

Въ исторіи крестьянскаго вопроса и въ Россіи, и въ другихъ странахъ любопытную сторону представляетъ связь вопроса собственно объ освобожденіи крестьянъ съ другими вопросами изъ хозяйственнаго быта и устройства. Однимъ изъ такихъ вопросовъ, связанныхъ съ эмансипаціей, является проблема созданія наиболѣе раціональнаго въ агрономическомъ отношеніи типа крестьянскаго землепользованія. Историческому дробленію крестьянской земли на отдѣльныя полосы, существующему одинаково какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи, противопоставляется въ качествѣ сельскохозяйственнаго идеала цѣльный отрубной участокъ, который даетъ возможность каждому хозяину вести свое хозяйство совершенно самостоятельно, независимо отъ другихъ крестьянъ.

Еще въ 1766 г. отецъ русской агрономіи А. Т. Болотовъ во II т. „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества" жаловался, что „земли, которыя крестьянинъ и на себя, и на господина своего пашетъ, лежатъ не вмѣстѣ, но въ разныхъ мѣстахъ, и отъ дворовъ по большей части въ дальномъ разстояніи. Сіе худое расположеніе почитаю я величайшимъ помѣшательствомъ всему земледѣлію, и домостроительству и для того взялъ смѣлость, какъ оное расположеніе земель здѣсь яснѣе изобразить, такъ и происходящія отъ того всѣ вредительныя для экономіи слѣдствія представить". (стр. 161—162)...

„Также чрездесятинщина препятствуетъ земледѣльцу малою своею землею по своему хотѣнію пользоваться, оную подъ такой хлѣбъ или произрастаніе употреблять, и то на ней въ разные годы сѣять, что бы онъ за лучшее признавалъ. Она отнимаетъ у него руки и не допускаетъ ни до какихъ предпріятій; онъ бы могъ, напримѣръ, землѣ иной годъ цѣлой дать отдыхать, или землю свою не лѣтомъ, а зимою или весною унавозивъ въ тотъ же еще годъ чего нибудь насадивъ, или насѣявъ пользу получить, а она бы подъ пшеницу или подъ рожь съ лучшею выгодою поспѣть могла, или напримѣръ по своему произволенію смотря по землѣ озимой и яровой хлѣбъ лучше на ней сѣять; но сего и прочаго тому подобнаго учинить ему для того невозможно, что десятинное его между чужими землями; и на нихъ принужденъ онъ по неволѣ тамъ озимой или яровой хлѣбъ сѣять, гдѣ у сосѣдей его озимовой и яровой посѣвъ, въ противномъ случаѣ отъ скота онъ весь съѣденъ будетъ.

Ежели бы помѣщикъ или крестьянинъ всю землю свою подлѣ двора или вмѣстѣ имѣлъ, то бы могъ онъ на прикладъ по примѣру другихъ государствъ, землю свою окопать, огородить живою огородкою, и внутри раздѣливъ и всегда подъ руками имѣя всѣми вещами унаваживать и на все употреблять, на что похочетъ. Сверхъ того ежели

*) Изъ подготовительныхъ этюдовъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ XIX в.

бы вошло въ обыкновеніе и траву сѣять, то бы могъ онъ такимъ же образомъ и озимой и яровой хлѣбъ и траву тутъ сѣять и съ посѣянной травы болѣе и лѣтомъ и въ зиму корма для скота своего получить, который бы ему въ обыкновенныя стада гонять было бы нечего, а огородкой бы при здѣшней безлѣсицѣ пользоваться могъ, и на все бы то довольно времени и земли имѣлъ, ибо, умалчивая объ оброчныхъ и монастырскихъ крестьянахъ натурально земли больше и каждое помѣщичье тягло имѣло бы у себя въ одномъ мѣстѣ 12 десятинъ, что бы уже довольное пространство для него было, которое онъ и нынѣ, считая по три десятины въ трехъ поляхъ и 3 сѣнокосу имѣетъ; но видя, не такъ пользуется, какъ могъ бы тогда, когда бы она вся вмѣстѣ и у него подъ руками была, но всего того при нынѣшнихъ обстоятельствахъ сдѣлать не можетъ.

Для вышеупомянутаго изпещренія полей разными хлѣбами, не можно крестьянину и хорошаго скота имѣть. Скотъ имѣетъ здѣсь обыкновенно худыя пажити". (стр. 167—69, тамъ же.)...

„Сверхъ всего того сія чрездесятинщина и разнобоярщина причиною тому, что крестьянину не можно на шагъ отъ двора своего распространиться, будучи стѣсненъ съ двухъ сторонъ другими дворами, имѣетъ съ третьей стороны рѣчку, ручей или вершину, а съ четвертой подъ дворомъ уже чужую землю. Чрезъ то не имѣтъ онъ мѣста, чтобъ развести садъ, насадить рощу или другое что полезное для домоводства своего сдѣлать, но и для самого огорода столь нужнаго для его пропитанія довольно мѣста не имѣетъ. Во многихъ мѣстахъ въ огородѣ его не болѣе 10 или 15 грядокъ, на которыхъ у него капуста, огурцы и прочія произрастанія, умалчивая уже, что лежащая подлѣ его двора чужая, а его подлѣ чужихъ дворовъ земля, натурально скотомъ и птицею выбивается, чего ему и отвратить не можно". стр. (171—72, тамъ же)...

Вопросъ о технически-агрономически наиболѣе раціональномъ типѣ крестьянскаго землепользованія являлся, хотя и не тождественнымъ, но во всякомъ случаѣ логически и реально тѣсно связаннымъ съ вопросомъ о болѣе или менѣе прочномъ правѣ (собственности или владѣнія) крестьянъ на обрабатываемую ими землю. Выдѣленіе отрубныхъ участковъ—если не имѣлась въ виду простая срочная аренда, которая сама по себѣ предполагала уже освобожденіе крестьянъ—требовала иного отношенія къ крестьянину, къ его личнымъ и имущественнымъ правамъ, словомъ къ его хозяйственной личности, чѣмъ то отношеніе, сущность котораго состояла въ полномъ безправіи крестьянъ и которая опредѣлялась наличностью крѣпостного права. Неудивительно, поэтому, и не случайно, что сельскохозяйственный идеалъ вполнѣ независимаго крестьянскаго землепользованія исторически комбинировался съ идеей освобожденія крестьянъ по крайней мѣрѣ отъ наиболѣе тягостныхъ повинностей и съ признаніемъ за ними извѣстной совокупности правъ, Вѣдь, съ другой стороны и деревенская чрезполосица, и общинное землевладѣніе несомнѣнно стояли въ необходимой исторической связи съ подчиненіемъ крестьянъ крѣпостному режиму, съ ихъ юридическимъ и хозяйственнымъ обезличеніемъ.

Относительно цѣлаго ряда освободительныхъ проектовъ историкъ идеи освобожденія В. И. Семевскій, извѣстный поклонникъ общиннаго землевладѣнія, вынужденъ дѣлать замѣчаніе, что авторы ихъ относятся враждебно къ этому институту и предлагаютъ его упраздненіе *).

Правила, изданныя въ развитіе перваго эмансипаціоннаго акта,—закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20-го февраля 1803 года, предписываютъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ наблюдать, чтобы помѣщикъ при заключеіи условія (съ освобожденными крестьянами) раздѣлилъ всю дачу на участки такъ, чтобы каждый изъ крестьянъ, заключающій

---

*) Такъ напримѣръ о Вилльнерѣ, авторѣ одного изъ премированныхъ сочиненій, представленныхъ въ Вольное Экономическое Общество въ отвѣтъ на задачу 1776 г., объ Якобѣ и мн. др.

условія „имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли", на который долженъ быть выданъ и соотвѣтственный планъ *).

„Это... требованіе, говоритъ г. Семевскій,... во-первыхъ, разрушало общинное землевладѣніе..., во-вторыхъ, вносило довольно трудно исполнимое условіе для перехода крестьянъ въ новое положеніе—размежеваніе участковъ **). Хотя это требованіе впослѣдствіи и было измѣнено, но его предъявленіе остается весьма характернымъ для обзора мыслей законодателя-эмансипатора.

Любопытнымъ образчикомъ сочетанія освободительныхъ идей съ идеей регулированія крестьянскаго землепользованія являются мысли и начинанія Н. В. Зубова, замѣтка котораго въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества" за 1821 годъ, вызвала такую крѣпостническую бурю въ обществѣ. Замѣтка Зубова была написана по поводу объявленной Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ задачи: „Изыскать средства и способы для казенныхъ или для помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлить участки земли, имъ принадлежащіе, такъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ одномъ мѣстѣ всю пашенную и сѣнокосную землю, на его часть причитающуюся и чтобы черезполоснаго между крестьянами одного селенія ни въ пашняхъ, ни въ сѣнокосахъ владѣнія не было". Зубовъ, рядомъ съ раціональнымъ раздѣленіемъ крестьянской земли на отдѣльные участки, предлагалъ „утвердить землю въ незыблемую собственность крестьянамъ", и это то предложеніе и вызвало рѣзкіе протесты со стороны крѣпостниковъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Мы не станемъ излагать этого любопытнаго эпизода изъ исторіи нашего литературно-общественнаго развитія, такъ какъ онъ уже достаточно обстоятельно по печатнымъ и архивнымъ даннымъ разсказанъ В. И. Семевскимъ ***) и обратимся къ двумъ ускользнувшимъ отъ этого внимательнаго изслѣдователя литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ вопросъ о реформѣ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній былъ затронутъ тоже въ связи съ вопросомъ о регулированіи крестьянскаго землепользованія. Одно изъ этихъ произведеній появилось въ Александровскую, другое — въ Николаевскую эпоху.

Въ 1801 году, въ С.-Петербургѣ въ типографіи Шпора „съ дозволенія СПб. Цензуры", была напечатана брошюрка въ 32 страницы подъ заглавіемъ „Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичій доходъ". Брошюрка эта не анонимная, авторъ Захаровъ ****), не выставивъ своей фамиліи на титулѣ, подписался подъ текстомъ. Въ первомъ § авторъ объясняетъ „невыгоды настоящаго поселенія крестьянъ". Главнѣйшія изъ нихъ, по его мнѣнію суть:

1. Плотное поселеніе многихъ домовъ въ деревнѣ подвергаетъ ихъ опасности общаго пожара.

2. Удаленіе полей пашенныхъ отъ домовъ, отнимаетъ много времени у крестьянина въ ходьбѣ и ѣздѣ на оныя.

3. Лишаетъ его возможности вывозить навозъ на дальныя поля и произвести на выпашкахъ потребное вновь удобреніе.

4. Частные раздѣлы полосъ лишаютъ крестьянина охоты и удобрять и обрабатывать ту землю, въ вѣчномъ владѣніи коей онъ безнадеженъ.

5. Употребленіе паровъ оставляетъ всегда 3-ю часть пахотной земли въ пустѣ.

6. Новыя расчистки земель, подъ лѣсомъ бывшихъ, истребляютъ оный безъ нужды и безъ пользы.

7. Пасущійся на парахъ и даже на паствахъ скотъ, во-первыхъ, подвергается

*) Семевскій „Крестьянскій вопросъ" I стр. 256.

**) Тамъ же.

***) „Крестьянскій вопросъ", I, стр. 410—418.

****) Онъ былъ сенаторомъ.

опасности общей заразы и частнаго бѣдствія, во-вторыхъ, питаясь тощимъ кормомъ бываетъ самъ тощъ и даетъ мало молока и мяса.

8. Пахатной крестьянинъ, работая половину времени на господина, всегда унылъ, лѣнивъ и недоброхотенъ; получаемые же отъ трудовъ его доходы господскіе, при очевидной скудости оныхъ, сопровождаются безпрестанною заботою помѣщика, или прикащика, быть самому при всѣхъ сельскихъ работахъ, и поощрять лѣнивыхъ безуспѣшными и благомыслію противными средствами.

9. Отъ того большая часть помѣщиковъ принуждены стали посадить крестьянъ своихъ на оброки, которыхъ дѣйствіе хотя и облегчило господскую попечительность, но на противъ того, умалило хлѣбопашество, и самые доходы привело въ мѣру для крестьянина отяготительную, а для помѣщика далеко противъ доходовъ земледѣльческихъ недостаточную".

Въ изложеніи Захарова чисто агрикультурныя неудобства существующаго населенія связываются съ такими, которыя вытекаютъ уже прямо изъ строя отношеній крестьянина къ помѣщику (барщина), или крестьянъ между собой (передѣлы). Захаровъ былъ неправъ, приписывая распространеніе оброчной системы непроизводительности барщиннаго труда—причины этого географически, впрочемъ, ограниченного явленія, которому въ чисто земледѣльческой Россіи уже и въ то время противостояло, наоборотъ, расширеніе барщины на счетъ оброка, лежали глубже: въ развитіи національнаго раздѣленія труда, въ распаденіи всей нашей страны на промышленную и земледѣльческую области *). Но указанія нашего автора несомнѣнно вѣрны и въ томъ отношеніи, что барщинный трудъ былъ мало производителенъ **), и въ томъ отношеніи, что оброчный режимъ былъ малодоходенъ вездѣ, какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной Россіи, гдѣ крестьяне не имѣли какихъ нибудь особенно прибыльныхъ промысловъ и заработковъ. Любопытно, что хозяйственная мысль самихъ помѣщиковъ неудовлетворенная ни барщиннымъ, ни традиціоннымъ оброчнымъ режимомъ, искала выхода въ радикальной перестройкѣ самаго типа крестьянскаго хозяйства и землепользованія, т. е. въ разрѣшеніи такой задачи, которая, при всей своей кажущейся простотѣ, представляетъ огромныя трудности, дѣлающія ее совершенно непосильной и нашему времени (даже если постановку и рѣшеніе ея въ индивидуалистическомъ смыслѣ ***) и признавать желательными).

Изложивъ „невыгоды настоящаго поселенія крестьянъ", Захаровъ переходитъ къ новому способу селить ихъ (§ 2) и разсказываетъ какъ онъ объ этомъ способѣ узналъ. „Въ отвращеніе вышеписанныхъ и многихъ другихъ вредовъ, говоритъ онъ, извѣстный въ благоустроенномъ земледѣліи хозяинъ, Генералъ Маіоръ и Кавалеръ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель, началъ съ нѣкотораго времени селить крестьянъ своихъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, отдѣленно домъ отъ дома, назначивъ каждому потребное число земли вокругъ и сколько можно ближе, и поселивъ уже до 20 дворовъ. — Будучи въ Санкт-Петербургѣ въ 1798 году, далъ онъ мнѣ о томъ понятіе, которое симъ любителямъ сельскаго домостроительства въ подробности къ свѣдѣнію сообщаю.

---

*) См. мою статью „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ" Міръ Божій, Октябрь, Ноябрь, Декабрь 1899 года.

**) Но въ то же время барщинный режимъ былъ, какъ я доказываю въ цитированной выше статьѣ, наиболѣе доходнымъ способомъ эксплуатаціи помѣщичьей земельной собственности и рабочей силы крестьянъ-земледѣльцевъ.

***) Въ новѣйшее время наиболѣе энергично въ этомъ смыслѣ высказался извѣстный экономистъ, профессоръ А. И. Скворцовъ въ своей книжкѣ „Экономическія причины голодовокъ въ Россіи" (СПБ. 1894 г.). Пишущій эти строки свой взглядъ на задачи положительной аграрной политики по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію и землепользованію высказалъ въ (подписанной инициалами P. S.) нѣмецкой статьѣ, комментирующей законъ 1893 года о передѣлахъ и законъ 1894 года о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли и напечатанной въ Brauns Archiv für Soziale Gesetzgebung, за 1894 годъ.

Далѣе авторъ опредѣляетъ (§ 3) „сколько потребно земли крестьянину, составляющему одно тягло", и приходитъ къ выводу что „въ мѣстахъ посредственно урожайныхъ на одно тягло или для одного работника съ работницей и однимъ или двумя подростками, которые могли бы вспомоществовать въ легкихъ работахъ хозяину и хозяйкѣ: потребно земли пашенной соразмѣрно силамъ ихъ къ обработанію оной, къ уборкѣ хлѣба и кормленію скота на дворѣ безъ выпуска на паству и на пары девять десятинъ". Эта норма приблизительно совпадаетъ съ опредѣляемымъ княземъ Васильчиковымъ нормальнымъ размѣромъ надѣла, соотвѣтствующаго рабочей силѣ семейнаго домохозяина *).

Не касаясь чисто агрономическихъ распорядковъ, рекомендуемыхъ Захаровымъ, вслѣдъ за Бланкеннагелемъ **), мы укажемъ только, что они дѣлятъ всю крестьянскую пашню на двѣ части: на усадебную пашню съ 8-польнымъ сѣво-оборотомъ и на хлѣбныя поля съ 6-польнымъ сѣвооборотомъ; содержаніе скота требуется безусловно стойловое. Давая самыя краткія указанія агрономическаго свойства, нашъ авторъ для „обстоятельнаго наставленія" отсылаетъ своихъ читателей къ „книгѣ подъ заглавіемъ Новое Земледѣліе, изданной господиномъ Разнотовскимъ". Изложивъ агрикультурную сторону предлагаемаго преобразованія, Захаровъ переходитъ къ его важнѣйшему общественному результату: упраздненію барщины. „При таковомъ разселеніи крестьянъ на особенную землю каждому тяглу, говоритъ намъ авторъ, не должно уже отвлекать ихъ ни на какія господскія работы ниже на временные сгоны и извозы, въ продолженіе всего лѣта; но надлежитъ взимать доходы отъ раченія крестьянъ и отъ урожаевъ на собственной землѣ ихъ произведенныхъ. Для сего полагается брать господину, за вычетомъ сѣмянъ, кои должны оставаться у крестьянина, только на четырехъ хлѣбныхъ поляхъ посѣяннаго (не касаясь до хлѣбовъ и прочаго пашни усадебной что въ пользу крестьянина безраздѣльно долженствуетъ остаться) по половинѣ урожая, а именно: пшеницы, ячменя, ржи и овса съ тѣмъ чтобы самый сей хлѣбъ крестьянинъ свезъ на господское гумно и на овинѣ его высушивъ, обмолотивъ отвезъ зимою въ ближайшій городъ на продажу, за что деньги беретъ помѣщикъ".

Въ примѣчаніи нашъ авторъ прибавляетъ слѣдующее указаніе: „ежели кому покажется взиманіе половины урожаевъ отяготительно для крестьянъ, таковый умѣренный помѣщикъ можетъ доходъ свой уменьшить на одну треть, или на четверть урожаевъ". Установивъ раздѣлъ продукта между помѣщикомъ и крестьяниномъ-половникомъ, Захаровъ переводитъ натуру на деньги, основываясь на ранѣе уже произведенномъ имъ расчетѣ урожаевъ. Въ результатѣ денежной оцѣнки господской половины, „полагая цѣну весьма посредственную—разумѣется въ мѣстахъ подмосковныхъ или близъ Петербурга лежащихъ", получается доходъ съ каждаго тягла въ годъ—шестьдесятъ рублей 50 коп. Это свое вычисленіе господскаго дохода нашъ авторъ сопровождаетъ замѣчаніемъ: „никакой оброчный крестьянинъ, кромѣ ремесленника или торговца, не дастъ, также и никакое пахатное ***) тягло не выработаетъ на поляхъ господскихъ столь знатнаго дохода". Опредѣливъ господскій доходъ, Захаровъ „дабы не подумалъ что симъ средствомъ крестьянинъ при тяжкихъ трудахъ его оскудѣетъ, и отдастъ господину столь много, что самому останется мало, какъ на пропитаніе вкупѣ съ домашнимъ содержаніемъ, такъ и на оплату казенныхъ податей", переходитъ къ исчисленію и крестьян-

*) Въ сѣверной и навозной полосѣ десять десятинъ пашни и луговъ будетъ, по нашему мнѣнію, крайній предѣлъ подворнаго надѣла. Кн. А. Васильчиковъ „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ". II. СПБ. 1876, стр. 812. Норма, выведенная г. Южаковымъ для Московскаго полѣсья выше нормы Захарова и Васильчикова; она составляетъ 13 десятинъ на работника. См. Южаковъ „Нормы народнаго землевладѣнія" Русск. Мысль, 1885, Сент. стр. 14—17.

**) Въ общемъ Захаровъ излагаетъ распорядки Бланкеннагеля, но иногда дѣлаетъ предложенія и отъ себя.

***) Т. е. барщинное. *Н. С.*

скихъ доходовъ. По его расчету, каждое крестьянское хозяйство („тягло") проектируемаго типа, за вычетомъ собственнаго потребленія, можетъ превратить продуктовъ въ деньги на семьдесятъ пять рублей. Разсуждая о томъ, „какими способами удобнѣе произвести таковое разселеніе въ дѣйство", Захаровъ „главнѣйшую трудность при предлагаемомъ разселеніи" видитъ въ томъ, „что не у всякаго помѣщика есть излишняя земля, или удобныя къ тому пустоши, а изъ трехъ крестьянскихъ полей ни въ которомъ многаго числа земли на нѣсколькихъ особо крестьянъ отдѣлить не можно, безъ того, чтобы не лишить прочихъ возможности существованія". „Для того предполагается—продолжаетъ нашъ авторъ—удобнѣе всякихъ средствъ употребить на таковое начало поля господскія, коими для сего предмета пожертвовать должно: тѣмъ паче, что оныя впредь не будутъ уже и нужны. Но дабы помѣщикъ отдачею крестьянамъ земель своихъ не лишился получаемаго отъ хлѣбопашества дохода, то должно съ того же времени всѣхъ крестьянъ посадить на оброкъ, и тѣмъ замѣнить пашню. Такимъ средствомъ нѣкоторая часть крестьянъ выбудетъ изъ общаго поселенія, и упразднитъ въ поляхъ деревенскихъ всѣ свои участки. А какъ сіе упраздненіе по вышесказаннымъ причинамъ не прежде должно послѣдовать, какъ черезъ шесть лѣтъ, то и не можно будетъ приступить къ вторичной выселкѣ скорѣе того времени. По прошествіи же первыхъ шести лѣтъ, тотчасъ возможно будетъ занять вторичнымъ поселеніемъ всю ту землю, которая отъ первыхъ переселенцевъ останется; но и сіи, по примѣру прежнихъ, должны удерживать землю свою въ общихъ поляхъ шесть же лѣтъ. Послѣ вторичныхъ шести лѣтъ останется и вторыхъ переселенцевъ земля праздною жъ, такъ что предстанетъ тогда удобность сдѣлать третичное переселеніе. Подобнымъ образомъ, и всегда чрезъ 6 лѣтъ, можно продолжать сіе до того, пока всей отчины крестьяне не расположатся по новому порядку. Напротивъ того, когда нѣтъ ни господской пашни, ни пустышей, ни земель излишнихъ, въ такомъ случаѣ надобно прибѣгнуть къ продолжительнѣйшему переселенію, по одному или по два двора крестьянскихъ, на собетвенныхъ ихъ пахотныхъ поляхъ, начиная оное, какъ въ семъ, такъ и въ первомъ обстоятельствѣ всегда на паровомъ полѣ. Такимъ же способомъ можетъ всякой помѣщикъ обселить по сему образу и такую деревню, которая была прежде на оброкѣ; ибо имѣетъ въ виду доходъ превосходнѣйшій онаго. Неоспоримо, что пока продолжается разселеніе, доходы господскіе, взимаемые оброкомъ вмѣсто выгодъ пашеныхъ, будутъ меньше; но и то напротивъ справедливо, что преодолѣвъ нѣсколько лѣтъ трудностей, заботъ и уменьшеніе корысти, въ послѣдствіи обрѣтается спокойствіе и польза, кои пріятны будутъ и крестьянину, и господину." (§ 15).

„Сѣвшаго на новое селеніе крестьянина, — говоритъ нашъ авторъ, — не должно вдругъ выгонять изъ прежнихъ его въ общихъ поляхъ участковъ: ибо на новомъ мѣстѣ не имѣетъ онъ еще хлѣба; но надлежитъ оставить пользоваться оными дотолѣ, пока не потребуетъ новая земля больше трудовъ его, нежели старая. Да и тутъ не безполезно оставить ему на всѣ первыя шесть лѣтъ бывшія нивы его въ поляхъ общихъ, и даже съ тѣмъ, что когда будетъ онъ уже не въ состояніи продолжать тамо работу, чтобъ прочіе крестьяне, взявъ участки его за себя, и засѣявъ оныя своими сѣменами, давали ему (кромѣ сѣмянъ) половину произведенныхъ на землѣ его урожаевъ.—О чемъ помѣщику, или прикащику его всемѣрно пещися должно." (§ 14).

Захаровъ предусматриваетъ образованіе болѣе крупныхъ, многотягловыхъ участковъ (въ 2, 3 и даже 4 тягла, но не болѣе), „дабы домы были достаточнѣе работниками и работницами, въ чемъ великая есть польза для самихъ хозяевъ". Очевидно, что крестьянскіе однотягловые 9-десятинные участки мыслились авторами проекта какъ недѣлимыя земледѣльческія единицы, но это условіе казалось имъ какъ бы не требующимъ особаго выясненія и обоснованія и они ограничиваются, поэтому, насчетъ дальнѣйшей судьбы проектируемаго поселенія краткимъ наставленіемъ: „совѣтуется, на случай умноженія людей, имѣть для новыхъ выселокъ запасную землю." „Паче же всего совѣтуется пом-

нить о прокормленіи скота и о заведеніи для него достаточныхъ кормовъ на весь годъ". Для этого нашъ авторъ рекомендуетъ помѣщику „на первый разъ" подарить своимъ крестьянамъ сѣмена клевера и въ случаѣ какихъ-либо неудачъ при веденіи агрономическихъ новшествъ обнаруживать всегда готовность „научить крестьянъ... наставленіемъ и ободрить всякаго льготою и награжденіемъ." „За симъ останется помѣщику, или прикащику его, наблюдать временно только то, чтобъ каждый хозяинъ рачительно удобрялъ и обработывалъ свою землю, и чтобъ производилъ посѣвы по порядку предписанному; а когда поспѣетъ жатва на поляхъ хлѣбныхъ, тогда остается ему быть только при сложеніи сноповъ въ копны, и отдѣливъ по жребію половину (или меньшую часть), приказать свезти на господское гумно: зимою же велѣть крестьянамъ высушить и обмолотить, и когда заблагоразсудитъ, нарядить къ отвозу на торгъ, смотря по выгодности пути и цѣнъ."

Въ особомъ § (13) Захаровъ перечисляетъ выгоды отъ новаго распорядка крестьянско-помѣщичьихъ отношеній какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ.

Для первыхъ выгоды эти состоятъ въ слѣдующемъ:

1. „Крестьянинъ будетъ имѣть домъ, отдѣленный отъ сосѣдняго пожара.

2. Вся земля его будетъ ему принадлежать вѣчно и безраздѣльно; находясь же близъ двора, будетъ подручна къ работѣ.

3. Вмѣсто обыкновенныхъ трехъ полей, изъ коихъ одно остается всегда праздно въ пару, будетъ онъ имѣть подъ паромъ только 3200 кв. саженъ, т. е. меньше шестой доли своей пашни.

4. Будетъ имѣть болѣе лучшихъ хлѣбовъ, какъ то пшеницы и ячменя, нежели нынѣ; а уменьшеніе ржи наградится превосходствомъ цѣны на пшеницу.

5. Не выпущая скотъ на паству, избавитъ его отъ падежей и пріобрѣтетъ вдвое молока и лучшаго навоза, ибо скотъ будетъ сытнѣе и крупнѣе.

6. Не будетъ отвлеченъ на барщину и угрожаемъ разными непріятностями.

7. Земля его годъ отъ году лучше удобряясь начнетъ приносить извѣстные плоды."

Для помѣщика выгоды преобразованія будутъ состоять въ слѣдующемъ:

1. „Вся отчина его преобразится въ общій и благообразный паркъ. Раскиданные домы въ различныхъ положеніяхъ, планами и фасадами разнообразные; поля хлѣбныя; луга, лѣса и рощицы; усаженныя деревьями дороги — все это составитъ лучшій видъ, нежели длинная, плоская, грязная и кривоустроенная деревня.

2. Никогда не понесетъ отъ бѣдствія пожара цѣлой деревни, а развѣ сгоритъ только одинъ домъ.

3. Не надобно будетъ ему содержать свою запашку, а только остается имѣть овинъ, для осушки и молотьбы податнаго хлѣба, амбаръ для ссыпки онаго, и для лошадей своихъ и малаго числа дойныхъ коровъ луга, скошеніе коихъ можетъ произвести наймомъ, или оставшимися на старомъ положенія крестьянами.

4. Нѣтъ ему надобности имѣть прикащика и прочихъ при господскомъ хлѣбопашествѣ нужныхъ служителей.

5. Не будетъ онъ озабоченъ наблюденіемъ за работниками, наказаніемъ ихъ за лѣность и попеченіемъ объ умноженіи доходовъ своихъ принужденіемъ ихъ ко труду, плоды коего не въ ихъ остаются пользу; но станетъ получать доходы свои отъ самохотнаго раченія ихъ къ собственной корысти.

6. Доходы его, какъ выше доказано, знатно умножатся".

Вдумавшись въ проектъ Бланкеннагеля-Захарова нельзя не признать за нимъ очень далеко идущаго радикализма. Онъ не только порываетъ съ традиціонной формой крестьянскаго разселенія и землепользованія, но — вмѣстѣ съ барщиной — упраздняетъ и самое помѣщичье хозяйство, оставляя помѣщиковъ лишь дольщиками въ продуктѣ, вырабатываемомъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Хотя очевидно, позе-

мельное право крестьянъ рисовалось Бланкеннагелю-Захарову въ довольно опредѣленной формѣ вѣчно-наслѣдственной аренды всей принадлежащей помѣщику на правѣ верховной собственности земли, ихъ проектъ, какъ проектъ чисто частный и, такъ сказать, частнохозяйственный, не ставилъ прямо никакихъ юридическихъ вопросовъ, какъ таковыхъ, не предлагалъ никакихъ общихъ нормъ. Но обобщенный въ законодательное мѣропріятіе, онъ могъ бы явиться весьма радикальной—по существу—реформой крестьянско-помѣщичьихъ отношеній. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что, означая ликвидацію помѣщичьяго хозяйства въ пользу крестьянскаго, онъ могъ возникнуть только въ головѣ помѣщика нечерноземной Россіи, гдѣ помѣщичье хозяйство было въ общемъ экономически гораздо менѣе прочно и имѣло гораздо менѣе raison d'être, чѣмъ въ черноземно-хлѣбородной полосѣ, съ ея гораздо менѣе интеллигентнымъ и болѣе отсталымъ крестьянскимъ населеніемъ. Упраздняя помѣщичье хозяйство, проектъ Бланкеннагеля-Захарова оставлялъ за помѣщикомъ роль не только пассивнаго дольщика, но и контролера и высшаго руководителя хозяйствомъ своихъ крестьянъ. Эта любопытная черта, несомнѣнно продиктованная опредѣленнымъ экономическимъ интересомъ, найдетъ себѣ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи интересную историческую параллель, заимствованную уже изъ исторіи пореформеннаго помѣщичьяго хозяйства.

Въ 1839 г. въ С.-Петербургѣ вышла въ свѣтъ маленькая брошюрка: „Земледѣліе и земледѣлецъ въ Россіи. Отрывокъ изъ записокъ деревенскаго жителя", подписано: С. Чаплинъ *). Брошюрка эта, написанная нѣсколько напыщеннымъ слогомъ, по своему содержанію, очень близко совпадающему съ книжечкой Захарова, безусловно заслуживаетъ занять совершенно опредѣленное мѣсто въ литературной исторіи крестьянскаго вопроса. Въ предисловіи авторъ, въ видимомъ сознаніи національно-общественной важности того вопроса, который онъ разбираетъ, торжественно говоритъ: „Времени предупреждать нельзя: оно невидимо совершаетъ всѣ перевороты и тогда какъ люди приписываютъ ихъ то тѣмъ, то другимъ причинамъ, оно, въ постоянномъ ходѣ, творитъ неожиданныя преобразованія въ духѣ и въ понятіяхъ народовъ".

Приступая къ изложенію своей темы, Чаплинъ начинаетъ съ общаго мѣста о значеніи земледѣлія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. По мнѣнію нашего автора земледѣліе „заслуживаетъ вниманія и усовершенствованія не только по необходимости своихъ произведеній, но и по нравственному вліянію на гражданственность. Для достиженія этой цѣли, правительство дѣлаетъ все. Его вліяніемъ учреждаются общества, заводятся школы. Потребность преобразованія трехпольнаго хозяйства живо чувствуется. Нерѣдко бываетъ оно предметомъ разговора въ гостиныхъ, полемическихъ статей въ журналахъ, но тѣмъ дѣло и кончается. Вопросъ, какъ совершить это преобразованіе, остается неразрѣшеннымъ. Частные опыты, до сихъ поръ дѣланные, большею частью неудачны и не могутъ заманить къ подражанію. Мнѣ кажется, причиною то, что у насъ до сихъ поръ, во всѣхъ предполагаемыхъ системахъ, въ виду имѣется одинъ помѣщикъ: на него возлагается, отъ него ожидаютъ переворота, а о крестьянинѣ, если упоминаютъ, то какъ объ одной вещи, объ орудіи, а онъ то и есть главный дѣйствователь, представитель нашего земледѣлія. Дайте ему средства, свободу дѣйствовать, соедините собственныя его выгоды съ нововведеніемъ, покажите примѣръ, и я васъ увѣряю, онъ не только перейметъ, но и свое придумаетъ къ лучшему".

Нашему автору тутъ самому приходитъ въ голову самое серьозное возраженіе противъ его благожелательныхъ совѣтовъ: „Но, скажутъ иные, какъ приступить къ этому при крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Оно отнюдь дѣлу не помѣшаетъ. Злоупотребленіе господской власти можно почти считать у насъ анахронизмомъ; предусмот-

---

*) Онъ былъ, кажется, калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

рительность правительства и общее мнѣніе, осуждающее все противу-нравственное, изглаживаетъ слѣды феодальныхъ правъ, перешедшихъ къ намъ отъ запада (sic!), а если они и проявляются, то подобное можно видѣть и у народовъ свободныхъ, гдѣ часто нищета и развратъ, которые къ несчастью почти неразлучны, ставятъ простой народъ въ большую зависимость отъ владѣльцевъ земель и арендаторовъ, чѣмъ въ какой живутъ наши поселяне *). Они, большею частью, не изобилуютъ, но и не терпятъ большой нужды, а въ смышленности и привычкѣ къ трудамъ превзойдутъ всякаго иностраннаго".

Этотъ реверансъ передъ „крѣпостнымъ состояніемъ" былъ подъ перомъ нашего автора очевидной цензурной уловкой, точно такъ-же, какъ и ссылка на какія-то миѳическія статьи въ „Земледѣльческомъ журналѣ", въ которыхъ будто бы развивалась „мысль упрочить владѣніе землею крестьянамъ": такихъ статей въ дѣйствительности въ „Земледѣльческомъ журналѣ" никогда не печаталось. Недостаткомъ этихъ выдуманныхъ самимъ Чаплинымъ проектовъ преобразованія крестьянско-помѣщичьихъ отношеній было по его мнѣнію то, что „земля давалась въ трехъ поляхъ". По мнѣнію Чаплина „тутъ то и зло; мысль благонамѣренная, но ведетъ не къ цѣли усовершенствованія, а наоборотъ, къ увѣковѣченію неудобства трехпольной пашни. Надобно дать землю особымъ участкомъ каждому двору, по числу тяглъ. Необходимость заставитъ каждаго хозяина, если нѣтъ естественныхъ границъ его владѣнію, огородить или окопать свой участокъ; если онъ отдаленъ отъ теперешняго жительства, то туда долженъ перенесть и дворъ свой, и тогда отъ порога своего дома можетъ онъ глазомъ окинуть поля свои, тогда какъ теперь разбросаны они лоскутками одно отъ другого иногда въ верстѣ и болѣе; онъ будетъ имѣть средство и удобрить, и обработать ихъ; не упуститъ времени посѣва и уборки, потому что его не будутъ отрывать на барщину. Такъ и барщину прочь, воскликнутъ многіе. Непремѣнно, господа, она то и корень всего зла. Работа безплодная для работающаго, не можетъ итти хорошо, а потому и безуспѣшна. Но, успокойтесь, я постараюсь доказать, что новый порядокъ вещей не только не убавитъ, но прибавитъ къ выгодамъ помѣщика; а между тѣмъ вы упрочите на основаніяхъ положительныхъ благосостояніе земледѣльца, неразрывно соединенное съ благоденствіемъ вашего отечества.

Свой проектъ Чаплинъ развиваетъ на цифровомъ примѣрѣ. Онъ беретъ господское имѣніе изъ ста душъ, „состоящее на пашнѣ", т. е. на барщинѣ, съ землею въ количествѣ 600 десятинъ; тяголъ на 100 душъ полагается 50, дворовъ 25. Отдавая на тягло по 6 десятинъ пашенной и луговой земли и по 3 десятины на дворъ усадебной и огородной, получаемъ всего 375 десятинъ въ крестьянскомъ пользованіи. На каждое тягло Чаплинъ налагаетъ 50 рублевый оброкъ, а подъ помѣщичью усадьбу беретъ 20 десятинъ, къ которымъ присоединяетъ 10 десятинъ пахотной замли для домѣщичьяго хуторского хозяйства съ 8—10 польнымъ сѣвооборотомъ. Хозяйство это должно быть основано на вольнонаемномъ трудѣ и, конечно, на собственномъ инвентарѣ помѣщика. Дохода отъ него Чаплинъ предвидитъ въ 500 рублей. За надѣленіемъ крестьянъ и отводомъ 30 десятинъ на усадьбу и хозяйство помѣщика, у Чаплина остается 195 десятинъ, назначеніе которыхъ не выясняется нашимъ авторомъ **).

Такимъ образомъ, Чаплинъ не вполнѣ ликвидируетъ помѣщичье хозяйство, и въ этомъ отношеніи его планъ отличается отъ проекта Бланкеннагель-Захарова. Но онъ почти совершенно совпадаетъ съ нимъ въ признаніи необходимости коренного преобразованія крестьянскаго разселенія. „Надобно признаться, говоритъ онъ, что настоящій

*) Мысль, которая въ нашей дореформенной литературѣ высказывается очень часто, несомнѣнно подъ вліяніемъ западно-европейской критики капитализма съ Сисмонди во главѣ.

**) Въ основу разсчета положены условія Торжскаго уѣзда Калужской губ.

принятый въ Россіи обычай, строить деревни слободами, отмѣнно невыгоденъ для хлѣбопашцевъ. Длинныя улицы, которыя годились бы въ предмѣстьи городка и для глазъ довольно красивы, обличаютъ о непроцвѣтающемъ въ томъ краю земледѣліи. Истина непреложная. Если поселянинъ далеко живетъ отъ полей своихъ, нѣтъ ему возможности ни удабривать ихъ, ни хорошо отдѣлывать; а какъ быть иначе, когда сотни, а иногда и тысячи столпились вмѣстѣ? У насъ, я думаю, этотъ обычай остался отъ прежнихъ частыхъ набѣговъ, для удобства жителямъ сбираться на отраженіе или убираться отъ преслѣдованія, можетъ быть и для удобства начальству сбирать разныя повинности, но въ народѣ болѣе просвѣщенномъ этихъ причинъ существовать не можетъ. Моя мысль та, что безъ объединенныхъ участковъ, въ которыхъ домохозяинъ могъ бы распоряжаться, какъ хотѣлъ, никогда у насъ не распространятся въ народѣ охота и возможность къ улучшенію земледѣлія, единственныя поруки за успѣхъ въ семъ благомъ предпріятіи".

Въ преобразованіи традиціоннаго крестьянскаго разселенія Чаплинъ однако нѣсколько менѣе радикаленъ, чѣмъ Бланкеннагель-Захаровъ. Онъ не думаетъ „переселять всю деревню" „обыкновенное расположеніе селеній", говоритъ онъ, „довольно центрально къ полевымъ дачамъ, а потому тѣ дворы, которымъ достались бы участки, вокругъ селеній лежащіе, остались бы на своихъ мѣстахъ, а перенеслись бы только тѣ, которыхъ поле въ значительномъ отдаленіи. При первоначальномъ переселеніи, первое неудобство крестьянину оказывается въ недостаткѣ огорода, необходимой потребности для семьи, и которую вдругъ завесть нельзя; чтобъ помочь этому горю, можно оставить прежнюю усадебную землю съ огородомъ во владѣніи его на три года, послѣ чего она поступаетъ въ наемную статью мірскую, и доходъ причисляется къ запасному мірскому капиталу" или „экономической суммѣ." Изъ нея „выдается жалованье старостѣ, отрываемому отъ домашнихъ работъ мірскими надобностями; отсюда жалованье лѣсничимъ, караулящимъ лѣсную дачу; отсюда пенсіонъ возвращающимся на родину воинамъ, которые часто приносятъ только раны и дряхлую старость; на соотчичахъ лежитъ святая обязанность успокоенія защитниковъ отечества, на эту сумму заводятся школы, богадѣльня, больница; потомъ частные банки, торговыя конторы, пароходы и все что изумляетъ наблюдателей иностранной образованности".

Въ проектѣ Чаплина, какъ мы уже указывали, не совсѣмъ ясно, что онъ намѣренъ непосредственно дѣлать съ тѣми 195 десятинами земли, которыя остаются у него за надѣленіемъ крестьянскихъ хозяйствъ и за отрѣзкой 30 десятинъ въ пользу помѣщика. По всей вѣроятности, эта земля предназначается къ сдачѣ въ аренду по вольной цѣнѣ, до тѣхъ поръ пока она не будетъ употреблена на надѣленіе прибылыхъ тягловъ землей, о чемъ Чаплинъ прямо говоритъ: „еслибъ прибыло много тяглъ, и стали бъ просить земли, тогда, составивъ изъ нихъ дворы, можно сдѣлать выселки на правилахъ выше изложенныхъ."

Барщина упраздняется Чаплинымъ начисто и замѣняется, съ одной стороны, оброкомъ, съ другой, вольнонаемнымъ трудомъ „оброчная сумма, разъ опредѣленная, говоритъ нашъ авторъ, не должна никогда измѣняться. Прибыль и убыль тяголъ не должны имѣть на нее никакого вліянія. Прибывающее тягло должно вносить только въ экономическую сумму 15 руб. ассигн., ежегодно, такую же сумму должно вносить каждое тягло, вмѣстѣ съ оброчной, на уплату подушныхъ и земельныхъ повинностей; остатки отъ оныхъ причисляются къ экономической суммѣ".

Очевидно, что подъ „оброчной суммой" разумѣется здѣсь не окладъ всего общества, а окладъ падающій на отдѣльное тягло. Такимъ образомъ, Чаплинъ не только упраздняетъ барщину, но и фиксируетъ навсегда величину оброка, т. е. дѣлаетъ самыхъ два крупныхъ шага въ дѣлѣ хозяйственнаго упраздненія „крѣпостного состоянія".

Зайдя такъ далеко въ этой области, онъ проектируетъ довольно суровыя мѣры

противъ недоимщиковъ. „Въ нашихъ мѣстахъ, —говоритъ онъ,—гдѣ торговое движеніе доставляетъ возможность добывать деньги извозами и заработками, одна лѣнь или нерадивость могутъ привести въ упадокъ хозяйство поселянина. Давъ средства, такимъ образомъ, исполнять неотяготительно повинности казенную и господскую, непремѣнно слѣдуетъ принять строгія рѣшительныя мѣры за соблюденіемъ сихъ повинностей.—Недоимка не должна никогда быть допускаема. При полугодовомъ срокѣ оброчной и податной суммы, всякій домохозяинъ обязанъ представить слѣдуемое со всѣхъ тяголъ своего дома. Еслибъ чего недоставало и онъ благонадеженъ, міръ за него уплачиваетъ, не доводя до свѣдѣнія господина; буде же нѣтъ, и міръ отказывается, тогда, какъ ни мала была бы недоимка, весь дворъ со всѣмъ имуществомъ принимается въ вѣдѣніе помѣщика, и по его распоряженію, работники обращаются въ батраки на хуторѣ, или гдѣ онъ заблагоразсудитъ, и земля съ дворомъ отдается въ наемъ своимъ или постороннимъ. Если же то послѣдовало въ случаѣ какого несчастія, пожара, болѣзни и тому подобнаго, тогда изъ экономической суммы выдается вспоможеніе съ назначеніемъ срока уплаты, по истеченіи коего, также если міръ признаетъ неблагонадежнымъ, поступать какъ сказано. Можно надѣяться, что такіе случаи будутъ очень рѣдки, и польза самихъ жителей до нихъ не допуститъ".

Свое изложеніе Чаплинъ заканчиваетъ утопической картинкой всеобщаго благополучія послѣ осуществленія его плана и насмѣшливымъ предвосхищеніемъ разныхъ возраженій противъ него. „Сосѣдство съ хуторомъ, пишетъ онъ, далжно имѣть самое благодѣтельное вліяніе; примѣръ успѣха и выгоды невольно увлечетъ къ подражанію. Почему крестьянину не завесть то же, что на хуторѣ? Работниковъ ему не нанимать; орудія исправитъ онъ самъ, когда увидитъ отъ нихъ пользу; изобиліе хлѣба, соломы заставитъ завести лишнюю скотину, а для нея надобно сѣно, и вотъ онъ отгораживаетъ полдесятинки, засѣваетъ искусственный лужокъ и сбираетъ сѣна въ пятеро больше, чѣмъ прежде накашивалъ по лѣсамъ и вершинамъ. Скоро, маленькія коровки, черезъ которыя великорослый мужикъ перешагнетъ, замѣняются большими Холмогорскими и Голландскими. Лошадей, подобныхъ козявкамъ, не увидишь больше на поляхъ: ихъ заступятъ лошади Датской, Галицкой породы. Изобиліе польется рѣкой, воспитаніе будетъ уже предметомъ не одного вскормленія и возрастанія дѣтей, но ихъ образованія. Понятія обо всемъ усовершенствованномъ быстро распространятся, и возникнутъ заводы, мануфактуры и библіотеки. Въ день праздничный не увидимъ грубаго опьяненія скотоподобныхъ Илотовъ. Славянская кровь возбуждаетъ къ молодеческимъ играмъ и потѣхамъ. Въ хороводахъ раздаются бархатистые голоса красавицъ. Старые фермеры съ цигарками въ рукахъ разсуждаютъ о желѣзныхъ дорогахъ, о паровозахъ, объ освѣщеніи газомъ; цѣны на все увеличились. Земля, ходившая за 50 руб., теперь приноситъ 1000. Помѣщикъ богатъ, какъ Набобъ Индійскій. А помѣщикъ, виновникъ столькихъ благъ, самъ уже бѣлъ, какъ лунь, дряхлъ и слабъ, но еще бодръ духомъ. У него еще остались слезы отъ бѣдъ житейскихъ, но эти слезы не прибавятъ морщинъ на челѣ его, напротивъ, онѣ разгладятъ ихъ при видѣ поколѣнія, познавшаго самобытность, вступившаго въ права достоинства человѣка. Онъ дожилъ до счастливаго дня, когда надъ отечествомъ восходитъ наконецъ прекрасная заря."

Подчеркнутыя въ оригиналѣ слова представляютъ смягченныя въ цензурномъ отношеніи двѣ послѣднія строки заключительнаго четверостишія запретнаго въ то время знаменитаго Пушкинскаго стихотворенія „Деревня":

„Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
„И рабство, падшее по манію царя,
„И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной,
„Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?"

Ссылка на Пушкинскую „Деревню“ бросаетъ несомнѣнно вполнѣ опредѣленный свѣтъ на образъ мыслей Чаплина, враждебный крѣпостному праву.

Чаплинъ, хотя и не упразднялъ совершенно помѣщичьяго хозяйства, но въ то же время и не дѣлалъ помѣщика непосредственнымъ участникомъ крестьянскаго хозяйства, какъ мы это видѣли въ пропагандировавшейся Захаровымъ системѣ половничества. Этой чертой проектъ Бланкеннагеля-Захарова до извѣстной степени сближается съ любопытными крестьянско-помѣщичьими испольными товариществами или артелями, которыя вскорѣ послѣ освобожденія устраивалъ въ своихъ помѣстьяхъ А. А. Татищевъ *). Эта своеобразная крестьянско-землевладѣльческая кооперація представляла исходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя помѣщичье хозяйство попало вслѣдствіе отмѣны принудительнаго труда и полнаго отсутствія какихъ бы то ни было выработавшихся традицій и формъ некрѣпостнаго вольнонаемнаго хозяйства. Татищеву пришло въ голову „вмѣсто того, чтобы обрабатывать землю за счетъ помѣщика наемными работниками или отдавать ее въ наемъ“, вмѣсто этихъ двухъ способовъ, одного слишкомъ сложнаго для полукрѣпостной Россіи, другого, слишкомъ невыгоднаго въ особенности для помѣщиковъ Сѣверной Россіи (Татищевъ дѣлалъ свои опыты въ Пензенской и Новгородской губ.), ввести новый способъ эксплуатаціи своей земли, начать „воздѣлывать ее на общій счетъ съ товариществами, составленными изъ благонадежныхъ и состоятельныхъ крестьянъ, семейныхъ, хорошаго поведенія и имѣющихъ хорошихъ лошадей для обработки“. Всѣ работы производятся крестьянами по указанію помѣщичьей конторы на собственныхъ ихъ лошадяхъ и собственными ихъ орудіями. Помѣщикъ даетъ сѣмена съ тѣмъ, чтобы крестьяне соразмѣрно предоставляемой имъ части урожая платили за нихъ деньгами по существующимъ цѣнамъ или возвращали бы ихъ натурой. Для молотьбы и вѣянія помѣщикъ держитъ молотильныя машины и нужное при нихъ количество лошадей. Тамъ, гдѣ навозъ имѣетъ большую цѣну, какъ къ Новгородской губ., помѣщикъ обязанъ имѣть такое же количество скота, какое онъ держалъ прежде для удобренія обрабатываемыхъ на общій счетъ земель. Продуктъ дѣлится между помѣщикомъ и товариществомъ крестьянъ пополамъ. Такова въ общихъ чертахъ организація этой своеобразной крестьянско-помѣщичьей коопераціи. Г. Д. Скуратовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ разъяснялъ ея спеціальное и хозяйственное значеніе: „Въ настоящее время, лучшіе умы ищутъ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ и обезпеченія противъ бѣдствій, отъ которыхъ вездѣ болѣе или менѣе страдаетъ человѣчество, въ разныхъ формахъ ассоціацій. Въ этомъ отношеніи введенная г. Татищевымъ система кажется намъ вполнѣ своевременной; въ ней владѣлецъ уже не является въ видѣ кредитора, требующаго платежа, а наемщики — должниковъ, обязанныхъ платить, каковъ бы ни былъ успѣхъ ихъ предпріятія, напротивъ, они дѣлаются товарищами, которые дѣлятъ между собою успѣхъ и неудачу, радость и горе. Владѣлецъ избавляется отъ тягостнаго, часто невозможнаго надзора за многочисленными работниками, состоящими на жалованьи и неимѣющими никакого участія въ произведеніяхъ своего труда; напротивъ, всѣ работники участвуютъ въ общихъ выгодахъ и всѣ заинтересованы наблюдать не только другъ за другомъ, но и охранять общія поля отъ потравы и всякихъ другихъ случайностей. Наличный капиталъ помѣщика въ строеніяхъ, улучшенныхъ орудіяхъ и скотѣ употребляется въ дѣло и между тѣмъ устраняется необходимость въ денежномъ капиталѣ, котораго онъ по большей части не можетъ добыть иначе, какъ за высокіе проценты; рабочій скотъ, равно какъ обыкновенныя земледѣльческія орудія, доставляются

*) Довольно подробныя свѣдѣнія о нихъ сообщаетъ брошюрка Д. Скуратова „О разныхъ способахъ пользованія помѣщичьими землями“, СПБ., 1863 (отдѣльный оттискъ изъ №№ 60, 119 и 185 Сѣверной Почты). А. А. Татищевъ былъ впослѣдствіи пензенскимъ губернаторомъ и при Александрѣ III былъ прямо изъ губернаторовъ вмѣстѣ съ Анастасьевымъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Будучи пензенскимъ губернаторомъ, онъ чрезвычайно энергично распространялъ общественныя запашки.

самими работниками, слѣдовательно ихъ дѣло беречь ихъ по возможности. Земли не портятся, ибо помѣщики сохраняютъ за собой право наблюдать за хорошей обработкой, очищеніемъ полей отъ сорныхъ травъ и надлежащимъ удобреніемъ почвы. Такимъ образомъ они остаются во главѣ земледѣльческой производительности, и, не обременяясь мелочнымъ, почти невозможнымъ надзоромъ, могутъ обратить все свое вниманіе на изученіе и введеніе улучшенныхъ методовъ земледѣлія. Хлѣбная торговля будетъ снабжаться значительными количествами доброкачественныхъ и хорошо сортированныхъ хлѣбовъ, чего никакъ нельзя ожидать, если земледѣліе будетъ исключительно въ рукахъ крестьянъ, не подчиненныхъ никакому надзору и не имѣющихъ ни познаній, ни матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для произведенія улучшенныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Что же касается до денежныхъ выгодъ помѣщика, то ихъ нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что получается отдачею въ наймы, ибо въ Новгородской губерніи земля отдается подъ рожь отъ 3 до 5 руб. за десятину, а при обработкѣ изъ-полу, по разсчету г. Татищева, получается съ десятины ржаной 28 р., яровой 22 р. 50 к., конечно, его земля должна быть отлично удобрена, ибо въ своемъ разсчетѣ онъ считаетъ средній урожай ржи самъ-девять, овса самъ-шесть . . . . . Система г. Татищева существенно различается отъ обыкновенной отдачи земель изъ-полу и имѣетъ передъ нею неоспоримое преимущество: во первыхъ въ томъ, что помѣщикъ имѣетъ дѣло не съ однимъ лицомъ, а съ товариществомъ, составленнымъ изъ крестьянъ, которымъ земля будетъ отдаваться не малыми, а большими участками и которые, при исполненіи работъ, будутъ наблюдать другъ за другомъ; во вторыхъ, что онъ предоставляетъ себѣ право требовать, чтобы земля была хорошо обработана и всѣ работы производились своевременно и съ должнымъ тщаніемъ; въ третьихъ, что помѣщичьи скотные дворы не уничтожаются и продолжаютъ доставлять землѣ нужное удобреніе; въ четвертыхъ, что употребленіе машинъ облегчаетъ и сокращаетъ осеннія и зимнія работы и, наконецъ, въ пятыхъ, что выдавая сѣмена, онъ облегчаетъ этимъ крестьянъ и наблюдаетъ, чтобы сѣмена были хорошо выбраны и сортированы. Въ Пензенской губерніи нѣтъ обычая унаваживать земли, и потому, если предоставить крестьянамъ распоряжаться полями по ихъ усмотрѣнію, то послѣднія будутъ истощаться болѣе и болѣе. Напротивъ того, контора г. Татищева наблюдаетъ, чтобы поля удобрялись, предоставляя только крестьянамъ возить навозъ на нихъ съ господскаго, или съ своего собственннаго двора, смотря по тому, откуда имъ будетъ ближе и удобнѣе; она требуетъ также, чтобъ яровое поле поднималось съ осени, что имѣетъ большое вліяніе на переработку земли и хорошій урожай. Однимъ словомъ, сохраняя главный надзоръ за направленіемъ хлѣбопашества, помѣщикъ имѣетъ возможность не только не допускать его до упадка, но вводить всѣ усовершенствованія, какія найдутся возможными и полезными".

Слѣдующими чертами Скуратовъ характеризуетъ отношеніе крестьянъ къ артели Татищева: „Самые зажиточные и работящіе крестьяне наперерывъ стараются попасть въ артель и обнаруживаютъ замѣчательное усердіе къ успѣху общаго дѣла. Взыскательность ихъ съ нерадивыхъ такъ велика, что помѣщику приходилось ихъ удерживать; такъ напримѣръ, они приговорили было наказать розгами немногихъ членовъ артели, которымъ случалось выѣзжать на работу позже положеннаго часа, и только по настояніямъ г-на Татищева рѣшились замѣнить это наказаніе исключеніемъ изъ артели послѣ двукратнаго нарушенія установленнаго порядка работы. Одна баба выѣхала на работу съ бороною, въ которой нѣсколько зубьевъ было сломано; ее прогнали домой и принудили исполнить работу въ неурочное время".

Цитируемый нами Пиндаръ Татищевскихъ артелей видѣлъ въ нихъ „одну изъ самыхъ удачныхъ попытокъ замѣнить антагонизмъ труда и капитала,—работниковъ и владѣльцевъ тѣснымъ союзомъ этихъ двухъ источниковъ народной производительности.

Система г. Татищева есть не что иное, какъ усовершенствованная форма наемнаго труда, посредствомъ которой трудъ отдѣльныхъ личностей, всегда слабый и необезпеченный соединяется для общаго дѣйствія, представляя то совокупленіе силъ, которое извѣстный экономистъ Кари считаетъ еще болѣе могущественнымъ рычагомъ производительности, нежели самое раздѣленіе труда. Соединяя работниковъ между собою, она соединяетъ также и сословія совершеннѣйшимъ сліяніемъ выгодъ землевладѣльца съ выгодами рабочаго класса. Можетъ быть мы увлекаемся, но по крайнему нашему разумѣнію мы убѣждены, что въ настоящее время трудно даже опредѣлить достойнымъ образомъ огромное вліяніе, которое распространеніе этой системы пользованія землями можетъ имѣть на улучшеніе нравственности (sic!) нашего рабочаго класса. Придетъ время, когда исключеніе изъ артелей будетъ считаться крестьянами стыдомъ, а принятіе— а честь и отличіе. Это будетъ крестьянская аристократія не наслѣдственная, не каста, а избирательная по достоинству (aristocratie de merite). Всякій пойметъ, какъ важно для облагораживанія народа, чтобъ его трудъ имѣлъ цѣлью не одно матеріальное благосостояніе, но и возвышеніе общественнаго положенія. Образованные дворяне могутъ сдѣлаться тогда истинными руководителями народнаго труда и двигателями просвѣщенія; ибо со введеніемъ артелей устраняется тотъ антогонизмъ между работниками и хозяиномъ, который даетъ поводъ къ обману, дрязгамъ, однимъ словомъ ко всему, что дѣлаетъ хозяйство въ настоящее время непріятнымъ и тягостнымъ дѣломъ" *).

По поводу артелей Татищева возникла въ свое время любопытная полемика между Скуратовымъ и журналомъ „Время" **). Послѣдній нашелъ, что подборомъ въ артельщики „благонадежныхъ, состоятельныхъ крестьянъ" „міръ дробится, его интересы теряютъ цѣлость, пропадаетъ согласіе, является зависть и различіе". Это совершенно справедливое указаніе было направлено не по адресу. Организація артелей Татищевымъ точно такъ-же, какъ попытка разселенія крестьянъ Бланкеннагеля и предложеніе Чаплина вытекли не изъ стремленія насадить или упрочить равенство среди крестьянъ, а изъ интересовъ помѣщичьяго хозяйства, испытывавшаго неудобства отъ внезапной отмѣны традиціонныхъ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній, въ одномъ случаѣ, и отъ ихъ сохраненій, въ другомъ.

Разселеніе крестьянъ и образованіе отдѣльныхъ, вполнѣ другъ отъ друга независимыхъ въ землепользованіи, крестьянскихъ хозяйствъ и организація крестьянскихъ земледѣльческихъ артелей для аренды помѣщичьей земли служили одной цѣли: созданію наиболѣе удобной и выгодной для помѣщика формы эксплуатаціи его поземельной собственности. Разными способами, крайне индивидуалистическимъ въ одномъ случаѣ и коллективистическимъ въ другомъ, разрѣшилась одна и та же задача. И Бланкеннагель въ книгѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, и Татищевъ на слѣдующій день послѣ освобожденія, каждый на свой ладъ придумали (или по крайней мѣрѣ стремились придумать) особый типъ натуральной крестьянской аренды помѣщичьей земли, обезпечивавшій помѣщику въ удобной для него формѣ верховное руководство совокупнымъ крестьянско-помѣщичьимъ хозяйствомъ и наивысшій, какъ валовой, такъ и чистый доходъ. Предъ этимъ тождествомъ экономическаго содержанія стушевывается формальное различіе между хозяйствомъ на отрубномъ и недѣлимомъ участкѣ и „усовершенствованной" артельной „формой наемнаго труда". Формально артели Татищева представляютъ прямое пореформенное продолженіе тѣхъ „попытокъ артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ", которыя я уже описалъ въ другомъ мѣстѣ ***), но въ то время, какъ эти дореформен-

*) Далѣе у Скуратова слѣдуетъ ссылка на пресловутую экономическую статью поэта Фета въ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ которой поэтъ такими яркими красками изобразилъ недобросовѣстность крестьянъ и бѣдствія помѣщиковъ.

**) Возраженія „Времени" приводятся въ той же брошюркѣ Скуратова.

***) См. журналъ „Начало" Январь—Февраль 1899 года.

А. Архиповъ. Задворки.

ныя попытки имѣли цѣлью дѣйствительно уравненіе крестьянскихъ хозяйствъ въ интересахъ помѣщичьяго хозяйства, артели Татищева являлись попыткой въ тѣхъ же интересахъ использовать и упрочить существующія въ крестьянской средѣ имущественныя различія, создать крестьянскую аристократію достаточныхъ и благонадежныхъ арендаторовъ. Эта цѣль, или вѣрнѣе это средство для достиженія конечной цѣли—улучшенія наивысшаго дохода отъ помѣщичьей поземельной собственности—сближаетъ Татищевскія пореформенныя артели со всѣми такими дореформенными попытками и планами, которые, какъ проекты Бланкеннагеля-Захарова и Чаплина, стремились традиціонную (общинную и подворную) связанность и зависимость крестьянскаго землепользованія съ его демократической дробимостью и чрезполосностью замѣнить индивидуалистическимъ „хуторскимъ" землепользованіемъ съ его аристократической недѣлимостью участковъ и независимостью земледѣльца отъ сосѣдей-крестьянъ во всѣхъ сельскохозяйственныхъ распорядкахъ.

Петръ Струве.

На Гудауръ.

(Путевой набросокъ).

Было 7 часовъ утра. Моросилъ частый дождь. Вершины горъ затягивались туманомъ. Арагва бѣшено мчала темныя какъ кофейная гуща волны, а бѣлыя ленты водопадовъ, низвергавшихся по стремнинамъ, казалось, выползали изъ облачнаго неба.

По дорогѣ, взбиравшейся колѣнами въ видѣ зигзага въ гору, тащился шестимѣстный фаэтонъ. Четверка лошадей у дышла и пара выносныхъ съ форейторомъ везли его. Ямщикъ-грузинъ что-то сапѣлъ себѣ подъ носъ, а мальчикъ-форейторъ, склонившись къ гривѣ лошади, размахивалъ локтями и дѣлалъ видъ, что очень старается. Сверху повозка имѣла кожаный балдахинъ, но съ боковъ была открыта, такъ что дождь поливалъ пассажировъ. Сзади былъ привязанъ багажъ, кое-какъ прикрытый брезентомъ.

На сидѣньяхъ фаэтона помѣщались артисты: 2 кавалера и 2 дамы, и пара новобрачныхъ, совершавшихъ свадебное путешествіе.

Артисты отбыли весеннія гастроли на Кавказѣ, и отправлялись на лѣтнюю сцену въ Ораніенбаумъ.

Новобрачные оканчивали свадебную поѣздку, и кружнымъ путемъ возвращались въ Москву. Май стоялъ на исходѣ. Компанія составилась въ Тифлисѣ: наняли на общія средства почтовый экипажъ, чтобы доѣхать до Владикавказа.

Въ первый день благополучно сдѣлали половину пути, и ночевали во Млетахъ. На слѣдующее утро продолжали путешествіе, и начали подыматься къ станціи Гудауръ, находящейся близъ перевала.

— Какъ перемѣнилась погода, воскликнула пожилая дама, артистка на роли бытовыхъ старухъ: вчера было солнце, а сегодня дождь, туманы!..

— И природа перемѣнилась, замѣтилъ артистъ на роли резонёровъ: вчера были зеленые холмы, а сегодня, вонъ посмотрите: почти голыя скалы и какіе обрывы!..

Наканунѣ свѣтило яркое солнце. Прославленная дорога въ первой своей половинѣ развертывала мягкіе пейзажи. Невысокія и пушистыя, словно покрытыя плюшемъ, горы то зеленѣли изумрудомъ, то темнѣли синевой глубокихъ тѣней и лишь вдали сверкали бѣлыми скатертями не стаявшаго на вершинахъ снѣга.

Теперь все было иначе: день обѣщалъ быть хмурымъ, а кругомъ виднѣлись обнаженные камни, указывавшіе на высоту подъема и на близость перевала.

Внизу шумѣла Арагва. За ней подымалась горная громада съ вершиной, покрытой облаками, словно стѣна, упиравшаяся въ небо. За частой кисеей дождя гора теряла краски, печально сѣрѣла. Каменистые склоны ея тускло отсвѣчивали, и кое-гдѣ, разбросанные какъ заплаты, чуть синѣли клочки засѣянныхъ полей; въ ущельяхъ длинными языками, словно сползшій съ вершинъ, лежалъ снѣгъ. И всюду кругомъ хмурыми великанами стояли горы.

— А все таки хорошо, величественно! заявилъ артистъ-резонеръ.

Проѣзжали знаменитой Военно-Грузинской дорогой, и потому необходимо было интересоваться природой; и путники старались интересоваться ею. Наканунѣ, когда все было свѣтло и красочно, высказывали замѣчанія умильныя и нѣжныя; теперь, когда увидѣли, что все сдѣлалось сумрачнымъ, стали восторгаться суровостью природы.

Артисты, ѣхавшіе по дѣлу, оказывались довольно снисходительными къ красотамъ ландшафта, которыя служили имъ даровой преміей за поѣздку.

Они любовались этими красотами, какъ предметомъ любопытнымъ, но житейски ненужнымъ и, вѣроятно, полагали, что отдаютъ природѣ узаконенную дань тѣмъ, что любуются ею.

Путешествіе являлось для артистовъ однимъ изъ тѣхъ праздныхъ моментовъ жизни, когда не нужно ни заучивать ролей, ни репетировать, ни играть на сценѣ, и когда можно заниматься первымъ, что взбредетъ въ голову. О театральныхъ дѣлахъ никто изъ нихъ не говорилъ, словно всѣ старались забыть о работѣ, которая не приноситъ ни душевнаго удовлетворенія, ни славы, и вмѣсто призванія сдѣлалась спеціальностью, пожизненной необходимостью.

Они заботились только о томъ, чтобы повеселѣе провести время.

Артистъ-комикъ везъ съ собой бутылку съ водкой, такъ какъ коньякъ пилъ только на станціяхъ; и произносилъ остроты тономъ равнодушнымъ, словно исполняя взятое на себя обязательство.

Пожилая артистка, которую всѣ звали Александрой Ѳеодоровной, и надъ которой любили шутить, имѣла при себѣ узелокъ съ провизіей и ежечасно закусывала.

Артистъ-резонёръ велъ денежныя дѣла компаніи, бранился на станціяхъ съ ямщиками, сторожами и контролерами, и давалъ объясненія всему, что попадалось на пути.

— Вотъ это завалъ, говорилъ онъ, когда дорога оказывалась засыпанной камнями. И всѣ видѣли, что это былъ дѣйствительно завалъ.

— Вотъ это монастырь, восклицалъ онъ, и всѣ видѣли, что то былъ дѣйствительно монастырь.

Онъ чувствовалъ себя хозяиномъ дороги, и если замѣчалъ что-нибудь для себя неизвѣстное, то становился въ тупикъ, словно ничто не могло возникнуть безъ его вѣдома.

Одна только жена артистка-комика, молодая женщина съ нездоровымъ и блѣднымъ лицомъ, ничѣмъ не заинтересовывалась. Она называла себя больной, говорила разочарованнымъ голосомъ и путешествовала, откинувшись къ стѣнкѣ сидѣнья и закрывъ глаза. Единственной заботой ея являлась собачонка, лежавшая на ея колѣняхъ, толстая, жирная, съ остриженной шерстью и очень похожая на бурдюкъ съ виномъ.

Новобрачные, которые смотрѣли на красивые виды, какъ на необходимую принадлежность свадебнаго путешествія, были болѣе требовательны къ природѣ, и все ждали чего-то большаго. Къ тому-же они были заняты анализомъ тѣхъ плохо поддающихся опредѣленіямъ чувствъ, которыя возникаютъ въ душахъ людей, возложившихъ на себя обязанность соединить свои жизни. Они не могли отдаваться спокойному созерцанію. По временамъ, однако, молодой супругъ начиналъ безпокоиться и съ мечтательной грустью произносилъ: „я бы хотѣлъ понять философію горъ!“ Онъ считалъ себя человѣкомъ ученымъ и положительнымъ, и даже готовился на каѳедру, но на самомъ дѣлѣ былъ мечтательнымъ человѣкомъ. Природѣ онъ покланялся, но чувствовалъ себя передъ нею странно безпомощнымъ; онъ робѣлъ, почти страдалъ, и не могъ примириться съ самоувѣренностью артиста-резонёра.

Сѣрое утро заставляло путниковъ ежиться и вздрагивать.

Встали рано, и настроеніе у всѣхъ было напряженное и нервное.

Потягивались, нервно зѣвали и смѣялись.

— А вы хорошо спали на станціи, господа? спросила Александра Ѳеодоровна, кутаясь въ теплое пальто и усаживаясь уютно и плотно.

Одной рукой она придерживала узелокъ съ провизіей, а другой подносила къ носу pince-nez, сквозь который покровительственно оглядывала

горы. Маленькіе глаза ея прищуривались, а круглое, полное съ небольшими морщинами лицо весело поворачивалось изъ стороны въ сторону.

— Совсѣмъ не спала, разочарованно проговорила молодая артистка:

— Такой былъ холодъ!... Я вся тряслась.

Она казалась измученной, мерзла въ своей тонкой жакеткѣ и имѣла такой видъ, словно поѣла чего нибудь сквернаго.

— А я напротивъ, возразила полная дама: повернулась на бокъ и сейчасъ же заснула; и совсѣмъ не холодно!..

Новобрачные сидѣли, прижавшись другъ къ другу и закрываясь новенькими пледами, такъ какъ берегли свои новые костюмы. Они съ нѣкоторой враждебностью посматривали на артистовъ, къ которымъ не могли привыкнуть, и тихо переговаривались между собой.

Сегодня на станціи мы пили нашъ чай, шопотомъ сказала мужу молодая супруга: у нихъ тоже есть чай, но, навѣрное, не вкусный.

Новобрачная была очень молодой женщиной, высокой и крѣпко сложенной, но походила на дѣвушку. Она имѣла хорошенькое лицо, и воспитаніе получила семейное.

Она казалась веселой, ласковой, жизнерадостной и своимъ замужествомъ очень довольной.

Ея супругъ имѣлъ видъ задумчивый и словно изумленный. Онъ чувствовалъ потребность углубиться въ самого себя, отдаться самоанализу. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, худощавый, съ бородкой, въ pince-nez, со складкой на лбу между бровями и съ выраженіемъ не то мечтательнымъ, не то педантическимъ, какъ у будущаго ученаго.

— Угости ихъ карамельками, серьезно произнесъ супругъ.

— Ты думаешь? такъ-же серьезно спросила супруга, и тотчасъ стала улыбаться и заговорила громко:

— Господа, не хотите-ли нашихъ карамелекъ? Мы ихъ купили въ Тифлисѣ...

Не выспавшійся артистъ-резонёръ морщилъ высокій лобъ и нетерпѣливо дергалъ губами. Широкоплечій, плотный, онъ имѣлъ видъ внушительный и мужественный, казался сильнымъ и гордымъ, но въ лицѣ его красивомъ и энергичномъ съ тонкимъ носомъ, шелковистыми усами и бойкими карими глазами, страннымъ образомъ соединялись выраженія: самоувѣренно-властное и безпокойное, разсудительно-умное и тупое. Онъ не пилъ вина и не курилъ, и въ каждомъ движеніи его плотно охваченнаго лѣтнимъ пальто тѣла чувствовались свѣжія и крѣпкія мышцы человѣка, очень дорожащаго своимъ здоровьемъ.

— Очень много пришлось заплатить на станціи, дѣловито произнесъ онъ, и тотчасъ воскликнулъ: а вотъ это завалъ!

— Ахъ-а-ха! зѣвнула пожилая артистка: подымаемся, подыма-аемся!

Артистъ-комикъ, помѣщавшійся между Александрой Ѳеодоровной и своей супругой, сдвигалъ плечи, такъ какъ обѣ сосѣдки съ двухъ сторонъ

стѣсняли его, и сидѣлъ молча, согнувшись, выпячивая впередъ длинную нижнюю губу и глядя передъ собой молочными, рѣшительно ничего не выражавшими глазами.

Одной рукой онъ опирался о трость, на ручкѣ которой было сдѣлано изъ металла каскадное изображеніе Леды и лебедя.

Сильно удлиненное къ низу лицо его было неподвижно и имѣло въ въ себѣ что-то схематическое, напоминавшее маску. Плохо выбритый и очень отвислый подбородокъ дѣлалъ этого человѣка похожимъ на Плюшкина, а сѣренькое старое пальтецо съ короткими рукавами придавало ему видъ потертый и убогій.

— Какъ зовутъ вашу собачку? спросила у его супруги новобрачная.

— Флёркой, отвѣчала та.

— Эта собачка и флора и фауна заразъ, объяснилъ артистъ-комикъ, зѣвая отъ собственнаго остроумія.

— Ахъ, какія страшныя горы! воскликнула пожилая артистка: а тамъ дальше будутъ еще страшнѣе, не правда-ли?

Ей хотѣлось, чтобы природа какъ слѣдуетъ напугала и потрясла ее.

Въ фаэтонъ проникали струи дождя. Съ верха вода стекала на сидѣнья.

— Какой противный дождь! воскликнула новобрачная: господа, давайте чѣмъ-нибудь завѣсимся.

— Ничего, ничего, успокоительно отвѣчала пожилая артистка: мнѣ не мокро!

— А мнѣ рѣшительно все равно! утверждала жена комика.

— Наши чемоданы не намокнутъ, лукаво улыбаясь сообщила шопотомъ своему супругу новобрачная: они лучше прикрыты, а ихъ вещи будутъ мокры... Сами виноваты!

— Ужасная жизнь! неожиданно простонала жена артиста—комика.

Она откинулась къ спинкѣ сидѣнья, закрывала глаза и брезгливо шевелила безкровными губами. Говорила она тономъ человѣка, у котораго разбиты всѣ надежды на какую бы то ни было радость существованія.

— Ты, можетъ быть, устала? спокойно спросилъ ее супругъ.

— Вамъ, вѣроятно, холодно, поинтересовались новобрачные.

— Нужно ей предложить одинъ изъ пледовъ, замѣтилъ новобрачный.

— Ты думаешь? переспросила молодая супруга, и тотчасъ стала упрашивать артистку:

— Позвольте васъ укутать нашимъ пледомъ.

— Ахъ, не все ли равно? отказывалась измученная жизнью женщина: совсѣмъ не въ этомъ дѣло!

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю васъ!.. Артистку укутали. Жирная собаченка,

лежавшая на ея колѣняхъ, проснулась, съ удовольствіемъ зарылась въ покрывало и захрапѣла. Скоро пледъ на артисткѣ, смятый, измоченный дождемъ, сталъ казаться изношеннымъ и старымъ.

— Какая непріятная, неаккуратная! со вздохомъ подумала новобрачная.

Артистъ-комикъ вынулъ изъ кармана бутылку съ водкой, и сталъ пить изъ горлышка.

— А ты опять пьешь? съ отвращеніемъ воскликнула его супруга, бросая косой взглядъ на новобрачныхъ, возмутительная гадость!..

— Вы сколько времени женаты? съ невозмутимымъ спокойствіемъ обратился къ новобрачному артистъ-комикъ.

— Четыре недѣли, отвѣчалъ тотъ подумавъ.

Комикъ пожевалъ губами: аа! ну, это я еще понимаю, меланхолически протянулъ онъ, а я уже три года, и притомъ по второму разу.

— А ты зачѣмъ лаешься? вскрикнула вдругъ его супруга: грызешь меня какъ собака!

Артистъ-комикъ и не думалъ грызться, но замѣчаніе супруги принялъ терпѣливо, съ какой то привычкой и исполненной такта кротостью.

— Несчастные, но противные люди, подумала новобрачная.

Подковы лошадей глухо стучали; колеса экипажа шипѣли и визжали по мокрому песку и щебню. Проѣхали одно изъ колѣнъ зигзага; начали поворачивать на другой. Горная громада за Арагвой стала съ правой стороны дороги.

— А вотъ снѣга бѣлѣютъ, объяснялъ артистъ-резонеръ; а вотъ это водопады.

Ахъ, какъ занятно! воскликнула Александра Ѳеодоровна: тонкія струйки какъ ниточки... Онѣ льются въ снѣгъ, а изъ снѣга выбѣгаютъ рѣчками.

На громадѣ все казалось дико и голо: кое-гдѣ среди необозримыхъ пустырей, подъ самыми облаками, словно темные камни, сѣрѣли небольшіе аулы и одинокія сакли горцевъ. Мѣстами чуть виднѣлись отары пасущихся овецъ величиною съ булавочную головку и похожихъ на бѣлую тлю въ землѣ подъ комнатными растеніями. И всюду кругомъ по прежнему вздымались угрюмыя горы.

— Боже мой, но какъ тутъ жить, какъ тутъ жить? изумлялась Александра Ѳеодоровна.

— Вы полагаете, что здѣшнему жителю много нужно? замѣтилъ артистъ-резонеръ: онъ подоитъ свою козу, сдѣлаетъ себѣ сыръ и съѣстъ. Народъ первобытный!..

— Какъ вы странно разсуждаете, вдругъ возмутился новобрачный: а что долженъ думать какой-нибудь осетинъ о нашей жизни? Эти люди ближе къ природѣ, умѣютъ ее цѣнить лучше насъ. Мы даже и понять не можемъ ихъ существованія, но, можетъ быть, оно умнѣе нашего.

Артистъ-резонеръ наморщилъ лобъ и промолчалъ.

— Лермонтовъ очень хорошо описывалъ этихъ самыхъ фенацетиновъ замѣтилъ артистъ-комикъ.

— А вотъ это орелъ! воскликнулъ артистъ-резонеръ.

Надъ экипажемъ невысоко въ воздухѣ парилъ длинными остроконечными крылами горный хищникъ.

Александра Ѳеодоровна высунулась изъ повозки, оглядѣла орла черезъ pince-nez и одобрительно промолвила:

— Аа! Ничего!.. Ишь, какой громадный!

Пролетѣла еще какая-то птица.

— А это что такое? оживленно интересовалась пожилая артистка:—орелъ или ворона?

— Помѣсь, спокойно проговорилъ артистъ-комикъ.—А вы все-таки не высовывайтесь изъ экипажа, посовѣтовалъ онъ:—изъ-за куста выскочитъ черкесъ и влюбится въ васъ непремѣнно.

— Ну и чтоже? съ удовольствіемъ спросила Александра Ѳеодоровна.

— Ну и бросится потомъ съ отчаянія въ пропасть, отвѣчалъ артистъ-комикъ.

Онъ привыкъ говорить только наивныя и глупо-смѣшныя вещи. Отъ него привыкли ждать только смѣшного, и смѣялись на все, что-бы онъ ни говорилъ. То былъ между нимъ и товарищами какъ бы контрактъ, который онъ выполнялъ съ покорной и равнодушной добросовѣстностью.

— На этихъ скалахъ, вѣроятно, имѣются кабаны и дикіе туры, высказалъ предположеніе артистъ-резонеръ.

Жена комика раскрыла глаза и стала прислушиваться къ разговору.

— А въ окрестностяхъ Тифлиса, проговорила она, постепенно оживляясь:—по горамъ ползаютъ черепахи, какъ ящерицы. У меня въ комнатѣ жили черепахи совсѣмъ ручныя и маленькая козочка... Ужасно милыя!.. Такъ жалко было ихъ оставить!..

Оказалось, что женщина эта очень любила звѣрей: она говорила съ воодушевленіемъ; они были ей дороже всего на свѣтѣ, служили ей единственнымъ утѣшеніемъ. Сказавъ нѣсколько фразъ, она снова замолчала, какъ-будто похолодѣла.

Съ лѣвой стороны дороги надъ путниками громоздились камни. Горные пласты то лежали параллельно другъ надъ другомъ, то, уступая давленію верхнихъ слоевъ, метались въ стороны и походили на застывшія волны моря. Скалы нависали надъ дорогой, образуя порою темные низкіе своды. Въ разсѣлинахъ струились ручьи, перебѣгавшіе черезъ дорогу. Съ камня на камень падали капли дождя. Заросли бука и ильма все еще покрывали утесы, но растительность становилась бѣднѣй. Корни деревьевъ цѣплялись за камни. Густые пучки травъ, ленты ползучихъ растеній сплетались въ зеленое кружево. Оставленный позади путь вдругъ появлялся внизу, сверкая бѣлой змѣей. Казалось, что станція, отъ которой далеко отъѣхали,

совсѣмъ близка, и что отсюда, сверху, можно переговариваться съ людьми, которые находятся тамъ, внизу.

— Но какіе молодцы инженеры! высказывалъ свой восторгъ артистъ-резонеръ:—какую чудесную дорогу построили! Сколько тутъ трудовъ и размышленій! Чего только ни придумываетъ человѣческій разумъ!.. Вѣдь это знаменитый Земомлетскій подъемъ!.. Здѣсь есть и фонтанъ и доска съ надписью въ честь строителей дороги. Вообще въ природѣ мнѣ нравится то, что сдѣлано руками человѣческими: побѣда культуры, плоды цивилизаціи!..

— Очень жаль, что вы такъ чувствуете, съ какой-то тоской, снова возразилъ ему новобрачный:—что сдѣлано людьми, то уже не природа. Человѣкъ думаетъ только о самомъ себѣ и портитъ все вокругъ себя. Природа сдѣлалась бы поистинѣ прекрасной, если бы всѣ люди умерли. Вы очень ошибаетесь, если полагаете, что эта гора была бы менѣе красивой безъ этой дороги, а если вамъ нравится это глупое шоссе, то у васъ испорченный вкусъ.

Артистъ съ изумленіемъ взглянулъ на говорившаго.

— Да, очень, очень красиво на Кавказѣ, согласилась Александра Ѳеоровна: а все-таки ни за что не осталась-бы тутъ жить. Эти здѣшніе народы совсѣмъ варвары какіе то; я отъ нихъ натерпѣлась въ Тифлисѣ. Не хотятъ знать деликатнаго обращенія, безобразники.

Экипажъ поровнялся съ фонтаномъ въ честь строителей. Артистъ-резонеръ предложилъ выпить воды; но подъ руками не было сосуда, чтобы зачерпнуть воду. Только у жены комика оказалась миска, изъ которой кормили жирную собаченку: и всѣ выпили изъ этой посудины; новобрачные не рѣшились отказаться.

— Кажется, пора закусить—сказала Александра Ѳеодоровна, когда снова тронулись въ путь.

Она развязала узелокъ, достала печеныхъ яицъ и хлѣба, и снабжала ими своихъ спутниковъ. Порывъ вѣтра сорвалъ съ головы ея шляпку. Сѣдоватыя волосы безпомощно разметались жиденькими косичками. Провизія разсыпалась по ногамъ ея. Артистъ-комикъ сталъ удерживать шляпу и спасалъ провизію.

— Господи! Сколько мнѣ возни съ этой женщиной провозгласилъ онъ.

Всѣ засмѣялись, и долго возились съ шляпой артистки. Потомъ стали ѣсть припасы.

— А что, Александра Ѳеодоровна, вдругъ заявилъ артистъ-комикъ: отчего бы вамъ на этихъ горахъ не устроить какого-нибудь завода по части желѣза, свинцовой руды и т. п. Вы вѣдь изъ коммерческаго сословія: настоящее-бы для васъ дѣло!

— Ну что-же? и устрою, и устрою, предупредительно сказала пожилая дама, заранѣе соглашаясь на всевозможныя шутки.

Мысль о будущемъ заводѣ Александры Ѳеодоровны была принята съ восхищеніемъ, и нѣкоторое время занимала публику: со-

ставляли проекты, выражали надежды, распредѣляли доходы и должности, острили и дразнили Александру Ѳеодоровну.

— Вы ужъ насъ тогда не забудьте! просили артисты.

— Конечно, не забуду, охотно обѣщала почтенная женщина, конфузясь и начиная вѣрить въ свое золотое будущее.

Миновали еще одно колѣно дороги. Дождь становился сильнѣй и безпокоилъ пассажировъ; старались закрыться чѣмъ попало и вели борьбу съ лужами воды на сидѣніяхъ.

Кругомъ вздымались сумрачныя горы.

— Если бы влѣзть на одну изъ этихъ вершинъ и оттуда поглядѣть внизъ, то нашъ экипажъ показался бы крохотнымъ муравьемъ, страдальческимъ голосомъ произнесъ новобрачный.

Лошади ступали шагомъ. Пассажиры жаловались, что никакими чаями невозможно удовлетворить этихъ „ямщиковъ-негодяевъ". Фаэтонъ двигался все медленнѣе и вдругъ остановился. Артистъ-резонеръ выскочилъ изъ повозки. Оказалось, что пьяный ямщикъ заснулъ на козлахъ.

Мальчикъ-форрейторъ оглядывался на ямщика и дѣлалъ видъ, будто продолжаетъ скакать.

Артистъ-резонеръ мгновенно вспылилъ: лицо его помертвѣло, глаза загорѣлись яростью.

— Я тебѣ покажу, скотина! кричалъ онъ, взобравшись на колесо и размахивая кулакомъ передъ физіономіей кучера.

Артистъ-комикъ выкатился изъ фаэтона, и ухватилъ товарища за рукавъ:

— Тише, безумецъ, кричалъ онъ: ты намъ бѣдъ надѣлаешь!..

— Господи! что такое? испуганно повторяли дамы въ повозкѣ.

Услышавъ голосъ пріятеля, вспылившій мужичка успокоился такъ же быстро, какъ и вскипѣлъ, и только для собственнаго утѣшенія грозно произносилъ:

— Возмутительный произволъ! Никакого уваженія къ пассажирамъ! Даютъ пьяныхъ ямщиковъ! Ихъ учить надо мерзавцевъ!

Энергичное и красивое лицо его приняло обычное выраженіе, и было что-то необъяснимое и тупое и въ этой мгновенной ярости, и въ этомъ поразительно быстромъ успокоеніи.

— Да уймись ты, невозможный человѣкъ! продолжалъ убѣждать его пріятель: вчера скандалилъ, а сегодня еще хуже?

— Я еще посчитаюсь съ смотрителемъ на станціи, утѣшалъ себя артистъ-резонеръ: ты не понимаешь, что эти господа насъ въ грошъ не ставятъ и именно потому, что мы артисты!..

— Но нужно дѣйствовать терпѣніемъ и обходительностью, а не силой! въ свою очередь волновался артистъ-комикъ; ты можешь насъ погубить! Намъ еще цѣлый день ѣхать... Они совсѣмъ перестанутъ давать лошадей. Мы люди маленькіе: насъ всякій обидитъ!

Онъ растолкалъ ямщика; экипажъ тронулся; поѣхали дальше. Мѣ-

стность становилась пустыннѣй. По сторанамъ дороги все чаще попадались зеленыя плоскія луговины. Громадное стадо баранты гнали на встрѣчу: овцы и козы загораживали путь. Фаэтонъ останавливался. Ямщикъ бранился; пастухи что-то кричали. Бѣлыя шелковистыя козы жеманно ступали мелкими шажками, пробираясь мимо колесъ экипажа, и мѣрно размахивали тонкими головами. Жена комика умильнымъ взоромъ провожала красивыхъ животныхъ. Овцы, толстыя, круглыя съ трудомъ тащили свои шерстяные тулупы и жалобно блеяли. Овечій концертъ оглушалъ путниковъ. Ямщикъ щелкалъ кнутомъ по спинамъ густо сплотившихся, чуть двигавшихся животныхъ.

Иногда такія же отары паслись на луговинахъ невдалекѣ отъ дороги. Съ посохами въ рукахъ, одѣтые въ коричневыя бурки, пастухи стояли неподвижными исполненными задумчивости и настроенія библейскими фигурами.

Встрѣтилась почта: ее везли на шести четверикахъ; верховые одѣтые по черкесски, чопары, сопровождали ее.

— Хась, хась, хаси! (впередъ!) поощряли другъ друга кучера—грузины.

Потомъ на встрѣчу проѣхала срочная карета, уродливый мальпостъ съ пассажирами на крышѣ подъ кожанымъ верхомъ. Кондукторъ на козлахъ вызывающе протрубилъ въ мѣдный рогъ.

Все чаще попадались поляны. На нихъ частыми семьями торчалъ низкій кустарникъ съ сухими стеблями и желтыми цвѣтами, похожими на азаліи. Мокрые цвѣты блестѣли червонымъ золотомъ. Далеко въ сторонѣ на горной вершинѣ виднѣлась развалина.

— Вотъ это Тамерлановы ворота, авторитетно провозгласилъ артистъ-резонеръ.

— А, можетъ быть, контора бензиновыхъ автомобилей? спокойно спросилъ артистъ-комикъ.

Это было сказано смѣшно, и всѣ засмѣялись, кромѣ артистъ-резонера.

— Мы проѣхали Квашаурскую долину, сообщилъ этотъ послѣдній, и сталъ разсказывать легенду, которую узналъ изъ путеводителя по Кавказу.

— Квашауръ въ переводѣ значитъ „камень родила", объяснилъ онъ. Артистъ-комикъ пожевалъ губами и хладнокровно произнесъ:

— Отсюда происходитъ какао шуа. Снова всѣ засмѣялись, а новобрачный обернулся къ супругѣ и шопотомъ проговорилъ:

— Какой странный этотъ комикъ: въ немъ есть что-то хорошее; онъ симпатичнѣе того, усатаго... Но онъ, какъ бы это сказать?—испачканный актерской жизнью и совсѣмъ изношенный человѣкъ. Кромѣ того я полагаю, что онъ даже своей женѣ съ глазу на глазъ не умѣетъ говорить ничего кромѣ все тѣхъ же смѣшныхъ глупостей.

Молодая супруга утвердительно покачала головой и шопотомъ сказала:

— А вѣдь это ужасно!...

Артистъ резонеръ сталъ разсказывать другую легенду, которая также находится во всѣхъ путеводителяхъ. Онъ разсказалъ про любовь молодыхъ

осетиновъ Пипы и Сасико и про месть стараго Гуда. При этомъ онъ почему-то выразительно взглядывалъ на Александру Ѳеодоровну.

Время приближалось къ полудню. Утреннее возбужденное настроеніе путниковъ смѣнилось болѣе ровнымъ, спокойнымъ. Кругомъ стояли все тѣже суровыя, подавляющіе воображеніе, нѣмыя и безотвѣтныя горы; но по дорогѣ меньше было предметовъ для случайныхъ наблюденій и воспріятій. Становилось замѣтно холоднѣй.

Нѣкоторое время длилось молчаніе. Одни изъ пассажировъ откровенно скучали, другіе продолжали смотрѣть по сторонамъ.

Артистъ-резонеръ соображалъ, много-ли расходовъ до Ораніенбаума.

— Какъ пріятно взбираться въ гору, заявила Александра Ѳеодоровна: — ѣдешь себѣ, ѣдешь, и ни о чемъ-то, ни о чемъ не думаешь!..

— Ты знай, дорогая моя!.. вдругъ пропѣлъ басомъ артистъ-резонёръ, но тотчасъ умолкъ.

Новобрачная прижималась къ мужу и размышляла.

— Главное, любить, какъ можно больше, думала она:—заботиться о немъ, стараться быть поинтереснѣе, чтобы ему не было скучно, и особенно не забыть сдѣлаться такой возвышенной, поэтичной... Это ему понравится, и онъ перестанетъ ворчать. И будетъ хорошо. А если будетъ скверно? Ну, тогда позвать маму... А все-таки хорошо имѣть хозяйство и своего собственнаго мужа.

Новобрачный слегка сторонился отъ супруги и углублялся въ мысли. Заканчивая свадебное путешествіе, онъ чувствовалъ себя усталымъ, разочарованнымъ и, къ удивленію своему, находилъ въ себѣ пессимистическое недовольство.

— До женитьбы, разсуждалъ онъ самъ съ собою:—мнѣ было, кажется, лучше. Тогда я жилъ идеаломъ... такъ сказать, идеаломъ женщины—вообще. Это было нѣчто неуловимое, мѣнявшее очертанія, но прекрасное. Это нѣчто росло, внутренно совершенствовалось и увлекало меня за собой все выше и выше. Это она убила идеалъ. И если я недоволенъ ею,то именно потому, что она сама идеалъ, лишь въ частности воплощенный... И я непрестанно сравниваю ее съ тѣмъ погибшимъ идеаломъ, и каждый недостатокъ ея я ощущаю мучительно. Да, до женитьбы мнѣ было лучше... Тогда я могъ ожидать, стремиться къ чему-то; тогда было безграничное исканіе. А теперь я долженъ убѣдить себя, будто-бы нашелъ все, что мнѣ было нужно... И мнѣ остается только примѣняться... Я вогналъ себя въ рамки, самъ себя какъ жука посадилъ на булавку... Мнѣ дали готовый матеріалъ, и я долженъ строить и радоваться тому, что скоро я буду устроившимся человѣкомъ... Я женатъ и буду читать лекціи... Вѣдь всѣ-же радуются, когда чувствуютъ себя устроившимися... И вмѣсто волшебнаго замка у меня будетъ квартира на Прѣснѣ и все, какъ у другихъ!...

Онъ вздохнулъ и почесалъ свою бородку.

Александра Ѳеодоровна обратилась къ новобрачной и промолвила:

— А вы хорошо сдѣлали, что вышли замужъ. Вашъ отецъ помѣщикъ, кажется, такъ?... А я изъ купеческаго званія... На сцену пошла по собственной волѣ. Сначала играла молодыхъ, ну, а потомъ (она развела руками) пришлось играть старыхъ!... Моя дочь тоже собиралась въ артистки, а потомъ вышла замужъ, за помѣщика... Я такъ рада, такъ рада!... Такая тяжелая жизнь!

Она боязливо взглянула на артиста-резонера.

— Знай, дорогая моя! снова пропѣлъ тотъ и отвернулъ лицо въ сторону.

— Отвратительная жизнь! равнодушно, какъ отголосокъ, повторила жена комика.

Подъемъ сдѣлался отложе. Арагва вмѣстѣ съ подножьемъ каменной громады исчезли за горнымъ скатомъ.

Дорога вилась бѣлой почти ровной лентой.

Кругомъ простиралась пустыня. Только кое-гдѣ круглились холмы, виднѣлись провалы и ямы. Если-бы не верхушки горъ съ голыми утесами, поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ, то можно было-бы думать, что здѣсь не вершина горы, а совсѣмъ плоская низменная равнина.

Тутъ было настоящее царство дождя, тумана, влаги и холода.

Приближались къ станціи Гудауръ.

Небо исчезло надъ головами путниковъ, а воздухъ, казалось, весь превратился въ дождевыя струи и брызги.

На жалкихъ луговинахъ росла жидкая травка; всюду толстыми пластами лежалъ грязный и рыхлый, пропитанный водою снѣгъ, мѣстами обледенѣлый, словно покрытый слюдой.

Лишь кое-гдѣ вздымались надъ землей странно-прямыя, одиноко разбросанныя растенія съ сочными стеблями и яркими листьями.

Было что-то поражающее и жуткое въ этой величавой скудости и мертвенности природы; въ этой молочно-бѣлой, неподвижно-тяжелой мглѣ, насыщенной дождевыми струями; въ этой странной выразительности одиноко торчавшихъ сочныхъ травъ... И все вокругъ могло казаться загадочнымъ, исполненнымъ тайны...

Однако пассажиры заботились не о величавости природы. По крышѣ фаэтона громко барабанилъ дождь и снопами струй обдавалъ путниковъ. Всѣ были мокры, боялись пошевельнуться и продрогли отъ холода.

— Отчего бы сюда не пріѣхать пикничкомъ съ самоварчикомъ? измыслилъ артистъ-комикъ.

— Какъ здѣсь гадко! высказали свое мнѣніе дамы.

Наконецъ, остановились у станціи.

Нѣсколько домиковъ съ духанами и почтовая контора тѣснились подлѣ станціоннаго зданія. Вокругъ была пустыня.

Артистъ-комикъ вылѣзъ изъ экипажа, чтобы выпить въ буфетѣ коньяку. Остальные продолжали сидѣть въ фаэтонѣ передъ подъѣздомъ станціи. Ямщики и сторожа перепрягали лошадей.

Съ неохотой посмотрѣли на виднѣвшіяся верхушки горъ, и отъ артиста-резонера узнали, что одна изъ нихъ (впрочемъ, неизвѣстно какая) называется Гудъ-Горой, а другая, у которой 7 вершинъ,—горою Семи Братьевъ.

Потомъ артистъ-резонеръ вспомнилъ о пьяномъ ямщикѣ и пошелъ на станцію, громко крича на ходу:

— Гдѣ у васъ тутъ жалобная книга?

На этотъ крикъ выбѣжали на крыльцо смотритель станціи и нѣсколько служащихъ съ испуганными лицами.

Артистъ-комикъ показался въ дверяхъ, спрыгнулъ съ подъѣзда, принялъ въ объятія бунтующаго друга и закричалъ: „не слушайте его, господа, онъ человѣкъ непозволительный!“

Артистъ-резонеръ черезъ голову товарища, лежавшаго у него на груди, металъ огненные взоры на своихъ противниковъ и кричалъ:

— Благодарите небо, что сегодня я въ миролюбивомъ настроеніи, не то быть-бы вамъ всѣмъ безъ бороды.

— Ты насъ погубишь, въ отчаяніи шепталъ ему товарищъ.

Станціонное начальство, увидѣвъ, что шумѣли актеры, тотчасъ пріободрилось, и одинъ изъ людей, черный, ражій и грудастый мужчина, сталъ раскачивать корпусомъ, разминая свои плечи и засучивая рукава: „ну это еще неизвѣстно, отвѣтилъ онъ на вызовъ артиста:—мы сами обращеніе понимаемъ!“

Артистъ-комикъ съ трудомъ увлекъ за собой взбѣшеннаго пріятеля и усадилъ его въ фаэтонъ.

— Въ сущности, я сказалъ имъ все, что мнѣ было нужно, проговорилъ успокаиваясь артистъ-резонеръ.

Лошади были запряжены; снова тронулись въ путь.

— Вотъ это мѣсто называется „каменнымъ хаосомъ“, объяснилъ артистъ-резонеръ:—это тѣ самые камни, которые бросалъ Старый Гудъ.

— Перевалъ, господа, перевалъ, воскликнулъ онъ черезъ нѣсколько мгновеній:—здѣсь высшая точка подъема, и отсюда начинается спускъ.

Фаэтонъ остановился подлѣ шоссейной казармы. Въ сторонѣ стоялъ обелискъ, и на немъ виднѣлась надпись: „Крестовый перевалъ, 7694 фута“. Изъ четырехъ лошадей выпрягли пару, и поѣхали дальше на двухъ лошадяхъ: экипажъ самъ собою катился подъ уклонъ.

— Мы спускаемся въ долину, сообщилъ артистъ-путеводитель:—скоро начнутся галлереи, устроенныя противъ снѣжныхъ обваловъ... А слѣдующая станція будетъ Коби.

Снова по обѣ стороны потянулись утесы, голые камни, зеленыя луговины... Снова со всѣхъ сторонъ вздымались каменныя стѣны, только экипажъ не тащился въ гору, а стремглавъ несся внизъ по спуску.

— Вотъ такую ѣзду я понимаю, сказалъ артистъ-резонеръ.

— Когда человѣкъ чувствуетъ себя, какъ птица? Когда его везутъ подъ гору, философствовалъ артистъ-комикъ.

Фаэтонъ подпрыгивалъ на рессорахъ, то вдругъ въѣзжая въ бурливые потоки, пересѣкавшіе дорогу, то чуть не опрокидываясь на крутыхъ поворотахъ.

Пассажиры притихли, безсознательно усталые отъ впечатлѣній дороги. Всѣ хранили молчаніе. Потомъ Александра Ѳеодоровна вздохнула и задумчиво проговорила:

— Ну вотъ, перевалили черезъ гору: теперь пойдетъ все ниже, ниже... Къ вечеру сядемъ на машину, и—прощай Кавказъ!.. Да! Много мы ѣздили на своемъ вѣку! И гдѣ только не бывали: и въ Томскѣ, и въ Вильнѣ, и въ Крыму, и въ Архангельскѣ... И чего только ни видали: и море, и горы, и степи, и снѣга, и бѣлыя ночи... Въ Архангельскѣ мы устроили себѣ праздникъ: спустили шторы и зажгли свѣчу, чтобы ночь казалась настоящей ночью... Много ѣздили!.. Странники мы, вотъ что, вѣчные странники... Куда ужъ намъ!..

Она не докончила своей мысли, но всѣмъ почему-то сдѣлалось грустно. Молчали... Было слышно громкое шипѣніе колесъ экипажа. Артисты понурили головы. Казалось, что жизнь на нѣсколько мгновеній прервала свой бѣгъ, внезапно остановилась... И всѣмъ было тоскливо озираться назадъ и скучно, томительно скучно глядѣть въ будущее.

Новобрачная старалась встрепенуться и подумала: „Господи, да что же это такое“?

А новобрачный совсѣмъ пріунылъ и, какъ истинный герой нынѣшняго времени кисло подумалъ:

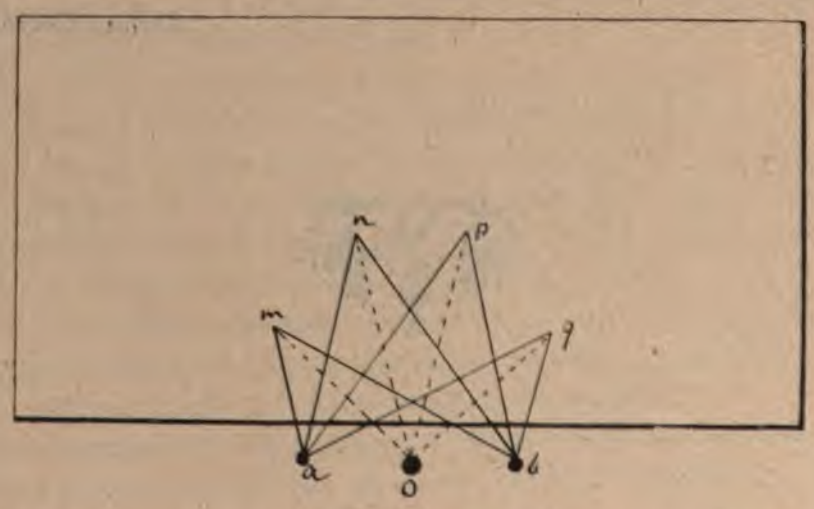
— Поскорѣй бы пріѣхать въ Москву и начать устраиваться, что-ли?...

Петръ Кожевниковъ.

Участіе органовъ чувствъ въ работахъ рукъ у зрячаго и слѣпого.

Кто не знаетъ изъ собственнаго опыта, какъ важно участіе глазъ въ работахъ рукъ?—Чтобы работать правильно, человѣкъ вынужденъ неустанно слѣдить глазами за тѣмъ, что дѣлаютъ руки, т. е. согласовать извѣстнымъ образомъ передвиженія тѣхъ и другихъ по быстротѣ и направленію. При этомъ оба глаза всегда дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ единичный органъ, и къ нимъ присоединяются, обыкновенно, вспомогательныя движенія головы. Слѣдовательно, весь вопросъ объ участіи зрѣнія въ работахъ рукъ заключается въ томъ: въ какомъ видѣ согласованы передвиженія рукъ съ одновременными передвиженіями обоихъ глазъ; чѣмъ опредѣляется такое согласованіе; и какое значеніе имѣютъ вспомогательныя движенія головы.

Чтобы по возможности упростить отвѣты на эти вопросы, представимъ себѣ слѣдующій простой случай: человѣкъ сидитъ передъ столомъ, беретъ обѣими руками какой-нибудь предметъ, наприм. песочницу, и обѣими же руками, не отрывая ихъ отъ предмета, передвигаетъ его по столу съ мѣста на мѣсто. Ради еще большей простоты, представимъ себѣ передвигающія руки въ видѣ прямыхъ линій. Если при этомъ *a* и *b* (см.



приложенный чертежъ) суть точки вращенія рукъ въ плечахъ, а *m*, *n*, *p*, *q*—точки на столѣ, черезъ которыя перемѣщается предметъ, то пары *am* и *bm*, *an* и *bn* и т. д. будутъ представлять одновременныя положенія обѣихъ перемѣщающихъ рукъ. Изъ 4 точекъ двѣ среднія *n* и *p*, какъ лежащія прямо передъ фронтомъ плечъ, могутъ быть достигнуты руками безъ перемѣны этого фронта. Но положимъ, что точка *q* лежитъ отъ *a* (лѣваго плеча) далѣе, чѣмъ на длину вытянутой руки.—Чтобы поставить предметъ обѣими ру-

ками въ q, человѣку придется тогда повернуть фронтъ плечъ лѣвымъ впередъ, и поворотъ этотъ будетъ вспомогательнымъ движеніемъ по отношенію къ перемѣщающимся рукамъ.

Представимъ себѣ, наконецъ, что человѣкъ слѣдитъ глазами за передвигаемой песочницей. На томъ же чертежѣ точки вращенія обоихъ глазъ слѣдовало бы поставить между a и b, такъ какъ глаза лежатъ ближе другъ къ другу, чѣмъ центры плечевыхъ суставовъ. Но ради простоты, мы ихъ помѣстимъ въ a и b, потому что механизмъ слѣженія глазами за двигающимся предметомъ черезъ это не измѣнится. Чтобы слѣдить за предметомъ зрительно, прежде всего нужно, конечно, видѣть его ясно; а для этого необходимо ставить глаза относительно каждой разсматриваемой точки такимъ образомъ, чтобы она стояла противъ середины обоихъ зрачковъ. — Чтобы видѣть, наприм., ясно точку m, оба глаза нужно повернуть влѣво и правый сильнѣе лѣваго, а при смотрѣніи на точку q наоборотъ. Прямую линію отъ предмета къ серединѣ зрачка мы назовемъ зрительной осью и примемъ, что, будучи продолжена назадъ въ глазное яблоко, она пройдетъ черезъ центръ его вращенія. Тогда пары am и bm, an и bn и т. д. будутъ сведенными зрительными осями лѣваго и праваго глаза, при послѣдовательномъ смотрѣніи на точки m, n, p... При этомъ условіи—и только при этомъ—предметъ будетъ видѣться ясно и притомъ единично, несмотря на то, что смотрятъ и видятъ два глаза.—Человѣку тогда кажется, что онъ смотритъ какъ будто однимъ глазомъ, лежащимъ по срединѣ между обоими глазами (на чертежѣ положеніе этого воображаемаго циклопическаго глаза обозначено точкой o), и видитъ предметы въ направленіи прямыхъ линій (om, on...) отъ нихъ къ циклопическому глазу.

Такимъ образомъ выходитъ, что прямыя am, bm, an... представляютъ въ одно и тоже время послѣдовательныя положенія рукъ, передвигающихъ предметъ, и послѣдовательныя же положенія зрительныхъ осей глазъ, слѣдящихъ за предметомъ съ цѣлью яснаго видѣнія. Сходство распространяется и на вспомогательныя движенія. Такъ, если точка q лежитъ настолько сильно въ сторону отъ глазъ, что, при неподвижности головы, лѣвому глазу пришлось бы сильно поворачиваться къ носу, то человѣкъ мѣняетъ фронтъ лица, поворачивая голову вправо, въ сторону q.

Однако, проводя эту аналогію между перемѣщеніемъ рукъ и глазъ, мы обошли молчаніемъ слѣдующій важный пунктъ: длина рукъ, перемѣщающихъ песочницу, мѣняется—въ положеніи ея на точкѣ m лѣвая рука короче правой, а въ положеніи q—наоборотъ; да и зрительныя оси мѣняются по длинѣ такимъ же образомъ. Что же это значитъ? Зрительныя оси, какъ воображаемыя линіи, конечно не могутъ ни укорачиваться ни удлиняться; но разницамъ ихъ въ длинѣ соотвѣтствуютъ не фикціи, а дѣйствительныя разницы въ отстояніяхъ разсматриваемой точки отъ обоихъ глазъ; и разницамъ этимъ соотвѣтствуютъ различныя степени приспособленія въ томъ и другомъ глазу къ разстояніямъ, безъ чего ясное видѣніе было бы невозможно. Способность глазъ видѣть ясно предметы на разныхъ удаленіяхъ совершенно равнозначна способности слѣпого узнавать ощупью формы различно удаленныхъ отъ него предметовъ—что́ дѣлаетъ при этомъ укорачивающаяся и удлиняющаяся рука у слѣпого, то дѣлаетъ механизмъ приспособленія глаза у зрячаго. Въ этомъ смыслѣ актъ смотрѣнія можно уподобить выпусканію изъ тѣла щупалъ, могущихъ очень сильно удлиняться и укорачиваться, съ тѣмъ, чтобы свободные концы ихъ, сходясь другъ съ другомъ, прикасались къ разсматриваемому въ данное мгновеніе предмету. Зрительныя оси представляли бы тогда безъ всякой натяжки, такія сократительныя щупалы.

Другой, не менѣе важный недочетъ въ нашемъ сравненіи ручныхъ и глазныхъ движеній заключается въ слѣдующемъ. Ради простоты, мы провели аналогію только для случая, когда руки передвигаютъ предметъ въ горизонтальной плоскости. Но вѣдь во время работъ онѣ передвигаются, какъ говорится, въ пространствѣ о 3 измѣреніяхъ—

перемѣщаются вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, впередъ, назадъ и во всѣхъ промежуточныхъ направленіяхъ, благодаря тому, что при способности укорачиваться и удлинняться, сгибаться и разгибаться въ сочлененіяхъ, онѣ двигаются въ шаровидныхъ плечевыхъ суставахъ. Распространяется ли наша аналогія и на всѣ такіе случаи? Да, потому что глазные яблоки, при способности глазъ видѣтъ вблизь и вдаль, двигаются въ глазничныхъ впадинахъ, тоже какъ шары въ полусферическихъ гнѣздахъ. Стало быть, проведенный чертежъ изображаетъ въ планѣ (въ горизонтальной проекціи) всѣ вообще передвиженія рукъ и зрительныхъ осей глазъ въ пространствѣ.

Нужно ли, наконецъ, прибавлять къ всему сказанному, что суть дѣла нисколько не измѣняется, слѣдятъ ли глаза за передвиженіями обѣихъ рукъ, сведенныхъ въ одну точку, или за передвиженіемъ только одной?—И тамъ, и здѣсь суть дѣла въ томъ, что, куда идетъ работающая рука, туда же идутъ сведенныя другъ съ другомъ зрительныя оси глазъ, и та точка, на которой рука остановилась въ данное мгновеніе, есть въ то же время точка пересѣченія остановившихся зрительныхъ осей.

Эту форму согласованія можно по справедливости назвать случаемъ предустановленной гармоніи ручныхъ и глазныхъ движеній, потому что въ основѣ ея лежитъ съ одной стороны сходное устройство двигательныхъ механизмовъ рукъ и глазъ, съ другой—жизненная необходимость участія зрѣнія въ движеніяхъ рукъ именно въ этой, а не другой формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ жизненной практикѣ рука, съ самаго ранняго дѣтства и чуть не на каждомъ шагу служитъ человѣку хватательнымъ и ощупывающимъ орудіемъ; но служить таковымъ безъ руководства глазъ она не можетъ; а изъ всѣхъ мыслимыхъ зрительныхъ руководствъ описанная форма, конечно, самая простая:—осязающія и хватающія щупалы рукъ, во всѣхъ ихъ передвиженіяхъ въ пространствѣ совпадаютъ съ зрительными щупалами глазъ.

Что же руководитъ движеніями рукъ у слѣпого?

На этотъ крупный вопросъ даютъ почти полный отвѣтъ слѣдующіе мелкіе факты: опытная вязальщица чулокъ можетъ вязать, не глядя, и даже вязать, читая книгу; твердо заученную на фортепьяно простенькую пьесу можно сыграть правильно въ совершенной темнотѣ. Стало быть для сильно привычныхъ и необширныхъ движеній руководство зрѣніемъ не составляетъ совершенной необходимости. Это не значитъ однако, чтобы движенія происходили автоматично, безъ всякаго контроля—нѣкоторая доля вниманія должна быть обращена со стороны работающаго въ ихъ сторону, иначе работа была бы невозможна. Такъ, въ мѣстахъ читаемой книги, особенно сильно приковывающихъ къ себѣ вниманіе вязальщицы, вязанье останавливается. Значитъ, даже при чтеніи книги, работница все-таки слѣдитъ за движеніями своихъ рукъ. Въ чемъ заключается это слѣженіе, догадаться не трудно: она должна чувствовать спицы въ рукахъ и чувствовать мѣру производимыхъ движеній. Тутъ дѣйствуютъ, какъ замѣстители зрѣнія два чувства: осязаніе (преимущественно въ концахъ пальцевъ) и такъ называемое мышечное чувство—сумма ощущеній, сопровождающихъ всякое движеніе членовъ нашего тѣла и всякое измѣненіе въ ихъ положеніи другъ относительно друга. Въ томъ, что зрѣніе и оба эти чувства могутъ замѣщать другъ друга въ руководствѣ движеніями нашего тѣла, убѣждаютъ сравнительныя наблюденія надъ здоровымъ человѣкомъ и больнымъ атаксіей—болѣзнью съ потерей осязанія и мышечнаго чувства въ членахъ тѣла, при остающейся способности двигать этими членами произвольно. Здоровый можетъ стоять и ходить съ закрытыми глазами, а больной атаксіей не можетъ: не чувствуя подъ собой твердой опоры и не чувствуя мѣры мышечныхъ сокращеній, которыми предотвращается паденіе человѣка изъ стоячаго положенія, атактикъ съ закрытыми глазами падаетъ. Здоровый, закрывая глаза, можетъ держать какую-либо вещь въ рукѣ произвольно долго, а у атактика она выпадаетъ изъ рукъ, потому что онъ не чувствуетъ ни предмета ни нужной для держанія его степени мышечнаго сокращенія.

Рука не есть только хватательное орудіе—свободный конецъ ея, ручная кисть, есть тонкій органъ осязанія и сидитъ этотъ органъ на рукѣ, какъ на стержнѣ, способнымъ не только укорачиваться, удлиняться и перемѣщаться во всевозможныхъ направленіяхъ, но и чувствовать опредѣленнымъ образомъ каждое такое перемѣщеніе. Ладонная поверхность руки, подобно сѣтчаткѣ глаза, даетъ сознанію форму предметовъ — слѣпые читаютъ по выпуклымъ буквамъ рукою;—а двигатели руки, подобно двигателямъ глазного яблока, даютъ величину и положеніе покоющихся предметовъ относительно нашего тѣла, равно какъ пути и скорости двигающихся. Если органъ зрѣнія, по даваемымъ имъ эффектамъ, можно было уподобить выступающимъ изъ тѣла сократительнымъ щупаламъ съ зрительнымъ аппаратомъ на концѣ, то руку, какъ органъ осязанія и уподоблять нечего—она всѣмъ своимъ устройствомъ есть выступающее изъ тѣла осязающее щупало въ дѣйствительности. Зрячій избалованъ зрѣніемъ въ дѣлѣ познаванія формы, величины, положенія и передвиженія окружающихъ его предметовъ; поэтому онъ не развиваетъ драгоцѣнной способности руки давать ему тѣ же самыя показанія; а слѣпой къ этому вынужденъ, и у него чувствующая рука является дѣйствительнымъ замѣстителемъ видящаго глаза.

У зрячаго контрольный аппаратъ лежитъ внѣ работающей руки, а у слѣпого—въ ней самой.

И. Сѣченовъ.

Сонъ на чужбинѣ.

На чужбинѣ далекой тоскуя вдвоемъ,
Мы, какъ дѣти, однажды тихонько болтали
Въ полумракѣ вечернемъ о горькомъ быломъ
(Нашей старой, но все еще свѣжей печали!).
«Нѣтъ! тѣхъ дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу!—ты, блѣднѣя, шептала:—
Ни одна впереди не мерцала звѣзда,
Умъ мѣшался, душа умирала.
«Днемъ и ночью шумѣла рѣка подъ окномъ,
Шевелясь, точно лапы чудовищъ враждебныхъ.
Рѣкъ такихъ мы въ краю не видали родномъ—
Развѣ въ грезахъ иль сказкахъ волшебныхъ.
«Величавый, холодный, безлюдный просторъ...
Наша лодка, да влажныя, черныя бездны,
Да по берегу стѣны отвѣсныя горъ...
О возвратѣ мечты безполезны!
«За утесомъ-гигантомъ вздымался утесъ,
Все безмолвнѣй, угрюмѣй, печальнѣй;
Все на сѣверъ потокъ насъ безжалостный несъ,
Дальше, дальше отъ родины дальней!
«Разъ, я помню, подъ гнетомъ безумной тоски,
Вся пронизана влагой холодной,
Я заснула подъ мѣрные всплески рѣки,
И приснилось мнѣ: вновь я свободна!..

«Я лечу, будто птица... Мелькаютъ вокругъ
Занесенныя снѣгомъ равнины...
Я лечу на желанный сверкающій югъ
Изъ холоднаго мрака чужбины.
«Ближе, ближе родная страна—
Небо блещетъ лазурью и свѣтомъ...
Сердце чуетъ: весна, золотая весна!—
Пахнетъ бѣлой акаціи цвѣтомъ.
«Вотъ и Днѣпръ, утонувшій въ вишневыхъ садахъ,
Засверкалъ бирюзою... Я вся задрожала!
И, на берегъ родимый упавши въ слезахъ,
Долго, жадно его цѣловала!

. . . . . .

«Я очнулась на мрачной, холодной рѣкѣ—
Волны съ грознымъ нахлынули плескомъ.
Сердце билось въ груди, словно птица въ силкѣ,
Еще полное радостнымъ блескомъ.
«И казалось въ тотъ мигъ: если бъ родину я
Не во снѣ—на яву увидала,
Я упала бъ на землю и, слезъ не тая,
Цѣловала ее, цѣловала!»
Милый голосъ во тьмѣ, какъ струна, зазвенѣлъ—
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утѣшить тебя я, мой другъ, не умѣлъ,
Полонъ той же мучительной думой!..

П. Я.

ОГРАБЛЕННЫЯ СЛОВА.

„Erloshen sind heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfaderhellt".

Давно уже живу я на бѣломъ свѣтѣ. Серьезное и осмысленное чтеніе я началъ лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, когда, окончивъ гимназію, поступилъ въ университетъ и съ первыхъ же лекцій Грановскаго пристрастился къ этому дѣлу. Понятно, что за такой періодъ времени я успѣлъ перечитать весьма многое. Вспоминая теперь свое прошлое,—обычное занятіе болѣзненной и потому досужей старости,—я останавливаюсь на одномъ, съ перваго взгляда довольно странномъ, явленіи: нѣкоторыя слова, употреблявшіяся во время моей молодости въ извѣстномъ смыслѣ, мало-по-малу утрачивали этотъ смыслъ и теперь употребляются въ иномъ, иногда діаметрально-противоположномъ, совершенно чуждомъ первоначальному своему значенію, смыслѣ.

Чтобы короче и нагляднѣе выразить сущность этой словесной эволюціи, въ итогѣ которой слова, не теряя ни одной буквы, стали, однако, звучать фальшиво, точно разстроенное фортепьяно при не поврежденныхъ клавишахъ, я, по благому примѣру народныхъ чтеній съ тѣневыми картинами, начну свое изложеніе нижеслѣдующей иллюстраціей.

Очень немногіе изъ нашихъ современниковъ помнятъ былые, теперь упраздненные и запущенные почтовые тракты, именовавшіеся „большими", или „столбовыми дорогами", „большаками", какъ звали ихъ обыватели; по обѣимъ сторонамъ такихъ „большаковъ" стройно тянулись березовыя аллеи съ верстовыми столбами, четко указывавшими путнику пройденное и остающееся впереди разстояніе до цѣли его пути. Насажденные еще въ просвѣтительныя Екатерининскія времена, аллеи эти теперь частью вырублены по распоряженію предержащихъ властей, частью расхищены обезлѣсенными придорожными обывателями, частью повалились сами собой отъ ветхости. То же случилось и съ верстовыми столбами, а на кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ ветеранахъ цифры, обозначавшія разстояніе, отъ времени стерлись, и путникъ уже не знаетъ, сколько верстъ отъѣхалъ и сколько осталось еще до станціи, а на обращенный къ ямщику вопросъ получаетъ иногда довольно неопредѣленное разъясненіе: „было 10, да 3 бурей сломало, а може и больше". Въ зимнее же время, не находя руководящихъ березъ, путникъ сбивается съ дороги, плутаетъ по оголеннымъ полямъ, а то и мерзнетъ, занесенный снѣжною метелью.

Правда, что рядомъ съ этими запущенными большаками пролегаютъ и новыя чугунки, но, обладая лишь физическими преимуществами, онѣ во всемъ остальномъ много уступаютъ упраздненнымъ трактамъ. „Благополучный россіянинъ" ѣздитъ теперь въ комфортабельномъ купэ I класса и, развалясь въ мягкихъ креслахъ, читаетъ Московскія Вѣдомости; но за то окружающій міръ виднѣется ему сквозь узенькое оконце,

то нарочито занавѣшиваемое отъ лучей живительнаго солнца, то стихійно застилаемое густымъ, тягучимъ дымомъ, несущимся назадъ отъ передового паровоза. Нѣтъ тѣнистыхъ аллей по бокамъ, нѣтъ указательныхъ столбовъ, нѣтъ воздуха и простора вокругъ; монотонное полотно съ холоднымъ блескомъ прямолинейныхъ на немъ рельсовъ, вагоны для скота, набитые рабочими и переселенцами, задавленные пѣшеходы, катастрофы и переутомленная поѣздная прислуга...

Были „большія дороги", были и большія слова, раздѣляющія теперь ихъ печальную участь. Судьба этихъ большихъ, вѣщихъ словъ настолько интересна, что, полагаю, будетъ не лишнимъ заняться ею въ предлагаемомъ очеркѣ, или, вѣрнѣе, эскизѣ, такъ какъ разсчитывать на болѣе детальную обработку сюжета по многимъ и многимъ причинамъ пока еще нельзя.

Давно уже мы тщетно ищемъ „новаго слова" и тѣмъ временемъ теряемъ или искажаемъ старыя. Изъ года въ годъ нашъ умственный балансъ страдаетъ отъ этого возрастающими дефицитами, искусно маскируемыми ловкими бухгалтерами; но если, устранивъ всякую бухгалтерію, мы провѣримъ балансъ наличностью кассы, то найдемъ въ ней не мало директорскихъ векселей, заступившихъ мѣсто исчезнувшихъ цѣнностей.

Метаморфоза нѣкоторыхъ словъ, послужившихъ темою настоящаго изслѣдованія, встрѣченныхъ мною впервые 40 лѣтъ тому назадъ, чаще встрѣчавшихся затѣмъ и того чаще встрѣчаемыхъ теперь, особенно замѣчательна и страшна тѣмъ, что постигнутыя ею слова теряли постепенно свои положительные составные признаки и восполнялись отрицательными и между тѣмъ выражали руководящіе общественные идеалы, прежде строго и ясно отграничивая различныя направленія стремящейся къ этимъ идеаламъ этической мысли, а теперь смѣшивая ихъ въ самыхъ дикихъ сочетаніяхъ.

Прослѣдимъ эту метаморфозу по каждому изъ разрушенныхъ ею словъ въ отдѣльности.

„Благонамѣренный".

Нѣкогда, въ давно минувшіе дни „Союза благоденствія" и запретной тогда поэзіи, вдохновленной гражданскими мотивами, „благонамѣренность" и „либерализмъ" были синонимами. Теперь благонамѣренность гражданская выродилась въ благонамѣренность полицейскую, знаменуемую, по словамъ великаго сатирика, окрещеніемъ жида, или составленіемъ подложнаго акта.

Исчезнувшій типъ „благонамѣреннаго" съ широкими гуманными задачами, съ самоотверженнымъ стремленіемъ къ свѣту, добру и правдѣ, замѣнился фигурою совсѣмъ иного порядка: когда читается теперь это опорожненное слово, въ надрессированномъ представленіи современнаго читателя встаетъ хорошо всѣмъ знакомый образъ „благополучнаго россіянина" съ кругленькимъ капитальцемъ, такимъ же брюшкомъ и лысиною на макушкѣ (худоба, бѣдность и молодость неблагонамѣренны eo ipso); онъ—храмостроитель и селадонъ; его „изба" всегда „съ краю"; онъ можетъ тиранить жену и дѣтей, гноить своихъ подданныхъ жильцовъ, обсчитывать своихъ рабочихъ и т. д. и, несмотря на то, а пожалуй—и вслѣдствіе того, безмятежно пользоваться всѣми правами своего узурпированнаго титула. Деревенскій кулакъ, разоряющій своихъ односельчанъ, кабатчикъ, ихъ спаивающій, бойкій администраторъ, проповѣдующій розгу, и преслѣдующій школу,—все это люди „благонамѣренные", и, наоборотъ, сельскій учитель, ревнивый въ своемъ дѣлѣ и любимецъ учениковъ, земскій дѣятель, радѣющій о благѣ своего уѣзда, частный иниціаторъ, стремящійся поднять умственный или экономическій уровень окрестнаго населенія, защитникъ попранныхъ правъ или угнетаемаго дѣтства и т. п., — люди опасные, враги порядка и не потому, чтобъ они были политически-неблагонадежны (самъ

обвинитель хорошо знаетъ, что это вздоръ), а просто потому, что они помогаютъ ищущему свѣта, или правды темному человѣку найти къ нимъ дорогу. Ихъ геройскій, обставленный всяческими препонами, лишеніями и опасностями трудъ, ихъ поучительный примѣръ, ихъ ободряющіе успѣхи вѣнчаются замалчиваніемъ или клеветой. Соберутся зимнимъ вечеромъ нѣсколько поселянъ читать Евангеліе или пѣть псалмы, — чего бы, кажется, благонамѣреннѣе? Однако, въ неизбѣжномъ результатѣ такой бесѣды является урядникъ, протоколъ, и набожные люди сажаются на скамью подсудимыхъ. Если же какой-нибудь изъ ихъ же односельцевъ напьется до безобразія въ кабакѣ, или изобьетъ до полусмерти жену, — ни урядника, ни протокола нѣтъ, потому что пьянство на-руку благонамѣренному человѣку—кабатчику а „съ бабами иначе невозможно".

Итакъ, мы видимъ, что современный обыватель, будь онъ интеллигентъ или простолюдинъ, находится въ равномъ недоумѣніи относительно того, какъ слѣдуетъ себя вести, чтобы заслужить репутацію благонамѣреннаго гражданина, и чѣмъ оградить себя отъ обвиненій въ противномъ. Сверху и до низу, въ литературѣ и въ жизни, идетъ смута въ пониманіи нравственнаго и общественнаго принципа первостепенной важности, и даже независимая печать, отражая въ себѣ роковую раздвоенность этого пониманія, не помогаетъ дѣлу, не даетъ ясныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, чтобы разобраться въ хаосѣ, сочетавшемъ въ себѣ два противуположныхъ типа, былой и современный, изъ которыхъ первый—только тѣнь, живая въ памяти доживающихъ дни свои старцевъ, а второй—вполнѣ вожделѣнная плоть, всѣми видимая и очень чувствительно осязаемая.

Благонамѣренность и злоумышленіе столкнулись въ одномъ и томъ же словѣ, какъ на одномъ и томъ же пути сталкиваются два встрѣчныхъ поѣзда, пущенные съ двухъ противуположныхъ концовъ: вагоны лѣзутъ другъ на друга, образуя дикую, безформенную смѣсь изъ щепокъ и обломковъ всякаго рода съ застрявшими въ нихъ кусками свѣжаго человѣческаго мяса,—крушеніе вагоновъ-словъ съ пассажирами-понятіями!...

Патріотъ.

Въ подобномъ крушеніи погибло и слово „патріотъ".

Патріотъ-гражданинъ превратился сначала въ „квасного патріота", а потомъ въ „патріота своего отечества"; на головѣ, нѣкогда вѣнчаемой лишь лаврами или терніемъ, воздѣтъ шутовскій колпакъ. Путемъ подобныхъ превращеній нашъ „патріотъ" подъ конецъ слился до нераспознаваемости съ шовинистомъ и ретроградомъ. Исчезнувшій законный представитель погибшаго слова горячо, до самозабвенія любилъ свою родину, жилъ ея радостями, скорбѣлъ ея горемъ. Заступившій его мѣсто только фыркаетъ да бахвалится; вся активная его сфера исчерпывается доносами и инсинуаціями; тамъ, гдѣ бьется еще сердце и свѣтитъ разумъ, ему мерещится „измѣна". Его политическія симпатіи упорно сосредоточены въ омертвѣлыхъ, якобы исключительно русскихъ историческихъ традиціяхъ и въ режимѣ николаевскихъ, якобы единственно-патріотическихъ временъ; все, что не подходитъ подъ эту марку—крестьянская реформа, земское самоуправленіе, судъ присяжныхъ и т. п.—трактуется имъ какъ зловредныя, антирусскія новшества. Онъ презираетъ всѣ европейскіе порядки, парламенты зоветъ „говорильнями", а въ области народнаго просвѣщенія признаетъ только церковно приходскую школу. Съ иностранной литературой онъ знакомъ лишь по скабрезнымъ романамъ былыхъ французскихъ реалистовъ, что, однако, не мѣшаетъ ему ратовать за усиленіе цензуры для отечественныхъ произведеній, несогласныхъ съ его политическими воззрѣніями. Безмолвіе и повиновеніе—его пароль и лозунгъ.

Новый образъ совершенно заслонилъ собою для современнаго читателя иной, свѣтящійся намъ изъ далекаго прошлаго, скорбный и величавый, носившій нѣкогда то же имя, но уже по праву, а не какъ сюртукъ съ барскаго плеча. Узурпировано это имя, и такъ узурпировано, что назвать имъ его прежняго носителя теперь какъ-то совѣстно и

обидно! Да и самъ узурпаторъ открещивается отъ всякаго родства съ своимъ однофамильцемъ, не смотря на то, что патріотизмъ послѣдняго давно уже констатированъ оффиціально отмѣною крѣпостного права и назначеніемъ былыхъ „государственныхъ преступниковъ“ на новыя государственныя должности по введенію Положеній 19 февраля 1861 года.

Окончательно порвавъ съ своимъ славнымъ прошлымъ, взамѣнъ утраченнаго, патріотъ новѣйшей формаціи получилъ хорошо всѣмъ извѣстные доспѣхи: религіозную нетерпимость, національную замкнутость, насильственное обрусеніе окраинъ, самобытность въ самомъ узкомъ и ветхомъ значеніи, боярскую шапку и шинель николаевскаго покроя. Вы можете быть великимъ писателемъ, славой и гордостью своей родины, можете умереть за нее, но если вы не стоите въ циклѣ этого новаго вооруженія,—вы не „патріотъ“, а „отступникъ“.

Либералъ.

Въ домашнемъ, повседневномъ обиходѣ слово это впервые является у насъ вмѣстѣ съ побѣдоносною арміей Александра Благословеннаго, возвращающеюся изъ Парижа—колыбели освободительныхъ идей конца XVIII вѣка. Вскорѣ затѣмъ слово начинаетъ принимать опасное значеніе, противное существующему государственному строю, но далекое еще отъ „якобинца“ и „карбонарія“, и въ лучшей части обществъ продолжаетъ сохранять все свое обаяніе, лишь усиливаемое цензурными запретами. Съ тѣхъ поръ и вплоть до начала эпохи великихъ реформъ состоящее подъ запретомъ слово не утрачиваетъ, однако, ни іоты изъ своего первоначальнаго смысла. Съ первыхъ же дней освободительной эпохи запретъ этотъ не только былъ снятъ, но освобожденное слово мы встрѣчаемъ даже въ оффиціальныхъ актахъ, рѣчахъ, докладахъ, запискахъ и мнѣніяхъ и слово это приводится въ нихъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ его истинному смыслу и значенію. Но, получивъ гражданскую полноправность, слово мало-по-малу теряетъ и этотъ смыслъ, и это значеніе. Первый толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ крѣпостной оппозиціей при разсмотрѣніи правительственныхъ законопроектовъ, подготовившихъ крестьянскую реформу; „либералъ“ отождествленъ съ „революціонеромъ“ и слово „либерализмъ“ получило совершенно несвойственный ему „красный“ оттѣнокъ, сдѣлалось какимъ-то пугаломъ. Постепенно отравляясь злобой и человѣконенавистничествомъ, значеніе гонимаго слова окончательно перерождается, мѣняетъ свой прежній обликъ и, сперва въ „охранительныхъ“ органахъ прессы, а затѣмъ въ молодой народившейся литературѣ, подвергается жесточайшей травлѣ и безсмысленному осмѣянію въ ея совсѣмъ уже не молодыхъ проповѣдяхъ о благахъ капитализма, о заслугахъ рабовладѣнія и о тщетѣ всего движенія 60-хъ годовъ. Прежнее пугало становится посмѣшищемъ и подъ опустошенной фирмой „либерала“ фигурируетъ содержаніе совершенно новое, ничего общаго съ прежнимъ не имѣющее, то опасное, то смѣшное, смотря потому, чьи уста произносятъ слово.

Въ теченіе всей этой 30-тилѣтней эволюціи слово „либерализмъ“ эксплуатировалось и вкривь и вкось и на всѣ возможные лады, сначала осторожно, съ переходными терминами: „лжелиберализмъ“, „псевдолиберализмъ“, „такъ называемый“ либерализмъ, а потомъ, когда значеніе истиннаго либерализма успѣло затуманиться до полнаго забвенія, всѣ эти переходные придатки были отброшены и слово „либерализмъ“ въ современномъ обиходѣ, устномъ и печатномъ, обходится уже безъ всякихъ придатковъ за неимѣніемъ въ томъ надобности: новое содержаніе охватило огуломъ всю сферу значенія вытѣсняемаго слова, и переходные термины оказались излишними. Путаница получилась невозможная: въ глазахъ однихъ либерализмъ отождествляется съ „колебаніемъ основъ“, съ насильственнымъ переворотомъ, крамолою, коммуною и т. п.; другимъ онъ представляется сочетаніемъ невиннѣйшихъ свойствъ безразличнаго типа; третьи

усматриваютъ въ немъ политическое недомысліе, или общежитейскую глупость, или, наконецъ, омертвѣлый шаблонъ.

За это время слово до того разбухло, расплылось и преисполнилось самыми разнообразными, а часто и противоположными признаками и оттѣнками, что въ составъ понятія имъ выражаемаго можно зачислить все, что угодно, кромѣ, конечно, забытаго прежняго его значенія. Если кто стоитъ на почвѣ дѣйствующаго закона, стремится къ охранѣ силы его въ жизненномъ приложеніи, если, не выходя за его предѣлы, защищаетъ обиженныхъ и обездоленныхъ,—тотъ уже „либералъ", опасный человѣкъ, нуждающійся въ обузданіи и ежевыхъ руковицахъ. „Либераломъ" же оказывается и тотъ, кто не предпочитаетъ произвола законности, „властной руки"—гуманнымъ стремленіямъ, кто не защищаетъ узко-сословныхъ, или коммерчески-хищническихъ интересовъ, кто не поклоняется розгѣ и собственноручной расправѣ, кто не ставитъ препонъ народному просвѣщенію, или частной благотворной иниціативѣ, хотя бы легально допущенной и одобренной. Съ другой стороны, въ счетъ тому же „либаралу" записаны тайныя сообщества, динамитныя бомбы, заговоры, подпольныя воззванія, подстрекательства и т. п. „жупелы". Кромѣ того, онъ же—„шарлатанъ", или „дуракъ".

Благодаря всему этому, теперешній „либералъ" является въ общественномъ представленіи нелѣпѣйшимъ конгломератомъ свойствъ, прежде составлявшихъ достояніе, съ одной стороны, консерватора, а съ другой—анархиста; истиннымъ же, природѣ слова присущимъ и теперь исчезнувшимъ его пониманіемъ обладаютъ лишь очень немногіе умы, способные sine ira et studio разобраться въ хаосѣ позднѣйшихъ наслоеній — исчадій клеветы и злостной фальсификаціи.

Консерваторъ.

„Въ новшествахъ твоихъ старина наша намъ сказывается" *). Неизвѣстно, что предпочиталось въ этомъ изреченія—новшества ли старинѣ, или старина новшествамъ, но несомнѣнно, что обѣ эти области не исключались взаимно, а, напротивъ того, находились въ полномъ гармоническомъ сочетаніи.

То же самое наблюдаемъ мы и въ другихъ былыхъ представителяхъ нашего консерватизма.

Извѣстный историкъ и публицистъ XVIII вѣка, кн. Щербатовъ, излагая въ фантастическомъ „Путешествіи шведскаго дворянина въ землю Офирскую" свои политическія воззрѣнія, признавалъ необходимость охраны „полезныхъ обычаевъ старины"—самодержавія, дворянскихъ привилегій и даже крѣпостного права и, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, писалъ и слѣдующее: „Великое есть право, чтобы кому свободу даровать. Единое сіе имя свободы возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ удовольствіе; оно, вспоминая человѣку естественное его свободное состояніе, рождаетъ мысли, чтобы колико возможно всѣхъ жителей свѣта, лишившихся оныя отъ поврежденія нравовъ и чрезъ обстоятельства, соучастниками оной сдѣлать".

И. С. Аксаковъ, консерватизмъ котораго также стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, былъ, какъ это извѣстно, горячимъ и убѣдительнымъ защитникомъ свободы слова, независимости суда и освобожденія крестьянъ.

И дѣйствительно, консерватизмъ въ истинномъ значеніи этого слова вовсе не исключаетъ поступательнаго движенія впередъ и охраняетъ только „полезныя обычаи старины", чѣмъ и отличается существенно отъ своей смежной области — реакціонерства.

Далеко ушелъ современный консерваторъ отъ этого своего прототипа, близко придвинулся къ своему сосѣду и почти готовъ слиться съ нимъ. Примирительный элементъ

*) Адресъ московскихъ старообрядцевъ Императору Александру II, составленный И. С. Аксаковымъ.

былого значенія слова выродился въ воинствующее противленіе всякому благонамѣренному *) „новшеству“, даже и такому, которое давно уже успѣло сдѣлаться „стариной“, какъ, наприм., Судебные Уставы 1864 г., Земское Положеніе первой редакціи, университетскій уставъ 1863 г. и т. п. Сторонники этихъ законодательныхъ актовъ именуются не консерваторами (какъ это дѣлается, наприм., въ Англіи), а „революціонерами“, охраняется какой-либо принципъ не по старшинству своего проявленія—„за выслугу лѣтъ“, а по соотвѣтствію его взглядамъ охранителя и уже отнюдь не потому, что принципъ этотъ выражается „полезными обычаями старины“. Таковы: охрана народнаго невѣжества, экономическаго рабства, семейнаго деспотизма, тѣлесныхъ наказаній, тайнаго судоговоренія, административнаго произвола и т. п.

То, что прежде имѣло лишь временное значеніе, вызывалось лишь временною необходимостью, какъ преходящая культурная ступень, возводится въ вѣчный, неподвижный принципъ, въ предѣльный идеалъ, дальше котораго идти некуда. Въ итогѣ получается закрѣпощеніе мысли, не смѣющей заглядывать впередъ, т. е. критически, разумно и естественно относиться къ настоящему,—отреченіе отъ высшихъ прирожденныхъ свойствъ человѣческаго духа, сковываемаго въ замкнутомъ абсолютѣ. Прежній консерваторъ оправдывалъ себя извѣстною формулою: „мы не дозрѣли“; теперешній уже прямо, безъ всякихъ обиняковъ восклицаетъ: намъ и не нужно дозрѣвать! У прежняго оставалось еще что-то впереди—возможность „дозрѣть“ до чего-то, хотя и смутно намѣченнаго; для теперешняго будущность не болѣе, какъ пустопорожнее, герметически закупоренное пространство, изъ котораго предварительно выкачанъ воздухъ. Въ этомъ пунктѣ нашъ нынѣшній консерваторъ сходится съ анархистомъ, оба одинаково сокрушаютъ настоящее и игнорируютъ будущее.

Такимъ образомъ, слово, изображавшее нѣкогда мирное стремленіе охранять statu quo ante, переходитъ изъ оборонительнаго значенія въ наступательное и, въ союзѣ съ тремя сопредѣльными владыками—обскурантизмомъ, ретроградствомъ и анархизмомъ, щитъ мѣняетъ на мечъ.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, добиваются наши называемые и называющіеся „консерваторы?“—упраздненіи крестьянскаго, земскаго и городского самоуправленія, отмѣны института суда присяжныхъ, правительственныхъ редакторовъ для частной прессы и надлежащихъ разрѣшеній для людей, желающихъ „мыслить и говорить“... Развѣ это „консерватизмъ“? Развѣ эко не отчаянныя новшества, требующія ломки существующаго государственнаго и общественнаго строя? Въ правѣ ли такой „консерватизмъ“ носитъ свое прежнее имя и смущать имъ добрыхъ людей, не замѣчающихъ „волка въ овечьей шкурѣ“?

Гражданинъ.

„Отецъ семейства, приведи къ могилѣ мученика сына,—да закипитъ въ его груди святая ревность гражданина“!...

За отсутствіемъ, съ одной стороны, спроса, а съ другой и возможности проявленія подобныхъ ощущеній, слово „гражданинъ“ имѣетъ у насъ въ настоящее время всего на всего двухъ представителей: 1) „почетнаго гражданина“, если и пользующагося „почетомъ“, то почетомъ далеко не того свойства, которое имѣлъ въ виду Рылѣевъ въ своей поэмѣ, и 2) „Гражданина“ кн. Мещерскаго, если и очень „ревностнаго“, то далеко не „святого“.

Обаятельная мощь упраздненнаго слова живетъ лишь въ старинныхъ манускриптахъ правдиваго лѣтописца, а современный гражданинъ проповѣдуетъ розгу.

---

*) Употребляю слово въ его прежнемъ значеніи: безъ этой оговорки теперь писать его уже нельзя.

Итакъ, передъ нами пять словъ,—пять этапныхъ пунктовъ на заброшенномъ большакѣ, въ которыхъ воры, грабители, неповинные страдальцы и непомнящіе родства бродяги, пользуясь блаженнымъ сномъ конвоя, мѣняются своими именами и примѣтами.

Слово—даръ, отличающій человѣка отъ животнаго, отъ твари безсловесной; слово—духъ, оживотворившійся и животворящій. Нельзя безнаказанно злоупотреблять имъ, играть имъ, нельзя подмѣнивать ту суть, какую стремится оно выразить собою. Иначе повторится вавилонская катастрофа, и люди перестанутъ понимать другъ друга. Этотъ подлогъ особенно опасенъ въ области этическихъ руководящихъ терминовъ, требующихъ незамутимой ясности, точности и устойчивости своего первоначальнаго, разъ вѣрно и безспорно установленнаго значенія.

Содержаніе того или иного понятія, изображаемаго тѣмъ или инымъ словомъ, не можетъ, конечно, оставаться неизмѣннымъ: мысль прогрессируетъ, съ нею прогрессируетъ и выраженіе ея въ словѣ; но измѣненіе совершается въ такомъ случаѣ лишь въ объемѣ понятія, но не въ его существѣ, и, вслѣдъ за совершившимся измѣненіемъ въ предѣлахъ обогатившагося новыми признаками понятія, измѣняется и слово, его выражающее, путемъ тѣхъ или иныхъ придатковъ, или же путемъ появленія новаго термина, причемъ прежнее слово съ изображаемымъ имъ прежнимъ понятіемъ остается неприкосновеннымъ. Внѣ этого условія была бы невозможна исторія культуры, было бы невозможно прослѣдить эволюцію общественнаго сознанія, было бы невозможно, наконецъ, писать и говорить, не рискуя оказаться непонятымъ читателемъ или собесѣдникомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, столковаться между собою, когда собесѣдники разговариваютъ на подложномъ языкѣ и данное слово понимаютъ каждый по своему? Вотъ почему слова „либерализмъ“ и „консерватизмъ“, утратившія у насъ свое прежнее значеніе, сохраняютъ его въ Западной Европѣ въ первоначальной чистотѣ, а для выраженія эволюціонныхъ послѣдовательныхъ наслоеній имѣется цѣлый арсеналъ новыхъ словъ, вооружившихъ новыя теченія въ литературѣ и жизни. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ (не въ существѣ, повторяю) двухъ данныхъ понятій мы встрѣчаемъ новыя фракціи, а съ ними и новыя слова: „націоналъ-либералы“, „соціалъ-демократы“, „свободомыслящіе“, „неокатолики“, „аграріи“, „феодалы“, „клерикалы“ и т. д. Всѣ эти новообразованія, осложнившія первоначальную область понятія, существуютъ, разумѣется, и въ нашемъ небогатомъ интеллектуальномъ обиходѣ, но всѣ они жмутся въ старомъ терминѣ *), заслоняютъ его истинное содержаніе и крайне затрудняютъ пониманіе его для молодого поколѣнія, заставшаго слово въ новомъ, хаотическомъ, безобразномъ и безтолковомъ обликѣ.

Между этой естественной эволюціей и грубой подтасовкой нѣтъ ничего общаго. Первая—законъ исторіи, вторая—дѣло наивнаго недомыслія и рукъ человѣческихъ, далеко, въ данномъ случаѣ, нечистыхъ.

Чтобы нагляднѣе представить коренное различіе, существующее между этими двумя процессами,—естественнымъ и искусственнымъ, — возьмемъ, для примѣра, слово „предразсудокъ“. Предразсудкомъ можетъ признаваться зловѣщее значеніе цифры 13, предразсудкомъ же могутъ признаваться праздничные визиты, дуэли и т. п. Есть люди, которые и то, и другое, и третье считаютъ предразсудкомъ; но есть и такіе, которые считаютъ таковымъ лишь первое, свято соблюдая остальное. Прогрессирующее самосознаніе общества будетъ, разумѣется, расширять область даннаго понятія, включая въ нее новые признаки дикихъ, вредныхъ или ненужныхъ аберрацій, но никогда не наступитъ время, въ которое здравомыслящіе люди стали бы зачислять въ область предразсудковъ понятія долга, справедливости, любви къ ближнему и т. п. Только въ конецъ извращенная или больная мысль можетъ оказаться способною на это. Съ другой стороны, никто изъ

*) Тогда какъ для обозначенія различныхъ видовъ спорта, напримѣръ, имѣется цѣлый словарь: велосипедисты, шахматисты, конькобѣжцы, лыжники, виптеры, циклисты, бициклисты и т. д., и т. д.

здравомыслящихъ людей, желая узнать свою судьбу, не пойдетъ къ гадалкѣ и не смутится, встрѣтивъ на улицѣ священника. Равнымъ образомъ и отдѣльныя черты въ области понятій либерализма, консерватизма, патріотизма могутъ измѣняться, переплетаться, входить или выходить, но всѣ подобныя перемѣны и сочетанія будутъ возможны и нормальны въ области индивидуальной личности (напримѣръ, можно быть либераломъ въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій и консерваторомъ въ сферѣ политики), но не въ области самого понятія.

Если же, какъ это мы видѣли, наблюдаемая пертурбація произошла именно въ этой послѣдней области, то это прямо указываетъ на то, что измѣнились не люди, не отдѣльныя особи—случайные представители того или иного направленія, а измѣнились ихъ отвлеченныя, руководящія воззрѣнія, и обусловленная такимъ генезисомъ метаморфоза стала характернымъ знаменателемъ новѣйшаго общественнаго настроенія.

Дѣло сдѣлано! Недовѣрчивое и глумливое отношеніе къ либерализму, опошленное представленіе о благонамѣренности, низверженіе идеи патріотизма, вырожденіе консервативнаго и гражданскаго типовъ введены въ шаткую и смутную область нашего самосознанія, совершилась опустошительная пертурбація въ умахъ молодежи и вмѣсто ярко пылавшаго прежде свѣточа въ ея опущенныя руки воткнутъ чадный погребальный факелъ.

Въ тускломъ мерцаніи этого факела передъ нею движутся странныя, фантастическія фигуры: благонамѣренный жуликъ, охранительный сокрушитель, патріотъ въ дурацкомъ колпакѣ, консервативный либералъ, гражданинъ въ шутовскомъ нарядѣ,—

„Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ...“

Пушкинской Татьянѣ всѣ эти чудовища могли пригрезиться лишь въ „тревожномъ сновидѣньѣ“, и она „проснулась“,—

„Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло,
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ...“

Наша молодежь видитъ ихъ на-яву и врядъ ли скоро дождется „зари багрянаго луча“...

Бѣда была бы не велика, если бы словесная метаморфоза представляла собою одинъ лишь филологическій интересъ, но она проникла гораздо дальше и глубже: она врѣзалась въ заповѣдную сферу понятій и идеаловъ, спутала и затуманила ее. Слова, ихъ выражавшія, выдыхаются, изнашиваются, вывѣтриваются и переживаютъ тотъ процессъ, который Нордау называетъ „вырожденіемъ“. Слѣдя за ходомъ отечественной культуры и тѣми непостижимыми зигзагами, какими движется она за послѣдніе годы, нельзя не прійти къ убѣжденію, что эволюціоннымъ фазамъ вырожденія подвержены не только человѣческія поколѣнія въ своихъ психофизическихъ условіяхъ, не только звуки, которыми они выражаютъ свои мысли, но и отвлеченные образы и понятія, этими звуками воплощаемыя,—явленіе чрезвычайно знаменательное для нашей обиходной этики, изловчившейся опошлить и дискредитировать терминологію, опредѣляющую основные принципы общественнаго преуспѣянія, „идеи-силы“, понятія о гражданскомъ долгѣ, объ отечествѣ, совѣсти, свободѣ и благонамѣренности. Aqua cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, подложная терминологія, пестрящая кругозоръ и справа и слѣва, вытѣсняетъ мало по малу представленія о своемъ истинномъ, кровномъ и исконномъ, но утраченномъ, или передвинутомъ содержаніи. Содержаніе это, по назначенію своему реально-влія-

тельное, до того измѣнилось, выцвѣло и потускнѣло, что въ настоящее время уподобляется извѣстной картинѣ, изображающей льва, похожаго на собаку, съ пояснительною подъ нею надписью: „се левъ, а не собака“.

Этотъ левъ, похожій на собаку, крайне затрудняетъ теперь и писателя и читателя. Въ рѣдкой публицистической или этической полемикѣ вы не встрѣтите безконечныхъ договорныхъ условій между авторомъ и его оппонентомъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать то или другое проставленное слово изъ вышеупомянутой категоріи. Цѣлыя страницы исписываются единственно потому, что спорящіе не одинаково понимаютъ употребляемыя ими слова, и рѣчь ихъ уподобляется стереоскопу, въ который при одномъ и томъ же стеклѣ попеременно вставляются картинки самаго разнообразнаго содержанія. Слова, которыми перебрасываются стороны, ставятся въ саркастическихъ ковычкахъ спереди и сзади сопровождающихъ обыкновенно чужое или свое, но злоупотребленное или трансформированное слово, и если вспомнить, что полемика ведется въ данномъ случаѣ въ той области, въ которой поневолѣ приходится говорить обиняками, маскировать свою рѣчь аллегоріями и разсчитывать на чтеніе между строкъ, то горестное положеніе читателя, напрягающаго свою отовсюду терзаемую мысль къ уразумѣнію читаемаго, станетъ вполнѣ понятнымъ. Въ итогѣ и для автора, и для оппонента, и для читателя получается нѣчто вродѣ умозрительнаго дальтонизма, и у современнаго живописца нѣтъ болѣе красокъ, доступныхъ общему, единому и не искаженному впечатлѣнію!

Группа проповѣдниковъ и практиковъ, совершившая эту словесную контрафакцію и фальсифицировавшая идейное содержаніе отвлеченныхъ понятій, растетъ не по днямъ, а по часамъ, она столько же неразборчива, сколько и сильна въ средствахъ; ея печатные органы плодятся и множатся; она проникаетъ на университетскія каѳедры, пробирается на разныя злачныя мѣста; она хорошо обезпечена отъ нападеній въ теоріи и жалобъ въ практикѣ. И вотъ почему дѣло дошло до того, что если кто-нибудь, желая похвалить другого, скажетъ, что это—человѣкъ „благонамѣренный“, то у собесѣдниковъ тотчасъ же возникаетъ подозрѣніе, что человѣкъ этотъ по меньшей мѣрѣ мошенникъ, а когда произносится слово „либералъ“, то гарантированные слушатели злорадно хихикаютъ, а негарантированные боязливо оглядываются по сторонамъ; по поводу же современнаго „консерватизма“ Т. И. Филипповъ сдѣлаетъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи знаменательную оговорку: „Есть охранитель и охранитель!“...

Фальсифицированное суесловіе существовало и въ былыя времена, но оно проявлялось лишь въ образѣ какого-нибудь юродствующаго редактора съ немногими вторившими ему сотрудниками. Теперь это—цѣлое, свободно возросшее и развѣтвившееся древо на тощей нивѣ нашего общественнаго сознанія,—древо, подъ тѣнью котораго не прочь отдохнуть и сравнительно-порядочный, искренній, но легкомысленно-довѣрчивый и безоружный молодой человѣкъ.

Далеко не въ столь благопріятныхъ условіяхъ обстоитъ дѣло на другой, противоположной сторонѣ.

Правда, на ея пути много преградъ, въ большинствѣ пока неодолимыхъ, но отсюда еще нельзя утверждать, что „у молодца крылья связаны и пути ему всѣ заказаны“. Были бы „пути“, были бы „крылья“—вотъ что главное. Тяжело, разумѣется, переживать время, въ которое заказываются пути и перевязываются крылья,—тяжело, но не безысходно: пути можно снова открыть, можно снять повязку съ крыльевъ. Другое дѣло, когда нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, или когда наличные пути ведутъ лишь къ „маленькимъ дѣламъ“, а крыльевъ хватаетъ ровно на столько, чтобы вспорхнуть на насѣстъ да и дремать тамъ по заведенному порядку. Другое дѣло, когда въ постепенно забываемомъ и удаляющемся прошломъ исчезаютъ для насъ тѣ немногія, но вѣщія и могучія слова, которыя указывали намъ эти пути и окрыляли нашу мысль. Другое дѣло, когда мы равнодушно присутствуемъ при варварскомъ опустошеніи и искаженіи этихъ

вѣщихъ и могучихъ словъ, творимомъ не по мановенію свыше, а по собственной и доброй волѣ. Другое, наконецъ, дѣло, когда нѣтъ возвышенныхъ цѣлей, нѣтъ общественныхъ интересовъ, нѣтъ широкихъ задачъ и когда слова, ознаменовавшія и духотворившія эти цѣли, интересы и задачи, сохраняютъ въ наши дни лишь значеніе надгробныхъ поруганныхъ памятниковъ, къ которымъ все больше и гуще „зарастаетъ народная тропа".

Существуетъ археологическое общество, заботящееся объ охранѣ храмовъ-памятниковъ художественной старины отъ грубой и искажающей реставраціи. Иныя слова— тѣ же храмы, требующіе молитвы и не допускающіе кощунственныхъ оскорбленій. Существуетъ и для нихъ Общество любителей россійской словесности, нарождается „Союзъ русскихъ писателей", который не ограничится, вѣроятно, одной матеріальной и благотворительной стороной дѣла. Въ память Пушкина усиленъ и составъ Академіи. Многое могутъ сдѣлать эти учрежденія къ охранѣ русскаго слова, къ духовному, а не только внѣшнему очищенію и оздоровленію родного языка, къ возстановленію силы и значенія его нещадно ограбленнаго арсенала и въ конецъ истрепанныхъ знаменъ.

Ужъ если мнѣ пришлось начать свое изложеніе туманною иллюстраціей, то надо закончить его резюмирующею виньеткой.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ я былъ покупателемъ въ одномъ и томъ же магазинѣ на Тверской. Магазинъ былъ хорошій и торговали въ немъ честно. Разъ какъ-то, подъѣхавъ къ знакомой вывѣскѣ, я машинально отворилъ дверь и очутился въ совершенно опустошенной комнатѣ, нетопленной и пыльной. Ободранными лохмотьями висѣли со стѣнъ обои, на полу въ безпорядкѣ валялись пустые ящики, посерединѣ стоялъ ушатъ съ какою-то мутною жидкостью, а рядомъ съ нимъ на высокой скамейкѣ полупьяный маляръ съ носогрѣйкой въ зубахъ водилъ своимъ помеломъ по потолку... Только выходя назадъ, я замѣтилъ приклеенное на разбитомъ уличными шелопаями дверномъ стеклѣ объявленіе, гласящее, что магазинъ переѣхалъ на Мясницкую.

Подобной же эвакуаціи подверглось и содержаніе вышеразсмотрѣнныхъ словъ. Жаль только, что подъ оставленною вывѣской нѣтъ объявленія, куда оно эвакуировало...

Куда, въ самомъ дѣлѣ, скрылись эти образы,—путеводители, ими нѣкогда воплощенные, свѣтлые, устойчивые и призывные?

Тщетно ищутъ они себѣ новаго пріюта! Ихъ никто не зоветъ, въ нихъ никто не нуждается. О нихъ молчитъ наша средняя школа, молчитъ и каѳедра со смерти Грановскаго. Черви доѣдаютъ ихъ истерзанное тѣло въ гробу, а безсмертная душа давно покинула грѣшную землю.

„Erloschen sind die heitern Sonnen!"...

П. Обнинскій.

ГОРЕ.

(Эскизъ съ натуры).

Хорошая лавка у старой Ревекки Брайнштейнъ; не даромъ она славится не только среди обывателей рынка, въ одномъ изъ многочисленныхъ „пассажей“ котораго она пріютилась, но и въ цѣломъ околодкѣ. Да что въ околодкѣ! Можно смѣло сказать, что добрая половина всего города перебывала въ лавкѣ Ревекки.

Чего, чего только здѣсь нѣтъ! На выставкѣ, въ окнахъ, красуются большіе бронзовые часы на бѣлой мраморной подставкѣ, рядомъ съ ними пара канделябръ въ томъ же стилѣ. Ревекка хорошо знаетъ этотъ стиль. Лѣтъ шесть тому назадъ зашелъ къ ней одинъ генералъ, важный такой, съ крестомъ на шеѣ—и торговалъ люстру. Красивая была люстра: дно большое, круглое изъ темной бронзы, а по немъ украшенія разныя —позолоченныя: вѣнки, жертвенники, змѣи. Такія же змѣи шли и по краю люстры между подсвѣчниками. Ревекка спрашивала за эту люстру полтораста рублей, а генералъ больше, какъ о стахъ, и слышать не хотѣлъ.

— „Съ ума ты, колдунья, спятила“, говорилъ онъ: „да вѣдь этихъ ампировъ какъ грибовъ теперь развелось“.

Черезъ мѣсяцъ пошли на мировую. Люстры увезли къ генералу, а въ кассу Ревекки поступила сотенная бумажка, да еще двѣ красненькихъ.

Вотъ съ тѣхъ поръ старая торговка и научилась распозновать вещи „въ родѣ генеральской“, какъ она про себя, для ясности, окрестила строгій изящный стиль первой имперіи.

Часы въ окнѣ составляютъ ея гордость; она въ точности не знаетъ, что въ нихъ такого ужъ хорошаго, но усиленный спросъ на нихъ со стороны покупателей заставляетъ ее дорожиться.

Рядомъ съ часами въ плоскихъ стеклянныхъ коробочкахъ лежатъ разныя монеты; тутъ можно найти и вполнѣ современные „франковики“, и даже родныя полушки, но за то рядомъ съ ними попадаются и какія то таинственныя деньги, старыя, зазубренныя съ какими-то странными, въ родѣ еврейскихъ, надписями.

Въ этомъ же окнѣ, на особой подставкѣ красуется и парчевая русская шапочка, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ украшавшая чью-то женскую головку. Но какъ ни замѣчательны вещи, разставленныя на выставкѣ, онѣ ничтожны и жалки по сравненію съ тѣми сокровищами, которыя скрываются въ самой лавкѣ. Войдешь—и глаза разбѣгаются, несмотря на вѣчный полумракъ, нависшій надъ всѣми полками и шкафами. Тутъ чашки севрскія чередуются съ „кузнецовскими“ и жмутся между саксонскими статуэтками и русскими серебрянными подстаканниками; съ ними же ведутъ компанію канделябры, мраморные и гипсовые бюсты, прессъ-папье, восточные кинжалы, старинныя русскія чернильцы, въ видѣ серебрянныхъ баночекъ, вазы, старыя шпоры, миніатюры на кости и на эмали и десятки другихъ самыхъ разнообразныхъ по возрасту, происхожденію и употребленію предметовъ.

Стѣны украшены запыленными картинами, на которыхъ потрескавшаяся краска образовала цѣлую паутину: изъ-за паутины выглядываетъ какая-то сѣдая борода, строгій орлиный носъ и одинъ глазъ, неодобрительно скосившійся не то на входящаго покупателя, не то на старую „премію Нивы“, красующуюся на противоположной стѣнѣ.

Съ потолка спускается нѣсколько стильныхъ люстръ въ перемѣшку съ обыкновенными „столовыми“ лампами.

Этимъ, однако, владѣнія и богатства Ревекки Брайнштейнъ не ограничиваются: если покупатель придется ей по душѣ, она съ таинственнымъ видомъ вооружится пустой бутылкой изъ подъ пива съ воткнутымъ въ горлышко зажженнымъ огаркомъ и, пригласивъ васъ слѣдовать за нею, подымется по скользкой и грязной лѣстницѣ на верхъ, на чердакъ.—Тутъ святая святыхъ, и хотя вещи тѣ же, что и внизу, но еще болѣе значительный мракъ и хаотическая обстановка придаетъ имъ необычайно цѣнный и старинный видъ.

Да, хороша лавка старой Ревекки Брайнштейнъ, и не даромъ съ утра до вечера толпятся въ ней покупатели.

Сегодня, какъ всегда, подходили они одинъ за другимъ къ

дверямъ лавки, останавливались по привычкѣ нѣсколько секундъ передъ часами и монетами въ окнѣ и брались за ручку двери. Но дверь не подавалась, и тутъ только удивленные посѣтители замѣчали прибитую къ косяку надпись: „сиводня закрито счетырехъ чесовъ“.

Почему же это однако сегодня закрыто? праздникъ что ли какой, или суббота? Ни то, ни другое. Можетъ быть, несчастье какое нибудь приключилось съ хозяйкой? Нѣтъ, сосѣдніе торговцы говорятъ, что Ревекка по обыкновенію провела у себя въ лавкѣ все утро и полдня; озабочена она была чѣмъ-то, правда, но здорова и весела.

И покупатели, поломавъ себѣ головы надъ неразъяснимой загадкой, уходятъ дальше.

Сама же старуха и не подозрѣваетъ о томъ, какое волненіе произвело на рынкѣ ея отсутствіе; да и некогда ей объ этомъ думать: всѣ помыслы ея заняты другимъ, совсѣмъ другимъ.

Она сидитъ у себя въ комнаткѣ въ креслѣ—то же „ампиръ“, но никѣмъ не признанномъ и потому перенесеннымъ изъ лавки сюда на квартиру — и съ нетерпѣніемъ поджидаетъ, что вотъ—вотъ раздастся дряблый звонъ у входной двери, и вбѣжитъ смуглый кудрявый мальчикъ, десятилѣтній Лейба, ея внукъ, такой же круглый сирота, какъ и она, и, ласкаясь къ ней, начнетъ быстро, быстро разсказывать, какъ прошелъ его первый экзаменъ.

Что онъ выдержалъ, въ этомъ старуха не сомнѣвается. Не даромъ же онъ самъ такъ пламенно желалъ учиться и уговорилъ ее годъ тому назадъ, вопреки даже ея собственному желанію, отдать его въ школу. Недовольна была тогда старая Ревекка, не видѣла проку въ ученьѣ; но не хватило силъ у нея отказать своему любимцу

Вспомнила старуха недавнее прошлое, вспомнила и болѣе отдаленное; въ мысляхъ встаютъ забытые образы, смѣняются другими и проносятся куда-то дальше, на дно души, должно быть.

А время проходитъ. Часы съ кукушкой давно уже прозвенѣли опредѣленный часъ. Старуха начинаетъ безпокоиться.

Вдругъ звонокъ... Ревекка бросается къ дверямъ, позабывъ свой возрастъ, и недугъ... Это ея Лейба!

Дверь открыта, струя свѣжаго воздуха врывается въ затхлое помѣщеніе, и на порогѣ показывается мальчикъ.

— „Лейба, Лейба! что съ тобой?“ лепетала старуха, обнимая своего птенца: „ты плачешь? не выдержалъ экзамена?“

Лицо мальчика на секунду оживляется, и онъ не безъ гордости отвѣчаетъ: „выдержалъ“. Потомъ снова на глазахъ показываются слезы.

Долго старая Ревекка не можетъ выяснить себѣ причины его горя; наконецъ, она понимаетъ въ чемъ дѣло, и ужасъ охватываетъ ее: Лейба исключенъ изъ школы; начальникъ требуетъ, чтобъ сегодня же его бумаги были взяты обратно.

Да за что? за что? Товарищъ обидѣлъ его, онъ не стерпѣлъ и ударилъ обидчика. Вотъ и все.

Но вѣдь этого мало; какая же это причина? мальчишки подрались, такъ что же? Старуха не можетъ взять въ толкъ—въ чемъ состоитъ проступокъ. Она впервые начинаетъ сомнѣваться въ правдивости внука: Лейба что-нибудь скрываетъ. Надо пойти узнать; хотя и страшно говорить съ начальникомъ, но избѣгнуть этого нельзя.

Встревоженная, взволнованная, одѣваетъ Ревекка самое лучшее свое платье, шляпу, старый салопъ и, быстро сѣменя дряхлыми ногами, идетъ въ училище.

— „Можно видѣть начальника?"

— „Подождите".

И старуха ждетъ четверть часа, полчаса; сердце сжимается все больнѣе и больнѣе, духъ захватываетъ. Что-то будетъ?

Наконецъ, ее вводятъ въ другую комнату съ письменнымъ столомъ по серединѣ; за столомъ, дымя папироской, сидитъ господинъ въ формѣ. Этого господина Ревекка уже разъ видѣла, годъ тому назадъ, когда приводила Лейбу въ первый разъ сюда.

— „Кто вы? что вамъ нужно?"

Старуха теряется и отвѣчаетъ не сразу. Начальникъ сердится, переспрашиваетъ, а услыхавъ фамилію, сердится еще больше и сразу переходитъ на „ты".

— „А-а!" строго говоритъ онъ: „ты пришла за документами твоего шелопая. Сейчасъ тебѣ дадутъ".

Робко-робко начинаетъ Ревекка излагать то, за чѣмъ пришла: почему ея Лейбу исключили? Что онъ сдѣлалъ? Развѣ онъ можетъ сдѣлать что нибудь дурное? Онъ такой скромный, послушный, ласковый, и учится хорошо.

Начальникъ зло смѣется. Скромный? ха-ха-ха! Ласковый? ха-ха-ха! Негодяй! забіяка!—вотъ что онъ. И господинъ въ формѣ повторяетъ въ нѣсколькихъ словахъ то же, что говорилъ Лейба: ударилъ товарища.

Старуха недоумѣваетъ; она напрягаетъ все свое вниманіе, старается вникнуть въ каждое слово собесѣдника, и ничего не понимаетъ; одно ей ясно, что о прощеніи мальчика не можетъ быть и рѣчи. Начальникъ рѣшилъ его исключеніе безповоротно.

Медленно, съ опущенной головой, возвращается Ревекка домой и снова допрашиваетъ внука.

— „Обидѣлъ онъ тебя? какъ? чѣмъ?" въ сотый разъ повторяетъ она, и изъ ея подслѣповатыхъ глазъ текутъ слезы на склоненную курчавую голову.

Лейба долго мнется и, наконецъ, едва слышно говоритъ:

— „Онъ сказалъ мнѣ—„жидъ", а товарищи кругомъ засмѣялись и показывали на меня пальцами".

Старые глаза Ревекки на мгновеніе загораются, огоньки ненависти вспыхиваютъ въ нихъ. Но только на мгновеніе; старуха удрученно опускаетъ голову, сознавая все свое безсиліе, и комната оглашается тихими, тихими рыданіями, исторгнутыми изъ дѣтской груди минутнымъ горемъ и изъ стараго, отжившаго сердца—страданіями многихъ поколѣній.

В. БАРЯТИНСКІЙ.

С. Ивановъ. Оборвышъ.

Изъ типографіи А. И. Мамонтова

Къ вопросу о законодательномъ регулированіи домашней промышленности.

По отношенію къ домашней промышленности,—такъ называемой домашней формѣ крупнаго производства,—въ экономической литературѣ долгое время царилъ оптимизмъ. Было двѣ главныхъ версіи этого воззрѣнія: сентиментально-романтическая и оптимистично-фаталистическая. Первая характеризуется восхваленіемъ прелестей работы въ семьѣ, внѣ фабричнаго режима и т. д. Второе воззрѣніе считало эту форму промышленности зломъ, но временнымъ и преходящимъ, на борьбу съ которымъ не стоитъ тратить силъ, ибо зло это уничтожится само собой мистическимъ закономъ концентраціи производства; съ этой точки зрѣнія домашняя форма промышленности и экономическая отсталость—синонимы; не нынче, такъ завтра фабрика соберетъ въ свои мастерскія домашнихъ рабочихъ, разсѣянныхъ по странѣ.

Сейчасъ нѣтъ мѣста ни сентиментализму, ни оптимистическому фатализму. Первый совершенно уничтоженъ новѣйшими изслѣдованіями, показавшими, сколь величайшее зло есть капиталистическая эксплоатація на дому, какихъ парій среди рабочаго класса представляютъ собой домашніе промышленники. Не болѣе законенъ и оптимистическій фатализмъ. Его источникомъ являлась та-же самая причина, какая вела и къ сентиментализму: недостаточность свѣдѣній о домашней промышленности. Статистическому обслѣдованію домашняя промышленность была подвергнута до сихъ поръ только въ одной странѣ,—въ Германіи, гдѣ она была изслѣдована два раза: въ промысловой переписи 1882 года и 1895 года. Сопоставленіе итоговъ этихъ двухъ изслѣдованій способно пробить самую несокрушимую броню оптимизма.

На первый взглядъ данныя переписей поддерживаютъ оптимистическое воззрѣніе. Общее число домашнихъ промышленниковъ (которое, благодаря неточности регистраціи, вообще показывается ниже дѣйствительнаго) сократилось, хотя число предпріятій въ домашней промышленности и увеличилось, а именно:

	Число домашнихъ рабочихъ по показ. рабочихъ.	по показ. предпр.	предпріятій
1882	476,080	544,980	19,209
1895	460,085	490,711	22,307

А вотъ данныя по группамъ отдѣльныхъ производствъ.

	1882	1895
Каменныя и земляныя работы	3,170	4,612
Переработка металловъ	16,930	20,656
Машины, инструменты.	4,489	9,085
Химическая промышленность.	171	305

Освѣтит. матеріалы, мыло	56	88
Текстильная промышленность	285,102	197,095
Бумажная промышленность	3,473	5,909
Кожаныя издѣлія	1,820	5,036
Деревянныя и рѣзныя издѣлія	19,111	37,443
Питательные продукты	8,346	15,833
Одежда, мытье	131,861	159,645
Строительный промыселъ	19	765
Полиграфическій промыселъ	739	2,144
Художественная промышленность	785	1,736

Приведенная статистика обнаруживаетъ тотъ первостепенной важности фактъ, что во всѣхъ отрасляхъ производства число домашнихъ промышленниковъ увеличивается, кромѣ текстильной промышленности, которой и обязано кажущимся сокращеніемъ общее число промышленниковъ. Но текстильная промышленность представляетъ собою такую отрасль домашней промышленности, которая наиболѣе страдаетъ отъ конкурренціи фабрики. Горестный мартирологъ ланкашайрскихъ ткачей, силезскихъ ткачей и нашихъ кустарей въ переходный періодъ между эпохой ручного и машиннаго производства общеизвѣстенъ. Сокращеніе текстильной промышленности въ домашней формѣ производства въ Германіи и обозначаетъ продолженіе, близящееся къ окончанію, этого стараго процесса. Вытѣсненіе ручного производства машиннымъ въ областяхъ безспорнаго превосходства послѣдняго для Германіи никоимъ образомъ нельзя еще считать законченнымъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности процессъ этотъ находится еще на полномъ ходу; сюда относится прежде всего область ткачества. Вотъ нѣсколько цифровыхъ иллюстрацій: на 1000 рабочихъ въ крупномъ производствѣ (предпріятіяхъ, занимающихъ болѣе 50 рабочихъ) приходилось въ хлопчатобумажномъ ткачествѣ въ 1882 году 455, въ 1895 году 672; соотвѣтствующія цифры для шерстяного ткачества 475 и 638, для шелковаго ткачества 178 и 573. Читатель видитъ, какъ рѣзко выраженъ этотъ процессъ въ шелковомъ ткачествѣ: число мелкихъ предпріятій (1 — 5 рабочихъ) уменьшилось (на 1000) съ 758 въ 1882 году до 365 въ 1895; изъ всѣхъ отраслей домашней промышленности наисильнѣйшее сокращеніе потерпѣла именно эта (на 20,000 предпріятій и 34,381 рабочихъ). „Merkwürdig, wie schnell die Toten reiten", замѣчаетъ по поводу ея Зомбартъ *).

Что мелкое производство въ текстильной промышленности обречено на болѣе или менѣе полное вымираніе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для Германіи, которая пережила уже самыя тяжелыя фазы этого процесса, можно только радоваться его интенсивному развитію.

Читатель видѣлъ, что рядомъ съ этой, вымирающей, старой отраслью промышленности народились новыя, которыя растутъ. Съ 1882 по 1895 годъ наиболѣе увеличились слѣдующія отрасли: изготовленіе вязаныхъ издѣлій и бѣлья (на 2091 предпріятіе и

*) Здѣсь и въ дальнѣйшемъ ссылки дѣлаются на статью Зомбарта „Hausindustrie", во второмъ изданіи Handwörterbuch der Staatswissenschaften. — Для контраста приведемъ примѣры нѣкоторыхъ, наиболѣе уже концентрированныхъ, отраслей производства: въ добываніи каменнаго угля на 1000 рабочихъ занятыхъ въ крупномъ производствѣ приходилось въ 1895 г. 998, слѣдов., можно сказать, что мелкаго и средняго предпріятія въ этой отрасли промышленности почти не существуетъ; то же приходится повторить относительно свеклосахарнаго производства, гдѣ число рабочихъ крупныхъ предпріятій на 1000 составляетъ 994, въ обработкѣ желѣза и стали, гдѣ то же число составляетъ 978 (не говоря уже о тѣхъ отрасляхъ народнаго труда, которыя мыслимы только въ крупныхъ размѣрахъ). Замѣчательно, что относительная цифра крупныхъ предпріятій въ этихъ отрасляхъ производства мало увеличилась съ 1882 года, слѣдов. тогда уже онѣ были сильно концентрированы. (Приведенныя сопоставленія см. въ статьѣ Лексиса „Grossbetrieb und Kleinbetrieb" во второмъ изд. Handw. d. Staatsw).

5560 рабочихъ), фабрикація паркета и столярное производство (на 3934 предпріятій и 9,338 человѣкъ), изготовленіе коробокъ (на 3903 предпріятія и 6007 человѣкъ), рѣзныя издѣлія (на 1,805 предпріятій и 3,526 человѣкъ), табачныя издѣлія (на 3400 предпріятій и 6949 человѣкъ), портняжій промыселъ (на 17268 предпріятій и 30,106 челов.), сапожный промыселъ (на 7099 предпріятій и 7,765 человѣкъ), стирка (на 1353 предпріятія и 2388 человѣкъ).

Въ конечномъ итогѣ, сопоставляя группы производствъ, гдѣ домашняя промышленность подверглась сокращенію или расширенію, мы имѣемъ: на сторонѣ сокращенія 92,453 предпріятія и 117,049 человѣкъ, расширенія 50,228 предпріятій и 88,883 челов. Зомбартъ вдумчиво замѣчаетъ по этому поводу: даже если разсматривать одну кустарную промышленность, „сколь огромная хозяйственная революція совершается еще въ народномъ хозяйствѣ Германіи; репульсія и аттракція обнаруживаетъ еще гигантскія колебанія маятника; подумайте, какая масса тренія, человѣческихъ страховъ и надеждъ скрывается только въ этихъ двухъ цифрахъ: 117,049 отпущенныхъ и 88,883 вновь принятыхъ домашнихъ рабочихъ втеченіе 13 лѣтъ; другими словами, каждый годъ происходитъ революція въ существованіи по крайней мѣрѣ, 15,000 работоспособныхъ, слѣдовательно, всего около 50000 человѣкъ въ Германской Имперіи, лишь въ области домашней промышленности".

Общій результатъ статистическаго анализа данныхъ переписей 1882 и 1895 года (который здѣсь, конечно, не можетъ быть приведенъ), можно выразить слѣдующими словами Зомбарта: „на сторонѣ убыли стоятъ, почти исключительно отрасли старой домашней промышленности, на сторонѣ прибыли сплошь новѣйшія отрасли; въ сферѣ домашней промышленности происходитъ своего рода процессъ обновленія, на мѣсто вымирающихъ отраслей промышленности выступаютъ, почти столь же распространенныя, новыя отрасли". Нужно еще сказать, что статистика совершенно не въ состояніи уловить многихъ случаевъ этихъ новообразованій, слѣдовательно, ихъ дѣйствительный ростъ значительно превосходитъ кажущійся.

Можно смѣло утверждать, что вновь нарождающіяся отрасли домашней промышленности не только не лучше, но хуже старыхъ. Наиболѣе замѣчательной особенностью новой домашней промышленности является то, что сокращается деревенская, усиливается городская домашняя промышленность. Наиболѣе сильно растущая отрасль домашней промышленности — Konfectionsindustrie, стирка, сапожный промыселъ, гнѣздятся въ городахъ и вызваны потребностями городского населенія. Главными центрами домашней промышленности являются теперь столицы. Контингентъ домашнихъ промышленниковъ образуютъ низшіе слои пролетаріата, наиболѣе бѣдные и безпомощные: женщины, русскіе евреи въ Лондонѣ, русскіе и богемскіе евреи въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ бы мы ни относились къ соединенію промысла съ земледѣліемъ, для самихъ домашнихъ рабочихъ замѣна деревни городомъ является несомнѣннымъ вредомъ, ибо лишаетъ ихъ оздоровляющаго вліянія сельскихъ работъ и деревенскаго воздуха, бросая ихъ въ вонючую нору подвальнаго этажа какого-нибудь переполненнаго дома *).

Трудно исчерпать весь вредъ этой формы промышленности; можно сказать, что эта форма крупнаго производства воплотила въ себѣ всѣ вредоносные вліянія капитализма, но совершенно лишена благотворныхъ. Ростъ домашней промышленности представляетъ

*) Долженъ вообще оговориться, что все, сказанное ниже о домашней промышленности, относится исключительно къ городской промышленности. Вопросъ о соединеніи промысла съ земледѣліемъ, соціальная и экономическая цѣнность этого соединенія и вѣроятная будущность деревенской промышленности лежитъ внѣ поля нашего зрѣнія. Въ частности, что касается русской кустарной промышленности, то вопросъ о ней гораздо сложнѣе, чѣмъ о городской промышленности, являясь аграрнопромышленнымъ, а не промышленнымъ только. Во всякомъ случаѣ, въ полномъ объемѣ вопросъ этотъ изслѣдованъ еще не былъ, и то огульное отрицательное отношеніе, которымъ разрубается этотъ Гордіевъ узелъ въ ортодоксальной марксистской литературѣ, я считаю совершенно ошибочнымъ.

собою растущую культурную опасность. Вопреки воззрѣнію современныхъ Панглосовъ, согласно которому „имманентные законы развитія“ представляютъ родъ надежнаго извозчика, везущаго прямикомъ къ „конечной цѣли“, нужно признать, что развитіе капитализма вырабатываетъ не только здоровые соки, но и яды. Главное преимущество домашней промышленности для предпринимателя это безпомощность рабочаго и возможность безграничной его эксплуатаціи (домашняя промышленность составляетъ, поэтому, классическую область господства экономіи низкой заработной платы). По мѣрѣ того какъ соціальное законодательство съ одной стороны, рабочія организаціи съ другой все повышаютъ требованія рабочихъ въ крупномъ производствѣ, предприниматель является все болѣе и болѣе заинтересованъ въ перенесеніи своего капитала (гдѣ это возможно) въ безпечальную область домашней промышленности. Даже въ Америкѣ, гдѣ техническая и экономическая цѣлесообразность болѣе всего между собою совпадаютъ и гдѣ быстрѣе всего идетъ концентрація производства, домашняя промышленность нарождается именно за послѣднее время (вмѣстѣ съ ростомъ населенія и—перенаселенія); уже были примѣры въ Нью-Іоркѣ и въ Чикаго, что домашняя промышленность въ Konfectionsindustrie разложила крупное производство, начинавшее развиваться въ этой области *). Слѣдов., даже тамъ домашняя промышленность способна оказывать техническій и соціальный регрессъ. Домашняя промышленность ведетъ не только къ дегенераціи занятыхъ въ ней рабочихъ, но является тормазомъ развитія для всего рабочаго сословія своей дѣйствительной или потенціальной конкуренціей. Англійскіе трэдъ-юніоны относятся поэтому съ вполнѣ сознательной враждебностью къ этой формѣ промышленности **).

Итакъ, если естественное развитіе приводитъ къ такимъ уродливымъ образованіямъ, соціальная политика должна активно вмѣшаться въ этотъ естественный ходъ развитія. Обычныхъ терапевтическихъ средствъ здѣсь мало, здѣсь нужно хирургическое вмѣшательство,—рядъ мѣръ, направленныхъ къ насильственному удаленію въ царство тѣней страшнаго призрака домашней промышленности. *Смерть домашней промышленности* или, по крайней мѣрѣ, сведеніе ея до законнаго и неизбѣжнаго минимума, таковъ долженъ быть здѣсь общій принципъ соціальной политики. Тамъ, гдѣ естественной концентраціи производства нѣтъ, но она необходима, нужно ее искусственно произвести!

Конечно, уничтоженіе домашней промышленности не можетъ быть поставлено прямою цѣлью законодательства; законъ, который предписывалъ бы уничтоженіе домашней промышленности, былъ бы также неисполнимъ, какъ законъ, повелѣвающій всѣмъ мужчинамъ обратиться въ женщинъ, чего не въ силахъ сдѣлать какъ извѣстно, даже, всемогущій англійскій парламентъ. Эта цѣль могла бы быть сдѣлана лишь верховнымъ принципомъ соціальной политики въ этой области.

Но законодательная борьба съ домашней промышленностью и всякія попытки ея

*) Поучительное сопоставленіе фактовъ касательно исторіи домашней промышленности въ Америкѣ см. у E. Levasseur L'ouvrier américain. Paris. 1898. Tome I.

**) Супруги Веббы въ своемъ классическомъ трудѣ о промышленной демократіи говорятъ по этому поводу слѣдующее: трэдъ-юніоны относятся „съ рѣшительной враждебностью къ работѣ на дому... Во всѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ господствуетъ въ значительныхъ размѣрахъ работа на дому (outworking), эта вражда, за послѣдніе годы весьма обострившаяся, приводила даже къ кровавымъ столкновеніямъ. Національный союзъ сапожниковъ и башмачниковъ (National Union ot Boot ond Shoe Operatives) и Шотландскій союзъ портныхъ (Scottish Tailors' Society) во главѣ своей программы ставятъ постепенное уничтоженіе работы на дому и т. д. Экономическое вліяніе домашняго труда состоитъ въ пониженіи уровня заработной платы, уничтоженіи нормальнаго опредѣленія рабочаго дня, уменьшеніи дохода рабочаго... Эти вредныя вліянія ограничиваются не однимъ только домашнимъ рабочимъ. Рабочіе, которые заняты въ мастерскихъ предпринимателя тѣмъ же самымъ производствомъ, должны также допускать пониженіе своей заработной платы и удлиненіе рабочаго дня, разъ имъ угрожаютъ, что иначе работа будетъ все болѣе и болѣе передаваться ихъ работающимъ на дому конкурентамъ. Работа на дому дѣлаетъ, так. обр., невозможнымъ весь трэдъ-юніонизмъ“. S u B. Webb. Theorie und Praxis der engl. Gewerksvereine, II, 80—87).

урегулированія представляетъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, трудности неимовѣрныя. До сихъ поръ теоретическая мысль бьется надъ выработкой наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ (послѣднее собраніе союза соціальной политики 1899 года въ Бреславлѣ было посвящено, между прочимъ, и этому вопросу, но не увѣнчалось никакими результатами *). Естественно, что первыя попытки борьбы съ домашней промышленностью имѣли мѣсто тамъ, гдѣ борьба эта всего легче, другими словами, гдѣ эта форма промышленности всего менѣе распространена, а форма правительства наиболѣе декмократична, именно въ молодыхъ и счастливыхъ колоніяхъ Австраліи, а также въ мало-по-малу старѣющихъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Интересно поэтому хоть въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ тѣмъ, что уже сдѣлано здѣсь въ этой области **).

Первой и совершенно необходимой мѣрой для борьбы съ домашней промышленностью является ея регистрація, приведеніе въ извѣстность дѣйствительнаго числа домашнихъ промышленниковъ. Такая обязательная регистрація существуетъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (Нью-Йоркѣ, Огайо, Пенсильваніи и Иллинойсѣ), гдѣ регистрація эта закономъ возлагается на частныхъ лицъ, на самихъ скупщиковъ, въ Англіи и въ Австраліи (Новой Зеландіи и Викторіи) гдѣ эта регистрація ведется оффиціальнымъ путемъ.

Далѣе слѣдуютъ мѣры, непосредственно направленныя для охраненія здоровья потребителей товаровъ, изготовляемыхъ въ домашней промышленности, но косвенно ведущія къ улучшенію санитарныхъ условій домашняго труда. По закону 1898 года, штатъ Нью-Йоркъ, а также и Иллинойсъ подвергаютъ особому полицейскому надзору тѣ жилища, которые служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ рабочими помѣщеніями для Konfectionsindustrie***). Санитарное бюро располагаетъ особыми мѣрами (вплоть до уничтоженія товаровъ) въ тѣхъ случаяхъ, если доказано, что товары эти изготовлены при нездоровыхъ условіяхъ и способны распространять заразительныя болѣзни. Новая Зеландія вообще запрещаетъ, во избѣжаніе распространенія заразы, изготовлять товары для продажи въ такомъ помѣщеніи, гдѣ въ настоящее время или не ранѣе какъ двѣ недѣли тому назадъ, находился заразный больной, безъ особой дезинфекціи и разрѣшенія.

Огайо предписываетъ (законъ 1896 года) занимать чужихъ, т. е. наемныхъ рабочихъ въ спеціальномъ помѣщеніи, особомъ отъ жилого и спальни. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ товары, изготовленные на дому, при грязныхъ и нездоровыхъ условіяхъ, а не въ рабочемъ помѣщеніи, отмѣчаются особымъ клеймомъ: „Tenement made". Желательно было бы, чтобы всѣ товары, изготовляемые въ домашней промышленности, отмѣчались особымъ клеймомъ.

Роковыя особенности домашней промышленности, столь затрудняющія ея урегулированіе, и здѣсь на практикѣ иногда приводятъ къ результатамъ нежелательнымъ и неожиданнымъ. Запрещеніе изготовленія товаровъ въ помѣщеніи, гдѣ находится заразный больной, ведетъ, наприм., иногда къ тому, что къ больному не приглашается врачъ, изъ боязни, какъ-бы онъ не установилъ заразной болѣзни. Это говоритъ, конечно, не противъ этихъ мѣръ самихъ по себѣ, но противъ недостаточности отдѣльныхъ мѣръ и въ пользу болѣе широкаго и всесторонняго законодательнаго вмѣшательства въ домашнюю промышленность.

---

*) См. Verhandlungen der am. 25, 26 und 27. September 1899 in Breslau abgehaltenen General-Versammlung des Vereins für Socialpolitik über die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung etc. Leipzig, 1900. Schriften des Vereins für sociale Politik, B. LXXXVIII.

**) Послѣдующій очеркъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи слѣдующихъ сочиненій: Levasseur L'ouvrier américain, tome I. Schwiedland. Ziele und Wege einer Heimarbeitsgesetzgebung, Gutachten dem K. K. Handelsministerium erstattet. Wien 1899 (чрезвычайно поучительная работа). Затѣмъ William Franklin Willoughby Regulation of the sweating system (Monographs on American Social Economics, IX, изданія, спеціально приготовленныя для Парижской Выставки 1900 года).

***) Подлинный текстъ закона см. у Willoughby, ll. c. стр. 8—11.

Въ Викторіи и Новой Зеландіи обязательно регистрируется ежегодно каждое рабочее помѣщеніе и, если удовлетворяетъ требованіямъ, получаетъ особый патентъ (a license); въ Соединенныхъ Штатахъ (въ Нью-Іоркѣ, въ Пенсильваніи и Массачусетсѣ) относительно цѣлаго ряда промысловъ существуетъ тотъ же самый законъ. Распространеніе его на помѣщенія, гдѣ изготовляются товары для продажи, было бы, можетъ быть, вѣрнымъ средствомъ къ оздоровленію рабочихъ и жилыхъ помѣщеній домашнихъ промышленниковъ.

Распространеніе законодательства въ защиту труда на домашнюю промышленность является, конечно, въ высшей степени желательнымъ, но оно встрѣчаетъ почти непреодолимыя трудности со стороны организаціи надзора за его исполненіемъ. Потребовалась бы цѣлая армія фабричныхъ инспекторовъ для наблюденія за соблюденіемъ предписаній этого законодательства въ разбросанныхъ помѣщеніяхъ домашнихъ промышленниковъ. Кромѣ того, экономическая слабость, даже нищета домашнихъ промышленниковъ дѣлаетъ ихъ отвѣтственность (по крайней мѣрѣ, матеріальную) за нарушеніе требованій законодательства чисто фиктивной. Нужно искать иного способа надзора за соблюденіемъ ихъ исполненія, нежели надзоръ фабричной инспекціи въ заведеніяхъ крупной промышленности, а равно иныхъ лицъ для несенія отвѣтственности за ихъ нарушеніе, болѣе состоятельныхъ нежели сами промышленники. Въ литературѣ поэтому послѣднее время выдвигается принципъ (Веббы, Чарльзъ Бусъ и др.), способный вызвать много возраженій съ частно правовой точки зрѣнія, возраженій, которыя могутъ быть однако обезсилены верховнымъ принципомъ всякаго правового творчества: salus populi suprema lex. Именно рекомендуется отвѣтственность за нарушенія закона возложить на домохозяевъ или на скупщиковъ, или же на тѣхъ и другихъ вмѣстѣ и превратить ихъ такимъ образомъ въ чины фабричной инспекціи. Принципъ этотъ находитъ частичное признаніе въ Англіи, въ Австраліи и въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, однако полное его осуществленіе принадлежитъ будущему. Настоящіе шаги законодательства еще робки и нерѣшительны, пока лишь теорія указываетъ этотъ путь законодательству. Само собой разумѣется, что прямое и непосредственное перенесеніе законодательства, относящагося до фабричныхъ заведеній, здѣсь не имѣло бы смысла: условія труда здѣсь и тамъ настолько различны, что не допускаютъ однообразнаго регулированія. Нѣкоторыя законодательства (австралійское) начинаютъ вводить спеціальныя постановленія относительно домашней промышленности. Вообще нужно сказать, что по вполнѣ понятнымъ причинамъ, здѣсь требуется чрезвычайная детализація законодательства по отдѣльнымъ мѣстностямъ, по отдѣльнымъ промысламъ и т. д., которая достижима, вѣроятно, при большемъ расширеніи компетенціи муниципальнаго правительства на счетъ центральнаго. Кромѣ того, въ виду возможныхъ обходовъ и злоупотребленій, требуется чрезвычайная внимательность при выработкѣ постановленій (запрещеніе брать работу на домъ съ фабрики, существующее условно напр. въ Англіи, нерѣдко приводило къ общему сокращенію фабричной работы насчетъ домашней, т. е., въ концѣ концовъ, къ усиленію домашней промышленности; къ подобнымъ же результатамъ приводитъ иногда запрещеніе дальнѣйшей пересдачи работы домашними рабочими). Какъ бы то ни было, успѣшное распространеніе законодательства относительно охраны труда на домашнюю промышленность можетъ имѣть главнымъ и наиболѣе цѣннымъ своимъ результатомъ только одно: сокращеніе или уничтоженіе домашней промышленности вслѣдствіе устраненія одной изъ главныхъ ея выгодъ,—возможности безбожной эксплуатаціи труда. Домохозяева, на которыхъ будутъ возложены обязанности фабричныхъ инспекторовъ по своему дому и отвѣтственность предпринимателей, не станутъ давать позволенія заниматься въ своихъ домахъ домашней промышленностью, которая тогда, естественно, соберется въ крупныя мастерскія, подлежащія общему фабричному надзору. Скупщики также станутъ находить менѣе выгодъ въ эксплуатаціи труда на дому. Результатомъ успѣшнаго примѣненія

охраны домашнепромышленнаго труда, несомнѣнно, явился бы и техническій прогрессъ, который теперь такъ сильно задерживается господствомъ экономіи низкой заработной платы въ домашней промышленности; эта охрана явилась бы такимъ образомъ не только соціально, но и экономически прогрессивною.

Хотя звучитъ и парадоксально, тѣмъ не менѣе вѣрно положеніе, что если соціальная политика есть врачъ, который приходитъ къ больнымъ, а не здоровымъ, то важнѣйшей задачей соціальной политики настоящаго времени является въ меньшей степени охрана фабричнаго труда, сколько домашнепромышленнаго, гораздо болѣе трудная и гораздо менѣе разрѣшенная.

Однако, однихъ полицейскихъ мѣръ недостаточно для борьбы съ дѣломъ домашней промышленности. Здѣсь должно придти на помощь и общество: потребительныя общества имѣютъ полную возможность исключать пріобрѣтеніе продуктовъ, приготовленныхъ при условіяхъ, завѣдомо нездоровыхъ; то же самое могли бы дѣлать и крупныя общественныя учрежденія, и т. д. Но самое важное значеніе имѣетъ здѣсь организація самихъ домашнихъ рабочихъ, которая представила бы самое надежное средство поднятія ихъ положенія. Однако, эта организація, какъ мы уже знаемъ, представляетъ въ домашней промышленности совершенно исключительныя трудности. Заслуживаетъ вниманія идея Брентано, осуществимая, конечно, только при опредѣленныхъ политическихъ условіяхъ: онъ предлагаетъ мѣстнымъ самоуправленіямъ періодически созывать, на основаніи существующихъ регистровъ, рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности, и разъяснять имъ ихъ права относительно предпринимателей (Rechtsbelehrung); эти періодическія собранія могли бы положить начало организаціи и конецъ той разъединенности, которая составляетъ главное несчастье домашнихъ рабочихъ. Нельзя, однако, считать организацію домашнихъ рабочихъ столь безнадежнымъ дѣломъ: въ началѣ 90-хъ годовъ въ Нью-Іоркѣ и Чикаго были вполнѣ успѣшныя стачки домашнихъ рабочихъ—конфекціонеровъ, руководимыя организаціей и достигшія цѣли *); подобныя же стачки были и въ Берлинѣ. Нельзя не пожалѣть, что рабочія партіи (не исключая нѣмецкой) сравнительно равнодушно относятся къ судьбамъ домашнихъ рабочихъ и не дѣлаютъ серьезныхъ попытокъ развивать среди нихъ организаціи, разумѣется, доступными имъ средствами.

Въ нашемъ отечествѣ не сдѣлано даже самаго перваго шага для возможности улучшенія домашнихъ рабочихъ, ихъ регистраціи и статистическаго изслѣдованія. Несомнѣнно, въ нашихъ городахъ, особенно столицахъ, ихъ многія тысячи: мы видимъ ежедневно на улицѣ ихъ испитыя лица, старообразныхъ дѣтей, робкихъ (или уже нахальныхъ) бѣлошвеекъ и т. д. Когда то мы дождемся промысловой переписи, которая освѣтитъ характеръ зла и его размѣры. Это не отъ насъ зависитъ. Но мы думаемъ, что кое-что здѣсь можетъ быть сдѣлано и частными усиліями; изслѣдованіе отдѣльныхъ промысловъ въ отдѣльныхъ городахъ (поскольку ему—увы!—не препятствуютъ „независящія обстоятельства") могли бы пролить не мало столь необходимаго свѣта; припомнимъ, что огромная анкета Союза Соціальной Политики была создана такими частными усиліями. Обратить вниманіе публики на этотъ предметъ и имѣетъ въ виду настоящая бѣглая замѣтка.

С. Булгаковъ.

Ноябрь 1900.

*) См. Willoughby, l. c.

Изъ записной книжки стараго любителя природы *).

Глава I.

Декабрь и январь самое глухое время нашего года: природа точно замкнулась сама въ себѣ и отдыхаетъ послѣ лѣтняго напряженія силъ, собираясь къ новой жизни. Отдыхаютъ растенія; лѣтнія птицы отлетѣли къ югу, а зимующія у насъ, сбившись въ стайки, кочуютъ по лѣсамъ, рощамъ и кустарникамъ, отыскивая себѣ кормъ. Многія изъ нихъ переселились къ людскому жилью (напр., разныя синички, снигири, овсянки) и тамъ смѣшались съ постоянными пернатыми людскими нахлѣбниками въ общую компанію. Взамѣнъ отлетѣвшихъ къ югу лѣтнихъ птицъ къ нимъ прикочевали многія сѣверныя птицы (напр., свиристели, подорожники, различныя совы и т. д.), гонимыя лютою зимою изъ ихъ приполярной родины. Звѣри тоже устроились и зажили по-зимнему. Одни скрылись въ логовищахъ, въ норахъ, дуплахъ и тамъ проводятъ въ спячкѣ холодное время; другіе забрались въ глухіе лѣса, отыскивая тамъ себѣ пріютъ, или хлопотливо рыскаютъ, то въ одиночку, то стаями, добывая себѣ пропитаніе. Жизнь въ природѣ затихла, но не исчезла совсѣмъ. Стоитъ лишь утромъ взглянуть на множество разнообразныхъ слѣдовъ, искрестившихъ по всѣмъ направленіямъ свѣже-выпавшій снѣгъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Жизнь приняла только своеобразный, замкнутый, дѣловитый характеръ: ея содержаніе — постоянныя заботы о хлѣбѣ насущномъ и о пріютѣ. Въ этомъ хлопотливомъ дѣлѣ она и сосредоточилась.

Но, вотъ, въ концѣ января день уже замѣтно прибылъ. Прибавилось и свѣта, прибавилось и солнечнаго тепла, особенно къ припеку; и со всѣмъ этимъ вмѣстѣ, слѣдя за наступающимъ движеніемъ солнца, стала понемногу, вначалѣ едва замѣтной волной, подыматься и жизнь природы. Къ зазимовавшимъ у насъ птицамъ понемногу начинаютъ прибывать и въ одиночку, а больше стайками, перекочевавшія черезъ насъ полярныя птицы, которыя снова стали пододвигаться къ сѣверу, а также и наши птицы, перекочевавшія, на время сильныхъ зимнихъ морозовъ и снѣговъ, недалеко къ югу: умножились стада бѣгающихъ и перелетающихъ по дорогамъ подорожниковъ, увеличились смѣшанныя стайки чижей и чечетокъ, и всѣ эти птички, шумя и перекликаясь, кочуютъ съ мѣста на мѣсто по рощамъ и по кустарнымъ зарослямъ, осыпая березнякъ и олешникъ своимъ шумнымъ, оживленнымъ роемъ. А тамъ, возлѣ селеній, къ засохшимъ зарослямъ репейника подлетать стали партіи нарядныхъ щегловъ, и порою уже раздается заливная пѣсенка пригрѣтыхъ солнцемъ самчиковъ; и всѣ эти толпы раннихъ, пернатыхъ гостей нашихъ трещатъ, пищатъ, дерутся, лазаютъ, возней своею внезапно оживляя мѣстность, и снова, также внезапно, исчезаютъ, откочевавши дальше. Много другихъ еще птицъ, зимующихъ у насъ, чаще стали попадаться на глаза, и увеличились, повиди-

---

*) Сокращенный отрывокъ изъ доклада, читаннаго въ публичномъ засѣданіи Тверского Общества Исторіи, Археологіи и Естествознанія.

мому, въ числѣ; однимъ словомъ, за надвигающимся солнцемъ, набѣгая струйками, наступать стали къ намъ и живыя волны природы.

Въ февралѣ вся эта прибыль пернатаго населенія замѣтно уже растетъ, особенно во второй половинѣ мѣсяца, если погода стоитъ хорошая.

Вмѣстѣ съ мелкой птицей начинаютъ появляться и всякіе кочующіе хищники: разныя совки, мелкіе соколики и ястребки, а также, кажется, и большой сорокопудъ, называемый у насъ „лѣсной сорокой", кочующій по лѣснымъ зарослямъ, гдѣ онъ занимается ловлей мышей и мелкихъ птицъ. Въ это же время уже начинаютъ раздаваться первыя весеннія пѣсни. Заиграли на лету вороны и галки, „къ теплу", какъ говорятъ въ народѣ,—стали разбиваться на пары и запѣли; эти птицы тоже склонны къ пѣнію, особенно сороки и вороны, хотя поютъ довольно скверно: сорока зря болтаетъ и усиленно стрекочетъ свою путаницу, а ворона щелкаетъ и давится, въ усиліи издать дикіе свои звуки. Ночами въ рощахъ и по старымъ заглохшимъ паркамъ, заголосила, заулюлюкала сова самецъ, неслышною тѣнью перелетая съ дерева на дерево и какимъ то рѣзкимъ кошачьимъ пискомъ, отвѣчаетъ ему его самка; въ большихъ лѣсахъ черные, большіе вороны приступили уже къ устройству своихъ гнѣздъ. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта, всюду уже чувствуется какой то страстный, весенній подъемъ въ жизни птицъ и звѣрей. Около селеній усиленно заворковали голуби; громко кричатъ и чирикаютъ собравшіеся въ кустахъ, либо въ хворостѣ драчливые воробьи, звонко посвистываютъ синицы, баскомъ тихо выводятъ свою скрипучую пѣсенку красногрудые снѣгири, среди инеемъ покрытаго кустарника, и тутъ же, около людского жилья, раздалась, наконецъ, и первая привѣтливая пѣсенка настоящей, такъ сказать, пѣвчей птички: въ солнечное утро конца февраля, около гуменъ, съ олешника, покрытаго еще неоттаявшимъ къ солнцу инеемъ, среди громкаго, почти оглушительнаго воробьинаго крика, прозвучала, на встрѣчу идущей веснѣ, серебристая, звенящая пѣсенка нашей желтой овсянки, и въ этой простенькой, но свѣжей пѣсенкѣ, какъ будто выразился первый весенній привѣтъ пробуждающейся природы,—первый гармоническій весенній звукъ отличающійся отъ подавленныхъ дѣловитыхъ звуковъ зимы. Въ лѣсахъ тоже кой-гдѣ, по опушкамъ, къ солнцу начали втихомолку налаживаться скромные весенніе напѣвы, и издали, изъ простора полей, освѣщенныхъ утренней зарей, уже стало доноситься порою гулкое токованье тетеревей.

Солнце и жизнь движутся впередъ въ возрастающемъ напряженіи силъ своихъ, и въ мірѣ звѣрей, еще раньше пожалуй, чѣмъ въ мірѣ птицъ, чувствуется горячій подъемъ этихъ силъ. Въ лѣсахъ, пустошахъ, поляхъ, около селеній, вокругъ сѣнныхъ стоговъ, около гумнъ, и засыпанныхъ снѣгомъ омстовъ соломы, по пестрому узору слѣдовъ и большихъ, и малыхъ, отпечатанныхъ на снѣгу, видно, какъ разрастается и усиливается ночная жизнь звѣрей и ночная ихъ подвижная дѣятельность.

Лѣсные звѣри—бѣлки, куницы, гдѣ онѣ водятся, чаще прежняго попадаются на глаза во взаимной игрѣ или въ дракахъ, оживляя мѣсную тишину своей возней; волчьи стада разбились на пары, а одиночные самцы лисицы, какъ собаки, стаями гоняются за самками, изъ которыхъ многія, отбившись отъ самцевъ, уже стали отыскивать мѣста, для устройства своихъ норъ. Самцы зайцы за ночь избѣгали всѣ кусты и поля, искрестили снѣгъ по всѣмъ направленіямъ, отыскивая самокъ и гоняясь за ними; громко блажатъ они, призывая зайчихъ, и дерутся, и грызутся между собою, такъ что шерсть летитъ клочьями...

Все въ гору и въ гору идетъ за солнцемъ общее оживленіе природы; — наступаетъ мартовское равноденствіе: блестящимъ, твердымъ настомъ покрываются снѣга въ утренній холодъ и становятся рыхлыми и влажными подъ полуденными лучами мартовскаго солнца. Вскорѣ затѣмъ зачернѣли дороги и поднялись бугромъ надъ осѣвшими, начинающими синѣть снѣгами. Пролетъ птицъ къ сѣверу черезъ наши мѣста усиливается:

потянули въ поднебесьѣ гогочущія большія стаи сѣрыхъ гусей; раскинувшись въ длинные трехугольники, высоко полетѣли съ звонкимъ кликомъ вереницы бѣлыхъ лебедей. Съ средины марта появились и первыя прилетныя къ намъ съ юга птицы: близъ селеній въ городахъ показались бѣлоносые, черные, степенно расхаживающіе по дорогамъ грачи; широкимъ взмахомъ крыльевъ поднимаются они со снѣга и, каркая, отлетаютъ вдаль при приближеніи человѣка. Но къ гнѣздамъ грачи еще не летятъ; прибывши на родину, они еще кочуютъ, какъ будто выжидая что-то. Такова, впрочемъ обычная манера всѣхъ прилетныхъ птицъ, онѣ не сразу приступаютъ къ гнѣздамъ и вначалѣ живутъ и гуляютъ на досугѣ, отдыхая послѣ перелета и въ весеннемъ весельѣ препровождая время.

Все болѣе и болѣе таетъ снѣгъ; по дорогамъ почти проѣзда нѣтъ: подпираетъ подснѣжная вода и ручьями начинаетъ просачиваться съ горъ. Всѣ снѣжныя поля покрылись темными пѣжинами проталинъ; прилетѣли жаворонки, и большими стадами стали появляться разныя перелетныя къ сѣверу птицы. Большія проталины на поляхъ, особенно къ припеку, возлѣ рощицъ или кустарника, гдѣ отошла обогрѣвшаяся земля, и гдѣ торчитъ побурѣвшее осеннее жниво съ клочками перезимовавшихъ травъ, служатъ въ это время сборными мѣстами прилетающихъ птицъ. Всѣ эти мѣста по утрамъ, въ тихую, хорошую погоду наполнены ихъ жизнью: кустарникъ или рощица звучатъ гомономъ ихъ разноголосаго пѣнія, щебетанія и писка.

Кромѣ чижей, овсянокъ, снѣгирей и воробьевъ, главную массу шумящихъ тутъ птичьихъ толпищъ составляютъ множество сѣренькихъ, красноголовыхъ чечетокъ съ ихъ несмолкаемымъ чечетомъ и пискомъ и останавливающіяся на перепутья къ сѣверу стада красивыхъ зябликовъ, дерябъ, замѣтныхъ по громкому скрыпучему дерябанью, какъ мѣтко выражаются птицеловы.

И вотъ, тутъ же, среди общаго птичьяго гомона на проталинахъ или въ вышинѣ надъ ними можно услыхать по утрамъ призывные крики нашихъ полевыхъ жаворонковъ и трели ихъ воздушныхъ напѣвовъ.

Вскорѣ затѣмъ звонкій посвистъ зябликовъ и громкій бойкій переливъ ихъ рощевыхъ пѣсенъ примѣшаются къ шумному птичьему хору, наполняя его какою то радостною звучностью и полнотой.

Между тѣмъ въ селеніяхъ, возлѣ скворечниковъ, прикрѣпленныхъ къ деревьямъ или просто къ высокимъ шестамъ, въ огородахъ или вдоль улицы противъ избъ, уже суетятся и ссорятся между собою изъ за устроенныхъ имъ домиковъ стайки черныхъ, лоснящихся скворцовъ, и съ обнаженныхъ деревьевъ тутъ же въ селеніи раздаются ихъ пестрыя забавныя пѣсни на потѣху народу.

Всюду поднимается жизнь и только въ лѣсахъ она, повидимому, нѣсколько отстала. Глухіе сосновые боры и темные еловыя заросли, куда съ трудомъ проникаетъ солнце съ теплымъ весеннимъ вѣтромъ, еще завалены снѣгомъ; лишь по опушкамъ ихъ съ оттаявшей луговины между кустами, слышно тонкое попискиваніе и пѣсенки синичекъ, золотолобиковъ, да порою съ щебетомъ налетятъ на олешникъ стайки чижей, чечетокъ, зеленчаковъ и, повозившись тутъ, перекочевываютъ дальше. Въ серединѣ же лѣса еще совсѣмъ по зимнему—снѣжно и молчаливо, и только своеобразная весенняя музыка дятловъ нарушаетъ общую тишину. Странная это музыка! точно на барабанѣ отбиваетъ ее дятелъ своимъ клювомъ на звонкомъ сухомъ суку дерева, и рѣзко, и гулко раздается среди лѣса ея звенящій и частый перебой.—Впрочемъ, и въ лѣсу уже почувствовалась весна, но ее замѣтитъ лишь охотникъ да внимательный наблюдатель: по зарямъ, въ чащѣ еловой заросли тонкой трелью пересвистываются уже токующіе рябчики; а въ глухомъ болотномъ соснякѣ раздается временами хриплая пѣсня затоковавшихъ красавцевъ глухарей.

Растительность тоже почувствовала приближеніе весны: красная верба и другіе

ракитники уже въ началѣ марта скинули съ цвѣтовыхъ своихъ почекъ черные колпачки, и большіе шелковистые барашки покрыли ихъ вѣтви; березы, орѣшникъ и олешникъ тоже уже готовятся къ цвѣту и выпустили длинныя изящныя свои сережки.

Конецъ марта. Перевалило давно за равноденствіе, и солнце поднимается все выше и выше въ весеннемъ небѣ; вслѣдъ за собою оно подымаетъ на землѣ и напряженную энергію жизни, но вмѣстѣ съ этимъ, въ борьбѣ съ зимней стужей, останавливаетъ и даже часто губитъ эту жизнь—особенно у насъ, гдѣ такъ ясно еще ощущается близость ледяного пояса.

Солнечное тепло вздымаетъ воздухъ: нагрѣтый, наполненный влагой (паромъ), струится онъ кверху и рѣдѣетъ внизу надъ землей; и такъ подъ наростающимъ солнечнымъ тепломъ образуются у насъ цѣлыя области теплаго разрѣженнаго воздуха, окруженныя съ сѣвера и съ сѣверо-востока,—со стороны полярныхъ морей и тундры, плотными слоями еще не прогрѣтаго, холоднаго воздуха. Солнце движеніемъ своимъ нарушило и нарушаетъ равновѣсіе въ холодныхъ воздушныхъ слояхъ, и къ намъ, въ область нагрѣтаго рѣдкаго воздуха, точно ручьи съ крутыхъ береговъ въ низину, потекли плотныя, холодныя, воздушныя теченія, холодные вѣтры съ полярнаго моря и съ тундры, и холодно стало у насъ. Точно снова вернулась зима. Все застыло и закоченѣло подъ налетѣвшимъ морознымъ вѣтромъ. Бушуетъ буря, и снѣжная мятель заноситъ все кругомъ; все снова побѣлѣло; исчезли проталины подъ новымъ покровомъ снѣга; деревья гнутся подъ его тяжестью; поля и луга бѣлы какъ зимою и сверкаютъ на морозѣ при утреннихъ солнечныхъ лучахъ. Притаилась испуганная весенняя жизнь: прилетѣвшія птицы ищутъ защиты и корма, и снова собралось, какъ бывало зимою, все птичье населеніе къ жилью людей. Но какъ оно теперь разнообразно: среди воробьевъ и овсянокъ, голубей и галокъ, отыскивающихъ кормъ около гуменныхъ построекъ, около избъ, по завалинамъ ихъ бѣгаютъ и порхаютъ, нахохлившись, разнообразные весеніе гости: бѣгаютъ жаворонки, скворцы, прыгаютъ и перепархиваютъ различные зяблики, чечотки и другія птички, которыя всѣ и движеніями своими, и окраской, и общимъ видомъ рѣзко отличаются отъ обычной толпы сельскихъ пернатыхъ обывателей. Много ихъ тутъ пропадаетъ: хватаютъ ихъ и кошки, и вороны, даже галки; ловитъ ихъ и человѣкъ, а многія мрутъ отъ стужи и голода среди сугробами наваленнаго снѣга.

Часто еще затѣмъ будутъ снова вторгаться холода, нарушая развитіе весны: солнце, надвигающееся все ближе къ сѣверу, все дальше распространяетъ свое вліяніе. Какъ ледъ на полярномъ морѣ разрушается и отодвигается къ сѣверу подъ солнечнымъ тепломъ, такъ разрушаются и отодвигаются и плотные, холодные слои,—и точно оторванныя льдины, гонимыя въ открытые нагрѣтые морскіе плесы, порою снова врываются къ намъ съ бурею осколки, такъ сказать, морознаго сѣвернаго воздуха, нагоняя тяжелыя, черныя тучи съ крупою и снѣгомъ и распространяя на время вокругъ себя почти зимнюю стужу.

Но эти вторженія холода теперь не долго могутъ уже затянуться: не осень теперь, когда движутся они къ намъ за одно съ наступающей зимой, а весна, когда ихъ сила и продолжительность съ приближеніемъ лѣта все больше и больше ослабѣваетъ. Народъ это знаетъ: внукъ за дѣдушкой пришелъ, говорятъ крестьяне про выпавшій весенній снѣгъ... И точно, съ первымъ наступившимъ тепломъ весь этотъ снѣгъ обратился въ воду, съ горъ побѣжалъ ручьями и унесъ съ собою остатки залежавшагося зимняго снѣга.

Конецъ марта и начало апрѣля. Настало царство воды, а съ нимъ и первый валовой птичій прилетъ.

Всюду шумитъ и плещется вода. Тронулась она изъ лѣсовъ и изъ болотъ, ручьями и бурными потоками побѣжала по полямъ и по лощинамъ, заливая ихъ, и несется къ рѣкамъ. Поднялись и рѣки,—выступили изъ береговъ и залили поемные луга. Какъ озера разлились широкія рѣчныя долины,—но посинѣвшій ледъ еще не

тронулся, онъ вздулся и бугромъ стоитъ посрединѣ рѣчного русла, крѣпко примерзнувъ къ берегамъ. Но, наконецъ, и онъ не выдержалъ: его размыла и расщеляла напирающая вода,—скоробила и тронула. Двинулся ледъ, звеня и сбиваясь зажорами; массою поплылъ, далеко по берегамъ разгоняя отдѣльныя льдины свои, обрывая берега и ломая побережные кусты и деревья.—Прежде тронулись большія рѣки Волга, Тверца, открывая дорогу своимъ притокамъ, а за ними тронулись и эти послѣднія.

Царитъ вода, а вмѣстѣ съ нею—и птичья жизнь, съ новою силою двинувшаяся къ намъ и заливщая своимъ движеніемъ, криками и пѣніемъ все пространство кругомъ.

Многія изъ зимовавшихъ у насъ приполярныхъ птицъ уже откочевали на сѣверъ: исчезли подорожники, свиристели, полярныя совы; лѣсныя птицы, толкавшіяся зимою около селеній, сороки, частью вороны, снѣгири, овсянки, лѣсныя синицы отодвинулись теперь въ кустарныя заросли, въ рощи и лѣса,—къ мѣстамъ ихъ гнѣздъ; но за прилетомъ все новыхъ и новыхъ птичьихъ стай—эта убыль и не замѣтна.

Тепло и сыро все кругомъ. Плескъ и шумъ разлившихся водъ, звенящій стеклянный трескъ разбивающихся льдинъ на рѣкѣ и особый весенній шумъ влажнаго лѣса подъ мягкимъ дуновеніемъ бухонаго, какъ у насъ говорятъ, теплаго вѣтра, сливаются въ одинъ общій своеобразный широкій гулъ, на которомъ и разыгрывается вся весенняя пѣсня природы.

Высоко въ небѣ большими трехугольниками потянули журавли, перекликаясь между собою: часть ихъ тянетъ на дальній сѣверъ, часть ихъ направляется къ нашимъ обширнымъ моховымъ болотамъ, откуда уже доносятся порой ихъ трубные переливающіеся возгласы. Надъ рѣкою съ ея широкимъ разливомъ носятся стайками разнообразныя длиннокрылыя чайки, то бѣлыми лодочками опускаясь на воду, то сверкая въ синевѣ неба серебристой своей бѣлизной; ихъ странные крики, то карканье, то рѣзкій визгъ, то заливающійся дикій хохотъ слышны уже издали. Свистя крыльями и разнообразно переговаривая и перекликаясь между собою, бойко пролетаютъ то низомъ, то высоко надъ рѣкою стайки утокъ и водяныхъ птицъ. Тянутъ высоко въ небѣ большіе кроншнепфы, съ звонкимъ свистомъ рѣютъ надъ водой различные кулички, быстро кучкой проносятся сивки, направляясь къ морскимъ побережьямъ, летятъ кряквы, шилохвости, разные чирки, нырки, крахали и гагары... Но всѣхъ птицъ и не перечтешь, и трудно распознать ихъ породы: такъ ихъ тутъ много летитъ и такъ онѣ различны.

Шумный валовой перелетъ особенно усиливается къ ночи: весь мглистый воздухъ тогда кажется наполненнымъ свистомъ и шумомъ крыльевъ и странными птичьими голосами.—Надъ рѣкою то и дѣло слышенъ плескъ спускающихся стаекъ и раздаются громкіе утиные возгласы, а на отблескахъ воды, къ просвѣтамъ зари чернѣютъ цѣлыя толпы ихъ, то расплываясь врозь, то собираясь въ большія темныя пятна.—Въ сосѣдней рощѣ гдѣ-то глухо ухаетъ ушастая рощевая сова, а тамъ, изъ отдаленныхъ зарослей кустарныхъ, то наростая, то замирая, доносится ворчащій гулъ токующихъ тетеревей. Порою протянетъ какой то жалобой волчій вой изъ болота—протянетъ и замолкнетъ,—и тотчасъ крики чуткихъ журавлей отзовутся ему въ отвѣтъ.

У воды, обыкновенно, отсиживаются птицы отъ наступающихъ внезапныхъ холодовъ, сгоняющихъ ихъ къ рѣкамъ и озерамъ, но часто нарушается ихъ мирное тутъ сожительство. Вотъ, кидаясь во всѣ стороны взлетаютъ бойкокрылые кулики и исчезаютъ въ даль; утки бросаются въ воду или прижимаются къ берегу—и вдругъ со свистомъ что то неимовѣрно быстрое, изъ поднебесья упало, врѣзалось въ толпу мечущихся птицъ и взмыло кверху, взвиваясь на острыхъ длинныхъ крыльяхъ. То прилетѣвшій соколъ черняй (по московски) *) охотиться изволитъ и съ вышины подоблочной стрѣлой ударилъ въ птицъ. Но не легка охота: бойки и увертливы болотныя птицы!—

*) Falco peregrineis.

Я самъ видѣлъ, какъ только послѣ пяти или шести ударовъ соколу, наконецъ, удалось закогтить быстрокрылую и садкую луговку, которая точно въ споръ вступила съ нимъ насчетъ неимовѣрной ловкости и рѣзвости полета. И не посчастливилось же соколу на этотъ разъ: лишь только онъ схватилъ добычу и поволокъ ее, какъ невдалекѣ, со стороны, раздалось гулкое карканье летящаго ворона. Воронъ легко догналъ сокола, отягченнаго ношею и, каркая, козырнулъ въ него: заблажилъ соколъ, бросилъ луговку и улетѣлъ,—а воронъ опустился по берегу, куда луговка упала и спокойно сталъ ее обдирать и кушать.—„Богъ, видно, подалъ сиротѣ на бѣдность"!

Но не однѣ только водяныя и болотныя птицы валомъ тянутъ въ это время; то и дѣло и толпою, и вразсыпную пролетаютъ и другія разнообразныя птички; иныя тоже направляются дальше на сѣверъ, иныя же останавливаются у насъ. Уже въ началѣ водополья прилетѣли къ намъ, напримѣръ, трясогузки и парочками или еще стайками бойко бѣгаютъ по плывущимъ льдинамъ, по осохнувшимъ мѣстамъ берега. Помахивая длинными хвостиками своими, садятся онѣ на прибрежные кусты; вспархиваютъ, ловко гоняясь за летающими насѣкомыми, и весело, и задорно щебеча свою пѣсенку, точно играя на лету, перелетаютъ другъ за другомъ. Онѣ на виду у всѣхъ и веселой суетой своей оживляютъ рѣчное побережье.

Рощи гудятъ отъ шума налетающихъ птицъ: всюду слышно звонкое пѣніе зябликовъ, рѣзкіе крики дерябъ, этихъ временныхъ гостей нашихъ; трещатъ шумливыя общины дроздовъ рябинниковъ; по верхамъ высокихъ ольховыхъ кустовъ, обвѣшанныхъ длинными сережками, продолжаютъ еще кочевать шумливыя толпы чечетокъ, чижей; пролетаютъ порою оживленныя стайки синичекъ долгохвостыхъ. А низомъ, среди кустарной чащары, украдкой пробираются ольшанки (accentor modularis), различныя овсянки, дубровики въ томъ числѣ кажется и нашъ, такъ называемый, болотный воробей (Emb Schönicbus). Съ трескомъ цыркаютъ, по выраженію птицелововъ, прилетѣвшія оранжевогрудыя зарянки, звучныя пѣсни которыхъ вскорѣ раздадутся въ лѣсахъ, и тутъ же шмыгаетъ, какъ мышенокъ, буренькій орѣшекъ и часто, выскочивъ наружу, къ солнцу на сучекъ и дерзко задравши куцый хвостикъ, заливается бойкой своей пѣсенкой.

Какъ соколъ черный, прилетѣвшій вслѣдъ за крупной птицей, нагоняетъ страхъ на нее, такъ и тутъ, среди мелкоты, страхъ нагоняютъ различные прилетѣвшіе маленькіе соколики и, особенно, дерзкій и вороватый перепелятникъ, этотъ сущій разбойникъ незамѣтно, воровато, низомъ подкрадывающійся изъ за кустовъ къ добычѣ, чтобы нежданно, пулей, ударить въ нее. Несказанную тревогу нагоняетъ онъ на птицъ своимъ появленіемъ, и только зоркія, ловкія трясогузки съ крикомъ, собравшись стаей, отважно его преслѣдуютъ. Придетъ время, и удалыя и смѣлыя касатки ласточки еще болѣе станутъ мѣшать ему въ его воровскомъ промыслѣ; отъ неуловимо проворныхъ касатокъ самъ перепелятникъ часто во всѣ лопатки удираетъ, бросая неудавшуюся охоту.

Всюду, вмѣстѣ съ тепломъ, проникаетъ жизнь... Лѣса и болота тоже проснулись. Шумомъ и гуломъ наполнились они: по зарямъ въ болотистыхъ сосновыхъ борахъ токуютъ большіе, глухіе тетерева среди клокчущихъ подругъ своихъ; свистящей трелью перекликаются рябчики въ еловыхъ заросляхъ; кричитъ желна, и вяхеръ дикимъ воркованьемъ уже гудитъ въ лѣсахъ. А дальше, въ перелѣскахъ у окрайны болотъ и въ самихъ болотахъ настало время тяги и разныхъ токовъ, такъ излюбленныхъ охотниками. Но не въ охотникахъ дѣло; они лишь все портятъ грубыми и кровавыми выстрѣлами своими; дѣло въ природѣ, въ наростающемъ, страстномъ напряженіи ея силъ, въ общемъ хорѣ наполняющихъ ее звуковъ.

Очнулись нѣкоторые гады; въ травяныхъ разлившихся болотахъ, въ поднявшихся прудикахъ и лужахъ, среди ледяной еще, холодной воды, собрались несмѣтными тол-

пами проснувшіяся сѣрыя лягушки и завели несмолкаемые свои хороводы. Онѣ не кричатъ, не заливаются рѣзкимъ стономъ, какъ зеленые ихъ собратья а отрывисто какъ то булькаютъ и тявкаютъ, и это бульканье миріадовъ пѣвцовъ, высунувшихъ изъ воды свои головки и раздувшихъ бѣлыя горла, сливается въ широкій гулъ, носящійся надъ всѣмъ пространствомъ и, наростая къ ночи, становится какимъ-то общимъ фономъ всѣхъ звуковъ природы.

Солнце уже сѣло,—потухаетъ заря, и красное ея зарево переходитъ въ блѣдно-желтое сіяніе. Съ другой стороны небосклона тихо поднимается ночная тѣнь, заволакивая постепенно своею мглою лѣсную даль и надвигаясь все ближе и ближе. Вотъ, потонули въ ней сосѣдніе кусты и рощи: только острыя, какъ зубцы, высокія вершины еловаго лѣса свѣтлѣютъ къ зарѣ, выдѣляясь надъ темнымъ небосклономъ. Затихли съ замирающимъ днемъ и веселыя дневныя пѣсни; смолкла дневная суета: началась ночная жизнь.

Съ вершинъ деревъ зазвучали напѣвы чащевыхъ дроздовъ, далеко раздаваясь среди лѣсного затишья, и, вторя ихъ торжественнымъ колѣнамъ, звучной трелью отвѣтили имъ изъ лѣсу зарянки. Ихъ только и слышно. Все замерло кругомъ, и лишь проснувшаяся летучая мышка съ короткимъ, тихимъ пискомъ неслышно скользитъ извивается среди мглистаго воздуха вдоль темной лѣсной опушки.

Но вотъ безшумнымъ ночнымъ полетомъ, какъ тѣни среди вечерней мглы, потянули надъ полянами отъ рощи къ рощѣ вальдшнепфы, издавая свои причудливые—то свистящіе, то хрипящіе звуки...

Начался птичій токъ;—птичье буйство стало подыматься и разыгралось къ ночи. Въ пустыряхъ. въ лѣсахъ и болотахъ, въ вышинѣ неба и внизу, всюду раздаются страстные крики и пѣсни; всюду пляска и кровавый бой; всюду вакханалія, изступленныхъ, слетѣвшихся, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ разнообразныхъ толпищъ.

Вдали, среди кустарныхъ зарослей, среди обширныхъ пустырей, потонувшихъ въ туманѣ, раздалось хлопанье крыльевъ: то слетаются на открытое мѣсто полевые тетерева; слышенъ рѣзкій посвистъ и шипъ, и вслѣдъ затѣмъ, далеко раздаваясь, раскатилось гулкое токованье старыхъ косачей и кудахтанье слетѣвшихся ихъ самокъ.

Взъерошивъ шею, съ налитыми кровью красными бровями, закинувъ на спину распущенный хвостъ съ бѣлымъ подбоемъ, волоча крыльями, токуютъ старые красавцы косачи: то стоя на мѣстѣ, они, какъ изступленные, дрожатъ всѣмъ тѣломъ и захлебываются въ своей гудящей пѣснѣ, то вдругъ въ припрыжку запляшутъ и погонятся за самками, то съ свистомъ и съ шипомъ бросятся другъ на друга въ драку и, сцѣпившись, катаются по землѣ.—А тамъ, высоко въ темномъ небѣ надъ болотомъ раздается какое-то дикое, дребезжащее блеяніе: это самцы бекасовъ—барашковъ, взвившись въ небѣ, отплясываютъ тамъ свой воздушный любовный танецъ и со свистомъ дребезжащихъ крыльевъ козыряютъ внизъ, чтобы снова подняться подъ облака. Снизу, съ болотнаго кочкарника, имъ отвѣчаютъ громкимъ кутиканьемъ самки.

Крякаютъ дупеля, собравшись гдѣ-то на току; въ кустахъ по водѣ пролопотали зайцы; какіе-то звѣрки шуршатъ въ лѣсу среди опавшей листвы; закричали болотныя совы; гдѣ-то громко заблажили утки кряквы, преслѣдуемыя ярымъ селезнемъ, и надъ землею, гоняясь другъ за другомъ, со свистомъ крыльевъ пронеслись бойкіе чирки. Заголосили журавли на болотѣ, отплясывая свои хороводы, дикимъ смѣхомъ загоготали самцы бѣлыхъ куропатокъ, а съ болотнаго озера доносятся порой завыванія гагаръ и крики всполошившихся чаекъ. И мало ли какіе звуки раздаются еще повсемѣстно! Ихъ не перечтешь и не разберешь; они слышны вблизи и вдали, и высоко въ темномъ небѣ среди шума и свиста крыльевъ пролетающихъ птицъ, и надъ самою землей; и только къ глухой полуночи эта птичья чертовщина какъ будто немного утихаетъ, чтобы снова разыграться съ первымъ просвѣтомъ утренней зари до самаго солнца, когда, взамѣнъ ночной, начнется дневная жизнь.

ГЛАВА II.

Все стало понемногу измѣняться съ появленіемъ весны, измѣняться стали и жизнь, и вся внѣшность живыхъ тварей, приспособляясь къ веснѣ и лѣту: многія скинули свой бѣлый или сѣдой нарядъ, скрывавшій ихъ среди зимняго снѣга и инея, и замѣнили его болѣе подходящимъ къ новымъ условіямъ. Бѣлая куропатка, напримѣръ, стала рыжѣть, принимая окраску торфяныхъ болотъ. Сѣдая бѣлка, подходившая зимой къ цвѣту заиндевѣвшей хвои, весной порыжѣла, тоже приближаясь къ окраскѣ коры хвойнаго лѣса. Бурый землистый цвѣтъ получили бѣлые зимой зайцы, горностаи и ласки, и кромѣ всего этого, густой, пушистый мѣхъ, защищавшій зимой звѣрей отъ холодовъ, сталъ замѣняться болѣе короткой и жидкой лѣтней шерстью.

Многія птицы не только измѣняться стали на подобіе звѣрей, но нѣкоторыя изъ нихъ даже принарядились до неузнаваемости, щеголяя весною наряднѣе. Ихъ окраска стала болѣе яркою и свѣжею, часто съ блестящими металлическими отливами, какъ напр. у скворцовъ, которыхъ по цвѣту этихъ отливовъ даже раздѣляютъ на отдѣльные виды. У тетеревей, куропатокъ бѣлыхъ и рябчиковъ кожистые надъ ихъ глазами наросты — брови расширились почти во всю голову, окрасившись въ ярко-красный цвѣтъ. Самцы разныхъ утокъ нырковъ, гагаръ, чаекъ и многихъ куликовъ (напр. турухтаны,) просто неузнаваемы въ своемъ брачномъ нарядѣ, изукрашенномъ вдобавокъ и различными прибавочными хохлами. Измѣненіе произошло и въ жизни самыхъ животныхъ: съ мартовскимъ тепломъ начинаютъ пробуждаться отъ зимней спячки разные звѣри. Медвѣдь поднялся изъ своей берлоги; вышелъ барсукъ; проснулся хомякъ въ поляхъ и сталъ вылѣзать изъ своей норы, чтобы погрѣться на солнцѣ, въ лѣсахъ и въ рощахъ, въ теплыя ночи послѣднихъ чиселъ марта и начала апрѣля показались ежи и, шурша, забѣгали среди опавшей листвы; запорхали летучія мыши, и много другихъ звѣрьковъ очнулось отъ зимняго сна.

Не по зимнему зажили звѣри: сонливая или безпокойная, кочующая и дѣловитая жизнь зимы, замѣнилась, въ большинствѣ случаевъ, иною. Бродяжничество продолжается и весною, но это — бродяжничество другого рода... Весною, въ погонѣ за страстнымъ наслажденіемъ, звѣри рыскаютъ, точно въ изступленіи, отъ одного разгульнаго сборища къ другому. Впрочемъ, эта погоня у многихъ животныхъ, уже съ начала весны, стала снова постепенно замѣняться дѣловитостью, но тоже дѣловитостью не зимнею, а осѣдлою, такъ сказать, озобоченною дѣловитостью при устройствѣ семейнаго очага. Иные уже хлопочутъ парами около образовавшагося семейства, напримѣръ, волки, устраивая ему пріютъ, логовище или гнѣздо, и заботясь объ участи уже появившихся дѣтей; другіе же этимъ дѣломъ занимаются въ одиночку, главнымъ образомъ, однѣ лишь самки, напримѣръ, зайчихи, лисицы; самцы же беззаботно продолжаютъ буянить и рыскать по околодку.

Иные звѣри, впрочемъ, весеннаго разгула и не знаютъ: разгулъ ихъ осенью, а весной у нихъ уже дѣти, съ которыми послѣ зимы и возятся самки. Къ такимъ звѣрямъ принадлежатъ медвѣди, лоси, сѣверные олени, которые встрѣчаются мѣстами и у насъ, и нѣкоторые другіе. У птицъ же, за исключеніемъ клестовъ, (которые, какъ говорятъ, готовы вить гнѣзда во всѣ времена года, лишь былъ бы кормъ—еловыя и сосновыя шишки), такого осенняго расцвѣта не наблюдается; онѣ гнѣздятся лишь весною, и многія изъ нихъ принимаются за это дѣло уже съ марта.

Раньше всѣхъ другихъ птицъ устраиваютъ свои большія гнѣзда вороны въ большихъ хвойныхъ лѣсахъ, на высокихъ деревьяхъ. Затѣмъ, вскорѣ—приблизительно въ серединѣ марта, начинаютъ гнѣздиться въ рощахъ и старыхъ паркахъ вороны, тайкомъ свивая изъ прутьевъ свое гнѣздо въ древесной глуши. Въ селеніяхъ за это дѣло принимаются

и галки, таская для своихъ гнѣздъ хлопокъ, войлокъ, мочалу, часто на зло хозяевамъ, такъ какъ галки при этомъ, добывая себѣ нужный матеріалъ, нерѣдко раздалбливаютъ оставшіеся на улицахъ хомуты, а доставая паклю, просто напросто, разконопачиваютъ избы. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля за гнѣзда начинаютъ приниматься и многія прилетныя птицы. По селеніямъ и въ рощахъ, по дупламъ устраиваются скворцы *).

Къ тому же времени и колоніи грачей уже неистово шумятъ, и возятся возлѣ гнѣздъ своихъ, кучами наваленныхъ на вершинахъ деревъ:—и многія другія птицы, покинувъ веселыя гулянки, приступили къ заботливому дѣлу устройства гнѣзда и вывода дѣтей.

Раздолье начинается для разныхъ гадовъ и рыбъ: очнулись сѣрыя лягушки, какъ уже сказано, и заквакали по болотамъ, несмотря на ледяную еще воду; выползли изъ норъ своихъ, согрѣтыя тепломъ, змѣи и стали мѣстами кучами собираться къ солнечному припеку. Но настоящая свобода и раздолье наступило для рыбъ: всю зиму онѣ пролежали подъ льдомъ и дохли часто отъ недостатка воздуха, и вотъ, съ водопольемъ, когда взломало рѣчной ледъ и погнало его, началась свобода и рыбамъ. Разогнаныя шумомъ и трескомъ тронувшихся льдинъ, онѣ бросились въ сторону отъ рѣчного русла, расплываясь по широкимъ разливамъ и отыскивая тамъ себѣ болѣе спокойныя мѣста; но и тамъ многія изъ нихъ не остались, но закочевали дальше.

Рыбы, которыя, какъ говорятъ, „на ходу" въ эту пору т. е. мечутъ икру, напримѣръ, щуки, окунь, плотва, стали подыматься по весеннимъ разлившимся ручьямъ, по проточнымъ низинамъ, по канавамъ, удаляясь далеко отъ рѣки, чтобы затѣмъ снова, выметавши икру, съ паденіемъ воды, вернуться въ рѣку. Много за это время гибнетъ рыбы, оставшись въ лужахъ и въ пересыхающихъ лѣтомъ болотахъ, но многія при этомъ попадаютъ и въ отдаленныя, удобныя прудовины, озера и заселяютъ ихъ. Этимъ кочеваньемъ ходовой рыбы вглубь страны и объясняется, вѣроятно, заселеніе нашихъ болотныхъ озеръ рыбами, встрѣчающимися въ сосѣдней рѣкѣ **).

Очнулись также насѣкомыя: въ лѣсахъ и рощахъ къ припеку выползли наружу бурые муравьи и, грѣясь на солнцѣ, живымъ слоемъ покрыли большіе свои муравейники. Показались въ теплую солнечную погоду первыя весеннія желтыя и бурыя бабочки, порхая и расправляя крылья подъ лучами солнца и отыскивая кормъ на грязи и на первыхъ весеннихъ цвѣтахъ. А расцвѣло растеній уже довольно много за это время: заросли олешника обвисли всѣ цвѣточными длинными сережками, и желтоватая цвѣточная пыль ихъ точно дымится, разлетаясь при легкомъ дуновеніи вѣтра. Среди травъ оправились и доцвѣтаютъ разные, подъ снѣгомъ перезимовавшіе, цвѣты полевые и луговые: анютины глазки, разные мелкіе полевые крестоцвѣтные и нѣкоторые другіе ***).

---

*) Повыгнавши изъ скворешенъ назойливыхъ воробьевъ, которые очень часто пытаются захватить эти уютные домики въ свою пользу, скворцы устраиваютъ въ нихъ свои гнѣзда, и съ середины апрѣля самки ихъ уже сидятъ на яйцахъ; нарядные же бѣлоносые самцы, съ яркимъ фольговымъ отливомъ оперенія, на досугѣ, между работой, сидятъ тутъ же, рядомъ, около скворешни и, раздувши горлышко и хлопая крыльями, заливаются забавной своей пѣсней, въ которой, Богъ знаетъ какіе переплелись и спутались звуки и напѣвы. Часто своими напѣвами скворцы меня самого обманывали: вдругъ, нежданно-негаданно раздается свистящая пѣсенка пѣночки или горихвостки; по времени, кажется, еще рано! смотришь съ удивленіемъ кругомъ и въ концѣ концовъ убѣждаешся, что это все продѣлки скворца, который, сидя гдѣ нибудь на деревѣ, между своей путаницей вплетаетъ и свистящіе напѣвы нашихъ весеннихъ прилетныхъ птичекъ.

**) Такъ напримѣръ, у насъ къ сѣверу отъ Твери болотныя озера заселены, преимущественно, щуками и окунями, плотва же, хотя и ходовая рыба, тамъ не встрѣчается; вѣроятно, ее, какъ и остальную мелкую ходовую рыбу, поѣдаютъ въ озерахъ щуки и окуни, которые другъ друга во взаимной борьбѣ одолѣть не въ состояніи. Въ былыя многоводныя времена конца ледниковаго періода, такое заселеніе внутреннихъ озеръ разнородной рѣчной рыбою происходило, вѣроятно, въ гораздо большихъ размѣрахъ.

***) Это доцвѣтаніе, а часто и дальнѣйшее развитіе весною осеннихъ растеній, остановленное вторженіемъ зимы—явленіе очень любопытное, на которое, по моему мнѣнію, слишкомъ мало обращалось

По склонамъ береговъ къ солнцу и по другимъ сухимъ открытымъ мѣстамъ раскрылись желтыя шапочки мать и мачихи (tussilaep farfara). Въ тѣни кустовъ, среди изумрудной зелени, желтыя лилейки гусинаго лучка (мелкая gagea lutea) и алыя кисточки хохлатки (coridolis bulbasa) съ ея мелкими разрѣзными свѣжими листьями. Въ рощахъ и лѣсахъ заголубѣли ковриками перелѣски pulsatilla triloba и розовыми душистыми цвѣтами обсыпались еще безлиственныя кусточки ядовитой ягодки (dafna mizereum),—а тамъ, по боровымъ песчанымъ холмамъ, на пушистыхъ толстыхъ стебелькахъ открылись большіе синіе цвѣты борового пострѣла (anemon patens).

Вообще, растительность и травы тронулись, преимущественно зеленѣя къ солнечному припеку въ затишьѣ кустовъ и по обсохшимъ, но еще влажнымъ, заливнымъ лугамъ: въ огородахъ показалась молодая крапива, въ кустарникахъ стала пробиваться сквозь опавшій листъ снитка, а по сырымъ лужайкамъ зазеленѣли разныя травки и осочки; сильно раздулись уже почки на кустахъ и деревьяхъ. Но все это движеніе растительной жизни пока еще медленное; чего-то растеніямъ, повидимому, недостаетъ. Выгнанный скотъ пока еще преимущественно питается осенней травяной вѣтошью, собирая ее вкругъ кустовъ; его приходится подкармливать на дворахъ; „только одна овца набраться можетъ", говорятъ люди.

Сухо, ясно и тепло на солнцѣ, но тянетъ съ сѣвера, и въ тѣни это замѣтно: по утрамъ, въ чистую, тихую зорю открытыя мѣста покрываются бѣлымъ морозомъ, слетающимъ при первыхъ лучахъ солнца. Луга и пустоши просыхаютъ; рѣка осѣла въ подмытыхъ берегахъ и мелѣетъ; мельницы еще спущены, и на каменистыхъ перекатахъ по камнямъ можно перебрести, не омочивши ногъ. Пересыхаетъ земля, и по нагорнымъ полямъ народъ уже запахалъ. Все, и люди и природа, готовится къ веснѣ, но всѣмъ чего-то недостаетъ: „Ишь, сушь какая, да и сиверъ: настоящаго тепла нѣтъ", жалуются крестьяне, „травы и озимь совсѣмъ не поднимаются, хоть бы Богъ теплаго дождичка послалъ плесень омыть".

И вотъ, влажнымъ тепломъ потянуло съ юга взамѣнъ бывшаго сѣвернаго дуновенія; затуманилась небесная синева, потемнѣлъ небосклонъ на югѣ, и къ ночи сверкнули тамъ зарницы; но къ утру снова все прояснилось. Однако, съ полудня къ вечеру поднялись тучи: вершины ихъ бѣлѣютъ къ свѣту серебристыми глыбами, а книзу синяя темень заволокла весь небосклонъ; все затихло, и первый весенній громъ пронесся издали глухимъ раскатомъ. Надвинулись тучи и пеленой своей покрыли небо; закрапалъ крупными каплями тихій, теплый дождь; потянуло теплой сыростью, и въ воздухѣ запахло смолой отъ березовыхъ почекъ; закричали зяблики къ дождю особымъ хриплымъ свистомъ; маленькіе дрозды-бѣлобровики (turdus iliacus), разсѣвшись по вершинамъ молодого ельника, запѣли—и жалобный, хроматическій переливъ ихъ посвиста всюду сталъ раздаваться среди низкой заросли залѣсѣвшихъ пустырей; все оживилось: зашумѣли и запѣли птицы, и среди кустарника и рощъ уже слышатся мѣстами новые напѣвы.

Надвинулась гроза; сверкнули первыя молніи, и весенній громъ гулко и звучно раскатился между тучъ. Все оросило теплымъ ливнемъ и среди шума весенняго ненастья не умолкла, притаившись, жизнь природы, но заодно съ нимъ наростала, и гулъ ея и пѣсни слились съ широкими раскатами грозы. А къ вечеру, когда гроза прошла, и въ ясномъ небѣ стала блѣднѣть тихая весенняя заря, и неподвижный влажный воздухъ проникся смолистымъ запахомъ, земля закурилась...

вниманія. Въ странахъ болѣе теплыхъ,—напримѣръ на южномъ берегу Крыма, въ области растеній и ихъ жизни осень положительно въ продолженія зимы сливается съ весною; у насъ же вторгающаяся холодная зима разрушаетъ эту связь. Но тѣмъ не менѣе и у насъ осенняя природа въ лицѣ многихъ растеній старается какъ бы протянуть черезъ зиму, съ ея морозами и снѣгами, руки веснѣ. Не указываетъ ли это на иное климатическое, можетъ быть, геологическое прошлое у насъ?

Надъ всѣми низинами и рѣчными поемными лугами сталъ подниматься туманъ, застилая все своей пеленой, и среди его бѣлой мглы то тамъ, то здѣсь раздались крики перебѣгающихъ дергачей и рѣзкій посвистъ болотной курочки, или „пастушки", какъ ее у насъ называютъ. Надъ рѣкой же, ушедшей въ крутые заросшіе берега, пронеслись веселыя, звонкія трели зуйковъ (actitis hipolais), кое-гдѣ раздались возгласы зеленыхъ лягушекъ и новые птичьи напѣвы, а къ утру, лишь забрезжила заря, съ вершинъ большихъ деревьевъ, возлѣ людского селенія зазвучала протяжная весенняя пѣсенка прилетѣвшей горихвостки.

Наступилъ другой валовой птичій прилетъ,—тотъ, ранній, былъ рѣчной, связанный съ разливомъ водъ; этотъ, листовой, такъ сказать,—связанъ съ распусканіемъ листвы на деревьяхъ и появленіемъ массы всякихъ насѣкомыхъ, царство которыхъ наступаетъ такъ же.

Вторая половина Апрѣля. Парко и тепло въ воздухѣ; ярко свѣтитъ солнце съ синяго неба; трава на всѣхъ лугахъ послѣ дождика позеленѣла, покрылись желтыми барашками вербы, ветлы и ракиты, и гулъ стоитъ кругомъ: то слетѣлись сюда на весенній пиръ разныя насѣкомыя. Порхаютъ бабочки, взмахивая крыльями своими, роями носятся различныя пчелы и пчелки, собирая желтую цвѣточную пыль, взлетаютъ разныя мушки и весенніе цвѣточные жучки—возня страшная! Между всѣми вѣточками, сверху до низу хлопочутъ насѣкомыя вокругъ распустившихся барашковъ, обсыпаясь желтою пылью; всѣ жужжатъ, и въ этомъ общемъ жужжаніи басовую ноту, октаву, держатъ крупныя шмелевыя матки. Черныя, коричневыя, сѣрыя съ оранжевымъ задикомъ, толстыя, пушистыя, перезимовали онѣ, забившись въ норки, скрываясь подъ мхомъ и опавшею листвою, и теперь, проснувшись къ теплу и цвѣтамъ, вмѣстѣ съ пчелами и другими насѣкомыми, слетѣлись на весенній праздникъ. Сверху до низу вокругъ цвѣтущихъ вербъ и ветелъ трепетаніе и жужжаніе безчисленныхъ крылышекъ, мерцающихъ на солнцѣ, и это общее жужжаніе слилось въ какой-то гулъ, въ какой-то весенній солнечный звонъ, наполняющій весь воздухъ.

Сѣрыя, бурыя, безлиственныя еще заросли кусговъ и деревьевъ подернулись, однако, сверху зеленымъ оттѣнкомъ, и новые птичьи напѣвы уже раздаются изъ нихъ. Въ кустахъ звучатъ нѣжные переливы пѣночекъ (phylopneuste fitis); среди рощъ, металлической стукотней стеклянныхъ молоточковъ, запѣли кузнечики (phyl. rufa); рѣзкимъ крикомъ, похожимъ на клекотъ соколиковъ, кричатъ вертиголовки,—и вотъ, наконецъ, издали донеслось съ лѣсовъ протяжное кукованье... „Кукушки закуковали", говорятъ въ народѣ, значитъ скоро и ласточки покажутся"... И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ, днемъ, гдѣ-то въ вышинѣ раздался рѣзвый крикъ ласточки, и бойко на острыхъ крыльяхъ, бѣлѣя брюшкомъ въ синемъ небѣ, проскользнула касатка и скрылась вдали. То была лишь первая ласточка, первый, можетъ быть, посланецъ приближающейся толпы, которая лишь черезъ нѣсколько дней появится, чтобы наполнить всѣ людскія селенія своею жизнью, своимъ веселымъ щебетаньемъ и легкимъ полетомъ.

Теплые дожди перепадаютъ, по временамъ паритъ послѣ нихъ на солнцѣ. „—Экая благодать, говорятъ крестьяне, травы то какъ поправились, скотина наѣдаться стала въ полѣ". И въ самомъ дѣлѣ благодать! Свѣжею, желтоватою зеленью смолистыхъ листочковъ покрылись деревья и кусты;—даже упорные дубы повѣрили, наконецъ, веснѣ и тоже стали зеленѣть; черемуха начала распускать кисточки своихъ цвѣтовъ,—вскорѣ, бѣлая сверху до низу, точно осыпанная снѣгомъ, стала она выдѣляться среди весенней зелени остальной древесной заросли. Трава на поемныхъ лугахъ быстро подымается, покрываясь разноцвѣтными пятнами и переливами раскрывающихся цвѣтовъ: всюду распустили широкія золотыя шапочки свои низменные одуванчики (taraxacum dens leonis), желтѣютъ весенніе разные лютики; около мочевинъ показались круглые, лоснящіеся листья калужницы (calfa palustris) и золотистыя широкія чашки ихъ цвѣтовъ; кое-гдѣ голубѣютъ

фіалки и столбики синихъ цвѣтовъ живучки (ajuga). Но желтые цвѣта еще, въ общемъ, преобладаютъ.

На припекахъ, въ каменистыхъ, сухихъ листахъ,—тамъ, гдѣ солнце палитъ, и лучи его пронизаютъ тощія низкія травы, показались уже бойкія сѣрыя ящерицы. Шурша, бѣгаютъ онѣ среди суши, прыжками гоняясь за мухами,—а съ поздняго вечера, когда туманы покрыли рѣчныя поймы, и закричали дергачи, послышалось съ рѣки и прудиковъ звенящее кваканье зеленыхъ лягушекъ. Дикіе, назойливые переливы ихъ слились, наконецъ, въ общій несмолкаемый гвалтъ, наполняющій собой всю короткую весеннюю ночь (сѣрыя лягушки уже почти смолкли).

Наростаютъ все больше птичьи крики, со дня на день слышатся въ нихъ новые напѣвы и звуки, указывающіе на продолжающійся новый валовой прилетъ пернатаго населенія и на новый приливъ его шумнаго разгула.

Съ ранняго утра повсюду среди лѣсной заросли раздается непрерывающееся почти кукованіе кукушекъ—самцовъ, и рѣзкимъ гуломъ и хохотомъ отвѣчаютъ имъ ихъ изступленныя самки, гоняясь за самцами. Слышны уже вездѣ говорокъ и веселая болтовня прилетѣвшихъ говорунчиковъ (silviae), и звонкія свистящія колона-черноголовки.

Въ рощахъ, среди вершинъ, покрытыхъ молодой листвой, запорхали разныя мухоловки, ловя насѣкомыхъ и насвистывая свои скромныя пѣсенки, а по вечерамъ изъ болотныхъ зарослей звучитъ болтливая трескотня тростянокъ и странные, то журчащіе, то свистящіе напѣвы синегрудой пересмѣшницы варакушки. Но надъ всѣми птичьими хорами продолжаютъ все еще царить въ лѣсахъ и рощахъ звучныя пѣсни чащевыхъ дроздовъ.

Но, вотъ, послѣ теплаго солнечнаго дня послѣднихъ чиселъ Апрѣля, когда съ закатомъ солнца стали утихать постепенно пѣсни птицъ, и шумная дневная жизнь природы начала замѣняться спокойствіемъ поздняго вечера, съ послѣднимъ отблескомъ зари, среди туманной мглы надвигающейся ночи, изъ темной побережной заросли раздался какой-то рѣзкій свистъ и смолкъ,—раздался снова, и вдругъ, среди общаго ночнаго затишья раскатомъ пронеслось яркое соловьиное колѣно. Минута—и снова, посвистомъ прорѣзавъ тишину, разлилось гулкимъ рокотомъ и прокатилось вдаль; точно отголоски отвѣтили изъ-за рѣки; въ сосѣднихъ кустахъ гулкимъ перебоемъ зазвучала пѣсня; раскаты пронеслись по рощѣ; повсюду слышенъ соловьиный посвистъ...

Соловьи запѣли.

И съ этихъ поръ отъ зари до зари, каждую ночь гремитъ ихъ пѣсня: то наростая, то слабѣя, то подымаясь въ перебой, то перекликаясь въ отголоскахъ, всюду разливается она, наполняя звуками всю мѣстность; она и днемъ не замолкаетъ; лишь среди жаркаго полудня да въ глухую полночь затихаютъ соловьи...

И—странное дѣло—съ этимъ наступившимъ соловьинымъ гуломъ точно присмирѣли другія птицы: частью ихъ и не слыхать изъ за соловьевъ, частью же онѣ замолчали, занявшись семейнымъ дѣломъ.

Начало Мая. Высоко поднялось солнце,—и природа торопится жить, чтобы лучше воспользоваться нашимъ короткимъ теплымъ временемъ. Торопится растительность. Она приближается почти къ полному своему расцвѣту: рожь сильно поднялась и темной своей зеленью покрыла поля; взошли уже яровые, подернувъ зеленымъ оттѣнкомъ пахоту; поемные луга стали пестрѣть окраскою своихъ цвѣтовъ, хотя желтые цвѣта все еще преобладаютъ; всюду расцвѣли купалы (у насъ бубенчики, trollus globulosus), открывая на поднятыхъ стебляхъ свои душистые шарообразные цвѣты; начинаютъ цвѣсти алыя дремы (lychnis). Зато уже многія изъ раннихъ растеній отцвѣли или отцвѣтаютъ; отошла розовая ягодка въ лѣсахъ, и ея поблекшіе цвѣты замѣнились нѣжною зеленью листьевъ; пропали голубые анемоны и крупные чашечки бороваго пострѣла; желтыя шапочки мать-мачихи по открытымъ суходоламъ замѣнились пушистыми головками ея сѣмянъ,

а изъ земли поднялись двухцвѣтные округлые листья ея, сверху гладкіе зеленые, а снизу пушистые бѣловатые. Густо поднялись и разныя кустарныя травы: расцвѣли пурпуровые и желтые пикульники (lamium), и сквозь слои опавшей листвы большими зеленѣющими свернутыми желваками вылѣзли молодые побѣги разныхъ папоротниковъ. Деревья и кусты тоже одѣлись и листва ихъ почти совсѣмъ развилась; хвойныя же деревья, ели и сосны скинули темные колпачки съ своихъ почекъ, и молодые, нѣжные ихъ побѣги, выдѣляясь на старой хвоѣ яркой свѣтлой зеленью, свѣчкой поднялись надъ ихъ вершиной и окаймили темныя раскинувшіяся лапы ихъ вѣтвей. Начали распускать свои, незамѣтные среди листьевъ, зеленые цвѣты дубы, клены, ясени. Калина въ кустарныхъ заросляхъ покрылась тонкими зонтиками бѣлыхъ цвѣтовъ, и зацвѣла лѣсная жимолость.

Небогаты, вообще, наши лѣсныя деревья и кустарники яркими цвѣтами, не югъ у насъ! Зато сады и парки облеклись въ пышные весенніе наряды. Желтѣютъ акаціи; яблони и вишни, какъ снѣгомъ, осыпаны покровомъ душистыхъ цвѣтовъ, и нѣжнимъ алымъ цвѣтомъ оттѣнились кусты татарской жимолости. По огородамъ расцвѣли ягодные кусты, и по всѣмъ этимъ осыпаннымъ цвѣтами деревьямъ и кустамъ ползаетъ, летаетъ и гудитъ подъ солнечнымъ тепломъ и свѣтомъ разнообразный міръ насѣкомыхъ.

А тамъ, по опушкамъ лѣсовъ, по залѣсившимъ пустошамъ и торфянымъ болотамъ, въ полномъ расцвѣтѣ наши, такъ знакомые народу, маленькіе, ягодные кустарники. По кочкамъ, среди кустовъ, вѣчно зеленыя заросли брусники покрылись кисточками хорошенькихъ бѣлорозовыхъ колокольчиковъ; зацвѣли черника, морошка и кусты голубики съ ихъ сизоватой зеленью; ползучая клюква разостлалась на моховыхъ кочкахъ розовыми коврикамъ изящныхъ цвѣтовъ своихъ,—и тутъ же, всюду среди болота, открыли большіе красивые зонтики бѣлыхъ цвѣтовъ корявыя заросли боговника съ ихъ жесткими сѣдоватыми листочками, наполняя все моховое болото характернымъ тяжелымъ и ѣдкимъ ароматомъ.

Много еще другихъ растеній расцвѣло. Среди этого наряднаго, весенняго подъема растительнаго міра продолжаетъ наростать жизнедѣятельность животныхъ. Всюду бѣгаютъ, летаютъ, жужжатъ, хлопочутъ насѣкомыя; очнувшіеся гады, лягушки, змѣи, ящерицы въ полномъ оживленіи. Но звѣри уже по большей части притихли, занявшись своими выводками, птицы тоже начали свою семейную жизнь, но прилетъ еще не кончился, и среди звонкихъ птичьихъ хоровъ и криковъ много напѣвовъ и много криковъ пока еще не слыхать.

Около Николина дня (9 мая). Тепло и ярко свѣтитъ солнце, поднимаясь въ небѣ; весенняя желтоватая зелень березовой рощи сверкаетъ смолистымъ отблескомъ, и солнечные лучи, проникая сквозь листву въ лѣсную тѣнь, яркими пятнами и полосами освѣщаютъ бѣлые стволы березъ. Въ древесныхъ вершинахъ летаютъ, возятся, пищатъ, поютъ лѣсныя птички: заливаются своимъ посвистомъ зяблики; звенитъ гудящая трель лѣсной пѣночки (phyllopneuste sibilatrix); лѣсная малиновка, пересмѣшница, (phyllopneuste hixypolais) весело наигрываетъ свои бойкія пестрыя колѣна; пищатъ и посвистываютъ порхающія среди листвы бѣлыя мухоловки (muscicapa atricapilla). Гдѣ-то раздалась громкая, точно канареечная, трель лѣсного жаворонка (anthus arboreus). Вся роща наполнена птичьей жизнью и звуками, а въ ясной небесной синевѣ, высоко надъ нею, распустивъ неподвижныя крылья, кругами взвивается бурый коршунъ (milvus ates?) и звонкій протяжный клекотъ его несется съ вышины къ гнѣзду, устроенному на вершинѣ высокой ели, гдѣ уже на яйцахъ или на птенцахъ сидитъ его самка. И тутъ же, среди свѣжей лѣсной зелени, мелкнули на солнцѣ золотыя птицы, гоняясь въ дракѣ другъ за другомъ. Рѣзко, по кошачьи какъ-то, раздаются ихъ злобные крики; сверкнули онѣ золотымъ перомъ и быстро исчезли среди вершинъ деревъ. Вотъ раздался громкій, яркій посвистъ, точно возгласъ, наполнившій рощу звучнымъ гуломъ; ему отвѣтили такимъ же звонкимъ переливомъ... еще, еще,—то рѣзкіе крики, то звучныя ко-

лѣна раздаются всюду... То закричали и засвистали золотыя иволги, наполняя лѣсныя заросли своей задорной жизнью. А тамъ, въ селѣ, послѣ грозы и теплаго дождя, вокругъ высокой церковной колокольни съ крестомъ, сіяющимъ на вечернемъ солнцѣ, стайкой, съ рѣзкимъ визгомъ, пронеслись черные острокрылые стрижи, и закружились быстрымъ роемъ въ вечернемъ небѣ, и долго въ ночь, высоко, среди небесной мглы раздаются рѣзкіе крики этихъ неутомимыхъ летуновъ. Окончился прилетъ: всѣ наши птицы дома и уже размѣстились по своимъ мѣстамъ, хотя не всѣ еще запѣли.

Живущія отъ насъ къ сѣверу, а также озерныя и морскія птицы давно уже откочевали; лѣсныя удалились изъ селеній и размѣстились по лѣсамъ, рощамъ и кустарнымъ зарослямъ; но многія ютятся и около людского жилья, среди построекъ, въ садахъ и огородахъ, находя и тамъ пригодныя для себя условія.

Послѣдняя половина мая—и послѣдняя лѣтняя часть весны, которая длится приблизительно съ весенняго Николы до середины іюня. До того времени погода у насъ еще ненадежная: зима еще борется съ солнцемъ и съ лѣтомъ, и нѣтъ, нѣтъ,—вторгнутся порой, точно набѣгами, губительные холода среди цвѣтущей весны. Я помню морозы и снѣга даже передъ самымъ Николинымъ днемъ. Но съ этого времени устанавливается обыкновенно настоящее тепло, какъ говорятъ въ народѣ, хотя порою даже и въ началѣ іюня перепадаютъ еще холодные утренніе заморозки. Но это лишь послѣднія попытки изнемогающаго врага, далеко угнаннаго солнцемъ къ полюсу съ его вѣчными льдами.

Солнце торжествуетъ. Сплошной почти день царитъ въ природѣ,—и въ полночь черезъ алый отблескъ неба зори другъ другу протянули руки: разсвѣтъ сливается съ закатомъ.

Луга въ полномъ почти цвѣту. Всѣ почти травки (злаки) выколосились, и сквозь переливающуюся дымку ихъ разнообразныхъ колосковъ, сливаясь въ цвѣтныхъ оттѣнкахъ, выступаютъ пестрыя окраски распустившихся луговыхъ цвѣтковъ: среди желтыхъ лютиковъ алѣютъ разныя дремы, голубѣютъ вероники, и бѣлыми пятнами начинаютъ уже выступать различныя ромашки (попы).

Настало время орхидей, этихъ своеобразныхъ русалочьихъ цвѣтовъ, сливающихся въ представленіи народа, судя по ихъ названіямъ, съ преданіемъ о языческой глубокой старинѣ, съ преданіемъ о молодыхъ таинственныхъ владычицахъ пробуждающейся природы.

По лугамъ и по заросшимъ кручамъ, среди распускающихся ландышей и поднявшихся высокими чашами папоротниковъ, выдвинули головки своихъ алыхъ, какъ мотыльки узорчатыхъ цвѣтовъ, разныя кукушкины слезки.

Въ рощахъ и по лѣснымъ лужайкамъ поднялись изъ травы высокія колоски ночныхъ духовъ или любокъ (platantera bifolia) съ ихъ бѣлыми легкими цвѣтками, наполняя весь воздухъ своимъ ароматомъ; а въ тѣни древесныхъ зарослей, на рыхлой почвѣ лѣсного перегноя, среди узорчатыхъ мховъ и папоротниковъ, цвѣтетъ широколистный, роскошный кукушкинъ башмачекъ, и тутъ же изъ темной почвы вылѣзъ блѣдною шишкою цвѣтной побѣгъ чужеяднаго Петрова креста съ его таинственной, волшебной силой, вѣдомой лишь старымъ знахаркамъ.

Деревья и кусты въ полномъ ростѣ. Листва ихъ развернулась, достигла полной густоты своей, и тѣни отъ нея, падая на лѣсные просвѣты, рѣзко выдѣляются своею чернотой.

Древесныя заросли отливаютъ разнообразными оттѣнками: синѣютъ темные хвойные лѣса; березовыя рощи залиты яркой зеленью, и сѣроватой дымкой кажутся ольховыя опушки. Но мало здѣсь цвѣтовъ. Вѣтлы отцвѣли и легкій серебристый пухъ ихъ сѣмянокъ летаетъ всюду въ воздухѣ; отцвѣтаютъ черемухи, калины и, взамѣнъ ихъ, кудрявыя рябины покрылись широкими бѣловатыми шапками цвѣтовъ. И только: бѣдна наша природа, повторю опять, не югъ у насъ! За то сады и парки въ полной красѣ. Правда, яблони и вишни уже сбросили свой бѣлый нарядъ на землю, но за то еще ярче

алѣютъ жимолости, и золотомъ желтыхъ цвѣтовъ горятъ на солнцѣ акаціи; лиловымъ сплошнымъ пологомъ покрылись высокія сирени, и ароматомъ ихъ наполнены сады, а низкія кустарныя заросли различныхъ шавологъ бѣлѣютъ снѣжной розсыпью своихъ цвѣтовъ.

Вся природа звучитъ наплывомъ жизни. Вездѣ бѣгаютъ, летаютъ, порхаютъ разныя птицы; всюду въ лѣсахъ, рощахъ, лугахъ и поляхъ, среди селеній, раздаются ихъ крики, посвистъ и разнообразные напѣвы. Съ болотныхъ низинъ, съ прудовъ и съ рѣки, заросшей тростниками, гудятъ заливающіеся лягушачьи хоры. Повсюду слышно жужжаніе летающихъ насѣкомыхъ, а порой и шорохъ ихъ бѣготни,—жизнь, однимъ словомъ, въ полномъ напряженіи.

Полдень.—Подъ зноемъ солнца, точно въ сонной нѣгѣ, на время успокоилась природа. Притихли птицы, скрывшись въ тѣни деревъ, кустовъ и густой травѣ, умолкли лягушки, спустившись подъ воду среди разныхъ тинъ и водяныхъ растеній. Отдыхаютъ звѣри и всякіе звѣрьки, забравшись въ свои норы, норки и трущобы. Все какъ будто задремало подъ солнечнымъ припекомъ, и лишь дневныя насѣкомыя усиленно живутъ: бѣгаютъ муравьи, хлопоча около своихъ муравейниковъ, или собирая пищу по деревьямъ, кустамъ и травамъ; они пробили себѣ дорожки и дѣловито снуютъ по нимъ взадъ и впередъ. По цвѣтущимъ кустамъ и въ лугахъ роями летаютъ и гудятъ шмели, разныя пчелы и осы, цвѣточные жуки и мухи; порхаютъ большія нарядныя бабочки и миріады всякихъ мотыльковъ поднимаются надъ травой. Крупныя хищныя стрекозы (коромысла) носятся на перепончатыхъ своихъ крыльяхъ, гоняясь за мухами, а мелкіе съ прозрачными, почти невидимыми крылышками, какъ длинныя бирюзовыя былинки, порхаютъ между травой.

На сухомъ пустырѣ, къ солнечному припеку шуршатъ бойкія ящерицы, гоняясь за мушками, или, припавъ на тепломъ камнѣ, прищуривъ глазки и облизывая мордочку тонкимъ раздвоеннымъ язычкомъ, грѣются на солнцѣ и мигомъ исчезаютъ съ малѣйшей тѣнью мимо пролетѣвшей птицы.—Тутъ же, жужжа, летаютъ и играютъ на солнцѣ мухи, суетятся пчелки—каменщицы, и маленькіе кузнечики, забравшись на вершины травокъ, тихонько налаживаютъ свои пѣсенки.

Знойно!... У береговъ тихой запруженной рѣки густо поднялись высокіе тростники, и чуть слышно шелестятъ своей листвой съ раскидистыми метелками колосьевъ.

Касатики раскрыли свои большіе желтые цвѣты; среди воды чернѣютъ заросли длинныхъ темныхъ камышей, а надъ открытыми мѣстами, озаренными солнцемъ, плаваютъ круглые, свѣтлозеленые, блестящіе листы кувшинокъ съ чашами ихъ желтыхъ цвѣтовъ. И вскорѣ среди такихъ же листьевъ, надъ тихими зеркальными омутами всплывутъ и бѣлые, какъ лиліи, душистые цвѣты нимфеи или одолена, какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ называютъ ихъ у насъ въ народѣ.

Всюду угадывается жизнь, и слышится ея шелестъ. Среди тростниковъ и камышей щелкаютъ, лазаютъ разныя тростянки, и къ вечеру съ рѣки раздаются ихъ бойкая, живая трескотня или длинныя, зудящія какъ у сверчковъ, трели (locus tella).

Утки и водяныя курочки таятся въ рѣчныхъ заросляхъ и лишь порою тихо выплываютъ на открытую воду. Повсюду летаютъ коромысла, сверкая на солнцѣ крыльями: однѣ, какъ ласточки рѣютъ надъ рѣчной поверхностью, гоняясь за летающими мушками, другія медленно порхаютъ на синихъ крыльяхъ и легко спускаются на листья водяныхъ растеній.

Изъ глубины же омутовъ стаей поднялись къ рѣчной поверхности, согрѣтой солнцемъ, крупныя рыбы и стоятъ, какъ сонныя, среди водяныхъ растеній, приподнимая порой надъ водою свои широкія темныя спины и лѣниво сглатывая упавшихъ въ воду мотыльковъ.

Но вотъ спускаться стало солнце, а съ этимъ вмѣстѣ началъ спадать и утомляющій

дневной зной. Природа очнулась; пѣніе птицъ опять раздается повсюду, и, покрывая его своимъ мощнымъ гуломъ, загремѣли снова роскошныя пѣсни соловьевъ.

Наступаетъ блѣдная, освѣщенная зарями ночь. Умолкли пѣсни дневныхъ птицъ, а лягушачій гомонъ и неумолкамые перекаты и посвистъ соловьевъ, все наростая, царятъ надъ всѣмъ пространствомъ.

Сквозь туманъ, покрывшій рѣку, гдѣ то громко крячутъ утки; съ заливныхъ луговъ раздается назойливое скрипѣніе дергачей, и изъ свѣжей дачи росистыхъ полей доносится по временамъ мѣрный перебой перепеловъ и воздушные переливы жавороночныхъ пѣсенъ.

Среди березъ, среди высокихъ кустарныхъ зарослей поднялся какой то гулъ. Онъ все больше наростаетъ и наполняетъ, наконецъ весь воздухъ; какимъ то общимъ, широкимъ звономъ, басовымъ аккордомъ, звучитъ все пространство кругомъ, и всѣ шорохи, крики и напѣвы ночи выдѣляются на этомъ фонѣ... То вылѣзли изъ подъ земли майскіе жуки и залетали, и загудѣли среди мглистаго воздуха, собираясь несмѣтными толпищами, на веселый весенній пиръ...

Наступаетъ середина ночи, на время замолкли соловьи и другія птицы, и только неумолкаемо гудитъ весь воздухъ звономъ летающихъ жуковъ, да издали доносится гомонъ ночныхъ лягушечьихъ хороводовъ,—имъ угомону нѣтъ. Но къ этому общему ночному гулу и звону уже привыкло ухо, все это незамѣтно и кажется тишиной, среди которой успокоилась природа. Только ночные гады да ночныя насѣкомыя не отдыхаютъ и въ полночь. Ихъ не перечислишь. Стоитъ только окно открыть въ темную майскую или іюньскую ночь, чтобы увидѣть, какое множество и какое разнообразіе всякихъ ночныхъ бабочекъ, мотыльковъ, молей, ночныхъ жучковъ, комаровъ и разныхъ мошекъ набьется въ комнату, летя на свѣтъ.

Дремлетъ природа; дремлютъ звѣри и птицы, и только невидимый міръ ночныхъ твореній живетъ своею таинственною жизнью; и тамъ, внизу, у глубокой темной рѣки съ ея заросшими берегами, ночь точно сосредоточила свои волшебные чары. Туманъ покрылъ черную поверхность воды и побережныя деревья; лишь вершинами своими темнѣютъ они надъ его сѣдою мглою. Теплый и влажный воздухъ пропитанъ ароматомъ расцвѣтающихъ бѣлыхъ ночныхъ любокъ (platantera), и ночные бражники (сфинксы) то быстро носятся вокругъ, то неподвижно остановившись въ воздухѣ, дрожатъ гудящими крыльями и пьютъ на лету цвѣточный медъ, высасывая его своими длинными развернутыми хоботками. Среди туманнаго мрака по всюду—и межъ высокихъ папоротниковъ, и на влажной травѣ затеплились свѣтлячки: они мерцаютъ мягкимъ зеленоватымъ огонькомъ своимъ, то потухая, то вспыхивая вновь, освѣщая вокругъ себя травки. Тихо все кругомъ, и въ неподвижномъ воздухѣ гудитъ лишь низкій звонъ летающихъ жуковъ, да тонкою струей звенятъ колеблющіяся тучки комаровъ, то поднимающихся кверху въ воздушной своей пляскѣ, то опускающихся внизъ. Но это все лишь звуки, сливающіеся съ ночнымъ безмолвіемъ. Только порою, нарушивъ тишину, раздастся плескъ воды, какъ будто въ рѣкѣ что то колыхнулось большое, да прошурпитъ невидимый звѣрекъ въ травѣ, среди кустовъ. Какъ тѣнь, мелькаетъ своимъ извилистымъ полетомъ летучая мышь, гоняясь за мотыльками, да полуночникъ козодой беззвучно проскользнетъ низомъ надъ самою землей на мягкихъ крыльяхъ и скроется въ кустахъ среди тумана, и издали затѣмъ раздастся его ночная пѣсня длинной журчащей трелью.

Но вотъ среди темной побережной заросли послышалось трещаніе какой то птички; раздалось надъ рѣкой звучное щебетаніе ея, въ которомъ слышны и крики ласточекъ, и чириканье воробьевъ, и разныя напѣвы весеннихъ птичекъ. Замолкла...

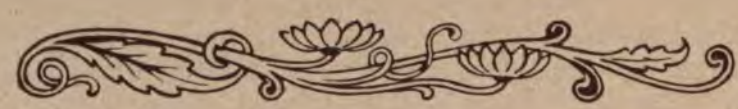
И вдругъ, изъ ночного затишья тоненькой свирѣлью полились чистые, нѣжные звуки, то разбиваясь переборомъ серебристой трели, то подымаясь протяжными замирающими вздохами. Запѣла майская царица нашихъ пѣвчихъ птицъ; ея пѣснь одна лишь раздается

среди ночи, разливаясь надъ туманами рѣчного побережья. Въ пѣснѣ этой нѣтъ соловьиной силы, но въ чистотѣ и въ музыкальномъ богатствѣ своемъ она не уступаетъ соловьиной пѣснѣ и вся наполнена ночною нѣгой *).

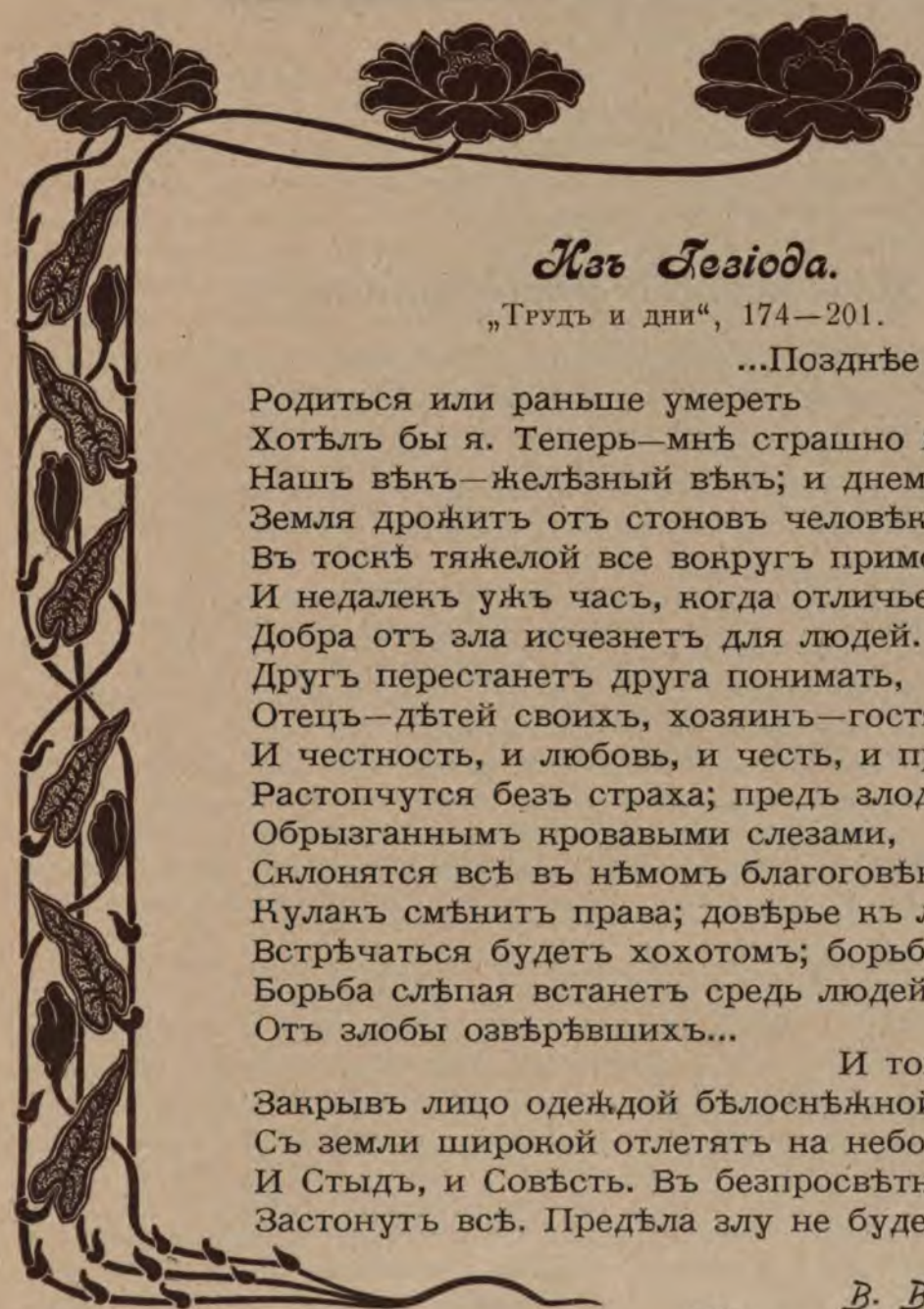
Но наступаетъ утро, небо свѣтлѣетъ, и заря алымъ отблескомъ покрыла сѣверо-восточный небосклонъ, откуда вскорѣ поднимется и солнце; свѣжо и сыро въ воздухѣ, вся трава промокла, точно дождемъ облитая утренней росой; проснулись птицы и всюду снова зазвучали ихъ разнообразные крики и напѣвы; раздаются они среди рѣки съ поемными лугами, раздаются съ полей изъ кустарниковъ и рощъ; слышно кукованіе кукушекъ и дикіе крики ихъ самокъ, въ перебой свистятъ иволги, и надо всѣми этими птичьими звуками опять гремятъ мощные раскаты и посвистъ соловьиныхъ пѣсенъ. Всюду видны и слышны птицы,—и крики ихъ и пѣніе, наростая буйной, оглушительной волной, на встрѣчу солнцу, залили всю окрестность своимъ несмолкаемымъ разгуломъ. Звенятъ всѣ рощи и кустарники; гремитъ все поднебесье напѣвомъ жаворонковъ, въ поляхъ кричатъ перепела,—а издали съ дыханіемъ утренняго вѣтра, смутнымъ гуломъ доносится порой ворчаніе токующихъ еще тетеревей и звонкіе крики болотныхъ птицъ. Проснулись люди, и въ чистомъ свѣжемъ воздухѣ слышны людскіе голоса съ сосѣднихъ деревень и съ полей. Утро наступаетъ: поднялось солнце, всплывая огненнымъ шаромъ надъ туманною далью небосклона и заливая алымъ сіяніемъ утреннихъ лучей древесныя вершины въ лѣсахъ и рощахъ. День начался.

Тверь, 1900 г. *А. Дьяковъ.*

Примѣчаніе: садовая малиновка принадлежитъ къ камышевкамъ (ralicaria), и три птицы по Менсбиру подходятъ къ ней: 1-я, ralicaria или acrocephala palustris 2, acr. dumetorum и менѣе всего 3, acr. strepeta. Я самъ знаю два вида этихъ тростянокъ, (малиновокъ птицелововъ)—одна болѣе буроливковой окраски, это, кажется, наша пѣвчая садовая малиновка, а другая съ охристо-желтоватымъ оттѣнкомъ, это, кажется, малиновка завирушка птицелововъ, (можетъ быть acr. strapeta); впрочемъ, кажется, и самые орнитологи не разобрались хорошенько въ этихъ очень похожихъ другъ на друга птичкахъ, а любопытно было бы разобраться, столковавшись съ птицеловами, этими знатоками всякихъ пѣвчихъ птицъ.



*) Птицеловы называютъ птичку эту садовой малиновкой и очень цѣнятъ ее, но держатъ недолго въ виду ея нѣжности. У насъ порой ее, шутя, называютъ поповской птичкой, (прозвище данное ей любителями природы сороковыхъ годовъ), такъ какъ она охотно селится въ кустарныхъ заросляхъ огорода среди малинника и крапивы; въ селахъ и на погостахъ, по огородамъ и садамъ, принадлежащимъ причту, часто слышны среди теплыхъ майскихъ ночей характерныя свирѣльныя трели и вздохи этой птички. Въ знойную ночь, среди комаровъ, въ безсонницу, эти вздохи могутъ даже тоску нагнать своимъ протяжнымъ, томящимъ переливомъ, то и дѣло раздающимся изъ сада.



Изъ Гезіода.

„Трудъ и дни“, 174—201.

...Позднѣе
Родиться или раньше умереть
Хотѣлъ бы я. Теперь—мнѣ страшно жить:
Нашъ вѣкъ—желѣзный вѣкъ; и днемъ, и ночью
Земля дрожитъ отъ стоновъ человѣка;
Въ тоскѣ тяжелой все вокругъ примолкло,
И недалекъ ужъ часъ, когда отличье
Добра отъ зла исчезнетъ для людей.
Другъ перестанетъ друга понимать,
Отецъ—дѣтей своихъ, хозяинъ—гостя...
И честность, и любовь, и честь, и правда
Растопчутся безъ страха; предъ злодѣемъ,
Обрызганнымъ кровавыми слезами,
Склонятся всѣ въ нѣмомъ благоговѣньи;
Кулакъ смѣнитъ права; довѣрье къ людямъ
Встрѣчаться будетъ хохотомъ; борьба,
Борьба слѣпая встанетъ средь людей,
Отъ злобы озвѣрѣвшихъ...
И тогда,
Закрывъ лицо одеждой бѣлоснѣжной,
Съ земли широкой отлетятъ на небо
И Стыдъ, и Совѣсть. Въ безпросвѣтномъ мракѣ
Застонутъ всѣ. Предѣла злу не будетъ.

В. Вересаевъ.

1890 г.

Изъ исторіи вѣротерпимости.

Одно изъ необходимыхъ условій разумнаго существованія достойнаго человѣка—есть свобода совѣсти; одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ достигнутаго государствомъ культурнаго развитія есть установленная его законами свобода совѣсти. Поэтому освобожденіе религіозной совѣсти отъ тяготѣвшаго надъ нею гнета принадлежитъ къ величайшимъ моментамъ въ исторіи культуры и постепенное торжество принципа вѣротерпимости представляетъ собой одно изъ самыхъ возвышенныхъ и поучительныхъ зрѣлищъ во всемірной исторіи.

Въ литературномъ сборникѣ, призывающемъ писателей и читателей оказать помощь нуждающимся иновѣрцамъ, наглядно проявляется насколько уже глубоко укоренился въ образованномъ русскомъ обществѣ принципъ вѣротерпимости—и потому намъ кажется умѣстнымъ посвятить нѣсколько страницъ вопросу, откуда возникъ этотъ принципъ и кто были первые его поборники. Мы должны признаться, что самый этотъ вопросъ, откуда явилась въ христіанскомъ обществѣ вѣротерпимость долженъ показаться страннымъ. Скорѣе можно было бы спросить, откуда взялась въ христіанскомъ обществѣ нетерпимость. Но, желая разсмотрѣть этотъ вопросъ въ другомъ мѣстѣ, мы не коснемся его здѣсь и обратимся къ вышепоставленной нами задачѣ прослѣдить первые проблески глубоко коренящагося въ христіанскомъ ученіи, но долго затемненнаго принципа вѣротерпимости.

Первые проблески вѣротерпимости переносятъ насъ далеко назадъ къ послѣднимъ годамъ XVI вѣка. Горькая нужда наставила тогда людей, какъ часто и въ другихъ случаяхъ, благоразумію и снисходительности къ другимъ. Отбиваясь послѣдними силами отъ грознаго могущества Испаніи, руководители молодой голландской республики согласились терпѣть въ ея предѣлахъ какъ католиковъ, оставшихся вѣрными отцовской вѣрѣ, такъ и смиренныхъ анабаптистовъ, вызывавшихъ неудовольствіе своимъ принципомъ непротивленія злу. Добившись независимости, торжествующая республика усвоила себѣ какъ правила тѣ уступки, которыя она была принуждена сдѣлать въ годы испытанія, и вскорѣ Голландія сдѣлалась пріютомъ всѣхъ гонимыхъ за вѣру—нѣмецкіе анабаптисты, испанскіе евреи и французскіе гугеноты потянулись въ Голландію; они обогатили и прославили свою новую родину. Но Голландія лишь фактически проявила вѣротерпимость. Въ другой, сосѣдней странѣ, впервые былъ провозглашенъ ея принципъ—въ странѣ, которая долго шла впереди Европы и служила ей образцомъ въ водвореніи культурныхъ принциповъ и учрежденій—а именно въ Англіи.

Здѣсь процессъ зарожденія религіозной свободы былъ продолжительнѣе и глубже, чѣмъ въ Голландіи; здѣсь съ борьбою за практическое достиженіе свободы исповѣданія

идетъ рука объ руку и работа мысли—теоретическая разработка общаго принципа и обоснованіе его политическими и философскими аргументами; здѣсь одновременно былъ достигнутъ великій успѣхъ—въ теоріи и въ государственной практикѣ. Одинъ и тотъ же годъ—ровно за сто лѣтъ до другой знаменательной даты въ жизни европейскаго общества—1689 годъ принесъ Англіи важный законодательный актъ, обезпечивавшій ея населенію вѣротерпимость—Toleration Act, и обогатилъ ея кругозоръ философскимъ трактатомъ о свободѣ совѣсти—Letter of Toleration, вышедшимъ изъ подъ пера ея знаменитаго мыслителя Локка.

Какъ это случилось?—Въ Англіи реформація совершилась посредствомъ двухъ различныхъ, послѣдовательныхъ движеній. Сначала само правительство отложилось отъ Рима и установило свою національную—англиканскую церковь. Но затѣмъ, протестантизмъ, проникнувъ въ массы, вызвалъ религіозное движеніе въ народѣ. Кальвинизмъ, овладѣвъ Шотландіей, проникъ и въ Англію, но на ряду съ пресвитеріанской церковью стали возникать различныя секты. Государственная церковь относилась недружелюбно къ своимъ соперникамъ въ служеніи Господу. Всякій, кто не былъ согласенъ съ ея 39 основными статьями (нонконформистъ), всякій, кто отступалъ отъ нея въ мнѣніяхъ или обрядахъ (dissenter), считался поэтому, врагомъ государства. Такимъ образомъ, религіозный раздоръ примѣшался къ политической борьбѣ, начавшейся при Стюартахъ, и усложнилъ ее. Среди этой взаимной борьбы послышались среди сектантовъ первыя воззванія къ вѣротерпимости. Побудительныя причины поборниковъ терпимости и выставленные ими доводы были весьма различны—нѣкоторые изъ пуританскихъ пасторовъ стали проповѣдовать, что правильное пониманіе слова Божьяго дается людямъ лишь постепенно, что Лютеръ и Кальвинъ иначе стали бы многому учить, если бы жили позднѣе и т. д.; такой принципъ постепеннаго просвѣтленія исключалъ преслѣдованіе за вѣру. Другая секта—индепенденты—видѣла церковь во всякой христіанской общинѣ; третья—квакеры—осуждали всякое насиліе даже въ гражданской жизни, отвергали войну, а тѣмъ болѣе войну религіозную. Во время междоусобной войны вождь индепендентовъ достигъ власти и при Кромвелѣ впервые въ Англіи умолкло всякое религіозное преслѣдованіе.

Реставрація Стюартовъ въ 1660 году возстановила преобладаніе англиканской или государственной церкви; диссентеры снова сдѣлались жертвою преслѣдованія. Но дѣло скоро приняло неожиданный оборотъ.

Яковъ II, сдѣлавшись католикомъ, пожелалъ вывести своихъ единовѣрцевъ изъ ихъ угнетеннаго положенія. Но такъ какъ эта политика встрѣчала отпоръ со стороны парламента, то король вступилъ на путь абсолютизма, сталъ нарушать законы и городскіе уставы для того, чтобы обезпечить себѣ избраніе послушнаго парламента, сталъ искать помощи и поддержки у Людовика XIV—гонителя гугенотовъ и, наконецъ, издалъ — своею властью — Актъ объ индульгенціи, которымъ католики и диссентеры освобождались отъ тяготѣвшихъ надъ ними стѣснительныхъ и карательныхъ законовъ. Тогда государственная церковь Англіи оказалась въ необычномъ для нея и критическомъ положеніи. Англиканское духовенство, до сихъ поръ усердно проводившее принципъ безусловнаго повиновенія королю, не захотѣло признать законнымъ указъ, подрывавшій преобладаніе національной церкви и значеніе парламента, а за духовенствомъ и вся консервативная партія—торіи—отшатнулась отъ короля. Съ другой стороны, диссентеры не пожелали купить свою эманципацію цѣною своевольнаго акта и ниспроверженіемъ конституціонныхъ принциповъ своей родины, и въ свою очередь—за немногими исключеніями—также стали противъ короля. Такъ совершилось сближеніе исконныхъ религіозныхъ и политическихъ противниковъ—англиканства и диссентеровъ, торіевъ и виговъ. Вожди коалиціи обратились къ штатгальтеру Нидерландовъ, Вильгельму Оранскому, женатому на старшей дочери Якова, и предложили ему занять пре-

твореніе практическихъ нуждъ современнаго ему общества, но не заботится объ общихъ началахъ и идеальномъ благѣ человѣчества. Но то, чего не доставало закону о терпимосги, именно заключалось въ одновременно съ нимъ вышедшемъ—письмѣ о терпимости Локка, которое такимъ образомъ, является фактическимъ и культурнымъ его дополненіемъ. То, что было пробѣломъ въ законодательномъ актѣ—отсутствіе высокаго, систематически проведеннаго принципа—то и составляло силу философскаго трактата мыслителя Локка.

Недостатки Toleration-акта объясняютъ намъ значеніе теореческаго разсужденія Локка, и самая односторонность этого разсужденія оправдывается неудовлетворительностью и отсталостью законодательной практики.

Актъ терпимости могъ бы послужить лучшимъ предисловіемъ къ трактату Локка, и къ тому „обращенію къ читателю", въ которомъ Локкъ объясняетъ цѣль и оправдываетъ появленіе своего посланія. „Я полагаю, что нѣтъ на свѣтѣ націи, среди которой было уже такъ много сказано о вѣротерпимости, какъ наша" говоритъ Локкъ. „Но нѣтъ, конечно, и народа, который болѣе нуждается въ томъ, чтобы среди него было сказано и сдѣлано нѣчто дальнѣйшее по этому вопросу".

„Не только наше правительство дѣйствовало пристрастно въ религіозныхъ дѣлахъ, но и тѣ, которые страдали отъ этого пристрастія и поэтому въ своихъ сочиненіяхъ старались отстоять свои права и свободу, большею частью становились на почву узкихъ принциповъ, пригодныхъ только для интересовъ ихъ собственной партіи. Эта всеобщая узость понятій была несомнѣнно главною причиной нашихъ бѣдствій и смутъ. Но какая-бы тому ни была причина, теперь наступило время искать болѣе рѣшительнаго способа излѣченія. Мы нуждаемся въ болѣе возвышенныхъ средствахъ, чѣмъ тѣ, которыя были употреблены въ дѣло противъ нашего недуга".

„Ни декларацiи объ индульгенціи, ни акты о распространеніи привилегій (act o comprehension), подобные тѣмъ, которые практиковались или проектировались у насъ, не въ состояніи помочь дѣлу. Безусловная свобода, справедливая и настоящая свобода, равная и безпристрастная, вотъ въ чемъ мы нуждаемся. И хотя на самомъ дѣлѣ объ этой свободѣ много говорилось, я сомнѣваюсь, чтобы ее хорошо понимали; я увѣренъ, что ни въ какомъ случаѣ ее не практиковали ни наши правительства по отношенію къ народу вообще, ни разногласныя партіи среди народа по отношенію другъ къ другу".

Въ виду этого Локкъ ставитъ себѣ цѣлью доказать болѣе точно, чѣмъ это было сдѣлано прежде, какъ справедливость, такъ и практическую возможность безусловной свободы совѣсти и выражаетъ надежду, что его попытка будетъ признана въ высшей степени своевременной всѣми людьми съ душею достаточно широкою, чтобы предпочесть истинный интересъ общества интересу партіи. Какимъ-же путемъ Локкъ идетъ къ намѣченной цѣли, и на какихъ доводахъ построена у него теорія безусловной религіозной свободы?

Можно сказать, что доводы Локка вытекаютъ изъ опредѣленія трехъ основныхъ понятій, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о вѣротерпимости: религіи, церкви и государства, или точнѣе, изъ представленій Локка о христіанствѣ, о цѣли и свойствѣ государственной власти и о положеніи церкви въ гражданскомъ обществѣ. Согласно съ гуманнымъ и филантропическимъ направленіемъ своего вѣка Локкъ выдвигаетъ на первый планъ нравственный элементъ христіанскаго ученія и принципъ любви, лежащій въ его основѣ и доказываетъ многими ссылками на св. писаніе, что нельзя быть послѣдователемъ Христа безъ любви. Отсюда Локкъ выводитъ несовмѣстимость съ христіанствомъ религіознаго преслѣдованія. Поэтому, во главѣ его аргументаціи красуется положеніе, что „терпимость есть главная, характеристическая черта истинной церкви". Ибо, говоритъ въ потвержденіе этого Локкъ, „хотя бы однѣ церкви хвалились обладаніемъ почтенныхъ древностью мѣстъ и именъ, или внѣшнимъ благолѣпіемъ своего богослуженія, другія — исправленіемъ (реформаціей) своего церковнаго чина; хотя бы тѣ и другія гордились своимъ правовѣріемъ

—вѣдь всякій правовѣренъ въ своихъ собственныхъ глазахъ;—всѣ подобныя притязанія скорѣе признакъ людскихъ стремленій къ могуществу и власти надъ другими, чѣмъ свойства Христовой церкви. Какъ бы ни были велики чьи-либо права на преимущество передъ другими въ дѣлахъ вѣры, если онъ лишенъ любви, мягкости и благоволенія ко всѣмъ людямъ, даже не христіанамъ,—онъ конечно еще далекъ отъ того, чтобы быть самому христіаниномъ". Назначеніе истинной религіи заключается не во власти надъ людьми; она установлена ни для внѣшняго благолѣпія, ни для обладанія принудительною силою, но для того, чтобы направлять жизнь людей согласно съ правилами добродѣтели и благочестія. Отсюда прямой выводъ, что тѣ, которые хотятъ стать подъ знамя Христа, должны прежде всего вступить въ борьбу съ собственными пороками, а не обращать своего оружія противъ другихъ. Тому, кто мало заботится о собственномъ спасеніи, говоритъ иронически Локкъ, было бы очень трудно убѣдить меня въ томъ, что онъ чрезвычайно заинтересованъ моимъ спасеніемъ. Невозможно искренно и сердечно заниматься обращеніемъ другихъ въ христіанство тому, кто самъ еще не обратился въ своемъ сердцѣ къ Христу.

Локкъ взываетъ къ совѣсти тѣхъ, кто „преслѣдуетъ, разоряетъ, мучитъ и убиваетъ другихъ подъ религіознымъ предлогомъ" и спрашиваетъ ихъ, поступаютъ ли они такъ изъ любви и участія къ своимъ жертвамъ? Если такъ, то почему они не преслѣдуютъ прежде всего пороки въ своей собственной общинѣ и среди близкихъ? Если такъ, то почему они не направляютъ своего рвенія на исправленіе жизни, но вводятъ обряды или настаиваютъ на обязательности мнѣній касательно предметовъ, превышающихъ обыкновенное человѣческое пониманіе?—Длинный анализъ мотивовъ религіознаго преслѣдованія сводится у Локка къ тому, что въ основаніи преслѣдованія лежитъ не христіанская любовь, не забота о духовномъ благѣ другихъ, а властолюбіе. Тотъ, кто прибѣгаетъ къ насилію противъ заблужденій въ вѣрѣ, несомнѣнно руководится желаніемъ имѣть вокругъ себя многочисленную общину людей, раздѣляющихъ *его* убѣжденія, но не радѣетъ о Христовой церкви. Въ концѣ своей аргументаціи Локкъ приходитъ къ заключенію, что не терпимость по отношенію къ людямъ другихъ религіозныхъ убѣжденій въ одинаковой степени не согласна съ евангельскимъ завѣтомъ, какъ и съ законами человѣческаго разума. Но для того, чтобы никто не маскировалъ духъ преслѣдованія и нехристіанской жестокости мнимою заботою объ общественномъ благѣ, чтобы никто не обманывалъ себя и другихъ подъ предлогомъ, будто онъ руководится чувствомъ преданности и повиновенія своему государю, Локкъ считаетъ необходимымъ установить строгое различіе между правительственной властью и церковью, и обозначить точные предѣлы между этими двумя областями.

Такимъ образомъ, мы подходимъ къ теоріи Локка о государствѣ, вліяніе которой можно прослѣдить по всей исторіи политическихъ идей въ XVIII вѣкѣ.

Государство, по опредѣленію Локка, есть общество людей, исключительно устроенное для обезпеченія, охраненія и развитія ихъ гражданскихъ интересовъ; подъ гражданскими же интересами Локкъ разумѣетъ „жизнь, свободу, здоровье и обладаніе внѣшними благами, — землей, домомъ, деньгами и движимымъ имуществомъ". Отсюда слѣдуетъ, что власть правительства имѣетъ отношеніе только къ указаннымъ предметамъ, ограничивается заботою о нихъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространена на спасеніе душъ.

Что государственная власть не призвана заботиться о духовномъ спасеніи людей, Локкъ доказываетъ тѣмъ, что она на это не уполномочена ни божественнымъ закономъ, ни волею народа, ибо никто не можетъ настолько пренебречь заботою о своемъ спасеніи, чтобы слѣпо предоставить его на усмотрѣніе другихъ—будь то государь или подданный, и предоставить имъ право предписывать себѣ то, во что онъ долженъ вѣрить и чему поклоняться. „Никто, восклицаетъ Локкъ, не можетъ, даже если

бы хотѣлъ, согласовать свою вѣру съ предписаніемъ другого, такъ какъ вся жизнь и сила религіи заключается въ искреннемъ и полномъ убѣжденіи".

Затѣмъ, забота о душахъ не можетъ быть предоставлена государственной власти и потому, что ея могущество заключается въ принудительной внѣшней силѣ, истинная-же религія состоитъ во внутреннемъ убѣжденіи, а таково свойство духа, что онъ не можетъ быть принужденъ къ вѣрѣ внѣшней силою. Наконецъ, если бы даже можно было карательными мѣрами убѣдить человѣка, то примѣненіе принудительной силы въ религіозныхъ дѣлахъ было бы безцѣльно. Если допустить, что каждый человѣкъ обязанъ слѣдовать въ дѣлахъ вѣры своему государю, то въ виду того, что государи въ мірѣ расходятся между собою въ религіозныхъ вопросахъ такъ же сильно, какъ въ свѣтскихъ интересахъ, въ результатѣ одна только нація оказалась бы на истинномъ пути, всѣ другія же были бы обречены на вѣчное заблужденіе и гибель. Но забота о спасеніи души не дѣло государственной власти или магистрата, а дѣло каждаго отдѣльнаго лица. И если даже допустить, что на свѣтѣ только одинъ путь къ спасенію, то онъ не можетъ быть извѣстенъ магистрату. Государи выше другихъ людей по своему могуществу, но не по способности распознавать истинный путь къ спасенію, а еслибы мы и признали за ними эту способность и власть принуждать своихъ подданныхъ идти по избранному ими пути, то на свѣтѣ не оказалось бы вовсе ложныхъ религій, ибо всѣ религіи, признанныя какою-нибудь мѣстною государственною властью, были бы истинными, не исключая и языческихъ.

Весьма характерны для метода Локка и для его взгляда на цѣль государственной власти—аналогіи, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы доказать непримѣнимость принудительныхъ мѣръ въ религіозныхъ вопросахъ. „Развѣ можетъ магистратъ, спрашиваетъ Локкъ, принудить гражданъ быть богатыми или здоровыми? И если бы какой нибудь государь захотѣлъ, чтобы его подданные были здоровы, развѣ умѣстно было бы постановить закономъ, чтобы они лѣчились непремѣнно у римскихъ докторовъ? или если бы онъ захотѣлъ, чтобы они разбогатѣли — предписать имъ какой - нибудь выгодный промыселъ—купца или кузнеца. Но если я еще могу разбогатѣть посредствомъ промысла, который мнѣ не нравится, или выздоровѣть отъ лѣкарства, которому я не довѣряю, то ни въ какомъ случаѣ я не могу найти спасенія въ исповѣданіи, въ истинѣ котораго я не убѣжденъ.

Локкъ не допускаетъ аргумента, что правитель, предписывающій закономъ обязательность какой-нибудь религіи, дѣйствуетъ не отъ своего имени, но повинуется въ этомъ случаѣ авторитету церковной власти; это возраженіе Локкъ устраняетъ указаніемъ на примѣры изъ римско-византійской и англійской исторіи, доказывающими, какъ онъ говоритъ, что церковь гораздо чаще способна впадать въ зависимость отъ правительства или двора, чѣмъ наоборотъ.

Но главное соображеніе въ этомъ дѣлѣ, по словамъ Локка, — соображеніе, которое безусловно разрѣшаетъ данный споръ, заключается въ томъ, что, хотя бы предписываемая государственнымъ закономъ религія была сама по себѣ истинною, для совѣсти индивидуальнаго человѣка она можетъ сдѣлаться таковою только путемъ внутренняго убѣжденія. Однимъ словомъ, заключаетъ Локкъ этотъ отдѣлъ своего разсужденія, сколько бы ни было спорнаго въ религіозныхъ вопросахъ, одно не подлежитъ сомнѣнію, что никакая религія, которую я считаю не истинною, не можетъ быть истинною и полезною для меня, и какъ бы ни была велика или искренна наша забота о спасеніи другихъ, въ концѣ концовъ ихъ надо предоставить ихъ собственной совѣсти.

Но если такимъ образомъ правительство не обладаетъ ни полномочіемъ, ни правомъ подчинять себѣ религіозную совѣсть человѣка, то не составляетъ ли такое господство надъ религіозными убѣжденіями людей—право и призваніе церкви?—У Локка этотъ вопросъ разрѣшается главнымъ образомъ его опредѣленіемъ церкви и вытекаю-

щими отсюда положеніями. По опредѣленію Локка церковь есть „добровольный союзъ людей“ (society), соединившихся между собою по собственному согласію для публичнаго богослуженія въ такихъ формахъ, которыя они считаютъ существенными для своего спасенія“.

Такое опредѣленіе церкви совпадаетъ съ ученіемъ англійскихъ сектантовъ, въ особенности индепендентовъ, и находится въ тѣсной связи съ раціоналистической теоріей о происхожденіи государства.

Практическая сила принятаго Локкомъ опредѣленія заключается въ томъ, что принадлежность человѣка къ извѣстному исповѣданію обусловливается не случайнымъ фактомъ, не рожденіемъ человѣка въ извѣстной семьѣ, не наслѣдственнымъ правомъ, а добровольнымъ и сознательнымъ актомъ его совѣсти. Если цѣль церковнаго общенія есть спасеніе человѣка, то надежда на спасеніе составляетъ единственный мотивъ вступленія человѣка въ извѣстную церковную общину и единственное основаніе для того, чтобы оставаться въ ней.

Признавая церковь добровольнымъ союзомъ, Локкъ не могъ не принять въ соображеніе, что его опредѣленіе церкви и церковной власти не было въ состояніи удовлетворить тѣхъ, кто считалъ признакомъ истинной церкви преемственность церковной власти отъ апостоловъ—точка зрѣнія, на которой стояла и англиканская—епископальная церковь.

Въ виду этого Локкъ готовъ признать правомѣрность принципа преемственности церковной власти за тѣми, кто считаетъ это необходимымъ, но лишь съ оговоркою, чтобы это не послужило въ ущербъ свободѣ совѣсти и основному положенію,—въ глазахъ Локка обязательному и въ церковныхъ вопросахъ,—что никто не обязанъ повиноваться законодателю, въ поставленіи котораго онъ не участвовалъ.

Отклоняя отъ себя подробное разсмотрѣніе вопроса о признакахъ истинной церкви, Локкъ, однако, выставляетъ на видъ, что признакомъ ея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть право преслѣдовать, ибо въ евангеліи часто говорится о томъ, что истинные ученики Христа будутъ подвергаться преслѣдованію; но нигдѣ въ новомъ завѣтѣ онъ не читалъ, что церковь Христа должна сама преслѣдовать другихъ и принуждать ихъ огнемъ и мечемъ держаться ея ученія.

Но можетъ ли церковь существовать безъ карательной власти? Такъ какъ никакое общество не можетъ держаться, если не будетъ управляемо извѣстными законами, то Локкъ признаетъ за церковью право законодательной власти или, прибавляетъ онъ, за тѣмъ, кому церковное общество общимъ постановленіемъ поручило эту власть.

Однако законодательная власть, которую Локкъ признаетъ за церковью, какая бы ни была ея организація—монархическая (папство), соборная (епископальная), или демократическая (избирательная)—ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть принудительнаго характера; а кромѣ того она можетъ имѣть своимъ предметомъ только религіозныя постановленія и не должна распространяться на гражданскія права и мірскія блага.

По мнѣнію Локка, воздѣйствіе церкви должно проявляться лишь въ увѣщаніяхъ и совѣтахъ, въ крайнемъ же случаѣ церковная власть можетъ исключить изъ общины непокорнаго и упрямаго члена. Но такое отлученіе отъ церкви не должно имѣть своимъ послѣдствіемъ никакого гражданскаго или политическаго ущерба для отлученнаго, такъ какъ церковь есть нѣчто безусловно отдѣльное и отличное отъ государства. Локкъ впослѣдствіи возвращается къ вопросу о карательныхъ церковныхъ законахъ по поводу судьбы, какой у древнихъ евреевъ подвергались отступники въ язычество. Такіе отступники карались смертью, какъ измѣнники. Локкъ объясняетъ это тѣмъ, что еврейское государство въ отличіе отъ всѣхъ другихъ было абсолютной теократіей, у евреевъ поэтому не было и не могло быть никакого различія между государствомъ и церковью. Моисеевы законы, касавшіеся богослуженія, были вмѣстѣ съ

тѣмъ гражданскими законами еврейскаго государства, въ которомъ самъ Господь былъ законодателемъ. Но ничего подобнаго не можетъ быть при Новомъ Завѣтѣ: Христосъ не былъ учредителемъ государства, онъ не предписывалъ своимъ послѣдователямъ никакой новой или особенной государственной формы, а указалъ людямъ путь къ спасенію, по которому они могутъ идти при самыхъ различныхъ политическихъ формахъ.

Установивъ такимъ образомъ принципъ религіозной свободы или, какъ выражается Локкъ, освободивъ людей отъ всякой взаимной тираніи въ религіозныхъ вопросахъ, онъ еще не считаетъ свою задачу оконченною; изложенная нами часть Локковскаго трактата имѣетъ продолженіе, которое можно было бы назвать отдѣломъ религіозной политики. Если государство не должно себя отождествлять съ перковью, не должно подвергать людей преслѣдованію и карательнымъ законамъ за ихъ исповѣданіе, то спрашивается, какъ вообще оно должно себя держать по отношенію къ различнымъ религіямъ, имѣетъ ли оно право вмѣшательства въ религіозныя дѣла? Локкъ дробитъ этотъ вопросъ надвое, разсматривая его сначала по отношенію къ обрядамъ, а потомъ къ догматамъ. Въ первомъ случаѣ вопросъ разрѣшается, по мнѣнію Локка, положеніемъ, что принципомъ и мѣриломъ всякаго законодательства должно служить общественное благо. Поэтому насколько богослужебные обряды не касаются общественнаго блага, стоятъ внѣ всякаго отношенія къ жизни, свободѣ и собственности людей, они не подлежатъ вѣдѣнію государственной власти; съ другой стороны, эта власть не имѣетъ и права предписывать какіе-нибудь обряды и формы, хотя бы и самые безобидные, потому что въ области религіозной они получаютъ особенное значеніе, котораго они не имѣютъ въ житейскомъ быту. Однако, государственная власть имѣла бы право запретить, напр., жертвоприношенія дѣтей, если бы какая-нибудь секта вздумала завести ихъ въ своемъ богослуженіи; въ этомъ случаѣ вмѣшательство государственной власти оправдывается тѣмъ, что оно обязано не допускать въ свѣтскомъ обществѣ дѣтоубійства, и то, что незаконно и преступно въ житейскомъ быту и для частныхъ людей, не должно быть терпимо подъ какимъ бы то ни было религіознымъ предлогомъ.

Что касается до догматовъ, то Локкъ подраздѣляетъ ихъ на догматы спекулятивнаго или теоретическаго характера и на догматы, простирающіеся на практическую или нравственную жизнь человѣка.

Относительно первыхъ Локкъ, конечно, не допускаетъ вмѣшательства государства, по соображеніямъ, уже ранѣе указаннымъ. Теоретическіе религіозные догматы не имѣютъ отношенія къ гражданскому быту людей и истина не можетъ быть силою внушена людямъ и не нуждается въ силѣ, чтобы проложить свой путь въ ихъ убѣжденія.

Гораздо болѣе сложенъ вопросъ во второмъ случаѣ, ибо нравственная жизнь, въ которой заключается сущность религіи и истиннаго благочестія, касается также свѣтской власти и составляетъ необходимое условіе какъ спасенія душевнаго, такъ и безопасности государства. Нравственные поступки поэтому подлежатъ вѣдѣнію какъ наружнаго, такъ и внутренняго суда—т. е. правительства и совѣсти. Въ виду этого является большая опасность, чтобы на этой почвѣ не было столкновенія между обѣими властями и не было захвата съ одной стороны насчетъ другой. Локкъ, однако, надѣется, что изложенныя имъ правила относительно предѣловъ той и другой области способны легко устранить всякое затрудненіе и въ этомъ вопросѣ.

Оставляя въ сторонѣ правила, которыя Локкъ даетъ въ руководство индивидуальной совѣсти при столкновеніи съ государственною властью по религіознымъ вопросамъ, обратимся къ правамъ и обязанностямъ государственной власти: они сводятся у Локка къ слѣдующему положенію: никакое ученіе, находящееся въ противорѣчіи съ человѣческимъ обществомъ или съ тѣми нравственными правилами, которыя необходимы для сохраненія гражданскаго общества, не должно быть терпимо государственною властью. Правда, прибавляетъ Локкъ, такого рода ученіе рѣдко можно встрѣтить у какой-нибудь

религіозной партіи; но есть другое болѣе тайное и болѣе опасное для государства зло,— если какая-нибудь секта присвоиваетъ себѣ права, несовмѣстныя съ законами государства. Такъ, напримѣръ, если кто либо утверждаетъ, что можно не исполнять своихъ обязательствъ по отношенію къ иновѣрцу, или что отлученный отъ церкви государь утрачиваетъ право на корону и власть; люди подобныхъ убѣжденій не имѣютъ права на терпимость со стороны правительства; равно какъ и всѣ тѣ, которые не хотятъ признать за собою обязанность относиться съ терпимостью по отношенію ко всѣмъ людямъ въ чисто-религіозныхъ вопросахъ.

Кромѣ того, не имѣетъ права на терпимость со стороныг осударства такой религіозный толкъ, который признаетъ основнымъ своимъ положеніемъ, что его члены находятся подъ покровительствомъ и на служеніи другого государя. Послѣднее замѣчаніе Локка относилось къ магометанамъ, а первое—къ католикамъ, изъ которыхъ многіе въ то время держались приведенныхъ выше мнѣній. Еще болѣе безусловно отрицаетъ Локкъ право атеистовъ на терпимость со стороны государства. Мотивъ, имъ приводимый, заключается въ томъ, что обѣщанія, сдѣлки и клятвы, составляющія связи человѣческаго общества, не имѣютъ силы для атеиста; безбожникъ отвергаетъ съ существованіемъ Бога самое основаніе морали и расторгаетъ всѣ нравственныя связи. Помимо того, говоритъ Локкъ, не можетъ выставить религію основаніемъ для требованія терпимости тотъ, кто подрываетъ и разрушаетъ всякую религію.

Въ заключеніе своего трактата Локкъ старается разсѣять опасеніе, будто религіозная терпимость, предоставленная всѣмъ сектамъ, можетъ грозить миру и спокойствію государства. Только угнетенія и преслѣдованія возбуждаютъ неудовольствія и могутъ вызвать смуту и бунтъ. Справедливыя и умѣренныя правительства всегда обезпечены относительно мира и безопасности. Поэтому всякій поводъ къ смутамъ и недовѣрію исчезнетъ, восклицаетъ Локкъ, какъ скоро войдетъ въ силу законъ терпимости и какъ скоро всѣ церкви будутъ принуждены признать его основаніемъ своей свободы и учить, что свобода совѣсти вездѣ составляетъ естественное право человѣка.

Изложенный здѣсь трактатъ Локка долженъ вызвать у читателя весьма разнообразныя ощущенія и сужденія. Чтобы разобраться въ нихъ, нужно помнить, что всѣ философскіе и политическіе трактаты можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія— идейной и исторической. Такіе трактаты могутъ имѣть цѣну какъ моменты въ исторіи развитія извѣстной идеи; но въ то же время они могутъ представлять и интересъ, какъ памятники старины, какъ отраженія мѣстныхъ потребностей, національныхъ воззрѣній, культурныхъ теченій и т. д. Въ этомъ историческомъ отношеніи посланіе Локка представляетъ очень обильный матеріалъ. Какъ Маколей былъ правъ, указавъ въ законѣ о терпимости 1689 г. завѣтные пріемы англійскаго законодательства и національнаго духа Англіи, такъ и мы въ посланіи о терпимости не можемъ не подмѣтить сквозь всѣ теоретическія и общія разсужденія мѣстнаго и національнаго колорита. Въ этомъ посланіи прежде всего сильно выступаетъ личность и методъ самого мыслителя, столь типическаго для англійской націи. Личность Локка проявляется какъ въ языкѣ и внѣшней формѣ его посланія, такъ въ его опредѣленіяхъ и въ доводахъ, которыми онъ подкрѣпляетъ свои положенія. Локкъ былъ однимъ изъ отцовъ раціонализма и эмпирическаго метода. Этими направленіями и обусловливаются форма и духъ его произведенія; чисто разсудочный характеръ его доводовъ придаетъ его разсужденію ясность, но и безцвѣтность; его медленно подвигающаяся аргументація съ постоянными повтореніями и иногда банальными сравненіями однообразна и утомительна. Нить его мыслей, которая тянется передъ читателемъ, какъ тонкая, ровная пряжа, требуетъ терпѣливаго, напряженнаго вниманія. Локкъ въ своемъ „Опытѣ о человѣческомъ разсудкѣ“ выступаетъ противникомъ „врожденныхъ идей“; изъ опыта почерпаетъ онъ всѣ человѣческія познанія и понятія. Отсюда снисходительность у Локка

къ человѣческому разсудку, когда онъ не въ состояніи постигнуть извѣстныые догматы, превышающе его разумѣніе — отсюда требованіе ненаказуемости за промахи разума, утвержденіе, что несправедливо и жестоко преслѣдовать людей за неправильное пониманіе богословскихъ догмъ и религіозныхъ тайнъ.

Съ этими требованіями разума совпадалъ у Локка и выводъ, который ему подсказывала его личная судьба. Локкъ принадлежалъ къ англиканской церкви и былъ воспитанъ въ Оксфордѣ. Но его отецъ былъ капитаномъ въ арміи парламента, онъ перенесъ всѣ ужасы междоусобной войны, былъ свидѣтелемъ того, какъ господствующая церковь преслѣдовала сектантовъ, какъ секты во время своего торжества тѣснили англиканство, и какъ вновь поднялась „высокая" церковь; онъ самъ терпѣлъ гоненія и долженъ былъ искать спасенія въ изгнаніи. Результатомъ его жизненнаго опыта была необходимость религіознаго мира и соглашенія съ диссентерами.

Вмѣстѣ съ личностью автора на его трактатѣ отразилась и современная ему эпоха; мы видимъ ея вліяніе въ преимуществѣ, которое отдавалось въ религіи этикѣ передъ догматикой: различіе въ догматахъ вызвало войны и преслѣдованія—въ христіанской же этикѣ всѣ были согласны; она была залогомъ мира.

Но въ особенности сильно проявился раціонализмъ эпохи въ договорной теоріи, на которой построено у Локка государство и изъ-за которой онъ отрицалъ за государствомъ право принуждать и преслѣдовать въ вопросахъ вѣры.

Какъ ни искусственна теорія о происхожденіи государства изъ добровольнаго договора гражданъ, она находила себѣ подтвержденіе въ возникновеніи англійскихъ колоній и въ традиціонномъ характерѣ англійской внутренней политики, помимо религіознаго вопроса не вмѣшивавшейся въ духовную жизнь гражданъ. Договорную теорію Локкъ перенесъ и на церковь, ставши въ этомъ отношеніи на точку зрѣнія индепендентовъ, которые впервые даровали Англіи вѣротерпимость подъ властью Кромвеля. Историческая жизнь Англіи отразилась у Локка и на отрицаніи терпимости для католиковъ, традиціонныхъ противниковъ религіозной и политической свободы въ тогдашней Англіи.

Благодаря всѣмъ этимъ отраженіямъ эпохи и національнаго духа трактатъ Локка о вѣротерпимости во многихъ частностяхъ устарѣлъ—въ особенности въ тѣхъ, которыя стоятъ въ связи съ договорной теоріей. Доводы Локка непримѣнимы или недостаточны тамъ, гдѣ по условіямъ національной жизни государству и церкви свойственна болѣе дѣятельная роль. Самая точка зрѣнія Локка на вѣротерпимость и на ея ограниченіе узка для нашего времени—и въ противорѣчіи съ выставленнымъ имъ принципомъ.

Но не устарѣла и не устарѣетъ идейная часть трактата Локка: его пониманіе христіанства, какъ закона любви; его положеніе, что религіозная вѣра требуетъ акта индивидуальной совѣсти и потому не должна и не можетъ быть предметомъ насилія и принудительныхъ мѣръ; его утвержденіе, что заблужденія по религіознымъ вопросамъ, если они не истекаютъ изъ безнравственныхъ или преступныхъ мотивовъ, не подлежатъ наказаніямъ и преслѣдованіямъ. Не устарѣютъ и вѣчно будутъ сіять какъ звѣзда на отдаленномъ небосклонѣ и слова Локка: „безусловная свобода совѣсти, справедливая и настоящая, равная и безпристрастная свобода совѣсти, вотъ въ чемъ мы нуждаемся".

В. Герье.

Сорнка.

На днѣ глубокаго, синяго моря всегда царятъ прохладныя сумерки. Когда по небу грозно плыветъ черная туча, а въ ней вспыхиваютъ яркія молніи, грохочетъ громъ, проливной дождь съ шумомъ низвергается въ ревущія и скачущія волны—на днѣ, въ таинственной глубинѣ, тихо мерцаютъ морскія звѣзды, беззвучно проносятся стаи рыбъ, копошатся морскія животныя, и нѣжныя, полупрозрачныя водоросли медленно качаются, задѣтыя плавникомъ или щупальцами подводнаго обитателя.

Такъ смѣняются пестрыя, фантастическія картины на экранѣ волшебнаго фонаря.

Недалеко отъ одного прекраснаго южнаго острова тянулась большая песчаная отмель. У самаго берега дно было покрыто крупнымъ пескомъ, дальше песокъ замѣняли камни,—овальные, круглые, цилиндрическіе, безъ угловъ и впадинъ, потому что море много лѣтъ неутомимо терло ихъ другъ о друга, а еще дальше дно дѣлалось скалистымъ, губчатымъ и чернымъ, какъ уголь. И вдругъ въ одномъ мѣстѣ скала сразу обрывалась и огромными уступами шла книзу. По ней лѣпились водоросли, покрывали ее то краснымъ, то желтымъ, то зеленымъ бархатомъ, выкидывали широкія, лапчатыя листья или-же какъ длинные волосы подводной царицы, висѣли внизъ. Между травами копошились морскіе ежи, то круглые, какъ дыни, то приплюснутые, лежали красныя, лиловыя, оранжевыя звѣзды, пестрѣли, точно астры, анемоны, вились всевозможные черви, то гладкіе, то съ тысячей быстрыхъ ножекъ, неподвижно сидѣли раковины.

И чѣмъ глубже внизъ, тѣмъ растительность становилась разнообразнѣе

и сочнѣе, и крупнѣе морскіе звѣри. Тамъ-же внизу, на страшной глубинѣ, смутно виднѣлись таинственныя очертанія скалъ и деревьевъ, и изрѣдка какъ тѣни, скользили огромныя морскія животныя. Какъ разъ на гранипѣ отмели, у самаго уступа черной скалы, надъ прозрачной морскою бездной, пріютилась цѣлая колонія одинаковыхъ раковинъ. Между ними были всякія — и большія, съ ладонь, и такія крошечныя, что ихъ можно было принять за зерно чечевицы. Но во всякой изъ нихъ жило маленькое, сѣрое, слизистое существо, безпомощное и уродливое. Каждый часъ, каждую минуту это существо отлагало вокругъ себя твердую известковую массу, которая и служила ему прочнымъ домикомъ. Удобно было слабенькому, студенистому тѣльцу лежать въ своей скорлупѣ. Внутреннія стѣнки ея были бѣлыя, гладкія и отливали зеленымъ и розовымъ цвѣтомъ. Снаружи раковина была некрасива, потемнѣла отъ воды, и зеленый мохъ покрывалъ ее.

Когда улитка хотѣла ѣсть, она медленно поднимала одну изъ своихъ створокъ и вмѣстѣ съ водою множество крошечныхъ животныхъ, личинокъ, яичекъ и сѣмянъ подводныхъ травъ попадали въ ея желудокъ.

Жизнь раковинъ была несложна и спокойна; на поверхности моря дни смѣнялись ночью, послѣ лѣта наступала зима, проносились мѣсяцы и годы,— а улитки все по-прежнему питались, отлагали перламутръ, росли и старились въ блаженномъ полуснѣ и ничѣмъ не нарушимомъ безмолвіи.

Въ одно прекрасное утро одна изъ нихъ осторожно, медленно приподняла свою створку. Когда она убѣдилась, что кругомъ все спокойно, она съ наслажденіемъ расправила свои студенистые члены въ струѣ соленой морской воды. Вслѣдъ за нею тихонько приподнялась еще дверца,—другая, третья—и скоро вся скала зашевелилась. Водоросли медленно, точно во снѣ, закачались направо и налѣво, анемоны быстро зашевелили щупальцами, въ ожиданіи добычи, и узкая серебряная рыба какъ лезвее ножа сверкнула между травами и исчезла глубоко внизу, въ таинственной морской глубинѣ.

Вдругъ маленькая твердая соринка вмѣстѣ съ водой и пищей проникла въ одну раковину. Улитка живо захлопнула свою створку, но было уже поздно. Соринка застряла между студенистымъ покровомъ улитки, ея сѣрою епанчею, и мягкимъ тѣломъ. Что это такое было? Кусочекъ коралла, часть остова какой-нибудь рыбы, кончикъ твердаго уса морского рака — или-же рыбаки, проѣзжая на своей плоскодонкѣ надъ подводной скалой, вытряхнули за бортъ всякій соръ. Улитка знала только одно — что эта твердая вещица безпокоитъ ее. Напрасно пила она воду, быстро открывалась и закрывалась, шевелилась, насколько, могла въ своей раковинѣ—соринка упорно сидѣла и причиняла ей смутную тревогу.

Прошло много дней. Бѣдная улитка не могла избавиться отъ соринки, и все ея существо страдало отъ присутствія посторонней частицы. Каждый день по прежнему медленно открывала она свои

дверцы, равнодушно и лѣниво глотала мягкую пищу, но внутри ея что то болѣло и ныло. Она перестала, какъ раньше, проводить дни и ночи въ забытьѣ—какъ сквозь сонъ начали проноситься передъ нею смутныя грезы...

Однажды роскошная зеленая анемона съ желтыми щупальцами и фіолетовой сердцевиной опутала большого, жирнаго головастика—личинку морской уточки. Невинный головастикъ довѣрчиво проплывалъ мимо и вдругъ отчаянно забился, когда бархатныя нити его коснулись. Тѣ-же щупальца помогли пестрой анемонѣ отправить добычу въ ротъ, и она блаженно переваривала свой обѣдъ, собравъ въ чудный золотистый бутонъ свои лепестки.

Улитка неподвижно наблюдала эту сцену, раскрывшись подъ прямымъ угломъ. При видѣ того, какъ умираетъ веселый головастикъ, опутанный безпощадными щупальцами, ей показалось, что соринка, жившая въ ней, вдругъ выросла и больно впилась въ ея тѣло.

Съ этихъ поръ удастся ли ежу втащить къ себѣ въ нору животное, или большая рыба проглотитъ маленькую, или одинъ эолидъ разорветъ другого—улитка чувствовала, какъ то, твердое становится точно больше нея самой, и тѣло ея готово растаять отъ боли.

Дѣйствительно, соринка росла. Независимо отъ воли улитки, ея тѣло отлагало вокругъ соринки то твердое, блестящее вещество, которымъ устлана была внутри ея раковина. И вотъ маленькая черная точка превратилась въ нѣжно-сѣрый, правильный шарикъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. За это время ничего не измѣнилось подъ водою, только раковина больной улитки стала еще больше и чернѣе, и шарикъ въ ея тѣлѣ выросъ до величины горошины.

Разъ улитка увидала, какъ большая коричневая каракатица спустилась сверху и остановилась надъ скалою. У нея было длинное овальное тѣло и твердый, большой клювъ. По обѣимъ сторонамъ его сидѣли два жадные, пристальные глаза, и восемь щупалецъ, какъ вѣникъ, висѣли книзу. Два изъ нихъ были толще и длиннѣе прочихъ, и каракатица двигала ими, какъ ногами. Была ночь. Кругомъ все спало. Одна только улитка не могла найти покоя и ночью и смотрѣла, какъ мерцаютъ и переливаются морскія звѣзды то краснымъ, то зеленымъ свѣтомъ, погасаютъ и снова загораются, и большой кустъ водорослей серебристымъ дождемъ спадаетъ съ уступа. Глубоко внизу голубое свѣтящееся облако указывало на пребываніе какого-нибудь огромнаго, неизвѣстнаго морского животнаго или цѣлой колоніи фосфорическихъ моллюсковъ. Маленькій жучокъ, ярко горя, ползалъ медленно по скалѣ, и на фонѣ его красиваго свѣта отчетливо выдавалось черное кружево водорослей. Большая круглая рыба неподвижно стояла надъ раковиной: она спала; изрѣдка она сонно шевелила плавниками, и желтые глаза ея, не видя, отражали подводное свѣченіе моря.

Вдругъ каракатица осторожно и медленно стала къ ней приближаться. Глаза ея блестѣли, какъ у кошки, тѣло надулось и смѣняло поминутно свой

цвѣтъ. И вдругъ щупальцы ея взвились и плотно захлестнулись вокругъ спящей рыбы. Та проснулась и вздрогнула всѣмъ своимъ скользкимъ тѣломъ. Огромный тупой ротъ ея началъ быстро открываться и закрываться, жабры покраснѣли и раздулись, какъ кузнечные мѣхи. Она била плавниками и хвостомъ, переворачивалась на-бокъ и на спину, но каракатица была сильнѣе, и вся вода кругомъ стала черной отъ выпускаемой ею жидкости.

Улитка вся трепетала. Она хлопала своими створками, совсѣмъ высовывалась изъ раковины, глотала противную коричневую воду, окрашенную каракатицей. Испытываемое ею страданіе было такъ невыносимо, что, обезсилѣвъ, она сомкнула свои створки и замерла неподвижно въ темной раковинѣ.

Еще разъ мелькнули длинныя щупальцы хищницы и свѣтлая спинка ея жертвы, и обѣ онѣ исчезли въ глубокой разщелинѣ скалы. Вода опять стала прозрачной, и только красныя водоросли долго и тревожно качались надъ мѣстомъ убійства. Все успокоилось. Лишь одинъ круглый ракъ былъ свидѣтелемъ волненія улитки. Онъ подползъ къ ней, сѣлъ противъ нея, и его выпуклые, на длинныхъ отросткахъ, глаза, долго и внимательно на нее смотрѣли.

И съ этихъ поръ больная улитка стала мечтать о томъ, какъ хорошо перестать чувствовать свое измученное тѣло, ощущать въ себѣ твердый, тяжелый шарикъ и, главное, не видѣть больше того, что происходитъ вокругъ. Плотно закроетъ она свои дверцы, оторвется отъ родной скалы, и море бережно опуститъ ее туда, гдѣ зеленѣютъ иныя травы, цвѣтутъ лучшіе цвѣты, живутъ болѣе совершенныя животныя—на мягкій песокъ недосягаемаго дна, и ужъ никогда ничто не нарушитъ ея сладкаго покоя.

Однажды—это было утромъ—что то большое и темное остановилось какъ разъ надъ скалою, гдѣ жили наши раковины. Это случалось уже не разъ и прежде. Иногда веселые дельфины затѣвали игру между собою, возились, прыгали и ныряли; иногда медленно проплывала рыбачья лодка, а то и большой тяжелый пароходъ пѣнилъ надъ ними воду. Тогда всѣ раковины точно по командѣ захлопывали дверку и долго сидѣли, какъ мертвыя. Уже давно уляжется волненіе, поднятое судномъ, далеко въ море уплывутъ дельфины, высокія водоросли перестанутъ колыхаться, и ракъ—отшельникъ высунетъ свои усы изъ занимаемой имъ чужой раковины—а онѣ все не шевелятся. Такъ было и на этотъ разъ. Но темный предметъ не двигался.

Вотъ отъ него отдѣляется какая-то масса и быстро идетъ внизъ. Большой конусообразный камень глухо ударяется о скалу и вспугиваетъ цѣлое стадо маленькихъ рыбокъ. Темнокожій человѣкъ, съ заткнутыми ушами и носомъ, торопливо выдергиваетъ ногу изъ стремени, прикрѣпленнаго на верху камня, бросается ничкомъ на дно, между зелеными водорослями, и обѣими руками отрываетъ отъ скалы самыя большія раковины и бросаетъ ихъ въ мѣшокъ, привязанный у пояса. Потомъ онъ сильно дергаетъ за веревку и исчезаетъ вмѣстѣ съ камнемъ.

Что такое случилось? Маленькій подводный уголокъ былъ ограбленъ и встревоженъ. Нѣжныя водоросли безпорядочными лохмотьями расплылись по водѣ; длинный желтый червякъ, половина котораго была расплющена камнемъ, судорожно вился и вытягивался. Раздавленныя пестрыя анемоны безпокойно шевелили щупальцами. Положимъ, онѣ не очень горевали: вѣдь изъ каждаго ихъ кусочка разовьется новое, молодое животное, такъ что ихъ семья только увеличится. Зато почти всѣ старыя раковины исчезли. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ просидѣли онѣ многіе годы, скала была еще черная, обнаженная. А сами онѣ въ первый разъ ощущали на себѣ лучи горячаго южнаго солнца. Соленый морской вѣтеръ сушилъ ихъ потемнѣвшія отъ воды, покрытыя зеленью спинки. Страшная жажда мучила ихъ, но онѣ не сдавались. Ни одна не захотѣла открыться и одна за другой онѣ умирали.

Умерла и больная улитка. Но не подъ покровомъ молчаливыхъ водорослей, на днѣ южнаго моря пришлось ей лежать. Она не слилась незамѣтно съ окружавшей ее всю жизнь стихіей, не увеличила собою вѣками наросшихъ пластовъ морского дна. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ видѣла она яркую подводную жизнь—улитка не знала. Безмолвная, глубокая ночь окружала ее до тѣхъ поръ, пока въ ней не пробудилась новая жизнь.

Ни раковины, ни безсильнаго, несвободнаго тѣла она не ощущала: отъ нея остался одинъ твердый бѣлый шарикъ—лучшая часть бѣднаго, незначительнаго существа, съ трудомъ добытая и привезенная изъ далекихъ теплыхъ странъ. Она мерцала на рукѣ молодой женщины. Часто, щуря свои длинные черные глаза и вытянувъ передъ собой стройную руку, красавица любовалась жемчужиной. Но та еще дремала, холодная, прекрасная и равнодушная, какъ и сама ея обладательница.

И вотъ однажды молодая женщина испытала тяжелое горе. Когда ея тонкіе розовые пальцы выронили на коверъ роковое письмо, отнимавшее у нея счастье—глаза ея оставались сухими и блестящими, только грудь порывисто дышала, и горѣло сердитое лицо.

Въ длинныя лунныя ночи ходила она одна по своимъ высокимъ, пустымъ покоямъ, и тѣнь ея скользила за нею, а далекій мѣсяцъ грустно смотрѣлъ на нее черезъ широкія окна и стеклянныя двери. Тогда ей казалось, что нѣтъ на свѣтѣ ничего, кромѣ нея одной и ея молчаливаго, тяжелаго горя.

Когда же распустились ландыши, и журавли таинственно прокричали надъ болотомъ, ее потянуло туда, гдѣ молодой лѣсъ опушился прозрачною дымкой, и черная дорога безконечно протянулась межъ зеленыхъ полей.

Въ свѣтлые весенніе вечера, когда сѣрая пелена тумана покрывала оврагъ и казалось, будто необъятное море неслышно сползло откуда-то и уснуло подъ горой, она думала, что ничего нѣтъ въ мірѣ кромѣ ея огромнаго горя и ея самой.

А когда приходило утро, тамъ, за оврагомъ, начиналась своя жизнь. Молодая женщина видѣла, какъ чужіе ей, темные люди копошились, ходили, дѣлали что-то однообразное и скучное. Она подолгу смотрѣла, какъ они бродили межъ своихъ убогихъ жилищъ, уныло и медленно уходили на работу и такъ же уныло и медленно возвращались домой. Лица ихъ были грубы и однообразны, тѣла тщедушны и некрасивы, языкъ ихъ былъ ей непонятенъ. Когда наступалъ для этихъ людей день отдыха и они собирались вмѣстѣ, она находила дикимъ ихъ грубое веселье, а пронзительные звуки ихъ однообразныхъ пѣсенъ раздражали ее, какъ диссонансъ съ окружающей молчаливой природой. Иногда ей случалось встрѣчаться съ ними. Тогда они боязливо и поспѣшно уступали ей дорогу, униженно кланяясь, и долго ихъ глаза провожали ее любопытнымъ взглядомъ. Точно не яркій цвѣтникъ съ легкой чугунной рѣшеткой, не зеленый оврагъ отдѣляли ее отъ нихъ, а лежала между ними бездонная, широкая пропасть. Но она не могла не смотрѣть туда, за оврагъ. Какая-то сила притягивала ея взглядъ къ этимъ убогимъ жилищамъ, заставляла ее слѣдить за однообразнымъ теченіемъ этой сѣрой, невеселой жизни.

Въ одно жаркое утро молодая женщина неподвижно сидѣла у рѣшетки своего цвѣтника. Удушливый запахъ левкоевъ курился надъ клумбами, и большіе, пушистые шмели гудѣли надъ цвѣтами. И, какъ всегда, она смотрѣла за оврагъ. На этотъ разъ тамъ приходило что то необычайное. Молчаливая толпа людей темнѣла у покосившейся лачуги, глядѣвшей своими маленькими окошками въ необъятное желтое поле. Но вотъ толпа зашевелилась, раздалась, и на дорогу выѣхала телѣга, запряженная бѣлой лошадкой. Лошадью правилъ босой мальчикъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, а на телѣгѣ стоялъ, приподнявшись широкимъ и выпуклымъ краемъ, длинный сѣрый гробъ. Толпа осталась назади и медленно разбрелась, и только двѣ женщины отдѣлились отъ нея и пошли за гробомъ узкою полевою дорогой. Одна изъ нихъ, совсѣмъ старая, брела, наклонясь впередъ, прижимая большія, костлявыя руки къ груди, и ея черный сарафанъ тусклымъ пятномъ выдѣлялся на фонѣ ржи и лѣтняго неба. Ея лицо было темно и сморщено, она тоскливо качала головой и причитала высокимъ, слабымъ голосомъ. Съ нею рядомъ шла сильная молодая женщина съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ.

Кто въ эту жаркую лѣтнюю пору въ послѣдній разъ проѣзжаетъ несжатыми полями? Какъ протекла и угасла эта грустная, однообразная, темная жизнь? За чьей телѣгой въ послѣдній разъ всплыветъ дорога и высокая рожь зашумитъ и наклонится? О комъ будетъ беззвучно плакать старуха въ унылые зимніе дни, когда, подперевъ рукою щеку, сядетъ она у стола, а синія сумерки вползутъ въ маленькое окно и наполнятъ холодную избу печалью?

Въ первый разъ при видѣ чужого горя что то шевельнулось въ груди молодой женщины. Она облокотилась на рѣшетку и молча смотрѣла, какъ

медленно уходили туда, вдаль эти люди. Вѣтеръ колыхалъ высокую рожь и доносилъ до ея ушей однообразные звуки, печальные, какъ жизнь этихъ темныхъ людей, простые и монотонные, какъ это поле.

Тогда крупная слеза упала на дорогую жемчужину изъ длинныхъ, красивыхъ глазъ. Слеза была такъ же солона и прозрачна, какъ волны далекаго, синяго моря, но отъ нея вся жемчужина наполнилась животворнымъ тепломъ и радостно отразила въ себѣ и небо, и поле, и горячіе, бѣлые лучи лѣтняго солнца.

— Какая дивная жемчужина, говорили потомъ женщинѣ. Она точно ожила отъ теплоты твоего тѣла...

А тамъ, далеко, у береговъ южнаго острова тихо волнуется и свѣтится море надъ подводной скалою. Проносятся ли яркіе сны надъ спящими раковинами, или онѣ безъ грезъ тихо дремлютъ надъ темною бездной?

Нѣтъ, для того, чтобы жемчужина созрѣла въ ихъ слабомъ тѣлѣ, онѣ должны страдать, какъ надо болѣть и человѣческому сердцу, чтобы въ немъ родилась дивная жемчужина состраданія и любви.

Вѣра Потемкина.

Русская утопія XVIII столѣтія.

Если гаданіе о будущемъ является естественной функціей человѣческаго ума, а тревожное сознаніе текущихъ соціальныхъ золъ неизбѣжно связано съ разумнымъ существованіемъ въ сложно развитомъ общежитіи, то появленіе такъ называемыхъ „соціальныхъ утопій" среди разновидностей литературнаго творчества становится какъ нельзя болѣе понятнымъ и объяснимымъ. —И исторія литературы встрѣчается съ зарожденіемъ этой литературной формы уже на раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія Европы. Отъ Платона до Беллами (1888 г.) и Гертцка (1890) передъ нами тянется цѣлая вереница болѣе или менѣе смѣлыхъ фантазій на соціальныя темы и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этой вереницѣ не суждено оборваться на только что названныхъ новѣйшихъ произведеніяхъ этого рода. Конечно, отдѣльные вклады въ литературу соціальныхъ утопій не отличаются равноцѣнными качествами: вѣдь надъ ихъ созданіемъ трудились люди весьма различныхъ литературныхъ ранговъ—отъ первоклассныхъ мыслителей до простыхъ чернорабочихъ пера. Это не лишаетъ однако ни одного изъ подобныхъ произведеній историческаго интереса. Смѣсь сатиры съ пророчествомъ „соціальная утопія" всегда представляетъ собою сознательное или безсознательное отраженіе господствующихъ духовныхъ стремленій своей эпохи.—Пусть „утопистъ", отдаваясь мечтамъ, опрокидываетъ полетомъ фантазіи всѣ рамки пространства и времени и, отрѣшаясь отъ окружающихъ условій, свободно воспаряетъ къ своему идеалу; онъ, какъ воздушный шаръ, сколько ни подымался-бы въ безпредѣльную высь, никогда не выскользнетъ изъ сферы земного притяженія. Онъ лѣпитъ контуры предполагаемаго будущаго изъ готоваго матеріала, даннаго всей совокупностью оборотныхъ идей своей эпохи. На этомъ то пунктѣ утописта зоветъ къ отвѣту историкъ, усматривающій въ продуктѣ утопическихъ мечтаній одно изъ средствъ для изученія подлинной исторической дѣйствительности. Отдѣльные узоры, которыми украшаются утопическія картины будущаго, могутъ принадлежать, конечно, къ области чистой фантастики, но узоры предполагаютъ канву и на этой-то канвѣ „соціальныхъ утопій" историкъ сосредоточиваетъ свое вниманіе. Онъ расчленяетъ канву на ея составныя нити, открывая въ послѣднихъ господствующіе жизненные мотивы, современные изучаемому памятнику утопической литературы.

До самаго послѣдняго времени историкъ Россіи совершенно былъ лишенъ этого своеобразнаго средства историческаго анализа. Казалось, что „соціальныя утопіи", обойдя многія европейскія литературы, совершенно миновали литературу русскую. Четыре года тому назадъ впервые былъ обнародованъ пока единственный извѣстный у насъ памятникъ этого рода. Въ первомъ томѣ собранія сочиненій кн. М. М. Щербатова, вышедшаго въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1896 г., помѣщено между прочимъ, неизданное

ранѣе сочиненіе этого замѣчательнаго писателя XVIII ст. „Путешествіе въ землю Офирскую г-на С..., шведскаго дворянина". Это—не что иное, какъ русская „соціальная утопія". Названное сочиненіе имѣетъ двойное право на пристальное вниманіе изслѣдователей—1) какъ единственный пока образецъ подобныхъ произведеній на нашей русской почвѣ и 2) въ виду его принадлежности перу такого интереснаго публициста XVIII ст., какимъ былъ кн. Щербатовъ, явившійся краснорѣчивымъ идеологомъ основного процесса нашей соціальной исторіи XVIII ст.—созданія дворянской привиллегіи на основѣ крѣпостного крестьянскаго труда. Однако, за четыре года, протекшіе со времени опубликованія Щербатовской утопіи, спеціальная литература почти совсѣмъ не касалась ея. Если не ошибаемся, ея разсмотрѣнію до сихъ поръ были посвящены всего двѣ статьи: статья г. Пыпина въ „Вѣстникѣ Европы" (ноябрь 1896 г.) и статья г. Чечулина „Русскій соціальный романъ XVIII вѣка" въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (январь 1900 г.); г. Мякотинъ, посвятившій прекрасный этюдъ анализу общественныхъ взглядовъ кн. Щербатова („Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи". Русское Богатство 1896 г.) по свойству поставленной себѣ задачи не коснулся спеціальнаго разбора интересующаго насъ произведенія. г. Пыпинъ ограничился бѣглымъ изложеніемъ содержанія „Путешествія въ землю Офирскую", г. Чечулинъ представилъ нѣкоторыя интересныя замѣчанія о зависимости Щербатовской утопіи отъ иностранныхъ образцовъ, которыми пользовался Щербатовъ, но къ сожалѣнію недостаточно систематично провелъ сближеніе основныхъ идей утопіи съ общимъ міросозерцаніемъ ея автора. Отнюдь не претендуя на заполненіе этого пробѣла, я намѣренъ лишь привести въ нижеслѣдующихъ строкахъ кое-какія соображенія, внушенныя мнѣ чтеніемъ „Путешествія въ землю Офирскую".

I.

Интересующее насъ произведеніе не окончено. Оно неожиданно обрывается на разсмотрѣніи высшихъ правительственныхъ учрежденій идеальнаго государства. Это досадное обстоятельство не мѣшаетъ однако вполнѣ отчетливо установить основныя идеи произведенія по той его части, которая лежитъ передъ нами. Въ трудѣ Щербатова имѣются на лицо всѣ обычные элементы соціальной утопіи и сатира и пророчество. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ офирской земли Щербатовъ разумѣетъ Россію. Это явствуетъ и изъ многихъ весьма прозрачныхъ фактическихъ намековъ и изъ топографической номенклатуры, составленной изъ легкихъ передѣлокъ русскихъ названій (Квамо-Москва, Невія-Нева, Голва-Волга, Тервекъ-Тверь, и т. п. Всѣ эти сближенія сведены въ статьѣ г. Чечулина). Въ формѣ упоминаній о прошлыхъ, уже исчезнувшихъ порядкахъ офирской земли Щербатовъ бичуетъ недостатки современной ему Россіи, а подъ видомъ описанія тѣхъ привлекательныхъ чертъ офирской жизни, которыя представлялись удивленнымъ взорамъ шведскаго дворянина, неожиданно заброшеннаго судьбой въ эту невѣдомую страну, Щербатовъ рисуетъ намъ идеальную Россію будущаго.

Сатирическій элементъ лишь случайными эпизодами переплетается съ изображеніемъ офирскаго благоустройства. Это кое-какія мелкія крупицы отъ того обширнаго запаса сатирическихъ обличеній, который вошелъ въ знаменитый памфлетъ Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи".

Темы обличеній—тѣ же самыя, но въ утопіи онѣ затронуты вскользь, мимоходомъ и съ гораздо меньшей силой, чѣмъ въ только что названномъ памфлетѣ. Отчужденіе представителей власти отъ непосредственнаго общенія съ жизнью народа, паразитизмъ придворныхъ вельможъ, тщеславное стремленіе правителей къ обширнымъ и совершенно нецѣлесообразнымъ завоеваніямъ и къ фальшивому блеску показного благоустройства, роскошь и развратъ, стирающіе послѣдніе остатки древнихъ суровыхъ добродѣтелей, скороспѣлость правительственныхъ мѣропріятій, вытекающая изъ ложнаго понятія о силѣ

единоличныхъ распоряженій,—вотъ тѣ общественныя язвы, которыя и въ разбираемомъ произведеніи Щербатовъ не преминулъ задѣть уколомъ своего пера. Многія изъ этихъ печальныхъ явленій русской дѣйствительности онъ и на этотъ разъ возводитъ къ насильственному перелому, совершенному по его мнѣнію въ русской жизни Петромъ Великимъ. Такъ, разсказывая о прошлыхъ временахъ офирской монархіи, авторъ утопіи упоминаетъ о великомъ государѣ, именуемомъ Перега (Петръ). Онъ учредилъ у офирцевъ порядочное правленіе и, найдя государство при своемъ воцареніи непросвѣщеннымъ и погруженнымъ въ варварство, первый „учредилъ познаніе наукъ и военнаго искусства". Но затѣмъ послѣ побѣдоносной борьбы съ Дысвами (шведами) онъ, „оставя средоточенное положеніе въ имперіи древней своей столицы Квамо (Москвы)... противу чаянія и противу естества вещей" воздвигнулъ изъ болотъ новый столичный городъ Перегабъ (Петербургъ), гдѣ и основалъ свою резиденцію. Постройка новой столицы стоила несчетныхъ сокровищъ и гибели многихъ тысячъ рабочаго народа. А между тѣмъ вмѣсто пользы изъ всего этого предпріятія „проистекли слѣдующія злы"—„1) государи наши, бывъ отдалены отъ средоточнаго положенія своей имперіи, знаніе о внутреннихъ обстоятельствахъ оныя потеряли. 2) Вельможи, жившіе при государяхъ, бывъ отдалены отъ своихъ деревень, позабыли состояніе земской жизни, а потому потеряли и познаніе, что можетъ тягостно быть народу и оный налогами стали угнетать... 3) бывъ сами сосредоточены у двора, единый оный отечествомъ своимъ стали почитать, истребя изъ сердца своего всѣ чувства объ общемъ благѣ. 5) отдаленіе же другихъ странъ чинило, что и вопль народный не доходилъ до сей столицы. 6) древніе примѣры добродѣтели старобытныхъ нашихъ великихъ людей купно съ забвеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они подвизались, изъ памяти вышли, не были уже побужденіемъ и примѣромъ ихъ потомкамъ".

Если въ приведенномъ только что образцѣ обличительнаго элемента Щербатовской утопіи очевидно имѣется въ виду эпоха Петра I и его ближайшихъ преемниковъ, то въ томъ же произведеніи есть и другія мѣста, гдѣ авторъ смѣло обращается къ общественнымъ порокамъ современной ему Россіи. Здѣсь его сатира жалитъ еще больнѣе и мѣтче. Рисуя идеальнаго государственнаго дѣятеля въ лицѣ офирскаго сановника Бомбея-Горы, Щербатовъ вкладываетъ въ его уста настойчивые протесты противъ завоевательныхъ стремленій его государя и не слышится ли намъ въ этомъ протестъ самого Щербатова противъ агрессивнаго характера внѣшней политики Екатерины II? „Не расширеніе областей составляетъ силу царствъ, но многонародіе и доброе внутреннее управленіе—говоритъ Бомбей-Гора, возражая на завоевательные проекты государя.—Еще много у насъ мѣстъ не заселенныхъ, еще во многихъ мѣстахъ земля ожидаетъ труда человѣческаго, чтобы сторичный плодъ принести. Еще у насъ есть подвластные народы, требующіе привести ихъ въ лучшее состояніе, то не лучше ли исправить сіи внутренности, нежели безнужною войною подвергать народъ гибели и желать покорить или страны пустыя, которыя трудно будетъ и охранять или народы, отличные во всемъ отъ насъ, которые и черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ не пріимутъ духа отечественнаго Офирской имперіи и будутъ подъ именемъ подданныхъ нашихъ тайные намъ враги". Читая эту рѣчь, вложенную авторомъ въ уста Бомбея-Горы, нельзя не вспомнить тѣхъ замѣчаній, которыя Щербатовъ уже отъ своего лица посвящаетъ войнамъ Екатерины въ трактатѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, . . . „все царствованіе сея самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея славолюбію . . . зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ. По пристрастію возвели на польскій престолъ Понятовскаго, хотѣли ему противу вольностей польскихъ прибавить самовластья . . . чрезъ сіе подали причину къ турецкой войнѣ, счастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе стоящей, чѣмъ нежели какая прежде бывшая война; послали флотъ въ Грецію, который Божескимъ Защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе . . . Пріобрѣли или,

лучше сказать, похитили Крымъ, страну, по разности своего климата служащую гробницею Россіянамъ" и т. д. Эти строки были написаны Щербатовымъ въ то время, когда агрессивный характеръ нашей внѣшней политики еще не достигалъ своего апогея, когда пышные планы „изгнанія турокъ изъ Европы" и возстановленія Византійской имперіи съ вел. княземъ Константиномъ Павловичемъ на ея престолѣ еще не начинали кружить головы нашимъ импровизованнымъ дипломатамъ. Но Щербатовъ уже тогда не одобрялъ „захватчивости" Потемкинской политики, видя въ ней уклоненіе отъ плодотворной преобразовательной работы внутри государства. Послѣдующія событія могли лишь укрѣпить въ немъ эти воззрѣнія, которыя и нашли свое выраженіе въ только что цитированной рѣчи мудраго офирскаго политика.

„Императрица славолюбива и пышна, любитъ лесть и подобострастіе" писалъ Щербатовъ про Екатерину въ трактатѣ о поврежденіи нравовъ. Знаменитое путешествіе Екатерины въ Крымъ, во время котораго императрица такъ охотно позволяла тѣшить себя картинами фальсифицированнаго благоденствія и преуспѣянія подвластныхъ ей странъ,—служило для Щербатова прекраснымъ фактическимъ оправданіемъ его рѣзкаго отзыва и, надо полагать, Щербатовъ думалъ именно объ этомъ крымскомъ путешествіи Екатерины, описывая въ своей утопіи пріѣздъ офирскаго императора въ городъ Перегабъ.—Наблюдая за весьма несложными приготовленіями, которыя дѣлались въ городѣ къ пріему императора, шведскій дворянинъ спросилъ своего офирскаго чичероне: „развѣ не должно вамъ для пріѣзду государева содѣлать поправленіе дорогъ, строеній и нѣкоторый лучшій видъ городамъ дать?"

„На что это?—отвѣчалъ офицеръ—дороги не для одного государя, но и для подданныхъ, а ежели бы мы ихъ для него поправляли, то бы симъ оказали ему лучшее состояніе дорогъ и мостовъ, нежели они есть и симъ бы скрыли отъ него тягость народную ... по благости Божіей мы имѣемъ такихъ государей и правителей, которыхъ толь грубымъ образомъ обмануть не можно".

Способность „быть обманутой толь грубымъ образомъ", способность довольствоваться наружными, несущественными знаками плодотворности своихъ распоряженій внушала Екатеринѣ, по мнѣнію Щербатова, отвагу на многія неосуществимыя начинанія. „Принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи"—писалъ Щербатовъ про Екатерину въ трактатѣ о поврежденіи нравовъ и въ его утопіи мы опять таки находимъ прозрачные намеки на то, какіе именно факты имѣлъ въ виду Щербатовъ, высказывая это сужденіе при составленіи своего сатирическаго памфлета. Въ бесѣдахъ офирскихъ сановниковъ, наставляющихъ шведскаго дворянина въ государственной мудрости, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе афоризмы: „власть монарша не содѣлываетъ города, но физическое или политическое положеніе мѣстъ или особливыя обстоятельства... Не побудитъ торговлю многое число названныхъ мѣщанами и впадшихъ въ роскошь людей, но побудитъ ее сельская жизнь, воздержность и трудолюбіе". Такъ говоритъ генералъ-губернаторъ города Перегаба, разсказывая шведскому дворянину исторію офирскихъ столицъ (с. 796). Подобныя же мысли развиваетъ старый вельможа Агибѣ, объясняя чужестранцу политическій строй офирскаго государства: „читалъ я въ нашихъ древнихъ памятникахъ, что въ единое время хотѣли таковыя мѣста (т. е. селенія, служащія административными центрами) городами учинить. Сіе не произвело никакой другой пользы окромѣ приведенія въ распутство судей и отнятія жителей отъ земледѣлія, дабы ихъ раззоренными и развратными мѣщанами учинить, а городовъ, достойныхъ сего наименованія не завели, ибо и подлинно не отъ воли государя или правительства зависитъ содѣлать городъ, но надлежитъ для сего удобность мѣста, стеченіе народа и самый достатокъ жителей" (с. 882). Въ этихъ строкахъ нельзя не усмотрѣть язвительной критики градосозидательной горячки, охватившей правительство Екатерины и внушенной планомъ императрицы создать изъ русскаго мѣщанства

„третье сословіе“ на западно-европейскій манеръ. Всю силу ироніи, заключенной въ трезвыхъ словахъ Щербатова, можно оцѣнить лишь въ связи съ подлинными текстами градосозидательныхъ проектовъ Екатерининской эпохи. Однимъ почеркомъ пера создавались въ нихъ изъ ничего величественные центры городской культуры. Въ проектѣ города Екатеринослава, составленномъ Потемкинымъ, въ перспективѣ рисуется „храмъ великолѣпный, судилище на подобіе древнихъ базиликъ, лавки полукружіемъ на подобіе пропилей съ биржею и театромъ по серединѣ, фабрика суконная и шелковая, губернаторскій домъ во вкусѣ греческихъ прелестныхъ зданій, университетъ купно съ академіей музыкальною“.—Увы! много лѣтъ спустя послѣ постройки этого города, конечно безъ пропилей и академій, въ немъ не изъ кого было организовать мѣстную ратушу, а для заселенія города Вознесенска, о которомъ прожектеръ пророчилъ: „жители потекутъ сюда во множествѣ съ избытками своими... и многіе, увидѣвъ знаменитость новаго города, возжелаютъ учиниться гражданами его“—для заселенія этого города пришлось впослѣдствіи административнымъ порядкомъ перевести туда изъ ярославской и другихъ губерній по 100 человѣкъ огородниковъ!

Щербатовъ отнюдь не былъ врагомъ государственнаго вмѣшательства въ жизнь народа, какъ разъ напротивъ—онъ скорѣе грѣшилъ излишнимъ пристрастіемъ къ правительственной регламентаціи, но его разсудительному и ясному уму не могъ не претить административный диллетантизмъ, проявленія котораго въ политикѣ Екатерины онъ безпощадно преслѣдовалъ своимъ желчнымъ перомъ. Приведенныя только что строки его утопіи служатъ тому нагляднымъ образчикомъ.

Наконецъ, Щербатовъ не могъ обойти въ обличительной части своей утопіи еще одной темы, являвшейся, можно сказать, излюбленнымъ конькомъ его сатирической дѣятельности, онъ не могъ не посвятить и здѣсь краснорѣчивой страницы всеобщей нравственной разнузданности, обуявшей наблюдаемое имъ общество. „Древнія исторіи наши—говоритъ шведскому дворянину офирскій священникъ—повѣствуютъ намъ, что было и у насъ поврежденіе нравовъ; что почтенные старики, имѣя важныя препорученія, тогда какъ уже природное побужденіе въ нихъ исчезло, еще роскошь въ нихъ осталась—публично содержали распутныхъ женщинъ; они собесѣдовали имъ въ собраніяхъ, дѣти ихъ, едва ли отъ нихъ рожденные, получали благородство; женщины престарѣлыя, платя деньги, явно молодыхъ любовниковъ имѣли. Чрезъ примѣръ такихъ людей стыдъ отовсюду былъ изгнанъ, нравы повредились, произошла во всѣхъ чинахъ и состояніяхъ разстройка, государство было при краю паденія своего, ежели бы счастливое примѣненіе не обновило офирскую имперію“ (с. 811).

Таковы сюжеты, затронутые сатирическою частью занимающей насъ утопіи. Какъ видите, эта сатирическая часть не заключаетъ въ себѣ принципіальнаго, обобщающаго осужденія всего современнаго автору жизненнаго строя. Это—отдѣльные уколы въ коекакія больныя мѣста современности, случайно попавшія въ поле зрѣнія автора въ моментъ составленія имъ своей утопіи. Сатирическій элементъ не служитъ здѣсь необходимымъ введеніемъ въ утопію, расчищая путь въ область фантазіи разрушеніемъ дѣйствительности, нѣтъ, онъ просто является побочнымъ орнаментомъ изложенія и можетъ быть легко отброшенъ въ сторону при оцѣнкѣ руководящихъ идей интересующаго насъ произведенія. — Если мы хотимъ уловить эти руководящія идеи, мы должны перенести свое вниманіе на „утопическую“ часть произведенія, на тѣ мѣста его, гдѣ авторъ пытается сорвать передъ взоромъ читателя завѣсу будущаго.

II.

Взглядываясь въ очертанія Щербатовской утопіи, мы прежде всего поражаемся одной особенностью: въ утопическомъ государствѣ на каждомъ шагу встрѣчаются слиш-

комъ знакомые намъ аксессуары нашей реальной политической дѣйствительности. —Это все—орудія государственной репрессіи. И какія орудія! тѣ самыя, за которыя наиболѣе цѣпко держатся практическіе государственные люди, всего менѣе расположенные поощрять порывы утопической фантазіи. Такъ, когда потерпѣвшіе караблекрушеніе европейцы попадаютъ на гостепріимный корабль своихъ спасителей-офирцевъ, первое, на что они обращаютъ вниманіе, это—пушки, скромно прикрытыя отъ взоровъ любопытныхъ, но тѣмъ не менѣе готовыя достойно встрѣтить врага (764 с.). Позднѣе шведскій дворянинъ, странствуя по офирскому городу, наталкивается и на литейный домъ, гдѣ льются пушки „безъ всякой разности съ европейскими въ способѣ литья" (с. 789). Наряду съ пушками фигурируютъ крѣпости (с. 770), охраняющія безопасность города. Вооруженный флотъ и сухопутныя крѣпости уже предполагаютъ военную силу и, дѣйствительно, въ разсказѣ о событіяхъ, ознаменовавшихъ прибытіе чужестранцевъ въ офирскую землю, не замедлили выступить на сцену и офирскія войска (776 с.). - Бокъ-о-бокъ и рука объ-руку съ военной силой дѣйствуетъ и гражданское войско — широко развѣтвленная бюрократія, раздѣленная на чины и классы и украшенная всевозможными знаками служебныхъ отличій — сосновыми шишками на шляпахъ, разноцвѣтными нашивками на платьяхъ, и проч. и проч. (с. 771 и мн. др.).—Гдѣ есть войско и чиновничество, отчего же тамъ не быть судамъ и тюрьмамъ? И дѣйствительно, эти учрежденія не только не забыты нашимъ утопистомъ, но даже играютъ весьма важную роль въ исторіи перваго знакомства европейцевъ, прибитыхъ бурей къ берегамъ Офирской земли, съ туземными обитателями послѣдней (с. 776 и слѣд.). Далѣе, мы узнаемъ о существованіи въ государствѣ офирцевъ арестанскихъ работъ и смертной казни за политическія преступленія (с. 779, 948), мы узнаемъ о существованіи у нихъ правительственной цензуры литературныхъ произведеній! Пушки и крѣпости, войско и бюрократія, суды, тюрьмы и арестанскія роты, смертная казнь и цензура... да вѣдь это полный комплектъ всѣхъ тѣхъ орудій, которыя пускаетъ въ ходъ современная намъ цивилизація противъ несовершенствъ выработаннаго ею политическаго строя! Спрашивается, гдѣ же въ этой „утопіи" начинается дѣйствительная утопія? Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что размахъ политической фантазіи Щербатова, обнаруженный имъ въ разсматриваемомъ произведеніи, довольно скроменъ. И въ качествѣ автора „утопіи" Щербатовъ не пересталъ быть тѣмъ разсудительнымъ администраторомъ практикомъ, какимъ онъ явился въ своей служебной дѣятельности. Онъ не вѣритъ въ будущее перерожденіе человѣчества. Его идеальное государство, такъ же какъ и всякая реальная политическая организація, расчитана прежде всего на несовершенство, на слабости человѣческой природы. Политическій строй офирской земли является въ его глазахъ совершеннѣйшимъ образцомъ доступнаго для людей нормальнаго порядка общежитія, тѣмъ максимумомъ, на который только можно разсчитывать въ этомъ отношеніи, но и этотъ максимумъ не служитъ въ его глазахъ панацеей отъ всѣхъ золъ и горестей нашей бѣдной земли. И идеальный политическій строй не водворитъ всеобщаго равенства, недовольные существующимъ порядкомъ найдутся и при этомъ строѣ и вотъ почему нашъ утопистъ предполагаетъ въ идеальномъ государствѣ возможными и разбои и насилія надъ отдѣльными гражданами (815—816 с.) и политическіе бунты, направленные на ниспроверженіе государственнаго порядка (917 с.). Познакомившись съ начертаннымъ Щербатовымъ политическимъ идеаломъ, нельзя не признать, что авторъ имѣлъ достаточно основаній ставить такой мрачный прогнозъ. Дѣло въ томъ, что самъ по себѣ его политическій идеалъ—не особенно высокаго качества. Въ сущности передъ нами — довольно тривіальная картина полицейскаго государства, гдѣ благополучіе гражданъ достигается при помощи самой мелочной правительственной регламентаціи всего жизненнаго распорядка, начиная отъ мѣропріятій по санитарному благоустройству улицъ и жилищъ (811 и слѣд. стр.) и кончая всѣми наиболѣе интимными подробностями частнаго

личнаго существованія. Сообразно чинамъ и должностямъ, каждому положены правила „какое носить платье, сколько имѣть пространный домъ, сколько имѣть служителей, по скольку блюдъ на столѣ, какіе напитки, даже содержаніе скота, дровъ и освѣщенія положено въ цѣну; дается посуда изъ казны по чинамъ: единымъ жестяная, другимъ— глиняная, а первоклассным серебряная... „и по сему каждый долженъ жить, какъ ему предписано" (859 стр.). Но регламентація идетъ и еще дальше, захватывая даже область душевной гигіены: подъ страхомъ не малой пени каждый офицеръ обязанъ отправлять ежедневно положенныя молитвословія и посѣщать храмы въ часы общественныхъ богослуженій (с. 804).—Все это—черты, не обличающія въ авторѣ утопіи своеобразнаго и глубокаго политическаго мыслителя и кто интересуется соціальными утопіями съ точки зрѣнія широты открываемыхъ ими переспективъ, тотъ пусть поскорѣе захлопнетъ трактатъ Щербатова. Но мы уже опредѣлили выше нашу точку зрѣнія на значеніе подобныхъ произведеній и потому, не смущаясь „умѣренностью и аккуратностью" утопической перспективы, развернутой въ трактатѣ, считаемъ не лишнимъ терпѣливо прослѣдить ходъ мысли его автора, улавливая въ немъ слѣды характерныхъ для своего времени комбинацій идей.

Государство офирцевъ—сословное государство съ рѣзко выраженнымъ неравенствомъ политическихъ правъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ.—Нижній слой общества составляютъ рабы, на верху стоитъ привиллегированное вельможество, а среднія ступени общественной іерархіи заняты помѣстнымъ дворянствомъ и малочисленнымъ и малозначущимъ въ государственной жизни классомъ городскихъ торговцевъ и промышленниковъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ специфическихъ черточекъ, которыя мы отмѣтимъ нѣсколько ниже, это—вѣрный снимокъ съ общественнаго строенія Екатерининской Россіи. Всмотримся подробнѣе въ эту схему и начнемъ снизу.—Фундаментомъ соціальнаго строя утопическаго государства является по Щербатову институтъ рабства. Рабы должны быть отданы въ безконтрольное распоряженіе своихъ господъ. Государственное вмѣшательство, опутывая своими нитями всѣ наиболѣе интимныя отношенія гражданъ, останавливается въ почтительномъ безсиліи передъ властью рабовладѣльца. При чтеніи соотвѣтствующихъ строкъ Щербатовской утопіи невольно вспоминается слѣдующая картина. Въ грановитой палатѣ московскаго кремля торжественно засѣдаютъ съѣхавшіеся отовсюду депутаты. Среди спокойнаго засѣданія вдругъ разражается буря. Встаетъ скромный артиллерійскій поручикъ, депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда, Григорій Коробьинъ и начинаетъ читать „примѣчаніе" къ законамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Депутатами овладѣваетъ сильное волненіе: до ихъ слуха долетаютъ непривычныя рѣчи. Вмѣсто ожидаемыхъ всѣми предложеній на счетъ усиленія каръ за побѣги Коробьинъ приглашаетъ собраніе вдуматься въ коренныя причины крестьянскихъ побѣговъ, усматриваетъ эти причины въ злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, въ непосильныхъ поборахъ и работахъ, налагаемыхъ помѣщиками на своихъ крестьянъ и въ заключеніе предлагаетъ бороться съ побѣгами не усиленіемъ репрессіи противъ бѣглыхъ, а законодательнымъ урегулированіемъ помѣщичьей власти: „надлежитъ предписать законами, коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями крестьянина, чтобы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что онъ неболѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано". Ни одно предложеніе не вызывало въ комиссіи болѣе страстныхъ преній. Въ теченіе нѣсколькихъ дней многочисленные оппоненты „отчитывали" бѣднаго Коробьина. Черезъ двѣ недѣли въ рядахъ этихъ оппонентовъ выступилъ и кн. Щербатовъ, самая крупная ораторская сила въ коммиссіи. Онъ отвергалъ предложеніе Коробьина по соображеніямъ практическаго и принципіальнаго свойства. Помѣщичьи насилія возможны, но не въ нихъ заключаются главныя причины побѣговъ по убѣжденію Щербатова. Урегулированіе крестьянскихъ повинностей и работъ законодательнымъ порядкомъ при томъ же и неосуществимо, ибо невозможно выставить такія

общеобязательныя нормы, которыя покрыли бы собою все пестрое разнообразіе мѣстныхъ отношеній; мало того, такое урегулированіе было бы вредно для государства и несправедливо по отношенію къ помѣщикамъ-дворянамъ: вредно для государства, потому что сокращеніе помѣщичьей власти ослабило бы цѣпь, связующую крестьянъ съ дворянами и тѣмъ „развратило бы“ начальныя основанія правленія, вкоренило бы въ умы „умствованіе равенства“ и привело бы къ всеобщему безначалію; несправедливо по отношенію къ дворянству, ибо предоставленное дворянамъ помѣщичье право вытекло изъ ихъ историческихъ заслугъ по многовѣковой оборонѣ отечества „отъ ярости иновѣрцевъ“. — Фантастическіе призраки грядущихъ опасностей и не менѣе фантастическія справки съ исторіей возникновенія крѣпостного права, искусно пущенныя въ ходъ опытнымъ ораторомъ, оказали свое дѣйствіе: рѣчь Щербатова окончательно похоронила предложеніе Коробьина. Защищалъ ли Щербатовъ злоупотребленія помѣщичью властью? Конечно нѣтъ. Онъ и началъ свою рѣчь съ указанія на то, что онъ „имѣетъ въ омерзѣніи всякую суровость“.—Но онъ былъ убѣжденъ, что единственный допустимый путь къ устраненію такихъ злоупотребленій — усовершенствованіе рабовладѣльческой этики въ связи съ общимъ прогрессомъ народныхъ нравовъ. Такъ думалъ онъ, защищая дѣйствительность отъ реформаціонной попытки Коробьина, тѣ же самыя воззрѣнія онъ воспроизвелъ и на страницахъ своей утопіи. Объявивъ институтъ рабства необходимымъ элементомъ идеальнаго государства, Щербатовъ въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній раба и господина ограничивается лишь тѣмъ, что включаетъ въ „катехизисъ законовъ“, преподаваемый офирскому юношеству, слѣдующія благія наставленія: „не будь жестокъ къ твоимъ рабамъ..., живущихъ на твоихъ земляхъ не отяготи излишними податьми и работою и не оскорби ихъ жестокими наказаніями, ибо правительство на все сіе имѣетъ присмотръ и обличеннаго тебя въ таковыхъ безпорядкахъ лишитъ управленія твоихъ имѣній“ (с. 952). Мѣра тягостей, допустимыхъ для рабовъ, здѣсь не опредѣлена и ея установленіе ввѣрено доброму чувству самихъ владѣльцевъ, а взятіе жестокихъ помѣщиковъ подъ опеку предположено лишь какъ мѣра исключительная, принимаемая въ случаяхъ особенно неистовыхъ звѣрствъ и, въ сущности, могущая лишь въ очень слабой степени отразиться на обычномъ жизненномъ распорядкѣ рабовладѣльческой вотчины.

Таково положеніе рабовъ. На противоположномъ полюсѣ общественной іерархіи стоитъ знать, верхній слой сословія „благородныхъ“. Все вообще сословіе „благородныхъ“ является привилегированнымъ разрядомъ общества. Ему принадлежатъ исключительныя права на владѣніе населенными имѣніями и вступленіе на государственную службу. Но въ составѣ „благороднаго“ сословія различается затѣмъ еще особая группа „вельможной знати“.—Эта группа отличена отъ благородныхъ, но не знатныхъ родовъ существеннымъ признакомъ: сословіе „благородныхъ“ не является замкнутой кастой, доступъ въ него открытъ для постороннихъ, отличившихся особыми достоинствами (982 с.). Напротивъ того, знать представляетъ собою высшую родовитую аристократію, огражденную отъ проникновенія въ нее какихъ либо постороннихъ примѣсей. Члены этой „знати“ кромѣ уже упомянутыхъ выше преимуществъ „благороднаго“ сословія надѣлены еще особыми политическими прерогативами. Это вельможи, раздѣляющіе съ государемъ отправленіе верховной власти.—Упомянутое раздѣленіе привилегированнаго сословія на дворянство и вельможество опять напоминаетъ намъ одинъ изъ шумныхъ эпизодовъ Екатерининской комиссіи 1767 г., въ которомъ наиболѣе видное участіе опять таки выпало на долю Щербатова. При разсмотрѣніи правъ дворянскаго сословія въ комиссіи поднялся вопросъ о правѣ пріобрѣтенія дворянства чиномъ. На почвѣ обсужденія этого вопроса разыгралась жаркая стычка между представителями чиновнаго и родовитаго дворянства. Первые защищали установленіе Петра I, открывшаго всѣмъ свободный входъ въ ряды дворянства путемъ выслуги, вторые съ Щарбатовымъ во главѣ, обрушивались на это установленіе съ помощью всевозможныхъ аргументовъ. Щербатовъ нѣсколько

разъ подымалъ свой голосъ и произнесенныя имъ въ комиссіи по этому вопросу рѣчи представляютъ собою весьма цѣнный ключъ къ пониманію его утопіи. Полученіе дворянства чиномъ—утверждалъ Щербатовъ—было установлено Петромъ лишь временно, подъ давленіемъ текущихъ потребностей по случаю шведской войны, между тѣмъ какъ по существу дѣла, лишь происхожденіе отъ благородныхъ предковъ обезпечиваетъ человѣку тѣ высокія добродѣтели, которыя являются истинною основой дворянской чести. Чинъ свидѣтельствуетъ лишь о служебной исправности человѣка, знатностъ происхожденія служитъ залогомъ добродѣтели. Каждый человѣкъ достоинъ того или другого жизненнаго жребія сообразно свойствамъ своей души. Но—и это была основная мысль Щербатова, которую онъ всегда готовъ былъ развивать совсѣмъ жаромъ своего краснорѣчія—свойства душевной организаціи предрѣшаются принадлежностью къ извѣстной сословной средѣ. Государственный порядокъ долженъ быть основанъ на этихъ неоспоримыхъ психологическихъ посылкахъ и потому сліяніе сословій или даже ослабленіе сословныхъ перегородокъ представляется Щербатову противоестественной химерой. Вельможная олигархія, обособленная и замкнутая, надѣленная преимуществами и поставленная впереди народа—должна была служить по мысли Щербатова неувядающимъ разсадникомъ истинныхъ добродѣтелей, свѣточемъ и руководителемъ народа по пути совершенствованія.

Итакъ, полицейское государство, надѣленное всѣми грозными орудіями правительственной репрессіи, и общество, разбитое на отчужденные другъ отъ друга классы съ вельможной олигархіей на верху и безправной массой рабовъ внизу—таковы тѣ узкія рамки, въ которыхъ заключился размахъ утопической фантазіи Щербатова. Но затѣмъ Щербатовъ ухитряется ввести и въ эти рамки нѣкоторые элементы правоваго государственнаго порядка.

Офирское государство есть монархія, но верховная власть монарха не является здѣсь безпредѣльной, ея границы обусловливаются самою сущностью ея основныхъ задачъ: „власть государская соображается съ пользою народною“ (с. 751), ибо, какъ гласитъ одна изъ надписей на стѣнахъ Офирскаго императорскаго дворца, „не народъ для царей, но цари для народа, ибо прежде, нежели были цари, былъ народъ“, (с. 979) Царь не стоитъ выше закона: „царь долженъ самъ первый законамъ страны своей повиноваться, ибо по законамъ онъ и царь, а разрушая ихъ власть, разрушаетъ и повинованіе подданныхъ къ себѣ“. (с. 980). Помѣщеніе приведенныхъ надписей на стѣнахъ дворца является однимъ изъ педагогическихъ, такъ сказать, средствъ, направленныхъ на удержаніе государей отъ деспотическихъ поползновеній. Есть у Щербатова указанія и на другія, иногда весьма своеобразныя, средства въ томъ же духѣ. Такъ напримѣръ, при встрѣчахъ императора офирцы не позволяютъ себѣ никакихъ привѣтственныхъ восклицаній, ибо такіе „знаки радости“ по толкованію Щербатова „могли бы нѣкіимъ государямъ вложить мысли гордости и предубѣжденія, якобы они весьма любимы народомъ, что можетъ вредныя слѣдствія произвести“ (с. 894). Постановка памятниковъ умершимъ государямъ подчинена въ назиданіе государямъ живущимъ общественному контролю. Въ теченіе 30 лѣтъ по смерти императора ему не ставятъ памятника. По истеченіи 30 лѣтъ, когда потухнутъ былыя страсти и личные счеты отойдутъ въ прошлое, когда отчетливѣе вскроется смыслъ давно прошедшихъ событій,—созывается „народное собраніе“, которое „судитъ“ дѣянія умершаго императора и его сподвижниковъ и опредѣляетъ, какіе имъ приличествуютъ памятники (с. 1019). Этотъ судъ бываетъ строгъ и нелицепріятенъ: „единый законъ, безъ разсмотрѣнія учиненный“ уже лишаетъ императора загробной чести получить памятникъ на свою могилу (с. 1024). Помимо этихъ, такъ сказать, педагогическихъ пріемовъ, верховная власть офирскаго императора ограничивается и болѣе реальными политическими гарантіями народной свободы. Императору принадлежитъ высшее распоряженіе военной силой, но ему не полагается никакой

почетной вооруженной стражи: „государь, бывъ окруженъ стражею, почтетъ не столь нужну себѣ любовь народную и, не имѣя опасности, можетъ ввергнуться въ таковые поступки, которые ему самому и государству вредъ нанесутъ вмѣсто того, что не имѣвъ стражи, онъ всегда старается въ любови народной ее себѣ сыскать" (с. 889). Объявленіе войны не предоставлено исключительно иниціативѣ императора. Императоръ можетъ начинать по личному усмотрѣнію лишь оборонительную войну, „но для наступательной онъ долженъ собрать совѣтъ не токмо изъ членовъ хранилища законовъ, но также и всѣхъ обрѣтающихся въ столицѣ четырехъ первыхъ степеней людей" (с. 1004).—Далѣе, изъ круга компетенціи императора изъята законодательная власть: „цари не бываютъ ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими и не ощущаютъ многихъ нуждъ, которыя ихъ поданные чувствуютъ, а потому и неудобны суть сами сочинять законы" (с. 980).— Это тоже одна изъ надписей на стѣнахъ офирскаго дворца, надпись, вдвойнѣ любопытная: 1) она дополняетъ характеристику ограниченія монархической власти въ офирскомъ государствѣ, 2) она выражаетъ идею, не совсѣмъ согласную съ той олигархической тенденціей, которая занимала столь видное мѣсто въ политическомъ міросозерцаніи Щербатова. Законодательная власть, согласно смыслу этой надписи, должна быть отдана въ руки тѣхъ, чьи интересы она затрагиваетъ, иначе говоря, въ руки представителей всѣхъ свободныхъ классовъ общества отъ перваго вельможи до послѣдняго ремесленника.

Какимъ же образомъ совмѣщались въ міровоззрѣніи Щербатова столь разнородныя тенденціи, какимъ образомъ рьяный защитникъ одностороннихъ дворянскихъ привиллегій вдругъ становился на всесословную точку зрѣнія, говоря объ организаціи основныхъ законовъ своего идеальнаго государства?

Въ разрѣшеніи этого вопроса и заключается, по нашему мнѣнію, ключъ къ уразумѣнію историческаго значенія политической теоріи Щербатова. Дальнѣйшее знакомство съ содержаніемъ интересующаго насъ трактата поможетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Намѣтивъ предѣлы верховной власти монарха, Щербатовъ набрасываетъ довольно отчетливый очеркъ правительственныхъ учрежденій офирской имперіи. Во главѣ отдѣльныхъ отраслей администраціи стоятъ „сверхчисленные баи", управляющіе „государственными палатами". Это—министры, назначаемые императоромъ изъ числа трехъ кандидатовъ, избираемыхъ „вышнимъ правительствомъ" (1059—1060 с.) Высшими государственными учрежденіями являются: 1) верховный совѣтъ, 2) вышнее правительство и 3) коммиссія для истолкованія и исправленія законовъ. Верховный совѣтъ—органъ вельможной аристократіи „четырехъ первыхъ степеней людей", непосредственный совѣтъ монарха по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, по вопросу объ объявленіи наступательной войны, созываемый имъ обязательно. Это—нѣчто въ родѣ того олигархическаго верховнаго тайнаго совѣта, о которомъ мечталъ въ 1730 г. Дмитрій Голицынъ.

„Вышнее правительство", являющееся высшимъ средоточіемъ текущаго управленія и суда, рѣзко отличается отъ верховнаго совѣта отсутствіемъ олигархической окраски въ своей организаціи. Это—учрежденіе выборное по своему составу. Губернскіе дворянскіе и купеческіе депутаты вмѣстѣ съ наличными „баями", т. е. членами вышняго правительства, баллотируютъ кандидатовъ на открывшіяся тамъ вакансіи, окончательный выборъ изъ числа всѣхъ выбаллотированныхъ кандидатовъ принадлежитъ императору. Затѣмъ по мимо опредѣляемыхъ такимъ образомъ членовъ вышняго правительства въ засѣданіяхъ послѣдняго участвуютъ депутаты отъ дворянства и купечества: отъ каждой губерніи избирается для этой цѣли по пяти дворянскихъ депутатовъ и по одному купеческому, при чемъ купцамъ дозволено выбирать своихъ депутатовъ также и изъ среды мѣщанъ и изъ „ученыхъ людей", живущихъ въ городѣ, за извѣстную плату отъ купеческаго общества. Дворянскіе депутаты засѣдаютъ по группамъ въ каждомъ изъ департаментовъ вышняго правительства съ правомъ голоса, наблюдая, „чтобы не

учинено было какого положенія во вредъ какой губерніи", и кромѣ того они имѣютъ право устраивать свои особыя депутатскія собранія для лучшаго взаимнаго согласованія своихъ дѣйствій. Купеческіе депутаты засѣдаютъ съ правомъ голоса лишь въ департаментѣ государственныхъ доходовъ и торговли (с. 1051—1052). Такимъ образомъ, всѣ свободные классы общества получаютъ весьма широкое участіе въ дѣятельности „вышняго правительства". Общество не устранено также и отъ участія въ законодательствѣ. Когда передъ „вышнимъ правительствомъ" возникаетъ вопросъ, требующій разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, составляется „законодательная коммиссія", изъ 20 человѣкъ, избранныхъ по балламъ общимъ собраніемъ вышняго правительства. Коммиссія раздѣляется на 4 департамента: первый департаментъ подготовляетъ матеріалы для обсужденія вопроса, второй составляетъ черновой проектъ закона, который затѣмъ обнародывается во всеобщее свѣдѣніе съ тѣмъ, чтобы втеченіе полугода каждый желающій могъ представить о немъ свое мнѣніе. Третій департаментъ составляетъ сводъ всѣхъ такихъ мнѣній, сличая ихъ съ первоначальнымъ проектомъ, и, наконецъ, четвертый департаментъ начертываетъ окончательную редакцію проекта, которая и вносится на обсужденіе вышняго правительства.

Если законопроектъ будетъ тамъ отвергнутъ, то онъ трижды можетъ быть переданъ на исправленіе въ законодательную коммиссію, которая, перерабатывая свой проектъ, всегда должна, сколько, можно сообразоваться съ народными мнѣніями. Если проектъ закона въ четвертый разъ не будетъ принятъ вышнимъ правительствомъ, тогда устраивается своего рода referendum: проектъ баллотируется во всѣхъ губерніяхъ и вышнее правительство „токмо слича всѣ рапорты и число балловъ, утверждаетъ его по превосходящему числу оныхъ" (с. 1058—1059).

Тѣ же начала общественной самодѣятельности положены въ основу и областной администраціи. Областныя административно-судебныя учрежденія сгруппированы по тремъ инстанціямъ—уѣзднымъ, провинціальнымъ и губернскимъ. По всѣмъ этимъ инстанціямъ проведены два параллельныхъ ряда учрежденій: 1) коронныхъ, вѣдающихъ дѣла уголовныя и дѣла „учрежденій и доходовъ" и 2) выборныхъ, земскихъ, вѣдающихъ дѣла „земскія". Тѣ и другія могутъ собираться въ случаѣ надобности и въ соединенныя засѣданія. Земскія учрежденія организованы слѣдующимъ образомъ: уѣздные суды состоятъ изъ трехъ выборныхъ дворянами уѣзда судей, изъ которыхъ ежегодно одинъ перемѣняется. Провинціальные суды составляются изъ трехъ членовъ, избираемыхъ изъ числа бывшихъ уѣздныхъ судей данной провинціи, отличившихся въ своей прежней должности. Для выбора ихъ созываются провинціальные дворянскіе съѣзды. Губернскіе съѣзды дворянъ выбираютъ трехъ членовъ въ губернскій земскій судъ изъ числа бывшихъ провинціальныхъ судей и, наконецъ, изъ бывшихъ губернскихъ судей избирается отъ каждой губерніи по пяти депутатовъ въ центральное вышнее правительство. Совершенно на тѣхъ же началахъ организованы и купеческіе суды по тѣмъ же тремъ инстанціямъ (с. 1050—1052). Полиція выдѣлена въ особое вѣдомство. И здѣсь мы встрѣчаемся съ широко проведеннымъ выборнымъ началомъ. Полицейскія функціи соединены съ должностью священно служителя. Не останавливаясь на развитыхъ въ Щербатовской утопіи религіозныхъ воззрѣніяхъ, проникнутыхъ духомъ раціоналистическаго деизма, отмѣчу, что въ связи съ этими воззрѣніями служители религіознаго культа въ странѣ офирцевъ поставлены въ положеніе чисто свѣтскихъ государственныхъ чиновниковъ. Они отправляютъ общественныя богослуженія и въ то же время сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ полицію нравовъ и общественнаго благоустройства. Они избираются жителями города изъ числа добродѣтельнѣйшихъ гражданъ по нѣскольку человѣкъ на каждую часть города, а затѣмъ изъ числа всѣхъ священниковъ имперіи избирается одинъ главный начальникъ, утверждаемый въ должности императоромъ (с. 804—805). Священники (санкреи) каждаго города, завѣдуя каждый своимъ участкомъ, составляютъ

кромѣ того коллегіальное присутствіе для совмѣстнаго обсужденія общихъ вопросовъ. Вопросы, касающіеся общественнаго здравія, разсматриваются въ особомъ трибуналѣ съ участіемъ искусныхъ лекарей и выбранныхъ отъ гражданъ каждой степени по два человѣка (с. 813). Въ довершеніе этого очерка областныхъ учрежденій офирскаго государства остается еще упомянуть, что каждые три года всѣ чины каждой провинціи собираются вмѣстѣ „для разсужденія о своихъ пользахъ и тягостяхъ" (с. 1006).

Окидывая общимъ взглядомъ весь изображенный Щербатовымъ административный механизмъ, мы замѣчаемъ, что и на этотъ разъ авторъ цѣликомъ перенесъ въ свою утопію многія подлинныя черты современной ему дѣйствительности. Комбинація коронныхъ и выборныхъ властей въ строѣ областной администраціи, сословный характеръ выборныхъ учрежденій, раздѣленіе судебныхъ и полицейскихъ функцій — все это начала, уже осуществленныя въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г.—Но наряду съ этимъ Щербатовъ дѣлаетъ и крупный шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующими въ его время порядками. Онъ смѣло продвигаетъ выборное начало и въ сферу центральной администраціи, послѣдовательно проводя его до самыхъ верхнихъ ступеней послѣдней. Вмѣсто той глубокой бездны, которая раздѣлила областное и центральное управленіе Россіи со времени Екатерининской административной реформы, Щербатовъ связываетъ эти двѣ сферы единой цѣпью однородныхъ, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу учрежденій. Всѣ онѣ построены по одному типу и проникнуты однимъ началомъ замѣны коронной бюрократіи общественнымъ представительствомъ. Кое-какими чертами Щербатовская схема напоминаетъ намъ изящно-стройную схему Сперанскаго, развитую въ его знаменитомъ планѣ государственнаго преобразованія.

Разсматривая эту часть Щербатовской утопіи, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно умѣряются излюбленныя авторомъ олигархическія тенденціи. Заплативъ имъ щедрую дань проектированіемъ верховнаго совѣта, Щербатовъ распространяетъ затѣмъ требованіе общественнаго самоуправленія на всѣ безъ различія свободные слои населенія, одинаково включая сюда и рядовую дворянскую массу, и купечество, и мелкое мѣщанство. Требуя крупныхъ привиллегій для родовитыхъ вельможъ, Щербатовъ въ то же время мечтаетъ о созданіи гражданъ, сильныхъ не своимъ происхожденіемъ, но своимъ политическимъ воспитаніемъ, сознаніемъ своихъ законныхъ правъ, присущихъ каждому члену правомѣрнаго государственнаго союза, помимо всякихъ сословныхъ перегородокъ.—Щербатовъ имѣетъ здѣсь въ виду всю совокупность свободнаго населенія. Въ офирскомъ государствѣ существуетъ обязательное — и притомъ даровое—обученіе. Правда, каждое сословіе имѣетъ свои особыя школы (с. 922 и слѣд.), но при этомъ тамъ „нѣтъ ни единаго гражданина, котораго бы въ школахъ не учили правамъ и законамъ ихъ страны". „Вздохнулъ я—пишетъ авторъ утопіи отъ лица своего героя—слыша сіе, подумавъ: знать, что въ Европѣ находятъ сіе естественно, гдѣ развѣ тысячная часть токмо знаетъ свои права и законы страны, подъ которыми они живутъ" (с. 854). Такъ „вздохнулъ" Щербатовъ, составляя сто лѣтъ назадъ свою утопію и не приходится ли намъ, вступающимъ въ XX столѣтіе, только повторить этотъ тяжелый вздохъ? Теоретическое ознакомленіе съ отечественными законами дополняется затѣмъ непосредственнымъ наблюденіемъ за дѣятельностью государственныхъ учрежденій, чему способствуетъ широкая гласность ихъ засѣданій. Въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, включая сюда и само „вышнее правительство", устроены лавки для посторонней публики, на которыхъ шведскій дворянинъ при осмотрѣ офирскихъ учрежденій видѣлъ „множество людей обоихъ половъ и даже юношей сидящихъ". „Сіи суть любопытные слушатели, объяснилъ ему его руководитель,—премудрымъ нашимъ императоромъ Сабакуломъ было узаконено, чтобы всѣ дѣла, окромѣ нѣкоторыхъ тайныхъ государственныхъ, безъ закрытія предъ народомъ исправлялись. Мнѣ многіе старые и добродѣтельные судьи признавались, что случалось имъ иногда нѣкою слабостью подвергнуту быть дать мнѣніе свое не по су-

щей справедливости, но зрѣніемъ толикихъ свидѣтелей удержаны были... къ тому же какъ вездѣ у насъ находятся таковые зрители, то самымъ симъ не токмо мужья, но и самыя жены и дѣти съ юности своей научаются законамъ и обрядамъ судебнымъ и тѣмъ самымъ лучшіе и полезнѣйшіе граждане становятся" (1042—1043 с.). Пройдя эту двойную теоретическую и практическую школу политическаго воспитанія, офирскіе граждане дѣятельно поддерживаютъ затѣмъ всю свою жизнь сознательно цѣнимыя ими гарантіи правоваго порядка. Они лично участвуютъ въ государственной жизни родины, проходя различныя выборныя службы, они энергично защищаютъ свои права отъ всякаго рода посягательствъ, опираясь на законы, ограждающіе личность гражданина. Такъ, напримѣръ, для производства разнаго рода полицейскихъ дознаній въ законахъ установлены точные сроки. За всякое промедленіе сверхъ этихъ сроковъ полиція обязана выплачивать извѣстную сумму потерпѣвшему отъ ея дѣйствій гражданину (с. 814).

Таковъ Щербатовскій идеалъ правоваго государственнаго порядка. Въ немъ причудливо совмѣщены требованія сословныхъ дворянскихъ привиллегій съ провозглашеніемъ общегражданскихъ политическихъ правъ. Во главѣ государства поставлены родовитые олигархи, но они правятъ не безгласной, порабощенной имъ, массой, а свободными полноправными гражданами, что не мѣшаетъ, однако, низшему слою населенія пребывать въ состояніи полнаго рабства. Боярская аристократія до-петровскаго прошлаго, крестьянское рабство Екатерининскаго настоящаго и правовой гражданскій порядокъ далекаго туманнаго будущаго—все это совокуплено въ одну общую схему фантастическаго офирскаго государства. Ни одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ не представлялъ самъ по себѣ ничего утопическаго, но нельзя не сознаться, что совмѣщеніе всѣхъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое являлось, дѣйствительно, довольно несбыточной утопіей. На какой же почвѣ могла возникнуть подобная утопія въ воображеніи русскаго писателя XVIII ст.?

Кто привыкъ видѣть въ Щербатовѣ исключительно апологета привиллегій родовитой знати, соединенныхъ съ порабощеніемъ низшей массы, того должна нѣсколько удивить та пестрая комбинація идей, которая вскрывается въ разсмотрѣнномъ нами трактатѣ. Однако, этотъ трактатъ не стоитъ одиноко среди произведеній Щербатова въ указанномъ отношеніи. Въ высшей степени интересно сопоставить его съ другимъ сочиненіемъ Щербатова: „Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ" (сочиненія I, с. 269 — 334), т. е. на жалованную грамоту дворянству 1785 г. Какъ извѣстно, названный законодательный актъ подвелъ окончательный итогъ завершенной къ концу XVIII ст. дворянской эмансипаціи. Казалось бы, кому, какъ не Щербатову, этому признанному и пылкому апологету дворянскихъ привиллегій, надлежало радостно привѣтствовать законъ, открывшій собою „дворянскую эру" въ нашей исторіи? И однако всѣ Щербатовскія „примѣчанія" на дворянскую грамоту пропитаны духомъ самой ѣдкой и злобной критики. Весьма важно выяснить, съ какихъ точекъ зрѣнія Щербатовъ нападаетъ на узаконенія Екатерины II о дворянскихъ правахъ и привиллегіяхъ,

Перебирая поочередно всѣ статьи дворянской грамоты, Щербатовъ встрѣчаетъ одобреніемъ не болѣе 4—5 статей (ст. 23, 32, 35, 70 вызываютъ его одобреніе).—Все остальное вызываетъ съ его стороны сплошную отрицательную критику. Нѣкоторыя статьи онъ не одобряетъ за неясность и небрежность ихъ редакціи (напримѣръ, статьи 6, 57, 64), могущую отразиться неблагопріятно для интересовъ дворянъ при практическомъ примѣненіи этихъ статей. Далѣе идутъ возраженія иного рода—Щербатовъ находитъ, что многія узаконенія грамоты ни на шагъ не подвигаютъ развитія дворянскихъ привилегій, сравнительно съ предшествующимъ положеніемъ вещей. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ видитъ не провозглашеніе какого либо новаго права дворянъ, а лишь воспроизведеніе старинныхъ, давно признанныхъ за ними, преимуществъ (см. его примѣчанія на статьи 2, 3,4, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 26, 28, 29, 33, 36, 40,—45); нѣкоторыя, дѣйствительно,

новыя узаконенія кажутся ему лишенными практическаго значенія (21). Наконецъ, противъ нѣкоторыхъ установленій онъ возражаетъ по существу, находя ихъ несогласными съ своими основными воззрѣніями. Такъ, весьма сочувствуя введенію сословнаго дворянскаго самоуправленія, т. е. установленію дворянскихъ обществъ, надѣленныхъ извѣстными корпоративными правами, Щербатовъ негодуетъ по поводу сильнаго подчиненія дворянскихъ собраній намѣстничьей власти. Онъ убѣжденъ, это эта власть совершенно убьетъ самодѣятельность дворянскаго сословія. Разбирая 62 ст., онъ опять таки съ негодованіемъ протестуетъ противъ ограниченія участія дворянина въ службахъ по выборамъ имущественнымъ цензомъ. Это идетъ въ разрѣзъ съ его взглядами на сущность дворянскаго достоинства, зависящаго отъ доблести и чести, а не отъ матеріальнаго достатка. Рядъ замѣчаній съ его стороны вызываетъ и ст. 76-я о раздѣленіи родословной книги на шесть частей. Онъ критикуетъ дѣленіе дворянства на разряды и тотъ порядокъ, въ которомъ эти разряды размѣщены, выставляя при этомъ свою излюбленную идею о превосходствѣ дворянства родовитаго надъ дворянствомъ чиновнымъ. До сихъ поръ все это—замѣчанія, вызванныя чисто сословными, дворянскими соображеніями. Щербатовъ не доволенъ грамотою или потому, что она не даетъ дворянству ничего существенно новаго, или потому, что она даетъ дворянству не то, что согласовалось бы достодолжнымъ образомъ съ существомъ дворянскаго достоинства; однимъ словомъ потому, что содержаніе грамоты не отвѣчаетъ процессу созданія дворянской привилегіи, какъ его понимаетъ Щербатовъ. Но вотъ, въ перемежку со всѣми этими замѣчаніями чрезъ всю статью проходятъ и другія, вскрывающія передъ нами совершенно иной уголокъ общественнаго міросозерцанія Щербатова. Напримѣръ, въ 5 ст. дворянской грамоты говорится: „да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго, преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ“.—По поводу этой статьи Щербатовъ замѣтилъ: „чтобъ лишить чести человѣка, то должно, чтобы онъ какое злодѣяніе содѣлалъ, слѣдственно, сіе есть право всеобщее, а потому и есть не милость, ни право особливое“.

Статьи 8, 9, 10 и 11, въ которыхъ сказано: „безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія“,—вызвали со стороны Щербатова замѣчаніе: „нѣсть какое особенное право, ибо нигдѣ и самый подлѣйшій злодѣй безъ суда не наказуется“.—Противъ ст. 24, которою запрещалось самовольно отбирать у благороднаго имѣніе безъ суда и приговора, Щербатовъ пишетъ: „не есть право особливое, но право благоустройства, чтобы суды не были разбойничьи притоны, но все бы по законамъ дѣлалось“. О статьѣ 55: „да не взыщется на дворянствѣ вообще личное преступленіе дворянина“ Щербатовъ отозвался: „не право, ибо еще не слыхано, чтобы общество за личное кого одного преступленіе наказывали...“. Наконецъ, относительно ст. 48: „подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ сенату, такъ и Императорскому Величеству на основаніи узаконеній“—у Щербатова читаемъ: „право весьма полезное, однако, такое, котораго и каждаго человѣка лишить не можно, чтобы онъ, въ случаѣ крайняго ему притѣсненія, къ вышнему правительству прибѣжища не имѣлъ...“.—Вотъ—замѣчанія, весьма знаменательныя въ устахъ апологета исключительныхъ дворянскихъ привилегій! Цѣлымъ рядомъ постановленій грамоты Щербатовъ не доволенъ потому, что онѣ сообщаютъ дворянству въ видѣ сословныхъ привилегій такія преимущества, которыя съ точки зрѣнія Щербатова должны быть распространены на всѣхъ свободныхъ гражданъ, какъ общеобязательныя нормы благоустроеннаго общежитія. Считая необходимымъ и справедливымъ оставить за родовитымъ дворянствомъ привилегированное положеніе въ государствѣ, Щербатовъ сильно повышаетъ въ этомъ отношеніи свои требованія, но онъ повышаетъ ихъ лишь въ силу того, что уровень самихъ общегражданскихъ правъ, надъ которыми должны возвыситься

сословныя привилегіи, самъ по себѣ рисуется ему весьма высокимъ, сравнительно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ Россіи того времени. Такъ, программа дворянскихъ привилегій, сложившаяся въ умѣ Щербатова, неуловимо вызывала вслѣдъ за собой переходъ къ болѣе широкой программѣ реформы общегражданскихъ отношеній на основахъ правоваго порядка. Эта своеобразная комбинація идей, составившая отличительную особенность политическаго міровоззрѣнія Щербатова, легла въ основу и разобранной выше его утопіи.

Теперь мы можемъ опредѣлить, въ чемъ и насколько эта утопія соприкасалась съ реальными задатками дальнѣйшаго историческаго развитія Россіи и въ какой мѣрѣ она входила въ область безпочвенной фантастики. Дворянская привилегія въ дѣйствительности явилась у насъ временнымъ переходнымъ звеномъ отъ закрѣпощеннаго режима, завѣщаннаго старымъ московскимъ царствомъ, къ установленію общегражданскихъ правъ, легшихъ въ основу современнаго намъ порядка. Тѣ самыя преимущества, которыя въ XVIII ст. были провозглашены въ качествѣ сословныхъ привилегій дворянскаго класса, превратились въ теченіе XIX ст. въ общегражданскія права, и запоздалыя мечты нѣкоторыхъ общественныхъ группъ снова вернуть этимъ правамъ значеніе сословныхъ привилегій свидѣтельствуютъ только о глубокомъ невѣжествѣ названныхъ мечтателей по части отечественной исторіи.

Какъ бы предугадывая этотъ процессъ превращенія сословныхъ привилегій въ общегражданскія права, Щербатовъ обнаружилъ трезвое чутье исторической дѣйствительности.—Но—и тутъ уже начиналась область фантастики—Щербатовъ предполагалъ, что расширеніе общегражданскихъ правъ всѣхъ свободныхъ членовъ государственнаго союза совмѣстится съ двумя условіями: 1) съ дальнѣйшимъ ростомъ исключительныхъ привилегій знати, всегда долженствующей, съ его точки зрѣнія, первенствовать надъ прочими классами; по мѣрѣ того, какъ ея прежнія преимущества будутъ превращаться въ общегражданскія права, она получитъ взамѣнъ того еще болѣе высокія прерогативы, которыя обезпечатъ ей истинно-властное положеніе въ государствѣ; 2) съ незыблемостью крѣпостного права на крестьянъ, которое Щербатовъ готовъ былъ отождествить съ полнымъ порабощеніемъ. Дѣйствительность не оправдала жизнеспособности этой уродливой комбинаціи. Развитіе общегражданскихъ правъ потрясло и свалило опорные столбы стараго зданія:—дворянская привилегія и крестьянская крѣпостная зависимость невозвратно отошли въ міръ историческихъ тѣней.

Утопія Щербатова сплелась изъ предчувствія новыхъ жизненныхъ формъ и безотчетнаго пристрастія къ нѣкоторымъ привычнымъ фактамъ, завѣщаннымъ Екатерининской Россіи историческимъ прошлымъ. Совмѣщеніе этихъ предчувствій и пристрастій должно было неминуемо привести къ ряду внутреннихъ противорѣчій. И дѣйствительно, въ основѣ всей политической теоріи Щербатова лежало одно коренное внутреннее противорѣчіе, изъ котораго проистекали и всѣ прочіе частные его выводы. Основаніе и оправданіе дворянскихъ привилегій Щербатовъ находитъ въ особенностяхъ самой духовной природы дворянина, въ свойствахъ дворянскаго ума и сердца, отличающихъ дворянство, какъ особую породу людей, отъ прочихъ общественныхъ состояній. Но эти особенности Щербатовъ считаетъ не прирожденными, а благопріобрѣтенными путемъ передаваемаго отъ поколѣнія къ поколѣнію вѣковаго навыка въ благородныхъ чувствованіяхъ и поступкахъ. Отъ рожденія всѣ равны, съ этимъ соглашается и Щербатовъ: „всѣ люди отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли и потому всѣ суть братья и всѣ суть равно благородные“. Онъ идетъ и еще дальше, и признаетъ, что всѣмъ людямъ, безъ различья ихъ сословнаго происхожденія, одинаково могутъ быть свойственны не только задатки однѣхъ и тѣхъ же дарованій, но и способность давать этимъ задаткамъ надлежащее дальнѣйшее развитіе. „Не лишенъ отъ природы ни единый человѣкъ способовъ пріобрѣсти всѣ нужныя знанія и, можетъ статься, что

между пахарей мы многихъ бы Александровъ и Цезарей нашли, но они, родясь съ сохой, съ сохой и умираютъ, никогда не подозрѣвая такія дарованія имѣть". (Размышленія о дворянствѣ).—И такъ, все дѣло не въ происхожденіи, а въ условіяхъ жизненной обстановки, воспитывающихъ въ людяхъ тѣ или другія свойства. Но условія жизненной обстановки могутъ измѣняться и, въ такомъ случаѣ, не было ли со стороны Щербатова самопротиворѣчіемъ дѣлать изъ своихъ посылокъ тотъ выводъ, что привилегированность дворянства должна явиться не временной исторической категоріей, а незыблемымъ и вѣковѣчнымъ устоемъ правомѣрнаго государственнаго порядка? Мы видимъ, что наиболѣе страстный апологетъ дворянской привилегированности строилъ ея защиту на очень зыбкомъ теоретическомъ фундаментѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, тѣ самыя учрежденія, которыя проектировалъ Щербатовъ для своего идеальнаго государства въ цѣляхъ гражданскаго воспитанія всего народа, не должны ли были уравнять, въ концѣ концевъ, природныя свойства людей всѣхъ состояній и тѣмъ самымъ уничтожить ту основу дворянскихъ привилегій, которая въ глазахъ Щербатова оправдывала ихъ существованіе? Щербатовъ не задавался подобными вопросами и, подѣливъ свои идеалы поровну между будущимъ и прошедшимъ, создалъ себѣ міровоззрѣніе, оказавшееся дѣйствительно неосуществимой утопіей. Но неосуществимость этой утопіи обусловливалась не тѣми ея элементами, которые были обращены къ будущему, а какъ разъ тѣми, которые представляли собой сдѣлку между будущимъ и прошедшимъ.

И намъ невольно приходитъ на мысль другой благородный утопистъ Екатерининской Россіи, смѣлѣе смотрѣвшій въ грядущія судьбы своей родины. Радищевъ конечно не менѣе Щербатова цѣнилъ блага законности и правоваго порядка. Одинъ знаменитый „Сонъ" въ его „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но Радищевъ признавалъ возможнымъ разрѣшеніе политическаго вопроса лишь въ связи съ разрѣшеніемъ великой соціальной проблемы уничтоженія крѣпостнаго права.—Подобно Щербатову Радищевъ требовалъ распространенія общегражданскихъ правъ на всѣхъ свободныхъ гражданъ, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы свободными были всѣ граждане.—Исторія показала, кто изъ двухъ утопистовъ былъ ближе къ исторической правдѣ, исторія показала, что болѣе радикальная утопія была наиболѣе дальновидной, а потому и наименѣе фантастичной.

А. Кизеветтеръ.

В. Полѣновъ. Пейзажъ.

Изъ типографіи А. И. МАМОНТОВА, въ Москвѣ.

Россія.

Переводъ Р. М. ХИНЪ.

...Природа, ширь и даль отражаются здѣсь на всемъ... Есть очень образное русское слово „черноземъ"—черная земля, почва... Этимъ словомъ обозначается широкая и глубокая полоса плодородной земли, которая тянется отъ Подольской губерніи до Казани и дальше за Уралъ до Сибири. Необычайно плодородная почва этого огромнаго пространства приписывается медленному, многовѣковому, разложенію степныхъ травъ. Вотъ эту-то безконечно плодоносную землю напоминаютъ собою иныя, богато одаренныя, русскія натуры. Покой, въ которомъ цѣлый рядъ столѣтій пребывала природа, не только не мѣшаетъ, но даже способствуетъ ихъ даровитости... Отъ времени до времени встрѣчаешь—то мужчину, то женщину, въ которыхъ, словно въ живыхъ образахъ, воплощается эта русская земля—загадочная и открытая во всѣ стороны, щедрая, величавая, добрая, грѣющая, но не жгучая, производящая впечатлѣніе неисчерпаемаго источника жизни. Черноземъ, новь, земля изобилія, земля хлѣба...

Въ этомъ избыткѣ природныхъ силъ, въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ жизненной матеріи заключается, быть можетъ, чарующая прелесть Россіи и ея будущая, болѣе ярко выраженная, оригинальность.

Черноземъ, новь, земля хлѣба—вотъ ея сущность, открытое вширь и вдаль убѣгающее пространство—вотъ ея природа. Когда задумываешься объ этой странѣ, когда хочешь допытаться, въ чемъ же ея самыя выпуклыя черты, въ воображеніи начинаетъ рисоваться безконечное, все, что наполняетъ душу грустью и надеждой, непостижимое, полное неразгаданныхъ тайнъ, колыбель новыхъ жизней и новыхъ мистическихъ созерцаній...

Эти представленія возникаютъ какъ-то сами собой при звукѣ Россія. Но тутъ же является другая мысль. Вѣдь то, что насъ поражаетъ въ Россіи, неразрывно связано съ будущимъ всего человѣчества, и невольно встаетъ вопросъ: неужели здѣсь, въ этой подавляющей громадѣ, скрыто будущее Европы?

Человѣкъ, къ которому Тургеневъ обращалъ свои послѣднія, начертанныя карандашемъ слова, къ кому онъ взывалъ умирая: „другъ мой, ве-

ликій писатель земли русской",— этотъ человѣкъ теперь пашетъ землю. Въ могучей породѣ пахарей—онъ, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ великихъ...

Что же онъ обрабатываетъ? А они...—эти старые и молодые люди, сильные волей, люди стойкаго духа — надъ чѣмъ они тамъ трудятся? что готовятъ?.. Черноземъ, черную, плодородную, непочатую землю, землю хлѣба... Неизсякаемый родникъ природы...безконечное, наполняющее душу томящей печалью и надеждой, непостижимое, полное неразгаданной тайны... материнское лоно, трепещущее подъ напоромъ новой жизни, колыбель новыхъ вѣрованій—Россія и Будущее.

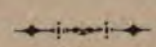
Георгъ Брандесъ.

Милостивый Государь:

Прежде всего позвольте принести искреннюю благодарность за честь, которую Вы мнѣ сдѣлали приглашеніемъ участвовать въ сборникѣ, симпатичной цѣли котораго я глубоко сочувствую. Призывъ къ человѣческой солидарности, къ состраданію и любви, всегда очень желательный, особенно необходимъ въ настоящее время, когда мутныя волны національной ненависти и религіозныхъ предразсудковъ грозятъ уничтожить вѣковые плоды цивилизаціи. Я глубоко убѣжденъ, что Вашъ призывъ найдетъ сочувственный откликъ повсюду и что многіе изъ пишущей братіи сочтутъ за честь присоединить къ Вашему предпріятію свои имена. Не имѣя въ настоящее время ничего готоваго, я предлагаю Вамъ перепечатать въ Сборникѣ одну изъ моихъ прежнихъ статей „Философія Донъ Кихота", которую публика уже успѣла забыть и которую, можетъ быть, прочтутъ вновь въ виду недавно исполнившагося 350 лѣтія со дня рожденія Сервантеса.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи
Вашего покорнѣйшаго слуги

Н. Стороженко.



Философія Донъ Кихота:

Рѣдкое произведеніе всемірной литературы обладаетъ въ такой степени способностью притягивать къ себѣ критическую мысль, рѣдкое произведеніе подвергалось такому тщательному всестороннему анализу, какъ „Донъ Кихотъ" Сервантеса. Бауль (Bowle), Пелисеръ, Клеменсинъ и др. изучили его, какъ изучаютъ классиковъ: возстановили во всей чистотѣ его текстъ, опредѣлили источники, по возможности разгадали заключающіеся въ немъ современные намеки. Въ числѣ критиковъ „Донъ Кихота" мы встрѣчаемъ такихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ Бутервекъ, Сисмонди, Амадоръ де-лосъ Ріосъ, Галламъ, Прескоттъ, Тикноръ и др., такихъ мыслителей, какъ Шеллингъ и Гегель, и такихъ художниковъ, какъ лордъ Байронъ, Гете, Уордсвортъ, Гейне, Викторъ Гюго и нашъ Тургеневъ. Если бы названные писатели пришли къ сколько-нибудь сходнымъ выводамъ относительно общаго смысла геніальнаго произведенія Сервантеса и характера его героя, то всякая попытка идти неперекоръ коллективному мнѣнію такихъ авторитетовъ, не опираясь на какіе-нибудь новые матеріалы, могла бы показаться безполезной, даже дерзкой; но на самомъ дѣлѣ между взглядами названныхъ писателей на Донъ Кихота существуетъ такая разница, что попытка, если не примирить ихъ другъ съ другомъ, то по крайней мѣрѣ выяснить причины этой разногласицы, является далеко не лишней. Исторія мнѣній, высказанныхъ о „Донъ Кихотѣ" въ нашемъ столѣтіи, представляетъ собою любопытную страницу въ исторіи критики. Писатели XVII и XVIII в. (С. Эвремонъ, Бодмеръ и др.) судили о произведеніи Сервантеса по непосредственному

впечатлѣнію и видѣли въ его героѣ типъ, хотя и симпатичный, но все-таки отрицательный. Они высоко цѣнили искусство автора, умѣвшаго соединить въ одномъ лицѣ столько мудрости и безумія, восхищались мастерски очерченными характерами Донъ Кихота и его знаменитаго оруженосца, изъ которыхъ одинъ прекрасно оттѣняетъ другого, отъ души смѣялись надъ забавными похожденіями и траги-комическими неудачами рыцаря печальнаго образа, но имъ и въ голову не приходило отыскивать затаенный смыслъ въ произведеніи Сервантеса и негодовать на автора за то, что онъ постоянно ставитъ своего героя въ смѣшныя положенія. Съ начала XIX вѣка, преимущественно подъ вліяніемъ Канта, въ критику вторгается философскій элементъ, и главной задачей ея съ этихъ поръ становится выясненіе основной тенденціи художественнаго произведенія, опредѣленіе идеи, лежащей въ основѣ всякаго характера и т. п. Послѣдователь Канта, Бутервекъ, если не ошибаемся, первый замѣтилъ, что осмѣяніемъ рыцарскихъ романовъ не ограничивалась задача автора „Донъ Кихота", что Сервантесъ, какъ истинный поэтъ, преслѣдовалъ высшую цѣль, что онъ увлекся идеей изобразить типъ героя и энтузіаста, друга человѣчества, проникнутаго любовью ко всему возвышенному и благородному и для осуществленія своихъ идеальныхъ стремленій задавшагося фантастическимъ планомъ возстановить угасшее странствующее рыцарство. Почти одновременно съ Бутервекомъ, можетъ быть, даже подъ его вліяніемъ, А. В. Шлегель высказалъ мысль, что сущность произведенія Сервантеса состоитъ въ контрастѣ поэтическаго энтузіазма, олицетвореннаго въ Донъ Кихотѣ, и житейской прозы, воплощенной въ лицѣ Санчо Пансы. Эта мысль была подробно развита Сисмонди въ его извѣстномъ сочиненіи „De la littérature du midi de l'Europe". По мнѣнію Сисмонди, главная задача „Донъ Кихота"—изображеніе вѣчнаго контраста между поэтическимъ и прозаическимъ въ человѣческой жизни. Люди, одаренные душой возвышенной, способны поставить цѣлью своей жизни быть поборниками справедливости и защитниками слабыхъ и угнетенныхъ. Эта героическая преданность великой идеѣ есть лучшее и трогательнѣйшее, что представляетъ намъ исторія человѣческаго рода; но характеръ героя, кажущійся возвышеннымъ, если смотрѣть на него съ возвышенной точки зрѣнія, можетъ показаться смѣшнымъ, если на него взглянуть съ точки зрѣнія здраваго смысла и житейской прозы. Такъ и взглянулъ на него Сервантесъ, показавшій намъ въ своемъ произведеніи тщету величія духа и иллюзій героизма. Великодушный, благородный, и безкорыстный, храбростью своею превосходящій сказочныхъ рыцарей, которымъ онъ подражаетъ, вѣрный и почтительный любовникъ, лучшій изъ господъ, герой Сервантеса тѣмъ не менѣе терпитъ на каждомъ шагу неудачи, и всѣ его подвиги влекутъ за собой несчастье для другихъ и посрамленіе для него самого. „Вотъ почему,—заключаетъ Сисмонди,—многіе считаютъ „Донъ Кихота" печальнѣйшей книгой на свѣтѣ, ибо мораль, вытекающая изъ нея, въ высшей степени печальна". Мнѣнія Бутервека, Шлегеля и Сисмонди оказали сильное вліяніе на послѣдующую критику. Къ этому источнику нужно возвести взглядъ Гегеля, что въ „Донъ Кихотѣ" осмѣяна идея рыцарства въ своихъ самыхъ возвышенныхъ проявленіяхъ; на этой почвѣ выросъ взглядъ Гейне, утверждавшаго, что „Донъ Кихотъ" есть величайшая сатира на человѣческую восторженность вообще, и извѣстное мнѣніе Шеллинга, что въ романѣ Сервантеса изображенъ конфликтъ идеальнаго съ реальнымъ, которое представляетъ собою не болѣе, какъ переводъ на философскій языкъ взглядовъ Шлегеля и Сисмонди. Замѣчательно, что мнѣнія философствующихъ критиковъ, превратившихъ произведеніе Сервантеса въ какую-то аллегорію, нашли, главнымъ образомъ, отголосокъ въ сердцахъ поэтовъ. Почти всѣ великіе поэты нашего столѣтія, за исключеніемъ развѣ Гете, признавали Донъ Кихота типомъ положительнымъ и горячо приняли его сторону противъ его автора, будто бы желавшаго осмѣять въ лицѣ своего героя энтузіазмъ къ справедливости и добру и героизмъ въ проведеніи своихъ идеаловъ въ жизнь. „Не сожалѣніе чувствовалъ я къ человѣку,

преслѣдующему такія цѣли,—говоритъ Уордстворть,—но скорѣе благоговѣніе, и думалъ, что на днѣ его слѣпаго и восторженнаго безумія лежитъ глубокая мудрость". Съ такой же точки зрѣнія смотритъ на Донъ Кихота и лордъ Байронъ и съ свойственною ему стремительностью осыпаетъ жестокими упреками Сервантеса за то, что онъ позволилъ себѣ взглянуть съ комической точки зрѣнія на своего героя... „Изъ всѣхъ романовъ, мною читанныхъ,—говоритъ онъ,—„Донъ Кихотъ"—безспорно самый печальный и тѣмъ болѣе печальный, что онъ возбуждаетъ въ насъ улыбку. Его герой совершенно правъ, онъ стремится къ правдѣ; его цѣль наказать злыхъ и сражаться съ сильными за слабыхъ. Безуміе заключается въ его добродѣтели, но тѣмъ не менѣе его приключенія имѣютъ печальный исходъ, и еще печальнѣе нравственный урокъ, вытекающій изъ этой поистинѣ эпической поэмы. Возстать противъ несправедливости, помогать слабымъ, отмщать за ихъ обиды и наказывать негодяевъ,—развѣ эти благородныя стремленія, подобно старой сказкѣ, должны быть отнесены къ празднымъ грезамъ нашего воображенія? Развѣ стремленіе къ славѣ сквозь всѣ препятствія можетъ быть предметомъ шутки? Да и что такое Сократъ, если не мудрый Донъ Кихотъ? Своимъ смѣхомъ Сервантесъ положилъ конецъ рыцарству въ Испаніи; одной эпиграммой онъ отсѣкъ правую руку своей родинѣ. Со времени изданія „Донъ Кихота" Испанія произвела мало героевъ. Таково было пагубное дѣйствіе произведенія Сервантеса. Успѣхъ его былъ купленъ дорогой цѣной нравственнаго упадка его родины" („Донъ Жуанъ", пѣснь XIII). Другой великій поэтъ нашего столѣтія Викторъ Гюго, хотя и соглашается, что Сервантесъ осмѣялъ идеалъ и представилъ осуществленіе его невозможнымъ, но думаетъ, что на днѣ его смѣха лежатъ слезы и что онъ въ глубинѣ своей души такъ же на сторонѣ Донъ Кихота, какъ Мольеръ на сторонѣ Альцеста. Наконецъ, Тургеневъ въ своей извѣстной статьѣ „Гамлетъ и Донъ Кихотъ" видитъ въ Донъ Кихотѣ типъ положительный, энтузіаста и восторженнаго служителя великой идеѣ. Донъ Кихотъ, говоритъ онъ, — весь проникнутъ преданностью идеалу, для котораго онъ готовъ подвергаться всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, жертвовать жизнью. Самую жизнь онъ цѣнитъ настолько, насколько она можетъ скужить средствомъ къ воплощенію идеала, къ водворенію истины и справедливости на землѣ. Жить для себя, заботиться о себѣ Донъ Кихотъ счелъ бы постыднымъ. Онъ весь живетъ (если можно такъ выразиться) внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ — волшебникамъ, великанамъ, т. е. притѣснителямъ".

Таковъ преобладающій въ современной критикѣ взглядъ на Донъ Кихота, взглядъ, получившій, благодаря Тургеневу, право гражданства и въ нашей литературѣ. Правда, Галламъ, Тикноръ, Сенъ-Бевъ и др. высказывали иные взгляды, основанные на болѣе глубокомъ изученіи Сервантеса и современной ему эпохи, но эти взгляды не оказали должнаго вліянія на общее направленіе донкихотовской критики, которая попрежнему продолжаетъ строить свои выводы на отвлеченно-философской почвѣ. Оцѣнивать съ разныхъ сторонъ созданные художникомъ типы, раскрывать общій смыслъ художественнаго произведенія и дѣлать изъ него тѣ или другіе нравственные выводы составляетъ законное и неотъемлемое право критики. Злоупотребленіе этимъ правомъ начинается съ той поры, какъ критика сознательно или безсознательно начинаетъ навязывать разбираемому автору свои собственныя воззрѣнія и дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за нихъ. Такъ и произошло и въ данномъ случаѣ. Оторвавшись отъ исторической почвы и ставши на философскую точку зрѣнія, критика увидала въ произведеніи Сервантеса аллегорію, а въ созданныхъ имъ типахъ—символы борьбы идеальнаго съ реальнымъ, поэзіи съ прозой и т. п. Возмущенная осмѣяніемъ великодушнаго безумца, задумавшаго водворить на землѣ уже изжитые человѣчествомъ идеалы, она, стоя на своей отвлеченной точкѣ зрѣнія, естественно могла прійти къ убѣжденію, что въ лицѣ Донъ Кихота осмѣяны вообще энтузіазмъ и вѣра въ идеалъ, и вслѣдствіе этого провозгласила произведеніе Сервантеса

печальнѣйшей книгой на свѣтѣ, его самого причислила къ жалкой семьѣ отрицателей всего идеальнаго и возвышеннаго, а въ лицѣ Байрона даже не задумалась обвинить его въ упадкѣ героическаго духа и идеальныхъ стремленій въ Испаніи. Пересмотрѣть вновь этотъ любопытный процессъ художника съ его толкователями, выяснить истинный смыслъ „Донъ Кихота" и опредѣлить нити, связывающія это любимое дѣтище фантазіи Сервантеса съ личною жизнью, съ міромъ его идей и воззрѣній, и составить предметъ настоящей статьи.

Основная задача произведенія Сервантеса вполнѣ объясняется изъ состоянія современой ему повѣствовательной литературы. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій, именно многовѣковой борьбы съ маврами, превратившей страну на цѣлые вѣка въ военный лагерь, и наплыва провансальскихъ трубадуровъ, большинство которыхъ послѣ альбигойскаго погрома бѣжало въ Испанію и нашло тамъ второе отечество, нигдѣ рыцарскіе нравы и традиціи не пустили такихъ глубокихъ корней, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Рыцарская идея служенія дамамъ не только наполняетъ собою старинные романсы и хроники, но проникаетъ и въ законодательные памятники. Такъ, въ знаменитомъ Законникѣ короля Альфонса Мудраго (Las Siete Partidas), относящемся къ половинѣ XIII в., въ главѣ, посвященной исчисленію рыцарскихъ обязанностей, рыцарю, между прочимъ, предписывается призывать передъ битвой имя своей дамы, съ цѣлью влить въ его душу новое мужество и предохранить отъ совершенія не соотвѣтствующихъ его высокому званію поступковъ. Въ примѣръ безразсуднаго увлеченія идеей служенія дамамъ обыкновенно приводятъ нѣмецкаго миннезингера Ульриха фонъ-Лихтенштейна и трубадура Пьера Видаля, изъ которыхъ первый, нарядившись въ фантастическій костюмъ богини любви, проѣхалъ отъ Богеміи до Венеціи, вызывая на бой всякаго, кто не соглашался признать его даму первой красавицей въ мірѣ, а послѣдній, влюбленный въ графиню Лобу де Панантье (имя Loba значитъ волчица), желая сдѣлать сюрпризъ дамѣ своего сердца, самъ превратился въ ея девизъ, одѣлся въ волчью шкуру и въ такомъ видѣ едва не былъ растерзанъ не посвященными въ тайны рыцарскихъ девизовъ собаками графини. Но подобные сумасброды въ другихъ странахъ считаются единицами; въ Испаніи же ихъ нужно считать десятками. Въ одной Испанской хроникѣ XV в. разсказывается о нѣкоторомъ рыцарѣ Суэньо-де Киньонессѣ, который придумалъ довольно курьезный способъ выраженія своей любви къ плѣнившей его дамѣ: онъ постился разъ въ недѣлю на половину въ честь ея, на половину въ честь Пресвятой Дѣвы, а по четвергамъ, кромѣ того, носилъ на своей шеѣ, какъ символъ рабства, тяжелую желѣзную цѣпь. Чтобъ освободиться отъ этого мнимого рабства, которое не на шутку стало надоѣдать ему, онъ въ сопровожденіи девяти подобныхъ же сумасбродовъ, занялъ мостъ въ Орбиго на дорогѣ С. Яго-де-Компостелла и въ продолженіе тридцати дней вызывалъ на бой всякаго, отправлявшагося на поклоненіе гробу св. Іакова, рыцаря. Замѣчательно, что на этомъ чудовищномъ, по своей продолжительности и нелѣпости мотива, турнирѣ присутствовалъ король Хуанъ II съ своей свитой, который не только не сдѣлалъ попытки вразумить безумцевъ, но своимъ присутствіемъ воодушевлялъ ихъ. Къ концу того же столѣтія относится разсказъ объ одномъ кастильскомъ рыцарѣ, который нарочно пріѣзжалъ въ Англію ко двору Генриха VI, съ цѣлью предложить англійскимъ рыцарямъ сразиться съ нимъ въ честь его дамы. Подобныя сумасбродства поддерживались въ Испаніи обширной литературой рыцарскихъ романовъ, во главѣ которыхъ стоялъ португальскій романъ объ Амадисѣ Галльскомъ, написанный въ духѣ романовъ „Круглаго Стола" и впервые появившійся въ испанской обработкѣ въ концѣ XV в. Романъ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ; онъ сдѣлался настольной книгой каждаго грамотнаго человѣка въ Испаніи и вызывалъ массу подражаній и продолженій. Въ эпоху Сервантеса романы такъ называемаго Амадисова цикла, наполненные самыми невѣроятными происшествіями, совершенно запрудили собою современную литературу и сильно кружили голову молодежи. Писатель начала XVI в. Антоніо де-Гевара

замѣчаетъ, что въ его время публика ничего не читала, кромѣ постыдныхъ исторій объ Амадисѣ, Тристанѣ, Прималеони и др., а современникъ его Вальдесъ съ прискорбіемъ сознается, что онъ потратилъ десять лучшихъ лѣтъ своей жизни на чтеніе рыцарскихъ книгъ и до того извратилъ свой вкусъ этой нездоровой пищей, что сдѣлался на нѣкоторое время неспособнымъ цѣнить серьезныя историческія сочиненія. Вліяніе этихъ разжигающихъ воображеніе произведеній, преимущественно на молодые умы, было такъ вредно, что многіе благоразумные люди обращались къ правительству съ просьбой принять противъ распространенія этой романтической эпидеміи мѣры. Въ 1553 г. Карлъ V издалъ указъ, запрещающій ввозъ рыцарскихъ романовъ въ американскія владѣнія Испаніи, а два года спустя кортесы обратились къ императору съ петиціей, чтобы подобная мѣра была распространена и на Испанію, и чтобы всѣ, раньше напечатанные, рыцарскіе романы были преданы сожженію, а новые не могли бы печататься иначе, какъ съ особаго разрѣшенія властей. Но что можно было предписать относительно колоній, того нельзя было сдѣлать относительнос Ипаніи, гдѣ рыцарскіе романы были любимымъ чтеніемъ всего грамотнаго люда, тѣмъ болѣе, что и самъ императоръ зачитывался ими, а сынъ его, инфантъ Филиппъ II, постоянно являлся въ придворныхъ процессіяхъ въ костюмѣ странствующаго рыцаря, и, если вѣрить Кастильо—вступая въ бракъ съ Маріей Тюдоръ, далъ обѣщаніе, въ случаѣ появленія короля Артура, безпрекословно уступить ему англійскій престолъ.

Изъ сказаннаго ясно, что борьба съ рыцарскими романами была смѣлымъ и высокопатріотическимъ дѣломъ, вполнѣ достойнымъ такого писателя какъ Сервантесъ. Что такова была задача „Донъ-Кихота", видно изъ предпосланнаго первой части разговора автора съ однимъ изъ его друзей, который убѣждалъ Сервантеса издать „Донъ-Кихота" и предсказывалъ ему успѣхъ. „Старайтесь только, чтобъ меланхоликъ разсѣялся, читая ваше произведеніе, и чтобъ весельчаку стало еще веселѣе. Главное же, не упускайте изъ виду вашей цѣли разрушить въ конецъ шаткое зданіе рыцарскихъ романовъ, порицаемыхъ многими, но превозносимыхъ гораздо большимъ количествомъ людей. Если вамъ удастся достигнуть этой цѣли, то подвигъ вашъ будетъ не малый". Слова эти были написаны Сервантесомъ въ 1605 г. Десять лѣтъ спустя вышла въ свѣтъ вторая часть „Донъ Кихота". Много воды утекло въ этотъ десятилѣтній промежутокъ для Сервантеса; на многіе вопросы онъ успѣлъ измѣнить свои взгляды, но взглядъ его на свою задачу не измѣнился, и онъ заканчиваетъ свое произведеніе словами, въ которыхъ явственно слышится нравственное удовлетвореніе писателя, достигшаго своей цѣли. „Единственнымъ моимъ желаніемъ,—говоритъ онъ,—было возбудить отвращеніе къ сумасброднымъ и лживымъ рыцарскимъ книгамъ, которыя, пораженныя моей правдивой исторіей Донъ-Кихота, плетутся, пошатываясь, скоро падутъ совсѣмъ и никогда уже не поднимутся". Итакъ, въ то время, когда всѣ усилія благомыслящихъ людей, кортесовъ и самой верховной власти оказались безсильными въ борьбѣ съ господствующимъ вкусомъ публики, Сервантесъ выступилъ въ походъ, не имѣя другого оружія, кромѣ ироніи и здраваго смысла, и пораженный этимъ оружіемъ, цѣлый сонмъ странствующихъ рыцарей, великановъ, фей и волшебниковъ поспѣшно бѣжалъ съ поля битвы, уступая мѣсто другимъ типамъ, другимъ героямъ. Сервантесъ имѣлъ полное право гордиться своей побѣдой, ибо послѣ 1605 г., когда была издана первая часть „Донъ-Кихота", не было написано ни одного рыцарскаго романа, да и старые перестали интересовать публику и за двумя или тремя исключеніями не перепечатывались болѣе. Какъ искусный полководецъ, Сервантесъ, раньше, чѣмъ нанести рѣшительный ударъ, тщательно изучилъ силы врага, его тактику и пріемы. По мнѣнію Пеллисера, Клеменсина и другихъ комментаторовъ, въ „Донъ-Кихотѣ" обнаруживается на каждомъ шагу близкое знакомство автора со всей обширной литературой рыцарскихъ романовъ; здѣсь осмѣяны не только ихъ духъ, но ихъ высокопарная манера изложенія, ихъ торжественный и напыщенный

слогъ, который Сервантесъ по временамъ весьма удачно пародируетъ. Далѣе, чтобъ рельефнѣе показать на живомъ примѣрѣ вредныя послѣдствія увлеченія рыцарскими романами, Сервантесъ выбралъ своимъ героемъ не какого-нибудь деревенскаго простака и невѣжду, котораго легко сбить съ толку, но человѣка умнаго, начитаннаго, исполненнаго возвышенныхъ стремленій. Ахиллесовой пятой этого человѣка были болѣзненно развитая фантазія и страстное участіе къ людскому горю. Рыцарскіе романы, которыми онъ зачитывался въ своемъ деревенскомъ уединеніи, до того подѣйствовали на эти стороны его природы, что дѣйствительность для него перемѣшалась съ вымысломъ, что онъ сталъ страдать галлюцинаціями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ видѣлъ то, чего нѣтъ, и упорно отрицалъ то, что въ данную минуту находилось передъ его глазами. Онъ серьезно вообразилъ себя странствующимъ рыцаремъ и, избравъ себѣ оруженосца, отправился сражаться съ угнетателями человѣчества, освобождать отъ очарованія принцессъ, словомъ, совершать всѣ тѣ подвиги, о которыхъ онъ читалъ въ рыцарскихъ романахъ. Донъ-Кихотъ—это Амадисъ, заснувшій послѣ одного изъ своихъ подвиговъ на нѣсколько столѣтій и проспавшій паденіе феодализма, водвореніе новаго государственнаго порядка и наступленіе эпохи Возрожденія наукъ. Проснувшись, онъ продолжаетъ то, на чемъ его засталъ сонъ. Онъ не замѣчаетъ, что времена измѣнились, что пора авантюръ и рыцарскаго обожанія женщины прошла безвозвратно, что феи и волшебники, державшіе въ плѣну рыцарей и дамъ, исчезли, что жизнь ставитъ человѣку другія задачи, что нравственный порядокъ держится на иныхъ началахъ, что права слабыхъ и угнетенныхъ защищаются не странствующими рыцарями, а законами и учрежденіями. Въ этомъ взаимномъ непониманіи живущаго въ прошедшемъ Донъ-Кихота и далеко ушедшей отъ него жизни заключался матеріалъ для массы комическихъ недоразумѣній, которыми искусно воспользовался Сервантесъ, показавшій, что рыцарскіе идеалы Донъ-Кихота такъ же устарѣли, какъ и его оружіе, что его храбрость и самоотверженіе оказываются совершенно не нужными въ XVI в. и въ особенности въ той формѣ, въ которой онъ ихъ предлагаетъ міру, что вслѣдствіе этого, думая дѣлать добро и стоять за правду, онъ совершаетъ на каждомъ шагу несправедливости и, въ концѣ концовъ, даже вредитъ тѣмъ, кому хочетъ оказать помощь.

Разсказавъ о томъ, какъ Донъ-Кихотъ освободилъ мальчика-пастуха отъ побоевъ его хозяина, который, по удаленіи Донъ-Кихота, отдулъ его вдвое сильнѣе, авторъ многозначительно замѣчаетъ: „такимъ-то образомъ нашъ рыцарь пресѣкъ уже одно зло на землѣ“ *). Впослѣдствіи Донъ-Кихотъ встрѣтился съ освобожденнымъ имъ мальчуганомъ и вмѣсто благодарности услышалъ отъ него слѣдующія горькія слова: „Господинъ странствующій рыцарь! Если придется намъ еще встрѣтиться когда-нибудь, то, хотя бы вы увидѣли, что меня раздираютъ на части, ради Бога не заступайтесь за меня, а оставьте меня съ моей бѣдой, потому что худшей бѣды, какъ ваша помощь, мнѣ право никогда не дождаться, и да покараетъ и уничтожитъ Богъ вашу милость со всѣми рыцарями, родившимися когда-нибудь на свѣтѣ“. Другой рыцарскій подвигъ Донъ-Кихота имѣлъ еще болѣе печальныя послѣдствія. Встрѣтивши похоронную процессію, которую онъ принялъ за шайку злодѣевъ, увозившихъ тѣло убитаго ими рыцаря, Донъ-Кихотъ налетѣлъ на процессію съ своимъ копьемъ и сбросилъ съ мула одного юнаго лиценціата, который при паденіи переломилъ себѣ ногу. Когда же вслѣдъ затѣмъ побѣдитель безоружныхъ отрекомендовался странствующимъ рыцаремъ, обрекшимъ себя на служеніе добру, возстановленіе правды и попраніе зла, то бѣдный лиценціатъ отвѣчалъ ему со вздохомъ: „Не знаю, право, какъ вы попираете зло, знаю только, что меня, ни въ чемъ неповиннаго, вы оставили съ переломленной ногой, а отъ вашей правды мнѣ во вѣки не поправиться. Могу васъ увѣрить, что величайшее зло и величайшая неправда,

*) Донъ-Кихотъ, т. I, стр. 30. Мы цитируемъ по переводу г. Карелина. Спб., 1881 г., въ двухъ томахъ.

которая могла постичь меня въ жизни—это встрѣча съ вами". Третій знаменитый подвигъ Донъ-Кихота въ первой части романа—освобожденіе отправляемыхъ на галеру каторжниковъ—обрушился на голову самого освободителя, потому что освобожденные Донъ-Кихотомъ преступники избили и ограбили его самого. Неужели же подобнаго рода подвиги, а другихъ Донъ-Кихотъ и не могъ совершать, потому что не понималъ, что предъ нимъ происходитъ, даютъ ему право считаться героемъ, энтузіастомъ идеи братолюбія, воплощеніемъ самоотверженія на пользу общую? Думать такъ, значило бы утверждать, что непониманіе дѣйствительности и наклонность къ галлюцинаціямъ составляютъ необходимыя условія героизма. Мнѣ кажется, что, видя въ Донъ-Кихотѣ воплощеніе идеи самоотверженія, выдвигая на первый планъ альтруистическую сторону его подвиговъ, философская критика забываетъ: во-первыхъ, что героизмъ въ практической жизни оцѣнивается не только по нравственнымъ побужденіямъ и по силѣ духа, отличающимъ собою дѣйствія извѣстнаго лица, но также и по разумнымъ средствамъ и ясному сознанію цѣли подвига и могущей изъ него произойти пользы человѣчеству; во-вторыхъ, что Донъ-Кихотъ—не самостоятельный дѣятель, но отраженный лучъ, эхо рыцарскихъ романовъ (какъ называлъ его Галламъ), что въ качествѣ странствующаго рыцаря онъ руководится въ своихъ подвигахъ не только идеей гуманности и самоотверженія на пользу ближнихъ, но суетной жаждой славы и желаніемъ отличиться передъ дамой своего сердца, и что послѣднія побужденія иногда берутъ у него перевѣсъ надъ первыми. Такъ, однажды Донъ-Кихотъ, рискуя безплодно своею жизнью и подвергая опасности все окрестное населеніе, вызываетъ на поединокъ львовъ, которыхъ князь Оранскій посылалъ въ подарокъ испанскому королю, и когда тѣ не заблагоразсудили выйти изъ отворенной, по приказанію Донъ-Кихота, клѣтки, то онъ потребовалъ отъ смотрителя ихъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что онъ исполнилъ свой долгъ и что поединокъ не состоялся не по его винѣ. Въ другой разъ Донъ-Кихотъ не желалъ помочь хозяину корчмы, избитому собственными постояльцами, не испросивъ предварительно разрѣшенія на этотъ подвигъ у мнимой принцессы Микомиконъ; когда же это разрѣшеніе было ему дано, онъ все-таки ничѣмъ не помогъ изнемогавшему въ неравной борьбѣ трактирщику, потому что въ силу рыцарскаго кодекса онъ считалъ ниже своего достоинства сражаться съ простыми людьми (т. I, стр. 452—453). Я еще припомню здѣсь одинъ случай, когда странствующій рыцарь совершенно заслонилъ въ Донъ-Кихотѣ добраго и гуманнаго человѣка. Во время пребыванія Донъ-Кихота и Санчо при дворѣ герцога, мнимый Мерлинъ, который оказался переодѣтымъ мажордомомъ герцога, предсказалъ рыцарю, что очарованная волшебникомъ Дульцинея тогда только приметъ свой настоящій видъ, когда Санчо собственноручно влѣпитъ себѣ 3300 плетей; когда же Санчо сталъ горячо протестовать противъ этого нелѣпаго самоистязанія, Донъ-Кихотъ вспыхнулъ и пригрозилъ своему оруженосцу привязать его къ дереву и отсчитать ему не 3300, но 6600 плетей (т. II, стр. 290). Полагаю, что приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, насколько правы критики, утверждающіе, что Донъ-Кихотъ выражаетъ собой вѣру въ идеалъ, энтузіазмъ къ добру и справедливости и идею самоотверженія на пользу общую, и что эти драгоцѣнныя качества человѣческой природы, источники всякой свободы и прогресса, осмѣяны Сервантесомъ въ его романѣ. Нѣтъ, не энтузіазмъ къ добру и правдѣ осмѣянъ авторомъ „Донъ-Кихота", а нелѣпая форма проявленія этого энтузіазма, его каррикатура, навѣянная рыцарскими романами и не соотвѣтствующая духу времени. Гете справедливо замѣчаетъ, что если какая-нибудь идея принимаетъ фантастическій характеръ, то въ силу этого одного она теряетъ всякое значеніе; вотъ почему фантастическое, разбивающееся объ дѣйствительность, возбуждаетъ въ насъ не состраданіе, а смѣхъ, ибо подаетъ поводъ ко многимъ комическимъ недоразумѣніямъ. Къ этому можно прибавить, что если Донъ-Кихотъ, несмотря на всѣ свои нелѣпости, способенъ возбуждать въ насъ не только смѣхъ, но и состраданіе, то это

объясняется тѣмъ, что онъ лицо двойственное: Донъ-Кихотъ не только чудакъ и странствующій рыцарь, но умный, благородный и гуманный человѣкъ. Въ проведеніи этой двойственности въ характерѣ Донъ-Кихота, на всемъ протяженіи романа, сказался во всемъ блескѣ художественный талантъ Сервантеса. Поскольку Донъ-Кихотъ — странствующій рыцарь, постольку онъ фантазеръ и мономанъ, но лишь только ему удастся выйти изъ заколдованнаго круга своей idée fixe, онъ становится настоящимъ мудрецомъ и изъ устъ его льются золотыя рѣчи, въ которыхъ такъ и хочется видѣть взгляды самого автора. Есть еще одно обстоятельство, заставляющее насъ относиться снисходительно къ недостаткамъ и противорѣчіямъ въ характерѣ Донъ-Кихота и подкупающее въ его пользу критическую мысль. Въ наше время господства эгоизма и обѣдненія всякихъ идеаловъ, отрадно остановиться душою даже на печальномъ образѣ великодушнаго безумца, который не стремится достигнуть успѣха на торжищѣ жизни, руководится въ своихъ дѣйствіяхъ идеальными мотивами и готовъ ежеминутно жертвовать жизнью за то, что его разстроенное воображеніе считаетъ славой, истиной и добромъ.

Образованный умъ Донъ-Кихота, возвышенный строй его мыслей, всѣ эти качества, особенно проявляющіяся во второй части романа, когда завѣса начинаетъ спадать съ глазъ героя, и выражающіяся въ его свѣтлыхъ взглядахъ на литературные, нравственные и соціальные вопросы, составляютъ положительную сторону романа, то, что можно съ полнымъ правомъ назвать его философіей. Здѣсь мы приходимъ къ другому, въ высшей степени любопытному вопросу, насколько „Донъ-Кихотъ" имѣетъ автобіографическое значеніе, насколько въ немъ отражается міросозерцаніе его творца.

На автобіографическомъ значеніи своего романа Сервантесъ не разъ настаиваетъ въ различныхъ мѣстахъ „Донъ-Кихота". „Книга эта,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,— есть важное дѣло моей жизни". „Для меня одного,—замѣчаетъ онъ въ концѣ романа— родился Донъ-Кихотъ, какъ и я для него. Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я писать. Мы составляемъ съ нимъ одно тѣло и одну душу" (т. II, стр. 580). По мнѣнію Сервантеса, сознательно или безсознательно, но авторъ долженъ высказаться въ своемъ произведеніи. „Перо—языкъ души: что задумаетъ одна, то воспроизводитъ другое. Если поэтъ безупреченъ въ своей жизни, то онъ будетъ безупреченъ и въ своихъ твореніяхъ" (т. II, стр. 125). Желаніе высказаться, ускоренное появленіемъ безсовѣстной поддѣлки подъ „Донъ-Кихота", было такъ сильно въ Сервантесѣ, что въ одномъ мѣстѣ второй части онъ устами мнимаго мавританскаго историка Донъ-Кихота выражаетъ сожалѣніе, что сюжетъ связываетъ его, что онъ принужденъ постоянно говорить только о Донъ-Кихотѣ и Санчо Пансѣ, и что это занятіе составляетъ тяжелый трудъ, который не въ состояніи вознаградить авторскихъ усилій. „Обладая достаточнымъ количествомъ ума, знанія и искусства, чтобы говорить о дѣлахъ всего міра, историкъ постоянно принужденъ удерживать себя въ тѣсныхъ предѣлахъ своего разсказа" (т. II, стр. 314). Въ виду всѣхъ этихъ заявленій, мы считаемъ себя въ правѣ видѣть въ „Донъ-Кихотѣ" не только сатиру на рыцарскіе романы, не только художественно-исполненную картину испанской жизни конца XVI и начала XVII в., но и откровеніе задушевныхъ взглядовъ и убѣжденій Сервантеса, его Авторскую Исповѣдь, его Былое и Думы. Сюда онъ вложилъ результаты своей житейской опытности и невзгодъ, воспоминанія объ алжирскомъ плѣнѣ, о своихъ бѣдствіяхъ на родинѣ и т. п. Подобно тому, какъ литературная сатира нечувствительно превратилась подъ рукой Сервантеса въ цѣльную картину испанской жизни, такъ и эта послѣдняя, въ свою очередь, сдѣлалась сокровищницей, въ которую онъ вложилъ свои литературные и соціальные взгляды, свои мечты о жизни и счастіи людей.

Выдѣляя автобіографическій элементъ въ романѣ Сервантеса, мы прежде всего коснемся литературныхъ взглядовъ. Какъ писатель, Сервантесъ долженъ былъ много размышлять надъ предметомъ и задачами своей литературной дѣятельности, и, если со-

поставить между собой разсѣянныя по всему „Донъ Кихоту“ отдѣльныя замѣчанія относительно лирической поэзіи, драмы и романа, то получится нѣчто въ родѣ цѣльной литературной теоріи. Основную черту этой теоріи составляетъ требованіе правды и естественности, въ особенности, по его мнѣнію, необходимое въ области драматической поэзіи. Въ эпоху Сервантеса драматическое искусство въ Испаніи только что начинало становиться на свои ноги, и единственномъ принципомъ его было во что бы то ни стало нравиться публикѣ. Величайшій драматургъ того времени Лопе-де-Вега открыто заявилъ, что принимаясь писать пьесу, онъ велитъ выносить изъ своей комнаты классическихъ писателей, чтобъ они не свидѣтельствовали противъ него, что въ своей драматической дѣятельности онъ имѣлъ въ виду не принципы искусства, а вкусы публики, которой нужно поддакивать въ ея безуміи, такъ какъ она платитъ за это деньги. Сервантесъ былъ далекъ отъ подобныхъ меркантильныхъ соображеній; онъ носилъ въ своей душѣ возвышенный взглядъ на искусство и думалъ, что поэзія, отражая въ себѣ дѣйствительность и служа жизненной правдѣ, должна въ то же время служить возвышеннымъ цѣлямъ, увлекать публику въ міръ идеала, а не гаерствовать на площади. Воспитанный на поэтикѣ Аристотеля и Ars Poetica Горація, Сервантесъ въ первой части „Донъ Кихота“ является горячимъ приверженцемъ классической теоріи драмы и разбираетъ съ точки зрѣнія этой теоріи современную ему драму. „Драма,—говоритъ онъ устами священника,—должна быть зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ жизнь человѣческую; она должна быть олицетвореніемъ правды и примѣромъ для нравовъ. Наши же драмы отражаютъ въ себѣ одну нелѣпость, изображаютъ распутство и служатъ примѣромъ развѣ для глупости. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ представятъ въ первомъ актѣ драмы ребенка въ колыбели, а во второмъ выведутъ его бородатымъ мужемъ, то большей глупости, кажется, и придумать нельзя. Развѣ есть большая нелѣпость, какъ представить старика храбрецомъ, а юношу трусомъ, лакея великимъ ораторомъ, пажа мужемъ совѣта, короля носильщикомъ тяжестей и принцессу судомойкой. Что сказать, наконецъ, о нашихъ драмахъ въ отношеніи соблюденія условій времени и мѣста? Развѣ мы не видѣли пьесъ, въ которыхъ дѣйствіе начинается въ Европѣ, продолжается въ Азіи и оканчивается въ Африкѣ, и если бы было четыре акта, то четвертый, вѣроятно, происходилъ бы въ Америкѣ, такъ что драма происходила бы во всѣхъ частяхъ свѣта“ (т. I, стр. 486—487). Весьма любопытно, что перечисленные недостатки современной испанской драмы привели Сервантеса къ мысли о необходимости учрежденія особой должности эстетическаго критика, которому должны посылаться на просмотръ всѣ назначаемыя къ представленію пьесы, и безъ подписи котораго мѣстныя власти не могли бы разрѣшать постановку пьесы на сцену *). Еще болѣе имѣютъ значенія помѣщенныя въ первой части „Донъ-Кихота“ замѣчанія по теоріи романа. И здѣсь требованіе правды и естественности являются верховнымъ требованіемъ, и съ этой точки зрѣнія авторъ подвергаетъ уничтожающей критикѣ всю повѣствовательную литературу своего времени. Перечисливъ массу несообразностей, наполняющихъ собою рыцарскіе романы, Сервантесъ замѣчаетъ: „Если мнѣ скажутъ, что сочинители подобныхъ книгъ просто задались цѣлью выдумывать небывалыя и невозможныя событія, то я на это отвѣчу, что вымыселъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ менѣе онъ кажется вымышленнымъ. Баснословные разсказы тогда только будутъ нравиться читателю, когда они воспроизведены такимъ образомъ, что невѣроятное покажется ему вѣроятнымъ, когда авторъ попеременно наполняетъ сердце его удивленіемъ, ожиданіемъ, умиленіемъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣ-

*) Впослѣдствіи Сервантесъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствъ, снова обратился къ давно оставленной имъ сценѣ и въ своей пьесѣ Rufian Dichoso (1615 г.), скрѣпя сердце и, очевидно, иронизируя надъ самимъ собой, сталъ поддѣлываться подъ вкусъ публики и защищать тѣ самые взгляды, противъ которыхъ онъ такъ горячо возставалъ въ первой части „Донъ-Кихота“.

тить въ сочиненіяхъ автора, съ умысломъ уклоняющагося отъ природы и правды, другими словами, отъ того, что составляетъ главную силу художественнаго произведенія". Относясь отрицательно къ современной ему беллетристикѣ, Сервантесъ съумѣлъ превосходно оцѣнить всѣ выгоды, предоставленныя писателю самой формой романа, этой эпопеей новаго времени, въ которой полнѣе, чѣмъ, гдѣ бы то ни было, можетъ отразиться человѣческая жизнь со всѣмъ разнообразіемъ волнующихъ ее вопросовъ. „Порицая немилосердно эти книги, я нахожу въ нихъ одно хорошее, именно то, что онѣ даютъ писателю полный просторъ, что онѣ представляютъ собою обширное поле, на которомъ во всемъ блескѣ можетъ развернуться его талантъ. Описывая бури, кораблекрушенія, битвы, изображая характеръ великаго полководства и т. п. въ подобномъ сочиненіи, писатель можетъ попеременно являться астрономомъ, географомъ, музыкантомъ, государственнымъ человѣкомъ, даже волшебникомъ, если къ тому представится удобный случай. Кромѣ того, свобода, предоставляемая писателю въ созданіи подобнаго рода произведеній, даетъ ему возможность являться въ немъ лирикомъ, эпикомъ, трагикомъ и комикомъ, выказать свое превосходство во всѣхъ родахъ поэзіи и краснорѣчія" (т. I, стр. 482—484). До такого широкаго пониманія задачъ романа, какъ бы предугадывающаго ту роль, которую займетъ романъ въ современной намъ жизни, не возвысился ни одинъ писатель XVII вѣка, и я привелъ это мѣсто съ цѣлью показать, насколько Сервантесъ опередилъ свое время.

Отъ литературныхъ воззрѣній Сервантеса перейдемъ къ его религіознымъ и соціально-политическимъ воззрѣніямъ. Хотя среда и эпоха не могли не наложить на Сервантеса извѣстнаго отпечатка, но въ религіозныхъ его воззрѣніяхъ мы не найдемъ и слѣдовъ того фанатизма и изувѣрства, отъ котораго не были свободны лучшіе умы той эпохи, напр., Лопе-де-Вега и Кальдеронъ. Даже въ своихъ воззрѣніяхъ на мавританскій вопросъ Сервантесъ руководился не религіозными, а политическими соображеніями. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, онъ видѣлъ въ маврахъ внутреннихъ враговъ, которые никогда не простятъ своего униженія, никогда не сдѣлаются гражданами Испаніи и вѣчно будутъ въ союзѣ съ внѣшними врагами. На этомъ основаніи онъ считалъ изгнаніе мавровъ разумной и законной мѣрой самообороны. По взглядамъ своимъ на религіозные вопросы Сервантесъ приближается къ передовымъ людямъ эпохи возрожденія: Эразму, Рабле и др. Нигдѣ онъ не тщится обнаружить свою религіозную ревность, нигдѣ онъ не заискиваетъ благосконности всесильной въ то время церкви. Въ „Донъ-Кихотѣ" разсѣяно не мало стрѣлъ, направленныхъ противъ несимпатичныхъ сторонъ современнаго ему духовенства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ (I, 257) онъ обличаетъ властолюбіе домашнихъ капеллановъ: „Ужели вы полагаете,—восклицаетъ онъ, — что на свѣтѣ дѣлать больше нечего, какъ втираться въ чужіе дома и стараться забрать въ свои руки хозяевъ?" Во второй части „Донъ-Кихота" есть злая выходка противъ монаховъ: „Мнѣ кажется,—замѣчаетъ метръ д'отель сидящему за обѣдомъ губернатору острова Баратаріи Санчо,—что вашей милости не слѣдовало бы кушать ничего, что стоитъ на этомъ столѣ. Большая часть этихъ кушаньевъ принесена монахинями, а позади креста прячется, говорятъ, чортъ (стр. 372). Внѣшняя религіозность и суевѣріе не разъ подвергались осмѣянію Сервантеса. Въ его остроумной повѣсти „Rinconete y Cortadillo" всѣ воры и мошенники оказываются набожнѣйшими людьми, строго исполняющими католическіе обряды и поминутно призывающими Бога и святыхъ. чтобы спасти ихъ отъ людскаго правосудія. Не мало выходокъ противъ всякаго рода суевѣрій попадается и въ „Донъ-Кихотѣ". Хотя герой романа въ качествѣ странствующаго рыцаря долженъ былъ вѣрить въ фей, волшебниковъ и всякую чертовщину, но какъ человѣкъ новаго времени, онъ не разъ высказываетъ сомнѣніе въ возможности путемъ колдовства направить извѣстнымъ образомъ человѣческую волю (т. I, стр. 181). По этому поводу Донъ-Кихотъ высказываетъ, однажды, замѣчательное сужденіе, изъ котораго

видно, что Сервантесъ считалъ суевѣріе несовмѣстнымъ съ истинной религіозностью: „Всѣ эти случайности, обыкновенно называемыя въ народѣ предзнаменованіями, должны казаться благоразумному человѣку не болѣе, какъ счастливыми случайностями. Между тѣмъ одинъ суевѣръ, выйдя утромъ изъ своего дома и встрѣтившись съ францисканскимъ монахомъ, спѣшитъ возвратиться назадъ, словно онъ встрѣтилъ чудовищнаго грифа. Другой разсыпаетъ на столѣ соль и становится задумчивъ и мраченъ, точно природа обязалась предувѣдомлять человѣка объ ожидающихъ его несчастіяхъ. Благоразумный человѣкъ и христіанинъ не долженъ судить по этимъ пустякамъ о намѣреніяхъ неба. (т. II, стр. 458). Когда Санчо пріѣхалъ губернаторствовать на островъ Бараторію, то онъ немедленно издалъ приказъ, чтобы нищіе, просящіе милостыню, не пѣли про чудеса, достовѣрность которыхъ они не могли доказать (т. II, стр. 413). Вѣроятно за эти раціоналистическія выходки, такъ свойственныя эпохѣ возрожденія, книга Сервантеса попала въ списокъ запрещенныхъ инквизиціею книгъ (Index expurgatorius).

Вездѣ, гдѣ Сервантесъ касается политическихъ и національныхъ вопросовъ (исключеніе составляетъ мавританскій вопросъ), онъ обнаруживаетъ возвышенность идей, чувство справедливости и гуманности и замѣчательную государственную мудрость. Подобно передовымъ людямъ эпохи Возрожденія, Сервантесъ, самъ герой Лепанто, гордившійся своими ранами, является врагомъ войны и завоевательной политики. Онъ порицаетъ всякую войну, кромѣ войны оборонительной, цѣль которой—защита вѣры, отечества и короля. (т. II, стр. 225—226). Цѣня въ человѣкѣ выше всего нравственное достоинство, Сервантесъ не придавалъ никакого значенія преимуществамъ рожденія: „Гордись, Санчо, своимъ скромнымъ происхожденіемъ и не стыдись его, тогда никто не пристыдитъ тебя имъ. Гордись лучше тѣмъ, что ты—незнатный праведникъ, чѣмъ тѣмъ, что ты—знатный грѣшникъ. Если ты изберешь добродѣтель своимъ руководителемъ и постановишь свою славу въ добрыхъ дѣлахъ, тогда тебѣ нечего будетъ завидовать людямъ, считающимъ принцевъ и другихъ знатныхъ особъ своими предками. Кровь наслѣдуется, а добродѣтель пріобрѣтается и цѣнится такъ высоко, какъ никогда не можетъ цѣниться кровь. (т. II, стр. 336). Но высказывая такіе радикальные для того времени взгляды, Сервантесъ не былъ, однако, сторонникомъ всеобщаго равенства, не возставалъ противъ существующаго раздѣленія людей на классы и сословія, на богатыхъ и бѣдныхъ, но только полагалъ, что привилегія происхожденія и богатства должна быть искупаема добровольно принимаемыми на себя заботами о благосостояніи обдѣленныхъ судьбою низшихъ классовъ общества. Извѣстно, что Сервантесъ всю жизнь боролся съ бѣдностью, что, не находя средствъ къ жизни на родинѣ, онъ серьезно думалъ о переселеніи въ Америку; что ему не разъ приходилось, жертвуя собственнымъ достоинствомъ, прибѣгать съ просьбой о помощи къ знатнымъ покровителямъ, которые спасали его чуть не отъ голодной смерти. Въ виду всего этого пріобрѣтаетъ несомнѣнно автобіографическое значеніе великолѣпный гимнъ свободѣ и нравственной независимости, который онъ влагаетъ въ уста Донъ-Кихота: „Свобода, Санчо, это драгоцѣнное благо, дарованное небомъ человѣку. Ничто не сравнится съ ней: ни сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земныхъ, ни скрытыя въ глубинѣ морской. За свободу и честь человѣкъ долженъ жертвовать жизнью, потому что рабство составляетъ величайшее земное бѣдствіе. Ты видѣлъ, другъ мой, изобиліе и роскошь, окружавшія насъ въ замкѣ герцога. И что же? Вкушая эти изысканныя яства и замороженные напитки, я чувствовалъ себя голоднымъ, потому что не пользовался ими съ той свободой, съ какой я пользовался бы своею собственностью; чувствовать себя обязаннымъ за милости, значитъ налагать оковы на душу свою. Счастливъ тотъ, кому небо дало кусокъ хлѣба, за который онъ долженъ благодарить только небо“ Нигдѣ Сервантесъ не достигаетъ такой нравственной высоты и такой политической мудрости, какъ въ тѣхъ совѣтахъ и наставленіяхъ, которые даетъ Донъ-Кихотъ отправляющемуся на губернаторство Санчо. Тутъ передъ нами рисуется идеалъ управленія

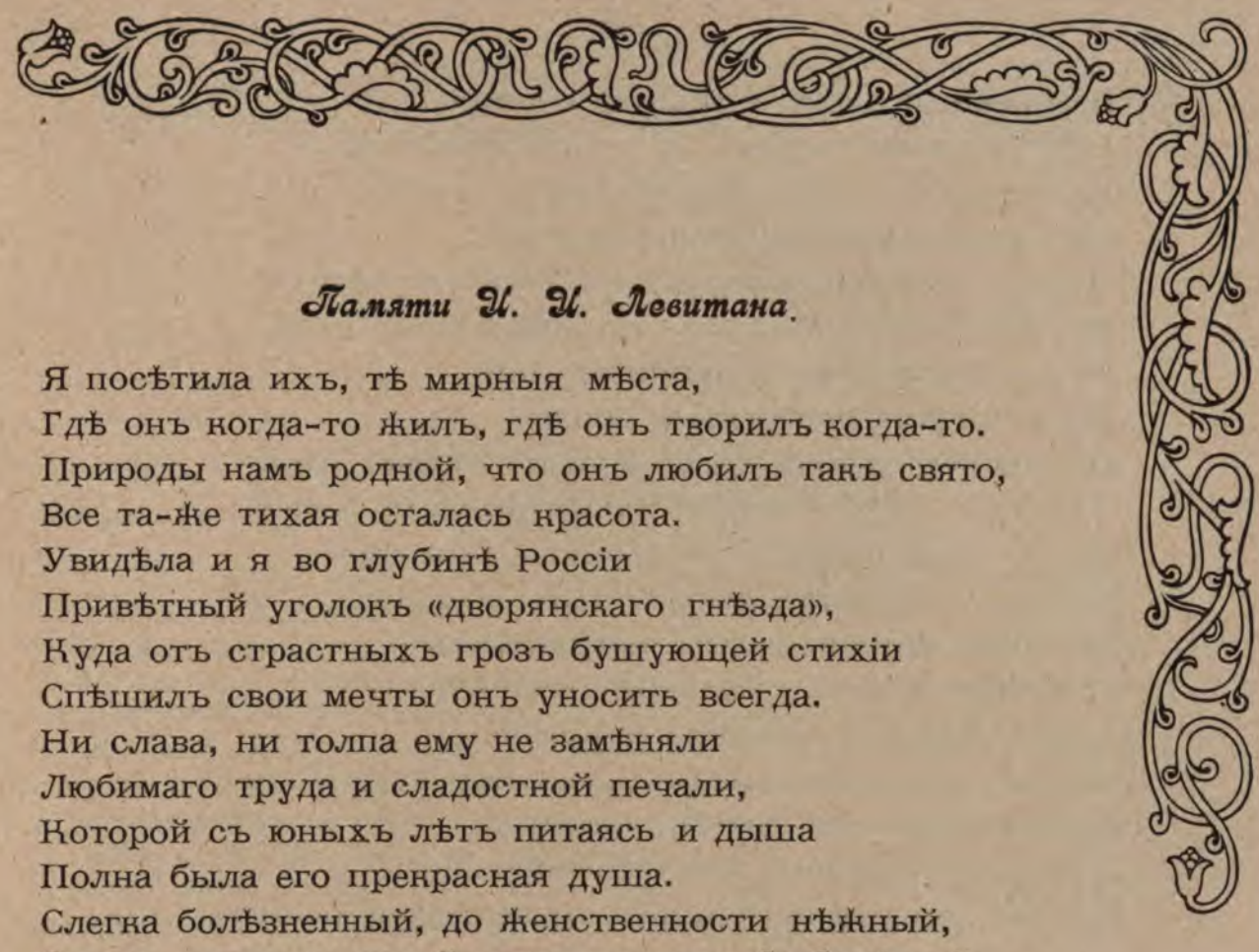
мудраго, справедливаго, твердаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутаго глубокой любовью и милосердіемъ къ людямъ *). И таково было вліяніе этой нравственной силы, что Санчо, первоначально видѣвшій въ губернаторствѣ только средство нажиться, подъ вліяніемъ совѣтовъ Донъ-Кихота, совершенно перерождается, дѣлается дѣйствительно мудрымъ правителемъ, уничтожаетъ массу злоупотребленій, заботится объ участи бѣдняковъ и, въ концѣ концовъ, самъ уѣзжаетъ съ острова такимъ же бѣднякомъ, какимъ пріѣхалъ туда.

Я далеко не исчерпалъ всѣхъ перловъ гуманности и мудрости, заключащихся въ разсужденіяхъ Донъ-Кихота, которыя и были главной причиной того, что критика, позабывъ двойственный характеръ Донъ-Кихота, смотрѣла на него исключительно какъ на энтузіаста идеи добра, и негодовала на Сервантеса за то, что онъ ставитъ такую идеальную личность въ смѣшныя положенія. Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось обратить вниманіе на ускользнувшую отъ большинства публики положительную сторону произведенія Сервантеса, на массу заключающихся здѣсь возвышенныхъ и гуманныхъ идей, которыми особенно изобилуетъ вторая часть „Донъ-Кихота", когда характеръ героя просвѣтляется, когда завѣса начинаетъ мало-по-малу спадать съ глазъ его. Отъ этой части, написанной Сервантесомъ всего за годъ до смерти, вѣетъ такой тишиной и душевной ясностью, такой радостной вѣрой въ добро и истину, что она кажется намъ поэтическимъ завѣщаніемъ великаго романиста, озареннымъ кроткимъ и умирающимъ свѣтомъ его жизненнаго заката

Ж. Стороженко.

*) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько изъ этихъ совѣтовъ, которые никогда не утратятъ своей цѣнности: „Старайся во всемъ открыть истину; старайся прозрѣть ее сквозь обѣщанія и дары богатыхъ, и сквозь рубище и воздыханія бѣдныхъ. И когда правосудіе потребуетъ жертвы, не обрушай на голову преступника всей кары суроваго закона: да не вознесется судья неумолимый надъ судьею сострадательнымъ! Но, смягчая законъ, смягчай его подъ тяжестью состраданія, а не подарковъ. И если ты станешь разбирать дѣло, въ которомъ замѣшанъ врагъ твой, забудь въ ту минуту личную вражду и помни только правду. Не оскорбляй словами, кого ты принужденъ будешь наказать дѣломъ: человѣкъ этотъ и безъ того будетъ наказанъ; къ чему же усиливать его наказаніе непріятными словами? Когда тебѣ придется судить виновнаго, смотри на него, какъ на слабаго и несчастнаго человѣка, какъ на раба нашей грѣховной природы. И, оставаясь справедливымъ къ противной сторонѣ, яви, насколько это будетъ зависѣть отъ тебя, милосердіе къ виновному, потому что, хотя всѣ богоподобныя свойства равны, тѣмъ не менѣе милосердіе сіяетъ въ нашихъ глазахъ ярче справедливости" и т. д.

И. Левитанъ. Пейзажъ.



Памяти И. И. Левитана.

Я посѣтила ихъ, тѣ мирныя мѣста,
Гдѣ онъ когда-то жилъ, гдѣ онъ творилъ когда-то.
Природы намъ родной, что онъ любилъ такъ свято,
Все та-же тихая осталась красота.
Увидѣла и я во глубинѣ Россіи
Привѣтный уголокъ «дворянскаго гнѣзда»,
Куда отъ страстныхъ грозъ бушующей стихіи
Спѣшилъ свои мечты онъ уносить всегда.
Ни слава, ни толпа ему не замѣняли
Любимаго труда и сладостной печали,
Которой съ юныхъ лѣтъ питаясь и дыша
Полна была его прекрасная душа.
Слегка болѣзненный, до женственности нѣжный,
Смотря на ширь полей и на просторъ безбрежный,
Такъ сладко сердцемъ онъ уставшимъ отдыхалъ...
И я увидѣла старинный этотъ залъ,
Гдѣ часто онъ смотрѣлъ на пышные закаты
Подъ звуки важные Бетховенской сонаты,
И мощно отдавалъ послушному холсту
Свою, безсмертіе сулившую, мечту.
Россію онъ любилъ. Быть можетъ, смѣлый геній,
Небесъ Италіи иль Франціи дитя,
Не стали-бъ черпать въ ней чистѣйшихъ вдохновеній,
На простоту ея вниманье обратя;
И мимо-бы прошли, съ улыбкою презрѣнья
Къ картинѣ тишины и грустнаго смиренья.
Но дороги для насъ всѣ эти уголки:
Проселка узкаго капризные извивы
И красноватые песчаные обрывы,
И гладь зеркальная серебряной рѣки,
И волны плавныя еще не сжатой нивы;

Безбрежныя поля, и тишина и ширь,
Надъ сѣрымъ озеромъ на кручѣ монастырь,
На горизонтѣ лѣсъ чертою темно-синей,
Неподражаемый осенній колоритъ
Что въ чистомъ воздухѣ такъ ласково разлитъ;
Въ разсвѣта тихій часъ—осенній первый иней...
Онъ осени любилъ задумчивые дни:
Она его душѣ всегда была сродни.
Не вешней нѣжности, не жаркой лѣтней нѣги—
Онъ былъ художникомъ мечтательныхъ элегій.
Весна—пора надеждъ, и дышетъ лѣта зной
Безумьемъ радости и страстнаго желанья;
Но осень мягкая—полна воспоминанья
Сосредоточенной и нѣжной тишиной.
А эти странныя невиданныя краски!..
Какъ будто пламеннымъ дыханьемъ лѣтней ласки
Деревья пышныя стоятъ опалены,
И видятъ о быломъ плѣнительные сны...
Писалъ онъ красный цвѣтъ трепещущей осины,
И пятна пурпура въ сквозныхъ вѣтвяхъ рябины,
Оранжевой ольхи блестящую листву,
И звѣзды желтыя широкихъ листьевъ клена
И золотистые отсвѣты небосклона
И—въ вышинѣ совсѣмъ—густую синеву.
А ночи лунныя, съ игрою бѣлыхъ пятенъ
Съ тѣнями рѣзкими и свѣтомъ голубымъ!
Ихъ взоръ таинственный былъ для него понятенъ;
Его любила ночь и говорила съ нимъ.
Но—сѣренькіе дни иль прелесть ночи блѣдной,
Источникомъ чудесъ все было для него;
И кистью мощною дары природы бѣдной
Онъ смѣло превращалъ въ исскуства торжество.
Россіи пасынокъ, не связанный съ ней кровью,
Онъ побѣдилъ ее горячею любовью;
Такъ онъ умѣлъ ее цѣнить и понимать.
Онъ вдохновенія ей посвящалъ святыя....
И пасынка за то оплакала Россія,
Какъ сына своего оплакиваетъ мать.

Т. Щепкина-Куперникъ.

П. В. Шейнъ.

14-го августа 1900 года въ рижской городской больницѣ скончался 74-хъ лѣтъ отъ роду извѣстный этнографъ, собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ, Павелъ Васильевичъ Шейнъ. Сорокъ лѣтъ занимался онъ изученіемъ народнаго языка и, быта въ живыхъ памятникахъ творчества—пѣсняхъ и обрядахъ русскаго народа и благодаря своей энергіи, собралъ такую массу цѣннаго матеріала, которую врядъ ли удавалось концентрировать въ своихъ рукахъ какому бы то ни было дѣятелю въ этой области. Онъ напечаталъ до 2500 великорусскихъ пѣсенъ, 3000 бѣлорусскихъ, и около 300 сказокъ и легендъ, не считая порядочнаго количества пословицъ, заговоровъ и другихъ мелкихъ осколковъ народнаго творчества; а достовѣрно извѣстно, что онъ успѣлъ издать далеко не все то, что собралъ и напр., изъ его великорусскихъ матеріаловъ развѣ половина увидала свѣтъ. Такой дѣятельности, разумѣется, вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить человѣку самую широкую извѣстность и дать ему право на полную признательность со стороны общества, въ культурные интересы котораго онъ сдѣлалъ такой крупный вкладъ. Тѣмъ не менѣе, относительно П. В. Шейна это было не такъ. Широкой извѣстностью онъ пользовался лишь въ очень тѣсномъ кругѣ лицъ, интересующихся этнографіей и народной поэзіей, а внѣ этого круга, въ такъ называемой большой публикѣ, объ немъ мало кто имѣетъ понятіе и въ лучшемъ случаѣ на вопросъ, кто такой Шейнъ, человѣкъ изъ образованнаго круга можетъ отвѣтить лишь—„извѣстный собиратель пѣсенъ", причемъ эти слова не только выражаютъ всю сумму свѣдѣній отвѣчающаго, но и какъ бы избавляютъ отъ необходимости дальнѣйшей любознательности. Одна изъ нашихъ наиболѣе широко поставленныхъ газетъ, первая напечатавшая некрологъ Шейна, не могла уберечься при этомъ отъ крупныхъ ошибокъ и устарѣлыхъ свѣдѣній. Другія газеты, извѣщая о засѣданіи Московскаго Общества Любителей Словесности, гдѣ Шейну была посвящена рѣчь одного изъ членовъ, печатали фамилію покойнаго съ ошибкой („Шеинъ"). Что же говорить о публикѣ, если редакціи газетъ съ трудомъ усвоивали фактъ, что человѣкъ, занимавшійся собираніемъ русскихъ пѣсенъ, носилъ нѣмецкую фамилію. Многіе ли до газетныхъ статей нынѣшней осени представляли себѣ, что Шейнъ былъ еврей по происхожденію, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, учитель по профессіи и энтузіастъ русской народности съ юношескихъ лѣтъ до глубокой старости? Многіе ли знаютъ, что этотъ глубокій знатокъ народнаго быта и поэзіи, изучавшій ее въ непрестанныхъ поѣздкахъ и путешествіяхъ по Россіи, всю жизнь влачился на костыляхъ и записывалъ пѣсни скорченными отъ ревматизма пальцами, что большую часть своей работы онъ совершилъ на свои учительскіе гроши? Многіе ли знаютъ, что этому подвижнику русской науки и талантливому служителю русской народной рѣчи суждено было лечь въ землю нѣмецкаго кладбища при звукахъ нѣмецкаго напутствія пастора, и

только случайно присутствовавшій другъ сказалъ нѣсколько словъ по русски на могилѣ покойнаго, причемъ рѣчь его была обращена всего къ четыремъ слушателямъ? Извѣстно ли, наконецъ, русскому обществу, что могила Шейна на Гертрудинскомъ кладбищѣ въ Ригѣ не могла быть ничѣмъ отмѣчена послѣ похоронъ и, если не будетъ принято мѣръ, мы рискуемъ забыть, потерять эту могилу, какъ забыли много дорогихъ могилъ своей родины? *).

Жизнь П. В. Шейна во многихъ отношеніяхъ интересна и поучительна.

Онъ родился въ 1826 г. въ семьѣ могилевскаго еврея-торговца болѣзненнымъ и хилымъ мальчикомъ. Перенеся въ дѣтствѣ рядъ болѣзней, онъ на 13-мъ году лишился употребленія ногъ и долго лежалъ безъ движенія. Но, какъ это бываетъ иногда, чѣмъ слабѣе было тѣло, тѣмъ сильнѣе развивалась духовная жизнь ребенка. Кромѣ обученія въ еврейской школѣ, въ которую онъ ходилъ съ пяти лѣтъ, онъ могъ пользоваться уроками одного раввина, человѣка болѣе просвѣщенныхъ и свободныхъ взглядовъ, чѣмъ большинство его братіи. Случай помогъ даровитому мальчику не остановиться на этомъ. Въ 1843 году отецъ привезъ его въ Москву лѣчиться, и 17-ти лѣтній Шейнъ три года пролежалъ въ Ново-Екатерининской больницѣ. Здѣсь въ немъ приняли живое участіе студенты, дежурившіе въ палатахъ, доктора, и пока мальчику растягивали сведенныя ревматизмомъ ноги на машинѣ, онъ выучился по русски, овладѣлъ литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ, жадно глоталъ приносимыя студентами сочиненія Жуковскаго, Пушкина, Гете, Шиллера и др., писалъ еврейскіе стихи и незамѣтно пріобрѣлъ такое развитіе и взгляды, которые провели рѣзкую границу между нимъ и его родной средой. Кончилось больничное лѣченіе. Шейнъ получилъ возможность ходить, хотя на костыляхъ,—дольше еврею нельзя было жить въ Москвѣ: предстояло ѣхать въ глухой Могилевъ, а юноша стремился къ знанію, привязался къ людямъ, раскрывшимъ передъ нимъ новый міръ образованности, науки, поэзіи. Шейнъ рѣшился остаться въ Москвѣ и перемѣнить религію; среди пригрѣвшихъ его людей было нѣсколько нѣмцевъ и онъ сталъ лютераниномъ.

1846—1848 годы Шейнъ проводитъ въ школѣ при лютеранской церкви св. Михаила, пополняя свое образованіе и занимаясь съ такимъ успѣхомъ, что на второй годъ ему уже поручаютъ преподаваніе русскаго языка въ младшемъ классѣ. Изъ преподавателей Михайловской школы на него особое вліяніе имѣлъ извѣстный поэтъ-переводчикъ Ѳ. Б. Миллеръ, который вскорѣ ввелъ молодаго Шейна въ свой литературный кружокъ и заботился о немъ; съ семьей Ѳ. Б. Миллера и затѣмъ—его сына, В. Ѳ. Миллера, Шейнъ остался всю жизнь въ близкихъ отношеніяхъ. У Миллеровъ Шейнъ встрѣчалъ писателей Ѳ. Н. Глинку, Мих. Дмитріева, Раича—и художниковъ Рабуса и Рамазанова; въ этой средѣ его литературныя наклонности находили себѣ соотвѣтствующую почву, а нѣсколько позднѣе, когда Ѳ. Б. Миллеръ основалъ журналъ Развлеченіе и привлекъ къ участію въ немъ солидныя литературныя и художественныя силы, обстановка Шейна стала еще сильнѣе будить его литературные интересы. Всѣхъ знавшихъ его Шейнъ поражалъ живымъ и чуткимъ отношеніемъ къ литературѣ и языку, природной филологической даровитостью, умѣньемъ схватывать художественную сторону народной рѣчи и пѣсни, прекраснымъ слухомъ и музыкальной памятью,—однимъ словомъ, въ немъ были богатые задатки этнографа и лингвиста, и нѣтъ сомнѣнія, дай судьба ему возможность развить своевременно свои способности правильнымъ образованіемъ, мы имѣли бы въ немъ хорошую научную силу.

---

*) Газеты извѣщали, что въ Москвѣ Этнографическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія открылъ между своими членами подписку, съ цѣлью охранить могилу Шейна отъ забвенія и, кромѣ того, учредить при Отдѣлѣ какую либо премію его имени за этнографическія работы. Но самъ Отдѣлъ, какъ почти всѣ наши ученыя Общества, весьма бѣденъ и среди членовъ едва ли можетъ быть собрана достаточная сумма,—необходимо, чтобы частныя лица пришли на помощь своими пожертвованіями.

Эти природные задатки рано указали ему его дорогу. Въ 50-хъ годахъ онъ въ качествѣ домашняго учителя попадаетъ съ одной семьей за границу и въ Берлинѣ имѣетъ случай встрѣтиться съ Я. Гриммомъ. Гриммъ разговариваетъ съ нимъ о народной поэзіи, привѣтствуетъ только-что начавшія выходить сказки Аѳанасьева и поручаетъ молодому человѣку передать Аѳанасьеву его поклонъ и привѣтъ. Эта встрѣча, несомнѣнно, имѣла свое вліяніе на выборъ дѣятельности Шейна. Но главнымъ толчкомъ, самымъ сильнымъ побужденіемъ, открывшимъ передъ нимъ его жизненную задачу, Шейнъ обязанъ тому направленію общественной мысли, которое въ 40-хъ и 50-хъ годахъ сосредоточивалось въ Москвѣ и представители котораго въ концѣ 50-хъ годовъ группировались въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.

Общественное настроеніе той поры, наступившее съ царствованіемъ Александра II, оживленіе надеждъ на крестьянскую реформу прекрасно отражаются въ словахъ свидѣтеля и участника этого возрожденія, Н. П. Гилярова Платонова *). „То было состояніе влюбленныхъ передъ свадьбою; апрѣль мѣсяцъ, когда снѣгъ еще на поляхъ, но уже бѣгутъ ручьи, солнце пригрѣваетъ, почки надулись, жаворонки поютъ, скворцы суетятся около гнѣздъ. Облегчилось на душѣ; ждалось чего то еще неизвѣстнаго, но непремѣнно свѣтлаго; въ умахъ бодрость, силы оживились, старики помолодѣли". Пробудилось и помолодѣло тогда Общество Любителей Словесности, бездѣйствовавшее съ конца 30-хъ годовъ. Иниціатива возобновленія Общества въ 1858 году принадлежала К. Аксакову, первымъ предсѣдателемъ былъ А. С. Хомяковъ, первыми дѣятелями—Погодинъ, Максимовичъ, Бодянскій, Безсоновъ, Кошелевъ, Буслаевъ, Даль, Аѳанасьевъ, Елагинъ, представитель семьи Кирѣевскихъ. Всѣ эти имена достаточно ясно говорятъ о томъ, въ какомъ направленіи должна была пойти новая дѣятельность Общества. Дѣйствительно, крупными трудами его, начавшимися съ 1860 года, были изданія Словаря Даля и Сборника былинъ и пѣсенъ Кирѣевскаго.

Какъ разъ въ эту пору Шейнъ знакомится съ Аксаковыми, Шевыревымъ, Погодинымъ, Хомяковымъ, попадаетъ въ атмосферу славянофильства и народности и охватывается ею; первый его небольшой сборникъ былинъ и пѣсенъ, собранный въ Симбирской губерніи, былъ привезенъ въ 1859 году въ Москву прямо къ Хомякову и переданъ Бодянскому для помѣщенія въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей. Понятно, какъ сильно должно было повліять на молодого Шейна личное общеніе съ названными представителями славянофильскихъ воззрѣній и научнаго изученія народности, какъ могло оно облегчить его первые шаги на выбранномъ пути и выяснить передъ нимъ задачи новаго дѣла, тогда еще только начинавшаго получать научную постановку.

Наступили шестидесятые годы. „Эпоха великихъ реформъ" задѣла и Шейна своимъ могучимъ вѣяніемъ: онъ занимается преподаваніемъ въ одной изъ московскихъ воскресныхъ школъ, а затѣмъ учитъ нѣкоторое время въ Яснополянской школѣ Льва Толстого, причемъ записываетъ отъ школьниковъ народныя пѣсни и учитъ ихъ записывать, какъ дѣлалъ это тамъ въ то же время со сказками Эрленвейнъ и другіе учителя. Вскорѣ мы видимъ Шейна учителемъ, а затѣмъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ Тулѣ и Епифани. Всюду, куда ни забрасываетъ его судьба, онъ пополняетъ свое собраніе пѣсенъ новыми записями, заводитъ знакомства и возбуждаетъ интересъ къ своему дѣлу среди мѣстныхъ дѣятелей—помѣщиковъ, духовенства, учителей, обучаетъ своихъ корреспондентовъ правильнымъ пріемамъ записыванія, составляетъ для нихъ программу; его матеріалы все растутъ. Онъ обработалъ ихъ и приготовилъ къ печати въ Витебской губерніи, куда попалъ на службу въ гимназію съ конца 60-хъ годовъ. Здѣсь онъ прожилъ семь лѣтъ и собралъ большой матеріалъ по бѣлорусскимъ пѣснямъ въ то время,

---

*) См. „Сборникъ Общ. Любит. Росс. Слов. за 1891 годъ".

какъ великорусское его собраніе уже печаталось въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей.

Дальнѣйшія работы Шейна шли такимъ порядкомъ. Великорусскій сборникъ его остановился на 1-ой части, изданной въ 1870 году, и почти тридцать лѣтъ ждалъ своего продолженія. Въ 1877 году начата была печатаньемъ 2-я часть, но не увидала свѣта, и только въ самые послѣдніе годы Академія наукъ взяла на себя переизданіе сборника, давно разошедшагося и успѣвшаго увеличиться въ нѣсколько разъ: въ 1898 г. вышелъ томъ съ 1,300 пѣсенъ, за нимъ послѣдовалъ въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ второй выпускъ; оба вмѣстѣ содержитъ болѣе 2,500 пѣсенъ, и почти такое же количество осталось въ портфелѣ собирателя; неизвѣстно, увидитъ ли свѣтъ этотъ матеріалъ. Бѣлорусскому собранію больше посчастливилось: выйдя впервые въ 1873—1874 годахъ въ изданіи Императорскаго Географическаго Общества, оно, тоже сильно разросшееся, было переиздано Академіей въ трехъ книгахъ въ 1890 году. Не будемъ говорить о достоинствахъ капитальныхъ работъ Шейна; объ этомъ достаточно краснорѣчиво говорятъ присужденныя ему награды — золотая медаль Географическаго Общества, такая же медаль отъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Уваровская академическая премія, а главное—популярность его сборниковъ въ русскомъ и европейскомъ ученомъ мірѣ *). Въ особенности его „Великоруссъ" представляетъ изъ себя грандіозную попытку дать картину поэтическаго выраженія крупной народности съ невиданной доселѣ широтой захвата; напомнимъ, что, напр., однѣхъ свадебныхъ пѣсенъ собрано до 1,200 изъ 22-хъ великорусскихъ губерній.

Кромѣ двухъ громадныхъ собраній, поглощавшихъ почти всѣ силы Шейна въ теченіе всей его жизни, онъ урывками находилъ время для отдѣльныхъ работъ, отвѣчавшихъ его живымъ и разностороннимъ интересамъ. Здѣсь укажемъ прежде всего на рядъ статей въ Этнографическомъ Обозрѣніи. („Обрядъ похоронъ мухъ", „Женитьба Кòмина и свѣчки", „Пародіи на историческія пѣсни", „Приговоры и причеты о табакѣ", „О В. Маннгардтѣ", „О И. Манжурѣ" и др.). Затѣмъ въ X томѣ Академическаго Сборника по отдѣлу русскаго языка имъ помѣщены дополненія къ словарю Даля. Шейнъ также много работалъ для новаго академическаго словаря русскаго языка, начатаго Я. Гротомъ. Не имѣя въ виду дать здѣсь полный перечень трудовъ Шейна, перечислимъ извѣстныя намъ его статьи послѣднихъ лѣтъ, чтобы характеризовать его интересы и поразительную способность къ работѣ. Въ 1899 году онъ напечаталъ въ Филологическомъ Вѣстникѣ статью „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій" (выборка матеріаловъ по языку изъ сборника сказокъ Садовникова), а въ прошломъ году онъ отозвался газетной статьей на поднятый въ печати вопросъ о порчѣ русскаго языка. Наконецъ, уже послѣднимъ лѣтомъ мы получили отъ него брошюру „Народныя пѣсни и Пушкинъ", гдѣ очень внимательно и искусно прослѣжены и отмѣчены многочисленные случаи соприкосновенія нашего великаго поэта съ народной пѣсней. Мы знаемъ, что въ самое послѣднее время П. В. Шейнъ заканчивалъ статью, которую хотѣлъ озаглавить „Исторія одной пѣсни". Рѣчь шла объ извѣстной пѣснѣ „Спится мнѣ младешенькѣ". Въ печати было высказано странное предположеніе, что Шейнъ взялъ въ свой сборникъ эту пѣсню изъ поэмы Некрасова („Кому на Руси жить хорошо") и выдалъ за народную. Предположеніе было прямо невѣжественное и опровергалось простымъ сопоставленіемъ годовъ, но Шейна оно задѣло и побудило изложить всю исторію этой пѣсни, записанной имъ еще въ 1859 году, вышедшей въ его сборникѣ 1870 года и переданной имъ съ мотивомъ пѣвцу Славянскому въ 1871 году. Статья должна найтись въ бумагахъ покойнаго.

---

*) Извѣстно, напр., что Шейновскій сборникъ далъ большую часть пѣсеннаго матеріала для книги англійскаго ученаго Рольстона (Songs of the Russian People. 1872).

Всѣ эти работы, интересныя и содержательныя, не играли большой роли въ глазахъ самого Шейна. Скромно и непритязательно смотрѣвшій на себя и на свои, какъ онъ любилъ выражаться, „крохсборные“ труды, онъ цѣнилъ ихъ, главнымъ образомъ, какъ отвлеченія отъ той массы черной, полумеханической работы, которую ему приходилось нести по приведенію во внѣшній порядокъ и печатанію своихъ громадныхъ сборниковъ. Онъ нерѣдко жаловался, что тупѣетъ отъ одной переписки стекавшихся къ нему отовсюду, иногда въ самомъ ужасномъ видѣ, матеріаловъ, а въ тяжелыхъ условіяхъ его личной обстановки онъ былъ вынужденъ все это дѣлать самъ и одинъ больными, скорченными отъ недуга, пальцами.

Каковы же были, спросятъ насъ, эти условія?

А вотъ каковы. Человѣкъ съ ранней молодости до глубокой старости кладетъ всѣ свои силы въ любимое дѣло, развивая поразительную энергію и достигая огромныхъ результатовъ, которые кажутся просто невѣроятными, когда вспомнишь, что человѣкъ этотъ съ дѣтства не владѣлъ, какъ слѣдуетъ, ни руками, ни ногами. Надо представить себѣ, что такое значитъ—„собирать памятники народнаго творчества“. Это значитъ—ѣздить по селамъ и деревнямъ необъятной Руси, особенно стремясь и порываясь въ наиболѣе глухіе углы, въ непроѣзжія и непролазныя мѣста, гдѣ царитъ тьма и дичь, но жива и ярка зато старая жизнь, старинный обрядъ и древняя народная поэзія. Записываетъ ли собиратель-этнографъ лично пѣсни, сказки и т. п., ищетъ ли и подготовляетъ себѣ сотрудниковъ на мѣстахъ,—ему приходится переносить столько трудовъ и лишеній физическихъ, столько безпокойствъ и огорченій нравственныхъ, столько выпадаетъ на его долю умственной работы и нервнаго напряженія, что его энергія иногда безъ преувеличенія должна равняться энергіи какого-нибудь путешественника-изслѣдователя не культурныхъ странъ. Гильфердингъ надорвалъ силы и умеръ на второмъ году усиленныхъ этнографическихъ изысканій въ Олонецкой губерніи. Для такихъ работъ, подчасъ, дѣйствительно нужно имѣть „силушку звѣриную“, „потяги держать да лошадиные“, какъ поетъ народъ про свою жизнь и работу.

Результаты такой работы Шейна уже давно, съ начала 70-хъ годовъ, признаны цѣнными для науки. Что же сдѣлано было для того, чтобы этотъ безпримѣрный труженикъ во славу русской народности имѣлъ возможность спокойно предаваться своей полезной работѣ? Онъ долженъ былъ снискивать пропитаніе учительскимъ трудомъ, а тѣмъ, что было всего нужнѣе для общества и для него, заниматься „въ свободное отъ службы время“, тратя на свои ежегодныя этнографическія поѣздки по Россіи скудные учительскіе гроши (за 40 лѣтъ Шейнъ получилъ всего 900 р. субсидіи на поѣздки). Академія и ученыя Общества издавали его труды, присуждали ему медали, а онъ все теръ и теръ лямку провинціальнаго педагога до 1879 года. Тутъ, впрочемъ, начинается „снисхожденіе начальства“, и учитель Шейнъ былъ отставленъ отъ службы, хотя вслѣдствіе столкновенія съ высшимъ по службѣ лицомъ (онъ не помирился съ гадостными продѣлками своего директора), но безъ всякой непріятности и даже съ полнымъ окладомъ пенсіи, не взирая на недослуженные годы, въ уваженіе его научныхъ заслугъ и разстроеннаго здоровья. Учительская пенсія 61 р. 70 коп. въ мѣсяцъ, конечно, давала возможность имѣть уголъ и кусокъ хлѣба одинокому человѣку, но Шейнъ не былъ способенъ сидѣть въ углу и спокойно переваривать кусокъ, дарованный отъ начальственныхъ щедротъ; онъ хотѣлъ и могъ работать на любимомъ поприщѣ и работалъ еще 20 лѣтъ, а для такой работы, какъ его, съ ежегодными поѣздками по Россіи, съ оплачиваніемъ матеріаловъ, съ перепиской, да, наконецъ, и просто для жизни человѣка, который не могъ ходить пѣшкомъ, не всегда могъ самъ взойти на лѣстницу, влѣзть въ извозчичью пролетку или надѣть на себя платье,—для всего этого 61 р. 70 к. были недостаточны; они были осужденіемъ на жалкое инвалидное существованіе сложа руки. Выносливость и неприхотливость покойнаго цѣлый рядъ лѣтъ помогали ему жить, не оставляя своего дорогаго дѣла, но наконецъ Шейнъ возопилъ.

Въ 1884 году исполнилось 25-тилѣтіе его дѣятельности, на него посыпался рядъ лестныхъ привѣтствій и поздравленій, новыхъ медалей отъ ученыхъ Обществъ; въ эту минуту онъ долженъ былъ особенно почувствовать, какъ охотно русская жизнь раздаетъ своимъ работникамъ лавры и какъ мало думаетъ о существенныхъ ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Горькія письма писалъ онъ тогда своимъ близкимъ. Одинъ изъ такихъ друзей покойнаго, профессоръ В. Ѳ. Миллеръ, напечаталъ въ то время прекрасную статью въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, которая служитъ главнымъ источникомъ для біографіи Шейна. Г. Миллеръ обстоятельно знакомилъ общество съ личностью и трудами почетнаго работника русской науки, указывалъ на его тяжелое положеніе, приводилъ выдержки изъ его горькаго письма и взывалъ ко всѣмъ, власть имѣющимъ, съ просьбой о помощи. Вопль не остался безъ результата, и въ матеріальномъ положеніи Шейна произошло улучшеніе. Правда, что кромѣ печатнаго слова понадобились хлопоты и знакомства, подходы и выискиванія удобныхъ случаевъ и подходящихъ моментовъ; понадобилось доброе сердце А. Н. Майкова и хорошее расположеніе духа министра финансовъ Вышнеградскаго; правда, что пенсія его была возвышена всего до 1,000 р. въ годъ и обставлена великими предосторожностями и предостереженіями—и „не въ примѣръ прочимъ", и „въ видѣ совершеннаго исключенія"; правда, что многіе тогда и позднѣе находили, что Шейнъ награжденъ роскошно, если не сверхъ заслугъ, и что ему теперь отъ русскаго общества и правительства буквально нечего и желать... Много было тѣней въ этомъ свѣтломъ и отрадномъ фактѣ, но, какъ бы то ни было, положеніе Шейна стало получше. Но бѣда была въ томъ, что сила и здоровье убывали, вовсе не сообразуясь съ размѣрами увеличенія пенсіи; не считалась съ волей начальства и петербургская дороговизна. Больному стали все чаще требоваться теплыя ванны, правильный и постоянный уходъ, лѣтомъ — грязи или море; съ другой стороны, за послѣдніе десять лѣтъ Шейнъ такъ много приготовилъ къ печати и выпустилъ въ свѣтъ своихъ матеріаловъ, что его прямо угнеталъ механическій трудъ, который легко было бы сдать переписчику, будь деньги на его оплату. Письма Шейна за послѣдніе два—три года полны тихихъ сѣтованій на свое положеніе. „Что же касается моего здоровья—пишетъ онъ 17 октября 1899 года—„то оно получило порядочную брешь, и я со страхомъ и трепетомъ опасаюсь, что едва ли оно мнѣ позволитъ окончить свои труды въ пользу отечественной этнографіи; оно сильно нуждается для своей починки и поддержки въ хорошемъ, симпатичномъ уходѣ, а его-то послѣ смерти жены у меня и нѣтъ. Затѣмъ, по единогласному совѣту врачей, мнѣ нужно какъ можно чаще пользоваться теплыми ваннами, а имѣть квартиру съ подобными ваннами мнѣ не по бюджету".

Но всего болѣе угнетали его въ этотъ періодъ матеріальныя и иныя препятствія къ успѣшному печатанію „Великорусса". Первый выпускъ (въ сущности большой томъ) его вышелъ въ началѣ 1898 года, второй долженъ былъ послѣдовать вскорѣ; въ ноябрѣ П. В. Шейнъ извѣщалъ насъ, что печатаніе приближается къ концу. Однако черезъ годъ (въ октябрѣ 1899 г.) онъ пишетъ: „Второй выпускъ моего многострадальнаго „Великорусса" готовится въ непродолжительномъ времени выглянуть на свѣтъ Божій. Задерживаетъ такъ долго его появленіе отсутствіе вспомогательныхъ рукъ, а мнѣ одному невозможно справиться съ своей громадной работой, которой я посвящаю цѣлые дни и немало часовъ ночи. Переписчики здѣсь недоступны моему скудному карману. При всемъ томъ, думаю, что черезъ мѣсяцъ буду имѣть удовольствіе (если только Богу угодно не сократить внезапно мой вѣкъ) держать въ рукахъ мою новую книгу". Надежды и этого письма не оправдались. Только еще черезъ 8 мѣсяцевъ вышелъ, наконецъ, „Великоруссъ", за два мѣсяца до смерти своего составителя.

Кромѣ болѣзней и стѣсненности въ средствахъ Шейнъ иногда, по его словамъ, „самъ былъ виноватъ" въ задержкахъ; „вина" заключалась въ его желаніи собрать

какъ можно больше матеріала, набрать его сколько нибудь равномѣрно изъ всѣхъ мѣстностей великорусскихъ. Это желаніе указывало на широкое пониманіе имъ задачъ этнографіи, и заботливость Шейна въ этомъ отношеніи сильно поднимала научную цѣну его сборниковъ. Какъ онъ досадовалъ на пробѣлы, какъ радовался пополненіямъ! Приведемъ выдержку изъ его письма къ намъ въ 1898 году.

„Свадебный отдѣлъ во 2-мъ выпускѣ „Великорусса" оканчивается нѣкоторыми пѣснями изъ Иркутской губерніи. Предложить любознательному читателю свадебные обряды и пѣсни изъ всѣхъ губерній Приволжья мнѣ не удалось по капризу многоученаго N. (здѣсь стоитъ фамилія одного ученаго оффиціальнаго лица, нерасположенность котораго къ П. В. Шейну лишила его порядочной доли матеріаловъ, входившихъ въ его разсчеты).

Начиная съ Тверской, всѣ губерніи по нисходящей линіи имѣютъ въ моемъ сборникѣ довольно обстоятельныхъ докладчиковъ о мѣстномъ свадебномъ ритуалѣ вплоть до Нижегородской включительно; совершенно отсутствуютъ по этой части губерніи Казанская и Самарская, изъ остальныхъ же имѣются только отрывочныя свѣдѣнія, хотя не безынтересныя. Въ теченіе лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ текущаго года у меня накопилась масса интересныхъ матеріаловъ изъ Новгородской, Нижегородской и Олонецкой губерній; въ числѣ ихъ преобладающее количество приходится на долю свадебныхъ обрядовъ и сказокъ. Если бы мнѣ посчастливилось въ скоромъ времени распродать всѣ экземпляры Великорусса, то можно было бы приступить къ 2-му изданію, хотя перваго тома, въ улучшенномъ видѣ съ разными дополненіями. Настоящимъ его изданіемъ я крайне недоволенъ: большую его часть мнѣ пришлось редактировать въ тяжелые, роковые дни болѣзни моей покойной жены".

Послѣднія слова требуютъ поясненія. Дѣйствительно, 1-ая часть „Великорусса" печаталась при ужаснѣйшихъ обстоятельствахъ. Ее необходимо было начать (иначе истекалъ срокъ, на который были испрошены въ Академіи Наукъ суммы для изданія) въ то самое время, когда жена Шейна, вѣрная и неизмѣнная его сестра милосердія, сама была поражена ракомъ. Операція не помогла и несчастная женщина вернулась изъ больницы домой, чтобы умереть медленной смертью. Мученія ея длились около года, и Шейнъ, самъ нуждавшійся въ уходѣ, долженъ былъ ходить за ней и за малолѣтней дочерью, и въ то же время вести ежедневную или, вѣрнѣе, еженощную работу редактированія и корректуры. По истинѣ надо удивляться мужеству и душевной крѣпости этого хилаго, больного старика. Онъ нашелъ въ себѣ силы для завѣтнаго дѣла всей своей жизни, но нетрудно представить себѣ, чего это должно было ему стоить. Въ письмахъ его за послѣдніе два года непрерывно звучитъ унылая, горькая нота, лишь изрѣдка смѣняясь болѣе свѣтлымъ тономъ, когда онъ говоритъ о своихъ планахъ, о ходѣ работы, о новыхъ матеріалахъ.

Такъ приблизилось 40-лѣтіе многострадательной работы Шейна (въ 1899 году). Опять возникла у него надежда, не обратятъ ли вниманіе на его заслуги и не создастся ли ему хоть немного болѣе удобное существованіе для т[illegible] же работы, которой конца онъ еще не видѣлъ. Съ грустью писалъ онъ намъ въ это время, что, кажется, объ его 40-лѣтнемъ юбилеѣ всѣ забыли: „Вѣдь это нужно было бы мнѣ не ради славы или карьеры (не въ мои лѣта объ этомъ думать), а единственно для того, чтобы въ высшихъ сферахъ заинтересовались Шейномъ, какъ не лишнимъ для отечественной науки чернорабочимъ, поддержать силы котораго есть нравственный и, пожалуй, гражданскій долгъ людей, власть имущихъ". Впрочемъ, неизбалованный вниманіемъ за всю свою долгую жизнь, онъ мало надѣялся на благопріятный результатъ. „А для такой поддержки—писалъ онъ—всего то на всего потребовалась бы прибавка къ пенсіи, мной получаемой, рублей въ 600. Но, кажется, благопріятный моментъ уже пропущенъ. Жрецы науки забыли о своемъ батракѣ. Богъ имъ судья". Такъ оно и вышло: появилось нѣсколько сочувственныхъ замѣтокъ въ газетахъ, юбиляръ получилъ нѣсколько

привѣтствій и телеграммъ, которыя были очень теплы, даже горячи, но плохо грѣли даже сердце старика. Теперь не нашлось лица, которое могло бы содѣйствовать улучшенію его участи и захотѣло бы это сдѣлать, какъ въ свое время поступилъ въ дѣлѣ Шейна поэтъ Майковъ.

Въ послѣдніе годы Шейнъ, кромѣ того, страдалъ отъ нѣкоторой своей заброшенности въ Петербургѣ. Большая часть его жизни прошла въ скитаніяхъ по Россіи, и ему трудно было составить себѣ прочный интимный кружокъ; нѣсколько лѣтъ назадъ онъ потерялъ жену, не былъ въ силахъ удержать при себѣ несовершеннолѣтнюю дочь, долженъ былъ пріютить ее въ учебное заведеніе и остался бобылемъ. Въ учено-оффиціальномъ мірѣ къ нему, за рѣдкими исключеніями, всѣ охладѣли, иные даже прямо отвернулись; его труды встрѣчали здѣсь подчасъ пренебрежительную и несправедливую рѣзкую критику; ихъ осуждали съ точки зрѣнія „послѣднихъ словъ" фольклористики. Ему слишкомъ давали чувствовать, что онъ „не научный" собиратель. Имъ лично, повторяемъ, мало кто интересовался. Въ мартѣ нынѣшняго года П. В. писалъ намъ: „Вѣдь кромѣ Z (слѣдуетъ фамилія одного ученаго) здѣсь никто изъ ученаго міра, да и изъ другихъ міровъ, меня не навѣщаетъ, у меня рѣшительно не съ кѣмъ обмѣняться живымъ человѣческимъ словомъ, я уже не говорю о возможности подѣлиться тѣмъ, что меня радуетъ и волнуетъ. И это нравственное положеніе тѣмъ тяжелѣе для меня, что я по два—по три дня и болѣе не выхожу изъ дому, рѣдко дышу свѣжимъ воздухомъ. Какъ только встаю, сейчасъ за Новое Время, затѣмъ чай, а за чаемъ сажусь за работу, надъ которой сижу часто до поздней ночи. Эта почти механическая работа убила наповалъ мою личную жизнь, которая кромѣ мукъ, страданій и глубокихъ оскорбленій почти ничего мнѣ не дала. Опасаюсь, чтобы отчаяніе не овладѣло мною и не лишило меня возможности продолжать работать надъ собраннымъ, нелегко обозримымъ и, какъ смѣю думать, цѣннымъ для науки матеріаломъ".

Такъ доживалъ свой вѣкъ одинокій больной старикъ, имя котораго не забудется въ исторіи нашей науки. Лѣтомъ его письма стали немного веселѣе: онъ выпустилъ 2-й томъ „Великорусса" и поѣхалъ въ деревню отдыхать въ семьѣ стараго своего знакомца Е. Л. Маркова, гдѣ чувствовалъ себя прекрасно. Унесшая его болѣзнь неожиданно постигла его въ Дуббельнѣ, гдѣ онъ имѣлъ обычай проводить часть лѣта.

Тяжело вспомнить, сколько силъ и энергіи было убито въ этомъ человѣкѣ и болѣзнью, и обстоятельствами. Мы встрѣтились съ нимъ впервые всего года четыре назадъ, когда онъ былъ уже 70-ти-лѣтнимъ старикомъ, но онъ поражалъ своей жизненностью. Большая подвижность, несмотря на калѣчество, выразительная игра лица, совершенно молодые, блестящіе глаза, крупная и характерная голова съ густыми сѣдыми кудрями, живость и остроуміе разговора и горячій интересъ ко всему въ области науки и литературы,—всѣ эти особенности дѣлали бесѣду съ нимъ наслажденіемъ. Онъ такъ легко побѣждалъ силой духа свои немощи и убожество, что и вы невольно забывали о нихъ; мнѣ всегда казалось, что тяжелыя обстоятельства жизни гораздо болѣе удручали его, чѣмъ болѣзнь. И, нѣтъ сомнѣнія, не будь онъ осужденъ жить въ типичныхъ условіяхъ русскаго умственнаго труженика, онъ сдѣлалъ бы гораздо больше, чѣмъ сдѣлалъ, и лучше, чѣмъ сдѣлалъ. Но мы еще не умѣемъ цѣнить своихъ безкорыстныхъ умственныхъ работниковъ, мы сознательно и безсознательно устилаемъ терніемъ ихъ путь, сбиваемъ ихъ съ дороги, лишаемъ до времени силъ и бодрости, и тогда съ теплымъ сочувствіемъ, а иногда и съ искреннимъ раскаяніемъ, осѣняемъ лавровымъ вѣнкомъ измученное лицо павшаго въ изнеможеніи работника. Старая, печальная исторія!

А. Е. Грузинскій.

Изъ новой литературы о Бастиліи *).

(F. Funck-Brentano—Légendes et archives de la Bastille **).

Около двухъ лѣтъ тому назадъ на французскомъ языкѣ вышелъ новый трудъ о Бастиліи подъ заглавіемъ „Легенды и архивы Бастиліи"—сочиненіе довольно извѣстнаго и талантливаго изслѣдователя Функа-Брентано. Отдѣльныя главы этого труда уже раньше помѣщались авторомъ въ разное время въ разныхъ журналахъ, но въ видѣ цѣльнаго изслѣдованія онъ выходитъ впервые, и это даетъ намъ право назвать его новымъ, тѣмъ болѣе, что и въ журналахъ нѣкоторыя части его были опубликованы очень недавно.

Авторъ давно занимается изученіемъ архивовъ знаменитой французской тюрьмы и въ настоящее время онъ едва ли не лучшій знатокъ ихъ. Написанная такимъ спеціалистомъ книга о Бастиліи, исторія и имя которой такъ тѣсно связаны со старымъ порядкомъ и его крушеніемъ, представляетъ, конечно, большой интересъ, тѣмъ болѣе, что то представленіе, которое даетъ намъ Функъ-Брентано на основаніи многолѣтняго изученія архивнаго матеріала, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ходячими взглядами.

Уже по одному заглавію не трудно догадаться, что авторъ принадлежитъ къ школѣ Тэна, усердно и нерѣдко плодотворно работающей надъ критикой революціонной легенды. И если Тэнъ не удержался на почвѣ объективнаго изслѣдованія, то еще менѣе можно сказать это про Функа-Брентано. Тенденціозность его изложенія мѣстами бьетъ въ глаза и нерѣдко доводитъ его до очевидныхъ парадоксовъ. Однако, это еще не лишаетъ книги научнаго интереса и значенія, такъ какъ авторъ знакомитъ насъ съ массою любопытныхъ фактовъ и даетъ намъ, правда, весьма одностороннее, но все же подкрѣпленное этими фактами освѣщеніе исторіи и режима знаменитой французской тюрьмы стараго порядка. Въ виду указанной тенденціозности изложенія, а отчасти и по недостатку мѣста, я подробнѣе буду излагать лишь тѣ главы, которыя представляютъ наибольшій интересъ, и буду краткимъ обзоромъ пробѣгать тѣ мѣста и главы, въ которыхъ я вижу больше реторики и парадоксовъ, нежели исторической правды, а равно и тѣ, которыя касаются болѣе спеціальныхъ вопросовъ. При изложеніи я позволю себѣ сдѣлать и нѣкоторыя уклоненія отъ того порядка, въ которомъ излагаетъ самъ авторъ.

Книжка снабжена предисловіемъ, принадлежитъ оно перу Викторьена Сарду и потому врядъ ли можетъ служить особенно лестной аттестаціей для научнаго изслѣдованія. Излагать я его не буду, такъ какъ оно не представляетъ никакого интереса для того, кто знакомъ съ содержаніемъ самой книги.

Первая глава знакомитъ насъ съ исторіей бастильскихъ архивовъ. Для современниковъ Бастилія и все, что касалось ея, было окутано густымъ туманомъ неизвѣстности

*) Докладъ, читанный въ засѣданіи историческаго общества при Московскомъ университетѣ 22-го октября 1900 года.

**) Цитаты по 2-му изданію (Paris, 1898).

и таинственности,—и не мудрено:—заключенный передъ выходомъ на свободу давалъ письменное обѣщаніе ни слова не говорить ни о чемъ видѣнномъ или слышанномъ въ крѣпости,—и говорить о ней было не безопасно. За то въ стѣнахъ самаго замка хранился богатѣйшій архивный матеріалъ, заключавшій исторію тюрьмы и ея обитателей начиная съ 1659 г. Архивъ содержался въ образцовомъ порядкѣ, и документы насчитывались сотнями тысячъ. Послѣ взятія Бастиліи всѣ эти архивныя богатства подверглись страшному разграбленью. И хотя черезъ нѣсколько же дней послѣ погрома были приняты мѣры къ тому, чтобы собрать и сохранить архивъ, но многое безвозвратно пропало, многое разошлось по рукамъ частныхъ коллекціонеровъ. Между прочимъ, такимъ путемъ часть весьма цѣнныхъ документовъ попала впослѣдствіи въ петербургскій эрмитажъ. Что касается уцѣлѣвшаго архивнаго матеріала, то онъ былъ пріобщенъ къ парижской Городской Библіотекѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ перенесенъ отсюда въ Библіотеку Арсенала. Вся эта огромная и безпорядочная куча изъ 600 слишкомъ тысячъ номеровъ была свалена въ одинъ изъ арсенальныхъ антресолей и здѣсь была надолго погребена. Только въ 1840 г. при передѣлкѣ одной изъ кухонь при библіотекѣ, при вскрытіи пола, обнаружилась масса какихъ то старыхъ бумагъ,—это и былъ бастильскій архивъ, какъ догадался Франсуа Равессонъ по попавшемуся ему подъ руки приказу объ арестѣ—lettre de cachet. Потребовалось 50 лѣтъ кропотливой работы, чтобы привести въ порядокъ этотъ цѣнный матеріалъ. На изученіи его-то, главнымъ образомъ, а отчасти и на критикѣ другихъ источниковъ, и основана работа Функа-Брентано, цѣль которой разсѣять ту нелѣпую и чудовищную легенду, которая сложилась о Бастиліи на основаніи какъ слуховъ, ходившихъ въ публикѣ о таинственномъ замкѣ, такъ и мемуаровъ сидѣвшихъ тамъ лицъ, въ особенности, Латюда и Ленгэ.

Вторая глава книги посвящена исторіи самой Бастиліи.

Около половины XIV в., въ эпоху великой борьбы съ англичанами, столица Франціи была обнесена цѣлымъ рядомъ укрѣпленій. Одни изъ нихъ предназначались для защиты самыхъ стѣнъ города, другія, такъ называемыя бастиды или бастиліи, защищали входы въ городъ. Интересующая насъ и знаменитая впослѣдствіи Бастилія была заложена въ 1370 г., и первоначальное ея предназначеніе заключалось только въ защитѣ столицы отъ внѣшняго врага. Въ теченіе четырехъ вѣковъ крѣпость мало измѣнила свой внѣшній видъ. Она была расположена въ восточной части Парижа, около теперешней площади Бастиліи, гдѣ начинается предмѣстіе Сентъ-Антуана, и имѣла видъ какъ бы огромнаго открытаго сверху ящика съ 8 круглыми башнями. Входъ въ крѣпость былъ двойной: рядомъ съ большими воротами для проѣзда были другія—поменьше—для пѣшихъ. Тѣ и другія были защищены подъемными мостами. При Генрихѣ II крѣпость была усилена бастіономъ,—впослѣдствіи на немъ былъ разбитъ садъ, гдѣ гуляли узники. Въ теченіе XVII и XVIII вв. по близости возникъ цѣлый городокъ лавченокъ, почти непосредственно примыкавшихъ къ стѣнамъ Бастиліи. Уже очень рано, со временъ Карла VI, она стала служить не только крѣпостью, но и мѣстомъ заключенія. Но только въ XVII в., со временъ Ришелье, Бастилія становится по преимуществу prison d'Etat—тюрьмою для административныхъ заключенныхъ. Завѣдываніе тюрьмою переходитъ въ это время изъ рукъ герцоговъ, коннетаблей и маршаловъ Франціи въ руки бюрократа-тюремщика Леклерка дю-Трамбле, брата отца Жозефа. Что касается администраціи тюрьмы въ позднѣйшее время, то она была довольно многочисленна. Кромѣ коменданта крѣпости (capitaine-gouverneur) былъ еще намѣстникъ короля (lieutenant de Roi) и цѣлый штатъ подчиненныхъ служащихъ. Послѣ учрежденія въ 1667 г. должности начальника полиціи (lieutenant de police), послѣдній мало-по-малу пріобрѣлъ права контроля и надзора надъ тюрьмою, и постепенно она вообще вошла въ кругъ его вѣдомства.

По мѣрѣ того, какъ мѣнялись правительства, мѣнялись и тѣ, кого оно счи-

тало своими врагами, измѣнялся и составъ заключенныхъ, но всегда Бастилія оставалась тюрьмою для немногихъ избранныхъ, для тѣхъ, кому было бы зазорно сидѣть въ обыкновенной тюрьмѣ заодно съ воромъ или убійцею простолюдиномъ. Въ царствованіе Людовика XIV сюда сажали литераторовъ, янсенистовъ, протестантовъ, людей, обвиненныхъ по какому-нибудь особенно громкому или загадочному процессу, шпіоновъ. Сюда же сажало правительство, по просьбѣ благородныхъ родителей, и тѣхъ сынковъ, съ которыми они сами не могли справиться. Это самая славная эпоха въ исторіи Бастиліи—эпоха роскоши, блеска и тайны. Узники ведутъ здѣсь свѣтскій образъ жизни и обставлены неслыханнымъ для тюрьмы комфортомъ. Въ то же время нѣкоторымъ заключеннымъ, въ особенности, шпіонамъ отказываютъ въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было. Случается, что человѣкъ, просидѣвъ 13 лѣтъ, жалуется на то, что онъ не знаетъ, за что онъ сидитъ. Иногда и сама администрація не знаетъ этого хорошенько. Въ царствованіе Людовика XV характеръ Бастиліи нѣсколько измѣняется. Со времени правленія герцога Орлеанскаго она начинаетъ приближаться по своему режиму къ другимъ тюрьмамъ: туда сажаютъ преступниковъ, подсудныхъ парламенту или трибуналу въ Шатлэ. При Людовикѣ XVI, когда практика lettres de cachet стала ограничиваться, Бастилія, какъ утверждаетъ авторъ, отличалась отъ другихъ тюремъ только тѣмъ, что заключенные здѣсь лучше содержались. Но одновременно съ тѣмъ, какъ Бастилія утрачиваетъ свой прежній блестящій аристократическій характеръ, совершается и рядъ измѣненій въ ея режимѣ къ лучшему. Пытка совершенно выходитъ изъ употребленія; наложеніе цѣпей и сажаніе въ подвальныя камеры примѣняются въ началѣ XVIII в. лишь въ видѣ наказанія за непослушаніе, а при Людовикѣ XVI и совершенно выходятъ изъ употребленія. Въ то же время заключеннымъ разрѣшается читать и писать и сноситься письменно съ родными и близкими. Въ общемъ, надо сказать, что Бастилія въ царствованіе Людовика XVI уже отживала свой вѣкъ. За 15 лѣтъ его правленія туда было заключено только 240 человѣкъ, т. е. въ среднемъ 16 человѣкъ ежегодно. Въ 80-хъ годахъ число узниковъ иногда падаетъ до 10—9 и даже 7. Въ моментъ возстанія 14 іюля 1789 г. тамъ было всего 7 человѣкъ. А между тѣмъ тюрьма очень дорого стоила правительству. Одинъ комендантъ крѣпости получалъ ежегодно 60,000 ливровъ; на одно прокормленіе заключенныхъ было отпущено въ 1774 г. болѣе 67,000 ливровъ. Если прибавить сюда содержаніе другихъ служащихъ, ремонтъ зданія и т. д. и перевести это на нынѣшній курсъ денегъ, то получается чудовищная сумма. И мы видимъ, дѣйствительно, что Неккеръ подымаетъ вопросъ о томъ, чтобы упразднить Бастилію просто изъ экономіи. Еще въ 1784 г. Корбэ, архитекторъ города Парижа, составилъ планъ площади Людовика XVI, которая должна была быть открыта на мѣстѣ старой тюрьмы. Другіе художники составляли проекты памятника, который слѣдовало воздвигнуть на томъ же мѣстѣ. Въ 1788 г. королевскій намѣстникъ Пюжэ составилъ два доклада, въ которыхъ предлагается упразднить тюрьму, разрушить замокъ и продать землю изъ-подъ него. Все это даетъ право утверждать, что разрушеніе Бастиліи было въ принципѣ рѣшено еще старымъ правительствомъ и, несомнѣнно, говоритъ Функъ-Брентано, оно разрушило бы ее, если бы не вспыхнула революція. За полгода съ 1 января по 14 іюля 1789 г. въ Бастилію былъ заключенъ только одинъ человѣкъ—фабрикантъ Ревельонъ, но и тотъ по собственной просьбѣ, чтобы укрыться отъ разъяренной толпы. Побѣдители 14 іюля освободили семерыхъ заключенныхъ—четверо были судимы трибуналомъ Шатлэ за подлогъ, и мѣсто имъ было въ какой-нибудь простой тюрьмѣ; двое было сумасшедшихъ; седьмой—графъ де-Солажъ содержался на счетъ своихъ родителей и былъ посаженъ сюда за какое то ужасное преступленіе, которое хотѣли скрыть изъ уваженія къ его семьѣ.

Итакъ, въ моментъ революціи, Бастиліи уже не было—былъ лишь старинный замокъ, и побѣдители 14 іюля „выломали отпертую дверь“,—таковъ выводъ, къ которому прихо-

дитъ Функъ-Брентано. Насколько правиленъ такой взглядъ, мы это увидимъ ниже, теперь же намъ предстоитъ ознакомиться съ одною изъ самыхъ интересныхъ главъ въ книгѣ, именно съ описаніемъ „жизни въ Бастиліи".

Для пониманія этой жизни надо помнить, что такое представляла изъ себя первоначально эта тюрьма. Въ XVII вѣкѣ Бастилія имѣетъ мало общаго съ современными мѣстами заключенія. Это просто королевскій замокъ, куда король, по личному приказанію, по тому или иному поводу водворяетъ на жительство того или иного изъ своихъ подданныхъ. Водворенный живетъ здѣсь по полному своему усмотрѣнію:—онъ привозитъ сюда свою обстановку, заводитъ здѣсь свой столъ, ему прислуживаетъ собственный лакей, онъ знакомится со своими сотоварищами по мѣсту заключенія. Если онъ бѣдно жилъ дома, онъ бѣдно живетъ и здѣсь; если онъ дома былъ окруженъ роскошью, то онъ и здѣсь живетъ какъ принцъ. Если у заключеннаго ничего нѣтъ, то король даетъ ему деньги, съ которыми тотъ можетъ дѣлать, что хочетъ.

Исторія Бастилія въ XVII и XVIII вв. есть процессъ постепеннаго превращенія ея изъ такого королевскаго замка въ современную намъ тюрьму, но процессъ этотъ не успѣлъ закончиться,—до самой революціи Бастилія сохранила многія свои прежнія черты. Любопытно привести двѣ-три подробности этой эволюціи.

Вмѣсто того, чтобы выдавать содержаніе отдѣльнымъ лицамъ, какъ это дѣлалось раньше, было учреждено опредѣленное число пенсій, на которыя содержали неимущихъ узниковъ. Если такой пенсіонеръ не желалъ, чтобы на его содержаніе расходовалась вся сумма, то онъ могъ дѣлать сбереженія, которыя ему и выдавались при выходѣ на свободу. Нѣкоторые такимъ путемъ сколачивали себѣ небольшое состояньице. Находились охотники продолжать срокъ своей отсидки, именно, съ цѣлью округлить накопленную сумму, и иногда имъ это разрѣшалось. Въ XVIII в. все это было запрещено: вся ассигнованная сумма должна была расходоваться на содержаніе.

Только во второй половинѣ XVII в. нѣкоторыя камеры были омеблированы для тѣхъ заключенныхъ, у кого не было своей мебели. И только въ самомъ концѣ того же вѣка нѣкоторыя камеры были снабжены рѣшетками и засовами.

Я не стану передавать подробностей того, черезъ кого и какъ совершалось водвореніе въ Бастилію. Отмѣчу лишь тотъ фактъ, что человѣкъ знатный или служащій обыкновенно самъ получалъ lettre de cachet и самъ являлся въ замокъ безъ провожатыхъ,—развѣ съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ. Пока заключенному приготовляли помѣщеніе, онъ нерѣдко заходилъ къ коменданту и закусывалъ у него. Передъ водвореніемъ въ отведенную ему камеру, заключенному предлагали опростать карманы. Драгоцѣнности, ножи, ножницы и тому подобныя вещи, которыхъ не дозволялось имѣть при себѣ, складывались въ пакетъ, къ которому самъ заключенный прикладывалъ свою или казенную печать. Порядочную публику никогда не обыскивали.

Ознакомимся теперь съ самыми помѣщеніями, предназначенными для узниковъ. Въ каждой изъ 8 башенъ Бастиліи камеры были расположены въ 4 или 5 ярусовъ. Въ самомъ низу находились такъ называемые cachots—холодныя, сырыя—въ половодье онѣ заливались Сеною—и почти темныя подвальныя камеры, вся меблировка которыхъ состояла изъ скамьи и настилки изъ соломы. При Людовикѣ XIV сюда сажали иногда преступниковъ особенно тяжкихъ или низкаго происхожденія; при Людвигѣ XV cachots служили мѣстами наказанія, куда сажали заключенныхъ (или часовыхъ) въ цѣпяхъ за ослушаніе. Въ первое министерство Неккера было запрещено сажать туда кого бы то ни было. Нѣсколько лучше были такъ наз. скуфьи—calottes—камеры самаго верхняго яруса съ невыносимою жарой лѣтомъ и холодомъ—несмотря на печи—зимою. Это были 8-гранныя камеры, напоминавшія своею сводчатою формою скуфью. Стоять здѣсь можно было только по серединѣ комнаты. И сюда помѣщали только въ исключительныхъ случаяхъ. Обычное же помѣщеніе заключенныхъ составляли восьмиугольныя камеры

15—16 футовъ въ поперечникѣ, 15—20 ф. въ высоту, съ большими, какъ утверждаетъ авторъ, окнами, съ печью или каминомъ. Первоначально въ камерахъ, какъ уже было указано, не было никакой меблировки, впослѣдствіи онѣ были омеблированы почти всѣ. Обстановка была довольно скромная: постель съ занавѣсками, одинъ или два стола, нѣсколько стульевъ. Но заключенные нерѣдко, какъ было указано, привозили сюда свою мебель и вообще обстановку. Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какъ иногда бывалъ обставленъ заключенный въ Бастиліи, достаточно привести инвентарь вещей графа Бель-Иля: библіотека изъ 333 томовъ и 10 атласовъ, полный серебряный сервизъ и бѣлье для стола, постель, убранная красною камкою, обшитою золотомъ, четверо тканыхъ обоевъ съ античными сюжетами, два зеркала, экранъ изъ красной камки, обшитой золотомъ, какъ постель, двое ширмъ, два кресла à carreaux, одно кожаное кресло, три вышитыхъ стула, оправа изъ золоченой мѣди для камина, столы, комоды, столики на одной ножкѣ (guéridons), подсвѣчники изъ серебряной мѣди и т. п. Столъ и содержаніе заключенныхъ были прямо роскошны. Коменданту отпускалось на содержаніе человѣка низкаго происхожденія 3 ливра въ день, на содержаніе буржуа—5 ливровъ, судьи, литератора и financier—10 л., совѣтника парламента 15 л., маршала Франціи—36 л. Кардиналъ де Роганъ тратилъ ежедневно 120 фр. Ренневиль, авторъ извѣстнаго памфлета противъ Бастиліи, перечисляетъ слѣдующія кушанья, поданныя ему за столомъ: супъ съ кусочкомъ курицы и латукомъ; ломоть сочной говядины съ соусомъ и петрушкою; кусокъ паштета съ гарниромъ изъ телячьяго сладкаго мяса, пѣтушьихъ гребешковъ, спаржи, шампиньоновъ, трюфелей; рагу изъ бараньяго языка, наконецъ, бисквитъ и два яблока,—и все это очень хорошо приготовленное; прибавьте къ этому очень хорошее бургундское и прекрасный хлѣбъ. Постами и по пятницамъ подавали постное, но это не мѣшало получать 6 блюдъ и превосходный раковый супъ. И все это—на королевскій счетъ. Если и не всѣхъ такъ кормили, то всѣ признавали, что въ Бастиліи кормятъ хорошо. Лишь тѣхъ, кого отправляли въ подвальную камеру, сажали на хлѣбъ и на воду. Бѣдныхъ не только кормили, но и одѣвали на королевскій счетъ, и это не былъ какой нибудь казарменный халатъ, а хорошая простая одежда. Къ услугамъ заключенныхъ была довольно разнообразная библіотека,—дозволялось, какъ мы это видѣли на примѣрѣ графа Бель-Иля, имѣть и свои книги. При Людовикѣ XVI было допущено даже чтеніе газетъ. Заключенные могли прогуливаться во дворѣ, на площадкахъ на верху башенъ или, наконецъ, въ саду на бастіонѣ. Допускались и всевозможныя развлеченья. Многіе заводили себѣ птицъ, кошекъ, дресировали собакъ. Нѣкоторые имѣли скрипку или клавикорды; другіе вязали, вышивали, рисовали. Иногда, въ особенности въ эпоху регентства, тутъ заводились даже любовныя интриги. Заключенные по нѣскольку въ одну камеру—что бывало вовсе не рѣдко—играли въ карты, въ шахматы, въ триктракъ и даже на бильярдѣ.

По регламенту Бастиліи заключенный долженъ былъ подвергаться допросу не позже чѣмъ черезъ 48 час. Но это правило не всегда соблюдалось, иногда заключенный 2—3 недѣли дожидался допроса. Послѣдній велся комиссаромъ изъ Шатлэ по инструкціи отъ начальника полиціи (lieutenant de police). Въ важныхъ случаяхъ учреждалась особая комиссія. Авторъ старается при этомъ подчеркнуть ту разницу, которая существуетъ между прежнимъ начальникомъ полиціи и теперешнимъ префектомъ. Первый, какъ извѣстно, былъ не только полицейскимъ, но и судьею. Авторъ, повидимому, не видитъ большого различія между такимъ допросомъ и настоящимъ судомъ (p. 62).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда арестованный признавался невиновнымъ, его тотчасъ же выпускали на свободу. Наконецъ, когда оказывалось, что заключенный просидѣлъ безъ вины, ему давалось вознагражденіе. Такъ адвокатъ Сюбэ, просидѣвши 18 дней и оказавшись невиновнымъ, получилъ 3,000 ливровъ. Нѣкто Перера, просидѣвши въ два

пріема 8 мѣс., былъ возстановленъ въ своихъ имущественныхъ правахъ и получилъ пожизненную пенсію въ 1200 ливровъ. Точно такую же пенсію получилъ и Вольтеръ, когда былъ выпущенъ на свободу въ эпоху регентства, — и подобныхъ примѣровъ немало.

Что касается свиданій съ близкими и родными, то они происходили въ залѣ совѣта (salle du conseil) въ присутствіи чиновника. Правила на этотъ счетъ постепенно становились все строже. Въ эпоху же Людовика XIV и во времена регентства многіе заключенные получали визиты родныхъ и знакомымъ, давали обѣды придворнымъ лицамъ.

Такова была жизнь въ Бастиліи.

Слѣдующая, по порядку четвертая, глава посвящена желѣзной маскѣ. Изложеніе ея я перенесу къ концу своей статьи и перехожу прямо къ пятой главѣ о представителяхъ литературы въ Бастиліи. Авторъ начинаетъ съ того, что приводитъ двѣ цитаты— одну изъ Мишле, другую изъ статьи Бурнона въ Большой Энциклопедіи—въ которыхъ говорится, что Бастилія въ XVIII в. служила въ рукахъ правительства орудіемъ для подавленія свободы мысли и слова. „Это была эпоха, говоритъ Бурнонъ, когда въ Бастилію въ большомъ количествѣ сажали философовъ, публицистовъ, памфлетистовъ и даже книгопродавцевъ",—и онъ называетъ при этомъ имена Вольтера, Ла-Бомеля, аббата Морелле, Мармонтеля, Ленгэ, заключенныхъ въ Бастилію, а также Дидро и Мирабо, сидѣвшихъ въ Венсенскомъ замкѣ, представлявшемъ, такъ сказать, отдѣленіе Бастиліи. Авторъ ловитъ Бурнона на словѣ и беретъ на себя задачу обстоятельно разобрать, дѣйствительно ли всѣ названныя лица были такіе мученики мысли, какими ихъ выставляетъ Бурнонъ.

И вотъ оказывается, что въ одномъ случаѣ Вольтеръ просидѣлъ въ Бастиліи 11 мѣсяцевъ, но это было по-дѣломъ—за грубую пасквиль на регента и его дочь,—и вдобавокъ, ему назначили послѣ выхода на свободу пенсію въ 400 экю ежегодно. Въ другомъ случаѣ Вольтера посадили за то, что онъ дѣлалъ приготовленія съ цѣлью отомстить Рогану послѣ извѣстной исторіи, когда тотъ велѣлъ своимъ лакеямъ избить Вольтера палками среди бѣла дня,—но, вѣдь, на этотъ разъ онъ просидѣлъ всего 12 дней.

Ла-Бомель провелъ въ тюрьмѣ—одинъ разъ 6 мѣс., другой разъ годъ—также подѣломъ: въ первый разъ—за изданіе Вольтерова „Вѣка Людовика XIV" съ оскорбительными для Орлеанскаго дома примѣчаніями, и притомъ безъ вѣдома самого автора, во второй разъ—за изданіе подложной переписки нѣсколькихъ дамъ.

Что касается аббата Морелле, то онъ издалъ, не имѣя никакого права на то, памфлетъ противъ нѣкоего Палисса—и провелъ въ заключеніи всего 6 недѣль. Къ тому же, восклицаетъ авторъ, онъ былъ арестованъ однимъ изъ либеральнѣйшихъ и благороднѣйшихъ умовъ своего времени, тѣмъ Мальзербомъ, который велъ борьбу противъ lettres de cachet.

Слѣдующій мнимый мученикъ мысли Мармонтель былъ посаженъ въ Бастилію за сатиру на герцога Омона, но онъ просидѣлъ здѣсь только 11 дней и, вдобавокъ, провелъ ихъ такъ хорошо и весело:—авторъ приводитъ цитаты изъ самого Мармонтеля.

Ленгэ былъ посаженъ за преступленіе по дѣламъ печати и за диффамацію, и посидѣлъ два года, но, вѣдь, это былъ человѣкъ, хоть и талантливый, но не особенно достойный,—его же сотоварищи по профессіи вычеркнули его изъ списка адвокатовъ.

Остаются Дидро и Мирабо, которые были заключены въ Венсенскій замокъ. Сюда заключали людей менѣе скомпрометированныхъ и такихъ, кому хотѣли выказать особое уваженіе. Дидро просидѣлъ въ Венсенѣ за свои „Письма къ слѣпымъ" всего три мѣсяца съ небольшимъ и пользовался при этомъ почти во всемъ полнѣйшею свободой. Маркизъ Мирабо просидѣлъ еще меньше—всего 10 дней и былъ арестованъ по настоянію людей капитала за свою „Теорію налога".

Таковы тѣ „мученики"—смѣется нашъ авторъ—къ которымъ историки чувствуютъ столько трогательнаго состраданія. Изложенные факты, добавляетъ онъ, не нуждаются въ комментаріяхъ.

Я не стану излагать шестой главы—это цѣлая монографія на 80 страницахъ о Латюдѣ. Авторъ воспроизводитъ намъ подробнѣйшимъ образомъ исторію всей его жизни. Изложеніе клонится къ тому, что ни одному слову знаменитыхъ мемуаровъ Латюда о Бастиліи *) нельзя вѣрить—и это авторъ успѣшно доказалъ—и что это былъ плутъ и бездѣльникъ, которому и мѣсто было здѣсь.

Содержаніе послѣдней—седьмой главы я изложу въ двухъ-трехъ словахъ. Посвящена она разсмотрѣнію причинъ парижскаго возстанія 14 іюля 1789 г. и изложенію хода самаго событія. Основныя положенія автора сводятся къ слѣдующему. Возстаніе 14 іюля—это одинъ изъ тѣхъ бунтовъ, которыхъ было такъ много въ теченіе всей первой половины 1789 г., только бунтъ нѣсколько болѣе крупный. Въ бунтѣ принималъ участіе вовсе не народъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, а подонки столичнаго населенія, горсть изъ какой нибудь тысячи всякаго сброда, остальные парижане сбѣжались только, по привычкѣ, поглазѣть на то, что творится. Такая же нелѣпая легенда и разсказъ о томъ, будто-бы Бастилія была взята приступомъ, — на самомъ дѣлѣ она сдалась на слово, данное Эли, но слово, какъ извѣстно, не было сдержано. Такимъ образомъ, Бастилія взята была не приступомъ, а вѣроломствомъ.

Какъ же отнесемся мы къ тому представленію о Бастиліи, которое даетъ намъ авторъ? Вѣдь, надо замѣтить, что въ краткомъ пересказѣ впечатлѣніе, производимое книгою, въ значительной мѣрѣ ослабляется. Авторъ далеко не ограничивается тѣми немногими выборками, которыя я имѣлъ возможность привести. Онъ посвящаетъ цѣлыя страницы разсказу о томъ, какъ ѣдали въ Бастиліи, цѣлыя страницы онъ наполняетъ описаніемъ той обстановки, среди которой жили заключенные, приводитъ длинныя цитаты изъ воспоминаній людей, тамъ сидѣвшихъ,—и въ воображеніи читателя рисуется скорѣе какой то волшебный замокъ, нежели мрачный казематъ. Если авторъ и бросаетъ намъ вскользь замѣчанія или факты, способные отрезвить внимательнаго читателя, то все же онъ не обинуясь заявляетъ, что ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ Европѣ не было и нѣтъ мѣста заключенія, гдѣ бы узники окружены были бо̀льшимъ вниманіемъ и комфортомъ:—„Tel a été le régime de la célèbre prison d'Etat. Il n'y avait pas, au siècle dernier, un lieu de détention en Europe, où les prisonniers fussent entourés d'autant d'égards et de comfort; il n'y en a pas aujourd'hui" (p. 82).

Такъ ли это?—Безусловно нѣтъ. Авторъ основываетъ свои заключенія на фактахъ, но онъ ихъ подбираетъ и даетъ имъ совершенно искусственное и ложное освѣщеніе. Чтобы правильно понимать эти факты, мы должны помнить то, что говоритъ другой спеціалистъ по исторіи Бастиліи—Ф. Бурнонъ, изслѣдователь гораздо болѣе осторожный и объективный: „Отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ режимъ, подъ которымъ находились заключенные въ Бастиліи, какъ нѣчто неизмѣнное въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ,—единственныхъ, о которыхъ у насъ имѣются точныя свѣдѣнія. Напротивъ того, режимъ этотъ удивительнѣйшимъ образомъ мѣнялся не только въ разныя эпохи, но и по отношенію къ разнымъ лицамъ. Этимъ и объясняется то, что нѣкоторые историки, не составивъ себѣ правильнаго общаго представленія на основаніи внимательнаго изученія текстовъ высказывали совершенно превратное сужденіе объ этомъ режимѣ, то слишкомъ благопріятное, то слишкомъ мрачное, въ зависимости того, держались ли они той или другой передачи, или даже того или иного рода документовъ" **). Настоящій регламентъ, какъ указываетъ

*) Кромѣ извѣстныхъ мемуаровъ Латюда, опубликованныхъ имъ въ эпоху революціи и полныхъ лжи, онъ написалъ Grand Mémoire ou Rêveries du sieur Masers de Latude, представляющихъ, какъ утверждаетъ авторъ, чистѣйшую истину. Оригиналъ находится въ Эрмитажѣ въ СПБ.

**) Fernand Bournon—La Bastille, Paris 1893 въ коллекціи Histoire générale de Paris.

тотъ же изслѣдователь, Бастилія получила только въ серединѣ прошлаго столѣтія. До этого времени здѣсь господствовалъ полнѣйшій произволъ, и если однимъ жилось въ тюрьмѣ очень хорошо, то за то другимъ очень плохо. Правда, и Функъ-Брентано говоритъ намъ о томъ, что режимъ Бастиліи измѣнялся въ разныя эпохи, мѣстами указываетъ и на то, что въ общемъ въ XVIII вѣкѣ режимъ этотъ становится строже, но когда онъ рисуетъ намъ общую картину жизни въ Бастиліи, то онъ, какъ въ фокусѣ, искусственно собираетъ лучшія черты этого режима въ разныя эпохи и такъ же искусственно замалчиваетъ, прикрываетъ или быстро пробѣгаетъ его худшія черты.

Почти всѣ тѣ примѣры и иллюстраціи, на основаніи которыхъ Функъ-Брентано воспроизводитъ намъ жизнь въ Бастиліи, заимствованы какъ разъ изъ болѣе ранней эпохи,—изъ той эпохи, когда Бастилія по преимуществу носила аристократическій, полуфеодальный характеръ. Но если мы остановимся на этой эпохѣ, то увидимъ, что въ это время еще въ полномъ ходу пытка при допросѣ со всѣми ея средневѣковыми ужасами. Еще въ 1691 г. канонику Фуа надѣваютъ испанскіе башмаки, и окончательно была устранена пытка не раньше 1720 г. *). Функъ-Брентано разсказываетъ намъ, какъ нѣкая г-жа Савэ, сидя въ Бастиліи, заказываетъ себѣ шелковое платье съ зелеными цвѣтами по бѣлому фону, но онъ не приводитъ намъ примѣра Гаша (Hache), который былъ посаженъ въ Бастилію въ 1659 г. за долгъ кардиналу Мазарини. Когда послѣ шестимѣсячнаго заключенія одинъ изъ его друзей получаетъ разрѣшеніе видѣться съ нимъ, то оказывается, что онъ два мѣсяца не мѣнялъ бѣлья. Еще черезъ $1^1/_2$ года въ іюлѣ 1661 г. братъ того же Гаша одинъ изъ банщиковъ-цирюльниковъ-хирурговъ королевскаго дома докладываетъ парламенту то, что онъ знаетъ по этому дѣлу. Онъ докладываетъ, что „братъ ему говорилъ, что съ нимъ очень дурно обращались и что его помѣстили въ подземную тюрьму, даже сломали одинъ палецъ на рукѣ, что его били и изнуряли, même endommagé un test..., что его хотѣли заставить подписать вексель въ 15,000 ливровъ и что однажды, когда онъ находился въ подземной тюрьмѣ, рѣка поднялась и вода доходила ему jusqu'aux parties honteuses, и что если бы вода въ этотъ вечеръ продолжала подниматься такъ же, какъ утромъ, то онъ потонулъ бы безъ посторонней помощи, что на него наложили оковы и даже грозили, что его повѣсятъ на Гревской площади, что у него отобрали его бумаги“ **). Подобнымъ вниманіемъ и комфортомъ врядъ ли гдѣ бы то ни было въ Европѣ окружаютъ заключенныхъ, за исключеніемъ одного, быть можетъ, Балканскаго полуострова. Можно думать, что это исключеніе, но вопросъ—насколько рѣдкое? Что чаще бывало—подобное ли обращеніе или же тѣ удобства, которыми пользовался графъ Бель-Иль? Напомнимъ далѣе то, о чемъ упоминаетъ и Функъ-Брентано, именно, что въ эту эпоху, и не въ видѣ рѣдкаго исключенія, а сплошь да рядомъ, заключенному запрещалось кого бы то ни было видѣть и съ кѣмъ бы то ни было сноситься, что иногда не только его родные, но и онъ самъ, сидя въ Бастиліи, не зналъ, гдѣ онъ находится. Довольно этихъ двухъ—трехъ фактовъ или подробностей, чтобы отрезвиться отъ того впечатлѣнія, которое производитъ на насъ книга Функа-Брентано.

Обращаясь ко второй половинѣ XVIII вѣка, мы видимъ, что, если въ эту эпоху нѣтъ пытокъ, если въ подвальныя камеры сажаютъ теперь только въ наказаніе и если за 14 лѣтъ до революціи Мальзербъ пишетъ, что никому не слѣдуетъ запрещать читать и писать, то съ другой стороны, о прежнемъ блескѣ и роскоши нѣтъ и помину, и режимъ во многихъ отношеніяхъ становится несравненно строже. Заключеннымъ запрещается прогуливаться въ саду, разбитомъ на бастіонѣ, подыматься на платформы

---

*) Bournon, Bastille, p. 140.
**) Тамъ же, стр. 138.

на верху башенъ имъ дозволяется лишь въ видѣ исключенія,—остается прогулка въ теченіе одного часа въ томъ ящикѣ, какой представлялъ изъ себя тюремный дворъ, и вдобавокъ, какъ только кто либо изъ служащихъ на кухнѣ или вообще постороннее лицо показывалось во дворѣ, заключенный моментально долженъ былъ прятаться въ такъ называемый кабинетъ, т. е. особую будку въ стѣнѣ крѣпости съ дверью, которую онъ долженъ былъ запереть за собою. Посѣщенія знакомыхъ и родныхъ также были обставлены большими строгостями—посѣтитель садился на одномъ концѣ стола въ залѣ совѣта, заключенный на другомъ, между ними чиновникъ. Во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего ужаснаго,—это обычные тюремные порядки, но, именно, въ томъ то и дѣло, что это самые обычные тюремные порядки, а не то, что рисуетъ намъ Функъ-Брентано. Добавимъ къ этому, что, попадая сюда безъ суда, люди просиживали здѣсь иногда 2—3 дня, но иногда и по 10, по 20 и даже 30 и 35 лѣтъ.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ подробностей и фактовъ сообщаетъ намъ самъ же авторъ, но у него они спрятаны, прикрыты. Такъ, напр., онъ молчитъ о пыткѣ, пока описываетъ болѣе раннюю блестящую эпоху Бастиліи и мы узнаемъ объ ея существованіи только при описаніи позднѣйшей эпохи, когда авторъ говоритъ, что ея уже нѣтъ. Ко многимъ категорическимъ заявленіямъ автора слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. Такъ, онъ рѣшительно утверждаетъ, что порядочную публику никогда не обыскивали — on ne fouillait que les vauriens p. 55), между тѣмъ тотъ же Фернанъ Бурнонъ приводитъ данныя, которыя заставляютъ усомниться въ этомъ *). Онъ же приводитъ любопытный документъ, позволяющій думать, что и во второй половинѣ XVIII вѣка режимъ въ Бастиліи былъ не только не мягче, нежели въ другихъ тюрьмахъ, но иногда, напротивъ, гораздо тяжелѣе для заключенныхъ. Вотъ что пишетъ министръ двора начальнику полиціи въ 1769 г.: „Узнавши, что молодая дѣвушка, заключенная въ Сентъ-Пелажи не стала вести себя лучше, я счелъ нужнымъ велѣть перевести ее въ Бастилію, гдѣ она находится въ настоящее время, и гдѣ легче будетъ узнать отъ нея правду“ **).

Въ общемъ итогѣ, приходится сказать, что Бастилія Функа-Брентано такъ же далека отъ дѣйствительности, какъ и Бастилія Латюда или Ленгэ, можетъ быть, даже еще дальше,—и будущему историку Бастиліи придется заново пересмотрѣть и провѣрить всѣ тѣ источники и всѣ тѣ факты, на которые ссылается авторъ. Поэтому можно удивляться тому, что нѣкоторые даже весьма солидные научные органы принимаютъ всѣ положенія, высказываемыя авторомъ, за полновѣсную монету ***). Все это, какъ я уже сказалъ, еще не лишаетъ книгу Функа-Брентано интереса и значенія, такъ какъ его тенденціозное изложеніе ярко освѣщаетъ ту сторону режима Бастиліи, которая нерѣдко остается въ тѣни, и, благодаря такому освѣщенію, получается больше исторической перспективы. Бастилія, конечно, не лучше всѣхъ тюремъ XVIII и XIX вѣковъ, но она—въ болѣе раннюю эпоху—совершенно не похожа на современныя намъ тюрьмы; однимъ тамъ надѣваютъ испанскіе башмаки или расплющиваютъ колѣни, другимъ ломаютъ пальцы, за то третьи живутъ здѣсь не хуже, чѣмъ при дворѣ.

Разберемъ, теперь другое положеніе автора. Онъ утверждаетъ, что побѣдители 14 іюля выломали отпертую дверь. Вѣрно ли это? — мнѣ кажется, и да, и нѣтъ. Это вѣрно, сдается мнѣ, въ той же мѣрѣ и въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это можно сказать и про дѣло всей революціи. Весь строй, весь старый порядокъ былъ полонъ про-

---

*) Bastille, p. 133.

**) „Ayant été informé, Monsieur, que la jeune fille detenue à Sainte-Pelagie ne s'y conduisait pas mieux, j'ai cru devoir la faire transferer à la Bastille, où elle est actuellement, et où il sera plus facile de tirer d'elle la vérité“.—Bastille. p. 130.

***) Такова рецензія F. C. Moptague въ English Historical Review (1899 Apr.). (Ср. также мелкую газетную рецензію во Frankfurter Zeitung за мартъ 1899 г.).

тиворѣчій и такъ же отживалъ свой вѣкъ, какъ и его эмблема—Бастилія. Что само правительство понимало необходимость сломать старое и воздвигнуть новое, необходимость реформы, и что оно готово было отворить дверь и даже пріотворяло ее, — доказательствомъ тому служитъ министерство Тюрго, да и все царствованіе Людовика XVI. Но, вѣдь, въ концѣ концовъ, правительство не отворило двери, —хотя и не заперло ее, какъ слѣдуетъ. И не сдѣлало оно ни того, ни другого по своему безсилію ввести въ нормальное русло уклонившееся въ сторону теченіе исторической жизни. Метафору, къ которой прибѣгаетъ авторъ, слѣдуетъ нѣсколько измѣнить: побѣдители 14 іюля выломали не отпертую, а гнилую дверь.

Если мы перейдемъ къ разбору пятой главы, о литераторахъ, то здѣсь аргументація автора уже прямо легкомысленна. Прежде всего, что хочетъ онъ намъ доказать?—вѣдь, мы этого въ точности не знаемъ. То-ли, что „литераторы въ XVIII столѣтіи были еще болѣе испорченные дѣти своего вѣка, нежели въ наше время“ (стр. 152)? или что Бастилія не была въ рукахъ правительства орудіемъ для подавленія свободы мысли и слова? или что кто сидѣлъ въ Бастиліи, тотъ всегда сидѣлъ подѣломъ? или еще что нибудь другое—мы этого не знаемъ. Затѣмъ, нетрудно, конечно, догадаться, что если Бурнонъ называетъ 7 именъ, то онъ выбираетъ первыя пришедшія ему на умъ—конечно, наиболѣе громкія—имена,—и только. Поэтому, если бы даже оказалось, что всѣ эти 7 человѣкъ были негодяи, или что всѣ они сидѣли за дѣйствительную вину, или всѣ сидѣли очень мало, то этимъ еще ровно ничего не доказано.

Для иллюстраціи тѣхъ парадоксовъ, къ которымъ прибѣгаетъ иногда авторъ, приведу одинъ примѣръ изъ той же главы о литераторахъ. Указавъ на то, что аббатъ Морелле очень пріятно провелъ время въ Бастиліи, авторъ добавляетъ, что и тѣ надежды, которыя лелеялъ аббатъ, сидя здѣсь, не обманули его. Вѣдь, онъ почти обязанъ своей карьерою тюрьмѣ: „едва извѣстный двумя мѣсяцами раньше, онъ сталъ теперь всюду желаннымъ гостемъ. Передъ нимъ раскрылись двери салоновъ мадамъ де-Буфле, мадамъ Неккеръ, барона Гольбаха; женщины его жалѣютъ, удивляются ему, мужчины подражаютъ женщинамъ. Отчего въ наше время нѣтъ Бастиліи, чтобы облегчать карьеру талантливымъ писателямъ!“ — восклицаетъ авторъ. Читая это мѣсто, недоумѣваешь, смѣется-ли авторъ надъ читателемъ или же онъ такъ мало привыкъ слѣдить за собою, что не замѣчаетъ грубаго софизма. Что это, невинная острота? Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ она идетъ въ разрѣзъ со всей аргументаціей автора.

Наконецъ, въ той же главѣ Функъ-Брентано прибѣгаетъ и къ такому пріему, который можно назвать прямо нечестнымъ. Бурнонъ называетъ въ своей статьѣ въ числѣ заключенныхъ въ Венсенскій замокъ Дидро и Мирабо, не прибавляя титула. Возникаетъ вопросъ, кого имѣлъ въ виду Бурнонъ? Мирабо—отца или Мирабо—сына?—оригинальнаго-ли полулитератора, полуфеодала—маркиза, съ которымъ мы знакомимся только по біографіямъ его сына, и который провелъ въ заключеніи только 10 дней, или же гиганта Мирабо—графа, который представляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ всего XVIII в. и который провелъ въ Венсенѣ не 10 дней, а три съ половиною года? Не мѣшаетъ подчеркнуть, что это было всего за 10 лѣтъ до революціи.

Это слишкомъ явная и слишкомъ грубая подстановка для того, чтобы ее можно было назвать невѣжественнымъ, но наивнымъ недоразумѣніемъ.

Критика мемуаровъ Латюда, какъ критика извѣстнаго источника, могла-бы имѣть, и даже въ настоящемъ ея видѣ, имѣетъ извѣстную цѣну, но въ общемъ вся глава слишкомъ часто смахиваетъ на памфлетъ, а не научное изслѣдованіе.

Что касается главы, посвященной возстанію 14 іюля, то вопросъ слишкомъ сложенъ, источники слишкомъ многочисленны и разнокалиберны, наконецъ, литература слишкомъ богата, для того, чтобы разбирать эту главу на одной или двухъ страничкахъ. Поэтому я ограничусь только указаніемъ на то, что ни въ объясненіи событія,

ни въ доказательствахъ авторъ ничего не прибавляетъ новаго къ тому, что сказано было Тэномъ, для критики же взглядовъ подобныхъ тѣмъ, какіе высказываются Функомъ-Брентано, я отсылаю къ прекрасному изслѣдованію Фламмермона *), гдѣ даны очень обстоятельные и вполнѣ научные критика и анализъ источниковъ и фактовъ.

Я перехожу теперь къ изложенію одной изъ самыхъ интересныхъ и цѣнныхъ главъ о такъ называемой желѣзной маскѣ. Извѣстно, какъ занимала публику и ученыхъ эта таинственная личность, и какія разнообразныя и подчасъ нелѣпыя легенды связаны съ этимъ именемъ. Достаточно напомнить пущенную въ свѣтъ Вольтеромъ и до сихъ поръ еще весьма популярную „утку", какъ выражается авторъ, о томъ, что подъ желѣзною маской скрывается не кто иной, какъ братъ Людовика XIV, сынъ Анны Австрійской отъ Мазарини.

Правда, уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, загадка была вѣрно разгадана извѣстнымъ библіофиломъ того времени, барономъ Гейсомъ (Heiss) въ 1770 г., и затѣмъ цѣлый рядъ писателей высказывался въ томъ-же духѣ. Но только изслѣдованіе Функа-Брентано окончательно рѣшаетъ вопросъ.

Вотъ подлинная исторія этого загадочнаго лица.

Людовикъ XIV, владѣя въ верхней Италіи крѣпостью Пиньеролемъ, задумалъ, по совѣту Лувуа, захватить въ свои руки и Казале, столицу Монферрато,—это сдѣлало бы его господиномъ всей верхней Италіи. Маркизомъ Монферрато былъ въ это время мантуанскій герцогъ—легкомысленный и сильно задолжавшій Карлъ IV Гонзаго. Однимъ изъ первыхъ лицъ при его дворѣ былъ графъ Эрколо Антоніо Маттіоли. Родившись въ 1640 г. въ Болоньѣ, въ хорошей семьѣ, онъ еще очень молодымъ человѣкомъ сдѣлался профессоромъ болонскаго университета, затѣмъ переселился въ Мантую и занялъ здѣсь при герцогѣ Карлѣ III мѣсто государственнаго секретаря. Онъ сохранилъ то же мѣсто и при его сынѣ Карлѣ IV, сдѣлался сверхштатнымъ сенаторомъ и, наконецъ, графомъ. Съ нимъ то и вошелъ въ переговоры ловкій аббатъ д'Эстрадъ, французскій посланникъ при венеціанскомъ дворѣ, и 8 декабря 1678 г. была подписана сдѣлка, по которой Людовикъ пріобрѣталъ Казале, а герцогъ мантуанскій получалъ въ вознагражденіе 100,000 экю. Маттіоли, прибывшій лично въ Парижъ, получилъ отъ короля цѣнный алмазъ и 100 двойныхъ экю. Между тѣмъ, не прошло и 3 мѣсяцевъ, какъ обо всемъ знали въ Вѣнѣ, въ Мадридѣ, въ Туринѣ и въ Венеціи, — Маттіоли хотѣлъ провести и Карла, и Людовика. Баронъ д'Асфельдъ, посланный Людовикомъ для обмѣна ратификацій, былъ задержанъ по приказанію миланскаго губернатора и выданъ испанцамъ. При французскомъ дворѣ не хотѣли спустить такой продѣлки графу Маттіоли. Ему рѣшено было отомстить, и дѣло поручено было исполнить нѣкоему Катина. Тотъ же аббатъ д'Эстрадъ притворился ничего не знающимъ и назначилъ Маттіоли свиданіе, яко-бы для того, чтобы вручить ему остатокъ обѣщаннаго вознагражденія. 2 мая 1679 года оба сѣли въ карету и поѣхали. Ихъ поджидалъ съ 12 человѣками Катина. Въ тотъ же день Маттіоли очутился въ крѣпости въ Пиньеролѣ. Въ началѣ 1694 г. онъ былъ перевезенъ на о—ва св. Маргариты. 18 сентября 1698 г. онъ былъ посаженъ въ Бастилію, гдѣ и умеръ 19 ноября 1703 г. Историческій фактъ, пожалуй, интереснѣе всѣхъ тѣхъ легендъ, которыя вмѣсто него разсказывались. Маска, которую носилъ узникъ, какъ это извѣстно было и раньше, была не желѣзная, а черная шелковая. Надѣвалась она, повидимому, только для того, чтобы предоставить ему возможность выходить для прогулокъ неузнаннымъ. Наконецъ, оказывается, что по мѣрѣ того, какъ годы отдаляли событіе въ область прошлаго, заключеннаго перестали такъ оберегать.

---

*) Jules Flammermont—La journée du 14 jullet 1789, fragment des mémoires inédits de Pitra.—Paris 1892 (introduction).

Въ 1701 г. онъ былъ переведенъ изъ особой камеры въ другую, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ одно время сидѣли еще двое заключенныхъ—оба по дѣламъ вовсе не громкимъ.

Я не стану перечислять всѣхъ тѣхъ свидѣтельствъ и документовъ, на основаніи которыхъ Функъ-Брентано доказываетъ, что подъ таинственною маскою скрывался именно Маттіели. Достаточно сказать, что доказательство основано на цѣломъ рядѣ свидѣтельствъ или намековъ современниковъ и нѣсколькихъ подлинныхъ документахъ. Среди послѣднихъ важны записи въ особыхъ реестрахъ, которыя велъ намѣстникъ короля (lieutenant de roi à la Bastille) Этьенъ Дю-Жэнка и куда онъ заносилъ поступающихъ и выходящихъ узниковъ, а также актъ о смерти Маттіоли. Въ общемъ, доказательность этихъ свидѣтельствъ и документовъ почти математическая, такъ что дальнѣйшихъ споровъ о личности пресловутой желѣзной маски, повидимому, уже не можетъ быть.

Н. В. Тепловъ.

Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ въ Австріи и Германіи.

Не разъ приходилось намъ читать и слышать такое мнѣніе: „Еврейскій вопросъ могъ бы быть легко разрѣшенъ, можно было бы совершенно примириться съ евреями и дать имъ гражданскую и общественную полноправность, если бы только они отказались отъ Талмуда, питающаго ихъ фанатизмъ и обособленность, и вернулись къ чистой религіи Моисеева закона, какъ ее исповѣдуютъ, напримѣръ, караимы".

Представьте себѣ, что въ какой-нибудь странѣ, гдѣ православная церковь не пользуется расположеніемъ правительства и большинства населенія, положимъ, хоть въ Австріи, раздались бы въ обществѣ и печати такія рѣчи: „Мы охотно примиримся съ православными и не будемъ ограничивать ихъ правъ, пусть только они рѣшительно откажутся отъ своихъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, отъ стараго схоластическаго хлама, называемаго „ученіемъ отцовъ церкви", наконецъ, отъ такихъ памятниковъ суевѣрія и фанатизма, какъ Житія Святыхъ; пусть вернутся они къ чистому евангельскому ученію, какъ его исповѣдуютъ, напримѣръ, гернгутеры или молокане". Для оправданія такого требованія противники нашей церкви могли бы найти въ ея преданіяхъ такія же точки опоры, какія противники іудейства находятъ въ Талмудѣ. Всякій, кто заглядывалъ, напримѣръ, въ такъ называемыя „Кормчія", по которымъ въ теченіе многихъ вѣковъ управлялась наша церковь, знаетъ, какими нелѣпыми и невѣжественными вымыслами питалась вражда православныхъ къ другимъ исповѣданіямъ. И, если русское правительство въ новѣйшія времена нашло необходимымъ составить для руководства нашей церкви такъ называемую Книгу правилъ, изъ которой исключены всѣ дикія басни старыхъ „Кормчихъ", то подобнымъ же образомъ и въ правовѣрномъ еврействѣ устарѣвшія части Талмуда теряютъ свой авторитетъ и обязательность. Впрочемъ, гораздо легче отдѣлаться отъ устарѣлыхъ преданій и законовъ, нежели отъ старой дурной привычки мѣрить все двумя разными мѣрами и находить для себя одни смягчающія, а для другихъ одни отягчающія обстоятельства. Въ нижеслѣдующей оцѣнкѣ Талмуда и талмудическаго еврейства мы старались, прежде всего, держаться высшаго правила іудейско-христіанской морали: относись къ другому такъ, какъ желалъ бы, чтобы онъ къ тебѣ относился.

Талмудъ есть литературное выраженіе той органической формы, которая въ теченіе многихъ вѣковъ вырабатывалась жизнью еврейскаго народа послѣ того, какъ онъ по-

терялъ свою политическую самостоятельность. Когда пало царство и умолкли пророки, единственною основой народной жизни осталось священное ученіе (тора), данное Моисею на горѣ Божіей. Изъ различнаго отношенія къ этой общей святынѣ произошли съ внутреннею логическою необходимостью три направленія религіозно-національной жизни, воплотившіяся въ извѣстныхъ трехъ партіяхъ среди еврейства (неправильно называемыхъ иногда сектами), а именно въ саддукействѣ, фарисействѣ и ессействѣ. Особенности этихъ партій всѣ извѣстны, но ихъ общій глубокій смыслъ и ихъ отношеніе къ христіанству часто представляются въ одностороннемъ свѣтѣ. Для саддукевъ тора была основаніемъ, на которомъ они не хотѣли ничего строить. Принимая религію преимущественно съ ея ритуальной жреческой стороны, они видѣли въ ней фактъ прошедшаго, который нужно признавать и неизмѣнно хранить, но который не обязываетъ ни къ какому дальнѣйшему дѣйствію. Для нихъ установленное древле ученіе было дѣломъ поконченнымъ разъ и навсегда, святынею неизмѣнной, неподвижной и неприкосновенной. Но когда религія сводится, такимъ образомъ, къ архаическимъ обрядамъ и жертвоприношеніямъ, къ одной памяти прошедшаго, тогда настоящая жизнь предается въ жертву дурнымъ страстямъ и интересамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ религіей. И дѣйствительно, саддукеи, эти охранители основъ и ревнители древняго благочестія, на самомъ дѣлѣ оказывались партіей своекорыстныхъ олигарховъ, злоупотреблявшихъ религіей и обманывавшихъ народъ. Смотря по обстоятельствамъ, они то возбуждали народный фанатизмъ, то рабски прислуживали и льстили римлянамъ, лишь бы только сохранить свое господствующее положеніе у храма и въ синедріонѣ.

Но, кромѣ этого явнаго своекорыстія и сомнительнаго патріотизма саддукеевъ, самый принципъ этой партіи подрывался внутреннимъ противорѣчіемъ. Выставляя своимъ знаменемъ охраненіе торы безъ всякаго прибавленія, саддукейство должно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать значительную часть торы мертвою буквой, не допускающей никакого примѣненія къ дѣйствительности. А именно бóльшая часть соціально-юридическихъ и экономическихъ постановленій Моисеева законодательства требовала совсѣмъ другихъ порядковъ въ общественной жизни, нежели тѣ, которые утвердились въ эпоху второго храма, при господствующемъ вліяніи именно той касты жрецовъ, изъ среды которой образовалось саддукейство. Это послѣднее, такимъ образомъ, разлагалось и разрушалось въ самомъ своемъ охранительномъ принципѣ: религіозный консерватизмъ требовалъ блюсти благоговѣйно древнее откровеніе торы, а соціальный консерватизмъ заставлялъ поддерживать и защищать порядокъ, рѣшительно противный и духу, и буквѣ Моисеева законодательства. Нужна была или крайняя непослѣдовательность, или крайняя недобросовѣстность, чтобы заразъ и одинаково стоять за неприкосновенность закона Моисеева и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за неприкосновенность того порядка вещей, который утвердился при господствѣ идумейцевъ. Вотъ почему болѣе послѣдовательные или болѣе искренніе изъ саддукеевъ оставляли вѣру отцовъ и открыто становились подъ знамя чужеземной власти и языческихъ идей. Таковы были иродіане, о которыхъ упоминаетъ Евангеліе, и тѣ апикоросы, т.-е. эпикурейцы, о которыхъ нерѣдко говорится въ Талмудѣ.

Что касается людей, сердечно преданныхъ національной религіи, то они должны были искать другаго выхода и нашли его въ фарисействѣ. Вмѣстѣ съ своими противниками саддукеями фарисеи признавали тору, какъ непреложное основаніе религіи, но для нихъ эта тора была не однимъ только фактомъ прошедшаго, который нужно почитать, но еще и закономъ настоящей жизни, который должно исполнять. Фарисеи не хотѣли допустить противорѣчія между требованіями религіи и дѣйствительною жизнью. для нихъ вся жизнь должна идти по религіозному закону, во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ должны осуществляться заповѣди Божіи. Въ то время, какъ саддукеи ставили законъ Божій лишь въ механическую связь съ чуждою ему дѣйствительностью и

цѣнили его лишь какъ внѣшнюю охрану еврейства, какъ нѣкій палладіумъ Іерусалима,— фарисеи, напротивъ, относились къ религіи органически, видѣли въ законѣ Моисеевомъ существенную и неотдѣлимую форму національной жизни. Однако, осуществить взглядъ было не легко. Многія постановленія торы въ ихъ простомъ, буквальномъ значенія оказывались неудобоисполнимыми при измѣнившихся историческихъ обстоятельствахъ, а, съ другой стороны, многія вновь возникавшія жизненныя осложненія не были предусмотрѣны Моисеевымъ законодательствомъ. Между тѣмъ, оставлять какой-нибудь изъ данныхъ Богомъ законовъ безъ исполненія или же въ какомъ-нибудь случаѣ основывать рѣшеніе на какомъ-нибудь постороннемъ принципѣ одинаково значило разрушать законъ. И такъ, чтобы положительнымъ образомъ оградить законъ отъ разрушенія, чтобы сохранить его не какъ мертвую и ненужную букву, а какъ дѣйствительное начало настоящей жизни, нужно было развить его посредствомъ сложной системы объясненій, толкованій и казуистическихъ различеній. Чрезъ то сохранился и высшій авторитетъ древняго закона, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи приспособляемъ къ измѣненіямъ жизненной среды, законъ предохранялся отъ вымиранія, получалъ силу устойчивой жизни на всѣ времена.

Фарисейство приняло, какъ свой девизъ, извѣстное изреченіе великаго синедріона: нужно строить ограды вокругъ закона.

Такимъ образомъ, если для саддукеевъ, какъ мы замѣтили, законъ былъ основаніемъ, на которомъ они не хотѣли ничего созидать, то для фарисеевъ, напротивъ, онъ былъ исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда экзегетическихъ, казуистическихъ и легендарныхъ построекъ—на видъ причудливыхъ и безсвязныхъ, какъ сама жизнь. Эти-то постройки, наростая въ теченіе шести или семи вѣковъ, были, наконецъ, трудами позднѣйшихъ собирателей сведены въ одинъ огромный лабиринтъ Талмуда.

Но рядомъ съ двумя іудейскими партіями, которыя мы только что разсмотрѣли, должна была среди религіозныхъ евреевъ явиться еще третья. Если для саддукеевъ слово Божіе было лишь законченнымъ фактомъ прошедшаго, если фарисеи дѣлали изъ него законъ настоящей жизни, то должны были найтись и такіе люди, которые видѣли въ немъ, прежде всего, идеалъ будущаго. Эти люди, получившіе названіе ессеевъ, искали въ религіи не внѣшней опоры для своекорыстныхъ стремленій, а также не практическаго руководства въ повседневной жизни, а высшаго совершенства и блаженства. Если саддукеи въ своей житейской мудрости дорожили только силою факта, если фарисеи въ своемъ стремленіи къ формальному оправданію возводили всякій фактъ къ его нравственно-правовымъ основаніямъ, подчиняли жизнь закону, то ессеи заботились не о силѣ фактовъ и не о формальномъ основаніи дѣйствій, а единственно о той высшей цѣли, для которой существуютъ и факты, и дѣйствія. Если первая іудейская партія относилась къ религіи механически, а вторая органически, то третья держалась чисто-духовнаго пониманія религіи. Этимъ, однако, нисколько не утверждается безусловное преимущество этой религіозной партіи передъ другими. Исключительная духовность и односторонній идеализмъ могутъ быть еще безплоднѣе, нежели житейская мудрость саддукеевъ или нравственно-юридическій формализмъ фарисеевъ. Мѣсто высшихъ цѣлей есть царство небесное, оно же не дается даромъ, а берется съ усиліемъ. Поэтому, находящіеся на земномъ пути поневолѣ должны думать о фактическихъ опорахъ и формальныхъ основаніяхъ, при которыхъ вѣрнѣе можно дойти до цѣли. Тутъ вполнѣ примѣняется аксіома: кто хочетъ цѣли, хочетъ средствъ, они же суть: право и сила, законъ и власть. И если тотъ, кто въ погонѣ за этими ближайшими средствами забываетъ о высшей цѣли, заслуживаетъ осужденія, то крайне жалокъ тотъ, кто только мечтаетъ объ идеальномъ совершенствѣ, не дѣлая ни одного практическаго шага, чтобы къ нему приблизиться.

Происхожденіе и судьбы ессейской партіи составляютъ вопросъ, доселѣ не рѣ-

шенный историческими изслѣдованіями. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ то время, какъ саддукеи дѣлили свою жизнь между храмовыми обрядами и политическими интригами, въ то время, какъ фарисеи съ горячею ревностью и упорнымъ трудолюбіемъ строили безчисленныя ограды вокругъ закона, немалое число израильтянъ, удалившись въ пустынныя мѣста и устроивши свою жизнь на общинныхъ началахъ, предавались занятіямъ иного рода: молились, постились, пѣли псалмы и ожидали царствія Божія. Эта послѣдняя черта дѣлаетъ ессеевъ несомнѣнно предвѣстниками христіанства. Въ другихъ отношеніяхъ христіанство имѣетъ свои историческіе корни не въ ессействѣ, а въ фарисейскомъ раввинизмѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преобладающая форма евангельской проповѣди (притчи) не имѣетъ въ себѣ ничего специфически христіанскаго, а есть обычная форма талмудическихъ агадъ *). Далѣе читатель увидитъ, что сродство тутъ иногда ограничивается одною формой изложенія. Вообще, при созиданіе новозавѣтнаго храма, не было надобности изобрѣтать новый матеріалъ; Христосъ и Его апостолы употребляли въ дѣло тѣ кирпичи, которые были у нихъ подъ руками. Даже самый планъ зданія былъ новъ не въ своихъ частяхъ, а въ ихъ соединеніи, въ цѣлости религіознаго идеала. Ближайшимъ образомъ евангельская идея соединяла въ себѣ то, что было положительнаго и истиннаго въ трехъ еврейскихъ партіяхъ. Принципъ религіозной власти и житейской мудрости, котораго держались и которымъ злоупотребляли суддукеи, не былъ отвергнутъ Христомъ, а получилъ отъ Него высшее освященіе и утвержденіе („дана Мнѣ всякая власть", „будьте мудры какъ зміи" и т. п.), точно также фарисейскій принципъ закона и оправданія дѣлами былъ рѣшительно утвержденъ въ ученіи Христа, пришедшаго не разрушить законъ, а исполнить его, и требовавшаго отъ Своихъ учениковъ дѣятельныхъ плодовъ истинной вѣры. Такимъ образомъ, въ пути евангельскомъ сходилось то, что было истиннаго въ путяхъ саддукеевъ и фарисеевъ, а какъ цѣль пути возвѣщалось то самое, о чемъ мечтали ессеи,—царство Божіе и правда Его.

Но именно при такомъ синтезѣ этихъ различныхъ религіозныхъ идей и началъ уничтожились ихъ отрицательныя стороны, все, что въ нихъ было фальшиваго. Съ этой стороны мы находимъ въ Евангеліи безпощадное обличеніе всѣхъ трехъ еврейскихъ партій. Обличается здѣсь матеріализмъ саддукеевъ, которые, опираясь на земныя силы, теряли всякую воспріимчивость къ силамъ высшаго порядка („прельщается не вѣдуще писаній, ни силы Божія" и проч.); обличается формализмъ фарисеевъ, заставлявшій ихъ въ стремленіи къ законной правильности дѣйствій, забывать духъ и цѣль самаго закона; что же касается ессеевъ, односторонность ихъ созерцательнаго и аскетическаго идеализма обличается не словами, а всѣмъ дѣятельнымъ характеромъ земной жизни Христовой, Его борьбою и подвигомъ.

То обстоятельство, что Евангеліе особенно занимается именно фарисеями, и что цѣлыя главы наполнены сильною полемикой противъ нихъ, вовсе не доказываетъ, что христіанство явилось какою-то антитезой фарисейству, какъ это обыкновенно представляютъ. Дѣло въ томъ, что фарисеи были, по преимуществу, вождями и учителями народа, и поэтому съ ними, прежде всего, сталкивалось новое религіозное ученіе, какъ только оно обращалось къ народу. Ни саддукеи, ни ессеи, вообще говоря, не выступали проповѣдниками и учителями въ синагогахъ и на улицахъ. Чтобы спорить съ ессеями, нужно было идти въ пустыню, а чтобы обличать жреческую аристократію (кромѣ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ), нужно было проникнуть въ ея дворцы. Если въ настоящее время кто-нибудь захочетъ провести въ христіанское общество какую-

---

*) Агадами называется все то въ Талмудѣ, что не относится прямо къ закону, а имѣетъ характеръ религіозно-назидательный и поэтическій.

нибудь религіозную или соціальную идею, то ему придется, главнымъ образомъ, спорить не съ высокопоставленными особами духовнаго и свѣтскаго чина, а равнымъ образомъ и не съ аѳонскими монахами, а съ журналистами, литераторами, профессорами,—однимъ словомъ, съ представителями такъ называемой „интеллигенціи", чѣмъ и были фарисейскіе учителя во время Христа. Лишь когда дѣло дойдетъ до крови, тогда на первый планъ выступаютъ эксперты кровавыхъ жертвъ—саддукеи и, соединяя священную тайну великаго жреца съ явною мудростью мірской политики, многозначительно произносятъ: уне есть намъ да единъ человѣкъ умретъ..

Что касается фарисеевъ, то вполнѣ очевидно, что обличенія Христа направлены противъ того исключительнаго и односторонняго развитія, которое давалось въ фарисействѣ принципу формальной законности, что въ практическомъ примѣненіи неизбѣжно вело къ фальши и лицемѣрію. Но что затѣмъ Евангеліе не подвергаетъ безусловному осужденію самый принципъ фарисейства вообще, а, напротивъ, вполнѣ признаетъ его положительное содержаніе, въ этомъ легко убѣдиться, если только вспомнимъ, какими словами начинается самая сильная проповѣдь Христова противъ фарисеевъ: „На Моусеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарісее. Вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ".

Такимъ образомъ, Евангеліе, упрекая фарисеевъ, прежде всего, въ томъ, что они не осуществляютъ своего ученія на дѣлѣ, тѣмъ самымъ оправдываетъ принципъ фарисейства, состоявшій именно въ требованія дѣлъ закона. Христосъ не говоритъ: не нужно дѣлъ; напротивъ, Онъ говоритъ: дѣла нужны, но вы ихъ не дѣлаете. Во сколько разъ должны быть усилены эти упреки, если обратить ихъ къ современному христіанскому обществу? Христосъ требовалъ отъ Своихъ учениковъ, чтобы ихъ праведность была больше праведности книжниковъ и фарисеевъ. Но для насъ и эта послѣдняя составляетъ, повидимому, недосягаемый идеалъ. Фарисеи, по крайней мѣрѣ въ въ принципѣ, не допускали отдѣленія религіи отъ жизни, закона отъ дѣйствительности. Напротивъ, ихъ постоянныя усилія были направлены къ тому, чтобы всѣ дѣла человѣческія были исполненіемъ закона Божія. Это они научали блюсти, и объ этомъ сказалъ Христосъ: соблюдайте и творите. Мы же съ тѣхъ поръ успѣли возвести въ принципъ противорѣчіе между требованіями религіи и условіями общественной жизни, между заповѣдями Божіими и всею нашею дѣйствительностью. Вотъ почему фарисейство, закрѣпившееся въ талмудизмѣ, не было и не могло быть доселѣ упразднено историческимъ христіанствомъ.

Послѣ того, какъ ессеи были поглощены новой религіей, а саддукеи, жившіе храмомъ и жертвами, исчезли съ разрушеніемъ храма и съ прекращеніемъ жертвъ, представителями всего еврейства остаются одни фарисеи, и сборникъ ихъ ученія, Талмудъ, становится религіозно-національнымъ кодексомъ всѣхъ евреевъ. Замѣчательно то обстоятельство, что какъ послѣ вавилонскаго плѣненія первымъ дѣломъ евреевъ была редакція Библіи, такъ послѣ окончательнаго римскаго разгрома они, едва опомнившись, сейчасъ же ревностно предаются собиранію и редакціи Талмуда. Постигавшія ихъ народныя бѣдствія побуждали евреевъ крѣпче держаться своего религіознаго закона и глубже изучать его, ибо въ недостаточномъ знаніи и исполненіи этого закона они видѣли истинную причину всѣхъ своихъ бѣдствій. И если во времена Ездры религіозный законъ состоялъ только въ торѣ Моисеевой, то во времена римскаго погрома, вслѣдствіе усложнившихся понятій и отношеній, для религіозно-нравственнаго устроенія частной и общественной жизни евреевъ потребовалась вся совокупность толкованій и дополненій древнихъ ученыхъ и мудрецовъ (аморим и шаннаим), т.-е. потребовался Талмудъ. И вотъ вскорѣ послѣ возстанія Бар-Кохбы и конечнаго разрушенія Іерусалима рабби Іегуда га-Кадошъ собираетъ и предаетъ письму основную часть Талмуда—

Мишну *), а затѣмъ въ то время, какъ на сценѣ всемірной исторіи ожесточенная борьба язычества съ христіанствомъ смѣнилась еще болѣе напряженною, ожесточенною борьбой въ самомъ христіанствѣ (великія ереси IV и V вв.) и внѣшнее торжество церкви усилило ея внутреннія смуты,—въ это время еврейство, внѣшнимъ образомъ разсѣянное, но внутренно сосредоточенное, скрывшись въ темныхъ углахъ Палестины и Месопотаміи, выковало себѣ своеобразное орудіе для самозащиты: два огромныхъ сборника дальнѣйшихъ казуистическихъ толкованій и легендарныхъ дополненій; іерусалимская и вавилонская гемара *) были присоединены къ Мишнѣ и, такимъ образомъ, была завершена крѣпкая ограда еврейства, называемая Талмудомъ.

Религіозно-національное обособленіе еврейства было обезпечено Талмудомъ на многіе вѣка. Было ли нужно это обособленіе, были ли правы евреи, отдѣляя себя отъ всего міра стѣною талмудическаго закона? Прежде чѣмъ отвѣчать принципіально на этотъ вопросъ, мы хотимъ дать читателямъ, вовсе незнакомымъ съ Талмудомъ, нѣкоторое реальное представленіе о нравственномъ духѣ этого памятника. Вотъ для начала нѣсколько талмудическихъ изреченій и притчей:

Язычникъ, занимающійся закономъ Божіимъ (тора), равенъ первосвященнику.

Незаконнорожденный, если онъ ученъ, почтеннѣе невѣжественнаго первосвященника.

Одинъ язычникъ пришелъ къ Шамаю и сказалъ: „Научи меня, но только подъ условіемъ, чтобы ты сообщилъ мнѣ всю тору въ то время, какъ я буду стоять на одной ногѣ". Шамай ударилъ его аршиномъ, который былъ у него въ рукѣ, и вытолкалъ его вонъ. Язычникъ обратился тогда къ Гиллелю, который исполнилъ его желаніе, говоря: „Не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали,—въ этомъ итогъ всего закона, остальное только подробности; теперь иди и учись".

Человѣкъ не долженъ говорить: „я стану заниматься изученіемъ закона, чтобы меня называли мудрымъ; я буду изучать Мишну, чтобы называться раввиномъ и стать во главѣ школы". Не смотри на ученость ни какъ на корону, чтобы ею красоваться, ни какъ на топоръ, чтобы добывать ею пропитаніе.

Цѣль мудрости—добрыя дѣла и исправленіе жизни; а для тѣхъ, которые не дѣлаютъ добра изъ любви къ добру, лучше было бы, если бы они не были созданы.

Другое изреченіе гласитъ: пусть человѣкъ занимается торой и добрыми дѣлами, хотя бы и не ради нихъ самихъ, ибо современемъ онъ будетъ это дѣлать ради нихъ самихъ.

Все предопредѣлено Предвѣчнымъ, и, однако, дѣйствія человѣка свободны. Міръ управляется благостью, и воля человѣка познается по обилію его добрыхъ дѣлъ.

Никто не можетъ поранить себѣ даже пальца, если это не опредѣлено Богомъ.

На томъ свѣтѣ не такъ, какъ здѣсь. Тамъ не ѣдятъ и не пьютъ и не предаются никакимъ чувственнымъ наслажденіемъ; тамъ нѣтъ зависти, нѣтъ ненависти, нѣтъ раздора, но праведники съ вѣнцами на главахъ радуются въ отблескѣ Божества.

Кто исполнитъ хотя одну обязанность, тотъ пріобрѣтаетъ себѣ защитника, и кто совершитъ хоть одинъ грѣхъ, тотъ вызываетъ на себя обвинителя.

Твори волю Божію, какъ свою собственную, чтобы Онъ твою волю сдѣлалъ Своею. Его волѣ принеси въ жертву свою, чтобы Онъ волю другихъ принесъ въ жертву твоей.

У кого есть хлѣбъ въ корзинѣ, а онъ заботится о пропитаніи на слѣдующій день, тотъ принадлежитъ къ маловѣрнымъ.

---

*) „Мишна" значитъ повтореніе (т. е. повтореніе закона), состоитъ изъ 63 трактатовъ, расположенныхъ по шести отдѣламъ, обнимающимъ собою всѣ религіозныя и въ неразрывной связи съ ними всѣ житейскія отношенія еврейства.

**) Гемара значитъ совершеніе или восполненіе.

Человѣкъ обязанъ благодарить Бога за зло также, какъ и за добро.

Человѣкъ долженъ говорить предъ Богомъ лишь въ немногихъ словахъ.

Кто можетъ въ молитвѣ ходатайствовать за своего ближняго и не дѣлаетъ этого, тотъ называется грѣшникомъ.

Кто мудръ? Тотъ, кто отъ всякаго поучается. Кто герой? Тотъ, кто побѣждаетъ свои страсти. Кто богатъ? Тотъ, кто доволенъ своимъ достояніемъ. Кто почтененъ? Тотъ, кто чтитъ своихъ ближнихъ.

Злое влеченіе похоже сначала на странника, потомъ на гостя, наконецъ, на хозяина.

Высокомѣрному говоритъ Богъ: мы вдвоемъ не можемъ жить въ мірѣ.

Кто уничтожаетъ себя, того Богъ превознесетъ, а кто самъ себя превозноситъ, того унизитъ Богъ. Кто стремится къ господству, отъ того оно убѣгаетъ, а кто уклоняется отъ него, къ тому приходитъ нечаянно.

Кто только поднимаетъ руку на человѣка, чтобы ударить его, хотя бы и не ударилъ, все-таки, называется беззаконникомъ.

Кто публично посрамляетъ кого-либо, тотъ все равно, что пролилъ кровь.

Лучше человѣку принадлежать къ гонимымъ, нежели къ гонителямъ.

Подобное же изреченіе гласитъ:

Обижаемые и не воздающіе обидою, слышащіе оскорбленіе и не отвѣчающіе на него, терпящіе съ любовью и страдающіе съ радостью, къ нимъ прилагается сказанное: „возлюбленные Божіи будутъ какъ солнце, восходящее въ величіи своемъ".

Кто прощаетъ обиду, ему нанесенную, тому Богъ прощаетъ его грѣхъ.

Будь мягкимъ и уступчивымъ, какъ тростникъ, а не жестокимъ и гордымъ, какъ кедръ.

Твое да пусть будетъ настоящимъ да, и твое нѣтъ—настоящимъ нѣтъ.

Не должно обманывать и язычника.

Рѣчи клеветника суть грѣхи, вопіющіе къ небесамъ.

Лицемѣры не узрятъ Бога.

Должно быть привѣтливымъ ко всѣмъ людямъ.

Добродѣтель благотворительности по важности своей равна всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ, вмѣстѣ взятымъ.

Дружелюбіе еще выше благотворенія.

Кто пренебрегаетъ обязанностью благотворить бѣднымъ, того должно почитать наравнѣ съ идолопоклонникомъ.

Пока стоялъ храмъ, жертвенникъ искупалъ грѣхи людей. Нынѣ же, когда жертвенника больше нѣтъ, трапеза, предлагаемая нищимъ, замѣняетъ жертвенникъ и искупаетъ грѣхи.

У кого умираетъ жена, о томъ нужно сожалѣть такъ, какъ если бы въ его дни разоренъ былъ храмъ.

Если кто тебѣ скажетъ: я искалъ и не нашелъ, не вѣрь ему; а если скажетъ: я нашелъ, и не искалъ, также не вѣрь; если же скажетъ: я искалъ и нашелъ—этому вѣрь.

Кто способенъ вычислять ходъ небесныхъ свѣтилъ и не дѣлаетъ этого, къ тому примѣняется сказанное: „творенія Божія они не созерцаютъ и дѣла рукъ Его не видятъ".

Рабби Симеонъ бен-Леви говорилъ: кто хочетъ быть нечистымъ (безнравственнымъ), тому отворены двери, т.-е. ему не будетъ недостатка въ удобныхъ случаяхъ, а кто, напротивъ, хочетъ быть чистымъ, тотъ получитъ въ этомъ помощь. Это положеніе объяснялось въ школѣ рабби Измаэля слѣдующею притчей. Одинъ человѣкъ продавалъ деготь и бальзамъ. Когда кто-нибудь приходилъ, чтобы купить дегтю, то продавецъ говорилъ: товаръ передъ тобою, отвѣсь и бери. Если же кто хотѣлъ купить бальзаму, то продавецъ говорилъ: постой, я тебѣ отвѣшу, чтобы и отъ меня хорошо пахло.

Рабби Ицхакъ говорилъ, что хотя всѣ равны передъ лицомъ смерти, но что каждому праведнику уготовано особое жилище, сообразно его достоинству. Это поясняется притчею. Когда царь съ своими служителями вступаетъ въ какой-нибудь городъ, то всѣ они проходятъ черезъ одни и тѣ же ворота; но когда останавливаются тамъ на ночлегъ, то каждому назначается жилище по чину его.

Рабби Елiезеръ училъ: покайся за день до смерти. Тогда ученики его спросили: „Развѣ знаетъ человѣкъ, въ какой день умретъ?"—„Это значитъ,—возразилъ рабби,—что онъ долженъ исправиться сегодня же, ибо можетъ умереть завтра; такимъ образомъ, онъ проведетъ всю жизнь въ покаянiи, какъ сказано: да будутъ одежды твои всегда бѣлы и елей для главы твоей да не оскудѣетъ". Рабби Iохананъ присоединилъ къ этому слѣдующую притчу. Нѣкiй царь пригласилъ своихъ служителей на пиршество, но не возвѣстилъ заранѣе его времени. Умные между ними надѣли свои лучшiя платья и ждали вблизи дворца, полагая, что тамъ всегда все готово. Глупые же пошли по своимъ дѣламъ, думая, что для царскаго пиршества нужны долгiя приготовленiя. Внезапно царь позвалъ приглашенныхъ. Умные предстали передъ нимъ въ чистыхъ и дорогихъ одѣянiяхъ, глупые же прибѣжали въ грязномъ платьѣ. Тогда царь сказалъ: „Тѣ, которые явились въ чистыхъ одеждахъ, да сядутъ и ѣдятъ; тѣ же, которые оказались въ грязномъ платьѣ, пусть стоятъ и смотрятъ".

„Когда Моисей восходилъ на гору Божiю, архангелы спросили Бога: чего ищетъ между нами этотъ женорожденный? Онъ пришелъ,—отвѣтствовалъ Богъ,—чтобы получить законъ.—Неужели,—продолжали они,—то сокровище, что хранилось отъ сотворенiя мiра въ теченiе 974 поколѣнiй, Ты дашь человѣческому существу? Что такое человѣкъ, чтобы Тебѣ думать о немъ, и сынъ человѣческiй, чтобы Тебѣ смотрѣть на него? Всесильно имя Твое, Господи, на всей землѣ и величiе Твое сiяетъ на небесахъ!—Возражай ты,—сказалъ Богъ Моисею.—Я страшусь,—говоритъ тотъ,—чтобы они не сожгли меня дыханiемъ устъ своихъ.—Возьмись за престолъ Моей славы и держи имъ отвѣтъ.—Владыко вселенной,—началъ тогда Моисей,—что находится въ законѣ, который Ты хочешь мнѣ дать? Не начинается ли онъ такъ. Я Господь Богъ твой, выведшiй тебя изъ Египта. Но развѣ вы, ангелы, обитали въ Египтѣ или работали на Фараона? Такъ зачѣмъ же вамъ такой законъ? Далѣе сказано: да не будутъ тебѣ богами боги чужiе; но развѣ вы жили между идолопоклонниками? Потомъ сказано: помни день субботнiй; но развѣ вы работаете, чтобы нуждаться въ успокоенiи? И опять сказано: не клянись ложно; но развѣ между вами есть тяжбы? И еще сказано: чти отца твоего и матерь твою; но развѣ у васъ есть родители? И, наконецъ, сказано: не убей, не прелюбодѣйствуй, не украдь; но развѣ среди васъ бываютъ такiя дѣла?—И Богъ одобрилъ Моисея, а архангелы полюбили его".

Эта послѣдняя притча даетъ намъ руководящую мысль для оцѣнки всего Талмуда. Законъ данъ для человѣка, а не для ангеловъ. Другими словами, законъ не можетъ предполагать безусловнаго совершенства въ своихъ исполнителяхъ, ибо тогда самый законъ былъ бы не нуженъ. Талмудъ не отказывается отъ совершенства какъ цѣли, какъ нравственнаго идеала. Но именно для того, чтобы этотъ идеалъ не оставался праздною мечтой, необходимо позаботиться о путяхъ къ его достиженiю, а пути эти проходятъ по несовершенной и порочной природѣ человѣка. Прежде осуществленiя безусловнаго идеала человѣкъ долженъ прiучиться ограничивать свою волю, по природѣ направленную не столько къ абсолютному нравственному совершенству, сколько къ удовлетворенiю своего эгоизма. Ограниченiе воли есть законъ, и вотъ Талмудъ и раввины ставятъ себѣ задачей вездѣ и во всемъ ограничить своеволiе человѣка предписанiями закона Божiя, не оставляя на личный произволъ никакихъ отношенiй частной и общественной жизни. Они насчитали въ торѣ 248 положительныхъ предписанiй и 365 запрещенiй и затѣмъ эти 613 законовъ безконечно размножили чрезъ примѣненiе ихъ ко всевозможнымъ частнымъ слу-

чаямъ. Что все это множество законовъ и для талмудистовъ не есть цѣль сама по себѣ, это ясно уже изъ указанія Талмуда, что данное на Синаѣ число законовъ было сведено потомъ Давидомъ къ 11, Исаіей къ 6 и даже къ 2, Михеемъ къ 3 и, наконецъ, Аввакумомъ къ одному положенію: праведникъ вѣрностію своею будетъ живъ (цадикъ бээмунато ихъйэ Аввак. II, 4). Сопоставляя это указаніе съ вышеприведеннымъ отвѣтомъ Гиллеля язычнику, можно видѣть, что между законничествомъ Талмуда и новозавѣтною нравственностью, основанною на вѣрѣ и альтруизмѣ, нѣтъ противорѣчія въ принципѣ. Принципіальный споръ между христіанствомъ и еврействомъ заключается не въ нравственной, а въ религіозно-метафизической области, въ вопросѣ о богочеловѣческомъ значеніи и искупительной жертвѣ Христа. Правда, помимо этого должно признать еще и то, что на практикѣ талмудисты и руководимый ими народъ забывали или пренебрегали возвышенными идеально-нравственными взглядами своихъ агадъ и погружались всецѣло въ изученіе и примѣненіе формальныхъ узаконеній Талмуда (галахотъ), вслѣдствіе чего въ іудействѣ начало закона или формальной правды получило рѣшительный перевѣсъ надъ началомъ милости (хэсэд) и внутренней правды (эмет). Вполнѣ признавая эту односторонность еврейскаго развитія, мы никакъ не рѣшимся безусловно осудить ее въ виду противоположной и еще болѣе пагубной крайности, которую представляетъ намъ христіанскій міръ. Если талмудическое іудейство переходитъ мѣру въ своихъ стараніяхъ свести всѣ подробности общественной и частной жизни къ религіозному закону, то нашъ псевдо-христіанскій міръ не только на практикѣ произвелъ, но и въ принципъ возвелъ совершенное раздѣленіе между религіозною истиной и дѣйствительною жизнью, между религіей и политикой, между идеальными нормами, которыя превращаются у насъ въ пустое слово, и реальными отношеніями, которыя мы стараемся всячески закрѣпить въ ихъ явной ненормальности. Противъ этого безбожнаго принципа, противъ этого безнравственнаго раздѣленія талмудическое іудейство возстаетъ всѣмъ своимъ существомъ, и въ этомъ его оправданіе.

Для талмудистовъ, которые въ этомъ отношеніи стоятъ всецѣло на почвѣ Моисеевой торы, религія есть законъ жизни человѣческой. Ушмартэм эт хукотай ота гаадам вахай багэм ани Ягвэ (Соблюдай уставы Мои и уложенія Мои, ихъ же сотворитъ человѣкъ и живъ будетъ ими: я Господь (Лев. VIII, 5). Это изреченіе явно оправдалось въ національной жизни еврейства. Только соблюденіемъ этихъ уставовъ и уложеній, впервые данныхъ въ торѣ и затѣмъ огражденныхъ въ Талмудѣ,—только ихъ соблюденіемъ еврейство доселѣ живо, какъ нація, единственная нація въ мірѣ по долговѣчности. Лучшимъ доказательствомъ національной живучести еврейства можетъ служить антисемитическое движеніе. Ожесточенность этого движенія во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о крѣпости еврейства. „Не толкай пьянаго, онъ и самъ упадетъ",—говоритъ талмудическая пословица. Своими усиленными толчками антисемиты показываютъ увѣренность въ томъ, что еврейство твердо стоитъ на своихъ ногахъ.

И логика, и историческій опытъ, и слово Божіе учатъ насъ, что главное условіе прочной силы есть правда, т.-е. вѣрность самому себѣ, отсутствіе внутренняго противорѣчія и раздвоенія. Всякое царство, раздѣлившееся на ся, не устоитъ. Борьба есть необходимый моментъ жизни, но именно только какъ частный моментъ, входящій въ составъ живого единства. Еврейство сильнѣе современнаго христіанскаго міра потому, что въ немъ внутренняя борьба, хотя несомнѣнно существуетъ, но лишь какъ подчиненное явленіе, не упраздняющее существеннаго единства въ цѣломъ. А въ христіанскомъ мірѣ это единство потеряло всякую реальность, превратилось въ отвлеченную идею, безсильную противъ распри отдѣльныхъ частей. Правда, разница здѣсь обусловливается отчасти и тѣмъ, что еврейство представляетъ одну націю, тогда какъ христіанскій міръ обнимаетъ собою множество національныхъ элементовъ. Но гдѣ же сила христіанскаго универсализма, который обыкновенно противопоставляютъ узкому

народному эгоизму евреевъ? Если новозавѣтная религія безсильна противъ обособляющаго дѣйствія народностей, то правы евреи, остающіеся при религіи ветхозавѣтной, которая прямо и открыто заявляетъ свой національный характеръ. Благодаря этому, они избавлены отъ того внутренняго противорѣчія, которое тяготѣетъ надъ большинствомъ христіанъ, исповѣдующихъ религію сверхнародную и, однако же, поглощенныхъ чисто-національными интересами, страстями и предразсудками. Замѣчательно, впрочемъ, что евреевъ обыкновенно обвиняютъ заразъ и въ узкомъ націонализмѣ, и въ космополитизмѣ. Дѣло въ томъ, что самая національная идея у евреевъ имѣетъ извѣстное универсальное значеніе, которое возвѣщено еще библейскому Аврааму („и благословятся о тебѣ вся племена земная"); и если евреи не хотятъ признать въ христіанствѣ осуществленія этой всемірной миссіи Израиля, то, вѣдь, и мы по совѣсти не можемъ утверждать, чтобы она уже была осуществлена у насъ. И съ нашей точки зрѣнія осуществленіе вселенской идеи еще въ будущемъ; и въ этомъ будущемъ исполненіи христіанства евреямъ, по слову ап. Павла, будетъ принадлежать особая выдающаяся роль. И странно было бы ставить въ этомъ отношеніи еврейство, изъ котораго, сверхъ самой Моисеевой религіи, вышли христіанство и исламъ,—странно было бы ставить его на ряду съ тою и другою отдѣльною народностью. Сопоставлять еврейство можно только со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, къ которому оно относится, какъ стволъ къ вѣтвямъ (разумѣется, не съ этнографической, а только съ духовно-культурной точки зрѣнія).

Проходя черезъ всю исторію человѣчества, отъ самаго ея начала и до нашихъ дней (чего нельзя сказать ни объ одной другой націи), еврейство представляетъ собою какъ бы ось всемірной исторіи.

Вслѣдствіе такого центральнаго значенія еврейства въ историческомъ человѣчествѣ, всѣ положительныя, а также и всѣ отрицательныя силы человѣческой природы проявляются въ этомъ народѣ съ особенною яркостью. Поэтому обвиненія евреевъ во всевозможныхъ порокахъ находятъ свое основаніе въ дѣйствительныхъ фактахъ изъ жизни еврейства. Но когда на основаніи этихъ частностей хотятъ засудить цѣликомъ все еврейство, тогда можно только удивляться смѣлости обвинителей. Когда національныя партіи въ разныхъ странахъ обвиняютъ евреевъ въ недостаткѣ патріотизма, то рѣшительно невозможно понять, какимъ образомъ евреи, оставаясь евреями, т.-е. однимъ народомъ, могутъ совмѣщать въ себѣ противоборствующіе патріотизмы всѣхъ тѣхъ націй, среди которыхъ они живутъ. Настоящій патріотизмъ евреевъ можетъ состоять только въ любви къ еврейству, а въ этомъ, кажется, у нихъ нѣтъ недостатка. И не забавны ли упреки въ космополитизмѣ, обращенные къ той единственной націи, которая отъ незапамятной древности сквозь жесточайшія испытанія сохранила всю свою національную самобытность,—сохранила до такой степени, что тѣ самые, что упрекаютъ эту націю въ космополитизмѣ, вынуждены бываютъ соединять этотъ упрекъ съ прямо-противоположнымъ и, какъ было уже замѣчено, обвинять космополитовъ въ узкомъ національномъ обособленіи? И этотъ послѣдній упрекъ столь же страненъ, какъ и первый. Ибо гдѣ былъ народъ болѣе воспріимчивый и открытый чужимъ вліяніямъ, чѣмъ евреи, которые, изучивши внутреннюю духовную сущность своей народности, никогда не дорожили ея внѣшними природными признаками и даже языкъ свой неоднократно мѣняли: возвратившись изъ Вавилона, они говорили по-халдейски, въ Александріи стали говорить по-гречески, въ Багдадѣ и Кордовѣ—по-арабски, а нынѣ повсюду говорятъ на полу-нѣмецкомъ жаргонѣ, и, притомъ, всегда и вездѣ принимали личныя имена и фамильныя прозвища отъ чужихъ и иновѣрныхъ народовъ.

Консерваторы разныхъ странъ и исповѣданій единодушно упрекаютъ евреевъ въ особенной склонности къ либерализму и признаютъ ихъ даже прямыми родоначальниками и главными двигателями современнаго либеральнаго движенія въ Европѣ. Если

такъ, то намъ, съ своей стороны, остается только пожалѣть, что евреи до сихъ поръ такъ плохо исполнили свое дѣло въ той странѣ, гдѣ истинно-либеральные принципы и порядки были бы особенно нужны и для самихъ „сыновъ Израилевыхъ", и для „народа земли". Замѣчательно, впрочемъ, что свои идеи свободы и соціальной правды евреи выводятъ, и не безъ основанія, изъ самой Моисеевой торы. При такой почтенной древности прогрессивныя идеи евреевъ можно съ одинаковымъ правомъ считать консервативными и даже ретроградными, такъ что любая изъ партій, на которыя распадается цивилизованное человѣчество, можетъ найти себѣ сочувственные элементы въ еврействѣ, которое, однако, свободно отъ непримиримаго противорѣчія между всѣми этими элементами, но подчиняетъ ихъ всѣхъ своему религіозно-національному единству.

При явной несостоятельности общихъ принципіальныхъ обвиненій еврейства, противорѣчащихъ другъ другу и взаимно себя упраздняющихъ, антисемиты должны были избрать для своихъ нападеній другую, болѣе частную и конкретную почву. Возобновились старинныя жалобы на то, что религіозный законъ евреевъ, содержащійся въ Талмудѣ, предписываетъ избранному народу ненавидѣть всѣхъ иновѣрцевъ, въ особенности христіанъ, и наносить имъ по возможности всякій вредъ. Не было бы по истинѣ ничего удивительнаго, если бы дѣйствительно въ религіозныхъ книгахъ евреевъ были такія предписанія. Нужно ли припоминать все, что евреи претерпѣли отъ христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка, когда гоненія на нихъ доходили до такого неистовства, что даже столь строгій ревнитель воинствующаго католицизма и столь рѣшительный противникъ іудейства, какъ папа Иннокентій III, долженъ былъ издать въ защиту евреевъ особое узаконеніе (constitutio pro Iudaeis), гдѣ онъ, между прочимъ, запрещаетъ христіанамъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви разрушать еврейскія кладбища и вырывать погребенныя тѣла съ цѣлію вымогательства денегъ? *). Намъ кажется, что всѣ обвиненія евреевъ въ сребролюбіи и эксплоатаціи христіанъ блѣднѣютъ передъ такимъ свидѣтельствомъ. Но оставимъ эти давно прошедшія дѣянія. Припомнимъ нѣчто болѣе близкое по времени и по мѣсту. Многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, будетъ интересно, хотя едва ли утѣшительно, узнать, что менѣе чѣмъ полтораста лѣтъ тому назадъ, въ 1738 г., въ Петербургѣ были сожжены на кострѣ еврей Лейба Боруховъ и флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ за то, что первый изъ нихъ обратилъ второго, посредствомъ разговоровъ, въ еврейство **).

Помимо безотчетныхъ антипатій и предразсудковъ противъ еврейства, существуютъ еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, христіанскихъ странахъ законы, налагающіе заклятіе на еврейскую религію, отдѣляющіе евреевъ отъ остальнаго населенія непроницаемою стѣной, какъ какихъ-то зачумленныхъ.

Въ виду этого, если бы въ еврейскихъ религіозно-юридическихъ кодексахъ содержались постановленія соотвѣтствующаго духа по отношенію къ христіанамъ, то это было бы только справедливо. Но находятся ли дѣйствительно у евреевъ подобныя постановленія? Благодаря новѣйшему антисемитическому движенію, этотъ вопросъ достаточно выяснился. Дѣло въ томъ, что пока сами евреи или ихъ защитники изъ христіанъ утверждали, что въ Талмудѣ нѣтъ никакихъ узаконеній, предписывающихъ ненавидѣть христіанъ и вредить имъ, можно было отвергать такія увѣренія, какъ пристрастныя. Но вотъ изъ среды самихъ антисемитовъ люди, владѣющіе болѣе или менѣе научными средствами для такой задачи, употребляютъ всѣ старанія, чтобы per fas et nefas отыскать въ Талмудѣ и другихъ религіозно-правовыхъ еврейскихъ книгахъ то, что имъ нужно, т.-е. законы, обязывающіе евреевъ къ ненависти и враждѣ противъ хри-

---

*) Innocentii III: „Opera ed. Migne", t. I, col. 865.
**) См. Полное собр. закон., № 7612.

стіанъ. И если, въ концѣ-концовъ, результатъ всѣхъ этихъ исканій и стараній сводится почти къ нулю, то всякій безпристрастный человѣкъ убѣдится, что на этой почвѣ, по крайней мѣрѣ, дѣло антисемитовъ проиграно.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Австріи и Германіи началась и доселѣ еще не совсѣмъ прекратилась ожесточенная литературная, а отчасти и судебная борьба изъ-за Талмуда. Главный поводъ къ этой борьбѣ дали два антисемитическихъ сочиненія. Der Talmudjude профессора Ролинга и Der Judenspiegel доктора Юстуса (псевдонимъ). Вокругъ этихъ двухъ книжекъ выросла цѣлая полемическая литература за и противъ іудейства и, въ частности, за и противъ Талмуда *). Для насъ особенно интересно сочиненіе Юстуса: Der Judenspiegel. Авторъ его, очевидно, практически знакомый съ талмудическою литературой, постарался извлечь оттуда цѣлый рядъ положительныхъ узаконеній, обязательныхъ, какъ онъ увѣряетъ, и для современныхъ евреевъ, и предписывающихъ ненависть и вражду къ христіанамъ. Такихъ „законовъ" онъ набралъ цѣлую сотню. Правда, ихъ подлинность рѣшительно отрицалась не только евреями, но и христіанскими учеными, между прочимъ, извѣстнымъ гебраистомъ и богословомъ Деличемъ. Но такъ какъ и у Юстуса явились болѣе или менѣе ученые защитники, то читатели неспеціалисты могли быть поставлены въ весьма затруднительное положеніе, не зная, кому вѣрить. По несчастію для антисемитовъ, изъ ихъ среды самымъ серьезнымъ и обстоятельнымъ защитникомъ Юстуса выступалъ докторъ Эккеръ, который, несмотря на всю обнаруженную имъ вражду къ евреямъ и на все свое пристрастіе въ пользу автора Judenspiegel**), оказался, однако, неспособенъ скрыть фактическую истину въ этомъ дѣлѣ. Онъ провѣрилъ всѣ ссылки Юстуса и, въ своей книжкѣ Der Judenspiegel im Lichte der Wahrheit, перепечатавши всѣ сто „законовъ" Юстуса, послѣ каждаго изъ нихъ воспроизвелъ соотвѣтствующіе тексты въ подлинникѣ съ точнымъ нѣмецкимъ переводомъ. Такимъ образомъ, все то, что затѣмъ говоритъ критикъ съ своей личной точки зрѣнія, нисколько не мѣшаетъ безпристрастному читателю составить правильное сужденіе по всѣмъ пунктамъ. И, во-первыхъ, оказывается, что Юстусъ свои законы вовсе не бралъ готовыми изъ еврейскаго религіозно-юридическаго кодекса (Шульхан-арухъ) *), а составлялъ каждый законъ изъ нѣсколькихъ отрывковъ, взятыхъ иногда изъ разныхъ сочиненій неодинаковаго достоинства и авторитета. Большею частью эти отрывки поставлены у Юстуса въ совершенно произвольную связь между собою, тексты перемѣшаны съ комментаріями, общеобязательныя узаконенія съ частными мнѣніями раввиновъ,—и все это передано лишь приблизительно, своими словами: дурной пріемъ, когда дѣло идетъ о законахъ. Но всего замѣчательнѣе то, что наиболѣе сильныя выраженія ненависти къ христіанамъ просто вставлены Юстусомъ отъ себя, и при этомъ безъ всякаго обозначенія и безъ всякихъ оговорокъ. Изъ многихъ примѣровъ приведемъ одинъ. Подъ № 23 читается въ Judenspiegel'ѣ такой законъ: „Свидѣтелями могутъ

---

*) Назовемъ лишь тѣ сочиненія, которыя намъ пришлось прочесть: Dr. V. Hoffmann: „Der Schulchan-Aruch", 1885.—Dr. Joseph Kopp: „Zur Judenfrage", 2 Aufl. 1886.—Dr. Jakob Ecker: „Der Judenspiegel im Lichte der Wahrheit", 2 Aufl. 1884.—Franz Delitsch: „Rohling's Talmudjude", 7 Aufl. 1881.—Его же: „Zweite Streitschrift in Sachen des Antisemitismus".—Его же: „Neueste Traumgesichte etc.". 1883.—Его же: „Schachmatt den Blutlügnern etc.", 2 Abdr. 1883.—Dr. M. Joël: „Meine Gutachten über den Talmud", 1877.—Karl Fischer: „Gutmeinung über den Talmud der Hebräer", 1883. Изъ этихъ осьми (считая самого Ролинга и Юстуса) авторовъ три антисемита, два еврея и три христіанина.

**) Пристрастіе настолько сильное, что было высказано даже такое подозрѣніе, что Dr. Ecker далъ лишь свое имя, а что апологія написана самимъ Юстусомъ. Впрочемъ, это подозрѣніе представляется намъ мало правдоподобнымъ.

***) Шульхан-арух, т.-е. накрытый столъ, составленъ рабби Іозефомъ Каро въ XVI ст. въ Палестинѣ и потомъ былъ переработанъ для европейскихъ евреевъ рабби Моисеемъ Иссерлесомъ. Эта книга относится къ Талмуду приблизительно такъ же, какъ наша „Книга правилъ" относится къ древнимъ „Кормчимъ".

быть признаны только носящіе человѣческое имя; но акумъ (христіанинъ) или іудей, принявшій христіанство, онъ же еще хуже природнаго христіанина, совсѣмъ не могутъ быть почитаемы за людей, въ силу чего и свидѣтельское ихъ показаніе не имѣетъ никакого значенія". Вотъ „законъ", который былъ бы очень дорогъ для антисемитовъ, если бы только онъ не былъ подложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ два текста еврейскаго кодекса, на которые ссылается Юстусъ, гласятъ лишь слѣдующее: 1) „Язычникъ (гой) и человѣкъ несвободный (эбед) неспособны къ свидѣтельству". 2) „Ложные доносчики (га-мосрим) и безбожники (букв. эпикурейцы—га-апикоросимъ) и отступники хуже язычниковъ и неспособны къ свидѣтельству". Если даже, вопреки прямымъ свидѣтельствамъ многихъ авторитетныхъ раввиновъ, принять, что подъ язычниками разумѣются христіане, то, во всякомъ случаѣ, о томъ, что они не люди, въ приведенныхъ текстахъ нѣтъ ни слова. Мы готовы допустить, что многовѣковое безчеловѣчное отношеніе христіанскихъ народовъ къ евреямъ успѣло въ глазахъ сихъ послѣднихъ затмить человѣческое достоинство ихъ гонителей и вытѣснить изъ сердца Израиля братскія чувства къ новому Эдому. Но дѣло здѣсь не въ чувствахъ, а въ положительномъ законѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что сто лѣтъ тому назадъ, православные казаки, воюя съ послѣдними остатками „Рѣчи Посполитой", вездѣ, гдѣ только могли, вѣшали на одну висѣлицу еврея, польскаго ксендза и собаку съ такою надписью: „жидъ, ляхъ да собака—вѣра еднака" *). Но кто же рѣшится вставить это изреченіе безъ всякихъ оговорокъ въ цитаты изъ свода законовъ Россійской имперіи или изъ каноническихъ постановленій православной церкви? Но именно подобнымъ образомъ поступаютъ изобрѣтатели псевдо-талмудическихъ законовъ.

Обращаясь далѣе къ содержанію этихъ ста законовъ доктора Юстуса, мы находимъ между ними цѣлый рядъ постановленій, запрещающихъ евреямъ принимать какое-либо участіе, прямое или косвенное, въ богослуженіи иновѣрцевъ, разумѣется, преимущественно христіанъ, какъ-то: доставлять воду для крещенія, продавать свѣчи для церкви, торговать иконами или священными книгами христіанъ, поздравлять ихъ или дѣлать имъ подарки въ ихъ праздники и т. д. (№№ 58 и слѣд.). Такимъ образомъ, евреямъ ставится въ вину даже то, что, оставаясь евреями, они не вступаютъ въ религіозное общеніе съ христіанами! Но допустятъ ли еще эти послѣдніе такое общеніе? Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ ставить подобное требованіе евреямъ, слѣдовало бы дождаться возстановленія религіозной солидарности между самими христіанскими исповѣданіями. Недавно пишущій эти строки получилъ отъ одного протестантскаго миссіонера нѣсколько нумеровъ американскаго миссіонерскаго журнала, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что главное препятствіе къ обращенію современныхъ русскихъ и болгаръ въ христіанство состоитъ въ томъ, что эти народы считаютъ себя христіанами **). Съ другой стороны, одинъ православный духовный ораторъ съ церковной каѳедры противупоставлялъ между собою, какъ два враждебныхъ начала, русскій крестъ и латинскій кжижъ. При такихъ условіяхъ на всякій нашъ упрекъ въ религіозно-національномъ обособленіи, на всякое наше требованіе широкой вѣротерпимости у евреевъ есть готовый отвѣтъ: врачу, исцѣлися самъ, или еще: лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ глаза своего и тогда увидишь, какъ лучше вынуть спицу изъ глаза брата твоего.

Трудно повѣрить, что Judenspiegel воспроизводитъ, между прочимъ, какъ обвинительный документъ противъ евреевъ, и такіе законы, которые предписываютъ имъ величайшую осторожность въ обращеніи съ христіанами, дабы не подвергнуться отъ

---

*) Этотъ фактъ сообщается, между прочимъ, въ Исторіи паденія Польши С. Соловьева.

**) Если бы дѣло шло о плохомъ исполненіи христіанскихъ заповѣдей въ жизни народа, то такой упрекъ былъ бы справедливъ, хотя и распространялся бы болѣе или менѣе на всѣ вѣроисповѣданія. Но почтенный миссіонеръ видитъ наше язычество не въ этомъ, а просто лишь въ томъ, что мы принадлежимъ къ православному исповѣданію.

нихъ смерти или какому нибудь важному вреду. Что эти законы, формулированные въ XVI вѣкѣ, имѣли слишкомъ много основаній и поводовъ, это странно было бы и доказывать; а въ такомъ случаѣ для кого же предосудительны и постыдны эти законы?

Это довольно печальная тема. Но есть и забавныя мѣста въ Judenspiegel'ѣ. Къ ихъ числу несомнѣнно принадлежитъ законъ № 76, запрещающій евреямъ отдавать своихъ дѣтей въ какія бы то ни было христіанскія училища. Какъ жаль, что о такомъ (по увѣренію д-ра Юстуса, обязательномъ и въ настоящее время) законѣ ничего не знало наше министерство народнаго просвѣщенія: это избавило бы его отъ труда опредѣлять нормальный процентъ евреевъ въ русскихъ училищахъ.

Въ окончательномъ результатѣ, если устранить изъ разсматриваемаго нами обвинительнаго акта все подложное, невѣрное и несообразное, то останутся семь или восемъ законовъ, которыми антисемиты могли бы съ нѣкоторою видимостью правды воспользоваться для своихъ цѣлей. Таковы постановленія, дозволяющія еврею не возвращать найденной имъ вещи, если она потеряна иновѣрцемъ, или разрѣшающія еврею пользоваться ошибками иновѣрца при денежныхъ расчетахъ, или, наконецъ, допускающія отдавать иновѣрцамъ деньги въ ростъ (что запрещается относительно евреевъ).

Было бы весьма удивительно, если бы еврейскій кодексъ XVI вѣка признавалъ обязательное равенство между евреями и христіанами, когда въ самыхъ просвѣщенныхъ христіанскихъ странахъ это равенство признано лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, а въ той странѣ, гдѣ находится главная масса евреевъ, они доселѣ не пользуются гражданскою полноправностью.

Талмудическій законъ, разрѣшающій ростъ только относительно иновѣрцевъ, взятъ прямо изъ торы Моисеевой. Но изъ какого религіознаго источника заимствованы постановленія нашихъ псевдо-христіанскихъ государствъ, узаконяющія ростовщичество для всѣхъ безъ различія? Во всякомъ случаѣ, не странно ли требовать отъ евреевъ, чтобы они относились къ намъ лучше, нежели мы относимся и къ нимъ и даже другъ къ другу?

Впрочемъ, должно замѣтить, что упомянутыя постановленія имѣютъ характеръ отрицательный, выражаютъ собою лишь юридическій предѣлъ безнравственнаго дѣйствія, а никакъ не положительное нравственное требованіе. Талмудъ только дозволяетъ, но никакъ не предписываетъ и не одобряетъ захвата вещи, потерянной иновѣрцемъ, И если изобрѣтатель ста законовъ иногда превращаетъ дозволеніе въ предписаніе, то это есть лишь одинъ изъ его подлоговъ, осуждаемый даже пристрастнымъ къ нему критикомъ (напримѣръ, № 36). На самомъ дѣлѣ этого рода законы выражаютъ лишь крайній юридически-обязательный minimum нравственныхъ поступковъ. Но, заключая въ себѣ лишь юридическое требованіе наименьшаго, эти постановленія не исключаютъ нравственнаго требованія большаго. Напротивъ, такое нравственное требованіе находитъ въ самомъ Талмудѣ положительное основаніе въ трехъ извѣстныхъ принципахъ, которыми можетъ гордиться еврейская этика: въ принципѣ „священія имени" (Божія)—киддуш га-шэм, въ принципѣ „хуленія имени"—хиллуль га-шэм и въ принципѣ „путей мира"—даркэ-шалом. Дѣлать добрыя дѣла, чтобы ими прославлялась истинная вѣра, дѣлать больше, чѣмъ предписываетъ формальный законъ, дѣлать добро не изъ страха и не для своей чести, а для славы Бога Израилева,—вотъ что значитъ святить имя. Ученики рабби Симона бен-Шетаха,—разсказывается въ іерусалимскомъ Талмудѣ,—купили ему осла у одного сарацина. На сбруѣ животнаго оказалась драгоцѣнная жемчужина. „Знаетъ ли объ этомъ продавшій?"—спросилъ рабби.—„Нѣтъ",—отвѣчали ученики.—„Такъ идите скорѣе и возвратите ему сокровище". Когда это исполнили, сарацинъ воскликнулъ: „Слава Богу іудеевъ!" Это восклицаніе язычника,—замѣчается при этомъ въ Талмудѣ,—было для рабби Симона дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. „Однажды наши старики,—разсказывалъ рабби Ханина,—купили у проходившихъ римскихъ солдатъ мѣшокъ пше-

ницы и нашли въ немъ кошелекъ съ золотомъ. Они поспѣшно догнали солдатъ и возвратили имъ находку. Тогда тѣ воскликнули: „Слава Богу іудеевъ!“ Рабби Самуэль бен-Сузарти отправился въ Римъ и нашелъ тамъ драгоцѣнное украшеніе, потерянное императрицей. Было объявлено всенародно, что кто возвратитъ находку въ теченіе тридцати дней, получитъ большое вознагражденіе, а у кого она окажется послѣ тридцати дней, тотъ будетъ казненъ. Рабби Самуэль принесъ украшеніе на тридцать первый день. Императрица спросила съ изумленіемъ: развѣ онъ не зналъ о томъ, что было объявлено? „Я слышалъ объ этомъ,—отвѣчалъ рабби Самуэль,—но я принесъ находку не изъ желанія награды и не изъ страха казни, а единственно только изъ страха Божія“. Тогда императрица воскликнула: „Слава Богу іудеевъ!“

Но если положительный принципъ киддуш га-шэм есть идеальное требованіе, осуществляемое лишь праведниками, то соотвѣтствующій ему отрицательный принципъ хиллуль га-шэм налагаетъ безусловныя обязанности на всякаго еврея. Въ силу этого принципа, если извѣстный поступокъ, хотя самъ по себѣ дозволенный закономъ, при данныхъ обстоятельствахъ является зазорнымъ и можетъ вызывать хулу на Израиля и на Бога его, то такой поступокъ, несмотря на свою отвлеченную законность, становится величайшимъ грѣхомъ и преступленіемъ. Болѣе или менѣе широкое примѣненіе этого важнаго принципа зависитъ, очевидно, не отъ евреевъ, а отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ. Такъ, напримѣръ, если бы въ христіанскомъ обществѣ ростовщичество и другія подобныя профессіи считались дѣломъ безусловно предосудительнымъ и безчестнымъ, то евреи, въ силу принципа хиллуль га-шэм, обязаны были бы воздерживаться отъ такихъ профессій.

Наконецъ, третій принципъ—путей мира—требуетъ, чтобы извѣстныя дѣйствія, по закону необязательныя, напримѣръ, давать милостыню иновѣрцамъ, воздавать похоронныя почести ихъ покойникамъ и т. п., исполнялись евреями для сохраненія и установленія мирныхъ и дружественныхъ отношеній со всѣми—мипнэ даркэ-шалом. Ибо по Талмуду миръ есть третій (послѣ истины и справедливости) столпъ, на которомъ держится вселенная; а дружелюбіе есть величайшая изъ добродѣтелей.

Итакъ, въ Талмудѣ нѣтъ тѣхъ дурныхъ законовъ, которые хотятъ отыскать въ немъ антисемиты. Немногія отдѣльныя узаконенія, которыя съ точки зрѣнія современной этики, освободившейся до извѣстной степени отъ націонализма, могутъ казаться несправедливыми, теряютъ всю свою практическую силу, благодаря принципамъ киддуш га-шэм, хиллуль га-шэм и мипнэ даркэ-шалом. Антисемитамъ приходится поневолѣ вернуться къ общему принципіальному обвиненію Талмуда. Какъ совокупность религіозно-національнаго преданія, имѣющаго въ главной своей части строго-юридическій характеръ, Талмудъ есть то, что закрѣпляетъ еврейство въ его обособленіи; онъ есть твердыня, ограждающая и отдѣляющая евреевъ отъ остального человѣчества, т.-е., прежде всего, отъ христіанскаго міра, съ которымъ исторія связала ихъ тѣснѣйшимъ образомъ. Противъ этой твердыни еврейства христіанскій міръ уже пятнадцать вѣковъ обращаетъ и вещественное, и духовное свое оружіе. Это оружіе замѣтно притупилось, а враждебная твердыня стоитъ попрежнему. Мы глубоко убѣждены, что ея крѣпость заключается не въ одномъ упорствѣ евреевъ. Талмудическое іудейство содержитъ въ себѣ практическій религіозно-національный законъ жизни. Нельзя противопоставлять такому закону отвлеченныя идеи общечеловѣческой цивилизаціи. Это предметы совершенно разнородные, которые не могутъ ни исключать, ни замѣнять другъ друга. Іудейское преданіе нисколько не отрицаетъ идей современнаго просвѣщенія. Талмудъ нисколько не мѣшалъ евреямъ пользоваться всѣми благами современной цивилизаціи и даже дѣятельно участвовать въ произведеніи этихъ благъ. Исключительная обособляющая сила талмудическаго іудейства обращена не наружу, а внутрь. А, слѣдовательно, и преодолѣть эту обособляющую силу можно

только извнутри. Талмудъ содержитъ въ себѣ религіозно-національный законъ жизни для еврейства. Если вамъ не нравится, что этотъ законъ имѣетъ религіозный характеръ, тогда нападайте прямо на религію вообще: само собою разумѣется, что если все еврейство утратитъ свои религіозныя убѣжденія, то о Талмудѣ не будетъ и рѣчи. Если же вы сами стоите на религіозной почвѣ, и въ талмудическомъ іудействѣ вамъ претитъ лишь его національная исключительность и косность, въ такомъ случаѣ вы должны этому религіозно-національному закону жизни противопоставить (и не на словахъ только, а на дѣлѣ) другой, религіозно-вселенскій законъ жизни. Между тѣмъ, представители правовѣрнаго христіанства могутъ выступить противъ правовѣрнаго іудейства лишь съ проповѣдью отвлеченной богословской истины (въ лучшихъ и рѣдкихъ случаяхъ сопровождаемой благими пожеланіями и надеждами). Но на такую проповѣдь религіозные и добросовѣстные іудеи могутъ отвѣтить приблизительно слѣдующее:

„Въ вашихъ богословскихъ разсужденіяхъ объ истинѣ христіанства вы забываете двѣ вещи: природу религіи и особенность еврейскаго характера. Вы забываете, что христіанство, какъ религія, должна быть системою жизни, а не системою однѣхъ богословскихъ мыслей, и что, слѣдовательно, о ней нужно судить не на однихъ теоретическихъ, а, главнымъ образомъ, на практическихъ основаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы забываете, что евреи тѣмъ и отличаются отъ грековъ, индійцевъ, германцевъ, что для нихъ умозрительная истина сама по себѣ не имѣетъ значенія, а цѣнится лишь въ своемъ приложеніи къ жизни, цѣнится по своему полезному дѣйствію или по своей дѣйствительной пользѣ *). Мы, евреи, судимъ о деревѣ не по величинѣ ствола, не по живописности вѣтвей, не по формѣ листьевъ и красотѣ цвѣтовъ, а по вкусу и питательности плодовъ. И такъ мыслитъ не только Іерусалимъ, но и Галилея; и вашъ Учитель держался того же взгляда, и въ вашемъ Евангеліи записано изреченіе, что всякое дерево познается по плодамъ своимъ. Итакъ, будемте говорить не о листвѣ христіанскаго богословія, а о плодахъ христіанской жизни. Я не хочу настаивать на томъ, что эти плоды всегда были горьки для насъ, евреевъ. Быть можетъ, эта горечь происходитъ не отъ самаго христіанства и даже не отъ злобы христіанъ. Быть можетъ, самъ Израиль еще не довольно твердъ въ заповѣдяхъ Бога своего, и Онъ донынѣ продолжаетъ испытывать Свой народъ, какъ и прежде испытывалъ посредствомъ Мицраима и Ассура, Явана и Эдома. Но что взяли изъ христіанства для своей жизни сами христіанскіе народы? Я не говорю о святыхъ и праведникахъ: они существуютъ въ христіанствѣ и внѣ его, какъ рѣдкое исключеніе, но христіанство и не гоняется за невозможною цѣлью — исправить всѣхъ людей по одиночкѣ, оно не ограничивается проповѣдью личной морали, оно принимаетъ форму коллективнаго цѣлаго, является какъ церковь. Церковь существуетъ не для того, чтобы произвести только святого человѣка или производить святыхъ людей по одиночкѣ, а для того, чтобъ устроить по-Божьи соціальную жизнь, чтобы общественная правда и личная праведность могли взаимно поддерживать и питать другъ друга. Вы, христіане, утверждаете, что ваша религія есть высшая и окончательная ступень божественнаго откровенія, что она внесла въ міръ новыя жизненныя начала, которыхъ не знало іудейство. Если такъ, то эти новыя начала должны были обновить и пересоздать всю жизнь христіанскаго человѣчества, они должны были вносить высшую правду во всѣ общественныя, гражданскія и международныя отношенія христіанскаго міра. Мы хотимъ очевиднаго доказательства соціальныхъ успѣховъ христіанства. Указываютъ обыкновенно на то, что проповѣдь Евангелія уничтожила главную

---

*) Объ особенностяхъ еврейскаго міровоззрѣнія см. въ нашихъ очеркахъ: Еврейство и христіанскій вопросъ. Москва, 1884 г.

язву древняго міра — рабство. Замѣчательно, однако, что за полторы тысячи лѣтъ до появленія христіанства Моисеево законодательство принимало противъ рабства гораздо болѣе общія и дѣйствительныя мѣры (именно учрежденіемъ субботнихъ и юбилейныхъ годовъ), нежели тѣ смягчающіе палліативы, которые мы встрѣчаемъ въ церковныхъ канонахъ. Несомнѣнно, что нравственная идея христіанства подрываетъ рабство, но дѣло здѣсь не въ идеѣ, а въ дѣлѣ, а на дѣлѣ рабство продолжало существовать въ той или другой формѣ во все время преобладанія христіанской идеи и было окончательно упразднено только въ XVIII и XIX вѣкѣ, то-есть какъ разъ въ эпоху религіознаго упадка и господствующаго невѣрія. Точно то же должно сказать о смягченіи уголовной юстиціи, уничтоженіи пытокъ и т. п. Тѣ успѣхи въ соціальныхъ нравахъ, которые достигнуты христіанскими народами въ два послѣдніе вѣка, не находятся въ прямой связи съ христіанствомъ. Да и во всякомъ случаѣ эти улучшенія соціальныхъ нравовъ слишкомъ поверхностны и слишкомъ мало измѣняютъ общую картину вашей соціальной жизни, которая рѣшительно чужда христіанскому идеалу. Нашъ еврейскій народъ видѣлъ, какъ жили язычники, видитъ теперь, какъ живутъ христіане, и не находитъ существенной разницы между тѣми и другими. Жизненныя основы и тамъ, и здѣсь однѣ и тѣ же. И тамъ, и здѣсь соціальная жизнь основана не на всеобщей нравственной солидарности, а на взаимномъ противодѣйствіи и механическомъ уравновѣшеніи частныхъ силъ и интересовъ; и тамъ, и здѣсь угнетеніе слабыхъ сильными и борьба сильныхъ между собою. Развѣ христіанство подчинило экономическій строй общества какому-нибудь нравственному закону, развѣ оно ввело разумную цѣлесообразность и справедливость въ распредѣленіе труда? Развѣ теперяшняя экономическая эксплоатація не есть то же насиліе, и теперяшняя свободная конкуренція не та же ли борьба за добычу? Вы молитесь Богу правды и любви, а служите богу силы и удачи, тому самому золотому тельцу, которымъ насъ попрекаете (несправедливость этого попрека обличается вашею же христіанскою литературой: въ ней типичный служитель золотого тельца не жидъ Шейлокъ, а скупой рыцарь). Если бы то христіанское общество, среди котораго мы живемъ, не ставило денегъ выше всего, то и намъ не было бы причины заниматься денежнымъ дѣломъ. Денежное жидовство есть продуктъ вашей цивилизаціи: когда мы были самостоятельны, мы славились религіей, а не деньгами, храмомъ, а не биржей. То, что есть хорошаго въ нашей натурѣ, идетъ отъ праотца нашего Авраама; то, что есть хорошаго въ нашемъ быту, идетъ отъ нашего законодателя Моисея, а все, что есть дурного и въ нашей натурѣ, и въ нашемъ быту, есть плодъ нашего приспособленія къ тому обществу, среди котораго мы жили и живемъ: сначала къ обществу язычниковъ, а потомъ и въ особенности къ обществу христіанскому. Несмотря, однако, на это вольное и невольное „примѣненіе къ средѣ", исказившее нашъ первоначальный типъ, мы, все-таки, сохраняемъ свои главныя особенности, возвышающія насъ какъ надъ язычниками, такъ и надъ христіанами, а именно: непоколебимую привязанность къ своему религіозному закону, тѣсную солидарность между собою и добрые семейные нравы. Слиться съ современнымъ христіанскимъ обществомъ значило бы для еврейства потерять свои нравственныя основы, не получивъ ничего въ замѣнъ.

„Не говорите намъ, что дурное устройство и худая жизнь христіанскаго общества не упраздняютъ внутреннихъ преимуществъ христіанской религіи, что религіозная истина имѣетъ свою собственную особую область. Это мы знаемъ, и нашъ великій синедріонъ еще въ древнія времена указалъ три основы для нашей религіозной жизни: ученіе, богослуженіе и дѣятельную любовь. Но, различая эти три основы, мы считаемъ непозволительнымъ и нечестивымъ отдѣлять ихъ другъ отъ друга, отдѣлять теорію отъ практики, богослуженіе отъ человѣколюбія. Въ этомъ отдѣленіи есть ложь. Поэтому, хотя бы мы и признали, что ваше христіанское ученіе истинно, и ваше богослуженіе правильно, но, видя, что ваша жизнь и дѣла ваши не управляются закономъ любви и

правды божеской и человѣческой, мы считаемъ вашу религію безсильною и не желаемъ къ ней присоединиться.

„Если бы мы, евреи, не могли понять сущность христіанства, то мы ни за что не хотимъ принять вашего отношенія къ религіи, какъ къ какой-то отвлеченной истинѣ. По нашему, истина не можетъ быть отвлеченной, не можетъ отдѣляться отъ практики жизни. Мы народъ закона, и самая истина есть для насъ не столько идея ума, сколько законъ жизни. А по вашему, напротивъ, истина—сама по себѣ, а практическая жизнь—сама по себѣ. Не только ваша житейская дѣйствительность не осуществляетъ вашего религіознаго идеала (чего и требовать нельзя), но васъ нисколько ни смущаетъ, что самый законъ вашей жизни, напримѣръ, въ области политики или соціальной экономіи, прямо противорѣчитъ вашему религіозному началу. У васъ люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній сходятся въ томъ, что религіозно-нравственныя требованія не имѣютъ никакого смысла въ политикѣ и соціальной экономіи, что здѣсь все рѣшается не человѣколюбіемъ и высшею правдой, а только себялюбивымъ интересомъ той или другой народности, того или другаго общественнаго класса. Такъ оно есть, такъ оно и должно быть, по вашему. Вашъ религіозный идеалъ есть выраженіе высшей святости, а законъ вашей жизни есть и остается закономъ грѣха и неправды. Вы убѣждены, что идеальное не можетъ быть практичнымъ, а практичное не можетъ быть идеальнымъ. Мы же, евреи, какъ бы низко ни падали, но на такое принципіальное отреченіе отъ истинной жизни и отъ живой истины, на такое узаконенное раздвоеніе и противорѣчіе между идеей и дѣломъ, на вѣчное безсиліе правды, на вѣчную неправду силы мы несогласны.

„Одно изъ двухъ: или ваша религія дѣйствительно неосуществима; тогда значитъ она есть лишь пустая и произвольная фантазія; или же она осуществима и, значитъ, вы лишь по своей дурной волѣ не осуществляете ее; въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ звать другихъ къ себѣ, раскайтесь и исправьтесь сами. Научитесь исполнять свой Новый Завѣтъ такъ, какъ мы исполняемъ свой Ветхій Завѣтъ, и тогда мы придемъ къ вамъ и соединимся съ вами. А теперь, если бы мы и хотѣли притти къ вамъ, то не можемъ, ибо не знаемъ, къ кому изъ васъ идти. Ваше царство раздѣлилось на ся и нѣтъ единодушія между вами. Покажите намъ то единое и вселенское христіанство, которое бы сняло съ насъ оковы народной исключительности".

Такую или подобную рѣчь могъ бы держать къ намъ всякій религіозный іудей. И никакія наши возраженія противъ его доводовъ не имѣли бы для него убѣдительной силы, пока практическое заключеніе его рѣчи остается неопровержимымъ. Дѣйствительно, мы не можемъ думать о соединеніи еврейства съ христіанскимъ міромъ, пока самъ этотъ міръ раздѣленъ въ себѣ; мы не можемъ ждать, чтобы евреи пожертвовали намъ своею народною исключительностью, когда среди насъ самихъ національная вражда возобладала надъ вселенскомъ единствомъ; мы не имѣемъ права требовать, чтобы религіозные евреи оставили свои мечтанія о будущемъ царствѣ Мессіи, когда мы не можемъ дать имъ настоящаго царства Мессіи; мы не можемъ, наконецъ, убѣдить евреевъ, чтобы они повѣрили въ христіанство, когда мы сами такъ плохо вѣримъ въ него. Тѣ изъ насъ, которые думаютъ, что христіанство никогда не достигнетъ единства въ себѣ и никогда не получитъ власти надъ нашею жизнью, тѣмъ самымъ признаютъ безсиліе своей религіи, и передъ евреями они безотвѣтны.

Сохраненное, благодаря Талмуду, въ своемъ религіозно-національномъ обособленіи еврейство еще не утратило смысла своего существованія. Оно стоитъ доселѣ живымъ укоромъ христіанскому міру. Оно не споритъ съ нами объ отвлеченныхъ истинахъ, а обращается къ намъ съ требованіемъ правды и вѣрности: или отказаться отъ христіанства, или приняться рѣшительно за его осуществленіе въ жизни. Бѣда для насъ не въ

излишнемъ дѣйствіи Талмуда, а въ недостаточномъ дѣйствіи Евангелія. Отъ насъ самихъ, а не отъ евреевъ, зависитъ желанное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Заставить евреевъ отказаться отъ законовъ Талмуда мы не можемъ, но примѣнить къ самому еврейству евангельскія заповѣди всегда въ нашей власти. Одно изъ двухъ: или евреи не враги намъ, тогда и еврейскаго вопроса вовсе не существуетъ, или же они наши враги, и въ такомъ случаѣ относиться къ нимъ въ духѣ любви и мира—вотъ единственное христіанское разрѣшеніе еврейскаго вопроса.

Владиміръ Соловьевъ.

Именемъ любви.

(30 іюня 1680 года *).

День голубой занялся надъ Мадридомъ,
Томительно-палящій лѣтній день;
Но не садовъ живительная тѣнь
Зоветъ толпу: великолѣпнымъ видомъ,
Повеселить готовится король
Свой пышный дворъ и уличную голь.

Стукъ топора и визгъ пилы былъ слышенъ
На площади шестнадцать долгихъ дней.
Тамъ лабиринтъ воздвигнутъ галлерей
И пестрыхъ ложъ... Какъ дамъ уборъ тамъ пышенъ!
Какъ рыцарей галантны видъ и рѣчь!—
Жидовъ и вѣдьмъ сегодня будутъ жечь.

Чу! близятся... Неясный гулъ движенья...
И замеръ духъ у зрителей въ груди!
Съ мечами трубочисты впереди;
А вотъ и тѣ... Блѣдны, какъ привидѣнья,
Босые всѣ, со свѣчками въ рукахъ,
Въ сорочкахъ бѣлыхъ, въ страшныхъ колпакахъ.

Съ хоругвями, эмблемами, крестами
Святая инквизиція грядетъ,
Монахи, патеры, епископы... Народъ
Раздался въ глубь бурливыми волнами,
И съ верхнихъ ложъ благочестивый дворъ
На сцену устремилъ горящій взоръ.

---

*) Въ этотъ день,—ровно 220 лѣтъ назадъ,—въ столицѣ Испаніи было сожжено свыше ста человѣкъ—еретиковъ, колдуновъ, вѣдьмъ и марранов (такъ назывались евреи-выкресты, вновь обратившіеся къ религіи предковъ).

Пришли... Стоятъ съ покорностью печальной...
И зашумѣла буря голосовъ:
«Огня! огня! долой еретиковъ!»
Но вдругъ... что тамъ? Раздвинувъ кругъ опальный,
Фигура отдѣлилась... Вотъ она
Предъ трономъ королевы склонена.

И кто бъ рѣшилъ—которая прекраснѣй
Была изъ двухъ? Она ль, къ порфирѣ чьей
Летѣлъ восторгъ безчисленныхъ очей,
Иль та, которой не было несчастнѣй
Подъ солнцемъ, озарявшимъ этотъ мигъ?
Въ слезахъ былъ весь марранки юной ликъ.

—«О, сжальтесь, королева, надо мною,»
Она шептала, руки заломивъ:—
«Пятнадцать лѣтъ всего мнѣ... Судъ правдивъ,
Но—умереть такъ рано!... Я ль виною,
Что Богу силъ есть въ мірѣ тьма именъ,
Что мой законъ—моихъ отцовъ законъ?»

Все смолкло вмигъ—отъ гнѣва, изумленья...
Надежда—здѣсь, тамъ—леденящій страхъ...
У королевы слезы на глазахъ,
Дрожитъ рука,—и кроткій звукъ прощенья
Сорваться съ устъ трепещущихъ готовъ:
На короля глядитъ она безъ словъ.

Но вотъ уста задвигались сухія—
(Великій инквизиторъ встать спѣшитъ):
«Король Христовой церкви! Врагъ не спитъ—
Отринь скорѣй его навѣты злые,
Сверши свой долгъ!»—И, руку вверхъ поднявъ,
Король въ отвѣтъ: «Клянусь, отецъ,—ты правъ!»

И эта клятва мрачными попами
Повторена... Раздался слабый стонъ—
И грянуло аминь со всѣхъ сторонъ,
И вспыхнуло свирѣпой казни пламя!
Багровый дымъ поднялся къ небесамъ
Хвалой Тому, Кто былъ замученъ самъ.

П. Я.

Бисмаркъ и Лассаль.

Въ литературѣ о желѣзномъ канцлерѣ до сихъ поръ остается существенный пробѣлъ, касающійся одного изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ въ его богатой интересными эпизодами жизни. Это — его кратковременная близость съ Фердинандомъ Лассалемъ. Она прежде всего представляетъ громадный художественный интересъ, какъ встрѣча двухъ гигантовъ, столь несходныхъ между собою по міросозерцанію и по всему духовному складу; но она имѣетъ кромѣ того глубокое историческое значеніе.

Результатовъ вліянія Лассаля на Бисмарка можно искать въ двухъ направленіяхъ: въ исторіи введенія всеобщаго избирательнаго права въ 1867 г. и въ соціальномъ законодательствѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Еще не настало время подводить итоги этому эпизоду. Вліяніе соціально-экономическихъ взглядовъ Лассаля на политику имперскаго канцлера совершенно неясно, даже самый фактъ его требуетъ подтвержденія. Что касается перваго вопроса, то, несмотря на скудость матеріаловъ и отрывочность крайне разрозненныхъ извѣстій, уже является возможность съ достовѣрностью утверждать, что знакомство Бисмарка и Лассаля—событіе первостепенной важности, такъ въ конечномъ счетѣ оно подарило Германіи всеобщее избирательное право.

I.

Въ своей агитаторской дѣятельности Лассаль прежде всего является практикомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Уже то, что онъ исключалъ изъ своей программы революцію, т. е. насильственную замѣну одного порядка другимъ *); что вся его дѣятельность носитъ опредѣленно-національный, не космополитическій характеръ; что ближайшая цѣль его агитаціи политическая, не соціальная—ужъ это одно показываетъ, что онъ стремился къ легче достигаемымъ вещамъ, что его планы для своего осуществленія требовали сравнительно небольшого промежутка времени. Исторія показала, что онъ былъ въ этомъ отношеніи правъ. Первая часть его программы, политическая, осуществлена.

Практикомъ, но уже съ нѣсколько инымъ характеромъ, является Лассаль и въ отыскиваніи средствъ для осуществленія своихъ плановъ. Тутъ приходится отмѣтить тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что человѣкъ, который былъ полонъ несокрушимой вѣры въ могущество идеи, въ ея способность превращаться въ дѣйствительность, разъ пробилъ извѣстный моментъ,—могъ обращаться къ такимъ средствамъ, которыя съ идеей ровно ничего общаго не имѣли. Гегелевская философія уступала мѣсто реальной, въ мундиръ и каску одѣтой, силѣ.

---

*) Его революція—простая, естественная перемѣна отношеній.

Такое настроеніе выходитъ, какъ будто, нѣсколько некрасиво для такого убѣжденнаго идеолога, для апостола правъ четвертаго сословія, но оно было естественно. Въ разгарѣ агитаціи фактъ сношеній Лассаля съ правительствомъ могъ вредить и вредилъ дѣлу, вызывая несогласіе между нимъ и другими видными вождями обще-германскаго рабочаго союза, напр., Фальтейхомъ; но, когда теперь приходится объективно оцѣнивать условія дѣятельности рабочей партіи, авторитарность Лассаля, если и не оправдывается—то, по крайней мѣрѣ, легко объясняется. Его заслуга въ томъ самомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ отступалъ отъ прямого пути, такъ безмѣрно велика и результаты этого отступленія для дѣла такъ богаты, что поневолѣ забываются его заигрыванія съ Бисмаркомъ. Не даромъ же его партія все простила ему и чтитъ его такъ же, какъ и другого своего апостола—Маркса, безупречнаго въ этомъ отношеніи.

II.

Въ 1862 году много крови было испорчено у Бисмарка. Конфликтъ съ прусской палатой тормозилъ его планы—и, хотя Бисмаркъ былъ далеко не изъ робкихъ людей, однако дѣйствовать подъ тяжестью уголовнаго обвиненія даже для такого рыцаря безъ предразсудковъ было тяжело. Прогрессисты (Fortschrittspartei) вели дѣло очень неумѣло и эта неумѣлость сильно облегчала задачу министра; но—какъ бы то ни было—даже съ неумѣлыми политиками приходилось считаться: право было на ихъ сторонѣ. Бисмаркъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, понималъ цѣну тѣхъ софизмовъ, которыми онъ утѣшалъ палату, собирая налоги и формируя баталіоны и полки безъ ея санкціи, и былъ бы не прочь какъ-нибудь оформить свое положеніе.

Въ такую то непріятную для Бисмарка пору раздался противъ прогрессистовъ могучій голосъ оттуда, откуда его никто не ожидалъ. Говорившій называлъ себя чистымъ и радикальнымъ демократомъ и громилъ прогрессистовъ за ихъ „пассивное сопротивленіе". Призывъ къ активному протесту противъ министерства и его безцеремонной политики, однако, запоздалъ, и Бисмарка поэтому не обезпокоилъ, а та безпощадная критика, которой подверглась тактика прогрессистовъ и сами они, пришлась ему очень по сердцу, хотя тутъ перепадало и ему самому. Это была рѣчь Лассаля—„о конституціи".

Необыкновенно даровитый ораторъ и врагъ его враговъ—такимъ явился Бисмарку Лассаль. Къ даровитымъ людямъ онъ всегда питалъ слабость, а союзниками, откуда бы они ни являлись, не пренебрегалъ никогда. Сейчасъ же его довѣренные люди съ Вагенеромъ во главѣ вошли въ сношеніе съ Лассалемъ, его газеты стали разсыпаться передъ нимъ въ комплиментахъ, чтобы окончательно заручить его на свою сторону. Связи между демократіей и правящей партіей были заложены. Вѣроятно, къ этому времени (первые мѣсяцы 1862 г.) относится начало и личнаго знакомства Лассаля съ Бисмаркомъ.

Что прогрессисты играли роль въ этомъ сближеніи, видно изъ слѣдующаго эпизода. Во время тріумфальнаго объѣзда Лассалемъ Рейна, осенью 1863 г., бюргермейстеръ-прогрессистъ распустилъ въ Золингенѣ рабочее собраніе. Лассаль немедленно послалъ Бисмарку телеграмму: „Бюргермейстеръ изъ прогрессистовъ распустилъ собраніе безъ всякой законной причины. Прошу скорѣйшаго, строжайшаго законнаго удовлетворенія". Казалось бы, не все ли было Лассалю равно, къ какой партіи принадлежитъ бюргермейстеръ? Но онъ зналъ, что Бисмарка особенно легко убѣдить въ своей правотѣ, когда въ ней сомнѣваются именно прогрессисты.

III.

Итакъ, мы можемъ съ большей или меньшей вѣроятностью догадываться о первоначальныхъ поводахъ сближенія Лассаля и Бисмарка. Соберемъ и сопоставимъ имѣющіяся у насъ данныя по этому поводу.

Вотъ, во-первыхъ, страничка изъ воспоминаній о Лассалѣ одной очень легкомысленной дамы, послѣдней возлюбленной великаго агитатора, Елены Деннигесъ. Эта дама разсказываетъ, какъ однажды жена одного изъ близкихъ Бисмарку людей въ ея присутствіи проболталась о посѣщеніи Лассалемъ желѣзнаго министра и о произведенномъ имъ на него впечатлѣніи. Мужъ строгимъ взглядомъ заставилъ жену перемѣнить тему разговора, но г-жа Деннигесъ ужъ успѣла заинтересоваться и при первой же встрѣчѣ пристала къ Лассалю, чтобы онъ признался ей, въ чемъ дѣло. Лассаль долго отнѣкивался, но любознательная дама приставала очень энергично—и онъ будто бы сказалъ: „То, чего хотѣлъ отъ меня Бисмаркъ, не состоялось и не могло состояться. Мы оба слишкомъ хитры, оба замѣтили обоюдную хитрость и прекрасно могли бы разсмѣяться, глядя другъ на друга. Но для этого мы достаточно воспитаны и все дѣло обошлось одними визитами и остроумной болтовней".

Нѣтъ особенно вѣскихъ основаній не вѣрить передачѣ фразы Лассаля. Во-первыхъ, для г-жи Деннигесъ она слишкомъ остроумна, а, во-вторыхъ, слова Лассаля находятъ подтвержденіе и съ другой стороны. У насъ есть параллельныя свидѣтельства, принадлежащія большой пріятельницѣ Лассаля, графинѣ Гацфельдъ и Бисмарку *). Фактъ знакомства и существованія какихъ-то переговоровъ, то, что въ переводѣ на свѣтскій языкъ Лассаль называлъ визитами и остроумной болтовней, подтверждается—только Гацфельдъ и Бисмаркъ даютъ почти вездѣ противорѣчащія показанія. Не надо забывать, что со старой графиней, которую онъ очень цѣнилъ за умъ и образованность, Лассаль былъ и сообщительнѣе, и откровеннѣе въ вопросахъ, не имѣющихъ личнаго интереса, чѣмъ съ молодыми красавицами.

Графиня Гацфельдъ утверждаетъ, что переговоры были начаты Бисмаркомъ. Бисмаркъ приписываетъ иниціативу Лассалю. По его словамъ, встрѣчались они три - четыре раза, разговора о политикѣ не вели и, разставшись, до самой смерти Лассаля оставались въ хорошихъ отношеніяхъ. Но графиня Гацфельдъ говоритъ, что встрѣчи происходили гораздо чаще, и переговоры, носившіе политическій характеръ, были рѣзко оборваны изъ-за нежеланія Бисмарка тогда же октроировать общее избирательное право.

Показанія Гацфельдъ можно заподозрить только въ одномъ пунктѣ. Бисмаркъ, повидимому, правъ, говоря, что переговоры не прерывались или, по крайней мѣрѣ, отношенія оставались настолько приличны, что Лассаль прибѣгалъ къ помощи министра по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ общей политикѣ и общественнымъ вопросамъ; такъ, благодаря протекціи Бисмарка, весной 1864 г. извѣстная депутація силезскихъ ткачей была принята Вильгельмомъ и даже получила кучу обѣщаній, которыя, впрочемъ, никогда не были исполнены. Что касается до остальнаго, то, очевидно, Бисмаркъ хитритъ и удаляется отъ истины. Встрѣчи были часты и дѣло шло о политикѣ.

Въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ въ 1878 году Бисмаркъ характеризуетъ Лассаля, прибавляя нѣсколько свѣдѣній о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Говоря объ отсутствіи политическаго элемента въ ихъ отношеніяхъ, Бисмаркъ замѣчаетъ: „Въ политикѣ господствуетъ принципъ do ut des. Между тѣмъ онъ не могъ ничего предложить или дать мнѣ,—у него за собой ничего не было. Правда, какъ частному человѣку, онъ могъ дать мнѣ многое, но не какъ министру. Это былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ людей, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться..., отнюдь не республиканецъ; онъ всегда былъ преисполненъ національныхъ и монархическихъ убѣжденій"...

Многое припоминается, когда читаешь этотъ отрывокъ, и прежде всего знаменитый лассалевскій девизъ (въ одномъ изъ писемъ къ Родбертусу)—Grossdeutschland moins les

*) Они сопоставлены у Меринга въ его исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи (Geschichte d. Socialismus. B. III).

dynasties. Затѣмъ, дѣло едва-ли шло о примѣненіи принципа do ut des. Лассаль ставилъ вопросъ совсѣмъ по-другому: онъ не просилъ чего-нибудь для себя, а убѣждалъ Бисмарка въ томъ, что общее избирательное право явится превосходнымъ политическимъ орудіемъ для самого министра, что оно поможетъ ему осуществить издавна лелѣянную имъ мечту объ объединеніи Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. А годъ спустя, когда за Лассалемъ шелъ уже обще-германскій рабочій союзъ, можно было говорить и о do ut des.

Бисмаркъ не только ничего не имѣлъ противъ образованія рабочаго союза: онъ, повидимому, еще до воззванія Лейпцигскаго Центральнаго Комитета, предпринималъ шаги въ этомъ направленіи. Одинъ любопытный эпизодъ можетъ кое-что разъяснить. Въ октябрѣ 1862 года въ рабочихъ обществахъ для самообразованія, устроенныхъ прогрессистами, появился агитаторъ Эйхлеръ, выдававшій себя за оставшагося безъ дѣла рабочаго, и сталъ доказывать, что либеральные принципы съ идеей самопомощи во главѣ не могутъ привести ни къ чему, что для сколько-нибудь успѣшнаго дѣйствія рабочимъ нужна помощь государства, что государство готово ее доставить, и Бисмаркъ ассигновалъ 30000 таллеровъ для учрежденія производительной ассоціаціи. Организованная на новыхъ началахъ рабочая партія должна вступить въ союзъ съ правительствомъ и напасть на прогрессистовъ съ тылу, чтобы поскорѣе справиться съ врагомъ. Когда нѣкоторые изъ аллюровъ агитатора возбудили подозрѣнія, Эйхлеръ внезапно исчезъ изъ рабочихъ круговъ и преобразовался... въ прусскаго полицейскаго чиновника. Бебель въ 1878 году припомнилъ въ рейхстагѣ этотъ эпизодъ Бисмарку, но тотъ сталъ открещиваться отъ Эйхлера и отъ авторства во всей этой исторіи, но несомнѣнно, что если онъ даже не былъ иниціаторомъ Эйхлеровой миссіи, то во всякомъ случаѣ зналъ и одобрялъ ее *).

Поэтому Бисмаркъ отнесся къ Лассалю съ такимъ вниманіемъ уже на первыхъ порахъ, когда вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ не выдвигался и когда министра занималъ болѣе неотложный вопросъ: какъ справиться съ оппозиціей прогрессистовъ. Въ началѣ Лассаль съ его выдающимися дарованіями былъ только союзникомъ in spe, потомъ сдѣлался союзникомъ фактически; лишь позднѣе онъ сталъ въ положеніе совѣтника.

Теперь ясно, что сообщенія Бисмарка въ рейхстагѣ требуютъ серьезныхъ поправокъ.

IV.

Въ своей дѣятельности Лассаль логически долженъ былъ придти къ идеѣ общаго, равнаго, прямого избирательнаго права.

Онъ поднималъ рабочихъ во имя извѣстныхъ общественно-экономическихъ идеаловъ; достигнуть этихъ идеаловъ при современныхъ ему политическихъ условіяхъ было невозможно. Значитъ, надо было измѣнить эти условія. Измѣнить политическія условія въ конституціонномъ государствѣ можно было только измѣнивъ конституцію,—т. е., по Лассалю, реальное соотношеніе силъ, дѣйствовавшихъ въ государствѣ,—и дать перевѣсъ рабочимъ на вѣсахъ этого реальнаго соотношенія. А это было возможно лишь при условіи созданія изъ рабочаго класса, изъ пролетаріата, компактной группы, партіи въ чисто политическомъ значеніи этого слова, которая парламентскимъ путемъ могла бы добиться своего. А созданіе и сколько-нибудь успѣшная дѣятельность рабочей партіи, въ свою очередь, возможны лишь при господствѣ общаго избирательнаго права.

Вотъ почему Лассаль сдѣлалъ достиженіе общаго избирательнаго права своей ближайшей задачей и поставилъ разрѣшеніе соціальнаго вопроса въ непосредственную зависимость отъ разрѣшенія политическаго. Это—одна изъ наиболѣе плодотворныхъ идей

*) Bernstein. F. Lassalle und seine Bedeutung für die Sozialdemokratie, въ I томѣ собранія сочиненій Лассаля, стр. 109—110.

великаго агитатора. Для него общее избирательное право являлось Magenfrage и встрѣчи съ нимъ ему невозможно было обойти.

Теперь намъ понятно, какова была главная цѣль охаживанія Бисмарка. Вести съ нимъ дѣло обычнымъ путемъ, конечно, оказывалось немыслимо. Въ лучшемъ случаѣ пришлось бы разыгрывать авгуровъ, а то Бисмаркъ и совсѣмъ бы не сталъ слушать Лассаля.

Несомнѣнно у Лассаля были другіе аргументы, настолько если не убѣдительные, то интересные для Бисмарка, что свиданія ихъ повторялись неоднократно.

Каковы были эти аргументы, мы не знаемъ достаточно подробно, но во всякомъ случаѣ содержаніе ихъ въ общихъ чертахъ намъ извѣстно изъ двухъ писемъ Лассаля къ Бисмарку отъ 1-го и 16-го января 1864 года, опубликованныхъ Горстомъ Колемъ въ Bismarck Jahrbücher 1897 года (т. IV, стр. 166—167). Они вводятъ насъ въ самый центръ этихъ историческихъ свиданій. Въ одномъ Лассаль сообщаетъ, что послѣ ихъ бесѣды онъ пересмотрѣлъ всю литературу о техникѣ выборовъ во Франціи и, повидимому, повторяя сказанное на словахъ, еще разъ напоминаетъ министру, что общее избирательное право дастъ возможность Пруссіи нравственно завоевать всю Германію. „Ein immenses Machtmittel! Die wirkliche „moralische" Eroberung Deutschlands!" восклицаетъ Лассаль. Въ другомъ онъ проситъ у него еще одного свиданія, которое, по его мнѣнію, будетъ рѣшающимъ, такъ какъ тутъ они должны будутъ окончательно переговорить о деталяхъ выборной системы. Здѣсь же Лассаль прибавляетъ, что нашелъ пути къ устраненію встрѣченныхъ ими затрудненій.

Эти письма дѣлаютъ несомнѣннымъ то, что Бисмаркъ смотрѣлъ на эти бесѣды очень серьезно и что въ 1878 году онъ облыжно хотѣлъ доказать отсутствіе въ нихъ политическихъ цѣлей. Кромѣ этого, письма выясняютъ еще одно обстоятельство. Лассаль внушилъ Бисмарку идею цѣлесообразности для Пруссіи и для Германіи вообще всеобщаго избирательнаго права. Повидимому, съ каждымъ свиданіемъ онъ одно за другимъ устранялъ всевозможныя принципіальныя и практическія затрудненія, которыя представлялись Бисмарку, смотрѣвшему на дѣло со своей спеціальной точки зрѣнія.

Чтобы отчетливѣе представить эту сторону дѣла, мы приведемъ еще одно письмо. на этотъ разъ письмо Бисмарка къ графу Бернсторфу, прусскому посланнику въ Лондонѣ, написанное какъ разъ наканунѣ введенія общаго избирательнаго права 19 апр. 1866 года (Sybel Begründung etc B. IV, 318).

Письмо къ Бернсторфу между прочимъ гласитъ... „Я рѣшаюсь высказать основанное на долгомъ опытѣ убѣжденіе, что искусственная система косвенныхъ и классовыхъ выборовъ является гораздо болѣе опасной, такъ какъ она препятствуетъ сношенію высшей власти со здоровыми элементами, составляющими ядро и массу народа.

Въ странѣ съ монархическими традиціями и лойальнымъ настроеніемъ общее избирательное право поведетъ къ монархическимъ выборамъ, устранивъ вліяніе либеральныхъ буржуазныхъ классовъ (курсивъ нашъ), точно также, какъ въ странахъ, гдѣ массы настроены революціонно,—къ анархическимъ. А въ Пруссіи $^{9}/_{10}$ народа вѣрно королю и лишено возможности высказать свое мнѣніе, исключительно благодаря искусственому механизму выборовъ."

Незадолго передъ этимъ Бисмаркъ отправилъ депешу баварскому правительству, которое медлило отвѣтомъ на предложеніе всеобщаго избирательнаго права и предлагало взамѣнъ общихъ выборовъ собрать делегаціи отъ ландтаговъ. Въ депешѣ Бисмаркъ утверждалъ, что это собраніе не будетъ имѣть достаточно авторитета для націи и рѣзче, чѣмъ въ письмѣ къ Бернсторфу подчеркиваетъ недостаточность классовой системы. „Прямые выборы и общее избирательное право—говоритъ онъ—я считаю болѣе прочными залогами консервативнаго направленія (Haltung), чѣмъ какой-нибудь искусственный избирательный законъ. По нашему опыту, массы честнѣе заинтересованы въ под-

держаніи государственнаго порядка, чѣмъ вожди привилегированныхъ въ избирательномъ отношеніи классовъ."

А вотъ какъ защищалъ Бисмаркъ идею всеобщаго избирательнаго права въ Учредительномъ Рейхстагѣ, вырабатывавшемъ конституцію для Сѣверо-Германскаго Союза, 24 февр. 1867 года (Tzschoppe, Gesch. des deutsch. Reichstags-Wahlrechts, 39 и слѣд.)

„Общее избирательное право является для насъ въ извѣстной степени наслѣдіемъ нѣмецкихъ объединительныхъ стремленій; мы встрѣчаемъ его въ проектѣ имперской конституціи, выработанномъ во Франкфуртѣ,—мы противопоставили его въ 1863 г. тогдашнимъ поползновеніямъ Австріи, и я могу сказать одно: я, по крайней мѣрѣ не знаю лучшаго избирательнаго закона. Конечно, есть много недостатковъ, которые приводятъ къ тому, что имъ не вполнѣ фотографируется и является отраженнымъ en miniature мнѣніе народа... *) Что могутъ предложить вмѣсто него его противники? Быть можетъ прусскую трехклассную систему? Тотъ, милостивые государи, кто близко присматривался къ ея дѣйствію и къ тѣмъ сочетаніямъ, которыя она производитъ въ странѣ, долженъ будетъ сознаться, что болѣе безсмысленнаго, болѣе жалкаго избирательнаго закона нѣтъ ни въ одномъ государствѣ... Если бы его изобрѣтатель могъ себѣ представить его въ дѣйствіи, онъ навѣрное никогда бы не предложилъ его. Подобный произволъ и даже жестокость лежитъ въ основѣ всякаго ценза, и эта жестокость особенно чувствительна тамъ, гдѣ цензъ отбрасываетъ, гдѣ начинается исключеніе (изъ числа имѣющихъ право голоса); едва ли мы можемъ доказать исключаемому справедливость того, что онъ попадаетъ въ положеніе гелота и политически умираетъ только потому, что онъ платитъ налогъ не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ его сосѣдъ... Я оставляю вопросъ открытымъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не докажетъ мнѣ съ полной убѣдительностью, что другой избирательный законъ лучше и свободнѣе отъ недостатковъ, чѣмъ предлагаемый и отмѣчается такими достоинствами, какихъ нѣтъ у него. Но не думаю, чтобы споры привели къ чему нибудь. Мы предложили нашъ избирательный законъ съ самаго начала потому, что онъ предписываетъ прямые, а не косвенные выборы, я убѣжденъ, что косвенные выборы—фальсификація выбора, фальсификація мнѣнія страны..."

Прежде, чѣмъ обсуждать эти документы, сопоставимъ съ ними отрывокъ изъ XXI главы „Мемуаровъ" Бисмарка, касающійся тоже подготовки Сѣверо-Германскаго союза и его конституціи **). „Предусматривая необходимость въ борьбѣ съ могущественной иностранной державой воспользоваться, въ крайнемъ случаѣ, и революціонными средствами, я не задумался путемъ циркулярной депеши 10-го іюня 1866 года бросить на сковороду самое сильное изъ существовавшихъ въ то время орудій для достиженія свободы, именно общее избирательное право; это должно было отвадить иностранныя манархіи отъ протягиванія пальцевъ къ нашей національной яичницѣ. Я никогда не сомнѣвался, что нѣмецкій народъ явитъ достаточно силы и ловкости, чтобы самому отдѣлаться отъ существовавшаго избирательнаго права, какъ только обнаружилось бы, что это вредное учрежденіе. Въ противномъ случаѣ мое выраженіе: посадите Германію на сѣдло—поѣхать же сама съумѣетъ—оказалось бы невѣрно. Принятіе общаго избирательнаго права было оружіемъ въ войнѣ съ Австріей и другими странами, въ войнѣ за единство Германіи... Въ такого рода войнѣ—на жизнь и смерть—, некогда разсматривать орудіе, за которое хватаешься и справляться съ цѣнностью того, что оно разрушаетъ. Думаешь объ одномъ—объ исходѣ войны и объ охранѣ независимости извнѣ. Устройство дѣлъ и возмѣщеніе убытковъ откладывается до заключенія мира. Впрочемъ, и помимо этого я всегда (курс.

*) Бисмаркъ самъ позаботился о томъ, чтобы эти недостатки остались въ силѣ. Чѣмъ инымъ, какъ не искуснымъ съ точки зрѣнія правительства распредѣленіемъ избирательныхъ округовъ объясняется ничтожное сравнительно съ количествомъ избирателей число рабочихъ депутатовъ.

**) Т. II. стр. 58.

нашъ) считалъ принципъ общаго избирательнаго права справедливымъ не только въ теоріи, но и на практикѣ...“

V.

Если мы сопоставимъ теперь то, что писалъ Бисмаркъ въ 1866 году *), и то, что диктовалъ послѣ отставки, мы не можемъ не замѣтить, что аргументація въ томъ и другомъ случаѣ совершенно различна.

Въ 1866 году министръ старается оправдать свою политику передъ заинтересованными государствами. Идея общаго избирательнаго права прививалась туго уже потому, что вмѣстѣ съ нею у всѣхъ вставало воспоминаніе о 1848 годѣ, о франкфуртскомъ парламентѣ и вообще обо всей революціонной эпопеѣ. Послѣ 1848 года нѣмцевъ усиленно заставляли забыть о томъ, что было, и не жалѣли средствъ для того, чтобы забвеніе было, по возможности, полнѣе... Мантейфель, Гассенпфлугъ, Виндишгрецъ, штутгартская агонія, разрушенныя баррикады въ Бреславлѣ и потоки крови по всей Германіи—вотъ тѣ сильно дѣйствующія средства, которыя должны были дать Германіи это благополучное забвеніе.

Этихъ средствъ хватило лѣтъ на двѣнадцать-тринадцать, когда въ 1863 году Лассаль своей агитаціей снова напомнилъ объ идеѣ общаго избирательнаго права. Но его пропаганда, во-первыхъ, почти не выходила изъ предѣловъ Пруссіи, во-вторыхъ, результаты ея въ теченіе трехъ лѣтъ были настолько незначительны, что правительства Германіи могли спать спокойно. Но, когда въ 1866 году иниціативу проведенія этой идеи взялъ на себя Бисмаркъ, покой Германіи сразу былъ нарушенъ. И Бисмаркъ былъ слишкомъ тонкій дипломатъ **), чтобы не понять этого. Поэтому въ своей аргументаціи онъ стремится, съ одной стороны, ослабить идейную связь избирательной реформы съ призраками сорокъ восьмаго года, съ другой—подчеркнуть ея полное соотвѣтствіе съ идеей монархизма. Для первой цѣли служитъ намекъ на нейтрализацію при общемъ избирательномъ правѣ вліянія буржуазіи, составлявшей, какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, ядро оппозиціи того времени, а для второй—успокоительныя обѣщанія торжества монархическихъ элементовъ.

Словомъ, эти разъясненія имѣютъ совершенно опредѣленую дипломатическую цѣль и не заключаютъ въ себѣ изложенія главныхъ причинъ, побудившихъ Бисмарка октроировать Германіи общее избирательное право. Онъ, быть можетъ, и думалъ то, что говорилъ, но говорилъ далеко не все, что думмлъ. Въ своей рѣчи въ Учредительномъ Рейхстагѣ Сѣверо-Германскаго Союза, Бисмаркъ уже высказывается смѣлѣе и не боится даже приподнять покрывало со страшной родословной всеобщаго избирательнаго права. Правда, о сорокъ восьмомъ годѣ оно говоритъ глухо и сейчасъ же подчеркиваетъ неудачу франкфуртскаго проекта Австріи создать конфедерацію нѣмецкихъ государствъ съ делегатами отъ ландтага, неудачу, которою Австрія была обязана исключительно ему. Бисмаркъ ужъ и тогда (авг. 1863 года) стоялъ за всеобщее избирательное право. Теперь (февр. 1867 г.) это можно было высказать съ меньшими опасеніями, чѣмъ до войны. Сѣверъ Германіи уже фактически вошелъ въ союзъ съ Пруссіей, и Бисмаркъ зналъ, что этотъ союзъ не разрушится изъ-за разногласія по поводу избирательнаго закона. За то тутъ, въ парламентѣ, ему надо было соблюдать осторожность съ другой стороны: онъ защищалъ демократическую мѣру передъ собраніемъ, гдѣ большинство такъ или иначе принадлежало буржуазіи; поэтому нападая на

*) Оба письма несомнѣнно содержатъ въ себѣ оффиціальное выраженіе мнѣній Бисмарка по вопросу объ избирательной реформѣ и во всякомъ случаѣ не стоятъ одиноко. Такихъ циркуляровъ было много.

**) Письмо къ Бернсторфу, конечно, диктовка разъясненій передъ англійскимъ правительствомъ. Въ нужное время министръ никогда не оставлялъ лицъ, занимающихъ отвѣтственные посты, своими отеческими попеченіями.

буржуазный трехъ-классный законъ *), Бисмаркъ тщательно обходитъ принципіальную классовую сторону вопроса и старается доказать его негодность техническими и отчасти моральными соображеніями. Говорить о томъ, что всеобщее избирательное право было направлено противъ буржуазной оппозиціи было излишне, потому что союзныя правительства были заранѣе предупреждены объ этомъ дипломатическимъ путемъ. Имъ Бисмаркъ говорилъ о классовомъ характерѣ новаго закона, а передъ парламентомъ кокетничалъ, подмигивая въ сторону 48-го года. Но всѣхъ своихъ аргументовъ онъ не выкладываетъ и тутъ. Въ мемуарахъ онъ договариваетъ.

Тутъ опять-таки онъ выставляетъ двѣ причины, которыя заставляютъ его принять принципъ всеобщаго избирательнаго права:—безопасность государства извнѣ и безопасность его изнутри. Извнѣ потому, что онъ вѣритъ въ великое воспитательное значеніе этого института, вѣрить въ то, что народъ, воспитанный политически, съумѣетъ себя защитить отъ внѣшнихъ нападеній. Изнутри потому, что если бы общее избирательное право не было добровольно октроировано сверху, то народъ несомнѣнно съумѣлъ бы самъ взять его, но это было бы сопряжено съ большими непріятностями для правительства. Словомъ, Бисмаркъ откровенно и вполнѣ правильно объясняетъ тутъ свою политику. Вводя всеобщее избирательное право, онъ былъ простымъ исполнителемъ требованій исторической необходимости. Великая заслуга его заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ понять эти требованія. Но еще лучше понималъ ихъ Лассаль, растолковавшій ему все положеніе дѣлъ. Какъ всегда тутъ болѣе близкія, непосредственныя соображенія прикрывали истинные мотивы, но по существу дѣло отъ этого не измѣнялось.

Естественно, что ни ту, ни другую изъ причинъ, указанныхъ въ мемуарахъ, нельзя было объявить въ циркулярной депешѣ, потому что ни для одного изъ государей не могло представлять никакого интереса помогать росту прусскаго могущества, а соображеніями о реформѣ снизу Бисмаркъ просто не хотѣлъ безпокоить и безъ того растревоженной Германіи.

VI.

Откуда же взялись всѣ эти идеи у Бисмарка? Мы прекрасно знаемъ, каковъ былъ образъ его мыслей въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ и имѣемъ полное право сомнѣваться въ томъ, что онъ всегда считалъ избирательное право справедливымъ теоретически и практически. Что же случилось?

Когда въ самый разгаръ конфликта въ Лейпцигѣ возникъ новый рабочій, центральный комитетъ и выкинулъ демократическое знамя, когда на его призывъ выступилъ Лассаль и полились неудержимымъ потокомъ его рѣзкія, безпощадныя филиппики противъ политики буржуазіи, правительство и его вѣрные прозелиты—консерваторы словно встрепенулись. И было отъ чего: вѣдь явился союзникъ противъ прогрессистовъ, да еще какой союзникъ! И Бисмаркъ, и наиболѣе дальновидные изъ консерваторовъ, въ родѣ Вагенера, сейчасъ же поняли смыслъ новаго демократическаго движенія и немедленно стали пытаться воспользоваться имъ. Вагенеръ открыто расшаркался передъ демократіей и въ полемикѣ съ буржуазіей ссылался на ея теоретиковъ; „Kreuzzeitung“, органъ консерваторовъ, приглашалъ правительство стать на точку зрѣнія Лассаля, чтобы получить „желанный поводъ пріобрѣсти прочный базисъ въ борьбѣ противъ прогрессистовъ и на основаніи ихъ ложныхъ соціальныхъ выводовъ доказать, какъ невѣрны ихъ политическія посылки“ **). Правда, газета, какъ это нерѣдко случается съ Kreuzzeitung'ами всѣхъ національностей, хватила черезъ край, ибо посрамленіе шульцевскихъ принциповъ не могло оправдать беззаконія Бисмарка, какъ бы ни старались объ этомъ кон-

*) Это однако не помѣшало ему оставить „безсмысленную и жалкую“ систему для Пруссіи. Тамъ она не затрогивала никакихъ высшихъ политическихъ интересовъ.

**) См. статью Г. Б. Іоллоса въ „Русск. Бог.“ мартъ 1898 г.

серваторы; но для насъ важенъ фактъ, полный глубокаго значенія,—тотъ фактъ, что „Kreuzzeitung“ протягивала руку Лассалю и просилась въ коалицію съ соціалдемократами противъ буржуазіи. Самъ Бисмаркъ въ объясненіяхъ, данныхъ въ палатѣ, по поводу упомянутаго выше пріема Вильгельмомъ депутаціи силезскихъ ткачей, говорилъ въ такомъ тонѣ о производительныхъ ассоціаціяхъ, какъ если бы онъ былъ вѣрнымъ ученикомъ Лассаля.

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ буржуазной оппозаціи, Бисмаркъ со чадами съ самыми ласковыми физіономіями открывали Лассалю и его приверженцамъ свои объятія. Лассаль, какъ уже знаетъ читатель, не побрезгалъ и пошелъ на встрѣчу Бисмарку, но пошелъ за тѣмъ, чтобы подвинуть свое дѣло, чтобы доставить торжество своимъ идеямъ, тѣмъ идеямъ, которыя „Kreuzzeitung“ считала „опаснымъ соціалистическимъ экспериментомъ“.

Вотъ дѣйствительное основаніе для тѣхъ историческихъ свиданій о которыхъ мы говорили.

VII.

Лассаль сумѣлъ импонировать Бисмарку, и во время бесѣдъ внушилъ министру идею необходимости общаго избирательнаго права. Слѣды взглядовъ Лассаля мы встрѣчаемъ уже въ августѣ 1863 года, т. е. непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ Лассаль изложилъ министру свои соображенія. Въ отвѣтѣ Франкфуртскому конгрессу, сообщая отказъ Пруссіи отъ участія въ предлагаемой Австріей конфедераціи, Бисмаркъ говоритъ, чт мѣсто собранія делегатовъ отъ ландтаговъ требуется собраніе представителей народа, „единственный законный органъ германской націи“, необходимый для подавленія партикуляристскихъ стремленій правительства. Это были идеи Лассаля *). Онѣ же воспроизводятся и въ депешахъ 1866 года, когда Бисмаркъ говоритъ о томъ, что масса больше заинтересована въ поддержаніи государственнаго порядка, чѣмъ буржуазія, что общее избирательное право нейтрализуетъ вліяніе либерально-буржуазныхъ классовъ. И эти мысли—плоть отъ плоти и кровь отъ крови мыслей Лассаля.

Еще яснѣе мысль Лассаля, высказанная имъ въ письмѣ къ Бисмарку и, повидимому, неоднократно высказывавшаяся имъ и въ разговорахъ—мысль, что общее избирательное право подниметъ престижъ Пруссіи,—воспроизводится въ мемуарахъ канцлера послѣ его паденія

Все сказанное, какъ намъ кажется, достаточно убѣдительно доказываетъ, что мысль введенія въ Германіи общаго избирательнаго права внушена Бисмарку Лассалемъ и что желѣзному министру оставалось только практически претворить идею великаго агитатора, выкроить изъ данной имъ матеріи платье по росту и по фигурѣ нарождающейся Германской имперіи. Платье потребовало нѣкоторой передѣлки, но въ общемъ оказалось сшито хорошо.

---

*) Косвенное подтвержденіе тому, что первые шаги Бисмарка, въ защиту всеобщаго избирательнаго права, были сдѣланы подъ вліяніемъ Лассаля и что Лассаль зналъ объ этомъ, мы находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ защитительной рѣчи Лассаля, произнесенной имъ въ мартѣ 1864 г. „Прокуроръ обвиняетъ меня въ томъ, что я хочу возстановить всеобщее избирательное право и тѣмъ сокрушить конституцію! Такъ вотъ, господа! Хоть я не болѣе, какъ частный человѣкъ, но я могу вамъ сказать: я не только хочу сокрушить ее, но ее сокрушу, прежде чѣмъ пройдетъ годъ. Но какъ? При этомъ не будетъ пролито ни капли крови, ни одинъ кулакъ не поднимется, грозя насиліемъ. Года не пройдетъ, какъ всеобщее избирательное право будетъ октроировано самымъ мирнымъ образомъ... и господинъ фонъ Бисмаркъ разыграетъ роль Роберта Пиля... Я зналъ это въ тотъ день, когда изданіемъ „Открытаго Отвѣта“ начиналъ свою агитацію... (Соч. Лассаля, изд. Бернштейна, т. II, стр. 814—815). Лассаль ошибся въ хронологическомъ расчетѣ, но знаменательно то, что такія рѣчи прошли ему даромъ. Это обвиненіе было то самое, которое Лассаль „поразилъ, какъ остріемъ меча“.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что, не будь Лассаля, Германія долго сидѣла бы на буржуазномъ трехклассномъ избирательномъ законѣ, но исторіи нѣтъ дѣла до подобныхъ гаданій. Она констатируетъ фактъ, а фактъ этотъ, поскольку позволяютъ судить имѣющіяся у насъ данныя, гласитъ, что духовнымъ отцомъ общаго избирательнаго права въ Германіи былъ Фердинандъ Лассаль.

Бисмаркъ, конечно, взвѣсилъ всѣ данныя какъ за, такъ и противъ общаго избирательнаго права, прежде, чѣмъ выступить на его защиту. Въ концѣ концовъ, вопросъ сводился для него къ тому, насколько новая система будетъ выгодна для Пруссіи. Лассаль, повидимому, совершенно убѣдилъ его въ томъ, что выгоды получатся такія, какихъ трудно и ожидать. Убѣдить такого бывалаго политика было не легко, и судя по письмамъ, у Лассаля былъ только одинъ важный аргументъ. Бисмаркъ, очевидно, требовалъ фактическихъ доказательствъ и не удовлетворялся простыми, хотя и хорошо обоснованными пророчествами, и Лассаль ссылался на Францію, гдѣ всеобщее избирательное право существовало, но къ господству вредныхъ, съ точки зрѣнія Бисмарка, элементовъ не вело и монархіи не колебало. (Ср. Friedjung, „Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland 1859—1866", т. I, стр. 186—187). Такъ что считать новую систему опасной Бисмаркъ не имѣлъ основаній, а съ другой стороны все говорило за то, что съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права, положеніе Пруссіи въ Германіи только улучшится. На это были намеки въ исторіи, какъ напримѣръ, ревностная приверженность къ всеобщему избирательному праву мало-германскаго по большинству франкфуртскаго парламента 1848 года и ненависть къ нему Австріи. Ходъ событій оправдалъ на первыхъ порахъ вѣру Бисмарка, доставивъ торжество консервативнымъ элементамъ, но впослѣдствіи еще болѣе блистательно оправдался расчетъ Лассаля, когда то же всеобщее избирательное право подняло политическое значеніе рабочей партіи. Лассаль ошибся только въ томъ, что онъ ожидалъ этихъ результатовъ немедленно, а исторія доставила ихъ только четверть вѣка спустя. Но онъ вообще ошибался въ своихъ взглядахъ на соціальную роль рабочаго класса; ему хотѣлось вѣрить, что уже въ его время промышленность Германіи способна породить сильный рабочій классъ; этотъ масштабъ онъ положилъ въ основаніе своей агитаціи, вопреки бьющимъ въ глаза показаніямъ дѣйствительности, и дѣйствительность наказала его. Онъ захотѣлъ форсировать экономическую эволюцію и призвалъ на помощь къ ней Бисмарка. Результаты отъ этого союза получились, быть можетъ, не вполнѣ отвѣчающіе нетерпѣливымъ порывамъ великаго агитатора, но съ теченіемъ времени привели къ тому, что ростъ рабочей партіи превзошелъ самыя смѣлыя изъ его ожиданій.

А. Дживелеговъ.

Соединенные.

Сожженный край томительной равнины,
На ней забытый раненый солдатъ;
Вдали синѣютъ горы-исполины.
—«Ты не придешь, ты не придешь назадъ!»
Тамъ, гдѣ-то, край обиженный и бѣдный.
Въ глухой избѣ, за пряжей, у окна,
Какая-то одна, съ улыбкой блѣдной,
Вдали отъ мужа—мужняя жена.
Мѣняетъ солнце область созерцанья,
Роняетъ тѣнь однимъ, и жжетъ другихъ.
Все ближе ночь. Все тише восклицанья.
Въ такую ночь пришелъ онъ, какъ женихъ.
Равнины спятъ. Предъ счастьемъ пробужденья
Мѣняетъ солнце пышный свой нарядъ.
Къ одной странѣ восходятъ всѣ видѣнья.
—Да! Онъ придетъ, придетъ къ тебѣ назадъ!

К. Бальмонтъ.

Гранада. Апрѣль. 1900.

Антигона и Креонтъ.

Трагедія Софокла, носящая имя Антигоны, много разъ переведена на русскій языкъ и этимъ путемъ, можно сказать, усвоена русской литературѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ переводчиковъ трагедіи есть имена хорошо извѣстныхъ писателей и поэтовъ, какъ Мартыновъ, Водовозовъ, Мережковскій. Очевидно, каждый переводчикъ находитъ въ работахъ своихъ предшественниковъ не все, что по его мнѣнію содержится въ греческомъ оригиналѣ и требуетъ подобающаго выраженія, и каждый переводчикъ старается возможно ближе подойти къ содержанію трагедіи, полагая, что и до сихъ поръ она сохраняетъ интересъ современности. Въ самомъ дѣлѣ, и въ наше время съ погребеніемъ умершаго ассоціируются чувства, сходныя съ тѣми, какія волнуютъ Антигону, и въ наше время отказъ въ погребеніи разсматривается, какъ тяжкая обида умершему и приснымъ его. Литературная критика, съ своей стороны, не оставляетъ попытокъ выяснить характеры, созданные античнымъ трагикомъ, и оцѣнить взаимныя между ними отношенія. Словомъ, затронутые древнимъ поэтомъ вопросы не совсѣмъ отошли въ исторію, и не могутъ считаться окончательно рѣшенными, какъ бы взывая къ пересмотру матеріала трагедіи и предложенныхъ раньше отвѣтовъ. „Антигона“ Софокла представляетъ собою въ сущности постановку на сцену состязанія между Креонтомъ и героиней по вопросу о томъ, правъ ли ѳивскій царь, запретившій хоронить Полиника, погибшаго въ единоборствѣ съ братомъ, или права Антигона, вопреки царскому запрещенію погребающая останки брата и за то наказанная смертью; наконецъ, можетъ быть, правда и прегрѣшеніе находятся на каждой изъ состязующихся сторонъ, и потому каждый изъ нихъ и несетъ наказаніе за свою вину. Само собою разумѣется, справедливость или виновность героевъ античной трагедіи должны обсуждаться съ точки зрѣнія не нашей, но, во-первыхъ, самого автора трагедіи и, во-вторыхъ, той публики, для которой она была написана. Сужденія древняго автора могутъ отвѣчать или противорѣчить нашему пониманію, и никому не возбраняется осуждать ихъ или имъ сочувствовать, но для насъ важно то настроеніе, въ какомъ поэтъ писалъ свою драму, важно и то, что его настроеніе раздѣляла аѳинская публика, драму его принявшая съ энтузіазмомъ. Это именно настроеніе и составляетъ тотъ историческій фактъ, который насъ прежде всего интересуетъ. Въ спорѣ Креонта съ Антигоной принимаютъ участіе прочія дѣйствующія лица: Исмена, сестра героини, Гемонъ, царскій сынъ, жрецъ и гадатель Тиресія, Евредика, супруга Креонта, и ѳивскіе старѣйшины, составляющіе хоръ трагедіи; безучастнымъ къ спору не остается даже стражъ, которому велѣно было не допускать погребенія трупа кѣмъ бы то ни было, и для котораго всѣ соображенія отступаютъ на задній планъ передъ чувствомъ собственной безопасности. Изъ словъ Гемона и другихъ дѣйствующихъ лицъ мы узнаемъ, что все ѳивское гражданство сочувствуетъ Антигонѣ. Исмена и хоръ вначалѣ колеблются, не дерзая протестовать противъ царскаго повелѣнія, но впослѣдствіи рѣшительно покидаютъ царя.

Безжалостный, недоступный увѣщаніямъ и просьбамъ окружающихъ, Креонтъ, въ концѣ трагедіи, сознаетъ роковое заблужденіе, но уже не въ силахъ смирить гнѣвъ боговъ и отвратить бѣдствія, ниспосылаемыя богами на весь домъ его: ударъ за ударомъ сломили упорство царя, и могущественный самодержецъ обращенъ въ одинокое, безвольное существо, для котораго смерть была бы желаннѣйшимъ благомъ. Напротивъ, Антигона, жизнью заплатившая за свою отвагу, отошла къ умершимъ съ сознаніемъ святости совершеннаго подвига; участіе къ ней боговъ ясно выразилось въ той тяжкой карѣ, какая постигла Креонта и привела его къ раскаянію, окруживъ Антигону ореоломъ невинной жертвы насилія за дѣло, угодное богамъ и отвѣчающее настроенію ѳивскаго гражданства. Боги неоднократно проявляютъ свою волю въ чудесныхъ знаменіяхъ и исполняютъ въ точности грозныя предсказанія старца Тиресіи, гибельныя для Креонта. Событіемъ взволнованы одинаково люди и небожители.

Изъ за отцовскаго наслѣдія, царскаго престола въ Ѳивахъ, возгорѣлась распря между братьями, Полиникомъ и Етеокломъ; распря повела къ изгнанію Полиника, который бѣжалъ къ аргивянамъ и возвратился вмѣстѣ съ чужеземнымъ войскомъ къ Ѳивамъ, чтобы отнять престолъ у брата. Война кончилась пораженіемъ аргивянъ, при чемъ оба брата пали въ единоборствѣ. По праву родства власть надъ Ѳивами перешла къ Креонту, дядѣ погибшихъ братьевъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго владыки (ἄναξ, δεσπότης) былъ законъ — похоронить Етеокла, какъ доблестнаго защитника родного города, съ подобающими почестями, а останки Полиника предать величайшему поруганію: кому бы то ни было запрещалось не только хоронить Полиника, но и излить свою скорбь надъ нимъ, оплакать его; для этого надъ трупомъ поставлена стража. Съ этого момента начинается дѣйствіе трагедіи. Въ нашемъ смыслѣ она лишена всякой интриги. Образъ дѣйствій героевъ опредѣляется съ самаго начала. Ни Креонтъ, ни Антигона не испытываютъ того, что въ новыхъ эстетикахъ называется борьбою между чувствомъ и долгомъ; каждая изъ сторонъ идетъ къ крайнимъ послѣдствіямъ и выводамъ отъ защищаемыхъ ими, разъ принятыхъ, рѣшеній. Точно такъ же Гемонъ въ діалогѣ съ отцомъ остается вѣренъ себѣ отъ начала до конца, ни въ чемъ не поступаясь своими убѣжденіями и чувствами. Гемонъ любитъ Антигону, она— невѣста его, но въ своей защитѣ осужденной онъ не произноситъ объ этомъ ни единаго слова: только во имя справедливости и благочестія онъ требуетъ, какъ освобожденія Антигоны, такъ и погребенія брата ея. Поэтъ занятъ послѣдовательнымъ изображеніемъ душевныхъ состояній дѣйствующихъ лицъ, отношеніемъ каждаго изъ нихъ къ предмету спора, коллизіей между ними.

Креонтъ не удовольствовался изданіемъ закона черезъ глашатая. Онъ созываетъ еще ѳивскихъ старѣйшинъ и самолично объявляетъ имъ свою волю, оправдывая сдѣланное распоряженіе требованіями религіи и государственнаго блага, противоположнымъ поведеніемъ обоихъ братьевъ, не дозволяющимъ чествовать одинаково друга и врага государства по смерти. Въ обоихъ обращеніяхъ къ хору Креонтъ распространяется во множествѣ общихъ сентенцій, приличествующихъ правителю свободнаго государства, о мудрости усвоеннаго имъ образа дѣйствій, о готовности жертвовать на пользу общую самыми близкими, дорогими личными связями, о томъ, что онъ всегда будетъ различать благодѣтелей государства отъ враговъ его, кто бы эти послѣдніе ни были, и т. п. Онъ обѣщаетъ такого рода управленіемъ поднять государственное могущество и, будучи увѣренъ въ своей непогрѣшимости, ждетъ полнаго сочувствія себѣ со стороны всѣхъ добрыхъ гражданъ: развѣ только люди порочные, ищущіе во что бы то ни стало наживы, способны нарушить только что объявленный имъ законъ. Да и можетъ ли быть иначе, говоритъ царь. Вѣдь Полиникъ вознамѣрился огнемъ разорить до тла родную землю и сокрушить кумиры отеческихъ боговъ, пожелалъ напиться братской крови, а гражданъ увести въ рабство. Всенародное побіеніе камнями,—вотъ что угрожаетъ всякому, винов-

ному въ участіи къ нечестивому покойнику. И тѣмъ не менѣе обрядъ погребенія надъ трупомъ Полиника исполненъ,—таинственно, невѣдомымъ лицомъ, такъ что внимающіе царю старѣйшины позволяютъ себѣ робкую догадку, не самихъ боговъ ли это дѣло. Взрывомъ негодованія и обидными подозрѣніями отвѣчаетъ Креонтъ на такое замѣчаніе хора. Боги никогда не чтутъ злодѣевъ, и они не могли почтить столь чрезмѣрнымъ вниманіемъ человѣка, который замыслилъ было сжечь храмы ихъ и иную святыню, попрать землю боговъ и ихъ законы. Истинный служитель боговъ онъ, Креонтъ, а его противникъ—нечестивецъ, за деньги отважившійся на гнусное дѣло, и стража, не охранившая трупа отъ погребенія, и старѣйшины, не раздѣляющіе негодованія царя, все это люди продажные, соучастники преступленія, враги его, которые и должны будутъ понести жесточайшее наказаніе. Зритель чувствуетъ, что царь быстро утратилъ самообладаніе, что онъ оскорбленъ не столько за боговъ и государство, сколько за свое царское достоинство, что онъ не обнаружитъ необходимаго спокойствія и безпристрастія въ оцѣнкѣ мотивовъ преступленія.

Дѣйствительность вскорѣ обманула подозрѣнія Креонта. Волю его нарушила дѣвушка изъ царскаго дома, дочь родной сестры его, живущая подъ одною съ нимъ кровлею; низкимъ побужденіямъ она недоступна. Безъ отрицанія и запирательства отдала она себя въ руки стражи, такой-же явилась и передъ грознымъ, разгнѣваннымъ царемъ. Уже изъ перваго діалога между сестрами, открывающаго собою трагедію, зрители знакомились съ характеромъ и настроеніемъ героини; они уже знали, какими муками приказаніе царя отозвалось въ сердцѣ Антигоны: оно переполнило чашу ея страданій. До оглашенія закона ей казалось, что „нѣтъ болѣе горя, ни напасти, нѣтъ такого позора и безчестія, какого она вмѣстѣ съ сестрой еще не испытала бы". Но Креонтъ придумалъ новую обиду: онъ надругался надъ останками несчастнаго брата. Выше силъ Антигоны стерпѣть это послѣднее оскорбленіе дорогого ей существа. Измученная всѣми бѣдствіями родного дома, Антигона какъ бы страшилась новаго удара судьбы, и вѣсть о царскомъ запрещеніи дошла до нея быстро, внушила ей безповоротное рѣшеніе защитить брата отъ поруганія, тогда какъ Исмена, робкая, пассивная, хотя и любящая, остается еще въ полномъ невѣдѣніи. Антигона вызвала сестру не для того, чтобы убѣждать ее, доказывать ей правоту своего рѣшенія; она только дѣлится имъ съ сестрою, не желаетъ устранить ее отъ участія въ святомъ дѣлѣ. Колебанія Исмены, ея страхъ передъ угрожающимъ наказаніемъ и привязанность къ жизни, ея рѣчи о слабости женщины по сравненію съ всесильнымъ владыкою оскорбляютъ Антигону въ ея глубочайшихъ чувствахъ, кажутся ей измѣною, предательствомъ передъ братомъ, и въ подобной помощницѣ она не нуждается. Она знаетъ, что идетъ на вѣрную смерть, но знаетъ также, что своимъ подвигомъ исполнитъ лежащій на ней долгъ и на вѣки соединится съ любимымъ братомъ, какъ любящая сестра его, дѣломъ доказавшая свою любовь, и черезъ то будетъ угодна богамъ. Величавое спокойствіе обрѣла Антигона только послѣ того, какъ горькими рыданіями оплакала умершаго, обмыла и прикрыла его тѣло, чѣмъ уготовала душѣ его вѣчный покой въ обители боговъ преисподней. Противъ издѣвательствъ Креонта надъ ея безсиліемъ избѣгнуть наказанія, противъ его угрозъ и смертнаго приговора Антигона находитъ опору въ собственной совѣсти, въ сознаніи того, что, нарушая законы царя, она поступаетъ согласно съ божескими законами, „неписанными, несокрушимыми, ихъ же не прейти смертному; они существуютъ отъ вѣка, невѣдомо, кѣмъ установленные, и нарушеніемъ этихъ законовъ она не дерзнула навлечь на себя кару боговъ изъ робости передъ высокомѣрнымъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ". Съ божескими законами согласуется требованіе ея собственной природы не вражду питать вмѣстѣ съ Креонтомъ, но своею любовью примирять враждующихъ *). Антигона убѣж-

*) οὗτοι συνέχθειν, ἀλλὰ συμφιλεῖν ἔφυν. Обыкновенно стихъ этотъ понимается неточно: „Не для вражды рождена я, но для любви". Въ Софокловомъ словарѣ Диндорфа сл. ἔφυν переведено правильно: natura sum talis, но переводы odi una s. cum alio, συμφιλεῖν simul amo (cum alio) не выражаютъ смысла оригинала

дена, что тотъ же голосъ природы внушаетъ одинаковыя чувства и всѣмъ кадмейцамъ, только они не выдаютъ себя передъ царемъ. Креонтъ глухъ къ этимъ воплямъ изстрадавшейся души; онъ видитъ въ Антигонѣ только безразсудную, дерзкую женщину,— и никогда онъ женщинѣ не уступитъ. Оскорбленіями осыпаетъ онъ Гемона, когда тотъ со всею почтительностью, какъ подобаетъ любящему сыну, пытается смягчить сердце родителя, открыть въ него доступъ другимъ чувствамъ, другому пониманію окружающаго. Ѳивскіе граждане, говоритъ онъ, втайнѣ сочувствуютъ осужденной, скорбятъ о ней, потому что „она гибнетъ, какъ порочнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, позорнѣйшей смертью за дѣло, достойное величайшей хвалы, за то, что родного брата не оставила безъ погребенія, когда онъ палъ въ смертельномъ бою, за то, что не дала терзать его плотояднымъ собакамъ и птицамъ. Высшаго почета достойна эта женщина!“ Такъ между собою втиши говорятъ ѳивяне. Правоту Антигоны удостовѣряетъ, казалось бы непререкаемо, правдивый гадатель Тиресія, которому самъ Креонтъ обязанъ царской властью. По словамъ Тиресіи, государство страдаетъ по винѣ Креонта: божества не внемлютъ болѣе моленіямъ гражданъ, не принимаютъ отъ нихъ жертвъ, а птицы мечутся и издаютъ зловѣщіе крики; на Ѳивы поднимутся войною всѣ государства, алтари которыхъ осквернены тѣломъ несчастнаго, растерзаннымъ собаками, дикими звѣрями и птицами. „Поразмысли объ этомъ“, совѣтуетъ царю служитель боговъ, всѣми чтимый, никогда не запятнавшій себя неправдою... «Заблуждаться свойственно людямъ; но заблужденіе не дѣлаетъ еще человѣка безумцемъ, несчастнымъ, если онъ не упорствуетъ въ ошибкѣ и исправляетъ ее. Укоризну въ безразсудствѣ человѣкъ навлекаетъ на себя только наглымъ упрямствомъ (αὐθαδία). Не борись же съ умершимъ, не истязуй бренныхъ останковъ. Да и какая въ томъ доблесть—убитаго еще разъ убить“. Креонтъ насильственно отнялъ душу Полиника у боговъ преисподней, лишивши умершаго подобающаго погребенія. „Ни тебѣ не дозволено это, ни вышнимъ богамъ, и губительныя Еринніи Ада и подземныхъ боговъ воздадутъ Креонту тою же мѣрой (ἐν τοῖσιν αὐτοῖς τοῖσδε ληφθῆναι κακοῖς). И вотъ, тотъ самый царь, который съ такою самоувѣренностью величалъ себя предстателемъ боговъ, благодѣтелемъ государства, является теперь нарушителемъ божескихъ установленій и злѣйшимъ врагомъ родины. Заступниковъ Полиника и Антигоны онъ называлъ и нечестивцами, и безумцами, и предателями государства; теперь онъ самъ всенародно изобличенъ въ безразсудствѣ и нечестіи; уничиженный въ собственномъ сознаніи, Креонтъ трепещетъ въ ожиданіи бѣдствій (ἔγνωκα κἀυτὸς καὶ ταράσσομαι), а когда бѣдствія одно другого ужаснѣе разразились, какъ послѣдствія его рѣшенія, Креонтъ не находитъ себѣ ни оправданія въ своей совѣсти, ни опоры въ окружающихъ; съ проклятіями на него и горькими укоризнами покинули свѣтъ Антигона, Гемонъ, Евридика; ѳивскіе старѣйшины, все гражданство, самые боги осудили его, и Креонтъ, никого болѣе не обвиняя, кромѣ себя, оплакиваетъ свое роковое, безумное рѣшеніе (ἰὼ φρενῶν δυσφρόνων ἁμαρτήματα. ὤμοι ἄνολβα βουλευμάτων... ἐμαῖς οὐδὲ σαῖσι δυσβουλίαις... ἔχω μαθὼν δειλαῖος). Къ Креонту, ни къ кому другому обращены заключительныя слова того самаго хора, который раньше заблуждался вмѣстѣ съ царемъ: „Чтобъ быть счастливымъ, нужно прежде всего быть разсудительнымъ и ничѣмъ не оскорблять боговъ. Самомнящіе люди терпятъ тяжкія испытанія за наглыя рѣчи, научаясь смиренію въ преклонныхъ лѣтахъ“.

Казалось бы, достаточно познакомиться съ ходомъ трагедіи и съ судьбою дѣйствующихъ лицъ ея, чтобы безъ колебанія отрицательно отвѣчать на вопросъ: въ правѣ ли былъ Креонтъ, по мнѣнію автора трагедіи, воспретить погребеніе Полиника и осудить Антигону на казнь за ослушаніе? Но такова ужъ участь античныхъ произведеній, преимущественно греческихъ художественныхъ, со времени неогуманизма или вторичнаго возрожденія въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX-го вѣка, чтобы служить основаніемъ самыхъ разнорѣчивыхъ сужденій. На этихъ произведеніяхъ, какъ на совер-

шеннѣйшихъ образцахъ человѣческаго генія, новые критики и философы, а за ними филологи и историки стараются провѣрять свои собственныя воззрѣнія на искусство, на общественныя учрежденія и другіе предметы, въ нихъ отыскивать какъ бы высшій критерій для своихъ воззрѣній, сложившихся и приведенныхъ въ систему подъ иными вліяніями, въ иныхъ условіяхъ, для иныхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого новые критики бываютъ вынуждены подновлять античные образцы, отъ себя вносить въ нихъ собственныя понятія, а античнымъ писателямъ приписывать или—точнѣе—предлагать въ руководство такія правила морали или даже такіе пріемы и способы составленія своихъ произведеній, какіе новые критики признаютъ обязательными для своего времени и для себя самихъ. Въ результатѣ получаются толкованія, гипотезы и теоріи, соотвѣтствующія только ограниченной части фактовъ античной жизни и литературы и налагающія на отдаленный періодъ европейской исторіи и литературнаго творчества такія краски, которыя ему не были свойственны. Въ этомъ смыслѣ особенно чувствительно погрѣшила противъ греческой древности умозрительная нѣмецкая философія, подъ вліяніемъ которой складывались эстетическія схемы, были написаны многочисленныя монографіи и общіе курсы греческой литературы. По слѣдамъ философовъ шли геніальные критики и поэты—романтики, какъ Лессингъ, Гёте, Шиллеръ и др. Менѣе всякаго другого мы склонны отрицать огромныя услуги, оказанныя этимъ направленіемъ, разностороннему интересу къ греческой древности и черезъ то и научному ея изслѣдованію. Правда, нынѣшнее сравнительно-историческое изученіе также сближаетъ между собою факты различныхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого періодовъ, но это изученіе покоится теперь на болѣе тщательномъ и глубокомъ анализѣ сближаемыхъ явленій, въ меньшей зависимости отъ умозрительныхъ теорій, при наличности гораздо большаго количества точныхъ наблюденій.

По ученію Гегеля, первичное трагическое состоитъ въ томъ, что двѣ противоположности, сталкивающіяся въ коллизіи, имѣютъ для себя оправданіе, будучи взяты сами по себѣ каждая; но проведеніе цѣли или выраженіе своего характера одной изъ противоположныхъ силъ возможно только черезъ отрицаніе или оскорбленіе другой силы, равно справедливой, вслѣдствіе чего онѣ обѣ становятся виновными (in Schuld gerathen). Возникающее такимъ путемъ противорѣчіе разрѣшается въ развязкѣ трагедіи; мѣсто противорѣчія заступаетъ примиреніе крайностей, которое уничтожаетъ въ каждой изъ борющихся силъ только то, что не могло войти въ высшую гармонію. Подлинная развязка трагедіи сводится къ уничтоженію противоположностей, какъ таковыхъ, къ примиренію силъ, участвовавшихъ въ дѣйствіи и стремившихся ко взаимному отрицанію. Постигшая героевъ трагическая участь представляется абсолютною разумностью. Истинно трагическія страданія постигаютъ героевъ только какъ слѣдствіе ихъ собственныхъ дѣяній, въ одно и то же время правыхъ и виновныхъ. Содержаніемъ греческой трагедіи, согласно этому ученію, служитъ коллизія равноправныхъ силъ и индивидуумовъ. Софоклъ изображалъ преимущественно столкновеніе началъ государственнаго и семейственнаго. „Государство и семья—чистѣйшіе факторы трагедіи, такъ какъ гармонія этихъ двухъ сферъ даетъ полную реальность нравственнаго бытія". Какъ на совершеннѣйшій образецъ такой коллизіи, Гегель указываетъ на „Антигону", въ которой героиня чтитъ родственныя узы и боговъ преисподней, а Креонтъ чтитъ Зевса, ревнуетъ о мощи государства и общемъ благополучіи. Тамъ же, въ греческой же трагедіи отыскивается положеніе, соотвѣтствующее требованію примиренія; это—судьба, рокъ. По словамъ Гегеля, „судьба, какъ высшая сила, поднимающаяся надъ отдѣльными богами, является чѣмъ-то разумнымъ; она не можетъ допустить, чтобы односторонния силы, переступающія свои предѣлы, пріобрѣли прочное существованіе, хотя разумность судьбы не является еще у грековъ, какъ самосознательное Провидѣніе у христіанъ. Назначеніе судьбы въ древней трагедіи возвратить индивидуальность въ ея предѣлы, сокрушить эту индивидуальность, если

сія послѣдняя превознесется выше мѣры". Неизбѣжный выводъ изъ этой теоріи тотъ, что каждый погибающій въ трагедіи виновенъ; остается только старательно поискать слабыхъ сторонъ въ гибнущихъ герояхъ. Такъ, по приговору Гервинуса, Ромео и Джульета въ Шекспировской трагедіи погибаютъ заслуженно, вина — чрезмѣрность любви обоихъ, ибо „излишекъ въ каждомъ чувствѣ, даже самомъ чистомъ, обращаетъ сладость его въ горечь; увлеченіе однимъ, какимъ бы то ни было чувствомъ, даже самымъ благороднымъ, даетъ ему пагубное преобладаніе", и т. п. Такимъ образомъ, непримиримая, безумная вражда двухъ семействъ, Монтекки и Капулетти, какъ дѣйствительная причина гибели Ромео и Джульеты, устраняется отъ объясненія катастрофы. Гервинусъ не затрудняется даже обвинить Корделію въ ея насильственной смерти: она виновна въ выборѣ средствъ спасенія отца, въ томъ, что рѣшилась вторгнуться въ предѣлы своего отечества съ непріятельской арміей, какъ бы повторяя преступленіе Полиника. Въ подобной критикѣ, отклики которой слышатся по настоящее время, нельзя не видѣть отраженія системы идей, выработанныхъ не греками и внѣдряемыхъ въ ихъ литературныя произведенія. Клейнъ, авторъ обширной исторіи драмы, прямо выражается, что въ драмѣ мы созерцаемъ копію діалектическаго процесса, только онъ совершается въ нашей душѣ, того процесса, въ силу котораго противорѣчія въ желаніяхъ и помышленіяхъ нашихъ представляются отраженіемъ перемѣнъ во внѣшней природѣ".

Нельзя не видѣть, что подобныя умозрительныя положенія далеко не покрываютъ собою всего разнообразія мотивовъ, содержащихся въ античной трагедіи, и препятствуютъ надлежащей оцѣнкѣ ихъ. Древніе трагики вовсе не были мыслителями—систематиками и не предвосхищали въ своихъ драмахъ эстетическихъ всеобъемлющихъ построеній нашего времени. Съ греческой трагедіей случилось то же, что и съ Гомеровскимъ эпосомъ: вмѣсто того, чтобы на основаніи матеріала, ею представляемаго, возстановить канонъ ея собственныхъ правилъ, ея собственную эстетику и только вслѣдъ за симъ опредѣлить то, что есть въ этой эстетикѣ общаго, одинаково приложимаго къ явленіямъ позднѣйшей европейской литературы, и то, что было въ ней временнаго, историческаго, или зачаточнаго, вмѣсто этого новая критика, вопреки требованіямъ историческаго пониманія, ставитъ свои, слишкомъ общія положенія, вытекающія изъ міровоззрѣнія, античнымъ трагикамъ чуждаго, по крайней мѣрѣ въ той послѣдовательности и законченности, какою отличаются новыя умозрительныя системы. Отъ этого въ результатѣ едва ли получается расширеніе нашего историческаго горизонта; скорѣе получается смѣшеніе различныхъ историческихъ эпохъ, подмѣна однихъ явленій другими.

Разсматриваемая нами трагедія Софокла даетъ, кажется, читателю достаточно основаній къ тому, чтобы не сомнѣваться въ виновности Креонта и правотѣ Антигоны, какъ изображаетъ и желаетъ изобразить взаимныя ихъ отношенія древній поэтъ. Носителемъ идеи государственности и ея заступникомъ Креонтъ не былъ и не могъ быть, по воззрѣніямъ Софокла и его современниковъ; для этого онъ слишкомъ самовластенъ, къ голосу гражданъ не внимателенъ, по своей недальновидности ослѣпленъ до того, что позволяетъ себѣ оскорблять боговъ, кощунствовать. Тѣми же и еще болѣе отрицательными чертами надѣляетъ его поэтъ въ другой изъ своихъ трагедій, въ „Эдипѣ у Колона", въ той самой трагедіи, гдѣ является и Антигона, столь же участливая къ страданіямъ отца, столь же самоотверженная въ служеніи жалкому изгнаннику, словомъ, въ томъ же по существу видѣ, въ какомъ она изображена поэтомъ въ нашей трагедіи. При сочувственномъ отношеніи поэта къ Креонту, это едва ли было возможно. Креонту недостаетъ не только высшей мудрости (σοφία), какой требовалъ Платонъ отъ правителей идеальнаго государства, но и простой разсудительности (φρονεῖν), обязательной для каждаго смертнаго, того благоразумія, соединеннаго съ скромностью (σωφροσύνη), которое греки временъ Софокла считали неизмѣннымъ условіемъ человѣческаго благополучія, вообще

непрочнаго. Упоеніе властью, только что доставшеюся ему на долю, обнаруживаетъ Креонтъ въ пререканіяхъ съ Антигоной и Гемономъ, доходя до отрицанія всякаго права за гражданами обсуждать его дѣйствія, справедливы они, или не справедливы. Аѳиняне временъ Софокла давно пережили тотъ строй государства, когда правитель подъ именемъ господина, владыки (τύραννος) единолично распоряжался судьбою гражданъ, опираясь на военную силу, и самое имя такого „тирана" сдѣлалось къ тому времени ненавистнымъ. Не могли поэтому ни Софоклъ, ни его современники воплощать идею своего государства въ подобномъ характерѣ. Даже тотъ отдаленный періодъ греческой исторіи, какой рисовался грекамъ въ Гомеровскихъ поэмахъ, не зналъ такихъ правителей. Царство или вѣрнѣе басилія этого архаическаго періода опредѣляется, какъ такая форма правленія, при которой басилей правитъ страною съ согласія (ἑκόντες) свободнаго ея населенія; добровольное подчиненіе управляемыхъ отличаетъ, по опредѣленію Аристотеля, басилію отъ тираніи, которая и считалась извращеніемъ басиліи. Не случайно, что Креонтъ нигдѣ въ нашей трагедіи не носитъ имени басилея. Послѣдними доводами въ защиту своего распоряженія, говоритъ ли онъ съ Антигоной, съ Гемономъ или съ Тиресіей, служитъ для Креонта его личное посрамленіе, если онъ уступитъ женщинѣ, или приметъ совѣты юноши, своего сына. Сначала онъ увѣрялъ, что считаетъ и всегда считалъ негоднѣйшимъ (κάκιστος) того правителя государства, который не внемлетъ разумнѣйшимъ совѣтамъ и страхомъ замыкаетъ уста гражданъ (178—181); но когда онъ узнаетъ отъ сына, что граждане осуждаютъ его образъ дѣйствій, онъ объясняетъ, что не государство будетъ указывать ему, какъ поступать, что ему и никому другому принадлежитъ власть надъ этой землей, что государство есть достояніе властителя (αὐτοῦ κρατοῦντος ἡ πόλις νομίζεται). Гемонъ на это возражаетъ, что тамъ нѣтъ государства, гдѣ все зависитъ отъ воли одного человѣка (πόλις γὰς οὐκ ἔσθ'ἥ τις ἀνδρὸς ἐσθ' ἑνός), или же такому лицу придется царствовать одному надъ безплодной страной (καλῶς ἐρήμης γ'ἂν σὺ γῆς ἄρχοις μόνος). Послѣдствія вскорѣ оправдали рѣчь Гемона, а не Креонта. Задолго до Софокла аѳиняне перестали отдѣлять себя отъ государства, какъ отъ какой то внѣшней силы, надъ ними господствующей. Если въ Аѳинахъ государственность воплощалась въ комъ-либо, то во всенародномъ вѣчѣ и въ судѣ присяжныхъ, также народномъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Исполнителями воли народа были многочисленныя должностныя лица и коллегіи; всѣ они народомъ выбирались ежегодно, и всѣ отдавали отчетъ народу въ исполненіи обязанностей. Что общаго между этимъ государствомъ и непомѣрными притязаніями Креонта на самовластіе? Въ пылу гнѣва Креонтъ не останавливается ни передъ оскорбленіями старца Тиресіи, ни передъ кощунствомъ противъ Зевса и боговъ преисподней. Какъ мы видѣли выше, по словамъ Гегеля, Креонтъ чтитъ Зевса, а Антигона подземныхъ боговъ. Но Антигона, а не Креонтъ ставитъ законы Зевса и возсѣдающей съ богами преисподней Правды выше законовъ, написанныхъ смертными (450). Посылая Антигону на смерть, Креонтъ предлагаетъ ей тамъ чествовать Зевса, какъ покровителя кровныхъ узъ (658). Онъ не даетъ похоронить Полиника, хотя бы слетѣли на землю Зевсовы орлы и захотѣли понести тѣло умершаго къ престолу Зевса, „и этого грѣха я не устрашусь!" (1039—1042). Антигона по смерти должна узнать, что чтить божество преисподней—напрасный трудъ (780). Все это говоритъ тотъ самый Креонтъ, который въ обращеніяхъ къ хору оправдывалъ свой законъ требованіемъ благочестія, необходимостью наказать Полиника за то, что онъ осмѣлился посягнуть на святыни и законы боговъ. Вотъ почему Группе вынужденъ объяснить всѣ выраженія Креонта, оскорбительныя для боговъ, ослѣпленіемъ судьбы (Verblendung des Schicksals). Непредубѣжденный читатель не можетъ признавать Креонта и Антигону одинаково виновными и одинаково правами.

Итакъ, умозрительная эстетика не располагаетъ достаточными средствами для разъясненія нашей трагедіи. Гораздо доказательнѣе справки съ исторіей, съ положительнымъ

законодательствомъ аѳинянъ по вопросу о погребеніи въ аналогичныхъ условіяхъ. Если запрещеніе Креонта согласовалось съ аѳинскими законами временъ Софокла, то Антигона въ глазахъ зрителей и самого поэта должна была считаться виновной противъ государства, и наоборотъ: виноватъ Креонтъ, если онъ своимъ приказаніемъ нарушилъ существующій законъ. Въ такомъ видѣ и ставятъ дилемму до сихъ поръ многіе филологи, причемъ одни разрѣшаютъ ее въ пользу Креонта, другіе въ пользу Антигоны. Какъ намъ кажется, вопросъ этотъ съ наибольшей обстоятельностью выясненъ Фишеромъ въ его статьѣ: „Къ Антигонѣ Софокла" (Rhein. Museum N. F. 1865, XX, стр. 444—454. Kleine Schriften II, 632 сл.). По смыслу аѳинскаго законодательства, нападеніе Полиника съ оружіемъ въ рукахъ вмѣстѣ съ чужеземцами на родной городъ было государственной измѣной (προδοσία) и черезъ то самое нечестіемъ (ἀσέβεια) противъ родныхъ боговъ: у древнихъ грековъ богопочитаніе не отдѣлялось отъ государства. Признанные по суду виновными въ такомъ злодѣяніи лишались по смерти погребенія въ родной землѣ, были ли они казнены согласно законамъ, или кончили жизнь вдали отъ родины, вообще гдѣ бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ. Этого мало: когда обвиненіе въ государственной измѣнѣ возбуждалось противъ лица умершаго и уже погребеннаго, тогда, въ случаѣ обвинительнаго приговора, къ покойнику примѣняли тотъ же законъ: могилу его раскапывали и останки удаляли за предѣлы Аттики. Эта участь не только постигала виновнаго, но и распространялась на родственниковъ его и потомковъ,—обломокъ родового строя античнаго государства. Предатель былъ существо оскверненное (ἐναγής, ἀλιτήριος) и вмѣстѣ оскверняющее своимъ присутствіемъ родную страну и ея населеніе, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти. Извѣстна исторія такъ назыв. Килоновой скверны (Κυλώνειον ἄγος), разсказанная Ѳукидидомъ (I 126). Нечестивыми оскорбителями святыни были признаны по этому дѣлу Алкмеониды; изъ нихъ живые были осуждены на изгнаніе, а кости умершихъ на удаленіе изъ могилъ и изъ Аттики. Передъ началомъ пелопоннесской войны лакедемоняне требовали отъ аѳинянъ, чтобы они очистились отъ скверны изгнаніемъ потомковъ лицъ, виновныхъ въ кощунствѣ, разсчитывая этимъ путемъ избавиться отъ ненавистнаго имъ Перикла. Съ своей стороны и аѳиняне требовали отъ лакедемонянъ изгнанія гражданъ, виновныхъ въ кощунствѣ противъ Аѳины по дѣлу спартанскаго царя Павсанія (Ѳукид. I 135). Далѣе, Ѳемистоклъ былъ обвиненъ аѳинянами въ государственной измѣнѣ; но онъ заблаговременно покинулъ родину и умеръ въ М. Азіи, въ Магнесіи, во владѣніяхъ персидскаго царя; только по прошествіи нѣкотораго времени кости его были перевезены, вѣроятно родственниками и друзьями покойнаго, въ Аттику и здѣсь погребены тайкомъ отъ аѳинянъ, „такъ какъ", прибавляетъ историкъ, „погребеніе его, какъ изгнанника за измѣну, не дозволялось" (I 138). Подобнымъ образомъ въ концѣ IV столѣтія поступила супруга Фокіона: онъ былъ признанъ государственнымъ измѣнникомъ, и его кости, погребенныя въ Мегарской землѣ, супруга доставила тайно въ Аѳины и похоронила въ собственномъ домѣ вблизи родного очага (Plut. Phoc. 37). Въ 411 г., по низверженіи олигархіи Четырехсотъ, Архептолемъ и Антифонтъ, какъ государственные измѣнники, были приговорены къ смерти, и ихъ, казненныхъ, запрещено было хоронить не только въ Аттикѣ, но и на всей территоріи аѳинскаго владычества (vit. Xorat p. 834 B). Противъ Фриниха, одного изъ участниковъ въ олигархическомъ переворотѣ, возбуждено было судебное преслѣдованіе послѣ смерти, по обвиненію его въ государственной измѣнѣ. Виновность Фриниха была доказана, и кости его были удалены изъ предѣловъ Аттики (Lycurg. c. Leocrat. 113). Таковы факты, засвидѣтельствованные исторіей не только для времени Софокла и предшествующаго, но и для болѣе поздняго. Отвѣтственнымъ передъ тѣмъ же закономъ былъ и Поликникъ, поднявшій оружіе вмѣстѣ съ врагами противъ отечества и отеческихъ боговъ: такъ выражаются о немъ дѣйствующія лица въ трагедіяхъ Эсхила (Sept. c. Theb. 1001) и Еврипида (Phoen. 1682). Всѣ эти данныя и другія подобныя, равно какъ и формулировка

относящагося сюда аѳинскаго закона Мейеромъ и Шеманомъ въ сочиненіи „Аттическій процессъ“ (d. Attische Process, нов. изд. 1883, стр. 422) находятся и въ упомянутой статьѣ Фишера.

Тѣмъ не менѣе авторъ статьи не задумывается обвинить Креонта въ нашей трагедіи, а не Антигону, и утверждаетъ, что такъ должны были смотрѣть на дѣло и аѳиняне. Основаніемъ къ обвиненію Креонта служила, по мнѣнію Фишера, противозаконная чрезмѣрность наказанія въ примѣненіи къ Полинику. „Законъ воспрещалъ“, говоритъ Фишеръ, „погребать виновнаго въ кощунствѣ или измѣнѣ въ его родной землѣ, очевидно, потому, что соприкосновеніе съ нимъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, оскверняло эту послѣднюю; но въ то же время законъ и не дозволялъ, насколько по крайней мѣрѣ я понимаю, оставлять въ родной землѣ тѣло осужденнаго непогребеннымъ, потому что непогребеніе точно также заключало въ себѣ скверну; законъ повелѣвалъ удалить останки за предѣлы страны и, не заботясь о дальнѣйшемъ, не препятствовать похоронить ихъ за границей. Двоякая цѣль достигалась при этомъ: очагъ родины, противъ котораго согрѣшилъ покойный, избавлялся отъ соприкосновенія съ злодѣемъ, а въ то же время и права боговъ преисподней были соблюдены“. Такимъ образомъ, Креонтъ своимъ безусловнымъ запрещеніемъ погребать Полиника нарушилъ мѣру наказанія, установленную закономъ,—полагаетъ нѣмецкій ученый. Но дѣло въ томъ, что въ нашей трагедіи не имѣется никакихъ указаній на вину ѳивскаго царя въ этомъ смыслѣ. Фишеръ не скрываетъ того, что гадатель Тиресія, истолкователь воли боговъ, не требуетъ удаленія останковъ Полиника за предѣлы Ѳивъ или Беотіи, и самъ Креонтъ хоронитъ ихъ тамъ, гдѣ они лежали. Не укрылось отъ Фишера и то, что въ трагедіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на различіе между отказомъ въ погребеніи вообще и запрещеніемъ хоронить на родной землѣ, хотя, по словамъ Фишера, положительный законъ въ Аѳинахъ (καθεστὼς νόμος), да и въ другихъ греческихъ государствахъ, воспрещалъ только этотъ второй видъ погребенія осужденныхъ. Вотъ почему изданный противъ Полиника законъ Креонта безъ всякихъ ограниченій противорѣчилъ божескимъ законамъ, съ которыми обязаны сообразоваться государственныя власти. Нарушеніе мѣры со стороны ѳивскаго царя служило къ оправданію Антигоны, когда она тоже нарушила закономъ установленный порядокъ въ направленіи противоположномъ, т. е. когда она хоронила останки брата въ родной землѣ, не удаляя ихъ за предѣлы ѳивской территоріи; по изображенію поэта, правда оказалась на сторонѣ Антигоны, слѣдовательно, поэтъ воспользовался противозаконнымъ поведеніемъ царя для того, чтобы высказать собственный болѣе гуманный взглядъ на обращеніе съ покойникомъ, противорѣчившій существовавшему у грековъ закону: требованіе поэта не совпадало съ законами времени его и послѣдующаго.

Нельзя не отмѣтить натянутости въ аргументаціи Фишера. Заключеніе его трудно вяжется съ тѣми историческими данными, которыми онъ располагаетъ въ первой части своей статьи. Намъ кажется, произошло это отъ того, что авторъ подчиняетъ поэтическое произведеніе требованіямъ историческаго свидѣтельства и во что бы то ни стало желаетъ примирить поэта съ исторіей. Въ дѣйствительности аѳинскій поэтъ могъ не стѣсняться въ разработкѣ темы статьями положительнаго законодательства въ Аѳинахъ; руководящими были для него требованія общей правды, не всегда согласныя съ условной моралью и съ существующими законами. Софоклъ ставилъ задачей трагедіи не простое драматизированіе древнихъ фабулъ и не толкованіе исторіи, но небывалое до него развитіе душевныхъ состояній, причемъ сохранялись только имена легендарныхъ героевъ или боговъ и лишь отчасти легендарныя положенія героевъ. Истиннымъ содержаніемъ трагедіи Софоклъ сдѣлалъ результаты своихъ наблюденій и обобщеній въ сферѣ душевной жизни человѣка. Этимъ достигалась высокая степень секуляризаціи драмы, и въ современное поэту общество вносились многія новыя понятія, возбужда-

лись новые вопросы, требовавшіе разрѣшенія, независимаго отъ традиціи. Психологическая правда, неотъемлемыя права человѣческой природы имѣли для поэта силу высшаго авторитета. Терпимость аѳинянъ и ихъ прославленное въ Греціи благодушіе были благопріятными условіями для такого рода дѣятельности поэтовъ.

Фишеру не удается доказать, что въ аѳинскомъ законодательствѣ V в. и послѣдующаго времени существовало относительно нечестивцевъ и предателей точно формулированное ограниченіе предѣлами Аттики или вообще аѳинскихъ владѣній, нарушеніе коего Креонтомъ и составляло его вину передъ богами и государствомъ. Наличность такого ограниченія Фишеръ только предполагаетъ какъ неизбѣжное логическое послѣдствіе того религіознаго требованія, по которому всякій умершій былъ достояніемъ боговъ преисподней, а умершій, запятнанный тяжкимъ преступленіемъ, оскверняль своимъ присутствіемъ родную землю. Но логика и послѣдовательность съ нашей точки зрѣнія вовсе не составляютъ непремѣнной принадлежности народныхъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ грековъ и другихъ народовъ; они не составляютъ необходимыхъ принадлежностей и положительныхъ древнегреческихъ законодательствъ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что греки не знали ни догмы, ни системы вѣроученія, и субъективному пониманію боговъ предоставляли большой просторъ; не было у нихъ и особаго класса гражданъ, которому надлежало бы слѣдить и наблюдать за точнымъ исповѣданіемъ признаннаго вѣроученія. Часто государство преслѣдовало нечестивцевъ только тогда, когда этого требовали свѣтскіе, политическіе интересы, и обвиненіе въ нечестіи бывало только предлогомъ къ преслѣдованію политическихъ противниковъ. Точно опредѣленныхъ религіозныхъ законовъ не существовало; это были скорѣе обычаи, уклоненіе отъ которыхъ допускалось нерѣдко. Такъ, локры не выдаютъ фокидянамъ убитыхъ въ священной войнѣ, опираясь на общій для всѣхъ еллиновъ законъ, по которому трупы святотатцевъ бросались непогребенными (παρὰ πᾶσι τοῖς Ἕλλησι κοινὸς νόμος ἐστίν). Но существованіе такого закона не удержало вождя фокидянъ Филомела отъ предъявленія локрамъ своего требованія, и за отказъ въ выдачѣ убитыхъ онъ жестоко мститъ врагамъ (Diod. XVI 24—25). По словамъ Ѳукидида, запятнанные Килоновой скверной аѳиняне были наказаны изгнаніемъ изъ отечества, а кости умершихъ Алкмеонидовъ были удалены за предѣлы Аттики. Но историкъ тутъ же прибавляетъ, что, „впослѣдствіи изгнанники возвратились, а потомки ихъ живутъ въ городѣ еще и теперь“ (I, 126). Тотъ же историкъ сообщаетъ, что самъ Дельфійскій оракулъ повелѣлъ лакедемонянамъ перенести прахъ Павсанія на то самое мѣсто, гдѣ онъ кончилъ жизнь (I, 134 кон.), а Павсаній былъ явный государственный измѣнникъ, и лакедемоняне зарыли тѣло его вблизи Кеады, куда выбрасывались тѣла преступниковъ. Лакедемоняне вспомнили о Килоновой скверне только тогда, когда имъ понадобилось удалить Перикла изъ Аѳинъ; раньше, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, когда того не требовали ихъ политическіе интересы, ни лакедемоняне, ни другіе греки не заявляли протеста противъ нарушенія этого „общееллинскаго закона“. Съ другой стороны, ни Ѳукидидъ (I, 138), ни Діонъ Хрисостомъ (XXX 85), въ разсказѣ о Ѳемистоклѣ ничего не говорятъ объ ограниченіи суроваго закона противъ измѣнниковъ требованіемъ удалять останки ихъ изъ родной земли. Для насъ всего важнѣе, что въ Софокловой трагедіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на превышеніе власти Креонтомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это утверждаетъ Фишеръ. Между тѣмъ Исменѣ, Антигонѣ, Гемону, Тиресіи, самому хору представлялось много случаевъ указать царю на столь существенное правонарушеніе съ его стороны и этимъ однимъ напоминаніемъ остановить его бурныя оскорбительныя рѣчи, образумить его. О дозволеніи похоронить Полиника за предѣлами Аттики никто не ходатайствуетъ передъ Креонтомъ; между тѣмъ отказъ Креонта въ отвѣтъ на такое ходатайство сразу обличалъ бы и его противозаконную жестокость, и его нечестіе. Тиресія и хоръ требуетъ не удаленія тѣла

изъ предѣловъ ѳивской земли, но скорѣйшаго погребенія его со всѣми подобающими почестями; Креонтъ въ точности исполняетъ это требованіе и хоронитъ Полиника на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ въ единоборствѣ (ст. 1070, 1110, 1201).

Когда Креонтъ спрашиваетъ Антигону, какъ она осмѣлилась нарушить извѣстный ей законъ, Антигона не отвѣчаетъ, что самое запрещеніе Креонта есть попраніе существующаго закона; она сознается что законъ нарушила, но что законы эти—изобрѣтеніе людей, а не Зевса, не божественной Правды, что она слѣдовала законамъ неписаннымъ, невѣдомаго происхожденія, какъ бы отъ вѣка присущимъ человѣческой природѣ и потому непреложно обязательнымъ:

οὐ γάρ τί μοι Ζεὺς ἦν ὁ κήρυξας τάδε,
οὐδ'ἡ ξύνοικος τῶν κάτω θεῶν Δίκη,
τοιούσδ'ἐν ἀνθρώποισιν ὥρισαν νόμους.
οὐδὲ σθένειν τοσοῦτον ὠόμην τὰ σὰ
κηρύγμαθ' ὥστ' ἄγραπτα κ'ἀσφαλῆ θεῶν
νόμιμα δύνασθαι θνητὸν ὄνθ' ὑπερδραμεῖν. 450—455.

Хоръ не вноситъ поправки въ рѣчь Креонта и тогда, когда царь, уже напуганный грозными предсказаніями Тиресіи, готовъ исполнить его требованіе, но при этомъ все-таки называетъ себя „блюстителемъ существующихъ законовъ“ (τοὺς καθεστότας νόμους σώζοντα 1113).

Послѣ всего сказаннаго трудно не согласиться, что и въ аргументаціи Фишера мы имѣемъ слѣды вліянія анти-историческаго раціонализма новыхъ критиковъ и умозрительной эстетики въ примѣненіи къ оцѣнкѣ античной трагедіи. Критику желательно подыскать нѣкоторое оправданіе для Антигоны въ существовавшихъ тогда законахъ аѳинянъ, равно какъ и за Креонтомъ признать только долю вины, чтобы такимъ образомъ спасти честь положительныхъ аѳинскихъ законовъ и—что самое главное—защитить поэта отъ упрека въ неуваженіи къ законамъ, въ недостаткѣ у него или слабости чувства законности. Всѣ подобныя усилія новой критики напрасны, и если Софоклъ въ данномъ случаѣ выступаетъ противъ традиціонныхъ воззрѣній, то этотъ случай далеко не единственный въ его трагедіяхъ.

Сюжетъ „Антигоны“ взятъ поэтомъ изъ глубокой старины, хотя и современная ему жизнь, съ перемѣною нѣкоторыхъ условій, могла представить положеніе аналогичное. Участниковъ легендарнаго событія онъ надѣлилъ опредѣленными индивидуальными чертами и поставилъ ихъ въ разнообразныя взаимныя отношенія, благопріятныя для развитія душевной драмы. Ходъ драмы и развязка ея опредѣляются съ самаго начала совокупностью всѣхъ условій, въ какія поставлены герои, а согласуются-ли душевныя движенія героевъ и ихъ поступки съ господствующими понятіями зрителей или съ положительными законами, для великаго художника это—вопросъ второстепенный: господствующія понятія могутъ быть ошибочны, положительные законы, установленные людьми задолго до поэта, или унаслѣдованные отъ старины обычаи могутъ противорѣчить законнѣйшимъ требованіямъ и неотъемлемымъ свойствамъ человѣческой природы. Законы природы—верховный критерій для поэта.

Софоклу принадлежитъ другая трагедія, „Филоктетъ“: истинный герой ея Неоптолемъ, сынъ Ахилла, благородный, правдивый юноша. Отъ него зависитъ, возвратятся ли греки изъ подъ Трои со славою побѣдителей, или Троянская война кончится для нихъ позорнымъ пораженіемъ. Для достиженія цѣли ему необходимо только завладѣть чудеснымъ оружіемъ Филоктета, а добыть это оружіе онъ можетъ не иначе, какъ ложью, обманомъ и предательствомъ. Коварный Одиссей, въ трагедіи представитель интересовъ всего греческаго войска, сумѣлъ взять съ Неоптолема обѣщаніе добыть оружіе ка-

кими бы ни было средствами, и Неоптолемъ, какъ самъ онъ говоритъ о себѣ, никогда не нарушитъ даннаго слова. Однако выполненіе обѣщанія оказалось юношѣ не по силамъ. Онъ не можетъ дѣлать того, что осуждаетъ въ другихъ; онъ не созданъ дѣйствовать хитростью и обманомъ; онъ не способенъ заглушить въ себѣ голосъ природы и поступать наперекоръ ему. Жалкій видъ Филоктета, нѣкогда знаменитаго вождя, а теперь, по винѣ Атридовъ и Одиссея, убогаго, одинокаго страдальца, живущаго только надеждою снова увидѣть дорогую родину, глубоко трогаетъ Неоптолема. Съ врагами своими и обидчиками несчастный старикъ не примирится никогда, и въ то же время онъ обнаруживаетъ самую нѣжную любовь и безграничное довѣріе къ юношѣ, который оживилъ въ немъ мечты о родной землѣ, объ отцѣ; онъ забываетъ и преклонный свой возрастъ, и гордость славнаго героя, и падаетъ на колѣни передъ юношей, умоляя взять его съ собою на судно и возвратить на родину. Радость и надежды Филоктета смѣняются горемъ и отчаяніемъ, когда онъ убѣждается, что этотъ единственный другъ, его спаситель, которому онъ довѣрчиво отдался во власть,— теперь его предатель, соумышленникъ его злѣйшихъ враговъ. И вотъ Неоптолемъ, послѣ мучительной душевной борьбы, освобождаетъ себя отъ даннаго Одиссею обѣщанія, возвращаетъ Филоктету его оружіе, готовъ исполнить его просьбу, несмотря на всѣ увѣщанія хитраго, лживаго Одиссея, на его угрозы, что не Филоктетъ, а онъ, Неоптолемъ, будетъ съ этого времени считаться врагомъ Греціи, тогда какъ ему такъ легко стяжать себѣ славу спасителя грековъ. Но Неоптолемъ не преклоненъ: честное пораженіе для него предпочтительнѣе постыдной побѣды; правда достойнѣе ловкости. Всѣ симпатіи поэта на сторонѣ Неоптолема и Филоктета; противникъ ихъ Одиссей рисуется въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Для него нѣтъ дурныхъ средствъ, если только они ведутъ къ цѣли; ложь, обманъ и насиліе дѣйствительны, если они сулятъ выгоду. Планъ Одиссея, столь хитро задуманный и съ такимъ тонкимъ разсчетомъ приводимый въ исполненіе, рушится, и самъ виновникъ его выходитъ изъ борьбы посрамленнымъ.

Такъ и въ „Антигонѣ“: правду угодную богамъ, которой сочувствуетъ все ѳивское гражданство, Антигона постигаетъ первая своимъ любящимъ сердцемъ, безъ чьего-либо внушенія или указанія. Противоположность ей представляетъ царь Креонтъ. Свое право издавать законы и наказывать за ослушаніе онъ признаетъ неоспоримымъ, безъ всякаго вниманія къ мотивамъ ослушанія, къ условіямъ, въ какихъ оно допущено. Въ своемъ увлеченіи онъ требуетъ отъ гражданъ безусловной, слѣпой покорности, хотя бы онъ вмѣстѣ съ гражданами и убѣдился въ несправедливости своихъ требованій. Въ своемъ ослѣпленіи онъ не понимаетъ иныхъ побужденій къ ослушанію, кромѣ корысти и жажды смутъ въ государствѣ. Антигона, Гемонъ и боговдохновенный Тиресія обличаютъ его въ безразсудствѣ и тиранствѣ, и нужны были грозныя предсказанія гадателя, чтобы сломить его самоувѣренность и упорство, и обратить его душу къ инымъ мыслямъ и чувствамъ. Надменный, неумолимый деспотъ является передъ ѳивскимъ народомъ трусливымъ и безпомощнымъ смертнымъ, котораго только несчастія научили мудрости. Теперь онъ убѣждается, что для счастливаго прохожденія жизненнаго пути недостаточно охраненія существующихъ законовъ:

δέδοικα γὰρ μὴ τοὺς καθεστῶτας νόμους
ἄριστον ἦ σώζοντα τὸν βίον τελεῖν. 1113.

Правленіе Креонта Антигона называетъ тираніей, Тиресія—самого Креонта тираномъ: имена ненавистнѣйшія для современниковъ Софокла. Владыка нетерпимъ, жестокъ, ограниченъ; слова его полны противорѣчій и часто оскорбительны для самихъ боговъ, не говоря уже о людяхъ, ему близкихъ, и о прочихъ гражданахъ. Нѣкоторыхъ критиковъ смущаетъ еще трагическій конецъ Антигоны; значитъ, полагаютъ они, поэтъ

признаетъ вину за нею. Но и въ этомъ отношеніи Антигона—была настоящая героиня въ глазахъ античныхъ грековъ. Она знаетъ и цѣнитъ радости жизни, она скорбитъ, что безвременно покидаетъ землю, въ слезахъ прощается съ людьми и природой, но ни на одно мгновеніе не приходитъ ей мысль отступиться отъ рѣшенія, которое она считаетъ своимъ священнымъ долгомъ,—оказать брату послѣднюю важнѣйшую услугу, или покаяться въ своемъ поступкѣ. Исмена проситъ у нея, какъ милости и высокой чести, дозволенія умеретъ одинаковою съ нею смертью, но Антигона называетъ сестру недостойной такой участи, потому что она дѣломъ не доказала своей любви къ Полинику. Не всякою жизнью, а только доблестною слѣдуетъ дорожить, говоритъ Сократъ въ Платоновомъ Критонѣ. Напротивъ, неумѣренная жажда жизни, во что бы то ни стало, считалась у грековъ признакомъ постыднѣйшаго малодушія. По словамъ Солона, тѣ братья юноши, которые тихо окончили земное существованіе на праздникѣ Геры послѣ того, какъ они только что были предметомъ всеобщаго восхищеніи присутствующихъ, гораздо счастливѣе богача Креза. Остающійся въ живыхъ Креонтъ молитъ о смерти, какъ о высшей милости, а Антигона умираетъ праведницей. Люди, природа, боги возмущены насиліемъ Креонта; слѣдовательно, то дѣло, за которое Антигона отдала свою жизнь,—правое дѣло. Царь во имя существующаго закона совершаетъ величайшую несправедливость, а дѣвушка, чуждая политики, явно и сознательно нарушающая законъ, какъ Неоптолемъ нарушаетъ данное имъ слово, дѣйствуетъ согласно съ вѣчными законами, руководствуясь требованіемъ собственной совѣсти. Чтобы душа могла поселиться для вѣчной жизни въ подземной обители, тѣло, съ которымъ она оставалась связанною, должно быть погребено по установленному обряду,—такъ вѣрилъ древній грекъ. Лишенная погребенія, душа не имѣла пристанища и томилась въ вѣчномъ скитаніи; она напрасно порывалаеь къ покою, въ которомъ нуждалась послѣ трудовъ и волненій земной жизни; она обречена была на безконечное блужданіе подъ видомъ призрака, никогда не получая приношеній и пищи отъ живущихъ. Любящая природа Антигоны возмутилась противъ того насилія, какое было учинено Креонтомъ надъ ея умершимъ братомъ; она убѣждена, что смерть равняетъ всѣхъ, и что судъ надъ умершими есть дѣло боговъ, а не людей. Въ предсмертныя минуты, покинутая людьми, не находящая себѣ видимой защиты въ богахъ, Антигона со смиреніемъ отдаетъ себя и враговъ своихъ на судъ боговъ. Наученный знаменіями, Тиресія внушаетъ царю, что человѣкъ послѣ смерти есть достояніе боговъ преисподней, и что постыдно издѣваться надъ мертвымъ. И Антигона, и Тиресія, вся трагедія осуждаютъ этимъ самымъ существовавшій во время Софокла обычай оставлять безъ погребенія и какимъ бы то ни было образомъ оскорблять останки умершихъ, хотя бы это были тяжкіе государственные преступники: власть надъ умершимъ принадлежитъ богамъ. Положительному закону, или точнѣе, обычаю дѣвушка противопоставила присущее ей отъ рожденія чувство любви и состраданія, общій неписанный законъ, которому, по словамъ Цицерона, мы не научаемся изъ книгъ или со словъ другихъ, но съ которымъ входимъ въ жизнь отъ рожденія. По своей ограниченности, по ослѣпленію властью ѳивскій царь оказался неспособнымъ проникнуть глубже того, что давали обычаи и законоположенія, а боги поставили Антигонѣ не въ вину, но въ высокую заслугу, въ священный подвигъ ея жалость къ умершему и нарушеніе царскаго приказанія во имя любви къ брату. То, что Антигона совершила во имя братской любви, Тиресія признаетъ обязательнымъ по отношенію ко всякому умершему, возводитъ въ законъ. Столкновеніе между положительнымъ закономъ и требованіями человѣческой совѣсти древній поэтъ смѣло рѣшилъ въ пользу этой послѣдней; побѣда въ столкновеніи остается не за властителемъ страны, издающимъ законы и ихъ точно выполняющимъ, но за Антигоной, казненной на основаніи этихъ законовъ; высшая правда на сторонѣ загубленной дѣвушки, о чемъ даютъ знать боги, что вынужденъ признать и Креонтъ со всѣми гражданами. Таковъ урокъ человѣчности, преподанный античнымъ

поэтомъ; въ этой человѣчности кроется и разгадка того, почему наша трагедія до сихъ поръ не утрачиваетъ своей высокой поучительности. Цѣною жизни открыта новая истина. „Трагическое“, говоритъ Бѣлинскій „это Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душою и, умѣя наслаждаться жизнью, умѣлъ быть и достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать, гдѣ и когда велитъ судьба,—вотъ что было для грека идеаломъ разумной жизни“.

Ѳ. Мищенко.

Праздникъ свободы.

Я спалъ какъ воды моря,
Какъ сумракъ заключенья,
Я спалъ какъ мертвый камень,
И странно жилъ во снѣ,—
    Съ своей душой не споря,
    Свое ожесточенье
    Любя, какъ любитъ пламень
    Таиться въ тишинѣ.
Скрываться безконечно,
Мгновенія и годы
Въ землѣ, въ деревьяхъ, въ зданьяхъ,—
И вдругъ, въ свой лучшій мигъ,
    Такъ пышно и безпечно,
    На праздникѣ свободы,
    Возникнуть въ трепетаньяхъ,
    Какъ молнія, какъ крикъ.
Я спалъ какъ зимній холодъ,
Змѣинымъ сномъ, злораднымъ,
Но вотъ мнѣ все подвластно,
Какъ свѣтлому царю,—
    О, какъ я новъ и молодъ,
    Въ своемъ стремленьи жадномъ,
    Какъ пламенно и страстно
    Живу, дышу, горю!

К. Бальмонтъ.

Севилья, Весна, 1900.

О законѣ паденія нормы прибыли Маркса.

Полемика о законѣ паденія нормы прибыли продолжается уже болѣе года. Если не забылъ читатель, поводомъ къ полемикѣ явилась моя статья, напечатанная въ майской книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія" за 1899 г. „Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса". Статья эта вызвала рядъ отвѣтныхъ статей, въ большинствѣ случаевъ рѣзко неодобрительнаго свойства. Всѣ эти статьи, включая и недавнія статьи г.г. Карелина и Филиппова въ „Научномъ Обозрѣніи", не заставили меня въ какомъ бы то ни было отношеніи измѣнить мои первоначальные взгляды.

Въ настоящей статьѣ я предлагаю вниманію читателя новую обосновку моего прежняго тезиса—что „законъ" паденія нормы не вытекаетъ изъ трудовой теоріи цѣнности. Мнѣ кажется, что эта новая обосновка рѣшаетъ весь споръ.

Пусть a выражаетъ собой массу общественнаго продукта (его потребительную цѣнность), а b—трудъ, затраченный на производство этого продукта. Производительность труда равна въ этомъ случаѣ $\frac{a}{b}$ (производительностью труда мы называемъ количество продукта, создаваемаго единицей труда). Допустимъ, для простоты разсужденія, что весь общественный капиталъ состоитъ лишь изъ перемѣннаго капитала, т. е. что вся затрата капиталиста слагается изъ заработной платы. Норму прибавочной цѣнности примемъ въ 100%. Мы получаемъ слѣдующую схему:

Схема № 1.

$$\frac{b}{2}v + \frac{b}{2}m = b$$

гдѣ v — перемѣнный капиталъ, а m — прибавочная цѣнность. Норма прибыли въ этомъ случаѣ также 100%. Предположимъ, что половина рабочихъ замѣщается машинами. Марксъ разсуждалъ бы въ этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ. Половина $\left(\frac{b}{4}\right)$ всего капитала превращается въ постоянный капиталъ, не создающій прибавочной цѣнности. Перемѣнный капиталъ опускается до $\frac{b}{4}$. При той же нормѣ прибавочной цѣнности капиталъ этотъ создастъ $\frac{b}{4}$ прибавочной цѣнности. Такъ какъ весь затраченный капиталъ

равняется $\frac{b}{2}$ (причемъ половина его состоитъ изъ перемѣннаго, половина изъ постояннаго капитала), то норма прибыли упадетъ и будетъ равна 50%, въ то время какъ раньше норма эта равнялась 100%.

Легко показать, однако, полную несостоятельность такого разсужденія. Оно совершенно игнорируетъ столь важный моментъ, какъ вліяніе повышенія производительности труда на цѣнность продукта. Замѣщеніе рабочаго машиной должно повысить производительность труда. Трудовая цѣнность единицы продукта должна, слѣдовательно, понизиться. Вытѣсненіе рабочихъ машинами никоимъ образомъ не можетъ поднять ихъ реальную заработную плату. Реальная заработная плата при этомъ скорѣе должна упасть. Но даже если мы примемъ, что реальная заработная плата остается прежней, трудовая цѣнность ея должна упасть. Необходимое рабочее время (по терминологіи Маркса) понизится, прибавочное время и норма прибавочной цѣнности, слѣдовательно, повысятся. Нѣчто подобное произойдетъ и съ постояннымъ капиталомъ: трудовая цѣнность единицы постояннаго капитала также понизится благодаря повышенію производительности труда. Марксъ совершенно игнорируетъ въ своемъ выводѣ закона паденія нормы прибыли всѣ эти послѣдствія повышенія производительности труда. Онъ исходитъ изъ предположенія неизмѣнности нормы прибавочной цѣнности, между тѣмъ какъ очевидно, что измѣненіе въ данныхъ условіяхъ строенія капитала не можетъ остаться безъ вліянія на эту норму *).

Разсматриваемая задача оказывается, такимъ образомъ, болѣе трудной, чѣмъ предполагалъ Марксъ. Чтобы нашъ анализъ представлялъ собой нѣчто реальное, мы должны принять въ соображеніе измѣненіе производительности труда и вытекающее отсюда измѣненіе цѣнности продукта. Чтобы опредѣлить производительность труда, необходимо знать массу продукта. Выше приведенную формулу мы должны выразить въ массѣ продукта, и получаемъ слѣдующую схему:

$$\frac{a}{2}v + \frac{a}{2}m = a,$$

гдѣ a выражаетъ собой общественный продуктъ.

Согласно нашему предположенію, машины замѣщаютъ половину рабочихъ; половина перемѣннаго капитала превращается въ постоянный. Мы можемъ для простоты принять,

---

*) Чтобы предупредить всякія недоразумѣнія относительно взглядовъ Маркса, привожу то мѣсто изъ III тома „Капитала", гдѣ Марксъ выводитъ свой знаменитый законъ. „При данной заработной платѣ и данной продолжительности рабочаго дня перемѣнный капиталъ, напр. въ 100 выражаетъ собой опредѣленное число занятыхъ въ производствѣ рабочихъ... Если рабочій день этихъ 100 рабочихъ распадается въ равной мѣрѣ на постоянную и перемѣнную часть, то норма прибавочной цѣнности $\frac{m}{v} = 100\%$ Эта норма прибавочной цѣнности выразится въ различныхъ нормахъ прибыли, смотря по размѣрамъ постояннаго капитала c, а слѣдовательно и всего капитала C, такъ какъ норма прибыли есть $\frac{m}{C}$. Если норма прибавочной цѣнности 100%:

то если $c = 50$, $v = 100$, то $p' = \frac{100}{150} = 66\frac{2}{3}\%$

„ „ $c = 100$, $v = 100$, „ $p' = \frac{100}{200} = 50\%$

„ „ $c = 200$, $v = 100$, „ $p' = \frac{100}{300} = 33\frac{1}{3}\%$

„ „ $c = 300$, $v = 100$, „ $p' = \frac{100}{400} = 25\%$

Та же норма прибавочной цѣнности при неизмѣнномъ уровнѣ эксплоатаціи рабочаго выразится, такимъ образомъ, въ различныхъ нормахъ прибыли". (Das Kapital, III, 1 Teil, стр. 191). Все это разсужденіе основывается на contradictio in adjecto, ибо норма прибавочной цѣнности должна въ этомъ случаѣ измѣняться.

что машины эти оборачиваются такъ же, какъ и перемѣнный капиталъ (это обычное предположеніе Маркса, изъ котораго онъ исходитъ, какъ видно изъ соотвѣтствующаго текста, и въ своемъ выводѣ закона паденія нормы прибыли). При этомъ предположеніи, количество продукта, создаваемаго трудомъ рабочихъ при помощи машинъ, не можетъ уменьшиться сравнительно съ количествомъ продукта до введенія машинъ—ибо иначе не было бы никакого экономическаго смысла вводить машины. Фактически количество продукта при этомъ условіи возрастетъ. Разсмотримъ, однако, предѣльный случай, при которомъ машины производятъ такое же количество продукта, какъ и вытѣсненные ими рабочіе; въ этомъ случаѣ введеніе машинъ экономически возможно, между тѣмъ какъ при предположеніи сокращенія массы продукта введеніе машинъ убыточно и потому экономически невозможно. Мы должны поэтому принять, что прибавочный продуктъ не уменьшился благодаря введенію машинъ—если прежде прибавочный продуктъ, по своей массѣ, былъ равенъ $\frac{a}{2}$, то и теперь онъ останется $\frac{a}{2}$, реальная заработная плата рабочихъ, находящихъ себѣ занятіе и послѣ введенія машинъ, $= \frac{a}{4}$ (такъ какъ, согласно нашему предположенію, число рабочихъ сократилось вдвое). Прибавочный продуктъ и реальная заработная плата всѣхъ рабочихъ (общественный доходъ) равняются, слѣдовательно, по своей массѣ, $^3/_4\ a$.

Какъ велика трудовая цѣнность этого продукта, обращающаго общественный доходъ, при новыхъ условіяхъ производства, т. е. послѣ введенія машинъ? Она не можетъ остаться прежней ($^3/_4\ b$), такъ какъ благодаря введенію машинъ требуется меньшее количество труда для изготовленія той же массы продукта. Вновь затраченный въ процессѣ производства живой трудъ $= \frac{b}{2}$ (половина труда, затраченнаго на производство въ теченіе перваго года, до введенія машинъ). Этотъ живой трудъ образуетъ, по теоріи трудовой цѣнности, цѣнность прибавочнаго продукта и заработной платы, такъ какъ цѣнность постояннаго капитала воспроизводится, согласно той же теоріи, въ процессѣ труда безъ всякой перемѣны. Такимъ образомъ цѣнность прибавочнаго продукта и заработной платы (перемѣннаго капитала) $= \frac{b}{2}$. Какъ велика, при этомъ условіи, производительность труда? Производительность труда мы получаемъ дѣленіемъ массы продукта ($^3/_4\ a$) на его трудовую цѣнность $\left(\frac{b}{2}\right)$; производительность труда равна, слѣдовательно, $\frac{3a}{2b}$. Чтобы учесть трудовую цѣнность перемѣннаго капитала, мы должны раздѣлить его массу $\left(\frac{a}{4}\right)$ на производительность труда:

$$\frac{a}{4} : \frac{3a}{2b} = \frac{b}{6}.$$

Такимъ образомъ, цѣнность перемѣннаго капитала $= \frac{b}{6}$; также велика, согласно нашему предположенію, и цѣнность постояннаго капитала. Общее количество трудовой цѣнности, вновь созданной въ теченіе второго года, $= \frac{b}{2}$. Изъ этой цѣнности рабочіе получаютъ $\frac{b}{6}$; на долю капиталистовъ остается какъ прибавочная цѣнность $\frac{b}{2} - \frac{b}{6} = \frac{b}{3}$

Такимъ образомъ, мы установили, что прибавочная цѣнность во второмъ году $= \frac{b}{3}$. Для второго года мы получаемъ слѣдующую схему:

Схема № 2.

$$\frac{b}{6}\,c + \frac{b}{6}\,v + \frac{b}{3}\,m = \frac{2}{3}\,b.$$

Затраченный капиталъ $= \frac{b}{6} + \frac{b}{6} = \frac{b}{3}$; такъ же велика и прибавочная цѣнность.

Норма прибыли остается, слѣдовательно, 100% несмотря на измѣненіе органическаго сложенія капитала и превращеніе половины перемѣннаго капитала въ постоянный.

Согласуется ли, однако, этотъ результатъ съ трудовой теоріей цѣнности? Согласно этой теоріи, трудъ есть единственная субстанція цѣнности. Въ нашемъ случаѣ доля живого труда въ общей затратѣ капитала значительно сократилась, а норма прибыли тѣмъ не менѣе не испытала перемѣны. Какъ это объяснить?

Очень просто. Сокращеніе количества живого труда, занятаго въ производствѣ, дѣйствительно, не могло остаться безъ вліянія на цѣнность прибавочнаго продукта. И это выражено въ нашихъ схемахъ: въ схемѣ № 1 прибавочная цѣнность $=\frac{b}{2}$, а въ схемѣ № 2 $=\frac{b}{3}$. Уменьшеніе живого труда выразилось, слѣдовательно, въ уменьшеніи прибавочной цѣнности.

Тѣмъ не менѣе норма прибыли осталась неизмѣнной потому что одновременно съ пониженіемъ прибавочной цѣнности падаетъ цѣнность затраченнаго капитала. Въ то время какъ въ схемѣ № 1 цѣнность затраченнаго капитала $=\frac{b}{2}$, въ схемѣ № 2 она равна $\frac{b}{3}$.

Паденіе цѣнности перемѣннаго капитала равнозначуще въ разсматриваемыхъ условіяхъ съ повышеніемъ нормы прибавочной цѣнности. Въ схемѣ № 1 норма прибавочной цѣнности $=100\%$, а въ схемѣ № 2 она равна 200%.

Это несложное алгебраическое построеніе (воспроизводящее, съ небольшими формальными измѣненіями, данное мною раньше въ первой моей статьѣ о законѣ паденія нормы прибыли), мнѣ кажется неотразимымъ. Во всякомъ случаѣ, все то, что до сихъ поръ высказывалось противъ него (ибо, повторяю, оно уже было дано, въ существенныхъ чертахъ, въ моей первой статьѣ), мнѣ кажется крайне слабымъ. И я смѣю думать, что достаточно понять приведенное построеніе, чтобы согласиться съ нимъ.

Такимъ образомъ, каждое замѣщеніе ручнаго труда машиннымъ и перемѣннаго капитала должно приводить къ слѣдующимъ результатамъ: прибавочная цѣнность должна относительно понизиться, производительность труда въ то же время возрасти, что, въ въ свою очередь, вызываетъ паденіе цѣнности перемѣннаго капитала, равнозначуще съ повышеніемъ нормы прибавочной цѣнности. Всѣ эти причины, дѣйствующія въ противоположныхъ направленіяхъ, парализируютъ свое взаимное дѣйствіе, и норма прибыли остается неизмѣнной.

Относительное сокращеніе перемѣннаго капитала, каковымъ сопровождается усовершенствованіе техники, отражается, слѣдовательно, на измѣненіи массы и нормы прибавочной цѣнности, но не прибыли. Но я сдѣлалъ въ вышеприведенномъ анализѣ одно существенное допущеніе, которое, разумѣется, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: а именно, я предположилъ, что введеніе машинъ не увеличиваетъ массы общественнаго продукта. Въ дѣйствительности же общественный продуктъ при этомъ условіи значительно возрастаетъ. Такимъ образомъ, увеличеніе производительности труда въ дѣйствительности гораздо значительнѣе, чѣмъ я принималъ въ своемъ схематическомъ построеніи—а, слѣдовательно, и выводы, къ которымъ мы пришли, требуютъ нѣкотораго измѣненія. Мы пришли къ заключенію, что замѣщеніе ручнаго труда машиннымъ не понижаетъ нормы прибыли. Это было бы вѣрно, если бы введеніе машинъ не повышало массы изготовляемаго продукта. Но такъ какъ фактически работа на машинахъ даетъ бо́льшую массу продукта, чѣмъ ручная работа, то норма прибыли должна вслѣдствіе роста постояннаго капитала возрасти. Иными словами, мы приходимъ къ совершенно обратному выводу сравнительно съ выводомъ Маркса. На основаніи трудовой теоріи цѣнности мы приходимъ къ заключенію, что замѣщеніе

рабочихъ машинами, само-по-себѣ, не только не имѣетъ тенденціи понизить, а скорѣе имѣетъ тенденцію повысить норму прибыли.

Отсюда ясно, что мнимость закона паденія нормы прибыли Маркса никоимъ образомъ не является „основной антиноміей трудовой теоріи цѣнности". Марксъ сдѣлалъ неправильный выводъ изъ трудовой теоріи цѣнности, — но отъ этого сама теорія цѣнности не стала противорѣчива. Да и вообще, a priori, вполнѣ очевидно, что трудовая теорія цѣнности не можетъ заключать внутренняго противорѣчія, ибо всѣ теоріи цѣнности безъ исключенія сходятся въ признаніи труда однимъ изъ важнѣйшихъ объективныхъ факторовъ цѣнности. Трудовая теорія признаетъ трудъ единственной субстанціей цѣнности. Поэтому она можетъ быть односторонней, недостаточной, не соотвѣтствующей фактамъ, но логически противорѣчивой быть не можетъ, ибо трудъ есть несомнѣнный факторъ цѣнности а, слѣдовательно, и принятіе его единственнымъ факторомъ ни къ какимъ логически нелѣпымъ результатамъ приводить не можетъ.

Нашъ выводъ относительно тенденціи нормы прибыли къ повышенію, подъ вліяніемъ роста постояннаго капитала, требуетъ лишь одного ограниченія. А именно, мы совершенно отвлекались во всемъ вышеприведенномъ построеніи отъ вліянія на норму прибыли скорости оборота общественнаго капитала. Сокращеніе времени оборота должно повысить норму прибыли, замедленіе оборота понизить ее, какъ это показано Марксомъ во второмъ томѣ „Капитала". Техническій прогрессъ вліяетъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ на скорость обращенія капитала: съ одной стороны время оборота возрастаетъ благодаря превращенію оборотнаго капитала въ основной; съ другой стороны обороты капитала ускоряются благодаря болѣе интенсивному использованію основного капитала и ускоренію транспорта. Оба эти момента могутъ видоизмѣнять дѣйствіе причинъ, разобранныхъ нами выше. Если первый моментъ пріобрѣтаетъ большее значеніе, чѣмъ второй, то, несмотря на замѣщеніе ручного труда машиннымъ и повышеніе благодаря этому производительности труда, норма прибыли можетъ остаться неизмѣнной или даже понизиться. Но вопросъ о вліяніи скорости оборотовъ капитала на норму прибыли логически не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о вліяніи на норму прибыли строенія капитала—распаденія его на постоянную и перемѣнную часть. Такъ понималъ дѣло самъ Марксъ, ни единымъ словомъ не обмолвившійся объ измѣненіи скорости оборота капитала при выводѣ своего закона паденія нормы прибыли. Да и вообще, какъ видно изъ II тома „Капитала", Марксъ скорѣе предполагалъ, что обороты капитала въ развивающемся капиталистическомъ хозяйствѣ ускоряются, а не замедляются— откуда слѣдуетъ, что, по понятію Маркса, моментъ обращенія капитала долженъ вести скорѣе къ повышенію, чѣмъ къ паденію нормы прибыли.

Изъ несостоятельности мнимаго закона Маркса отнюдь не слѣдуетъ, что норма прибыли въ капиталистическомъ хозяйствѣ остается неизмѣнной. Во всякомъ случаѣ, исторія показываетъ, что паденіе нормы прибыли отнюдь не представляетъ собой такого повсемѣстнаго и закономѣрнаго явленія, каковымъ оно должно было бы быть въ случаѣ справедливости теоріи Маркса. А. Смитъ говоритъ въ „Богатствѣ народовъ", что процентъ на капиталъ въ богатѣйшихъ европейскихъ странахъ не превосходитъ 4, 3 и даже 2%. Обычнымъ процентомъ въ Англіи онъ считаетъ 4 или $4^1/_2$%. Такимъ образомъ, въ теченіе истекшаго столѣтія процентъ на капиталъ понизился весьма мало. Самое широкое замѣщеніе ручного труда машиннымъ имѣло мѣсто въ Англіи во второй четверти этого вѣка. Тѣмъ не менѣе, нельзя подмѣтить за это время никакого паденія нормы прибыли въ Англіи. Курсы англійскихъ 3-хъ-процентныхъ консолей указываютъ скорѣй на значительную устойчивость средней нормы прибыли въ Англіи. Правда, со времени 70-хъ годовъ норма прибыли въ Англіи, повидимому, понизилась. Это объясняется паденіемъ промышленнаго первенства Англіи, утратой ею того монопольнаго положенія, которое она занимала прежде, повышеніемъ заработной платы и сокращеніемъ рабочаго

дня и другими причинами, отнюдь не сводимыми къ повышенію строенія національнаго капитала въ Англіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ капиталистическаго развитія каждой страны наблюдается паденіе ссуднаго процента. Но это паденіе представляетъ собой явленіе совершенно иного порядка, чѣмъ послѣдующее паденіе нормы прибыли. Высокій ссудный процентъ нецивилизованныхъ или полуцивилизованныхъ странъ не имѣетъ ничего общаго съ процентомъ въ капиталистическихъ странахъ. „Подъ формой процента (въ некапиталистическихъ странахъ)—говоритъ Марксъ—ростовщикъ можетъ извлекать у производителя весь избытокъ продукта надъ необходимѣйшими средствами существованія (составляющими впослѣдствіи заработную плату). Избытокъ этотъ впослѣдствіи распадается на земельную ренту и процентъ. Поэтому крайне неумно сравнивать высоту этого процента тамъ, гдѣ процентъ, за исключеніемъ доли государства, включаетъ въ себя всю прибавочную цѣнность, съ высотой современнаго процента, когда процентъ, по крайней мѣрѣ какъ общее правило, включаетъ въ себя лишь часть прибавочной цѣнности“ *). Повидимому, Марксъ самъ чувствовалъ, сколь мало согласуется его мнимый законъ съ фактами капиталистическаго развитія, и потому привелъ цѣлый рядъ противодѣйствующихъ причинъ, которыя должны ослаблять дѣйствіе этого закона. Къ сожалѣнію, среди этихъ причинъ онъ не указалъ наиболѣе важнаго—а именно повышенія роста производительности труда, хотя дѣйствіемъ этой причины уничтожается весь законъ. Между причинами же, перечисляемыми Марксомъ [онъ приводитъ 6 такихъ причинъ: 1) увеличеніе нормы эксплоатаціи рабочаго, главнымъ образомъ путемъ удлиненія рабочаго дня и интенсификаціи работы, 2) пониженіе заработной платы ниже ея цѣнности, что, по словамъ Маркса, является „одной изъ важнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ тенденціи нормы прибыли къ паденію“, 3) удешевленіе элементовъ постояннаго капитала, 4) относительное перенаселеніе, 5) внѣшнюю торговлю и 6) увеличеніе акціонернаго капитала], нѣкоторыя дѣйствуютъ какъ разъ въ обратномъ направленіи сравнительно съ предполагаемымъ Марксомъ. Это слѣдуетъ сказать, напримѣръ, про удлиненіе рабочаго дня и паденіе заработной платы. Новѣйшая исторія показываетъ, что рабочій день не удлиняется, а сокращается, точно также какъ и заработная плата не падаетъ, а повышается. Такимъ образомъ, и то и другое является моментомъ, благопріятствующимъ пониженію нормы прибыли,—а слѣдовательно измѣненіе рабочаго дня и заработной платы никоимъ образомъ не могутъ фигурировать въ качествѣ „причинъ, противодѣйствующихъ паденію прибыли“. Дѣйствіе другихъ причинъ, приводимыхъ Марксомъ, недостаточно сильно, чтобы до такой степени видоизмѣнить законъ, какъ это требуется для согласованія его съ фактами.

Итакъ, и теорія и опытъ одинаково доказываютъ мнимость открытаго Марксомъ „закона“. Норма прибыли можетъ понижаться,—но во всякомъ случаѣ не благодаря относительному росту постояннаго капитала насчетъ перемѣннаго. Съ паденіемъ закона паденія нормы прибыли падаетъ и вся теорія прибыли Маркса, какъ это показано мною въ статьѣ въ „Научномъ Обозрѣніи“ (Мартъ, 1900). Тамъ же я излагаю новую теорію прибыли, которая, основываясь на тѣхъ же соціологическихъ предпосылкахъ, на которыхъ построена и теорія прибыли Маркса, въ то же время совершенно свободна отъ всякой связи съ трудовой теоріей цѣнности и столь же согласуется съ этой послѣдней теоріей, какъ и съ теоріей предѣльной полезности.

Въ заключеніе, повторю еще разъ, что въ мнимости закона паденія нормы прибыли я не вижу никакой „антиноміи трудовой теоріи цѣнности“. Мнимость этого закона не можетъ служить аргументомъ ни за, ни противъ трудовой теоріи цѣнности, ибо, какъ я смѣю думать, мнѣ удалось доказать несостоятельность закона Маркса, строго стоя на

*) Das Kapital, III томъ, часть 2, стр. 134.

почвѣ этой теоріи. И пока это доказательство не будетъ опровергнуто (въ возможности чего я весьма сомнѣваюсь), до тѣхъ поръ говорить объ „антиноміи трудовой теоріи цѣнности“ нельзя. Другое дѣло теорія прибавочной цѣнности: она дѣйствительно заключаетъ въ себѣ неустранимую внутреннюю антиномію, какъ это ясно изъ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій. Антиномія эта заключается въ слѣдующемъ: теорія прибавочной цѣнности, исходя изъ теоріи трудовой цѣнности, приходитъ къ противопоставленію живого труда, какъ единственнаго фактора прибыли, мертвому труду; между тѣмъ, та же трудовая теорія цѣнности убѣждаетъ насъ, что движеніе нормы прибыли не имѣетъ ничего общаго съ измѣненіемъ строенія капитала. Строеніе капитала можетъ повышаться въ любыхъ размѣрахъ — иначе говоря, роль живого труда въ процессѣ производства можетъ неограниченно падать — при полной неизмѣнности или даже повышеніи нормы прибыли. Отсюда слѣдуетъ, что противопоставленіе живого труда мертвому не имѣетъ, по отношенію къ явленіямъ прибыли, никакого экономическаго смысла. Было бы совершенно несправедливо сказать, что теорія прибавочной цѣнности невѣрна, противорѣчитъ фактамъ,—ибо явленія прибыли могутъ быть истолкованы и на базисѣ этой теоріи, какъ и на базисѣ теоріи предѣльной полезности. Но указанная антиномія лишаетъ теорію прибавочной цѣнности внутренняго содержанія, ибо того экономическаго содержанія, которое было вложено въ нее Марксомъ—противопоставленія живого труда мертвому,—она въ себѣ не заключаетъ. Теорія прибавочной цѣнности сводится къ тавтологіи: понятное дѣло, что если называть цѣнностью „кристаллизированный въ продуктѣ трудъ“, то и прибыль будетъ „кристаллизированнымъ трудомъ“, присвоеннымъ капиталистомъ. Но отъ такого чисто формальнаго объясненія пониманіе явленій прибыли не подвигается ни на шагъ.

М. Туганъ-Барановскій.

Слѣды непосредственнаго вліянія евреевъ, сказавшіеся на памятникахъ древне-русской письменности.

При изученіи древне-русской литературы, изслѣдователями мало, вѣрнѣе—вовсе не обращалось вниманія на слѣды непосредственнаго вліянія евреевъ на памятники древне-русской письменности. Въ литературѣ существуютъ лишь небольшія, отрывочныя замѣтки по этому вопросу, тогда какъ полное и всестороннее освѣщеніе его можетъ быть возможно только послѣ обстоятельнаго изслѣдованія хранящихся въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ матеріаловъ, выдѣленія изъ всей массы рукописей такихъ, на которыхъ эти слѣды были бы видны. Отчасти, только по другому вопросу, подобная задача была исполнена А. Н. Поповымъ, въ его изслѣдованіи: „Историко литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ."

Между тѣмъ, подобная работа имѣетъ большое историко-литературное значеніе Она можетъ помочь, напримѣръ, установленію правильной точки зрѣнія на то раціоналистическое движеніе конца XV вѣка, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ „ереси жидовствующихъ. Какъ извѣстно, мнѣнія ученыхъ о ней значительно расходятся, между собою. Въ сущности ихъ можно свести къ двумъ основнымъ взглядамъ: первый—не признаетъ въ ереси чистаго жидовства, но смѣсь христіанскихъ началъ съ еврействомъ, таковы взгляды Руднева (О ересяхъ и расколахъ), Панова, Соловьева; второй—признаетъ за ересью чистое жидовство, какъ это признавалъ и первый описатель ея—Іосифъ Санинъ,—взглядъ, проводимый нашими историками церкви—Макаріемъ и Голубинскимъ Остальные изслѣдователи этого вопроса склоняются то къ одному, то къ другому господствующему мнѣнію, измѣняя ихъ сообразно своему взгляду. Такъ, одни усматриваютъ въ ереси реакцію господствующему направленію, связывая ересь съ политическимъ броженіемъ (Архангельскій, Жмакинъ), другіе—результатъ смѣшенія политическихъ условій и внѣшняго вліянія (Сервицкій, Никитскій, Боцяновскій), или склоняются къ господствующей роли еврейства (Хрущовъ, Тихонравовъ), или же усматриваютъ въ не, связь съ богумильствомъ (Милюковъ).

Итакъ—мнѣнія различны. Между тѣмъ вопросъ сталъ бы на болѣе твердую почву, если бы была произведена подготовительная работа по рукописнымъ матеріаламъ которые помогутъ, безъ сомнѣнія, уяснить роль еврейства. Тогда только можно будетъ рѣшить, была ли ересь жидовствующихъ случайнымъ „взрывомъ критицизма", какъ выразился одинъ ея изслѣдователь, или же результатомъ продолжительной и скрытой пропаганды еврейства, выразившейся, между прочимъ, и на памятникахъ древне-русской письменности.

Вліяніе евреевъ начинается съ первыхъ шаговъ русской письменности. Лѣтопись, подъ 6494 г. говоритъ, что въ числѣ прочихъ пословъ, пришедшихъ къ Владиміру о вѣрѣ, были и „Жидове Козарстіи", предлагавшіе ему принять свое вѣроученіе. Такимъ образомъ, уже при самомъ принятіи христіанства, легенда указываетъ на какую-то

еврейскую пропаганду. Въ концѣ XI и началѣ XII вѣка мы имѣемъ тѣ же лѣтописныя указанія на существованіе въ Кіевѣ евреевъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ даже ѣздили на западъ учиться въ тамошнихъ талмудскихъ академіяхъ, какъ напр., рабби Моисей изъ Кіева, ученикъ знаменитаго Іосафиста Якова Тама, внука Раши. (Полнѣе объ этомъ см. у Гаркави „Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ).

Несомнѣнно вѣрнымъ кажется то предположеніе, что еврейство, не успѣвъ склонить къ своей вѣрѣ Владиміра, не оставляло проповѣди въ Кіевѣ, имѣя, какъ мы сейчасъ видѣли, въ своей средѣ лицъ, обладавшихъ вполнѣ тогдашней средневѣковой ученостью. Поэтому, Слово Илларіона „О законѣ, Моисеомъ даннѣмъ и о благодати и истинѣ Іисусъ Христосъ бывшимъ"..., заключая въ себѣ цѣлое разсужденіе полемическаго характера о превосходствѣ Евангелія передъ закономъ, могло быть вызвано современнымъ отношеніемъ русской церкви къ еврейству, и для слушателей Илларіона имѣло современный интересъ. Въ этомъ сочиненіи митрополитъ, обозрѣвая вкратцѣ судьбу еврейскаго народа, старается доказать, что причина всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій евреевъ заключается въ отверженіи ими Христовой вѣры. Полемика очень жива въ Словѣ и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Малышевскій, эти пріемы полемики нельзя объяснить одними лишь отвлеченными догматическими интересами: полемика относится не къ далекому прошлому іудейству, а имѣетъ въ виду близкое, современное. (Эта пропаганда евреевъ въ началѣ XII вѣка была замѣчена также и преосвященнымъ Филаретомъ).

Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, составленномъ Несторомъ, говориться, между прочимъ, что во время своего игуменства, онъ часто, тайкомъ изъ монастыря, уходилъ ночью къ евреямъ, чтобы вести съ ними пренія о Христѣ. Игуменъ дѣлалъ это съ тою цѣлью, что хотѣлъ пострадать отъ разгоряченныхъ противниковъ: „жадаше бо о еже о Христовѣ исповѣданіи убіенъ быти". Изъ этихъ бесѣдъ Ѳеодосій хорошо познакомился съ евреями и ихъ законами. На вопросъ князя Изяслава „можно ли въ воскресный день заколоть вола, овцу или птицу и ѣсть ихъ мясо?" Ѳеодосій отвѣчаетъ въ своемъ посланіи: „Іудеямъ, когда Богъ ихъ вывелъ изъ Египта, данъ былъ законъ—хранить субботу такъ, чтобы ничего не дѣлать, не зажигать огня, не заколать ничего въ пищу, а все нужное приготовлять въ пятокъ передъ вечеромъ и *это іудеи дѣлаютъ донынѣ*, но съ того времени, какъ Іисусъ сошелъ на землю, все іудейское умолкло, мы—не чада Авраама, а чада Христа".—Тонъ и здѣсь полемическій.

Въ Печерскомъ Патерикѣ есть расказъ объ искушеніи Никиты затворника, ставшаго впослѣдствіи епископомъ Новгородскимъ. По наущенію бѣса Никита занимался усердно чтеніемъ книгъ исключительно Ветхаго Завѣта, не признавая совершенно Новаго. Вскорѣ „не можаше никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и вся книги жидовскія". Если искать историческаго смысла этого разсказа, говоритъ г. Малышевскій, то съ фактической стороны дѣло представится такъ: Никиту посѣщаетъ какой-то искуситель, совѣтующій ему усердно читать еврейскія книги, т. е. можетъ быть іудей, или іудействующій христіанинъ, принявшій вѣру насильно. Въ такихъ іудеяхъ очень часто, что видно на примѣрахъ Испанскихъ евреевъ, на ряду съ ненавистью къ навязанной новой вѣрѣ, усиливалась ревность къ распространенію своихъ вѣроученій и убѣжденій тайнымъ путемъ и пропагандированію ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Здѣсь для пропаганды представлялось очень удобное мѣсто—посѣщать Никиту въ затворѣ. И въ данномъ случаѣ опять приходится считаться съ пропагандой еврейства, которая, несомнѣнно, должна была повліять и на письменность.

Чтобы покончить съ XI—XII вѣками, упомянемъ о первомъ писателѣ русскомъ, новгородскомъ епископѣ Лукѣ, со страннымъ прозвищемъ Жидята (если не считать его испорченнымъ изъ „Жирята"). Тотъ же г. Малышевскій, въ своемъ изслѣдованіи, помѣ-

щенномъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1878 г., высказываетъ предположеніе, что этотъ Лука могъ быть взятымъ у евреевъ и, еще мальчикомъ, крещенымъ при Владимірѣ. Въ нравственной части Поученія Луки Жидяты, изслѣдователь отмѣчаетъ нѣкоторые ветхозавѣтные мотивы, буквальность которыхъ, правда, вполнѣ естественная въ катехизическомъ поученіи, тѣмъ не менѣе не встрѣчается ни въ какихъ другихъ древне-русскихъ поученіяхъ, даже популярныхъ, какъ напр. Ѳеодосія.

Къ XIII вѣку относится любопытный образчикъ древняго еврейско-русскаго словаря, находящійся въ Кормчей, писанной въ 1282 году для новгородскаго епископа Климента (Синод. Б. № 132): „Рѣчь жидовскаго языка, преложена на русскую, неразумно на разумъ, и въ Евангелѣхъ и въ Апостолѣхъ, и въ Псалтыри, и въ Перемiѣ, и въ прочихъ книгахъ". Подобные глоссаріи вносились впослѣдствіи русскими писцами въ такъ-называемые азбуковники. Подобный азбуковникъ, находящійся въ концѣ августа мѣсяца въ Макарьевскихъ Минеяхъ-Четьяхъ, по всей вѣроятности, составляетъ копію съ разбираемаго нами словаря, судя по заглавію, сообщенному Строевымъ. Нѣкоторыя слова въ глоссаріи XIII вѣка объяснены невѣрно, къ еврейскимъ иногда, очевидно впослѣдствіи, прибавлены греческія, даже славянскія, трудныя или необычныя, но рука знатока еврейскаго языка—видна.

Къ XIII же вѣку относится составленный на Руси „Еллинскій Лѣтописецъ", собранный, какъ значится въ заглавіи, изъ разныхъ книгъ Моисеевыхъ, Царствъ, Амартола и, между прочимъ, „отъ истирии и отъ азматъ азматьскихъ". А. Н. Поповъ (въ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи) замѣчаетъ, что „азматъ азматьскихъ" значитъ Пѣснь Пѣсней; но не сама книга вошла въ составъ Лѣтописца, но какое-либо *толкованіе* на Пѣснь Пѣсней. Значеніе же слова „истирии" нѣкоторое время не находило себѣ объясненія. Лавровскій предлагалъ здѣсь читать испорченное „Asterius", но и это непонятно. Лишь г. Барацъ, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1889 г., въ небольшой замѣткѣ, говоритъ, что подъ „истирии" разумѣется одинъ изъ такъ называемыхъ у евреевъ „пяти свитковъ"—книга Эсѳирь, т. е. опять не самый текстъ книги, не имѣющій по содержанію ничего общаго съ хронографомъ, а легендарное толкованіе на нее, написанное на арамейскомъ языкѣ подъ названіемъ „Targum scheni al megilat Esther"—т. е. „2-й переводъ на свитокъ Эсѳирь". Это толкованіе послужило однимъ изъ источниковъ хронографа, м. б. черезъ посредство греческаго оригинала, вѣрнѣе же—непосредственно, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія апокрифическаго сказанія о Царицѣ Южичской въ хронографѣ и такого же эпизода изъ Таргумъ Шени. Авторомъ замѣтки приводятся эти мѣста параллельно. Изъ сличенія можно, между прочимъ, замѣтить, что странное имя царицы „Малькатка", не встрѣчающееся нигдѣ, кромѣ русской передѣлки, вышло изъ Malkath Schva—Царица Савская. Барацъ указываетъ, что этотъ Таргумъ былъ очень распространенъ между іудеями—хозарами, откуда онъ и могъ попасть въ русскіе хронографы и Палею.

На послѣднюю, несомнѣнно, еврейство оказало сильное вліяніе. Еще Н. С. Тихонравовъ, указывая на особенное вліяніе жидовства въ Новгородѣ, говорилъ, что въ Толковой Палеѣ, направленной, главнымъ образомъ, противъ жидовина, всетаки встрѣчаются еврейскія саги и легенды. Какъ извѣстно, главнымъ содержаніемъ Палеи являются апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, частію въ цѣльномъ видѣ, частію въ отрывкахъ. Примемъ, предварительно, во вниманіе, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Толковая Палея является памятникомъ болѣе русскаго, чѣмъ южнославянскаго или греческаго происхожденія, такъ какъ греческаго подлинника—нѣтъ, списки—лишь русскіе, восходящіе къ русскимъ же оригиналамъ, съ послѣднихъ же ее переписывали и на югѣ. (См. Михайловъ—Общій обзоръ состава, редакцій и литературныхъ источниковъ Толковой Палеи, Истринъ—Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи). Въ это компилятивное сочиненіе, какъ уже сказано, входило много апокрифовъ. Эти ветхо-

завѣтные апокрифы возникли въ древнія времена подъ вліяніемъ священныхъ библейскихъ книгъ. Сказанія эти, сохранившіяся въ апокрифическихъ книгахъ, были разсѣяны во многихъ разныхъ древне-іудейскихъ сочиненіяхъ, какъ то—въ книгѣ Яшаръ, Талмудѣ, Каббалѣ. Іудеи стали особенно ревностно собирать эти сказанія послѣ Вавилонскаго плѣна; это собираніе и,—если можно такъ сказать,—составленіе значительно долгое время практиковалось раввинами. Если нѣкоторыя палейныя сказанія объ Авраамѣ, 12 патріархахъ, Моисеѣ—близки къ библейскому тексту, за то другія—проникнуты духомъ позднѣйшаго еврейства. На славянскую почву эти сказанія, какъ говорятъ изслѣдователи, перешли изъ Византіи. Однако, если принять во вниманіе, что Палея—во-первыхъ—памятникъ русскаго происхожденія, во-вторыхъ—что, какъ уже мы замѣтили, еврейство играло какую-то активную роль въ южной Руси въ X—XII вѣкахъ, какую,—правда, еще недостаточно выяснено, то окажется вполнѣ возможнымъ предположеніе, что на Палею отчасти вліяли іудейскія апокрифическія сказанія, и не черезъ чье-либо посредство, а прямо—отъ мѣстныхъ евреевъ. Какъ мы видѣли, и Н. С. Тихонравовъ замѣтилъ, что Палея не выдерживаетъ всюду своего полемическаго тона, а иногда передаетъ саги и легенды съ чисто іудейской окраской.

Замѣтимъ, что Палея составилась значительно до XIV вѣка: всѣ древнѣйшіе списки ея не старше этого времени; слѣдовательно, въ разбираемую нами эпоху XI—XIII в.в.—опять понадобилось цѣлое полемическое сочиненіе противъ еврейства, сочиненіе, имѣющее характеръ экзегетическій. Экзегеза построена на параллелизмѣ между Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ, параллелизмѣ, который имѣлъ въ виду въ своей полемикѣ и митрополитъ Илларіонъ.

Переходимъ къ XV—XVI вѣку. Для библіи и библейской экзегетики русскіе долгое время довольствовались однимъ греческимъ языкомъ и мало старались о расширеніи своихъ свѣдѣній по еврейскому, хотя весь Ветхій Завѣтъ написанъ на этомъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, правда, встрѣчаются попытки объясненія или перевода нѣкоторыхъ еврейскихъ собственныхъ именъ и словъ, но онѣ большею частью неудачны, такъ какъ сдѣланы не спеціалистами. Въ разсматриваемый нами періодъ вліяніе еврейства на русскую письменность становится гораздо больше; сначала оно выражается на переводѣ, вѣрнѣе—исправленіи, библейскихъ книгъ съ еврейскаго на славянскій, исправленіи, дѣлаемомъ, можетъ быть, принявшими православіе евреями, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей еврейскаго оригинала; затѣмъ—въ переводѣ или составленіи такихъ сочиненій, которыя носятъ уже чисто еврейскій характеръ. Появленіе книгъ подобнаго рода распространилось особенно ко времени возникновенія ереси жидовствующихъ. Какъ извѣстно, еретики особенно хвалились передъ православными тѣмъ, во-первыхъ, что у нихъ былъ на лицо переводъ книгъ Ветхаго Завѣта, тогда какъ у православныхъ онъ былъ далеко еще не полонъ; во-вторыхъ – выставляли на видъ свою свѣтскую ученость, сводившуюся, какъ и вообще средневѣковое еврейство, главнымъ образомъ, къ схоластическимъ толкованіямъ Библіи, логическимъ упражненіямъ и астрологіи.

Не нужно думать, что переводы Св. Писанія и вообще—книгъ еврейскихъ дѣлались жидовствующими. Несомнѣнно, что вліяніе евреевъ было значительно раньше; раньше оно сказалось и на письменности. Трудно, правда, установить время того или другого перевода, равно и мѣсто, гдѣ онъ появился, хотя, какъ увидимъ ниже, въ послѣднемъ случаѣ играла большую роль Литва.

Въ Румянцевскомъ музеѣ есть, по описанію Востокова, рукопись подъ № 27, заключающая въ себѣ книги Ветхаго Завѣта въ переводѣ. Текстъ очень древній, но, очевидно, подновленный русскимъ переписчикомъ въ XV столѣтіи. Нѣкоторыя собственныя имена написаны, (что еще замѣчено Востоковымъ) сообразно съ ихъ еврейскимъ произношеніемъ, при чемъ еврейскія формы написаны на поляхъ, тогда какъ въ текстѣ

сохранено греческое произношеніе. Кромѣ того, въ этомъ рукописномъ Пятикнижіи каждая книга раздѣлена на извѣстныя части, которыхъ въ книгѣ бытія—12, а въ прочихъ—по 10. Очевидно, что это дѣленіе—еврейское, на „субботніе отдѣлы", читаемые въ синагогахъ,—„сидротъ", причемъ нѣкоторые, читаемые иногда по два въ одну субботу, считаются за одинъ. Это еврейское подраздѣленіе рукописи замѣчено было Горскимъ и Невоструевымъ и Филаретомъ. Точно также на основаніи еврейскаго текста сдѣланы въ этой рукописи и отступленія отъ обще-принятаго славянскаго текста. Въ концѣ рукописи присоединенъ рядъ поученій: Поученіе отъ святыхъ, о мужи христолюбци, внимайте глаголы всякому наказанію отца своего еже рече къ сыну своему—изъ которыхъ нѣкоторыя напоминаютъ собою еврейскія, въ родѣ Соломона и Сираха. Не углубляясь даже въ болѣе детальный разборъ этой рукописи, разборъ, кстати сказать, до сихъ поръ еще никѣмъ не сдѣланный, этихъ краткихъ замѣчаній достаточно для того, чтобы выяснить, что этотъ славянскій переводъ пятикнижія Моисеева носитъ на себѣ яркіе слѣды еврейской поправки.

Такой же характеръ и такому же изслѣдованію должны быть подвергнуты рукописи: подъ № 30 (того же музея), заключающая въ себѣ въ переводѣ съ еврейскаго книгу Эсфирь и № 31—книгу пророковъ. Въ текстѣ послѣдней много перестановокъ и пропусковъ. Въ плачахъ Іереміиныхъ къ названію буквъ еврейскихъ присоединенъ ихъ славянскій переводъ, въ родѣ, напримѣръ: алфа—обученіе, вита—дому въ немъ, гимел—окончаніе вышнему, делт—книги вышша, ипт—безъ перевода, каф—званіе и т. д.

Изъ описанія Горскаго и Невоструева также можно познакомиться съ памятниками древне-русской письменности, переводными, носящими на себѣ слѣды еврейскаго вліянія. Таковы рукописи подъ № 1—3, заключающія въ себѣ Пятикнижіе, съ такими же характерными подраздѣленіями на субботнія чтенія, какія мы видѣли и раньше, соотвѣтствующими еврейскимъ дѣленіямъ. Въ той же библіотекѣ находится переводъ кн. Эсѳирь, гдѣ также собственныя имена передаются по еврейскому подлиннику. Начало ея „Бысть въ дни Ахасверосавы, иже царствовавше отъ Уду иже и до Хусъ седмію и двѣмядесятьми истовластіи"... Несомнѣнно, что переводы эти—непосредственно съ еврейскаго, только врядъ ли окажется возможнымъ приписать переводъ ихъ, какъ это дѣлаетъ Филаретъ, жидовствующимъ. Горскій и Невоструевъ замѣтили, подробно описывая переводъ Эсѳири, что „нѣкоторые выраженія и обороты рѣчи показываютъ, что переводъ сдѣланъ, вѣроятно, близъ Польши, или выходцемъ изъ тѣхъ странъ", но неизвѣстно въ точности—когда и кѣмъ. Хотя Геннадій въ 1489 году писалъ, что у жидовствующихъ пользуется большимъ уваженіемъ русскій переводъ не только псалтыри, но и пророковъ, но это указаніе могло относиться къ переводамъ, уже существовавшимъ на Литвѣ. Можетъ быть, какимъ либо крещеннымъ евреемъ изъ Литвы и сдѣланы упомянутые переводы, но врядъ ли новокрещенымъ евреемъ Ѳеодоромъ, какъ утверждаетъ пр. Филаретъ *).

Въ Виленской Публичной Библіотекѣ есть одинъ сборникъ, описанный Добрянскимъ подъ № 262, который содержитъ въ себѣ переводы книгъ Іова, Руѳь, Псалтырь, Пѣснь Пѣсней, Екклезіастъ, Притчи Соломоновы, Плачъ Іереміи, Даніила и Эсѳирь. Нѣкоторые ученые считали переводъ названныхъ книгъ трудомъ Франциска Скорины или продолжателей его дѣла, но вѣроятнѣе предположеніе, что переводъ ихъ сдѣланъ съ еврейскаго текста, при чемъ собственныя и нѣкоторыя нарицательныя имена удержаны въ еврейской формѣ. Лишь переводъ Псалтыри носитъ на себѣ слѣды поправокъ по Скорининскому тексту, т. е. непосредственнымъ переводомъ съ еврейскаго считаться не можетъ. Такъ что и этотъ переводъ, можетъ быть, представляетъ результатъ работы какого нибудь Литовскаго еврея.

*) О Ѳеодорѣ—см. ниже.

Среди переводовъ книгъ Священнаго писанія особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ одинъ переводъ Псалтыри. Едва ли какая-нибудь другая книга была въ такомъ большомъ употребленіи и имѣла столько вліянія на жизнь стариннаго русскаго человѣка, какъ Псалтырь. Она употреблялась 1) какъ книга Богослужебная, 2) какъ книга учебная, 3) какъ книга назидательная для домашняго чтенія и 4) какъ книга спасительная въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ жизни. Геннадій писалъ митрополиту Симону: „а мой совѣтъ въ томъ, что учити въ училищѣ,—первое азбука граница истолкова всѣмъ, да и подтительные словеса, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучатъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги". Обычай учиться по Псалтыри—шелъ издревле, при чемъ для обученія употреблялась 1) Псалтырь простая, краткая, заключающая лишь псалмы, и 2) Псалтырь слѣдованная, распространенная извѣстными тогда канонами, евангельскими и апостольскими чтеніями на праздники Господскіе, Богородичные и Святыхъ, разными церковными уставами, мѣсяцесловомъ, пасхаліею и многимъ другимъ. Короче—слѣдованная Псалтырь была родомъ сборника всего, что могло тогда относиться для церковнослужебной цѣли. Такая псалтырь, напримѣръ, была издана въ Вильнѣ докторомъ Францискомъ Скориною, подъ названіемъ „Подорожной книжицы"—мы сказали бы теперь—настольной книги. Тщательно изучаемая, Псалтырь должна бы непремѣнно отозваться на древней письменности; съ другой стороны—и на Псалтырь вліяли тѣ или другіе памятники, такъ что текстъ ея вскорѣ потребовалъ исправленій. Съ появленіемъ ереси жидовствующихъ, у еретиковъ явился свой переводъ Псалтыри, но въ редакціи, отличной отъ принятой у насъ. Еще Геннадій писалъ Іоасафу: „ино нынѣшніе жиды еретическое преданіе держатъ, псалмы Давыдовы или пророчества испревращенны". Искаженіе текста, вѣрнѣе замѣна обычнаго текста другимъ, несомнѣнно, дѣлалось въ видахъ пропаганды еврейства. Интересно, что ко времени возникновенія ереси жидовствующихъ относится одинъ переводъ Псалтыри, переводъ, по научномъ изслѣдованіи, оказавшійся совершенно отличнымъ отъ Псалтыри Давида. Архимандритъ Варлаамъ, описывая сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, XV в., принадлежащій Спб. Д. А., указываетъ на л. 532 на такую приписку: „Милостію божіею и здоровіемъ осподаря своего великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси и благословеніемъ и приказаніемъ св. Филиппа митрополита всея Руси, докончалъ я 20 каѳизмъ и 9 пѣсенъ псалтыри Давидова пророка, што привелъ отъ еврейска языка на русскій языкъ". Филиппъ I былъ митрополитомъ отъ 1464—1473 г., и псалтырь относится, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ 1470 г. Далѣе въ рукописи слѣдуетъ славянскій текстъ, раздѣленный на каѳизмы, въ каждой каѳизмѣ по нѣскольку псалмовъ, всего ихъ—74. Кромѣ дѣленія на каѳизмы, текстъ дѣлится на „славы". По внимательному разсмотрѣнію, текстъ рукописи не представляетъ псалмовъ Давидовыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и избранныя пѣсни библейскія, помѣщенныя въ видѣ приложенія,—не тѣ, которыя употребляются въ церкви. Содержаніе псалмовъ состоитъ только изъ однихъ славословій Богу и молитвъ, и нигдѣ не встрѣчается пророчествъ о Христѣ. Описатель сборника, арх. Варлаамъ, высказалъ предположеніе, что эта Псалтырь—можетъ быть переводъ употребляемаго въ синагогахъ мелитвенника. Этого же мнѣнія держался и архимандритъ Амфилохій, который говорилъ, что эти псалмы, вѣроятно—краткія молитвы, составленныя во времена ереси какимъ-нибудь евреемъ, по языку—уроженцемъ южной Россіи, знающимъ по русски, но дурно. Строевъ, Филаретъ—приписываютъ переводъ этотъ новокрещенному еврею Ѳеодору, но нельзя согласиться съ авторомъ „Обзора русской духовной литературы" въ томъ, что тому же Ѳеодору принадлежатъ и передѣлки въ пятикнижіи и переводъ книги Эсѳирь. Впослѣдствіи Н. С. Тихонравовъ отыскалъ и оригиналъ, съ котораго переведена эта псевдо-Псалтырь. Оригиналъ оказался еврейскимъ молитвенникомъ, называемымъ „Мохазоръ". „Псалмы"—какъ ихъ называетъ Ѳеодоръ, представляютъ изъ себя, по замѣчанію о. Вишнякова, (автора „О происхожденіи Псалтыри")—

простое сокращеніе молитвъ Махазора. Раздѣленіе на каѳизмы и славы, чисто для внѣшняго сходства, такъ сказать—для отвода глазъ. Преосв. Филаретъ говоритъ, что будто Псалтырь эта переведена Ѳеодоромъ—по повелѣнію митрополита Филиппа. Какъ мы теперь видимъ, съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. На этомъ памятникѣ древнерусской письменности сказывается не только непосредственное вліяніе еврейства, но, главнымъ образомъ, образецъ сочиненія, направленнаго исключительно для пропаганды еврейства. И внѣшняя форма ему придана такая, какую особенно любилъ и употреблялъ для заучиванія и обученія русскій человѣкъ,—какъ мы только что видѣли, именно,—форма Псалтыри.

Ко времени распространенія ереси жидовствующихъ относятся два произведенія старинной письменности, носящія на себѣ очень яркіе слѣды еврейскаго вліянія. Долгое время на одно изъ нихъ не обращалось вниманія спеціалистовъ, и лишь въ прошломъ году оно было довольно подробно описано проф. А. И. Соболевскимъ въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности. Въ Московской Синодальной Библіотекѣ хранится небольшая рукопись XVI вѣка, въ восьмушку. На ней находится надпись, позднѣйшая, XVII вѣка: „Изъ книгъ, что взяты у патріарша Казначѣя въ семъ году". Въ „Указателѣ" еп. Саввы рукопись значится какъ „Метафизика на южно-русскомъ нарѣчіи". Горскій и Невоструевъ не успѣли высказать о ней своего мнѣнія, а изъ другихъ ученыхъ, кромѣ вышеупомянутаго проф. Соболевскаго, до прошлаго года никто не занимался этой рукописью. Между тѣмъ рукопись очень интересна какъ по языку, такъ, главное, по содержанію. Слогъ ея—западно-русскій, съ полонизмами, которыхъ очень много, и церковно-славянизмами. Много словъ, очевидно, сочиненныхъ, въ родѣ, напримѣръ: самость, душевенство всячество, гдѣчество... Архаизмы—рѣдкость, такъ что нѣтъ никакого основанія относить переводъ ея ко времени раньше XV в. Переводъ, по всей вѣроятности, сдѣланъ въ Западной Руси, или—въ Московской, но людьми, только что прибывшими съ Запада. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что языкъ разобранной выше псевдо-Псалтыри, переведенной новокрещеннымъ евреемъ Ѳеодоромъ, совершенно отличенъ отъ языка разбираемаго памятника.

По содержанію, первая часть текста представляетъ изъ себя краткую логику, какъ она, дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ изложеніи и называется. Вторая часть—упоминаетъ объ Аристотелѣ: „Се, иже реклъ Аристотель великій".., съ обширнымъ заключеніемъ, въ которомъ говорится объ отношеніи Аристотеля къ еврейскимъ мудрецамъ. Въ этомъ заключеніи повторяется обычное у средневѣковыхъ евреевъ ученіе, что классическая мудрость заимствована греческими философами у еврейскихъ мудрецовъ. „А Аристотель, Мардаха и Зарававель и Ездра пророкъ и пророкъ Малахія во едины лѣта были; а у тѣхъ Аристотель учился міротвореніе"...—говорится, между прочимъ, въ заключеніи. Слова эти могли, безъ сомнѣнія, принадлежать только еврею, который, какъ авторъ, и названъ въ началѣ. Рукопись носитъ такое заглавіе: „рѣчи Моисея Египтянина". Этотъ Моисей былъ извѣстенъ средневѣковой Европѣ подъ именемъ Моисея, сына Маймона, Маймонида или Моисея Египетскаго; жилъ онъ въ XII вѣкѣ, родился въ Испаніи, но большую часть жизни, въ качествѣ придворнаго врача, провелъ въ Египтѣ. Моисей Маймонидъ написалъ многочисленные трактаты, посвященные толкованію талмуда и медицины, кромѣ того ему принадлежитъ и „Логика". („Voces Logicae"). Переводъ этой то Логики и представляетъ собою рукопись Синодальной Библіотеки, при чемъ переводъ сдѣланъ прямо съ еврейскаго, т. е. несомнѣнно евреемъ. Проф. Соболевскій въ этой Логикѣ усматриваетъ именно ту Логику жидовствующихъ, о существованіи которой зналъ Геннадій въ 1489 г. и которую досталъ впослѣдствіи, вѣроятно, вмѣстѣ съ Шестокрыломъ.

Другое сочиненіе явилось на русскомъ языкѣ до половины XVI столѣтія. Оно представляетъ изъ себя обширное сочиненіе энциклопедическо-поучительнаго характера, написанное будто-бы Аристотелемъ для Александра Великаго. Стоглавъ называетъ это

сочиненіе „Аристотелевы Врата", другое названіе ему—„Тайная Тайныхъ". По словарному матеріалу сочиненіе это смѣшаннаго характера. Среди грецизмовъ, латинизмовъ въ немъ встрѣчается рядъ непонятныхъ словъ, которыя, по справкѣ, оказались еврейскими. На еврейскій оригиналъ Аристолевыхъ Вратъ указываетъ еще то обстоятельство, что это сочиненіе, какъ и Логика, раздѣлено на главы, называемыя по еврейскому обычаю, въ томъ и другомъ текстахъ—„вратами". По языку Логика и Тайная Тайны хъ представляютъ замѣчательное сходство. Несомнѣнно, что и это сочиненіе было въ большомъ ходу у жидовствующихъ, и переводъ его возникъ, какъ и большинство памятниковъ, отмѣченныхъ сильнымъ вліяніемъ еврейства, въ Литвѣ.

Въ Виленскомъ спискѣ „Тайная Тайныхъ", за текстомъ слѣдуетъ рядъ статей астрологическаго содержанія. Изъ нихъ первая озаглавлена такъ: „Предословіе о поясехъ небесныхъ, что ся глаголютъ по *еврейскому* языку небеса, и о седьми звѣздахъ великихъ, иже ся наречются планеты". Очевидно, что эти статьи—отрывки изъ скудно дошедшей до насъ той астрологической литературы, на которую такъ часто ссылались и которой такъ любили пользоваться еретики.

Замѣтимъ еще, что одинъ рукописный сборникъ XVII в. Императорской Публичной Библіотеки подъ № 37, заключаетъ, въ числѣ прочихъ, статью „О важности псалтыря и истолкованіе нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, въ немъ находящихся". Первая часть взята изъ сочиненія Іоанна Златоуста, вторая—весьма вѣроятно, предполагаетъ за собою еврейскій подлинникъ, или же переводъ ея принадлежитъ еврею.

Разсматривая вліяніе еврейства на памятники древне-русской письменности, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ такихъ произведеній, которыя представляютъ изъ себя или попытки передать еврейскій текстъ писанія возможно точнѣе, или носятъ на себѣ явное желаніе распространить іудейское вѣроученіе среди тогдашняго общества, причемъ большею частью относятся ко времени ереси. Нами оставлена въ сторонѣ роль евреевъ въ дѣлѣ перехода странствующихъ повѣстей; но роль эта не была послѣднею, какъ говоритъ академикъ А. Н. Веселовскій. Правда, здѣсь уже приходится вступать въ область гипотезы, какъ дѣлаетъ тотъ же уважаемый ученый, въ сближеніи былиннаго Садка и еврейскаго Садока. Но онъ же говоритъ, что если приходится считаться съ религіознымъ вліяніемъ, то съ нимъ могло быть связано и литературное: древне русская Палея открыла доступъ въ свой составъ талмудическихъ повѣстей, спустившись ниже, можно найти мѣсто и для какой-нибудь легенды-сказки, пересказанной выкрестомъ-евреемъ. Но это уже, повторимъ—область гипотезы.

Итакъ, вліяніе еврейства на древне-русскую письменность выразилось:

1) Въ составленіи полемическихъ сочиненій противъ евреевъ;

2) Въ составленіи словарей, толкованій на имена, съ цѣлью уяснить себѣ непонятныя мѣста Писанія;

3) Въ исправленіи переводовъ Писанія по подлиннику;

4) Во внесеніи въ литературу новаго, чисто еврейскаго матеріала (саги, легенды, сюжеты повѣстей, средневѣковая философія);

5) Въ переводахъ книгъ спеціально еврейскаго содержанія, очевидно, съ цѣлью пропаганды.

С. Шамбинанъ.

Раса и Традиція.

Ж. Дарместетера.

(Переводъ съ французскаго Ел. Герье).

Историческія науки нашего вѣка жили исключительно одной идеей—идеей расы. Но кто живетъ одной идеей, въ концѣ концовъ, отъ нея же умираетъ. Эта идея расы, въ свое время возродившая или, лучше сказать, создавшая современную историческую науку, уже давно стала придавать этой наукѣ ложное освѣщеніе и сдѣлала ее безплодной; она отжила свое время и должна уступить мѣсто другой идеѣ—идеѣ традиціи. Идея расы создалась и формулировалась въ первой четверти нашего вѣка. Открытіе санскритскаго языка и возникновеніе сравнительной грамматики доказали существованіе очень опредѣленной группы языковъ—группы арійской или индоевропейской, различные члены которой—санскритскій, персидскій, греческій, латинскій, славянскій, германскій и кельтскій языки, по существу тождественные въ своихъ основахъ, въ своихъ формахъ и въ общемъ построеніи, очевидно представляютъ одинъ и тотъ же языкъ, подвергавшійся медленнымъ и очень разнообразнымъ измѣненіямъ, смотря по мѣсту, куда онъ былъ перенесенъ, и по времени, протекшему надъ нимъ. Съ другой стороны давно было извѣстно, что еврейскій языкъ вмѣстѣ съ арабскимъ, эѳіопскимъ, сирійскимъ и финикійскимъ составляетъ не менѣе рѣзко характеризованную группу языковъ семитическихъ. Эта группа, въ которую со времени послѣднихъ научныхъ открытій вошли еще ассирійскій языкъ и гиміаритъ существенно отличается отъ группы индоевропейской: не говоря уже о совершенно иной системѣ звуковъ, и корни и слова иные, образованіе словъ слѣдуетъ совершенно инымъ законамъ, а расположеніе ихъ въ предложеніи иному порядку. Могли ли эти двѣ группы, еще въ доисторическую эпоху, въ свою очередь, возникнуть изъ одного общаго языка? Вопросъ этотъ, поставленный уже полъ-вѣка тому назадъ до сихъ поръ остается открытымъ для гипотезы болѣе, чѣмъ для науки: съ исторической точки зрѣнія и въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются намъ теперь, они чужды другъ другу, несмотря на нѣкоторые неясные признаки, какъ будто указывающіе на первоначальное родство. Религіи народовъ, говорившихъ на этихъ языкахъ съ перваго же взгляда представляютъ тѣ же черты сходства и то же различіе, какъ и сами языки, но какъ сходство, такъ и различіе менѣе рѣзко выражены, можетъ быть, благодаря нашему менѣе совершенному знанію этихъ религій, а также и благодаря неуловимости самыхъ явленій. Слово написанное или произнесенное есть нѣчто опредѣленное и осязательное; нѣчто, о чемъ можно разсуждать и на что можно опереться; религіозная идея совсѣмъ не то: она есть фактъ лишь для сознанія, часто мутнаго, въ которомъ возникаетъ и въ которомъ по большей части не удерживается.

Мы съ трудомъ можемъ услѣдить за мыслью нашего современника, нашего ежедневнаго сосѣда, который говоритъ нашимъ языкомъ и живетъ на нашихъ глазахъ въ той же средѣ и духовной и матерьяльной. Какимъ же образомъ мы можемъ надѣяться на разстояніи тридцати вѣковъ возстановить мысль народовъ, столь различныхъ отъ насъ, когда для того, чтобы воскресить эту мысль мы имѣемъ лишь обломки нѣмыхъ памятниковъ или неясный отголосокъ плохо разобранныхъ старинныхъ надписей—предметъ спора между учеными. Однако, несмотря на общую неопредѣленность толкованій религій древности, съ перваго же взгляда ясно, что религіи, такъ называемыя арійскія представляютъ одну группу, а такъ называемыя семитическія—другую. Въ первой группѣ всюду встрѣчаются подъ различными именами,—а иногда даже подъ тѣмъ же именемъ—богъ неба, богиня водъ; вездѣ бьющій ключемъ политеизмъ; вездѣ обоготвореніе всѣхъ силъ природы, богатая дуалистическая миѳологія грозовыхъ боговъ въ борьбѣ съ демонами; божества лѣсовъ, рѣкъ, горъ—нимфы, дріады, апсары, пери, эльфы, никсы,—цѣлый рой добрыхъ и злыхъ духовъ, постоянно витающихъ надъ человѣкомъ. Съ другой стороны, у семитическихъ народовъ всюду суровое единство. Ваалъ, Молохъ или Іегова, подавляющій природу блескомъ своего одинокаго величія.

На этихъ поразительныхъ контрастахъ и была построена теорія расъ. Языкъ и религія арійцевъ служатъ выраженіемъ одной расы—арійской; языкъ и религія семитовъ—выраженіемъ расы семитической—формы совершенно различныя и своеобразныя, потому что онѣ служатъ проявленіемъ двухъ силъ отличныхъ и несовмѣстимыхъ. Но кромѣ группъ арійской и семитической, которыя однѣ только были подвергнуты довольно основательному изученію, на землѣ есть еще и другія группы языковъ и религій. Результаты поверхностнаго изслѣдованія этихъ послѣднихъ могли только подтвердить тѣ выводы, къ которымъ привело болѣе глубокое изученіе двухъ первыхъ. Такъ, напр., совершенно независимо существуетъ китайскій языкъ, и съ перваго же взгляда ясно, что и съ этнографической точки зрѣнія физическій типъ китайца совершенно отличается отъ типа арійца или семита.

Эта теорія расъ сильно содѣйствовала развитію науки: чтобы прослѣдить и провѣрить ее до послѣднихъ ея развѣтвленій, пришлось изслѣдовать факты во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Но, какъ часто бываетъ, факты извлеченные изъ прошлаго для подтвержденія извѣстной теоріи, обратились противъ нея. Прежде всего открыли—и это было геніальное открытіе,—что человѣкъ можетъ вполнѣ научиться владѣть языкомъ, который не былъ языкомъ его предковъ: англичанинъ, живущій въ Парижѣ, столь же хорошо можетъ говорить на бульварномъ жаргонѣ, какъ Парижанинъ десятаго поколѣнія; сыновья нѣмецкихъ колонистовъ „далекаго Запада" не хуже изъясняются по англійски, чѣмъ чистокровный янки; съ другой стороны языки исчезаютъ и при жизни тѣхъ народовъ, которые на нихъ говорили—доказательство, что эти народы усвоили себѣ новый языкъ. Галлія, покоренная Юліемъ Цезаремъ, спустя нѣсколько поколѣній, стала поставлять адвокатовъ къ римскому суду; не только Парнель, настоящій англичанинъ, но и самые чистокровные сыны Эрина—О'Брайонъ, Маккарти, О'Доннелли, О'Доноги, требуютъ возстановленія древнихъ правъ кельтской расы на англійскомъ языкѣ, изъ полутораста тысячъ ирландцевъ немногіе знаютъ ирландскій языкъ. Мадъяризованные нѣмцы пишутъ и говорятъ на усвоенномъ ими языкѣ такъ же правильно, какъ и чистокровные мадьяры, монголы. Итакъ, народы, которые говорятъ на арійскихъ языкахъ, не должны быть непремѣнно арійскаго происхожденія, они могли усвоить языкъ своихъ арійскихъ завоевателей и забыть свой собственный.

Изученіе кельтскихъ древностей показало, что въ древней Бретани кельтскій элементъ былъ поверхностный—не болѣе, какъ господствующая аристократія, подъ которой продолжало существовать населеніе не кельтское, побѣжденное и обращенное въ рабство побѣдителями. Если бы не исторія, мы легко могли бы принять кельтовъ сѣ-

верной Франціи, Иберовъ южной Франціи, Гетовъ и другія безыменныя народности нижняго Дуная за латинянъ, римлянъ по крови, сыновъ квиритовъ. То, что совершилось на памяти исторіи отъ Рима и до Галліи, Испаніи и Румыніи, могло и должно было происходить тамъ же и въ другихъ мѣстахъ и въ доисторическія эпохи. Такимъ образомъ, говоря: арійскіе народы, мы только употребляемъ удобное выраженіе, которое обозначаетъ народы, говорящіе на арійскихъ языкахъ; точно также семитическіе народы просто значитъ народы семитическихъ языковъ. Пояснимъ это примѣрами: арійскіе народы—тѣ, въ первоначальномъ языкѣ которыхъ всѣ корни были односложны; у которыхъ отецъ назывался patar (на зендскомъ patar, на греческомъ и латинскомъ pater, на санскритскомъ pitar, на германскомъ fadar, на кельтскомъ (pathor), у которыхъ Богъ назывался deva, у которыхъ родительный падежъ обозначалъ названіе обладателя, а дополненіе предшествовало сказуемому. Выраженіе семитическіе народы значитъ народы, въ языкѣ которыхъ корни были двусложны, у которыхъ слово отецъ значилось abu; богъ—обозначался словомъ El; гдѣ родительный падежъ указывалъ на названіе обладаемаго, а дополненіе ставилось послѣ сказуемаго. Но человѣкъ можетъ называть отца patar и происходитъ отъ предковъ, которые говорили abu. Языкъ и раса это два понятія, которыя совпадаютъ только въ началѣ. Представьте себѣ двѣ четы антропоидовъ, которые теперь такъ въ модѣ; предположите что они послужили началомъ двухъ племенъ человѣческаго рода на двухъ различныхъ островахъ, раздѣленныхъ океанами; что у каждаго изъ этихъ двухъ племенъ явился свой собственный языкъ, который постепенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ множится, распространяется и дѣлится само племя, говорящее на этомъ языкѣ; пока не произошло встрѣчи между этими двумя племенами, различіе языковъ будетъ въ точности соотвѣтствовать различію расъ; но какъ только обѣ группы встрѣтятся и смѣшаются въ какой бы то ни было степени, и какимъ бы то ни было способомъ, посредствомъ ли завоеваній или союзовъ, тотчасъ же языкъ и раса перестанутъ параллельно развиваться. Одинъ изъ двухъ языковъ можетъ погибнуть и безъ малѣйшаго смѣшенія расъ или измѣненія первоначальныхъ типовъ; по прошествіи вѣковъ крикъ того или другого антропоида можетъ заглушить крикъ своего соперника безъ того, чтобы хотя одна капля крови попала отъ одного къ другому. Съ другой стороны, обѣ расы могутъ соединиться и даже слиться и первоначальные типы могутъ исчезнуть и образовать третій и новый типъ, между тѣмъ какъ оба языка будутъ продолжать независимо существовать. Въ историческую эпоху слово, сходящее съ устъ, уже не помнитъ откуда ведетъ свое происхожденіе. Съ другой стороны, по отношенію къ религіи, эти выраженія арійцевъ и семитовъ теряютъ и то условное значеніе, которое имъ можно оставить въ лингвистикѣ. Съ того времени, когда создалась семитическая эпирафика и открытіе Вавилона и Ниневіи дало намъ возможность ближе ознакомиться съ богами семитовъ, мы не можемъ не удивляться, какъ мало въ сущности они отличаются отъ своихъ арійскихъ сосѣдей. Монотеизмъ, который считался основой семитическаго міросозерцанія, въ сущности принадлежитъ только евреямъ и арабамъ второго періода, т. е. евреямъ, которымъ монотеизмъ былъ внушенъ пророками, и арабамъ, къ которымъ черезъ Магомета проникло вліяніе еврейства и христіанства. Въ древнія эпохи религіи народовъ семитическихъ представляютъ тотъ же политеизмъ, какъ и религіи народовъ арійскихъ, тотъ же поэтическій хаосъ. Болѣе того, при ближайшемъ изученіи греческой религіи, все очевиднѣе становится, какъ глубоко на ней отразилось семитическое вліяніе. Въ тѣ времена не было обращеній изъ одной религіи въ другую, потому что религія не имѣла абсолютныхъ и общихъ догматовъ, а состояла въ обрядахъ, легендахъ, разсказахъ; религіи были національныя и мѣстныя, не общечеловѣческія. Но не отказываясь отъ своей религіи, можно было безконечно много заимствовать и изъ другихъ; къ общественной религіи пріобщали другую, люди поклонялись чужимъ богамъ, потому что всегда полезно имѣть друзей въ

разныхъ лагеряхъ; вѣрующій всегда имѣлъ въ сердцѣ обширное свободно мѣсто для невѣдомыхъ боговъ; ревниваго бога люди еще не знали.

Греки, какъ народъ артистическій и любопытный очень много заимствовали со всѣхъ сторонъ у сосѣднихъ народовъ. Появившійся изъ Сиріи Адонисъ заставлялъ аѳинянокъ проливать о себѣ слезы; позднѣе Кибелла и Атисъ изъ Фригіи принесли съ собой тамбуринъ, египетскій Сераписъ давалъ совѣты и исцѣлялъ; все это совершилось въ ближайшія къ нимъ эпохи, а въ болѣе раннія времена Финикійцы, — эти великіе мореплаватели античнаго міра, ввезли съ собой въ греческій пантеонъ массу боговъ, богинь и миѳовъ, которые скоро совершенно утратили печать своего происхожденія. И не слѣдуя до конца за такими крайними семитистами каковъ напр., Курціусъ, который всю греческую миѳологію готовъ считать обрывкомъ миѳологіи финикійской, и несмотря на всю опасность крайнихъ обобщеній, къ которой уже привели подобные взгляды, нельзя, однако, закрывать глаза передъ постоянно возростающею очевидностью. Конечно, у грековъ была своя богиня любви и прежде, чѣмъ они познакомились съ финикійцами, все же несомнѣнно, что Анадіомена съ Киѳеръ вышла изъ морской пѣны, поднятой приплывшей изъ Финикіи ладьей. Геркулесъ по имени и по происхожденію арійскій богъ; братьевъ его легко узнать въ Ведахъ; тѣмъ не менѣе, въ теченіе своей долгой жизни и своихъ продолжительныхъ странствій, онъ не разъ облекался въ одѣяніе тирскаго бога, и пламя костра, изъ котораго онъ поднялся безсмертнымъ богомъ, было возжено не индійскими вритрами или дивами, борящимися въ грозовой тучѣ, а рукой Сидонца Мелькарта, т. е. солнца, угасающаго въ концѣ своего годоваго пути, чтобы затѣмъ возродиться съ новой силой.

Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ становятся все тоньше преграды между двумя пантеонами и уже теперь можно думать, что разница между ними не такова, чтобы нужно было предположить въ самой основѣ двѣ силы, различныя по существу. Разница не по сущности, а только по формѣ. Съ современной точки зрѣнія характерное отличіе между обѣими группами религій заключается повидимому въ преобладаніи грозовыхъ миѳовъ въ арійской миѳологіи и миѳовъ временъ года въ миѳологіи семитической. И та и другая миѳологія сложились вокругъ понятія о борьбѣ добра и зла въ образной формѣ. Одна изъ нихъ избрала исходной точкой борьбу боговъ и демоновъ за воды и свѣтъ во время грозы, другая борьбу—весны и зимы, жизни и смерти въ природѣ. Одна развилась вокругъ болѣе драматическаго инцидента, поддающагося поэтическому эффекту; другая группировалась вокругъ болѣе правильнаго закона, борьбы болѣе медленной и величественной. Но въ каждой изъ этихъ двухъ миѳологій сохранились слѣды излюбленныхъ представленій другой: въ арійской мы встрѣчаемъ отдѣльные миѳы, касающіеся временъ года, а въ семитической—миѳы грозовые; въ нихъ нѣтъ ничего такого, что нельзя было бы свести къ одной древней основѣ, ничего такого, что пришлось бы приписать неотразимой расовой самобытности.

Такимъ образомъ, изъ двухъ разрядовъ фактовъ, на которыхъ было основано предположеніе о существованіи двухъ расъ, арійской и семитической, ни тотъ, ни другой не оправдываютъ вызванной ими гипотезы. Факты, принадлежащіе ко второму разряду, т. е. касающіеся религій недостаточны для того, чтобы можно было установить двѣ группы религій и не имѣютъ этнографическаго значенія. Они, можетъ быть, имѣли таковое въ эпоху, которая лежитъ внѣ области исторіи, но въ историческую уже утратили его. Человѣчество пришло такъ издалека и исторія, желая прослѣдить путь, пройденный имъ въ прошломъ, такъ скоро останавливается, что ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ цивилизацій, а въ арійско-семитической меньше чѣмъ въ какой-либо другой, она не можетъ прослѣдить того, что создала раса; ей доступны лишь результаты жизни и дѣятельности десятка расъ въ ихъ историческомъ наслоеніи и взаимодѣйствіи; расъ, успѣвшихъ достаточно много перенять другъ отъ друга и достаточно много забыть,

чтобы производить впечатлѣніе кажущагося основного единства духа. То, въ чемъ мы видимъ духъ расы, не болѣе какъ традиція, переданная и видоизмѣненная изъ расы въ расу.

II.

Въ своей извѣстной рѣчи *) Ренанъ освѣтилъ это несоотвѣтствіе между расой и традиціей и пояснилъ его примѣромъ лучше, чѣмъ какимъ бы то ни было аргументомъ. Примѣръ этотъ тѣмъ болѣе убѣдительный, что это тотъ самый, который обыкновенно приводится какъ характерное доказательство торжества расы—именно еврейство. Вотъ выводы, которые доказывалъ, или лучше сказать вотъ факты, которые приводилъ знаменитый оріеналистъ.

Еврейство обыкновенно разсматривается какъ явленіе національное; говорятъ еврейская раса, какъ говорятъ еврейская религія. Воображаютъ, что еврей, живущій въ 1891 г. происходитъ прямо отъ еврея времени царя Давида; что если бы возможно было прослѣдить достаточно далеко происхожденіе какой-нибудь еврейской семьи, гдѣ бы она теперь ни оказалась, въ Парижѣ, Лондонѣ или въ Варшавѣ, то послѣ долгихъ странствій по всему свѣту мы, наконецъ, нашли бы точку отправленія въ какомъ-нибудь селеніи Палестины. Религія и раса, поддерживая другъ друга, сохранились до такой степени, что еще до сихъ поръ еврея можно узнать по своеобразному физическому типу. Таково общераспространенное мнѣніе.

Но исторія доказываетъ, что дѣло было не такъ. Подъ дѣйствительнымъ религіознымъ единствомъ того, что называется еврейской расой, скрывается безконечное разнообразіе народностей. Правда, былъ одинъ опредѣленный моментъ въ исторіи, когда еврейская раса была окончательно закрѣплена, благодаря преслѣдованіямъ, заточенію въ гето и обособленію отъ всего остального міра; но до того времени кровь еврейскаго народа постоянно обновлялась и въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Ренанъ беретъ еврейское общество не съ начала его исторической жизни, но съ того момента, когда создалось еврейство въ историческомъ смыслѣ этого слова, т. е. съ того момента, когда изъ національной религіи оно стало всемірной религіей, со временъ Исаіи и пророковъ. Не трудно доказать, что и раньше этого времени много чуждыхъ элементовъ проникло въ кровь первоначальнаго племени Бен-израиля; при выходѣ изъ Египта они увлекли съ собой пеструю толпу, а въ Палестинѣ нашли многочисленное населеніе, небольшая часть котораго была истреблена при завоеваніи. При такомъ двоякомъ смѣшеніи, изъ которыхъ особенно первое должно было оставить глубокіе слѣды, первоначальный составъ племени измѣнился и обновился. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ послѣ завоеванія Палестины религія евреевъ, какъ, впрочемъ, всѣ религіи того времени, остается чисто національной и мѣстной, т. е, евреи поклоняются своему Богу, который принадлежитъ имъ однимъ, но который не есть еще единый Богъ, и еврейской религіи не приходится выступать за предѣлы израильскаго царства и распространяться среди другихъ народовъ. Съ появленіемъ пророковъ дѣло измѣняется; они появляются съ конца VIII вѣка до христіанской эры, провозглашая новое ученіе: вѣру въ единаго Бога и законъ справедливости для всего человѣчества. Они создаютъ общечеловѣческую религію, т. е. религію, которой дотолѣ не было подобной; религію, догматы и законы которой могли и должны были находить отголосокъ въ сердцѣ каждаго человѣка, къ какой національности онъ бы ни принадлежалъ. Пренебреженіе къ жертвоприношеніямъ и обрядности, какъ пустымъ и безжизненнымъ формамъ и непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ въ разумѣ и истинѣ, общеніе человѣка съ человѣкомъ

*) Le judaisme comme race et comme religion, прочитанной въ Cercle St. Simon въ 1883 г. (Paris Calman Levy).

въ справедливости и милосердіи; лучезарный идеалъ земного блаженства, обѣщаннаго человѣчеству въ концѣ его пути подъ путеводной звѣздой новаго закона; всѣ эти странныя и новыя идеи, новыя еще и для насъ, несмотря на всю нашу мудрость, впервые открывались міру въ молніеносныхъ рѣчахъ пророковъ. Съ этого дня религія отдѣлилась отъ расы и стала выше нея, съ этого дня начинается рядъ явленій, которыя до того не были возможны; я говорю объ обращеніи въ еврейскую вѣру. Со времени возвращенія изъ вавилонскаго плѣненія, къ старому еврейскому духу примѣшивается много чуждыхъ элементовъ: элементъ вавилонскій, принесенный изгнанниками изъ Халдеи и элементы Палестинскіе, не еврейскіе. Но въ широкихъ размѣрахъ эта прививка еврейства совершается въ греко-римскую эпоху. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что большая часть греческаго населенія Антіохіи была обращена въ вѣру Іудеевъ; александрійская еврейская колонія, одна изъ самыхъ значительныхъ въ свое время, въ громадной своей части состояла изъ греческаго населенія; въ Римѣ обращеніе въ еврейство принимаетъ такіе широкіе размѣры, что привлекаетъ уже вниманіе государственныхъ людей, которые не въ силахъ остановить это движеніе и предоставляютъ это сатирѣ. Еврейство пыталось сдѣлать то, что потомъ совершило христіанство и изъ всего этого слѣдуетъ, говоритъ Ренанъ, что съ того времени слово еврейство теряетъ свое этнографическое значеніе. Согласно предсказанію пророковъ еврейство дѣлается универсальнымъ и доступнымъ для всякаго.

Торжество христіанства и талмудистическая реакція, послѣдовавшая за нимъ остановили это движеніе, однако не уничтожили его; оно съ успѣхомъ продолжалось на востокѣ и западѣ Европы въ первую половину среднихъ вѣковъ. Обращеніе части Аравіи въ еврейство предшествовало магометанству, отчасти подготовило его. Въ Абиссиніи существовало еврейское царство, слѣды котораго еще сохранились въ Фелахахъ нашихъ дней. Въ Россіи въ VIII в. нашей эры цѣлый народъ монгольскаго происхожденія — хозары — обращаются въ еврейство по примѣру своего царя. Еще ближе къ намъ и на нашей же почвѣ Григорій Турскій въ V в. въ борьбѣ своей противъ евреевъ видитъ въ нихъ только еретиковъ; евреи Галліи для него ничто иное, какъ галлы, исповѣдующіе еврейскую вѣру.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ еврейскомъ народѣ въ наши дни заключается сильная примѣсь чужой крови; даже въ эту расу, которую привыкли разсматривать какъ идеалъ народности, сохранившійся въ чистотѣ, благодаря запрещенію смѣшанныхъ браковъ, — инородный элементъ проникъ въ значительной степени, какъ то было и съ другими расами.

Постоянство еврейскаго типа или лучше сказать еврейскихъ типовъ, т. к. ихъ нѣсколько,—есть уже фактъ второстепенный а не основной; если взять кучку людей случайнаго состава, совершенно обособленную отъ остального міра и размножающуюся только въ одной замкнутой средѣ, то черезъ нѣкоторое время типы опредѣлятся, сгруппируются и сконцентрируются, образуя извѣстное число типовъ, преобладающихъ надъ другими, болѣе живучихъ и неизмѣнно установившихся. Неподвижность и опредѣленность еврейскаго типа создана гетто точно такъ же, какъ гетто создало и то единство обычаевъ и нравовъ, въ которомъ хотѣли видѣть созданіе расы и которое, въ дѣйствительности, устанавливается во всякомъ обособленномъ и сосредоточенномъ въ самомъ себѣ меньшинствѣ. „Существуетъ психологія религіознаго меньшинства независимо отъ расы".

Выводы изъ положеній Ренана очень многочисленны и разнообразны; одни имѣютъ частный и практическій интересъ; другіе, имѣющіе общее и широкое значеніе, уже были выставлены имъ въ его удивительной лекціи объ образованіи французской націи.

Странное ополченіе антисимитизма по ту сторону Рейна *) удивившее Европу, какъ

*) Статья эта была написана въ 1883 г. Дармеcтръ умеръ въ 1894 г. и за него можно только радоваться, что онъ не дожилъ до всего того, что связано съ процессомъ Дрейфуса въ его любимой Франціи

пробужденіе средневѣковаго духа, искало оправданія въ исторіи; политическія страсти и соперничество въ коммерческихъ сношеніяхъ, въ союзѣ съ инквизиторскими инстинктами, облеклись въ личину научныхъ положеній и ссоры мелкихъ торгашей сдѣлались эпизодомъ въ исторіи мнимаго антагонизма двухъ расъ, двухъ міровъ, міра арійскаго и міра семитическаго. Пренія между дворцовымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ и депутатомъ Ласкеромъ—будто бы ничто иное, какъ та же старинная борьба Сципіона и Ганнибала, Адріана и Бари-Кохеба, крестоносцевъ и Саладина. Германія—передовой застрѣльщикъ арійской расы въ оборонѣ отъ вторженія семитической расы, которая воспрянула послѣ долгаго угнетенія.

Историческій смыслъ прекрасная вещь; но гораздо легче злоупотреблять этимъ словомъ чѣмъ примѣнять его къ дѣлу. Сдѣлать изъ еврея характерный типъ семита значитъ страннымъ образомъ игнорировать факты и, не разсуждая, поддаваться словамъ. Еврейство возникло въ семитической средѣ, но оно представляетъ самую рѣзкую реакцію противъ религіи нравовъ и традицій, господствовавшихъ въ этой средѣ. Это живой протестъ человѣка, принадлежащаго всему человѣчеству, противъ человѣка, принадлежащаго племени. Здѣсь намъ становится ясно, какая опасность кроется въ этомъ словѣ раса, когда отъ людей науки оно попадаетъ въ руки полу-невѣжественныхъ политическихъ дѣятелей, которые бросаютъ его въ толпу. Этимъ словомъ всякой борьбѣ придается характеръ глубокой и непримиримой ненависти, потому что сами враждующіе убѣждаютъ себя, что вражда между ними не преходящая и случайная, а роковая и непримиримая. Вражда эта становится неизбѣжной и вѣчной, потому что причина ея непрестанно дѣйствуетъ и изъ прошлаго переходитъ въ будущее. Это два организма, два разныхъ инстинкта, двѣ непримиримыя души, вѣчно враждующія; это уже не два человѣка, а два позвоночныхъ животныхъ различныхъ разрядовъ. Истребленіе, медленное или быстрое, одно только можетъ положить конецъ этой борьбѣ. Такъ, во время Американской войны, ученые южныхъ штатовъ издавали учебники антропологіи, по которымъ обезьяна занимаетъ среднее положеніе между человѣкомъ и негромъ.

Но страннѣе всего то, что въ кровавой логомахіи нашего вѣка, наука, устанавливая различіе расъ и расовыхъ инстинктовъ, содѣйствовала усиленію ненависти, ужасамъ войны и разрушенія.

Германія ведетъ арійцевъ на приступъ противъ семитическаго міра, но арійцы, въ свою очередь, подраздѣляются на второстепенныя національности, которыя, благодаря непримиримымъ свойствомъ своего духа, должны тоже ненавидѣть, преслѣдовать и истреблять другъ друга: раса германская противъ славянской и латинской. Съ такой точки зрѣнія человѣчество представляетъ сплошную сѣть злокозненныхъ хитросплетеній, основанныхъ на іерархіи расъ и распутываемыхъ лишь наукой и войной.

Если бы форма, въ которую облекалась человѣческая мысль въ историческія эпохи, была бы дѣйствительно неразрывно связана со свойствами расы, то неизбѣжной участью человѣчества была бы постоянная война съ цѣлью истребленія. Къ счастью, это не такъ и среди безконечныхъ причинъ вражды между цивилизованными народами, какъ-то—борьбы за рынки, за продовольствіе, оскорбленіе самолюбія, отвлеченные споры,—неопредѣленныя и смутныя чувства расовой антипатіи занимаютъ лишь незначительное мѣсто, и то, что приписывается подобному чувству, не болѣе, какъ столкновеніе различныхъ традицій.

Но столкновеніе традицій, какъ бы глубоко онѣ ни укоренились, не можетъ производить постоянно вновь возникающей вражды. Двѣ противоположныя традиціи, когда сталкиваются, кончаютъ всегда тѣмъ, что примѣняются одна къ другой, если онѣ обѣ одинаково здравы и сильны, или же одна поглощается другой. Законъ равновѣсія господствуетъ и въ духовномъ мірѣ. Борьба между расами можетъ окончиться только на

полѣ битвы истребленіемъ врага; борьба между различными традиціями, тоже иногда переносимая на поле битвы, можетъ окончательно разрѣшиться лишь въ глубинѣ мысли и сознанія. Исчезновеніе какой-нибудь традиціи не ведетъ за собой уничтоженія расы, создавшей ее, но обозначаетъ скорѣй нравственное обновленіе расы возрожденіе ея силъ и нахожденіе новыхъ путей. Несправедливо оцѣнивать какую-нибудь историческую теорію по тому добру или злу, которое она принесла въ міръ. Въ рукахъ невѣждъ и ловкихъ дѣльцовъ истина можетъ быть такъ же губительна, какъ и ложь. Однако, въ исторіи, если извѣстная теорія, изобрѣтенная не въ видахъ поученія или благотворенія, а являющаяся естественнымъ и непосредственнымъ выводомъ безкорыстнаго изслѣдованія, указываетъ на путь прогресса, то можно съ основаніемъ предположить, что она есть истина. Движеніе современнаго человѣчества есть результатъ силъ и движеній, накопившихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ историческихъ и доисторическихъ эпохъ, и сліяніе расъ въ единствѣ традиціи несомнѣнно было инстинктомъ прошлаго, такъ же, какъ оно есть и совѣсть будущаго.

Въ этомъ смыслѣ слова, произнесенныя въ cercle St. Simon, выражаютъ собой высшую истину. Нѣкоторыя изъ нихъ могли бы служить призывомъ къ освобожденію милліона угнетенныхъ и въ то же время началомъ возрожденія для притѣснителей. Въ русскомъ антисемитическомъ движеніи смутное сознаніе расоваго антагонизма разожгло непріязнь, выросшую изъ экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ причинъ. Въ Россіи масса евреевъ русскаго происхожденія, славянскаго или татарскаго. Въ этомъ вопросѣ Россіи приходится имѣть дѣло не съ расой, а съ традиціей, которую она можетъ ослабить въ томъ, что въ ней есть опаснаго, устраняя искусственныя причины, создавшія эту опасность (отчужденіе, обособленіе, лишеніе общественныхъ правъ), могущественныя же и благодѣтельныя стороны которой ей полезно было бы усвоить себѣ. Если бы такое совершенно новое отношеніе въ ней укоренилось, то этимъ самымъ исцѣлила ь бы одна изъ худшихъ ея ранъ.

Въ составѣ современныхъ націй раса представляетъ низшій и второстепенный элементъ. Читатель еще помнитъ, съ какимъ краснорѣчіемъ Ренанъ показалъ, какъ французская національность образовалась сліяніемъ десяти разнородныхъ элементовъ сплавившихся въ горнилѣ духа, подъ вѣяніемъ движенія исторіи. Всякая національность тѣмъ рѣзче опредѣлена, чѣмъ болѣе въ нее вошло разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый оставлялъ свою особенность, одинъ свою силу сопротивленія, другой свой блескъ.

Tres ignis torti radios, tres alitis austri
Miscebant operi, flammisque sequacibus iras.

Изъ остальныхъ европейскихъ національностей одна изъ сильнѣйшихъ, т. е. одна изъ тѣхъ, которыя, рядомъ съ наибольшимъ разнообразіемъ способностей, представляютъ самую совершенную сплоченность, несомнѣнно англійская. Вотъ что писалъ двѣсти лѣтъ тому назадъ авторъ Робинзона Крузо, въ отвѣтъ на нападки „чистокровныхъ англичанъ“ противъ вторженія голландскаго элемента, проникшаго въ Англію вслѣдъ за Вильгельмомъ Оранскимъ. „Эти герои, которые презираютъ голландцевъ и осмѣиваютъ иностранцевъ и пришельцевъ, забываютъ что сами они произошли отъ худшаго рода сорванцовъ, когда-либо существовавшихъ; ужасный сбродъ бродягъ и негодяевъ, разоряющихъ государство и истребляющихъ города: Пиктъ, татуированный британецъ, предатель шотландецъ, привлеченные сюда голодомъ и надеждой на добычу отъ кражи и грабежа: норвежскіе пираты, датскіе морскіе разбойники, рыжеволосое потомство которыхъ вездѣ остается и которые вмѣстѣ съ французами изъ Нормандіи образовали ту расу, отъ которой происходятъ ваши чистокровные англичане“. Если устранить изъ этихъ словъ преувеличеніе сатирика, то остается еще доля глубокой исторической истины, которой объяс-

няется и самое величіе Англіи. Духъ извѣстной націи только тогда выражается во всемъ блескѣ и во всей силѣ, когда къ ней примѣшивается лучъ отъ другого сіянія.

Несчастіе Германіи, ея преходящая временная сила и продолжительная слабость въ будущемъ, заключается въ томъ, что въ ней расовый элементъ сохранился лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было: отсюда узость ума, недостатокъ чувства мѣры въ разумѣ, недостатокъ справедливости въ сердцѣ. Въ нѣдрахъ ея не происходило плодотворной борьбы противоположныхъ силъ, которыя, ограничивая свои крайности, пополняютъ и усиливаютъ свою энергію и которыя, заставляя признать права каждой изъ нихъ, расширяютъ прирожденную узость человѣческаго ума, пока не придадутъ ему широты и разнообразія, присущихъ самой природѣ. Германія осталась и останется поразительно могущественной и томительно несовершенной.

Историческое значеніе проповѣднической литературы во Франціи XIII вѣка.

Съ давнихъ поръ о средневѣковой проповѣди сложилось представленіе, какъ о чемъ-то крайне безжизненномъ, отвлеченномъ, витающемъ въ заоблачныхъ высотахъ метафизической теологіи. Такое представленіе въ настоящее время можно считать безусловно одностороннимъ. Средневѣковая проповѣдь была одна изъ самыхъ главныхъ средствъ воздѣйствія католической церкви на свѣтское общество; она была предшественницей той церковной школы, которая въ рукахъ іезуитовъ и учащихъ конгрегацій сдѣлалась такимъ могучимъ проводникомъ церковнаго вліянія въ народную жизнь. Исторія нищенствующихъ орденовъ вполнѣ это подтверждаетъ; не менѣе это подтверждаетъ и наше расширившееся знакомство съ литературой проповѣдей. Оно показываетъ, что въ XIII вѣкѣ, въ эпоху наибольшаго расцвѣта дѣятельности францисканцевъ и доминиканцевъ, ихъ проповѣдь касалась всѣхъ сторонъ жизни и всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ различные слои тогдашняго общества. Но не только среди нихъ, а и среди всей церкви мы видимъ чрезвычайное оживленіе проповѣднической дѣятельности въ это время. Папскія буллы, постановленія соборовъ сплошь и рядомъ напоминаютъ о необходимости внѣдрять въ сердца пасомыхъ истинную христіанскую вѣру и христіанскую нравственность; и не менѣе строго слѣдятъ они за тѣмъ, чтобы эта важная функція церкви не попала въ руки, враждебныя ей, или даже просто не находящіяся подъ ея постояннымъ контролемъ. Интересно сопоставить съ этими заботами о проповѣди то, что о школѣ и отъ папы, и отъ соборовъ мы услышимъ много рѣже.

Что сходнаго мы найдемъ въ этой обширной проповѣднической литературѣ? выступаетъ ли здѣсь рѣзко личность проповѣдника, его вдохновеніе, его искусство?!

Безъ сомнѣнія, силы авторовъ весьма неравны, но мы найдемъ больше различій въ формѣ того, какъ они передаютъ, чѣмъ въ содержаніи того, что они передаютъ. Можно было бы ихъ сравнить съ громадной учащей конгреаціей; какъ ни различны пріемы и рессурсы отдѣльныхъ учителей, но духъ преподаванія, его цѣль—едина.

Замѣтимъ, что, въ виду чрезвычайнаго расширенія проповѣднической дѣятельности, сама церковь заботилась снабдить проповѣдника такими руководствами, которыя давали бы ему готовую канву и предоставляли бы его литературной изобрѣтательности лишь форму. Такихъ руководствъ появляется очень много въ XIII в.; ихъ писалъ и Ѳома Аквинскій, и Аланъ Лильскій, и Стефанъ Бурбонъ, и доминиканецъ Гумбертъ, (его руководства—„de eruditione praedicatorum“ и „de modo prompte cudendi verba“ — одни изъ самыхъ полныхъ и употребительныхъ; напечатаны въ Maxima Biblioteca Veterum Patrum t. 25) и многіе другіе.

Мы ограничимся французской проповѣднической литературой XIII вѣка и постараемся разсмотрѣть ее такъ, чтобы уяснить себѣ руководящія точки зрѣнія, съ

коихъ церковь въ лицѣ проповѣдниковъ, смотрѣла на свѣтское общество, на свою миссію въ немъ, на его недостатки и тѣ средства, которыми ихъ можно исправить. И въ другомъ отношеніи эти проповѣди намъ важны; при извѣстной осторожности мы можемъ изъ нихъ узнать не только идеалы и желанія церкви, но и многія черты дѣйствительной общественной жизни.

Большая часть этихъ проповѣдей до сихъ поръ не напечатана и сохраняется въ видѣ манускриптовъ въ національной парижской библіотекѣ. Заслуга извлечь ихъ съ пыльныхъ полокъ на свѣтъ Божій и познакомить читающую публику съ содержаніемъ значительной части ихъ, принадлежитъ архиваріусу парижскаго Національнаго архива Лекуа-де-ла-Маршу. (La chaire francaise au moyen âge. Paris, 1886). Можно сказать, что онъ сдѣлалъ для исторіи французской проповѣди больше, чѣмъ его ученый собратъ Линзенмайръ для нѣмецкой, и внесъ существенныя поправки въ соотвѣтствующія части Histoire littéraire de la France. Онъ и будетъ служить намъ главнымъ пособіемъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя большинство манускриптовъ, коими онъ воспользовался, были латинскіе, но нельзя еще отъ этого умозаключать, чтобы и самыя проповѣди произносились по латыни. Во-первыхъ, мы знаемъ, что господствующій языкъ въ народной проповѣди (не проповѣди клиру) былъ французскій или идіомъ. Во-вторыхъ многія проповѣди, сказанныя по французски, переводились потомъ по латыни. Такъ Аланъ Лильскій перевелъ на латинскій—„sermones“ одного аббата изъ Монпелье; подъ одной гомиліей Элинанда подписано:—„вся эта проповѣдь была произнесена по французски (hic sermo totus gallice pronuntiatus est). Одна изъ проповѣдей Бонавентуры, которую мы имѣемъ лишь въ латинскомъ текстѣ, начинается такъ: „хотя я плохо знаю по французски, но Божіе слово, которое я вамъ возвѣщу, отъ этого не теряетъ цѣны“. Не менѣе убѣдительны аналогіи нѣмецкой проповѣди. Вопросъ имѣетъ, конечно не только литературное значеніе.

Надъ всѣми общественными классовыми дѣленіями въ глазахъ церкви возвышается одно основное—на клириковъ и свѣтскихъ людей; дуализмъ, который не разрѣшается ни въ какомъ единствѣ. Проповѣдники не грѣшатъ излишней снисходительностью къ слабостямъ міра, но эти слабости ничего не отнимаютъ у церкви. „Философы говорятъ: когда луна на половину намъ видна и на половину нѣтъ, когда она поворачиваетъ только маленькую свѣтлую часть къ намъ, когда мы видимъ ее всю свѣтлой—она не мѣняетъ своей величины; намъ только кажется, что она наростаетъ или убываетъ. То же и съ церковью: она кажется свѣтлѣе, когда глядитъ на праведныхъ, и темнѣе—когда глядитъ на грѣшныхъ, а въ дѣйствительности она все та же“. Это сравненіе находится въ одной анонимной проповѣди, записанной по французски: замѣтимъ вообще, что значительная часть проповѣдей сохранилась въ манускриптахъ безъ именъ ихъ авторовъ). Но не только власть церкви въ цѣломъ, но и власть всякаго прелата ея выше всѣхъ свѣтскихъ достоинствъ. „Всякій прелатъ“, говоритъ Элинандъ, „поставленъ Богомъ выше націй и королевствъ. Съ самаго начала Богъ захотѣлъ, чтобы всякое свѣтское достоинство было подчинено церковному. И не только у христіанъ и евреевъ, но и у язычниковъ было постояннымъ правиломъ воздавать священнослужителямъ высшія почести. Цезарь Августъ, величайшій изъ императоровъ, былъ подъ властью жрецовъ, пока сенатъ не сдѣлалъ его самого понтификомъ Весты“. Понятно, что церковь имѣетъ право низлагать монарховъ, которыми она недовольна—ученье, съ грустью прибавляетъ Гумбертъ, не допускаемое во французскомъ королевствѣ.

Въ этой церковной организаціи для авторовъ проповѣдей главенство папы является незыблемымъ. Онъ прообразъ Бога на землѣ, разсылающій легатовъ, какъ Богъ послалъ въ міръ Христа. Не забудемъ, что значительная часть проповѣдей состав-

лена монахами, въ особенности доминиканцами и францисканцами (изъ 318 проповѣдей, разсмотрѣнныхъ Лекуа-де-ла-Маршемъ, 227 составлены монахами; изъ нихъ 98 доминиканцами и 53 францисканцами); не забудемъ и того, что въ XIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ борьбы съ приходскимъ духовенствомъ и епископами, монашескіе ордена постоянно поддерживали папскую власть въ ущербъ самостоятельности мѣстныхъ церковныхъ органовъ,—и насъ не удивитъ, что стиль проповѣдниковъ рѣзко измѣняется, какъ только отъ римской куріи они переходятъ къ епископамъ. „Какая теперь разница между столомъ епископа и столомъ короля? Да и сами аббаты развѣ не хотятъ царскихъ блюдъ? Вотъ онъ, богачъ, одѣтый въ пурпуръ и питающійся устрицами". Симонія, непотизмъ составляютъ обычныя явленія. „О, несчастные" восклицалъ Іаковъ Витріахъ: „они оставляютъ заботу о нѣсколькихъ тысячъ душъ ребятамъ, которымъ бы они не отважились довѣрить трехъ грушъ, изъ страха, что тѣ ихъ съѣдятъ. Небрежные епископы будутъ строго наказаны въ той жизни". Одинъ ліонскій архіепископъ, передаетъ Стефанъ Бурбонъ, былъ занесенъ бурей на неизвѣстный островъ; онъ встрѣтилъ сидящаго старика, который собирался писать и, не зная языка страны, спросилъ его по латыни, что онъ дѣлаетъ? „Я мѣстный епископъ", отвѣчалъ онъ: „я записываю дѣйствія моей паствы, чтобы отдать въ нихъ отчетъ". „Ну я, сказать правду, такъ объ этомъ не забочусь". „Что же? за это ты подвергнешься тысячѣ мученій".

Еще гораздо безпощаднѣе отзывы о приходскомъ духовенствѣ; ему достается за невѣжество, продажность, конкубинатъ; въ особенности часто и охотно проповѣдники останавливаются на такъ называемыхъ „prestresse". Одинъ изъ нихъ разсказываетъ, будто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе избѣгало этихъ женщинъ, какъ зараженныхъ; въ церкви съ ними не хотѣли здороваться, и крестьянинъ, опасаясь нашествія крысъ и мышей въ свой амбаръ, произносилъ слѣдующее заклинаніе: „заклинаю васъ, крысы и мыши, не трогайте этихъ запасовъ; будьте отъ нихъ отрѣзаны, какъ отрѣзанъ отъ обѣдни тотъ, кто поздоровался съ наложницей священника". Естественно, проповѣдники—монахи нѣсколько болѣе щадятъ своихъ собратьевъ; и у нихъ много злоупотребленій, но все же это не правило, а исключеніе.

Замѣтимъ, однако—нигдѣ въ проповѣдяхъ мы не найдемъ, чтобы святость сана сколько-нибудь страдала отъ дурной жизни. Это положеніе особенно сильно поддерживается съ тѣхъ поръ, какъ катары и вальденцы съ большимъ успѣхомъ стали убѣждать вѣрующихъ въ противномъ. Однажды—разсказывается въ проповѣди—какой-то манихей (такъ часто называли катаровъ) указалъ Франциску Ассизскому на священника, извѣстнаго своей безпорядочной жизнью, и спросилъ его, неужели нужно оказывать почтеніе такому священнику. „Нечистота его рукъ", отвѣтилъ Францискъ, „не отымаетъ нисколько силы и святости у Тѣла Христова, котораго онъ ими касается". И онъ поцѣловалъ руку у священника.

Переходя къ свѣтскому обществу, мы видимъ, что проповѣди затрогиваютъ всѣ классы и всѣ соціальныя положенія. Мы не можемъ безъ оговорки брать все, что онѣ намъ даютъ; но сколько цѣнныхъ и живыхъ подробностей сохранено здѣсь для насъ, о которыхъ обыкновенно не говорятъ источники.

Во главѣ свѣтскаго французскаго общества возвышается король; въ XIII вѣкѣ его уже не смѣшаешь съ толпой окружающихъ его феодальныхъ сеньоровъ. Однако, проповѣдники часто напоминаютъ, что королевская династія не есть особая раса, и принадлежность къ ней не оправдываетъ сама по себѣ власти. Стефанъ Бурбонъ сочувственно приводитъ отвѣтъ папы Захарія, когда его спросили, можно ли низложить неспособнаго Хильдерика—„король тотъ, кто хорошо правитъ". Вообще, наслѣдственность королевской власти не вытекаетъ изъ естественнаго права, и есть много преимуществъ за властью выборной—этотъ вопросъ разбиралъ подробно Гумбертъ. Съ другой стороны Гуго Динскій не вѣритъ, чтобы династія могла потерять власть не за грѣхи. „Я никогда не читалъ,

ни въ Библіи, ни въ другихъ книгахъ, чтобы какое-нибудь царство или княжество перешло отъ одного властителя къ другому, если онъ не совершилъ несправедливости". Единодушно и энергично осуждается доктрина болонскихъ юристовъ—quidquid placuerit principi, legis vigorem habet". „Король не принадлежитъ самому себѣ: онъ принадлежитъ своимъ подданнымъ".

„Монархъ не обезпеченъ", говоритъ Іаковъ Витріакъ, „если хоть одинъ изъ его подданныхъ не обезпеченъ противъ его произвола". Но въ особенности рѣзки выраженія монаха Даніила Парижскаго въ его рождественской проповѣди: „Существуетъ обычай устраивать большой праздникъ, когда у короля родится сынъ. Сколь же больше поводовъ праздновать Рождество Сына Царя Небеснаго! Другіе принцы являются въ міръ, не для того, чтобы давать, а для того, чтобы отнимать у насъ, грабить. Когда они сдѣлаютъ какой-нибудь долгъ, обитателямъ королевства приходится платить за нихъ, или ихъ заключаютъ въ тюрмы, но и самая тюрьма не освобождаетъ отъ уплаты. Сынъ Царя Небеснаго пришелъ, чтобы уплатить наши долги, и Онъ отдалъ себя въ плѣнъ, чтобы выкупить насъ».

Не удивительно, что королямъ не легко спасти свою душу. Вотъ, что разсказываетъ о Филиппѣ Августѣ Стефанъ Бурбонъ: „Я слышалъ отъ одной знатной дамы, что въ Римѣ одинъ больной велѣлъ себя вынести изъ дому и положить его подъ открытымъ небомъ, и ожидалъ такъ своего конца, ибо всѣ враги его кинули. Когда онъ лежалъ тамъ одинъ, глазамъ его представился св. Діонисій, который велъ передъ собой короля Филиппа. „Я—Діонисій Ареопагитъ", сказалъ онъ больному, „я только что освободилъ душу Филиппа, которую демоны уже повлекли въ адъ. Этой душѣ предназначено войти въ чистилище и затѣмъ спастись: король почиталъ святыхъ, защищалъ церкви и клириковъ. Ты же встань; ты излѣченъ; пойди сказать твоему господину (больной былъ изъ свиты кардинала), чтобы онъ молился за душу короля". Кардиналъ тотчасъ написалъ во Францію, и оказалось, что въ самый моментъ этого видѣнья король умеръ". Напротивъ того жизнь Людовика IX представляла совершенный образецъ христіанскихъ добродѣтелей; приглашая молиться за его душу, проповѣдникъ прибавляетъ: „хотя она въ этомъ и не нуждается".

Говоря о феодальной аристократіи, проповѣдники показываютъ, что она рѣдко удовлетворяетъ своему назначенію, а это назначеніе—защищать слабыхъ, бѣдныхъ, заботиться о церкви и клирикахъ. „Они захватываютъ десятины, приношенія церкви, нарушаютъ ея иммунитеты, обременяютъ ея людей повинностями, не уважаютъ права убѣжища, налагаютъ свои нечестивыя руки на клириковъ, такъ какъ тѣ не могутъ оказать сопротивленія; но они не нападутъ на вооруженныхъ, готовыхъ дать отпоръ. Хищные орлы, они кидаются на имущество умершихъ, хотятъ имѣть право „мертвой руки", чтобы доканать своими притѣсненіями вдовъ и сиротъ". Это притязаніе на наслѣдство крѣпостныхъ осуждается единодушно. Часто сеньоры—простые грабители: „сеньоръ отымаетъ корову у крестьянина, а когда на это жалуются, говоритъ „довольно съ него, что онъ живъ и сохранилъ теленка". Конечно, не всѣ сеньоры таковы; въ проповѣдяхъ мы встрѣчаемъ портреты смиренныхъ, набожныхъ защитниковъ церкви, вдовъ и сиротъ; но многіе занимаются лишь грабежомъ, а награбленное идетъ на роскошь, тщеславіе, на охоты и турниры. Послѣдніе, однако, не подвергаются безусловному осужденію.—„На турнирахъ", говоритъ Гумбертъ, „бываетъ нѣчто вполнѣ предосудительное, нѣчто только позволительное, наконецъ, кое-что похвальное. Къ первому надо отнести безумныя траты, которыя предпринимаютъ изъ-за нихъ сеньоры, раззоряющіе сразу себя, своихъ дѣтей и свои дома—и все изъ-за пустой славы. Другіе поступаютъ еще хуже: они пользуются этимъ случаемъ, чтобы свести старые счеты, нарушаютъ правила боя, обольщаются глупыми женщинами, которыя тамъ бываютъ,—словомъ повторяются сцены языческаго цирка. Рыцари на этихъ бояхъ должны преслѣдовать единственную цѣль—

упражняться въ военномъ искусствѣ. Но еще похвальнѣе поощрять другъ друга дѣлать для Бога то, что дѣлалось раньше для мірскихъ утѣхъ и употреблять свою силу противъ невѣрныхъ". Вотъ точка зрѣнія, съ которой церковь, въ лицѣ проповѣдниковъ, терпитъ и до извѣстной степени одобряетъ турниры: они поддерживаютъ рыцарскій духъ, который нуженъ для борьбы съ врагами вѣры. Несмотря на многочисленныя разочарованія, вѣра въ плодотворность и святость крестовыхъ походовъ ни на минуту не подорвана на церковной каѳедрѣ. Если человѣкъ при этомъ жертвуетъ своими семейными привязанностями, его заслуга тѣмъ больше. „Я велѣлъ позвать передъ уходомъ изъ замка всѣхъ своихъ дѣтей", говоритъ въ одной проповѣди рыцарь, отправляющійся въ крестовый походъ, „чтобы сдѣлать скорбь о разлукѣ съ ними сильнѣе, а жертву Богу—больше". Образцы рыцарскихъ добродѣтелей должны бы давать ордена защищавшіе св. землю; въ теченіе XIII вѣка отношеніе проповѣдниковъ къ нимъ мѣняется. Іорданъ Саксонскій, жившій въ началѣ вѣка, хвалитъ искреннюю набожность и самоотверженье тампліеровъ; Гумбертъ же видитъ въ нихъ богатую конгрегацію, думающую лишь о земляхъ и домахъ. Къ іоаннитамъ, въ общемъ, и позднѣйшіе проповѣдники благосклоннѣе.

Какъ примѣръ мужественнаго, благочестиваго и сострадательнаго сеньора, приводится гр. Теобальдъ Шампанскій. Когда онъ ѣхалъ въ походъ, за нимъ возили запасы одежды, обуви и освященнаго масла; онъ раздавалъ ихъ собственноручно и надѣялся вызвать въ сердцахъ спутниковъ смиреніе, надѣялся и на молитвы облагодѣтельствованныхъ бѣдныхъ. Его спутники иногда пожимали плечами, но онъ спокойно имъ говорилъ: „не удивляйтесь, что я самъ раздаю милостыню; мнѣ бы очень было досадно не получить самому за нихъ награды".

Гораздо суровѣе, чѣмъ феодальную аристократію, осуждаютъ проповѣдники тѣ общественные элементы, которые такъ много оказали услугъ королевской власти въ борьбѣ противъ этой аристократіи: мы говоримъ о служилыхъ людяхъ и о легистахъ. Первые—„адскіе вороны"—служатъ ли они королю, или феодальнымъ сеньорамъ,—изощряютъ всю свою изобрѣтательность въ угнетеніи бѣднаго люда. „Господинъ," сказалъ одному графу его бальи „положитесь на меня, и я васъ буду ежегодно обогащать. Позвольте мнѣ только торговать солнцемъ на вашихъ земляхъ". „Какъ такъ?"—„По всей площади вашего владѣнія живутъ люди, которые бѣлятъ, и сушатъ свои холсты на солнцѣ; взимайте по 12 денье съ холста, и вы получите изрядную сумму". Иногда ихъ жадность не оставалась безъ кары свыше. „Въ Маконѣ была постоянная борьба между епископомъ и горожанами съ одной стороны, и графомъ и его рыцарями—съ другой. Одинъ прево графа увидѣлъ разъ корову, принадлежавшую горожанину. Онъ сказалъ одному изъ спутниковъ: „возьми эту корову". Но тотчасъ же языкъ его былъ пораженъ параличемъ, и всю жизнь свою онъ не могъ сказать другой фразы, какъ „возьми эту корову". Не меньше достается легистамъ. „Извлекать поборы—они гарпіи; говорить съ другими—статуи, понимать—скалы, пожирать—минотавры". Типъ этихъ людей—Перренъ Данденъ, который всегда хочетъ „parler et plaider", такъ что эти три слова становятся его именемъ. Ни адвокатъ, ни судья не должены продавать своего искусства; первый можетъ брать за свой трудъ умѣренное вознагражденіе, не раззорительное для той стороны, которую онъ защищаетъ, но это, дѣйствительно, долженъ быть трудъ.

Спускаясь ниже по соціальной лѣстницѣ, проповѣдники доходятъ до городскихъ классовъ. Въ XIII вѣкѣ французскій буржуа уже выработалъ себѣ извѣстное классовое самосознаніе: онъ хочетъ жить и управляться по собственной волѣ. Эти черты самостоятельности не особенно нравятся проповѣдникамъ; еще болѣе не одобряютъ они нѣсколько пренебрежительныя отношенія горожанина къ клиру. „Ему уже скучно слушать проповѣди, и какъ только онъ видитъ проповѣдника, всходящаго на каѳедру, онъ спѣшитъ изъ церкви". Насъ не можетъ удивить, что тонъ проповѣди часто достигаетъ особой рѣзкости, когда онѣ говорятъ о коммунахъ. Во Франціи церковь всегда отно-

силась крайне отрицательно къ коммунальному движенію; въ этой борьбѣ духовные сеньоры были гораздо болѣе упорными врагами городовъ, чѣмъ свѣтскіе. „Въ этомъ мірѣ,“ говоритъ Іаковъ Витріакъ, „есть два города, соединенные матеріально, но различные по духу: городъ Божій и городъ дьявольскій—Іерусалимъ и Вавилонъ. Второй, городъ смутъ—не есть ли прообразъ этихъ коммунъ, въ которыхъ люди подобны деревьямъ, соединяющимся своими вѣтвями, и угнетаютъ своихъ сосѣдей? Если воры и ростовщики должны возвращать неправильно захваченное, то тѣмъ болѣе эти беззаконныя скопища должны возвращать другимъ похищенную у нихъ свободу. Они не только раззоряютъ знатныхъ людей страны, отымаютъ юрисдикцію надъ ихъ людьми, но они присваиваютъ церковныя права, своими несправедливыми статутами уничтожаютъ независимость клира. И это не все; почти всѣ они враждуютъ, желаютъ гибели сосѣднимъ городамъ, преслѣдуютъ ихъ, радуются смерти ближняго. Иностранцы и путешественники беззащитны, съ насъ взимаются новые незаконные поборы. Внутри этихъ коммунъ господствуетъ зависть, обманъ, вражда, за предѣлами ихъ побоища; во всѣхъ ихъ пріютились еретики и исправители еретиковъ“. Гумбертъ тоже жалуется на тяжесть городскихъ налоговъ, мѣшающихъ гражданамъ хорошо исполнять свои обязанности относительно церкви; его огорчаетъ, что звонъ коммунальнаго колокола часто заглушаетъ для гражданъ звонъ церковныхъ колоколовъ: не такъ важно для нихъ пойти въ церковь, какъ на городское собраніе.

Главнымъ источникомъ богатства гражданъ является торговля: естественно, о ней много говорится съ церковной каѳедры, особенно о торговлѣ розничной, съ которой связаны непосредственные интересы не только многочисленнаго класса торговцевъ, но и всѣхъ горожанъ вообще. Часто останавливаются проповѣдники на разныхъ мелкихъ обманахъ, фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ; оказывается, въ этомъ дѣлѣ изобрѣтательность сдѣлала уже не такъ много шаговъ впередъ съ XIII вѣка. Продавецъ коровы не доитъ ее нѣсколько дней, чтобы ея вздутое вымя обѣщало покупателю больше молока. Мясники надуваютъ воздухомъ мясо и рыбу; свиной кровью они раскрашиваютъ порченую рыбу и продаютъ ее за свѣжую. „Ты берешь у меня мясо семь лѣтъ, и ты еще живъ“? говоритъ мясникъ покупателю, который проситъ его ради давняго знакомства сбавить цѣны. Это напоминаетъ разсказъ Іакова Витріака, какъ одинъ торговецъ изъ Акры, поставлявшій крестоносцамъ съѣстные припасы, попавъ въ плѣнъ къ султану, увѣрялъ, что ежегодно онъ лишалъ жизни сотню враговъ султана. Подобные обманы практиковались и въ другихъ отрасляхъ торговли. „У торговцевъ матеріями одинъ аршинъ, чтобы продавать; другой—чтобы покупать; а у дьявола въ рукахъ—третій, которымъ онъ ихъ изувѣчилъ“. „Они торгуютъ своими товарами лишь въ темныхъ закоулкахъ, чтобы обманывать покупателей; но они сами лишены будутъ за это вѣчнаго свѣта“.

Какъ и нужно было ожидать, проповѣдники касаются ярмарокъ, которыя играютъ такую видную роль въ средневѣковой торговлѣ. Гумбертъ считаетъ ихъ особенно подходящимъ мѣстомъ для произнесенія проповѣдей. „Богъ“ говоритъ онъ „захотѣлъ, чтобы ни одна страна не могла совершенно удовлетворять своимъ нуждамъ, чтобы каждый имѣлъ потребность обращаться къ другимъ, чтобы всѣ были такимъ образомъ соединены узами дружбы“. Онъ представляетъ намъ даже прямо живописную картинку ярмарки наполненной народомъ, пріѣхавшимъ за сотни миль, заставленной разноцвѣтными товарами. Тутъ шла не одна торговля: люди, желающіе веселиться, тоже охотно посѣщали ярмарки.

Въ одной проповѣди разсказывается, что графъ Пуатье желалъ однажды испытать, какое положеніе въ жизни самое пріятное; онъ переодѣлся и пробовалъ разныя занятія; и изъ нихъ онъ не нашелъ ни одного болѣе пріятнаго, дающаго больше наслажденій, чѣмъ быть купцомъ на ярмаркѣ; ему только очень не понравилось, когда послѣ рос-

кошнаго банкета пришлось платить за все до послѣдняго куска хлѣба,—и эта непріятность такъ на него подѣйствовала, что онъ рѣшилъ вернуться въ свое первоначальное состояніе. Естественно, церковь предостерегала противъ излишествъ въ этихъ удовольствіяхъ.

Мы не удивимся суровымъ осужденіямъ, которымъ подвергаются скупщики хлѣба, спекулирующіе на голодъ: „Богъ въ наказаніе посылаетъ хорошій урожай, и они съ отчаянья вѣшаются". Не многимъ лучше ихъ мѣнялы, лавочки которыхъ покрывали главный парижскій мостъ; они не только терли монету, дѣлая ее такимъ образомъ болѣе легковѣсной, но и прямо фальсифицировали ее. Конечно, еще гораздо строже относятся проповѣдники къ ростовщикамъ. До XIV вѣка (до Вьенскаго собора 1311 г.) церковь еще не формулировала опредѣленнымъ образомъ абсолютнаго запрещенія роста, но признаніе грѣховности роста еще гораздо раньше сдѣлалось однимъ изъ самыхъ твердыхъ принциповъ морали, которую церковь старалась насадить въ свѣтскомъ обществѣ. „Богъ создалъ клириковъ, землевладѣльцевъ, воиновъ; ростовщики пошли отъ дьявола". Если они не возвратятъ передъ смертью всего, неправильно нажитаго, то ихъ слѣдуетъ лишать христіанскаго погребенья. „Однажды", разсказываетъ проповѣдникъ, „умеръ ростовщикъ, его положили въ гробъ, но когда надо было переносить этотъ гробъ на кладбище, никто не могъ его поднять; гробъ оставался какъ-бы пригвожденнымъ къ землѣ. Тогда одинъ старикъ сказалъ: вы знаете, въ этомъ городѣ существуетъ обычай, чтобы каждаго хоронили тѣ, къ сословію кого онъ принадлежалъ при жизни — священникъ священника, мясникъ мясника и т. д. Вамъ только надо позвать ростовщиковъ". И дѣйствительно, сотоварищи по ремеслу умершаго безъ труда вынесли гробъ. Другой случай разсказываетъ Стефанъ Бурбонъ по личнымъ воспоминаніямъ; онъ видѣлъ, какъ въ Notre Dame de Paris принесли больного, котораго какъ бы пожиралъ внутренній огонь. Священникъ убѣждалъ его отказаться отъ богатства, которое онъ пріобрѣлъ путемъ роста, но больной не хотѣлъ этаго сдѣлать. Тогда его тѣло почернѣло, пришлось его вынести изъ церкви, и въ тотъ же вечеръ онъ умеръ. А вотъ еще разсказъ о наказаніи ростовщика. Одинъ дижонскій ростовщикъ праздновалъ съ большой пышностью свою свадьбу. Когда онъ входилъ въ церковь, на него упало сдѣланное надъ портикомъ каменное изваяніе ростовщика, изображеннаго въ когтяхъ у демона, и размозжило ему голову. Такимъ образомъ, свадебное празднество закончилось похоронами, но друзья покойнаго добились того, что всѣ каменныя изображенія были сняты съ портика.

Переходя къ ремесленникамъ и землевладѣльцамъ, проповѣдники часто стараются показать, что на нихъ опирается все общественное благостояніе: нельзя поэтому иначе, какъ съ почтеньемъ относиться къ ихъ занятіямъ. Ремесленники до извѣстной степени страдаютъ тѣми же недостатками, какъ и купцы; и они часто обманываютъ заказчиковъ: такъ, башмачники нагрѣвали свою обувь, чтобы она казалась болѣе прочной. Проповѣдники обращаютъ вниманіе на то, что производство предметовъ, служащихъ лишь тщеславію и чувственности, столь же предосудительно, какъ и продажа ихъ; сюда относится, напримѣръ, шитье открытыхъ женскихъ платьевъ, особыхъ модныхъ башмаковъ и т. п.

Еще сочувственнѣе отношеніе къ земледѣльцу. Онъ, изнемогающій подъ тяжестью сохи, уподобляется Христу, который несъ свой крестъ. Поборы и тяготы, столь непосильно возлагаемыя на него сеньоромъ, вызываютъ строгое осужденіе. Конечно, эти поборы не освобождаютъ крестьянъ отъ обязанности аккуратно вносить свою десятину. Въ эпоху особеннаго обостренія борьбы между приходскимъ духовенствомъ и орденами были случаи, что монахи въ своихъ проповѣдяхъ отговаривали прихожанъ вносить десятину; но такое злоупотребленіе правомъ проповѣди строго осуждалось не только епископами и соборными постановленіями, но и папскими буллами. Проповѣд-

ники часто жалуются на суевѣрія, распространенныя среди крестьянъ, на ихъ незнаніе не только истинъ вѣры, но и церковнаго обихода. Многіе не могутъ отличить праздниковъ отъ будничныхъ дней. „Должно быть, сегодня праздникъ, не надо работать, нашъ господинъ охотился въ красныхъ сапогахъ". Мы слышимъ о путешествіяхъ на могилу какого-то непризнаннаго церковью святого; по разслѣдованію оказалось, что это былъ простой ловчій одного сеньора. убитый имъ и почитаемый за мученика. Въ другомъ мѣстѣ крестьяне, видя, какъ ихъ деревня опустошается эпидеміей, зарыли живымъ на кладбищѣ своего священника.

Есть отрывочныя указанія изъ жизни матросовъ; кардиналъ Витріакъ, много и по долгу путешествовавшій по морю, отлично зналъ ихъ обычаи и недостатки. Всего суровѣе онъ, впрочемъ, къ кораблехозяевамъ, которые опустошаютъ берега и острова, нарочно устраиваютъ кораблекрушенія, продаютъ сарацинамъ оружіе и осадныя орудія. Они принимаютъ на свои суда пассажировъ съ обязательствомъ ихъ кормить, а послѣ оставляютъ умирать съ голоду. Но въ особенности многочисленны жалобы на мнимое право моряковъ грабить товары и пассажировъ послѣ кораблекрушенія. Впрочемъ, самъ Богъ караетъ этихъ злыхъ людей: никогда награбленное не идетъ имъ въ прокъ.

Не забываютъ проповѣдники и о домашней прислугѣ. Слугамъ напоминается, что они, во всякомъ случаѣ, не должны подъ предлогомъ своихъ занятій пропускать церковной службы. Правда, они не свободны, но и это имѣетъ свою выгодную сторону: по мнѣнію одного проповѣдника, лучше живется собакѣ, которую, хоть и держатъ на привязи, но кормятъ, чѣмъ волку голодному и злому, хотя и свободному. Особыя увѣщанія обращены къ женской прислугѣ. „Сколько юношей", восклицаетъ Гумбертъ, „обольщены, вовлечены въ развратъ ими! Не отвѣтственны ли онѣ за всѣ грѣхи, которые эти обольщенные совершили въ своей жизни?"

Проповѣдники не ограничиваются соціальными различіями; не менѣе они приспособляются къ различіямъ пола и возраста. Интересно прослѣдить, прежде всего, какъ они трактуютъ женщину. Мы не можемъ ожидать здѣсь особой благосклонности. Правда, въ XIII вѣкѣ епископы не спрашивали, какъ въ VI, есть ли у женщины душа, и, вѣроятно, самый культъ Богоматери не остался безъ вліянія на церковныя воззрѣнія. Но церковь никогда не забывала, что грѣхъ вошелъ въ міръ черезъ женщину, преступившую заповѣдь и соблазнившую Адама—этотъ мотивъ постоянно встрѣчается въ проповѣдяхъ. И однако, мы часто ожидали бы встрѣтить въ нихъ болѣе аскетическое отношеніе къ браку. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ катары объявили всякій брачный союзъ вещью грѣховной, церковь постоянно брала его подъ свое покровительство. „Бракъ", говоритъ доминиканскій проповѣдникъ, Генрихъ Провансальскій, „существуетъ не со вчерашняго дня; онъ такъ же старъ, какъ человѣчество. Нашъ орденъ и орденъ миноритовъ установлены недавно; всѣ другія религіозныя учрежденія берутъ начало отъ воплощенія Сына Божія. Скажу больше, нашъ орденъ—дѣло простого смертнаго, испанца; орденъ францисканцевъ—тоже дѣло простого смертнаго, итальянца; бракъ же установленъ самимъ Богомъ въ началѣ временъ. Скажу еще больше: въ моментъ потопа Богъ спасъ преимущественно людей женатыхъ; Святая Дѣва, Царица рая, также была обручена". Эти слова пріобрѣтутъ для насъ больше значенія, если мы вспомнимъ, какъ распространены были въ ту эпоху іоахимовскія идеи о предстоящемъ царствѣ Св. Духа, когда высшей формой христіанской жизни будетъ ordo monachorum, какъ въ царствѣ Отца онъ былъ ordo coniugatorum, а въ царствѣ Сына—ordo clericorum. Въ бракѣ жена становится товарищемъ мужа, равной ему; она не должна быть ни госпожей, ни служанкой. Часто этимъ равенствомъ символически истолковывается происхожденіе женщины, которая была сотворена изъ ребра Адама, а не изъ головы или ноги; на это указываетъ и часто цитируемый текстъ ап. Павла: „мужъ долженъ стараться угождать женѣ, а жена—мужу". Даже во внѣшнемъ обращеніи хорошо

соблюдать извѣстную форму: проповѣдникъ сочувственно упоминаетъ объ обычаѣ, господствовавшемъ во многихъ парижскихъ семьяхъ—что мужъ и жена называютъ другъ друга не иначе, какъ господинъ и госпожа—по примѣру Авраама и Сарры. Конечно, проповѣдники, съ другой стороны, часто жалуются на чрезмѣрныя притязанія женщинъ. „Нѣкогда", говоритъ Вильгельмъ Монтрейль, „жены были вѣрны и скромны, какъ овечки; теперь же львицы!.. Онѣ хотятъ носить панталоны"! Вильгельмъ Овернскій совѣтуетъ женамъ терпѣливо переносить суровое обращеніе мужа; часто послѣдніе подъ вліяніемъ ревности подозрительно относятся къ дѣламъ благотворительности жены. Богъ же, въ награду вѣрнымъ и терпѣливымъ женамъ, смягчаетъ сердца ихъ супруговъ. „Одинъ рыцарь имѣлъ непреодолимое отвращеніе къ прокаженнымъ. Воспользовавшись его отсутствіемъ, жена его собрала около себя прокаженныхъ, ухаживала за ними и утѣшала ихъ. Со страхомъ она ожидала возвращенія мужа, который долженъ былъ-бы разгнѣваться на такое непослушаніе; но когда онъ вошелъ въ ея комнату, онъ ощутилъ лишь необыкновенный ароматъ и, узнавъ, что случилось, совершенно обратился къ Богу". Мы видимъ здѣсь нѣкоторыя сходныя черты съ извѣстнымъ разсказомъ о Елизаветѣ Тюрингской.

Естественно, проповѣдники часто возвращались къ обычнымъ во всѣ времена упрекамъ женщинѣ въ франтовствѣ, роскоши въ одеждѣ. Повидимому, изо всѣхъ принадлежностей дамскаго туалета наиболѣе осуждались длинные шлейфы: отъ нихъ подымается пыль въ церкви, летитъ на алтарь, мѣшаетъ молящимся. Петръ Лиможскій особенно нападалъ на fascia pectoralis, которые соотвѣтствовали современному корсету; за это въ будущей жизни онъ сулитъ носящимъ ихъ желѣзную рубашку. Достается женщинамъ и за слишкомъ большое пристрастіе къ косметикѣ. Въ XIII вѣкѣ это искусство далеко не было въ загонѣ, если судить по небольшому трактату—„de oruatu mulierum" Іоанна Падуанскаго. Укажемъ лишь на заголовки отдѣльныхъ главъ этого трактата: „искусство умыванія", „украшеніе волосъ", „черные волосы", „бѣлизна зубовъ", „какъ сдѣлать кожу нѣжной", „какъ сдѣлать ее бѣлой" и т. д. Увлеченіе танцами также не поощрялось. Іаковъ Витріакъ говорилъ молодымъ дѣвушкамъ: лучше для нихъ по воскресеньямъ прясть у себя дома, чѣмъ танцовать; въ первомъ случаѣ онѣ преступаютъ лишь одну заповѣдь. Особенно осуждаются танцы передъ входомъ въ церковь, въ ея оградѣ, на кладбищахъ. Намъ разсказываютъ, что одна церковь близь Суассона, оскверненная подобнымъ образомъ, была сожжена молніей.

Мы не можемъ не остановиться на отношеніи проповѣдниковъ къ тому многочисленному въ средніе вѣка повсюду, а въ Парижѣ въ особенности, классу женщинъ, ремесломъ которыхъ былъ развратъ. Церковь постоянно, хотя и малоуспѣшно, заботилась объ ихъ исправленіи; многихъ изъ нихъ обратилъ Фулькъ Нельи, основавшій для обращенныхъ нѣсколько монастырей. Гумбертъ въ своемъ руководствѣ составлять проповѣди посвящаетъ цѣлую главу тому, какъ надо имъ проповѣдывать. Онъ совѣтуетъ особенно имъ указывать на тяжесть ихъ грѣха. Вѣдь онѣ вредятъ не только себѣ, но и другимъ, не только отымаютъ имущество, но и отравляютъ душу; онѣ суть сѣти, въ которыя дьяволъ ловитъ старыхъ и малыхъ, свѣтскихъ и клириковъ, женатыхъ и не женатыхъ. Затѣмъ ихъ грѣхъ убиваетъ стыдъ, а между тѣмъ многіе изъ-за одного стыда передъ людьми воздерживаются отъ грѣховъ, отъ которыхъ ихъ не удержалъ бы страхъ Божій. Наконецъ, этотъ грѣхъ особенно строго наказывается Богомъ: величайшія кары, которымъ подвергалось человѣчество, насылались за развратъ. Вернуть же ихъ къ праведной жизни можетъ надежда на благость Божію, страхъ вѣчныхъ мукъ и въ особенности образъ Св. Магдалины, которая изъ всѣхъ женъ послѣ Св. Дѣвы удостоивается наибольшаго почитанія отъ христіанъ.

Не менѣе, чѣмъ женщинамъ, проповѣдники посвящаютъ вниманія дѣтямъ, вопросамъ ихъ воспитанія. Ихъ взгляды на этотъ предметъ могутъ быть формулированы классической

фразой Сираха: „ненавидящій щадитъ сына своего, любящій умножаетъ удары". Родители должны закалять тѣло дѣтей своихъ, держать ихъ въ строгомъ послушаніи, не давать имъ лишней свободы; пусть они помнятъ, что Богъ Отецъ не избавилъ отъ страданій Своего возлюбленнаго Сына. „Снисходительный отецъ", говоритъ Вильгельмъ Перро, „подобенъ человѣку, который, видя, какъ сынъ его упалъ въ глубокую рѣку, оставилъ бы его тонуть подъ предлогомъ, что для спасенія его пришлось-бы вытащить за волосы". Обученіе должно начинаться съ того, чтобы дѣти наизусть заучили Отче нашъ, Богородицу и Символъ вѣры—лучше по латыни, а въ крайнемъ случаѣ на своемъ родномъ языкѣ. Само собой разумѣется, розгамъ отведено видное мѣсто и въ первоначальномъ, и въ дальнѣйшемъ обученіи.

Но съ особой охотой проповѣдники говорятъ объ университетскомъ преподаваніи. Въ XIII вѣкѣ Парижъ пріобрѣлъ великую славу свѣточа науки. „Парижъ", говоритъ въ одной изъ своихъ буллъ папа Александръ IV, „наполняетъ и озаряетъ своимъ знаніемъ весь міръ, разсѣиваетъ туманъ невѣжества, посылаетъ зарю свѣта, распространяетъ тайны науки, орошаетъ всю землю потоками своей мудрости, питаетъ церковь обильными и сладкими плодами своими". Появленіе нищенствующихъ орденовъ дало ему новыя силы; его каѳедры украсились такими свѣтилами средневѣковой мудрости, какъ Александръ Гелесъ, Бонавентура, Ѳома Аквинатъ. Его привиллегіи нарушались, внутреннія распри профессоровъ-клириковъ и доминиканцевъ въ теченіе многихъ лѣтъ мѣшали правильному ходу университетской жизни, занятія временно прекращались,—но онъ всегда оправлялся, и къ нему можно было примѣнить девизъ гильдіи „mercatores aquae", сдѣлавшійся девизомъ Парижа: „fluctuat nec mergitur".

И проповѣдники единодушны, превознося заслуги университета. „Будемъ молиться за парижскія школы", говоритъ одинъ изъ нихъ, когда занятія въ университетѣ на время прекратились, „каждая несостоявшаяся лекція приноситъ ежедневно ущербъ великій и непоправимый. Вѣдь отсюда вербуются всѣ талантливые люди, всѣ прелаты вселенской церкви". Но тѣмъ обязательнѣе для вступающаго твердое намѣренье серьезно учиться. Іаковъ Витріакъ предостерегаетъ ихъ противъ „неофитовъ"—молодыхъ, неопытныхъ докторовъ, которые разными пріемами собираютъ толпу слушателей; они просятъ, льстятъ имъ, иногда даже раздаютъ деньги, а всѣ ихъ знанія ограничиваются старыми тетрадками; такимъ образомъ они крадутъ у молодыхъ людей величайшее сокровище—время.

Въ своихъ занятіяхъ учащіеся должны руководиться извѣстными правилами, извѣстнымъ порядкомъ; такую инструкцію учащимся предложилъ Сорбонъ въ своемъ трактатѣ „de conscientia". Читать надо внимательно и помнить изрѣченіе Бернарда Клервосскаго: „между чтеніемъ и изученіемъ такая же разница, какъ между гостемъ и другомъ". Учащійся долженъ извлекать изъ того, что онъ прочтетъ за день, извѣстную мысль; лучше не полагаться на память, а записывать эту мысль. Еще полезнѣе, чѣмъ чтеніе, разговоры и споры съ товарищами о научныхъ вопросахъ. „Часто школьники поступаютъ подобно глупымъ людямъ, погружаются въ занятія пустяками и показываютъ себя лишенными всякаго пониманія въ главномъ. Не хочется имъ имѣть такого вида, будто они только потеряли время—и вотъ они собираютъ листы пергамента, образуютъ изъ нихъ толстые томы, переплетаютъ въ красивые переплеты изъ красной кожи, а затѣмъ возвращаются домой съ маленькимъ мѣшкомъ знанія и съ совершенно пустой головой. Но что это за знаніе, которое можетъ похитить злоумышленникъ, могутъ съѣсть крысы и черви, разрушить огонь и вода?"

Чтобы пріобрѣсти знанія, надо воздерживаться отъ тѣлесныхъ удовольствій и не предаваться матеріальнымъ заботамъ, болѣе же всего необходимо благочестіе. Въ Парижѣ жило двое учителей; одинъ изъ нихъ много видѣлъ, много читалъ, день и ночь просиживалъ надъ книгами и съ трудомъ находилъ время прочесть Отче нашъ; у него

было только четыре слушателя. Его товарищъ имѣлъ меньшую библіотеку, меньше сидѣлъ за книгами, ежедневно, прежде чѣмъ читать лекціи, ходилъ къ мессѣ—и однако его аудиторія была полна. „Какъ ты это дѣлаешь?“ спросилъ у него первый. „Да очень просто“, отвѣчалъ тотъ съ улыбкой: „Богъ учитъ за меня. Я ухожу къ обѣднѣ, а когда возвращаюсь, знаю уже наизусть все, чему долженъ учить“.—Не только наставнику подобаетъ предаваться размышленію; хорошо, если и учащійся будетъ вечеромъ гулять по берегамъ Сены, не для развлеченій, но чтобы повторить и продумать свой урокъ. Сорбонъ напоминаетъ далѣе, что занятія бываютъ полезны только тогда, когда ихъ доводятъ до конца. „Грамматика выковываетъ мечъ Божьяго слова, риторика его шлифуетъ, теологія примѣняетъ на дѣлѣ. Но есть люди, которые безъ конца учатся ковать и точить его и, постоянно полируя, они въ конецъ его разрушаютъ. Другіе вѣчно держатъ его въ ножнахъ, а когда захотятъ извлечь, мечъ уже заржавѣлъ, и ничего нельзя съ нимъ сдѣлать. Есть и такіе, которые учатся лишь для того, чтобы достигнуть церковныхъ достоинствъ и прелатуръ,—они жестоко обманываются! никогда почти ихъ не достигаютъ“. Важное мѣсто въ жизни студентовъ занимаютъ экзамены; не всегда экзаменаторы бываютъ безпристрастны: они дѣлаютъ поблажки юношамъ знатнаго происхожденія; бываетъ даже и такъ, что дипломы выдаютъ за деньги.

Не всѣ одинаково серьезно относятся къ своимъ занятіямъ: проповѣдники показываютъ намъ и неприглядныя стороны студенческой жизни. Свобода, привиллегированное положеніе представляли слишкомъ много соблазновъ. Хроники XIII вѣка часто разсказываютъ намъ о вооруженныхъ столкновеніяхъ студентовъ съ горожанами, принимавшихъ иногда грандіозные размѣры, какъ въ 1229 г., когда не мало народу было убито и искалѣчено „Ночью они бѣгаютъ вооруженные по улицамъ столицы, взламываютъ двери домовъ, учиняютъ насилія. Цѣлый день приходятъ въ судъ публичныя женщины съ жалобами: то студенты избили ихъ, то разорвали имъ платье, то обрѣзали у нихъ волосы“. Многіе студенты жили въ крайней бѣдности, и въ помощь имъ клирики изъ чужихъ городовъ и богатые люди основывали колледжи и стипендіи—обычно для земляковъ. Готье де Шапо-Тьерри жалуется, что эти стипендіи часто попадаютъ въ ненадлежащія руки. „Клирикамъ, которые не учатся и не отправляютъ богослуженія, можно сказать: что дѣлаете вы здѣсь цѣлый день, праздные, какъ статуи? Не могутъ они отвѣтить: „никто не платилъ намъ за работу“; вѣдь многіе изъ нихъ пришли въ Парижъ, получивъ деньги—кто отъ своихъ родныхъ, кто отъ своихъ церквей—и на какомъ условіи? чтобы работать въ Господнемъ виноградникѣ и приносить потомъ въ свое отечество вино знанія. Если они этого не дѣлаютъ, значитъ они воры и бездѣльники“. Проповѣдники также стараются возбудить между студентами взаимопомощь. Нѣкоторые молодые люди, хотѣвшіе учиться, были такъ необезпечены, что не могли посѣщать лекцій, и профессора, чтобы помочь имъ, иногда издавали свои лекціи. (Подъ однимъ подобнымъ трактатомъ подписано: «pro utilitate Minorum et pauperum clericorum, qui scholas theologiae frequentare non valent)“. Для болѣе достаточныхъ студентовъ нѣкоторую опасность представляла университетская прислуга, которая хорошо умѣла облегчать ихъ карманы.

Уважая такъ школу, проповѣдники должны были не съ меньшимъ уваженіемъ относиться къ ея наукѣ. Конечно, во главѣ послѣднихъ стоитъ теологія; ее сравниваютъ съ апокалиптической женой, а прочія науки—съ луной подъ ея ногами. Схоластическая изощренность не ослабила интереса къ мистикѣ и символикѣ. Философія и логика—лишь служанки, орудія богословія. Іаковъ Витріакъ предостерегаетъ противъ чрезмѣрнаго довѣрія къ древней философіи: Платонъ учитъ, что планеты—божества, Аристотель признаетъ міръ вѣчнымъ. Древніе языки въ большомъ почетѣ: латинскій рекомендуется и не клирикамъ. Элинандъ увѣщеваетъ монарховъ не пренебрегать знаніемъ латинскаго языка, помня, что „невѣжественный король не что иное, какъ коронованный оселъ“. Конечно, и здѣсь должна быть осторожность и умѣренность. „Мы бе-

ремъ серебряныя вазы египтянъ, когда ищемъ въ книгахъ язычниковъ искусства рѣчи. Хорошо изучать грамматику, но не слѣдуетъ презирать монаховъ, которые не особенно культивируютъ этотъ родъ знаній. Несмотря на пользу знанія хорошаго языка, которое мы почерпаемъ въ твореніяхъ поэтовъ, слѣдуетъ изучать преимущественно такія произведенія, въ которыхъ содержатся нравственные уроки—Катона, Теодульфа, Авіана, Пруденція, Проспера, Седулія, а всего болѣе Библію въ стихахъ. Не довольно ли книгъ этого рода; зачѣмъ обращаться къ историкамъ, къ поэтамъ, которые насъ увлекаютъ къ тщеславію и развращаютъ? Исидоръ увѣряетъ, что демонамъ приносится жертва не только тогда, когда воскуряютъ передъ ихъ идолами фиміамъ, но и когда со страстью собираютъ языческія басни и сказки. Это слово однако приложимо лишь къ людямъ, которые увлекаются такимъ изученіемъ ради удовольствія и любопытства. Опытные же люди могутъ извлечь изъ свѣтской поэзіи хорошія мысли, какъ изъ грязи извлекаютъ золото... Самъ св. Августинъ заимствовалъ доказательства истины нашей вѣры изъ сивиллиныхъ книгъ. Но человѣческая жизнь слишкомъ коротка и для того, кто захочетъ ограничиться знаніями, которыя можно пріобрѣсти безъ опасности для спасенія души". А вотъ еще разсказъ, напоминающій видѣніе св. Іеронима. „Одинъ парижскій профессоръ, по имени Селла, имѣлъ разъ видѣніе: глазамъ его представился его ученикъ, недавно умершій. Онъ былъ одѣтъ въ плащъ изъ пергамента, весь испещренный мелкими писаніями. „Каждая буква на моемъ плащѣ", сказалъ умершій „болѣе тяжела для меня, чѣмъ колокольня той церкви" и онъ указалъ при этомъ на колокольню С. Жерменъ де-Пре (дѣйствіе происходило въ этомъ аббатствѣ). „Эти письмена", прибавилъ ученикъ, „суть софизмы и пустыя разсужденія, которымъ ты меня училъ. Капля пота, которымъ я обливаюсь, даетъ тебѣ почувствовать, какой жаръ мучаетъ меня подъ этимъ платьемъ". Наставникъ протянулъ руку; на ладонь его упала капля и онъ почувствовалъ жгучую боль, какъ будто его ранила острая стрѣла. Въ ужасѣ онъ тотчасъ бросилъ свою каѳедру и вступилъ въ клюнійскій орденъ".

Таковы наиболѣе типичныя картины французскаго средневѣковаго общества, которыя намъ даетъ проповѣдническая литература; таковы и главные уроки, которые она даетъ этому обществу. Извлечемъ ли мы изъ нихъ экклезіастовское „ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ" и согласимся съ Лекуа де-ла-Маршемъ, что въ основѣ „это тѣ же интересы, тѣ же страсти, тѣ же конфликты, которые наполняютъ всѣ страницы великой книги исторіи, и въ какой-бы моментъ мы ее ни изучали, сердце человѣческое найдетъ себя въ нихъ такимъ, какимъ оно было, каково оно есть, какимъ останется?" Или, не мудрствуя лукаво, мы будемъ просто любоваться тѣмъ средневѣковымъ cachet, который лежитъ на столь многихъ изъ этихъ разсказовъ, какъ мы любуемся неиспорченными формами какой-нибудь старинной парижской церкви или наивнымъ миніатюромъ? Наведетъ ли чтеніе насъ на мысль о великой учительской роли католической церкви, или на размышленія о ея безсиліи въ борьбѣ съ духомъ времени? Несомнѣнно одно: мы искренне поблагодаримъ Лекуа де-ла-Марша за его столь производительно потраченный трудъ.

С. Котляревскій.

Евреи въ изображеніи современныхъ французскихъ беллетристовъ.

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ братья Гонкуры выпустили въ свѣтъ весьма интересный романъ, сюжетъ котораго, взятый изъ жизни парижскихъ художниковъ, впослѣдствіи съ такимъ талантомъ возсозданъ былъ Эмилемъ Золя въ „L'oeuvre". Значительно раньше Золя, хотя и не такъ ярко и картинно, Гонкуры уже обрисовали взаимныя отношенія живописцевъ, столкновенія различныхъ школъ, поиски захватывающихъ сюжетовъ, борьбу ремесленнаго взгляда на искусство съ болѣе возвышеннымъ, нравы ателье и художественныхъ выставокъ, тяжелую нужду—и неожиданный, баснословный успѣхъ... Даже теперь, когда слишкомъ три десятилѣтія отдѣляютъ насъ отъ появленія этого романа, онъ читается съ большимъ интересомъ и производитъ впечатлѣніе. Я говорю о „Manette Salomon".

Но изображеніе міра художниковъ не составляетъ еще всего содержанія этого романа. Братья Гонкуры, видимо, хотѣли затронуть въ „Manette Salomon" еврейскій вопросъ, отмѣтить яркій контрастъ между христіанами и семитическою расою, показать, какое вредное вліяніе можетъ имѣть на француза сближеніе съ еврейскимъ міромъ... Одинъ изъ главныхъ героевъ, художникъ Коріолисъ, влюбляется въ красивую натурщицу—еврейку, Манетту Саломонъ, сходится съ нею, убѣждаетъ ее переѣхать къ нему на квартиру,—и съ этой поры мало по малу подчиняется ея вліянію. Манетта ловкая и практичная женщина, быстро забираетъ его въ свои руки, съ теченіемъ времени достигаетъ того, что онъ женится на ней, принуждаетъ его писать картины изъ за денегъ, безъ всякаго вдохновенія, ссоритъ его со старыми пріятелями, наводняетъ домъ своими родными и превращаетъ идеалиста-мечтателя въ заурядняго ремесленника.

Потрясающая судьба бѣднаго Коріолиса, подпавшаго вліянію невѣжественной и алчной, хотя и ослѣпительно-красивой женщины, описана Гонкурами съ большимъ талантомъ и производитъ удручающее впечатлѣніе. Но авторы хотѣли, во что бы то ни стало, провести въ романѣ антисемитическія идеи, показать, что иначе и быть не могло, такъ какъ Манетта, какъ представительница еврейскаго племени, способна была оказать только самое гибельное воздѣйствіе на внутренній міръ и идеалистическія мечтанія Коріолиса... Вслѣдствіе этого, они въ особенности настаиваютъ на семитическомъ происхожденіи героини, считаютъ всѣ ея отрицательныя свойства, жадность до денегъ, властолюбіе, узость взглядовъ, продуктомъ расы, а положительныя... но таковыхъ у нея не оказывается!.. Во многихъ случаяхъ, упоминая о родныхъ или знако-

*) Romans de Edmond et Jules de Goncourt: „Manette Salomon"; nouvelle édition, Paris, Fasquelle, 1897.—Дѣствіе происходитъ въ 40-хъ годахъ.

мыхъ Манетты, Гонкуры изображаютъ ихъ крайне несимпатичными, ограниченными-вульгарными, нахальными. Къ еврейской религіи и обрядамъ они также относятся съ видимымъ предубѣжденіемъ. Характеризуя взаимныя отношенія Манетты и Коріолиса и ея стремленія стѣснить его свободу, они доводятъ до того, что утверждаютъ, будто она ввела у нихъ въ домѣ еврейскій способъ приготовленія кушаній, празднованіе субботы,—чуть ли не еврейское богослуженіе. На каждомъ шагу вы слышите, что Манетта, „какъ еврейка", не могла, конечно, понять того или другого... Какъ будто такіе mesalliance'ы, не изображались уже десятки разъ въ литературѣ (еще такъ недавно въ „Philister über dir" Омптеда) и не производили столь же тяжелаго впечатлѣнія, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о двухъ лицахъ *одинаковой національности*, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ!..

Это предвзятое отношеніе къ евреямъ, желаніе находить у нихъ, прежде всего, отталкивающія стороны и видѣть въ нихъ какую то особенную породу людей, сказывается, къ сожалѣнію, и теперь, черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ „Manette Salomon", въ произведеніяхъ многихъ французскихъ авторовъ... Когда вы читаете, напримѣръ, то, что пишетъ объ евреяхъ Леонъ Додэ, вы не можете не провести параллели между его пристрастными, дышащими нетерпимостью сужденіями—и отдѣльными страницами антисемитическаго романа, когда то вышедшаго изъ подъ пера братьевъ Гонкуровъ... На ряду съ этимъ, во французской беллетристикѣ въ наши дни все чаще и чаще попадаются, однако, примѣры вполнѣ сочувственнаго или, по крайней мѣрѣ, объективнаго отношенія къ еврейскому племени. Бросить взглядъ на длинный рядъ произведеній современныхъ французскихъ писателей, гдѣ евреи выведены или въ симпатичномъ, или, наоборотъ, въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, показать, какіе классы еврейскаго населенія Франціи въ особенности привлекали до сихъ поръ вниманіе литературныхъ дѣятелей различныхъ оттѣнковъ, пусть будетъ цѣлью этого очерка. Я отнюдь не утверждаю, чтобы мною были отмѣчены безусловно всѣ французскіе романы, въ которыхъ фигурируютъ евреи,—что было бы очень трудно сдѣлать, и вполнѣ допускаю, что можетъ еще найтись не мало литературныхъ произведеній, имѣющихъ то или другое отношеніе къ злополучному еврейскому вопросу. Но, думается, даже тѣхъ примѣровъ, которые будутъ указаны ниже, достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о степени объективности отдѣльныхъ беллетристовъ по отношенію къ евреямъ и познакомиться съ тѣми представителями еврейскаго финансоваго міра и интеллигенціи, которые выступаютъ въ произведеніяхъ Золя, Бурже, Анатоля Франса, Клемансо, Жоржа Онэ, Леона Додэ, Вандерема и другихъ писателей.

I.

Какіе же представители еврейскаго народа всего чаще фигурируютъ въ произведеніяхъ современныхъ французскихъ романистовъ? Нельзя не отмѣтить, прежде всего, того факта, что евреи, принадлежащіе къ старому поколѣнію, еще не затронутые космополитическимъ духомъ, играютъ незначительную роль въ большинствѣ французскихъ романовъ нашего времени. Это, по большей части,—родители или предки отдѣльныхъ героевъ, иногда даже не выступающіе лично, такъ что мы узнаемъ о нихъ только съ чужихъ словъ. Таковъ,—въ романѣ „Les morts qui parlent" Вогюэ,—дѣдъ главнаго героя, депутата—соціалиста Байонна, Родригъ, много испытавшій на своемъ вѣку, бывшій одно время маркитантомъ, посѣтившій Россію, между прочимъ,—Одессу, основавшій въ Парижѣ скромную, незамѣтную торговлю удобреніемъ, впослѣдствіи разросшуюся въ крупное предпріятіе. Родригъ—человѣкъ стараго закала, врагъ всякихъ новшествъ, оставшійся до самой смерти евреемъ съ головы до ногъ, нарочно давшій

своему маленькому торговому дѣлу названіе „An fumier de Job“, чтобы поставить его подъ покровительство библейскаго патріарха *). Въ „Samuel Brohl et Cie“ Шербюлье мимоходомъ упоминается объ отцѣ Броля, содержателѣ корчмы въ захолустномъ, грязномъ городкѣ Галиціи, прожившемъ всю жизнь при невозможныхъ условіяхъ, подъ вѣчнымъ страхомъ оскорбленій и издѣвательства со стороны мѣстнаго населенія и, конечно, привыкшемъ, вслѣдствіе этого, унижаться и кривить душою.

Дядя барона Монаха, парижанина и свѣтскаго человѣка,—въ романѣ „Les Monach“ Бонньера,—тоже содержатель корчмы, но только въ окрестностяхъ Кракова, Симонъ Итцигъ, среди невзгодъ и дрязгъ жизни свято хранитъ завѣты предковъ, произноситъ каждую пятницу вечеромъ установленныя молитвы, и охотно разсказываетъ своей внучкѣ, Ліи, которой суждено впослѣдствіи порвать со стариною и получить французское воспитаніе, о славныхъ мужахъ, въ разное время выставленныхъ еврейскимъ народомъ... Онъ вспоминаетъ и о ихъ предкѣ, Захаріи Итцигѣ, который, желая кончить дни свои въ Іерусалимѣ, предпринялъ, уже глубокимъ старикомъ, путешествіе въ Палестину, прошелъ пѣшкомъ черезъ южную Россію, обогнулъ Азовское и Черное моря и черезъ Арменію направился въ сторону священнаго города, гдѣ какой то польскій магнатъ, знавшій его еще въ Галиціи, неожиданно нашелъ его плачущимъ и молящимся у стѣны Соломонова храма...

Объ отцѣ богатаго финансиста, барона Опперта, фигурирующаго въ „Les plus forts“ Клемансо, мы узнаемъ, что онъ прожилъ свою жизнь въ душномъ и грязномъ амстердамскомъ гетто и умеръ въ бѣдности, даже прямо въ нищетѣ, тогда какъ его сыновья, какъ говорится, „вышли въ люди“, разбогатѣли, пріобрѣли за деньги баронскіе и графскіе титулы, при чемъ одинъ изъ двухъ братьевъ купилъ кстати въ Португаліи графскій титулъ для несчастнаго старика, никогда даже не узнавшаго объ этомъ,—съ единственною цѣлью—имѣть въ глазахъ общества титулованнаго отца!.. **) Къ тому же старому, типично—еврейскому поколѣнію принадлежитъ, до извѣстной степени, отецъ доктора—идеалиста, Рене Леви, въ романѣ „Sale Juif“ Долливэ ***). Человѣкъ очень гуманный и отзывчивый, онъ, однако, стоитъ на строго—національной и религіозной почвѣ, противится желанію Рене жениться на христіанкѣ, имѣя въ виду рознь между двумя міросозерцаніями и культурами, которая, по его мнѣнію, непремѣнно должна сказаться при подобномъ смѣшанномъ бракѣ, и хочетъ, чтобы его сынъ не порывалъ связей съ своимъ народомъ и его традиціями.

Но, несмотря на то, что подобныя лица, сторонники всего традиціоннаго, играютъ все же извѣстную роль во французскихъ романахъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ отношеніи пока сдѣлано все же слишкомъ мало... Очень странно, напримѣръ, что мы не встрѣчаемъ въ произведеніяхъ французскихъ писателей правдиво очерченныхъ, яркихъ фигуръ представителей еврейскаго духовенства, всего болѣе являющагося, конечно, носителемъ старыхъ традицій. Ребъ Соломонъ въ „Les Monach“, имѣющій право исполнять обязанности раввина, но не пользующійся своимъ дипломомъ, и вмѣсто того торгующій виномъ, открывшій булочную, подъ названіемъ „Boulangerie Israélite“, гдѣ продаются „pains azymes“, и принимающій участіе въ еврейскомъ книжномъ магазинѣ на Rue Rambuteau,—отнюдь не характерная, притомъ чисто эпизодическая личность. Канторъ Дейцъ, въ томъ же романѣ, въ свою очередь также не можетъ дать понятія о людяхъ своего класса, такъ какъ онъ, въ значительной степени, является скептикомъ и libre penseur'омъ, находитъ многое въ еврейскомъ богослуженіи и обрядахъ уже устарѣвшимъ, потерявшимъ смыслъ, и за спиною искренно

*) E.-M. De Vogüé, de l'Académie Française, „Les morts qui parlent“; Paris, Plon, 1900; стр. 24.

**) Georges Clémenceau, „Les plus forts“, roman contemporain; Paris, Fasquelle, 1898; стр. 169.

***) Русскій переводъ этого романа (г-жи О. Чюминой) появился въ журналѣ „Восходъ“ за 1898 годъ, № VI—XII.

вѣрующихъ довольно развязно отзывается о многомъ изъ того, что они привыкли уважать и чтить. Отмѣчу здѣсь, мимоходомъ, въ видѣ курьеза, что, если еврейскій раввинъ не привлекъ до сихъ поръ вниманія французскихъ беллетристовъ, то въ романѣ „Les plus forts" Клемансо мы неожиданно находимъ оригинальную фигуру *еврея-аббата*. Abbé Nathaniel, двоюродный братъ барона Опперта, уроженецъ Галиціи, соединяетъ практическое чутье и дѣловой духъ съ преданностью католицизму и папскому престолу, принимаетъ широкое участіе въ дѣлахъ благотворительности, прекрасно знакомъ съ дамами—патронессами, и, какъ истый дипломатъ, сближается съ представителями финансоваго міра, не отваживаясь критиковать какіе либо ихъ поступки...

Удѣляя, сравнительно, мало вниманія евреямъ стараго закала, сохранившимъ гораздо болѣе типичныхъ чертъ, французскіе беллетристы всего чаще выводятъ представителей финансоваго міра, биржевиковъ, банкировъ, коммерсантовъ, разнаго рода аферистовъ. Между тѣмъ, именно эти субъекты, наименѣе типичны и оригинальны, у нихъ можно найти массу космополитическихъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ финансистамъ и крупнымъ собственникамъ, *къ какой-бы національности они ни принадлежали*, и отнюдь не связанныхъ исключительно съ еврействомъ. На изображеніе всѣхъ этихъ „бароновъ" и „графовъ" *), старающихся сойти за чистокровныхъ парижанъ и, путемъ брачныхъ союзовъ, сблизиться съ родовитою знатью, довольно непроизводительно потрачено было много времени и труда,—тогда какъ другіе слои еврейскаго населенія Франціи оставались, болѣе или менѣе, въ тѣни... Изображая представителей еврейской денежной аристократіи, далеко не всѣ беллетристы сумѣли проявить полную объективность, которая, казалось бы, должна быть обязательна во всѣхъ случаяхъ,—даже тогда, когда рѣчь идетъ о менѣе симпатичныхъ классахъ извѣстнаго народа... У нѣкоторыхъ изъ нихъ характеристика еврейскихъ биржевиковъ получила потѣшный, балаганный характеръ или превратилась во что-то среднее между пасквилемъ и каррикатурою. Нужно было обладать талантомъ и объективностью Золя, Клемансо, даже Онэ, чтобы изобразить всѣхъ этихъ людей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, безъ совершенно излишняго гаерства или шовинисткихъ тирадъ...

Въ интересахъ полноты нашего обзора, нельзя не коснуться, прежде всего, тѣхъ многочисленныхъ антисемитическихъ памфлетовъ, облеченныхъ въ форму небольшихъ сценокъ изъ жизни биржевыхъ королей и бароновъ, которые въ такомъ большомъ количествѣ выходили и выходятъ изъ подъ пера г-жи Жипъ, поставившей себѣ цѣлью всюду отыскивать евреевъ и еврейскія козни. Общій характеръ обличеній и сатирическихъ нападокъ, которыя мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ томахъ этой обширной littérature dialoguée, посвященныхъ, преимущественно или исключительно, евреямъ—достаточно извѣстенъ. Передъ нами грубо—тенденціозныя, полныя утрировки и шаржа произведенія, которыя не могутъ дать сколько нибудь точнаго понятія объ истинномъ положеніи вещей. Антисемитизмъ превращается у Жипъ въ какую то манію, во что то въ родѣ тихаго помѣшательства; она испытываетъ почти физическую гадливость, когда говоритъ о евреяхъ, и заранѣе готова приписать имъ самые низкіе, пошлые или глупые поступки. Всѣ евреи изъ болѣе зажиточныхъ круговъ оказываются у нея не только хищниками и эксплоататорами, какъ у обыкновенныхъ юдофобовъ, но также непремѣнно уродами, хвастунами, безтактными, высокомѣрными или развратными людьми... Она до такой степени впадаетъ въ карикатуру, что рискуетъ не угодить своими крайностями и дикими выходками даже своимъ единомышленникамъ—антисемитамъ, безсоз-

*) По поводу насмѣшекъ отдѣльныхъ писателей надъ пріобрѣтеніемъ евреями аристократическихъ титуловъ за деньги, нельзя не замѣтить, что чистокровная французская буржуазія также отнюдь не свободна отъ этой слабости. Въ послѣдней пьесѣ Абеля Эрмана, „Le faubourg" выступаетъ посудный фабрикантъ, получившій отъ папскаго престола графскій титулъ—за поднесеніе роскошнаго сервиза.

нательно содѣйствуя полному дискредитированію тѣхъ воззрѣній, которыя они считаютъ справедливыми, въ глазахъ серьезныхъ безпристрастныхъ людей. Къ одной изъ книгъ Жипъ, „Les gens chics", приложены возмутительныя по своей тенденціозности, чисто лубочныя, пестро размалеванныя картинки, изображающія евреевъ и евреекъ, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ въ юмористическихъ изданіяхъ,—да и то не перваго разбора!.. Эти картинки имѣютъ, до извѣстной степени, символическое значеніе, онѣ какъ нельзя болѣе передаютъ общій характеръ нападокъ и претендующихъ на остроуміе оцѣнокъ Жипъ, уровень которыхъ очень и очень не высокъ!.. Желая, вѣроятно, еще больше насмѣшить своего читателя, она придумываетъ для нѣкоторыхъ своихъ героевъ уродливо звучащія фамиліи,—Schlemmerei, Judaskuss, Uebel de St. Sabbas, Auswurf, Wildeswein и т. п. При всемъ томъ, Жипъ отнюдь не считаетъ свои произведенія только потѣшными и, въ общемъ, легковѣсными литературными упражненіями. Она пресерьезно думаетъ, что исполняетъ извѣстную миссію, и еще недавно, когда къ ней явился какой-то журналистъ, съ тѣмъ чтобъ ее „интервьюировать", съ гордостью заявила ему, что считаетъ себя, прежде всего, антисемиткою и видитъ въ этомъ свое право на благодарность французскаго общества...

Я не стану злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, слишкомъ долго останавливаясь на многочисленныхъ сборникахъ, ежегодно выпускаемыхъ г-жею Жипъ, которая явно начинаетъ уже повторяться. Чтобы дать понятіе объ ея взглядахъ и приговорахъ, достаточно будетъ коснуться двухъ ея книгъ, вполнѣ характерныхъ въ этомъ случаѣ: „Les gens chics" и „Israël". Въ первой изъ этихъ книгъ выразителемъ ея мыслей является одинъ изъ героевъ, который названъ просто: „Le grincheux", Это отчаянный антисемитъ, съ пѣной у рта говорящій объ евреяхъ, обрушивающійся на нихъ за то, что они „захватили деньги, всѣ наши деньги и вообще всюду являются господами" *). Всѣ евреи кажутся ему, прежде всего, уже по внѣшнему виду, уродами, какими то страшилищами; онъ не можетъ смотрѣть на нихъ безъ отвращенія; „qui est cet homme horrible",—вотъ какіе вопросы задаетъ онъ своему собесѣднику каждый разъ, какъ имо проходитъ какой-нибудь еврей... Самое некрасивое французское лицо кажется му симпатичнѣе самого красиваго еврейскаго. Онъ искренно жалѣетъ о томъ, что гетто болѣе не существуетъ, что нельзя загнать туда la sale juiverie и крѣпко запереть ворота... Мѣстами онъ, положительно, обнаруживаетъ какія то звѣрскія, каннибальскія чувства; по поводу одной еврейской супружеской четы онъ заявляетъ, напримѣръ: „moi je les mettrais tous les deux dans un mortier et je pilerais au petit bonheur *)". Онъ хочетъ увѣрить насъ въ томъ, что въ Булонскомъ лѣсу изъ beau monde теперь катаются только одни еврейскіе бароны и графы. Онъ съ грустью вспоминаетъ о добромъ старомъ времени, скорбитъ объ упадкѣ дворянства, хочетъ изобразить изъ себя защитника благородныхъ рыцарскихъ традицій,—и въ то же время, пріѣхавъ въ купленный богатымъ еврейскимъ банкиромъ дворянскій замокъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими гостями занимался вечеромъ тѣмъ, что подсматривалъ черезъ щель, какъ дамы—еврейки ложаться спать,—дѣлая довольно циническія замѣчанія... Подобные поступки плохо вяжутся съ рыцарскимъ благородствомъ и строгими принципами, которые хочетъ на словахъ отстаивать этотъ юдофобъ—маніакъ...

Разъ главныя сужденія автора объ евреяхъ высказываются въ „Les gens chics" отъ имени такого субъекта, вы можете себѣ представить, какъ обрисованы отдѣльные герои, которыхъ хочетъ осмѣять или обличить его устами неукротимая антисемитка... Это—рядъ карикатуръ, не больше! Графъ Габріель Клеберигъ, прежде называвшіся Jacob и теперь измѣнившій свое имя, чтобы больше походить на настоящаго француза, говоритъ съ акцентомъ, но считаетъ себя неотразимымъ, одѣвается по послѣдней модѣ

*) „Les gens chics", стр. 25; „Un beau mariage".

и хочетъ, во что бы то ни стало, затѣять интригу съ красивою молодою дамою изъ аристократическаго круга, m—me de Rebondy. „Elle est cholie, cette betide Reponty... Bourquoi bas? qu'est-ce qui embêcherait?“ и пр. и пр. Баронъ Мюнцеръ авторитетно разсуждаетъ въ одномъ салонѣ о литературѣ и между прочимъ разноситъ „Nemrod'et C-ie“ Онэ, потому что въ этомъ романѣ еврей выведенъ слишкомъ глупымъ,—„apsolument sdubite“ *). Баронъ Жасси на скачкахъ подговариваетъ одного изъ жокеевъ незамѣтно удержать за извѣстную плату свою лошадь, чтобы дать выиграть другой, на которую онъ ставитъ свои деньги. Баронъ Zabulon и графъ Jeroboham считаютъ себя настоящими спортсменами и стараются гарцовать на своихъ коняхъ въ Булонскомъ лѣсу,—хотя совершенно не умѣютъ ѣздить верхомъ. Дѣдъ баронессы Uebel de St. Sabbas, глубокій старикъ, настоящая развалина, все еще не охладѣлъ къ разнаго рода любовнымъ похожденіямъ, думаетъ имѣть успѣхъ благодаря своимъ деньгамъ.—Все это очень мало интересно, и совсѣмъ не типично!

Въ „Israël“ также фигурируетъ длинный рядъ евреевъ изъ того же космополитическаго финансоваго міра. Таковъ графъ Mac-Chabée de Clairvaux, шестидесятилѣтній старикъ, конечно, какъ и слѣдовало ожидать—уродливый и отвратительный, съ „баснословнымъ носомъ“ и „плоскими, длинными и безкровными ушами“. Онъ передѣлалъ свое имя Macchabée (Маккавей) въ Mac-Chabée и выдаетъ себя за натурализовавшагося во Франціи шотландца. Графъ Cayenne de Rio выведенъ необыкновенно глупымъ, безтактнымъ и неумѣлымъ человѣкомъ (гдѣ же осталась еврейская изворотливость и ловкость, о которой столько говорятъ антисемиты?..). Онъ преспокойно проситъ сына одного депутата, котораго видитъ *въ первый разъ въ жизни*, повліять на отца въ томъ смыслѣ, чтобы онъ оказалъ въ палатѣ содѣйствіе одной его крупной спекуляціи, и обѣщаетъ хорошенько „отблагодарить“ его за это,—рискуя получить отъ молодого человѣка пощечину **).Въ присутствіи стараго генерала de Belpogne,необыкновенно дорожащаго „честью арміи“, онъ распространяется о дѣлѣ Дрейфуса, причемъ, забывая всякую осторожность, утверждаетъ, что, если бы военному совѣту была предложена взятка, онъ постановилъ бы другое рѣшеніе ***). Въ другомъ случаѣ, когда въ клубѣ заходитъ рѣчь о войнѣ съ Мадагаскаромъ, онъ неожиданно высказывается за войну, произноситъ патріотическія тирады, и тутъ же пренаивно раскрываетъ свои карты, сообщая своимъ собесѣдникамъ, что отъ успѣшнаго окончанія военныхъ дѣйствій онъ ожидаетъ очень важныхъ результатовъ для своихъ коммерческихъ предпріятій въ Африкѣ... Когда молодой Лобардемонъ обращается къ нему съ вопросомъ, какая лошадь можетъ, по его мнѣнію, выиграть на предстоящихъ скачкахъ, онъ нарочно даетъ ему совершенно невѣрныя указанія. Послѣдняя сцена, которую мы находимъ въ „Israël“, озаглавлена Charité, и распадается на двѣ части; въ первой бароны де Кайеннъ, Іудаскусъ, Вильдесвейнъ, Макъ-Кабэ и другіе обсуждаютъ тѣ способы, съ помощью которыхъ они могутъ, благодаря своимъ заграничнымъ связямъ, искусственно поднять цѣну на привозный хлѣбъ; во второй они рѣшаютъ, въ виду начинающагося вслѣдствіе ихъ махинацій голода, сдѣлать великодушное пожертвованіе въ пользу нуждающихся, въ надеждѣ, что ихъ благотворительность будетъ всѣми оцѣнена, а про ихъ закулисныя плутни никто не узнаетъ... Это одна изъ немногихъ сценъ, гдѣ Жипъ дѣлаетъ попытку перейти въ своихъ нападкахъ на *экономическую* почву; въ другихъ случаяхъ мы находимъ у нея только чисто *стихійную*, расовую ненависть къ евреямъ, неподкрѣпляемую даже тѣми аргументами, которые обыкновенно приводятся писателями антисемитическаго направленія.

Леонъ Додэ, несомнѣнно, превосходящій талантомъ г-жу Жипъ, становится, къ

---

*) „Les gens chics“, стр. 117; Leur littérature“.

**) Gyp, „Israël“; Paris, Flammarion, 1898; „Ceux qui restent“.

***) Тамъ же, стр. 287; „Leur tacte“.

сожалѣнію, ея сподвижникомъ, какъ только рѣчь заходитъ объ евреяхъ, въ особенности,—если они принадлежатъ къ финансовому міру. Вмѣсто вполнѣ спокойнаго, трезваго отношенія къ дѣлу, мы находимъ у него странныя, дикія проявленія какого-то безотчетнаго, почти болѣзненнаго отвращенія къ евреямъ. Подобно Жипъ, онъ обращаетъ большое вниманіе на внѣшность своихъ героевъ семитическаго происхожденія... Въ „Les Kamtchatka" баронессу Валленштейнъ, о которой рѣчь будетъ ниже, окружаетъ въ театрѣ толпа „de bipèdes noirs, à têtes de chevaux, de béliers, de renards et de tapirs" *). Немного выше упоминается объ „очень корректныхъ молодыхъ людяхъ" „à profile de faraons". Мужъ баронессы, по словамъ одного изъ второстепенныхъ героевъ романа, Сиврёза—отца, „самое хищное животное, какое только можно найти на биржѣ". Банкиръ Jacob de Hambourg въ „Sébastien Gouvès"—„un Juif robuste, à cheveux blancs",—эпизодическая личность. Мы застаемъ его въ салонѣ доктора Мерсье, гдѣ его окружаетъ цѣлая толпа знакомыхъ, точнѣе,—людей, которымъ онъ нуженъ. „Онъ смѣялся гадкимъ смѣхомъ", разсказываетъ Леонъ Додэ, „и всѣ кругомъ него вторили ему, стараясь перещеголять одинъ другого въ раболѣпіи передъ этимъ идоломъ нашихъ дней, съ гигантскимъ животомъ и грубымъ, смѣшнымъ говоромъ" **). Нѣсколько времени спустя, анархисты пытаются покончить съ Жакобомъ,—котораго они ненавидятъ, какъ одного изъ крупныхъ капиталистовъ,—взорвавъ его богатый домъ; но онъ остается невредимымъ, и взрывъ не наноситъ ему особеннаго ущерба.

Всего нѣсколькими штрихами обрисованъ въ „La romance du temps présent" того же автора богатый коммерсантъ и дѣлецъ, Натанъ Сэмъ, глава многочисленной семьи. Вотъ какъ характеризуетъ его Додэ: „человѣкъ съ лицомъ, широкимъ, какъ столъ, и багровымъ, какъ катастрофа, содержатель домовъ терпимости въ Лондонѣ и Гамбургѣ, маклеръ по продажѣ винъ въ Бордо и хлѣба въ Одессѣ, членъ совѣта президента французской республики и одинъ изъ столповъ нашей милой биржи, гдѣ онъ обогащается безъ зазрѣнія совѣсти ***). Постоянно дѣлая болѣе или менѣе крупныя пожертвованія въ пользу бѣдныхъ или пострадавшихъ отъ различныхъ катастрофъ, онъ въ то же самое время разоряетъ своихъ кліентовъ и многихъ уже пустилъ по міру. Говоря о Сэмѣ, авторъ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о его потомствѣ, которое „стоитъ его самого"; „ихъ выродившійся профиль колеблется между козломъ и козою, причемъ посредствующимъ звеномъ является крыса (!), съ различными оттѣнками дерматологіи,—selon que c'est le mâle qui suppure ou que c'est la femelle qui s'incruste (!)". Просто совѣстно становится за французскій языкъ, когда на немъ пишутся такія гадости! Никто не станетъ, конечно, защищать или идеализировать такихъ лицъ, какъ Jacob de Hambourg или Натанъ Сэмъ съ его „tribu"; но, когда романистъ послѣдовательно сравниваетъ евреевъ съ лошадьми, баранами, лисицами, тапирами, козлами, крысами и т. п., дѣлается противно и тяжело читать такія строки, дышащія озлобленіемъ и претендующія на остроуміе... Серьезный писатель, сынъ великаго отца, могъ бы не придавать такого „зоологическаго" колорита своимъ характеристикамъ!..

Уже значительно объективнѣе и безпристрастнѣе обрисованъ баронъ Монахъ въ романѣ Робера де-Бенньера „Les Monach". Сынъ владѣльца мѣняльной лавки во Франкфуртѣ, женившагося въ 1826 году на дочери хозяина водочнаго завода изъ Кракова, онъ долго время жилъ во Франкфуртѣ, потомъ, послѣ 1870 года, направился въ Вѣну, занимался тамъ различными спекуляціями, очень быстро разбогатѣлъ, въ 1873 году сталъ жертвою общаго краха, захватившаго около этого времени цѣлый рядъ банкирскихъ и промышленныхъ предпріятій, но, благодаря своей настойчивости, выдержкѣ и

*) Léon Daudet, „Les Kamtchatka", moeurs contemporaines; Paris, Fasquelle, 1895; стр. 225.
**) Léon Daudet, „Sébastien Gouvès", roman contemporain; Paris, Fasquelle, 1899; стр. 78.
***) Léon Daudet, „La romance du temps présent"; Paris, Fasquelle; 1900; стр. 195.

ловкости снова выкарабкался изъ этой пропасти, куда его толкнула судьба, переѣхалъ въ Парижъ, вскорѣ пустилъ корни на биржѣ и къ 1881 году былъ уже снова богачемъ и „человѣкомъ съ положеніемъ“... Мы застаемъ его въ ту пору, когда его банкирская контора перешла въ обширное, щеголеватое помѣщеніе, а самъ онъ имѣетъ возможность устраивать у себя роскошные вечера, принимать многочисленныхъ гостей, среди которыхъ попадаются представители аристократіи, военные, дипломаты, ученые. Описывая карьеру этого человѣка, который всю свою жизнь провелъ въ мірѣ спекуляцій, привыкъ [illegible] всего ставить деньги и даже художественныя произведенія различать между собою прежде всего, по ихъ цѣнѣ, который, на ряду съ этимъ, обнаруживаетъ большое развитое честолюбіе и тщеславіе, и хочетъ, во что бы то ни стало, пробраться в[illegible] шій свѣтъ, Бонньеръ сумѣлъ, однако, воздержаться отъ дикихъ выходокъ [illegible] Жипъ или Леона Додэ, отнесся къ барону вполнѣ трезво, конечно, отнюдь [illegible] съ другой стороны, возводить его въ перлъ созданія. Только двѣ—три [illegible] показаться нѣсколько утрированными и карикатурными; вѣроятно ли, [illegible] Монахъ, при его ловкости и смышленности, вошелъ по разсѣянности [illegible] церковь, не снявъ шляпы, потому что ему представилось, видите ли, [illegible] въ синагогу?..

Изображая постепенное обогащеніе барона и его матеріалистическ[illegible] безъ всякой подрисовки, Бонньеръ отмѣчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одну [illegible] симпатичныхъ его чертъ,—почтительное отношеніе къ старухѣ- [illegible] раго закала, съ которою у него, въ сущности, нѣтъ ничего общ[illegible] лично относится весьма индифферентно къ наслѣдію прошлаго, къ [illegible] праздникамъ, постамъ и молитвамъ... Онъ хочетъ, чтобы всѣ, [illegible] о его происхожденіи, которое ему всюду становится поперекъ [illegible] новѣйшей формаціи, l'israélite moderne, l'israélite sceptique et [illegible] узнаетъ, что его дочь научилась весьма прилично читать по [illegible] руживаетъ никакой радости, считая подобныя занятія непр[illegible] мени. „Нечего сказать, полезное пріобрѣтеніе для нея“! [illegible] голосѣ. Но ради матери онъ дѣлаетъ уступки; если онъ не [illegible] довъ, предписываемыхъ закономъ Моисея, онъ все же [illegible] чествованіе различныхъ праздниковъ, самъ произноситъ въ [illegible] ныя молитвы, какъ глава семьи, мирится съ необходимостью [illegible] только ту пищу, которая разрѣшается правовѣрнымъ еврее[illegible] что въ присутствіи матери онъ никогда не обнаруживаетъ [illegible] нія къ еврейской національности и всему, что съ нею [illegible] подчасъ безжалостный дѣлецъ, такимъ образомъ, способен [illegible] деликатность и уступчивость,—свойства, въ которыхъ [illegible] верхностный наблюдатель.

Другой могущественный биржевикъ,—португальский [illegible] et C-ie“ Жоржа Опэ,—также обнаруживаетъ, какъ [illegible] теплоты, мягкости, довѣрчивости... Онъ боготворитъ [illegible] что можетъ, чтобы она была счастлива, становится [illegible] когда видитъ ее, забываетъ для нея на время свои [illegible] ную борьбу съ противниками. Онъ хочетъ выдать [illegible] любящаго ее человѣка, независимо отъ его матеріа[illegible] очень счастливымъ, когда, въ лицѣ графа Брукке[illegible] найти жениха, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ [illegible]

Прекрасный знатокъ биржевыхъ дѣлъ, Сел[illegible]

*) Robert de Bonnières, „Les Monach“, стр. 55.

[illegible]ве
[illegible]акъ
[illegible] Гун-
[illegible] даже
[illegible]ствуетъ
[illegible]кладками,
[illegible]ями ажіо-
[illegible]едленно, но
[illegible] года

легковѣрнымъ, недальновиднымъ, почти наивнымъ, въ своей личной жизни. Бруккенъ о которомъ рѣчь будетъ ниже, совершенно не заслуживаетъ, напримѣръ, его вниманія и можетъ сдѣлать Эстеръ глубоко несчастною, — а онъ его идеализируетъ и превозноситъ до небесъ!.. Красавица Мануэла дель Пераль, уроженка Португаліи, въ которую до безумія влюбляется Селимъ, въ дѣйствительности, только ловкая авантюристка, стремящаяся забрать его, со всѣми его капиталами, въ свои руки и сверхъ того выдать Эстеръ за своего возлюбленнаго и союзника Бруккена,—вскорѣ начинаетъ измѣнять довѣрчивому человѣку. Селимъ ничего этого не понимаетъ и не чувствуетъ. „Онъ твердо вѣрилъ въ ея добродѣтель", замѣчаетъ Онэ, „онъ охотно отдалъ бы ей ключъ отъ своей кассы". „Моя дочь, Мануэла и Губертъ (Бруккенъ),—вотъ все, что существуетъ для меня на свѣтѣ", говоритъ самъ Нуньо. „Пусть огонь сойдетъ съ неба и поглотитъ все остальное человѣчество,—если мнѣ удастся спасти эти три существа, жизнь будетъ еще прекрасна для меня *). Даже послѣ того, какъ онъ убѣждается въ томъ, что Мануэла обманываетъ его и насмѣхается надъ нимъ, онъ все же до такой степени ослѣпленъ своею страстью, что не имѣетъ мужества окончательно порвать съ нею и, послѣ мимолетной вспышки гнѣва и ярости, первый проситъ ее забыть все, что между ними произошло!

Его горячая любовь къ дочери также остается неизмѣнною до самаго конца. Она доходитъ до того, что Селимъ, убѣжденный противникъ всѣхъ браковъ съ иновѣрцами, самъ является, забывая свою гордость, къ маркизу де Понъ-Круа, котораго она любитъ,—чтобы открыть ему, какъ сильно и глубоко чувство молодой дѣвушки, такъ какъ онъ видитъ, что она чахнетъ и угасаетъ, не имѣя возможности стать женою любимаго человѣка... Мы не узнаемъ того Селима Нуньо, который на биржѣ часто бывалъ прямо безжалостенъ и разорилъ не мало людей, который въ одномъ случаѣ произноситъ эту характерную фразу: „все на свѣтѣ продается; вопросъ только въ цѣнѣ!" Отличая и свѣтлыя, и темныя стороны его натуры, Онэ, несомнѣнно, обнаружилъ значительную долю объективности и безпристрастія.

Баронъ Самуилъ Оппертъ, играющій довольно большую роль въ „Les plus forts" Клемансо, очень искусно и объективно охарактеризованъ авторомъ. Это вовсе не извергъ, не разбойникъ, не какое-то чудовище, это просто—одинъ изъ сильныхъ міра, владѣющихъ крупными капиталами, желающихъ все держать въ своихъ рукахъ и считающихъ исключительное господство богатыхъ людей чѣмъ то не только вполнѣ законнымъ, первостепенно важнымъ для общества и народа,—но чуть ли не священнымъ! Подобныхъ капиталистовъ не мало найдется въ каждой націи, и Клемансо отнюдь не объясняетъ, конечно, горделивыхъ разглагольствованій Опперта вліяніемъ расы. Чистокровный французъ, крупный фабрикантъ, Доминикъ Арлэ является въ томъ же романѣ единомышленникомъ и почитателемъ барона, раздѣляетъ всѣ его взгляды. Если „Les plus forts" можно назвать чисто тенденціознымъ произведеніемъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что основная тенденція этой книги заключается въ отстаиваніи правъ менѣе обезпеченныхъ классовъ, а также интеллигентнаго меньшинства, противъ посягательства опирающихся на свое богатство людей,—къ какой бы національности они ни принадлежали.

Нечего и говорить, что Оппертъ смотритъ на всѣхъ людей, не входящихъ въ составъ его общественнаго класса, нѣсколько свысока. Толпа—это стадо, которымъ должны искусно управлять „les plus forts", искусно угадывая его слабости, дѣлая ему уступки въ мелочахъ, поощряя его низменные инстинкты и незамѣтно подчиняя его своей власти. „Человѣку доставляютъ удовольствіе перемѣны, и въ то же время для него полезно держаться старины, говоритъ Оппертъ. „Есть только одинъ способъ

*) Georges Ohnet, „Les batailles de la vie: Nemrod et C-i"; Paris, Paul Ollendorff, 1898 стр. 83.

устранить это противорѣчіе, вѣчную причину народныхъ волненій,—очень старый, но всегда вѣрный способъ: придумать для старинныхъ учрежденій новыя названія. Толпа ничего больше не требуетъ! *). По мнѣнію Опперта, весь политическій міръ, всѣ общественные дѣятели, мыслители и художники должны, въ той или другой степени, подчиняться вліянію les plus forts. Вотъ нѣсколько его мыслей: „Свобода, въ которой мы всѣ нуждаемся, это—свобода благоразумныхъ умовъ, которые служатъ интересамъ сильныхъ міра и выводятъ изъ нашихъ поступковъ надлежащую философію. Подобная свобода, которая удовлетворяетъ многихъ, увѣряю васъ, не подвергается никакой опасности въ нашихъ рукахъ **)... „Людямъ хочется вѣрить, что они идутъ туда, куда въ дѣйствительности они вовсе не идутъ, и для того, чтобы они повиновались намъ, нуженъ извѣстный сентиментальный импульсъ, который имъ должны доставлять ораторы, писатели, художники. Это то, что довольно глупо называется *идеями, которыя руководятъ міромъ*. Наше искусство заключается въ умѣніи дѣлать выборъ между этими фантазіями, располагать ихъ сообразно съ воззрѣніями, благопріятствующими нашимъ цѣлямъ". „Всѣхъ тѣхъ, кто создаетъ, пускаетъ въ обращеніе и дѣлаетъ живучими тѣ спасительные предразсудки, на которыхъ основывается, въ общихъ интересахъ, могущество меньшинства, слѣдуетъ щедро награждать, обѣщая и доставляя имъ многое, потому что, если мы хотимъ, чтобы они намъ служили, мы также должны оказывать имъ услуги ***).

Такъ говоритъ сынъ бѣднаго амстердамскаго еврея, умершаго въ нищетѣ,—который сталъ вліятельнымъ лицомъ, благодаря своимъ спекуляціямъ, и теперь *снисходитъ* къ людямъ мысли и культуры, желая сдѣлать ихъ тѣмъ своими агентами. Къ чести его нужно, однако, отмѣтить тотъ фактъ, что онъ отнюдь не стыдится своего происхожденія, несмотря на свой переходъ въ католицизмъ,—напротивъ, даже любитъ говорить о своей принадлежности къ еврейскому племени. Человѣкъ безспорно даровитый, при всѣхъ своихъ несимпатичныхъ сторонахъ, онъ разъ въ очень красивой и образной формѣ излагаетъ свои мысли о любви. „Браво, баронъ, я не знала, что вы можете выражаться такъ поэтично", восклицаетъ г-жа де Фурманъ. „Племя Давида, madame,—племя поэтовъ, что не мѣшаетъ ему подчасъ быть очень практичнымъ", отвѣчалъ находчивый Оппертъ.

Говоря о различныхъ представителяхъ финансоваго міра еврейскаго происхожденія, нельзя, конечно, не вспомнить одного изъ главныхъ героевъ „Argent" Золя, этого страшнаго Гундермана, передъ которымъ трепещутъ всѣ его противники, принужденные, однако, признавать его выдающіяся способности и считаться съ нимъ. Гундерманъ, конечно, отнюдь не симпатичная личность; сухой, холодный, равнодушный ко всему, кромѣ денегъ и наживы, онъ съ перваго взгляда производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Но Золя отнюдь не хотѣлъ сдѣлать изъ него какого-то мелодраматическаго злодѣя, который только и думаетъ о томъ, чтобъ вредить всѣмъ, кто слабѣе его, ненавидитъ всѣхъ христіанъ и завлекаетъ ихъ въ хитро разставленныя сѣти, какъ алчный паукъ ловитъ все новыхъ и новыхъ жертвъ въ свою паутину... Нѣтъ, Гундерманъ ничуть не хуже другихъ биржевиковъ! Въ иныхъ отношеніяхъ онъ даже стоитъ выше ихъ, потому что пренебрегаетъ мелкими плутнями и интригами, дѣйствуетъ всегда, руководясь строго логическими разсужденіями и математическими выкладками, самъ даже никогда не показывается на биржѣ и мало интересуется перипетіями ажіотажа, называя себя только „продавцемъ денегъ", marchand d'argent ****), медленно, но вѣрно продвигаясь къ заранѣе намѣченной цѣли. Онъ предсказалъ, что года черезъ

*) „Les plus forts", стр. 236.
**) Тамъ же, стр. 264.
***) Тамъ же, стр. 176—174.
****) „L'argent", par Emile Zola; Paris, Charpentier, 1891; стр. 96.

три ореолъ „Всемірнаго банка", разлетится какъ мыльный пузырь,—такъ,оно, дѣйствительно, и выходитъ! Какъ бы мы ни смотрѣли на его дѣятельность, въ своей сферѣ онъ представляетъ собою безусловно выдающееся явленіе, обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ, энергію и выдержку,—свойства, которыя, въ примѣненіи къ другого рода дѣятельности, могли бы принести прекрасные плоды.

Саккаръ, правда, изображаетъ Гундермана какимъ то чудовищемъ, хочетъ его унизить, раздавить, стереть съ лица земли, иначе не называетъ его, какъ sale Juif. Но эта ненависть объясняется, прежде всего, его антисемитическими воззрѣніями. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ громитъ „эту проклятую расу, у которой нѣтъ ни родины, ни правителя, которая живетъ въ видѣ паразита у всѣхъ націй, дѣлая видъ, что признаетъ законы, но въ дѣйствительности повинуясь только одному богу воровства, крови и гнѣва". Онъ отваживается даже утверждать, что, по мнѣнію евреевъ, „трудъ заключаетъ въ себѣ что то позорное, *ихъ религія почти что запрещаетъ его* и возвеличиваетъ только эксплоатацію чужого труда". „Ah, les gueux" *). При такомъ отношеніи къ евреямъ, Саккаръ, естественно, считаетъ Гундермана какимъ то извергомъ и хищникомъ. Въ дѣйствительности, онъ самъ ничуть не лучше его, несмотря на свое прожекторство, болѣе широкій размахъ и неподдѣльное, чисто артистическое увлеченіе „поэзіей милліоновъ". Золя неоднократно называетъ его разбойникомъ, корсаромъ, палачомъ; въ его устахъ громовыя обличенія и проклятія эксплоататорамъ производятъ нѣсколько комическое впечатлѣніе .. Вы чувствуете, что онъ просто завидуетъ своимъ противникамъ, хотѣлъ бы устранитъ ихъ съ своего пути и сѣсть на ихъ мѣсто. „Ахъ, если бы у него были въ рукахъ милліоны, все новые и новые милліоны, какъ у этихъ жидовъ!" **) Эта неотвязчивая мысль постоянно занимаетъ и волнуетъ Саккара.

Суровый и, повидимому, безсердечный въ денежныхъ дѣлахъ Гундерманъ подобно Монаху или Селиму Нуньо, является хорошимъ семьяниномъ. Онъ любитъ своихъ дѣтей, отдыхаетъ въ ихъ обществѣ, балуетъ и ласкаетъ ихъ „avec la passion juive de la famille". Совершенно такъ-же, Бушъ,—въ томъ же романѣ,—этотъ безжалостный, хищный и алчный человѣкъ, гораздо болѣе зловредный, чѣмъ Гундерманъ, обнаруживаетъ нѣжную, горячую любовь къ своему брату, Сигизмунду. Ему ничего не стоитъ придумывать вмѣстѣ съ такою темною личностью, какъ la Méchain, различныя мелкія гадости, заниматься ростовщичествомъ и шантажемъ, присваивать себѣ все, что плохо лежитъ... Онъ спокойно лишаетъ несчастную графиню de Beanvilliers ея послѣднихъ грошей, чуть не разоряетъ честнаго труженика Жордана,—и въ то же время готовъ всѣмъ пожертвовать для счастья своего любимаго брата, который, видимо, таетъ и чахнетъ съ каждымъ днемъ... Онъ ходитъ за нимъ, какъ нянька, покупаетъ для него самыя дорогія лекарства, не жалѣетъ денегъ на докторовъ. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тотъ не занимался, не утруждалъ свою голову, такъ какъ это можетъ ухудшить состояніе его здоровья, постоянно опасается, какъ бы онъ не простудился въ холодной и сырой квартирѣ... Когда Сигизмундъ умираетъ, Бушъ издаетъ какой то дикій вой, въ которомъ выливается все его безысходное отчаяніе. Такимъ образомъ, даже въ душѣ этого ростовщика и хищника Золя сумѣлъ найти что-то человѣчное, мягкое, нѣжное...

По сравненію съ объективною характеристикою Опперта, Гундермана, Буша, обрисовка духовнаго міра барона Мюнштейна изъ „Peints par eux—mêmes" Поля Эрвьё кажется нѣсколько одностороннею и поверхностною. Романъ этотъ, въ общемъ, принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ талантливаго автора „Les tenailles". Ему придана эпистолярная форма; это—коллекція писемъ пятнадцати различныхъ лицъ, среди которыхъ есть военный, писатель, художникъ, нѣсколько дамъ и т. д. Половина этихъ лицъ живетъ въ замкѣ Pontarmé, въ департаментѣ Jndre-et-Loire, гдѣ они гостятъ у своихъ

*) Тамъ же, стр. 92.
**) Тамъ же, стр. 349.

знакомыхъ и, естественно, переписываются со своими родными, пріятелями или возлюбленными, оставшимися въ Парижѣ. Въ числѣ лицъ, участвующихъ въ этой перепискѣ, мы находимъ, между прочимъ, и одного еврея,—барона Мюнштейна, дочь котораго, Флора живетъ въ замкѣ Pontarmé. Въ изображеніи автора это—въ высшей степени отталкивающая личность, которая казалась бы, однако, гораздо болѣе реальною и правдивою, если бы Эрвье не сгустилъ слишкомъ краски, приписавъ Мюнштейну одни только отрицательныя свойства. Нѣсколько странно также, что внѣшность барона, какъ насъ хочетъ увѣрить романистъ, вполнѣ выдаетъ его беззастѣнчивую, низкую натуру... Всѣ, кто видитъ его въ первый разъ, выносятъ самое невыгодное впечатлѣніе, испытываютъ чувство какой то гадливости „*Un petit tas d'homme*", tout carré, avec une barbe en crin", „un étranger qui est ce qu'on peut imaginer de pire", такъ характеризуетъ его г-жа Вано de ла Флошъ въ письмѣ къ своему мужу. Она признается, что онъ ей отвратителенъ, что она боится на него смотрѣть. „Il est trop laid, et grossier, et plaisantin, avec quelque chose de féroce", пишетъ г—жа Тремёръ своему возлюбленному *)... Если бы у всѣхъ развратниковъ и безжалостныхъ людей было, какъ у Мюнштейна, написано на лбу, чего они стоятъ, никто не попадался бы на ихъ удочку и не принималъ бы ихъ за порядочныхъ людей!..

Мюнштейнъ занимается темными спекуляціями, участвуетъ въ какой то компаніи Забалканскихъ желѣзныхъ дорогъ, но все это отнюдь не характерно для него. Его душевныя свойства обнаруживаются въ частной жизни. Несмотря на свой солидный возрастъ и безобразную внѣшность, онъ все еще переходитъ отъ одного любовнаго похожденія къ другому, съ невозмутимымъ видомъ заявляя, что за деньги все можно купить. Этого мало: встрѣтивъ отпоръ со стороны одной изъ главныхъ героинь романа, замужней женщины, онъ воровскимъ способомъ перехватываетъ одно ея письмо, которое можетъ ее компрометировать, и прибѣгая къ своеобразному шантажу заявляетъ, что тотчасъ же покажетъ это письмо ея мужу, если она не согласится ему принадлежать!.. Въ то же самое время Мюнштейнъ показываетъ себя отъявленнымъ карьеристомъ, хочетъ непремѣнно выдать свою дочь Флору за человѣка съ титуломъ и громкимъ именемъ, находитъ подобнаго человѣка въ лицѣ нѣкоего принца Сильвера Кареана, начинаетъ чисто дѣловые переговоры съ нимъ, а потомъ съ его отцомъ, и зная, что они разорились и очень нуждаются въ той громадной суммѣ, которую онъ даетъ за дочерью, предлагаетъ имъ, положительно, какую то торговую сдѣлку: за блестящій титулъ для дочери—состояніе въ нѣсколько милліоновъ!

Подобно Мюнштейну, баронъ Юстусъ Гафнеръ въ „Cosmopolis" Бурже выведенъ въ очень непривлекательномъ свѣтѣ, представляетъ собою довольно темную личность. Въ космополитическомъ обществѣ Рима онъ, правда, старается сойти за джентельмена, разыгрываетъ изъ себя цѣнителя искусства, называетъ себя протестантомъ, принятъ въ аристократическихъ домахъ и никогда не упоминаетъ о своей прежней дѣятельности. Но его прошлое очень неприглядно; живя въ Вѣнѣ и являясь однимъ изъ руководителей „Австро-Далматскаго Кредита", онъ совершилъ цѣлый рядъ незаконныхъ спекуляцій, разорилъ множество акціонеровъ и кліентовъ, попалъ на скамью подсудимыхъ и хотя былъ оправданъ, за недостаткомъ уликъ, все же остался въ глазахъ общества замаранною личностью и долженъ былъ покинуть Австрію. Говоря о его некрасивыхъ поступкахъ, Бурже нѣсколько разъ настаиваетъ, однако, на томъ, что Гафнеръ — типъ интернаціональный, въ сущности, имѣющій столь же мало связей съ евреями, какъ и со всѣми другими націями. „Юстусъ Гафнеръ", читаемъ мы въ предисловіи, „представляетъ собою только одну изъ двадцати разновидностей *европейскаго авантюриста*, религія, происхожденіе, воспитаніе, исходная точка и конечная цѣль котораго никому неизвѣстны **). Въ другомъ случаѣ суровый, непремиримый Монфанонъ,

*) Paul Hervieu, „Peints pas eux—mêmes", roman; Paris, Lemerre, стр. 51—52, 72.
**) Paul Bourget, „Cosmopolis", roman; Paris, Alphonse Lemerre, 1899; стр. III.

далеко не расположенный къ евреямъ, громитъ „этихъ *космополитическихъ* авантюристовъ, которые разыгрываютъ изъ себя знатныхъ господъ, опираясь за милліоны, награбленные съ помощью какой нибудь биржевой спекуляціи. Они не имѣютъ родины. Кто онъ такой, этотъ баронъ Юстусъ Гафнеръ,—нѣмецъ, австріецъ или итальянецъ? Развѣ это вамъ извѣстно? У нихъ нѣтъ и религіи!“ *) Вы чувствуете, что еврей стараго закала, свято соблюдающій предписанія своей религіи и открыто называющій себя евреемъ, былъ бы гораздо симпатичнѣе этому благородному, хотя и не лишенному нѣкоторыхъ слабостей и увлеченій человѣку...

Дѣйствительно, какой, въ сущности, еврей этотъ Гафнеръ? Самъ авторъ указываетъ на то, что въ дѣтствѣ онъ не получилъ воспитанія ни въ еврейскомъ, ни въ христіанскомъ духѣ, потому что его отецъ относился къ подобнымъ вопросамъ индифферентно, а его мать слишкомъ рано умерла. Онъ выросъ, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, къ какой религіи онъ принадлежитъ, не зная, по выраженію Бурже, другой литургіи, кромѣ „lithurgie de l'argent“. Обрушиваясь на своихъ жертвъ и эксплоатируя ихъ Гафнеръ также очень мало интересовался ихъ національностью и вѣроисповѣданіемъ. Двѣ вещи, въ особенности, привлекали его въ жизни: во первыхъ,—постепенное обогащеніе; во вторыхъ—сближеніе съ аристократіею, къ которой онъ стремится съ неменьшимъ упорствомъ, чѣмъ Мюнштейнъ. Для достиженія второй цѣли, онъ рѣшаетъ, во что бы то ни стало, выдать свою дочь Фанни за разорившагося итальянскаго аристократа Ардеа. Дѣло въ томъ, что послѣдній давно уже весь въ долгахъ, и его главнымъ кредиторомъ является подставное лицо, негласно руководимое самимъ барономъ. Держа, такимъ образомъ, Ардеа въ своихъ рукахъ, Гафнеръ надѣется, благодаря этому, *заставить* его жениться на Фанни. Правда, онъ знаетъ, что Ардеа—безпутный и пошлый человѣкъ, съ которымъ его дочь не можетъ быть счастлива; но что такое для него ея счастье, по сравненію съ возможностью имѣть своимъ зятемъ титулованное лицо, родъ котораго нѣкогда далъ Италіи папу Урбана VII!..

Не желая слишкомъ долго останавливаться на дѣятеляхъ еврейскаго финансоваго міра, о которыхъ, кажется, уже достаточно сказано было выше, я ограничусь простымъ упоминаніемъ о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ той же категоріи, выступающихъ во французскихъ романахъ. Къ числу ихъ принадлежитъ, напримѣръ, баронъ Гедеонъ Сэндà, изъ „Les morts qui parlent'a,—банкиръ, уроженецъ Тріеста, хозяинъ популярнаго въ Парижѣ салона, очень любящій иногда поострить, съ любезною улыбкою спрашивающій, напримѣръ, у своего гостя, депутата-соціалиста: „сколько дней пощады вы даете еще вашимъ бѣднымъ друзьямъ изъ капиталистовъ“? Здѣсь можно упомянуть также о баронѣ Валленштейнѣ, братѣ баронессы de Bonmont, изъ „L'anneau d'amethyste“ Франса, старомъ діабетикѣ, который все еще хочетъ наслаждаться жизнью и разыгрывать изъ себя вивёра; о баронѣ de Bonmont, выходцѣ изъ Австріи, сынѣ Натана и внукѣ Зелигмана Гуттенберга, принадлежавшемъ къ очень скромной семьѣ и съ помощью удачныхъ спекуляцій временно составившемъ себѣ крупное состояніе, и умершемъ отъ апоплексическаго удара наканунѣ своего полнаго разоренія; о второстепенныхъ биржевикахъ и маклерахъ-евреяхъ, фигурирующихъ въ „L'argent“ и участвующихъ во всѣхъ спекуляціяхъ, которыя связаны съ баснословнымъ успѣхомъ и столь же быстрымъ паденіемъ акцій „Banque Universelle“, въ родѣ Натансона, Якоби и другихъ, о банкирахъ Пумсѣ и Герштейнѣ изъ „Les deux rives“ Вандерема, доводящихъ бѣднаго oncle Cyprien до полнаго крушенія, и т. д.

Два слова о представителяхъ той фракціи еврейскаго молодого поколѣнія, которая тѣсно связана съ міромъ бароновъ и биржевыхъ дѣльцовъ. Въ изображеніи французскихъ писателей всѣ эти молодые люди являются очень мало типичными, даже

*) Тамъ же, стр. 19.

прямо блѣдными. Графъ Sem Mac-Chabée de Mazas (!), молодой человѣкъ 26-ти лѣтъ, племянникъ старика Mac-Chabée, выведенный въ „Jsraël", къ удивленію—безъ обычнаго шутовства, которое мы встрѣчаемъ у Жипъ, когда она говоритъ объ евреяхъ,—очень элегантенъ, недуренъ собою, оживленъ, говоритъ по французски безъ всякаго акцента, въ душѣ нѣсколько иронизируетъ надъ старшимъ поколѣніемъ,—и только! Молодой Бернштейнъ, наслѣдникъ банкирскаго дома „Бернштейнъ и Шлафъ",— изъ „Gens de la noce" Онэ,—ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ вивёровъ и прожигателей жизни выступающихъ въ этомъ романѣ. Бѣлокурый, краснощекій, веселый, онъ, подобно имъ проводитъ большую часть времени въ театрахъ, ресторанахъ и cafés-concerts, открыто находится въ связи съ m-me Ravau, при всемъ томъ не порываетъ сношеній и съ ея мужемъ, довольно индифферентно относящимся ко всей этой исторіи, и, чтобы доставить ему удовольствіе, нарочно проигрываетъ ему въ poker...При случаѣ, онъ любитъ, однако, пофилософствовать, высказать свое мнѣніе, и излагаетъ теоріи „d'une stupidité magnifique" *). Разъ онъ принимается доказывать пользу роскоши и настаиваетъ на томъ, что „les gens de la noce", благодаря своимъ крупнымъ расходамъ,—самые полезные люди на свѣтѣ!.. „Совершенно смѣшно было бы утверждать, что лица въ родѣ насъ, которыя живутъ только для того, чтобы тратить деньги, приносятъ пользу лишь самимъ себѣ. Упраздните ихъ, и вы увидите, что́ будетъ съ обществомъ... Это я вамъ говорю понимаете?—я, Бернштейнъ, котораго называютъ sale Juif..." **).

Этотъ типичный представитель парижской золотой молодежи считаетъ, такимъ образомъ, возможнымъ упоминать для краснаго словца о своемъ происхожденіи, ясно показывая всѣмъ, что самъ онъ ни во что не ставитъ свою національность и религію. Совершенно такъ же племянникъ барона Монаха, Рафаэль, про котораго разсказываютъ, что, находясь въ коллэжѣ, онъ разыгрывалъ въ лоттерею пирожки, которые ему присылала мать, рисуется своимъ индифферентнымъ или пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему типично-еврейскому, позволяетъ себѣ пошловатыя остроты на этотъ счетъ и, вѣчно ломаясь и паясничая, спрашиваетъ у тѣхъ, кто только-что бесѣдовалъ съ его дядей: „какъ вы можете говорить съ этимъ sale Juif?!"... ***).

Если нѣкоторые изъ дѣятелей финансоваго міра, о которыхъ рѣчь шла выше, могутъ, до извѣстной степени, быть названы,—какъ это сдѣлалъ Бурже относительно Гафнера,—авантюристами, нельзя не отмѣтить здѣсь, что въ двухъ романахъ современныхъ писателей сдѣлана была попытка обрисовать психологію подлинныхъ авантюристовъ еврейскаго происхожденія. Къ числу ихъ принадлежитъ, несомнѣнно, графъ Губертъ Бруккенъ изъ „Nemrod et C-ie". Сынъ банкира Леви Симсона, бывшаго при Луи Филиппѣ однимъ изъ биржевыхъ королей, получившаго за какія то заслуги графскій титулъ—и пріобрѣтшаго имѣніе Бруккенъ въ Эльзасѣ, онъ ведетъ очень безпорядочную жизнь, ничѣмъ въ сущности не занимается, постоянно играетъ въ карты, при чемъ не брезгаетъ шулерскими пріемами и мошенничествомъ, много времени удѣляетъ охотѣ. Овладѣвъ довѣріемъ Селима Нуньо, онъ проявляетъ всю свою низость, обкрадываетъ его, соглашается быть по прежнему любовникомъ Мануэлы, хотя знаетъ про ея связь съ Селимомъ, на дочери котораго онъ собирается жениться. Когда лѣсной сторожъ, случайно подкараулившій его свиданіе съ Мануэлой, доноситъ обо всемъ Селиму, Бруккенъ убиваетъ его и потомъ сваливаетъ вину на другого. При всемъ томъ, онъ хочетъ казаться настоящимъ джентельменомъ, придаетъ себѣ необыкновенно утонченный и корректный видъ. Мануэла напоминаетъ ему въ одномъ случаѣ, что онъ все же принадлежитъ къ „tribu de Lévy", несмотря на свои аристократическія замашки... Это за-

*) Georges Ohnet, „Les batailles de la vie: Gens de la noce"; Paris, Paul Ollendorff 1900; стр. 233.
**) Тамъ же, стр. 931.
***) „Les Monach", стр. 147.

нательно содѣйствуя полному дискредитированію тѣхъ воззрѣній, которыя они считаютъ справедливыми, въ глазахъ серьезныхъ безпристрастныхъ людей. Къ одной изъ книгъ Жипъ, „Les gens chics", приложены возмутительныя по своей тенденціозности, чисто лубочныя, пестро размалеванныя картинки, изображающія евреевъ и евреекъ, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ въ юмористическихъ изданіяхъ,—да и то не перваго разбора!.. Эти картинки имѣютъ, до извѣстной степени, символическое значеніе, онѣ какъ нельзя болѣе передаютъ общій характеръ нападокъ и претендующихъ на остроуміе оцѣнокъ Жипъ, уровень которыхъ очень и очень не высокъ!.. Желая, вѣроятно, еще больше насмѣшить своего читателя, она придумываетъ для нѣкоторыхъ своихъ героевъ уродливо звучащія фамиліи,—Schlemmerei, Judaskuss, Uebel de St. Sabbas, Auswurf, Wildeswein и т. п. При всемъ томъ, Жипъ отнюдь не считаетъ свои произведенія только потѣшными и, въ общемъ, легковѣсными литературными упражненіями. Она пресерьезно думаетъ, что исполняетъ извѣстную миссію, и еще недавно, когда къ ней явился какой-то журналистъ, съ тѣмъ чтобъ ее „интервьюировать", съ гордостью заявила ему, что считаетъ себя, прежде всего, антисемиткою и видитъ въ этомъ свое право на благодарность французскаго общества...

Я не стану злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, слишкомъ долго останавливаясь на многочисленныхъ сборникахъ, ежегодно выпускаемыхъ г-жею Жипъ, которая явно начинаетъ уже повторяться. Чтобы дать понятіе объ ея взглядахъ и приговорахъ, достаточно будетъ коснуться двухъ ея книгъ, вполнѣ характерныхъ въ этомъ случаѣ: „Les gens chics" и „Israël". Въ первой изъ этихъ книгъ выразителемъ ея мыслей является одинъ изъ героевъ, который названъ просто: „Le grincheux", Это отчаянный антисемитъ, съ пѣной у рта говорящій объ евреяхъ, обрушивающійся на нихъ за то, что они „захватили деньги, всѣ наши деньги и вообще всюду являются господами" *). Всѣ евреи кажутся ему, прежде всего, уже по внѣшнему виду, уродами, какими то страшилищами; онъ не можетъ смотрѣть на нихъ безъ отвращенія; „qui est cet homme horrible",—вотъ какіе вопросы задаетъ онъ своему собесѣднику каждый разъ, какъ имо проходитъ какой-нибудь еврей... Самое некрасивое французское лицо кажется му симпатичнѣе самого красиваго еврейскаго. Онъ искренно жалѣетъ о томъ, что гетто болѣе не существуетъ, что нельзя загнать туда la sale juiverie и крѣпко запереть ворота... Мѣстами онъ, положительно, обнаруживаетъ какія то звѣрскія, каннибальскія чувства; по поводу одной еврейской супружеской четы онъ заявляетъ, напримѣръ: „moi je les mettrais tous les deux dans un mortier et je pilerais au petit bonheur *)". Онъ хочетъ увѣрить насъ въ томъ, что въ Булонскомъ лѣсу изъ beau monde теперь катаются только одни еврейскіе бароны и графы. Онъ съ грустью вспоминаетъ о добромъ старомъ времени, скорбитъ объ упадкѣ дворянства, хочетъ изобразить изъ себя защитника благородныхъ рыцарскихъ традицій,—и въ то же время, пріѣхавъ въ купленный богатымъ еврейскимъ банкиромъ дворянскій замокъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими гостями занимался вечеромъ тѣмъ, что подсматривалъ черезъ щель, какъ дамы—еврейки ложаться спать,—дѣлая довольно циническія замѣчанія... Подобные поступки плохо вяжутся съ рыцарскимъ благородствомъ и строгими принципами, которые хочетъ на словахъ отстаивать этотъ юдофобъ—маніакъ...

Разъ главныя сужденія автора объ евреяхъ высказываются въ „Les gens chics" отъ имени такого субъекта, вы можете себѣ представить, какъ обрисованы отдѣльные герои, которыхъ хочетъ осмѣять или обличить его устами неукротимая антисемитка... Это—рядъ карикатуръ, не больше! Графъ Габріель Клеберигъ, прежде называвшіся Jacob и теперь измѣнившій свое имя, чтобы больше походить на настоящаго француза, говоритъ съ акцентомъ, но считаетъ себя неотразимымъ, одѣвается по послѣдней модѣ

*) „Les gens chics", стр. 25; „Un beau mariage".

и хочетъ, во что бы то ни стало, затѣять интригу съ красивою молодою дамою изъ аристократическаго круга, m—me de Rebondy. „Elle est cholie, cette betide Reponty... Bourquoi bas? qu'est-ce qui embêcherait?“ и пр. и пр. Баронъ Мюнцеръ авторитетно разсуждаетъ въ одномъ салонѣ о литературѣ и между прочимъ разноситъ „Nemrod'et C-ie“ Онэ, потому что въ этомъ романѣ еврей выведенъ слишкомъ глупымъ,—„apsolument sdubite“ *). Баронъ Жасси на скачкахъ подговариваетъ одного изъ жокеевъ незамѣтно удержать за извѣстную плату свою лошадь, чтобы дать выиграть другой, на которую онъ ставитъ свои деньги. Баронъ Zabulon и графъ Jeroboham считаютъ себя настоящими спортсменами и стараются гарцовать на своихъ коняхъ въ Булонскомъ лѣсу,—хотя совершенно не умѣютъ ѣздить верхомъ. Дѣдъ баронессы Uebel de St. Sabbas, глубокій старикъ, настоящая развалина, все еще не охладѣлъ къ разнаго рода любовнымъ похожденіямъ, думаетъ имѣть успѣхъ благодаря своимъ деньгамъ.—Все это очень мало интересно, и совсѣмъ не типично!

Въ „Israël“ также фигурируетъ длинный рядъ евреевъ изъ того же космополитическаго финансоваго міра. Таковъ графъ Mac-Chabée de Clairvaux, шестидесятилѣтній старикъ, конечно, какъ и слѣдовало ожидать—уродливый и отвратительный, съ „баснословнымъ носомъ“ и „плоскими, длинными и безкровными ушами“. Онъ передѣлалъ свое имя Macchabée (Маккавей) въ Mac-Chabée и выдаетъ себя за натурализовавшагося во Франціи шотландца. Графъ Cayenne de Rio выведенъ необыкновенно глупымъ, безтактнымъ и неумѣлымъ человѣкомъ (гдѣ же осталась еврейская изворотливость и ловкость, о которой столько говорятъ антисемиты?..). Онъ преспокойно проситъ сына одного депутата, котораго видитъ *въ первый разъ въ жизни*, повліять на отца въ томъ смыслѣ, чтобы онъ оказалъ въ палатѣ содѣйствіе одной его крупной спекуляціи, и обѣщаетъ хорошенько „отблагодарить“ его за это,—рискуя получить отъ молодого человѣка пощечину **). Въ присутствіи стараго генерала de Belpogne, необыкновенно дорожащаго „честью арміи“, онъ распространяется о дѣлѣ Дрейфуса, причемъ, забывая всякую осторожность, утверждаетъ, что, если бы военному совѣту была предложена взятка, онъ постановилъ бы другое рѣшеніе ***). Въ другомъ случаѣ, когда въ клубѣ заходитъ рѣчь о войнѣ съ Мадагаскаромъ, онъ неожиданно высказывается за войну, произноситъ патріотическія тирады, и тутъ же пренаивно раскрываетъ свои карты, сообщая своимъ собесѣдникамъ, что отъ успѣшнаго окончанія военныхъ дѣйствій онъ ожидаетъ очень важныхъ результатовъ для своихъ коммерческихъ предпріятій въ Африкѣ... Когда молодой Лобардемонъ обращается къ нему съ вопросомъ, какая лошадь можетъ, по его мнѣнію, выиграть на предстоящихъ скачкахъ, онъ нарочно даетъ ему совершенно невѣрныя указанія. Послѣдняя сцена, которую мы находимъ въ „Israël“, озаглавлена Charité, и распадается на двѣ части; въ первой бароны де Кайеннъ, Іудаскусъ, Вильдесвейнъ, Макъ-Кабэ и другіе обсуждаютъ тѣ способы, съ помощью которыхъ они могутъ, благодаря своимъ заграничнымъ связямъ, искусственно поднять цѣну на привозный хлѣбъ; во второй они рѣшаютъ, въ виду начинающагося вслѣдствіе ихъ махинацій голода, сдѣлать великодушное пожертвованіе въ пользу нуждающихся, въ надеждѣ, что ихъ благотворительность будетъ всѣми оцѣнена, а про ихъ закулисныя плутни никто не узнаетъ... Это одна изъ немногихъ сценъ, гдѣ Жипъ дѣлаетъ попытку перейти въ своихъ нападкахъ на *экономическую* почву; въ другихъ случаяхъ мы находимъ у нея только чисто *стихійную*, расовую ненависть къ евреямъ, неподкрѣпляемую даже тѣми аргументами, которые обыкновенно приводятся писателями антисемитическаго направленія.

Леонъ Додэ, несомнѣнно, превосходящій талантомъ г-жу Жипъ, становится, къ

---

*) „Les gens chics“, стр. 117; Leur littérature“.

**) Gyp, „Israël“; Paris, Flammarion, 1898; „Ceux qui restent“.

***) Тамъ же, стр. 287; „Leur tacte“.

сожалѣнію, ея сподвижникомъ, какъ только рѣчь заходитъ объ евреяхъ, въ особенности,—если они принадлежатъ къ финансовому міру. Вмѣсто вполнѣ спокойнаго, трезваго отношенія къ дѣлу, мы находимъ у него странныя, дикія проявленія какого-то безотчетнаго, почти болѣзненнаго отвращенія къ евреямъ. Подобно Жипъ, онъ обращаетъ большое вниманіе на внѣшность своихъ героевъ семитическаго происхожденія... Въ „Les Kamtchatka" баронессу Валленштейнъ, о которой рѣчь будетъ ниже, окружаетъ въ театрѣ толпа „de bipèdes noirs, à têtes de chevaux, de béliers, de renards et de tapirs" *). Немного выше упоминается объ „очень корректныхъ молодыхъ людяхъ" „à profile de faraons". Мужъ баронессы, по словамъ одного изъ второстепенныхъ героевъ романа, Сиврёза—отца, „самое хищное животное, какое только можно найти на биржѣ". Банкиръ Jacob de Hambourg въ „Sébastien Gouvès"—„un Juif robuste, à cheveux blancs",—эпизодическая личность. Мы застаемъ его въ салонѣ доктора Мерсье, гдѣ его окружаетъ цѣлая толпа знакомыхъ, точнѣе,—людей, которымъ онъ нуженъ. „Онъ смѣялся гадкимъ смѣхомъ", разсказываетъ Леонъ Додэ, „и всѣ кругомъ него вторили ему, стараясь перещеголять одинъ другого въ раболѣпіи передъ этимъ идоломъ нашихъ дней, съ гигантскимъ животомъ и грубымъ, смѣшнымъ говоромъ" **). Нѣсколько времени спустя, анархисты пытаются покончить съ Жакобомъ,—котораго они ненавидятъ, какъ одного изъ крупныхъ капиталистовъ,—взорвавъ его богатый домъ; но онъ остается невредимымъ, и взрывъ не наноситъ ему особеннаго ущерба.

Всего нѣсколькими штрихами обрисованъ въ „La romance du temps présent" того же автора богатый коммерсантъ и дѣлецъ, Натанъ Сэмъ, глава многочисленной семьи. Вотъ какъ характеризуетъ его Додэ: „человѣкъ съ лицомъ, широкимъ, какъ столъ, и багровымъ, какъ катастрофа, содержатель домовъ терпимости въ Лондонѣ и Гамбургѣ, маклеръ по продажѣ винъ въ Бордо и хлѣба въ Одессѣ, членъ совѣта президента французской республики и одинъ изъ столповъ нашей милой биржи, гдѣ онъ обогащается безъ зазрѣнія совѣсти ***). Постоянно дѣлая болѣе или менѣе крупныя пожертвованія въ пользу бѣдныхъ или пострадавшихъ отъ различныхъ катастрофъ, онъ въ то же самое время разоряетъ своихъ кліентовъ и многихъ уже пустилъ по міру. Говоря о Сэмѣ, авторъ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о его потомствѣ, которое „стоитъ его самого"; „ихъ выродившійся профиль колеблется между козломъ и козою, причемъ посредствующимъ звеномъ является крыса (!), съ различными оттѣнками дерматологіи,—selon que c'est le mâle qui suppure ou que c'est la femelle qui s'incruste (!)". Просто совѣстно становится за французскій языкъ, когда на немъ пишутся такія гадости! Никто не станетъ, конечно, защищать или идеализировать такихъ лицъ, какъ Jacob de Hambourg или Натанъ Сэмъ съ его „tribu"; но, когда романистъ послѣдовательно сравниваетъ евреевъ съ лошадьми, баранами, лисицами, тапирами, козлами, крысами и т. п., дѣлается противно и тяжело читать такія строки, дышащія озлобленіемъ и претендующія на остроуміе... Серьезный писатель, сынъ великаго отца, могъ бы не придавать такого „зоологическаго" колорита своимъ характеристикамъ!..

Уже значительно объективнѣе и безпристрастнѣе обрисованъ баронъ Монахъ въ романѣ Робера де-Бенньера „Les Monach". Сынъ владѣльца мѣняльной лавки во Франкфуртѣ, женившагося въ 1826 году на дочери хозяина водочнаго завода изъ Кракова, онъ долго время жилъ во Франкфуртѣ, потомъ, послѣ 1870 года, направился въ Вѣну, занимался тамъ различными спекуляціями, очень быстро разбогатѣлъ, въ 1873 году сталъ жертвою общаго краха, захватившаго около этого времени цѣлый рядъ банкирскихъ и промышленныхъ предпріятій, но, благодаря своей настойчивости, выдержкѣ и

*) Léon Daudet, „Les Kamtchatka", moeurs contemporaines; Paris, Fasquelle, 1895; стр. 225.
**) Léon Daudet, „Sébastien Gouvès", roman contemporain; Paris, Fasquelle, 1899; стр. 78.
***) Léon Daudet, „La romance du temps présent"; Paris, Fasquelle; 1900; стр. 195.

ловкости снова выкарабкался изъ этой пропасти, куда его толкнула судьба, переѣхалъ въ Парижъ, вскорѣ пустилъ корни на биржѣ и къ 1881 году былъ уже снова богачемъ и „человѣкомъ съ положеніемъ“... Мы застаемъ его въ ту пору, когда его банкирская контора перешла въ обширное, щеголеватое помѣщеніе, а самъ онъ имѣетъ возможность устраивать у себя роскошные вечера, принимать многочисленныхъ гостей, среди которыхъ попадаются представители аристократіи, военные, дипломаты, ученые. Описывая карьеру этого человѣка, который всю свою жизнь провелъ въ мірѣ спекуляцій, привыкъ выше всего ставить деньги и даже художественныя произведенія различать между собою, прежде всего, по ихъ цѣнѣ, который, на-ряду съ этимъ, обнаруживаетъ болѣзненно развитое честолюбіе и тщеславіе, и хочетъ, во что бы то ни стало, пробраться въ высшій свѣтъ, Бонньеръ сумѣлъ, однако, воздержаться отъ дикихъ выходокъ въ духѣ Жипъ или Леона Додэ, отнесся къ барону вполнѣ трезво, конечно, отнюдь не думая, съ другой стороны, возводить его въ перлъ созданія. Только двѣ—три детали могутъ показаться нѣсколько утрированными и карикатурными; вѣроятно ли, напримѣръ, чтобы Монахъ, при его ловкости и смышленности, вошелъ по разсѣянности въ христіанскую церковь, не снявъ шляпы, потому что ему представилось, видите ли, что онъ входитъ въ синагогу?..

Изображая постепенное обогащеніе барона и его матеріалистическія наклонности безъ всякой подрисовки, Бонньеръ отмѣчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одну изъ несомнѣнно симпатичныхъ его чертъ,—почтительное отношеніе къ старухѣ— матери, женщинѣ стараго закала, съ которою у него, въ сущности, нѣтъ ничего общаго, такъ какъ онъ лично относится весьма индифференто къ наслѣдію прошлаго, къ древнимъ обрядамъ, праздникамъ, постамъ и молитвамъ... Онъ хочетъ, чтобы всѣ, по возможности, забыли о его происхожденіи, которое ему всюду становится поперекъ дороги; это — еврей новѣйшей формаціи, l'israélite moderne, l'israélite sceptique et parisien *)... Когда онъ узнаетъ, что его дочь научилась весьма прилично читать по еврейски, онъ не обнаруживаетъ никакой радости, считая подобныя занятія непроизводительною тратою времени. „Нечего сказать, полезное пріобрѣтеніе для нея“! восклицаетъ онъ, съ ироніей въ голосѣ. Но ради матери онъ дѣлаетъ уступки; если онъ не соблюдаетъ всѣхъ обрядовъ, предписываемыхъ закономъ Моисея, онъ все же сохраняетъ у себя въ домѣ чествованіе различныхъ праздниковъ, самъ произноситъ въ торжественные дни извѣстныя молитвы, какъ глава семьи, мирится съ необходимостью ѣсть въ иныхъ случаяхъ только ту пищу, которая разрѣшается правовѣрнымъ евреямъ, и т. д. Нечего и говорить что въ присутствіи матери онъ никогда не обнаруживаетъ своего индифферентнаго отношенія къ еврейской національности и всему, что съ нею связано. Этимъ настойчивый и подчасъ безжалостный дѣлецъ, такимъ образомъ, способенъ проявить въ семейномъ кругу деликатность и уступчивость,—свойства, въ которыхъ, конечно, отказалъ бы ему поверхностный наблюдатель.

Другой могущественный биржевикъ,—португальскій еврей Sélim Nuno, изъ „Nemrod et C-ie“ Жоржа Опэ,—также обнаруживаетъ, какъ частное лицо, много душевной теплоты, мягкости, довѣрчивости... Онъ боготворитъ свою дочь, Эстеръ, дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы она была счастлива, становится лучше, добрѣе и великодушнѣе, когда видитъ ее, забываетъ для нея на время свои биржевыя спекуляціи и ожесточенную борьбу съ противниками. Онъ хочетъ выдать ее замужъ непремѣнно за честнаго и любящаго ее человѣка, независимо отъ его матеріальнаго положенія, и считаетъ себя очень счастливымъ, когда, въ лицѣ графа Бруккена, ему удается, какъ онъ думаетъ, найти жениха, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ его требованіямъ.

Прекрасный знатокъ биржевыхъ дѣлъ, Селимъ Нуньо оказывается, однако, крайне

*) Robert de Bonnières, „Les Monach“, стр. 55.

легковѣрнымъ, недальновиднымъ, почти наивнымъ, въ своей личной жизни. Бруккенъ о которомъ рѣчь будетъ ниже, совершенно не заслуживаетъ, напримѣръ, его вниманія и можетъ сдѣлать Эстеръ глубоко несчастною, — а онъ его идеализируетъ и превозноситъ до небесъ!.. Красавица Мануэла дель Пераль, уроженка Португаліи, въ которую до безумія влюбляется Селимъ, въ дѣйствительности, только ловкая авантюристка, стремящаяся забрать его, со всѣми его капиталами, въ свои руки и сверхъ того выдать Эстеръ за своего возлюбленнаго и союзника Бруккена,—вскорѣ начинаетъ измѣнять довѣрчивому человѣку. Селимъ ничего этого не понимаетъ и не чувствуетъ. „Онъ твердо вѣрилъ въ ея добродѣтель", замѣчаетъ Онэ, „онъ охотно отдалъ бы ей ключъ отъ своей кассы". „Моя дочь, Мануэла и Губертъ (Бруккенъ),—вотъ все, что существуетъ для меня на свѣтѣ", говоритъ самъ Нуньо. „Пусть огонь сойдетъ съ неба и поглотитъ все остальное человѣчество,—если мнѣ удастся спасти эти три существа, жизнь будетъ еще прекрасна для меня *). Даже послѣ того, какъ онъ убѣждается въ томъ, что Мануэла обманываетъ его и насмѣхается надъ нимъ, онъ все же до такой степени ослѣпленъ своею страстью, что не имѣетъ мужества окончательно порвать съ нею и, послѣ мимолетной вспышки гнѣва и ярости, первый проситъ ее забыть все, что между ними произошло!

Его горячая любовь къ дочери также остается неизмѣнною до самаго конца. Она доходитъ до того, что Селимъ, убѣжденный противникъ всѣхъ браковъ съ иновѣрцами, самъ является, забывая свою гордость, къ маркизу де Понъ-Круа, котораго она любитъ,—чтобы открыть ему, какъ сильно и глубоко чувство молодой дѣвушки, такъ какъ онъ видитъ, что она чахнетъ и угасаетъ, не имѣя возможности стать женою любимаго человѣка... Мы не узнаемъ того Селима Нуньо, который на биржѣ часто бывалъ прямо безжалостенъ и разорилъ не мало людей, который въ одномъ случаѣ произноситъ эту характерную фразу: „все на свѣтѣ продается; вопросъ только въ цѣнѣ!" Отличая и свѣтлыя, и темныя стороны его натуры, Онэ, несомнѣнно, обнаружилъ значительную долю объективности и безпристрастія.

Баронъ Самуилъ Оппертъ, играющій довольно большую роль въ „Les plus forts" Клемансо, очень искусно и объективно охарактеризованъ авторомъ. Это вовсе не извергъ, не разбойникъ, не какое-то чудовище, это просто—одинъ изъ сильныхъ міра, владѣющихъ крупными капиталами, желающихъ все держать въ своихъ рукахъ и считающихъ исключительное господство богатыхъ людей чѣмъ то не только вполнѣ законнымъ, первостепенно важнымъ для общества и народа,—но чуть ли не священнымъ! Подобныхъ капиталистовъ не мало найдется въ каждой націи, и Клемансо отнюдь не объясняетъ, конечно, горделивыхъ разглагольствованій Опперта вліяніемъ расы. Чистокровный французъ, крупный фабрикантъ, Доминикъ Арлэ является въ томъ же романѣ единомышленникомъ и почитателемъ барона, раздѣляетъ всѣ его взгляды. Если „Les plus forts" можно назвать чисто тенденціознымъ произведеніемъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что основная тенденція этой книги заключается въ отстаиваніи правъ менѣе обезпеченныхъ классовъ, а также интеллигентнаго меньшинства, противъ посягательства опирающихся на свое богатство людей,—къ какой бы національности они ни принадлежали.

Нечего и говорить, что Оппертъ смотритъ на всѣхъ людей, не входящихъ въ составъ его общественнаго класса, нѣсколько свысока. Толпа—это стадо, которымъ должны искусно управлять „les plus forts", искусно угадывая его слабости, дѣлая ему уступки въ мелочахъ, поощряя его низменные инстинкты и незамѣтно подчиняя его своей власти. „Человѣку доставляютъ удовольствіе перемѣны, и въ то же время для него полезно держаться старины, говоритъ Оппертъ. „Есть только одинъ способъ

*) Georges Ohnet, „Les batailles de la vie: Nemrod et C-i"; Paris, Paul Ollendorff, 1898 стр. 83.

устранить это противорѣчіе, вѣчную причину народныхъ волненій,—очень старый, но всегда вѣрный способъ: придумать для старинныхъ учрежденій новыя названія. Толпа ничего больше не требуетъ! *). По мнѣнію Опперта, весь политическій міръ, всѣ общественные дѣятели, мыслители и художники должны, въ той или другой степени, подчиняться вліянію les plus forts. Вотъ нѣсколько его мыслей: „Свобода, въ которой мы всѣ нуждаемся, это—свобода благоразумныхъ умовъ, которые служатъ интересамъ сильныхъ міра и выводятъ изъ нашихъ поступковъ надлежащую философію. Подобная свобода, которая удовлетворяетъ многихъ, увѣряю васъ, не подвергается никакой опасности въ нашихъ рукахъ **)... „Людямъ хочется вѣрить, что они идутъ туда, куда въ дѣйствительности они вовсе не идутъ, и для того, чтобы они повиновались намъ, нуженъ извѣстный сентиментальный импульсъ, который имъ должны доставлять ораторы, писатели, художники. Это то, что довольно глупо называется *идеями, которыя руководятъ міромъ*. Наше искусство заключается въ умѣніи дѣлать выборъ между этими фантазіями, располагать ихъ сообразно съ воззрѣніями, благопріятствующими нашимъ цѣлямъ". „Всѣхъ тѣхъ, кто создаетъ, пускаетъ въ обращеніе и дѣлаетъ живучими тѣ спасительные предразсудки, на которыхъ основывается, въ общихъ интересахъ, могущество меньшинства, слѣдуетъ щедро награждать, обѣщая и доставляя имъ многое, потому что, если мы хотимъ, чтобы они намъ служили, мы также должны оказывать имъ услуги ***).

Такъ говоритъ сынъ бѣднаго амстердамскаго еврея, умершаго въ нищетѣ,—который сталъ вліятельнымъ лицомъ, благодаря своимъ спекуляціямъ, и теперь *снисходитъ* къ людямъ мысли и культуры, желая сдѣлать ихъ тѣмъ своими агентами. Къ чести его нужно, однако, отмѣтить тотъ фактъ, что онъ отнюдь не стыдится своего происхожденія, несмотря на свой переходъ въ католицизмъ,—напротивъ, даже любитъ говорить о своей принадлежности къ еврейскому племени. Человѣкъ безспорно даровитый, при всѣхъ своихъ несимпатичныхъ сторонахъ, онъ разъ въ очень красивой и образной формѣ излагаетъ свои мысли о любви. „Браво, баронъ, я не знала, что вы можете выражаться такъ поэтично", восклицаетъ г-жа де Фурманъ. „Племя Давида, madame,—племя поэтовъ, что не мѣшаетъ ему подчасъ быть очень практичнымъ", отвѣчалъ находчивый Оппертъ.

Говоря о различныхъ представителяхъ финансоваго міра еврейскаго происхожденія, нельзя, конечно, не вспомнить одного изъ главныхъ героевъ „Argent" Золя, этого страшнаго Гундермана, передъ которымъ трепещутъ всѣ его противники, принужденные, однако, признавать его выдающіяся способности и считаться съ нимъ. Гундерманъ, конечно, отнюдь не симпатичная личность; сухой, холодный, равнодушный ко всему, кромѣ денегъ и наживы, онъ съ перваго взгляда производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Но Золя отнюдь не хотѣлъ сдѣлать изъ него какого-то мелодраматическаго злодѣя, который только и думаетъ о томъ, чтобъ вредить всѣмъ, кто слабѣе его, ненавидитъ всѣхъ христіанъ и завлекаетъ ихъ въ хитро разставленныя сѣти, какъ алчный паукъ ловитъ все новыхъ и новыхъ жертвъ въ свою паутину... Нѣтъ, Гундерманъ ничуть не хуже другихъ биржевиковъ! Въ иныхъ отношеніяхъ онъ даже стоитъ выше ихъ, потому что пренебрегаетъ мелкими плутнями и интригами, дѣйствуетъ всегда, руководясь строго логическими разсужденіями и математическими выкладками, самъ даже никогда не показывается на биржѣ и мало интересуется перипетіями ажіотажа, называя себя только „продавцемъ денегъ", marchand d'argent ****), медленно, но вѣрно продвигаясь къ заранѣе намѣченной цѣли. Онъ предсказалъ, что года черезъ

*) „Les plus forts", стр. 236.
**) Тамъ же, стр. 264.
***) Тамъ же, стр. 176—174.
****) „L'argent", par Emile Zola; Paris, Charpentier, 1891; стр. 96.

три ореолъ „Всемірнаго банка", разлетится какъ мыльный пузырь,—такъ,оно, дѣйствительно, и выходитъ! Какъ бы мы ни смотрѣли на его дѣятельность, въ своей сферѣ онъ представляетъ собою безусловно выдающееся явленіе, обнаруживаетъ несомнѣнный талантъ, энергію и выдержку,—свойства, которыя, въ примѣненіи къ другого рода дѣятельности, могли бы принести прекрасные плоды.

Саккаръ, правда, изображаетъ Гундермана какимъ то чудовищемъ, хочетъ его унизить, раздавить, стереть съ лица земли, иначе не называетъ его, какъ sale Juif. Но эта ненависть объясняется, прежде всего, его антисемитическими воззрѣніями. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ громитъ „эту проклятую расу, у которой нѣтъ ни родины, ни правителя, которая живетъ въ видѣ паразита у всѣхъ націй, дѣлая видъ, что признаетъ законы, но въ дѣйствительности повинуясь только одному богу воровства, крови и гнѣва". Онъ отваживается даже утверждать, что, по мнѣнію евреевъ, „трудъ заключаетъ въ себѣ что то позорное, *ихъ религія почти что запрещаетъ его* и возвеличиваетъ только эксплоатацію чужого труда". „Ah, les gueux" *). При такомъ отношеніи къ евреямъ, Саккаръ, естественно, считаетъ Гундермана какимъ то извергомъ и хищникомъ. Въ дѣйствительности, онъ самъ ничуть не лучше его, несмотря на свое прожекторство, болѣе широкій размахъ и неподдѣльное, чисто артистическое увлеченіе „поэзіей милліоновъ". Золя неоднократно называетъ его разбойникомъ, корсаромъ, палачомъ; въ его устахъ громовыя обличенія и проклятія эксплоататорамъ производятъ нѣсколько комическое впечатлѣніе .. Вы чувствуете, что онъ просто завидуетъ своимъ противникамъ, хотѣлъ бы устранитъ ихъ съ своего пути и сѣсть на ихъ мѣсто. „Ахъ, если бы у него были въ рукахъ милліоны, все новые и новые милліоны, какъ у этихъ жидовъ!" **) Эта неотвязчивая мысль постоянно занимаетъ и волнуетъ Саккара.

Суровый и, повидимому, безсердечный въ денежныхъ дѣлахъ Гундерманъ подобно Монаху или Селиму Нуньо, является хорошимъ семьяниномъ. Онъ любитъ своихъ дѣтей, отдыхаетъ въ ихъ обществѣ, балуетъ и ласкаетъ ихъ „avec la passion juive de la famille". Совершенно такъ-же, Бушъ,—въ томъ же романѣ,—этотъ безжалостный, хищный и алчный человѣкъ, гораздо болѣе зловредный, чѣмъ Гундерманъ, обнаруживаетъ нѣжную, горячую любовь къ своему брату, Сигизмунду. Ему ничего не стоитъ придумывать вмѣстѣ съ такою темною личностью, какъ la Méchain, различныя мелкія гадости, заниматься ростовщичествомъ и шантажемъ, присваивать себѣ все, что плохо лежитъ... Онъ спокойно лишаетъ несчастную графиню de Beanvilliers ея послѣднихъ грошей, чуть не разоряетъ честнаго труженика Жордана,—и въ то же время готовъ всѣмъ пожертвовать для счастья своего любимаго брата, который, видимо, таетъ и чахнетъ съ каждымъ днемъ... Онъ ходитъ за нимъ, какъ нянька, покупаетъ для него самыя дорогія лекарства, не жалѣетъ денегъ на докторовъ. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тотъ не занимался, не утруждалъ свою голову, такъ какъ это можетъ ухудшить состояніе его здоровья, постоянно опасается, какъ бы онъ не простудился въ холодной и сырой квартирѣ... Когда Сигизмундъ умираетъ, Бушъ издаетъ какой то дикій вой, въ которомъ выливается все его безысходное отчаяніе. Такимъ образомъ, даже въ душѣ этого ростовщика и хищника Золя сумѣлъ найти что-то человѣчное, мягкое, нѣжное...

По сравненію съ объективною характеристикою Опперта, Гундермана, Буша, обрисовка духовнаго міра барона Мюнштейна изъ „Peints par eux—mêmes" Поля Эрвьё кажется нѣсколько одностороннею и поверхностною. Романъ этотъ, въ общемъ, принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ талантливаго автора „Les tenailles". Ему придана эпистолярная форма; это—коллекція писемъ пятнадцати различныхъ лицъ, среди которыхъ есть военный, писатель, художникъ, нѣсколько дамъ и т. д. Половина этихъ лицъ живетъ въ замкѣ Pontarmé, въ департаментѣ Jndre-et-Loire, гдѣ они гостятъ у своихъ

*) Тамъ же, стр. 92.
**) Тамъ же, стр. 349.

знакомыхъ и, естественно, переписываются со своими родными, пріятелями или возлюбленными, оставшимися въ Парижѣ. Въ числѣ лицъ, участвующихъ въ этой перепискѣ, мы находимъ, между прочимъ, и одного еврея,—барона Мюнштейна, дочь котораго, Флора живетъ въ замкѣ Pontarmé. Въ изображеніи автора это—въ высшей степени отталкивающая личность, которая казалась бы, однако, гораздо болѣе реальною и правдивою, если бы Эрвье не сгустилъ слишкомъ краски, приписавъ Мюнштейну одни только отрицательныя свойства. Нѣсколько странно также, что внѣшность барона, какъ насъ хочетъ увѣрить романистъ, вполнѣ выдаетъ его беззастѣнчивую, низкую натуру... Всѣ, кто видитъ его въ первый разъ, выносятъ самое невыгодное впечатлѣніе, испытываютъ чувство какой то гадливости „*Un petit tas d'homme*", tout carré, avec une barbe en crin", „un étranger qui est ce qu'on peut imaginer de pire", такъ характеризуетъ его г-жа Вано de ла Флошъ въ письмѣ къ своему мужу. Она признается, что онъ ей отвратителенъ, что она боится на него смотрѣть. „Il est trop laid, et grossier, et plaisantin, avec quelque chose de féroce", пишетъ г—жа Тремёръ своему возлюбленному *)... Если бы у всѣхъ развратниковъ и безжалостныхъ людей было, какъ у Мюнштейна, написано на лбу, чего они стоятъ, никто не попадался бы на ихъ удочку и не принималъ бы ихъ за порядочныхъ людей!..

Мюнштейнъ занимается темными спекуляціями, участвуетъ въ какой то компаніи Забалканскихъ желѣзныхъ дорогъ, но все это отнюдь не характерно для него. Его душевныя свойства обнаруживаются въ частной жизни. Несмотря на свой солидный возрастъ и безобразную внѣшность, онъ все еще переходитъ отъ одного любовнаго похожденія къ другому, съ невозмутимымъ видомъ заявляя, что за деньги все можно купить. Этого мало: встрѣтивъ отпоръ со стороны одной изъ главныхъ героинь романа, замужней женщины, онъ воровскимъ способомъ перехватываетъ одно ея письмо, которое можетъ ее компрометировать, и прибѣгая къ своеобразному шантажу заявляетъ, что тотчасъ же покажетъ это письмо ея мужу, если она не согласится ему принадлежать!.. Въ то же самое время Мюнштейнъ показываетъ себя отъявленнымъ карьеристомъ, хочетъ непремѣнно выдать свою дочь Флору за человѣка съ титуломъ и громкимъ именемъ, находитъ подобнаго человѣка въ лицѣ нѣкоего принца Сильвера Кареана, начинаетъ чисто дѣловые переговоры съ нимъ, а потомъ съ его отцомъ, и зная, что они разорились и очень нуждаются въ той громадной суммѣ, которую онъ даетъ за дочерью, предлагаетъ имъ, положительно, какую то торговую сдѣлку: за блестящій титулъ для дочери—состояніе въ нѣсколько милліоновъ!

Подобно Мюнштейну, баронъ Юстусъ Гафнеръ въ „Cosmopolis" Бурже выведенъ въ очень непривлекательномъ свѣтѣ, представляетъ собою довольно темную личность. Въ космополитическомъ обществѣ Рима онъ, правда, старается сойти за джентельмена, разыгрываетъ изъ себя цѣнителя искусства, называетъ себя протестантомъ, принятъ въ аристократическихъ домахъ и никогда не упоминаетъ о своей прежней дѣятельности. Но его прошлое очень неприглядно; живя въ Вѣнѣ и являясь однимъ изъ руководителей „Австро-Далматскаго Кредита", онъ совершилъ цѣлый рядъ незаконныхъ спекуляцій, разорилъ множество акціонеровъ и кліентовъ, попалъ на скамью подсудимыхъ и хотя былъ оправданъ, за недостаткомъ уликъ, все же остался въ глазахъ общества замаранною личностью и долженъ былъ покинуть Австрію. Говоря о его некрасивыхъ поступкахъ, Бурже нѣсколько разъ настаиваетъ, однако, на томъ, что Гафнеръ — типъ интернаціональный, въ сущности, имѣющій столь же мало связей съ евреями, какъ и со всѣми другими націями. „Юстусъ Гафнеръ", читаемъ мы въ предисловіи, „представляетъ собою только одну изъ двадцати разновидностей *европейскаго авантюриста*, религія, происхожденіе, воспитаніе, исходная точка и конечная цѣль котораго никому неизвѣстны **). Въ другомъ случаѣ суровый, непремиримый Монфанонъ,

*) Paul Hervieu, „Peints pas eux—mêmes", roman; Paris, Lemerre, стр. 51—52, 72.
**) Paul Bourget, „Cosmopolis", roman; Paris, Alphonse Lemerre, 1899; стр. III.

далеко не расположенный къ евреямъ, громитъ „этихъ *космополитическихъ* авантюристовъ, которые разыгрываютъ изъ себя знатныхъ господъ, опираясь за милліоны, награбленные съ помощью какой нибудь биржевой спекуляціи. Они не имѣютъ родины. Кто онъ такой, этотъ баронъ Юстусъ Гафнеръ,—нѣмецъ, австріецъ или итальянецъ? Развѣ это вамъ извѣстно? У нихъ нѣтъ и религіи!“ *) Вы чувствуете, что еврей стараго закала, свято соблюдающій предписанія своей религіи и открыто называющій себя евреемъ, былъ бы гораздо симпатичнѣе этому благородному, хотя и не лишенному нѣкоторыхъ слабостей и увлеченій человѣку...

Дѣйствительно, какой, въ сущности, еврей этотъ Гафнеръ? Самъ авторъ указываетъ на то, что въ дѣтствѣ онъ не получилъ воспитанія ни въ еврейскомъ, ни въ христіанскомъ духѣ, потому что его отецъ относился къ подобнымъ вопросамъ индифферентно, а его мать слишкомъ рано умерла. Онъ выросъ, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, къ какой религіи онъ принадлежитъ, не зная, по выраженію Бурже, другой литургіи, кромѣ „lithurgie de l'argent“. Обрушиваясь на своихъ жертвъ и эксплоатируя ихъ Гафнеръ также очень мало интересовался ихъ національностью и вѣроисповѣданіемъ. Двѣ вещи, въ особенности, привлекали его въ жизни: во первыхъ,—постепенное обогащеніе; во вторыхъ—сближеніе съ аристократіею, къ которой онъ стремится съ неменьшимъ упорствомъ, чѣмъ Мюнштейнъ. Для достиженія второй цѣли, онъ рѣшаетъ, во что бы то ни стало, выдать свою дочь Фанни за разорившагося итальянскаго аристократа Ардеа. Дѣло въ томъ, что послѣдній давно уже весь въ долгахъ, и его главнымъ кредиторомъ является подставное лицо, негласно руководимое самимъ барономъ. Держа, такимъ образомъ, Ардеа въ своихъ рукахъ, Гафнеръ надѣется, благодаря этому, *заставить* его жениться на Фанни. Правда, онъ знаетъ, что Ардеа—безпутный и пошлый человѣкъ, съ которымъ его дочь не можетъ быть счастлива; но что такое для него ея счастье, по сравненію съ возможностью имѣть своимъ зятемъ титулованное лицо, родъ котораго нѣкогда далъ Италіи папу Урбана VII!..

Не желая слишкомъ долго останавливаться на дѣятеляхъ еврейскаго финансоваго міра, о которыхъ, кажется, уже достаточно сказано было выше, я ограничусь простымъ упоминаніемъ о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ той же категоріи, выступающихъ во французскихъ романахъ. Къ числу ихъ принадлежитъ, напримѣръ, баронъ Гедеонъ Сэндà, изъ „Les morts qui parlent'a,—банкиръ, уроженецъ Тріеста, хозяинъ популярнаго въ Парижѣ салона, очень любящій иногда поострить, съ любезною улыбкою спрашивающій, напримѣръ, у своего гостя, депутата-соціалиста: „сколько дней пощады вы даете еще вашимъ бѣднымъ друзьямъ изъ капиталистовъ“? Здѣсь можно упомянуть также о баронѣ Валленштейнѣ, братѣ баронессы de Bonmont, изъ „L'anneau d'amethyste“ Франса, старомъ діабетикѣ, который все еще хочетъ наслаждаться жизнью и разыгрывать изъ себя вивёра; о баронѣ de Bonmont, выходцѣ изъ Австріи, сынѣ Натана и внукѣ Зелигмана Гуттенберга, принадлежавшемъ къ очень скромной семьѣ и съ помощью удачныхъ спекуляцій временно составившемъ себѣ крупное состояніе, и умершемъ отъ апоплексическаго удара наканунѣ своего полнаго разоренія; о второстепенныхъ биржевикахъ и маклерахъ-евреяхъ, фигурирующихъ въ „L'argent“ и участвующихъ во всѣхъ спекуляціяхъ, которыя связаны съ баснословнымъ успѣхомъ и столь же быстрымъ паденіемъ акцій „Banque Universelle“, въ родѣ Натансона, Якоби и другихъ, о банкирахъ Пумсѣ и Герштейнѣ изъ „Les deux rives“ Вандерема, доводящихъ бѣднаго oncle Cyprien до полнаго крушенія, и т. д.

Два слова о представителяхъ той фракціи еврейскаго молодого поколѣнія, которая тѣсно связана съ міромъ бароновъ и биржевыхъ дѣльцовъ. Въ изображеніи французскихъ писателей всѣ эти молодые люди являются очень мало типичными, даже

*) Тамъ же, стр. 19.

прямо блѣдными. Графъ Sem Mac-Chabée de Mazas (!), молодой человѣкъ 26-ти лѣтъ, племянникъ старика Mac-Chabée, выведенный въ „Jsraël", къ удивленію—безъ обычнаго шутовства, которое мы встрѣчаемъ у Жипъ, когда она говоритъ объ евреяхъ,—очень элегантенъ, недуренъ собою, оживленъ, говоритъ по французски безъ всякаго акцента, въ душѣ нѣсколько иронизируетъ надъ старшимъ поколѣніемъ,—и только! Молодой Бернштейнъ, наслѣдникъ банкирскаго дома „Бернштейнъ и Шлафъ",— изъ „Gens de la noce" Онэ,—ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ вивёровъ и прожигателей жизни выступающихъ въ этомъ романѣ. Бѣлокурый, краснощекій, веселый, онъ, подобно имъ проводитъ большую часть времени въ театрахъ, ресторанахъ и cafés-concerts, открыто находится въ связи съ m-me Ravau, при всемъ томъ не порываетъ сношеній и съ ея мужемъ, довольно индифферентно относящимся ко всей этой исторіи, и, чтобы доставить ему удовольствіе, нарочно проигрываетъ ему въ poker... При случаѣ, онъ любитъ, однако, пофилософствовать, высказать свое мнѣніе, и излагаетъ теоріи „d'une stupidité magnifique" *). Разъ онъ принимается доказывать пользу роскоши и настаиваетъ на томъ, что „les gens de la noce", благодаря своимъ крупнымъ расходамъ,—самые полезные люди на свѣтѣ!.. „Совершенно смѣшно было бы утверждать, что лица въ родѣ насъ, которыя живутъ только для того, чтобы тратить деньги, приносятъ пользу лишь самимъ себѣ. Упраздните ихъ, и вы увидите, что́ будетъ съ обществомъ... Это я вамъ говорю понимаете?—я, Бернштейнъ, котораго называютъ sale Juif..." **).

Этотъ типичный представитель парижской золотой молодежи считаетъ, такимъ образомъ, возможнымъ упоминать для краснаго словца о своемъ происхожденіи, ясно показывая всѣмъ, что самъ онъ ни во что не ставитъ свою національность и религію. Совершенно такъ же племянникъ барона Монаха, Рафаэль, про котораго разсказываютъ, что, находясь въ коллэжѣ, онъ разыгрывалъ въ лоттерею пирожки, которые ему присылала мать, рисуется своимъ индифферентнымъ или пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему типично-еврейскому, позволяетъ себѣ пошловатыя остроты на этотъ счетъ и, вѣчно ломаясь и паясничая, спрашиваетъ у тѣхъ, кто только-что бесѣдовалъ съ его дядей: „какъ вы можете говорить съ этимъ sale Juif?!"... ***).

Если нѣкоторые изъ дѣятелей финансоваго міра, о которыхъ рѣчь шла выше, могутъ, до извѣстной степени, быть названы,—какъ это сдѣлалъ Бурже относительно Гафнера,—авантюристами, нельзя не отмѣтить здѣсь, что въ двухъ романахъ современныхъ писателей сдѣлана была попытка обрисовать психологію подлинныхъ авантюристовъ еврейскаго происхожденія. Къ числу ихъ принадлежитъ, несомнѣнно, графъ Губертъ Бруккенъ изъ „Nemrod et C-ie". Сынъ банкира Леви Симсона, бывшаго при Луи Филиппѣ однимъ изъ биржевыхъ королей, получившаго за какія то заслуги графскій титулъ—и пріобрѣтшаго имѣніе Бруккенъ въ Эльзасѣ, онъ ведетъ очень безпорядочную жизнь, ничѣмъ въ сущности не занимается, постоянно играетъ въ карты, при чемъ не брезгаетъ шулерскими пріемами и мошенничествомъ, много времени удѣляетъ охотѣ. Овладѣвъ довѣріемъ Селима Нуньо, онъ проявляетъ всю свою низость, обкрадываетъ его, соглашается быть по прежнему любовникомъ Мануэлы, хотя знаетъ про ея связь съ Селимомъ, на дочери котораго онъ собирается жениться. Когда лѣсной сторожъ, случайно подкараулившій его свиданіе съ Мануэлой, доноситъ обо всемъ Селиму, Бруккенъ убиваетъ его и потомъ сваливаетъ вину на другого. При всемъ томъ, онъ хочетъ казаться настоящимъ джентельменомъ, придаетъ себѣ необыкновенно утонченный и корректный видъ. Мануэла напоминаетъ ему въ одномъ случаѣ, что онъ все же принадлежитъ къ „tribu de Lévy", несмотря на свои аристократическія замашки... Это за-

*) Georges Ohnet, „Les batailles de la vie: Gens de la noce"; Paris, Paul Ollendorff 1900; стр. 233.
**) Тамъ же, стр. 931.
***) „Les Monach", стр. 147.

мѣчаніе вѣрно, впрочемъ, только на половину: происхожденіе Бруккена играетъ очень небольшую роль во всѣхъ его поступкахъ, и онъ, въ значительной степени, составляетъ подобно Гафнеру, космополитическое явленіе, хотя и сохранилъ вѣру своихъ отцовъ...

Главный герой романа „Samuel Brohl et C-ie" Шербюлье въ еще большей степени, чѣмъ Бруккенъ, можетъ быть названъ типичнымъ авантюристомъ. Родившись въ Галиціи, въ какомъ то захолустномъ городкѣ, онъ, повидимому, долженъ былъ провести всю свою жизнь вдали отъ крупныхъ центровъ. Въ дѣйствительности его судьба превратилась постепенно въ самый занимательный романъ. Онъ побывалъ въ Парижѣ, въ Турціи, въ Соединенныхъ Штатахъ, всюду пускаясь на всевозможныя уловки, чтобы разбогатѣть и выдвинуться, съ какимъ то ожесточеніемъ играя въ trente et quarante, нѣсколько разъ наживая и проживая этимъ путемъ цѣлыя состоянія. Когда въ его руки случайно попадаютъ документы умершаго польскаго патріота, графа Абеля Ларинскаго, онъ рѣшаетъ присвоить себѣ его имя, всюду выдаетъ себя за поляка, разсказываетъ какія то небылицы о своемъ прошломъ, говоритъ объ евреяхъ, какъ о народѣ, правда, хорошо ему знакомомъ, но совершенно чуждомъ... *).

Встрѣтившись въ Швейцаріи съ дочерью почтеннаго ученаго Moriaz, Антуанеттою, увлекающеюся, любящею все необычайное, фантастическою дѣвушкою, онъ безъ особаго труда производитъ на нее сильное впечатлѣніе, кружитъ ей голову и постепенно пробуждаетъ въ ея сердцѣ самую искреннюю, горячую любовь. Не слушая предостереженій отца, убѣждающаго ее не довѣрять такъ слѣпо человѣку, прошлаго котораго они совсѣмъ не знаютъ, она мечтаетъ о томъ времени, когда она будетъ женою этого изящнаго и галантнаго „польскаго графа"... Броль, какъ новый Кречинскій, надѣется уже, что дѣло выгоритъ, и онъ получитъ въ руки крупное состояніе, которое составляетъ приданое Антуанетты; наряду съ этимъ, онъ чувствуетъ, впрочемъ, и вполнѣ безкорыстное влеченіе къ этой красивой и оригинальной дѣвушкѣ. Но всѣ его планы относительно будущаго неожиданно оканчиваются неудачею. Какая то старая русская княгиня Гюлова (?), въ свое время увезшая съ собою молодого Самуила изъ уединеннаго уголка Галиціи, въ отместку за то, что онъ не захотѣлъ сдѣлаться ея любовникомъ, разоблачаетъ его прошлое въ то самое время, когда онъ уже признанъ оффиціально женихомъ... Само собою разумѣется, что все дѣло разстраивается, и Броль долженъ скрыться съ горизонта, чтобы черезъ нѣсколько времени снова приняться за различныя плутовскія продѣлки...

Обрисовывая психологію этого оригинальнаго искателя приключеній, Шербюлье, наряду съ несимпатичными сторонами его характера, отмѣчаетъ и его хорошіе задатки, и природныя дарованія. Это, несомнѣнно, очень умный и талантливый человѣкъ. Порою, какъ это ни странно, онъ принимается мечтать, строить воздушные замки, фантазировать; въ подобныя минуты онъ становится, до извѣстной степени поэтомъ, перестаетъ на время быть рыцаремъ наживы... Самуилъ обнаруживаетъ большія музыкальныя способности, весьма недурно поетъ, очень любитъ слушать музыку и легко поддается ея обаянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ интересуется поэзіей и вообще литературою. Еще въ Галиціи онъ прочелъ нѣмецкій переводъ „Венеціанскаго купца", увлекся этою пьесою, и сталъ мечтать о такомъ мірѣ, гдѣ встрѣчаются дѣвушки, въ родѣ Джессики или Порціи, гдѣ евреи горды, какъ Шейлокъ, мстительны какъ Шейлокъ"... **). Впослѣдствіи онъ отличается такою начитанностью, что можетъ поддержать въ обществѣ любой разговоръ, ведетъ длинныя бесѣды съ отцомъ Антуанетты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ усвоилъ себѣ настолько изящныя и корректныя манеры, что всѣ вѣрили ему на слово, что онъ потомокъ древ-

---

*) „Samuel Brohl et C-ié", par Uictor Cherbuliez, de l'Académie Francaise; 7-éme édition. Paris Hachette, 1889; стр. 56—57.

**) Тамъ же. стр. 104.

няго аристократическаго рода. Въ общемъ, романъ Шербюлье отнюдь не носитъ антисемитической окраски; авторъ вполнѣ признаетъ, что авантюристовъ всюду много, и ихъ связь съ извѣстною націею—чисто проблематическая. „Всѣ авантюристы—*какъ евреи, такъ и христіане*,—существа то исчезающія, то снова появляющіяся,—ils appartiennent à la famille des plongeurs"!.. *). Писатель съ предвзятымъ отношеніемъ къ евреямъ, конечно, совершенно иначе обрисовалъ бы подобнаго героя!

II.

Отъ представителей финансоваго міра, отъ могущественныхъ банкировъ, биржевыхъ дѣльцовъ или авантюристовъ, въ родѣ Самуэля Броля и Бруккена, перейдемъ теперь къ тѣмъ евреямъ, которые дѣйствуютъ на другихъ поприщахъ,—къ евреямъ-депутатамъ, должностнымъ лицамъ, военнымъ, литераторамъ, докторамъ и пр. Подобные типы, къ сожалѣнію, гораздо рѣже привлекали вниманіе французскихъ писателей и не всегда бывали вполнѣ рельефно и ярко обрисованы,—но зато сами по себѣ они, конечно, гораздо интереснѣе всѣхъ шаблонныхъ бароновъ и биржевиковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вогюэ въ „Les morts qui parlent" сдѣлалъ своимъ героемъ депутата еврея, Эльзеара Байонна, принадлежащаго къ очень талантливой, трудолюбивой и энергичной семьѣ, которая въ разное время проявляла свою дѣятельность на различныхъ поприщахъ. Первоначальное воспитаніе и образованіе онъ получилъ въ чисто еврейскомъ духѣ; онъ съ восторгомъ слушалъ разсказъ своей бабушки Сефоры о старинѣ, задумывался надъ библейскими преданіями и выросталъ „dans le rêve d'une élection miraculeuse, toujours possible, toujours rénouvelée". Потомъ его вкусы и идеалы стали мѣняться; когда онъ вышелъ изъ средняго учебнаго заведенія, онъ почувствовалъ сильное желаніе поступить въ Ecole de Droit, чтобы сдѣлаться потомъ юристомъ. Преодолѣвъ тѣ преграды, которыя поставила ему семья, желавшая видѣть его коммерсантомъ, онъ достигъ своей цѣли, получилъ юридическое образованіе, по выходѣ изъ школы избралъ карьеру адвоката и вскорѣ превратился въ настоящаго парижанина, „un parisien de Paris" съ виду ничѣмъ не отличающагося отъ чистокровныхъ французовъ. Библію, которая такъ увлекала и вдохновляла его въ дѣтствѣ, онъ теперь почти совершенно пересталъ читать, а если и открывалъ ее, такъ только для того, чтобы провѣрить иныя утвержденія Ренана...

Мы застаемъ Байонна въ ту пору, когда онъ уже составилъ себѣ довольно замѣтное имя, какъ адвокатъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и ораторскому таланту, былъ избранъ депутатомъ и получилъ, такимъ образомъ, возможность принять активное участіе въ политической жизни страны. Рано заинтересовавшись соціалистическими идеями, онъ постепенно сдѣлался ихъ сторонникомъ и популяризаторомъ и считается въ Палатѣ однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ представителей этого оттѣнка, вождемъ цѣлой фракціи депутатовъ, которые во всемъ слушаются его. Время отъ времени онъ произноситъ очень красивыя по формѣ, полныя воодушевленія рѣчи, громитъ современный строй и предсказываетъ торжество новаго порядка, при чемъ даже депутаты правой, при всей своей ненависти къ нему, не могутъ отказать ему въ умѣніи говорить очень краснорѣчиво и талантливо.

Увлеченный своею парламентскою карьерою, Эльзеаръ Байоннъ, повидимому, совсѣмъ забылъ о своемъ происхожденіи, порвалъ почти всѣ связи съ еврействомъ; онъ рѣдко видится съ матерью, не поддерживаетъ сношеній съ дальними родственниками и лишенъ возможности слушать занимательные разсказы бабушки о прошломъ израильскаго народа, потому что къ этому времени она уже умерла, унеся съ собою въ могилу старый традиціонный духъ, который долго держался въ роду Байонновъ Эльзеаръ считаетъ себя французомъ, точнѣе—космополитомъ; „я, впрочемъ, пожалуй,

*) Тамъ же, стр. 329.

соглашусь съ тобою, если ты на этомъ настаиваешь", говоритъ онъ своему пріятелю, Жаку Андаррану, придающему большое значеніе расѣ и ея вліянію, „что праведная и бурная душа Амоса или Михея отражается отчасти въ томъ отвращеніи, которое внушаетъ мнѣ ваше глупое общество, и въ томъ желаніи ниспровергнуть его, которое я испытываю." *)... Въ глубинѣ души Эльзеаръ, дѣйствительно, далеко не отрѣшился отъ воздѣйствія наслѣдственности, и его мечты о будущемъ могуществѣ и славѣ, отчасти, конечно, служатъ,—хотя и не въ такой степени какъ предполагаетъ авторъ,—отголоскомъ тѣхъ преданій о выставленныхъ въ разное время Израилемъ мужественныхъ и доблестныхъ дѣятеляхъ, которыя онъ слышалъ въ дѣтствѣ, и отраженіемъ той энергіи и предпріимчивости, которую неоднократно проявлялъ въ прошломъ ихъ собственный родъ.

Совершенно отрѣшившись, повидимому, отъ вліянія своего племени, даже скрывая отъ своихъ новыхъ знакомыхъ, что онъ—еврей, Байоннъ все же инстинктивно испытываетъ непріятное, томительное ощущеніе, когда при немъ начинаютъ бранить евреевъ. Молодая, нѣсколько эксцентричная русская дама, княгиня Дарья Верагина, увлекшаяся краснорѣчіемъ и воодушевленіемъ Эльзеара и полюбившая его, какъ выразителя дорогихъ ея сердцу идей, разсказываетъ ему въ одномъ случаѣ о Россіи, набрасываетъ грустную, безотрадную картину провинціальной жизни въ какомъ то уголкѣ юго-западнаго края и, между прочимъ, упоминаетъ объ евреяхъ и той роли, которую они играютъ въ экономическомъ быту мѣстнаго крестьянства. „Но вѣдь это племя, по крайней мѣрѣ, приносило съ собою извѣстныя идеи, немного свѣта и оживленія въ тотъ мракъ, о которомъ вы говорите", невольно вставляетъ свое слово Эльзеаръ. Княгиня Верагина, которой ея соціалистическія увлеченія не мѣшаютъ быть чистокровною антисемитскою (ея образъ вообще очень мало удался Вогюэ), смотритъ на своего собесѣдника съ неподдѣльнымъ изумленіемъ. „Я сказала: евреи... Что же хорошаго могутъ они принести съ собою"? И сердце внука старушки Сефоры болѣзненно сжимается при этихъ словахъ,—„comme si une lame aigüe l'avait percé *).

Политическіе враги и противники Байонна въ обыкновенное время никогда не упоминаютъ, правда, объ его происхожденіи, дѣлаютъ видъ, что считаютъ его чистокровнымъ французомъ, но они прекрасно знаютъ, что онъ—еврей, и при случаѣ, подъ вліяніемъ раздраженія, не прочь кольнуть его тѣмъ, что онъ вышелъ, если не изъ настоящаго гетто, то все же изъ старозавѣтной, сохранившей всѣ типично-національныя особенности семьи. Когда въ концѣ романа Эльзеаръ Байоннъ, въ состояніи аффекта, произноситъ рѣзкую, запальчивую рѣчь въ Палатѣ и обрушивается съ какою то яростью на сторонниковъ противоположныхъ взглядовъ, отовсюду раздаются негодующіе, гнѣвные возгласы,—и ему сейчасъ же напоминаютъ объ его происхожденіи: „Dehors le vilaine Juif!" „Да, я—еврей", восклицаетъ Байоннъ, „но не тотъ еврей, который подчиняетъ васъ господству золота, вашего единственнаго повелителя! Я приношу съ собою изъ глубины вѣковъ нашъ старый призывъ къ справедливости, приношу освобожденіе, какъ вашимъ, такъ и моимъ угнетеннымъ братьямъ"!... Байоннъ погибаетъ на дуэли,—и въ моментъ разставанія съ жизнью наслѣдственность опредѣленнѣе прежняго даетъ о себѣ знать. Одинъ старый республиканецъ съ благоговѣніемъ наклоняется къ его изголовью, чтобы услышать послѣднюю волю и политическое завѣщаніе погибающаго бойца; но мысли Байонна заняты теперь совсѣмъ инымъ,—слабѣя съ каждымъ мгновеніемъ, время отъ времени начиная бредить, онъ въ безсвязной, отрывистой формѣ вспоминаетъ отдѣльные образы изъ старыхъ библейскихъ преданій, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, говоритъ что-то объ Юдиѳи, о гибели Олоферна...

Внутренній міръ Байонна, несомнѣнно, обрисованъ, мѣстами, не вполнѣ объективно;

вы чувствуете, что авторъ недолюбливаетъ своего героя и какъ соціалиста, и еще болѣе,— какъ еврея. Не доходя, конечно, до воинствующаго антисемитизма иныхъ писателей, въ родѣ Леона Додэ, Вогюэ все же приписываетъ слишкомъ ужъ большое значеніе вліянію расы, видитъ въ стремленіи молодого талантливаго депутата къ славѣ и вліянію,— какъ будто въ этомъ было что нибудь необыкновенное,—только одно изъ проявленій еврейскаго національнаго характера. Не разъ онъ настаиваетъ на томъ, что Эльзеаръ не прочь порисоваться и щегольнуть своими крайними убѣжденіями, что въ глубинѣ души онъ скорѣе аристократъ до мозга костей, чѣмъ вождь соціалистовъ. Это не мѣшаетъ, однако, Байонну быть однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ евреевъ, какіе только привлекали до сихъ поръ вниманіе французскихъ писателей. Уже одно то важно, что романистъ задался цѣлью обрисовать внутренній міръ еврея, играющаго важную роль въ политическомъ мірѣ, чего раньше никто не сдѣлалъ. Можно вспомнить здѣсь развѣ только о той главѣ „Les déracinés" Мориса Барреса, гдѣ выступаетъ баронъ Рейнахъ при чемъ авторъ, не отказывая этому политическому дѣятелю въ талантѣ и проницательности, спѣшитъ все же мимоходомъ напомнить намъ, что Рейнахи получили свое состояніе благодаря искуснымъ операціямъ торговаго дома „Канъ и Рейнахъ", а баронскій титулъ пріобрѣли за деньги въ Италіи и Германіи... Впрочемъ, Барресъ не можетъ, какъ извѣстно, похвастаться особымъ безпристрастіемъ по отношенію къ евреямъ, чего нельзя и ожидать отъ такого яраго націоналиста, считающаго чуть ли не всѣхъ инородцевъ и иностранцевъ—врагами французской націи... Въ его новѣйшемъ романѣ,—второмъ звенѣ изъ серіи „Roman de l'énergie nationale",—„L'appel au soldat" попадается, очень характерная фраза, лишній разъ проливающая свѣтъ на отношеніе автора къ евреямъ. Въ салонѣ Нелля можно было, между прочимъ, видѣть, разсказываетъ онъ ,,милліонеровъ съ экзотическими фамиліями,—*mi-Juifs, mi-honorables*, très parisiens, nullement français *). Понятія *juif* и *honorable* кажутся Барресу безусловно противорѣчащими одно другому!...

Евреи, принадлежащіе къ администраціи, сравнительно рѣдко выступаютъ во французскихъ романахъ нашего времени. Жипъ въ ,,Israël" выводитъ, между прочимъ, префекта Исаака Жакоба, который представляетъ собою крайне блѣдную и безцвѣтную личность. Онъ больше всего надѣется на свою любезность и обходительность, старается всѣмъ угодить, избѣгаетъ, напримѣръ, опредѣленно высказываться о дѣлѣ Дрейфуса, чтобы не нажить себѣ враговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не говоритъ и противъ своихъ единовѣрцевъ, и даже осторожно осуждаетъ антисемитизмъ, какъ направленіе, безусловно вредное для республики и ея видовъ. Иногда Жакобъ, подобно героямъ Жипъ изъ финансоваго міра, можетъ показаться прямо недалекимъ, ограниченнымъ. Кто то называетъ въ его присутствіи грандіозную охоту, устроенную богатымъ евреемъ, владѣльцемъ стараго дворянскаго замка,—,,chasses royales". Префектъ, желая себя показать убѣжденнымъ республиканцемъ, заявляетъ, что этотъ эпитетъ, по его мнѣнію, не удаченъ,—потому что слово royal, какъ ему представляется, можетъ употребляться только тогда, когда говорятъ о чемъ нибудь отжившемъ свой вѣкъ, устарѣвшемъ **)...

Съ большимъ талантомъ и рѣдкою объективностью обрисовываетъ Анатоль Франсъ въ своихъ трехъ романахъ, входящихъ въ составъ серіи ,,Histoire contemporaine", особенно въ первыхъ двухъ, внутренній міръ префекта-еврея, Вормсъ-Клавлэна. Отмѣчая смѣшныя или несимпатичныя стороны этого ловкаго и хитроумнаго карьериста, авторъ отнюдь не считаетъ ихъ неразрывно связанными съ его происхожденіемъ, не разъ показываетъ намъ, что Клавлэнъ относится совершенно индифферентно къ своему племени, охотно скрылъ бы отъ всѣхъ что онъ—еврей, и дорожитъ, прежде всего,

---

*) Maurice Barrès, „Le roman de l'énergie nationale: L'appel an soldat". Paris, 1900, стр. 234

**) Gyp, „Israël"; стр. 63; „Leur sens moral".

хорошимъ мнѣніемъ своего начальства... Странно было бы, впрочемъ, обвинять Франса въ непріязненномъ отношеніи къ евреямъ изъ за тѣхъ отрицательныхъ чертъ, которыми онъ надѣлилъ Клавлэна,—разъ не далѣе, какъ въ тѣхъ же романахъ онъ неоднократно и очень опредѣленно протестуетъ устами философа и ученаго Бержере, противъ антисемитизма и вообще человѣконенавистничества, во всѣхъ его формахъ... *) Клавлэнъ—типичный оппортюнистъ, человѣкъ не бездарный и очень хитроумный, умѣющій подлаживаться ко всѣмъ быстро смѣняющимся режимамъ и вѣяніямъ въ области политики. Какъ только новый министръ появляется на горизонтѣ, догадливый префектъ, тотчасъ же сообразивъ, какой программы тотъ будетъ держаться, оказывается на высотѣ положенія, и ему безъ труда удается заслужить одобренія новаго начальника... Онъ счелъ нужнымъ окрестить свою дочь Жанну, для того чтобы она могла получить образованіе въ католическомъ монастырѣ; но въ это время министромъ былъ радикалъ,—и Клавлэнъ, боясь, что въ его поступкѣ тотъ усмотритъ тяготѣніе къ клерикализму, искусно скрылъ отъ него этотъ шагъ. Когда тотъ же постъ заняло другое лицо, уже не отличавшееся враждою къ церкви, префектъ нашелъ, что теперь можно огласить крещеніе дочери, тѣмъ болѣе, что это должно было расположить въ его пользу мѣстное, провинціальное общество.

Начинаются толки о франко-русскомъ союзѣ, онъ тотчасъ же устраиваетъ въ своемъ городѣ франко-русскій праздникъ съ благотворительною цѣлью, зная, что это произведетъ хорошее впечатлѣніе... Вполнѣ равнодушный къ религіознымъ вопросамъ, „привыкнувъ смотрѣть на всѣ религіи только съ административной точки зрѣнія", иногда позволяя себѣ довольно дешевое кощунство, онъ вступаетъ въ сношенія съ умнымъ и дальновиднымъ аббатомъ Гитрелемъ, медленно, но вѣрно добивающимся епископскаго сана,—потому что около этого времени правительство начинаетъ съ большею терпимостью относиться къ духовенству,—склоняется въ пользу болѣе примирительной политики и рекомендуетъ ее своимъ агентамъ... Сближаясь съ Гитрелемъ, Клавлэнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, втайнѣ надѣется на то, что эта дружба съ католическимъ священникомъ заставитъ окружающее общество окончательно забыть объ его происхожденіи. „Les Juifs ne sont pas mes amis; je n'ai pas d'attache dans le monde juif", рѣшительно заявляетъ онъ въ одномъ случаѣ **). При всемъ томъ, Клавлэнъ пресерьезно считаетъ себя прогрессистомъ, иногда даже хвастается этимъ... Быть можетъ, всего лучше опредѣлилъ свою тонкую дипломатическую политику онъ самъ, этою характерною фразою, которая тотчасъ же разнеслась по всему городу. „Нужно избѣгать всѣхъ поводовъ къ скандалу и всѣхъ причинъ разногласія" ***).

По сравненію съ такою живою, типичною фигурою, какъ Вормсъ-Клавлэнъ, довольно блѣднымъ кажется префектъ Жозефъ Байоннъ, дядя Эльзеара. Это—довольно заурядный чиновникъ,—дѣлецъ, который старается привлечь вниманіе своего начальства исключительно трудолюбіемъ и усердіемъ, при случаѣ не прочь воспользоваться протекціей, умѣетъ ладить и уживаться со всѣми. О своемъ еврейскомъ происхожденіи онъ, кажется, никогда не вспоминаетъ. Когда Мирво становится главою кабинета, Жозефъ получаетъ постъ directeur de la Sûreté. Стремясь, подобно Вормсъ—Клавлэну, къ примиренію враждующихъ элементовъ и установленію, путемъ извѣстныхъ компромиссовъ, мира и гармоніи, онъ предлагалъ Эльзеару министерскій портфель, надѣясь склонить этимъ путемъ своего племянника—соціалиста на сторону правительства, откровенно заявляя ему, что пора имъ столковаться и придти къ соглашенію.

На евреяхъ—военныхъ, выведенныхъ французскими беллетристами, долго оста-

---

*) См. напр. „L'anneau d'améthyste", стр. 152, 203, 261—263 и пр.

**) Anatole France, „Histoire contemporaine: L'orme du mail Paris", Calmann Lévy, 1899 (17-e édition); стр. 122.

***) „Histoire contemporaine: Le mannequin d'osier"; стр. 98.

навливаться не приходится. Бенжамэнъ Констанъ въ „Israël“ не лучше обрисованъ, чѣмъ всѣ остальные герои Жипъ. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, нося мундиръ, обнаруживаетъ все же меркантильный духъ, наклонность къ спекуляціямъ и аферамъ, т. е. тѣ свойства, которыя, по мнѣнію Жипъ, составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго еврея... Получая изъ дому по 400 франковъ въ мѣсяцъ, онъ проситъ родныхъ посылать ему лучше по двѣсти, а остальные двѣсти пускать въ оборотъ, чтобы они приносили ему проценты... Въ полку онъ изображаетъ изъ себя чуть ли не бѣдняка, боясь, какъ бы у него не стали просить денегъ въ займы,—и даже, для отвода глазъ, самъ беретъ у какого то товарища нѣсколько франковъ... Солдатъ Бонмонъ, изъ „L'anneau d'améthyste“ Анатоля Франса, обрисованъ гораздо объективнѣе, но все же принадлежитъ къ менѣе характернымъ и типичнымъ фигурамъ романа. Авторъ надѣлилъ его, въ сущности, только одною, очень опредѣленною чертою: большимъ честолюбіемъ и, если хотите, тщеславіемъ. Сынъ барона de Bonmont, располагающій большими средствами, прекрасно видитъ все же, что его титулъ, пріобрѣтенный въ свое время его отцомъ въ Римѣ за хорошія деньги, а также его крупное состояніе, еще не дѣлаютъ его равнымъ старой аристократіи, сторонящейся отъ этой новой знати, не открываютъ ему, какъ еврею, всѣхъ дверей, не улучшаютъ и его положенія въ полку. Онъ страстно желаетъ получить приглашеніе на блестящія, многолюдныя, посѣщаемыя всей аристократіей охоты, которыя устраиваетъ въ своемъ помѣщеніи герцогъ de Brécé,—и вотъ онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы этого добиться, вступаетъ въ переговоры съ аббатомъ Гитрелемъ, который хорошо знаетъ семью герцога, убѣждаетъ его похлопотать за него, и, сообразивъ, что голосъ Гитреля получитъ еще больше вѣса съ той минуты, какъ онъ станетъ епископомъ, рѣшаетъ, исключительно ради удовлетворенія своего тщеславія, всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы тотъ украсилъ вскорѣ свою руку символическимъ аметистовымъ перстнемъ...

Типъ еврея—литератора или журналиста до сихъ поръ еще не сдѣлался во французской беллетристикѣ предметомъ вполнѣ серьезной и объективной оцѣнки. Какъ нарочно, евревъ, прикосновенныхъ къ литературѣ, всего чаще выводилъ Леонъ Додэ: можно себѣ представить a priori, въ какомъ свѣтѣ они обрисованы у него! Получилось что то крайне шаржированное, смахивающее на каррикатуру, проникнутое, къ тому же, самымъ неприкрашеннымъ антисемитизмомъ. Въ „Les Kamtchatka“, описывая званый вечеръ въ домѣ г-жи Тупэнъ де Маръ, онъ упоминаетъ, между прочимъ, о группѣ молодыхъ людей, „de profil sémitique“, сторонниковъ крайнихъ теченій въ области живописи, литературы и музыки. Всѣ эти лица, являющіяся въ изображеніи Леона Додэ, какъ и всѣ вообще новаторы, шарлатанами или маньяками, группируются вокругъ журнальчика „Curare“ и признаютъ своимъ главою его редактора, нѣкоего Жака Савреза, вѣчно рисующагося и напускающаго на себя глубокомысленный видъ. Всѣ они авторитетнымъ тономъ разсуждаютъ о литературѣ и искусствѣ, ставятъ ни во что крупныхъ дѣятелей прошлаго, хотя сами не выработали себѣ сколько нибудь опредѣленнаго *credo*. Въ томъ же романѣ выступаетъ модный и плодовитый беллетристъ и критикъ—еврей, Adolphe Judas, получающій большія деньги за свои произведенія. Онъ, впрочемъ, тщательно скрываетъ свою принадлежность къ еврейскому племени, хочетъ, чтобы его считали чистокровнымъ французомъ и нарочно осмѣиваетъ при каждомъ удобномъ случаѣ теорію расы и отстаиваетъ космополитическія идеи. На ряду съ критическими статьями, онъ пишетъ какія то легенды, заимствуя для нихъ сюжеты отовсюду. Додэ заставляетъ его не брезгать и мелкимъ подкупомъ, брать иногда деньги за благопріятныя рецензіи, только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы все это происходило тайно и не могло его компрометировать... Подобные субъекты, несомнѣнно, очень часто встрѣчаются въ парижскихъ литературныхъ „приходахъ“ второго разряда; но при чемъ въ данномъ случаѣ еврейское происхожденіе Жюда?..

Къ числу писателей причисляетъ себя, въ томъ же романѣ, и баронъ Hurphen,— поставляющій, спѣшитъ намъ сообщить авторъ, испорченную муку и гнилое мясо во французскую армію. Онъ написалъ обширное разсужденіе: „Traité de l'abolition du paupérisme", выдаетъ себя за сторонника крайнихъ ученій, съ необыкновеннымъ сочувствіемъ говоритъ о французскомъ рабочемъ, а въ иныхъ случаяхъ открыто называетъ себя анархистомъ. „Che suis anarchiste, che l'afoue *)! Къ изящной словесности и критикѣ баронъ относится довольно равнодушно; онъ только интересуется тѣмъ, сколько получаетъ Жюда, и вообще популярный хроникеръ, за каждую статью... При случаѣ онъ сообщаетъ, кстати, что его племянникъ, молодой Counstheim, сдѣлался символистомъ и пишетъ стихи! Въ новѣйшемъ романѣ Леона Додэ, „La romance du temps présent", — безспорно одномъ изъ наименѣе удачныхъ его произведеній,—опять упоминается вскользь объ еврейской молодежи, занимающейся, между дѣломъ, и литературою. Нѣкоторые члены многочисленной семьи, главою которой является Натанъ Сэмъ, проявляютъ литературные вкусы, субсидируютъ анархистскіе органы, пробуютъ свои силы на литературномъ поприщѣ и очень рѣшительно и категорически оцѣниваютъ новыя книги и пьесы **).

Все это не можетъ, конечно, дать настоящаго понятія объ участіи евреевъ въ современной французской словесности, которой они, такъ или иначе, подарили нѣсколько очень способныхъ и дѣятельныхъ работниковъ. Довольно блѣдную фигуру представляетъ собою и выступающій въ романѣ Жюля Сажере „L'orchidée" глава крупной издательской фирмы, Симонъ Таржъ, знакомый и покровитель парижскихъ литераторовъ и хозяинъ моднаго салона, гдѣ жаждутъ бывать всѣ тѣ, кому онъ можетъ, рано или поздно, пригодиться. Сынъ бѣднаго, никому не извѣстнаго еврея, выходца изъ за границы, носившаго фамилію Schild, и перемѣнившаго ее потомъ, изъ практическихъ соображеній, на французскій переводъ той же фамиліи—Targe ***), онъ обладаетъ теперь, благодаря своей энергіи, трудолюбію и ловкости, крупнымъ состояніемъ, ведетъ громадное издательское дѣло, устраиваетъ у себя въ домѣ блестящіе, многолюдные рауты и литературно-музыкальные вечера, на которыхъ наиболѣе извѣстные писатели читаютъ иногда свои не напечатанныя произведенія... Къ сожалѣнію, Таржъ играетъ въ романѣ Сажере только эпизодическую роль; мы очень мало узнаемъ объ его характерѣ и наклонностяхъ, получаемъ извѣстное понятіе о немъ скорѣе, какъ объ амфитріонѣ, чѣмъ какъ о дѣятелѣ, такъ или иначе прикосновенномъ къ литературѣ. Послѣ карриктурныхъ типовъ Леона Додэ, пріятное впечатлѣніе производитъ, однако, уже то обстоятельство, что авторъ совершенно воздержался отъ всякихъ антисемитическихъ выходокъ, говоря о карьерѣ Таржа.

Объ евреяхъ-ученыхъ говорится, но опять—только вскользь, въ „Les morts qui parlent". Одинъ изъ Байонновъ, принадлежащій, однако, къ другой вѣтви того же рода, Давидъ Байоннъ, какъ мы узнаемъ, составилъ себѣ почетное имя въ научномъ мірѣ. Онъ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, всестороннему изученію еврейскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ. Въ 1830 году его пригласили въ университетъ для преподаванія сравнительной грамматики семитическихъ нарѣчій; въ 1872 году Académie des Inscriptions избрала его своимъ членомъ, желая почтить его ученыя заслуги и неутомимую, плодотворную дѣятельность. Интересъ къ наукѣ и выдающаяся энергія Давида передались его сыну, Альфонсу, который рѣшилъ итти по стопамъ отца и постепенно зажилъ совершенно обособленною, замкнутою жизнью, посвящая большую часть своего времени занятіямъ, подчасъ забывая о самомъ себѣ и своихъ нуждахъ. Чуждый самомнѣнію и честолюбивыхъ плановъ, онъ провелъ бы всю жизнь въ Монтобанѣ, въ

*) „Les Kamtchatka", стр. 286, 288.
**) „La romance du temps présent", стр. 201.
***) Jules Sageret, „L'Orchidée"; Paris, Fasquelle, 1898; стр. 2.

должности директора мѣстнаго лицея,—еслибы его не убѣдили перебраться въ Парижъ и не предложили ему мѣста inspecteur de l'Université. „Un juste, un simple",—такъ характеризуетъ Альфонса Байонна его дочь, порвавшая съ нимъ всѣ связи, пошедшая не по тому пути, который онъ ей намѣтилъ, но все же неспособная отозваться о немъ иначе, какъ съ сочувствіемъ *).

Изъ числа евреевъ, занимающихся наукою, сравнительно чаще фигурируютъ во французскихъ романахъ медики. Здѣсь можно упомянуть, напримѣръ, о главномъ героѣ романа „Le Medecin juif" Луи Нуара **), Іонаѳанѣ, алжирскомъ евреѣ, дѣйствующемъ въ Сѣверной Африкѣ и постоянно имѣющемъ дѣло съ туземцами-арабами. Но, прежде всего, два слова объ этомъ романѣ, совершенно неизвѣстномъ нашей публикѣ. Онъ является продолженіемъ двухъ другихъ,—„La banque juive" и „Le colporteur juif"; послѣднее звено той же серіи носитъ названіе „Le fils du Nabab". Какъ художественныя произведенія, романы Нуара крайне слабы, написаны довольно бездарно и не интересно; психологія героевъ обрисована самыми блѣдными штрихами: иногда прямо становится досадно при мысли, сколько сумѣлъ бы извлечь изъ тѣхъ же самыхъ ситуацій писатель съ истиннымъ беллетристическимъ талантомъ! Но въ чисто этнографическомъ отношеніи и „Le médecin juif", и „Le colporteur juif", представляютъ большой интересъ, потому что изъ этихъ романовъ мы узнаемъ массу любопытныхъ свѣдѣній объ Алжирѣ и Сахарѣ, видимо, изученныхъ авторомъ вдоль и поперегъ, и въ частности, о бытѣ евреевъ, принужденныхъ жить среди мусульманскихъ племенъ и выносить всевозможныя преслѣдованія. Нуаръ неоднократно обращаетъ наше вниманіе на тяжелое положеніе этихъ евреевъ, которыхъ арабы считаютъ необходимымъ всячески угнетать, заставляя ихъ, напримѣръ, носить особую одежду, платить спеціальную подать за право торговли на рынкахъ, держать у себя въ домахъ мелкій скотъ и птицу магометанъ,—отчего страшно заражается воздухъ, и т. д. Несмотря на всѣ эти стѣсненія, которыми составило себѣ печальную извѣстность въ особенности племя мозабитовъ, мѣстные евреи, какъ указываетъ Нуаръ, обнаруживаютъ рѣдкую предпріимчивость и энергію, всегда готовы взяться за самое рискованное порученіе, напримѣръ, доставить, во что бы то ни стало, хлѣба голодающимъ солдатамъ. При всемъ томъ, въ глазахъ арабовъ еврей „ne compte pas pour un homme"...

Съ такою средою приходится имѣть дѣло Іонаѳану, который въ „Le médecin juif" выступаетъ, главнымъ образомъ, въ роли медика. Я уже говорилъ о томъ, что обрисовка психологіи героевъ, вообще, плохо дается Нуару; то же самое слѣдуетъ замѣтить, въ частности, о душевномъ мірѣ Іонаѳана. Съ одной стороны, онъ оказывается хитроумнымъ, даже коварнымъ, алчнымъ до денегъ, способнымъ пускаться на довольно некрасивыя махинаціи, разъ онъ хочетъ добиться осуществленія своихъ цѣлей. Но, на ряду съ этимъ, онъ обнаруживаетъ и природныя дарованія, и рѣдкую выдержку, и живой интересъ къ медицинѣ. Онъ приноситъ много пользы мѣстному населенію, лѣчитъ очень успѣшно туземцевъ, между прочимъ, артистически снимаетъ катаракты, что производитъ на арабовъ сильное впечатлѣніе. Онъ нарочно не говоритъ до поры, до времени о томъ, что онъ—еврей, съ тѣмъ чтобы объявить имъ это тогда, когда они привыкнутъ довѣрять ему и уважать его... Тотъ край, гдѣ ему приходится жить, Іонаѳанъ прекрасно изучилъ; психологія мѣстнаго населенія ему вполнѣ понятна и ясна.

Но Іонаѳанъ все же не получилъ солидной, основательной подготовки, является, до извѣстной степени, медикомъ—диллетантомъ, многому научился исключительно на практикѣ. Въ двухъ романахъ Леона Додэ,—„Les Morticoles" и „Sébastien Gouvès",—выступаютъ настоящіе, патентованные доктора—евреи, составившіе себѣ болѣе или менѣе замѣтное имя, желающіе играть роль въ научномъ мірѣ. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ романистъ далеко не обнаружилъ необходимой объективности, не сумѣлъ отрѣ-

*) „Les morts qui parlent", стр. 149.
**) „Le médecin juif", par Louis Noir. Paris, Librairie Mondaine, Joseph Ducher, éditeur. 1888.

шиться отъ своихъ обычныхъ антисемитическихъ воззрѣній. Если нетерпимость и національная исключительность производятъ очень невыгодное впечатлѣніе даже тогда, когда рѣчь идетъ о банкирахъ и биржевикахъ, подобное отношеніе становится совершенно недопустимымъ, разъ писатель касается людей мысли, представителей свободныхъ профессій. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что среди врачей—евреевъ могутъ попадаться очень несимпатичные или невѣжественные люди; но вывести какого нибудь шарлатана или карьериста еврея и все время напирать именно на то, что онъ—*еврей*, какъ это дѣлаетъ авторъ „Les Morticoles", значитъ—прибѣгать къ подтасовкѣ фактовъ и произвольно дѣлать извѣстную національность отвѣтственною за некрасивые поступки ея единичнаго представителя.

Общій характеръ „Morticoles" достаточно извѣстенъ не только французской, но и русской публикѣ. Этотъ романъ, удостоившійся того, что называется „succés de scandale" и разошедшійся въ двадцати слишкомъ тысячахъ экземпляровъ, представляетъ собою сатиру на парижскій медицинскій міръ, иногда довольно остроумную, очень часто сбивающуюся на пасквиль и каррикатуру... Всѣ доктора, носящіе здѣсь невозможныя фамиліи,—Foutange, Cercueillet и т. п.,—оказываются шарлатанами, эгоистами, безбожниками, алчными, жестокими людьми. Но Додэ счелъ все же нужнымъ, обличая поголовно всѣхъ медиковъ, указать, что и въ ихъ средѣ играютъ извѣстную роль евреи. Замѣтьте, что дѣйствіе происходитъ, какъ хочетъ насъ увѣрить авторъ, не въ Парижѣ, а на какомъ то фантастическомъ островѣ, гдѣ царятъ могущественные Morticoles, составившіе свой особый, замкнутый міръ и терроризирующіе мѣстное населеніе. При чемъ же тутъ евреи? и можетъ ли быть о нихъ рѣчь, разъ мы переносимся въ совершенно вымышленную обстановку, словно навѣянную воспоминаніями о „Путешествіи Гулливера"? Но автора это отнюдь не смущаетъ, и онъ преспокойно заявляетъ намъ, что „у Morticoles, какъ и повсюду, еврейская раса составляетъ особый классъ, всѣми ненавидимый, и все же могущественный" *). Къ числу евреевъ—врачей принадлежитъ въ „Les Morticoles" гипнотизёръ—шарлатанъ и карьеристъ Бустибра̀, и считающійся свѣтиломъ медицинскаго міра, имѣющій обширную практику докторъ—спеціалистъ Вабангеймъ. Послѣдній играетъ довольно большую роль въ романѣ. Его, правда, тоже не любятъ, видя въ немъ представителя „ненавистной расы", но къ нему все же обращаются, такъ какъ довѣряютъ его медицинскимъ познаніямъ. Леонъ Додэ спѣшитъ, конечно, сообщить намъ, что Вабангеймъ вступилъ въ сдѣлку съ аптекаремъ Бонаррита и за извѣстную мзду прописываетъ своимъ паціентамъ самыя дорогія лѣкарства, требуя, чтобы они ихъ брали именно въ этой аптекѣ. Несмотря на свою широкую извѣстность и внѣшній лоскъ, онъ, оказывается, все еще говоритъ съ акцентомъ, и авторъ нарочно приводитъ нѣсколько его фразъ, „où tous les *b* sont des *p*, et tous les *t* des d". „Je temante la barole", заявляетъ онъ на медицинскомъ конгрессѣ, собираясь говорить рѣчь. Насколько умѣстно, особенно въ данномъ случаѣ, это высмѣиваніе акцента, предоставляю судить вамъ!..

Вабангеймъ, въ изображеніи Додэ,—типичный карьеристъ, честолюбецъ и интриганъ. Онъ старается всюду занимать первое мѣсто, пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы проложить себѣ дорогу къ богатству и положенію, въ душѣ ненавидитъ всѣхъ своихъ коллегъ. Когда, во время выборовъ на медицинскомъ факультетѣ, его кандидатура неожиданно терпитъ неудачу, и его соперникъ торжествуетъ, на Вабангейма этотъ афронтъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ тотчасъ же заболѣваетъ и принужденъ слечь въ постель. Леонъ Додэ, при всѣхъ недостаткахъ его творчества, все же, безспорно не лишенъ таланта; вслѣдствіе этого, болѣзнь и смерть Вабангейма, отъ котораго въ послѣднюю минуту отворачиваются всѣ лица, еще такъ

*) Léon Daudet, „Les Morticoles"; Paris, Fasquelle; 1894; стр. 254.

недавно заискивавшія у него и льстившія ему, описаны въ романѣ очень правдиво и реально *). Но въ общемъ Вабангеймъ, какъ и Жюда слишкомъ тенденціозно обрисованъ, чтобы быть вполнѣ живою и типичною фигурою.

Въ предпослѣднемъ романѣ Леона Додэ, „Sébastien Gouvès", однимъ изъ главныхъ героевъ опять является докторъ—еврей, Ephraïm Mercier, членъ Института и всевозможныхъ ученыхъ обществъ. Подобно Вабангейму, это—чистокровный карьеристъ и вдобавокъ шарлатанъ, человѣкъ, несомнѣнно, весьма смышленный, хитроумный и ловкій, „очень рано добившійся популярности, благодаря деньгамъ, вліянію женщинъ и интригамъ" **). Представляя собою въ научномъ отношеніи полное ничтожество, онъ все же сумѣлъ всѣмъ пустить пыль въ глаза, имѣетъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, до родовитой аристократіи изъ Faubourg St. Germain, *включительно*, *горячихъ* сторонниковъ и защитниковъ, которые мирятся даже съ его еврейскимъ происхожденіемъ и при случаѣ заявляютъ, что онъ „совсѣмъ не похожъ лицомъ на еврея"... Женщины безъ ума отъ него и, со своей стороны, немало содѣйствуютъ упроченію популярности того, кто отличается рѣдкою любезностью и галантностью и извѣстенъ въ обществѣ подъ именемъ le bel Ephraim... Мерсье обнаруживаетъ иногда большую развязность и поразительное самомнѣніе; ему ничего не стоитъ самому хвалить себя и отмѣчать свои заслуги. Онъ хочетъ выставить себя серьезнымъ ученымъ: „я въ одно и то же время преслѣдую двадцать различныхъ гипотезъ", заявляетъ онъ въ одномъ случаѣ; „mon cerveau est une forge en pleine activité, les soufflets se gonflent, les flammes crépitent ***).

Въ дѣйствительности, Мерсье до сихъ поръ не сдѣлалъ еще ни однако серьезнаго открытія въ медицинѣ, и солидные ученые въ глубинѣ души смотрятъ на него свысока. Онъ прекрасно сознаетъ это, и для того чтобы выступать, время отъ времени, съ небольшими докладами и брошюрами, прибѣгаетъ къ эксплоатаціи научныхъ познаній и спеціальныхъ работъ менѣе обезпеченныхъ, никому не извѣстныхъ, но зато усердно и честно трудящихся на пользу науки врачей, которые, въ минуту крайности и отчаянія, соглашаются иногда за извѣстную сумму продать ему авторскія права на свои изслѣдованія и трактаты. Съ этою же цѣлью Мерсье выписываетъ въ Парижъ скромнаго провинціальнаго врача — идеалиста, добродушнаго провансальца Себастьяна Гувэ, зная, что онъ давно уже занимается изученіемъ нѣкоторыхъ капитальныхъ медицинскихъ вопросовъ и разработываетъ нѣсколько гипотезъ, которымъ, быть можетъ, предстоитъ блестящее будущее. Онъ приглашаетъ Гувэ въ столицу, предлагая ему, якобы, работать „въ сотрудничествѣ съ нимъ", предоставляя въ его распоряженіе свою лабораторію, но про себя тотчасъ же рѣшивъ, рано или поздно, воспользоваться его открытіями и присвоить ихъ себѣ. Добродушный и довѣрчивый провинціалъ въ началѣ ни о чемъ не догадывается и всѣмъ расхваливаетъ своего обходительнаго и великодушнаго „коллегу", который такъ хорошо относится къ нему и даетъ ему возможность работать при идеальныхъ условіяхъ... Между тѣмъ, Мерсье все время слѣдитъ за своимъ „сотрудникомъ", приставляетъ къ нему своего клеврета, нѣкоего Гилона, который, въ отсутствіе Гувэ, роется въ его бумагахъ,—старается напасть на слѣдъ его основной гипотезы и тотчасъ же обо всемъ доноситъ своему патрону. Когда капитальное изслѣдованіе Гувэ уже совершенно готово, Гилонъ тайно похищаетъ рукопись, отвозитъ ее къ Мерсье, который, ознакомившись съ ея содержаніемъ и сдѣлавъ нужныя выписки, велитъ Гилону незамѣтно снова отвезти эту толстую, объемистую тетрадь въ лабораторію. Присвоивъ себѣ чужое достояніе и воспользовавшись результатомъ долгаго и кропотливаго труда бѣднаго неудачника, Мерсье рѣшаетъ на ближайшемъ медицинскомъ конгрессѣ прочесть обширный рефератъ, основанный на изслѣ-

*) Тамъ же, стр. 265—273.
**) Léon Daudet, „Sébastien Gouvès", roman contemporain; Paris, Fasquelle, 1899, стр. 8.
***) Тамъ же, стр. 36.

дованіяхъ Гувэ, выдавая его теоріи за свои собственныя. Только вмѣшательство судебной и административной власти, для достиженія котораго потребовались долгія хлопоты и тяжелыя жертвы,—такъ какъ Мерсье обладаетъ большими связями,—предотвращаетъ эту побѣду шарлатанства и утонченнаго хищничества.

Вся эта исторія безсовѣстной эксплоатаціи, жертвою которой дѣлается честный и простодушный труженикъ, производила бы еще болѣе сильное впечатлѣніе, если-бы авторъ не настаивалъ, по своему обыкновенію, на еврейскомъ происхожденіи своего героя, придавая всей его характеристикѣ антисемитическую окраску. Подобно тому, какъ Гонкуры въ „Manette Salomon" изображаютъ не только порабощеніе художника—идеалиста, слишкомъ ужъ трезво смотрящею на жизнь, не способною его понять и оцѣнить женщиною, но также порабощеніе французскаго художника еврейкою, какъ представительницею чуждой ему расы, Додэ на каждомъ шагу оттѣняетъ французскую національность Гувэ и еврейскую кровь, текущую въ жилахъ Мерсье. Выходитъ такъ, какъ будто „le bel Ephraïm" потому и негодяй, что онъ еврей... Во многихъ случаяхъ Мерсье даже не называется по имени, а просто обозначается словами „le Juif", „ce Juif fourbe et lâche" и т. п. Съ точки зрѣнія узкаго націонализма это, конечно, вполнѣ послѣдовательно... Очень характерно то, что обнаруживъ низость Мерсье, Гувэ подумываетъ одно время о томъ, не пойти ли ему къ Дрюмону, редактору „Libre Parole",—можетъ быть, онъ возьмется его защитить отъ еврейской интриги...

Діаметрально-противоположный типъ еврея-доктора, посвящающаго всѣ свои силы безкорыстному служенію ближнимъ, мы находимъ въ романѣ „Sale Juif". Рене Леви, главный герой этого романа, отличается рѣдкою отзывчивостью, дѣлаетъ много добра, лѣчитъ бѣдныхъ даромъ, а съ другихъ своихъ паціентовъ беретъ за свои совѣты столько, сколько они въ состояніи дать, довольствуясь малымъ, являясь типичнымъ безсребренникомъ. Полный энтузіазма и идеалистическихъ порывовъ, Рене стоитъ выше всякихъ узко національныхъ взглядовъ и симпатій, не дѣлаетъ различія между евреями и христіанами, видитъ и въ тѣхъ, и въ другихъ только людей и старается приносить имъ пользу. Какъ нарочно, несмотря на это, ему, какъ еврею, приходится встрѣчать на своемъ пути не мало непріятностей, обидъ, разочарованій, постоянно напоминающихъ ему, противъ его воли, что онъ—не чистокровный французъ, и парализующихъ его космополитическія стремленія. Въ годы ученія ему не хотѣли дать медали, вполнѣ имъ заслуженной, потому только, что онъ еврей; товарищи, въ минуту раздраженія и злобы, дразнили его „жидомъ", а на конкурсномъ испытаніи, когда онъ получилъ награду, многіе отказались ему апплодировать,—какъ это вообще принято,—опять чтобы оттѣнить его происхожденіе! Даже выбившись, наконецъ, на широкую дорогу, сдѣлавшись докторомъ и составивъ себѣ болѣе или менѣе извѣстное имя, Рене все еще не гарантированъ отъ мелкихъ оскорбленій и шовинистскихъ выходокъ. На одномъ товарищескомъ обѣдѣ нѣкоторые изъ его коллегъ-врачей позволяютъ себѣ въ его присутствіи прохаживаться насчетъ еврейскаго племени и той гибельной роли, которую оно играетъ во французской жизни. Кто-то громко высказываетъ свое удивленіе по поводу того, зачѣмъ вообще евреямъ во Франціи даны какія либо права,—вѣдь они только терпимы на французской почвѣ, а отнюдь не являются такими же гражданами, какъ всѣ остальные...

Рене Леви влюбляется въ католичку, Елену Дюпанъ, дочь богатаго буржуа и сестру его близкаго товарища и друга, Анри Дюпана, который былъ вмѣстѣ съ нимъ въ школѣ, а потомъ на военной службѣ, остался свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ и любитъ Рене, какъ брата. Но и въ этой области его ожидаютъ неудачи и оскорбленія. Елена, хотя и любитъ его, но слишкомъ слаба и безхарактерна, чтобы постоять за себя,—а ея родные и слышать не хотятъ о ея бракѣ съ „жидомъ". Они съ трудомъ согласились даже на то, чтобы онъ бывалъ у нихъ въ домѣ, и утѣшали себя только

тѣмъ, что „и среди евреевъ бываютъ порядочные люди (всюду вѣдь есть исключенія!)“ Когда же Елена пытается расположить ихъ въ пользу Рене и говоритъ имъ о своей любви къ нему, они приходятъ въ благородное негодованіе; заявляютъ, что никакъ не могутъ породниться съ торгашами и закладчиками („чтобъ я назвала сыномъ этого жида?“ восклицаетъ мать) и, не обращая вниманія на слова дѣвушки, приписываютъ его желаніе жениться на ней исключительно карьеризму, еврейской алчности и заботѣ о большомъ приданомъ. Довольно равнодушный въ началѣ къ національнымъ вопросамъ, Рене съ теченіемъ времени яснѣе прежняго начинаетъ сознавать свою духовную связь со своими единовѣрцами и отдаляется отъ того общества, гдѣ еще до такой степени распространены давно отжившіе, повидимому, свой вѣкъ предразсудки. Въ концѣ романа онъ женится на еврейкѣ, а именно—на подругѣ его сестры Рахили, Жаннѣ, которая, несомнѣнно, болѣе подходитъ къ нему, чѣмъ добрая и сердечная, но слабохарактерная Елена, съ ея нетерпимыми и высокомѣрными родными.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ еще двухъ представителяхъ еврейской интеллигенціи, выведенныхъ современными французскими романистами и заслуживающихъ того, чтобы мы обратили на нихъ особое вниманіе: я говорю о Сигизмундѣ Бушѣ изъ „L'argent“ Золя и Шлейфманѣ—изъ „Les deux rives“ Вандерема. Сигизмундъ Бушъ, слабый, чахоточный молодой человѣкъ, не извѣдавшій въ жизни счастья, полонъ благороднаго энтузіазма, хочетъ облагодѣтельствовать людей широкими, гуманитарными реформами, сдѣлать ихъ счастливыми и довольными своею участью. Увлекшись соціалистическими идеями, которыя ему кажутся неоспоримою истиною, онъ твердо вѣритъ въ то, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ восторжествуетъ новый экономическій строй, который принесетъ людямъ миръ и счастье. Около него, тутъ же, рядомъ, идетъ ожесточенная борьба за существованіе, заключаются недобросовѣстныя сдѣлки, люди подкапываются подъ своихъ ближнихъ, богатство даетъ силу и вліяніе,—а онъ продолжаетъ мечтать въ сырой и неуютной каморкѣ о какомъ то фантастическомъ государствѣ будущаго, гдѣ не будетъ ни денегъ, ни частной собственности, ни соціальнаго неравенства, ни преступленій, совершаемыхъ ради наживы... Онъ настолько уходитъ въ свои мечты, что подчасъ совершенно забываетъ о реальной дѣйствительности, о своихъ личныхъ нуждахъ, и могъ бы умереть съ голоду, еслибы не поддержка со стороны брата. Даже передъ смертью онъ все еще вспоминаетъ о своихъ грезахъ: въ лихорадочномъ бреду ему представляется „счастливый, торжествующій городъ, въ сторону котораго люди идутъ вотъ уже много вѣковъ... городъ, бѣлыя стѣны котораго сіяютъ тамъ, среди общаго счастья, подъ ослѣпительными лучами солнца... *) Можно не соглашаться съ нѣкоторыми взглядами этого мечтателя, считать ихъ фантасмагоріями, утопіями, но, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать ему въ душевномъ благородствѣ, идеализмѣ и гуманности.

Если Сигизмундъ является, прежде всего, космополитомъ, то Шлейфманъ, всю жизнь перебивающійся, дающій какіе-то грошовые уроки, не имѣющій прочнаго пристанища, соединяетъ съ мечтами о новомъ общественномъ строѣ горячую любовь къ своему народу, и своеобразный взглядъ на его историческое призваніе. Возмущаясь новѣйшими успѣхами антисемитизма во Франціи, отстаивая законныя права своихъ единовѣрцевъ, Шлейфманъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденнымъ, непримиримымъ противникомъ евреевъ-биржевиковъ и крупныхъ финансистовъ. Онъ доказываетъ, что они не приносятъ никакой пользы своему народу, а, напротивъ, иногда позорятъ его имя, заставляютъ иностранцевъ еще болѣе укрѣпляться въ своемъ дурномъ мнѣніи объ евреяхъ. Все спасеніе еврейскаго народа состоитъ, по мнѣнію Шлейфмана, въ его демократизаціи. Евреи — капиталисты, которые хотятъ сдѣлаться аристократами и забыть о

*) „L'argent“, стр. 440.

своемъ происхожденіи, должны добровольно отказаться отъ большей части нажитыхъ ими милліоновъ, оставить себѣ только небольшія, сравнительно, суммы, и отдать весь излишекъ своимъ нуждающимся братьямъ, о которыхъ никто не хочетъ и вспоминать, потому что они находятся не на виду и не могутъ отстаивать свои права. Подобно Бушу, Шлейфманъ увлекается соціализмомъ и создаетъ свою особую теорію, по которой въ соціальномъ движеніи будущаго избранный Богомъ еврейскій народъ, кореннымъ образомъ переродившись, долженъ сыграть первую роль, такъ какъ онъ способенъ „régner le monde par l'influence de la pensée". Нечего и говорить, что подобными мечтами о призваніи евреевъ онъ возстанавливаетъ противъ себя, какъ антисемитическую партію, такъ и болѣе консервативные, умѣренные слои еврейскаго населенія, считающіе его „мечтателемъ опаснымъ".

Я не могу не напомнить вамъ той замѣчательной сцены, когда Шлейфманъ является къ банкиру Пумсу, чтобы убѣждать его—пощадить бѣднаго oncle Cyprien, не разорять его въ конецъ. „Какую славу принесла бы израильскому народу", говоритъ онъ, между прочимъ, „какимъ великодушнымъ примѣромъ, связаннымъ съ именемъ Пумса, была бы эта легенда, которая передавалась бы изъ устъ въ уста: какъ богатый еврей спасъ, буквально, отъ нищеты или самоубійства, мелкаго служащаго—христіанина, доведеннаго до разоренія страстью къ наживѣ и ажіотажу. Подобные поступки, постоянно учащаясь, могли бы принести болѣе пользы евреямъ, чѣмъ тысяча пожертвованій въ пользу бѣдныхъ, тысяча больницъ, основаніе которыхъ печать прославляетъ въ трескучихъ выраженіяхъ. Подобные поступки имѣли бы болѣе прочные результаты, чѣмъ милостыня,—потому что они проистекали бы изъ болѣе возвышеннаго источника,—изъ чувства гуманности и справедливости". Какъ и слѣдовало ожидать, Пумсъ и его компаньонъ Герштейнъ остаются глухи ко всѣмъ этимъ благороднымъ рѣчамъ идеалиста Шлейфмана, отвѣчаютъ ему категорическимъ отказомъ, напоминаютъ о томъ, что для нихъ всего дороже—собственная выгода... Тогда въ душѣ Шлейфмана закипаетъ негодованіе, ненависть къ этимъ сытымъ и безжалостнымъ людямъ, позорящимъ доброе имя еврейскаго народа, и онъ бросаетъ въ лицо своимъ собесѣдникамъ громовыя обвиненія, укоры, которые, какъ замѣчаетъ авторъ, нѣсколько напоминаютъ проникнутыя скорбью и гнѣвомъ обличенія ветхо-завѣтныхъ пророковъ: „Проклятіе! Проклятіе и горе! Да, съ того времени, какъ законъ былъ данъ на Синаѣ, повторяется все то же недоразумѣніе... Богъ даетъ своему народу высшій разумъ, этотъ народъ оскверняетъ его, занимаясь низкими дѣлами... и тогда Богъ караетъ его за то, что онъ забылъ о Немъ... Въ этомъ состоитъ вся исторія израильскаго народа, въ этомъ—все его несчастье. Проклятіе! Проклятіе! Когда же все это прекратится?!. Я знаю, вы не глупы, господинъ Пумсъ... и вы также, господинъ Герштейнъ... И все же вы думаете,—не такъ ли,—что Господь далъ вамъ разумъ для того, чтобы производить биржевыя операціи, накоплять золото... Какъ вы недальновидны... Я вижу руку Господа, поднятую надъ вами... Ваши предки пошли въ Вавилонъ, въ Ниневію, въ Египетъ, за то, что измѣнили Его закону... И за эту же самую вину вы пойдете въ изгнаніе... Да, Господь заставитъ васъ ночевать въ палаткахъ... а съ вами, можетъ быть, и невинныхъ, смиренныхъ, трудящихся людей... если только ранѣе этого они не отдѣлятся отъ васъ!" *)... „Lamentez vous, habitants du quartier des trafics!" восклицаетъ онъ немного далѣе. Вся эта сцена, которая заслуживаетъ быть прочитанною цѣликомъ, имѣетъ громадное значеніе. Вандеремъ сумѣлъ разглядѣть въ еврейской толпѣ, наряду съ банкирами и маклерами, мечтателя, идеалиста, обличителя, который гораздо лучше видитъ и осуждаетъ отрицательныя стороны извѣстныхъ классовъ своего народа, чѣмъ всѣ антисемиты, вмѣстѣ взятые,—и все же не стыдится своего происхожденія, утѣшая себя надеждою

*) Fernand Vandérem, „Les deux rives", roman; Paris, Paul Ollendorff, 1897; стр. 366, 371, 377.

на будущее, твердо увѣренный въ томъ, что еврейская національность еще не сказала своего послѣдняго слова во всемірной исторіи, что наиболѣе жизненные, здоровые элементы, входящіе въ ея составъ, рано или поздно, возьмутъ верхъ...

III.

Психологія еврейки, казалось бы, должна была привлечь вниманіе французскихъ романистовъ и представить для нихъ большой интересъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ женскіе образы, взятые ими изъ еврейскаго міра, одинаково типичны, оригинальны и правдиво очерчены... Женщины старшаго поколѣнія, сохранившія много національныхъ чертъ, преданныя своей религіи, фигурируютъ во французскихъ романахъ сравнительно рѣдко. Въ этомъ отношеніи замѣчается извѣстный шагъ назадъ по сравненію съ „Manette Salomon" гдѣ племенной, этнографической сторонѣ еврейства было все же отведено довольно много мѣста. Къ числу этихъ женщинъ стараго закала принадлежитъ въ „Les morts qui parlent" бабушка Эльзеара Байонна, Сефора, урожденная Минская, дочь талмудиста, проведшая свою молодость въ Россіи, въ западномъ краѣ, гдѣ она слышала наставленія знаменитаго учителя Нахмана Крохмаля, затѣмъ вышедшая замужъ за Родрига Байонна, переселившаяся вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ, но до самой смерти не соглашавшаяся итти на какіе либо компромиссы и въ чемъ либо отступить отъ старины. Она была всегда озабочена тѣмъ, чтобы ея внуки были воспитаны въ чисто еврейскомъ духѣ и старалась по мѣрѣ силъ поддерживать въ нихъ любовь къ своему многострадальному народу и его прошлому. Они очень любили ея разсказы и съ живымъ любопытствомъ слушали каждый разъ исторію Іосифа, Даніила, Мардохея. Но Сефора говорила имъ нерѣдко и о дѣятеляхъ гораздо болѣе поздней эпохи, о Давидѣ Рубени, котораго торжественно принимали папа Климентъ VI, португальскій король и австрійскій императоръ, о „пророкѣ" Саломонѣ Молхо, объ Іосифѣ Насси, герцогѣ Наксосскомъ, любимцѣ султана Солеймана, о Барухѣ Спинозѣ, о Саббатаѣ Цеви, который былъ провозглашенъ Мессіей въ Смирнѣ при торжественныхъ звукахъ трубъ. Всѣ эти разсказы о прошломъ производили сильное впечатлѣніе на дѣтскіе умы, поселяя въ нихъ твердую увѣренность, что, несмотря на всѣ гоненія и преслѣдованія, израильскій народъ никогда не можетъ исчезнуть съ лица земли...

Къ еврейкамъ стараго закала принадлежитъ мать Рене Леви, Ревекка, сердечная, трудолюбивая и домовитая женщина, являющаяся добрымъ геніемъ всей семьи, воплощающая еврейскій идеалъ примѣрной жены, матери и хозяйки дома. Гораздо болѣе типичною представляется мнѣ, однако, мать барона Монаха—изъ „Les Monach" Бонньера. Это—какъ бы олицетвореніе стараго еврейства, отрицающаго всѣ новыя вѣянія, не желающаго входить въ соприкосновеніе съ иновѣрцами. Принужденная жить въ Парижѣ, среди людей, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго, она запирается отъ свѣта, живетъ безвыходно въ своей комнатѣ, не показывается гостямъ своего сына, искренно скорбитъ при видѣ того, что онъ ведетъ „грѣховный, легкомысленный образъ жизни" и, если не высказываетъ открыто порицанія и осужденія его поступкамъ, такъ только потому, что боится навлечь проклятіе на его голову. Живя настоящею затворницею, она свято соблюдаетъ всѣ посты и праздники.—Новый годъ, Іомъ-Кипуръ, Кущей. подолгу молится въ уединеніи и на каждомъ шагу обращается за совѣтомъ къ кантору Дейцу, считая его спеціалистомъ по части ритуальныхъ вопросовъ. Къ чести автора нужно сказать, что доходящее до крайностей религіозное рвеніе старухи-еврейки не вызываетъ у него желанія иронизировать, потѣшаться или выступать съ громовыми обличеніями; онъ сумѣлъ отнестись вполнѣ объективно къ чужимъ вѣрованіямъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ романа высказываетъ свое осужденіе образу дѣйствій одного изъ героевъ – молодого, легкомысленнаго маркиза Куртарона, который смѣется надъ строгою ортодок-

сальностью евреевъ и евреекъ старшаго поколѣнія, изображаетъ всѣ ихъ обряды въ комическомъ свѣтѣ... „Вмѣсто того, чтобы относиться ко всему этому съ тактомъ и приличіемъ, вмѣсто того чтобы уважать то, что вѣка искренней вѣры оставили послѣ себя, дѣйствительно, внушающаго уваженіе, онъ только насмѣхался,—какъ будто воспоминанія извѣстнаго народа могутъ быть смѣшны сами по себѣ, какъ будто отдѣльныя религіи уже до такой степени различаются между собою, и въ подобныхъ вопросахъ можно, вообще, отдѣлываться однимъ смѣхомъ“ *)!

Изъ евреекъ, выступающихъ въ современныхъ французскихъ романахъ, на первомъ планѣ стоятъ все же не лица въ родѣ матери барона Монаха, а высокомѣрныя, пустыя, суетныя или развращенныя женщины, соотвѣтствующія въ женскомъ мірѣ пресловутымъ баронамъ и графамъ, о которыхъ рѣчь шла выше. У Жипъ вы можете, напримѣръ, встрѣтить цѣлую портретную галлерею евреекъ изъ финансовой аристократіи, никогда не упоминающихъ о своемъ происхожденіи, уже пріобрѣтшихъ внѣшній лоскъ, говорящихъ порядочнымъ французскимъ языкомъ и, въ сущности, отнюдь не типичныхъ... Любопытно, что, надѣляя ихъ всевозможными отрицательными свойствами, Жипъ, между прочимъ, изображаетъ многихъ изъ нихъ поразительно уродливыми, между тѣмъ какъ даже самые ярые антисемиты до сихъ поръ воздавали должное красотѣ еврейской женщины... Le grincheux въ „Les gens chics“ не можетъ спокойно видѣть ни одной еврейки,—до того онѣ всѣ ему противны! „Ну, а эта дама развѣ безобразна?“ спрашиваютъ у него, указывая на баронессу Кранигъ. „Non, elle est pire“, отвѣчаетъ онъ. Когда хотятъ узнать его мнѣніе о другой дамѣ, онъ соглашается съ тѣмъ, что въ данный моментъ она, пожалуй, еще можетъ понравиться кому нибудь, но черезъ 3—4 года „son nez, et sa bouche s'éparpilleront, au point qu'il faudra une cuiller pour les ramasser“ **). Ему говорятъ, что крещеная еврейка, m-me Ephès, очень усердно посѣщаетъ церковь и, повидимому, горячо молится, устремивъ глаза на свой молитвенникъ „Можетъ быть, ея взоры, дѣйствительно, устремлены на молитвенникъ“, отвѣчаетъ онъ. „Но ея душа находится въ другомъ мѣстѣ,—тамъ, откуда происходитъ ея носъ“... Эти постоянныя насмѣшки надъ внѣшностью, упоминанія объ еврейскомъ носѣ и т. п. производятъ, въ концѣ концовъ, удручающее впечатлѣніе...

Многія изъ баронессъ и графинь, выступающихъ въ „Les gens chics“, оказываются, сверхъ того, крайне легкомысленными, даже развратными. Графиня Кранигъ, присутствуя на бракосочетаніи дочери барона Uebel de St-sabbas съ маркизомъ де-Можирономъ, назначаетъ, съ помощью особыхъ условныхъ знаковъ, свиданіе находящемуся тутъ же, въ церкви, своему любовнику, молодому де-Жабо. Баронесса Мюнцеръ на своихъ званыхъ вечерахъ надѣваетъ иногда андалузскій костюмъ и поетъ мандолинату,—несмотря на свой солидный возрастъ, считая себя неотразимою... Баронесса Іудаскусъ постоянно мѣняетъ своихъ фаворитовъ, такъ какъ любитъ во всемъ разнообразіе.

Подобно этому, графиня Mac Chabée de Clairvaux—въ „Israël“,—которой уже подъ пятьдесять, сходится съ молодымъ виконтомъ Эбрульяромъ, тщательно скрывая отъ мужа свой романъ, такъ что онъ, ни о чемъ не догадываясь, неожиданно предлагаетъ ей даже выдать за Эбрульяра ихъ дочь, Лію... Между тѣмъ, находящійся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ виконтъ разыгрываетъ изъ себя влюбленнаго исключительно изъ корыстныхъ побужденій, въ надеждѣ на обильную денежную субсидію со стороны графини. Вы можете себѣ представить, какъ описываетъ Жипъ внѣшность этой молодящейся старухи, разъ даже дѣйствительно молодыя еврейки оказывались у нея уродами и чудовищами... Онъ говоритъ объ ея морщинистой кожѣ, лиловато-краснаго цвѣта, обильно усыпанной пудрою, отчего ея лицо напоминаетъ „une énorme framboise roulée dansdu sucre“... Мы

*) „Les Monach“ стр. 177.
**) Тамъ же, стр. 79; „L'allée des potins“.

можемъ повѣрить автору на слово, что супруги еврейскихъ банкировъ и биржевиковъ обнаруживаютъ иногда вкусъ къ любовнымъ похожденіямъ довольно пошлаго и банальнаго характера; но всѣ подобныя нападки получили бы для насъ интересъ только въ томъ случаѣ, еслибы намъ могли доказать, что эти свойства составляютъ ихъ отличительную особенность, или непосредственно связаны съ ихъ семитическимъ происхожденіемъ...

Женскіе еврейскіе типы, которые мы находимъ въ романахъ Леона Додэ, въ общемъ, стоятъ очень немногимъ выше героинь Жипъ, въ смыслѣ объективности и серьёзности ихъ характеристики. Въ „Les Kamtchatka" выступаетъ баронесса Валленштейнъ, крайне развратная женщина, уже не первой молодости, вѣчно окруженная мужчинами, не свободная и отъ нѣкоторыхъ извращенныхъ вкусовъ, носящая эксцентрическіе, иногда очень откровенные туалеты... Сидя въ ложѣ переполненнаго публикою театра, она старается привлечь общее вниманіе своимъ богатымъ, сильно декольтированнымъ платьемъ, безцеремонно лорнируетъ и знакомыхъ, и постороннихъ лицъ. Леонъ Додэ, подобно Жипъ, конечно, отмѣчаетъ, устами одного изъ своихъ героевъ, отталкивающую, вульгарную внѣшность баронессы,—„ces yeux cernés jusqu à la bouche, et cette bouche sensuelle jusque'aux oreilles"... *). Мы узнаемъ, что баронесса помѣшана на желаніи собирать въ своемъ салонѣ цвѣтъ интеллигенціи, писателей, художниковъ; она „набрасывается на знаменитыхъ людей, какъ муха на несвѣжее мясо", замѣчаетъ одинъ изъ героевъ романа, литераторъ Гревёль, вѣроятно, считающій это сравненіе очень удачнымъ и остроумнымъ...

Жена доктора Вабангейма въ „Les Morticoles" относится къ той же категоріи пустыхъ и тщеславныхъ женщинъ, хотя съ виду какъ будто принадлежатъ къ интеллигентному кругу. Она постоянно подзадориваетъ мужа добиваться все новыхъ и новыхъ отличій и почестей, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдитъ за его карьерою, но дѣлаетъ это не изъ расположенія къ нему, а просто изъ честолюбія, тщеславія и суетности, изъ желанія играть всюду первую роль, въ качествѣ его супруги. Когда онъ заболѣваетъ, и она приходитъ къ убѣжденію, что онъ уже не встанетъ, ея мнимая заботливость разлетается какъ дымъ, она даже не хочетъ итти къ больному и, не дожидаясь его смерти, примѣряетъ у себя въ комнатѣ изящный траурный костюмъ... Въ „La romance du temps présent" чисто эпизодическую роль играетъ жена банкира Натана Сэма, „une énorme Juive", конечно, опять очень безобразная и несимпатичная... За ужиномъ, устроеннымъ послѣ любительскаго спектакля въ помѣстьѣ одного изъ героевъ романа, къ ней подсаживается итальянецъ художникъ Вольпоне, надѣющійся получить отъ нея заказъ на портретъ и поэтому отмѣнно любезный съ нею. Сидя около m-me Sem, Вольпоне, замѣчаетъ авторъ, „очень походитъ на жабу, сидящую около осетра" *).

Баронесса Монахъ въ романѣ Бонньера обрисована гораздо лучше и объективнѣе. Дочь фабриканта изъ Дюссельдорфа, вышедшая замужъ за барона Монаха и, послѣ того, какъ онъ обанкротился въ Вѣнѣ, принужденная жить постоянно въ Парижѣ, она очень скоро освоивается въ непривычной для нея обстановкѣ, пускаетъ корни въ парижскомъ обществѣ и настойчиво добивается того, чтобы двери различныхъ салоновъ открылись для нея и для ея мужа, несмотря на всѣ предубѣжденія противъ евреевъ. Если мать Монаха является сторонницею старыхъ традицій и недовѣрчиво относится ко всѣмъ иностранцамъ, баронесса стоитъ за сближеніе съ французскимъ обществомъ, старается дать своей дочери Ліи такое же образованіе и воспитаніе, какое получаютъ всѣ барышни кругомъ нихъ. Добившись того, что генералъ Мартэнъ д'Эпань согласился отдать имъ въ наймы помѣщеніе въ своемъ домѣ, она быстро знакомится съ нимъ и его

*) „Les Kamtchatka", стр. 73.
**) „La romance du temps présent„, стр. 20.

женою, располагаетъ ихъ въ свою пользу, и, узнавъ, что г-жа д'Эпань занимается благотворительностью, подаетъ ей мысль устроить въ пользу бѣдныхъ грандіозный праздникъ на дворѣ ихъ дома. Организація этого праздника даетъ баронессѣ возможность завязать множество новыхъ знакомствъ, обратить на себя, своего мужа и дочь общее вниманіе, прослыть благотворительницею и вызвать рядъ сочувственныхъ и хвалебныхъ отзывовъ въ „свѣтскомъ курьерѣ", нѣкоторыхъ парижскихъ газетъ. Это типичная карьеристка, женщина съ большимъ честолюбіемъ и умѣніемъ всюду пробираться и обдѣлывать свои дѣла,—но авторъ отнюдь не рисуетъ ея хуже, чѣмъ она въ дѣйствительности, не увѣряетъ насъ въ томъ, будто ея развязность и безцеремонность заключаетъ въ себѣ что нибудь специфически-еврейское, невѣдомое женщинамъ другихъ націй...

Въ трехъ новѣйшихъ романахъ Анатоля Франса вы найдете два очень талантливо обрисованныхъ женскихъ образа, взятыхъ изъ еврейскаго міра... Баронесса де Бонмонъ, урожденная Валленштейнъ, мать молодого солдата Эрнеста де Бонмона, представляетъ собою типъ женщины, живущей однимъ сердцемъ, не привыкшей много разсуждать, способной на всевозможныя жертвы ради любимаго человѣка. Она безумно любитъ нѣкоего Рауля де Марсьена, совершенно пропащаго субъекта, лишеннаго какихъ либо нравственныхъ принциповъ, безцѣльно прожигающаго жизнь, не сумѣвшаго нигдѣ пристроиться и, при всемъ томъ, желающаго играть роль примѣрнаго патріота, вслѣдствіе чего онъ громитъ „воровъ и измѣнниковъ", и при каждомъ удобномъ случаѣ проклинаетъ и позоритъ „жидовъ" со всѣми ихъ союзниками. При созданіи этого типа, Франсъ, несомнѣнно, воспользовался нѣкоторыми чертами вполнѣ реальной личности, именно,—Эстергази, у котораго было много общихъ чертъ съ Раулемъ. Прекрасно зная, что г-жа Бонмонъ—еврейка по происхожденію, хотя и принявшая христіанство, онъ не стѣсняется ругать въ ея присутствіи всѣхъ евреевъ и грозить имъ своею местью. И неспособная объективно относиться къ нему, ослѣпленная своею любовью женщина терпѣливо выноситъ всѣ эти дикія, необузданныя выходки, мирится съ тѣмъ, что ея „дорогой Rara" не считаетъ нужнымъ соблюдать по отношенію къ ней самую элементарную деликатность и мягкость обращенія...

Что касается ея происхожденія, то она постепенно привыкла относиться къ нему совершенно индифферентно, почти игнорировать его, стремясь вполнѣ слиться съ французскою средою и обнаруживая религіозное рвеніе вѣрующей и набожной католички. До извѣстной степени, въ этомъ случаѣ ею руководятъ соображенія личнаго характера,—ей хочется щедрыми пожертвованіями въ пользу церкви и сочувственнымъ отношеніемъ къ различнымъ представителямъ духовенства, въ родѣ аббата Гитреля, обратить на себя вниманіе кого слѣдуетъ, расположить въ свою пользу старую аристократію и заставить всѣхъ окончательно забыть о томъ, что ея родъ происходитъ изъ Германіи, а фамилія предковъ ея мужа звучала когда то Guttenberg и только потомъ была переиначена въ Bonmont. Она жертвуетъ драгоцѣнный сосудъ въ церковь Notre Dame-des-belles-feuilles, въ надеждѣ угодить этимъ одновременно и духовенству, и живущей тутъ же, по близости, въ своемъ родовомъ замкѣ старой аристократической семьѣ de Brécé, которая славится своею набожностью, и домъ которой былъ до этого времени закрытъ для нея. Она терпѣливо выслушиваетъ или дѣлаетъ видъ, что слушаетъ, длинные разсказы аббата Гитреля объ основателѣ мѣстной епископіи, Saint Loup, не переставая, въ то же самое время, думать про себя о дорогомъ ея сердцу человѣкѣ и о ихъ свиданіяхъ, которыя постепенно становятся все болѣе и болѣе рѣдкими и тревожными...

Образъ m-me Worms-Clavelin, жены хитроумнаго префекта-оппортюниста, еще болѣе удался Анатолю Франсу. Это—достойная подруга и помощница своего мужа, прекрасно сообразившая, какую линію они должны вести, чтобы добиться успѣха, полная често-

любивыхъ плановъ—и безусловной энергіи, хотя бы не всегда разумно употребляемой... Ноэми Кобленцъ, проведшая свое дѣтство въ очень сѣренькой обстановкѣ, между Clichy и Batignolles, гдѣ ея отецъ, Исаакъ, имѣлъ небольшую контору, выйдя за Клавлэна, сумѣла найтись въ новой средѣ, быстро освоилась въ томъ мірѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Принужденная жить въ маленькомъ, уединенномъ, затхломъ городкѣ, обитатели котораго, въ значительной степени, заражены были антисемитизмомъ, она добилась того, что мѣстное общество простило ей семитическое происхожденіе и предупредительно раскрыло передъ нею двери своихъ домовъ... Не переходя въ христіанство она завязала, однако, прочныя сношенія съ католическимъ духовенствомъ, сдѣлавъ своимъ близкимъ совѣтникомъ аббата Гитреля, который всюду разсказываетъ о томъ, что г-жа Вормсъ Клавелэнъ почти не скрываетъ теперь своихъ аристократическихъ и религіозныхъ симпатій *).

Въ виду того, что она обнаруживаетъ „la passion du bibelot", любитъ собирать различныя древнія и оригинальныя вещи и украшать ими свой салонъ, Гитрель, рискуя навлечь на себя нареканія и серьезныя непріятности, содѣйствуетъ тому, чтобы она могла при случаѣ покупать вышедшія изъ употребленія, представляющіе только археологическій интересъ, предметы изъ области церковной утвари, сосуды, пелены, молитвенники и пр. Г-жа Клавелэнъ, со своей стороны, подобно баронессѣ де Бонмонъ, горячо принимаетъ къ сердцу судьбу Гитреля, дѣлаетъ все что можетъ для того, чтобы онъ получилъ, наконецъ, аметистовое кольцо и сдѣлался туркоэнскимъ епископомъ. Для достиженія этого, она не останавливается передъ самыми рѣшительными и рискованными шагами. „Г-жа Клавелэнъ вообще привыкла", говоритъ авторъ, „уважать католическое духовенство, какъ одну изъ могущественныхъ силъ нашего времени". Ея вліяніемъ на мужа въ значительной степени объясняется тотъ фактъ, что префектъ согласился на поступленіе своей дочери Жанны въ школу, содержимую общиною „des dames du Précieux Sang". Но г-жею Клавлэнъ и на этотъ разъ, прежде всего, руководили чисто практическія соображенія: „Жанна получитъ тамъ лучшее воспитаніе, и у нея будетъ гораздо больше шансовъ сдѣлать хорошую партію **)"! Характеристика этой ловкой, честолюбивой и еще довольно молодой женщины отличается большимъ остроуміемъ; ей, несомнѣнно, посвящены однѣ изъ лучшихъ страницъ интересной трилогіи Франса.

Я не буду особенно долго останавливаться на одной изъ героинь „Парижа" Золя, еврейкѣ-баронессѣ Дювильяръ, какъ потому, что этотъ романъ, со всѣми его деталями, слишкомъ хорошо знакомъ всѣмъ намъ, такъ и потому, что, изображая судьбу этой женщины, романистъ обращаетъ больше вниманія на ея сердечную жизнь, чѣмъ на отголоски наслѣдственности, сказывающіеся въ ея характерѣ. Золя говоритъ, впрочемъ, о томъ, что о ея семитическомъ происхожденіи напоминало „ея лицо немного длинное, отличавшееся своеобразною прелестью, съ голубыми глазами, полными сладострастной нѣжности. Томная, какъ восточная рабыня, она не любила двигаться, ходить, даже говорить, и, казалось, была создана для гарема, гдѣ бы она могла всецѣло отдаться заботамъ о своей особѣ" ***). Ея отецъ, Юстусъ Штейнбергеръ, парижскій представитель богатой еврейской семьи, имѣвшей крупныя дѣла въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, нарочно устроилъ такъ, что она вышла за сына его непримиримаго врага, барона Грегуара Дювильяра, вивёра и прожигателя жизни,—въ надеждѣ, что она будетъ держать его въ рукахъ и сдѣлаетъ вполнѣ безвреднымъ для него. Вышло, однако, совершенно наоборотъ; женившись на Евѣ Штейнбергеръ, Анри Дювильяръ точно переродился, сталъ

*) „Le manneequin d'osier"; стр.273.
**) Тамъ же, стр. 262.
***) Emile Zola „Les trois villes": Paris; P., Fasquelle, 1898; стр. 31.

дѣловымъ человѣкомъ, и въ короткое время пустилъ въ оборотъ не только свои деньги, но и большую часть капитала жены.

Вы помните дальнѣйшую судьбу Евы. Мужъ, когда-то влюбленный въ нее до безумія, охладѣваетъ къ ней послѣ рожденія сына и дочери, и они живутъ подъ одною кровлею, какъ постороннія лица. Но натура Евы жаждетъ любви и наслажденія,—и вотъ она послѣдовательно сходится съ двумя своими поклонниками, изъ которыхъ первому остается вѣрна въ теченіе 15-ти лѣтъ, вплоть до самой его смерти,—правда, съ тѣмъ, чтобы черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого остановить свое вниманіе на виконтѣ Жерарѣ де-Кэнсакѣ, который играетъ такую важную роль въ романѣ. Когда она убѣждается въ томъ, что Жераръ, наскучивъ ея любовью и желая, такъ или иначе, устроить свою судьбу, подумываетъ о бракѣ съ ея собственною дочерью, Камиллою, все мстительное, неукротимое, страстное, что дремало въ ея душѣ, пробуждается съ новою силою, и происходитъ та грубая, отталкивающая сцена бурнаго объясненія, а потомъ и драки матери съ дочерью, которая такъ правдиво и талантливо описана романистомъ. Но, наряду съ чувственными, почти животными инстинктами *) d'une esclave d'Orient, въ душѣ Евы найдется не мало той силы воли, той хладнокровной выдержки, которую Юстусъ Штейнбергеръ и его предки обнаруживали въ сферѣ практической дѣятельности. Когда то событіе, котораго она боялась, становится неизбѣжнымъ, она заставляетъ себя скрыть то, что чувствуетъ, надѣваетъ извѣстную маску и на свадьбѣ Камиллы съ Жераромъ ничѣмъ не выдаетъ себя, принуждаетъ себя улыбаться въ присутствіи постороннихъ лицъ, поздравляетъ дочь и желаетъ ей счастья!.. Старикъ Штейнбергеръ, довольно легко примирившійся въ свое время съ тѣмъ, что его дочь перешла въ католицизмъ, подъ вліяніемъ архіепископа Martha,—получивъ извѣстіе объ этомъ бракѣ его внучки, радуется „удивительной удачѣ, неразлучной съ его кровью". Онъ и не догадывается, что для Евы это событіе является концомъ всего, первою ступенью къ безрадостной. одинокой старости...

Къ молодымъ дѣвушкамъ-еврейкамъ французскіе писатели относятся, въ общемъ, довольно снисходительно, обыкновенно подчеркивая только суетность, легкомысліе и практическіе вкусы большинства изъ нихъ (мы увидимъ вскорѣ, что, на ряду съ этимъ, въ нѣкоторыхъ романахъ фигурируютъ дѣвушки иного типа). Даже Жипъ въ этомъ случаѣ, до извѣстной степени, воздерживается отъ своихъ обычныхъ выходокъ. Когда въ „Israël" появляется дочь графа Mac-Chabée, Лія, мы не вѣримъ своимъ глазамъ, читая ремарку: „jolie, l'air intelligent". Отецъ хочетъ выдать ее за виконта Эбрульяра,—разумѣется, ради того, чтобы имѣть титулованнаго зятя; но она предпочитаетъ выйти за своего кузена Саломона, который ее любитъ, чѣмъ стать женою человѣка, которому нужны только ея деньги. Въ своемъ дневникѣ она излагаетъ свои мысли по этому поводу, коварно замѣчая, между прочимъ, что ея мать будетъ очень довольна, если этотъ бракъ не состоится. Не по лѣтамъ смышленная Лія прекрасно понимаетъ, конечно, что Эбрульяръ—любовникъ ея матери... *).

Совершенно такъ же дочь графа Кайенна,—„небольшого роста, хорошо сложенная, красивая, съ серьезнымъ, но холоднымъ выраженіемъ лица **)",—не желаетъ выходить за нѣкоего Санжэна, котораго ей навязываютъ родители. Она отваживается пріѣхать къ нему въ помѣстье и откровенно сказать ему объ этомъ. Санжэнъ очень радъ этому неожиданному признанію, такъ какъ онъ самъ отнюдь не стремится къ браку съ нею и, соглашаясь на этотъ бракъ, уступалъ только давленію со стороны родителей. Но m-lle de Cayenne отличается гораздо болѣе практическою натурою, чѣмъ Лія; она ни-

*) Тамъ же, стр. 244—252.
**) „Israël", стр. 65; „Châteaux en France".
***) Тамъ же, стр. 196; „Aeux".

кого не любитъ, считаетъ вполнѣ возможнымъ выйти замужъ безъ любви, но только—за очень блестящаго и знатнаго человѣка, всего лучше—за какого-нибудь принца или владѣтельнаго князя...

Безъ особаго труда можно сказать, что̀ выйдетъ современемъ изъ Жанны Вормсъ-Клавлэнъ, которую мы застаемъ еще подросткомъ, хотя она уже кажется старше своихъ лѣтъ, и въ ея безпечной болтовнѣ отражается порою отнюдь не дѣтское міросозерцаніе. Вы чувствуете, что она уже довольно скептически относится къ своей матери, прекрасно видитъ нѣкоторыя ея слабыя стороны, напримѣръ, ея страсть къ нарядамъ и драгоцѣннымъ камнямъ, при отсутствіи самой элементарной опрятности. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ общины du Précieux Sang она усваиваетъ всѣ спеціально-католическія воззрѣнія, пишетъ сочиненіе о Прагматической Санкціи,—„вопіющемъ нарушеніи правъ Святого Престола, незаконномъ расхищеніи наслѣдія св. Петра"... Когда мать является къ ней въ школу, чтобы ее провѣдать, онѣ обѣ испытываютъ извѣстную неловкость,—какъ будто у нихъ теперь осталось уже мало общаго, и онѣ являются представительницами двухъ различныхъ міровъ... Любопытно, что, несмотря на вліяніе монастырской обстановки, Жанна проявляетъ, наравнѣ съ католическими симпатіями, также и значительную долю легкомыслія. Она пресерьезно разсказываетъ матери, что она съ подругами сдѣлала одно очень важное открытіе: оказывается, гувернантка одной изъ воспитанницъ ихъ пансіона—бывшая кокотка...

О Флорѣ Мюнштейнъ, выступающей въ „Peints par eux - mêmes" Поля Эрвьё, много говорить не приходится. Ея внутренній міръ играетъ въ романѣ очень незначительную роль, тогда какъ довольно часто упоминается о ея приданомъ и о вліяніи, которое на нее имѣетъ отецъ, по своему распоряжающійся ея судьбою. Изъ сорока двухъ писемъ, входящихъ въ составъ романа, ей лично принадлежитъ только одно, отнюдь не дающее полнаго понятія о ея характерѣ и сокровенныхъ мысляхъ. Ея характеристика вообще мало удалась автору. Съ одной стороны, дѣвушка обнаруживаетъ здравый и трезвый умъ, пониманіе жизни и рѣдкую, быть можетъ, даже слишкомъ большую,—если принять въ соображеніе ея молодые годы,—разсудительность... Съ другой стороны, мы съ изумленіемъ узнаемъ вдругъ, что ее называютъ истеричною, что она, видимо, хочетъ какъ можно скорѣе выйти замужъ, проявляетъ до болѣзненнаго напряженную чувственность и за столомъ „пожираетъ глазами" принца Сильвера.

Очень странно также, что Флора, если она, дѣйствительно, обладаетъ сильнымъ, энергичнымъ характеромъ, позволяетъ отцу придумывать для нея различныя матримоніальныя комбинаціи и указывать, какой тактики она должна непремѣнно держаться. Нравственный обликъ барона, видимо, не вполнѣ ясенъ Флорѣ,—или, по крайней мѣрѣ,—она не считаетъ нужнымъ особенно вникать въ этотъ вопросъ. До самаго конца романа мы что-то не слышимъ, чтобы она выказала чѣмъ-нибудь свое негодованіе по поводу образа дѣйствій отца; нѣтъ, она, повидимому, продолжаетъ считать его прекраснымъ человѣкомъ... Ея духовный міръ остается для насъ загадкою въ особенности потому, что мы не узнаемъ, понятно, мнѣнія самого автора о дочери барона Мюнштейна и принуждены довольствоваться противорѣчивыми, и подчасъ не вполнѣ объективными, отзывами тѣхъ или другихъ героинь романа. Въ одномъ только почти всѣ согласны между собою: въ признаніи за Флорою безусловной хотя и нѣсколько холодной красоты. Что касается ея отношенія къ еврейству, то нужно сознаться, что она совершенно не думаетъ о своихъ соплеменникахъ, отъ которыхъ отличается только религіей,—и вообще представляетъ собою вполнѣ космополитическій типъ.

На ряду съ свѣтскими женщинами и молодыми дѣвушками, у которыхъ очень мало типично-еврейскаго и иногда очень много самой обыкновенной пустоты и суетности, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ современныхъ французскихъ писателей и евреекъ другого оттѣнка. Такова Фанни Гафнеръ, изъ „Cosmopolis" Бурже, нѣжная,

кроткая, увлекающаяся дѣвушка, совершенно не похожая на своего отца. Самъ Монфанонъ, долгое время относившійся къ ней пристрастно и несправедливо, считавшій ее притворщицею и ловкою актрисою, принужденъ, наконецъ, сознаться въ своей ошибкѣ и взять свои слова назадъ. Въ той нездоровой, испорченной атмосферѣ, среди которой ей поневолѣ приходится жить, она чувствуетъ себя одинокою, томится и находитъ утѣшеніе только въ горячей любви къ отцу, котораго она идеализируетъ, и въ религіозныхъ экстазахъ и мечтахъ. Когда ей случайно попадается въ руки анонимный пасквиль, направленный противъ ея отца и разоблачающій его некрасивые поступки, она чувствуетъ себя разбитою, лишенною опоры, готова утратить вѣру въ людей. Ея жизнь складывается вообще очень неудачно и печально; выданная отцомъ за человѣка, котораго она почти не знала, Фанни очень скоро убѣждается въ томъ, что стала женою безнравственнаго и грубаго эгоиста, который, несмотря на свой громкій титулъ, напивается до-пьяна, относится къ ней безъ всякаго уваженія и смѣется надъ тѣмъ, что для нея дорого. Постепенно дѣло доходитъ до того, что она принуждена покинуть князя Ардеа и добиваться развода,—она, которая болѣе многихъ заслуживала мирнаго, безмятежнаго счастья!..

Вынося одно разочарованіе за другимъ, Фанни видитъ теперь единственное утѣшеніе въ религіи. Она уже давно почувствовала влеченіе къ католицизму, но это влеченіе отнюдь не походитъ на продиктованное разсчетомъ стремленіе баронессы Бонмонъ или г-жи Вормсъ-Клавлэнъ—вступать въ сношенія съ католическими аббатами и дѣлать щедрыя пожертвованія на церковныя нужды. Мечтательная, слегка экзальтированная душа Фанни увлеклась всѣмъ, что есть мистическаго, таинственнаго и далекаго отъ повседневной дѣйствительности въ католицизмѣ... Она сообщила отцу о своемъ намѣреніи перейти въ католицизмъ и получила такой отвѣтъ, какого и слѣдовало ожидать отъ барона Гафнера, всегда выше всего ставившаго выгоду... Баронъ посовѣтывалъ дочери не спѣшить съ этимъ и лучше подождать, пока ей представится та или другая партія; она тогда всегда успѣетъ принять протестантизмъ или католичество, въ зависимости отъ того, къ какому исповѣданію будетъ принадлежать ея женихъ... Этотъ циническій отвѣтъ заставилъ Фанни впервые усомниться въ горячо любимомъ отцѣ. Ей больно было видѣть такое сухое и разсчетливое отношеніе къ тому, что для нея было вопросомъ совѣсти и не связывалось ни съ какими эгоистическими планами...

„Почему вы считаете грустнымъ тотъ фактъ, что эта красивая и святая дѣвушка—дочь ужаснаго вора?“ говоритъ Дорсеннъ, бесѣдуя съ Альбою Стено. „Это такъ легко понять! Фанни, по происхожденію, еврейка, т. е. принадлежитъ къ гонимой расѣ; слѣдовательно, у нея должны были развиться, наряду съ недостатками, нераздѣльными со всѣми гонимыми народами, и соотвѣтствующія добродѣтели: семейный духъ, долгъ, трогательное самоотверженіе женщины, которая чувствуетъ, что она составляетъ всю прелесть подвергающагося опасности жилища, является нѣжнымъ цвѣткомъ, распространяющимъ ароматъ въ темной тюрьмѣ. Вотъ, какъ объясняется ея любовь къ отцу. Такъ же просто объясняется и ея благочестіе... Вспомните Библію и цѣлый рядъ благочестивыхъ женщинъ,—Ревекку, Руѳь, Эсѳирь, Маріанну, Елисавету, обѣихъ Марій и Веронику, которая отерла ликъ Христа... Одна изъ нихъ какъ бы оживаетъ въ дочери Гафнера, какъ поэтъ, создавшій „Пѣснь пѣсней“ ожилъ въ лицѣ Гейне, какъ одинъ изъ пророковъ—въ Спинозѣ. какъ душа какого нибудь Искаріота возрождается въ этомъ грабителѣ Гафнерѣ“... *).

Не могу не остановить вашего вниманія и на одной изъ героинь романа Жоржа Онэ, „Nemrod et C-ie“,—Esther Nunio, дочери могущественнаго биржевика. Одаренная красивою, оригинальною внѣшностью, (ее называютъ „cette juive blonde aux yeux noirs“),

*) „Cosmopolis“, стр. 367—368.

Эстеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, неоднократно обнаруживаетъ чистоту, нѣжность и благородство своей души. Она просиживаетъ цѣлые часы у изголовья совершенно чужого для нея бѣднаго мальчика, упавшаго въ воду и рискующаго опасно заболѣть, принимаетъ къ сердцу его судьбу, старается всѣми силами помочь ему. Благотворительность очень рано начинаетъ привлекать ее; „нужно дѣлать добро ради насъ самихъ", замѣчаетъ она въ одномъ случаѣ; „вѣдь такъ пріятно облегчать чужое страданіе и утѣшать тѣхъ, кто скорбитъ" *)! Живя лѣтомъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ ихъ имѣніи, она завязываетъ сношенія съ добродушнымъ сельскимъ священникомъ, abbé Pierquin, разспрашиваетъ его о мѣстныхъ нуждахъ, постоянно передаетъ ему небольшія суммы, съ просьбою распредѣлить ихъ между бѣдными своего прихода. Но она дѣлаетъ это не для рекламы и не изъ дипломатическихъ соображеній, какъ m-me Worms-Clavelin и ей подобныя, а просто— отдаваясь врожденному ей чувству милосердія и гуманности, которое заставляетъ ее не отличать въ этомъ случаѣ еврея отъ христіанина, любить и жалѣть всѣхъ нуждающихся и страждущихъ, безъ исключеній...

Эстеръ получила тщательное и раціональное воспитаніе. Ея гувернантка, замѣнившая ей рано умершую мать, m-lle Faverger, сумѣла внушить ей твердые нравственные прицины, любовь къ ближнимъ и сознаніе своего долга по отношенію къ нимъ. Сама— ревностная и убѣжденная католичка, она, однако, никогда не касалась въ бесѣдахъ съ Эстеръ религіозныхъ вопросовъ, не старалась склонить ее къ переходу въ христіанство, зная, что этимъ она навлекла бы на себя большую отвѣтственность передъ Селимомъ. Когда дѣвочка стала подростать, ей, конечно, бросилось въ глаза, что m-lle Faverger ходитъ по воскресеньямъ въ церковь и никогда не беретъ ее съ собою... Ей захотѣлось, во что бы то ни стало, узнать причину этого,—и она впервые услыхала изъ устъ своей любимой воспитательницы эти слова, смыслъ которыхъ тогда не былъ, конечно, вполнѣ понятенъ ей: „je suis catholique,—et vous êtes juive"... Но придерживаясь своей обычной тактики, m-lle Faverger поспѣшила успокоить дѣвочку, разсѣять всѣ ея сомнѣнія. „Религія, которой вы слѣдуете,—религія вашей матери; вы видите, что ея нужно держаться! Всѣ религіи основаны на морали,онѣ учать ненавидѣть зло и любить добро!" Это гуманное, терпимое отношеніе г-жи Фаверже къ чуждымъ ей вѣрованіямъ, быть можетъ, болѣе всего остального заставило ея воспитанницу, съ своей стороны, относиться съ полнымъ уваженіемъ къ христіанству. Независимо отъ этого, дѣвушка рано проявила большую любознательность, прочла много книгъ, прекрасно изучила французскій языкъ, на которомъ она говоритъ безъ всякаго акцента. Ея сужденія обыкновенно отличаются большою серьезностью и логичностью; вы чувствуете, что она обо многомъ подумала и сознательно относится къ жизни.

Свободная отъ всякихъ корыстолюбивыхъ стремленій, всегда отзывчивая къ чужому горю, Эстеръ, естественно, переживаетъ крайне мучительныя ощущенія, когда постепенно у нея, какъ у Фанни Гафнеръ, раскрываются глаза на тѣ способы, которыми ея отецъ составилъ себѣ крупное состояніе и занялъ извѣстное положеніе въ обществѣ. Она искренно любила Селима, помня все то, что онъ сдѣлалъ для нея, всю ту ласку, которою она была окружена съ дѣтскихъ лѣтъ,—тѣмъ ужаснѣе для нея неожиданное сознаніе, что его прошлое—далеко не безгрѣшно, что онъ разорилъ не мало людей своими спекуляціями и построилъ на ихъ гибели благосостояніе своей семьи. Съ однимъ изъ этихъ людей, бывшимъ владѣльцемъ того помѣстья, гдѣ они теперь живутъ, маркизомъ де-Понъ-Круа, она случайно сталкивается, бесѣдуетъ—и выноситъ необыкновенно грустное впечатлѣніе изъ этой встрѣчи. Этотъ прекрасно воспитанный, изящный, еще молодой человѣкъ, почти совершенно разорившійся, принужденный жить тутъ же, по близости, въ маленькомъ домикѣ и видѣть ежедневно свое помѣстье, перешедшее въ чужія

*) „Nemrod et C-ie", стр. 131.

руки, невольно заинтересовываетъ Эстеръ, пробуждаетъ въ ея сердцѣ жалость и состраданіе,—чувства, быстро переходящія въ горячую симпатію... Отличаясь добрымъ и чуткимъ сердцемъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, способна обнаружить, при случаѣ, силу характера и присутствіе духа. Когда у нихъ въ домѣ заходитъ при гостяхъ разговоръ о маркизѣ, и о немъ отзываются нѣсколько иронически, она рѣшительно вступается за него, не заботясь о томъ, что скажутъ люди. У нея есть достаточно энергіи и для того, чтобы воспротивиться браку съ антипатичнымъ ей Бруккеномъ, который ей навязываетъ отецъ. Точно такъ же, когда Селимъ, несмотря на давно уже доказанную низость и лживость Мануэлы, продолжаетъ восторгаться ею и хочетъ, чтобы Эстеръ смотрѣла на нее, какъ на свою вторую мать и руководительницу, она отказывается исполнить это требованіе, предпочитаетъ покинуть родной кровъ, категорически заявляя отцу: „я или Мануэла!“ Маркизъ де-Понъ-Круа, въ началѣ не совсѣмъ свободный отъ извѣстнаго антисемитическаго налета, называющій Эстеръ „cette petite juive“, безъ всякаго основанія переносящій на нее извѣстную долю того раздраженія, которое онъ чувствуетъ противъ ея отца, постепенно поддается обаянію этой оригинальной, независимой и неотразимо привлекательной дѣвушки...

Если Эстеръ Нуньо соединяетъ природныя дарованія, тонкій, пытливый умъ и силу характера съ добрымъ и мягкимъ сердцемъ, носящая то же имя, дочь почтеннаго ученаго, Альфонса Байонна и двоюродная сестра Эльзеара, изъ „Les morts qui parlent“,— въ высшей степени оригинальная личность—очень рѣдко прислушивается къ голосу сердца, живетъ, прежде всего, разсудкомъ, не обнаруживаетъ особенной доброты или альтруизма, но за то по своей энергіи, силѣ-воли, настойчивости и безусловной даровитости, невольно привлекаетъ наше вниманіе. Отецъ ея, ставя выше всего ученую карьеру, надѣялся развить въ ней интересъ къ наукѣ, хотѣлъ дать ей серьезное и всестороннее образованіе, настоялъ на томъ, чтобы она поступила въ Ecole Normale Supérieure, и ожидалъ блестящихъ результатовъ отъ ея пребыванія въ этомъ учебномъ заведеніи. Но у Эстеръ рано сказался вкусъ къ сценической дѣятельности, горячее желаніе стать со временемъ выдающеюся артисткою и заставить всѣхъ преклониться передъ ея талантомъ. Самолюбивая и гордая по натурѣ, она рисовала себѣ картину того могущественнаго вліянія на публику и на всѣхъ цѣнителей театра, которое она можетъ пріобрѣсти; при томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ театръ въ современной парижской жизни, даровитая артистка, думалось Эстеръ, съ теченіемъ времени сдѣлается „la rivale, l'égale des femmes les plus enviées, les plus respectées“, „l'unique piussance féminine, l'unique régulatrice de ce monde en décomposition“ *). И она отказалась отъ научной дѣятельности, прервала свои занятія, тайкомъ убѣжала изъ родного города, гдѣ то пропадала, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ, къ ужасу своихъ родныхъ, появиться на театральныхъ подмосткахъ въ Парижѣ, подъ именемъ Rose Esther.

Поступивъ въ „Porte-Saint-Martin“ на выходныя роли, она неожиданно обратила на себя общее вниманіе, когда ей пришлось случайно сыграть крупную роль въ новой драмѣ моднаго драматурга Гейльбренна „Гусситы“. Ея игра произвела громадное впечатлѣніе на публику, о ней заговорили; писатели, рецензенты, актеры стали искать ея знакомства; слухъ о красотѣ, талантѣ и рѣдкомъ умѣ той, которая вчера еще была маленькою выходною актрисою, разнесся повсюду. Теперь у Эстеръ есть свой собственный салонъ, гдѣ собираются журналисты, драматурги, депутаты, которые считаютъ за честь быть у нея въ домѣ. Она прекрасно умѣетъ пользоваться своими новыми связями и обаяніемъ своей личности. Ея честолюбіе не удовлетворяется успѣхомъ въ Porte-Saint-Martin; она хочетъ проложить себѣ дорогу въ „домъ Мольера“, „la maison sacro—sainte“. Заранѣе намѣтивъ то лицо, которое, ставъ министромъ народнаго просвѣщенія,

*) „Les morts qui parlent“. стр. 146.

навѣрное, открыло бы ей доступъ въ Comédie Française,—нѣкоего Мирво,—она оказываетъ давленіе на своихъ друзей изъ политическаго міра, убѣждая ихъ, въ случаѣ министерскаго кризиса, отстаивать интересы ея protégé. „Онъ будетъ министромъ", восклицаетъ она, „я этого хочу". Весь этотъ эпизодъ романа Вогюэ, несомнѣнно, навѣянъ „Парижемъ" Золя и въ частности—исторіей Сильвіаны, во что бы то ни стало желавшей дебютировать на сценѣ Comédie Française въ „Polyeucte". Разница только въ томъ, что Эстеръ, дѣйствительно, обладаетъ крупнымъ талантомъ и, выступивъ въ „Le lion amoureux" Понсара, послѣ того, какъ Мирво сдѣлался министромъ, снова производитъ громадное впечатлѣніе на публику. Опираясь на протекцію и, ловкую, искусную тактику, она и помимо этого имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, въ силу своего несомнѣннаго дарованія.

Бесѣдуя съ посѣтителями своего салона, Rose Esther, правда, никогда не упоминаетъ о своемъ еврейскомъ происхожденіи, но въ глубинѣ души она придаетъ ему большое значеніе. Оставшись наединѣ съ Эльзеаромъ и не имѣя долѣе необходимости носить маску, она откровенно говоритъ съ нимъ о ихъ общихъ родныхъ, упрекаетъ его за то, что онъ рѣдко бываетъ у своей матери, напоминаетъ ему, что они оба—дѣти одного и того же народа и должны отстаивать свои права и свою личность, борясь со всѣми препятствіями, невзгодами, стѣсненіями, „avec l'audace du désir et la puissance du vouloir, qui marquent ceux de notre race pour le gouvernement de ce monde" *). Отъ природы наблюдательная и чуткая, она тотчасъ же замѣтила, что въ окружающемъ обществѣ, мало по малу, начинаетъ усиливаться антисемитизмъ и духъ національной исключительности. Бесѣдуя съ Байонномъ, она проводитъ, между прочимъ, ту мысль, что въ виду этого поворота общественнаго мнѣнія всѣ французскіе евреи должны сплотиться и дѣйствовать дружно, поддерживая одинъ другого. „Что будетъ съ нами теперь, когда противъ насъ уже строятся козни, если мы не объединимся и не составимъ одного цѣлаго?" **) Въ общемъ, Rose Esther принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ еврейскимъ типамъ, созданнымъ французскими романистами. Жаль только, что націоналистическіе взгляды, которыхъ, въ значительной степени, придерживается и самъ Вогюэ, положили все же извѣстный отпечатокъ на характеристику молодой актрисы, заставивъ автора кое гдѣ слишкомъ сгустить краски и выдвинуть на первый планъ властолюбіе, изворотливость и излишнюю развязность Rose Esther,—свойства, которыя авторъ, видимо, ставитъ въ зависимость отъ ея происхожденія...

Лія Монахъ, внучка непримиримой противницы новыхъ вѣяній и почитательницы всего освященнаго традиціей, могла бы быть одною изъ наиболѣе симпатичныхъ и культурныхъ молодыхъ дѣвушекъ-евреекъ, какихъ мы встрѣчаемъ во французской беллетристикѣ, еслибы авторъ не надѣлилъ ее болѣзненно развитою чувственностью. Лія получила хорошее воспитаніе и образованіе; сначала она училась въ еврейскомъ пансіонѣ г-жи Саломонъ, на rue de Nazareth, но потомъ, желая сдѣлать изъ нея настоящую француженку, баронъ Монахъ отдалъ ее на курсы m-lle Granet, которые считались очень модными и посѣщались дочерьми солидныхъ лицъ, съ положеніемъ и почтенными именами, что было особенно важно для барона... Наконецъ, Лія имѣла возможность довершить свое образованіе, слушая лекціи въ Сорбоннѣ. Всѣ эти занятія расширили ея кругозоръ, обогатили ее новыми познаніями. Она обнаруживаетъ въ разговорѣ извѣстную начитанность, культурные интересы, вмѣстѣ съ природнымъ умомъ и наблюдательностью.

Но Бонньеръ совершенно испортилъ то впечатлѣніе, которое производитъ эта хорошенькая, не по лѣтамъ развитая и умственно, и физически дѣвушка, изобразивъ ее

*) Тамъ же, стр. 147.
**) Тамъ же, стр. 155.

крайне чувственною и сладострастною, не удовлетворяющеюся простымъ ухаживаніемъ или флиртомъ, но подходящею къ типу demi-vierge, способною даже отдаться сильно понравившемуся ей мужчинѣ... За нею ухаживаетъ молодой графъ Роже д'Эпань, котораго она очаровала своею красотою, женственностью и умомъ, такъ что онъ, забывая обо всѣхъ антисемитическихъ предразсудкахъ, рѣшаетъ сдѣлать ей предложеніе Но горячая любовь молодого человѣка быстро проходитъ, когда Лія также полюбившая его, въ порывѣ страсти и самозабвенія изъявляетъ видимую готовность отдаться ему до брака... Это отсутствіе стыдливости приводитъ въ негодованіе Роже, который бѣжитъ прочь отъ Ліи и рѣшаетъ отказаться отъ мысли—стать ея мужемъ. Вся эта сцена была бы очень эффектна и интересна, если бы мы не имѣли нѣкоторыхъ основаній заподозрить автора въ желаніи противопоставить цѣломудреннаго, нравственнаго „арійца" распущенной, невоздержной „семиткѣ"...

Довольно любопытный типъ хотѣла обрисовать въ своемъ романѣ „Les Sèvriennes", посвященномъ романисткѣ Жаннѣ Марни, Габріэлль Реваль, задумавшая изобразить женскую учащуюся молодежь, стекающуюся съ разныхъ сторонъ въ Ecole de Sèvres, чтобы обогатить себя научными познаніями или просто, — чтобы добиться диплома и получить нѣкоторыя права. Романъ этотъ читается, въ общемъ, не безъ интереса, тѣмъ болѣе, что французскіе романисты до сихъ поръ удѣляли очень мало вниманія этому міру; г-жа Реваль описываетъ жизнь своихъ героинь, ихъ интересы, вкусы и наклонности безъ всякихъ прикрасъ, иногда, быть можетъ даже слишкомъ по долгу останавливаясь на ихъ отрицательныхъ или смѣшныхъ сторонахъ. Въ числѣ молодыхъ дѣвушекъ, фигурирующихъ въ романѣ, есть и одна еврейка, Adrienne Chantilly, — или Didi, какъ ее называютъ подруги. Нельзя сказать, однако, чтобы ея образъ особенно удался г-жѣ Реваль! Тѣмъ еврейскимъ дѣвушкамъ, которыя посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ и стремятся къ высшему образованію, едва ли кто нибудь можетъ отказать въ желаніи и умѣніи трудиться, въ энергіи и любознательности... Между тѣмъ, Адріенна,—„une belle juive, à la taille très cambrée", производящая сильное впечатлѣніе своею прелестною наружностью даже на многихъ профессоровъ, — отнюдь не принадлежитъ къ серьезнымъ труженицамъ... Она не обнаруживаетъ солидныхъ научныхъ познаній, схватываетъ только верхи, повидимому, не стремится къ истинному развитію.

При всемъ то ъ, это—весьма способная и умная дѣвушка, прекрасно владѣющая французскимъ языкомъ, пробующая свои силы и въ прозѣ, и въ стихахъ, одаренная необыкновеннымъ умѣньемъ излагать свои мысли въ красивой и блестящей формѣ. расположенныя къ ней лица утверждаютъ, что она пишетъ стихи, совсѣмъ какъ Эредіа, и говоритъ, какъ Жюль Леметръ. На первыхъ порахъ она очаровываетъ своимъ краснорѣчіемъ весь педагогическій персоналъ; на нее вскорѣ начинаютъ возлагать большія надежды, думаютъ, что она сдѣлается гордостью всей школы... Постепенно выясняется, однако, что за красивою, оригинальною формою у нея не скрывается настоящихъ познаній, что она въ сущности, мало работаетъ, и ея слава, въ значительной степени, раздута. Адріенна, вначалѣ безъ особаго труда ставшая первою ученицею, принуждена затѣмъ уступить свое мѣсто другой. Въ довершеніе всего, она затѣваетъ довольно странный флиртъ съ однимъ изъ профессоровъ, Полемъ Рэжардэномъ, сообразивъ, что онъ можетъ ей быть полезенъ, пишетъ ему всевозможные billets doux, тонъ которыхъ становится постепенно все болѣе и болѣе откровеннымъ. „Если бы вы знали, какъ я преклоняюсь передъ вами", говоритъ она въ одномъ письмѣ, „какъ моя мысль во время лекцій старается слиться съ вашею мыслью, проникаетъ въ нее, какъ бы удерживаетъ ее въ себѣ, запечатлѣваетъ въ своихъ тайникахъ!" „Кто вы такой, что вы способны до такой степени плѣнять меня?" — восклицаетъ она въ другомъ письмѣ, написанномъ нѣсколькими недѣлями позже. „Я упивалась вашими словами. Передо мною открылся новый міръ,—міръ Милосердія, безграничной, вѣчной, мистической любви... Да, наши

души должны жить только любовью... Все наше существо должно утолять жажду изъ божественнаго источника" *). Одно изъ посланій Адріенны случайно попадаетъ въ руки начальницы школы, — и молодая дѣвушка принуждена взять отпускъ „на неопредѣленное время".

Характеристика Адріенны, нужно сказать къ чести г-жи Реваль, совершенно свободна отъ антисемитической окраски; обрисовывая ея психологію, романистка отмѣчаетъ только ея индивидуальные недостатки и слабости, не дѣлая никакихъ обобщеній, не касаясь на каждомъ шагу ея національности. Тѣмъ не менѣе, по m-lle Chantilly нельзя, конечно, судить о всѣхъ молодыхъ еврейкахъ, стремящихся къ образованію или равноправности, потому что ея натура слишкомъ неглубока, ея честолюбіе, кокетство и вѣчная забота о своей внѣшности парализуютъ впечатлѣніе, производимое ея природными задатками и красивою, изящною рѣчью. Нужно надѣяться, что рано или поздно другая, болѣе интересная разновидность типа французской еврейки изъ категоріи „femmes nouvelles" также найдетъ своего изобразителя.

Одна изъ героинь „Sale-Juif" Долливэ, Жанна, на которой, въ концѣ концовъ женится Рене Леви, представляетъ собою очень интересную фигуру; быть можетъ, она производила бы еще больше впечатлѣнія, если бы авторъ обладалъ болѣе сильнымъ беллетристическимъ талантомъ и къ тому же не сдѣлалъ ее ужъ слишкомъ хорошею, разсудительною и чистою... Такова, впрочемъ, участь всѣхъ положительныхъ героевъ и героинь: они выходятъ всегда менѣе жизненными и характерными, чѣмъ отрицательные типы! Какъ бы то ни было, Жанна, въ противоположность Адріеннѣ Шантильи и ей подобнымъ, соединяетъ культурныя стремленія съ живымъ интересомъ къ своему народу. Она получила довольно хорошее образованіе, хотя и не училась въ спеціальномъ заведеніи, въ родѣ Ecole de Sèvres. Ея сужденія отличаются мѣткостью и осмысленностью; она держитъ себя съ достоинствомъ и невольно внушаетъ всѣмъ уваженіе. Она обладаетъ всѣми хорошими, положительными свойствами культурной француженки, — и въ то же время никогда не забываетъ о своемъ народѣ, держится того взгляда, что еврейка, въ силу своего историческаго призванія, должна быть утѣшительницею и добрымъ геніемъ мужчины, принужденнаго выносить преслѣдованія и невзгоды жизни. Она сумѣетъ сдѣлать Рене счастливымъ, потому что способна понять его интересы и стремленія — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ относится къ тому наслѣдію прошлаго, которое такъ дорого его родителямъ. Прибавьте къ этому ослѣпительную, пышную и чисто еврейскую красоту Жанны, которая напоминаетъ своею внѣшностью библейскихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, въ разное время приходившихъ на помощь своему народу и оставившихъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ преданіяхъ такъ много испытавшаго на своемъ вѣку племени!...

Болѣе восьмидесяти евреевъ и евреекъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ современныхъ французскихъ беллетристовъ, только что прошло передъ нами. Изъ разнообразныхъ примѣровъ, которые были сгруппированы выше, достаточно выяснилось, что, изображая различные оттѣнки еврейскаго населенія Франціи, многіе писатели сообщили своимъ оцѣнкамъ и характеристикамъ обличительный колоритъ, отмѣчая различныя отрицательныя стороны своихъ героевъ и героинь изъ евреевъ. Но есть обличеніе и обличеніе!.. Золя, обрисовывая психологію Гундермана или Буша, не переноситъ своихъ нападокъ на весь народъ, дѣлаетъ родного брата того же самого Буша мечтателемъ, идеалистомъ, влагаетъ въ уста m-me Caroline примирительныя, дышащія терпимостью рѣчи. Нужно ли напоминать о томъ, какъ тотъ же Золя выступилъ, когда понадоби-

*) G. Reval, „Les Sévriennes", troisième edition. Paris, Paul Ollendorff, 1900; стр. 288.

лась его благородная энергія, отважнымъ защитникомъ невинно—осужденнаго еврея, пренебрегая злостными выходками антисемитовъ?... Тотъ самый Клемансо, который создалъ образы страдающаго маніей величія капиталиста, барона Опперта и хитроумнаго аббата Натаніэля, въ рядѣ блестящихъ статей, помѣщенныхъ на столбцахъ „Aurore", высказалъ все свое негодованіе по поводу того похода противъ евреевъ, свидѣтелемъ котораго ему пришлось стать. Анатоль Франсъ, осмѣивая профекта Вормсъ-Клавлэна и его достойную супругу, предъявляетъ такія же строгія требованія къ другимъ своимъ героямъ, чистокровнымъ французамъ, а устами Бержере проповѣдуетъ гуманное отношеніе ко всѣмъ народамъ и осуждаетъ тѣхъ, кто готовъ провозглашать всѣхъ евреевъ измѣнниками, паразитами и пр. Вандеремъ противопоставляетъ такимъ хищникамъ, какъ банкиръ Пумсъ съ компаніей, благороднаго идеалиста Шлейфмана...

Подобныя обличенія никого не могутъ обидѣть, оскорбить, потому что они направлены исключительно противъ единичныхъ представителей еврейскаго племени, которое, какъ и всякое другое, естественно, изобилуетъ, и хорошими, и дурными людьми. Совсѣмъ иное дѣло—обличенія и нападки въ духѣ Жипъ, Леона Додэ, Мориса Барреса и другихъ. Здѣсь мы сталкиваемся съ расовою ненавистью, стихійнымъ презрѣніемъ и гадливостью по отношенію къ этому племени, узко—націоналистическою точкою зрѣнія, неумѣніемъ и нежеланіемъ объективно отнестись къ психологіи другого народа. Подобныя обличенія, не уравновѣшенныя фактами противоположнаго характера, безусловно вредны. Они могутъ оказать только самое развращающее, деморализующее вліяніе на средняго читателя... Кто способенъ въ точности опредѣлить, какую роль они сыграли во время печальнаго пароксизма національной исключительности, недавно пережитаго Франціей, когда тысячи наэлекризованныхъ антисемитическою печатью французскихъ гражданъ снова огласили улицы и площади мирныхъ городовъ этимъ варварскимъ, казалось, уже отошедшимъ въ область преданія крикомъ: „смерть жидамъ", и такая писательница, какъ Жипъ сдѣлалась временно чуть ли не одною изъ руководительницъ общественнаго мнѣнія?.. Пожелаемъ же отъ души, чтобы въ французской литературѣ, какъ и въ французской жизни, порѣже раздавались голоса, проповѣдующіе человѣконенавистничество и племенную вражду, чтобы самое выраженіе „sale Juif" исчезло изъ лексикона, какъ недостойное культурныхъ людей, чтобы въ той странѣ, гдѣ евреи давно уже пользуются гражданскими правами, дѣятели словесности не брали на себя болѣе чѣмъ некрасивой задачи—возстановлять одну часть населенія противъ другой! „Далеко ли осталось до того желаннаго дня",—такъ заканчиваетъ Луи Долливэ свой романъ „Sale Juif" *), „когда люди, переставъ извращать священныя слова: добро, милосердіе, отечество, религія, идеалъ,—рѣшатся, наконецъ, поступать согласно свѣтлому завѣту: возлюбимъ другъ друга, какъ братья"!..

Ялта—Севастополь. Сентябрь 1900 г.

Юрій Веселовскій.

*) Русскій переводъ г-жи Чюминой; „Восходъ", 1898 г. кн. XII.

Іудеи при Маккавеяхъ и Асмонеяхъ.

Народы, какъ и люди, не живутъ изолированно; подобно людской средѣ, существуетъ и среда народная. Мы привыкли называть эту среду культурной средой, отправляясь отъ понятія культуры, какъ общаго строя жизни и отношеній цѣлаго ряда народовъ въ ту или другую историческую эпоху. Напр., настоящій строй жизни и отношеній принято называть западно-европейской культурой. Каждый европейскій народъ приноситъ свой вкладъ въ эту культуру и, взамѣнъ его, то или другое изъ нея заимствуетъ; строй отдѣльнаго народа есть одна характерная черта въ общемъ строѣ культуры. Еврейскій народъ жилъ первоначально на почвѣ ассиро-вавилонской культуры, и вопросъ о его мѣстѣ и отношеніи къ этой культурной средѣ является первымъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи Израиля. Послѣ плѣна Израиль, своеобразно устроившись въ видѣ религіозной общины, попадаетъ въ среду эллинистической культуры. Вопросъ о его отношеніи къ этой новой для него культурной средѣ—второй основной вопросъ еврейской исторіи. Встрѣча эллинизма и іудейства лицомъ къ лицу падаетъ на царствованіе Антіоха Епифана; она не была мирной; загремѣло оружіе, и пролилась кровь. Израиль вышелъ изъ борьбы непокореннымъ и незамиреннымъ, хотя не избѣжалъ вліянія своего врага; съ другой стороны, толчокъ, данный эллинизмомъ, вскрылъ таившіяся въ потенціи силы и направленія: выяснились группировка и стремленія партій, фарисейской и саддукейской, откололось ессейство, и начался глухой протестъ, вырвавшійся впослѣдствіи наружу въ проповѣди Іоанна Крестителя и Христа. Столкновеніе съ эллинистической средой было глубокимъ кризисомъ, опредѣлившимъ всю дальнѣйшую судьбу іудейской общины.

I.

Завоеваніе Александра Великаго положило конецъ персидскому владычеству надъ іудеями; началась эпоха новаго царства, отличнаго отъ всѣхъ, ему предшествовавшихъ. Полтора вѣка спустя вѣрующій іудей, присутствуя при неслыханныхъ гоненіяхъ Антіоха Епифана и, быть можетъ, испытавъ ихъ на себѣ, изобразилъ это царство въ видѣ невѣдомаго, ужаснаго звѣря, все уничтожающаго на пути. За трепетомъ и содроганіемъ чувствовалось однако, что не одними ужасами это царство отличается отъ прочихъ; отъ іудеевъ не могло укрыться, что оно по всему своему духу разнится и отъ халдейскаго и отъ персидскаго царствъ, и что именно этотъ духъ его вызвалъ броженіе и зажегъ пожаръ. До Александра іудеи находились среди застывшаго Востока, ихъ стараго знакомаго; Александръ возмутилъ застоявшееся восточное море, бурно заходили волны, все спуталось, смѣшалось, и было время, когда казалось, что пришелъ всему конецъ, и близокъ судъ Ветхаго деньми.

Послѣ смерти Александра царство его распалось по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ. Евреи подпали подъ власть египетскихъ Птоломеевъ, которые попытались воскресить сѣдую древность фараоновъ. Птоломеи нашли въ Египтѣ твердую почву своеобразной національной культуры и такъ поддались ея вліянію, что только Александрія впослѣдствіи напоминала о четвертомъ царствѣ, покорившемъ Египетъ. Ихъ соперники Селевкиды были въ худшемъ положеніи: царство ихъ составилось изъ плохо, только механически связанныхъ частей, изъ которыхъ каждая представляла въ сравненіи съ другими національныя и культурныя особенности; оно постоянно колебалось въ своихъ границахъ въ зависимости отъ способностей его правителей. Селевкиды не сумѣли организовать свое царство хотя бы такъ, какъ сдѣлалъ нѣкогда Дарій Гистаспъ; они оставили покореннымъ мѣстную автономію, дали торговымъ городамъ широкія привилегіи и обязали только войскомъ и деньгами. Когда Палестина, долго бывшая яблокомъ раздора между Птоломеями и Селевкидами, подобно тому, какъ была она до плѣна тѣмъ же для Египта и Ассиріи, перешла окончательно къ сирійскому царству, іудейская община также сохранила свою автономію и была обязана только данью и войскомъ, какъ и остальныя части царства Селевкидовъ. Она платила царю „царскіе дары": соляную подать, вѣнечный сборъ, треть съ посѣва, половину съ плодовъ садовыхъ деревьевъ. Относительно количества солдатъ нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій; одинъ изъ преемниковъ Антіоха Епифана, въ видѣ льготы, имѣлъ въ виду ограничить это количество 30000. Сначала отношеніе сирійскихъ властителей къ Іудеѣ было милостиво и доброжелательно. Когда евреи отворили ворота Іерусалима Антіоху Великому, побѣдитель даровалъ за это іерусалимскому храму рядъ льготъ и привилегій; но такое отношеніе существовало недолго, и преемники Антіоха обложили десятиной іерусалимскій храмъ. Это чрезвычайно не понравилось іудеямъ, и они съ сожалѣніемъ вспоминали о благочестивыхъ Птоломеяхъ, относившихся къ ихъ религіи съ глубокимъ почтеніемъ.

Внутреннее устройство общины осталось неизмѣннымъ, въ томъ видѣ, какъ оно сложилось при Езрѣ и Нееміи. Устройство это опредѣлялось принесенной Езрой изъ Вавилона „книгой закона Моисеева". Въ центрѣ общины сталъ второй храмъ, при Езрѣ только что отстроенный. Онъ завоевалъ то положеніе, которое, несмотря на радикальныя мѣры Іосіи и требованія пророчества, не могъ пріобрѣсти храмъ Соломона. Плѣнъ оказалъ неоцѣнимую услугу реформаторамъ, вооружавшимся противъ старыхъ формъ культа и религіи. Онъ оторвалъ народъ отъ почвы, сравнявъ съ землею не только всѣ мѣстныя святилища, но и самый іерусалимскій храмъ. Это механическое потрясеніе имѣло глубокія нравственныя послѣдствія. Погибая подъ ударомъ Навуходоносора, народъ чувствовалъ, что пророчество оказалось правымъ; грѣхъ тяжелымъ камнемъ легъ на совѣсть изгнанниковъ, и въ плѣну, на рѣкахъ вавилонскихъ, сыны Израиля не только плакали, но и нашли средство искупить грѣхъ и предотвратить его повтореніе. Киръ далъ изгнанникамъ разрѣшеніе вернуться, но назадъ пошла уже не нація, а общество вѣрующихъ. Центромъ Израиля сталъ храмъ, а не дворецъ; первосвященники, священники и левиты стали единственными властями среди общины. Законъ, по которому устроилась община, носитъ на себѣ ясные слѣды мотивовъ, вызвавшихъ его составленіе. Это законъ очищенія и искупленія. Всякое проявленіе жизни предусмотрѣно и обставлено требованіями религіознаго ритуала. Цѣлый рядъ случаевъ изъ обыденной жизни, простые физіологическіе акты были признаны влекущими за собою нечистоту и отверженіе; требовалось очищеніе извѣстнымъ образомъ въ извѣстный срокъ. Всякое отступленіе отъ закона, хотя бы самое мелочное, влечетъ за собою требованіе очищенія и искупленія извѣстнымъ образомъ въ извѣстный срокъ. Возобладало формальное направленіе въ религіи, и до такой степени жизнь стала опутана сѣтью мелочныхъ предписаній, что потребовались толкованія и разъясненія раввиновъ, облегчавшія выполненіе закона. Не была забыта и причина грѣха, и были приняты мѣры къ тому, чтобы онъ не повторился.

До плѣна, Израиль впалъ въ грѣхъ вслѣдствіе увлеченія культами и обычаями сосѣдей; и вотъ, теперь настойчиво проводится требованіе, выставленное еще Второзаконіемъ: избѣгать иноплеменниковъ и всякаго сношенія съ ними. Когда Езра пришелъ въ Іерусалимъ, грѣхъ былъ уже недалекъ: многіе іудеи взяли себѣ въ жены иноплеменницъ. Езра безъ сожалѣнія изгналъ женщинъ и строго запретилъ повтореніе подобныхъ случаевъ. Обособленность была залогомъ чистоты вѣры и правильнаго выполненія закона, и ея іудеи достигли. Среди сосѣдей поднималось справедливое противъ нихъ возмущеніе: только они одни чуждаются всякаго общенія съ другими народами, и всѣхъ считаютъ врагами. Нетерпимость іудеевъ вызвала вражду и ненависть къ нимъ сосѣдей; распространялись нелестные разсказы объ іудеяхъ, какъ напр. о томъ, что предки ихъ, нечестивые и ненавидимые богами, были изгнаны изъ Египта.

Казалось, что теперь, когда законъ строго соблюдается, на евреевъ должно снизойти обѣщанное благословеніе Божіе. Живой духъ народа, чуждый туманнаго мистицизма и признающій лишь реальныя, чувственныя явленія, понималъ обѣщанную награду, какъ земное благоденствіе—многочадіе и богатство. Такимъ счастливымъ іудеемъ былъ праведный Іовъ, пока Богъ не попустилъ несчастіямъ посыпаться на его голову. И, подобно Іову, очень скоро вѣрующему іудею пришлось столкнуться съ глубокимъ противорѣчіемъ между теоріей и дѣйствительностью. Жизнь не только не оправдывала ожиданій вѣрующихъ и не посылала обѣщанныхъ наградъ за исполненіе дѣлъ закона, но напротивъ, шла наперекоръ всякимъ ожиданіямъ и обѣщаніямъ. Праведники сплошь и рядомъ бѣдствовали, люди, не заботившіеся о законѣ, преуспѣвали и благоденствовали. Іудейство опять стало лицомъ къ лицу съ проблемой, которую нужно было такъ или иначе разрѣшить. И счастливцы рѣшили вопросъ радикально: законъ не при чемъ, и исполнять его нечего; и вопросъ еще, существуетъ ли этотъ Ягве, который даетъ такія невѣрныя обѣщанія; лживый Богъ — не есть Богъ. На такой радикальный выводъ рѣшалось, конечно, очень ограниченное число іудеевъ; прочіе искали причины своихъ бѣдствій въ какихъ либо упущеніяхъ или грѣхахъ и усугубляли свою строгость. Такъ произошелъ расколъ: съ одной стороны стали chasidim (асидеи)—праведники, съ другой стороны — reša'im — нечестивцы; онъ быстро обострялся, и къ началу II вѣка стало чувствоваться приближеніе кризиса.

Псалмы полны вздохами и горемъ асидеевъ. Асидеи все свое упованіе возложили на Бога, обратили къ нему всѣ желанія и стремленія. Онъ рядомъ съ ними, ведетъ ихъ за десницу, и они твердо вѣруютъ въ свое конечное спасеніе: надѣющіеся на Ягве наслѣдуютъ землю. Надежда ихъ не безпочвенна: съ одной стороны, они чисты отъ всякаго грѣха, чуждаются лжи и обмана, воровства и злодѣйства, и, въ особенности, беззаконія, отвергающаго Бога и его заповѣди; съ другой стороны, они знаютъ, слышали отъ людей почтенныхъ и старыхъ, что бывали примѣры Божіей награды и милости: люди эти были юношами и состарились и не видали праведника оставленнымъ, и дѣтей его—ищущими хлѣба. За нихъ ихъ праведность и жизненный опытъ, и всѣ несчастія надо разсматривать какъ испытанія, производимыя Богомъ, который внезапно, какъ воръ ночью, посѣщаетъ человѣка и испытываетъ, тверда ли его вѣра, и чисто ли его сердце. Надо только не сходить съ пути исполненія заповѣдей, и тогда все пойдетъ хорошо. Пусть скудное достояніе праведниковъ не выдерживаетъ сравненія съ богатствами безбожниковъ, пусть праведные бѣдны теперь, за то имъ достанется въ наслѣдіе вся земля. Приведенная характеристика вскрываетъ экономическую подкладку асидейства. Оно состояло изъ плохо обезпеченныхъ слоевъ общины. Эта экономическая подкладка вполнѣ понятна, и, въ свою очередь, объясняетъ происхожденіе и дальнѣйшіе успѣхи среди народа асидейскаго направленія. При экономической необезпеченности тѣмъ болѣе трудно ждать отъ исполненія закона матеріальнаго благоденствія, что безчисленныя, и еще усугубляемыя рвеніемъ,—требованія закона ложились тяжелымъ бременемъ на бюд-

жетъ средняго іудея. Съ другой стороны, нетерпимость къ язычникамъ и всяческое удаленіе отъ сношеній съ ними лишали вѣрующаго іудея возможности, даже при достаточныхъ средствахъ, пуститься хотя бы въ торговыя предпріятія, которыя могли бы доставить ему желанное благополучіе и примирить вопіющія противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью.

Невѣрующіе и разочаровавшіеся въ законѣ получили отъ асидеевъ кличку rešaʿim. Они отказались отъ строгаго выполненія закона, находя это излишнимъ, но нельзя сказать, чтобы всѣ они утратили окончательно вѣру. Только наиболѣе крайніе изъ нихъ,—по всей вѣроятности, ренегаты изъ крайнихъ асидеевъ — стали совсѣмъ атеистами. Жалуясь на свои невзгоды, асидеи съ горечью рисуютъ благоденствіе беззаконниковъ. Оказывается, что rešaʿim были классомъ болѣе ихъ обезпеченнымъ, даже богатымъ. Удачно ведя свои дѣла, хозяйственныя и торговыя, не отвлекаясь отъ нихъ мелочными предписаніями закона, rešaʿim представлялись для асидеевъ идеаломъ награжденныхъ Богомъ людей: имѣютъ они многочисленныхъ сыновей и оставляютъ излишекъ дѣтямъ своимъ. Среди нихъ попадались богачи, въ безмятежіи проводившіе свою жизнь; къ нимъ принадлежалъ цвѣтъ іудейской интеллигенціи; изъ нихъ составилась высокомѣрная аристократія, насмѣшливо глядѣвшая на погрязшихъ въ мелочахъ закона асидеевъ, которые тщетно взывали къ Ягве, указывая на свою чистоту и праведность. Расколъ еще болѣе обострялся тѣмъ обстоятельствомъ, что къ rešaʿim попали въ экономическую зависимость менѣе обезпеченные классы. къ которымъ какъ разъ принадлежали асидеи. Эксплуатація бѣдноты отдачею денегъ взаймы подъ высокіе проценты достигла, повидимому, довольно широкихъ размѣровъ, и къ религіозной враждѣ присоединилась противоположность интересовъ на почвѣ экономической. Направленія асидейства и rešaʿim въ началѣ II в. еще колеблются, еще не отлились въ группы опредѣленнаго состава и съ опредѣленными цѣлями; но основныя ихъ черты намѣтились ясно, и противоположность обострилась до того, что ощущалось возможность взрыва.

Названными направленіями не исчерпывается составъ іудейскаго общества въ эпоху Маккавеевъ. Религіозныя направленія питались специфической атмосферой іерусалимскаго храма; но за предѣлами Іерусалима, на чистомъ воздухѣ полей и лѣсовъ, рождались и зрѣли совсѣмъ другого рода мысли и настроенія. Народъ былъ и тамъ преданъ религіи; но онъ влагалъ въ нее болѣе высокій смыслъ, сравнительно съ узко-законническимъ направленіемъ асидеевъ. Среди луговъ и нивъ, на берегу зеркальныхъ озеръ, на благоухающихъ склонахъ горъ рождались глубокія мысли и зрѣли смѣлыя мечты. Оттуда вышли патріоты Маккавеи и ихъ геройская дружина; оттуда выйдутъ впослѣдствіи и вдохновенные проповѣдники христіанства. Трудно сказать, за неимѣніемъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ, что именно думало и къ чему стремилось внѣіерусалимское іудейство. Можно сказать съ увѣренностію только одно, что въ немъ мертвящій культъ и ритуалъ еще не убили живости сердечной вѣры, законъ не закрылъ еще религіи, церковный духъ общины еще не угасилъ національныхъ стремленій. Тамъ еще жила вѣра въ грядущее владычество Израиля, когда ему будутъ служить всѣ народы. Придетъ день суда, когда Ягве возсядетъ на тронѣ, осудитъ нечестивцевъ и падшихъ ангеловъ и устроитъ на землѣ царство правды и милости, благоденствія и земного плодородія, объединитъ человѣчество подъ господствомъ Израиля. Въ синагогахъ, гдѣ населеніе собиралось по субботамъ и праздникамъ, народъ слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ чтеніе изъ Писанія и поученія книжниковъ-асидеевъ; это постоянное воздѣйствіе асидейства отражалось очень чувствительнымъ, хотя и причудливымъ образомъ на направленіе мысли іудейскаго простолюдина.

Между тѣмъ, четвертое царство, отличное отъ всѣхъ прочихъ, уже давало себя чувствовать. Оно окружило общину кольцомъ областей и городовъ, совершенно эллин-

низированныхъ. Туда проникли греческіе боги и ихъ культъ, греческая литература и образованность. Въ Газѣ былъ храмъ Аполлона; въ Тирѣ, со времени Александра Великаго, ежегодно происходили блестящія игры, и былъ устроенъ жертвенникъ Геркулесу. Вліяніе греческой литературы и образованности захватило и іудейскую діаспору, члены которой отвыкали отъ родного языка и переходили къ греческому, писали по-гречески, переводили на греческій священныя книги, интерполировали Сивиллины оракулы. Несмотря на всю обособленность и нетерпимость іерусалимской общины, вліяніе эллинизма мелкими струйками, въ щели и поры, проникало и туда. Сами книжники-асидеи, изучавшіе и толковавшіе законъ, не ушли отъ этого вліянія, и произведеніе ихъ, Мишна, пестритъ греческими словами и выраженіями. Это все по большей части техническіе термины суда, управленія и военнаго дѣла *), которые показываютъ, что бытъ и языкъ іерусалимской общины въ значительной степени эллинизировались. Нечего и говорить, что въ средѣ rešaʿim эллинизмъ нашелъ себѣ еще болѣе благодарную почву. Между ними вошло въ обычай передѣлывать свои имена на греческій ладъ. Іисусъ превратился въ Іасона, Онія называлъ себя Менелаемъ. Rešaʿim возстали противъ нетерпимости и обособленности іудеевъ; они хорошо сознавали, что обособленность общины отъ сосѣдей, ея застой въ одной и той же формѣ, узость формально-религіознаго направленія не приведутъ къ хорошимъ результатамъ, а напротивъ, обѣщаютъ въ будущемъ полное разложеніе и разореніе. Среди нихъ началось движеніе въ пользу сближенія съ сосѣдями, имѣвшее большой успѣхъ и нашедшее многихъ послѣдователей. Съ точки зрѣнія асидеевъ, на такое сближеніе могли осмѣлиться только „сыны беззаконія"; однако, на это пошли и такіе люди, которыхъ въ беззаконіи трудно было бы обвинить, — именно члены жреческой фамиліи Садокидовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что порча проникла въ іерусалимскій клиръ. Какъ единственный глава и представитель общины, первосвященникъ долженъ былъ постоянно находиться въ сношеніяхъ съ дворами верховныхъ властителей Іудеи, сначала съ Птоломеями, потомъ съ Селевкидами. Изнѣженность и испорченность этихъ дворовъ вошла въ поговорку, и безъ интригъ ничего нельзя было тамъ добиться. Постоянныя ухищренія и подкупы подрывали твердость нравственныхъ устоевъ и безмѣрно развивали честолюбіе, которое не брезгало никакими средствами для своего удовлетворенія. Іерусалимскій клиръ былъ очень богатъ, такъ какъ доходовъ, установленныхъ законовъ, и добровольныхъ приношеній онъ получалъ огромное количество. Жертвы шли цѣликомъ въ пользу клира; въ его же пользу былъ установленъ цѣлый рядъ натуральныхъ приношеній: начатки плодовъ, первенцы скота, выкупныя жертвы за первенцевъ человѣческихъ. Средства для удовлетворенія честолюбія были въ рукахъ, дѣло было только за рѣшимостью, и за нею дѣло не стало.

При такихъ условіяхъ, атмосфера была въ высшей степени напряжена. Чувствовалось, что приближается рѣзкій кризисъ, во время котораго должно выясниться, быть или не быть іудейской іерократической общинѣ. Іудейство стояло лицомъ къ лицу съ могучей эллинистической культурой, проникавшей уже незамѣтнымъ образомъ внутрь той ограды, которою закрылась община. Эллинизмъ не могъ удовольствоваться столь ничтожными, въ сущности, пріобрѣтеніями, какъ мелочи житейскаго обихода и термины суда, управленія и военнаго дѣла. Онъ хотѣлъ идти дальше, онъ хотѣлъ подчинить Іудею своему духу, какъ онъ успѣлъ это сдѣлать съ окрестными областями. Но то, что было легко по отношенію къ сосѣдямъ іудеевъ, оказалось не такимъ легкимъ дѣломъ по отношенію къ іудейству. Чтобы побѣдить іудейство, нужно было уничтожить нетерпимость его и разрушить обаяніе и вѣру въ Ягве, которою жила и дышала община. Нужно было искоренить эту религію, которая запрещала іудею доступъ къ сосѣдямъ и къ эллинистической культурѣ,—религіи, законъ которой считалъ грѣхомъ соприкосно-

*) У Шюрера въ Geschichte des jüdisch. Volkes im Zeitalter Jesu Christi, II, 44 ff. приведенъ цѣлый рядъ такихъ греческихъ словъ, заимствованныхъ Мишной.

веніе съ иноземнымъ міромъ. И вотъ, какъ разъ въ ту минуту, когда въ Іерусалимѣ уже началась борьба въ этомъ направленіи, на сирійскомъ престолѣ появился царь, который счелъ задачу эллинизаціи Іудеи себѣ по плечу. Въ 175 г. Антіохъ Епифанъ вернулся изъ Рима, гдѣ онъ былъ заложникомъ, на родину, свергнулъ узурпатора Геліодора и воцарился надъ Сиріей. Безпутная жизнь въ Римѣ, полная эксцентричныхъ выходокъ, дала поводъ называть его не Ἐπιφάνης, а Ἐπιμάνης (безумный). Антіохъ растратилъ въ кутежахъ и распутствѣ богатыя силы, которыми надѣлила его природа, и впослѣдствіи печальное вліяніе увлеченій молодости сказалось. Въ Сирію онъ пріѣхалъ съ отуманеннымъ разсудкомъ и ожесточеннымъ сердцемъ; въ головѣ у него гнѣздился безумный замыселъ объединить свое расползающееся царство посредствомъ религіозной реформы. Онъ хотѣлъ ввести повсюду культъ своего излюбленнаго Зевса Олимпійскаго, которому онъ построилъ и съ небывалымъ торжествомъ освятилъ храмъ въ Дафнѣ. Первымъ препятствіемъ на дорогѣ Антіоха стояла іудейская община, консервативная, обособленная и нетерпимая, и съ ней онъ попробовалъ сдѣлать первый опытъ, пользуясь первосвященническими распрями въ Іерусалимѣ.

II.

Когда Антіохъ Епифанъ пріѣхалъ въ Азію изъ Рима, первосвященникомъ въ Іерусалимѣ былъ Онія III. Это былъ уже старый, но очень энергичный человѣкъ, искусный въ интригахъ, сумѣвшій при Селевкѣ, отцѣ Антіоха, счастливо выпутаться изъ затрудненій, которыя созданы были попечителемъ храма Симономъ. Это была длинная исторія соперничества изъ-за первосвященнической власти между старшей линіей Садокидовъ, къ которой принадлежалъ Онія, и боковою вѣтвью, Товіадами. Энергичный Онія повелъ дѣло своей партіи такъ успѣшно, что не только заставилъ Товіадовъ отказаться отъ мысли одержать на іерусалимской почвѣ побѣду, но и выгналъ ихъ совсѣмъ изъ города. Озлобленные Товіады рѣшились обратиться къ помощи Антіоха. Образъ ихъ дѣйствій и ихъ стремленія обнаруживаютъ въ нихъ rešaʿim чистой воды: они передѣлали имена свои на греческій ладъ и поставили своею задачей во что бы то ни стало эллинизировать Іерусалимъ.

Товіадъ Іасонъ предложилъ Антіоху крупную сумму денегъ и обѣщалъ ввести въ Іерусалимѣ греческія игры и обычаи, если царь поставитъ его на мѣсто Онія. Царь согласился, и, сдѣлавшись первосвященникомъ, Іасонъ дѣятельно началъ проводить обѣщанныя мѣры. У подошвы святой горы, на которой высился храмъ, выросла гимназія; цвѣтъ іерусалимскаго юношества упражнялся тамъ играми и палестрой. Примѣръ подали священники: они охотно покидали наскучившія имъ жертвоприношенія и церемоніи и шли въ гимназію упражняться и бесѣдовать съ учителями-греками. Учителя посмѣивались надъ національно-религіознымъ знакомъ евреевъ—слѣдами обрѣзанія; евреи не остановились передъ мучительной операціей, которая искусственнымъ образомъ устраняла этотъ знакъ. На игры въ честь Геркулеса въ Тирѣ Іасонъ послалъ 300 драхмъ въ жертву Геркулесу; посланные, однако, не рѣшились открыть это назначеніе денегъ и попросили употребить ихъ на другіе расходы. Во время похода на Птоломея Филопатора, Антіохъ посѣтилъ эллинизируемый Іерусалимъ и былъ великолѣпно принятъ Іасономъ. Быть можетъ, во время этого посѣщенія мелькнула въ его странно направленномъ умѣ мысль превратить, впослѣдствіи, возвышавшійся на Сіонѣ храмъ Ягве въ святилище Зевса Олимпійскаго.

Іерусалимскій клиръ, однако, оказался продажнымъ до крайности, и Іасону не удалось продержаться долго. Его мѣсто перекупилъ Менелай-Онія, близкій его родственникъ, и съ этого момента въ Іерусалимѣ водворилась анархія. Менелай и его приспѣшники расхищали казну храма, народъ возсталъ противъ недостойныхъ предста-

вителей клира, а Іасонъ привелъ на Іерусалимъ аммонитянъ. Когда слухъ объ этихъ неурядицахъ дошелъ до Антіоха, онъ рѣшилъ положить имъ конецъ и пошелъ на Іерусалимъ. Неудача предпринятаго Антіохомъ египетскаго похода, озлобляла его противъ всего міра; ворвавшись въ Іерусалимъ, онъ разграбилъ храмъ и произвелъ избіеніе жителей. Вслѣдъ за этимъ былъ присланъ въ Іерусалимъ гарнизонъ, назначенный для поддержанія въ городѣ и области порядка, и для исполненія намѣченной Антіохомъ программы дальнѣйшей эллинизаціи Іудеи. Явился знаменитый и безумный эдиктъ, что всѣ народы, подвластные Антіоху, должны быть однимъ народомъ, и поэтому всѣ мѣстныя религіи и культы должны быть замѣнены и объединены однимъ культомъ Зевса Олимпійскаго. Въ силу этого эдикта, іудейская религія теряла право на существованіе, и ея послѣдователи становились мятежниками. Такъ начались религіозныя гоненія, и вслѣдствіе такого шага Антіоха, дѣло эллинизма было проиграно. Іудейство увидало въ эллинизмѣ врага, который сразу низвергаетъ всѣ его святыни, заставляя забыть Ягве и поклониться языческой мерзости. При другихъ условіяхъ, іудейство мало по малу могло бы примириться и незамѣтно для себя подчиниться эллинистической культурѣ; теперь, когда дѣло зашло о явной измѣнѣ религіи, оно рѣшило умереть, но не сдаться.

Въ 15 день Хаслева (декабря) 145 г. (селевк. эры = 168 до Р. Х.) въ храмѣ Ягве былъ воздвигнутъ жертвенникъ Зевсу Олимпійскому, гдѣ язычники приносили въ жертву отвратительное для іудеевъ животное — свиней. Храмъ сталъ вмѣстилищемъ мерзости запустѣнія; праздники его обратились въ горе, субботы—въ поношеніе. Подобные жертвенники воздвигнуты были и по остальнымъ селеніямъ іудейской области, и сыновъ Израиля насильно заставляли приносить жертву „идоламъ". Обрѣзаніе было запрещено, книги закона отбирались и уничтожались. Мартирологъ еврейскихъ мучениковъ, не желавшихъ подчиниться царскому указу, росъ съ каждымъ днемъ, разсказы переходили изъ устъ въ уста, и создавались легенды, часть которыхъ передалъ намъ Іасонъ Киренскій. Можно себѣ представить злорадство сосѣдей при видѣ бѣдствій Израиля. Онъ сталъ „притчей во языцѣхъ, покиваніемъ главы для всѣхъ мимоходящихъ"...

Спасенія, повидимому, не было; Ягве оставилъ свой народъ и предалъ его, какъ овецъ на съѣденіе. Онія, который въ эту минуту могъ бы стать во главѣ народа, давно уже былъ въ Египтѣ и строилъ тамъ храмъ, мечтая, что онъ замѣнитъ собою оскверненное іерусалимское святилище. Среди іерусалимскаго клира, нашелся, однако, человѣкъ, способный организовать сопротивленіе гонимыхъ. Это былъ Маттаѳія, священникъ, бѣжавшій изъ Іерусалима въ Модинъ, небольшой городокъ на дорогѣ въ Іоппію. По имени прадѣда Маттаѳіи, Асамонея, семья его присвоила фамильное имя Асмонеевъ; сыновья Маттаѳіи, Іоаннъ, Симонъ, Іуда, Елеазаръ и Іонаѳанъ, получили въ народѣ прозвище Маккавеевъ отъ Іуды, названнаго такъ за свою могучую силу и доблесть (makab-молотъ). Гонимые, во главѣ съ Маттаѳіей и его сыновьями, бѣжали въ пустыню,— мѣсто, „обитаемое шакалами"; противъ войска, высланнаго перебить мятежниковъ, выступила бодрая духомъ и тѣломъ дружина, могучіе силой сыны Израиля. Съ оружіемъ въ рукахъ стали они бороться за жизнь и вѣру; отряды ихъ разсѣялись по селеніямъ, разбивали тамъ языческіе жертвенники, обрѣзывали необрѣзанныхъ, истребляли сыновъ нечестія. Мѣсто Маттаѳіи, послѣ его смерти, занялъ его сынъ Іуда, воскресившій идеалъ древняго израильскаго героя: „уподобился онъ льву сильными дѣлами своими, и какъ скименъ бросался онъ на добычу". Любимый герой народа, слава о которомъ, по наивному представленію іудея, достигла „концовъ земли", чрезвычайно успѣшно повелъ дѣло возстанія: два наемныхъ войска, высланныхъ противъ него Антіохомъ, не могли выдержать натиска воодушевленныхъ борцовъ за жизнь и вѣру, и одно за другимъ потерпѣли пораженія; послѣ этихъ успѣховъ Іудѣ представилась возможность проникнуть, наконецъ, въ Іерусалимъ, къ опустошенному храму. Не было конца печали

Іуды и его дружинниковъ, когда они увидали святой городъ: „Іерусалимъ былъ необитаемъ, какъ пустыня, никто не входилъ въ него и не выходилъ изъ него изъ дѣтей его, святилище попрано, чужеземцы въ Акрѣ; въ горести они разорвали одежды свои и плакали громко". Іуда немедленно приступилъ къ возстановленію и очищенію храма, при содѣйствіи свѣдущихъ въ законѣ священниковъ. Въ 25 день Хаслева 148 г. (165 до Р. Х.), черезъ три года послѣ разгрома, обновленный храмъ былъ торжественно освященъ при кликахъ ликованія и побѣды въ шатрахъ праведныхъ, и было постановлено ежегодно праздновать это событіе восемь дней отъ 25 Хаслева. Гора Сіонъ была укрѣплена и сдѣлалась операціоннымъ базисомъ для повстанцевъ.

Кончина Антіоха Епифана, во время похода въ Персію, вызвала смуты претендентовъ на сирійскій престолъ, и это обстоятельство поставило дѣло чрезвычайно благопріятно для Іудеи. Лисій, который велъ въ это время борьбу съ мятежниками, долженъ былъ бросить осаду Іерусалима и идти защищать право Антіоха V Евпатора, бывшаго еще несовершеннолѣтнимъ. Іудѣ былъ дарованъ миръ, по которому Іудея получала религіозную свободу и мѣстную автономію на прежнихъ условіяхъ подданства сирійскому престолу. И сейчасъ же кончилось общенародное движеніе, достигнувъ своей непосредственной цѣли; но борьба продолжалась, окрашенная уже совсѣмъ инымъ характеромъ.

III.

Послѣ мира съ Лисіемъ, Іерусалимъ и его область должны были, казалось, успокоиться; жители могли приняться вновь за работу, отстроить разрушенныя селенія, засѣять опустошенныя поля. Но вызванное столкновеніемъ съ эллинизмомъ движеніе не могло сразу прекратиться. За время борьбы, изъ ея нуждъ и потребностей, выросла власть Іуды,—власть народнаго вождя, которой не зналъ и не предусматривалъ законъ. А между тѣмъ, на мѣсто Оніи долженъ былъ явиться первосвященникъ, и такимъ образомъ возникалъ вопросъ, какъ поставитъ себя Іуда по отношенію къ первосвященнической власти? Устранится ли онъ тогда отъ всякаго участія въ дѣлахъ, или не захочетъ отказаться отъ своего, созданнаго борьбою, господства?

Во время возстанія Іуда не щадилъ приверженцевъ эллинистической культуры— rešaʿim. Онъ хорошо понималъ, что главнымъ образомъ, благодаря ихъ дѣятельности и раздорамъ, Іудею постигло бѣдствіе. И, съ своей стороны, rešaʿim ненавидѣли Іуду и были рады воспользоваться случаемъ отомстить ему. Когда зашла рѣчь о назначеніи первосвященника, они выдвинули передъ царемъ своего человѣка, Алкима, эллиниста Садокида и просили содѣйствія въ борьбѣ противъ Іуды и его сторонниковъ, истребившихъ и изгнавшихъ лучшую часть интеллигентнаго іудейства. Алкимъ возобновилъ образъ дѣйствія Іасона и Менелая и, опираясь на сирійскія войска, сталъ производить избіенія и изгнанія сторонниковъ Іуды. Снова загремѣло оружіе, и на этотъ разъ эллинисты одолѣли: Іуда палъ въ рѣшительной борьбѣ, разбита была и его дружина. Rešaʿim подняли голову, въ ихъ руки перешло опять господство и руководительство дѣлами страны.

Друзья Іуды пришли къ его брату Іонаѳану и объявили ему: теперь тебя выбрали мы вмѣсто Іуды нашимъ вождемъ и руководителемъ въ борьбѣ нашей. Іонаѳанъ принялъ предложеніе, и борьба загорѣлась снова. Она приняла партійный характеръ: шелъ споръ за господство между старой первосвященнической властью, съ ея эллинистической партіей, и новой военно-дружинной властью, вышедшей изъ возстанія, и опиравшейся на патріотическіе элементы населенія. Асидейство осталось въ въ сторонѣ отъ борьбы: строго придерживаясь закона, оно удовлетворилось отвоеванной свободой, приняло Алкима, какъ законнаго первосвященника, и не преслѣдовало ни-

какихъ политическихъ цѣлей. Алкима и его партію поддерживали сирійцы, и партія Іонаѳана сохранила вслѣдствіе этого свой мятежный характеръ; ясно было, что въ случаѣ успѣха Іонаѳана, борьба приведетъ къ политической независимости Іудеи. И обстоятельства складывались благопріятно для Іонаѳана. Сирійское царство находилось въ періодѣ полнаго разложенія, въ немъ хозяйничалъ Римъ, слѣдуя политикѣ „divide et impera". Лишенные поддержки сирійцевъ, которымъ было не до того, reša'im не могли устоять противъ болѣе компактной и сильной партіи Іонаѳана, и тотъ быстро пріобрѣлъ руководящую роль въ Іудеѣ. Въ это время Римъ выдвинулъ противъ законнаго царя Деметрія нѣкоего самозванца Балу, выдававшаго себя за Александра, сына Антіоха Епифана. Деметрій принужденъ былъ бросить іудейскія дѣла и дать миръ Іонаѳану, а Бала поспѣшилъ, въ свою очередь, сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ: пользуясь тѣмъ, что Алкимъ погибъ во время междоусобій, онъ прислалъ Іонаѳану грамоту о назначеніи его первосвященникомъ. Пользуясь слабостью сирійскихъ правителей, не желавшихъ создавать себѣ лишнихъ затрудненій, Іонаѳанъ достигъ во время управленія Іудеей крупныхъ успѣховъ. Деметрій II освободилъ Іудею отъ большей половины дани, оставивъ за собою только дань съ посѣва и плодовыхъ деревьевъ, и распространилъ власть Іонаѳана на три топархіи, соединенныхъ также съ Самаріей (Лидда, Рамаѳема и Аферема). Ему предоставлено было право собирать подати съ этихъ областей и набирать войска. Все это дало ему возможность собрать громадныя средства, которыя были обращены на укрѣпленіе Іерусалима и области. И, будучи формально только первосвященникомъ, Іонафанъ былъ на дѣлѣ свѣтскимъ главою большой области съ обширными полномочіями. Не разъ смотрѣли на него не столько, какъ на первосвященника, сколько какъ на судію своего. Поселившись въ Михмасѣ, говоритъ историкъ Маккавеевъ, Іонаѳанъ началъ „судить народъ". Такое сближеніе власти Іонаѳана съ властью древнихъ судей не лишено основанія. Судія—это вождь народа, выдвинутый требованіями момента, требованіями борьбы съ иноплеменниками. Окончивъ борьбу, судія становился опять частнымъ человѣкомъ,—но не всегда; были судіи, которые сохраняли свою власть и послѣ этого и даже стремились сдѣлать ее наслѣдственной.

По смерти Іонаѳана, власть его перешла по наслѣдству къ брату его Симону, на котораго указалъ общій народный голосъ. Симону пришлось дѣйствовать на почвѣ, уже подготовленной успѣхами Іонаѳана. Онъ съ перваго же времени попалъ въ очень благопріятныя условія по отношенію къ сирійскому царству. Тамъ оказалось сразу четыре претендента на престолъ, и во время неурядицы, вызванной борьбою соперниковъ, Іудея была оставлена въ покоѣ. Симонъ не потерялъ времени даромъ, строилъ укрѣпленія, развивалъ торговлю и производительность страны, наполнялъ казну, и когда, наконецъ, Деметрій II побѣдилъ своихъ соперниковъ, Іудея чувствовала себя настолько окрѣпшею, что Симонъ потребовалъ отъ сирійскаго царька признанія ея независимости. Въ 177 селевк. г. (142 до Р. Х.) „снято иго язычниковъ съ Израиля, и началъ народъ Израильскій писать въ грамотахъ и договорахъ—перваго года Симона, первосвященника великаго, военачальника и правителя іудеевъ". Началась новая эра,—эра независимаго асмонейскаго царства. Народъ назвалъ Симона въ благодарственной надписи своимъ властителемъ (ἐθνάρχης), и годы его правленія, спокойнаго и мирнаго, вспоминали впослѣдствіи, какъ дни мира и безмятежія, обѣщаннаго пророками. „И покоилась земля Іуды во всѣ дни Симона", пишетъ историкъ Маккавеевъ: „и искалъ онъ добра народу своему, и была угодна народу власть его и слава его во всѣ дни"... Онъ устроилъ миръ на землѣ, и радовался Израиль радостью великою. И сидѣлъ каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницей своею, и не было наводящаго ужасъ на нихъ. Онъ поддерживалъ всѣхъ приниженныхъ народа своего; законъ соблюдалъ онъ и уничтожилъ всякаго беззаконника и злодѣя". Однако, послѣдніе годы правленія Симона

были омрачены неудачею. Селевкиды опять вмѣшались въ палестинскія дѣла, и Симонъ погибъ въ борьбѣ съ ними. Ему наслѣдовалъ сынъ, Іоаннъ Гирканъ.

Блестящія способности братьевъ Маккавеевъ, поочереди становившихся во главѣ Іудеи, и неурядица въ расползавшемся селевкидскомъ царствѣ облегчила пріобрѣтеніе Іудеей независимости. Не одна она въ эту эпоху освободилась отъ сирійскаго владычества. Отдѣлился въ это же время отъ Сирійскаго царства Тиръ, начавшій свою новую эру съ 126 года, Сидонъ—съ 111 года, Аскалонъ—съ 104 года. Это были независимыя городскія республики. Въ другихъ городахъ власть захватили тираны: такъ было въ Филадельфіи, Амаѳѣ, Гималѣ. Въ сравненіи съ Іудеей это были ничтожныя единицы, и Асмонеи легко ихъ покоряютъ. Теперь на очереди стоитъ судьба независимаго асмонейскаго царства. Оно было создано торжествомъ не того или другого господствующаго направленія; rešaʿim со времени Іонаѳана не подаютъ признаковъ жизни, а асидейство уклонилось отъ всякой политики. Судьба царства зависѣла отъ того, какъ оно поставитъ себя по отношенію къ этимъ направленіямъ и народной массѣ. Исторія Израиля привела его къ религіозной общинѣ. Онъ сталъ ею въ силу извѣстнаго направленія народныхъ нуждъ и стремленій. Теперь изъ общины онъ снова становится царствомъ, и является вопросъ, насколько царство окажется прочнымъ, выдержитъ ли оно критику неумолимаго хода исторіи, сознаетъ ли оно свои задачи и найдетъ ли поддержку въ іудействѣ, его массѣ и направленіяхъ.

IV.

Богатый іерусалимскій клиръ, облагодѣтельствованные судьбою rešaʿim, люди, близкіе къ выдвинувшейся новой свѣтско-духовной власти Асмонеевъ, совершенно заслоняютъ собою мелкое іудейство, составлявшее массу населенія. Между тѣмъ существенно важно разсмотрѣть, каково было его положеніе, какія желанія и надежды оживляли его.

Земледѣліе было однимъ изъ главныхъ занятій внѣ іерусалимскаго іудейства, дававшимъ ему средства на существованіе. Іисусъ не любилъ шумнаго Іерусалима, съ его насыщенной партійными раздорами, удушливой атмосферой. Фарисеи мнили себя здоровыми; врачъ пришелъ не къ нимъ, а къ больнымъ, къ труждающимся и обремененнымъ. На склонахъ холмовъ, предъ разстилающимся моремъ колосящейся пшеницы, или на берегу озера, окруженный толпою нищихъ духомъ, кроткихъ и чистыхъ сердцемъ, божественный Учитель велъ свои бесѣды. Онъ говорилъ притчами, бралъ образы изъ повседневной жизни, изъ того круга заботъ и радостей, которыми жили Его безхитростные слушатели. Эти люди сѣяли и жали, и собирали въ житницы, работали поденно въ виноградникахъ, ловили рыбу, или, какъ Онъ Самъ, занимались мелкимъ ремесломъ. Это были люди, которыхъ угнетала постоянная забота о завтрашнемъ днѣ, о томъ, во что одѣться, и во что обуться, это были бѣдныя вдовы, клавшія послѣднюю лепту въ кружку храма, нищіе, какъ Лазарь, взятый на лоно Авраамово, они ходили вслѣдъ за Іисусомъ, потому что ѣли хлѣбъ и насытились. За сто съ небольшимъ лѣтъ положеніе ихъ было не лучше, и стоны ихъ неслись къ небу, къ престолу Ягве, призывая гнѣвъ Божій на эксплоататоровъ и притѣснителей.

Правда, жатва была обильна, стада были многочисленны. Но все лучшее изъ хлѣба, все лучшее изъ винограда и изъ оливковаго масла, всѣ начатки ихъ по закону іудей несъ въ Іерусалимъ, какъ жертву Ягве, которой воспользуются счастливые сыны Аарона и Левія. Всякій первенецъ мужского пола изъ домашняго скота, закалался передъ жертвенникомъ и шелъ въ пищу клиру, первенцы изъ людей и изъ нечистаго скота выкупались особыми жертвами. Сыны Аарона и Левія не получили удѣла въ землѣ обѣтованной, какъ гласитъ сказаніе кн. Числъ, и потому была отдана имъ въ удѣлъ всякая десятина во Израилѣ. Что̀ должно было разумѣть подъ всякой

десятиной во Израилѣ, должны были разъяснить священники и книжники; они поняли это предписаніе самымъ широкимъ образомъ и брали десятину даже съ такихъ мелочей, какъ мята, анисъ, тминъ и др. Помимо этихъ тяжелыхъ повинностей, строгій іудей могъ на каждомъ шагу преступать законъ и долженъ былъ приносить искупительныя и очистительныя жертвы. Селевкиды обложили Іудею тяжелой податью, требуя треть съ посѣва и половину сбора съ плодовыхъ деревьевъ; вся тяжесть этой дани падала на мелкаго земледѣльца-іудея. Постоянное военное положеніе въ продолженіе почти 30 лѣтъ не могло пройти безслѣдно для земледѣльца; все это время онъ не могъ быть спокойнымъ за то, что удастся ему благополучно собрать жатву. Ремесленный трудъ, тяжелый и неблагодарный, оплачивался очень скудно. Обливаясь потомъ, плотники строили роскошные дворцы, получая за свой трудъ гроши, на которые съ трудомъ могли поддерживать свое существованіе, проклиная богачей, которые будутъ жить въ этихъ дворцахъ. Задолженность мелкаго іудея была очень значительна, такъ что съ трудомъ приходилось выплачивать проценты; rešaʿim, которые располагали деньгами, не жалѣли должниковъ, и создалась пословица, что только тотъ истинный почитатель Ягве, кто не беретъ процентовъ. Любостяжаніе и неправда воцарились въ судахъ, и, подобно вдовѣ изъ притчи Христовой, можно было добиться правды и успѣха только неотступными и утомительными хлопотами.

Пророчество осудило въ свое время притѣсненія сироты, вдовы и бѣдняка со стороны сильныхъ міра сего. Оно призвало Божій судъ на Давида, погубившаго Урію, чтобы завладѣть его женою Вирсавіей, и обрекло на казнь Ахаава и Іезавель за кровь Навуѳея. Постоянно призывая народъ очиститься отъ грѣха, обличая правителей и судей въ неправедности и любостяжаніи, оно, однако, не ждало скораго исправленія религіознаго и соціальнаго зла и нечестія. Въ далекомъ будущемъ оно видѣло мессіаническое царство, когда царь изъ рода Давидова будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ, облегчитъ бремя страдальцевъ, когда на святой горѣ не будетъ ни зла, ни нечестія, когда всѣ народы падутъ предъ Израилемъ и будутъ служить ему. Этотъ идеалъ мессіаническаго царства, изображенный впервые Исаіей, сталъ завѣтною мечтою Израиля со времени плѣна, когда рушилась его свобода, и благополучіе. Ранѣе Израиль слишкомъ много полагался на свои силы; теперь онъ горькимъ опытомъ узналъ, что сила человѣческая ничто передъ перстомъ Божіимъ. Надо смыть и очистить грѣхъ и возложить отнынѣ надежду на одного Бога, который пошлетъ обѣщаннаго царя и сведетъ небо на землю. Подъ тяжелымъ гнетомъ нужды и горя, бѣдный іудей жилъ только вѣрою въ то, что придетъ день, когда Ягве возстанетъ ради насилія надъ нищими, ради рыданія бѣдныхъ и принесетъ спасеніе жаждущимъ его. Нетерпѣливо ждалъ іудей дня суда Ягве: тогда—горе богатымъ, полагающимся на свое богатство; ради него они будутъ осуждены, и Создатель будетъ радоваться ихъ гибели; горе тогда могучимъ земли, горе корыстолюбцамъ, пріобрѣтающимъ золото и серебро, горе и тѣмъ, кто ѣстъ лучшую пшеницу и пьетъ лучшую воду, и въ гордомъ высокомѣріи попираетъ униженныхъ. Тогда бѣдняки получатъ во владѣніе землю и будутъ наслаждаться великимъ благоденствіемъ. Тогда божественною силою, черезъ ангеловъ, Богъ истребитъ съ лица земли всякое насиліе и неправду, всякое злое дѣло прекратится, и вся земля будетъ наполнена справедливостью. Появятся древа правды и справедливости, вся земля покроется деревьями и будетъ полна благословенныхъ даровъ. Всякій посѣвъ будетъ давать урожай въ десять тысячъ разъ, и мѣра оливъ будетъ давать десять мѣръ масла. Всѣ народы тогда поклонятся Ягве и будутъ служить ему.

Преслѣдованія Антіоха возбудили эти упованія съ еще большею силою. Іудеи призывали Мессію, царя, сына Давидова, который долженъ очистить Іерусалимъ отъ язычниковъ, попирающихъ святыню. Царь истребитъ неправедныхъ властителей, соберетъ воедино разсѣянныхъ сыновъ Израиля, поработитъ всѣ народы земные и просла-

витъ имя Ягве по лицу всей земли. Народъ ждалъ непосредственнаго вмѣшательства Божія, которое принесетъ ему спасеніе, какъ Ананіи, Азаріи и Мисаилу въ огненной печи и Даніилу во львиномъ рву. На почвѣ этихъ пламенныхъ ожиданій создались разсказы о дѣйствительно будто бы происходившихъ небесныхъ явленіяхъ и знаменіяхъ. Ягве не оставилъ свой народъ, какъ не оставилъ онъ отроковъ въ Вавилонѣ, и теперь послалъ гонимымъ и борцамъ за вѣру своихъ ангеловъ. Разсказывали, что во время второго похода Антіоха на Египетъ (послѣ котораго онъ разгромилъ Іерусалимъ), надъ Іерусалимомъ въ продолженіе сорока дней носились небесные всадники въ золотыхъ одеждахъ, которые нападали другъ на друга съ копьями въ рукахъ. Очевидно, это было божественное знаменіе. Ягве послалъ ангеловъ, которые примѣрнымъ сраженіемъ предупреждали іудеевъ о предстоящей борьбѣ съ Антіохомъ. Разсказывали, что во время битвы Іуды съ Тимоѳеемъ сирійцамъ явились пять небесныхъ всадниковъ: двое изъ нихъ стали во главѣ іудеевъ, помѣстивъ Іуду между собою, и метали на сирійцевъ молніеносныя стрѣлы. Всадникъ въ бѣлой одеждѣ явился Іудѣ и его войску передъ битвой съ Лисіемъ и помогъ іудеямъ одержать побѣду. Этимъ міромъ мечтаній жила масса іудейства. Книжники-асидеи въ синагогахъ поучали народъ и еще болѣе увлекали его отъ реальной жизни, питая пытливый умъ и пылкое воображеніе грезами о грядущемъ царствѣ Божіемъ.

Среди асидейства, упиравшагося одной стороны въ народную массу, другой— въ интеллигентное и ученое іудейство, неожиданныя гоненія Антіоха возбудили усиленную работу мысли и воображенія. Когда начались преслѣдованія за законъ, когда гибли праведники и торжествовали нечестивцы, мысль асидеевъ, озадаченная и ошеломленная, скоро, однако, нашла выходъ изъ труднаго положенія. Если праведникъ гибнетъ на кострѣ за вѣру и законъ, — то онъ получитъ награду за гробомъ. Вотъ мысль, которая мелькнула среди нихъ, сейчасъ же стала популярной и развилась въ цѣлое ученіе о воскресеніи мертвыхъ, въ связи съ судомъ и царствомъ Мессіи. Бѣдствія пришли, несомнѣнно, отчасти за наши грѣхи, разсуждали асидеи; но главные виновники не мы, а rešaʿim, отступившіе отъ закона и наполнившіе Іерусалимъ нечестіемъ и неправдою. Они осквернили святилище Господа, поругали дары Его несоблюденіемъ закона; они творили грѣхъ и зло отъ восхода и до заката солнца; дочери Іерусалима предавались безстыдному и безпрерывному блуду. Праведенъ судъ Господа,—и асидей восхваляетъ божественную справедливость, въ гнѣвѣ предавшую городъ разрушенію, дѣтей, стариковъ и женъ отдавшую въ позорный плѣнъ. Но вмѣстѣ съ нечестивцами гибнутъ и праведные, гибнутъ за то, что̀ сулило имъ благоденствіе и спасеніе. Надежды на земное воздаяніе уже нѣтъ никакой, и всѣ упованія переносятся на загробную жизнь. Руки Всемогущаго не избѣжитъ никто ни при жизни, ни по смерти, и если Господь не произнесъ своего суда надъ живымъ человѣкомъ, Онъ сдѣлаетъ это послѣ его смерти. Праведные въ настоящей жизни терпятъ мученія и гибнутъ за правду; но муки кратковременны, какъ и сама земная жизнь. Господь милостивъ, и возвратитъ снова праведнымъ и дыханіе, и жизнь, и эта новая жизнь будетъ вѣчная. Нечестивцы и мучители не узнаютъ воскресенія для жизни; придетъ праведный судъ Божій надъ ними, который предастъ ихъ вѣчному позору и состоянію ужаса, въ безпросвѣтной тьмѣ, полной смертельной тоски. Вмѣстѣ съ нечестивцами осуждены будутъ и падшіе ангелы.

Когда же придетъ праведный судъ Божій? Пришли тѣсныя времена; и какъ прежде тѣсныя времена были предвѣстниками суда Божія надъ Израилемъ, отдавшаго его во власть Ассура и Вавилона, такъ и теперь бѣдствія праведниковъ асидеи объяснили себѣ, какъ приближеніе суда Божія. Оглядываясь назадъ и припоминая послѣдній разъ ходъ всей своей исторіи, мыслители іудейства пришли къ убѣжденію, что таковъ неумолимый смыслъ, и такова неизбѣжная цѣль историческаго развитія. Все убѣждаетъ

въ томъ, что желѣзо, мѣдь, золото, грубая физическая сила дошли до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, гдѣ чаша вѣсовъ, на которую положены всѣ дѣянія четырехъ ужасныхъ звѣрей, переполнена до краевъ и готова разлиться. Близокъ судъ и грядущее небесное царство, гдѣ святые Всевышняго будутъ сіять, какъ блескъ тверди небесной, и обратившіе нечестивыхъ на путь праведный будутъ сверкать, какъ звѣзды. Близокъ день, когда слабый человѣкъ пересилитъ ужасныхъ звѣрей, и ему будетъ отдана и власть, и сила, и царство; всѣ народы, племена и языки будутъ служить ему, власть его будетъ вѣчная, и царство его — нерушимо. Такъ грезили нѣкоторые пламенные фантазеры изъ асидеевъ, когда нужда и страданія достигли своего апогея. Однако, кризисъ былъ не таковъ, какъ они себѣ его представляли. Возстанію во главѣ съ Іудой удалось земной силой одолѣть четвертаго звѣря, и религіозная свобода была возстановлена. Это нѣсколько охладило разгоряченное воображеніе; но тѣмъ не менѣе асидеи почувствовали, что законъ постоялъ за себя, одержалъ побѣду и оправдалъ себя. Въ немъ спасеніе, и только о исполненіи его и надо заботиться. И съ завоеваніемъ религіозной свободы асидейство отстраняется отъ всякаго участія въ дальнѣйшей партійной и политической борьбѣ. Оно утвердилось въ своей задачѣ, оно объединилось вокругъ одной и той же цѣли, отдѣливъ себя отъ всѣхъ остальныхъ своею особенною преданностью закону, пунктуальностью въ его исполненіи и чистотою своей жизни. Асидеи получили вскорѣ за свою обособленность и нетерпимость кличку „perušim"—фарисей (отдѣлившіеся, обособившіеся), которою стали называть ихъ недруги и завистники. Сами себя они звали chaberim—товарищами, которые связаны чистотою и святостію исполненія закона. Они, какъ раньше, продолжали изучать и толковать законъ и распространять свои толкованія въ народѣ путемъ проповѣдей и поученій въ синагогахъ. Толкованіе закона велось ими сообразно преданію отцовъ, т. е. сообразно съ обычнымъ правомъ, которымъ они и дополняли Моисеево законодательство. Къ новымъ религіознымъ представленіямъ они относились терпимо и санкціонировали вѣру въ воскресеніе, вѣчную жизнь праведниковъ и вѣчную муку нечестивцевъ, не отрицая и существованія ангеловъ, хотя и не канонизировали апокалипсиса Еноха, излагавшаго ангелологію іудейства. Въ лицѣ фарисеевъ явилась въ высшей степени вліятельная на народъ сила, которая, не участвуя активно въ политикѣ, заставляла, однако, съ собой считаться и при случаѣ могла дать почувствовать свое значеніе.

Таково было положеніе и настроеніе народа; таково было направленіе фарисейства, захватившаго въ свои руки просвѣщеніе и руководство народомъ. Несмотря на безысходную нужду, создаваемую условіями существованія общины, всѣ желанія и мечты народа направлены были въ область несбыточнаго и сверхъестественнаго. Народъ поддержалъ Іонаѳана и Симона, но Онъ ничего не ждалъ отъ нихъ въ будущемъ. Обѣщанный царь долженъ быть изъ рода Давидова, долженъ обладать сверхъестественною силою, а Асмонеи такіе же люди, какъ и всѣ, такіе же царьки, какіе правятъ въ сосѣднихъ мелкихъ городахъ. Правда, при нихъ, можетъ быть, станетъ легче жить, и за это народъ будетъ благодаренъ имъ; но не все ли равно, кто будетъ править народомъ до пришествія Мессіи? не все ли равно, если и будетъ плохо? тогда, быть можетъ, и обѣщанный царь придетъ скорѣе. Просвѣтители народа, фарисеи были также довольно равнодушны къ образовавшемуся царству. Они совершенно отдѣлились отъ практической жизни, погрузившись въ изученіе и толкованіе закона, въ споры съ противниками, въ заботу о формальномъ благочестіи, за которое ждали спасенія и награду. Все ихъ честолюбіе направилось только къ тому, чтобы люди видѣли ихъ дѣла и восхваляли ихъ. Они вступали уже на путь, приведшій къ тѣмъ крайностямъ фарисейства, которыя обличилъ и проклялъ впослѣдствіи Іисусъ.

Такимъ образомъ, асмонейское царство не могло найти прочной опоры въ народной массѣ, и не могло разсчитывать на поддержку фарисеевъ. Оно могло-бы обратиться

къ resâ'im, но тогда оно окончательно потеряло бы подъ собой почву. А между тѣмъ, уже близко къ предѣламъ Палестины подступала грозная сила Рима... При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ—вступилъ въ управленіе Іоаннъ Гирканъ.

V.

Царство Саула и Давида возникло вслѣдствіе необходимости сплотить разрозненныя колѣна для борьбы съ врагами, грозившими самостоятельности еврейскаго народа. Созданное потребностями обороны, древнее царство, въ продолженіе всего своего существованія вплоть до плѣна, носило рѣзко выраженный военный характеръ. Исключеніе представляла лишь эпоха Соломона, царствованіе котораго прошло болѣе или менѣе мирно; раздѣлившіяся царства опять начали борьбу то съ Ассиріей и Вавилономъ, то другъ съ другомъ. Географическое положеніе Израиля заранѣе обрекло его на потерю политической независимости; теперь, когда послѣ долгаго перерыва независимость снова была имъ отвоевана, народившееся царство представляло себѣ свое положеніе и задачи очень неопредѣленно. Оно не было продуктомъ исторической необходимости, какъ древнее царство, оно имѣло за собою даже не народъ, отрѣшившійся отъ реальной жизни и ждавшій мессіаническаго царства, а ничтожную партію дружинниковъ Іуды, Іонаѳана и Симона. Политика народившагося царства не была ясна, и Асмонеи стояли передъ открытымъ вопросомъ: что дѣлать?

Расползавшееся царство Селевкидовъ становилось добычей всякаго смѣльчака, всякаго болѣе или менѣе сильнаго царька; и кругомъ Іудеи всѣ трудились надъ дѣлежомъ разложившейся монархіи. Асмонеи не остались позади и, увлеченные общимъ потокомъ, начали завоевательные походы. На этотъ путь выступилъ еще Симонъ; за нимъ Іоаннъ Гирканъ, Аристовулъ и Александръ Іаннэй инкорпорировали въ составъ іудейской области цѣлый рядъ сирійскихъ, идумейскихъ и финикійскихъ городовъ, среди которыхъ были такія важныя гавани, какъ Іоппія, Газа, и др. Образовавшееся такимъ путемъ пестрое царство, представлявшее изъ себя въ миніатюрѣ ту же монархію Селевкидовъ, Асмонеи стремились объединить посредствомъ насильственной юдаизаціи покоренныхъ областей и городовъ. Такимъ же образомъ раньше Антіохъ хотѣлъ объединить свою монархію, проводя насильственно эллинизацію въ ея разрозненныя части. Быть можетъ, стремленія Асмонеевъ въ основѣ своей совпадали съ обще-народнымъ идеаломъ. Но дѣло, которое для народной мысли представлялось возможнымъ лишь при божественномъ вмѣшательствѣ, Асмонеи хотѣли осуществить самыми обыкновенными средствами. Политика ихъ была очень проста: побѣжденнымъ предлагали или выселиться, или принять іудейскую религію. Такъ поступали и Симонъ, и Гирканъ, и Аристовулъ; Александръ Іаннэй разрушилъ Пеллу за нежеланіе подчиниться этому требованію.

Въ придворной жизни Асмонеи также подчинились общему теченію и представляли изъ себя плохую копію Селевкидовъ. Интриги, кровавыя злодѣянія, роскошь, развратъ, всякаго рода излишества наполняютъ лѣтопись придворной жизни Асмонеевъ. Серію убійствъ и заточеній началъ Аристовулъ: онъ убилъ мать, опасаясь ея претензій на престолъ, заточилъ все изъ-за тѣхъ же опасеній младшихъ братьевъ, а одного, Антигона, своего любимаго брата, рѣшился умертвить. Александръ Іаннэй пировалъ съ наложницами, любуясь мученіями на крестахъ мятежниковъ, въ борьбѣ съ которыми прошло все его царствованіе. Жена Аристовула, энергичная Александра Саломея, послѣ смерти своего второго мужа Александра Іаннэя, брата Аристовула, заняла престолъ, а первосвященство отдала старшему сыну, слабому и неспособному Гиркану. Вторично, послѣ нечестивой Гоѳоліи, надъ Израилемъ воцаряется женщина; это уже въ корнѣ противорѣчитъ традиціямъ и понятіямъ іудейства. Оно признавало за женщиной громадную

власть, но власть чувственную; съ этой стороны и вино слабѣе ея, и могущественнѣйшій царь не устоитъ противъ нея; но истина выше ея: тутъ она не можетъ стать наравнѣ съ мужчиной. И, вдругъ, женщина заняла іудейскій престолъ, подобно царицѣ египетской Клеопатрѣ. Такимъ образомъ, Асмонеи пошли по пути, указанному сирійскимъ и египетскимъ царствами. Начиная съ Іоанна Гиркана всѣ они наряду съ еврейскимъ именемъ носятъ и греческое, которое равняетъ ихъ съ сирійскими и египетскими собратьями. Аристовулъ настолько проникся греческимъ вліяніемъ, что получилъ характерное прозвище Φιλέλλην. Александръ Іаннэй сдѣлалъ на своихъ монетахъ надпись на еврейскомъ и на греческомъ языкахъ, и назвалъ себя уже открыто царемъ, не упоминая, уже о своемъ первосвященствѣ. Однако, свѣтски-настроенные и склонные къ эллинистической культурѣ Асмонеи не могли найти опоры въ народѣ и въ его руководителяхъ фарисеяхъ. Неминуемо долженъ былъ произойти поворотъ въ сторону свѣтски-настроенной партіи. Reša'im, отброшенные Іонаѳаномъ и Симономъ на второй планъ и лишенные возможности принимать активное участіе въ политикѣ, съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнили свой характеръ. Прежде всего это измѣненіе отразилось въ кличкѣ партіи. Недостойные члены клира, Іасонъ, Менелай и Алкимъ, за которыми стояли многіе священники и левиты, подвизавшіеся въ гимназіи и преслѣдовавшіе Іуду и его сторонниковъ, были въ глазахъ народа представителями и руководителями партіи, и приверженцевъ ея окрестили саддукеями (члены клира происходили по прямой линіи отъ Садока или, по другому произношенію, Саддука). Саддукеи ясно выразили свои политическія стремленія въ пользу эллинизма въ исторіи борьбы съ Іудой и Іонаѳаномъ. Побѣда послѣдняго отняла у нихъ на время вліяніе на дѣла. За это время, въ преніяхъ съ фарисеями, выработалось у саддукеевъ опредѣленное міросозерцаніе. Они пришли къ тому убѣжденію, что Богъ стоитъ совершенно внѣ міра, предоставивъ его собственной участи и не вмѣшиваясь въ людскія дѣла. Люди вольны выбирать хорошее или дурное, по своему усмотрѣнію, не справляясь съ требованіями божественной справедливости (такъ какъ она на самомъ дѣлѣ не существуетъ) и не смущаясь разными бреднями фарисеевъ о воскресеніи мертвыхъ, о загробномъ возданіи, о никому невѣдомыхъ ангелахъ. Это все преданія и вымыслы, на которые нѣтъ никакого намека въ Свящ. Писаніи. Такимъ образомъ, саддукеи стряхнули съ себя кошмаръ сверхъестественной силы, связывающей человѣка путами мелочныхъ предписаній закона. Внѣшнимъ образомъ, однако, они продолжали соблюдать законъ, не впадая, однако, въ мелочность фарисеевъ. Въ противномъ случаѣ жизнь ихъ среди фанатичнаго населенія стала бы невыносимой. Саддукеи, впрочемъ, не отказывались отъ споровъ съ фарисеями на религіозной почвѣ. Тутъ сказалась преобладающая роль религіознаго интереса въ направленіи мышленія іудея. Становясь скептикомъ, онъ все еще продолжаетъ тревожиться и мучиться религіозными вопросами; освобождая себя отъ узъ религіознаго формализма, онъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что въ Писаніи нѣтъ рѣчи объ отвѣтственности за гробомъ, и всѣ ученія о воскресеніи, о судѣ, о воздаяніи — только домыслы фарисеевъ.

Іоаннъ Гирканъ былъ воспитанникомъ фарисеевъ, но не долго сохранилъ съ ними связи. На пиру одинъ изъ фарисеевъ, Елеазаръ, обвинилъ Гиркана въ томъ, что онъ сынъ военноплѣнной, а потому долженъ сложить съ себя первосвященство и удовольствоваться свѣтской властью. Апологетъ фарисейства—Іосифъ толкуетъ эти слова, какъ личное мнѣніе Елеазара, человѣка „дурного направленія и мятежнаго духа". Но для современниковъ Іоанна Гиркана не могло быть тайной, что за Елеазаромъ стоитъ вся фарисейская партія, какъ думалъ другъ Іоанна, саддукей Іонаѳанъ. Неосновательность обвиненія Елеазара была для всѣхъ ясна; но оно давало фарисеямъ удобный предлогъ къ возстановленію нормальнаго устройства общины согласно требованіямъ закона. Законъ видитъ въ первосвященникѣ главу церковной общины, а не свѣтскаго

владыку, какимъ былъ Іоаннъ и его предшественники. Гирканъ, конечно, и не подумалъ о повиновеніи; убѣдившись въ полной негодности фарисеевъ, какъ правящей партіи, онъ сблизился съ саддукеями и началъ проводить различныя мѣры по ихъ указаніямъ. Между прочимъ, онъ отмѣнилъ цѣлый рядъ предписаній, основанныхъ на фарисейскихъ комментаріяхъ къ закону и на преданіи. Тогда послѣдовала возбужденная фарисеями народная вспышка; она не достигла своей цѣли и легко была подавлена Гирканомъ. Но почва для народнаго недовольства была создана, и преемникамъ Гиркана пришлось пережить тяжелыя минуты.

Помимо смущавшаго народъ поведенія царей-первосвященниковъ, помимо скандальной хроники ихъ частной жизни, и вліянія фарисеевъ, народъ имѣлъ и свои причины быть недовольнымъ правленіемъ Асмонеевъ. Асмонеи оперировали съ наемнымъ войскомъ, содержаніе котораго стоило дорого и тяжелымъ бременемъ ложилось на народъ. По крайней мѣрѣ, іудейскіе послы, приглашая Помпея въ Іерусалимъ, жаловались, что Асмонеи совершенно истощили народъ содержаніемъ громаднаго наемнаго войска. Одного наемнаго войска, однако, не хватало, и Асмонеямъ пришлось отвлечь значительную часть іудейской молодежи подъ знамена. Недовольство, разжигаемое фарисеями, разгоралось, и Александръ Іаннэй перенесъ настоящую народную бурю. Поводомъ къ возстанію послужила небрежность Александра, при исполненіи имъ своихъ жреческихъ обязанностей. Народъ осыпалъ его насмѣшками, бранью, обвиненіями въ томъ, что онъ сынъ военноплѣнной; разъяренный Александръ тутъ же, около жертвенника, устроилъ цѣлую бойню. Возстаніе продолжалось почти до конца жизни Александра; въ то же время ему приходилось отбиваться отъ сирійцевъ, снова покусившихся на самостоятельность іудеевъ. Расправу съ бунтовщиками онъ учинялъ самую безжалостную; по извѣстію Іосифа болѣе 15000 было казнено, 8000 было изгнано.

Таково было слѣдствіе саддукейской политики эллинизировавшихся Асмонеевъ. По смерти Александра, фарисеи достигли, однако, цѣли: престолъ заняла преданная имъ жена Александра Саломея, а первосвященникомъ былъ сдѣланъ неспособный сынъ ея Гирканъ. Свѣтская власть отдѣлилась отъ духовной, и тутъ появилось странное раздвоеніе. Торжествующее фарисейство начало изгонять и казнить саддукеевъ; но Саломея не могла обойтись безъ нихъ, такъ какъ только они были способны служить свѣтскимъ задачамъ царства. Военное управленіе пришлось оставить въ рукахъ Аристовула, младшаго сына Саломеи, саддукейскаго направленія. Саломея правила недолго; въ 67 г. она умерла, и тотчасъ же, какъ и слѣдовало ожидать, Гирканъ и Аристовулъ начали междоусобія за власть надъ Іудеей. Какъ разъ въ это время Помпей Великій показался на границахъ Іудеи. Три посольства явились къ нему: отъ братьевъ-соперниковъ и отъ іудейскаго народа; послѣднее говорило, что по закону власть надъ іудеями принадлежитъ только Богу и первосвященнику; Асмонеи же, создавъ свѣтское царство, нарушили законъ. Помпей отвѣтилъ, что разсудитъ ихъ въ Іерусалимѣ; судъ его кончился провозглашеніемъ Іудеи римской провинціей. Такъ погибло асмонейское царство, это уродливое дѣтище эллинизма, вскормленное въ нездоровой атмосферѣ разлагающейся селевкидской монархіи.

VI.

Іудея стала опять тѣмъ же, чѣмъ была и ранѣе — религіозной общиной подъ чужеземной властью. Помпей выказалъ глубокое благоговѣніе къ храму, утвердилъ автономію общины и оставилъ первосвященникомъ Гиркана, подъ именемъ Гиркана II. Такъ неудачно кончилась попытка эллинизаціи Іудеи и созданія изъ нея независимаго царства. Попытка привела только къ укрѣпленію и развитію тѣхъ началъ, которыя заложены были въ общину закономъ Моисеевымъ. Іудейство окончательно сознало себя и отли-

лось въ окончательную форму юдаизма. Внѣшній толчекъ привелъ въ дѣйствіе силы, характеризующія іудейство; онѣ вскрылись, проявили свое могущество и создали міръ, своеобразный и замкнутый въ себѣ, со своими полюсами, со своими выпуклотями и наростами. Міръ этотъ мы называемъ юдаизмомъ.

Асидейство было чисто религіознымъ направленіемъ, съ легкой примѣсью соціально-экономическаго элемента. Асидей не представлялъ изъ себя члена опредѣленной, сознающей себя группы; его характерныя черты—результатъ индивидуальной работы мысли и чувства. Асидейство характеризуется прежде всего какъ личное настроеніе, а не систематическое міровоззрѣніе, общее для членовъ цѣлой, сознающей себя, группы. Асидей еще не отдѣлялъ теоріи отъ практики; въ его набожномъ настроеніи совпадаетъ и то и другое. Его сердце болитъ за будущность общины, въ которой появляются нежелательные элементы, грозящіе подорвать ея основы. Иногда эти элементы, въ союзѣ съ чуждой враждебной силой языческой культуры, объявляютъ ниспроверженіе всѣхъ вѣрованій, всѣхъ идеаловъ, всѣхъ надеждъ іудея, ставя на ихъ мѣсто языческую „мерзость запустѣнія", боговъ деревяныхъ, желѣзныхъ, каменныхъ, мѣдныхъ, которымъ поклонялся Бельшассаръ, его товарищи и наложницы: тогда асидейство начинаетъ активную работу. Оно принуждено защищать съ оружіемъ въ рукахъ свою религіозную свободу, оно принуждено къ неустанной работѣ мысли, чтобы найти почву для оправданія своего міросозерцанія. Такимъ образомъ, выдвигаются сразу два новые момента въ сущности асидейства, моментъ политическій — борьба за свободу вѣроисповѣданія; и моментъ теоретическій — опредѣленная система вѣрованій и практическихъ требованій, коренящаяся въ былыхъ настроеніяхъ асидеевъ. Борьба производитъ подборъ членовъ группы, и она же сближаетъ направленіе съ народомъ. Такимъ путемъ старонники строго законническаго направленія сплочиваются въ партію, опирающуюся на народную массу и провозглашающую необходимость строгого выполненія закона; законъ надо изучать и толковать народу, дополнять и поправлять его преданіями старцевъ. Партія эта проповѣдуетъ въ видахъ соблюденія самой строгой чистоты, требуемой закономъ, отдѣленіе человѣка отъ всего, что такъ или иначе можетъ повредить этому основному требованію. Они chaberim, товарищи, соединенные отличающею ихъ отъ остальныхъ людей чистотою и строгостью; для другихъ они perušim, фарисеи, люди, сторонящіеся отъ другихъ, нетерпимые, брезгливые и гордые. Фарисейство захватило въ свои руки воспитаніе народа не только религіозное, но и политическое. Только ихъ вліяніемъ объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что іудейскій народъ самъ отдалъ себя подъ власть Рима. Законъ не знаетъ ничего о царствѣ, онъ знаетъ только религіозную общину; Асмонеи захватили и опустошили тронъ Давидовъ, и какъ прежде Ассуръ былъ орудіемъ гнѣва Божія, такъ теперь оружіемъ этимъ явился Помпей. Фарисеи привѣтствовали паденіе независимости, какъ праведный судъ Божій. Онъ былъ для нихъ предвѣстникомъ скорѣйшаго наступленія обѣтованнаго царства, награды избранному народу, узнавшему истинный законъ и строго его исполняющему.

Фарисеи были проникнуты до крайности духомъ нетерпимости и обособленія отъ внѣшнихъ вліяній, распространяя свою нетерпимость даже на своихъ сородичей и единовѣрцевъ. Такими были для нихъ ихъ старые враги въ теоріи и въ жизни, саддукеи. Исходя изъ протеста противъ невыносимыхъ узъ закона, не оправдываемаго жизнью, rešaʿim обратились въ противоположную сторону, къ эллинизму, враждебной іудейству силѣ. Это еще не опредѣленная группа: при Оніи это отдѣльные, хотя и значительные по числу, сторонники терпимости и знакомства съ эллинистической культурой. Люди этого направленія среди клира выступаютъ съ опредѣленной программой: хотятъ, опираясь на свои средства и на поддержку Селевкидовъ, разбить перегородки, отдѣляющія Іудею отъ остального міра. Они терпятъ неудачу, наткнувшись на несокрушимое сопротивленіе и фанатизмъ народа; и только новое царство, не

найдя опоры въ фарисействѣ, обращается къ нимъ. Но и они уже потерпѣли измѣненія: изъ отдѣльныхъ лицъ сплотилась партія, насчитывающая въ своихъ рядахъ многихъ членовъ клира, начиная съ самого первосвященника, за что партія получаетъ прозвище саддукевъ. Асмонейское царство стало опираться на нихъ послѣ разрыва Гиркана съ фарисеями; съ его паденіемъ погибла и политическая роль саддукейства. Оно замыкается въ тѣсномъ кругѣ матеріальныхъ интересовъ и словопреній съ фарисеями, довольствуясь своимъ вліяніемъ среди клира. Соблюдая по внѣшности законъ, саддукейство мечтало о возрожденіи земного могущества Израиля, когда онъ окончательно освободится отъ чужеземнаго ига, и когда Израиль станетъ владыкою міра. Оно возненавидѣло поработителей—римлянъ, сторонилось отъ торжествующихъ фарисеевъ. Образовалась такимъ, образомъ, вторая замкнутая въ себѣ партія, относящеяся съ ненавистью и нетерпимостью ко внѣ-іудейскому міру. Противоположное по интересамъ и идеаламъ фарисейству, саддукейство принимаетъ ту же замкнутую форму и получаетъ тотъ же нетерпимый характеръ.

На ряду съ этими двумя партіями религіозно-политическаго характера выясняется третье направленіе, чуждое политическихъ стремленій. Это ессейство, монашескій орденъ, отколовшійся отъ правовѣрнаго іудейства. Существуетъ нѣсколько гипотезъ относительно причинъ раскола, и самое названіе ордена не можетъ считаться разгаданнымъ. Оно сродни арамейскому hese, что значитъ „праведный, благочестивый", и совершенно однозначуще съ еврейскимъ hasid, предполагаютъ нѣкоторые. Не лишено вѣроятія предположеніе, что вслѣдствіе оскверненія храма сначала развращеннымъ клиромъ, а потомъ Антіохомъ, и вслѣдствіе сомнительности правъ на первосвященство Асмонеевъ, многіе приверженцы закона отдѣлились отъ общины, утратившей чистоту и порядокъ. Отколовшіеся сохранили строгое уваженіе къ закону и исполняя его неупустительно, до мелочей (въ субботу напр. нельзя было даже двигаться и исполнять естественныя надобности), признавали значеніе и за храмомъ, куда посылали свои приношенія; во всемъ остальномъ они разорвали съ остальнымъ іудействомъ. Они составили замкнутый орденъ, вступленіе въ который было связано съ трехлѣтнимъ испытаніемъ: черезъ годъ новичокъ допускался къ омовеніямъ и еще черезъ два—окончательно принимался въ число членовъ ордена. Орденъ налагалъ на своихъ членовъ рядъ обязательствъ, въ соблюденіи которыхъ каждый вновь поступающій давалъ клятву. Члены ордена обязаны были безусловно повиноваться попечителямъ, стоявшимъ во главѣ ордена, не могли открывать своего ученія людямъ, не принадлежащимъ къ сектѣ. Ученіе заключалось въ рядѣ положительныхъ и отрицательныхъ нравственныхъ требованій. Ессеи не могли жениться, не имѣли частной собственности: все должно было находиться въ общемъ владѣніи, никто ничего не покупалъ и не продавалъ другъ другу, но всякій могъ пользоваться нужной ему вещью у собрата безвозмезно и безвозбранно. На обязанности молодыхъ лежало попеченіе о старыхъ, здоровые ухаживали за больными. Чистотѣ души должна была соотвѣтствовать и чистота тѣла, для чего были предписаны частыя омовенія. Бытъ ессеевъ казался образцовымъ для наблюдателей, удивлявшихся ихъ чистой нравственности и полному равенству. Среди ессеевъ не было ни приниженной бѣдноты, ни высокомѣрнаго богатства, ни рабовъ, ни господъ. Была общая касса, которой завѣдывали выборные попечители. Ессеи жили по городамъ и селамъ общинами, въ домахъ ордена, ведя общую трудовую жизнь, основанную на любви и взаимопомощи. Главнымъ, если не единственнымъ занятіемъ ессеевъ было земледѣліе; торговля и нѣкоторыя ремесла, напр. приготовленіе орудія, строго воспрещались: первая ведетъ къ наживѣ и соціально-экономическому неравенству, второе служитъ величайшему злу—войнѣ. Въ каждомъ городѣ былъ особый попечитель, на обязанности котораго лежала забота о путешествующихъ братьяхъ.

Такова была эта религіозно-коммунистическая секта. Въ ней замѣчаются черты, несовмѣстимыя какъ будто со духомъ іудейства. Но если глубже вникнуть въ условія

жизни общины, то можно объяснить происхожденіе ея безъ ссылокъ на пиѳагореизмъ и парсизмъ. Строгіе послѣдователи закона и въ особенности нравственныхъ его требованій, ессеи принуждены были отдѣлиться отъ общины, такъ какъ центръ и душа ея, храмъ и клиръ, потеряли въ ихъ глазахъ чистоту, святость и право на уваженіе. Это мотивъ религіозный, вызвавшій расколъ. Съ другой стороны, ессеи чувствовали необходимость поправить такъ или иначе соціально-экономическое зло, которое грозило самыми тяжелыми послѣдствіями, и противъ котораго рабочее іудейство и теоретики асидейства не видѣли другого средства, кромѣ фантастическаго мессіаническаго царства. Вслѣдствіе этого они поставили своею задачею образовать новаго рода религіозную общину, которая удовлетворяла бы и духовнымъ запросамъ, и матеріальнымъ нуждамъ. Такимъ образомъ, экономическія неурядицы были мотивомъ для организаціи ессейства въ видѣ монашеской коммунистической общины. Ессеи трезво смотрѣли на жизнь, не витали въ заоблачныхъ грезахъ; а жизнь не могла ждать и требовала такъ или иначе уврачеванія зла. Безвѣстные идеалисты, въ умѣ которыхъ возникла, и энергіей которыхъ была проведена въ жизнь идея ессейства, заслуживаютъ не послѣдняго мѣста въ ряду соціальныхъ реформаторовъ. Въ результатѣ, ессейство было протестомъ противъ того направленія, которое приняла жизнь іудейской общины. Оно протестовало противъ слѣпого преклоненія передъ застывшими формами, безумнаго ослѣпленія грезами, противъ показной набожности, которой предалось фарисейство; оно протестовало противъ религіозного скептицизма и эгоистическаго матеріализма саддукейства. Формальному направленію фарисейства оно противопоставило нравственную чистоту, мессіаническимъ мечтаніямъ униженныхъ и нищихъ—монашескую коммуну. Оно было необходимымъ элементомъ въ народившемся юдаизмѣ. Ибо жизнь не можетъ быть полна и реальна безъ уровновѣшивающихъ другъ друга крайностей.

Такимъ образомъ, столкновеніе съ эллинизмомъ привело къ результатамъ для его задачъ и цѣлей совершенно нежелательнымъ. Слѣдствіемъ этого столкновенія, грозившаго уничтожить іудейство, было торжество юдаизма. Тутъ сказался великій историческій законъ органическаго развитія, не терпящаго революціонныхъ пертурбацій. Пріобрѣтенія эллинизма — асмонейское царство и саддукейство — оказались неимѣющими ни почвы, ни силы. Первое погибло въ неравной борьбѣ со враждебнымъ ему іудействомъ, второе выродилось въ безпринципную отрицательную величину, не имѣющую никакихъ идеаловъ, кромѣ матеріального благополучія, никакой силы, кромѣ денегъ. Торжество выпало на долю фарисейства, выдержавшаго бурю, закалившаго въ ней свои силы; и теперь оно, самодовольно замкнувшись въ себѣ и захлебываясь высокомѣрною гордостью, ведетъ за собою на гибель народъ, не видя, что стало слѣпымъ вождемъ слѣпыхъ... Ессейство было глухимъ протестомъ противъ удушливой и насыщенной до послѣдней степени атмосферы; но оно было только предвѣстникомъ какой то грядущей небывалой бури, которая разрѣшитъ невыносимое состояніе. Гроза разразилась, когда вдохновенный голосъ Іисуса рядомъ обличеній, закончившихся безпощаднымъ „горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемѣры“, осудилъ старое міросозерцаніе и старые идеалы, поставивъ на ихъ мѣсто идеалы жизненной правды, любви и милосердія. Іисусъ разрѣшилъ религіозную проблему, соединивъ ее съ жизнью: религія есть жизненное дѣло, которое дѣлаетъ Богъ, и которое долженъ дѣлать человѣкъ, дѣло любви къ труждающимся и обремененнымъ, ищущимъ мира и успокоенія.

Н. Никольскій.

Погромъ.

Это было лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ.

Былъ жаркій день іюня мѣсяца, я съ утра работалъ на берегу рѣки, осмаливая дощаникъ, и уже время подвигалось близко къ обѣду, когда гдѣ-то въ слободѣ, сзади меня раздался глухой, сердитый шумъ, какъ будто заревѣли въ раздраженіи голодные быки. Я тоже былъ голоденъ, хотѣлъ скорѣе кончить работу и сначала не обращалъ вниманія на этотъ отдаленный гулъ, а онъ съ каждой секундой все разрастался, какъ растетъ дымъ въ началѣ пожара.

Въ горячемъ воздухѣ надъ слободой стояла мутная туча пыли—я смотрѣлъ въ сторону слободы, и мнѣ казалось — вижу я, какъ разноголосые звуки насыщаютъ воздухъ, поднимаясь отъ земли вмѣстѣ съ пылью. Пыль становилась все гуще, звуки громче и разнообразнѣе, воздухъ вздрагивалъ, и вмѣстѣ съ нимъ дрожало сердце въ предчувствіи чего-то недобраго...

Бросивъ работу, я поднялся на песчаный берегъ и увидалъ: изъ воротъ домовъ выскакивали люди, они бѣжали вдоль по улицѣ, куда-то вглубь слободы, за ними бѣжали собаки и дѣти, испуганные голуби носились надъ ихъ головами, а подъ ногами метались куры. Охваченный общимъ смятеніемъ, я тоже бросился бѣжать.

— На Елизаветинской дерутся!—крикнулъ кто-то.

Навстрѣчу бѣгущимъ, яростно нахлестывая лошадь возжами, по немощеной улицѣ мчался ломовикъ и оралъ во всю силу груди:

— Нашихъ бьютъ!... крючники!...

Я повернулъ въ узкій проулокъ и остановился. Толпа людей забила проулокъ своими тѣлами такъ плотно, что онъ былъ похожъ на мѣшокъ, полный зерна. Впереди, гдѣ-то далеко еще, раздавался ревъ и визгъ людей, звенѣли стекла, бухали тяжкіе удары, что-то трещало и падало, звуки покрывали другъ друга, какъ облака осенью, и уже плыли по воздуху тяжелой тучей.

— Жидовъ бьютъ! съ удовольствіемъ въ голосѣ сказалъ какой-то старичекъ, благообразный и чистенькій. Онъ крѣпко потеръ маленькія, сухія ручки и добавилъ:

— Такъ ихъ и надо!

Я пробивался впередъ на шумъ, повинуясь его возбуждающей, притягательной силѣ. Не одного меня,—онъ, этотъ страшный шумъ, всѣхъ привлекалъ къ себѣ, онъ всасывалъ въ себя, какъ трясина. Лица людей, мелькавшія предо мною, всѣ были возбуждены стремительной и тупой злобой, всѣ глаза сверкали жадно, вся толпа сплошной, тяжелой массой двигалась впередъ, готовая опрокинуть стѣны и заборы, давившіе ее, каждый готовъ былъ бросить подъ ноги себѣ передняго, итти по его тѣлу, давить его.

Я бросился на дворъ одного изъ домовъ переулка, перескочилъ черезъ заборъ на другой дворъ, еще разъ, еще и—вотъ я снова въ тѣсной толпѣ людей. Они наполняли собою густо застроенный дворъ большого каменнаго дома, облѣпленнаго пристройками, и точно кипѣли на тѣсномъ дворѣ, точно земля подъ ними содрогалась. Какъ бѣсноватые, они орали что-то, поднявъ головы кверху, лица ихъ были красны, въ открытыхъ ртахъ сверкали зубы, они взмахивали руками и толкали другъ друга, лѣзли на крыши службъ, обрывались, падали и снова лѣзли. И, несмотря на разнообразіе движеній каждаго человѣка, во всѣхъ ихъ было что-то общее, человѣкъ сталъ членомъ одного огромнаго тѣла, одушевленнаго одной и той-же могучей силой.

Высоко надъ этой плотной массой людей, спаянной озлобленіемъ, на крышѣ дома, у трубы стоялъ худой и длинный еврей. Онъ отрывалъ пальцами кирпичи трубы и, швыряя ихъ внизъ, что-то кричалъ голосомъ рѣзкимъ, подобнымъ крику чайки. Большая и сѣдая борода трепетала на его груди, а бѣлые штаны на немъ были покрыты красными пятнами...

Къ нему наверхъ летѣли яростные крики:

— Изъ ружья его!

— Тащи ружье! Камнями лупи!

— Лѣзь къ нему!

Въ окнахъ дома мелькали темныя фигуры людей, выбивая рамы и выбрасывая на дворъ вещи. Взвизгивали и дребезжали стекла. Вотъ широкорожій, кудрявый парень поднесъ къ окну зеркало, высунулъ его и закричалъ:

— Эй, берегись!

И, отражая солнечные лучи, зеркало полетѣло на землю. Парень высунулся изъ окна вслѣдъ за нимъ. Его широкое лицо было только озабочено и серьезно, но не озлоблено. Въ другомъ окнѣ явился чернобородый мужикъ съ подушкой въ рукахъ. Онъ рванулъ ее,—и въ воздухѣ разсѣялось густое, бѣлое облако перьевъ.

— Снѣгъ пошелъ, носовъ не отморозь, ребята!—крикнулъ мужикъ, глядя, какъ бѣлыя пушинки опускаются на головы людей.

А на дворѣ орали:

— Сюда! Въ кадкѣ жиденятъ нашелъ!

— Бей ихъ!

— Башками о стѣнки!

— Эй, старый жидъ! Слѣзай, внуковъ нашли...

— Лѣзь съ крыши, а то убьемъ племя...

Пронзительный крикъ ребенка огласилъ воздухъ, — это былъ звукъ ужасный, въ мутномъ ревѣ толпы онъ сверкнулъ ослѣпительно, какъ молнія въ облакахъ. И шумъ послѣ него сталъ какъ бы тише.

— Не тронь!—заревѣлъ кто-то.

— Не тронь ребятъ!

— Большихъ бей!

Тутъ вновь раздался крикъ ребенка,—тонкій и острый, онъ рѣзалъ сердце и оглушалъ болѣе всѣхъ звуковъ.

— Ахъ, дьяволъ!—бѣшено заоралъ кто-то, покрывая всѣ звуки.

— По башкѣ?

— Ноги отшибъ...

— Ловко, старый чортъ!

— Антипъ! Лѣземъ жида сшибать!

Двое огромныхъ крючниковъ, расталкивая толпу, подошли къ пристройкѣ и полѣзли на крышу.

А въ одномъ изъ оконъ дома снова явился серьезный, краснорожій парень. Напрягаясь, онъ просовывалъ въ окно какой-то шкафъ или ящикъ и кричалъ внизъ:

— Робя, доржи посуду...

Ящикъ не проходилъ въ окно, тогда парень дернулъ его назадъ, къ себѣ, на минуту скрылся, вновь всталъ въ окнѣ и завылъ протяжно, какъ волкъ:

— Бе-ерги-и-ись!

Груда тарелокъ посыпалась изъ окна, за ними солнцемъ мелькнулъ въ воздухѣ самоваръ. Люди внизу разбѣгались, прикрывая головы руками, и хохотали во все горло. Рыжій и толстый парень хватилъ самоваръ съ земли, поднялъ его высоко надъ головой, снова бросилъ на землю и сталъ топтать его ногами.

На крышѣ раздался нечеловѣческій вопль... Всѣ подняли головы

кверху. Желѣзо громыхало... Вдругъ на краю крыши появилось что-то большое, оно нѣсколько секундъ провисѣло, содрогаясь въ воздухѣ, потомъ завизжало, завыло, оторвалось и полетѣло внизъ. Раздался мягкій, противный шлепокъ... Я бросился вонъ со двора, а вслѣдъ за мной летѣлъ торжествующій, дикій ревъ:

— А-а-а...

— Ага-а...

— Сшибли-а-а!

На улицѣ люди ломали стулья, столы, разбивали сундуки, со смѣхомъ рвали какія-то одежды. Въ воздухѣ носились перья, изъ оконъ двухъ домовъ внизъ, къ ногамъ людей, летѣли подушки, корзины, мебель, тряпье, а толпа, обезумѣвшая въ стремленіи разрушать, хватала эти вещи и рвала, ломала, била. Двѣ женщины, растрепанныя, потныя, съ красными рожами, цѣпко ухватились руками за какой-то ящикъ и тянули его въ разныя стороны. Онѣ кричали что-то другъ другу, перья и пушинки крутились вокругъ ихъ головъ, онѣ обѣ широко открывали рты, но голоса ихъ заглушалъ трескъ дерева, вой и ревъ толпы, и визгливые, полные ужаса крики, доносившіеся изъ оконъ дома.

Мимо меня прошелъ огромный мужикъ, въ разорванной рубахѣ, безъ шапки. Волосы у него были растрепаны, по грязному лицу текла густая, почти черная кровь. Онъ размахивалъ рукой и улыбался, тупо, довольной улыбкой сытаго звѣря. Вотъ онъ подошелъ къ фонарному столбу, обнялъ его и сталъ раскачивать, упираясь въ дерево широкой грудью. Фонарь затрясся и слетѣлъ на землю.

— Ло-оми-и!—крикнулъ другой мужикъ, подбѣгая къ столбу фонаря. Онъ тоже схватилъ его и, ухая, сталъ раскачивать.

Откуда-то въ толпу, какъ голубь въ тучу дыма, бросилась дѣвушка въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами. Она бѣжала, закинувъ голову кверху, и глаза на блѣдномъ лицѣ ея были невѣроятно велики.

— Бей жидовку!—заревѣлъ кто-то. И дѣвушка исчезла въ густой массѣ людей, какъ крошка сахара подъ кучей мухъ. Надъ нею закипѣла какая-то темная каша изъ человѣческихъ тѣлъ, въ воздухѣ мелькали кулаки, раздавалось сладострастное кряхтѣнье, мягкіе шлепки. Циничныя шутки, ругательства, змѣиное шипѣніе—все смѣшивалось въ одинъ злобный и злорадный звукъ.

— Раздайся, народъ!—Зельманъ ѣдетъ!

Это кричала толпа людей, волочившая что-то по мостовой. Тащила она человѣка или трупъ человѣка,—полуголое, сухое тѣло, измятое, изорванное, все покрытое кровью и грязью. Захлестнувъ ногу Зельмана веревкой, люди везли его по мостовой, а за нимъ оставалась на дорогѣ широкая полоса крови. Сухія, длинныя руки купались въ ней, а между рукъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ вростали въ плечи, бился о камни безобразный, окровавленный, ободранный комъ...

Какой-то подростокъ подбѣжалъ къ тѣлу, прыгнулъ на него, ноги погрузились въ животъ, какъ въ тѣсто, а подростокъ замахалъ руками и упалъ, возбудивъ хохотъ. Зельманъ былъ богатый подрядчикъ. Я часто видалъ его живымъ, но то, что видѣлъ теперь, не было похоже не только на подрядчика, но и на человѣка вообще.

Отупѣвшій отъ всего, что творилось вокругъ, задыхаясь отъ пыли, я вертѣлся въ толпѣ, какъ щепа въ ручьѣ, и смотрѣлъ на все, какъ на страшный сонъ. Вотъ, на водосточной трубѣ повисла бѣлая юбка, она высоко надъ землей, и какая-то старуха, вставая на пальцы ногъ, хочетъ достать ее, протягивая кверху костлявую, темную руку. Рядомъ съ ней бородатый крючникъ напяливаетъ на свою взлохмоченную голову бархатный картузъ. Мальчишки снуютъ между ногъ взрослыхъ, подбирая осколки зеркала, а одинъ изъ нихъ подпрыгиваетъ, желая поймать летающее въ воздухѣ перо.

Размахивая шашкой въ ножнахъ, бѣжитъ полицейскій, надъ нимъ смѣются, ему вдогонку кричатъ:

— Держи его!

— Лови фараона!

Кто-то бросаетъ подъ ноги бѣгущаго разломанный ящикъ, и полицейскій кувыркомъ летитъ на землю. Громкій хохотъ гремитъ въ воздухѣ.

Взглянувъ себѣ подъ ноги, я увидалъ кусокъ окровавленной кожи съ клочкомъ волосъ на ней...

— Нар-родъ! Сюда иди!

Крикъ доносится со двора, и толпа льется въ ворота густой волной. Люди какъ-то хрюкаютъ, рычатъ, ревутъ.

— Бей! Б-бей!—раздается въ воздухѣ.

Внутри дома, во второмъ этажѣ, кто-то работаетъ ломомъ, разрушая простѣнокъ между двумя окнами. На улицу сыплются кирпичи, известь, летитъ бѣлая пыль. Подносъ вылетаетъ изъ окна, онъ нерѣшительно кружится въ воздухѣ и падаетъ на голову какой-то толстой бабы. Взвизгнувъ, баба присѣла.

— Казаки!

— Бѣги наши!

— Казаки ѣдутъ!

Въ устьѣ проулка являются морды лошадей, синія фуражки казаковъ, мелькаютъ нагайки, и чей-то громкій, пѣвучій голосъ командуетъ:

— По трое въ рядъ, рысью—ма-аршъ!

Груда кирпичей падаетъ на тротуаръ. Простѣнокъ выломанъ,—и тотчасъ же изъ безобразной дыры въ стѣнѣ дома тяжело и медленно высовывается огромный шкафъ, вздрагиваетъ, какъ-то нехотя скользитъ по стѣнѣ дома, задѣваетъ за карнизъ и, перевернувшись, съ грохотомъ разбивается о камни панели. Въ воздухѣ стоитъ непрерывный гулъ, какъ будто въ немъ невидимо течетъ бурная рѣка, разрывая почву на своемъ пути, вся въ пѣнѣ гнѣва, вся—въ дикомъ бѣшенствѣ...

Л. Пастернакъ. Этюдъ казака.

Т-во типографіи А. И. МАМОНТОВА, въ Москвѣ.

Толпа бѣжитъ подъ ударами нагаекъ и толчками лошадей, бѣжитъ, какъ стадо барановъ, глупо, слѣпо. Можно спрятаться во дворахъ, можно прыгать черезъ заборы, но всѣ бѣгутъ куда-то вдоль проулка, подставляя головы, спины и плечи подъ хлесткіе удары. Здоровенный, кудрявый крючникъ вдругъ оборачивается, съ розмаха бьетъ кулакомъ по мордѣ лошади и исчезаетъ въ тѣсной толпѣ казаковъ. И надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ исчезъ, долго мелькаютъ нагайки, разсѣкая воздухъ. Казаки ѣдутъ дальше, стремя къ стремени, плотной стѣной, а люди передъ ними бѣгутъ въ разсыпную,толкая другъ друга...

— Валяй кирпичами казаковъ!—кричитъ кто-то сверху.

Подъ ноги лошадей бросается женщина, полуголая, въ крови. Она явилась откуда-то вдругъ, точно изъ земли выпрыгнула, она хватается за ногу передняго казака и жмется къ ней съ воемъ...

— Бѣги-и!

— Стой!

— Бей казаковъ!

Толпа реветъ и—бѣжитъ неудержимо, какъ ручей съ горы. Глухой топотъ ногъ стоитъ въ воздухѣ, звонъ подковъ о камни вторитъ ему. Лошадямъ трудно двигаться среди обломковъ мебели и тряпья, покрывающихъ мостовую. Лошади встаютъ на дыбы... Толпа тоже останавливается, обернувшись лицомъ къ казакамъ...

— Полсотнѣ спѣшиться!

Толпа рычитъ и ждетъ. Но и въ тылу у нея, въ концѣ улицы, является полиція и пѣшіе казаки... Тогда люди начинаютъ прыгать черезъ заборы, вбѣгаютъ во дворы, а казаки ловятъ ихъ... За нѣсколько минутъ передъ этимъ люди были звѣрями, безъ жалости и смысла избивавшими такихъ же несчастныхъ, какъ сами они, а теперь эти звѣри—только трусы, ихъ тоже бьютъ безъ жалости и смысла, а они бѣгутъ трусливо и позорно отъ ударовъ...

Вечеромъ этого дня, проходя по площади слободы, мимо пикета казаковъ, я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ другому:

— Четырнадцать жидовъ, чу, разорвали...

А другой курилъ трубку, и онъ ничего не отвѣтилъ на слова товарища.

М. Горькій.

Сіонизмъ *).

(Переводъ М. Г. Лунца).

Среди образованныхъ людей, сколько-нибудь внимательно слѣдящихъ за всѣми болѣе значительными движеніями нашего времени, едва ли найдется нынѣ хоть одинъ, которому бы вовсе не было знакомо слово „сіонизмъ". Всѣ знаютъ, что именемъ этимъ обозначается умственное теченіе, нашедшее за послѣдніе годы многочисленныхъ сторонниковъ среди евреевъ всѣхъ странъ и въ особенности восточно-европейскихъ. Но ясное представленіе о задачахъ и средствахъ сіонизма, какъ среди неевреевъ, такъ и евреевъ, имѣютъ сравнительно немногіе; первые—потому, что еврейскія дѣла не настолько близко касаются ихъ, чтобы стоило труда познакомиться съ подробностями этого движенія по первоисточникамъ; вторые—потому, что вводятся въ заблужденіе противниками сіонизма, или же потому, что даже среди добрыхъ сіонистовъ лишь немногіе исчерпали все содержаніе идей сіонизма, и готовы или могутъ вкратцѣ и ясно представить это движеніе, безъ всякихъ преувеличеній и полемическаго задора.

Я хочу попытаться, насколько это возможно, сжато и трезво изложить передъ доброжелательными читателями, не имѣющими никакихъ предвзятыхъ мнѣній и только стремящимися достовѣрно познакомиться съ историческимъ явленіемъ нашей эпохи, всѣ факты въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ дѣйствительности, а не такъ, какъ они отражаются въ неясныхъ умахъ, или какими изображаютъ ихъ враги сіонизма.

I.

Сіонизмъ, поскольку онъ выражаетъ собою лишь страстное стремленіе еврейскаго народа къ Сіону, есть новое слово для очень стараго чувства. Со времени разрушенія Титомъ второго іерусалимскаго храма, со времени разселенія еврейскаго народа по всѣмъ

*) Отъ редакціи. Считая сіонизмъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ теченій въ средѣ современнаго еврейства, редакція Сборника обратилась къ Максу Нордау съ просьбой познакомить русскихъ читателей съ этимъ новымъ явленіемъ. Авторъ „Парадоковъ" былъ настолько скроменъ, что ни словомъ не обмолвился о громадной роли своей въ сіонистскомъ движеніи, въ которомъ онъ занимаетъ первое мѣсто съ Т. Герцлемъ. На всѣхъ сіонистскихъ конгрессахъ М. Нордау выступаетъ печальникомъ еврейскаго народа и докладчикомъ о положеніи еврейства въ различныхъ странахъ. Давая мѣсто статьѣ, редакція считаетъ своимъ долгомъ заявить, что взгляды г. Нордау на сіонизмъ и его противниковъ всецѣло остаются на отвѣтственности самого автора.

странамъ народъ этотъ не переставалъ страстно желать и твердо надѣяться на возвращеніе въ потерянную для нихъ страну отцовъ. Эта тоска евреевъ по Сіону и надежда на Сіонъ были конкретнымъ, я сказалъ бы, географическимъ выраженіемъ ихъ вѣры въ Мессію, которая съ своей стороны представляла важную составную часть ихъ религіи. Мессіанство и сіонизмъ и были, дѣйствительно, въ теченіе двухъ почти тысячелѣтій тождественными понятіями; и безъ хитроумныхъ сплетеній не легко будетъ отдѣлить въ еврейской литургіи молитвы о появленіи обѣтованнаго Мессіи и молитвы о не менѣе желанномъ возвращеніи въ историческую родину.

Молитвы эти до послѣднихъ вѣковъ понимались въ буквальномъ смыслѣ, какъ и теперь еще ихъ понимаютъ ортодоксальные евреи. Евреи знали, что они народъ, въ наказаніе за собственные грѣхи утратившій родную землю, осужденный къ жизни чужеземца въ чужихъ странахъ, — народъ, тяжкія страданія котораго прекратятся лишь тогда, когда онъ снова соберется на освященной почвѣ Святой земли.

Только къ серединѣ XVIII столѣтія, когда просвѣщеніе, первымъ провозвѣстникомъ котораго явился философъ-популяризаторъ Моисей Мендельсонъ, стало проникать въ еврейскую среду,—пониманіе это измѣнилось. Вѣра ослабла; образованные евреи, если только совершенно не отпадали отъ еврейства, стали раціоналистически понимать ученія своей религіи; для нихъ разсѣяніе еврейскаго народа было конечнымъ и неизмѣнимымъ фактомъ; они лишили понятія мессіанства и сіонизма всего ихъ конкретнаго содержанія и построили своеобразное ученіе, по которому обѣтованный евреямъ Сіонъ слѣдуетъ понимать лишь въ духовномъ смыслѣ, какъ сохраненіе еврейскаго монотеизма для всего міра, какъ односторонній тріумфъ еврейской этики надъ менѣе возвышенными и благородными ученіями другихъ народовъ. Мендельсоновское просвѣщеніе послѣдовательно развилось къ первой половинѣ XIX вѣка въ „реформу", которая сознательно порывала съ сіонизмомъ. Для евреевъ—реформированныхъ слово Сіонъ имѣетъ такъ же мало смысла, какъ и слово разсѣяніе. Они вовсе не чувствуютъ себя разсѣянными. Они отрицаютъ существованіе еврейскаго народа и не признаютъ себя его членами. Они хотятъ принадлежать лишь къ тому народу, въ средѣ котораго живутъ. Для нихъ еврейство—одно лишь религіозное понятіе, не имѣющее ничего общаго съ національностью. Для нихъ родина—отечество, и другого они и знать не хотятъ. Мысль о возвращеніи въ Палестину возмущаетъ ихъ или вызываетъ въ нихъ смѣхъ. Противъ нея они возражаютъ глупой остротой: „если бы еврейское государство снова возродилось въ Палестинѣ, я желалъ бы получить мѣсто еврейскаго посланника въ Парижѣ".

Отъ мыслящихъ евреевъ не могло надолго ускользнуть, что реформированное еврейство—полъ-дѣла, и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, заключаетъ въ себѣ зародышъ гибели, такъ какъ ни на одну минуту не можетъ выдержать логической критики.

Кого должно было удовлетворить реформированное еврейство? Правовѣрныхъ евреевъ? Но они вѣдь оттолкнули его съ глубочайшимъ отвращеніемъ. Невѣрующихъ?—Тѣ презираютъ его, какъ издѣвательство и пустую болтовню. Евреевъ ли, которые дѣйствительно желаютъ порвать съ прошлымъ своего народа и раствориться въ окружающемъ ихъ христіанскомъ обществѣ? Этихъ евреевъ реформированное еврейство также не можетъ удовлетворить, потому что такіе идутъ однимъ шагомъ дальше, и этотъ шагъ ведетъ ихъ къ купели. Еще менѣе годится оно для тѣхъ евреевъ, которые желали бы защитить еврейство отъ гибели, сохранить его какъ народную индивидуальность. Ибо для нихъ прямое отреченіе отъ всякихъ національныхъ ожиданій равносильно самоосужденію еврейскаго народа на смерть, быть можетъ, медленную, но вѣрную. Реформированное еврейство безъ сіонизма, т. е. безъ желанія и надежды на возсоединеніе еврейскаго народа, не имѣетъ будущности. Въ лучшемъ случаѣ его можно считать кружнымъ путемъ къ христіанству. Кто захочетъ достигнуть этой цѣли, тотъ нынѣ пойдетъ къ ней болѣе прямымъ и краткимъ путемъ.

II.

И вотъ, вслѣдъ за поколѣніями, находившимися подъ вліяніемъ мендельсоновскаго краснобайства и просвѣщенія, реформы и ассимиляціи, въ послѣднее двадцатилѣтіе XIX вѣка появилось новое поколѣніе, которое попыталось занять въ сіонистскомъ вопросѣ иное положеніе, чѣмъ традиція. Эти новые евреи отвернулись отъ болтовни раввиновъ и ученыхъ, расцвѣтшей въ послѣднее столѣтіе, о „миссіи еврейства", которая будто бы заключается въ томъ, что евреи должны вѣчно жить разсѣянными среди народовъ, дабы служить имъ учителями и образцами нравственности и постепенно воспитать ихъ къ чистому раціонализму, къ всеобщему братству людей и къ идеальному космополитизму. Они объявили это мнѣніе о миссіи евреевъ надменностью и глупостью. Съ бо̀льшей скромностью и реализмомъ они потребовали для еврейскаго народа лишь права жить и развиваться сообразно собственнымъ наклонностямъ, до естественныхъ границъ своего типа. Они пришли къ сознанію, что достигнуть этого въ разсѣяніи нельзя, такъ какъ при этихъ условіяхъ евреевъ постоянно будутъ преслѣдовать и угнетать предубѣжденіе, ненависть, презрѣніе, и потому или задержатъ ихъ собственное развитіе, или же принудятъ ихъ къ этнической мимикріи, которая превратитъ ихъ изъ управомоченныхъ къ жизни оригиналовъ въ посредственныя или плохія копіи съ чужихъ моделей. Поэтому они стали планомѣрно стремиться къ тому, чтобы снова сдѣлать еврейскій народъ нормальнымъ народомъ, живущимъ на собственной землѣ и выполняющимъ всѣ хозяйственныя, духовныя, нравственныя и политическія функціи культурнаго народа.

Этой цѣли нельзя сразу достигнуть. Она находится въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Она—идеалъ, желаніе, надежда, какимъ былъ и остается мессіанскій сіонизмъ. Этотъ новый сіонизмъ, называемый политическимъ, отличается отъ стараго, религіознаго, мессіанскаго сіонизма тѣмъ, что отрекается отъ всякой мистики, отнюдь не отождествляетъ себя съ мессіанствомъ, не ждетъ возвращенія въ Палестину отъ чудесъ, а ставитъ своей задачей собственными силами готовиться къ нему.

Новый сіонизмъ своимъ возникновеніемъ лишь отчасти обязанъ внутреннему стремленію самого еврейства, восхищенію современныхъ образованныхъ евреевъ передъ исторіей и страданіями еврейскаго народа, пробудившемуся самосознанію своихъ расовыхъ способностей, честолюбію спасти самое древнее племя для отдаленнаго будущаго и присоединить къ подвигамъ предковъ новые подвиги потомства; сіонизмъ, съ другой стороны, явился результатомъ двухъ толчковъ, пришедшихъ извнѣ: во-первыхъ, націонализма, въ теченіе полустолѣтія владѣющаго думами и чувствами Европы и въ этомъ направленіи руководящаго міровой политикой, во-вторыхъ—антисемитизма, отъ котораго болѣе или менѣе терпятъ евреи всѣхъ странъ.

Идея національности воспитала всѣ народы къ самосознанію, научила ихъ цѣнить свои отличительныя особенности и внушила имъ страстное желаніе къ независимости. И эта идея не могла не оставить слѣдовъ и на образованныхъ евреяхъ. Она заставила ихъ одуматься, снова почувствовать себя отдѣльнымъ народомъ, —что̀ было забыто,—и потребовать себѣ нормальной судьбы народа. Эта не безболѣзненная работа, заключавшаяся въ отысканіи забытой народной индивидуальности, была облегчена дѣйствіями другихъ народовъ, исключившихъ евреевъ изъ своей среды какъ чуждый элементъ, грубо и безъ всякой пощады выдвинувшихъ дѣйствительныя и воображаемыя противоположности или отличія между собою и евреями.

Идея національности въ ея крайнихъ увлеченіяхъ привела къ уродливымъ формамъ. Она сбилась въ шовинизмъ, опростѣла до глупой ненависти къ чужимъ, опошлилась до фантастическаго самообожанія. Отъ этой каррикатуры на самихъ себя еврейскій націонализмъ свободенъ. Еврейскій націоналистъ не страдаетъ преувеличеніями; онъ чув-

ствуетъ, напротивъ, что нужны неустанныя усилія, чтобъ сдѣлать имя еврея почетнымъ. Онъ скромно признаетъ хорошія качества другихъ народовъ и ревностно стремится присвоить ихъ себѣ, поскольку они отвѣчаютъ его врожденнымъ наклонностямъ. Онъ знаетъ, какимъ страшнымъ зломъ отразились столѣтія рабства и безправія на его характерѣ, первоначально гордомъ и правдивомъ, и старается исправить это зло усиленнымъ самовоспитаніемъ. Націонализмъ же, свободный отъ ложныхъ увлеченій, является естественной фазой историческаго развитія отъ варварски-эгоистическаго индивидуализма къ свободному человѣчеству и альтруизму,— фазой, оправданіе и необходимость которой можетъ оспаривать лишь тотъ, кто совершенно не понимаетъ законовъ органической эволюціи и не имѣетъ никакого историческаго чутья.

Антисемитизмъ, съ своей стороны, также помогъ многимъ образованнымъ евреямъ найти обратный путь къ своему народу. Антисемитизмъ произвелъ дѣйствіе строгаго испытанія, котораго не могли выдержать слабые; сильные же вышли оттуда еще болѣе сильными, или, по крайней мѣрѣ, съ бо́льшимъ самосознаніемъ. Было бы неправильнымъ утверждать, что въ отношеніи къ антисемитизму сіонизмъ является исключительно дѣломъ упрямства или отчаянія. Конечно, нѣкоторые образованные евреи были подвинуты къ возсоединенію съ еврействомъ исключительно благодаря антисемитизму, и эти евреи снова отпадутъ, если земляки христіане примутъ ихъ радушно въ свою среду. Но для большинства сіонистовъ антисемитизмъ былъ лишь понужденіемъ къ тому, чтобы обсудить отношеніе свое къ другимъ народамъ, и это размышленіе привело къ результатамъ, которые надолго останутся духовнымъ и душевнымъ ихъ достояніемъ, если бы даже антисемитизмъ совершенно исчезъ съ лица земли.

Разумѣется, сіонизмъ, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, раздѣляютъ лишь образованные и свободные евреи, цвѣтъ еврейства. Необразованная же масса еврейства, связанная всякими традиціями, сдѣлалась сіонистической безъ всякаго размышленія, по одному чувству, инстинкту, вслѣдствіе мукъ и страстныхъ поисковъ лучшей доли. Она слишкомъ сильно страдаетъ подъ гнетомъ нужды, отъ ненависти народовъ, отъ законодательныхъ ограниченій и общественнаго презрѣнія. Она чувствуетъ, что не можетъ надѣяться на сколько-нибудь продолжительное улучшеніе своей судьбы до тѣхъ поръ, пока принуждена жить въ слабомъ меньшинствѣ среди враждебно настроеннаго большинства. Она хочетъ быть народомъ, хочетъ помолодѣть отъ тѣснаго общенія съ родной землей и стать судьею своей участи. Эта сіонистически настроенная масса до извѣстной степени не совсѣмъ свободна отъ мистическихъ тенденцій. Она вноситъ въ свой сіонизмъ воспоминанія о Мессіи и осуществляетъ ихъ посредствомъ религіозныхъ эмоцій. Она ясно сознаетъ цѣль, національное возсоединеніе, но не средства, ведущія къ этой цѣли. Но и эта масса уже постигла необходимость собственныхъ усилій; между ея активной готовностью къ организаціи и пожертвованіямъ и молитвенной пассивностью чисто религіозныхъ мессіанистовъ существуетъ громадное различіе.

III.

У новаго или политическаго сіонизма были отдѣльные предтечи, первое появленіе которыхъ относится уже къ серединѣ XIX столѣтія. Нѣмецкій еврей, не имѣвшій даже смѣлости поставить свое имя въ заголовкѣ своей книги, выступилъ въ серединѣ 40-хъ годовъ съ планомъ пріобрѣтенія и заселенія Палестины. Нѣсколько негодующихъ критическихъ отзывовъ въ тогдашнихъ еврейскихъ газетахъ, всецѣло находившихся подъ знаменемъ идеи реформъ и ассимиляціи, были единственнымъ отвѣтомъ на это предложеніе. Больше вниманія привлекла къ себѣ пророческая книга Моисея Гесса „Римъ и Іерусалимъ", появившаяся въ шестидесятыхъ годахъ, впервые возвѣстившая еврейскій націонализмъ въ среду туманныхъ идей объ эмансипаціи и братствѣ и вызвавшая

истинную бурю негодованія въ нѣмецкихъ евреяхъ, сибаритствовавшихъ въ своемъ молодомъ равноправіи, — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ нихъ, кто далъ себѣ трудъ прочесть книгу. Кто изъ пророковъ Израиля не вызывалъ къ себѣ ненависти своего народа?..

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на востокѣ Европы разыгрались событія, грубо разбудившія евреевъ изъ ихъ многовѣковыхъ заблужденій и снова приведшія къ сознанію дѣйствительности. Русскій еврей докторъ Пинскеръ написалъ тогда брошюру „Ауто-эмансипація", которая уже послужила прологомъ къ современному сіонизму и привела всѣ его мотивы, не давъ имъ, однако, полнаго гармоническаго развитія. Впрочемъ, въ брошюрѣ уже были установлены главныя положенія: евреи не представляютъ собою простой религіозной общины, они—народъ; они снова желаютъ жить въ собственной странѣ, какъ единый народъ; ихъ возрожденіе должно одновременно быть экономическимъ, физическимъ, духовнымъ и нравственнымъ.

Еврейская молодежь русскихъ университетовъ и гимназій была сильно возбуждена рѣчами Пинскера. Стали учреждаться національно-еврейскіе кружки. Нѣкоторые студенты, посѣщавшіе заграничные университеты, сдѣлались на новыхъ мѣстахъ апостолами идей Пинскера и встрѣтили сочувствіе со стороны молодыхъ единоплеменниковъ, особенно въ Вѣнѣ. Другіе предпочли слову дѣло, проповѣди—примѣръ, бросили свои учебныя занятія и выселились въ Палестину, чтобы сдѣлаться тамъ крестьянами, еврейскими крестьянами на исторически еврейской землѣ. Охваченные идеализмомъ этой восторженной, избранной молодежи, и болѣе спокойные евреи какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи стали образовывать кружки, чтобъ издали поддерживать палестинскія поселенія еврейскихъ піонеровъ. Но не было ни единства плана, ни яснаго пониманія цѣлей и средствъ. Кружки не сознавали, что они чувствовали и дѣйствовали въ сіонистическомъ духѣ. Они не видѣли связи между заселеніемъ евреями Палестины и будущимъ всего еврейскаго народа. Въ нихъ было скорѣе инстинктивное возбужденіе, отражавше въ себѣ всевозможныя скрытыя чувства—набожность, археологически-историческую сентиментальность, благотворительность, родословную гордость. Во всякомъ случаѣ головы были подготовлены, въ воздухѣ чувствовалось настроеніе, еврейство созрѣло къ новому повороту.

Какъ и въ другіе подобные же историческіе моменты, такъ и здѣсь появился человѣкъ, которому дано было ясно сознать мысль, смутно подозрѣвавшуюся многими, громко высказать слово, ожидавшееся многими. Этимъ человѣкомъ былъ д-ръ Теодоръ Герцль. Осенью 1896 года издалъ онъ въ свѣтъ небольшую книгу „Еврейское государство", которая съ неизвѣстной дотолѣ опредѣленностью возвѣстила фактъ, что евреи—народъ, что они требуютъ себѣ всѣхъ правъ народа и желаютъ заселить страну, въ которой могли бы жить свободной и полной государственной жизнью.

„Еврейское государство" стало настоящей исходной точкой политическаго сіонизма. Исходной его точкой, но не программой. Книга Герцля – еще субъективное произведеніе отдѣльнаго человѣка, который говоритъ отъ своего лишь имени. Многія подробности въ этой книгѣ чисто литературнаго свойства. Нелегко всюду провести точную грань между трезвой серьезностью соціальнаго политика и фантазіей пророчествующаго поэта. Программа въ собственномъ смыслѣ должна была сдѣлаться объектомъ коллективной работы, и эта работа, хотя и покоилась на книгѣ Герцля и была одухотворена видѣніями Герцля, но отбросила всѣ фантастическія подробности и создалась лишь изъ элементовъ дѣйствительности.

Книга Герцля немедленно была привѣтствована, какъ актъ избавленія, десятками тысячъ людей, особенно молодежью. Она не должна остаться печатной бумагой, а превратиться въ практическое созданіе! Повсюду возникли новые кружки, которые уже ставили своей цѣлью не медленное, скромное заселеніе Палестины тайкомъ пробираю-

щимися еврейскими семьями, а подготовленіе къ массовому выселенію евреевъ въ Святую землю на основѣ формальнаго, гарантированнаго великими державами, договора съ турецкимъ правительствомъ, предоставляющаго колонистамъ права самоуправленія.

Политическій сіонизмъ исходитъ изъ того положенія, что евреи составляютъ народъ. Это именно и отрицаютъ евреи, сторонники ассимиляціи. Герцль призналъ, что прежде всего слѣдуетъ устроить манифестацію, которая бы въ современной, осязательной формѣ показала всему міру и самому еврейскому народу фактъ его національнаго существованія. Съ этой цѣлью онъ созвалъ первый конгрессъ сіонистовъ, который, несмотря на противодѣйствіе враговъ сіонизма, собрался въ концѣ августа 1897 года въ Базелѣ—въ количествѣ 204 делегатовъ, избранныхъ сіонистически мыслящимъ еврействомъ обоихъ полушарій.

Передъ лицомъ всего міра, первый сіонистскій конгрессъ торжественно объявилъ, что евреи составляютъ народъ и не желаютъ раствориться въ средѣ другихъ народовъ. Онъ свято обѣщалъ работать въ пользу освобожденія безправной, томящейся въ незаслуженной нищетѣ, еврейской массы и приготовить ей болѣе свѣтлое будущее. Свои стремленія конгрессъ выразилъ въ программѣ, принятой единогласно и при величайшемъ воодушевленіи присутствующихъ. Программа гласитъ:

„Сіонизмъ стремится создать еврейскому народу публично-правовое убѣжище въ Палестинѣ.

Для достиженія этой цѣли конгрессъ намѣчаетъ слѣдующія средства:

1. Цѣлесообразное содѣйствіе заселенію Палестины евреями земледѣльцами, ремесленниками и промышленниками.

2. Расчлененіе и соединеніе всего еврейства въ соотвѣтствующія мѣстныя и общія учрежденія, согласно законамъ страны.

3. Усиленіе въ евреяхъ самочувствія и народнаго самосознанія.

4. Подготовительныя мѣры къ достиженію согласія правительствъ, необходимаго для осуществленія задачъ сіонизма".

IV.

Первый конгрессъ разошелся только послѣ того, какъ была создана постоянная организація: былъ избранъ главный исполнительный комитетъ („Grosses Actions-Comité"), въ которомъ были представлены всѣ страны съ болѣе или менѣе значительнымъ еврейскимъ населеніемъ; комитетъ, въ свою очередь, избралъ болѣе тѣсную постоянную коммиссію (Ausschuss), мѣстопребываніемъ которой была назначена Вѣна, а предсѣдателемъ—Герцль. За первымъ конгрессомъ въ ближайшіе три года послѣдовали дальнѣйшіе конгрессы,—въ 1898 и 1899 г.г. въ Базелѣ и въ 1900 г. въ Лондонѣ. Число его членовъ возросло въ 1898 г. до 280, въ 1899 г. до 370 и въ 1900 г. до 420. На каждомъ изъ конгрессовъ точнѣе опредѣлялись избирательныя правила, строже провѣрялись полномочія, и въ настоящее время конгрессъ, сдѣлавшійся постояннымъ органомъ евреевъ-сіонистовъ, можетъ съ правомъ утверждать, что онъ является дѣйствительнымъ представителемъ 180.000 избирателей.

Для оцѣнки того, что до сихъ поръ сдѣлано представителями евреевъ на конгрессѣ въ цѣляхъ осуществленія программы, выработанной на первомъ конгрессѣ, необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

1. Цѣлесообразное содѣйствіе заселенію Палестины евреями земледѣльцами, ремесленниками и промышленниками.

Сіонизмъ принципіально отклоняетъ колонизацію въ небольшомъ масштабѣ (Kleinkolonisation) и тайное прокрадываніе евреевъ въ Палестину. Поэтому сіонисты до сихъ поръ ограничивались ролью ревностныхъ и неутомимыхъ защитниковъ нынѣ существу-

ющихъ въ Палестинѣ колоній передъ ихъ покровителями, желавшими въ послѣднее время лишить ихъ поддержки; они подготовляютъ устройство въ Святой землѣ фабрикъ, которыя бы давали заработокъ мѣстнымъ еврейскимъ рабочимъ, и обезпечили солидной субсидіей дальнѣйшее существованіе гебраической образцовой школы въ Яффѣ, осужденной, было, за недостаткомъ средствъ къ закрытію. Они заботятся о томъ, чтобы существующіе уже желанные ростки еврейской колонизаціи были сбережены и сохранены до той поры, когда возможно будетъ произвести заселеніе Палестины въ большомъ масштабѣ.

2. Расчлененіе и соединеніе всего еврейства въ соотвѣтственныя мѣстныя и общія учрежденія.

Евреи-сіонисты нынѣ организованы въ мѣстные кружки, числомъ до шестисотъ, обнаруживающіе необыкновенно оживленную дѣятельность. Къ общимъ сіонистскимъ учрежденіямъ, охватывающимъ все еврейство, принадлежатъ союзы кружковъ по отдѣльнымъ странамъ, большой и малый исполнительные комитеты и ежегодный конгрессъ, при которомъ существуетъ постоянное бюро въ Вѣнѣ. Расходы по содержанію этой системы учрежденій покрываются евреями-сіонистами путемъ добровольныхъ ежегодныхъ взносовъ, которые зовутся по древне-еврейской монетной единицѣ „шекелемъ" и составляютъ въ Россіи 50 к., а въ западныхъ странахъ они равны соотвѣтствующей монетной единицѣ (1 марка, 1 франкъ, 1 шиллингъ и т. д.). Уплата шекеля даетъ право выборовъ въ конгрессъ. Нѣмецкое еженедѣльное изданіе въ Вѣнѣ „Die Welt" служитъ оффиціальнымъ органомъ сіонизма.

Кромѣ того, идеи сіонизма раздѣляются почти сорока періодическими изданіями на древне-еврейскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, польскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, на еврейско-нѣмецкомъ и еврейско-испанскомъ жаргонѣ. Сіонисты учредили многочисленныя школы и дополнительные школьные курсы и въ послѣднее время стали стремиться занять мѣсто въ еврейскихъ общественныхъ управленіяхъ, чтобы направлять средства общины на нужды національно-еврейскихъ учебно-воспитательныхъ и культурныхъ цѣлей, въ большемъ объемѣ, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось антинаціональными или невѣжественными ихъ руководителями.

3. Усиленіе самочувствія евреевъ и народнаго самосознанія.

Сіонистическіе кружки всюду заботятся о томъ, чтобы ихъ члены и еврейская масса вообще знакомились съ исторіей своего народа, съ духовной и свѣтской литературой на древне-еврейскомъ языкѣ. Они учатъ евреевъ высоко держать голову, гордиться своимъ происхожденіемъ и презирать антисемитскую ложь, клевету и оскорбленія. Они по мѣрѣ возможности заботятся объ улучшеніи санитарныхъ условій еврейскаго пролетаріата, его экономическомъ подъемѣ посредствомъ ассоціацій и солидарности, о цѣлесообразномъ воспитаніи дѣтей и образованіи женщинъ. Они указываютъ учащейся молодежи цѣль, къ которой тѣ должны стремиться, и идеалъ въ жизни. Они проповѣдуютъ обязательность образцовой, идейной жизни, отвращеніе отъ грубаго матеріализма, въ который такъ легко впадаютъ евреи—сторонники ассимиляціи, за неимѣніемъ достойнаго въ жизни идеала, и строгій контроль надъ собою въ рѣчахъ и поступкахъ. Они учреждаютъ гимнастическія общества, чтобы содѣйствовать развитію физическихъ силъ подростающаго поколѣнія, такъ долго остававшихся въ пренебреженіи. Они даютъ новый толчекъ къ празднованію еврейскихъ историческихъ праздниковъ и событій. Во многихъ случаяхъ они даже во внѣшности отличаютъ себя отъ другихъ. Сіонисты считаютъ оскорбительнымъ скрывать свою національность. Они хотятъ быть признанными какъ евреи, и такъ какъ всегда держатъ себя непринужденно, не разыгрываютъ комедіи подражанія, не хотятъ никого обманывать насчетъ своего происхожденія и своей сущности, ни къ кому не навязываются подъ фальшивымъ знаменемъ, то ихъ отношенія къ сосѣдямъ и землякамъ христіанамъ складываются

прочнѣе, правдивѣе, справедливѣе и достойнѣе, чѣмъ отношенія евреевъ—сторонниковъ ассимиляціи, которые продѣлываютъ усилія скрыть свое еврейство,—усилія, безполезныя и непріятныя всякому христіанину, сколько нибудь имѣющему чувство мѣры.

4. Подготовительныя мѣры къ достиженію согласія правительствъ, необходимаго для осуществленія задачъ сіонизма.

Нѣкоторыя изъ болѣе значительныхъ правительствъ были оповѣщены о цѣляхъ сіонизма докладными записками, исходящими изъ первоисточника. Не было недостатка въ весьма многозначительныхъ знакахъ поощренія и доброжелательныхъ выраженіяхъ симпатіи къ стремленіямъ сіонистовъ.

Въ настоящее время исполнительный комитетъ старается получить отъ Турціи хартію на заселеніе свободныхъ, нынѣ пустынныхъ, земель Палестины и разработку естественныхъ ея богатствъ. Чтобы воспользоваться на дѣлѣ подобной хартіей, необходимы огромныя денежныя средства. Съ этой цѣлью, дабы къ тому моменту, когда Турція дастъ подобное разрѣшеніе, оказаться во всеоружіи финансовыхъ средствъ, второй сіонистскій конгрессъ (въ 1898 г.) постановилъ учредить „Еврейскій колонизаціонный Банкъ" (Jewish Colonial Trust) съ мѣстопребываніемъ въ Лондонѣ. Рѣшеніе конгресса было осуществлено въ слѣдующемъ (1899) году. Банкъ уже учрежденъ. Его акціонерный капиталъ составляетъ 2 милліона фунтовъ стерл. На основаніи устава, Банкъ можетъ начать свои дѣйствія по уплатѣ четверти акціонернаго капитала, т. е. 500.000 фунтовъ стерл. Для достиженія этого момента немного еще осталось сдѣлать.

V.

Я старался возможно короче и объективнѣе показать, что̀ такое сіонизмъ, чего онъ хочетъ, какъ онъ возникъ и какъ до сихъ поръ шло его развитіе. Я неоднократно также упоминалъ, что въ средѣ еврейства сіонизмъ встрѣтилъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ. Съ ними полемизировать я не считаю задачей этого очерка, безпристрастно излагающаго дѣло. Передъ читателями, желающими лишь оріентироваться въ вопросѣ, подобная полемика была бы безполезна и нелѣпа. Поэтому я посвящу лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній противникамъ сіонизма.

Многіе изъ нихъ ограничиваются личными обвиненіями по адресу вождей сіонистическаго движенія. На подобный способъ нападенія оскорбленные могутъ отвѣтить молчаніемъ. Люди, которые безъ малѣйшихъ выгодъ для себя, изъ самой чистой, безкорыстной любви къ своимъ несчастнымъ соплеменникамъ, изъ уваженія къ своимъ предкамъ въ гробу, изъ общечеловѣческаго дружелюбія, несутъ тяжелыя жертвы деньгами, временемъ, силами и здоровьемъ ради поднятія своего народа и освобожденія милліоновъ невинно преслѣдуемыхъ людей изъ самой горькой нищеты, — имѣютъ право съ насмѣшкой пожимать плечами, когда противники упрекаютъ ихъ въ своекорыстіи или тщеславіи!

Рядомъ съ этими противниками существуютъ и такіе, которые пытаются дѣйствовать аргументами. Они охотно сравниваютъ апостоловъ сіонизма съ лжемессіями, вродѣ пресловутаго Саббатая Цви, которые представляли довольно частое явленіе въ еврейской исторіи и всегда приносили обманутому ими еврейскому народу самыя тяжкія бѣдствія. Сравненіе сіонизма съ болтовней или обманами лжемессій типа Саббатая Цви предполагаетъ слишкомъ много неразумѣнія или злой воли. Сіонизмъ тѣмъ именно и отличается, что въ немъ нѣтъ никакихъ мистическихъ элементовъ. Онъ не обѣщаетъ своимъ приверженцамъ никакихъ чудесъ, напротивъ, постоянно внушаетъ имъ, что освобожденіе изъ нестерпимаго положенія можетъ быть лишь дѣломъ ихъ рукъ, плодомъ лишь долгихъ, тяжелыхъ, общихъ усилій.

Нѣкоторые называютъ сіонизмъ мечтой и отрицаютъ возможность практическаго его

осуществленія. На доводы этой категоріи противниковъ сіонисты сотни разъ убѣдительно отвѣчали. Эту просто отрицательную критику можно оставить въ покоѣ. Единственно вѣрнымъ ея опроверженіемъ являются дѣйствія сіонистовъ, до сихъ поръ предпринятыя и намѣченныя къ дальнѣйшему исполненію.

Одинъ только вопросъ о еврейской національности составляетъ тотъ пунктъ, по которому, вѣроятно, никогда невозможно будетъ достигнуть соглашенія между евреями сіонистами и несіонистами.

Кто думаетъ и утверждаетъ, что евреи не составляютъ народа, тотъ, дѣйствительно, не можетъ быть сіонистомъ.

Онъ не можетъ присоединиться къ движенію, которое имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку оно ставитъ своей цѣлью создать нормальныя условія существованія народу, живущему при ненормальныхъ условіяхъ и страдающему. Кто, напротивъ, убѣжденъ, что евреи составляютъ народъ, тотъ по необходимости долженъ сдѣлаться сіонистомъ, ибо лишь возвращеніе въ свою страну можетъ спасти всюду презираемый, преслѣдуемый и притѣсняемый еврейскій народъ отъ физической и духовной гибели.

Многіе евреи, а именно западно-европейскіе, внутренне совсѣмъ порвали съ еврействомъ и, вѣроятно, не замедлятъ это сдѣлать и внѣшнимъ образомъ,—если не сами, то ихъ дѣти и внуки. Они желаютъ совершенно раствориться въ средѣ ихъ соотечественниковъ христіанъ. Имъ очень неловко, когда рядомъ съ ними другіе евреи громко говорятъ объ особомъ еврейскомъ народѣ и требуютъ точнаго разграниченія между нимъ и другими народами. Они сильно боятся прослыть чужеземцами въ своей родинѣ, свободными гражданами которой состоятъ. Они опасаются, что такое отношеніе къ нимъ усилится, когда значительная часть еврейства открыто потребуетъ себѣ правъ самостоятельнаго народа, и тѣмъ болѣе, если гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ дѣйствительно возникнетъ политическій и культурный центръ еврейства, вокругъ котораго сгруппируются милліоны національно объединенныхъ евреевъ.

Всѣ эти чувства евреевъ-ассимиляторовъ вполнѣ понятны. Съ своей точки зрѣнія они и правы. Но они не имѣютъ никакого основанія требовать, чтобы сіонизмъ въ угоду имъ совершилъ самоубійство. Евреи, довольные и счастливые въ своей родинѣ и съ возмущеніемъ отклоняющіе предложеніе покинуть ее, составляютъ около одной шестой всего еврейскаго народа, скажемъ—2 милліона человѣкъ изъ 12 милліоновъ. Остальныя пять шестыхъ, остальные 10 милліоновъ, чувствуютъ себя несчастными въ своемъ мѣстопребываніи и имѣютъ на то всѣ основанія. Этимъ десяти милліонамъ нельзя совѣтовать навсегда покорно оставаться въ рабствѣ, отказаться отъ всякаго стремленія къ освобожденію изъ нищеты, затѣмъ только, чтобы желанія двухъ милліоновъ счастливыхъ и довольныхъ евреевъ оставались ненарушимыми.

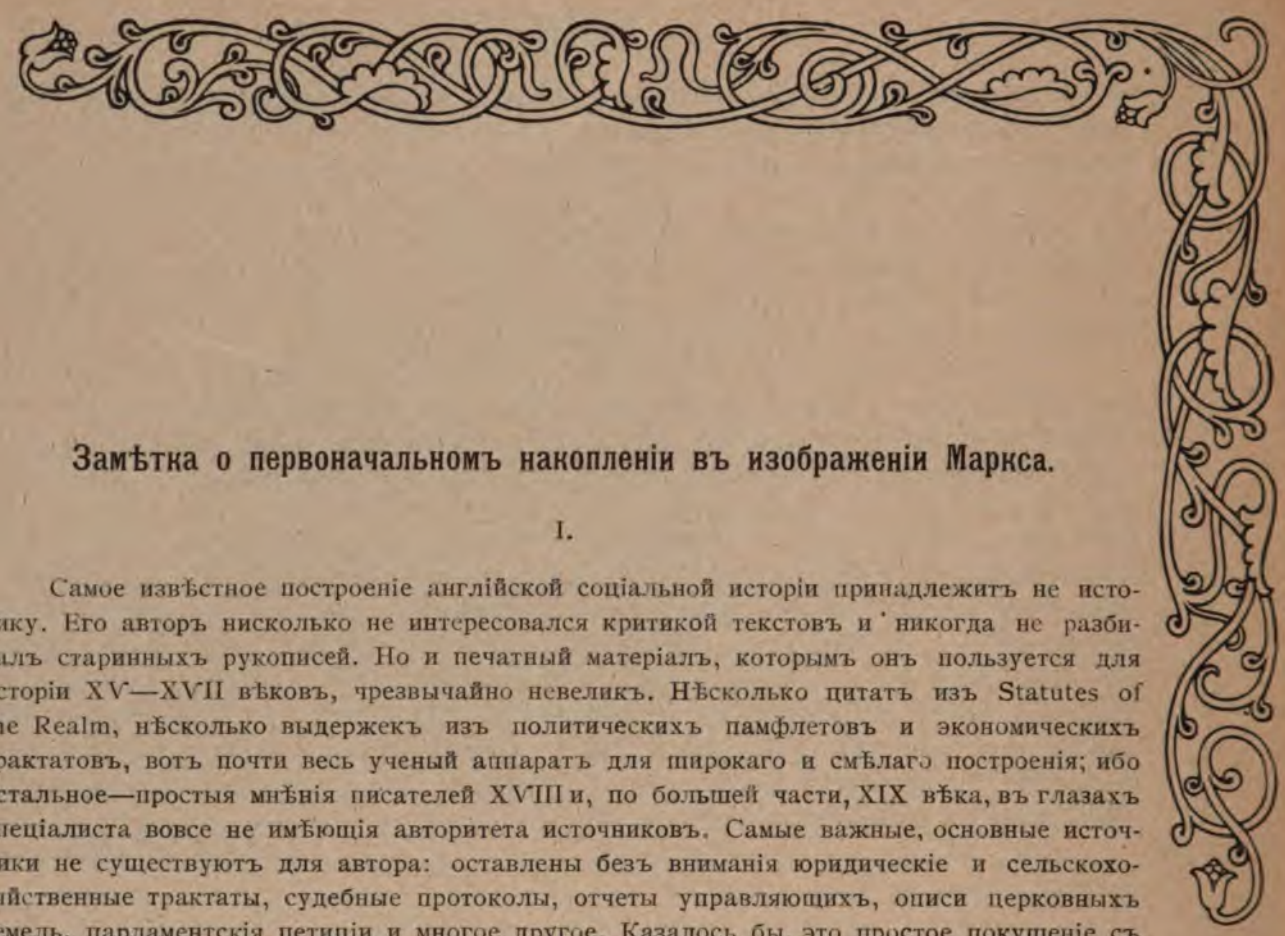
Впрочемъ, сіонисты глубоко убѣждены, что страхъ евреевъ-ассимиляторовъ лишенъ основанія. Возсоединеніе еврейскаго народа въ Палестинѣ не будетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, которыхъ они опасаются. Если снова возникнетъ еврейское государство (Judenland), то у евреевъ останется выборъ—выселиться туда или остаться въ нынѣшней родинѣ своей. Многіе несомнѣнно останутся, и эти послѣдніе выборомъ своимъ докажутъ, что они предпочли свою родину національному отечеству. Возможно, что антисемиты и тогда еще станутъ кидать въ лицо насмѣшливое и коварное прозвище „чужеземцы!“. Но истинные христіане среди ихъ соотечественниковъ, тѣ, кто думаютъ и чувствуютъ согласно ученію и примѣру Евангелія, будутъ убѣждены, что евреи эти считаютъ себя въ своей родинѣ не чужеземцами, и найдутъ правильное истолкованіе добровольному ихъ отказу отъ возвращенія въ собственное еврейское государство, ихъ вѣрной привязанности къ родинѣ и къ христіанамъ-сосѣдямъ.

Сіонисты знаютъ, что они взялись за дѣло неслыханной трудности. Ни разу еще не было попытки въ короткое время и мирнымъ путемъ пересадить нѣсколько милліо-

новъ людей изъ различныхъ странъ; превратить милліоны физически истощенныхъ и не имѣющихъ профессіи пролетаріевъ въ земледѣльцевъ и скотоводовъ, снова познакомить отвыкшихъ отъ природы городскихъ лавочниковъ, торговцевъ и агентовъ съ плугомъ и кормилицей землею. Необходимо будетъ пріучить другъ къ другу евреевъ, происходящихъ изъ разныхъ странъ, практически воспитать ихъ къ національному единству и притомъ преодолѣть сверхчеловѣческія препятствія въ видѣ различія языковъ, культуры и принесенныхъ съ родины чуждонаціональныхъ привычекъ мысли и предразсудковъ, склонностей и антипатій.

Для такой геркулесовой работы сіонисты черпаютъ мужество въ убѣжденіи, что они взялись за необходимое и полезное дѣло, дѣло любви и нравственности, дѣло справедливости и мудрости. Они хотятъ спасти отъ восьми до десяти милліоновъ своихъ единоплеменниковъ изъ безысходной нищеты. Они хотятъ освободить отъ непріятнаго сосѣдства народы, среди которыхъ тѣ прозябаютъ нынѣ. Они хотятъ вырвать евреевъ какъ мишень для антисемитизма, который всюду принижаетъ общественную мораль и будитъ самые темные инстинкты. Они хотятъ сдѣлать изъ евреевъ, обвиняемыхъ нынѣ въ паразитствѣ, безупречныхъ работниковъ. Они хотятъ своимъ потомъ оросить страну, которая теперь представляетъ пустыню, и обработать ее своими руками, пока не превратится въ цвѣтущій садъ, какимъ была нѣкогда. Такимъ образомъ сіонизмъ въ одинаковой степени стремится послужить несчастнымъ евреямъ и христіанскимъ народамъ, цивилизаціи и міровому хозяйству. Услуги, которыя желаютъ и могутъ оказать сіонисты, достаточно велики для оправданія надежды, что и христіанскій міръ оцѣнитъ ихъ и поддержитъ активной симпатіей.

Максъ Нордау.



Замѣтка о первоначальномъ накопленіи въ изображеніи Маркса.

I.

Самое извѣстное построеніе англійской соціальной исторіи принадлежитъ не историку. Его авторъ нисколько не интересовался критикой текстовъ и никогда не разбиралъ старинныхъ рукописей. Но и печатный матеріалъ, которымъ онъ пользуется для исторіи XV—XVII вѣковъ, чрезвычайно невеликъ. Нѣсколько цитатъ изъ Statutes of the Realm, нѣсколько выдержекъ изъ политическихъ памфлетовъ и экономическихъ трактатовъ, вотъ почти весь ученый аппаратъ для широкаго и смѣлаго построенія; ибо остальное—простыя мнѣнія писателей XVIII и, по большей части, XIX вѣка, въ глазахъ спеціалиста вовсе не имѣющія авторитета источниковъ. Самые важные, основные источники не существуютъ для автора: оставлены безъ вниманія юридическіе и сельскохозяйственные трактаты, судебные протоколы, отчеты управляющихъ, описи церковныхъ земель, парламентскія петиціи и многое другое. Казалось бы, это простое покушеніе съ негодными средствами. Но едва ли самый завзятый педантъ рѣшится на такое сужденіе, ибо эти пятьдесятъ страницъ одно изъ самыхъ вліятельныхъ произведеній исторической литературы. И даже спеціалистъ не имѣетъ никакого права обойти высокомѣрнымъ молчаніемъ 24 главу перваго тома „Капитала". Короткій бѣглый очеркъ, гдѣ такъ много недоказаннаго, неточнаго, даже невѣрнаго, дастъ ему вѣроятно, значительно больше, чѣмъ десять томовъ Роджерса или полемика Ашли и Лидэма: онъ возбуждаетъ мысль, съ большою силою выясняетъ философское и общественное значеніе детальной работы въ данной области, ставитъ ей цѣль и тѣмъ ободряетъ при скучныхъ и безчисленныхъ мелочахъ спеціальнаго изслѣдованія.

Мы попросимъ позволенія возстановить ходъ аргументаціи Маркса и остановиться на нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ, прежде чѣмъ перейти къ немногимъ общимъ замѣчаніямъ объ исторіи XV и XVI вѣка.

II.

Въ двадцать четвертой главѣ „Капитала" семь отдѣловъ. Первый и послѣдній даютъ широкія обобщенія, средніе пять посвящены болѣе детальному разсмотрѣнію различныхъ сторонъ процесса.

Немногими крупными и смѣлыми штрихами Марксъ набрасываетъ сильный очеркъ переворота, превратившаго общество феодальное въ общество капиталистическое. Поляризація товарнаго рынка лежитъ въ основѣ капиталистическаго производства. Она была создана двойнымъ процессомъ. Въ феодальную эпоху непосредственный производитель былъ крѣпокъ лицу, землѣ и цеху; онъ былъ постепенно освобожденъ отъ этой тройной крѣпости. Только это освободительное движеніе и существуетъ для буржуазныхъ историковъ-апологетовъ. Но, съ другой стороны, у освобожденныхъ были отняты всѣ сред

ства производства и существованія; и исторія ихъ экспропріаціи записана на страницахъ лѣтописей кровавыми и огненными чертами. Творцами новаго положенія были промышленные капиталисты, которые вели войну на два фронта, съ феодальными сеньерами и съ цеховыми мастерами, и остались побѣдителями по всей линіи. Капиталистическій строй не старше XVI вѣка, когда была заложена основа всего процесса, совершилось обезземеленіе крестьянъ. Оно получило классическую форму въ Англіи, и въ этомъ глубокій интересъ англійской аграрной исторіи XVI вѣка. Мы откладываемъ на нѣкоторое время свои общія замѣчанія, должны только особенно отмѣтить эту схему классовой борьбы. Передъ нами четыре класса. Два отступаютъ въ неравной борьбѣ, и обезземеленные крестьяне остаются лицомъ къ лицу со своими господами-освободителями.

Исторіи обезземеленія посвященъ самый обширный отдѣлъ главы. Чтобы справедливо оцѣнить его, нужно принять во вниманіе крайнюю скудость использованныхъ источниковъ и сознательное ограниченіе предмета изслѣдованія. Кто ссылается только на три - четыре статута, на Гаррисоновское описаніе Англіи и Бэконовскую исторію Генриха VII, кто ставитъ на одну доску довольнаго всѣмъ на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ на англійскомъ свѣтѣ, Фортескью и утописта Мора, кто принимаетъ безъ оговорокъ выводы тенденціознаго Коббета и ограниченнаго Роджерса, тотъ, конечно, не могъ разобраться въ страшно сложной исторіи крестьянскаго обезземеленія. Это было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что Марксъ заявляетъ открыто и сознательно: „Мы отвлекаемся здѣсь отъ чисто экономическихъ двигателей аграрной революціи. Мы спрашиваемъ только объ ея насильственныхъ рычагахъ“ (I, 688, 4 Auflage). Такимъ образомъ, онъ умышленно отстраняетъ всю мирную сторону дѣла и сосредоточивается на исторіи всякаго рода насилій. Онъ, конечно, былъ въ правѣ ограничить себя, какъ угодно, но, конечно, онъ этимъ лишилъ себя права на сужденіе обо всемъ процессѣ обезземеленія. Кто разсматриваетъ только насильственную сторону извѣстнаго ряда явленій, тотъ, конечно, не увидитъ въ немъ ничего, кромѣ насилія. Только значитъ ли это, что весь процессъ былъ сплошнымъ насиліемъ?—И, наконецъ, для правильности сужденія необходимо установить, что понимаетъ Марксъ подъ словами „насиліе, грабежъ, экспропріація“, ибо съ этими словами связываются весьма различныя понятія, и люди со скептическимъ направленіемъ мысли издавна видѣли въ строжайшей законности худшій, организованный видъ насилія. Марксъ тоже не проводитъ рѣзкой границы между грабежомъ на законномъ и на незаконномъ основаніи. Для него всякій рѣзкій переворотъ въ распредѣленіи средствъ производства есть экспропріація, хотя бы онъ произошелъ съ соблюденіемъ строгой законности. Общій парламентскій актъ объ огораживаніи въ его глазахъ есть государственный переворотъ, а частные билли объ огораживаніи общинныхъ земель (Bills for Enclosure of Commons) суть „декреты, которыми лэндлорды дарятъ себѣ народную землю въ частную собственность“ (690). Впрочемъ, эта оговорка имѣетъ силу только для XVIII и XIX вѣка, ибо обезземеленіе XV и XVI вѣка объявляется рядомъ грубыхъ, голыхъ насилій, съ нарушеніемъ неотмѣненныхъ никакимъ декретомъ правъ и съ попраніемъ самой элементарной законности (684, 686—7, 690).

Неосторожно слѣдуя за Фортескью, Коббетомъ, Торнтономъ и Роджерсомъ, Марксъ начинаетъ съ идиллическаго описанія „золотого вѣка“, изъ котораго англійскіе крестьяне были низвергнуты прямо въ желѣзный. Крѣпостное право исчезло въ концѣ XIV вѣка, а экспропріація началась въ концѣ XV вѣка. Англійскій крестьянинъ, такимъ образомъ, одинъ вѣкъ могъ вкушать блага свободы вмѣстѣ съ благами хозяйственной обезпеченности. Но лишь только поднялись цѣны на шерсть, новое поколѣніе феодальныхъ лэндлордовъ силою сгоняетъ крестьянъ съ ихъ земли и замѣняетъ ихъ овцами. Сейчасъ же, однако, Марксъ наталкивается на затрудненіе,—на рядъ актовъ противъ овцеводства. И,

не умѣя объяснить ихъ теоріей классовой борьбы, онъ прибѣгаетъ къ отвлеченнымъ терминамъ. Такъ какъ лэндлорды не могли испугаться произведеннаго ими переворота, и такъ какъ рыцари промышленности тоже едва ли имѣли основаніе бояться его, то этотъ испугъ выпадаетъ на долю „законодательства, которое еще не стояло на высотѣ Богатства народовъ". Безсиліе этихъ актовъ объясняется неумолимыми требованіями капиталистической эволюціи, хотя лэндлорды раньше были объявлены ея врагами, а участіе капиталистовъ въ обезземеленіи, представляющее, дѣйствительно, очень большой интересъ, остается совершенно незатронутымъ. Одни лэндлорды производятъ „колоссальное расхищеніе церковныхъ имѣній" и разграбленіе государственныхъ земель. Они же послѣ реставраціи перелагаютъ свою долю податного тягла на народную массу посредствомъ отмѣны феодальныхъ держаній. О союзѣ земельныхъ аристократовъ съ финансистами и мануфактуристами мы слышимъ только въ XVIII вѣкѣ, когда второй періодъ огораживаній и „очищеніе имѣній" довершили обезземеленіе крестьянъ.

Здѣсь почти каждое положеніе должно быть отвергнуто. Вилланство не кончилось въ XIV вѣкѣ: оно еще было живо въ XV вѣкѣ, и даже относительно XVI вѣка возможны сомнѣнія. Уже потому одному нельзя видѣть въ XV столѣтіи золотого вѣка англійскихъ крестьянъ. Исторія огораживаній XV и XVI вѣка еще не написана, и потому въ этой области невозможны еще рѣшительныя сужденія *). Но несомнѣнно, что лэндлорды были собственниками общинныхъ угодій (commons), и что крестьянское право конструируется лишь какъ сервитутъ, во многихъ случаяхъ подлежавшій уничтоженію. Столь же несомнѣнно, что лэндлорды имѣли много способовъ совершенно законнаго отобранія крестьянскихъ надѣловъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ огораживаніе производилось въ интересѣ самихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ значительной части крестьянъ, хотя все это нисколько не исключаетъ возможности многочисленныхъ и грубыхъ насилій. Развитіе пауперизма, подъ вліяніемъ Коббета и Роджерса, поставлено въ слишкомъ тѣсную связь съ реформаціей, ибо появленіе крупнаго фермерства и овцеводства, хотя въ меньшей степени, наблюдается и на церковныхъ манорахъ. Наоборотъ, Марксъ недостаточно подчеркнулъ участіе капиталистовъ всякаго рода,—и промышленныхъ и торговыхъ, въ „расхищеніи" церковныхъ земель. А оно доставило бы ему столь нужный для его схемы ранній примѣръ союза лэндлордовъ съ капиталистами. А то въ его изображеніи эти „рыцари промышленности", которые раньше были признаны творцами новаго порядка, не принимаютъ почти никакого участія въ дѣлѣ обезземеленія; послѣднее ведется у него всецѣло земельными аристократами, которые въ общей схемѣ перваго отдѣла занимаютъ неоговоренное и неясное мѣсто, или, можетъ быть, даже не занимаютъ никакого мѣста. Но всего досаднѣе маленькая ошибка относительно отмѣны феодальныхъ держаній. Она объявляется ловкимъ маневромъ лэндлордовъ, переложившихъ свою часть налога на рабочіе классы. На дѣлѣ знаменитый актъ Карла II былъ простымъ подтвержденіемъ актовъ республиканскаго парламента. Такимъ образомъ, это отягченіе податного бремени упадаетъ какъ разъ на тѣ годы, которые Марксъ признаетъ временемъ рѣзкаго улучшенія въ положеніи крестьянъ.

Законодательное воспитаніе освобожденнаго пролетаріата есть предметъ слѣдующаго отдѣла. Онъ говоритъ сначала о безработномъ, потомъ о рабочемъ пролетаріатѣ. Въ сильныхъ и яркихъ выраженіяхъ Марксъ раскрываетъ глубокую внутреннюю несправедливость законовъ о бродягахъ. Быстрое умноженіе бродягъ, нищихъ и разбойниковъ было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обезземеленія. Наряду съ экономическими условіями совершенно явственно вводится здѣсь психологическій факторъ: съ одной стороны, мо-

*) Молодой американскій ученый, E. F. Gay, готовитъ большую работу по этому вопросу; но она еще далеко не закончена.

лодая мануфактура не могла еще сразу поглотить всей массы быстро освобождавшагося пролетаріата, но, съ другой стороны, и вытолкнутые изъ привычной и стародавней обстановки не могли сразу примириться съ дисциплиной новаго строя и превращались въ „сильныхъ нищихъ" (valiant beggars) не только въ силу внѣшней необходимости, но и въ силу внутренней склонности. Кровавые, нерѣдко прямо безчеловѣчные статуты XVI вѣка упрямо видѣли въ этомъ навязанномъ бродяжничествѣ добровольное преступленіе и налагали за необходимое, неизбѣжное поведеніе самыя жестокія кары. А вошедшіе въ рамки новаго порядка рабочіе дисциплинировались путемъ систематическаго пониженія заработной платы и запрещенія рабочихъ союзовъ. Вліяніе классовой борьбы осложнилось дѣйствіемъ чисто экономическаго условія, быстраго роста товарныхъ цѣнъ, который не сопровождался пропорціональнымъ возвышеніемъ заработной платы и, слѣдовательно, тоже ухудшалъ положеніе рабочихъ.

Придирчивая критика можетъ указать на цѣлый рядъ детальныхъ ошибокъ: законы о бродягахъ начинаются не при Генрихѣ VII, и установленіе заработной платы мировыми судьями введено не при Елизаветѣ; свирѣпый статутъ перваго года Эдуарда VI былъ въ силѣ только два года, и статуты Якова I и Карла I установили не максимумъ, а минимумъ заработной платы. Но всѣ такія детальныя поправки не колеблютъ существа взглядовъ Маркса на рабочее законодательство Тюдоровъ и Стюартовъ. Его изложеніе открываетъ, однако, возможность и для болѣе опасныхъ и существенныхъ возраженій.

Когда Марксъ говоритъ о крестьянскомъ обезземеленіи, онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе только на лэндлордахъ. Въ его оцѣнкѣ рабочаго законодательства противъ рабочихъ стоитъ только буржуазія. Построенная такъ недавно мануфактура, у которой еще нѣтъ ни трубъ, ни высокихъ стѣнъ, сразу заслоняетъ собою столь древнее зданіе маноріальнаго замка. Говоря объ обезземеленіи, Марксъ указываетъ прямо, что онъ хочетъ разсмотрѣть только одну сторону дѣла. Въ послѣдующихъ отдѣлахъ онъ не дѣлаетъ такихъ оговорокъ, а между тѣмъ онѣ были совершенно необходимы. Въ этомъ переходномъ и спутанномъ періодѣ вездѣ онъ слѣдитъ только за однимъ рядомъ явленій, за ростомъ новаго порядка, за сформированіемъ различныхъ элементовъ капиталистическаго строя и производства. Но вѣдь новый порядокъ слагался въ обстановкѣ старыхъ отношеній, отчасти на развалинахъ маноріальнаго и городского хозяйства, отчасти по сосѣдству съ нимъ. Эти болѣе раннія общественныя и хозяйственныя организаціи были еще живучи; онѣ продолжали оказывать свою, весьма значительную, долю вліянія на ходъ общественнаго развитія; порожденный ими кругъ чувствъ, привычекъ и идеаловъ далеко еще не утратилъ своего обаянія и господства надъ общественнымъ сознаніемъ. Марксъ оставляетъ безъ вниманія эти задерживающіе, противодѣйствующіе или, если угодно, дѣйствующіе одновременно факторы соціальной эволюціи. Опять-таки, онъ имѣлъ полное право на такой пріемъ, чтобы прійти къ болѣе точному и острому анализу. Но, когда дѣло доходитъ до синтеза, и искусственно оставленные въ сторонѣ элементы не вводятся въ построеніе, объясненіе даннаго ряда явленій неизбѣжно выходитъ одностороннимъ и недостаточнымъ.

Оцѣнка рабочаго законодательства XV—XVI вѣка есть поучительный примѣръ. Въ статутахъ о рабочихъ и бродягахъ Марксъ видитъ только новость, продуктъ новой классовой борьбы, созданіе хищной буржуазіи, которой нужно было скорѣе дисциплинировать безпокойную массу пролетаріевъ для своихъ мануфактуръ и крупныхъ фермъ. Безумная жестокость многихъ постановленій объясняется исключительно безпощадностью классовой борьбы, безжалостною природою капитала, который, во что бы то ни стало, создаетъ прибавочную цѣнность.—На дѣлѣ нельзя понять этого законодательства, если не обратить вниманія на его глубокіе историческіе корни. Вѣдь длинный рядъ обязательныхъ для всей страны статутовъ о рабочихъ открывается знаменитымъ статутомъ Эдуарда III, когда буржуазія, въ смыслѣ Маркса, была еще только въ

зародышѣ. Основная тенденція этого закона глубоко реакціонная—не расчистить мѣсто для новаго порядка, а, наоборотъ,—искусственно продлить на нѣкоторое время жизнь отживающаго организма, поддержать расшатавшіеся устои городского и манoріальнаго хозяйства. Не индустріальные, а земледѣльческіе рабочіе занимаютъ первое мѣсто въ этомъ статутѣ, да и во многихъ позднѣйшихъ, XV, даже XVI вѣка. Главная цѣль статутовъ—обезпечить дешевую работу на старыхъ, привычныхъ условіяхъ цеховымъ мастерамъ и манoріальнымъ лордамъ, манoріальнымъ лордамъ больше всего.—Но и статутъ 1349 года вовсе не былъ совершенною новостью. Наоборотъ, и въ болѣе раннюю пору регламентація заработной платы, длины рабочаго дня, качества работы, размѣра производства была характерною чертою манoріальнаго и городского строя. Только, въ связи съ слабымъ развитіемъ государственности, это были не общіе, а мѣстные законы (bye-laws) или обычаи; но разница между ними есть разница въ подробностяхъ, а не въ существѣ дѣла.

Долговременное существованіе однихъ и тѣхъ же хозяйственныхъ отношеній и юридическихъ нормъ породило въ общественномъ сознаніи твердое убѣжденіе въ непреложности сложившагося строя, убѣжденіе въ томъ, что есть справедливая цѣна, предустановленныя состоянія, образъ жизни, приличный каждому состоянію, максимальный размѣръ производства и торговаго оборота, переходъ за который угрожаетъ опасностью всему общественному порядку. Разъ укоренившіяся воззрѣнія продолжали жить долго послѣ того, какъ исчезали или видоизмѣнялись породившія ихъ реальныя отношенія; а разъ они продолжали жить, они, въ качествѣ неизбѣжныхъ мотивовъ, опредѣляли собою поведеніе отдѣльныхъ лицъ и значительныхъ общественныхъ группъ, и, слѣдовательно, оказывали свою долю вліянія на развитіе общежитія. Нужно читать ученическія сочиненія этого способнаго школьника—короля, Эдуарда VI, чтобы наглядно представить себѣ, какъ сильны были еще средневѣковыя соціально-экономическія идеи въ очень вліятельныхъ общественныхъ кругахъ въ самый разгаръ аграрнаго переворота.

Мы видѣли, что Марксъ не даетъ опредѣленнаго объясненія многочисленнымъ статутамъ XV и XVI вѣка, которые пытались остановить развитіе овцеводства и поддержать приходившее въ упадокъ мелкое крестьянское хозяйство. Введеніе только что указаннаго психологическаго фактора во многомъ объясняетъ ихъ появленіе и ихъ безплодность. Косность соціально-политическаго сознанія необходимо принять во вниманіе и для вѣрной оцѣнки жестокаго законодательства о бродягахъ. Въ раздѣленной на клѣтки шахматной доскѣ манoріальнаго и городского строя, гдѣ не было земли безъ сеньера, каждому человѣку было опредѣлено свое мѣсто, занятіе и поведеніе. Дворянинъ, клерикъ, купецъ, ремесленникъ, крестьянинъ, нищій, злодѣй всякаго рода былъ ясенъ и не возбуждалъ недоумѣній. Но „сильный нищій", человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, безъ опредѣленнаго мѣстожительства, безъ опредѣленныхъ грабительскихъ намѣреній, казался загадкою и нарушителемъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Люди XV и XVI вѣка смотрѣли на него, вѣроятно, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ люди нашихъ дней недавно смотрѣли или еще смотрятъ на соціалиста. Непониманіе, недоразумѣніе въ значительной мѣрѣ объясняетъ „причудливо-террористическій" (702) характеръ этихъ статутовъ.

Всего двѣ страницы отведены „генезису фермеровъ-капиталистовъ". Это немного, особенно если „мы можемъ осязать рукою этотъ длинный процессъ, растянувшійся на много столѣтій". Неосторожно слѣдуя за Роджерсомъ, Марксъ различаетъ три стадіи въ развитіи фермерскаго хозяйства. Сначала крѣпостной бэлифъ, потомъ—съ половины XIV вѣка и на очень короткое время—арендаторъ съ хозяйскимъ инвентаремъ (stock

and land lease), наконецъ, фермеръ-капиталистъ. Въ другомъ мѣстѣ, однако, указывается еще одна стадія процесса. Когда Марксъ говоритъ о послѣдствіяхъ огораживанія общинныхъ угодій, онъ замѣчаетъ, съ обычною силою выраженія: „на мѣсто независимыхъ йоменовъ становятся держатели на волѣ лорда (tenants at will), небольшіе фермеры съ годичнымъ контрактомъ, раболѣпная орда, во всемъ зависѣвшая отъ произвола лэндлорда“ (690). Не замѣчая этого противорѣчія, Марксъ въ четвертомъ отдѣлѣ говоритъ только о фермерахъ—капиталистахъ. Они не сразу становятся вліятельнымъ общественнымъ классомъ. Лишь аграрная революція обогащаетъ ихъ такъ же быстро, какъ она разоряетъ крестьянскую массу. Особенное значеніе придается революціи цѣнъ, которая въ соединеніи съ долгосрочностью арендныхъ контрактовъ быстро умножила фермерскіе капиталы. Арендная плата неподвижна, заработная плата падаетъ, цѣны на всѣ земледѣльческіе продукты быстро подымаются. Въ результатѣ фермеръ быстро наживается на счетъ своихъ рабочихъ и своего лэндлорда.

О краткости изложенія приходится пожалѣть тѣмъ болѣе, что по общей схемѣ фермеры вмѣстѣ съ капиталистами были создателями капиталистическаго строя и потому, казалось бы, заслуживали болѣе внимательнаго отношенія. Но трудно и обвинять Маркса. Въ своихъ пособіяхъ (его главный, но очень ненадежный авторитетъ здѣсь Роджерсъ) онъ не могъ найти много свѣдѣній по этому вопросу. Не надо только было говорить, что мы можемъ явственно осязать развитіе фермерскаго хозяйства. Даже теперь эта сложная и важная исторія еще не написана. Чтобы написать ее, нужно прочесть и внимательно проанализировать десятками, сотнями томовъ протоколы маноріальныхъ курій и отчеты управляющихъ, по возможности свести въ общія таблицы данныя по развитію аренды въ отдѣльныхъ манорахъ. Никто еще не выполнилъ этой работы. А между тѣмъ здѣсь несомнѣнно одинъ изъ срединныхъ узловъ соціальнаго процесса и, вѣроятно, одно изъ существенныхъ затрудненій для историческаго построенія Маркса. Уже при настоящемъ запасѣ нашихъ знаній можно указать на этихъ двухъ страницахъ нѣсколько неточностей. Мелкая крестьянская аренда такъ же стара, какъ и аренда бэлифа. Аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ исчезаетъ совсѣмъ не такъ скоро, какъ думалъ Роджерсъ: много случаевъ ея встрѣчается въ XV, даже въ XVI вѣкѣ. Долгосрочность и неподвижность условій держанія вовсе не составляютъ характерной черты арендныхъ контрактовъ; эти условія въ гораздо большей степени были присущи такъ называемому фригольду и копигольду. И отъ быстраго повышенія цѣнъ уцѣлѣвшіе крестьяне-землевладѣльцы, съ ихъ неподвижной „рентой“, должны были выиграть больше, чѣмъ фермеры.

И опять-таки эти поправки представляются мелочными въ сравненіи съ однимъ капитальнымъ затрудненіемъ. Какое право имѣемъ мы связывать всѣхъ фермеровъ въ одинъ общественный классъ и приписывать ему стремленія, совершенно сходныя съ классомъ промышленныхъ капиталистовъ, по отношенію къ которымъ возникаетъ, впрочемъ, такой же вопросъ о дифференціаціи? Мы получимъ такое право только тогда, если установимъ соціальный составъ класса фермеровъ, размѣръ и организацію фермерскихъ хозяйствъ. Это еще не сдѣлано. Правда, уже и теперь имѣются данныя о быстромъ вторженіи крупнаго городского капитала въ деревню и въ сельское хозяйство. И нужно удивляться, что Марксъ не обратилъ вниманія на эти явленія, которыя какъ нельзя лучше укладываются въ его общую схему. Онъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто весь фермерскій капиталъ накопленъ въ деревенской обстановкѣ, на счетъ батраковъ и лэндлордовъ. На дѣлѣ, лишь только овцеводство, а позже и хлѣбопашество стало давать хорошій барышъ, городской капиталъ, торговый, ростовщическій, промышленный, потекъ въ деревню широкой волной. Проповѣди и сатирическія стихотворенія, статуты и парламентскія петиціи полны негодующихъ жалобъ на ниспроверженіе богоустановленнаго порядка, на появленіе въ деревнѣ купцовъ и шерстяни-

ковъ, которые иногда мечтаютъ превратиться въ благородныхъ и заражаютъ своимъ спекулятивнымъ духомъ настоящихъ джентльмэновъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ можно найти и точныя, цифровыя данныя о перемѣщеніи части городского капитала въ сельскохозяйственное производство.—Но какъ ни важно это явленіе, оно, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, еще не поддается количественному учету; взаимное отношеніе мелкой, средней и крупной аренды остается невыясненнымъ. Самъ же Марксъ утверждаетъ, что во многихъ случаяхъ обезземеленіе крестьянъ приводило не къ насажденію крупныхъ хозяйствъ, а къ появленію „мелкихъ арендаторовъ, во всемъ зависѣвшихъ отъ произвола лэндлордовъ". Вліяніе такихъ арендаторовъ на общественное развитіе было едва ли тождественно съ вліяніемъ крупныхъ фермеровъ-капиталистовъ. И если въ настоящее время деревня доставляетъ такъ много хлопотъ правовѣрнымъ защитникамъ соціологической теоріи „Капитала", то они, при дальнѣйшихъ успѣхахъ историческаго изученія, встрѣтятъ тамъ, конечно, не меньше затрудненій въ ту эпоху, когда соціальное могущество крупнаго производства было установлено еще далеко не такъ прочно.

Отдѣлъ объ „обратномъ воздѣйствіи аграрной революціи на промышленность и созданіи внутренняго рынка для промышленнаго капитала", вѣроятно, возбуждаетъ всего меньше возраженій. Только здѣсь эволюціонная точка зрѣніе получаетъ весьма значительное мѣсто. Основная мысль въ томъ, что капиталъ вовсе не обладаетъ даромъ творить чудеса и создавать изъ ничего. Организованное капиталомъ крупное производство есть въ началѣ простое объединеніе независимыхъ раньше мелкихъ хозяйствъ, а впослѣдствіи—объединеніе этихъ хозяйствъ въ связи съ разъединеніемъ ихъ хозяйственныхъ функцій. Марксъ дѣлаетъ, однако, весьма существенную оговорку. Чтобы объяснить быстрый ростъ промышленности и ея постепенное отдѣленіе отъ земледѣлія, совершенно необходимо допустить значительный подъемъ агрономической техники и производительности земледѣльческаго труда; и этотъ подъемъ можно объяснить только организующей, созидающей силой крупнаго капитала. Впервые въ двадцать четвертой главѣ капиталъ появляется не въ качествѣ отрицательной категоріи чистаго насилія, а въ качествѣ положительной, созидающей силы.

Чтобы объяснить возможность существованія обезземеленнаго пролетаріата, необходимо допустить, что меньшее число земледѣльческихъ работниковъ, благодаря повысившейся производительности ихъ труда, вырабатывало прежнее или даже большее количество сырья; иначе мануфактурамъ нечего было бы обрабатывать, а ихъ рабочимъ нечего было бы ѣсть и не во что одѣваться. Но разъ это допущеніе сдѣлано, становится яснымъ появленіе и постоянной, и перемѣнной части промышленнаго капитала. Созданіе внутренняго рынка и отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія представляетъ лишь другую сторону того же самаго процесса: сельская индустрія, существовавшая въ качествѣ подсобнаго промысла, не выдерживаетъ непосильной конкуренціи и все больше и больше уступаетъ мѣсто крупному производству. И здѣсь, однако, Марксъ становится на эволюціонную точку зрѣнія. Онъ допускаетъ, что собственно мануфактурный періодъ еще не приводитъ къ радикальному перевороту, и что до самаго конца онъ покоится, въ значительной мѣрѣ, на городскомъ ремеслѣ и деревенской домашней индустріи. Въ послѣдней, однако, происходитъ весьма существенное видоизмѣненіе: раньше мелкій промыселъ былъ подсобнымъ занятіемъ къ земледѣлію, теперь земледѣліе становится подсобнымъ занятіемъ къ домашней системѣ крупной промышленности. Въ долговременной связи земледѣлія съ индустріей нужно видѣть причину того, почему англійскіе крестьяне оставались значительнымъ общественнымъ классомъ долго послѣ аграрной революціи XV и XVI вѣка. Только промышленный переворотъ XVIII и XIX вѣка окончательно уничтожилъ этотъ классъ и довершилъ отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія.

Намъ теперь не очень легко оцѣнить важность этихъ выводовъ Маркса. До такой степени многіе изъ нихъ вошли въ общественное или, по крайней мѣрѣ, научное сознаніе и сдѣлались общимъ мѣстомъ позднѣйшей исторической и экономической литературы. Конечно, и по отношенію къ нимъ возможны возраженія. Едва ли позволительно говорить о непрерывномъ сокращеніи деревенской индустріи. Если сравнить ея размѣры и соціальное значеніе въ XV и XVI вѣкѣ съ одной стороны, въ XVII и XVIII вѣкѣ съ другой, то, конечно, второй періодъ окажется періодомъ ея расцвѣта. Трудно также объяснять долговѣчность англійскаго крестьянства только тѣсною связью земледѣлія съ индустріею; для этого нужно было бы доказать повсемѣстность такой связи въ крестьянской средѣ, а это болѣе чѣмъ сомнительно.

Но спорность этихъ положеній наноситъ небольшой ущербъ глубокой важности и значительности построеній Маркса въ этомъ отдѣлѣ.

Въ „генезисѣ промышленника-капиталиста" революціонная точка зрѣнія снова получаетъ рѣшительное преобладаніе. Лейтмотивъ этого напоеннаго сарказмомъ и негодованіемъ отдѣла гласитъ: tantae molis erat Romanam condere gentem. Именно здѣсь мы находимъ знаменитый афоризмъ: „Насиліе есть повивальная бабка каждаго стараго общества, которое чревато новымъ. Оно само есть экономическая потенція" (716). Предоставляя „отвратительному торговцу политическимъ лицемѣріемъ" (это бѣдный Беркъ) и „филантропу" Идену (sir F. Eden) менѣе мрачныя стороны капиталистическаго строя, Марксъ предпочитаетъ сосредоточиться на насильственной сторонѣ переворота. И онъ достигаетъ цѣли: шестой отдѣлъ двадцать четвертой главы одно изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ „Капитала". Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь касаться всего содержанія этихъ замѣчательныхъ страницъ: онѣ уводятъ насъ далеко за предѣлы соединеннаго королевства и XVI вѣка. Мы можемъ говорить лишь о немногихъ пунктахъ.

Конечно, даже при большомъ увлеченіи, насильственную точку зрѣнія нельзя было провести во всей чистотѣ, и существенныя уступки были необходимы. Такъ, Марксъ допускаетъ, что младенчество капиталистическаго производства было временемъ медленной и сравнительно мирной эволюціи. Вполнѣ возможно, что многіе цеховые мастера, независимые мелкіе ремесленники и даже простые рабочіе превращались постепенно сначала въ маленькихъ, а потомъ и настоящихъ капиталистовъ. Но онъ настаиваетъ, что общественная роль такого промышленнаго капитала была совершенно незначительна въ сравненіи съ ролью торговаго и ростовщическаго капитала, которому открытія XV и XVI вѣка предоставили самое широкое поприще. Онъ видитъ доказательство въ ожесточенной борьбѣ, которую старые города, представители отживавшихъ отношеній, вели съ новыми мануфактурами, которыя по большей части воздвигались въ привилегированныхъ портахъ или въ деревнѣ, подальше отъ стараго городского порядка и цеховаго контроля.

Эта борьба едва ли рѣшаетъ вопросъ о сравнительномъ значеніи промышленнаго, торговаго и ростовщическаго капитала. Родные сыновья средневѣковаго города легко могли стать непокорными сыновьями: разбогатѣвшіе мастера и ремесленники должны были почувствовать себя неловко въ тѣсной обстановкѣ стариннаго города и должны были искать болѣе свободнаго поля дѣйствій. А примѣры весьма значительныхъ промышленныхъ предпріятій мы встрѣчаемъ раньше эпохи великихъ открытій, уже въ XV вѣкѣ. Но указанная Марксомъ борьба чрезвычайно важна въ другомъ отношеніи, ибо она очень усложняетъ картину классовой борьбы мануфактурнаго періода. Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ наряду съ фермерами и рабочими мы должны постоянно имѣть въ виду лэндлордовъ и крестьянъ-хозяевъ, такъ въ индустріи противъ промышленника-капиталиста стояли цехи стариннаго города. Точно такъ же невозможно думать, чтобы

весь торговый и ростовщическій капиталъ былъ творцомъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній: мелкіе лавочники и мелкіе ростовщики, наоборотъ, стояли въ рядахъ старогородского люда и составляли противовѣсъ побѣдному шествію капитализма.

Но уступки необходимы не только для младенческаго періода капиталистическихъ отношеній: безъ нихъ не обойдешься и въ дальнѣйшихъ стадіяхъ. И Марксъ дѣлаетъ ихъ. Онъ говоритъ, что въ Англіи къ концу XVII вѣка различные моменты первоначальнаго накопленія, дотолѣ раздѣленные между разными странами, были сведены въ стройную систему: колоніальная политика, государственный кредитъ, усиленное обложеніе, протекціонизмъ. Только колоніальную политику онъ считаетъ возможнымъ вывести изъ грубѣйшаго насилія. Всѣ остальные методы накопленія только частью покоятся на насиліи. При этомъ нужно имѣть въ виду, что Марксъ понимаетъ здѣсь слово „насиліе" въ условномъ смыслѣ. Всѣ они пользовались государственною властью, концентрированнымъ и организованнымъ общественнымъ насиліемъ для того, чтобы тепличнымъ путемъ ускорить превращеніе феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сократить переходы (716). Нечего и говорить, что онъ останавливается лишь на насильственной сторонѣ процесса.

И вотъ мы пришли къ тремъ знаменитымъ страницамъ объ „исторической тенденціи капиталистическаго накопленія".

Прежнія оговорки устранены, и суровый приговоръ выносится первоначальному накопленію въ его цѣломъ. Первоначальное накопленіе есть или простая перемѣна формы, или простая экспропріація непосредственныхъ производителей, и ничего болѣе. Либо рабы и крѣпостные непосредственно превращаются въ наемныхъ рабочихъ, либо основанная на личномъ трудѣ частная собственность подвергается уничтоженію. Это все.

Принадлежащее работнику право собственности на средства производства лежитъ въ основѣ мелкаго производства. Послѣднее возможно и при рабствѣ, и при крѣпостничествѣ. Но своего полнаго расцвѣта, своей классической формы оно достигаетъ лишь тогда, когда работникъ есть свободный частный собственникъ своихъ условій производства. Воображеніе Маркса занято легендой о золотомъ пятнадцатомъ вѣкѣ.

Но мелкое производство обречено на неизбѣжную ограниченность, исключаетъ свободное развитіе производительныхъ общественныхъ силъ. Желать увѣковѣчить его значило бы „декретировать всеобщую посредственность". Мы снова слышимъ о созидающемъ, творческомъ дѣйствіи крупнаго производства и организующаго это производство промышленнаго капитала. Благодаря крупному производству становится возможною концентрація средствъ производства, кооперація, раздѣленіе труда, общественное господство надъ природою. Но установленіе новаго строя, будто бы, возможно только подъ условіемъ полнаго искорененія мелкаго производства и связанной съ нимъ мелкой собственности. „На извѣстномъ уровнѣ этотъ способъ производства порождаетъ матеріальныя средства своего собственнаго уничтоженія... Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ подвергается уничтоженію... Экспропріація непосредственныхъ производителей производится съ безпощаднѣйшимъ вандализмомъ, подъ вліяніемъ самыхъ позорныхъ, грязныхъ, отвратительныхъ страстей".

Но процессъ экспропріаціи не останавливается на экспропріаціи непосредственныхъ производителей. Процессъ идетъ все дальше и дальше, захватываетъ все болѣе широкіе круги производства, все больше и больше упрощаетъ общественный строй. Его близкій завершительный актъ не представитъ никакихъ трудностей. Это простое отрицаніе отрицанія.

III.

Мы получили теперь право сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія. Мы коснемся только трехъ пунктовъ.

Черезъ какія основныя стадіи развитія прошло англійское общество въ своей исторіи?

Въ отдѣлѣ первомъ экономическая структура капиталистическаго общества выводится изъ экономической структуры общества феодальнаго.

Въ отдѣлѣ седьмомъ капиталистическому строю предшествуетъ мелкое производство и общество свободныхъ мелкихъ собственниковъ. Но феодальный строй не есть порядокъ мелкаго производства и свободныхъ мелкихъ собственниковъ. Феодальный строй въ болѣе раннюю эпоху характеризуется преобладаніемъ деревни надъ городомъ, въ болѣе позднюю—значительнымъ разобщеніемъ города и деревни. Только про городъ можно говорить о мелкомъ производствѣ и многочисленныхъ мелкихъ собственникахъ. Въ деревнѣ, въ манорахъ, мы находимъ въ юридической области широкое распространеніе крѣпостной зависимости, въ хозяйственномъ быту постоянное и прочное соединеніе мелкаго хозяйства съ крупнымъ.

Мы не будемъ, однако, упрекать Маркса въ очень рѣзкомъ противорѣчіи. И въ первомъ отдѣлѣ онъ говоритъ, что освобожденіе зависимыхъ классовъ завершилось раньше капиталистической эры, раньше быстрыхъ успѣховъ крупнаго производства. Значитъ, есть возможность помѣстить классическую форму мелкаго производства въ тѣсный промежутокъ между капиталистической эрой и послѣдними моментами освобожденія зависимыхъ классовъ отъ феодальной крѣпости. Съ формальной стороны противорѣчіе въ значительной мѣрѣ сглаживается. Но тутъ является реальное затрудненіе съ золотымъ пятнадцатымъ вѣкомъ и съ капиталистической эрой. Съ одной стороны, раскрѣпощеніе рабочихъ классовъ и разложеніе манорiальнаго строя совершилось значительно позже, чѣмъ это думалъ Роджерсъ; съ другой стороны, крупныя промышленныя предпріятія и даже фермы можно встрѣтить нѣсколько раньше, чѣмъ это думалъ Марксъ. Манорiальный бэлифъ, заправлявшій большимъ доманiальнымъ хозяйствомъ, и крупный мануфактуристъ, конечно, не одинъ разъ подавали руку другъ другу.

Марксъ преувеличилъ чистоту порядка, основаннаго на мелкомъ производствѣ, и преуменьшилъ долговѣчность феодальнаго строя и, что главное, его воздѣйствіе на дальнѣйшее общественное развитіе. Онъ, конечно, хорошо зналъ существо манорiальнаго строя, но врядъ ли достаточно оцѣнилъ его мѣсто въ англійской исторіи. Капиталистическій періодъ послѣдней останется неяснымъ, если мы не будемъ восходить къ Эдуарду I и даже къ норманскому завоеванію. Ибо только изученіе феодальнаго періода даетъ ключъ къ пониманію соціальной роли лэндлордовъ и крестьянъ-собственниковъ, т. е. двухъ классовъ, игравшихъ весьма значительную роль въ капиталистическій періодъ англійской исторіи.

Извѣстно, какіе горячіе споры даже въ наши дни возбуждаетъ вопросъ о сравнительной силѣ мелкаго и крупнаго производства. По отношенію къ прошлому слишкомъ рѣзкое разграниченіе этихъ формъ производства во времени является еще менѣе законнымъ. Марксъ, правда, не разъ говоритъ о долговѣчности мелкаго производства и его упорной борьбѣ за существованіе. Возраженіе поэтому относится больше къ искусственной простотѣ обобщающихъ схемъ. Экономическое строеніе общества всегда было очень сложнымъ, и можно говорить лишь о значительномъ преобладаніи той или другой формы производства. Такъ, есть основанія утверждать, что въ XII и XIII вѣкѣ преобладала феодальная двоица, въ XV вѣкѣ мелкое хозяйство, въ XIX вѣкѣ крупное производство.

Какъ шла классовая борьба?

Мы отмѣтили въ первомъ отдѣлѣ общую схему классовой борьбы: промышленники-капиталисты вступаютъ въ борьбу съ феодальными сеньерами и цеховыми мастерами, оттѣсняютъ тѣхъ и другихъ, сначала освобождаютъ рабочіе классы, потомъ порабощаютъ ихъ себѣ. Это опять-таки общая схема. Она никогда не обнимаетъ всѣхъ част-

ностей, и къ ней нельзя предъявлять педантическихъ требованій. Но ея значеніе быстро уменьшается, если значительно растетъ кругъ незахваченныхъ ею явленій.

Марксъ самъ хорошо сознавалъ узость своей схемы и въ разныхъ мѣстахъ вводилъ въ нее поправки. Въ детальномъ изложеніи у него уже нѣтъ рѣчи о побѣдѣ промышленниковъ-капиталистовъ надъ лэндлордами. Наоборотъ, одни лэндлорды выполняютъ у него дѣло крестьянскаго обезземеленія и остаются до послѣдняго времени могущественною общественною силою. Онъ даже преуменьшилъ роль крупнаго промышленнаго капитала въ крестьянскомъ обезземеленіи и развитіи крупной аренды. Это существенная поправка, видоизмѣняющая все построеніе общественнаго развитія. Мануфактуристы не одолѣли лэндлордовъ, которые все еще принимаютъ участіе въ классовой борьбѣ. Конечно, соціально-экономическое значеніе послѣдняго класса претерпѣло весьма существенныя перемѣны; но даже въ наши дни роль представителей крупнаго землевладѣнія все еще не совпадаетъ съ ролью представителей крупной промышленности.

Марксъ самъ указываетъ, что и побѣда мануфактуристовъ надъ цеховыми мастерами не была скорою и полною, что вплоть до новѣйшаго промышленнаго переворота экономическій строй въ значительной мѣрѣ покоился на городскомъ ремеслѣ. А разъ это такъ, значитъ городскіе мастера и ремесленники еще въ XVIII вѣкѣ представляли важную силу, противодѣйствовавшую успѣхамъ капитализма.

Марксъ дѣлаетъ оговорки и относительно крестьянъ. Аграрный переворотъ XVI вѣка обезземелилъ далеко не всю крестьянскую массу. Правда, крестьяне, по его мнѣнію, уцѣлѣли до XIX вѣка только благодаря тому, что они все больше и больше опирались на свой неземледѣльческій промыселъ, постепенно превращались въ рабочихъ домашней системы крупной промышленности. Но это положеніе есть одинъ изъ слабыхъ пунктовъ общаго построенія, ибо среди крестьянъ еще долго сохранялся значительный процентъ чистыхъ хлѣбопашцевъ. Это новый усложняющій элементъ классовой борьбы. Наблюденіе Маркса цѣнно, однако, въ другомъ отношеніи, ибо оно вноситъ важную поправку въ представленіе схемы о „рабочемъ пролетаріатѣ". Далеко не всѣ промышленные рабочіе превратились сразу въ безземельныхъ пролетаріевъ; многіе прошли черезъ переходную стадію, гдѣ неземледѣльческій промыселъ находился въ связи съ земледѣліемъ. Внутри самого рабочаго класса существуютъ въ мануфактурномъ періодѣ группы съ различнымъ хозяйственнымъ положеніемъ, съ различными стремленіями; онѣ не могли играть тождественной роли въ классовой борьбѣ.

Наконецъ, у Маркса замѣчаются колебанія во взглядѣ на фермеровъ. Наряду съ крупными фермерами онъ допускаетъ мелкихъ арендаторовъ, которые вполнѣ зависѣли отъ лэндлордовъ и составляли особую общественную группу. И такое различеніе отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣла. И классъ фермеровъ приходится дѣлить на группы, хотя взаимное отношеніе ихъ при теперешнихъ свѣдѣніяхъ остается неяснымъ.

Такимъ образомъ, ходъ классовой борьбы очень усложняется. Вмѣсто побѣды крупныхъ промышленниковъ надъ лэндлордами и цеховыми мастерами и порабощенія обезземеленныхъ крестьянъ, мы получаемъ рядъ перемѣнчивыхъ сочетаній изъ очень значительнаго числа элементовъ. Что же остается отъ общей схемы? Значитъ, она невѣрна? Нѣтъ, ее нельзя назвать невѣрной; мы знаемъ и видимъ, что капиталисты-промышленники оттѣснили цеховыхъ мастеровъ, а отчасти и лэндлордовъ, и въ значительной мѣрѣ подчинили себѣ обезземеленныхъ рабочихъ. Значитъ, она вѣрна? Тоже нѣтъ, ибо въ нее необходимо внести многочисленныя поправки, очень сильно видоизмѣняющія ея смыслъ.

Это просто значитъ, что сложный историческій процессъ никогда не уложится въ рамки одной простой и ясной формулы. Схема въ концѣ-концовъ передаетъ больше результатъ, чѣмъ ходъ развитія.

Есть ли первоначальное накопленіе простое насиліе и ничего болѣе?

Мы сталкиваемся здѣсь съ философской стороной дѣла, съ вопросомъ о правомѣрности эволюціонной и революціонной точки зрѣнія въ историческомъ изслѣдованіи. Къ сожалѣнію, катастрофическая точка зрѣнія доселѣ преобладаетъ въ литературѣ по англійской соціальной исторіи XIV—XVI вѣка. Англійскому соціальному развитію приписывается чрезвычайно неровный темпъ: то очень быстрый, то очень медленный. Его опредѣляющими факторами объявляются часто случайныя или, во всякомъ случаѣ, внезапныя катастрофы: черная смерть, возстаніе Уота Тайлера, порча монеты при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI, внезапный наплывъ серебра и золота, быстрое расхищеніе церковныхъ земель.

Можно ли упрекать Маркса въ защитѣ устарѣвшаго міровоззрѣнія? Вѣдь „Капиталъ" едва ли менѣе какой бы то ни было другой книги содѣйствовалъ утвержденію эволюціонной точки зрѣнія въ научномъ сознаніи. Да, но въ то же время эта точка зрѣнія тѣсно переплетается тамъ съ революціонною. Въ двадцать четвертой главѣ это сказывается, вѣроятно, яснѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ „Капитала". Марксъ усиленно настаиваетъ здѣсь и на очень быстромъ темпѣ общественныхъ перемѣнъ, на скачкахъ развитія, и на творческой роли насилія.

Мы уже не разъ указывали на необходимость раздвинуть хронологическіе предѣлы переворота. Законы о рабочихъ появляются при Эдуардѣ III, законы о бродягахъ при Ричардѣ II. Мелкая крестьянская аренда встрѣчается уже въ XIV вѣкѣ, а юридическія основы огораживаній устанавливаются еще раньше. Уже XV вѣкъ былъ временемъ быстраго развитія шерстяной промышленности; тогда же мы встрѣчаемся и съ рабочимъ вопросомъ, и нерѣдко въ довольно острой формѣ. Нечего особенно настаивать на томъ, что переворотъ далеко не закончился въ XVI вѣкѣ: это охотно допускаетъ и самъ Марксъ.

Мы не имѣемъ ни малѣйшей склонности отрицать значительную роль насилія въ соціальной эволюціи XV—XVI вѣка. Совершенно несомнѣнно, что въ XV—XVI вѣкѣ произошелъ крупный переворотъ въ распредѣленіи средствъ производства, положившій основу капиталистическому порядку. И у чистаго, „грубѣйшаго" насилія было свое мѣсто въ переворотѣ. Но несомнѣнно, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ „организованнымъ", юридическимъ насиліемъ. Въ очень важныхъ случаяхъ это былъ, если угодно, „государственный переворотъ", т. е. рѣзкое и быстрое уничтоженіе исконныхъ, вѣковыхъ юридическихъ нормъ и хозяйственныхъ отношеній. Таковъ, несомнѣнно, былъ характеръ юридическихъ прикрытій секуляризаціи, всѣхъ этихъ парламентскихъ актовъ, королевскихъ пожалованій, купчихъ крѣпостей и арендныхъ контрактовъ. Но самая важная часть процесса „экспропріаціи", именно обезземеленіе крестьянъ, прошла, въ общемъ, безъ нарушенія господствовавшихъ правовыхъ нормъ и понятій. Экспропріаторы, конечно, иногда просто прогоняли крестьянъ силою. Но къ чему было имъ прибѣгать къ такому крайнему средству? Они находили твердую точку, съ одной стороны, въ Мертонскомъ и Уестминстерскомъ статутахъ, которые восходятъ къ XIII вѣку, съ другой стороны, въ маноріальномъ обычаѣ, который во многихъ случаяхъ нужно признать еще болѣе древнимъ. Рабочее законодательство эпохи всего болѣе возмущаетъ наше нравственное чувство; но и въ немъ нельзя видѣть только проявленіе обострившейся и безпощадной классовой борьбы: съ одной стороны, оно имѣетъ глубокіе историческіе корни, съ другой, оно вытекаетъ изъ непониманія.

А кромѣ того, широкое распространеніе насилія не должно закрывать намъ глаза на болѣе мирную и спокойную часть переворота. Промышленному и фермерскому капиталу не нужно было дожидаться завершенія экспропріаціи, чтобы раскрыть „производительныя силы общественной работы". Самъ Марксъ не отрицаетъ того, что часть про-

мышленнаго капитала обязана своимъ происхожденіемъ „собственности, основанной на личномъ трудѣ“. Несмотря на отрывочный характеръ нашихъ свѣдѣній, мы имѣемъ право утверждать, что и часть фермеровъ вышла изъ крестьянской среды, путемъ медленнаго и, конечно, не всегда хищническаго процесса. Но особенно осторожнымъ нужно быть въ сужденіи объ огораживаніяхъ XVI вѣка. Наши свѣдѣнія о нихъ невелики. У насъ нѣтъ ничего похожаго на точную статистику, да и едва ли она вообще возможна. Важнѣйшіе изъ появившихся въ печати матеріаловъ были изданы только въ самое послѣднее время и еще не изучены. Но и теперь ясна полная ошибочность мнѣнія, будто всякое отдѣльное огораживаніе есть захватъ лэндлордомъ всей территоріи манора и обезземеленіе всѣхъ крестьянъ. Характерной чертой огораживаній было не столько уничтоженіе, сколько сокращеніе площади крестьянскаго землевладѣнія. Въ разныхъ манорахъ оно принимало весьма различные размѣры. Нерѣдко огораживаніе производилось по соглашенію лэндлорда съ крестьянами, изрѣдка даже по просьбѣ держателей. Въ такихъ случаяхъ едва ли можно говорить о значительной урѣзкѣ крестьянской земли; отличительной чертой является тогда гораздо больше замѣна крестьянской общины частнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ.

И, наконецъ, если изобразитель переворота хочетъ соблюсти перспективу, онъ не имѣетъ права пренебрегать и тѣми сторонами общественнаго строя, которыя не претерпѣли существенныхъ измѣненій, остались за границами „первоначальнаго накопленія“. Въ такомъ положеніи въ Англіи XVI вѣка была значительная часть крестьянъ и горожанъ. „Декреты, которыми лэндлорды дарили себѣ народную землю“ въ XVIII и XIX вѣкѣ, свидѣтельствуютъ, что въ половинѣ XVIII вѣка тысячи приходовъ оставались еще неогороженными. Капиталъ долго еще встрѣчалъ значительную площадь противодѣйствія; силы воюющихъ сторонъ были болѣе уравновѣшены, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху. Марксъ не оставилъ безъ вниманія эти сравнительно неподвижные элементы процесса. Но онъ отвелъ имъ недостаточное мѣсто въ своей общей картинѣ.

Александръ Савинъ.

Школьныя литературныя общества 20-хъ г.г. XIX в.

Наша старая школа гораздо лучше, чѣмъ современная, умѣла воспитывать въ своихъ питомцахъ широкіе и глубокіе литературные интересы. Этому способствовали—школьные журналы, литературныя бесѣды и общества, всегда находившія сочувствіе и поддержку у тогдашняго школьнаго начальства. Со страницъ рукописныхъ журналовъ многіе изъ юныхъ писателей переходили прямо, не покидая школьной скамьи, въ лучшіе изъ тогдашнихъ литературныхъ журналовъ: между школой и журналистикой намѣчалась тѣсная связь, которая объяснялась какъ высотою литературныхъ интересовъ первой, такъ и наивностью общаго характера второй.

Давно бы пора выбрать изъ воспоминаній и старыхъ изданій матеріалы для характеристики этого любопытнаго явленія.

Это—дѣло будущаго, сложное и трудное. Пока мы обратимъ вниманіе читателя на два очень характерныхъ факта, разысканныхъ нами въ старыхъ журналахъ. Одинъ изъ нихъ тѣмъ болѣе важенъ, что пополняетъ скудныя вообще свѣдѣнія о годахъ ученія Грановскаго и началѣ его литературной дѣятельности. Оба они доказываютъ, насколько сильны были литературныя традиціи Московскаго Благороднаго Университетскаго Пансіона, и какъ онѣ вліяли на другія школы того времени. Кромѣ того, они опровергаютъ распространенное мнѣніе о раннемъ прекращеніи литературнаго общества при Пансіонѣ.

Въ „Дамскомъ Журналѣ" 1826 г. (XXII, 154—6) кн. Шашковъ напечаталъ небольшую статейку: „Общество Любителей Россійской Словесности въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ".

Для характеристики этого общества, о которомъ слѣдовало бы собрать всѣ возможныя свѣдѣнія, онъ даетъ такія черты.

„Не воспитанію ли, собственно, одолжены мы тѣми важными выгодами, тѣмъ сладостнымъ счастьемъ, которыя проливаются въ нѣдра семейства, въ душу отца и матери, когда юноша-сынъ, по прошествіи нѣкотораго времени, ихъ разлучившаго, является въ домъ родительскій и своими познаніями, своимъ благонравіемъ безмолвно говоритъ окружавшимъ его: „я буду вашею опорою, вашимъ утѣшеніемъ; общество пріобрѣтаетъ во мнѣ достойнаго сочлена, отечество—вѣрнаго слугу"? И что другое можетъ замѣнить сіи нетлѣнные плоды старательнаго воспитанія? На немъ, единственно на немъ зиждется слава, благоденствіе—всѣ добродѣтели царствъ и народовъ!

„Отцы и матери! посѣтите сію литературную бесѣду любезнаго юношества—и вы благословите истинное просвѣщеніе, умѣющее находить способъ и самое отдохновеніе дѣтей обращать имъ въ пользу, осыпанную розами удовольствія, и не терять минутъ, благопріятныхъ для развитія талантовъ, еще играющихъ своими ростками съ

тою веселостію, которая оживляетъ ребенка, бѣгающаго по зеленому лугу за весеннимъ мотылькомъ! Подражать взрослымъ есть врожденное побужденіе дѣтей. Судите же, какъ охотно подражаютъ юноши, воспитываемые въ храмѣ наукъ, мужамъ ученымъ, сидя, подобно имъ, вокругъ стола при постороннихъ зрителяхъ и читая произведенія своихъ мыслей, своихъ чувствованій предъ внимательными слушателями! Взирая на нѣжныя, румянцемъ покрытыя лица бесѣдующихъ, еще съ милою стыдливостью, еще съ непритворною скромностью, вы опять воздадите благодареніе просвѣщенію, ибо невольно скажете въ душѣ своей: „безъ помощи сего благотворнаго солнца какъ бы могли столь еще незрѣлые умы озарить себѣ путь въ лабиринтѣ мыслей и чувствованій—достоянія опытности"? Зато и въ ободреніи не имѣетъ недостатка сіе привлекательное общество: сверхъ того, что Господинъ Директоръ Пансіона всегда бываетъ при засѣданіяхъ общества, Господинъ Попечитель здѣшняго Университета удостоиваетъ оное своимъ посѣщеніемъ и—что еще ободрительнѣе и вѣрнѣе доставляетъ ему средства къ достиженію цѣли своей—по окончаніи чтенія дѣлаетъ вопросы по предметамъ онаго, съ своими замѣчаніями, требуя съ ласкою отца удовлетворительныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ съ тѣмъ большею пріятностью, чѣмъ внимательнѣе былъ къ занятіямъ воспитанниковъ ревностный ихъ Меценатъ. Да увѣнчаются сіи благородныя упражненія благородныхъ юношей наилучшимъ успѣхомъ къ чести мѣста и къ счастію родителей!"

Если отбросить шумиху громкихъ и чувствительныхъ фразъ—слѣдствіе укоренившейся литературной привычки, не исключавшей, однако, искренности увлеченія, останется нѣсколько характерныхъ и очень важныхъ подробностей для исторіи этого любопытнаго явленія: мы знакомимся съ внѣшней обстановкой засѣданія, узнаемъ о сочувствіи и даже непосредственномъ вмѣшательствѣ высшаго начальства, отношенія зрителей.

Другое извѣстіе („Дамскій Журналъ" 1828, VIII, 85—89: „О литературныхъ вечерахъ въ пансіонѣ г-на доктора Кистера") даетъ драгоцѣнныя черты для характеристики внутренняго строя подобныхъ обществъ. Оно интересно тѣмъ болѣе, что указываетъ на вліяніе Университетскаго Пансіона и заключаетъ въ себѣ юношеское стихотвореніе Грановскаго *).

„Нѣтъ сомнѣнія, что литературные вечера или бесѣды въ публичныхъ заведеніяхъ суть лучшее и вѣрнѣйшее средство къ развитію и усовершенствованію способностей въ юношахъ; умъ, талантъ и чувство ихъ имѣютъ въ такомъ случаѣ важный предметъ, заставляющій пренебрегать забавы дѣтства: они готовили труды свои на судъ публики (т. е. родителей, родственниковъ и знакомцевъ г-на содержателя)!.. Какое соревнованіе! какая старательность! какія усилія превзойти другъ друга между членами, составляющими литературное общество! какая радость и какая слава для того, кто удостоится избранія въ президенты! какъ рвется каждый воспитанникъ заслужить такія же почести! Примѣръ Университетскаго Благороднаго Пансіона доказываетъ сію пріятную истину—и вотъ одно изъ главныхъ преимуществъ публичнаго воспитанія. Мы имѣли удовольствіе быть при первомъ засѣданіи такого общества въ пансіонѣ г-на доктора Кистера, одномъ изъ знаменитѣйшихъ для мужескаго пола, и не могли довольно налюбоваться успѣхами членовъ-воспитанниковъ (наименуемъ ихъ къ утѣшенію принимающихъ въ немъ особенное участіе: секретарь Н. А. Баумгартъ; Н. П. Соловцовъ; М. В. Ханыковъ; А. Х. Миндереръ; А. Г. Путята; Н. М. Кондаковъ), читавшихъ собственныя сочиненія и переводы, въ прозѣ и стихахъ. Вотъ образчикъ сихъ послѣднихъ, писанныхъ воспитанникомъ-президентомъ общества **).

---

*) Объ экзаменахъ въ пансіонѣ Кистера (Грановскій получилъ серебряную медаль)—см. „Дамскій Журналъ", 1828, XIII, 29—31. Переводъ Грановскаго изъ „Лейпцигскаго Журнала Модъ": „Споръ врачей спасаетъ больного"—см. ibidem, XIV. 78—79.

**) Грановскимъ.

Страдалецъ.

Ужъ Весперъ пламенный горитъ подъ небесами,
Молчанье царствуетъ средь дремлющихъ полей;
Все спитъ. Одинъ брожу, бесѣдуя съ мечтами,
И сладостный покой бѣжитъ моихъ очей,
И въ сердцѣ нѣтъ его!.. Глубокою тоскою
Стѣсняется мой духъ; печаленъ и угрюмъ
Иду медлительно пустынною тропою,
Въ волненьи тягостномъ печальныхъ, мрачныхъ думъ:
Еще хочу узрѣть родимыя долины,
Послѣднее прости навѣки имъ сказать.
Ужъ болѣ не приду, безвѣстностью томимый,
Сюда о вѣчности, безсмертіи мечтать.
Простите навсегда, брега уединенья!
На вашихъ высотахъ я вечеромъ сидѣлъ
И съ тайной грустію, страданьемъ изнуренный,
На западъ пламенный задумчиво глядѣлъ;
Я зрѣлъ: свѣтило дня за горизонтъ спускалось,
И угасающій боролся день со тьмой;
Лучомъ трепещущимъ оно со мной прощалось,
И медленно текло, и скрылось за горой.
Но завтра вновь взойдетъ надъ спящею землею,
И озарится вновь туманный небосклонъ;
Природа оживетъ съ улыбкой и красою,
Но я не оживу. Предчувствій тайныхъ полнъ,
Я знаю, кончатся... со мной мои мученья:
Мнѣ внятенъ ужъ давно ужасный гласъ судьбы!
Умчатся дни мои, какъ быстрыя мгновенья,
Какъ сна волшебнаго крылатыя мечты.
Недолго рокъ судилъ мнѣ жизнью наслаждаться,
Недолго прогостилъ я на пиру земномъ:
. . . . . .
Я въ мірѣ одинокъ!.. Но жалко съ нимъ разстаться,
А счастьемъ не могу уже себя ласкать!
Всего лишился я—мнѣ нечего желать!
Куда жъ сокрылись вы, обманчивая младость,
Очарованья дни, прелестныя мечты,
Когда я зналъ однѣ веселіе и радость
И шелъ безъ робости на жизненномъ пути?
Зачѣмъ исчезло ты, о, время золотое?
Надежда льстивая, коварная любовь!
Вы увлекли съ собой и счастіе прямое,
И сердца скорбнаго не посѣтите вновь.
Но съ вѣрой чистою, въ отрадѣ упованья,
О, Боже благости, смиряюсь предъ Тобой!
Невиненъ сердцемъ я, и всѣ мои страданья
Пріемлю я, какъ даръ, ниспосланный судьбой;
Безъ ропота на власть святого Провидѣнья,

Безъ дерзкойжалобы на горькій мой удѣлъ,
Я только возсылалъ къ Тебѣ мои моленья
И, забывая міръ, душой къ Тебѣ летѣлъ,
И въ сердцѣ ощущалъ святой надежды сладость,
Блаженство предвкушалъ... и все вѣщало мнѣ:
Тамъ, тамъ ты обрѣтешь утраченную радость,
Тамъ уготована жизнь новая тебѣ.
Умолкъ, потупя взоръ, печалью омраченный,
Покинулъ мирный брегъ. Блистаетъ Феба свѣтъ
На небѣ голубомъ, долины пробужденны
Веселіемъ цвѣтутъ... но юноши ужъ нѣтъ!
И сирый гробъ его съ священною мольбою
Сокрыли иноки въ обители святой.
Протяжно раздалось надъ кровлей гробовою
Послѣднее прости! Миръ, юноша, съ тобой!

Тимофей Грановскій.

Какъ все это характерно для юнаго Грановскаго и для той эпохи, когда, по словамъ Колшакова („Рус. Стар.", 1891, IV, 38), „мы читали, восхищались, вздыхали, глядя на луну, дѣлали свои лица блѣдными, выпивая для сего порядочныя дозы уксуса, и щурили глаза; румяный цвѣтъ лица тогда былъ не въ модѣ" (1828 г.).

Вл. Каллашъ.

И. Рѣпинъ. Крестьянинъ и Смерть.

Изъ типографіи А. И. МАМОНТОВА, въ Москвѣ.

Основныя черты творчества Джотто по его произведеніямъ въ верхней церкви S. Francesco въ Assisi.

Съ тѣхъ поръ какъ утвердился въ исторической наукѣ, особенно послѣ работы Буркгардта, взглядъ на эпоху Возрожденія, какъ на періодъ развитія и освобожденія индивидуальности, въ глазахъ историковъ возрожденіе классицизма превратилось изъ главной цѣли движенія лишь въ вспомогательное средство его, а границы самаго движенія были сильно раздвинуты. Аналогичное измѣненіе взглядовъ замѣчается и въ области исторіи искусства. Если еще 25 лѣтъ назадъ изученіе искусства Возрожденія ограничивалось произведеніями великихъ мастеровъ XV и XVI в., то теперь, въ связи съ новой точкой зрѣнія, обратили большее вниманіе на искусство XIII и XIV в. При ближайшемъ изученіи этого періода оказалось, что онъ тѣсно связанъ съ эпохой XV и XVI в., что Рафаэль и Микель-Анджело представляютъ лишь послѣдній моментъ и высшее развитіе того же процесса, начало котораго мы должны возводить къ XIII в. и даже далѣе, если мы хотимъ представить себѣ развитіе искусства какъ непрерывный эволюціонный процессъ, каждый моментъ котораго выростаетъ на почвѣ всѣхъ предшествующихъ. Такимъ образомъ, въ приложеніи къ XIII и XIV в. терминъ „средневѣковое искусство", въ противоположность „искусству Возрожденія", въ значительной степени теряетъ свое прежнее raison d'être. Единство процессу даетъ развивающаяся въ немъ идея, а идея въ фактахъ художественной эволюціи на протяженіи отъ XIII до XVI в. была одна и та же. Ея смыслъ, другими словами, направленіе и цѣль движенія, проявлявшагося въ итальянскомъ искусствѣ за эти четыре вѣка, ярко обнаруживается уже въ одномъ изъ раннихъ его моментовъ, въ произведеніяхъ Джотто ди Бондоне, родомъ изъ Тосканы, жившаго отъ 1266 до 1337 г.г. Изученіе этого момента особенно важно для правильнаго пониманія эпохи Возрожденія. Въ этомъ раннемъ періодѣ мы стоимъ ближе къ источникамъ всего движенія, т. е. къ великимъ явленіямъ духовной жизни XIII в.; поэтому мы легче различаемъ какъ въ духовномъ процессѣ, такъ и въ отразившемъ его искусствѣ основные элементы движенія, чѣмъ впослѣдствіи, когда они осложнились множествомъ второстепенныхъ началъ и слились въ одно органическое цѣлое, трудно поддающееся разложенію.

Дѣятельность Джотто слишкомъ обширна, чтобъ въ немногихъ строкахъ представить полную ея характеристику. Цѣль этого очерка отмѣтить лишь основныя черты его творчества, насколько это позволяютъ сдѣлать нѣкоторыя произведенія его ранняго періода въ верхней церкви S. Francesco въ Assisi.

У Vasari находимъ мы изложеніе извѣстнаго преданія, сложившагося уже въ концѣ XIV в. о томъ, какъ Джотто сталъ ученикомъ Чимабуэ. Десятилѣтній Джотто пасъ стада своего отца близъ Vespignano. Здѣсь Чимабуэ застаетъ Джотто рисующимъ на камнѣ углемъ ягненка. Пораженный талантомъ мальчика, Чимабуэ выпрашиваетъ его у отца себѣ въ ученики. Таково преданіе, изъ котораго должны мы выходить при

выяснении основныхъ особенностей творчества Джотто. По стилю своихъ произведеній Чимабуэ примыкаетъ къ византійскому направленію въ итальянскомъ искусствѣ XIII в. Онъ первый пытается оживить сухія византійскія формы. Монументальная торжественность съ какимъ то оттѣнкомъ грусти отличаетъ его картину „Мадонна съ ангелами" въ Академіи художествъ во Флоренціи. (Рис. 1). Ангелы, неподвижно, церемоніально стоявшіе около Мадонны въ византійскомъ искусствѣ, введены теперь въ живое дѣйствіе: они поддерживаютъ тронъ Мадонны; въ ихъ темныхъ глазахъ свѣтится страстная душа художника; она видна и въ величавомъ, мрачномъ трагизмѣ его „Распятія" въ верхней церкви S. Francesco въ Assisi. (Рис. 2). Эта грусть и трагизмъ, въ связи съ стремленіемъ идеализировать формы, даютъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ искусства видѣть въ дарованіи Чимабуэ что то родственное духу Микель-Анджело. Конечно, произведенія Чимабуэ въ Assisi, представлявшія первую попытку изобразить человѣка живымъ и дѣйствующимъ, могли оказать извѣстное вліяніе на юнаго Джотто, но было ли это вліяніе настолько сильнымъ и опредѣленнымъ, чтобы побудить насъ видѣть въ Джотто ученика Чимабуэ, т. е. признать его связь съ византійскимъ направленіемъ Чимабуэ? Всмотримся въ одно произведеніе Джотто, которое, повидимому, принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ его работъ въ верхней церкви въ Asisi. Это картина al fresco изъ исторіи Исаака, находящаяся во 2-омъ ряду изображеній, покрывающихъ правую продольную стѣну внутри храма. (Рис. 3). На картинѣ, ближе къ зрителю, на первомъ планѣ изображена внутренность алькова, въ которомъ лежитъ на постели Исаакъ. Между раздвинутыхъ въ обѣ стороны занавѣсокъ алькова видна увѣшанная узорчатымъ ковромъ противоположная стѣна комнаты и фигуры Исава, стоящаго передъ ложемъ отца и, поодаль отъ нихъ, Ревекки. Художникъ изобразилъ моментъ, когда возвратившійся съ охоты Исавъ, не зная, что братъ предупредилъ его, подходитъ къ ложу отца, чтобы

Рис. 1.

получить благословленіе; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ чашку, а правую руку съ ложкой приближаетъ къ отцу, предлагая отвѣдать приготовленнаго имъ кушанья. Пораженный Исаакъ приподнялся на своемъ ложѣ; въ нерѣшительномъ движеніи пальцевъ правой согнутой руки отражается его удивленіе, и первая мысль объ обманѣ, послѣдствій котораго уже нельзя исправить, западаетъ въ душу. Лѣвой вытянутой рукой онъ отклоняетъ предложеніе Исава. Въ лицѣ Исаака, въ его устремленномъ вдаль взорѣ, выражено и изумленіе, и, какъ будто, стремленіе возстановить въ памяти все случившееся до прихода Исава. Пристально смотритъ на отца Исавъ; на его лбу уже выступили морщины, все лицо отражаетъ его безпокойство и огорченіе: онъ

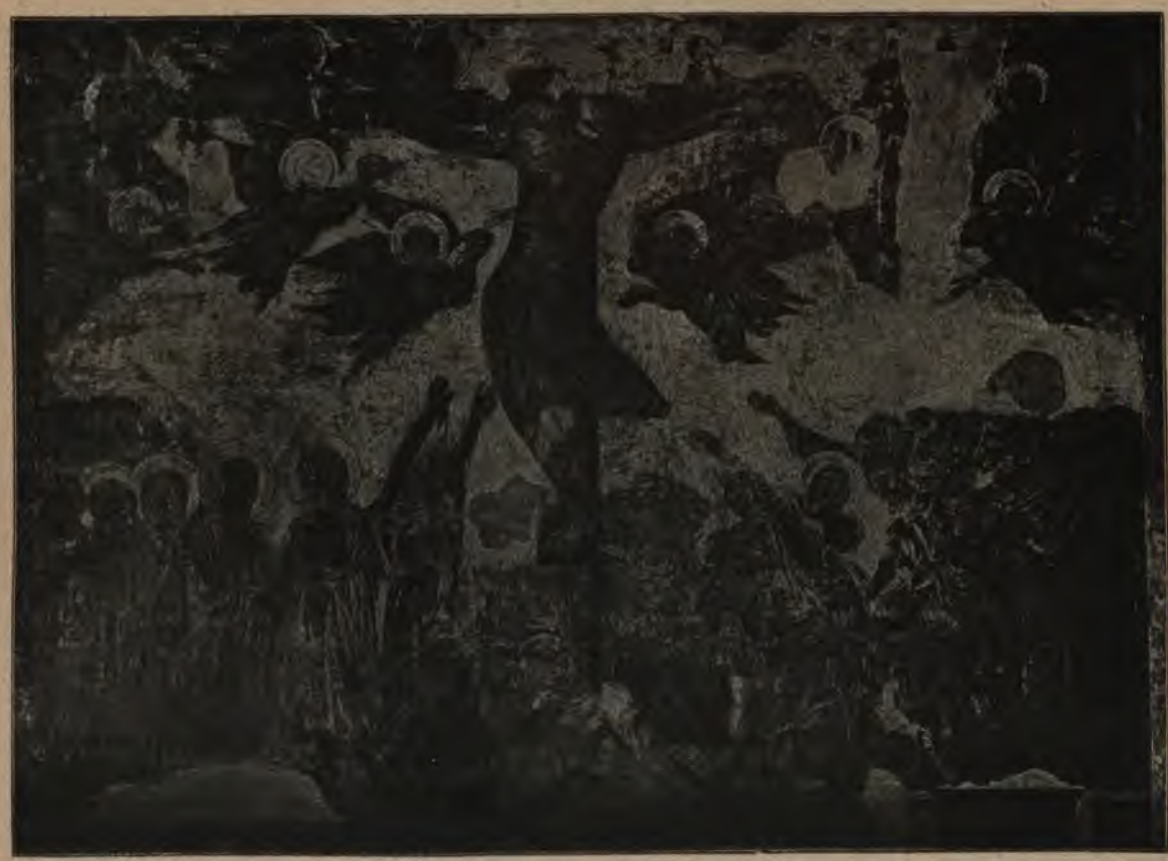


Рис. 2.

уже догадывается, что въ его отсутствіе произошло что то для него невыгодное. Позади Исава стоитъ Ревекка съ чашею въ рукѣ. Виновница обмана, она напряженно, съ затаеннымъ ожиданіемъ и боязнью, слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ. Тщетно стали бы мы искать въ этомъ произведеніи Джотто чертъ, напоминающихъ намъ творчество Чимабуэ. Въ немъ нѣтъ характерныхъ примѣтъ сухого византійскаго типа, который, хотя и въ смягченномъ видѣ, господствуетъ у Чимабуэ. Отличительныя особенности византійскаго типа: длинный, тонкій, нѣсколько выгнутый носъ съ углубленнымъ треугольнымъ переносьемъ, большіе глаза съ темнымъ большимъ зрачкомъ и высоко выгнутой линіей бровей, уходящій назадъ подборокъ и сухой ротъ, руки съ длинными, тонкими, какъ бы оцѣпенѣвшими пальцами, схематическія мелкія складки одежды съ золотыми бликами, вытянутыя пропорціи тѣла чужды произведеніямъ Джотто. Очертанія лицъ въ описанной картинѣ Джотто болѣе округлы, лобъ немного выпуклый, носъ болѣе коротокъ и прямъ, глаза сдвинуты ближе и нѣсколько однообразно сверкаютъ изъ подъ едва выгнутыхъ бровей;

опредѣленно очерчены полныя губы и выдающійся подбородокъ. Фигуры Джотто отличаются крѣпкимъ, почти приземистымъ строеніемъ; движенія пальцевъ чрезвычайно жизненны и выразительны. Въ виду отмѣченныхъ различій въ формахъ Джотто и Чимабуэ, авторъ новаго изслѣдованія о Джотто Zimmermann *) не придаетъ значенія разсказу Vasari о томъ, какъ Джотто сталъ ученикомъ Чимабуэ, и объясняетъ это преданіе нѣсколько баснословнаго характера стремленіемъ Vasari, или вѣрнѣе, его источниковъ, установить преемственную связь между двумя великими тосканскими художниками XIII в. Формы: т. е. линіи, тоны и композиція—вотъ что прежде всего перенимаетъ ученикъ художникъ отъ своего учителя. Но какъ разъ въ формахъ и не существуетъ связи между Джотто и Чимабуэ. Такъ же мало общаго и въ настроеніяхъ, свойственныхъ Джотто и Чимабуэ. Мы не найдемъ въ раннихъ произведеніяхъ Джотто торжественнаго благочестія и величавой грусти, мраунаго трагизма и энергіи Чимабуэ. Разсказъ Джотто отличается спокойнымъ, эпическимъ и притомъ сдержаннымъ характеромъ; въ немъ преобладаетъ простое, ясное настроеніе, напоминающее ясный, чистый стиль и духъ древне-христіанскаго искусства, которое въ свою очередь восходитъ къ свѣтлому духу и гармоніи античныхъ формъ. Этотъ древне-христіанскій духъ, отличающій произведенія Джотто, въ сущности никогда не исчезалъ совершенно изъ итальянскаго искусства. Мы замѣчаемъ его не только въ цвѣтущій періодъ древнехристіанскаго искусства, въ римскихъ мозаикахъ IV и V в., но даже и позднѣе отъ VI до конца XIII в., особенно въ мозаикахъ и живописи Рима. Это былъ періодъ вліянія византійскихъ образцовъ на искусство Италіи. Но что касается Рима, это вліяніе никогда не проявлялось здѣсь съ такою полнотою, какъ въ Равеннѣ или Сициліи. Въ римскомъ искусствѣ византійское вліяніе отразилось въ одеждѣ, въ декоративномъ и церемоніальномъ характерѣ общаго впечатлѣнія, но въ формахъ, несмотря на ихъ искаженіе и грубость, оставался всегда элементъ чего-то древне-христіанскаго, латинскаго, въ противоположность византійскому. Среди произведеній римскаго искусства этой эпохи есть нѣсколько образцовъ, въ которыхъ этотъ древне-христіанскій духъ проявлялся особенно сильно, при чемъ византійское вліяніе замѣчается только въ деталяхъ. Таковы нѣкоторые образцы стѣнной живописи XI вѣка въ нижней церкви S. Clemente въ Римѣ. Одинъ изъ этихъ образцовъ представляетъ изображеніе легенды о св. Климентѣ. По легендѣ, св. Климента утопили въ Черномъ морѣ, привязавъ ему къ шеѣ якорь. Ежегодно, въ день празднованія памяти святого, море от-

Рис. 3.

*) Zimmermann „Giotto“ I. B. 1899. Его выводами пользовались мы при составленіи очерка.

ступало назадъ, обнажая дно тамъ, гдѣ погибъ святой. Тогда духовенство сосѣдняго Херсонеса Таврическаго направлялось въ сопровожденіи массы народа торжественной процессіей къ этому мѣсту, на которомъ стоялъ храмъ, выстроенный ангелами въ честь святого. Однажды какая-то вдова, вся отдавшись молитвѣ, забыла на этомъ мѣстѣ своего маленькаго сына, но въ слѣдующемъ году она нашла его живымъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Послѣдній моментъ и послужилъ темой для художника. (Рис. 4). Нельзя не поражаться глубиной духовнаго содержанія, проникающаго эти несовершенныя наивныя формы. Сильно переданы оттѣнки душевныхъ настроеній: радостный, страстный порывъ матери и выраженіе дѣтской ласки въ протянутыхъ рукахъ ребенка. Живое теченіе разсказа наполняетъ живымъ движеніемъ всю картину. Такъ разсказывать умѣли только ху-

Рис. 4.

дожники среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Вы ясно видите, какъ, сгарая нетерпѣніемъ, мать впереди всѣхъ вбѣжала въ подводный храмъ, какъ остановился въ изумленіи вошедшій за ней епископъ; за нимъ видна его свита и участники приближающейся еще къ храму процессіи. Но исторія не полна: надо показать счастье матери и ребенка, и художникъ, не смущаясь тѣмъ, что нарушаетъ принципъ единства, еще разъ повторяетъ мать и ребенка въ чрезвычайно выразительномъ соединеніи. Византійское вліяніе отразилось здѣсь только въ вытянутыхъ пропорціяхъ фигуръ, но лицамъ художникъ, въ стремленіи къ изящной правильности, придалъ округлый латинскій типъ. Мы не найдемъ оцѣпенѣвшихъ церемоніальныхъ позъ и настроеній византійскаго искусства въ картинахъ S. Clemente, въ которыхъ всѣ движенія полны естественности и жизни, всѣ настроенія искренни и непосредственны. Если въ византійскомъ искусствѣ то, что происходило внутри зданія, изображалось обыкновенно внѣ его, а внѣшній видъ зданія прибавлялся

рядомъ на рисункѣ, то въ живописи S. Clemente замѣчаемъ попытки изобразить дѣйствіе происходящимъ внутри зданія или, по крайней мѣрѣ, изобразить внутренность послѣдняго въ разрѣзѣ. Нельзя не отмѣтить и стремленія усилить правдивость обстановки изображеніемъ лампъ, алтаря и вышитаго покрывала на немъ. Колоритъ этихъ картинъ въ S. Clemente отличается свѣтлыми тонами. Типичными красными пятнами на щекахъ художникъ хотѣлъ придать жизненность лицамъ. Всѣ эти черты: ясный колоритъ, стремленіе къ искренности и естественности, нѣжное вѣяніе внутреннихъ душевныхъ настроеній связываетъ эти изображенія съ древне-христіанскимъ искусствомъ, съ стилемъ катакомбной живописи и съ мозаиками IV и V в., каковы, напримѣръ, мозаика въ абсидѣ S. Pudentiana и въ аркѣ портала мавзолея Galla Placidia, разница лишь въ томъ, что въ живописи S. Clemente душевное настроеніе выражено сильнѣе, индивидуальнѣе. Связь этихъ изображеній съ древне-христіанскимъ искусствомъ подтверждается и орнаментомъ съ плодами и птицами, нарисованнымъ подъ одною изъ картинъ въ S. Clemente. Орнаментъ этотъ повторяетъ украшенія древне-христіанскаго баптистерія въ Римѣ, S. Costanza. Какъ бы въ связи съ этимъ самобытнымъ національно римскимъ характеромъ изображеній въ S. Clemete стоятъ и надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются первые элементы, образующейся изъ варварской латыни, народной итальянской рѣчи. Такимъ образомъ, въ живописи S. Clemente элементы національные и древне-христіанскіе преобладали надъ византійскими, что касается формы и настроеній. Изъ предыдущей характеристики картины „Исавъ передъ Исаакомъ" видно, какъ много общихъ чертъ имѣетъ Джотто съ этимъ направленіемъ. У него встрѣчаемъ мы то же стремленіе къ болѣе живому и свѣтлому колориту, тѣ же умѣренно округлые типы лицъ и ту же тонкую передачу человѣческихъ настроеній. Мы въ состояніи указать и то звено, которое связываетъ творчество Джотто съ этимъ національно-христіанскимъ направленіемъ. Это значеніе связующаго элемента могли имѣть работы такъ называемыхъ cosmat'овъ, вліяніе которыхъ на творчество Джотто согласно признаютъ всѣ изслѣдователи. Zimmermann относитъ это вліяніе какъ разъ къ учебнымъ годамъ Джотто, проведеннымъ, по его мнѣнію, въ Римѣ. Работою косматовъ или мармораріевъ въ Римѣ называлась особаго рода техника, по имени особенно искусныхъ въ ней мастеровъ начала XII вѣка, Cosm'ы и его потомковъ. Она состояла въ инкрустаціи изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ кусочковъ, расположенныхъ въ видѣ геометрическаго узора. Такого рода инкрустацией съ XII—XIV в. марморарии покрывали стволы колоннъ, епископскіе троны, перегородки хора, амвоны. Направленіе косматовъ отличалось отъ византійскаго стремленіемъ восходить къ элементамъ античнымъ и древне-христіанскимъ. Въ нѣкоторыхъ римскихъ церквахъ, построенныхъ косматами въ концѣ XII и въ XIII вѣкѣ, встрѣчаются и мозаики съ изображеніемъ фигуръ; эти мозаики также приписываются школѣ косматовъ. О связи Джотто съ этой школой свидѣтельствуетъ не только сходство типовъ—напримѣръ, Исаака у Джотто съ апостоломъ Матѳеемъ по правую руку Богоматери, въ мозаикѣ на гробницѣ кардинала Gonsalvo, работы Giovanni di Cosma (к. XIII в.)—но связь эту подтверждаетъ и стиль архитектурныхъ сооруженій въ картинахъ Джотто, выдающій ясное вліяніе косматовъ. Въ фигурныхъ мозаикахъ косматовъ есть свои особенности: стиль косматовъ, опытныхъ и въ техникѣ скульптурнаго орнамента, отличается отъ плоскихъ византійскихъ мозаичныхъ изображеній пластичностью, выпуклостью, стремленіемъ показать подъ одеждой формы тѣла. Въ раннихъ произведеніяхъ Джотто мы замѣчаемъ то же стремленіе къ пластичности, которой художникъ думалъ достигнуть рѣзкимъ контрастомъ свѣта и тѣни, обходясь безъ переходныхъ полутоновъ и впадая въ излишнюю черноту въ тѣняхъ.

Всѣ эти черты: пластичность, архитектурный стиль и типы cosmat'овъ находимъ въ 28 картинахъ ранняго періода Джотто (въ перв. полов. 90-хъ годовъ XIII в.), изображающихъ легенду о св. Францискѣ на продольныхъ стѣнахъ верхн. церкви въ Assisi, въ нижнемъ ряду. Для примѣра укажу на картину, въ которой изображено, какъ папѣ

Иннокентію III снится вѣщій сонъ, что св. Францискъ поддерживаетъ готовую рухнуть Латеранскую базилику. (Рис. 5). Лицо слуги у ногъ папы представляетъ тотъ же типъ ап. Матѳея съ гробницы кард. Gonsalva; рѣзко сопоставлены свѣтъ и тѣни въ фигурѣ св. Франциска; среди архитектурныхъ формъ въ этой картинѣ бросаются въ глаза античныя формы колоннъ и инкрустація косматовъ на архитравахъ. Обратите вниманіе на одну наивную черту этой картины: св. Францискъ стоитъ на podium'ѣ того самаго зданія, которое онъ старается поддержать; самое зданіе при этомъ совершенно не соотвѣтствуетъ размѣрамъ человѣческихъ фигуръ въ картинѣ. Джотто не смущался этими ошибками противъ внѣшней правды, имѣвшей для него лишь второстепенное значеніе; за то въ томъ, что было для него главнымъ, въ изображеніи правды внутренней, въ развитіи мысли и настроенія, онъ оставался вѣренъ жизни и притомъ въ чрезвычайно тонкихъ и почти неуловимыхъ чертахъ. Посмотрите, какъ тонко даетъ Джотто понять, что папѣ снится сонъ. Одинъ слуга спитъ, а другой проснулся и внимательно смотритъ на папу: очевидно, сонъ послѣдняго неспокоенъ подъ вліяніемъ видѣнія. Но уже въ дальнѣйшихъ картинахъ изъ цикла св. Франциска нельзя не замѣтить стремленія все къ болѣе реальной передачѣ архитектурныхъ формъ и обстановки, черты, роднящей творчество Джотто съ стилемъ живописи въ S. Clemente. Гораздо большей реальностью формъ и отношеній отличается украшенная повсему фасаду, въ стилѣ марморарiевъ, церковь въ S.Damiano, изображенная на картинѣ Джотто представляющей послѣднее прощаніе аббатиссы Клары и монахинь женскаго францисканскаго ордена съ тѣломъсв. Франциска.(Рис.6) То же стремленіе не ограничиваться однимъ намекомъ на архитектурную обстановку, какъ это было обычно въ средневѣковомъ искусствѣ, замѣчается и въ картинѣ Джотто „Празднованіе Рождества въ Greccio",(Рис.7)принадлежащей къ числу тѣхъ произв еденій всего цикла въ которыхъ творчество Джотто достигаетъ наивысшей для этого ранняго періода силы и выразительности. Однажды знатный человѣкъ Іоаннъ изъ Greccio, по желанію св. Франциска, устроилъ для празднованія Рождества Христова въ одной пещерѣ, въ лѣсу,

Рис. 5.

настоящія виѳлеемскія ясли, около которыхъ поставлены были быкъ и оселъ. Въ составленной Бонавентурой біографіи св. Франциска, изъ которой Джотто черпалъ свои темы, такъ описывается празднованіе Рождества Хр. въ Greccio. „Призваны были братья, пришелъ народъ, лѣсъ огласился пѣніемъ. И эта достойная почитанія ночь, стала блестящей и торжественной отъ безчисленныхъ свѣтлыхъ огней, отъ полнозвучнаго и согласнаго хвалебнаго пѣнія. Тогда Божій человѣкъ сталъ передъ яслями, исполненный чистой любви, заливаясь слезами, переполняясь радостью. Торжественно служатъ мессу надъ яслями: левитъ Господа Францискъ поетъ св. евангеліе, потомъ проповѣдуетъ онъ собравшемуся народу о рожденіи бѣднаго царя, котораго онъ всякій разъ, какъ произносилъ его имя, въ нѣжномъ порывѣ любви называлъ виѳлеемскимъ мальчикомъ. А доблестный... господинъ Іоаннъ изъ Greccio заявилъ, что онъ видѣлъ въ яслях дремлющаго красиваго мальчика, котораго блаженный Францискъ взялъ въ объятія и, казалось, пробудилъ отъ дремоты". Такъ почитатели св. Франциска въ этомъ преданіи приводятъ святого въ непосредственную живую связь съ самимъ Христомъ. Искусство Джотто не въ силахъ еще было изобразить темноту лѣса, освѣщеннаго огнями и онъ переноситъ дѣйствіе въ церковь. Мы видимъ большой успѣхъ въ изображеніи архитектуры: внутренность церкви представлена вполнѣ реально и, дѣйствительно, вмѣщаетъ въ себя молящихся, а не пририсована къ нимъ лишь въ видѣ символическаго намека. Передъ нами хоръ католической церкви, отдѣленной перегородкой отъ длиннаго корабля, вмѣсто котораго художникъ изобразилъ лишь синее небо, направо алтарь подъ особымъ балдахиномъ, лѣвѣе отъ него, почти въ серединѣ, деревянный аналой, вполнѣ реальный по формамъ, на одной сторонѣ его подставки прибитъ исписанный листъ, въ лѣвомъ углу картины видна каѳедра проповѣдника, съ 4 свѣчами, по угламъ, обращенная къ длинному кораблю. Изъ хора на нее ведетъ лѣстница; надъ перегородкой, отдѣляющей хоръ отъ длиннаго корабля возвышается деревяное распятіе, лицевой стороной наклоненное къ длинному кораблю. Крестъ, обращенный къ намъ своею задней стороной, укрѣпленъ при помощи особой деревянной основы, связанной съ перегородкой. Вокругъ алтаря, въ

Рис. 6.

помѣщеніи хора, стоятъ монахи и свѣтскія лица; черезъ дверь перегородки видны женщины, собравшіяся въ длинномъ кораблѣ. Стремленіе къ правдѣ и реализму характерная черта этого произведенія Джотто; на этотъ разъ онъ не забываетъ и деталей внѣшняго реализма, какъ видно изъ формъ аналоя и системы укрѣпленія креста. Въ этой картинѣ Джотто удалось придать своимъ фигурамъ цѣльный органическій характеръ, между тѣмъ какъ въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Джотто величина головы часто не соотвѣтствуетъ длинѣ остальной фигуры. Складки падаютъ просто и естественно, движенія взаимно объясняютъ другъ друга. Но что самое замѣчательное въ произведеніяхъ Джотто, это внутреннее настроеніе, которое проникаетъ ихъ. Поразительно передано сосредоточенное благоговѣніе и умиленіе молящихся, жизненны и настроенія отдѣльныхъ лицъ: посмотрите, какъ переговариваются жестами и глазами два гражданина въ лѣвомъ углу картины. Торжественно и громко поютъ монахи. Вы различаете трехъ теноровъ съ широко раскрытыми ртами, съ головами, типично закинутыми назадъ, и гудящаго черезъ едва открытый ротъ баса. Эти поющіе монахи настоящіе предшественники знаменитыхъ пѣвцовъ Luca della Robbia. Замѣчательно выраженіе лица священника у алтаря. Въ картинѣ онъ замѣняетъ Іоанна изъ Greccio въ біографіи Бонавентуры. Онъ одинъ видитъ чудо и съ любопытствомъ наклоняется въ сторону Франциска, но онъ не пораженъ удивленіемъ; ему кажется само собой понятнымъ, что съ св. Францискомъ могутъ совершаться такія чудеса. Замѣчательны граціозное изящество и та особая наивная прелесть и чистота, которыя отличаютъ передачу духовныхъ движеній у Джотто. Передъ нами снова воскресаетъ гармоническая умѣренность античныхъ образовъ и легкое вѣяніе чистыхъ настроеній въ древне-христіанскомъ искусствѣ. Эти стороны творчества Джотто выступаютъ особенно замѣтно въ картинѣ, изображающей, какъ одинъ простой человѣкъ, встрѣтившись съ Францискомъ, когда тотъ велъ еще беззаботную свѣтскую жизнь, вдругъ вдохновенный Богомъ, прозрѣлъ будущее величіе юноши и въ знакъ благоговѣйнаго почтенія разостлалъ свой плащъ передъ будущимъ святымъ. (Рис. 8) Прекрасно передана почтительная услужливость простого человѣка, легко и изящно вы-

Рис. 7.

ражена радостная благодарность Франциска, дѣлающаго жестъ признательности рукой, Онъ принимаетъ почести съ достоинствомъ и, въ наивномъ сознаніи своего права на нее, уже наступаетъ ногой на распростертый плащъ. За Франциском идетъ его отецъ Пьеръ Бернардоне; гражданинъ, стоящій рядомъ съ отцомъ, пожимаетъ ему руку съ улыбкой, поздравляя его по поводу почести, оказанной его сыну. Удовольствіе сіяетъ на лицѣ Пьера Бернардоне и отражается даже въ его жестѣ. Послѣдняя черта типична для Джотто: во всѣхъ его картинахъ душевныя настроенія выражены не только въ лицахъ, но и въ жестахъ. Эти жесты, скромные, но чрезвычайно выразительные, представляютъ у Джотто, такъ сказать, цѣлую систему, особый языкъ рукъ и пальцевъ. Въ правомъ углу картины изображены два гражданина: одинъ изъ нихъ, съ недовольнымъ лицомъ, находитъ, очевидно, незаслуженной почесть, оказанную юному Франциску; другой, можетъ быть, предсказываетъ послѣднему великую будущность. Другая картина Джотто, изображающая, какъ св. Францискъ и его товарищи радостно благодарятъ папу, утверждающаго ихъ орденъ, (Рис. 9.) позволяетъ отмѣтить еще одну существенную черту Джотто, какъ выразителя внутреннихъ настроеній. Мы видимъ, что передавая сильно и правдиво самыя разнообразныя настроенія, Джотто ограничивается небольшимъ количествомъ типовъ и, не смущаясь, повторяетъ ихъ въ одной и той же картинѣ; такъ, во всѣхъ товарищахъ Франциска повторяется одно и то же лицо, то же самое замѣчается и въ группѣ епископовъ. Въ продолжительномъ процессѣ развитія индивидуализма и свободы личности, на протяженіи отъ XIII до XVI в., Джотто занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто. Онъ представляетъ первую ступень въ развитіи этого процесса. Если флорентійскіе художники 15-го в. наслаждаются богатымъ развитіемъ единичнаго, индивидуальнаго, и впадаютъ въ натурализмъ изображенія, передавая природу во всѣхъ мельчайшихъ ея деталяхъ и даже замѣняя священные типы портретами своихъ знакомыхъ, то реализмъ Джотто еще очень скроменъ: настроенія, изъ которыхъ слагается индивидуальная жизнь человѣческаго сердца, онъ старается передать въ типичныхъ общихъ, однажды навсегда установленныхъ формахъ. Внѣшній міръ интересуетъ его лишь, поскольку отражаются въ немъ типичныя для его эпохи душевныя настрое-

Рис. 8.

нія; но эти общія формы не мѣшаютъ ему все же быть индивидуальнымъ. Всѣ изображенія изъ жизни св. Франциска, при недостаткѣ внѣшней индивидуальности, замѣчательно правдиво передаютъ внутреннюю личность святого, духъ котораго проникаетъ весь циклъ и придаетъ какой то особый индивидуальный оттѣнокъ даже общимъ формамъ Джотто. Это выраженіе тонкаго внутренняго индивидуальнаго оттѣнка, при нѣкоторомъ безличіи внѣшней формы, опять роднитъ творчество Джотто съ древнехристіанскимъ искусствомъ.

Конечно, и византійское вліяніе, такъ широко охватившее итальянское искусство первой половины среднихъ вѣковъ, отразилось въ произведеніяхъ Джотто, если не въ формахъ, то въ отношеніи декоративномъ и композиціи, но во всякомъ случаѣ византійское вліяніе имѣетъ для него второстепенное значеніе и проявляется болѣе въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, въ циклѣ изъ жизни Маріи и Христа, чѣмъ въ изображеніи жизни св. Франциска въ Assisi, гдѣ сюжетъ былъ чисто западный, при разработкѣ котораго византійское искусство не могло помочь художнику. Но главное въ картинахъ Джотто все же былъ духъ, ихъ проникавшій. Это былъ тотъ же духъ, который проявлялся въ живописи катакомбъ, въ картинахъ нижней церкви S. Clemente, въ фрескахъ Мазаччо, въ коврахъ Рафаэля, — духъ древнехристіанскій и народный. Тѣсная связь этихъ двухъ чертъ особенно ясна въ циклѣ изображеній, посвященныхъ св. Франциску. Св. Францискъ былъ великій выразитель народнаго движенія въ XIII вѣкѣ, проявившагося не только въ Италіи, но и въ средней Европѣ. Это движеніе тѣсно связано съ развитіемъ городовъ въ XIII столѣтіи. Какъ разъ въ этомъ вѣкѣ, когда окончательно сложилась теорія католицизма съ ея идеей преобладанія церкви надъ міромъ, мы наблюдаемъ и первый взрывъ индивидуализма среди сознавшихъ свою силу и значеніе, и стремящихся къ самостоятельной духовной жизни горожанъ. Въ ученіи св. Франциска, уроженца городка Assisi, сконцентрированы основныя духовныя стремленія этой эпохи. Индивидуализмъ религіознаго чувства, его углубленіе и обновленіе посредствомъ возрожденія древнехристіанскаго духа и любви, освобожденіе земной при-

Рис. 9.

роды отъ проклятія, которымъ поражалъ ее средневѣковый аскетизмъ—вотъ слѣдствія жизни и ученія Франциска. Этотъ „предшественникъ Лютера“ *) возстановилъ союзъ между Богомъ, человѣкомъ и природой, порванный грѣхопаденіемъ, по ученію католицизма. Связующимъ звеномъ было для Франциска чувство любви. Въ любви человѣка и красотѣ природы онъ открывалъ Бога, а Бога приближалъ къ людямъ въ человѣческомъ образѣ и страданіяхъ Христа. Францискъ такъ глубоко и художественно своей личностью и ученіемъ выразилъ основы новаго міросозерцанія и настроенія, что его вліяніе должно было съ особенною силой отразиться и на развитіи искусства. Его поэтическая любовь къ природѣ заражаетъ и художниковъ, для которыхъ природа вновь становится лучшею учительницей. Своей пылкою любовью къ Христу, своимъ страстнымъ сочувствіемъ къ страдающему въ немъ человѣку онъ обновилъ разсказъ Евангелія для искусства. Сдѣлавъ христіанскую религію народной, онъ создалъ условія для развитія великаго національно-христіанскаго искусства. Наконецъ, и первый геніальный представитель этого національнаго направленія искусства въ XIII—XIV в. Джотто ди Бондоне, который такъ способенъ былъ творчески переживать и выражать разнообразныя индивидуальныя настроенія человѣка, такъ наивно передавать красоту и правду жизни въ ея существенныхъ чертахъ, былъ, очевидно, самъ живымъ порожденіемъ духа и ученія св. Франциска, внутренній обликъ котораго онъ съ такою глубиною пониманія выразилъ въ своихъ твореніяхъ, въ верхней церкви въ Assisi. Только въ связи съ этимъ общимъ стремленіемъ эпохи создать, въ противовѣсъ формализму и іерархіи католицизма, религію народную на основѣ личныхъ отношеній человѣка къ Богу, на основѣ любви къ людямъ и природѣ, въ которыхъ отражается совершенство Божества, намъ становится понятнымъ это замѣчательное оживленіе и возрожденіе полузабытыхъ и успѣвшихъ огрубѣть формъ и настроеній древнехристіанскаго искусства въ произведеніяхъ Джотто. Какъ св. Францискъ былъ выразителемъ народныхъ идеаловъ въ религіи, такъ Джотто былъ представителемъ чисто національнаго направленія въ искусствѣ. Какъ въ ученіи Франциска заключены основы реформаціи, такъ въ творчествѣ Джотто намѣченъ уже путь для искусства Возрожденія. Рафаэль несомнѣнно хорошо зналъ произведенія Джотто въ Sta Croce во Флоренціи. Въ христіанскомъ настроеніи и изящныхъ формахъ произведеній Джотто, съ ихъ наивной правдой и разнообразной психологіей, уже заключены эстетическіе идеалы представителей Возрожденія. Подобно имъ, Джотто видитъ красоту въ человѣкѣ и природѣ, въ красотѣ — отраженіе Божества, въ Божествѣ — источникъ красоты.

Н. Романовъ.

*) Какъ называетъ св. Франциска H. Thode за указанныя черты его ученія (H. Thode „Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance“).

В. Сѣровъ. Этюдъ лошади.

Изъ типографіи А. И. МАМОНТОВА, въ Москвѣ.

Изъ писемъ путешественника.

Во внутренности Англіи.

Помѣщаемая ниже статья А. И. Герцена была напечатана въ фельетонѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1856 года, № 91. Принадлежность ея Герцену доказывается тѣмъ, что она подписана буквами Б. В., т. е. такъ-же, какъ статья „Оба лучше", которая была помѣщена въ фельетонѣ той же газеты за тотъ же годъ, и принадлежность которой Герцену удостовѣрена письмами И. С. Тургенева къ Герцену (см. Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, стр. 93 и 96). Притомъ—ex ungue leonem!

М. Гершензонъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Гровеноръ Скверъ, 1 марта 1856.

... Скучные вопросы салонной болтовни, походившіе на допросъ, кончились. Допросъ на этотъ разъ былъ длиненъ, подробенъ, скученъ и тяжелъ; я сѣлъ на диванъ въ углу комнаты и съ волчьей злобой смотрѣлъ на разодѣтыхъ старухъ, на дурно одѣтыхъ молодыхъ и на накрахмаленныхъ мужчинъ, наполнявшихъ залу, въ которой угощали свѣчами и холоднымъ чаемъ съ кеками.

Новая жертва была поймана. Жестокость, съ которой меня пытали, была обращена на толстую женщину, которой полуплатье было обшито какими-то стеклами, точно будто она хранила себя такъ, какъ здѣсь берегутъ овощъ въ огородѣ, посыпая верхъ ограды битыми бутылками. Ее вели пѣть. Какой-то m. p. *) съ завитыми бакенбардами и съ проборомъ на затылкѣ сѣлъ за рояль, развернулъ ноты, закричалъ по-итальянски, и женщина закричала. Пошла музыка.

Я перебиралъ въ головѣ рядъ глупостей, о которыхъ меня спрашивали... о морозѣ, о казакахъ, о партіи Old-Boyards; тощій клержиманъ освѣдомлялся, правда ли, что офиціанты одѣваютъ у насъ дамъ, и есть ли у насъ литература, другой m. p. желалъ знать, истинно ли это, что каждый русскій крестьянинъ имѣетъ фанатическое желаніе завоевать Европу. Надо замѣтить, что одни и тѣ же вопросы предлагаются всякій разъ, и отвѣты постоянно приводятъ въ изумленіе честную публику.

Офиціантъ назвалъ одного литературнаго льва. Устрашенный голосомъ, который подавалъ m. p., и увидя меня въ углу, левъ продрался къ дивану, помявъ немного свою гриву.

---

*) Member of Parliament, членъ парламента.

— Вы не будете спрашивать о Россіи? сказалъ я ему, подавая руку.

— А что?

— Пожалуйста, предупредите, я сейчасъ кончилъ свое представленіе, вѣдь и Альбертъ Смитъ не ходитъ два раза къ-ряду на свой Монбланъ въ Пикадили. Если вы намѣрены сдѣлать хоть одинъ вопросъ, скажите, я уйду.

— Успокойтесь, я буду васъ спрашивать объ Англіи, сказалъ онъ, смѣясь.—Въ самомъ дѣлѣ, я васъ не видалъ сто лѣтъ; ну, что, какъ вы обжились у насъ, какъ привыкли?

— Такъ себѣ,—если бъ можно было мѣсяцъ осенью провести безъ насморка и если бъ не было трехъ осеней въ году.

— Какъ это старо жаловаться на климатъ!

— Мнѣ не легче отъ того, что у цезаревыхъ солдатъ за девятнадцать столѣтій тоже былъ насморкъ во время британской кампаніи.

— Ну, а помимо климата, какъ вы сжились съ нашими нравами?

— Не могу привыкнуть обѣдать безъ салфетки.

Но спрашивающаго англичанина ничѣмъ нельзя остановить, кромѣ отвѣта, и потому мой храбрый левъ снова напалъ на меня. Я началъ раскаяваться въ томъ, что помѣшалъ ему говорить о Россіи, и замѣтилъ ему, наконецъ: „что Англію въ Европѣ меньше знаютъ, нежели древній Египетъ, несмотря на то, что изслѣдованія Байрона — стоятъ шампольйоновскихъ“.

— Это не заключеніе и относится къ Европѣ, а не къ Англіи.

— Какое же заключеніе? Я право не знаю; развѣ вотъ что—Англія...—ничего мнѣ не шло въ голову.

— Ну, что же?

— Англія—Голландія.

— Я не понимаю, сказалъ онъ, однако, слегка покраснѣлъ.

— А развѣ вы думаете, что кто-нибудь понимаетъ Голландію? Впрочемъ, тутъ обиднаго ничего нѣтъ. Я не знаю почтеннѣе памятника иныхъ вѣковъ и лучше сохранившагося: Голландія самобытно довольствуется, какъ Стуарты, своимъ fuimus.

— Вы хотите сказать, что мы такое же давно прошедшее?

— Помилуйте, я слишкомъ хорошо знаю грамматику: вы еще à l'imparfait, но нынче глаголы спрягаются ужасно скоро. Да что объ этомъ толковать, скажите мнѣ лучше, когда предложатъ alien bill?

— Его совсѣмъ не предложатъ.

— Напрасно.

— Вы все шутите, my dear Cossak.

— Совсѣмъ не шучу; если бъ ваши министры были патріоты, они непремѣнно предложили бы alien bill. Вы портите репутацію фирмы, вы подрываете свой кредитъ и дорого заплатите за ваше дорогое гостепріимство. На что же вы и островъ, если чужіе повадятся жить въ Лондонѣ? лучше сдѣлать мостъ изъ Фокстона во Францію. Въ какомъ же торговомъ домѣ, особенно когда не везетъ, пускаютъ постороннихъ за прилавокъ или въ кассу?

— Мы такъ дорожимъ правомъ убѣжища, что готовы на всѣ неудобства его.

— Все это было хорошо во времена Гугенотовъ да разныхъ національныхъ вопросовъ. Теперь другія времена. Прежнія эмиграціи вамъ принесли страшную пользу. Вашъ тяжелый работникъ не скоро бы дошелъ до тѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыя онѣ вамъ принесли. А теперь чему васъ научатъ иностранцы?—пускать ненужныхъ свидѣтелей за кулисы бѣдовое дѣло въ наше время, если не хотите, чтобъ знали тайны дирекціи. Тронутый вашимъ гостепріимствомъ, я требую alien bill...

М. р. пересталъ подавать голосъ, сдѣлалось движеніе, перемѣщеніе лицъ, и мой

левъ, казалось, былъ доволенъ, когда къ намъ подошелъ одинъ французскій адвокатъ-орлеанистъ, седьмой годъ ожидающій съ часа на часъ важныхъ вѣстей изъ Франціи и ни въ одно утро не сомнѣвавшійся, что онѣ къ вечеру придутъ. Онъ сталъ намъ разсказывать, что теперь дѣло кончено, что ему писали изъ Лиможа и изъ Бери самыя положительныя свѣдѣнія. Успокоенный насчетъ судьбы адвоката и пожелавъ ему мѣста королевскаго прокурора, я уѣхалъ домой.

Открытіе Англіи и ея внутренней жизни, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ событій послѣ открытія Америки и путешествій во внутренности Африки. Для этого были необходимы исключительныя условія, міровыя событія, вулканическіе взрывы, бросившіе на островъ десять осколковъ разныхъ народностей, десять разныхъ эмиграцій, противоположныхъ по духу, которыя были прибиты волненіями Европы къ мѣловымъ берегамъ Англіи, выброшены на нихъ и тамъ оставлены отливомъ.

Прежде, кромѣ англичанъ никто не жилъ въ Англіи, иностраннаго круга въ Лондонѣ не существовало. Были однѣ спеціальности, поглощенныя своимъ дѣломъ. Чиновники посольствъ, негоціанты, артисты, нѣсколько бѣдняковъ, выбивавшихся изъ силъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба, нѣсколько шулеровъ, обиравшихъ глупыхъ туземцевъ, и перелетная стая туристовъ. Но туристы ѣздили по Англіи, а не жили въ ней. Въ Англіи страшная скука, въ Англіи климатъ скверный, гостинницы отвратительныя, дороговизна чрезвычайная. Какой же туристъ по доброй волѣ станетъ жить въ ней, имѣя возможность жить въ другомъ мѣстѣ?

Пробыть въ Лондонѣ полъ-сезона съ рекомендательными и кредитивными письмами, съѣздить къ кому-нибудь на дачу и объѣздить этотъ городъ-провинцію—такъ же поверхностно, какъ прокатиться по тонкой плевѣ льда въ Гайдъ-Паркѣ. Глубокое и опасное именно подъ ней.

Для изученія англичанъ, надобно съ ними пожить, т. е. имѣть всякаго рода ежедневныя, будничныя сношенія, денежныя дѣла, общіе интересы и личное знакомство.

До сихъ поръ Англію знали въ Европѣ такъ, какъ она себя выдавала, или, такъ сказать, въ противоположность материку, прикладывая къ ней цѣликомъ свои понятія. Такъ, напримѣръ, знали, что въ Англіи существуетъ свобода книгопечатанія, которой въ Европѣ нѣтъ; но что значитъ для Англіи книгопечатаніе, этого не знали. Франція, отдѣленная отъ Англіи своимъ одностороннимъ образованіемъ, своимъ просвѣщеннымъ невѣжествомъ, не знала ея изъ ненависти. Германія, одаренная сильнымъ бугромъ набожности—der Veneration, не знала ее изъ подобострастія. Даже въ Россіи питали такое уваженіе къ Англіи, что слово „англійскій“ значило превосходное, прочное, совѣстливо оконченное.

Одна страна въ мірѣ знала Англію насквозь (и это очень извѣстно англичанамъ), она знала ее по воспоминаніямъ дѣтства, по молоку, которое сосала, по одной крови въ жилахъ: это Сѣверо-Американскіе Штаты. Дочь и мать, разлученныя океаномъ, не спускаютъ другъ съ друга глазъ: это тотъ одинъ взглядъ ненависти, которымъ смотрѣли другъ на друга старый Корсаръ и его дочь у Байрона.

Англія страна иной формаціи, мѣстами скрытой наноснымъ слоемъ современнаго образованія. Лишь только вошли вы въ Англію—равновѣсіе нарушено; человѣкъ нашего вѣка находится не въ своей средѣ. Европейское общество въ Парижѣ и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ и во Флоренціи одно и то же, при всѣхъ своихъ различіяхъ; но англійское общество совсѣмъ иное, въ немъ человѣкъ отступаетъ на три вѣка. Европа много пережила бѣдствіями, войнами, переворотами, столкновеніемъ народностей, борьбою теорій; стѣсненная мысль ея работала внутри и пережигала ея грудь, британскія идеи, оставшіяся безплодными дома, потрясали въ ней поколѣнія; аристократическій эпикуреизмъ британскаго ума дѣлался Вольтеромъ и энциклопедистами, Юмъ-Кантомъ. Внутреннее развитіе Англіи шло послѣ Вильгельма Оранскаго бѣдной ариѳметической

прогрессіей, въ то время какъ въ Европѣ оно неслось быстрой геометрической. Англія усвоивала себѣ одну техническую, прикладную, спеціальную часть общаго образованія. Это древній готическій соборъ, освѣщенный газомъ, къ которому ведутъ желѣзныя дороги, это XVII столѣтіе, переѣхавшее на фабрику. Англія, сложившись прежде другихъ странъ, изъ своихъ собственныхъ элементовъ и какъ случилось, т. е. оставляя половину на произволъ судьбы, удовлетворилась черезъ край своими учрежденіями. Неповоротливый умъ ея, довольный пріобрѣтеннымъ, продолжалъ одно и то же, повторяя поколѣніями условную и неловкую жизнь, храня обряды, боясь перемѣны. Такимъ образомъ Англія осталась страной не перегорѣлой, не переплавившейся, страной „Флецовой" въ сравненіи съ третьезданной Европой.

Главный историческій характеръ Англіи—настойчивость, это тихое, неотвратимое, безпрерывное осѣданіе, утягиванье всего на дно, храненіе захваченнаго, приращеніе безсмысленнымъ повтореніемъ, вѣчнымъ semper idem. Такъ образуются подводные рифы, это жизнь дна морского, совершенно противоположная вулканической натурѣ романскихъ народовъ, мучимыхъ внутреннимъ огнемъ, взрывами, живущихъ катаклизмами и пожарами. Романскіе народы, раздираемые своими потрясеніями, стынутъ на время съ лавой на губахъ, съ судорожнымъ выраженіемъ, оставляя тамъ кратеръ, тамъ разорванную скалу—въ память прошедшей бури. Въ Англіи все тихо какъ въ океанѣ, и все растетъ и множится въ страшныхъ количествахъ, т. е. все, что можетъ жить безъ воздуха.

Для осадка нуженъ покой, нуженъ порядокъ, и въ густой атмосферѣ острова все давно приняло мѣсто по удѣльному вѣсу, и если качается изъ стороны въ сторону, то все же не теряетъ баланса и своего слоя. Каждый атомъ въ немъ ищетъ самъ улечься или повиснуть навѣки вѣковъ въ своемъ мѣстѣ.

Сэръ Жозуа Вомелей, извѣстный членъ парламента, разсказывалъ годъ тому назадъ слѣдующій анекдотъ, бывшій въ его домѣ. Одинъ изъ „лидеровъ" радикальной партіи, онъ завелъ въ Лондонѣ большой домъ; человѣкъ добрый, онъ сдѣлалъ что могъ для удобства своихъ людей, но вскорѣ увидѣлъ, что они недовольны имъ. Однимъ утромъ его камердинеръ объявилъ ему, что онъ отходитъ.—Что случилось?—Я вами очень доволенъ, но я не могу остаться, въ нашей дворнѣ нѣтъ никакого порядка. Я не привыкъ къ такой жизни.—Какой же безпорядокъ?—Это не мое дѣло докладывать, извольте спросить ключницу (гаускиперъ). — Съ Богомъ. Затѣмъ сэръ Жозуа вышелъ въ залу; тамъ его ждали грумъ и футманъ (лакей) съ тою же просьбой. Удивленный сэръ Жозуа послалъ за гаускиперше́й.—Что у насъ въ домѣ дѣлается, всѣ отходятъ? Чѣмъ они недовольны?—У васъ, сказала чувствительно старушка, никто не будетъ жить, я сама отошла бы, еслибъ не такъ была привязана къ вашему дому. У насъ внизу такой содомъ, что еще не видывала, все перепутано, никто никого не уважаетъ.—Ничего не понимаю, и какъ же это сами дѣлаютъ безпорядокъ, и сами оставляютъ домъ себѣ въ наказаніе.

Гаускиперша сжалилась надъ нимъ и сказала ему: „пожалуйте въ людскую". Онъ пошелъ. Тамъ она трагически ему указала круглый столъ, купленный имъ для людскаго обѣда, и спросила, гдѣ первое мѣсто и гдѣ послѣднее. „Я сама не знаю, гдѣ мое мѣсто: футманъ, кучеръ, грумъ, садятся иногда возлѣ меня, я только это для васъ выносила до сихъ поръ".—Ну, а если я вмѣсто круглаго велю поставить четвероугольный столъ?—Тогда всѣ останутся.—Футманъ, сію минуту ступайте къ мебельщику, чтобъ онъ прислалъ четвероугольный столъ. Съ тѣхъ поръ какъ его принесли, до меня не доходило ни одной жалобы.

Въ этой исторіи, прибавилъ сэръ Жозуа смѣясь, самое оригинальное лицо, это мой грумъ, отходящій за то, что слишкомъ почетно сидѣлъ за обѣдомъ. Онъ обижался мыслію, что, когда онъ будетъ камердинеромъ, какой-нибудь грумъ сядетъ выше его.

Лакей, которому вы утромъ скажете „здравствуйте“, будетъ васъ презирать. Лакей, съ которымъ вы будете говорить о чемъ-нибудь, кромѣ его дѣла, потеряетъ къ вамъ всякое уваженіе, сдѣлается дерзокъ. То же отношеніе между англійскимъ работникомъ и хозяиномъ, между earl или негаціантомъ Сити, между перомъ и смиреннымъ представителемъ Нижней Палаты.

Никакой талантъ, никакая заслуга, никакой трудъ не отпираетъ человѣку безъ состоянія двери богатыхъ купеческихъ домовъ. Никакое богатство, никакое значеніе въ City не введетъ въ аристократическій кругъ. Два, три исключенія, которыя обыкновенно приводятъ, поэтому самому ничего не доказываютъ. Чтобъ ввести Вальтеръ-Скотта въ высшее общество, надобно было его сдѣлать баронетомъ. Еслибъ Шекспиръ жилъ не при королевѣ Бессъ, а при королевѣ Викторіи, онъ равно не былъ бы принятъ ни герцогомъ Ньюкестль, ни мѣнялой Мастерманомъ. Для иностранцевъ, умѣющихъ se faire valoir, дѣлается исключеніе. Англичане теряются въ ихъ de, von, herr Baron, Mr. le marquis, Mr. le vicomte, Herr Freyherr, и считая ихъ выше обыкновенныхъ squire, пускаютъ въ свои гостиныя безъ всякой геральдической критики. Зато надобно видѣть, какъ принимаютъ они артистовъ, пѣвицъ; есть домы, въ которыхъ ставится балюстрада, отдѣляющая работниковъ голоса и мастеровыхъ гармоніи отъ гостей: они входятъ особой дверью, поютъ, играютъ, получаютъ свои 20 гиней отъ дворецкаго и ѣдутъ домой. Оттого-то первоклассныя пѣвицы такъ неохотно принимаютъ приглашенія пѣть въ частныхъ домахъ, а Тамберликъ просто отказывается. Въ англійскихъ домахъ есть паріи стоящіе на еще болѣе смиренной ступени, нежели артисты: это учители и гувернантки. Все, что вы слыхали въ дѣтствѣ о прежнемъ уничижительномъ положеніи des outchitels, мамзелей и мадамъ въ степныхъ провинціяхъ нашихъ, все это совершается теперь со всей неотесанной англо-саксонской грубостью, совершалось вчера и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться эта Англія.

То, что я говорю, и не преувеличеніе, и не новость; для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взять два-три новыхъ романа Диккенса или Теккерея, стоитъ взять Vanity fear, и вы увидите, какъ Англія отражается въ англійскомъ умѣ.

При этомъ надобно сказать нѣсколько словъ въ похвалу англійской литературы: она несравненно мужественнѣе, нежели французская, въ обличеніи печальнаго состоянія внутренней жизни острова. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда англичанинъ, какъ Байронъ, отрывается отъ своей пошлой жизни, отъ лицемѣрія и даетъ волю ироніи и скептицизму, онъ бываетъ безпощаденъ и не прибавляетъ на французскій манеръ для нравственнаго равновѣсія по ангелу на каждаго злодѣя. Вообще, иронія и скептицизмъ — чужды нѣмцамъ и французамъ, у нихъ въ жизни нѣтъ столько разорванности, грусти, тумана, у нихъ нѣтъ столько досуга сосредоточиваться въ себѣ самихъ: французу мѣшаетъ жизнь, нѣмцу—безличная мысль. Въ этомъ отношеніи русская литература всѣхъ ближе по духу къ англійской, и вотъ отчего Байронъ имѣлъ такое вліяніе у насъ на цѣлое поколѣніе, и больше того—на Пушкина и Лермонтова.

Когда французъ обличаетъ темныя стороны Франціи, вы сейчасъ видите, что это семейная размолвка, преувеличеніе страсти, что онъ ничего лучше не проситъ, какъ примириться, il boude—и то въ извѣстныхъ границахъ.

Англичанинъ долго крѣпится, долго гордъ Англіей, царицей океановъ, первымъ народомъ солнечной системы, но, когда онъ отчаливаетъ, наконецъ, отъ этой мели свою ладью, онъ покидаетъ ее безвозвратно, серьезно, въ самомъ дѣлѣ и спокойно, печально сознавая силу своихъ словъ, говоритъ своему народу страшное:

Jou are an inmoral people—and you know it (Don-Juan).

На этомъ горькомъ, выстраданномъ стихѣ Байрона мы и остановимся, готовые продолжать наши сказанія о внутренностяхъ Англіи, если читатели того пожелаютъ.

В. Б.

Эстетика.

Разсказъ.

Сомову шелъ двадцатый годъ. Онъ былъ средняго роста, широкъ въ кости, лицо имѣлъ некрасивое, скуластое и суровое, съ русымъ пухомъ на подбородкѣ и узенькими задумчивыми глазами.

Онъ родился на Дону, въ глуши южнаго побережья, въ бѣдной мѣщанской семьѣ, кончилъ стипендіатомъ гимназію въ уѣздномъ городкѣ и только что поступилъ на медицинскій факультетъ въ московскомъ университетѣ.

Въ столицѣ у него никого не было и пріѣхалъ онъ прямо въ Ляпинку, списавшись съ земляками. Онъ скопилъ кое-что, зарабатывая еще на школьной скамьѣ, но эти деньги быстро ушли на дорогу, экипировку, плату за первое полугодіе и на публикаціи въ газетахъ. Это стоило дорого, и, хотя онъ хронически голодалъ и берегъ каждый грошъ, отказывая себѣ зачастую даже въ бѣломъ хлѣбѣ для чая, сбереженія его таяли. Уроковъ все-таки не было, стипендіи не давали. Просить пособія изъ комитета было стыдно, потому что кругомъ него другіе голодали не меньше, да къ тому же не имѣли про черный день и полтинника за душой.

Недавно еще прошелъ слухъ, что комитетъ всѣмъ отказываетъ въ пособіи, потому что денегъ въ кассѣ нѣтъ.

Сомовъ съ дѣтства привыкъ къ нуждѣ, поэтому лишенія не отравляли ему жизнь. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ падать духомъ отъ неудачъ.

Онъ даже первые три мѣсяца былъ постоянно въ нервномъ возбужденіи. Столица опьянила его избыткомъ впечатлѣній. Къ электричеству, звуку копытъ по асфальту и уличному шуму онъ долго не могъ привыкнуть. Роскошь магазиновъ раздражала и наводила на размышленія, печальныя и желчныя. Зато клиники, музеи, публичныя библіотеки приводили его въ восторгъ.

Въ театръ онъ попалъ раза два по жребію, на даровые билеты, присылаемые въ университетъ. Опера — (шелъ Фаустъ) — потрясла его до слезъ. Малый театръ, гдѣ давали модную пьесу, — разочаровалъ его. Неужели столичной интеллигенціи нужны такія пошлости?.. Онъ былъ о ней лучшаго мнѣнія.

Также сложны были его впечатлѣнія въ университетѣ, куда онъ шелъ съ трепетомъ и откуда вернулся съ глухимъ недовольствомъ, неудовлетворенный... Онъ приглядывался къ товарищамъ, ни съ кѣмъ не сходясь, робкій и замкнутый, но жадно прислушивался къ спорамъ двухъ ожесточенныхъ лагерей, къ „новому слову", побѣдно звучавшему кругомъ. Оно волновало—это „слово",—раскрывало какія-то дали впереди, внимать равнодушно ему было невозможно... Цѣлыми вечерами онъ присутствовалъ на диспутахъ, забившись въ уголъ, куря съ какимъ-то ожесточеніемъ и страдая отъ

своего безсилія вмѣшаться въ споръ, поддержать единомышленниковъ и грудью защищать то завѣтное и дорогое ему, что злорадно осмѣивали, называя „хламомъ", но въ чемъ для него была вся правда жизни...

Поздней осенью онъ какъ-то разъ попалъ на первое представленіе въ Малый театръ. И опять досада за потерянный вечеръ охватила его. Ничтожная по замыслу, пошлая въ разработкѣ драма изобиловала дешевыми эффектами и была ловко разсчитана на низменные вкусы. Авторъ зналъ свою публику. Но галерка роптала презрительно и враждебно, не прощая обманутыхъ ожиданій и загубленнаго времени.

— Провалится...—убѣжденно говорилъ студентъ Пименовъ Сомову, спускаясь въ фойе.

— Эдакая досада!.. Хоть не заглядывай сюда...

— А вотъ увидите, что три сезона выдержитъ...—подхватилъ Назаровъ, завзятый театралъ—Вотъ его же пьеса „гвоздемъ" сезона была прошлый годъ.

— Мы ее освистали...

— А все-таки она дѣлала сборы...

— Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ они руководятся при постановкѣ.

— Вотъ чудакъ-то!.. Театръ полонъ... Чего же тебѣ еще-то?..

Въ фойе было тѣсно. Разряженная толпа почти не двигалась. Это была своеобразная публика первыхъ представленій, праздная, сытая и пресыщенная. Всюду виднѣлись равнодушныя, либо скучающія лица. Купчихи въ бриллiантахъ, офицеры, купцы, рецензенты, очень рѣдко профессора и писатели, много свѣтскихъ дамъ и дѣвицъ.

— Въ сущности театръ только для буржуазіи — и по цѣнамъ, и по пьесамъ,— вдругъ сказалъ Сомовъ.—И авторы пишутъ для нея...

— А ты только сейчасъ догадался!—усмѣхнулся Назаровъ.

Сомовъ покраснѣлъ. Въ своей провинціальной наивности онъ еще вѣрилъ, что театръ имѣетъ воспитательное значеніе.

Стоя у окна тѣсной группой, они глядѣли въ публику. Иногда Пименовъ называлъ художниковъ, либо публицистовъ.

— Гдѣ?.. Который?.. жадно спрашивалъ Сомовъ.

Онъ ихъ всѣхъ почти зналъ по газетамъ и журнальнымъ статьямъ... Всѣ „они" казались ему такими „особенными" людьми. Его мечтой было сблизиться съ ними. Но какъ плебей, всѣмъ обязанный одному себѣ, Сомовъ былъ болѣзненно-самолюбивъ и никому не признался-бы въ своихъ грезахъ, боясь улыбки сожалѣнія... „Когда-нибудь потомъ,—говорилъ онъ себѣ, когда выбьюсь"...

— А вонъ Горжельская,—вдругъ сказалъ Назаровъ.

— Кто?!

Глаза Сомова вспыхнули.

— Гаснущія искры читалъ?

— Неужели она? Вотъ эта самая?

Нервно теребя пухъ подбородка, Сомовъ глядѣлъ съ страннымъ, сложнымъ чувствомъ.

Читалъ ли онъ ея книгу?.. Еще бы!.. Онъ даже перечелъ ее всю въ публичной библіотекѣ... Въ сборникѣ было нѣсколько разсказовъ изъ жизни трудящагося люда. Несложныя мытарства курсистки, заброшенной въ столицу—какъ и онъ—безъ друзей и родныхъ, незамѣтныя слезы боннъ и гувернантокъ, мечты подростка-мастерицы, грубо разбитыя на мостовой, среди пьянаго разгула, робкія грезы еврейчика-музыканта, измученнаго насмѣшками и нуждой, всѣми гонимаго, но въ страстной любви къ искусству черпающаго силы и утѣшеніе... Все это были маленькія обиды маленькихъ людей... Какъ надо было любить неудачниковъ, чтобы подмѣтить эти искры иллюзій, согрѣвавшія ихъ сердца!.. Жизнь была сурова, какъ январьская ночь, и эти искры гасли, не разго-

рѣвшись въ пламя, затоптанныя случайно ногой прохожаго... Талантливая книга говорила объ этихъ незамѣченныхъ страданіяхъ и требовала къ нимъ уваженія.

Но ярче, лучше всѣхъ казался Сомову разсказъ о студентѣ-бѣднякѣ, какъ онъ бился въ столицѣ, какъ надорвался и умеръ... Это душевное одиночество, задавленная жажда иной жизни, полной захватывающаго интереса и умственныхъ наслажденій, которая, какъ вопль, рвется подчасъ среди отупляющаго однообразія изъ сердца, измученнаго „прозой"... Какъ могла она все это угадать?.. Она точно о немъ писала... И чужой себѣ онъ ее не считалъ... Безъ волненія и спазма въ горлѣ онъ не могъ читать этого разсказа, его ужаснаго конца, написаннаго нервно, почти судорожно... съ удивительной силой и простотой... Всякій разъ, дойдя до этого мѣста, онъ прятался за книгу, чтобъ сосѣди не видѣли его слезъ.

Неужели она?

Сомовъ такъ много думалъ о ней, такъ жаждалъ встрѣчи, узнавъ, что Горжельская живетъ въ Москвѣ,—что въ эту минуту почти страдалъ отъ радости и отъ... разочарованія... Она почему-то представлялась ему похожей на учительницу въ его уѣздномъ городѣ, молодую, чахоточную, съ скорбнымъ и увядшимъ лицомъ, гладко причесанную, въ темномъ платьѣ, съ надтреснутымъ звукомъ слабаго голоса... Идейная писательница, какой считалась Горжельская, не могла быть иной.

Та, которую онъ видѣлъ передъ собой въ тридцати шагахъ, ничѣмъ не отличалась отъ дюжины—другой свѣтскихъ дамъ, наполнявшихъ фойе... Она была одѣта со вкусомъ, почти богато, въ какомъ-то свѣтломъ платьѣ. У нея была таже прическа, закрывавшая пышными завитками лобъ и уши,—прическа модная, эффектная, умышленно-небрежная...

— Она очень интересна,—сказалъ Назаровъ.

Горжельскую окружала толпа дамъ и молодыхъ людей. Она улыбалась, слушая банальности этихъ пошляковъ... Что кромѣ пошлости могли говорить ей эти люди, которыхъ только по одеждѣ слѣдовало признать за интеллигентовъ? На Горжельскую оглядывались, узнавали ее и перешептывались съ улыбкой, показывая ее другимъ, кто ее не зналъ... Она отлично замѣчала это вниманіе толпы. Оно было ей пріятно, но она зачѣмъ-то презрительно щурилась въ публику, и ея овальное блѣдное лицо казалось такимъ надменнымъ... Въ ней совсѣмъ не было простоты. Напротивъ, она замѣтно слѣдила за каждымъ своимъ движеніемъ, какъ артистка на подмосткахъ.

— Противная какая!..—говорили дамы. Но мужчинамъ Горжельская нравилась. И они находили ее кокеткой и „шельмой"... какъ выразился одинъ офицеръ, чѣмъ вызвалъ взрывъ довольнаго смѣха среди товарищей.

Раздался звонокъ, толпа заколебалась и двинулась къ выходу.

— Хочешь увидать ее ближе?..—спросилъ Пименовъ.—Такъ пойдемъ скорѣе...

Случилось, какъ они разсчитывали. Въ дверяхъ была такая толпа, что Горжельская съ своими знакомыми вынуждена была остановиться. Студенты очутились рядомъ. Сомовъ стоялъ ближе. Онъ слышалъ, какъ хрустѣлъ при всякомъ движеніи Горжельской лифъ ея платья на шелку, видѣлъ завитки ея волосъ на вискахъ и затылкѣ, ослѣпительно бѣлую кожу ея шеи... Онъ слышалъ даже запахъ какихъ-то странныхъ духовъ... Голова его закружилась,—отъ нихъ ли, отъ тѣсноты и жаркаго дыханія толпы?.. Быть-можетъ, отъ волненья?

— А вѣдь она не первой юности,—сказалъ кто-то сзади, даже не понижая голоса.

— И, должно быть, шибко жила!

Послышался смѣхъ. Сомовъ вздрогнулъ и покраснѣлъ до бѣлка глазъ. Неужели это говорили о ней?

Онъ оглянулся-было, но въ эту минуту толпа двинулась дальше... Горжельская что-то говорила статскому съ сѣдѣющими черными бакенами и высокимъ лбомъ, пере-

ходившимъ въ плѣшь. Потомъ прозвучалъ ея смѣхъ—и тоже такой дѣланный, неискренній, какъ-будто ей совсѣмъ не было смѣшно, и она это дѣлала изъ любезности.

— Съ кѣмъ это она?..—спросилъ Пименовъ Назарова.

— Неужели никогда не видалъ? Это профессоръ Л***.

— Тотъ самый, чья книга?..

— Ну, да... онъ самый...

Сомовъ не слушалъ, торопясь, затираемый толпой.

Горжельская, взявъ подъ руку профессора, шла въ партеръ. Студенты кинулись за ней по лѣстницѣ, толкнули кого-то и наступили ей на платье.

— Pardon... ради Бога, pardon...—весь красный забормоталъ Назаровъ, прикладывая руки къ груди.

Какъ свѣтская женщина, она не выразила ни малѣйшей досады, а только остановилась на мгновеніе. Когда неуклюжіе сапоги освободили ея шлейфъ, она ловко подобрала его и кинула на студентовъ бѣглый взглядъ, ничего не говорившій.

„Только-то?.. Неужели все?..“ думалъ Сомовъ подъ свистъ галерки, хоронившей пьесу, не принимая никакого участія въ ея торжествующемъ приговорѣ.

— Вѣдь провалъ, господа?..—спрашивалъ Пименовъ, возбужденно блистая глазами и не попадая въ рукавъ пальто.

— Конечно, провалъ... Мы свистали, а партеръ молчалъ.

— Слышали?.. Кто-то рискнулъ крикнуть автора, да осѣкся...

— А вотъ въ газетахъ завтра окажется, что пьеса имѣла внѣшній успѣхъ.

— Это что за штука?.. Нешто внутренній еще бываетъ успѣхъ?

— Это вродѣ „внутренняго убѣжденія“ у судей и слѣдователей... Кажется, всѣ улики на-лицо, что проворовался человѣкъ... А они оправдаютъ... Вотъ это и есть „внутренній“...

„Только-то?..“ упорно думалъ Сомовъ, выходя на подъѣздъ.

Разочарованіе было полное.

II.

Прошелъ годъ.

За это время скулы на калмыцкомъ лицѣ Сомова выступили рѣзче, глаза становились угрюмѣе. Зима въ этотъ годъ была суровая, а онъ ходилъ въ лѣтнемъ пальто, закрывая уши и горло башлыкомъ. У него явился хроническій кашель, а когда онъ сердился, либо волновался, кашель этотъ былъ мучителенъ.

— Не по мнѣ климатъ,—думалъ онъ, съ тоской вспоминая о благодатномъ югѣ

У него былъ урокъ за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ у Серпуховской заставы Каждый день онъ дѣлалъ концы въ шесть—семь верстъ. Онъ былъ тяжелъ на ногу, скоро изнашивалъ обувь и это приводило его въ отчаяніе. Да и уставалъ онъ порядочно, потому что на медицинскомъ факультетѣ было много работы,—а ѣда была скудная. Онъ получалъ безплатный обѣдъ при комитетской столовой,—но только крайность заставила его прибѣгнуть къ этому средству. За невзносъ платы ему грозила перспектива быть исключеннымъ, поэтому онъ дрожалъ надъ каждымъ грошомъ своего заработка. Какъ и прежде, у него не было ни одного знакомаго семейнаго дома, гдѣ можно было бы мирно поболтать среди уютной обстановки, за стаканомъ чая... увидать красивое и доброе женское лицо, услыхать слово участія.

У него были только товарищи, многіе равнодушные ко всему, кромѣ клиники и лекцій, многіе—завзятые „экономисты“, охваченные, какъ повѣтріемъ, оригинальнымъ новымъ вѣяніемъ... Среди нихъ онъ былъ одинокъ, но теперь, перечитавъ многое, онъ уже не молчалъ, а спорилъ, защищалъ свои взгляды,—„устарѣлые“—говорилъ Наза-

ровъ. Онъ былъ слишкомъ желченъ и вспыльчивъ, чтобы не раздражаясь выяснять свою точку зрѣнія... Разругавшись, онъ уходилъ, измученный до безконечности этой мозговой работой, этимъ „кипѣніемъ“ нервовъ... Иногда онъ вдругъ угрюмо смолкалъ въ разгаръ спора, закрывая глаза... Охватывала такая жгучая, ничѣмъ неистребимая тоска!.. И все чаще являлась потребность отдыха, забвенія, ласки...

У него былъ землякъ— юристъ Волчаниновъ—такой красивый, тоненькій и вкрадчивый. Всегда у него были хорошіе уроки и всюду были знакомства. Въ залѣ Романова, на благотворительныхъ концертахъ и вечерахъ, онъ всегда красовался въ мундирѣ съ иголочки, со значкомъ распорядителя, либо съ живымъ цвѣткомъ въ петлицѣ.

Хотя они были изъ одной гимназіи и оба съ юга, Сомовъ не долюбливалъ товарища какъ-то органически, темнымъ инстинктомъ, который дворнягу Полкана заставляетъ враждебно сторониться отъ пойнтера Трезора, нахала, труса и тунеядца...

Но разъ какъ-то Волчаниновъ похвасталъ, что знакомъ съ Горжельской и часто видаетъ ее.

— Гдѣ?..—порывисто спросилъ Сомовъ и темный румянецъ залилъ его лицо.

Волчаниновъ назвалъ домъ извѣстнаго профессора.

— Тамъ собираются по субботамъ... Много молодежи... танцуютъ... Дочки у нихъ двѣ, такія пустенькія... Хозяйка... Вы слышали о ней?.. Она въ нашемъ студенческомъ комитетѣ членомъ... И очень любитъ популярность...

У Волчанинова былъ скверный языкъ, совсѣмъ бабій, и онъ тутъ же по дорогѣ сказалъ нѣсколько сплетенъ о хозяйкѣ и ея дочеряхъ.

— А Горжельская?..—спросили его.—Что она тамъ дѣлаетъ?

— Ее показываютъ гостямъ, а она кокетничаетъ,—умышленно-небрежно кинулъ Волчаниновъ.

— Ну, полноте!..—вступился кто-то.

— Отчего бы нѣтъ?.. Вѣдь и ей нужна популярность у нашего брата... Хотите, Сомовъ, я васъ туда сведу и представлю?

Сомовъ отказался наотрѣзъ и въ такой грубой формѣ, что всякій другой на мѣстѣ Волчанинова обидѣлся бы.

Мѣсяцъ спустя Сомовъ встрѣтилъ земляка на улицѣ. Краснѣя, волнуясь и кашляя, онъ попросилъ свести его къ Дерягинымъ.

Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ глупымъ и неуклюжимъ на этой вечеринкѣ, гдѣ дѣвицы танцовали венгерку съ кончающими гимназистами, студентами и какими-то судейскими... гдѣ играли въ веревочку и кошку-мышку, гдѣ смѣялись всякому вздору... Онъ благословлялъ судьбу, что въ этой толчеѣ сумѣлъ затеряться и не попадать на глаза хозяйкѣ или Волчанинову. Весь вечеръ онъ просидѣлъ въ углу, нервно вздрагивалъ при каждомъ новомъ звонкѣ, всѣми фибрами ожидая встрѣчи... Публика была пестрая. Стало душно.

— Значитъ, она не придетъ?..—въ двѣнадцатомъ часу разочарованно спрашивала хозяйку какая-то учительница изъ Твери, которая спала и видѣла познакомиться съ Горжельской.

— Должно быть, нѣтъ... что-нибудь задержало... Такая досада...

Сомова охватила злая тоска. Онъ всталъ, чтобы уйти незамѣтно, не прощаясь. Волчаниновъ его удержалъ.

— Куда вы?.. Сейчасъ будутъ ужинать. Здѣсь недурно кормятъ.

Но Сомовъ былъ непреклоненъ.

Вдругъ затрещалъ электрическій звонокъ.

— „Она“...—сказала хозяйка и кинулась въ переднюю.—Я говорила, что она будетъ...—торжествующе обернулась она къ гостямъ, которые улыбнулись, зная ея страсть къ „знаменитостямъ“...

Сомовъ такъ и замеръ въ передней, тиская въ рукахъ фуражку.

Да, это была она, въ какомъ-то удивительномъ туалетѣ, свѣжая и румяная. Съ ней въ переднюю вошла струя мороза и тонкій ароматъ странныхъ духовъ.

— Изъ вашего „клуба"?..—догадалась хозяйка, пожимая руки въ перчаткахъ.

— Да...

— Ну, и что же?.. Позвольте вамъ представить...—Она назвала всѣхъ, стоявшихъ въ передней, но, поглядѣвъ на студента, запнулась.

— Сомовъ,—угрюмо подсказалъ онъ, вспыхивая.

Но онъ тутъ же понялъ, что это было напрасно. *Она* скользнула по немъ бѣглымъ взглядомъ, какъ и тогда, въ театрѣ, и очевидно не разслыхала его имени, ненужнаго ей.

Зато Волчанинову она подарила улыбку.

— Снимайте шапочку, моя прелесть! Будемъ ужинать... Ну, что же тамъ было? Весело?

— Ахъ!.. Невыносимая скука!..—звонко разсмѣялась Горжельская.—Я насилу досидѣла этотъ рефератъ... Какъ имъ не стыдно тратить вечеръ на такія глупости!?

— Самоуслажденіе... Это вещь невинная,—подхватилъ какой-то старичокъ.

Ее повели въ столовую. Всѣ двинулись туда—и Сомовъ, самъ не зная какъ, очутился за столомъ, почти противъ нея. Лицо его еще горѣло и сердце билось глухо, когда онъ вспоминалъ ея равнодушное пожатіе и этотъ бѣглый взглядъ.

Онъ злился и тутъ же говорилъ себѣ:

— Какъ это глупо!.. Чего же я ждалъ?.. Неужели одинъ видъ моего студенческаго мундира долженъ внушать ей уваженіе и интересъ?.. Поглядимъ... поглядимъ...

Она сняла перчатки и на рукѣ ея сверкнулъ крупный бриллiантъ. Ее тотчасъ окружили, подавали ей закуски, спрашивали. Она отвѣчала, но тщетно Сомовъ искалъ остроумія или оригинальности въ ея отвѣтахъ. Все было въ ней такъ ординарно, кромѣ голоса и глазъ. Всего непріятнѣе ему было то, что Горжельская не казалась искренней. Опять таки, какъ артистка на подмосткахъ, знающая, что на нее устремлены бинокли, она рисовалась и кокетничала передъ своей публикой. Опять женщинамъ она не нравилась. Большинство мужчинъ находило ее очаровательной.

Когда подали дичь, какой-то господинъ, маленькій, черненькій, съ нервно помаргивающими глазами, какъ будто онъ все время кому-то подмигивалъ,—рѣшился подойти къ Горжельской и напомнить ей о себѣ... Они встрѣчались у Павловыхъ, въ прошломъ году... Докторъ такой-то... Онъ заикался отъ волненія.

Сѣрые глаза Горжельской стали большими. — „Не помню... Кто ты такой?.. Въ первый разъ вижу..." ясно говорилъ этотъ взглядъ. Но она любезно улыбнулась.

— Ахъ!..Да,да...очень рада... помню...—солгала она, опять не вслушиваясь и въ это ненужное ей имя—и тотчасъ забывая о лицѣ черненькаго доктора.

А онъ, торжествуя, „понесъ себя" на другой конецъ стола, подмигивая всѣмъ, на кого падалъ его радостный взглядъ.

„Болванъ!"—подумалъ Сомовъ.—„Неужели и я сваляю такого же дурака?.."

И онъ поглядѣлъ на Горжельскую съ глухимъ, недобрымъ чувствомъ.

Послѣ ужина молодежь разъѣхалась. Остались только „друзья" хозяйки, но Сомовъ не уходилъ, чего-то выжидая.

Учительница изъ Твери, робѣя и тараща маленькіе глаза, подсѣла къ Горжельской и задыхающимся голосомъ заговорила о „Гаснущихъ искрахъ"...

Ахъ!.. Она никогда не мечтала о счастьи видѣть вблизи автора этой чудной книги... Она такъ и сказала „счастьи"... Это вышло такъ непосредственно и наивно и голосъ у нея такъ хорошо дрогнулъ.—Въ Твери книга ея нарасхватъ... Ахъ!.. Еслибъ она пріѣхала

на концертъ!.. И повѣсть ея читаютъ съ такимъ захватомъ... О ней только и говорятъ, ею всѣ полны... Она такъ много, такъ много даетъ счастья своими разсказами...

Она задохнулась и смолкла. Весь блѣдный, Сомовъ придвинулся невольно, забывъ робость и гордость. Ему тоже захотѣлось говорить.

Горжельская вдругъ стала другой. Вся рисовка, вся фальшь и надменность, какъ маска, упали съ ея лица, и оно показалось ему такимъ прекраснымъ и необычнымъ. Она улыбнулась... Это была совсѣмъ молодая улыбка, такая свѣтлая и радостная.

— Какая вы милая,—дрогнувшими звуками вырвалось у нея и на этотъ разъ съ неподдѣльной искренностью. — Я очень тронута... Пожалуйста, говорите еще о моей книгѣ... Я такъ люблю... такъ цѣню, когда меня хвалятъ...

Она сконфузилась, вспыхнула и разсмѣялась.

— Я... я тоже хотѣлъ... съ вами...

Но Сомова перебили, жидкій голосъ его затерялся, покрытый сочнымъ хохотомъ хозяйки и басомъ какого-то инженера.

— А помните, какъ это въ Чайкѣ-то писатель?..

— Да, да... — разсѣянно отвѣчала Горжельская, скользя по чужимъ лицамъ и лаская глазами учительницу, руку которой она держала въ своей, тихонько пожимая.

— Какой же вамъ разсказъ понравился больше всѣхъ?..—спросила она подъ шумокъ споровъ о Чайкѣ.

— А помните?.. Вотъ тотъ объ учительницѣ... Когда я его читала, столько вспомнилось своего, личнаго... ахъ!.. Всего не скажешь... Если бы...

Сомовъ кашлянулъ и придвинулся.

— Я тоже хотѣлъ задать вамъ одинъ вопросъ...

— Нѣтъ... Нина Михайловна должна намъ это рѣшить... — перебилъ какой-то статскій въ очкахъ.—Я утверждаю, Нина Михайловна, что въ образѣ Тригорина авторъ далъ намъ если не свои собственныя черты...то типичный обликъ писателей вообще...

— Полноте!.. Развѣ писатели могутъ быть такими противными?..—подхватила хозяйка.—Развѣ это человѣкъ?.. Это какой-то фотографическій аппаратъ... Помните, Нина Михайловна, какъ онъ это говоритъ...

— Объ облакѣ, похожемъ на рояль... О вдовьемъ цвѣтѣ и запахѣ геліотропа. C'est ce que je dis, madame... Всѣ они такіе... Смѣю утверждать, что и Нина Михайловна страдаетъ тѣмъ же порокомъ...

— Какимъ?..—спросила Горжельская, вдругъ покраснѣвъ.

— Равнодушія къ дѣйствительности и страсти къ искусству...

— Ахъ!.. Это очень зло!..—глухо засмѣялась писательница.

Хозяйка обняла ее и такъ страстно чмокнула цѣлуя, словно выстрѣлила въ воздухъ.

— Нѣтъ, прелесть моя, нѣтъ... Вы, именно вы не такая...

— Нина Михайловна прежде всего—эстетикъ... И, какъ всѣ художники, любитъ людей постольку, поскольку они нужны ей для ея творчества... Писатели слишкомъ любятъ „красоту", чтобы сверхъ того любить людей... какъ они есть...

— Чѣмъ я васъ обидѣла?..—спросила Горжельская, очаровательно улыбаясь статскому.

Всѣ расхохотались.

— Вы о какой красотѣ изволите говорить? — сурово обернулся къ обвинителю какой-то старичокъ.

Статскій оглянулъ всѣхъ лукавымъ, блестящимъ взглядомъ, какъ бы заранѣе приглашая ихъ посмѣяться и прислушаться.

— О красотѣ положенія... вообще...

Поднялся споръ.

—Кто это?..—спросилъ Сомовъ сосѣда.

— Развѣ вы не знаете?.. Это профессоръ Л***.

Сомовъ вспомнилъ, что видѣлъ его въ театрѣ... Конечно, понялъ онъ, — теперь его не выслушаютъ... Но онъ враждебно поглядѣлъ на профессора, который такъ ѣдко развѣнчивалъ эту женщину.

— Они знакомы?..—спросилъ онъ сосѣда.

Тотъ усмѣхнулся довольно двусмысленно.

— Говорятъ, и очень близко...

— А!..

Сомовъ вспыхнулъ и уставился на носки своихъ сапогъ. Но вспомнилъ, что они рыжіе, стершіеся, и быстро убралъ ноги подъ стулъ.

Въ первый разъ онъ какъ-то представилъ себѣ что Горжельская—интересная и молодая еще женщина, что у нея есть личная жизнь, мужъ, быть можетъ, дѣти... любовникъ?..

Но разспрашивать онъ не хотѣлъ. Ему было стыдно.

Когда Горжельская уѣзжала, ее опять окружили въ передней. Волчаниновъ кинулся впередъ, чтобъ подать ей ротонду.

— Я проживу здѣсь еще недѣлю...—говорила ей учительница.—Ахъ!.. Еслибъ мнѣ увидать васъ!.. Хоть разокъ еще... Столько спросить, сказать надо...

— Приходите ко мнѣ,—просто сказала Горжельская.—Я живу... (она назвала улицу и домъ).—По вторникамъ меня всегда застанете... И вы приходите...—бросила она Волчанинову и улыбнулась опять.

— Если позволите, съ товарищемъ?.. Онъ—вашъ поклонникъ, Нина Михайловна... Бредитъ прямо вашимъ сборникомъ...

Сомовъ и не взвидѣлся, какъ уже стоялъ передъ Горжельской. Волчаниновъ крѣпко держалъ его за рукавъ, и онъ кланялся, красный и злой.

— Ахъ, пожалйуста... Я буду такъ рада...

Сомовъ упорно не подымалъ глазъ, чтобъ не видѣть этой улыбки.

Она ушла. За ней торопливо выходилъ профессоръ.

III.

Вторникъ наступилъ, наконецъ...

И вотъ онъ сидитъ за чайнымъ столомъ, въ ея небольшой, красивой квартирѣ... Обстановка довольно буржуазная. Хорошъ только кабинетъ, темный, строгій, безъ лишней мебели и бездѣлушекъ, кабинетъ мужчины. Его украшеніемъ служитъ портретъ Горжельской въ удивительно-оригинальной позѣ и прическѣ. Мужа не видно, дѣтей тоже. Если они и есть, ихъ не слыхать... Говорятъ, она разъѣхалась съ мужемъ и давно живетъ одна... У нея было бурное прошлое. Сомовъ это чувствуетъ, глядя на ея утомленное лицо. Ей нынче нездоровится и нынче она уже не такъ молодожава и интересна. Ей навѣрное за тридцать лѣтъ.

„Такъ и надо", думаетъ Сомовъ.—„Что можетъ сказать женщина, не пережившая всего, что суждено на ея долю?"

Чтобъ примириться съ нею, онъ снова перечиталъ всю книгу ея, стараясь понимать не только строки, но и между строкъ... И онъ простилъ ей все за минуты, которыя дала ему опять ея зелененькая книжка.

Общество у нея „избранное", совсѣмъ такое, какъ онъ себѣ представлялъ. Есть здѣсь и два писателя, и одинъ публицистъ, и извѣстный докторъ по нервнымъ болѣзнямъ, и учителя, и двое профессоровъ и еще какіе-то молодые люди и барышни, и Дерягины, и артистка изъ Малаго театра... И говорятъ здѣсь какъ будто объ интересныхъ вещахъ... о послѣдней повѣсти Горькаго, о мнѣніи Льва Толстого объ

этомъ писателѣ, о художественномъ театрѣ и пьесѣ Ибсена, и о школьной реформѣ... Но Сомовъ чувствуетъ глухую неудовлетворенность. Ни одного самобытнаго, яркаго слова, ни одного оригинальнаго сужденія... Все чужія мнѣнія, чужія слова, выдержки изъ газетъ и потому знакомыя Сомову „общія мѣста"... Какъ будто эти писатели ревниво и скупо прячутъ отъ другихъ все, что у нихъ есть своего, чтобы отдать это въ печать и получить за строчки.

Еще страннѣе то, что въ спорахъ, говоря чужія слова и повторяя готовыя мнѣнія, всѣ эти доктора, учителя и профессора горячатся, какъ будто сами выносили и выстрадали эти взгляды, а не почерпнули ихъ изъ газетъ.

Учительница изъ Твери слушаетъ благоговѣйно каждое слово и Сомову больно за нее... Говорятъ весь вечера пятеро; остальные молчатъ изъ робости, чаще изъ равнодушія. Зачѣмъ они здѣсь?.. Лестно сказать, что бываютъ у Горжельской. Вотъ и все, но имъ здѣсь скучно—этимъ барышнямъ и молодымъ людямъ. Скучно и хозяйкѣ... Какъ это чувствуется, что она всѣмъ здѣсь чужая!.. Зачѣмъ же эти „вторники"?

Споръ о Горькомъ разгорается... Профессоръ цитируетъ Н. К. Михайловскаго изъ книжки Рус. Богатства, докторъ возражаетъ словами критика Міра Божьяго и оба забываютъ прибавить слушателямъ, что это чужія слова. . Конечно, все это остроумно, блестяще, зло... Артистка, никогда не читавшая ни критики, ни Горькаго, поражена умомъ собесѣдниковъ. Барышни и молодые люди тоже... Но они потихоньку зѣваютъ и шепчутся.

Горжельская молчитъ весь вечеръ. Ея глаза встрѣчаютъ взглядъ Сомова и загораются насмѣшкой.

— Чѣмъ не „фиксъ"?..—какъ бы говоритъ ея лицо...Чѣмъ не „умные—разговоры"?..

Пьютъ чай съ печеньями и конфектами. Потомъ переходятъ въ гостиную, куда подаютъ фрукты.

У Горжельской между бровей ложится поперечная глубокая морщинка. Она вдругъ перестаетъ улыбаться и глаза ея, расширенные и потемнѣвшіе, устремляются куда-то вверхъ, въ пространство... Лицо становится страннымъ, необычнымъ.

— „Наконецъ-то!.. Вотъ какова она—настоящая!.. Она думаетъ въ эту минуту образами"... догадывается Сомовъ, чувствуя, какъ холодѣютъ его пальцы.—„Въ ея душѣ зарождается что-то новое... Ахъ!.. Если бъ она была одна сейчасъ!.. Вѣдь спугнутъ это настроеніе, спугнутъ".

Она встаетъ безшумно и крадущейся походкой скользитъ въ кабинетъ, къ письменному столу... Такъ и есть!.. Сомовъ беретъ стулъ и занимаетъ въ гостиной такой удобный постъ въ уголку, что ни одинъ жестъ Горжельской не ускользаетъ отъ него.

Она пишетъ что-то быстро, нервно, въ маленькой записной книгѣ, и опять взглядываетъ вверхъ глазами сомнамбулы и губы ея шепчутъ что-то... Проходитъ пять, десять минутъ... Она все пишетъ...

— Душечка, Нина Михайловна, вы гдѣ?..—щебечетъ какая-то дѣвица и бѣжитъ въ кабинетъ.

Жестъ злобной досады вырывается у Горжельской. Она быстро прячетъ книгу и дѣлаетъ милое лицо.

Въ кабинетъ входятъ профессоръ Л*** и дѣвица. Сомовъ вдругъ рѣшается и идетъ за ними.

Въ комнатѣ полусвѣтъ отъ массивной лампы, съ темнымъ абажуромъ. Въ корзинѣ у окна умираютъ гіацинты и ландыши, и ихъ тяжелый запахъ бьетъ въ голову Сомова.

Такъ вотъ гдѣ она пишетъ!.. Милая комната... Милыя стѣны, которыя однѣ видятъ ее такою, какою онъ видѣлъ сейчасъ, безъ свѣтской маски, искреннюю, глубокую, всю трепещущую отъ жажды творчества, всю захваченную мыслью, порывомъ

неподдѣльнаго чувства... Какъ здѣсь хорошо!.. Какъ дорого далъ бы онъ, чтобъ заглянуть въ эту записную книжку!..

Подъ шумокъ свѣтской непринужденной болтовни онъ подходитъ къ письменному столу. Ему пріятно видѣть, что Горжельская, мило улыбаясь, въ сущности не слышитъ своихъ собесѣдниковъ и все думаетъ о „своемъ".

Да... Она замѣтно „отсутствуетъ"... Вдругъ Сомовъ неловко роняетъ со стола книгу. Глаза Горжельской удивленно скользятъ по его взволнованному лицу.

— Вы позволяете взглянуть?

— Пожалуйста...

Она больше не обращаетъ на него вниманія. Разговоръ идетъ о концертѣ въ Т***, куда приглашены читать Горькій и она.

— Что будете читать?.. спрашиваетъ профессоръ Л***.

— Право, не знаю... не рѣшила...

— Прочтите Студентъ... Это лучше всего... говоритъ охрипшей фистулой Сомовъ и нервно откашливается.

— Да?..

Она задумывается.

— Нѣтъ... Это слишкомъ мрачно,—протестуетъ профессоръ.

— Я сама такъ думаю...

— Публика вамъ этого не проститъ...

— Какая публика?..—вдругъ пылко перебиваетъ Сомовъ.—Есть такая, для которой читать позорно... И тѣмъ лучше, что мрачно... Не все же имъ одни наслажденія получать...

И столько непримиримой, задавленной ненависти плебея къ сытымъ буржуа дрожитъ въ его голосѣ и сверкаетъ въ глазахъ, что профессору и барышнѣ становится неловко, а Горжельская подымаетъ голову и съ секунду глядитъ на студента съ интересомъ.

Сомовъ сконфузился и переглядываетъ книги на столѣ... Какой подборъ!.. Бебель, Берне, Бѣлинскій... Неужели и это только „поза"?..

Онъ перелистываетъ Берне и видитъ — отмѣтка краснымъ карандашомъ... Нѣтъ. Эта книга любима и изучена.

„Скажи мнѣ, что ты читаешь, и я тебѣ скажу, кто—ты?..." Онъ былъ правъ, не желая судить ее по внѣшности, чувствуя, что она слишкомъ сложна для поверхностной оцѣнки.

Ему не удалось ни минуты побыть съ ней наединѣ и высказаться. Подали ужинъ, за которымъ сидѣли больше часа. Потомъ стали разъѣзжаться. У нея на столѣ лежали свѣжіе оттиски ея послѣдняго разсказа въ журналѣ... авторскіе оттиски... Всѣ выпрашивали ихъ на память, съ автографомъ... Почти полчаса шла эта раздача. Горжельская самодовольно смѣялась, запрокидывая голову... Профессоръ, котораго Сомовъ инстинктивно возненавидѣлъ, продолжалъ выпучивать писательницу миролюбиво, но ѣдко. Онъ не одѣвался, прося позволенія покурить, и Сомовъ понималъ, что его не пересидишь.

Горжельская такъ замѣтно обрадовалась запоздалому уходу Сомова, что сама пошла въ переднюю за студентомъ, съ улыбающимся, но измученнымъ лицомъ и тяжелыми вѣками. Былъ уже четвертый часъ ночи.

— Вы позволите мнѣ бы... бывать у васъ? Мнѣ такъ и не удалось... переговорить... пролепеталъ Сомовъ.

— Ахъ!... Пожалуйста!... Я буду такъ рада...

Она все улыбалась, но отъ усталости и напряженія въ ея чертахъ улыбка перешла въ застывшую гримасу.

Онъ ушелъ, полный надеждъ, не выпросивъ у нея ни оттиска, ни автографа, но унося съ собой память объ ея чудномъ лицѣ тамъ, въ кабинетѣ, въ эти короткія пять минутъ ея одиночества,—и вѣру въ ея душу, которую она никому не показывала, но которая горѣла въ ея книгахъ.

IV

И вотъ онъ, наконецъ, у ея двери, пришелъ поговорить, открыть ей свою душу, заглянуть въ ея, просить ея нравственной поддержки, просить помочь ему разобраться въ вопросахъ и сомнѣніяхъ, которые одолѣваютъ и терзаютъ его... Она, написавшая такую книгу о молодежи одинокой, тоскующей, рвущейся къ правдѣ и гибнущей среди сытыхъ и равнодушныхъ,—она должна понять его и приласкать.

Онъ позвонилъ робко, невѣрной рукой, какъ звонятъ просители.

Ему долго не отпирали. За дверью слышались шопотъ и шаги.

— Барыни нѣтъ дома,—отвѣтила прислуга и захлопнула дверь передъ его носомъ.

Онъ ушелъ, уничтоженный. Потомъ сообразилъ, что эта ложь простительна, она могла быть больна, не знать, наконецъ, что къ ней пришелъ именно онъ, Сомовъ... Когда онъ уже былъ на улицѣ, его догнала горничная въ платкѣ.

— Во вторникъ, баринъ, приходите,—сказала она, задыхаясь отъ ходьбы.—У насъ по вторникамъ... Въ другіе дни барыня не принимаютъ... Работаютъ много... Ну, и ѣздятъ... Пожалуйте, баринъ, во вторникъ...—любезно просила миловидная горничная.

Но онъ не пошелъ во вторникъ. Ему было тяжело видѣть ее такъ близко и такой далекой и недоступной... Ему съ болью вспомнилось, какъ растерянно прощалась съ Горжельской учительница изъ Твери. Вѣдь и ей хотѣлось сказать что-то, чтобъ ее выслушали и поняли... Но такъ ей это и не удалось...

Прошла еще недѣля—и Сомовъ пошелъ опять. Стояла весна, гнилая, то съ холоднымъ вѣтромъ, то съ больными туманами. Сомовъ былъ измученъ долгой голодовкой, грошовымъ урокомъ и лихорадкой, которая привязалась еще съ осени. Онъ страшно усталъ и упалъ духомъ. Больше чѣмъ когда-либо онъ мечталъ о дружеской ласкѣ, объ участіи... Мечталъ, чтобъ теплая женская ручка пожала его закоченѣвшія руки, чтобъ мягкій голосъ говорилъ ему о цѣнѣ этой суровой жизни, о томъ, что состраданіе, братство—не простыя фразы... Хотѣлось просто отдохнуть нервами, посидѣть въ теплой, уютной комнатѣ, напиться душистаго чаю, согрѣться... Онъ шелъ съ урока, съ другого конца Москвы и буквально застылъ, подойдя къ улицѣ, гдѣ жила Горжельская. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Его обогнали какія-то санки. Онъ узналъ Горжельскую. Она его видѣла.

— „Слава Богу, дома“... подумалъ онъ и позвонилъ на этотъ разъ смѣло.

— Извините, барыня не принимаютъ...

Сомовъ опѣшилъ.

— Вѣдь она дома... я ее видѣлъ... Пожалуйста, передайте: студентъ Сомовъ... Она меня знаетъ... Очень прошу принять...

Горничная поколебалась съ мгновенье, но ушла.

Сомовъ стоялъ въ темной передней, засунувъ руки въ карманы своего жидкаго пальто, и весь дрожалъ отъ пронизавшаго его насквозь холоднаго вѣтра.

— Барыня извиняются... У нихъ голова болитъ и онѣ лежатъ... Просятъ придти во вторникъ...

У Сомова затряслись губы. Онъ промолчалъ одну секунду. Онъ такъ усталъ, онъ былъ такъ измученъ физически и нравственно, такъ былъ увѣренъ, что отдохнетъ сейчасъ, согрѣется, что его примутъ, что его нельзя не принять...

— Передайте барынѣ... очень прошу... По очень важному дѣлу... какія-нибудь пять минутъ...—задыхающимися звуками вырвалось у него.

Въ эту секунду онъ вѣрилъ самъ, что дѣло очень важное, и по своему былъ правъ. Онъ страдалъ, онъ былъ боленъ и измученъ, онъ пришелъ, какъ нищій за подаяніемъ, къ этой женщинѣ, въ которую вѣрилъ вопреки всему, которая была для него живымъ символомъ красоты и добра... Она не могла отказать ему, она не должна была оставаться глухой и далекой къ тѣмъ, кто протягивалъ къ ней руки, извѣрившись въ другихъ.

Бѣлый фартукъ горничной выплылъ изъ сумерекъ гостиной.

— Барыня очень извиняются... Никакъ не могутъ принять... Голова болитъ у нихъ... Пожалуйте во вторникъ...

Сомовъ вышелъ. Сошелъ съ лѣстницы и побрелъ по переулку, чувствуя, что падаетъ отъ слабости, что ноги дрожатъ... Въ глазахъ его темнѣло. Онъ дошелъ до конца переулка, сѣлъ на ступеньки какого-то крыльца и заплакалъ.

V.

— Это жестоко, Нина...—говорилъ въ это время профессоръ, который поджидалъ Горжельскую уже съ часъ, пока она ѣздила по какому-то дѣлу въ типографію, гдѣ печаталась ея повѣсть. — Почему было не принять? Можетъ и вправду что-нибудь нужное?

— Ахъ!.. Оставь, пожалуйста!.. Ну, какія тамъ дѣла?.. Съ какими дѣлами къ намъ ходятъ?.. Мы не комитетъ... Говорить по душѣ?.. Я не въ расположеніи говорить и слушать... Ты очень хорошо знаешь, что мы приготовились читать нынче, и время дорого... Журналъ ждетъ, а я еще не кончила разсказа... Ты долженъ мнѣ помочь совѣтомъ...

— Мнѣ его жаль почему-то, Нина...

— И мнѣ жаль... Но что-жъ дѣлать?.. Не разорваться же мнѣ... Никто не хочетъ уже ходить по вторникамъ. Всѣмъ нужно говорить наединѣ... Ты думаешь, онъ первый?.. Если я буду принимать во всякое время всѣхъ, кто хочетъ меня видѣть и говорить, мнѣ останется отказаться отъ литературы .. Дня не хватитъ...

— Но вѣдь это жизнь, Нина, которая — говоря высокимъ слогомъ — стучится къ тебѣ въ двери.

— Ахъ, Богъ мой!..—плачущимъ голосомъ крикнула она.—Какъ ты меня мучишь!.. А если я нынче „въ ударѣ“ писать?.. Именно нынче... Кто вернетъ мнѣ потерянное время, это настроеніе? Кто вознаградитъ меня за эти навсегда утраченные образы и мысли?.. Ты вѣдь самъ знаешь... Это та же импровизація, что и въ звукахъ... Ее не вспомнишь, если не записалъ ее тутъ же... Развѣ это не грѣхъ передъ собою, передъ искусствомъ? Передъ чуднымъ искусствомъ, которое выше всего? Пойми... Того, что я создамъ нынче, я уже не напишу никогда... Нельзя безнаказанно жертвовать „настроеніемъ“... Я за цѣлый мѣсяцъ потомъ не наверстаю того, что потеряю въ одинъ вечеръ... Знаешь, я весь день, въ типографіи тамъ, трепетала вся... страдала въ ожиданіи вотъ этихъ минутъ, когда сяду за столъ, буду тебѣ читать, а потомъ кончать, когда ты уйдешь... Нынче я сумѣю кончить... Только не разбивай мнѣ настроенія... ради Христа, не мучь меня...

Онъ подошелъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты права, Нина... Читай...

Въ двѣнадцатомъ часу профессоръ уходилъ, выслушавъ внимательно послѣднюю работу Горжельской.

— Это удивительная вещь, Нина... И о ней заговорятъ... если ты конецъ напишешь съ такимъ же захватомъ... Какъ у тебя явилась эта мысль?

— А помнишь вторникъ?.. Три недѣли тому назадъ?.. Вы спорили съ докторомъ...

— Ага!..

— По какой-то таинственной, неуловимой ассоціаціи у меня всплыла вотъ эта самая мысль... Я побѣжала въ кабинетъ и записала ее... За ужиномъ думала объ этомъ... И двѣ недѣли вынашивала эту тему...

— Милая пчелка, собирающая свой медъ съ придорожныхъ цвѣтовъ...

Онъ засмѣялся и нѣжно поцѣловалъ ея руки... Ему въ сущности не хотѣлось уѣзжать. Но ея губы сморщились въ гримаскѣ... Она давно замѣтила, что почтенный профессоръ говоритъ, какъ хрестоматія... Это было скучно, смѣшно и этого она ему не прощала.

— Теперь писать... Писать... Кончать скорѣй... Въ эту ночь...—говорила она, не замѣчая его настойчивыхъ поцѣлуевъ, и въ голосѣ ея звенѣла неподдѣльная страсть и трепеталъ восторгъ, какъ будто она ждала огромнаго, невыносимаго счастья.

— Помнишь, какъ сказалъ Шиллеръ: „мгновенья что утратилъ ты,—вся вѣчность не вернетъ"...

Профессоръ, искавшій галоши, поднялъ голову.

— Это онъ о любви говоритъ, Нина, о молодости, о жизни вообще...

— Но и объ искусствѣ тоже...—упрямо повторила она—и вмѣсто губъ, къ которымъ онъ тянулся, она подставила ему свой лобъ съ пышными кудрями.

Онъ вздохнулъ и вышелъ.

По дорогѣ въ клубъ,—потому что спать ему не хотѣлось,—онъ думалъ о томъ, что жизнь уходитъ быстро—быстро, какъ вода рѣки между пальцами, когда, лежа на берегу, опустишь въ нее руку. И молодости нѣтъ, и на головѣ лысина расползается все шире. И эта очаровательная женщина, подарившая ему, какъ капризъ, свою дружбу, потомъ любовь—уже охладѣла къ нему, въ сущности,—и скоро конецъ поэзіи и красотѣ жизни... И ему было грустно... Онъ не могъ сердиться на Горжельскую за то, что она мягко погнала его вонъ, на холодъ ночи и одиночество, какъ того студента, котораго ему почему-то жаль... Она была права, съ своей точки зрѣнія. Она страстно любила искусство, которому пожертвовала семьей, дѣтьми, когда они стали на ея дорогѣ, мѣшая ей работать болѣзнями, дурными отмѣтками, возрастающими заботами и капризами. Она послѣ долгой борьбы съ собой отдала ихъ мужу, оставивъ себѣ право видѣться съ ними и любить ихъ издали. Ее всѣ осудили, кромѣ него... Всѣ хотѣли примѣнить къ ней обычную мѣрку буржуазной морали и видѣли въ ней душу средней женщины, не умѣющей прожить безъ семейныхъ радостей и заботъ... Она и привязалась-то къ нему за это тонкое пониманіе ея особенной, сложной духовной организаціи. Она всѣмъ въ этой милой, хорошенькой квартиркѣ была обязана одной себѣ и жила въ завидной независимости. Его восторгало въ ней то, что отталкивало другихъ—ея исключительная любовь къ искусству... Вотъ и сейчасъ... Конечно, она права, выгнавъ ихъ обоихъ и оставшись наединѣ съ своимъ творчествомъ,—думалъ онъ, кутаясь отъ пронизывавшаго его вѣтра.—Люди смертны. Искусство вѣчно... Что мы ей, съ нашими маленькими печалями и волненіями?.. Она пишетъ то, что переживетъ и ее, и насъ, и что долго будетъ дарить людямъ великія минуты наслажденія и счастья... Она—не толпа... и не для толпы...

Онъ оглянулся. Въ концѣ переулка высоко, на третьемъ этажѣ, въ угловомъ окнѣ свѣтился зеленый огонекъ. Это была ея рабочая лампа.

Профессоръ вздохнулъ и пошелъ дальше. Въ сердцѣ его сосало что-то и неотвязно звучали въ душѣ слова Шиллера:

Was du aus der Minute ausgeschlagen,
Giebt keine Ewigkeit zurück...

V.

Была Пасха, съ жаркими днями и морозами по ночамъ. Иногда днемъ начиналъ дуть рѣзкій вѣтеръ, разъ даже пошелъ снѣгъ. Всѣ простужались, кашляли и кляли погоду.

Дерягина и Горжельская, весело болтая, шли по бульвару. Вдругъ Дерягина остановилась въ упоръ передъ какимъ-то студентомъ, который шелъ, угрюмо глядя себѣ подъ ноги.

— Извините... —пробормоталъ онъ и, узнавъ Дерягину, радушно и вызывающе глядѣвшую на него, вспыхнулъ.

— И не совѣстно вамъ?.. Пропали и глазъ не кажете?..—говорила она такъ тепло, какъ будто они были старыми друзьями. На самомъ дѣлѣ радушію ея было много причинъ. Солнце сіяло такъ ярко, дѣти были здоровы, мужъ получилъ къ празднику орденъ,—вообще жилось хорошо и самочувствіе съ утра было прекрасное.

Сомовъ не дался въ обманъ, какъ это сдѣлалъ бы два года назадъ, когда пріѣхалъ въ столицу такимъ наивнымъ, неискусившимся провинціаломъ. Онъ отвѣтилъ сухо, небрежно, отчего быстро померкъ блескъ въ глазахъ Дерягиной. На Горжельскую онъ не взглянулъ ни разу послѣ того, какъ оффиціально приподнялъ передъ ней фуражку.

— Вы сердитесь... на меня?—сказала она кокетливо.

— За что?..—жестко спросилъ онъ и желчный румянецъ залилъ его обострившіяся скулы. Его глаза съ нескрываемой враждебностью глядѣли въ ея изящное лицо.

— Почему же вы не приходите?

Онъ усмѣхнулся.

— Вамъ вотъ все некогда... И мнѣ некогда... У меня тоже дѣла и уроки... Почему вы думаете, что только у васъ нѣтъ времени?

Это вырвалось съ такой ненавистью, такими наболѣвшими, страстными звуками, что Горжельская невольно опустила глаза подъ этимъ горящимъ взглядомъ. Ей стало тяжело.

Вышла крошечная пауза. Дерягина, красная и сконфуженная, оглядывала подолъ своей юбки.

Студентъ приподнялъ фуражку и молча удалился. Губы его тряслись и весь онъ былъ бѣлый, какъ мѣлъ... Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ сталъ кашлять и Горжельская это слышала.

— Что это съ нимъ?..—спросила Дерягина тихонько, хотя онъ былъ уже далеко.

— И-не знаю... Онъ измѣнился ужасно. Боленъ, должно быть...

— Онъ совсѣмъ взбѣсился... Какая злоба въ немъ! За что?.. Такой молодой... фи!..

— Мнѣ его жаль,—съ искреннимъ раскаяніемъ прошептала Горжельская.

— А мнѣ ничуть!.. Эдакій противный!..

Дерягиной казалось возмутительнымъ, что другіе не ликуютъ, какъ она, въ этотъ солнечный день, и она негодовала на мальчишку, который на одно мгновеніе отравилъ ей радость жизни.

VI.

Имъ пришлось-таки встрѣтиться еще разъ. Въ началѣ мая Дерягина случайно увидала Горжельскую на улицѣ, и между прочимъ, сообщила ей, что Сомовъ въ больницѣ... И очень плохъ.

— Кто вамъ сказалъ?

— Волчаниновъ... У него, оказывается, горловая чахотка... Безнадеженъ...

— Неужели?

Горжельская поблѣднѣла такъ сильно, что Дерягина удивилась.

— Да, представьте!.. Онъ всю зиму—эдакую ужасную зиму—проходилъ въ лѣтнемъ пальто... И бѣдствовалъ, говорятъ, ужасно... Къ нему одно время даже не пускали, такъ онъ былъ плохъ...

— А теперь?

— Я видѣла на-дняхъ профессора А... Онъ лежитъ въ его палатѣ... Надѣятся, что еще проскрипитъ... годъ, можетъ больше... если не будетъ никакихъ осложненій... Вы навѣстите его, Нина Михайловна?

— Да, да, непремѣнно...

Она спросила больницу, палату, №... Но Дерягина все напутала.—„Узнаете тамъ, милая, швейцаръ скажетъ"...

Горжельская поѣхала на другой же день. Погода была такая чудесная. У писательницы былъ рѣдкій подъемъ нервнаго возбужденія, „приливъ" творческихъ силъ, какъ всегда осенью и почему-то весной... Но ее грызло раскаяніе, и она великодушно рѣшила пожертвовать этотъ день больному.

Однако поѣздка ея не удалась. Доктора разошлись, когда она пріѣхала, швейцары спутали фамилію больного и ее направили въ женскую палату. Она бродила цѣлый часъ по больницѣ, распрашивая прислугу и больныхъ. Ее посылали въ разные корпуса, выражали даже догадку, что Сомовъ выписался. Уже стемнѣло и пріемъ кончился, когда она догадалась пойти въ такъ называемую канцелярію. Повели ее какими то темными корридорами внизу, черезъ мрачныя комнаты со сводами, гардеробную и бѣльевую. Угрюмый, полупьяный человѣкъ въ пиджакѣ указалъ ей молча на толстую и грязную книгу. Она долго рылась тамъ, пока не нашла, наконецъ, имени Сомова. Оказалось, что онъ лежалъ въ палатѣ № 6, и она три раза прошла мимо, потому-что какая-то безтолковая нянька увѣрила ее, что это тифозные.

„Даромъ весь день потеряла,—думала она, выходя на крыльцо.—Теперь до слѣдующаго воскресенья... Ахъ, какъ жаль такого чуднаго дня!".

И опять вѣщія слова Шиллера прозвучали въ ея душѣ.

Слѣдующее воскресенье было такое же сверкающее, роскошное. Небо было синее, жаркое. Всѣ высыпали на бульвары, многіе выѣхали за городъ. Всюду по направленію къ заставамъ тащились подводы и гремѣли фуры съ мебелью. Ѣхали на дачу.

— „И я скоро къ морю... отдохнуть... насладиться неумирающей красотой"... думала Горжельская.

Она была въ отличномъ настроеніи. Во-первыхъ, отъ погоды, во-вторыхъ, отъ сознанія, что она одѣта къ лицу и очень интересна. . Въ третьихъ, отъ добраго дѣла... Какъ хорошо навѣстить больного, такого одинокаго, безъ родныхъ!.. Тѣмъ болѣе, что она виновата передъ нимъ... Какъ хорошо примириться съ нимъ!.. Войти такой изящной въ палату, среди общаго удивленія... Онъ будетъ польщенъ, конечно, онъ будетъ въ восторгѣ... Онъ всѣмъ потомъ разскажетъ, кто былъ у него...

Она усмѣхнулась, вспомнивъ профессора. Когда вчера она сообщила ему самымъ невиннымъ тономъ объ этомъ добромъ дѣлѣ, онъ сказалъ, какъ всегда шутя, но ѣдко:

— Похвально, Ниночка... Немного скучно... Но... зато—„красиво"...

Именно—красиво... Есть положенія и поступки, къ которымъ такъ идетъ это слово.

Она прошла наверхъ, уже никого не разспрашивая—и вошла въ палату. Въ дверяхъ она остановилась, вся залитая солнечнымъ свѣтомъ. Всѣ головы, кромѣ одной,—повернулись къ ней... Въ палатѣ было шесть больныхъ, всѣ въ постели, съ желтыми, какъ старый воскъ, испитыми лицами и впалыми глазами. И эти глаза глядѣли съ любопытствомъ и завистью на здороваго, сильнаго человѣка, который пришелъ съ улицы, съ воздуха и опять, подразнивъ ихъ своимъ присутствіемъ, уйдетъ на солнце, на волю... и будетъ двигаться упругими движеніями, и радоваться, и жить...

— Здѣсь студентъ Сомовъ?..—спросила Горжельская больного съ сосѣдней койки.

Нянька въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ и фартукѣ, стоявшая спиной и что-то дѣлавшая съ больнымъ, быстро, испуганно оглянулась и приложила палецъ къ губамъ.

— Вотъ онъ...—сказалъ больной, указывая на сосѣднюю койку.

Горжельская сдѣлала нѣсколько шаговъ, нянька отодвинулась, и она увидала Сомова.

— Здравствуйте... Какъ поживаете?.. начала-было она, но слова вдругъ замерли на ея губахъ.

Онъ поглядѣлъ на нее съ секунду, безъ злобы, безъ ненависти, а только съ досадой, какъ глядятъ на докучнаго просителя, для котораго нѣтъ времени. Лицо его сморщилось въ презрительную гримасу... Онъ махнулъ ей рукой—ахъ, уйди, дескать!..— и отвернулся.

Горжельская вспыхнула и отшатнулась отъ постели. Но кровь тотчасъ отхлынула къ сердцу и щеки ея побѣлѣли. Нянька дѣлала ей какіе-то знаки. Вдругъ сзади раздались легкіе шаги. Испуганная фельдшерица спѣшила въ палату.

— Кто пустилъ?.. Вы отвѣтите за недосмотръ!..—раздался въ корридорѣ ея голосъ.

Дежурная оправдывалась.

— Сударыня, извините. Къ нему нельзя... Ему запрещено говорить...

— Я не знала...—мучительно улыбнулась Горжельская и со страхомъ оглянулась, увѣренная, что надъ ней смѣются. Отовсюду глядѣли равнодушные или враждебные глаза...

— До свиданія, Сомовъ...—пролепетала она.—До свиданія...

Она тщетно пыталась поймать его взглядъ, возмущенная до дрожи этой неблагодарностью, этой некультурностью... Вѣдь не виновата же она въ его болѣзни... Она пришла навѣстить, какъ другъ...

Не глядя на нее, не обращая ни малѣйшаго вниманія, Сомовъ знакомъ подозвалъ няньку и шопотомъ говорилъ ей что-то, указывая на склянку съ микстурой.

Какъ уничтоженная, Горжельская прижмурила на мгновеніе вѣки и вышла въ корридоръ.

Фельдшерица догнала ее у лѣстницы.

— Вы его родственница, сударыня?

— Нѣтъ...

— Пожалуйста... это, конечно, тяжело .. Но профессоръ требуетъ, чтобъ его не волновали... Онъ безнадеженъ...

— Умираетъ?

— Да, сударыня... Вчера опять шла горломъ кровь... Каждый день ждемъ конца... Кабы вы были сестра или мать... У него вѣдь далеко онѣ, гдѣ-то?.. А постороннихъ просятъ не безпокоить... Если онъ сейчасъ взволновался, увидавъ васъ,—это очень отвѣтственно, сударыня.—Вы ужъ меня извините, что васъ не предупредили... У насъ нянька новая дежуритъ нынче... Всего не запомнила...

Горжельская вышла на крыльцо, блѣдная и потерянная. Она уже не возмущалась. Ей было просто страшно...

Ей вспомнился вдругъ съ жуткой отчетливостью дрожащій, умоляющій голосъ Сомова,—полгода назадъ,—какъ она его слышала, притаившись въ гостинной:

„Очень прошу... по важному дѣлу... какія-нибудь пять минутъ“...

Что онъ хотѣлъ сказать ей?.. Что?.. Теперь ужъ никогда не узнаешь... Онъ унесетъ съ собой въ могилу эти невысказанныя слова...

Она шла и вспоминала, что еще дней шесть назадъ ему было лучше. Волчаниновъ встрѣтилъ ее и сказалъ, что былъ, и что онъ такъ обрадовался его визиту... Почему она не пошла на другой день?.. Задержало что-то... Она не помнитъ что... Да развѣ она знала, что придетъ такъ поздно?..

Да... Поздно... Другая гостья опередила ее, вошла, незамѣченная сидѣлками, и наполнила собой все сознаніе больного, оторвавъ его отъ жизни и земли... Какой маленькой и ничтожной она—Горжельская—должна была казаться умирающему,—съ ея жалкимъ тщеславіемъ благодѣтельницы,—съ ея ненужнымъ теперь участіемъ...

Какъ рана горѣла въ сердцѣ память невозвратнаго...

„Очень прошу... по важному дѣлу... какія-нибудь пять минутъ“... неотвязно звучало въ ушахъ...

И рядомъ всплывало:

Мгновенья что утратилъ ты вся вѣчность не вернетъ.

Она остановилась, блѣдная отъ волненья... Что выше? Жизнь или искусство? Была—ли она права въ тотъ памятный вечеръ? Совѣсть, громко кричала: Нѣтъ!..

А изъ темной, тайной глубины, ея души всплывала торжествующаяся безстрастная мысль: „А вѣдь изъ этого выйдетъ хорошій разсказъ“...

А. Вербицкая.

Въ сумеркахъ.

Съ зарей угасаетъ блѣднѣющій день,
Затихъ очарованный лѣсъ;
На землю спустилась прохладная тѣнь
Съ померкшаго свода небесъ.

Траву на лугахъ окропила роса,
Туманъ поднялся надъ водой,
Замолкли въ селеньи людей голоса,
Запахло листвой молодой.

Ни звука кругомъ—не шелохнутъ листы,
Не шепчетъ камышъ на рѣкѣ...
О, другъ мой единственный, слышишь-ли ты?
Я жду тебя въ страстной тоскѣ.

Весенняя ночь благодатный покой
На дремлющій міръ низвела...
О, если бъ ты нѣжной твоею рукой
Коснулась больного чела!..

Склониться къ тебѣ головою на грудь
Отрадно усталому мнѣ:
Забыться, не думать, душой отдохнуть,
Заснуть, улыбаясь во снѣ...

Пусть сердце не ноетъ, пусть прочь отлетятъ
Отравленной жизни мечты,
И кроткія звѣзды безмолвно глядятъ
На насъ съ голубой высоты.

Вл. Нежданов.

Настоящее положеніе еврейскаго вопроса.

За послѣднія 10 лѣтъ рядъ новыхъ ограничительныхъ мѣръ въ отношеніи евреевъ съузилъ до-нельзя кругъ ихъ дѣятельности, еврейскій же вопросъ дошелъ до небывалой степени осложненія и обостренія. Въ какую сторону ни повертывать этотъ вопросъ— нельзя не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что для нихъ закрыты многіе пути легальной дѣятельности даже въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ ихъ участіе раньше признавалось полезнымъ. Изъ пресловутой „черты осѣдлости" то и дѣло доносятся вѣсти, что существующіе заработки давно перестали удовлетворять первымъ человѣческимъ потребностямъ. При возрастающихъ затрудненіяхъ въ выборѣ занятій все большее число евреевъ остается безъ опредѣленныхъ занятій. Эта безпочвенная многотысячная масса должна считаться за элементъ, нежелательный ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ. Было время, когда не одна сотня тысячъ евреевъ занималась физическимъ трудомъ если только вѣрить оффиціальнымъ даннымъ.

Еще въ 80-хъ годахъ, не считая евреевъ-ремесленниковъ, составлявшихъ (съ семействами) до $^1/_4$ всего ихъ числа, было до 100 тысячъ евреевъ, занимающихся сельскохозяйственнымъ трудомъ; кромѣ того, по оффиціальнымъ даннымъ, считалось до 70 т. евреевъ, занимающихся физическимъ трудомъ, десятки тысячъ евреевъ, работавшихъ на фабрикахъ, поденщиковъ, носильщиковъ, сплавщиковъ, кустарей, прислуги, садоводовъ, винодѣловъ, табаководовъ, пахтарей, занимающихся мѣщанскими промыслами и пр.

Согласно мѣстнымъ подворнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ 1898 г. среди еврейскаго населенія всѣхъ 25 губерній „черты", оказалось 23,2 тыс. семействъ (или 139 тыс. душъ), дѣйствительно занимающихся сельскохозяйственнымъ трудомъ, т. е. земледѣльцевъ, огородниковъ, садоводовъ, табаководовъ, винодѣловъ. Число евреевъ чернорабочихъ опредѣлилось около 112 тыс., работающихъ на фабрикахъ до 64 тыс., а ремесленниковъ—около 450 тыс. (мастеровъ, мастерицъ, подмастерій, учениковъ и ученицъ). Въ настоящее время многія тысячи ремесленниковъ, торговцевъ, рабочихъ и др. превращаются въ настоящихъ пролетаріевъ, поставленныхъ притомъ, по беззащитности и безвыходности ихъ положенія, въ гораздо худшія условія сравнительно съ пролетаріями запада. Образуется пустота, которую наполнить нечѣмъ.

Къ общимъ причинамъ, создавшимъ такое положеніе, присоединились за послѣдніе годы многочисленныя особыя причины: упадокъ посреднической дѣятельности съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, банковаго кредита, прямыхъ торговыхъ сношеній съ главными рынками, распространеніе хозяйственнаго способа для казенныхъ сооруженій и поставокъ, неурожаи въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, въ связи съ общеэкономи-

ческимъ кризисомъ и упадкомъ хлѣбной торговли, разореніе многихъ польскихъ и др. помѣщиковъ, болѣе строгое примѣненіе правилъ 3 мая 1882 г., выселеніе евреевъ изъ пограничной черты, изъ Москвы и др. городовъ; введеніе казенной продажи вина, оставившей безъ средствъ до 75 тыс. семействъ, и пр. Словомъ, экономическое равновѣсіе „черты осѣдлости" окончательно нарушено. Существованіе бѣдной еврейской массы обставлено такими невозможными условіями, которыя превосходятъ всякое воображеніе. То, что удостовѣрялось раньше о крайней бѣдности евреевъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, до чего эта бѣдность дошла теперь.

Еще въ 1887 г., въ докладѣ Высшей коммиссіи по еврейскому вопросу (бывшей подъ предсѣдательствомъ гр. Палена) утверждалось (на стр. 155), что 90% евреевъ представляютъ „ничѣмъ необезпеченную массу, живущую изо дня въ день въ нищетѣ, при самыхъ тяжелыхъ гигіеническихъ и бытовыхъ условіяхъ". По мнѣнію коммиссіи, евреи представляютъ „самый настоящій отчаянный пролетаріатъ, какого нѣтъ нигдѣ въ другихъ частяхъ Россіи". Можно представить, до чего это положеніе дошло въ настоящее время черезъ 14 лѣтъ послѣ изслѣдованія коммиссіи. Достаточно сказать, что въ нѣкоторыхъ городахъ „черты" число евреевъ, *не имѣющихъ занятій*, доходитъ до 50% и даже до 75% всего ихъ числа. Цѣнность ихъ домовъ падаетъ, жилища разваливаются, движимость распродается за безцѣнокъ, все большее число дѣтей остается безъ ученія; покупательныя и платежныя силы уменьшаются до невозможныхъ предѣловъ; всякая благотворительность, какъ она ни развита въ ихъ средѣ, оказывается безсильною. Число обращающихся за помощью на Пасху 1897 года дошло до такихъ цифръ, какъ никогда. Даже въ Одессѣ, гдѣ еврейская община считается самою богатою, обратилось за этою помощью до 40 тыс. душъ или половина всѣхъ евреевъ, въ Вильнѣ 4300 семействъ или болѣе $^1/_3$ еврейскаго населенія, въ Ковнѣ и Минскѣ по 1200 семействъ и т. д.

Въ Варшавѣ только $^1/_{30}$ всего числа евреевъ оказалась способною вносить общественные платежи; болѣе половины умершихъ евреевъ хоронится здѣсь на счетъ общины.

Недавно въ столичной газетѣ, прославившейся своей нетерпимостью по отношенію къ евреямъ, въ очеркѣ о Вильнѣ приведены удручающія картины еврейскаго быта, упоминается о подвальныхъ и подземныхъ жилищахъ, и въ видѣ общаго вывода сказано: „то, чего не встрѣтишь въ городахъ съ однимъ русскимъ населеніемъ,—лица явно голодныхъ, хронически голодныхъ людей, съ характернымъ голоднымъ блескомъ глазъ—здѣсь въ толпѣ еврейскаго пролетаріата такъ поражаетъ свѣжаго человѣка, что невольно сердце сжимается *)".

Во многихъ мѣстностяхъ полицейскіе чины устраивали за послѣднее время сборы въ пользу голодающихъ евреевъ. Нищенство среди евреевъ, прежде малозамѣтное, принимаетъ угрожающіе размѣры. Вслѣдствіе скученности усиливаются пожары, развиваются эпидемическія болѣзни, особенно среди дѣтей, возрастаетъ смертность.

Тѣ единицы среди евреевъ, которыя бросаются въ глаза своимъ богатствомъ, своей дѣловой развязностью, не могутъ и не должны заслонять собою милліоновъ несчастныхъ пролетаріевъ, о которыхъ никто не хочетъ знать, которые копошатся гдѣ-то вдали отъ насъ въ смрадныхъ углахъ, обреченные на жертву нищетѣ, болѣзнямъ, голоду и холоду, ежечасно трепещущіе за свои семьи и проклинающіе день своего рожденія. Эти богатыя единицы, отдаляясь отъ своихъ бѣдныхъ собратьевъ, часто смотрятъ на нихъ свысока или даже совсѣмъ забываютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ сами вышли изъ среды самой жалкой бѣдноты. Свойственная большинству богатыхъ евреевъ, отчасти объясняемая реакціей послѣ прежняго униженія, погоня за титулами, любовь къ показной роскоши, чванство своимъ богатствомъ, съ примѣсью значительной дозы самохвальства

*) См. „Новое Время" № 8931, отъ 7 янв. 1901 г., „На окраинѣ".

и высокомѣрія,—все это дало поводъ одному извѣстному еврейскому проповѣднику въ Германіи высказать слѣдующія сильныя слова. Указывая на развившуюся среди богатыхъ евреевъ тщеславную роскошь, онъ говоритъ, что это „возбуждающе дѣйствуетъ на христіанскія массы и раздуваетъ зависть ихъ до размѣровъ неукротимаго пламени, такъ какъ даетъ поводъ къ тому ложному заключенію, что у евреевъ припрятаны цѣлыя груды разныхъ сокровищъ. Какіе-нибудь два-три богача, надменные, какъ павлины, обращаютъ на себя всеобщее вниманіе, вызывая зависть и лютую ненависть со стороны населенія,—а тысячи бѣдняковъ нашихъ, спертыхъ по дюжинѣ въ одной тѣсной, грязной и мрачной лачугѣ, обреченныхъ тамъ на вѣчную ужасную борьбу съ нуждой, болѣзнями, голодомъ и холодомъ!—кто видитъ ихъ, кто хочетъ знать ихъ, кто подсмотритъ ихъ печали, кто сосчитаетъ ихъ слезы?—А между тѣмъ они-то, эти несчастные бѣдняки, исключительно одни они и являются мишенью для ненависти и преслѣдованія, въ то время, какъ другіе, тѣ собственно, что породили всю эту ненависть,—тѣ застрахованы отъ нападокъ антисемитизма, объ ихъ золотой панцырь притупляются и отъ него отскакиваютъ всѣ ядовитыя стрѣлы нашихъ недруговъ. Что значитъ какая-нибудь пара богачей въ сравненіи съ тысячами и десятками тысячъ нищихъ, изнывающихъ въ немощи и печали! Но нужда не выходитъ на парадную улицу, самая малая лачуга — пріютъ наибольшей нищеты; великое горе убѣгаетъ отъ глазъ людскихъ и прячется въ затаенномъ углу, въ то время какъ самодовольное богатство съ шумомъ катитъ пестрое колесо роскоши по мостовымъ“.

Эти слова въ значительной степени относятся и къ Россіи, гдѣ бѣдные евреи мечутся во всѣ стороны, ища какого-нибудь выхода и не находя его. Эмиграція оказалась самымъ палліативнымъ средствомъ въ родѣ тушенія пожара стаканомъ воды. При напряженіи всѣхъ силъ только небольшая часть ежегоднаго прироста евреевъ могла уходить въ другія страны: переселеніе одного семейства обходилось въ такую сумму, на которую внутри Россіи могло бы устроиться десять семействъ. Въ общемъ эмиграція принесла больше вреда, чѣмъ пользы, ибо выселялось много производительныхъ и сильныхъ элементовъ, положеніе же оставшихся, болѣе слабыхъ, ухудшилось. Все это еще болѣе осложняло еврейскій вопросъ и отдаляло его правильное разрѣшеніе.

Бѣдственное положеніе еврейской массы, въ силу органической связи, должно отражаться и на христіанскомъ населеніи „черты“. До 90-хъ годовъ экономическое положеніе этого населенія, согласно всѣмъ оффиціальнымъ даннымъ, быстро возрастало и оказалось выше, чѣмъ благосостояніе остальныхъ 35 губерній Европейской Россіи, гдѣ евреямъ жить запрещено. При сравненіи еврейскихъ губерній съ этими 35 губ. оказалось во первыхъ: недоимки казенныхъ сборовъ въ 4 раза меньше (по отношенію къ населенію), поступленіе земскихъ и городскихъ сборовъ лучше, продовольственные запасы больше, а долги меньше, скота больше, безлошадныхъ дворовъ очень мало, пьянства меньше (число умершихъ отъ пьянства въ 4 раза меньше), судимость и преступность слабѣе и т. д.

Въ то же время рядомъ съ подъемомъ благосостоянія не евреевъ, быстро возросталъ еврейскій пролетаріатъ. Но за самые послѣдніе годы стало замѣчаться нѣкоторое ослабленіе въ ростѣ благосостоянія христіанскаго населенія, на что не могло не оказать вліянія ненормальное положеніе еврейской массы. Недоимки у крестьянъ возрасли, задолженность помѣщиковъ также. Для тѣхъ и другихъ явились ощутительныя невыгоды съ устраненіемъ евреевъ,отъ многихъ видовъ дѣятельности. Такъ, съ удаленіемъ покупщиковъ-евреевъ крестьяне стали нести лишніе накладные расходы по сбыту своихъ продуктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились другіе скупщики болѣе монопольные, которые стали давать убыточныя цѣны производителямъ.

Торговыя сношенія западной Россіи съ внутреннею стали встрѣчать затрудненія.

Пріостановилось развитіе мелкихъ сельскохозяйственныхъ производствъ, сельскохозяйственные отбросы стали оставаться безъ утилизаціи.

Доходы съ оброчныхъ статей и арендъ упали, что не могло не вліять на цѣну недвижимыхъ имуществъ и число имѣній, предлагаемыхъ въ продажу.

Такое положеніе дѣлъ вызвало рядъ убытковъ и для казны: отъ менѣе исправнаго поступленія налоговъ, отъ бездоходности имуществъ, лишившихся арендаторовъ, отъ вздорожанія поставокъ и подрядовъ, отъ усиленія неправильной торговли и пр. Главной причиною такихъ затрудненій были пресловутыя правила 3 мая 1882 г., стѣснившія права евреевъ на жительство внѣ городовъ и мѣстечекъ, а также на аренды. Въ послѣднее время большинство мѣстныхъ губернаторовъ и другихъ оффиціальныхъ лицъ высказалось за отмѣну этихъ правилъ, но пока этой отмѣны не послѣдовало— положеніе дѣлъ должно ухудшаться; должны также учащаться случаи обхода законовъ о евреяхъ, поощряемые, какъ извѣстно, самимъ христіанскимъ населеніемъ. Само собою понятно, что излишекъ неимущаго класса, отторгнутаго отъ производительной дѣятельности, уже изъ простого самосохраненія и ради голодающей семьи, будетъ менѣе разборчивъ въ средствахъ, а дѣятельность такихъ евреевъ, не находящихъ легальнаго труда, неминуемо должна принимать нежелательное направленіе. Это подтверждается во-очію свѣжими данными объ усиленіи преступности въ „чертѣ"; по свѣдѣніямъ министерства юстиціи за время 1883—1892 г.г. число осужденныхъ окружными судами въ 15 губерніяхъ „черты" возрасло на 180%, а въ 35 губерніяхъ внутренней Россіи только на 84% при этомъ число осужденныхъ евреевъ увеличилось на 102%, а не евреевъ—на 85%. Это въ свою очередь не можетъ не вліять на дальнѣйшее ослабленіе чувства законности въ населеніи. Въ связи съ этимъ можетъ усилиться деморализація и среди мѣстныхъ чиновниковъ.

Изъ изложеннаго ясны всѣ неблагопріятныя послѣдствія, какъ для государства и общества, такъ и для всего 40-милліоннаго населенія „черты", которое должно считаться съ неестественнымъ положеніемъ 4-милліонной еврейской массы.

При крайнемъ переполненіи городовъ и мѣстечекъ, при ожесточающейся борьбѣ евреевъ за кусокъ хлѣба, развѣ не могутъ обостриться отношенія между ними и христіанскимъ населеніемъ, а это развѣ не можетъ создать новую заботу для администраціи?

Если принять во вниманіе, что все это совпадаетъ съ общеэкономическимъ кризисомъ, то нельзя не придти къ заключенію, что теперь то слѣдуетъ немедленно позаботиться объ измѣненіи ненормальныхъ отношеній къ евреямъ, иначе съ каждымъ годомъ будетъ все труднѣе считаться съ разными непредвидѣнными послѣдствіями.

Интересы самого государства и его христіанскаго населенія требуютъ радикальнаго измѣненія въ политикѣ, относящейся къ евреямъ. Улучшить ихъ положеніе необходимо прежде всего съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Пораженіе одной части болѣзненно отзывается на всемъ организмѣ, но если нельзя ее отрѣзать, то надо лечить ее и поддерживать въ ней жизнь. Прежде всего слѣдуетъ отрѣшиться отъ тѣхъ тенденцій и странностей, въ какія склонны впадать, отчасти, наши юдофилы, но въ особенности, антисемиты, часто черпающіе аргументы не изъ міра дѣйствительнаго, а изъ области предположеній, догадокъ, единичныхъ явленій, случайныхъ обобщеній, изъ поверхностнаго ознакомленія съ историческими фактами, окрашенными въ извѣстный цвѣтъ. Затѣмъ, надо очистить еврейскій вопросъ отъ наносныхъ элементовъ, пересмотрѣть его въ смыслѣ созданія для евреевъ такихъ условій, чтобы они могли свободно выбирать себѣ законные источники существованія и направляться en masse къ производительной дѣятельности, что всегда также составляло предметъ желаній правительства.

А. Субботинъ.

Любезный Михаил Петрович!

Для ускорения изготовления Вами для
Экспедиции моего шарабана осталось
еще 20 рублей — но подробности
напишу с нею — до свидания
Весь шарабан будет окончен — он очень
мил и нравится — и я даже отдал на этому
времени прекрасную лошадь — Шарабан
обещ прошу Вас отпустить отсюда сле-
дующему лицу. Адрес Ивановой Марьиной,
которые Вы для меня сделаете — а деньги
Вы можете получить в Винкеров, при
первом выдаче

Не нужно ли Вам еще что

Прошу покорнейше служить

С Вашей

Н. Пржевальский

21 Июня 1885

С Власкою.

14го Августа 1852.

Милостивый Государь,

Мой день очень скоро при нашем объяснении дошли начальству съ Того, что я отправляю Вашу обратно присылку, шарабан — это шутовство. Вашим действием — въ этомъ виноватъ въ самомъ деле шарабан никуда не годится — въ не исполнили на водкаго при нашем условіи. — Во 1-м) Погребецъ лей, которые я нарочно велелъ вынуть изъ моих дрогъ Того чтобъ по нашему сдѣлали — лежа которые содержимъ — не положили тамъ ничего — ~~лежъ выкладъ~~ и сверху оставили пустотою) во 2-м). Литера для чемодана которое по условію должно было мнѣ устроено за потребуемъ — вовсе нѣтъ — шарабана сдали артуль проволо — Тамъ что лежит кулего уговоръ не будетъ во 3-м) — Литеръ для другаго чемодана отнуждаемъ нѣтъ; въ 4-м) Такчука нѣтъ передними литерами Тобі нѣтъ. Вместо дорогаго покойного экипажа, въ которомъ я и мои убористы въ свои вещи, въ мой прислали какую-то маленькую шкурку, въ которой хорошо ехать Дуже по дакаешь. —

Прощаюсь, и даже пойдёшь по моему Вашего поступка: для чего бы Вы прислали депешу, чтобы ничего не сообщить по ней? — Также по длительном молчании до осени — Вы думаете то же и Ваш добрый супруг в стороне лечения на разбеге —

Повторяю — мой долг Вас не покинуть и не лишу просить Бог р. ср. на совершенно бескорыстные для меня отношения

Прошение есть чистое чувство

Искренно и покорнейше Ваш

Вл. Муравьев.

Милостивый Государь,

Въ письмѣ вашем — одно обстоятельство в Шекспиру другое сюда не попадает. Предложение ваше лично очень лестно и я его тотчас принял бы благодаря вам. Но вот наше обстоятельство — лекция повторяется тому назад и подобным предложениям обратились по мне из Петербурга (и прибавьте „Лист. объясн. Природы" и „о Дьяволе") — я дал мое согласие — и ничего кроме не сделал. Постарайтесь узнать — что выйдет из этого — и если представится раздумать — я в величайшей степени предоставляю вам право отдать Литературу вам для этого.

Рецензию я оставляю в первых числах Мая (н. с.) Если вам что либо представит сообщить — то

25 Апр. н. с

то прошу вас писать в
Женеву библиотеке Georg. à Sp.
Lorraine.

А покамѣ что есть разныя
статьи писанныя много позже
которыя подходятъ къ нѣсколь-
кимъ уже бывшимъ нашимъ
рѣчамъ я вамъ ихъ указалъ.

Извольте вашъ, Милостивый Государь искреннее
почтеніе, оставаясь готовымъ
[illegible], къ услугамъ вашимъ

А. Перрен

13 Апрѣля 1869. Nice (Alp. Mar.)

Письмо ваше (24 Апр.) — непрямо
должно не влиять на мои переводы.
Я покамѣсто тих есть и 1 Июня
не будет сдѣлано объявленій отъ
Петерб. издателей — то вы могли
начать ваше изданіе. Они особенно
хотятъ перепечатать „Письма объ
Изр. природѣ" — можетъ вамъ курсы
начать и позднѣй. Я достаточно
ставъ объ начатіи и моей очень не
грозной статьѣ о „Бюффонѣ" кот.
въ Westeros'ѣ в самомъ высоко-курс.
виде предпринятъ историческій курсъ.
Что насчетъ объ статьѣ писать
в послѣдствіи я почти убѣжденъ что
и легкими выпусками — можно не
считать „Прерванные разсказы" — и —
„Дѣти прежде всего" — „Повреждённый"
„Мизогодъ" и сверхъ того разсчитай
„Admirable Vieux" — „За стѣнами Грока"
и даже часть писемъ
изъ Франціи (первыя бѣгства в февралѣ
1848). Другія брошюры вами на
вашемъ

время для вас удобно — раньше ли „Франціи или Австріи?" — переводчик существенной же вашей роли.

Самый затруднительный вопрос ваш — последний. На него я могу только (отвечать) — что у книгопродавца Георга в Женеве вы можете справиться и все что нужно.

Если вам нужно еще что-нибудь Императорский государь — пишите на прежде адресе Георга — в Женеве и не будет.

На счет шанцевых дел вы, говорите вы — пожалуйтесь вновь на вас и благодарю за внимание и вновь-сердечно преданный

Алексей Толстой

19 Мая 1869

Aix-les-Bains
(Savoie)

Цѣна 3 р. 50 к.

Т-во типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.